VISIT…

LANZAROTE
Caliente.COM

Фернан Бродель

ИГРЫ ОБМЕНА

·Прогресс·

Фернан Бродель

Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV-XVIII вв.

том 2

Fernand Braudel

Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVᵉ-XVIIIᵉ siècle

tome 2

LES JEUX DE L'ÉCHANGE



Armand Colin

Фернан Бродель

Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв.

ТОМ 2

ИГРЫ ОБМЕНА



Перевод с французского
доктора исторических наук
Л. Е. КУББЕЛЯ

Редакция
доктора исторических наук
Ю. Н. АФАНАСЬЕВА

Москва · Прогресс · 1988

Редактор
Н. В. РУДНИЦКАЯ

Макет и оформление
художника ОЛЕГА ГРЕБЕНЮКА

Редакция литературы по истории

© Librairie Armand Colin, Paris, 1979
© Перевод на русский язык, вступительная статья и комментарии, издательство «Прогресс», 1988

Б $\frac{0504000000-549}{006(01)-88}$ 31—87

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если бы все обстояло просто, я сказал бы, что настоящий том исследует «этажи», лежащие непосредственно над первым — этажом материальной жизни, который был предметом изложения в предшествовавшем томе,— а именно: экономическую жизнь, а над нею — деятельность капитализма. Такой образ дома в несколько этажей довольно хорошо передает реальное положение вещей, если он и выходит за пределы их конкретного значения.

Между «материальной жизнью» (в смысле самой элементарной экономики) и экономической жизнью располагается поверхность [их] контакта. Это не сплошная плоскость, контакт материализуется в тысячах неприметных точек — рынках, ремесленных мастерских, лавках... Такие точки суть одновременно и точки разрыва: по одну сторону лежит экономическая жизнь с ее обменами, деньгами, с ее узловыми точками и средствами более высокого уровня — торговыми городами, биржами и ярмарками, по другую — «материальная жизнь», не-экономика, живущая под знаком неотвязно ее преследующей самодостаточности. Экономика начинается с порогового уровня *меновой стоимости*.

В этом втором томе я старался проанализировать всю *совокупность* механизмов обмена, начиная с простейшей меновой торговли и вплоть до самого сложного капитализма (включая и его). Основываясь на сколь только возможно внимательном и беспристрастном описании, я попробовал «ухватить» закономерности и механизмы, своего рода *всеобщую* экономическую историю (как есть *всеобщая география*). Или же, если вы предпочитаете иной язык, построить *типологию*, или *модель*, или даже *грамматику*, способную по крайней мере определить смысл нескольких ключевых слов, нескольких очевидных реальностей. Однако без того, чтобы упомянутая *всеобщая история* претендовала на совершенную точность; без того, чтобы предлагаемая *типология* была бы всеохватывающей, а тем более — полной; без того, чтобы *модель* в самомалейшей степени могла быть

формализована и верифицирована; и без того, чтобы *грамматика* давала бы нам ключ к экономическому языку или речи экономики (если предположить, что таковые существуют и что они в достаточной степени остаются одними и теми же во времени и в пространстве). В общем, речь шла о том, чтобы добиться вразумительности, рассматривая те сочленения, те формы эволюции и, в не меньшей мере, те колоссальные силы, которые поддерживали традиционный порядок и то «косное насилие», о котором говорит Жан-Поль Сартр. А значит — об исследовании на стыке социального, политического и экономического круга явлений.

Чтобы идти таким путем, не существовало иного метода, помимо наблюдения — наблюдения непрестанного, изнуряющего зрение; помимо обращения к разнообразным гуманитарным наукам плюс систематического сравнения, сопоставления опыта, имеющего одну и ту же природу, не слишком опасаясь, как бы при таких необходимых сопоставлениях между довольно малоподвижными системами анахронизм их не сыграл с нами дурную шутку. Это тот сравнительный метод, который более прочих рекомендовал Марк Блок и которым пользовался я в соответствии с концепцией длительной протяженности. При нынешнем уровне наших познаний нам настолько доступны многие данные, сравнимые во времени и пространстве, что возникает впечатление, будто не просто сопоставляешь опыт, рожденный волею случая, но почти что сам ставишь эксперимент. Таким вот образом я и построил книгу на полпути между историей, первоначальной ее вдохновительницей, и другими науками о человеке.

Что я беспрестанно встречал в ходе такого сличения модели с итогами наблюдения, так это упорное противостояние между нормальной и зачастую рутинной экономикой обмена (в XVIII в. сказали бы *естественной*) и более высокой, усложненной экономикой (ее бы в XVIII в. назвали *искусственной*) [1]. Я убежден, что такое разделение вполне ощутимо, что и *действующие силы*, и люди, [их] действия и характер мышления, «ментальность», не одни и те же на этих разных этажах. Что встречающиеся на определенных уровнях правила рыночной экономики, какими описывает их классическая экономическая наука, намного реже действовали в своем обличье свободной конкуренции в верхней зоне — зоне расчетов и спекуляции. Там начиналась «теневая зона», сумрак, зона деятельности посвященных, которая, я считаю, и лежит в основе того, что можно понимать под словом «капитализм». А последний — это накопление могущества (он строит обмен на соотношении силы в такой же и даже в большей мере, нежели на взаимности потребностей), это социальный паразитизм, является он неизбежным или нет, как и множество других явлений. Короче, имелась иерархия торгового мира, даже если — как, впрочем, в любой иерархии — верхние этажи не могли бы существовать без нижележащих, на которые они опирались. Не будем, наконец, забывать, что под самой зоной обменов то, что я за неимением лучшего выражения назвал *материальной жизнью*, образовывало на протяжении столетий Старого порядка самый толстый слой из всех.

[1] Accarias de Sérionne J. *Les Intérêts des nations de l'Europe développés relativement au commerce*. 1766 (в частности, с. 270).

Но не сочтет ли читатель спорным — еще более спорным, чем это противопоставление разных этажей экономики,— употребление мною для обозначения самого верхнего этажа слова *капитализм*? Этот термин — *капитализм* — появился в своей законченной и ярко выраженной форме несколько поздно, лишь в начале XX в. Бесспорно, что на всю его сущность наложило отпечаток время его подлинного рождения в период 1400—1800 гг. Но относить его к этому периоду — не будет ли это тягчайшим из грехов, в какой только может впасть историк — грехом анахронизма? По правде сказать, меня это не слишком беспокоит. Историки придумывают слова, этикетки, чтобы задним числом обозначать свои проблемы и свои периоды: Столетняя война, Возрождение, гуманизм, Реформация... Мне нужно было особое слово для этой зоны, которая не является настоящей рыночной экономикой, но зачастую полной ее противоположностью. И неотразимо привлекательным оказывалось как раз слово «капитализм». Так почему бы не взять на вооружение это слово, вызывающее столько ассоциаций, забыв обо всех горячих спорах, какие оно возбуждало и возбуждает еще сейчас?

В соответствии с правилами, действующими при построении любой модели, я в этом томе осторожно продвигался от простого к сложному. То, что бросается в глаза при первом же взгляде на экономические общества прошлого,— это то, что обычно именуют *обращением* или *рыночной экономикой*. И, следовательно, в первых двух главах — «Орудия обмена» и «Экономика перед лицом рынков» — я занялся описанием рынков, торговли вразнос, лавок, ярмарок, бирж... Разумеется, со множеством деталей. И попытался вскрыть правила обмена (ежели такие существуют).

Следующие две главы — «Производство, или Капитализм в гостях» и «Капитализм у себя дома» — выходят за пределы [сферы] обращения, касаются запутанных [повсюду] проблем производства. Они также уточняют смысл этих принятых нами решающих в споре слов — *капитал*, *капиталист*, *капитализм*,— что было необходимо. И наконец, они пытаются разместить капитализм по секторам: такого рода «топология» должна обнаружить его пределы и по логике вещей раскрыть его природу. Тогда-то мы и подойдем к самому пику наших затруднений (но не к завершению наших трудов!).

И последняя глава, «Общество, или „Множество множеств“», вне сомнения, наиболее необходимая, она и в самом деле пытается поместить экономику и капитализм в общие рамки социальной действительности, вне которой ничто не может обрести своего полного значения.

Но описывать, анализировать, сравнивать, объяснять — это означает чаще всего выходить за пределы исторического повествования, это означает пренебрегать непрерывным временем истории или разрывать его как бы по своей прихоти. А ведь время это существует. И мы вновь обретем его в третьей, и последней, книге этого труда — «Время мира». Таким образом, на страницах настоящего тома мы окажемся на предварительном этапе, где время в его хронологической непрерывности не соблюдается, а используется в качестве средства при наблюдении.

Это тем не менее отнюдь не упростило мою задачу. По четыре, по пять раз я переписывал главы, которые вы прочтете. Я их обсуждал в Коллеж де Франс и в Практической школе высших исследований, писал — и затем переписывал от начала до конца. Один из друзей Анри Матисса, который ему позировал, рассказал мне, что тот имел обыкновение по десять раз снова и снова начинать свои рисунки, день за днем выбрасывая их в корзину, чтобы остановиться только на последнем, где находил наконец, как он думал, чистоту и простоту линий. К несчастью, я не Анри Матисс. И я даже не уверен, что последний вариант моего текста будет самым ясным, наиболее соответствующим тому, что я думаю или пытаюсь думать. Чтобы утешиться, я повторял себе изречение английского историка Фредерика У. Мейтленда (1887 г.), гласящее, что «простота — не отправная точка, а цель» [2], порой же, при определенном везении, завершающий момент.

[2] Maitland F. W. *Domesdaybook and Beyond.* (2-е издание), 1921, p. 9. "Simplicity is the outcome of technical subtlety; it is the goal, not the starting point".

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПР — Архив внешней политики России
"Annales E.S.C." — "Annales: Economies, Sociétés, Civilisations"
A.E. — (Ministère des) Affaires Etrangères
A.N.— Archives Nationales
A.d.S. Firenze — Archivio di Stato di Firenze
A.d.S. Genova — Archivio di Stato di Genova
A.d.S. Lucca — Archivio di Stato di Lucca
A.d.S. Napoli — Archivio di Stato di Napoli
A.d.S. Venezia — Archivio di Stato di Venezia
A.V.P.— Archives de la Ville de Paris
B.N.— Bibliothèque Nationale
PRO — Public Records Office
ЦГАДА — Центральный Государственный архив древних актов

Глава 1 ОРУДИЯ ОБМЕНА

На первый взгляд экономика — это две огромные зоны: производство и потребление. В первой все начинается и возобновляется, во второй все завершается и уничтожается. «Общество,— говорит Маркс,— не может перестать производить, так же, как оно не может перестать потреблять» [1]. Истина общеизвестная. Прудон говорил почти то же самое, когда утверждал, что единственная очевидная цель человека — работать и есть. Но между двумя этими мирами втискивается третий, тонкий, но живой, как речушка, и тоже узнаваемый с первого взгляда: обмен, или, если угодно, рыночная экономика. На протяжении столетий, которые изучаются в этой книге, она несовершенна, прерывиста, но уже навязывает себя — и она определенно революционна. В [рамках] целого, которое упорно тяготеет к рутинному равновесию и выходит из него разве только для того, чтобы снова к нему же возвратиться, она представляет зону перемен и новаций. Маркс ее обозначает как сферу обращения [2]— выражение, которое я по-прежнему продолжаю считать удачным. Несомненно, слово «обращение», пришедшее в экономику из физиологии [3], охватывает слишком много вещей сразу. Если верить Ж. Шеллю, издателю полного собрания сочинений Тюрго [4], последний подумывал о том, чтобы написать «Трактат об обращении», где шла бы речь о банках, о системе Лоу, о кредите, денежном курсе и торговле, наконец, о роскоши, т. е. почти обо всей экономике, как ее тогда понимали. Но разве термин «рыночная экономика» не приобрел сегодня также расширительный смысл, который бесконечно превосходит простое значение обращения и обмена? [5]

Итак, три мира. В первом томе этого труда мы отвели главную роль потреблению. В последующих главах мы займемся обращением. Очередь трудных проблем производства наступит последней [6]. Не то чтобы можно было бы оспаривать мнение

[1] Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.*, 2-е изд., т. 23, с. 578.
[2] *Там же.*
[3] Romeuf J. *Dictionnaire des sciences économiques.* 1956—1958. См. статью *"Circulation"*.
[4] *Oeuvres de Turgot.* (Ed. Schelle G.), 1913—1923, I, p. 29.
[5] См. завышенную оценку роли обращения в кн.: Greef G., de. *Introduction à la sociologie*, 2 vol., 1886—1889.
[6] Ardant G. *Théorie sociologique de l'impôt.* 1965, p. 363. «Производство как таковое очень трудно ухватить».

Маркса или Прудона о них как о важнейших. Но наблюдающему в ретроспективе, а именно таков историк, трудно начинать с производства — области запутанной, которую нелегко очертить и которая еще недостаточно описана во всех своих деталях. Напротив, обращение обладает тем преимуществом, что легко доступно наблюдению. В нем все подвижно и говорит об этом движении. Шум рынков безошибочно достигает наших ушей. Право же, без всякой похвальбы, я могу увидеть купцов-негоциантов и перекупщиков на площади Риальто в Венеции около 1530 г. из того же окна дома Аретино, который с удовольствием ежедневно созерцал это зрелище [7]. Могу войти на амстердамскую биржу 1688 г. и даже более раннюю и не затеряться там — я едва не сказал: играть на ней, и не слишком бы при этом ошибся. Жорж Гурвич сразу же возразил бы мне, что *легко наблюдаемое* рискует оказаться ничтожным или второстепенным. Я не так в этом уверен, как он, и не думаю, что Тюрго, взявшийся за весь комплекс экономики своего времени, был бы совершенно не прав, выделив обращение. И потом, генезис капитализма жестко привязан к обмену — разве это не заслуживает внимания? Наконец, производство означает разделение труда и, значит, обязательно обрекает людей на обмен.

Впрочем, кому бы пришло в голову действительно преуменьшать роль *рынка*? Даже простейший рынок — это излюбленное место спроса и предложения, место обращения к услугам ближнего, без чего не было бы экономики в обычном понимании, а только жизнь, «замкнутая» (по-английски «встроенная», *embedded*) в самодостаточности, или не-экономика. Рынок — это освобождение, прорыв, возможность доступа к иному миру; возможность всплыть на поверхность. Деятельность людей, излишки, которые они обменивают, мало-помалу проходят через этот узкий пролом, поначалу с таким же трудом, с каким проходил через игольное ушко библейский верблюд. Затем отверстия расширились, число их возросло, а общество в конечном счете сделалось «обществом со всеобщим рынком» [8]. В конечном счете и, значит, с запозданием; и в разных областях это никогда не случалось ни одновременно, ни в одной и той же форме. Следовательно, не существует простой и прямолинейной истории развития рынков. Здесь бок о бок сосуществуют традиционное, архаичное, новое и новейшее. Даже сегодня. Конечно, легко набрать наглядные картинки, но их невозможно точно соотнести друг с другом. И это относится даже к Европе, случаю привилегированному.

Не связана ли эта в некотором роде наводящая на размышления трудность также и с тем, что поле нашего наблюдения, время с XV по XVIII в., все еще недостаточно по своей продолжительности? Идеальное поле наблюдения должно бы было простираться на все рынки мира с момента их зарождения до наших дней. Это огромная область, которую в недалеком прошлом вознамерился со страстью иконоборца объяснить Карл Поланьи [9]. Но охватить одним и тем же объяснением псевдорынки древней Вавилонии, потоки обмена первобытных жителей сегодняшних островов Тробриан и рынки средневековой

[7] Molmenti P. *La vie privée à Venise*. 1896, II, p. 47.

[8] См. рецензию Фройнда (Freund J.) на кн.: MacPherson C. B. *La Théorie politique de l'individualisme possessif de Hobbes à Locke*.— "*Critique*", juin 1972, p. 556.

[9] Прежде всего в книге, изданной совместно с К. Аренсбергом и Х. Пирсоном: Polanyi K., Arensberg C. M., Pearson H. W. (eds.). *Trade and Market in the Early Empires. Economics in History and Theory*. Glencoe, 1957 (французский перевод: "*Les Systèmes économiques dans l'histoire et dans la théorie*". 1975).



Венеция, мост Риальто. С картины Карпаччо, 1494 г. *Венеция, Академия. Фото Жиродона.*

и доиндустриальной Европы — да возможно ли это? Я вовсе не убежден в этом.

Во всяком случае, мы не будем с самого начала замыкаться в рамках общих объяснений. Мы начнем с описания. Для начала — Европы, главного свидетеля, свидетеля, которого мы знаем лучше других. А затем — не-Европы, ибо никакое описание не подвело бы нас к начаткам заслуживающего доверия объяснения, если бы оно не охватывало весь мир.

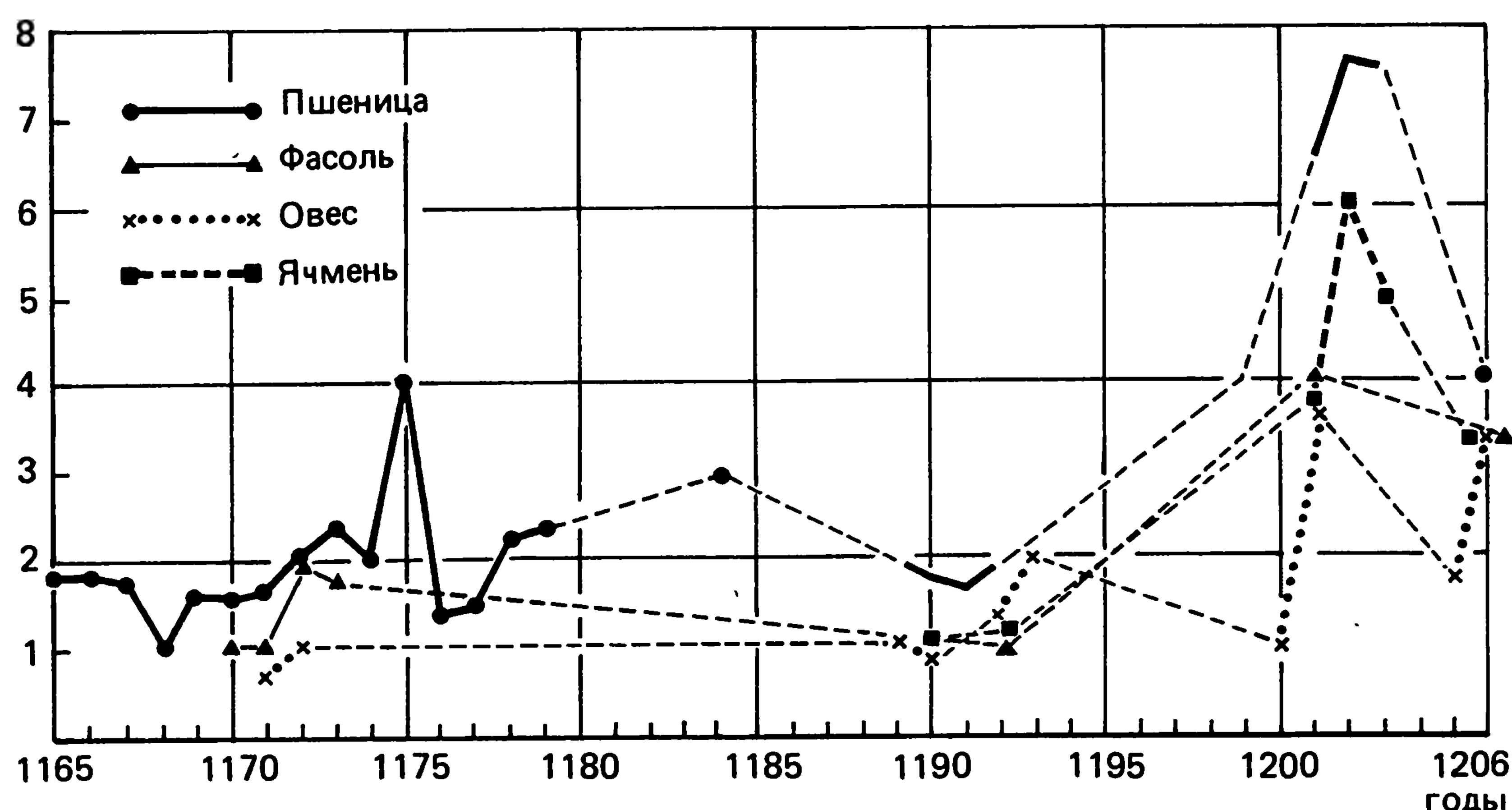
ЕВРОПА: МЕХАНИЗМЫ НА НИЖНЕМ ПРЕДЕЛЕ ОБМЕНОВ

Итак, прежде всего Европа. Еще до XV в. она элиминировала самые архаичные формы обмена. Цены, которые мы знаем или о существовании которых догадываемся,— это начиная с XII в. цены колеблющиеся [10]: доказательство того, что наличествуют уже «современные» рынки и что они, будучи связаны друг с другом, могут при случае наметить очертания систем, связей между городами. В самом деле, практически только местечки и города имели рынки. В редчайших случаях деревенские рынки существовали еще в XV в.[11], но то была величина, которой можно пренебречь. Город Запада поглотил все, все подчинил своим законам, своим требованиям, своему контролю. Рынок сделался одним из его механизмов [12].

[10] Imbert G. *Des Mouvements de longue durée Kondratieff.* 1959.

[11] Случай сохранил нам несколько изображений рынка в Пюилубье, маленькой деревушке Прованса, в 1438—1439 и 1459—1464 гг. Там продавали пшеницу, овес, вино, баранов, холощеных козлов, шкуры и кожи, мула, осла, жеребенка, свиней, рыбу, овощи, разное растительное масло, кули с известью. См.: Coulet N. *Commerce et marchands dans un village provençal du XVIe siècle. La leyde de Puyloubier.*—"*Études rurales*", № 22, 23, 24, juillet-décembre, 1966, p. 99—118; Everitt A. *The Marketing of Agricultural Produce.—The Agrarian History of England and Wales.* (Ed. Finberg M. P. R.), IV: *«1500—1640»*. 1967, p. 478.

[12] Huvelin P.-L. *Essai historique sur le droit des marchés et des foires.* 1897, p. 240.



Раннее развитие колебаний цен в Англии
По данным Д. Л. Фармера: Farmer D. L. *Some Prices Fluctuations in Angevin England.*—"*The Economic History Review*", 1956—1957, p. 39. Отметим совпадающий подъем цен на разные зерновые вслед за плохим урожаем 1201 г.

ОБЫЧНЫЕ РЫНКИ, ТАКИЕ ЖЕ, КАК СЕГОДНЯ

В своей простейшей форме рынки существуют еще и сегодня. Они самое малое получили отсрочку, и в определенные дни они на наших глазах возрождаются в обычных местах наших городов, со своим беспорядком, своей толчеей, выкриками, острыми запахами и с обычной свежестью продаваемых съестных припасов. Вчера они были примерно такими же: несколько балаганов, брезент от дождя, нумерованное место для каждого продавца, заранее закрепленное, надлежащим образом зарегистрированное, за которое нужно было платить в зависимости от требований властей или собственников [13]; толпа покупателей и множество низкооплачиваемых работников, вездесущий и деятельный пролетариат: шелушильщицы гороха, пользующиеся славой закоренелых сплетниц, свежеватели лягушек (лягушек

[13] В Лукке, на площади Сан-Микеле имелось 144 нумерованных торговых места. A. d. S. Lucca, Officio sopra la Grascia, 196 (1705).

доставляли в Женеву [14] и Париж [15] целыми вьюками на мулах), носильщики, метельщики, возчики, уличные торговцы и торговки, не имеющие разрешения на продажу своего товара, суровые контролеры, передающие свои жалкие должности от отца к сыну, купцы-перекупщики, крестьяне и крестьянки, которых узнаешь по одежде; буржуазки в поисках покупки, служанки, которые, как твердят богачи, большие мастерицы присчитывать при закупках (тогда говорили «подковать мула») [16], булочники, торгующие на оптовом рынке хлеба, мясники, чьи многочисленные лотки загромождают улицы и площади, оптовики (торговцы рыбой, сыром или сливочным маслом [17]), сборщики рыночных пошлин... И наконец, повсюду выложены товары: куски масла, кучи овощей, сыры, фрукты, рыба, с которой стекает вода, дичь, мясо, которое мясник разделывает на месте, непроданные книги, страницы которых служат для завертывания товара [18]. А кроме того, из деревень привозят солому, дрова, сено, шерсть и даже пеньку, лен — вплоть до домотканых холстов.

Если этот простейший рынок, оставаясь самим собою, сохранялся на протяжении столетий, то наверняка потому, что в своей грубой простоте он был незаменим, принимая во внимание свежесть поставляемых им скоропортящихся видов продовольствия, привозившихся прямо с близлежащих огородов и полей. А также принимая во внимание его низкие цены. Ибо простейший рынок, где продают главным образом «из первых рук» [19], есть самая прямая и самая наглядная форма обмена, за которой легче всего проследить, защищенная от плутней. Самая ли она честная? «Книга ремесел» Буало, написанная около 1270 г.[20], настойчиво твердит об этом: «Ибо есть резон, чтобы съестные припасы попадали прямо на открытый рынок и можно было бы видеть, доброго ли они качества и честно ли изготовлены или нет... ибо к вещам... продаваемым на открытом рынке, имеют доступ все: и бедный и богатый». В соответствии с немецким выражением это торговля из рук в руки, глаза в глаза (*Hand-in-Hand, Auge-in-Auge Handel* [21]), прямой обмен: все, что продается, продается тут же; все, что покупается, забирается тут же и оплачивается сразу же. Кредит почти не играет роли между рынками [22]. Этот очень старый тип обмена практиковался уже в Помпеях, в Остии или Тимгаде Римском *, да и веками, тысячелетиями раньше: свои рынки имела Древняя Греция, они существовали в Китае классической эпохи, как и в фараоновском Египте и в Вавилонии, где обмен был столь ранним явлением [23]. Европейцы расписывали красочное великолепие и устройство рынка «в Тлальтеко, что прилегает к Теночтитлану (Мехико)» [24], и «упорядоченные и контролируемые» рынки Черной Африки, порядок на которых вызывал у них восхищение, невзирая на скромные масштабы обменов [25]. А в Эфиопии истоки рынков теряются во мраке времен [26].

ГОРОДА И РЫНКИ

Городские базары обычно бывали раз или два в неделю. Для их снабжения требовалось, чтобы у деревни было время

[14] Brackenhoffer E. *Voyage en France, 1643—1644*. 1927, p. 47.
[15] B. N., Ms. Fr., 21633, 133 (речь идет о рынке у кладбища Сен-Жан).
[16] Fournier E. *Variétés historiques et littéraires*. 1855—1863, V, 249 (1724).
[17] B. N., Ms. Fr., 21633, 153.
[18] Fournier E. *Op. cit.*, II, p. 124 (1735).
[19] Below G., von. *Probleme der Wirtschaftsgeschichte*. 1926, S. 373.
[20] Boileau E. *Livre des métiers*. (Ed. Depping), 1837, p. 34—35. Цит. в: Claval P. *Géographie générale des marchés*. 1962, p. 115, n. 9 et 10; p. 125.
[21] Sombart W. *Der moderne Kapitalismus*. 15 Aufl., 1928, II, S. 482.
[22] Gestrin, F. *Le Trafic commercial entre les contrées des Slovènes de l'intérieur et les villes du littoral de l'Adriatique du XIIIe au XVIe siècle*. 1965 (резюме на французском языке, с. 265).
* Тимгад — древний город в Северной Африке, основан при императоре Траяне в 100 г. н. э.— *Прим. перев.*
[23] Huvelin P.-L. *Op. cit.*, p. 18.
[24] Chalmetta Gendron P. "*El Señor del Zoco" en España*. 1973 (предисловие М. Родэнсона), p. XXXI, note 46 (ссылка на Diaz del Castillo B. *Historia verdadera de la conquista de la Nueva España*).
[25] Labat J.-B. *Nouvelle Relation de l'Afrique occidentale*. 1778, II, p. 47.
[26] См. Messing S. D.— "*Markets in Africa*". Ed. Bohannan P., Dallon G. 3e ed. Evanston, 1968, p. 384 ff.

произвести и собрать продовольствие и чтобы она смогла отвлечь часть своей рабочей силы для поездки на рынок (что поручалось преимущественно женщинам). Правда, в крупных городах рынки обнаруживали тенденцию к тому, чтобы стать ежедневными, как то было в Париже, где в принципе (а часто и фактически) они должны были функционировать лишь по средам и субботам [27]. Во всяком случае, действуя с перерывами или постоянно, эти простейшие рынки, связующее звено между деревней и городом, из-за своего числа и своей непрестанной повторяемости представляли самый крупный из всех знакомых [обществу] видов обмена, как это заметил Адам Смит. К тому же и городские власти прочно взяли в свои руки их организацию и надзор за ними: для городов это был жизненно важный вопрос. А это ведь были «ближние» власти, скорые на расправу, на регламентацию, власти, которые жестко контролировали цены. Если на Сицилии продавец запрашивал цену, хоть на «грано» превышавшую установленный тариф, его запросто могли послать на галеры! Такой случай и произошел в Палермо 2 июля 1611 г.[28] В Шатодёне булочников, в третий раз уличенных в нарушении правил, «нещадно сбрасывали с повозки перевязанными, как колбасы» [29]. Такая практика восходила к 1417 г., когда Карл Орлеанский дал городским магистратам (эшевенам) право досмотра (визитации) пекарей. Только в 1602 г. община добьется отмены такого наказания.

Но надзор и разносы не мешали рынку расширяться, разрастаться по воле спроса, укореняться в самом сердце городской жизни. Посещаемый в определенные дни рынок был естественным центром общественной жизни. Именно там люди встречались друг с другом, договаривались, поносили друг друга, переходили от угроз к [обмену] ударами. Именно здесь зарождались инциденты и затем судебные процессы, выявлявшие пособников; здесь случались довольно-таки редкие вмешательства стражи, эффектные, несомненно, но и осторожные [30]. Именно здесь распространялись политические и иные новости. В 1534 г. на рыночной площади в Фекенхэме, графство Норфолк, открыто критиковали действия и планы короля Генриха VIII [31]. Да и на каком английском рынке не услышишь пылкие речи проповедников? Налицо была восприимчивая толпа, готовая на любые дела, даже на добрые. Рынок был также излюбленным местом для заключения сделок и устройства семейных дел. «В XV в. в Джиффони, в провинции Салерно, мы видим по нотариальным реестрам, что в рыночные дни, помимо продажи съестных припасов и изделий местного ремесла, наблюдался повышенный [против обычного] процент заключенных договоров о купле-продаже земельных участков, о долгосрочных ипотечных операциях, о дарениях, брачных контрактов, составления описей приданого» [32]. Все ускоряется благодаря рынку, даже сбыт в лавках (что достаточно логично). Так, в Ланкастере, в Англии, в конце XVII в. Уильям Стаут, который держал там лавку, нанял дополнительного приказчика «на рыночные и ярмарочные дни» (*"on the market and fair days"*) [33]. Это, вне сомнения, было общим правилом. Естественно, при условии, что лавки не бывали официально закрыты в дни рынка или ярмарок,

[27] Savary des Bruslons J. *Dictionnaire universel du commerce*. 1761, III, col. 778.

[28] *"Diarii della città di Palermo, dal secolo XVI al XIX"*, 2, p. 61.— *"Biblioteca storica e letteraria di Sicilia"*. Ed. G. di Marzo.

[29] Couturier M. *Recherches sur les structures sociales de Châteaudun, 1525—1789*. 1969, p. 191.

[30] Сведения получены от Жана Нагля, который готовит исследование о Сен-Жерменском предместье в XVII в.

[31] Everitt A. *Op. cit.*, p. 488, n. 4.

[32] Grohmann A. *Le Fiere del regno di Napoli in età aragonese*. 1969, p. 28.

[33] *The Autobiography of William Stout of Lancaster*, p. 162, цит. в кн.: Willan S. T. *Abraham Dent of Kirkby Stephen*. 1970, p. 12.

как это случалось во многих городах [34].

Доказательством тому, что рынок находился в самом сердце целого мира отношений, может служить сама мудрость пословиц. Вот несколько примеров: «Все продается на рынке, кроме молчаливой осторожности и чести»; «Покупая рыбу в море [до ее вылова], рискуешь получить только ее запах» [35]. Ежели ты недостаточно знаком с искусством покупать или продавать — что же, «рынок тебя обучит». На рынке никто не бывает один, посему «думай о себе самом и думай о рынке», т. е. о других. Итальянская поговорка гласит, что для рассудительного человека «лучше иметь друзей на рынке, чем монеты в сундуке» (*"val piu avere amici in piazza che denari nella cassa"*). Для сегодняшнего дагомейского фольклора противостоять соблазнам рынка — это признак мудрости. «Если торговец кричит: «Зайди и купи!», разумно будет ответить: „Я не трачу сверх того, что имею!"» [36]

[34] Pigeonneau H. *Histoire du commerce de la France.* 1889, p. 197.
[35] Aquilina J. *A Comparative Dictionary of Maltese Proverbs.* 1972.
[36] Bastide R., Verger P. *Contribution sociologique des marchés Nagô du Bas-Dahomey.— "Cahiers de l'Institut de science économique appliquée"*, № 95, novembre 1959, p. 33—65, в частности с. 53.



Хлебный и птичий рынки в Париже на набережной Августинцев около 1670 г. Париж, *Музей Карнавале. Фото Жиродона.*

РЫНКИ МНОЖАТСЯ И СПЕЦИАЛИЗИРУЮТСЯ

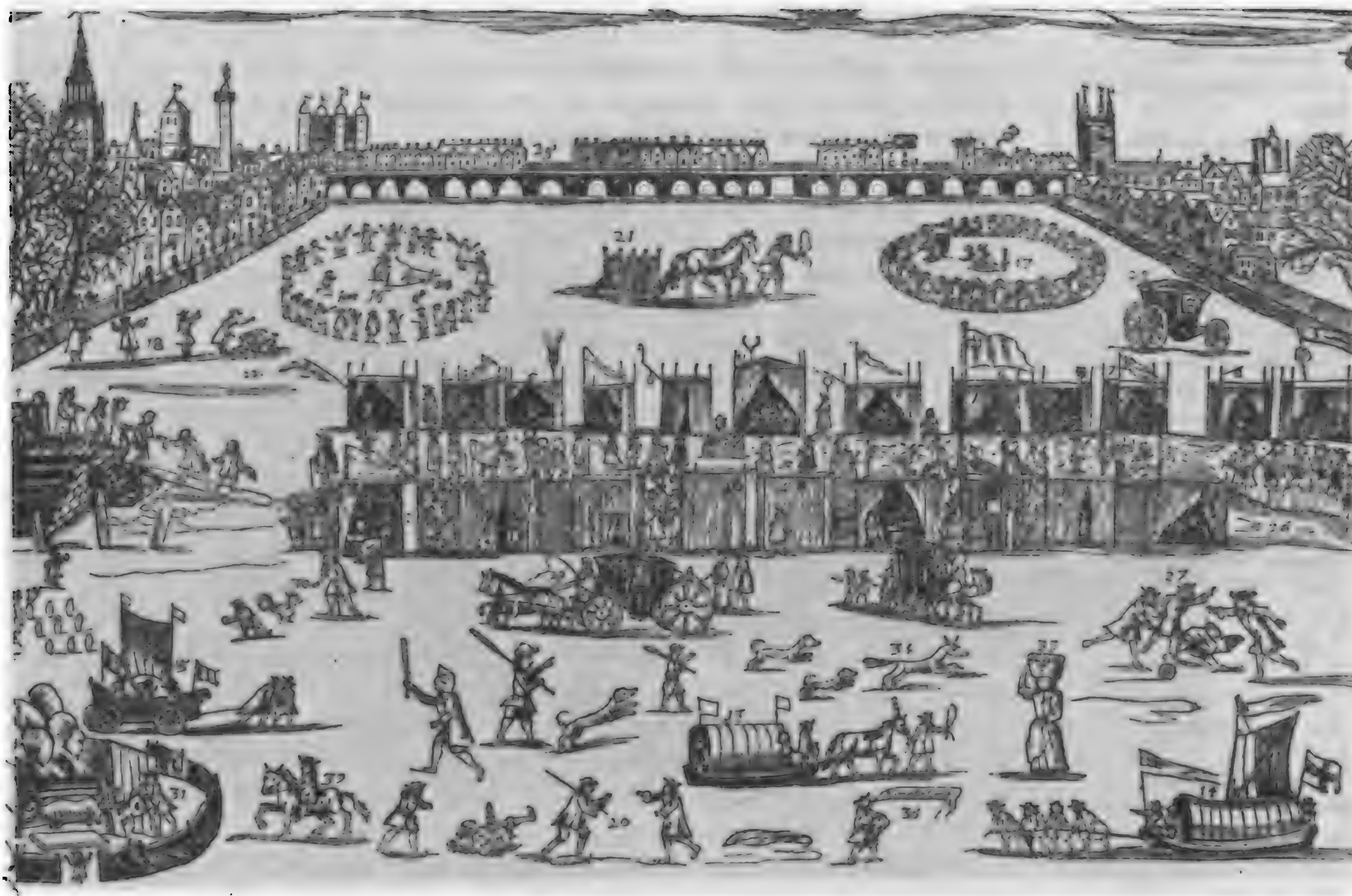
Став достоянием городов, рынки растут вместе с ними. Они множатся, взрываясь в городском пространстве, слишком стесненном, чтобы их сдержать. А так как они — сама движущаяся вперед новизна, ускоренное их развитие почти что не ведает преград. Они безнаказанно навязывают свою толчею, свои отбросы, свои упрямо [собирающиеся] скопища людей. Решением проблемы было бы отбросить рынки к воротам города, за городские стены, в предместья. Что и делали нередко, когда создавался новый рынок — как это было в Париже

на площади Сен-Бернар в Сент-Антуанском предместье (2 марта 1643 г.); как было «между воротами Сен-Мишель и рвом нашего города Парижа, улицей д'Анфер и воротами Сен-Жак» в октябре 1660 г.[37] Но старинные места скоплений народа в самом центре городов сохранялись, было уже трудным делом даже слегка их потеснить, как, например, с моста Сен-Мишель к оконечности этого моста в 1667 г.[38] или полувеком позднее, в мае 1718 г., с улицы Муффтар на близлежащий двор особняка Патриархов [39]. Новое не изгоняло старого. А так как городские стены раздвигались по мере того, как росли поселения, рынки, благоразумно размещенные по периметру стен, в один прекрасный день оказывались в пределах крепостной ограды да там и оставались.

В Париже Парламент, члены городского магистрата и лейтенант полиции * начиная с 1667 г. отчаянно пытались удержать их в надлежащих границах. Тщетно! Так, в 1678 г. улица Сент-Оноре была непроезжей по причине «рынка, каковой противозаконно разместился вблизи приюта слепых и перед мясной лавкой по улице Сент-Оноре, где по базарным дням некоторые женщины и перекупщицы, как сельские, так и городские, выкладывают свои товары прямо посреди улицы и препятствуют проезду по оной, хотя и должна она быть всегда свободна, как одна из самых многолюдных и значительных в Париже» [40]. Беззаконие явное, но как с ним справиться? Очистить одно место означает загромоздить другое. Почти пятьюдесятью годами позднее небольшой рынок у [приюта] Кэнз-Вэн существовал по-прежнему, так как 28 июня 1714 г. комиссар Брюссель писал своему начальнику в Шатле: «Сударь, сегодня получил я жалобу от обывателей малого рынка у Кэнз-Вэн, куда отправился я за хлебом, на торговок макрелью, кои выбрасывают жабры своих макрелей, что причиняет немалое неудобство из-за зловония, каковое от сего происходит на рынке. Было бы благом... предписать сим женщинам складывать эти жабры в корзины, дабы затем их опрастывать в тележку, как то делают с гороховой шелухой» [41]. Еще более возмутительной была — потому что происходила она на страстной неделе на паперти собора Парижской богоматери — «*Сальная ярмарка*» (*Foire du Lart*), фактически большой рынок, на который парижские бедняки и не совсем бедняки приходили покупать ветчину и куски шпига. Коромысло общественных весов размещалось на самой паперти собора. И возникала неслыханная толкотня, стоило кому-то попытаться взвесить свои покупки раньше соседа. И повсюду насмешки, кривлянья, мелкое воровство. Королевские гвардейцы, наблюдавшие за порядком, и те вели себя не лучше прочих, а факельщики из расположенного по соседству Отель-Дьё позволяли себе грубые шутовские проделки [42]. Все это не помешало в 1669 г. дать шевалье де Грамону разрешение устроить «новый рынок между церковью Богоматери и островом Пале». Каждую субботу возникали катастрофические заторы. Как проложить путь церковным процессиям или карете королевы через площадь, где черно от народа? [43]

Само собой разумеется, едва какое-нибудь пространство освобождается, как им завладевают рынки. Каждую зиму в Москве, когда Москва-река замерзала, на льду размещались ларьки,

[37] B. N., Ms. Fr., 21633, 49, octobre 1660.
[38] B. N., Ms. Fr., 21633, 49, 20 septembre 1667.
[39] B. N., Ms. Fr., 21782, 191.
* Высшее должностное лицо, возглавлявшее полицию в Париже и в крупных городах.— *Прим. перев.*
[40] B. N., Ms. Fr., 21633, 43, 19 septembre 1678.
[41] B. N, Ms. Fr., 21633, 44, 28 juin 1714.
[42] B. N, Ms. Fr., 21782, 210, 5 avril 1719.
[43] B. N., Ms. Fr., 21633, 46, 67.



Ярмарка на Темзе в 1683 г. Эта гравюра, воспроизведенная в книге Эдварда Робинсона *"The Early English Coffee Houser"*, изображает празднество ярмарки, которая происходит на замерзшей реке. Слева — лондонский Тауэр, на заднем плане — Лондонский мост. *Фототека издательства А. Колэн.*

балаганы и лавки мясников[44]. Это было как раз то время года, когда благодаря удобству санных перевозок и замораживанию прямо под открытым небом [разделанного] мяса и [туш] забитых животных на рынках накануне и сразу же после рождества неизменно наблюдался рост оборота торговли[45]. В Лондоне в необычно холодные зимы XVII в. праздником бывала возможность вынести на покрытую льдом реку веселье карнавала, который «по всей Англии длится с рождества до богоявления». «Будки, что служат кабачками», огромные части говяжьих туш, что жарятся на открытом воздухе, испанское вино и водка привлекают все население, а при случае — и самого короля (например, 13 января 1677 г.)[46]. Однако в январе и феврале 1683 г. дела обстояли не так весело. Неслыханные холода обрушились на город; в устье Темзы огромные ледяные поля грозили раздавить скованные [льдом] суда. Продовольствия и товаров не хватало, цены возросли втрое-вчетверо, а улицы, заваленные снегом и льдом, сделались непроезжими. И тогда жизнь переместилась на замерзшую реку: она служила дорогой для повозок, везших в город все необходимое, и для наемных карет. Купцы, лавочники, ремесленники строили на ней палатки, балаганы. Возник громадный импровизированный рынок, позволяющий измерить могущество числа в огромной столице, настолько громадный, что он, как писал очевидец из Тосканы, имел вид «величайшей ярмарки». И, разумеется, тотчас же появились «шарлатаны, шуты и мастера на всяческие штуки и проделки с целью выудить хоть сколько-

[44] Contarini A. *Voiage en Perse... en l'année 1473*, col. 53.— *Voyages faits principalement en Asie dans les années XII^e — XIII^e — XIV^e et XV^e siècle*. II, 1785.
[45] Atkinson, Walker. *Manners and Customs of the Russians*. 1803, p. 10.
[46] A. N., A. E., C. P. Angleterre, 122, f° 52. Лондон, 14 января 1677 г.

нибудь денег» [47]. И память об этом невероятном сборище сохранилась именно как память о ярмарке (*The Fair on the Thames*, 1683). Неумелая гравюра воспроизводит этот случай, не передавая его живописной пестроты [48].

Рост торгового оборота повсеместно вынудил города строить *крытые рынки* (*halles*), которые часто бывали окружены рынками под открытым небом. Чаще всего эти крытые рынки были постоянными и специализированными. Нам известны бесчисленные суконные рынки [49]. Даже такой средней величины город, как Карпантра, имел свой рынок [50]. Барселона устроила свой *ala dels draps* над Биржей [51]. Лондонский крытый рынок Блэкуэлл-холл (*Blackwell Hall*), построенный в 1397 г., перестроенный в 1558-м, уничтоженный пожаром в 1666-м и построенный заново в 1672 г., отличался исключительными размерами [52]. Продажи, долгое время ограниченные несколькими днями в неделю, в XVIII в. становятся ежедневными, и сельские торговцы тканями (*country clothiers*) завели обыкновение оставлять в нем на хранение непроданные штуки тканей до следующего рыночного дня. К 1660 г. Блэкуэлл-холл имел своих комиссионеров, своих постоянных служащих и целую сложную организацию. Но и до этого расцвета Бэсинг-холл-стрит, где возвышается этот комплекс сооружений, была уже «сердцем делового квартала» в куда большей степени, чем был им для Венеции Немецкий двор («Фондако деи Тедески» [53]).

Вполне очевидно, что были разные крытые рынки в зависимости от товаров, которыми там торговали. Так, рынки бывали зерновые (в Тулузе — с 1203 г.[54]), винные, кожевенные, башмачные, меховые (*Kornhaüser*, *Pelzhaüser*, *Schuhhaüser* немецких городов). И даже крытый рынок для пастели в Гёрлице, районе, культивировавшем [это] драгоценное красящее растение [55]. В XVI в. городишки и города Англии стали свидетелями строительства многочисленных рынков под разными названиями, нередко на средства какого-нибудь богатого местного купца, оказавшегося в милостивом настроении [56]. В XVII в. в Амьене ниточный крытый рынок располагался в самом центре города, позади церкви Сен-Фирмен-ан-Кастийон, в двух шагах от главного, или хлебного, рынка. Каждый день ремесленники запасались здесь шерстяными нитками, так называемыми саржевыми, «обезжиренными после чесания и, как правило, пряденными на малой прялке»; речь шла об изделии, поставлявшемся городу прядильщиками из прилежащих к нему деревень [57]. Точно так же тесно стоявшие одна к другой под навесом лавки мясников были, по правде говоря, крытыми рынками. Так обстояло дело в Эврё [58]; так же было и в Труа, где они помещались под скромным навесом [59]. А в Венеции, скажем, крупные мясные лавки (*Beccarie*) с 1339 г. были собраны в нескольких шагах от площади Риальто, в старинном Доме Кверини (*Ca'Querini*), на улице и канале, носящих то же название (*Beccarie*), и возле церкви Сан-Маттео, церкви [цеха] мясников, которая будет разрушена лишь в начале XIX в.[60]

Слово *halle* могло, таким образом, иметь несколько значений, от простого крытого рынка до крупного городского сооружения и до сложной организации парижского Центрального

[47] Лондон, 28 января — 7 февраля 1684 г. A.d.S. Firenze, Mediceo 4213.
[48] Robinson E. *The Early english coffee houses*. 1893 (1-е издание), 1972 (2-е издание), p. 176—177.
[49] Martineau J. *Les Halles de Paris, des origines à 1789*. 1960.
[50] Caillet R. *Foires et marchés de Carpentras, du Moyen Age au début du XIX[e] siècle*. Carpentras, 1953, p. 11.
[51] Carrère C. *Barcelone, centre économique à l'époque des difficultés, 1380—1462*. 1967, p. 498.
[52] Sombart W. *Op. cit.*, II, S. 484—485.
[53] Ramsay G. D. *The City of London*, 1975, p. 37.
[54] Frêche G. et. G. *Le Prix des grains, des vins et des légumes à Toulouse (1486—1868)*. 1967, p. 28.
[55] Sombart W. *Op. cit.*, I, S. 231.
[56] Everitt A. *Op. cit.*, p. 478, 482.
[57] Deyon P. *Amiens, capitale provinciale. Étude sur la sociologie urbaine au XVII[e] siècle*. 1967, p. 181.
[58] Baudot M. *Halles, marchés et foires d'Evreux.— "Annuaire du département de l'Eure"*, 1935, p. 3.
[59] Babeau A. *Les Artisans et les domestiques d'autrefois*. 1886, p. 97.
[60] Tassini G. *Curiosità veneziane*. (4-е издание) 1887, p. 75—76.



Крытый рынок в Ле-Фауэ, в Бретани (конец XVI в.). *Фото Жиродона.*

рынка (*Halles*), который очень рано стал первым «чревом Парижа». Эта огромная махина восходит ко времени Филиппа II Августа [61]. Именно тогда был построен обширный ансамбль на пустоши Шампо по соседству с кладбищем Невинных, которое будет упразднено лишь много позже, в 1786 г.[62] Но во время большого спада, длившегося в общем с 1350 по 1450 г., произошло и явное запустение Центрального рынка по причине, вполне естественной, самого спада, а также по причине конкуренции соседних лавок. Во всяком случае, кризис рынка не был только парижским явлением. Он был налицо и в других городах королевства. Заброшенные постройки разрушались. Некоторые становились свалками нечистот для соседних кварталов. В Париже крытый рынок ткачей, «согласно счетам с 1484 по 1487 г., служил, по крайней мере частично, каретным сараем для повозок артиллерии короля» [63]. Известны соображения Роберто Лопеса о той роли «индикаторов», какую играли религиозные сооружения [64]. Когда их строительство прерывалось, как, например, собора в Болонье в 1223 г., собора в Сиене в 1265 г. или церкви Санта-Мария-дель-Фьоре во Флоренции в 1301—1302 гг., это было верным знаком кризиса. Можно ли возвести в тот же ранг «индикаторов» и крытые рынки, историю которых еще не пытались рассмотреть в целом? Если да, то в Париже новый подъем обозначился бы в период 1543—1572 гг., притом скорее в последние годы этого периода, нежели в ранние. И в самом деле, эдикт Франциска I от 20 сентября 1543 г.,

[61] B. N, Ms. Fr., 21557, f° 4 (1188).
[62] Martineau J. *Op. cit.*, p. 23.
[63] *Ibid.*, p. 150.
[64] Lopez R. S. *Economie et architecture médiévales. Cela aurait-il tué ceci?* —"*Annales E. S. C.*", 1952, p. 433—438.

зарегистрированный Парламентом 11 октября того же года, был только первым жестом. За ним последовали другие. Их целью явно было скорее украсить Париж, нежели дать ему мощный [торговый] организм. И все же возврат к более активной жизни, рост столицы, уменьшение вследствие восстановления Крытого рынка числа лавок и торговых точек по соседству придали этой операции исключительное торговое значение. Во всяком случае, с конца XVI в. Крытый рынок, который предстал в новом обличье, вновь обрел свою былую активность времен Людовика Святого. Там тоже имело место «Возрождение» [65].

Никакой план парижского Крытого рынка не может дать верной картины этого обширного ансамбля: крытые и открытые пространства, опоры, поддерживающие аркады соседних домов, и торговая жизнь, захлестывающая все окрест, которая одновременно пользуется беспорядком и толчеей и создает их к своей выгоде. По утверждению Савари (1761 г.), этот разношерстный рынок больше не менялся с XVI в. [66] Не будем слишком верить этому: происходили постоянное движение и внутренние перемещения. Плюс в XVIII в. два нововведения: в 1767 г. хлебный рынок был перемещен и воссоздан на месте снесенного Отель де Суассон, а в конце века произойдут перестройка рынка морской рыбы и кожевенного рынка и перенос винного рынка за ворота Сен-Бернар. И не переставали появляться проекты благоустройства и — уже тогда! — переноса крытого рынка. Но огромный (50 тыс. кв. метров) комплекс построек остался на месте, и вполне логично.

В крытых помещениях находились только суконный, полотняный и рыбные рынки — «посольный» (соленая рыба) и свежерыбный. Но вокруг этих построек, прилепившись к ним, поднялись под открытым небом рынки: хлебный, мучной, сливочного масла (в кусках), свечной, кудельно-веревочный. Возле опор, расположенных вокруг, устраивались, как могли, старьевщики, булочники, сапожники и «прочие бедные мастера из числа парижских торговцев, которые имеют право на торговлю на крытых рынках (*hallage* *)». Первого марта [1657 г.], рассказывают два голландских путешественника, «мы видели ветошный ряд, каковой находится возле Рынка. Это большая крытая галерея на столбах из тесаного камня, в которой помещаются скупщики и продавцы старого тряпья... Там дважды в неделю бывает открытый рынок... И вот тогда-то все эти старьевщики, между коими, по-видимому, немалое число евреев, выкладывают свои товары. В какое бы время ты там ни проходил, тебе досаждают их непрерывные крики — *о добром деревенском плаще, о прекрасном камзоле* — и подробности, с какими они расписывают свой товар, хватая людей за руки, дабы затащить в свои лавки... Трудно поверить, какое громадное количество одежды и мебели у них есть: там можно увидеть и очень красивые вещи, но покупать их опасно, ежели ты в них не очень разбираешься, ибо торговцы, обнаруживая удивительное искусство, отчищают и латают старье так, что оно кажется новым». А так как лавки эти были плохо освещены, то «вы полагаете, что купили черный кафтан, но, выйдя на яркий дневной свет, находите его зеленым или фиолетовым, [а то и] пятнистым, как леопардовая шкура» [67].

[65] Martineau J. *Op. cit.*, p. 150. О восстановлении Крытого рынка с 1543 по 1572 г. см.: Biollay L. *Les anciennes halles de Paris*.—"*Mémoires de la Société de l'histoire de Paris et de l'Ile-de-France*". 1877, p. 293—355.

[66] Savary des Bruslons J. *Op. cit.*, III, col. 261.

* Собственно само слово "hallage" означает «рыночный сбор, рыночная пошлина».— *Прим. перев.*

[67] *Journal du voyage de deux jeunes Hollandais* (MM. de Villers) *à Paris en 1656—1658*. P. p. A.-P. Faugère, 1899, p. 87.



Торговка сельдью и прочие торговки рыбой
в разгар своей деятельности
в рыбном ряду Крытого рынка в Париже.
На переднем плане — торговец вафлями.
Анонимный эстамп времен Фронды. *Кабинет эстампов.*
Фото Национальной библиотеки.

[68] Piganiol de La Force J. A. *Description de Paris.* 1742, III, p. 124.
[69] Battifol L. *La vie de Paris sous Louis XIII.* 1932, p. 75.

В 1742 г. Пиганьоль де ла Форс признавал, что прекрасный Рынок, представляя совокупность прижатых друг к другу базаров, где скапливались отбросы, сточные воды, гнилая рыба, был «также самым мерзким и самым грязным из парижских кварталов» [68]. И в не меньшей мере был он средоточием шумных скандалов и «блатной музыки». Торговки, куда более многочисленные, чем торговцы, задавали тон. Они пользовались славой «самых хамских глоток во всем Париже»: «Эй ты, бесстыдница! Поговори еще! Эй, шлюха, сука школярская! Иди, иди в коллеж Монтегю! Стыда у тебя нет! Старая развалина, сеченая задница, срамница! Двуличная дрянь, залила зенки-то!» Так без конца перебранивались базарные торговки в XVII в. [69] И, несомненно, в позднейшее время.

ГОРОДУ ПРИХОДИТСЯ ВМЕШИВАТЬСЯ

Каким бы сложным, каким бы своеобразным ни был в целом этот Центральный рынок Парижа, он лишь отражал сложности и нужды снабжения крупного города, очень рано превысившего обычные пропорции. Со времени, когда Лондон стал таким, каким он известен, по тем же причинам, имевшим те же следствия, английскую столицу заполонили многочисленные и неупорядоченные рынки. Будучи бессильны удержаться в отведенном им старом пространстве, они выплескиваются на соседние улицы, каждая из которых делается своего рода специализированным рынком: рыбным, овощным, птичьим и т. д. Во времена Елизаветы они с каждым днем все больше и больше загромождали самые оживленные улицы столицы. Только Великий пожар 1666 г. (*the Great Fire*) позволит навести общий порядок. Тогда власти построили просторные здания вокруг обширных дворов, чтобы освободить улицы. Таким образом, то были рынки замкнутые, но под открытым небом; одни из них были специализированными, скорее оптовыми рынками, другие — более разнообразными.

Именно самый большой из всех (утверждали, будто самый большой в Европе) — Леденхолл — являл взору зрелище, сравнимое с парижским Крытым рынком. Но, несомненно, на нем было больше порядка. Леденхолл вобрал в четыре здания все рынки, что до 1666 г. отпочковывались от него, располагаясь вокруг прежнего его местонахождения,— рынки Грейсчерчстрит, Корнхилл, Паултри, Нью-Фиш-стрит, Истчип. В одном из дворов в сотне лавок мясников продавалась говядина, в другом — 140 лавок были отведены для мяса других видов; еще в одном месте продавались рыба, дальше сыр, масло, гвозди, скобяной товар... А в целом — «рынок-чудище, предмет гордости горожан и одно из главных зрелищ в городе». Разумеется, порядок, символом которого был Леденхолл, просуществовал лишь какое-то время. Продолжая расти, город перерастал собственные разумные решения, вновь оказываясь лицом к лицу с прежними затруднениями. С 1699 г. (и, без сомнения, раньше) лавки снова заполняли улицы, размещались под порталами домов, торговцы расползались по всему городу, несмотря на запреты, направленные против бродячих купцов. Самыми живо-

писными из этих уличных торгашей были торговки рыбой, чей товар находился в корзине, которую они носили на голове. О них шла дурная слава, над ними насмехались и их же эксплуатировали. Если день бывал удачным, вечером их наверняка можно было обнаружить в кабачке. Они, вне сомнения, были столь же задиристы и так же сквернословили, как и торговки рыбой с парижского Крытого рынка [70].

Но возвратимся в Париж. Чтобы обеспечить свое снабжение, Парижу пришлось организовать [хозяйственное использование] огромной области вокруг столицы. Рыба и устрицы доставлялись из Дьепа, из Ле-Кротуа, из Сен-Валери. Путешественник, который в 1728 г. проезжал вблизи двух последних городов, рассказывает: «Мы встречали сплошные устричные поля (*sic!*). Но невозможно охватить взором,— продолжает он,— рыбу, что следует за нами со всех сторон... Ее всю везут в Париж» [71]. Сыры привозили из Мо, сливочное масло — из Гурнэ, возле Дьепа, или же Изиньи. Животных для забоя гнали с рынков Пуасси, Со и издалека, из Нёбура; хороший хлеб — из Гонеса; сушеные овощи — из Кодбека, в Нормандии, где базары бывали каждую субботу [72]. Из этого вытекала надобность в серии мер, которые нужно было без конца возобновлять и видоизменять. Главное, надо было взять под защиту зону непосредственного снабжения города, создать благоприятную обстановку для деятельности там производителей, скупщиков и перевозчиков, всех скромных действующих лиц, чьими трудами не прекращалось снабжение рынков великого города. Посему свободная деятельность профессиональных купцов допускалась лишь за пределами этой ближней зоны. Полицейский ордонанс Шатле от 1622 г. довел до 10 лье радиус круга, вне которого купцы могли заниматься закупками зерна; закупка скота разрешалась не ближе семи лье [от города] (ордонанс 1635 г.), а для закупки телят, выращенных на пастбище (*broutiers*), и свиней была установлена граница в 20 лье (1665 г.). С начала XVII в. за четыре лье была отнесена зона закупок пресноводной рыбы [73], а оптовые закупки вина разрешались не ближе 20 лье [74].

Немало было и других проблем; одной из самых жгучих было снабжение лошадьми и скотом. Оно производилось при посредстве шумных рынков, которые по возможности оттесняли на периферию или за пределы городских стен. То, что впоследствии станет площадью Вогезов — заброшенный пустырь возле Отеля де Турнель,— долгое время было конным рынком [75]. Париж был, таким образом, постоянно окружен венцом рынков, почти что «скоромных ярмарок». Закрывался один — на следующий же день открывался другой с тем же скоплением людей и животных. И вот в 1667 г. на одном из этих рынков, несомненно в предместье Сен-Виктор, было, по словам очевидцев, «больше трех тысяч лошадей [зараз], и это чудо, что их столько, ибо рынок бывает два раза в неделю» [76]. На самом деле торговля лошадьми шла во всех районах города: были лошади «новые», которых доставляли из провинции или из-за границы, но еще больше было лошадей «старых, т. е. таких, что уже послужили», в общем случайных, от которых «горожане хотят отделаться [порой], не отправляя их на рынок». Отсюда — рой маклеров и кузнецов, которые

[70] Davis D. *A History of Shopping*. 1966, p. 74—79, 89—90.
[71] *Voyage en Angleterre*. 1728. Victoria and Albert Museum, 86 NN 2, f° 5.
[72] Savary des Bruslons J. *Op. cit.*, III, col. 779. По поводу сливочного масла, яиц и сыров см.: Pradel A., du. *Le Livre commode des adresses de Paris pour 1692*. Éd. E. Fournier, I, 1878, p. 296 sq.
[73] Martineau J. *Op. cit.*, p. 204.
[74] Savary des Bruslons J. *Op. cit.*, IV, col. 1146.
[75] Babelon J. *Demeures parisiennes sous Henri IV et Louis XIII*. 1965, p. 15—18.
[76] *Journal du voyage de deux jeunes Hollandais*, p. 98. «Конный рынок в конце предместья Сен-Виктор». — См.: Pradel A., du. *Op. cit.*, I. p. 264.

выступали посредниками на службе у барышников и купцов — хозяев конюшен. А кроме того, в любом квартале были свои люди, сдававшие лошадей внаем [77].

Крупные рынки скота тоже вызывали огромные сборища: в Со (каждый понедельник) и по четвергам в Пуасси, у четырех ворот маленького городка — ворот О-Дам, дю Пон, Конфланских и Парижских [78]. Там была организована весьма активная торговля мясом — организована цепью «откупщиков» (*traitants*), которые авансировали деньги на закупки на рынках (а потом получали возмещение), посредников, комиссионеров (*griblins* или *bâtonniers*), которые затем продавали животных по всей Франции, и, наконец, мясников, которые не все были жалкими розничными торговцами: из них иные даже основывали буржуазные династии [79]. Согласно одному реестру, каждую неделю на парижских рынках продавалось в 1707 г. (округленно) 1300 быков, 8200 баранов и почти 2000 телят — 100 тыс. голов в год. В 1707 г. откупщики, «которые завладели как рынком в Пуасси, так и рынком в Со, жаловались на то, что вокруг Парижа, например в Пти-Монтрёй, заключаются сделки, [им не подконтрольные]» [80].

Запомним, что мясной рынок, который снабжал Париж, простирался на большую часть Франции, как и те зоны, из которых столица регулярно или нерегулярно получала свое зерно [81]. Эта протяженность ставила вопрос о дорогах и коммуникациях — серьезный вопрос, который невозможно изложить в нескольких словах даже в общих чертах. Главным было, несомненно, использование для снабжения Парижа водных путей — Йонны, Об, Марны и Уазы, которые впадают в Сену, и самой Сены. На Сене, протекающей через город, существовала цепочка «портов» (всего их было 26 в 1754 г.), которые представляли также удивительные и обширные рынки, где все стоило дешевле. Двумя самыми значительными были Гревская пристань, куда привозили грузы с верховий реки — зерно, вино, дрова, сено (хотя, что касается последнего, бóльшую роль играла, видимо, Тюильрийская пристань), и пристань Сен-Никола, куда поступали товары с низовий [82]. А по реке сновали бесчисленные суда, грузопассажирские, а со времен Людовика XIV — bachoteurs, маленькие ялики, бывшие к услугам клиентов, своего рода речные фиакры [83], аналогичные тысячам «гондол» (на Темзе выше Лондонского моста последние часто предпочитали тряским городским каретам) [84].

Парижский случай, каким бы сложным он ни казался, близок к десяти или двадцати другим. Всякий значительный город требовал зоны снабжения, соответствовавшей его собственным масштабам. Скажем, для обслуживания Мадрида в XVIII в. была осуществлена чрезмерная мобилизация большей части транспортных средств Кастилии, чрезмерная настолько, что она едва не подорвала всю экономику страны [85]. В Лисабоне, если верить Тирсо де Молине (1625 г.), все будто бы было до чудесного просто: фрукты, снег доставлялись с Серра д'Эштрелы, продовольствие привозили по ласковому морю: «Трапезующие жители, сидя за столом, видят, как полнятся рыбою сети рыбаков... рыбою, пойманной у самых их дверей» [86]. Сообщение от июля-августа 1633 г. гласит: видеть на Тежу (Тахо) сотни, тысячи

[77] *Journal du citoyen.* 1754, p. 306—307.
[78] A. N., G[7], 1511.
[79] A. N., G[7], 1668—1670, 1707—1709. См.: *"Annales E. S. C."*, I, p. 304.
[80] A. N., G[7], 1511.
[81] См. Meuvret J.— *"Revue d'histoire moderne et contemporaine"*, 1956.
[82] A. N., G[7], 1701, 222. Paris, 4 décembre 1713: «С того времени, как море стало свободным, все товары прибывают в Париж через Руан и выгружаются у пристани Сен-Никола».
[83] Crousaz Cretet P., de. *Paris sous Louis XIV.* 1922, p. 29—31, 47—48.
[84] *Voyage en Angleterre.* 1728, f° 36.
[85] Ringrose D. R. *Transportation and Economic Stagnation in Eighteenth Century Castille.—"The Journal of Economic History"*. March 1968.
[86] Tirso de Molina (Gabriel Tellez). *El Burlador de Sevilla. Théâtre de Tirso de Molina. "Le Séducteur de Séville"*, 1863, p. 54.

рыбацких лодок — услада взору [87]. Город-де, обжорливый, ленивый, равнодушный к [удачному] случаю, пожирает море. Но картина эта слишком красива. В действительности же Лисабон постоянно напряженно трудился, чтобы привезти зерно для своего повседневного питания.

Впрочем, чем более населен был город, тем более его снабжение оставалось подвержено случайностям. Венеции с XV в. приходилось покупать в Венгрии быков, которыми она кормилась [88]. Стамбул, число жителей которого в XVI в. достигало, возможно, 700 тыс., пожирал отары овец с Балкан, пшеницу Черноморья и Египта. Однако же, если бы крутое правительство султана не прилагало к этому рук, огромный город познал бы и срывы в снабжении, и дороговизну, и трагические голодовки (которых он, впрочем, с годами и не избежал) [89].

ЛОНДОНСКИЙ СЛУЧАЙ

Случай Лондона — в своем роде показательный. *Mutatis mutandis* * он вводит в игру все, что мы можем воскресить в памяти в связи с преждевременно появившимися на свет городами-спрутами. Будучи лучше, нежели другие города, освещен в исторических исследованиях [90], он позволяет сделать выводы, которые выходят за рамки живописного или анекдотического. Н.С.Б. Грас был прав, усматривая в нем типичный пример к схеме фон Тюнена, касающейся зональной организации экономического пространства [91], организации, которая, как считают, сложилась вокруг Лондона даже столетием раньше, чем вокруг Парижа [92]. Зона, поставленная на службу Лондону, вскоре обнаружила тенденцию к тому, чтобы охватить все пространство английского производства и торговли. Во всяком случае, в XVI в. она доходила на севере до Шотландии, на юге — до Ла-Манша, на востоке — до Северного моря, каботаж по которому был жизненно важен для ее повседневной жизни, а на западе — до Уэльса и Корнуолла. Но в этом пространстве встречались и области плохо либо мало использовавшиеся и даже упрямо сопротивлявшиеся — скажем, Бристоль с окружающим его районом. Как и в случае с Парижем (так же как и в схеме Тюнена), далеко отстоявшие районы — это те, что были связаны с торговлей скотом: Уэльс участвовал в этой деятельности с XVI в., а Шотландия — с гораздо более позднего времени, после своего объединения с Англией в 1707 г.

Сердцем лондонского рынка были, вполне очевидно, районы, прилегающие к Темзе,— земли, близкие к столице, легкодоступные ввиду их водных путей, и кольцо городов — перевалочных пунктов (Аксбридж, Брентфорд, Кингстон, Хэмпстед, Уотфорд, Сент-Олбанс, Хартфорд, Кройдон, Дартфорд), которые хлопотали на службе у столицы, занимались помолом зерна и вывозом муки, приготовлением солода, отправкой продовольствия или мануфактурных изделий в огромный город. Если бы мы располагали последовательными во времени изображениями этого столичного рынка, рынка-«метрополии», то увидели бы, как он расширяется, растет от года к году в таком же ритме, в каком

[87] Хотя иной раз «турецкие корсары захватывали их прямо в виду Лисабона».—British Museum, Sloane, 1572.

[88] См., например, A.d.S. Venezia, Senato Terra, 12 marzo 1494.

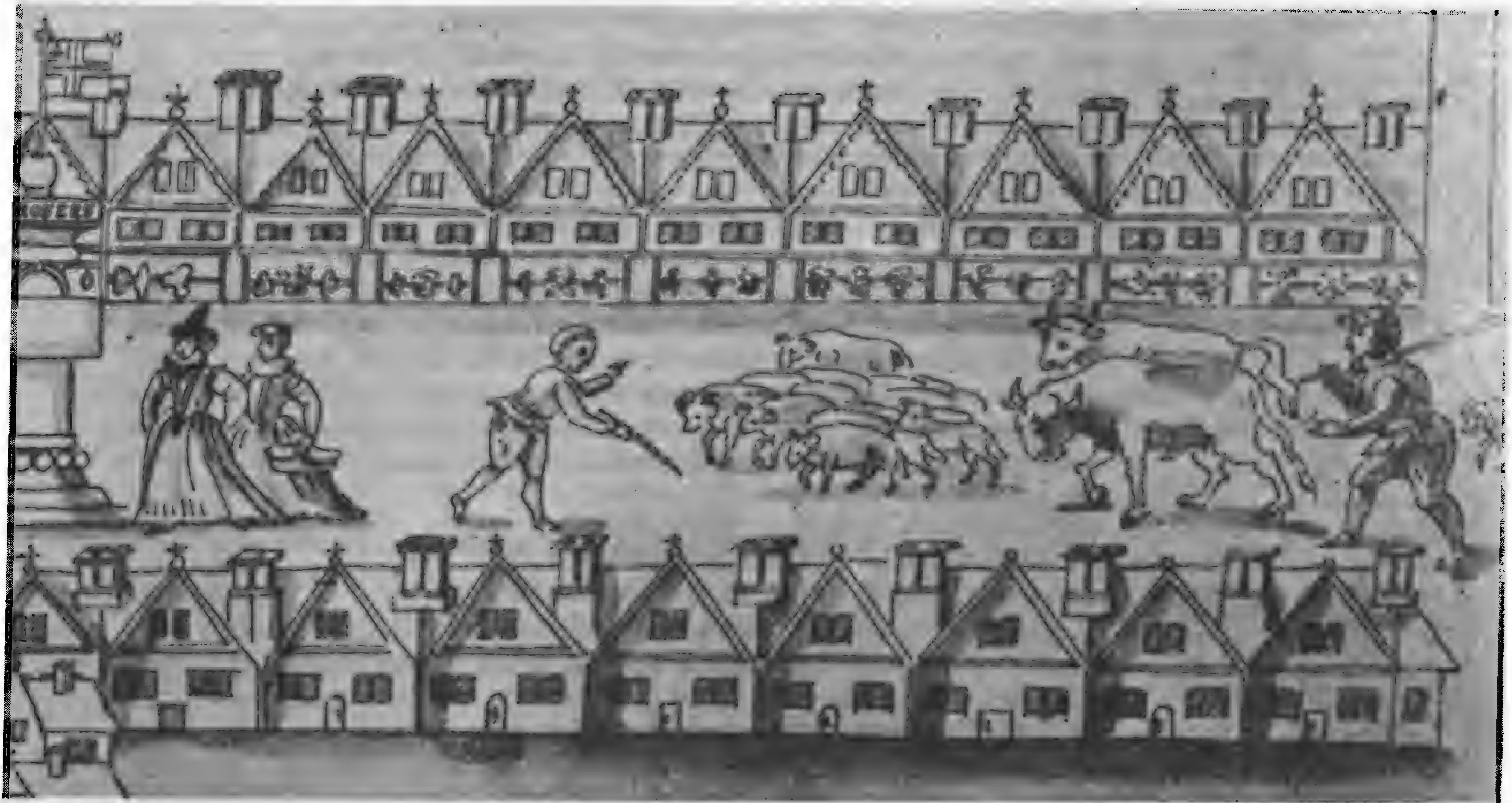
[89] Hahn W. *Die Verpflegung Konstantinopels durch staatliche Zwangswirtschaft nach türkischen Urkunden aus dem 16. Jahrhundert.* 1926. По этому же поводу см.: Dersca-Bulgaru. *Quelques données sur le ravitaillement de Constantinople au XVI^e siècle.*—"*Congrès International d'études balkaniques*". Sofia, 1966.

* С необходимыми поправками (*лат.*).— *Прим. ред.*

[90] Bog I. *Das Konsumzentrum London und seine Versorgung.*— "*München 1965*", S. 109—118. Еще лучше — работа того же автора с тем же названием в: "*Mélanges Lütge*". 1966, p. 141—182.

[91] Gras N. S. B. *The Evolution of the English Corn Market.* 1915.

[92] *Ibid.*, p. 122; Usher A. S. *The History of the Grain Trade in France, 1400—1710.* 1913, p. 82, 84, 87.



Рынок Истчип в Лондоне в 1598 г.; описан Стоу (*Survey of London*) как мясной рынок. Мясники жили в домах по обе стороны улицы, равно как и торговцы жареным мясом, которые продавали уже приготовленные блюда. *Фототека издательства А. Колэн.*

растет город (в 1600 г.— самое большее 250 тыс. жителей, в 1700 г.— 500 тыс. или даже больше). Население Англии в целом тоже не переставая росло, но не столь быстро. Так можно ли сказать лучше, чем сказала одна исследовательница — что Лондон съедает Англию («*is going to eat up England*»)? [93] Разве не говаривал сам Яков I: «Со временем Англия — это будет только Лондон» («*With time England will only be London*»)? [94] Вполне очевидно, что формулировки эти одновременно и точны, и неточны. В них есть недооценка и есть переоценка. То, что Лондон поглощал,— это не только внутренние ресурсы Англии, но также, если можно так выразиться, и внешние: $^{2}/_{3}$ по меньшей мере или $^{3}/_{4}$, а то и $^{4}/_{5}$ ее внешней торговли [95]. Но даже подкрепленный утроенным аппетитом двора, армии и флота, Лондон не поглощал всего, не все подчинял неотразимым чарам своих капиталов и своих высоких цен. И под его влиянием даже росло национальное производство, как в английских деревнях, так и в небольших городках, бывших центрами «скорее распределения, нежели потребления» [96]. Наблюдалась определенная взаимность оказывавшихся услуг.

То, что создавалось благодаря подъему Лондона,— это на самом деле современный характер английской жизни. В глазах путешественников делалось очевидным обогащение расположенных поблизости от него деревень — со служанками постоялых дворов, «коих можно принять за дам, столь чисто они одеты», с их хорошо одетыми крестьянами, едящими белый хлеб и не носящими деревянных башмаков, сабо, как французские крестьяне, и даже ездящими на лошади [97]. Но по всей своей протяженности

[93] Davis D. *A History of Shopping*. 1967, p. 56 (3-е издание).
[94] Bog I. *Op. cit.*— "*Mélanges Lütge*", p. 150.
[95] *Ibid.*, p. 147. Самая высокая из оценок принадлежит Л. Стоуну.
[96] Everitt A. *The Food Market of the English Town.*—"*München 1965*", S. 60.
[97] *Voyage en Angleterre*. 1728, f^os 14, 161.

Англия, а вдали — и Шотландия и Уэльс, были затронуты и трансформированы щупальцами города-спрута [98]. Весь регион, с которым соприкасался Лондон, обнаруживал стремление специализироваться, трансформироваться, коммерциализироваться. Правда, пока еще в ограниченном числе секторов, ибо между модернизировавшимися районами зачастую сохранялся старый деревенский порядок с его формами и традиционными культурами. Скажем, в Кенте к югу от Темзы, совсем близко от Лондона, виден расцвет фруктовых садов и плантаций хмеля, которые снабжали столицу. Но сам Кент оставался самим собой со своими крестьянами, хлебными полями, со своим скотоводством, со своими густыми лесами (прибежищем разбойников с большой дороги) и обилием дичи (что служит безошибочным признаком): фазанами, куропатками, тетеревами, перепелами, утками-мандаринками и дикими утками... и с той разновидностью английской садовой овсянки — каменкой,— «в которой [мяса] на один укус, но ничего нет более вкусного» [99].

[98] По поводу Уэльса и Шотландии см. замечания М. Хехтера: Hechter M. *International Colonialism*. 1975, p. 82—83.

[99] Defoe D. *En explorant l'île de Grande-Bretagne*. 1974, p. 103.

Другое следствие складывания лондонского рынка — разрыв (неизбежный, если учесть масштабы задачи) традиционного рынка (*open market*), того «прозрачного» открытого рынка, что ставил лицом к лицу изготовителя-продавца и городского покупателя-потребителя. Расстояние между одним и другим становится слишком велико, чтобы его преодолеть целиком «маленькому человеку». Купец, третий участник, давно уже, самое малое с XIII в., появился в Англии между деревней и городом, особенно — в хлебной торговле. Мало-помалу протягивались посреднические цепочки между производителем и крупным купцом, с одной стороны, и между купцом и розничными торговцами — с другой. Именно по этим цепочкам будет идти бóльшая часть торговли сливочным маслом, сыром, птицей, фруктами, овощами, молоком... В этой игре утрачивались, разлетались на куски предписания, привычки и традиции. Кто бы сказал, что чреву Лондона или чреву Парижа предстоит стать революционерами! Им достаточно было вырасти.

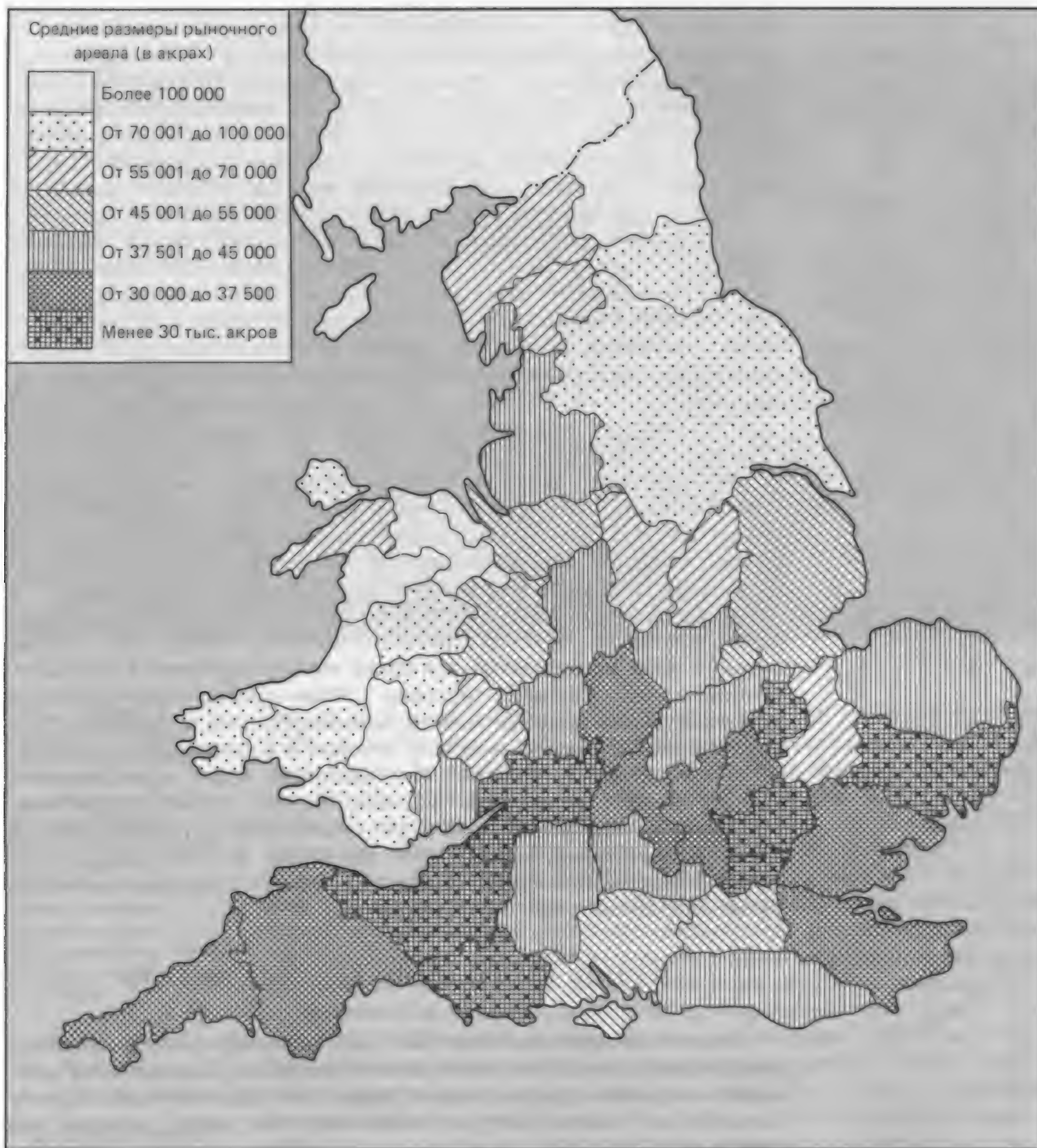
ЛУЧШЕ ВСЕГО БЫЛО БЫ ПОДСЧИТАТЬ

Эта эволюция предстала бы пред нашими глазами намного более ясно, если бы мы располагали цифрами, балансовыми данными, «сериями» документов. И ведь было бы возможно собрать большое их количество, как показывает это карта, которую мы позаимствовали из превосходной работы Алана Эверитта (1967 г.), рассматривающей английские и уэльские рынки с 1500 по 1640 г.[100], или составленная нами карта рынков Канского фискального округа (женералите) в 1722 г., или же перечень рынков Баварии в XVIII в., который дает Эккарт Шреммер [101]. Но и эти исследования, и другие лишь открывают направление поиска.

[100] Everitt A. *The Marketing of Agricultural Produce.— The Agrarian History of England and Wales*, p. 468, 470, 473.

[101] Schremmer E. *Die Wirtschaft Bayerns*, S. 613—616.

Оставляя в стороне пять или шесть деревень, которые в виде исключения сохранили свой рынок, в Англии XVI и XVII вв. насчитывалось 760 городов или местечек, имевших по одному или по нескольку рынков, а в Уэльсе — 50 таких пунктов, в



Плотность рыночных городов в Англии и Уэльсе в 1500—1680 гг. Рассчитав по графствам средние размеры зоны, обслуживаемой каждым рыночным городом, А. Эверитт получает величины, варьирующие от более 100 тыс. акров (т. е. 1500 *га*, считая акр равным 150 кв. метрам) на крайнем севере и западе до менее 30 тыс. акров, т. е. 450 *га*. Чем более населена область, тем ограниченнее ареал рынка. См.: Everitt A. *The Market Town.— The Agrarian History of England and Wales*. 1967, p. 497.



800 рыночных городов Англии и Уэльса в 1500—1640 гг.
Каждый город насчитывал по меньшей мере один рынок, обычно — несколько.
К рынкам надлежит прибавить ярмарки.
Дано по данным той же работы,
что и предыдущая карта (с. 468—473).



Рынки и ярмарки Канского фискального округа в 1725 г.
Карта составлена Ж. Арбелло по данным Департаментского архива Кальвадоса (С 1358 liasse). Ж.-К. Перро указал мне дополнительно шесть ярмарок (одна в Сен-Жан-дю-Валь, две в Берри, одна в Мортене, две в Васси), не нанесенных на эту карту. Всего 197 ярмарок, большая часть которых длилась один день, некоторые — два или три дня, а большая канская ярмарка — две недели. То есть в общей сложности 223 ярмарочных дня в году. Наряду с этим было 85 еженедельных рынков, т. е. 4420 рыночных дней в году. Население округа насчитывало тогда от 600 до 620 тыс. человек, его площадь составляла примерно 11 524 кв. км.
Аналогичные сводки позволили бы провести полезные сопоставления по всей Франции.

800 населенных мест, располагавших регулярно действующими рынками. Если все население обоих регионов составляло что-то около 5,5 млн. жителей, то каждое из таких населенных мест затрагивало своими обменами в среднем от 6 до 7 тыс. человек, тогда как в собственных своих границах оно охватывало — также в среднем — одну тысячу обитателей. Так что одно торговое поселение предполагало наличие [вокруг] шести- и семикратного числа людей по сравнению с его собственным населением, чтобы могли существовать его обмены. Аналогичное соотношение находим мы в Баварии в конце XVIII в.: один рынок приходился там на 7300 жителей [102]. Это совпадение не должно наводить нас на мысль о какой-либо закономерности. Пропорции наверняка варьировали от одного периода к другому, от одного региона к другому. К тому же не следовало бы забывать и о способе, каким велся каждый подсчет.

[102] *Ibid.*, S. 608.
[103] Everitt A. *Op. cit.*, p. 469.

Во всяком случае, мы знаем, что в Англии XIII в. было, вероятно, больше рынков, чем в Англии времен Елизаветы, однако же вторая имела почти такое же население, что и первая. И объясняется это либо большей активностью, а следовательно, большим радиусом влияния каждой единицы в елизаветинскую эпоху, либо «перенасыщенностью» средневековой Англии рынками: бароны, почитая это вопросом чести или же из алчности, настойчиво основывали рынки. Во всяком случае, на этот интервал приходятся «исчезнувшие рынки» [103], несомненно столь же интересные сами по себе, как и «исчезнувшие деревни», вокруг которых новейшая историография подняла такой шум, и не без резона.

С подъемом, наступившим в XVI в., особенно после 1570 г., рынки создаются заново или возрождаются из пепла, и даже из своей спячки. Сколько было ссор по их поводу! На свет снова извлекались старинные грамоты, дабы установить, кому принадлежит или будет принадлежать право взимать рыночные пошлины, кто возьмет на себя расходы по оборудованию рынка: фонарь, колокол, крест, весы, лавки, сдаваемые внаем подвалы или навесы. И далее в том же духе.

В то же время в национальном масштабе намечалось разделение обменов между рынками в зависимости от характера предлагаемых товаров, от расстояний, удобства или неудобства доступа к рынку и транспортировки, в зависимости от географии производства и в не меньшей степени — географии потребления. Зона влияния [каждого из] 800 городских рынков, перечисленных Эвериттом, охватывала в среднем пространство диаметром в 7 миль (11 км). Около 1600 г. зерно сухопутным путем не путешествовало далее 10 миль, а чаще всего — и 5 миль; крупный рогатый скот перегоняли на расстояние до 11 миль; баранов — от 40 до 70 миль; шерсть и шерстяные ткани перевозились на 20—40 миль. В Донкастер в Йоркшире, на один из самых крупных шерстяных рынков, покупатели приезжали во времена Карла I из Гейнсборо (за 21 милю), из Линкольна (за 40), Уорсопа (за 25), Плесли (за 26), Блэнкни (за 50 миль). В Линкольншире Джон Хэтчер из Керби продавал своих баранов в Стамфорде, своих быков или коров — в Ньюарке, бычков закупал в Спилсби, рыбу — в Бостоне, вино — в Борне, а предметы роскоши — в



Жена фермера несет продавать на рынок живую птицу. Иллюстрация из рукописи 1598 г., находящейся в Британском музее (Eg. 1222, f. 73). ***Фототека издательства А. Колэн.***

Лондоне. Эта рассредоточенность показательна для возраставшей специализации рынков. Из 800 городов и местечек Англии и Уэльса по меньшей мере 300 специализировались каждый на каком-то одном виде деятельности, занимаясь: 133 — торговлей зерном, 26 — торговлей солодом, 6 — фруктовой торговлей, 92 — торговлей крупным рогатым скотом, 32 — торговлей баранами, 13 — лошадьми, 14 — свиньями, 30 — рыбной торговлей, 21 — торговлей дичью и домашней птицей, 12 — торговлей сливочным маслом и сыром, более 30 торговали сырцовой или пряденой шерстью, 27 или больше продавали сукна, 11 торговали кожевенными изделиями, 8 — льняными и самое малое 4 — пенькой. И это не считая мест с узкой и по меньшей мере неожиданной специализацией: так, Уаймондхэм ограничивался изготовлением деревянных ложек и кранов.

Само собой разумеется, что специализация рынков усилится в XVIII в., и не только в Англии. Так что если бы мы имели возможность по данным статистики отметить этапы эволюции в остальной Европе, то располагали бы своего рода картой европейского роста, которая с пользой заменила бы те чисто описательные данные, какими мы располагаем.

Однако же — и это самый важный вывод, который следует из труда Эверитта,— такая оснащенность организованными рынками оказалась неадекватной демографическому подъему и экономическому росту Англии XVI—XVII вв., невзирая на специализацию и концентрацию и несмотря на значительную помощь ярмарок, другого традиционного орудия обмена, к которому мы еще вернемся [104]. Рост обменов благоприятствовал использованию новых каналов обращения, более свободных и более прямых. Мы видели, что этому способствовал рост Лондона. Отсюда и судьба того, что Алан Эверитт за неимением лучшего слова

[104] Everitt A. *Op. cit.*, p. 532 ff.

называет *частным рынком* (*private market*), который, по правде говоря, есть лишь способ обойти открытый рынок (*open market*), находившийся под жестким контролем. Агентами этих частных рынков зачастую бывали *крупные* странствующие торговцы, даже разносчики или коммивояжеры: они добирались до самых кухонь отдельных ферм, закупая *авансом* пшеницу, ячмень, баранов, шерсть, птицу, шкурки кроликов и овчины. Таким образом происходило «выплескивание» рынка в деревни. Зачастую такие новоприбывшие делали своей базой постоялые дворы, эти «заменители» рынков; с этого начиналась их огромная роль. Эти люди странствовали из одного графства в другое, из одного города в другой, тут договаривались с каким-нубудь лавочником, в другом месте — с разносчиком или оптовиком. Им приходилось также самим играть роль настоящих оптовых торговцев, посредников всякого рода, в такой же мере готовых поставлять ячмень пивоварам Нидерландов, как и покупать в странах Прибалтики рожь, которая требовалась в Бристоле. Иногда они объединялись по двое или по трое, дабы разделить риск.

О том, что этот многоликий пришелец вызывал отвращение, что его ненавидели за его пронырливость, за несговорчивость и жестокость, с избытком свидетельствуют возникавшие судебные тяжбы. Эти новые формы обмена, регулировавшиеся простой распиской, категорически обязывающей продавца (который часто не умел читать), влекли за собой недоразумения и даже драмы. Но для купца, погонявшего своих лошадей с грузом или наблюдавшего за погрузкой зерна вдоль по течению рек, суровое ремесло странствующего торговца имело свои прелести: пересекать Англию от границ Шотландии до Корнуолла, встречать на постоялых дворах друзей или собратий, ощущать свою принадлежность к умному и отважному деловому миру — и все это при хороших доходах. В этом заключалась революция, которая из экономики выплескивалась и на формы социального поведения. И не случайно, полагает Эверитт, эти новые формы деятельности развились в то же самое время, когда оформились как политическая группа *индепенденты* *. По окончании гражданской войны, в 1647 г., когда дороги и пути снова широко открылись, Хью Питер, родом из Корнуолла, любитель морализировать, восклицал: «О сколь счастливые перемены! Видеть, как люди беспрепятственно ездят от Эдинбурга до [мыса] Лэндс-Энд в Корнуолле и до самых наших ворот! Видеть большие дороги вновь ожившими, слышать, как свистит возница, погоняя свою упряжку, видеть на обычном его маршруте еженедельного почтальона! Видеть ликующие холмы и смеющиеся долины!» [105]

* Индепенденты — политическая партия, выражавшая интересы радикального крыла буржуазии и обуржуазившегося дворянства, стоявшая у власти в Англии в период 1649—1660 гг.— *Прим. перев.*

[105] Everitt A., *Op. cit.*, p. 563.

ИСТИНА АНГЛИЙСКАЯ, ИСТИНА ЕВРОПЕЙСКАЯ

Частный рынок (*private market*) — это не только английская действительность. По-видимому, и на континенте купец вновь обрел вкус к странствиям. Андреас Рифф, умный и деятельный базелец, который на протяжении второй половины XVI в. беспрестанно ездил по всем направлениям, [делая] в среднем

тридцать поездок в год, говорил о себе: «Редко выдавались мне [часы] покоя, когда седло не прикипало к моему заду!» («*Hab wenig Ruh gehabt, dass mich der Sattel nicht an das Hinterteil gebrannt hat*!») [106]. Правда, при нашем уровне знаний не всегда просто провести различие между ярмарочным торговцем, ездившим с одной ярмарки на другую, и купцом, стремящимся делать закупки у самых истоков производства. Но вполне несомненно, что почти повсюду в Европе открытый рынок оказывался одновременно и недостаточным и слишком контролируемым; и в любой точке, доступной наблюдению, использовались или станут использоваться уловки и окольные пути.

[106] Below G., von. *Op. cit.*, S. 353.



Торговка овощами со своим ослом. *«Моя прекрасная лиственная свекла* [в пищу употребляют ее листья], *мой красавец-шпинат!»* Гравюра на дереве XVI в. *Собрание Виолле.*

В своем «Трактате» Деламар отмечал в апреле 1693 г. в Париже мошеннические проделки ярмарочных купцов, «каковые вместо того, чтобы продавать свои товары на Крытом рынке (*Halles*) или же на открытых рынках, продали их в трактирах... и за их пределами» [107]. В дополнение к этому он составляет подробный перечень всех тех средств, что используют мельники, булочники, мясники, а также действующие противозаконно или как им вздумается купцы и хозяева складов, дабы снабжаться за меньшую цену и в ущерб нормальному поступлению на рынки [108]. Уже около 1385 г. в Эврё, в Нормандии, стражи общественного порядка разоблачали производителей и перекупщиков, которые сговаривались, «шепча на ухо, или молча изъясняясь знаками, или тихо обмениваясь чужеземными словами или намеками». Еще одно нарушение правил: скупщики едут навстречу крестьянам и скупают у них съестные припасы «до того, как те попадут на Крытый рынок» [109]. Точно так же в XVI в. в Карпантра торговки овощами (*répétières*) отправлялись по дорогам скупать по низким ценам продукты, которые везли на рынок [110]. И то было частой практикой во всех городах [111]. Ничего не значило, что еще в середине XVIII в. (апрель 1764 г.) ее разоблачали в Лондоне как мошенническую. Правительство, читаем мы в дипло-

[107] Delamare N. *Traité de police*. 1705, II, p. 654.
[108] *Ibid.*, 1710, II, p. 1059, 16 января 1699 г. В числе спекулянтов зерном мы видим суконщика, торговца шерстью, аптекаря, купца, врача, откупщика таможенных пошлин, булочника, земледельца.
[109] Baudot M. *Op. cit.*, p. 2.
[110] Caillet R. *Op. cit.*, p. 23—24.
[111] То же происходило и в Сен-Жан-де-Лоне в 1712 и 1713 гг.— См. Jacquin H. *Le ravitaillement de Saint-Jean-de-Losne au XVIII*e.—"*Annales de Bourgogne*", 1974, p. 131—132.

матической переписке, «должно было бы по меньшей мере как-то озаботиться тем ропотом, что возбуждает в народе чрезмерная дороговизна съестных припасов; и это тем более, что ропот сей основан на злоупотреблении, каковое по справедливости может быть вменено в вину тем, кто управляет... ибо главная причина этой дороговизны... есть алчность монопольных торговцев, коими кишит эта столица. С недавнего времени они приспособились забегать вперед рынка, отправляясь по улицам навстречу деревенскому жителю и скупая грузы различных припасов, кои тот привозит, дабы перепродать их по цене, какую сочтут подходящей...» [112]. Наш очевидец говорит еще «вредоносное отродье». Но отродье это встречалось повсеместно.

И столь же повсеместно насмехалась над регламентацией, над таможнями, как и над городскими ввозными пошлинами, настоящая контрабанда, многообразная, все разбухающая и безуспешно преследуемая. Она бралась за все: за набивные индийские ткани, соль, табак, вина, спирт. В Доле, во Франш-Конте (1 июля 1728 г.), «торговля контрабандными товарами шла публично... ибо один купец имел дерзость возбудить судебное дело об оплате его по ценам этих товаров» [113]. Один из агентов писал Демаре, последнему из генеральных контролеров за долгое царствование Людовика XIV: «Ваша милость могли бы выставить армию вдоль всего побережья Бретани и Нормандии, но избежать контрабанды не удалось бы» [114].

[112] Москва, АВПР 50/6, 474, лл. 60 и 61, 13/24 апреля 1764 г.
[113] A. N., Ms. Fr. 12 683.
[114] Сен-Мало, 29 июня 1713 г. A. N., G[7], 1701, f° 120.

РЫНКИ И РЫНКИ: РЫНОК ТРУДА

Рынок, прямой или непрямой, многообразный обмен непрерывно вносили беспорядок в экономики, даже самые спокойные. Они приводили эти экономики в движение, кто-то скажет [даже]: они их оживляли. Во всяком случае, в один прекрасный день все будет логично проходить через рынок, не только плоды земли или изделия промышленности, но и земельная собственность, но и деньги, которые перемещаются быстрее, чем любой другой товар, но и труд, усилия человека, чтобы не сказать — сам человек.

Разумеется, в городах, местечках и деревнях всегда заключались сделки по поводу домов, участков под застройку, жилищ, лавок или жилья для сдачи внаем. Интерес заключается не в том, чтобы с документами в руках установить, что в XIII в. в Генуе продавались дома [115] или что в это же самое время во Флоренции внаем сдавались земельные участки, на которых затем строились дома [116]. Главное — это увидеть, как множились эти обмены и эти сделки, увидеть, как вырисовывались рынки недвижимости, освещавшие ярким светом приступы спекуляции. Для этого требовалось, чтобы сделки достигли определенного уровня. Именно это раскрывают с XVI в. колебания размеров платы за наем помещений в Париже (включая и плату за аренду лавок): ее размеры безошибочно отражают, последовательные волны конъюнктуры и инфляции [117]. Именно это подтверждает также сама по себе простая деталь: в Чезене, маленьком городке посреди богатейшей земледельческой области Эмилии, [условия]

[115] Reynolds R. L. *In Search of a Business Class in Thirteenth-Century Genoa.— "Journal of Economic History"*, 1945.
[116] Szenura F. *L'Espansione urbana di Firenze nel Dugento.* 1975.
[117] Le Roy Ladurie E. *Le Territoire de l'historien.* 1973, p. 116 sq. (*Le Mouvement des loyers parisiens de la fin du Moyen Age au XVIII[e] siècle*).

акта аренды лавки от 17 октября 1622 г., случайно сохранившегося в муниципальной библиотеке города, оговорены на заранее напечатанном бланке: достаточно было заполнить пустые места и затем подписаться [118]. Спекуляции имели еще более современный акцент: «инициаторы» и их клиенты не сегодня возникли. В Париже спекуляции можно частично проследить в XVI в. на долгое время пустовавшем пространстве Пре-о-Клер, по соседству с Сеной [119], или на не менее пустом пространстве у бывшего Отеля де Турнель, где начиная с 1594 г. консорциум, которым управлял президент Арлэ, с успехом осуществил сооружение великолепных домов нынешней площади Вогезов — впоследствии они будут сдаваться виднейшим семействам знати [120]. В XVII в. спекуляции быстро развивались на окраине Сен-Жерменского предместья и, вне сомнения, в других местах [121]. При Людовике XV и Людовике XVI, когда столица покрылась строительными площадками, недвижимость узнала еще лучшие времена. В августе 1781 г. некий венецианец сообщал одному из своих корреспондентов, что прекрасный бульвар у Пале-Руаяля в Париже разрушен, а деревья на нем вырублены, «невзирая на роптания всего города» (*"nonnostante le mormorazioni di tutta la città"*); в самом деле, у герцога Шартрского возник проект «воздвигнуть там дома и сдавать их внаем» [122].

Что до земельной собственности, то развитие протекало таким же образом: «земля» в конечном счете поглощалась рынком. В Бретани с конца XIII в., а вне сомнения — и в других местностях, и, безусловно, еще раньше, сеньериальные владения продавались и перепродавались [123]. По поводу продажи земель мы располагаем для Европы показательными рядами значений цен [124] и многочисленными указаниями на их регулярный рост. Так, в 1558 г. в Испании, по словам венецианского посла, «имущества [земельные], кои обычно уступали из 8 или 10% [т.е. за цену, превышавшую доход с них в 12,5 или 10 раз], продаются из 4 и 5% [т.е. за сумму в 25 или 20 раз большую, чем доход с них]» (*"...i beni che si solevano lasciare a otto e dieci per cento si vendono a quatro e cinque"*) [125]; они-де выросли вдвое «с избытком денег». В XVIII в. аренда бретонских сеньериальных владений обговаривалась при посредстве Сен-Мало и его крупных купцов благодаря цепочке посредников, достигавшей Парижа и Главного управления откупами [126]. И газеты также принимали объявления о продаже земель [127]. Здесь реклама не отставала. Во всяком случае, с рекламой или без нее, по всей Европе земля не переставала переходить из рук в руки посредством покупок, продаж и перепродаж. Вполне очевидно, что это движение повсюду было связано с экономической и социальной трансформацией, которая лишала собственности бывших хозяев, сеньеров или крестьян, в пользу горожан-нуворишей. Уже в XIII в. в Иль-де-Франсе множится число «сеньеров без земли» (выражение Марка Блока), или же «сеньерий-гузок» (*seigneuries-croupions*), как говорит Ги Фуркэн [128].

О денежном рынке, рынке краткосрочных и долгосрочных денежных сделок, мы еще будем говоить долго: он находился в сердце европейского экономического роста, и многозначительным представляется то, что рынок этот не везде развивался

[118] Cesena. Bibl. Malatestiana, Cassetta XVI, 165, 39.
[119] *Variétés*, IV, p. 105 sq.
[120] Babelon J. *Op. cit.*, p. 15—18.
[121] По данным неопубликованной работы Жана Нагля.
[122] Museo Correr, P. D., C. 903, f° 12. Андреа Дольфин, венецианский посол в Париже — Андреа Трону, 13 августа 1781 г.
[123] Huppert G. Его труд должен выйти в свет под условным названием *"Vivre noblement"* (см. машинописный текст, с. 127).
[124] Abel W. *Agrarkrisen und Agrarkonjunktur*. 1966, S. 124 f.
[125] Alberi E. *Relazioni degli ambasciatori veneti durante il secolo XVI*. 1839—1863, VIII, p. 257.
[126] Meyer J. *La Noblesse bretonne au XVIII^e siècle*. 1966, II, p. 897.
[127] Pradel A., du. *Op. cit.*, I, p. XXVI; II, p. 333 sq.
[128] Bezart Y. *La Vie rurale dans le Sud de la région parisienne, 1450—1560*. 1929, p. 68 sq.

в одинаковом ритме или с одинаковой эффективностью. Но что, напротив, было всеобщим явлением, так это появление лиц, ссужавших деньги, и сети ростовщиков — как евреев, так и ломбардцев или выходцев из Каора, или же, в Баварии, монастырей, которые специализировались на предоставлении займов крестьянам[129]. Всякий раз, когда мы располагаем данными, ростовщичество уже тут как тут и в добром здравии. И так оно было при всех цивилизациях мира.

Зато денежные сделки на срок могли существовать только в зонах с уже «перенапряженной» экономикой. С XIII в. такой рынок предстает перед нами в Италии, в Германии, в Нидерландах. Все способствовало его созданию [именно] там: накопление капиталов, торговля на дальние расстояния, вексельные хитросплетения, рано созданные «права» на [долю] государственного долга *, инвестиции в ремесленные и промышленные предприятия либо в кораблестроение или дальние плавания судов (последние, сделавшись еще до XV в. непомерно большими, переставали быть индивидуальной собственностью). Впоследствии великий денежный рынок переместится в Голландию. Еще позднее — в Лондон.

Но из всех этих рассеянных рынков самым важным с позиций этой книги был рынок труда. Как и Маркс, я оставляю в стороне классический случай рабства, которому, однако, суждено было продлиться и вновь расцвести [130]. Для нас проблема заключена в том, чтобы увидеть, как человек или по крайней мере его труд становились товаром. Обладатель столь яркого ума, как Томас Гоббс (1588—1679), уже мог сказать, что «мощь [мы сказали бы — рабочая сила] всякого индивида есть товар», вещь, которая нормально предлагается к обмену в рамках рыночной конкуренции [131]. Однако в то время это еще не было хорошо знакомым понятием. И мне нравится это случайное размышление незаметного французского консула в Генуе — ума, несомненно, отставшего от своего времени: «Это впервые, монсеньор, чтобы слышал я сформулированным, что человек может быть исчислен в деньгах». А Рикардо попросту напишет: «Труд, как и любые вещи, кои можно купить или продать...» [132]

Однако же сомнений нет: рынок труда — как реальность, если и не как понятие,— не создание индустриальной эры. Рынок труда — это такой рынок, где человек, откуда бы он ни был, предстает лишенным своих традиционных «средств производства» (если предполагать, что он ими когда-либо обладал): земельного участка, ткацкого станка, лошади, двуколки... Он может предложить лишь свои кисти, свои руки, свою «рабочую силу». И, разумеется, свое умение. Человек, который таким способом нанимается или продает себя, проходит сквозь узкую щель рынка и выходит за пределы традиционной экономики. Этот феномен с необычной ясностью предстает перед нами, когда дело касается горняков Центральной Европы. Долгое время пробыв независимыми ремесленниками, работавшими небольшими группами, они в XV и XVI вв. вынуждены были перейти под контроль купцов, которые одни только способны были предоставить деньги, необходимые для крупных капиталовложений, каких требует оборудование глубоких шахт. И вот они оказались наемными ра-

[129] Schremmer E. *Op. cit.*, passim, и в частности с. 219, 685.

* То есть государственные ценные бумаги.— *Прим. перев.*

[130] Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.*, т. 24, с. 544: «Рынок труда, который следует отличать от рынка рабов». Среди прочих примеров о торговле рабами из Истрии и Далмации, ориентированной на Флоренцию, Сиену и Болонью, см.: A.d.S. Venezia. Senato Mar, 6, f° 136 v°, 17 августа 1459 г.

[131] См. рецензию Фройнда (Freund J.) на кн.: Villms B. *Die Antwort des Leviathan, Th. Hobbes politische Theorie*.— "Critique", 1972, p. 563.

[132] A. N., A. E., B[1], 598, Генуя, 31 марта 1783 г.; Ricardo D. *Principes de l'économie politique*. 1970, p. 67.

бочими. Разве же не произнесли в 1549 г. решающего слова шеффены (члены магистрата) Йоахимсталя [современный Яхимов], небольшого горнопромышленного городка в Чехии: «Один дает деньги, другой работу» (*"Der eine gibt das Geld, der andere tut die Arbeit"*)? Вряд ли можно было бы придумать лучшую формулу для раннего противостояния Капитала и Труда [133]. Правда, наемный труд, однажды появившись, мог и исчезнуть, что и произошло на виноградниках Венгрии: в Токае в 70-е годы XVI в., в Надьбанье — в 1575 г., в Сентдьёрдь Бази — в 1601 г.— везде восстанавливается крепостная зависимость крестьянина [134]. Но это специфично для Восточной Европы. На Западе же переходы к наемному труду были явлением необратимым, зачастую ранним, и, главное, они были более многочисленны, нежели это обычно принято считать.

С XIII в. в Париже Гревская площадь и по соседству с нею «присяжная» площадь возле Сен-Поль-дэ-Шан и площадь перед апсидой церкви Сен-Жерве «около Дома Сообщества» (Maison de la Conserve) были обычными местами найма [работников] [135]. Сохранились любопытные трудовые контракты, датируемые 1288 и 1290 гг., с кирпичного завода в окрестностях Пьяченцы, в Ломбардии [136]. Между 1253 и 1379 гг.— и это подтверждается документами — в португальской деревне уже были наемные рабочие [137]. В 1393 г. в Осере, в Бургундии, рабочие на виноградниках устроили стачку (напомним, что всякий город был тогда наполовину погружен в земледельческую жизнь, а виноградники служили объектом своего рода промысла) [138]. Этот инцидент позволяет нам узнать, что каждый день в летний сезон на городской площади встречались на восходе солнца поденщики и наниматели — нанимателей зачастую представляли своего рода старшие мастера (*closiers*). Это один из первых рынков труда, который нам дано увидеть, имея *доказательства в руках*. В Гамбурге в 1480 г. поденщики (*die Tagelöhner*), отправлялись в поисках нанимателя к Мосту утешения (*Trostbrücke*). Именно там уже был «явный рынок труда» [139]. Во времена Таллемана де Рео * в Авиньоне «слуги, коих можно нанять, собирались на мосту» [140]. Существовали и другие рынки, хотя бы на ярмарках — «места найма» (*"louées"*) («со дня св. Иоанна, св. Михаила, св. Мартина, с праздника Всех Святых, с Рождества, с Пасхи...» [141]), где батраки и работницы с ферм представали для обозрения нанимателей (богатых крестьян или сеньеров, скажем, например, г-на де Губервиля [142]) наподобие скотины, качества которой дозволено прикидывать и проверять. «К 1560 г. каждое местечко или большая деревня Нижней Нормандии располагали, таким образом, своим местом найма, походившим и на рынок рабов, и на ярмарочный праздник» [143]. В Эврё ярмарка ослов 24 июня, в день св. Иоанна [Ивана Купалы], была также и днем найма слуг [144]. В дни жатвы, сбора винограда отовсюду стекалась дополнительная рабочая сила, и нанимали ее в соответствии с обычаем — за деньги или же за вознаграждение натурой. Мы уверены в том, что речь шла об огромном перемещении: время от времени какие-либо статистические данные решительно это подтверждают [145]. Или же какое-нибудь точное микронаблюдение — например, связанное с Шато-Гонтье, маленьким город-

[133] Maschke E. *Deutsche Städte am Ausgang des Mittelalters.— "Die Stadt am Ausgang des Mittelalters"*. Hrsg. W. Rausch, S. 20.

[134] *"Acta hungarica"*, XXIV, p. 30.

[135] Poète M. *Une Vie de cité, Paris de sa naissance à nos jours.* 1924, I, p. 301.

[136] Bautier R.-H. *A propos d'une société lucquoise à Lyon au XIII*e *siècle...—"Bulletin philologique et historique (avant 1610)"*, 1964, p. 162—164.

[137] Oliveira Marques A. H., de. *Daily Life in Portugal in the late Middle Ages.* 1971, p. 186—188.

[138] Delafosse M. *Les Vignerons d'Auxerrois (XIV*e *— XVI*e *siècles).— "Annales de Bourgogne"*, t. 20, № 77, janvier-mars 1948, p. 22. sg.

[139] См.: Pitz E. в: *Wirtschaftliche und soziale Probleme der gewerblichen Entwicklung im 15.—16. Jahrhunderten nach Ansich-Nieder Deutschen Quellen.* Hrsg. F. Lütge, 1968, S. 35;

* Таллеман де Рео Гедеон (1619—1692) — французский мемуарист.— *Прим. перев.*

[140] Babeau A. *Les Artisans et les domestiques d'autrefois*, p. 273, note 1.

[141] Fagniez G. L'Économie rurale de la *France sous Henri IV.* 1897, p. 55.

[142] *Le Journal du sire de Gouberville.* 1892, p. 400, См. сборник: Tollemer A. *Un Sire de Gouberville*, p. 27 sq.

[143] Le Roy Ladurie E. *Op. cit.*, p. 202.

[144] Baudot M. *Op. cit.*, p. 8.

[145] См. ниже, с. 246, по поводу Орлеанского фискального округа.

ком в Анжу, в XVII и XVIII вв. [146],— которое показывает, как кишат поденщики (*journaliers*), занятые «валкой, пилением, колкой дров; подрезкой лозы, сбором винограда; прополкой, земляными работами, садоводством, посадкой овощей; косьбой и уборкой сена; жатвой зерновых, вязкой снопов, молотьбой, очисткой зерна...». Реестр, относящийся к Парижу, упоминает в связи с одними только профессиями, причастными к сенной пристани, «укладчиков, носильщиков, увязчиков возов, возчиков, вязальщиков, поденщиков» [147]. И эти и другие аналогичные им списки заставляют нас задуматься, ибо за каждым словом следует себе представить в городском или деревенском обществе более или менее продолжительный наемный труд. Несомненно, именно в деревнях жило большинство того населения, которое было основным — в том, что касается численности,— на рынке труда. Другой огромный канал найма, который породило развитие современного государства,— это набор наемных солдат. Известно было, где их покупать, а они знали, где себя продать: это входило в правила рынка. Точно так же существовали своего рода агентства по устройству в услужение для слуг (как в людские, так и в ливрейные) с их строгой иерархией, существовали довольно рано: в Париже с XIV в., в Нюрнберге наверняка с 1421 г. [148]

С годами рынки рабочей силы приобретали официальный статус, их правила становились более ясными. «Удобная книга парижских адресов на 1692 г.» (*"Le Livre commode des adresses de Paris pour 1692"*) Авраама дю Праделя (псевдоним некоего Никола де Бленьи) дает парижанам рекомендации такого рода: вам нужна служанка? Сходите на улицу Ваннери, в «бюро рекомендательниц» (*"bureau des recommanderesses"*). Слугу вы найдете на Новом рынке, повара — на Гревской площади (*"à la Grève"*). Вам надобен подручный (*"garçon de métier"*)? Если вы купец, идите на улицу Кенканпуа, ежели хирург — на улицу Кордельеров, аптекарь — на улицу Юшетт. Каменщики и чернорабочие из Лимузена свои услуги предлагают на Гревской площади. Но «кожевники, слесари, плотники, бондари, оружейники, торговцы жареным мясом и прочие нанимаются сами по себе, являясь в лавки» [149].

Правда, однако, что в целом история наемного труда остается мало известной. Тем не менее выборочные подсчеты говорят о возрастающих размерах применения наемной рабочей силы. Относительно Англии при Тюдорах «доказано, что... много более половины, даже две трети семейств получали по крайней мере часть своих доходов в виде заработной платы» [150]. В начале XVII в. в ганзейских городах, в частности в Штральзунде, масса лиц наемного труда непрестанно возрастала и в конечном счете составила в целом самое малое 50% населения [151]. В Париже накануне Революции эта цифра превышала 50% [152].

Разумеется, это отнюдь не означало, что столь давно начавшаяся эволюция подошла к концу. Тюрго сожалел об этом, заметив мимоходом: «Обращения труда, подобного обращению денег, не существует» [153]. Но движение было начато, и оно шло навстречу всему тому, что несло с собой будущее в этой сфере,— изменениям, приспособлению, а также и страданиям.

В самом деле, кому бы пришло в голову усомниться, что

[146] По данным статьи Р. Гоше (R. Gauchet).
[147] B. N., Ms. Fr., 21672, f° 16 v°.
[148] Engelsing R. *Der Arbeitsmarkt der Dienstboten im 17., 18. und 19. Jahrhundert.— "Wirtschaftspolitik und Arbeitsmarkt"*. Hrsg. H. Kellenbenz, 1974, S. 174.
[149] Pradel A., du. *Op. cit.*, II, p. 49.
[150] Laslett P. *Un Monde que nous avons perdu*. 1969, p. 60. Э. Х. Фелпс-Браун и Ш. В. Хопкинс говорят лишь об одной трети населения, получавшей заработную плату. См.: Wallerstein I. *The Modern World System*. 1974, p. 82.
[151] Langer H. *Zur Rolle der Lohnarbeit im spätmittelalterlichen Zunfthandwerk der Hansestädte. Dargestellt hauptsächlich am Beispiel der Hansestadt Stralsund.— "Jahrbuch für Regionalgeschichte"*, 3, 1968.
[152] Kaplow J. *Les Noms des rois*. 1974, p. 47—48.
[153] Turgot A. R. G. *Op. cit.*, I, p. 448.

переход к наемному труду, какими бы ни были его мотивы и экономические выгоды, сопровождался известными социальными издержками. В XVIII в. доказательство тому мы видим в многочисленных стачках и очевидном недовольстве рабочих [154]. Жан-Жак Руссо говорил об этих людях, которые, «если их хотят утеснить, живо собирают пожитки: они уносят свои руки и уходят» [155]. Эта чувствительность, это социальное самосознание — действительно ли они родились вместе с предпосылками крупной промышленности? Без сомнения, нет. В Италии живописцы традиционно были ремесленниками, работавшими в своей мастерской вместе с помощниками, каковыми зачастую были их собственные дети. Как и купцы, они вели счетные книги; у нас есть такие книги Лоренцо Лотто, Бассано, Фаринати, Гверчино [156]. Один только хозяин мастерской был купцом, вступавшим в контакт с клиентом, от которого он получал заказы. Помощники же, включая сыновей, уже готовых взбунтоваться, были в лучшем случае наемными рабочими. С учетом этого без труда поймешь откровенное признание одного из художников, Бернардино Индиа, своему корреспонденту Шипионе Чибо: преуспевающие художники Алессандро Аччайоли и Бальдовини хотели было взять Индиа на службу. Он же отказался, желая сохранить свободу и не забрасывать свои собственные дела «ради жалкой заработной платы» (“*per un vil salario*”) [157]. И было то в 1590 г.!

[154] См. ниже, с. 503—508.
[155] Цит. в кн.: Babeau A *Op. cit.*, p. 40.
[156] Lotto L. *Libro di spese diverse* (1538—1556). P. p. P. Zambelli.; Farinati P. *Giornale 1573—1606*. P. p. L. Pupp: 1968, p. XL.
[157] Farinati P. *Op. cit.*, p. XLIII, note 116.

РЫНОК— ЭТО ГРАНИЦА, И ГРАНИЦА ПОДВИЖНАЯ

В самом деле, рынок был границей, как бы водоразделом между реками. Вы будете жить неодинаковым образом в зависимости от того, окажетесь ли вы по одну сторону барьера или же по другую. Один пример среди тысяч других, когда люди бывали осуждены снабжаться только с рынка — рабочие мессинских шелкопрядилен, иммигранты в городе и пленники городского снабжения продовольствием [158] (даже в гораздо большей степени, чем знать или буржуа, которые зачастую владели землями в окрестностях, огородом, фруктовым садом, а значит, и личными ресурсами). А ежели этим ремесленникам становилось невмоготу есть плохое, наполовину сгнившее «зерно с моря», из которого выпекался тот хлеб, что им продавали по высокой цене, они могли самое большее отправиться в Катанию или в Милаццо (и они решились на это к 1704 г.), дабы сменить нанимателя и продовольственный рынок.

Для людей непривычных, тех, кто обычно был от рынка далек или держался от него в стороне, он представал как исключительный праздник, своего рода путешествие, почти приключение. Он давал случай “*preşumir*”, как говорят испанцы — показать себя, поважничать. Руководство для купцов, относящееся к середине XV в., объясняет: моряк, как правило, неотесан, у него «до того неповоротливый ум, что когда он пьет в таверне или покупает хлеб на рынке, то воображает себя важной персоной» [159]. Точно так же и испанский солдат, который между

[158] Дон Франсиско де Арана — кардиналу Худисе, Палермо, 10 декабря 1704 г. Biblioteca Comunale, Palermo, hQq 66, f^{os} 452 seq., f^{o} 476.
[159] Cotrugli B. *Della mercatura e del mercante perfetto*. Brescia, 1602, p. 50. Книга эта была написана в 1458 г.



XVIII в., Венгрия. Свинью несут в Дебреценский коллегиум. *Собственность автора.*

двумя кампаниями угодил на рынок в Сарагосе (1645 г.) и стоял в восхищении перед грудами свежего тунца, тайменя, сотнями разных сортов рыбы, выловленной в море или в близлежащей реке [160]. Но что он в конечном счете купит за те монеты, которые есть у него в кошельке? Несколько *sardinas salpesadas*, обвалянных в соли сардин, которые хозяйка местной таверны зажарит для него на решетке; дополненные белым вином, они и составят его пышную трапезу.

Само собой разумеется, именно жизнь крестьян оставалась по преимуществу зоной внерыночной (или по меньшей мере наполовину внерыночной), зоной натурального хозяйства, самодостаточности, замкнутости в себе. Крестьяне всю свою жизнь довольствуются тем, что произвели собственными руками, или же тем, что поставляют им соседи в обмен на кое-какое продовольствие или услуги. Конечно, они во множестве приходят на рынки города или местечка. Но те, кто удовлетворяется покупкой там необходимого железного лемеха для своего плуга и тем, чтобы добыть денег для выплаты своих долгов или податей, продавая яйца, колобок масла, кое-какую птицу или овощи, не вовлечены по-настоящему в рыночный обмен. Они лишь подходят к нему. Таковы те нормандские крестьяне, «кои приносят на рынок продовольствия на 15 или 20 су и кои не могут зайти в кабачок, каковой не по их деньгам» [161]. Зачастую деревня не сообщалась с городом иначе как при посредстве купца из этого же города или арендатора местной сеньерии [162].

Эту жизнь «в стороне» часто отмечали — никто не может отрицать ее существование. Но тут были свои степени и, еще более — исключения. Немало зажиточных крестьян пользовалось рынком вовсю: например, английские «фермеры», которые, будучи в состоянии коммерциализировать свои урожаи, не имели

[160] *Vida y hechos de Estebanillo González.— "La Novela picaresca española"*, 1966, p. 1830.
[161] A. N., G[7] 491, 505; 12 апреля 1679 г.
[162] Bercé Y.-M. *Histoire des croquants. Étude des soulèvements populaires au XVIIe siècle dans le Sud-Ouest de la France.* 1974, I, p. 41.

Рынок в Антверпене. Неизвестный мастер конца XVI в. *Королевский музей изящных искусств, Антверпен. Собственность A. C. L., Брюссель.*





более надобности каждую зиму прясть и ткать свою шерсть, или свою пеньку, или свой лен; они были постоянными клиентами рынка так же, как и его поставщиками. Или в Соединенных Провинциях крестьяне крупных деревень, плотно застроенных или дисперсных (иной раз насчитывавших 3—4 тыс. жителей),— производители молока, мяса, свиного сала, сыров и промышленных культур и покупатели зерна и дров для отопления. Или венгерские скотоводы, экспортировавшие свой скот в Германию и Италию; скотоводы, которые тоже покупали зерно, которого им недоставало. Или все крестьяне-огородники пригородов и предместий, на которых так охотно ссылались экономисты,— крестьяне, включенные в жизнь крупного города, обогащаемые ею: богатство Монтрёя, возле Парижа, созданное его персиковыми садами, грезилось Луи-Себастьену Мерсье (1783 г.) [163]. А кому не известен расцвет стольких местечек, снабжавших города продовольствием, вокруг Лондона, или Бордо, или Ангулема [164]! Без сомнения, то были исключения в масштабе мира крестьян, представлявшего от 80 до 90% населения земли. Но не будем забывать, что даже бедные деревни были затронуты этой экономикой в скрытой форме. Монета достигала их разными путями, которые выходили за рамки собственно рынка. Чему и служили странствующие торговцы, местечковые или деревенские ростовщики (вспомним ростовщиков-евреев в деревнях Северной Италии [165]), предприниматели деревенских промыслов, разбогатевшие буржуа и фермеры, искавшие рабочую силу для извлечения дохода из своих земель, и даже деревенские лавочники...

Тем не менее в узком смысле слова рынок в конечном счете остается для историка экономики прошлых веков неким тестом, «индикатором», значение которого он никогда не будет недооценивать. Бистра Цветкова отнюдь не безосновательно строит своего рода градуированную шкалу и измеряет экономическую весомость болгарских городов вдоль Дуная в соответствии с размерами пошлин, взимавшихся с продаж на рынке, принимая во внимание, что пошлины там выплачивались в серебряных аспрах и что существовали уже специализированные рынки [166]. Две или три заметки по поводу Ясс в Молдавии указывают, что в XVII в. город располагал «семью местами, где сбывались товары; из них иные назывались по главным изделиям, которые там продавались, скажем *сапожный рынок, мучной рынок...*» [167]. Вот и выявляется определенное разделение торговой жизни. Артур Юнг пошел дальше. В августе 1788 г., выезжая из Арраса, он повстречал «по меньшей мере сотню ослов, нагруженных... по видимости, очень легкими вьюками, и множество мужчин и женщин»; это могло в изобилии снабдить рынок. Но, «таким образом, большая часть деревенской рабочей силы пребывает без дела в разгар жатвы ради того, чтобы снабжать город, который в Англии обеспечивало бы продовольствием в сорок раз меньше людей. Когда подобное множество бездельников жужжит на рынке,— заключает Юнг,— я совершенно уверен, что земельная собственность чрезмерно раздроблена» [168]. Стало быть, малолюдные рынки, где бы не развлекались и не бездельничали сверх меры, были бы признаком современной экономики?

[163] Mercier L.-S. *Tableau de Paris*. VIII, 1783, p. 343—345.
[164] Bercé Y.-M. *Op. cit*., I, p. 242.
[165] См. доклад А. Маддалены (Maddalena A., de), Неделя Прато, апрель 1975 г.
[166] Cvetkova B. A. *Vie économique des villes et ports balkaniques aux XV^e et XVI^e siècles*.— "*Revue des études islamiques*", 1970, p. 277—278, 280—281.
[167] Olteanu S. *Les Métiers en Moldavie et en Valachie (X^e — XVII^e siècles)*.— "*Revue roumaine d'histoire*", 1968, VII, p. 180. Здесь, по всей видимости, ярмарка = рынку.
[168] *Young's Travels in France during the Years 1787, 1788, 1789*. Ed. Betham-Edwards, 1913, p. 112.

НИЖЕ РЫНКА

По мере того как торговая экономика распространяется и приводит в беспорядок зону соседствующих с нею и нижележащих видов деятельности, происходит разрастание рынков, передвижка границы и модификация элементарных форм деятельности. Несомненно, в деревнях деньги редко были настоящим капиталом: они использовались для покупки земли и, следовательно, были ориентированы на социальное продвижение через такую покупку. А еще чаще они тезаврировались: вспомним о монетах в женских монистах Центральной Европы, о потирах и дискосах * изготовления венгерских деревенских золотых и серебряных дел мастеров [169], о золотых крестах у французских крестьянок накануне Французской революции [170]. И все же деньги играли свою роль разрушителя старинных ценностей и старинного равновесия. Батрак, сельскохозяйственный рабочий, чей счет велся в книгах нанимателя, приобрел привычку считать в денежных категориях, даже если получаемые от хозяина авансы натурой были таковы, что у него в руках к концу года, так сказать, никогда не оставалось наличных денег [171]. В долгосрочной перспективе именно в этом заключалось изменение образа мыслей. То была перемена в трудовых отношениях, которая облегчала адаптацию к новому обществу, но которая никогда не шла на пользу беднякам.

Никто лучше молодого экономиста-историка экономики из Страны Басков Эмилиано Фернандеса де Пинедо не показал, насколько оказывались затронуты неумолимым продвижением рыночной экономики деревенское население и собственность [172]. В XVIII в. Страна Басков обнаруживала тенденцию к тому, чтобы вполне сделаться «национальным рынком», отсюда возросшая коммерциализация земельной собственности. В конечном счете через рынок проходят церковные земли и майоратные земли, в принципе равным образом неприкосновенные. Земельная собственность разом концентрируется в немногих руках, и происходит нарастающая пауперизация и без того нищих крестьян, вынужденных с того времени и в невиданном до того числе проходить через узкое отверстие рынка труда либо в городе, либо в деревне. Именно рынок, расширяясь, вызвал эти водовороты с их необратимыми результатами. *Mutatis mutandis* эта эволюция воспроизводила процесс, который намного раньше привел к крупным хозяйствам английских фермеров.

Таким вот образом рынок сотрудничал с большой историей. Даже самый скромный рынок есть ступень экономической иерархии, без сомнения самая нижняя. Итак, всякий раз, когда рынок отсутствовал или был незначителен, а наличные деньги, слишком редкие, имели как бы взрывную силу, мы наверняка оказываемся на «нулевом уровне» жизни людей, там, где каждый обязан производить почти все. Немало крестьянских обществ доиндустриальной Европы еще жило на этом уровне, за пределами рыночной экономики. Путешественник, который бы на это решился, мог за гроши, по бросовым ценам купить любые плоды земли. И не было необходимости ради того, чтобы столкнуться с подобными чудесами, ездить в такую даль, как

* Потир — ритуальная чаша; дискос — блюдо на невысокой подставке. Во время обряда причащения находящиеся в них вино и хлеб символизируют соответственно кровь и тело Христовы.— *Прим. перев.*

[169] См. доклад Л. Маккаи (Makkai L.), Неделя Прато, апрель 1975 г.

[170] Мишле сообщает нам: имеет место распродажа земли, «ни один покупатель не является — и приходит крестьянин со своей золотой монетой».— *"Le Peuple"*, 1899, p. 45.

[171] См. доклад М. Эймара (Aymard M.), Неделя Прато, апрель 1975 г. (по поводу Сицилии).

[172] Fernandez de Pinedo E. *Crecimiento económico y transformaciones sociales del pais vasco 1100—1850*. 1974 (см. в особенности с. 233 сл.).

область Аракан, как то сделал в 1630 г. Маэстре Манрике, и выбирать там между тридцатью курами за четыре реала или сотней яиц за два реала [173]. Достаточно было отдалиться от больших дорог, двинуться по горным тропам, оказаться в Сардинии или же остановиться в не больно посещаемой гавани на побережье Истрии. Короче говоря, жизнь рынка, которую так легко уловить, слишком часто скрывает от историка жизнь нижележащую, заурядную, но самостоятельную, зачастую автаркичную или стремящуюся к автаркии. Другой мир, иная экономика, иное общество, иная культура. Отсюда и интерес таких попыток, как попытки, предпринятые Мишелем Морино [174] или Марко Каттини [175], которые — и тот и другой — показывают то, что происходило ниже уровня рынка, то, что от рынка ускользало, и в общем дают представление о мере сельского «самообеспечения». В обоих случаях ход мысли историка был один и тот же: зерновой рынок — это, с одной стороны, есть населенное пространство, которое от такого рынка зависит, а с другой, спрос со стороны какого-то населения, чье потребление может быть рассчитано по заранее известным нормам. Если в дополнение к этому я знаю местное производство, цены, количество продукта, которое направляется на рынок, то, что потребляется на месте, и то, которое вывозится или ввозится, я могу себе представить, что происходило или должно было происходить *ниже уровня* рынка. Чтобы проделать это, Мишель Морино избрал отправной точкой средних размеров город Шарлевиль, а Марко Каттини — местечко в провинции Модена, местечко, жизнь которого была гораздо ближе к сельской и которое находилось в районе, лежащем несколько в стороне.

Аналогичное «погружение», но с использованием иных средств, удалось Иву-Мари Берсе в его недавней диссертации о восстаниях крокантов * в Аквитании в XVII в. В свете этих восстаний он восстанавливает характер мышления и мотивации поведения населения, которое слишком часто ускользало от внимания историков. Мне особенно нравится то, что он говорит о склонном к насилию народе в деревенских тавернах, этих взрывчатых местах [176].

Короче, дорога открыта. Методы, средства, подходы могут варьировать (это мы уже знаем), но несомненно одно: не будет полной истории, особенно истории деревень, которая бы заслуживала этого названия, если невозможно систематически проследить жизнь людей ниже «этажа» рынка.

ЛАВКИ

Первую конкуренцию рынкам составили лавки (но обмен извлек из этого выгоду). Бесчисленные ограниченных размеров ячейки, они были другим элементарным орудием обмена. Аналогичным, но и отличным, ибо рынок действует периодически, тогда как лавка — почти без перерывов. По крайней мере — в принципе, так как правило (если такое правило существует) обставлено многими исключениями.

Так, зачастую переводят как «рынок» слово *сук* (*soukh*), свойственное мусульманским городам. Но ведь сук — часто

---

[173] Manrique F. S. *Itinerario de las Missiones.* 1649, p. 59.

[174] Morineau M. *A la halle de Charleville: fourniture et prix des grains, ou les mécanismes du marché (1647—1821).*—"*95e Congrès national des sociétés savantes*", 1970, II, p. 159—222.

[175] Cattini M. *Produzione, auto-consumo e mercato dei grani a San Felice sul Panaro, 1590—1637.*—"*Rivista storica italiana*", 1973, p. 698—755.

* Участники антифеодальных крестьянских движений конца XVI — первой половины XVII в. во Франции. Свое наименование получили от лозунга "aux croquants" — «на грызунов» (так восставшие называли дворян, духовенство, королевских чиновников, откупщиков), а возможно, и от округа Крок, где в 1592 г. началось движение.— *Прим. перев.*

[176] См. выше, прим. 162.

целом же только улица, окаймленная лавками, целиком специализированными на одном и том же виде торговли, каких, впрочем, так много было и во всех городах Запада. Сосредоточение в Париже с XII в. мясных лавок по соседству с церковью Сент-Этьенн-дю-Мон привело к тому, что улице Монтань-Сент-Женевьев было дано название улицы Бушери (Мясных лавок) [177]. В 1656 г. в том же Париже «рядом с бойней Сент-Инносан... (*sic*) все торговцы железом, латунью, медью и жестью имеют там свои лавочки» [178]. В Лионе в 1643 г. «домашнюю птицу находишь в специальных лавках на Птичьем рынке по улице Сен-Жан» [179]. Существовали также и улицы лавок, торговавших предметами роскоши (см. план Мадрида), такие, как Мерчериа между площадью Св. Марка и мостом Риальто, которая способна, говорил в 1680 г. один путешественник, дать

[177] *Variétés*, I, 369, note 1.
[178] *Journal de voyage de deux jeunes Hollandais à Paris en 1656—1658*, p. 30.
[179] Brackenhoffer E. *Op. cit.*, p. 116.



Мадрид и его лавки предметов роскоши
Став столицей Испании с 1560 г.,
Мадрид сделался в XVII в. блистательным городом.
Число лавок в нем множилось.
Роскошные лавки группировались вокруг Главной площади (*Plaza Mayor*) по характеру товара.
По данным: Capella M., Matilla Tascon A.
Los Cinco Gremios mayores de Madrid. 1957.

прекрасное представление о Венеции [180]. Или же те лавки на северном берегу Старого порта в Марселе, где продавались товары с Леванта и, как замечает президент де Бросс, «столь большим пользующиеся спросом, что пространство в двадцать квадратных футов сдается в аренду за пятьсот ливров» [181]. Эти улицы были своего рода специализированными рынками.

Другое исключение из правила: вне пределов Европы перед нами предстают два небывалых явления. По словам путешественников, Сычуань, т. е. верхняя часть бассейна Янцзы, которую в XVII в. вновь захватила интенсивная китайская колонизация, была скоплением рассеянных в пространстве селений в отличие от собственно Китая, где правилом была высокая концентрация населения. Так вот посреди этого дисперсного расселения существовали в пустоте группы небольших лавочек, *ятянь*, которые тогда играли роль *постоянного рынка* [182]. И, опять-таки по рассказам путешественников, так же обстояло дело в XVII в. и на Ланке (Цейлоне): не было рынков, но были лавки [183]. А с другой стороны, ежели возвратиться в Европу, то как называть те ларьки, те лавчонки, которые как попало строились прямо на парижских улицах и которые тщетно пытался запретить указ 1776 г.? То были переносные лотки, как и на рынке, но торговля с них производилась каждодневно, как в лавке [184]. И кончаются ли на этом наши сомнения? Нет, ибо в Англии некоторые торговые поселки, такие, как Уэстерхэм, имели свой ряд (*row*) галантерейщиков и бакалейщиков задолго до того, как завели свой рынок [185]. И снова нет, потому что на самой рыночной площади находилось множество лавок; рынок открывается, а они продолжают торговать. Точно так же видим мы, например, на оптовом рынке (*halles*) в Лилле площадку для продажи соленой рыбы помимо торговли рыбой свежей — разве не означало это объединить рынок и лавку [186].

Эта неопределенность вполне очевидно не мешала тому, чтобы с годами лавка все более и более явно отличалась от рынка.

Когда в XI в. по всему Западу рождались или возрождались города и оживлялись рынки, рост городов устанавливает четкое различие между деревнями и городами. Последние концентрируют у себя зарождающуюся промышленность и, следственно, активное ремесленное население. Сразу же возникшие первые лавки были на самом деле мастерскими (если можно так выразиться) булочников, мясников, башмачников, холодных сапожников, кузнецов, портных и прочих ремесленников, торговавших в розницу. Поначалу этот ремесленник вынужден выходить из дому, не сидеть в своей лавке, к которой, однако, его труд привязывает его, «как улитку к ее раковине» [187]. Он должен идти продавать свои изделия на рынке или на Крытом рынке. Городские власти, заботящиеся о защите интересов потребителя, навязывают это ремесленнику: рынок проще контролировать, нежели лавку, где каждый становится почти что сам себе господином [188]. Но довольно рано ремесленник станет продавать в собственной лавке — как говорили, «в своем окне»,— в *промежутке* между рыночными днями. Таким образом,

[180] Limojon de Saint-Didier I.-F. *La Ville et la république de Venise.* 1680, p. 68.
[181] Carrière Ch. *Négociants marseillais au XVIII^e siècle.* 1973, I, p. 165.
[182] Skinner G. W. *Marketing and social structure in rural China.—"Journal of Asian Studies"*, november 1964, p. 6. О рынках в Сычуани в более позднее время см. ниже, с. 104—105.
[183] Abbé Prevost. *Histoire générale des voyages...* (1750), VIII, p. 533.
[184] Marion M. *Dictionnaire des institutions de la France aux XVII^e et XVIII^e siècles,* p. 195 (статья "*Echoppe*").
[185] Everitt A. *Op. cit.,* p. 484.
[186] Marquant R. *La Vie économique à Lille sous Philippe le Bon.* 1940, p. 82.
[187] Этот образ принадлежит К. Марксу (см.: Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* т. 23, с. 371).
[188] Marquant R. *Op. cit.,* p. 82.

эта перемежавшаяся деятельность делала из первой лавки непостоянное место торговли, нечто подобное рынку. Около 1380 г. в Эворе, в Португалии, мясник разделывал мясо у себя в лавке и продавал его на одном из трех рынков, бывавших на неделе [189]. Для жителя Страсбурга было необычным увидеть в Гренобле в 1643 г., как мясники разделывали и продавали мясо у себя дома, а не на рынке, продавали его «в лавке, как прочие торговцы» [190]. В Париже булочники продавали «рядовой» и «роскошный» хлеб в своих лавках, а грубый хлеб — обычно на рынке, каждую среду и каждую субботу [191]. В мае 1718 г. еще один указ снова внес беспорядок в монетную систему (вводилась система Лоу); и тогда «булочники, то ли из страха, то ли из озлобления, не вынесли на рынок обычного количества хлеба: в полдень на рынках уже не найти было хлеба. А всего хуже, что в тот же день они повысили цену на хлеб на два-четыре су за фунт; так что верно,— добавляет тосканский посол, которого мы берем в свидетели,— что в делах этих здесь нет того доброго порядка, каковой находишь в иных местах» [192].

[189] Oliveira Marques A. H., de. *Op. cit.*, p. 201.
[190] Brackenhoffer E. *Op. cit.*, p. 97.
[191] B. N., Ms. Fr., 21633, f^os 1, 14, 18, 134.
[192] A. d. S. Firenze, Mediceo 4709, Париж, 27 июня 1718 г.
[193] Lütge F. *Deutsche Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*. 1966, passim, S. 143 sq.

Итак, первыми, кто держал лавки, были ремесленники. «Настоящие» лавочники появились позже: то были посредники в обмене. Они втираются между производителями и покупателями, ограничиваясь покупкой и продажей, и никогда не изготовляют собственными руками (по крайней мере целиком) те товары, какие предлагают. С самого начала игры они выступали как тот купец-капиталист, которого охарактеризовал Маркс и который, начавши с денег Д, приобретает товар Т, дабы постоянно возвращаться к деньгам, по формуле Д — Т — Д: «Он расстается со своими деньгами лишь в надежде вернуть их назад». Тогда как крестьянин, напротив, чаще всего отправляется на рынок продавать свои продукты, чтобы сразу же купить то, в чем он нуждается. Он начинает с товара и к нему возвращается по маршруту Т — Д — Т. Да и ремесленник, который должен искать себе пропитание на рынке, недолго остается в положении обладателя денег. Но бывали и исключения.

Будущее предназначено посреднику, особому действующему лицу; скоро ими будет буквально кишеть экономика. И именно это будущее нас занимает гораздо больше, чем происхождение посредника, которое нелегко раскрыть, хотя процесс, вероятно, был прост. Странствующие торговцы, которые пережили упадок Римской империи, начиная с XI в. и, вне сомнения, и раньше были захвачены подъемом городов; иные из них осели и влились в число городских ремесленников. Явление это не имеет какой-то точной даты для какого-то одного района. Например, в том, что касалось Германии и Франции, говорить можно не о XIII в., а лишь *начиная* с XIII в. [193] Какой-нибудь бродяга-«пыльноногий» еще во времена Людовика XIII оставлял свою странствующую жизнь и устраивался рядом с ремесленниками, в лавчонке, похожей на их лавочки, и все же отличной от них, причем с годами это отличие проявлялось все больше и больше. Лавка булочника XVIII в.— это с очень малыми изменениями лавка булочника XV в. или даже предшествовавшего столетия. А в то же время торговые лавки и методы торговцев с XV по XVIII в. изменятся даже зримо.



Расположенные бок о бок лавки булочника и суконщика в Амстердаме. Картина Якобуса Вреля, голландская школа, XVII в.
Амстердам, собрание Х. А. Ветцлара.
Фото Жиродона.

Тем не менее торговец-лавочник отнюдь не с самого начала отделится от ремесленного сословия, в котором занял место, влившись в городской мир. Происхождение его и неясность, которую оно за собою влечет, оставались для него своего рода пятном. Еще в 1702 г. один французский мемуар приводил такие доводы: «Это верно, что торговцы рассматриваются как первые среди ремесленников, как нечто более значительное — но не более того» [194]. Но все же речь идет о Франции, где торговец, даже становясь крупным «негоциантом», не решал тем самым, *ipso facto*, проблему своего социального ранга. Еще в 1788 г. выборные от торговли печалились по сему поводу и констатировали, что до сих пор еще негоциантов рассматривают как «занимающих одну из низших ступеней общества» [195]. В таких выражениях не говорили бы в Амстердаме, Лондоне или даже в Италии [196].

К началу, а зачастую и после начала XIX в. лавочники будут продавать товары, полученные, безразлично, из первых, вторых или третьих рук. Обычное, самое первое их название — *mercier*, раскрывает их существо: оно происходит от латинского *merx, mercis*, «товар вообще». Поговорка гласит: «Лавочник, все продающий, ничего не изготовляющий» ("Mercier vendeur de tout, faiseur de rien"). И всякий раз, когда у нас есть сведения о заднем помещении лавки торговца, мы там находим самые разношерстные товары, идет ли речь о Париже XV в. [197], о Пуатье [198], о Кракове [199] или о Франкфурте-на-Майне [200], или же еще в XVIII в. о лавке Абрахама Дента, мелочного торговца (*shopkepper*), в Керби-Стивене, маленьком городке в Уэстморленде в Северной Англии [201].

В лавке этого торговца-бакалейщика, дела которого нам известны благодаря его собственным бумагам с 1756 по 1776 г., продавалось все. В первую очередь чай (черный или зеленый) разного качества и, несомненно, по высокой цене, коль скоро Керби-Стивен, лежащий в глубине страны, не мог пользоваться благами контрабандной торговли. Затем следовали сахар, патока, мука, вино и бренди, пиво, сидр, ячмень, хмель, мыло, испанские белила, голландская сажа, зола, воск, сало, свечи, табак, лимоны, миндаль и изюм, уксус, горох, перец, обычные приправы, мускатный орех, гвоздика... У Абрахама Дента находишь также ткани — шелковые, шерстяные, хлопковые, и весь мелкий галантерейный товар — иголки, булавки и т. п. И даже книги, журналы, альманахи, бумагу... В общем, проще указать то, чего лавка не продавала, а именно: соль (что трудно объяснимо), яйца, сливочное масло, сыр — вне сомнения, потому, что они в изобилии были на рынке.

Главными клиентами вполне логично были жители самого городка и соседних деревень. Поставщики были рассеяны на значительно большем пространстве (см. прилагаемую карту) [202], хотя Керби-Стивен не лежал ни на каком водном пути. Но сухопутные перевозки, несомненно весьма дорогие, были регулярными, и перевозчики принимали одновременно с товарами векселя и заемные письма, которые Абрахам Дент использовал для своих платежей. В самом деле, кредит приносил немалую выгоду как клиентам лавки, так и самому лавочнику в его делах с собственными поставщиками.

194 A. N., G[7], 1686, 156. Мемуар о награждении коммерсантов.
195 A. N., F[12], 724, 11 апреля 1788 г.
196 Общественное презрение было обращено в Италии, скажем, в Лукке, на мелкого лавочника, но не на настоящего купца. См.: Berengo M. *Nobili e mercanti nella Lucca del Cinquecento.* 1963, p. 65.
197 Franklin A. *La Vie privée d'autrefois au temps de Louis XIII.* I: "*Les Magasins de nouveautés*". 1894, p. 22 sq.
198 Boissonnade P. *Essai sur l'organisation du travail en Poitou.* I, p. 287.
199 Краковский архив, итальянский фонд 3206 — переписка Федериго Аурелио (3 сентября 1680 г.— 20 марта 1683 г.).
200 Sombart W. *Op. cit.* О лавке мелочного торговца-еврея см. т. II, с. 455 и сл. (о проблеме в целом).
201 Willan T. S. *Abraham Dent of Kirkby Stephen.*
202 По данным Т. С. Уиллэна (Willan T. S. *Op. cit.*).



Поставщики лавочника Абрахама Дента в Керби-Стивене (1756—1777)
По данным: Willan T. S. *Abraham Dent of Kirkby Stephen*. 1970. Цифры обозначают число поставщиков в каждой местности.

Абрахам Дент не довольствовался деятельностью лавочника. Действительно, он покупал вязаные чулки и заказывал их изготовление в Керби-Стивене и по соседству. Таким образом он оказывался промышленником-предпринимателем и продавцом своих собственных изделий, обычно предназначавшихся (при посредничестве лондонских оптовиков) для английской армии. А так как эти последние рассчитывались с ним, позволяя ему переводить векселя на них, Абрахам Дент сделался, по-видимому, вексельным *dealer* — вексельным дельцом: векселя, которыми он



Шотландская «бакалейщица» за своей конторкой (около 1790 г.); среди прочего она продает сахарные головы, зеленый чай, так называемый «хайсон» (*hyson*), ткани, лимоны, свечи (?). Украшающие ее золотые серьги и ожерелье из гагата («черный янтарь») свидетельствуют о зажиточности. *Глазго, Народный дворец (People's Palace). Фотография музея.*

оперировал, в самом деле, намного превосходили объем его собственных дел. Но ведь оперировать заемными письмами — значит ссужать деньги.

Читая книгу Т. С. Уиллэна, испытываешь впечатление, что Абрахам Дент был лавочником из ряда вон выходящим, почти что воротилой. Может быть, это и верно. Но в 1958 г. в маленьком галисийском городке в Испании я знавал простого лавочника, странным образом похожего на него: у него можно было найти все, тут можно было все заказать и даже получить деньги по своим банковским чекам. В общем, не отвечала ли лавочка попросту некой совокупности местных нужд? Мюнхенский лавочник середины XV в., чьими счетными книгами мы располагаем [203], видимо, тоже был необычен. Он посещал рынки и ярмарки, покупал в Нюрнберге и Нёрдлингене, добирался до самой Венеции. Однако был всего лишь мелким торговцем, если судить по его бедному жилищу с единственной скудно меблированной комнатой.

[203] Schremmer E. *Op. cit.*, p. 173—175.

СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ И ИЕРАРХИЗАЦИЯ ИДУТ СВОИМ ЧЕРЕДОМ

Параллельно этим постоянным явлениям экономическое развитие создавало и другие формы *специализированных* лавок. Ма-

ло-помалу выделяются лавочники, продающие на вес,— бакалейщики; торгующие по мерке — суконщики или портные; те, что продают штучно,— торговцы скобяным товаром; те, что торгуют предметами, побывавшими в употреблении, одеждой или мебелью,— старьевщики. Последние занимали огромное место: в 1716 г. в Лилле их было больше тысячи [204].

Особыми лавками, которым благоприятствовало развитие «услуг», были лавки аптекаря, ростовщика, менялы, банкира, хозяина постоялого двора (последний довольно часто служил и посредником в дорожных перевозках), «лавочки» кабатчиков, наконец, этих «торговцев вином, каковые держат накрытые столы и дают поесть у себя дома» [205] и которые в XVIII в. умножились повсеместно к вящему возмущению порядочных людей. Правда, иные из кабаков бывали и зловещими, как, скажем, кабак «на Медвежьей улице» ("de la rue aux Ours") в Париже, который «более походит на пристанище разбойников или мошенников, нежели на жилище людей благовоспитанных» [206], невзирая на добрые запахи соседних харчевен, торгующих жареным мясом. К этому списку мы добавим писцов и даже нотариусов, по крайней мере тех, что можно увидеть в Лионе с улицы «сидящими в своих лавках подобно башмачникам в ожидании дела» — это слова путешественника, проехавшего через город в 1643 г. [207] Но начиная с XVII в. были уже и богатые нотариусы. И наоборот, были даже уличные писцы, слишком бедные, чтобы держать лавку, вроде тех, что действовали под открытым небом, сидя у церкви Сен-Инносан в Париже, и тем не менее клали в карман кое-какие деньги, настолько велико было число лакеев, служанок и бедняков, которые не умели писать [208]. Были также и лавки публичных девиц — испанские «плотские дома» (*casas de carne*). В Севилье, говорит Соблазнитель у Тирсо де Молины, «на улице Змеи (*en la Calle de la Serpiente*)... можно увидеть, как Адам шатается по вертепам, как истый португалец... и даже по одному дукату эти услады живо выпотрошат ваши карманы» [209].

В конечном счете были лавки и лавки. И были также торговцы и торговцы. Деньги быстро навязывали свои водоразделы, почти с самого начала они открыли широкий спектр вариантов старинного ремесла мелочного торговца (*mercier*). На вершине — немногие очень богатые купцы, специализирующиеся на торговле на дальние расстояния; у подошвы — бедняки, занятые перепродажей иголок или клеенки, те, о ком справедливо и безжалостно говорит пословица: "Petit mercier, petit panier" («По одежке, протягивай ножки»), и за кого не пойдет замуж даже служанка, особенно ежели у нее есть кое-какие сбережения. Общее правило: повсюду одна группа купцов пытается возвыситься над прочими. Во Флоренции Старшие цехи (*Arti Maggiori*) отличаются от Младших цехов (*Arti Minori*). В Париже в соответствии с ордонансом 1625 г. и указом от 10 августа 1776 г. почетную часть купечества составляли *Шесть корпораций (Six corps)* в таком порядке: суконщики, бакалейщики, менялы, золотых дел мастера, галантерейщики, меховщики. А вот другая верхушка купечества — в Мадриде: *Пять старших цехов* (*Cinco Gremios Mayores*), которым в XVIII в. будет принадлежать зна-

[204] A. N., F[12], 116, f° 58 sq., 28 мая 1716 г.
[205] A. N., G[7], 1686, 156 (около 1702 г.).
[206] *Journal de voyage de deux jeunes Hollandais*, p. 76.
[207] Brackenhoffer E. *Op. cit.*, p. 117.
[208] *Journal de voyage de deux jeunes Hollandais*, p. 50.
[209] Tirso de Molina. *Op. cit.*, p. 107.

чительная финансовая роль. В Лондоне это Двенадцать корпораций. В Италии, в германских вольных городах различие было еще более четким: крупные купцы фактически стали знатью, патрициатом; они держат в своих руках управление великими торговыми городами.

ЛАВКИ ЗАВОЕВЫВАЮТ МИР

Но самым существенным, с нашей точки зрения, было то, что лавки торговцев всех категорий завоевывали, «пожирали» города, все города, а вскоре даже и деревни, где с XVII в. и особенно в XVIII в. обосновывались неопытные мелочные торговцы, хозяева постоялых дворов низшего разряда и кабатчики. Эти последние, мелкомасштабные ростовщики, но также «организаторы коллективных увеселений», существовали во французских деревнях еще в XIX и XX вв. В деревенский кабак шли «играть, побеседовать, выпить и поразвлечься... там договаривались кредитор с должником, торговец — с клиентом, заключались сделки и арендные договоры». Чуть ли не постоялый двор для бедняков! По отношению к церкви кабак был другим полюсом деревни [210].

Тысячи свидетельств говорят об этом быстром росте лавок. В XVII в. размах их создания напоминал наводнение, потоп. Лопе де Вега в 1606 г. мог сказать о Мадриде, ставшем столицей: «Все превратилось в лавки» (*Todo se ha vuelto tiendas*) [211]. Лавка (*tienda*) к тому же становится одним из излюбленных мест действия плутовских романов. В Баварии купцы сделались «столь же многочисленны, как булочники» [212]. В 1673 г. в Лондоне французский посол, выставленный из своего дома, который хотели снести, «дабы на том месте возвести новые строения», тщетно пытался найти жилье, «чему бы вы вряд ли поверили,— пишет он,— в таком большом городе, как этот... Но, поелику *с того времени, что я пребываю здесь*, большая часть больших домов была снесена и заменена на лавки и небольшие жилища торговцев, то имеется зело немного домов для найма», и по непомерным ценам [213]. По словам Даниэля Дефо, это разрастание числа лавок сделалось «чудовищным» (*monstruously*) [214]: в 1663 г. в огромном городе было еще всего только 50 или 60 лавочников (*mercers*), а в конце века их было 300 или 400. Роскошные лавки переделывались тогда с большими затратами и усиленно покрывались зеркалами, украшались позолоченными колоннами, бронзовыми канделябрами и бра, которые славный Дефо считал экстравагантными. Но французский путешественник в 1728 г. пришел в восторг перед первыми же витринами. «Чего у нас во Франции обычно нет,— замечает он,— так это стекла, каковое, как правило, очень красиво и очень прозрачно. Лавки окружены им, и обыкновенно позади него выкладывают товар, что оберегает его от пыли, делает доступным для обозрения прохожими и придает лавкам красивый вид со всех сторон» [215]. В то же самое время лавки продвигались к западу, следуя за ростом города и миграцией богачей. Их излюбленной улицей долго была Патер Ностер-роу, затем в один прекрасный день Патер Ностер опустела, уступив место Ковент-гардену, которая сохраняла ведущую

[210] Bercé Y.-M. *Op. cit.*, p. 222, 297.
[211] Capella M., Matilla Tascón A. *Los Cinco Gremios mayores de Madrid.* 1957, p. 13, note 23. См.: Lope de Vega. *La Nueva Victoria de Don Gónzalo de Córdoba.*
[212] Schremmer E. *Op. cit.*, p. 595.
[213] A. N., A. E., C. P., Angleterre, 108, f° 28.
[214] *The Complete English Tradesman.* L., 1745, II, p. 332, 335.
[215] *Voyage en Angleterre*, f° 29.

роль на протяжении всего десяти лет. Затем популярность перейдет к Ладгейт-хиллу, а еще позднее лавки будут тесниться возле Раунд-корт, Фенчерч-стрит или Хаундсдич. Но все города жили под одним знаком. Множилось число лавок в них, они покушались на улицы, выкладывая свои товары, мигрировали из одного квартала в другой [216]. Посмотрите, как распространяются кафе по Парижу [217], как набережные Сены, с [открытым там] магазином «Пти Дюнкерк», который ослепил своим блеском Вольтера [218], вытесняют галерею Пале-Руаяля, торговая суматоха которой во времена Корнеля была в городе главным зрелищем [219]. Даже *малые* городские поселения переживали аналогичные перемены. Так было на Мальте, где с начала XVII в. в тесном новом городе Ла-Валлетта «лавки торговцев и мелких розничных торгашей столь умножились, что ни один из них не может полностью обеспечить себе средства к существованию,— говорится в обстоятельном докладе.— И вот они обречены воровать либо быстро обанкротиться. У них никогда не было бойкой торговли, и прискорбно видеть столько молодых людей, проедающих либо едва лишь полученное приданое своей жены, либо наследство своих родителей — и все сие ради занятия для домоседа и настоящего бездельника (*una occupatione sedentaria et cosi poltrona*)» [220]. Тот же самый добродетельный информатор возмущается тем, что в домах мальтийцев увеличивалось тогда число золотых и серебряных вещей — «бесполезный и мертвый» капитал; что мужчины, женщины и дети заурядного происхождения рядятся в тонкие сукна, кружевные накидки и, что еще более возмутительно, шлюхи (*putane*) прогуливаются в каретах, разодетые в шелка. По крайней мере, добавляет он без малейшего юмора, коль скоро на сей счет имеется запрет, пусть их обложат налогом (*"un tanto al mese per dritto d'abiti"*)! Поскольку все относительно, не было ли это уже своего рода зачатком «общества потребления»?

Но наблюдались и градации. Когда в 1815 г. Ж.-Б. Сэ вновь увидел Лондон примерно через 20 лет (первое его посещение относилось к 1796 г.), он пришел в изумление: диковинные лавки предлагали свой товар со скидкой в цене, повсюду были шарлатаны и рекламные плакаты — одни «неподвижные», другие «передвигающиеся», «которые пешеходы могут прочесть, не теряя ни минуты». В Лондоне только что были изобретены «люди-сандвичи» [221].

ПРИЧИНЫ ПОДЪЕМА

Говоря нашим сегодняшним языком, мы заключили бы, что повсюду наблюдались необычный рост распределения, ускорение обмена (другим подтверждением этого были рынки и ярмарки), триумф (наряду с постоянной торговлей в лавках и расширением услуг) *третичного* [обслуживающего] *сектора*, который отнюдь не был безразличен для общего развития экономики.

Этот подъем можно было бы проиллюстрировать многочисленными цифрами, если бы было рассчитано соотношение между численностью населения и числом лавок [222], или же процентное соотношение лавок ремесленников и лавок торговцев, или же

[216] Battifol L. *Op. cit.*, p. 25—26.

[217] См. первый том настоящей работы (изд. 1967 г.), с. 193—194.

[218] Sombart W. *Op. cit.*, II, S. 465; *Mémoires de la baronne d'Oberkirch*. 1970, p. 348, note 1, p. 534.

[219] Franklin A. *Op. cit.*, passim, p. 20, 40.

[220] Мальтийский архив, 6405, начало XVIII в.

[221] Say J.-B. *De l'Angleterre et des Anglais*. 1815, p. 23.

[222] Это обследование следует еще провести. Вот некоторые его вехи. В Вальядолиде в 1570 г. было на 40 тыс. жителей 1870 лавок ремесленников и торговцев, иными словами, в общем одна лавка на 20 жителей (Bennassar B. *Valladolid au siècle d'or*. 1967, p. 168). В Риме в 1622 г.— такое же соотношение: 5578 лавок на 114 тыс. жителей (Delumeau J. *Vie économique et sociale de Rome dans la seconde moitié du XVI^e siècle*. 1957—1959, I, p. 377, 379). Для Венеции см.: Beltrami D. *Storia della popolazione di Venezia dalle fine del secolo XVI alla caduta della Republica*. 1954, p. 219, а для Сиены см. перечень всех ремесел города в 1762 г. (A. d. S. Siena, Archivio Spannochi B 59). По поводу Гренобля в 1723 г. см.: Esmonin E. *Études sur la France des XVII^e et XVIII^e siècles*. 1964, p. 461, note 80.

средний размер и средний доход лавки. Вернер Зомбарт отметил свидетельство Юстуса Мозера, хорошего историка и несколько мрачного наблюдателя, который в 1774 г. констатировал по поводу города Оснабрюка, что «за столетие число лавочников определенно утроилось, тогда как ремесленников стало меньше вдвое» [223]. Историк Ганс Мауэрсберг недавно констатировал аналогичные факты, на сей раз — с цифрами, касающимися ряда крупных немецких городов [224]. Обращаясь наудачу к нескольким зондажам (по инвентарным спискам имущества умерших), проделанным один в Мадриде времен Филиппа IV [225], а остальные два — в лавках каталанских и генуэзских перекупщиков на Сицилии в XVII в.[226], обнаруживаешь бедные лавчонки, жалкие, жившие под вечной угрозой, после ликвидации которых остаются преимущественно долги. В этом крохотном мирке банкротство — привычное дело. Возникает даже впечатление — это только впечатление,— что в XVIII в. было бы все налицо для активного «пужадизма» *, если бы мелкие торговцы имели тогда возможность не стесняться в выражениях своих чувств. В Лондоне, когда правительство Фокса попыталось в 1788 г. обложить их налогом, ему пришлось живо дать задний ход перед «всеобщим недовольством, [которое этот акт вызвал] среди народа» [227]. Но если лавочники — это не народ (вполне очевидная истина!), то при случае они приводят его в движение. В Париже 1793 и 1794 гг. санкюлоты в значительной своей части рекрутировались среди этого полупролетариата мелких лавочников [228]. Это побуждает поверить одному на первый взгляд несколько пристрастному докладу, автор которого утверждал, будто к 1790 г. в Париже на краю банкротства находилось 20 тыс. розничных торговцев [229].

С учетом этого мы при нынешнем состоянии наших знаний можем утверждать, что:

— подъем численности населения и рост экономической жизни в долгосрочном плане, желание «розничного торговца» оставаться у себя в лавке предопределили разбухание числа посредников в сфере распределения. То, что агенты эти были, по-видимому, слишком многочисленны, доказывает всего-навсего, что этот рост опережал подъем экономики, чрезмерно на него полагаясь;

— постоянство точек торговли, большая продолжительность [ежедневного] функционирования лавок, реклама, торги, беседы должны были идти на пользу лавке. В нее заходили столько же для того, чтобы потолковать, сколько и для покупок. То был небольшой театр. Взгляните на забавные и правдоподобные диалоги, какие воссоздал в 1631 г. шартрский каноник, автор «Учтивого буржуа» (*“Bourgeois poli”*) [230]. Но разве же не Адам Смит в один из редких [для него] моментов насмешливого расположения духа сравнил человека, который говорит, с животными, которые такого преимущества не имеют: влечение к обмену предметами «является необходимым следствием способности рассуждать и дара речи» [231]. Для народов, охотно болтающих, обмен словами необходим, даже если за этим не всегда следует обмен предметами;

— но главной причиной расцвета лавок был *кредит*. Выше уровня лавок оптовик предоставлял кредит; розничному торговцу

223 Sombart W. *Op. cit.*, II, S. 454.

224 *Wirtschafts- und Sozialgeschichte zentraleuropäischer Städte in neuerer Zeit.* 1963, S. 183 sq. В Базеле с XVI по конец XVIII в. численность лавочников и розничных торговцев выросла на 40%, численность же всех ремесленников сохранялась прежней или обнаруживала тенденцию к снижению.

225 Я обязан Клоду Ларкье посмертным инвентарным списком имущества лавки одного торговца водкой (*aguardientero*) с [мадридской] Пласа Майор. Archivo de los Protocolos, № 10598, f^{os} 372—516, 1667.

226 Зондажи Мориса Эймара: для 1548 г. см. Tribunale del Real Patrimonio 137, Livelli f^{os} 3561 для 1584 г.: *Ibid.* Privilegiati, f° 8.

* Пужадизм — мелкобуржуазное правонационалистическое движение профашистского характера во Франции во второй половине 50-х годов XX в., возглавленное владельцем книжного магазина П. Пужадом.— *Прим. перев.*

227 Москва, АВПР, 35/6, 390, 84, Лондон, 7 марта 1788 г.

228 Soboul A. *Les Sans-Culottes parisiens en l'an II,* passim и, в частности, с. 163, 267, 443, 445. (См.: Собуль А. *Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры.* М., 1966.)

229 A. N., F^{12}, 724.

230 Pedoue F. *Le Bourgeois poli.* 1631.

231 Смит А. *Исследование о природе и причинах богатства народов.* М.-Л., 1935, I, с. 16.

придется оплачивать его тем, что мы сегодня назвали бы переводными векселями. Крупные флорентийские купцы Гвиччардини Корси, при случае импортировавшие сицилийскую пшеницу (они ссудили деньги Галилею, и это сегодня служит к чести этого важного семейства), на условиях восемнадцатимесячного кредита продавали перец со своих складов бакалейщикам-перекупщикам, как о том свидетельствуют их счетные книги [232]. И наверняка они не были в этом деле новаторами. Но лавочник и сам предоставлял кредит своим клиентам, богачам еще охотнее, нежели прочим. Портной предоставляет кредит; кредит предоставляет булочник (используются две деревянные дощечки, на которых ежедневно совместно делают зарубки; одна дощечка оставалась у булочника, вторая у клиента [233]); кредит предоставляет кабатчик [234] (клиент мелом записывает свой текущий долг на стене); предоставляет кредит мясник. Я знал одно семейство, говорит Дефо, доходы которого составляли тысячи фунтов в год и которое выплачивало мяснику, булочнику, бакалейщику и торговцу сыром по 100 фунтов зараз и постоянно оставляло 100 фунтов долга [235]. Бьемся об заклад, что господин Фурнера — старьевщик под сводами парижского Крытого рынка (*Halles*), о котором упоминает «Удобная адресная книга» (1692 г.) и который, как она утверждает, снабжал человека «порядочной одеждой за четыре пистоля в год»,— так вот, бьемся об заклад, что сей поставщик весьма специфического «готового платья» не должен был всегда требовать, чтобы ему платили вперед [236]. И того менее — те три объединившихся торговца-старьевщика, которые на Новой улице прихода св. Марии в Париже предлагали свои услуги в предоставлении «любых траурных платьев, плащей, крепа и брыжей и даже черных костюмов, носимых во время церемоний» [237].

Торговец на положении мелкого капиталиста жил между теми, кто ему должен деньги, и теми, кому он должен. Это шаткое равновесие, все время на краю крушения. Если «поставщик» (имеется в виду посредник, связанный с оптовиком, или же сам этот оптовик) приставлял ему нож к горлу, это была катастрофа. Если богатый клиент вдруг не уплатит, то вот перед нами оказавшаяся в отчаянном положении торговка рыбой (1623 г.). «Я начинала зарабатывать себе на жизнь,— признается она,— и единым махом оказалась вдруг сведена набело» [238]; коль скоро «беляк» (*blanc*) — это мелкая монета в десять денье, это следует понимать «осталась с последним грошем». Любой лавочник рисковал испытать подобное злоключение — получить оплату слишком поздно или не получить ее вовсе. Франсуа Поммероль, оружейник и одновременно поэт, жаловался в 1632 г. на свое положение, при котором «приходится тяжко трудиться, а что до оплаты, то терпеливо ждать, когда с ней затягивают» [239].

Это самая распространенная жалоба, когда нам удается познакомиться с письмами мелких торговцев, посредников, поставщиков. 28 мая 1669 г.: «Мы еще раз пишем Вам сии строки, дабы узнать, когда Вы соблаговолите нам уплатить». 30 июня 1669 г.: «Сударь, я зело удивлен, что письма мои, столь часто повторяемые, производят столь малое действие, а ведь порядочному человеку надлежит дать ответ...» 1 декабря 1669 г.: «Мы никогда

[232] Braudel F. *Médit*.., I, p. 293.
[233] Hémardinquer J.-J. *La Taille, impôt marqué sur un bâton (Landes, Pyrénées, Bourgogne)* (до 1610 г.).—*"Bulletin philologique et historique"*, 1972, p. 507—512.
[234] Gerschel L. *L'Ogam et le nom.— "Études celtiques"*, 1963, p. 531—532.
[235] Defoe D. *Op. cit.*, I, p. 356.
[236] Pradel A., du. *Op. cit.*, II p. 60.
[237] Archives de Paris, 3 B 6 27, 26 февраля 1720 г.
[238] *Variétés*, II, p. 136.
[239] *Variétés*, VI, p. 163.



Торговля предметами роскоши в Мадриде во второй половине XVIII в.— антикварный магазин. Отделка сравнима с той, что описывал Дефо, говоря о новых лондонских лавках в начале века. Картина Луиса Парет-и-Алькасара. *Мадрид, Музей Ласаро Гальдиано. Фото Скала.*

бы не поверили, что после того, как Вы заверили нас, что явитесь к нам в дом, дабы оплатить свой счет, Вы уедете, не дав о том знать». 28 июля 1669 г.: «Не знаю, как следует Вам писать, ибо вижу, что Вы не обращаете внимания на письма, что я Вам пишу». 18 августа 1669 г.: «Вот уже шесть месяцев, как я покорнейше прошу Вас выплатить мне задаток». 11 апреля 1676 г.: «Я хорошо вижу, что письма Ваши лишь дурачат меня». Все эти письма написаны разными лионскими торговцами [240]. Я не обнаружил того, что принадлежало некоему доведенному до отчаяния кредитору, предупреждавшему виновника, что он отправится в Гренобль и сам насильственным путем восстановит справедливость. Один реймсский торговец, современник Людовика XIV, неохотно дававший в долг, приводил пословицу: «Как ссужать — так брат родной, как возвращать — так шлюхин сын» [241].

Эти хромающие расчеты создавали цепочку зависимостей и затруднений. На ярмарке Св. Причастия в Дижоне в октябре 1728 г. довольно хорошо продавались холсты, а не шерстяные или шелковые ткани. «Причины сего усматривают в том, что розничные торговцы жалуются на свой слабый сбыт и на то, что, не быв оплачены теми, кому они продали, они не в состоянии делать новые закупки. С другой же стороны, купцы-оптовики, кои приезжают на ярмарки, отказываются давать дальнейший

[240] A. D. Isère, II E, 621, 622.
[241] *Les Mémoires de Jean Maillefer, marchand bourgeois de Reims (1611—1684).* 1890, p. 16.

кредит большей части розничных торговцев, от каковых они не получают оплаты» [242].

Но противопоставим этим картинам те, что рисует Дефо, который пространно объясняет, что цепь кредита есть основа коммерции, что долги взаимно компенсируются и что от сего возрастают активность и доходы купцов. Не в том ли «неудобство» архивных документов, что они сохраняют для историка в большей степени банкротства, судебные тяжбы, катастрофы, нежели нормальное течение дел? У удачных дел, как и у счастливых людей, нет истории.

[242] A. N., F^{12}, 863—7, 7 октября 1728 г.

ИЗБЫТОЧНАЯ АКТИВНОСТЬ РАЗНОСЧИКОВ

Разносчики — это торговцы, обычно полунищие, которые «носят на шее» * или попросту на спине весьма скудный товар. И тем не менее они составляли в обороте ощутимую маневренную массу. Даже в городах, а уж тем более в местечках и деревнях, они заполняли пустые промежутки в обычной сети распределения. А так как эти промежутки были многочисленны, то и разносчики кишмя кишели, то было знамение времени. Повсюду их отличал длинный ряд названий: во Франции — это *colporteur*, *contreporteur*, *porte-balle*, *mercelot*, *camelotier*, *brocanteur*; в Англии — *hawker*, *huckster*, *petty chapman*, *pedlar*, *packman*; в Германии в каждой земле их именовали на свой лад — *Höcke*, *Hueker*, *Grempler*, *Hausierer*, *Ausrufer* (а говорили еще и *Pfuscher*, т. е. «на все руки», и *Bönhasen*). В Италии это был *merciajuolo*, в Испании — *buhonero*. Свои названия имел он и в Восточной Европе: по-турецки — *сейяр сатычи* (что означает одновременно и разносчика и мелкого лавочника); на болгарском языке он — *сергиджия* (от турецкого *серги*), а на сербохорватском — *торбар* (от турецкого *торба* — мешок) или *торбар и сребар*, а то и *Kramar* или *Krämer* (слово явно немецкого происхождения, которое обозначает как разносчика, так и проводника каравана или мелкого буржуа) [243] и так далее...

Этот избыток названий проистекал оттого, что ремесло разносчика, отнюдь не представлявшего единого социального типа, было совокупностью ремесел, которые не поддавались разумной классификации. В Страсбурге 1703 г. савоец-точильщик был рабочим, который «носил с собой» свои услуги и бродяжничал, как и многие трубочисты и плетельщики соломенных стульев [244]. *Марагате*, крестьянин с Кантабрийских гор,— это крестянин, который по завершении уборки урожая перевозил лес, зерно, бочарную клепку, бочонки с соленой рыбой, грубошерстные ткани в зависимости от того, направлялся ли он с зернопроизводящих и винодельческих плато Старой Кастилии к океану или наоборот [245]. И это был сверх того, по образному выражению, торговец *en ambulancia*, странствующий торговец, так как он сам скупал для перепродажи весь товар, который перевозил, или часть его [246]. Бесспорно, разносчиками были и крестьяне-ткачи из промысловой деревни Андрыхув возле Кракова или по крайней мере те из них, кто отправлялся продавать произведенное в деревне полотно в Варшаву, Гданьск, Львов, Тарно-

* Французский глагол "*colporter*" («торговать вразнос») может быть переведен как «носить на шее».— *Прим. перев.*

[243] Сведения получены от Траяна Стояновича.

[244] Livet G. *Les Savoyards à Strasbourg au début du XVIII^e^ siècle.—"Cahiers d'histoire"*, IV, 2, 1959, p. 132.

[245] Martin Galindo J. L. *Arrieros maragatos en el siglo XVIII.— "Estudios y Documentos"*, № 9, 1956; Braudel F. *Médit...*, I, p. 408.

[246] Capella M., Matilla Tascón A. *Op. cit.*, p. 14, 22.



Торговец блинами на московских улицах. Гравюра 1794 г. *Фото А. Скаржиньской.*

поль, на люблинскую и дубненскую ярмарки, те, кто добирался даже до Стамбула, Смирны, Венеции и Марселя. Эти легкие на подъем крестьяне при случае становились «пионерами навигации по Днестру и Черному морю» (1782 г.) [247]. А как зато назвать тех богатых манчестерских купцов или же тех «мануфактурщиков» Йоркшира и Ковентри, которые, разъезжая верхом по всей Англии, сами доставляли свои товары лавочникам? Если, говорит Дефо, «отвлечься от их богатства, то это разносчики» [248]. И слово это подошло бы и для так называемых ярмарочных купцов, *forains* (т. е. происходящих из другого города), которые во Франции и иных местах катили с ярмарки на ярмарку, но иной раз бывали относительно зажиточными [249].

Как бы то ни было, богат ли торговец или беден, но торговля вразнос стимулировала и поддерживала обмен, она его распространяла. Но там, где ей принадлежал *приоритет*, обычно наблюдалось — и это доказано — некоторое экономическое отставание. Польша отставала от экономики Западной Европы, и вполне логично: разносчик будет в ней царить. Не была ли торговля вразнос пережитком того, что на протяжении веков было некогда нормальной торговлей? Разносчиками были *сири* (*syri*) поздней Римской империи [250]. Образ торговца на Западе в средние века — это образ запыленного, забрызганного грязью странника, каким и был разносчик во все времена. Пасквиль 1622 г. еще описывал этого торговца былых времен с «сумкой, висящей на боку, в башмаках, у которых кожа только на мысках»; жена следует за ним, прикрытая «большой шляпой, опущенной сзади до пояса» [251]. Да, но в один прекрасный день эта пара бродяг устраивается в лавочке, меняет кожу и оказывается не такой уж нищей, как это казалось.

[247] Kulczykowski M. *En Pologne au XVIIIe siècle : industrie paysanne et formation du marché national.— "Annales E. S. C."*, 1969, p. 61—69.
[248] Defoe D. *Op. cit.*, II, p. 300.
[249] Savary des Bruslons J. *Op. cit.*, см. статью: *"Forain"*, col. 707.
[250] Lombard M. *L'Évolution urbaine pendant le Haut Moyen Age.—"Annales E. S. C."*, 1957, XII; Perroy E. *Histoire du Moyen Age*, p. 20. («Сири, т. е. евреи и христиане, говорящие по-гречески».)
[251] *Variétés*, III, p. 36.



Лавка аптекаря. Фреска из замка Иссонь в Валле-д'Аоста, конец XV в. *Фото Скала.*

Разве в разносной торговле, по крайней мере среди владельцев повозок, не было богатых в потенции купцов? Удачный случай — и вот они выдвинулись. Именно разносчики создали почти повсюду в XVIII в. скромные деревенские лавки, о которых мы говорили. Они даже пошли на штурм торговых центров: в Мюнхене владельцы 50 итальянских или савойских фирм XVIII в. вышли из преуспевших разносчиков [252]. Аналогичное внедрение могло происходить в XI и XII вв. в европейских городах, в то время едва достигавших размера деревень.

Во всяком случае, деятельность разносчиков, кумулируясь, возымела массовый эффект. Распространение народной литературы и альманахов в деревнях было почти целиком их делом [253]. Все богемское стекло в XVIII в. распространяли разносчики, будь то в Скандинавских странах, в Англии, в России или в Оттоманской империи [254]. Просторы Швеции в XVII и XVIII вв. были наполовину безлюдны: редкие населенные пункты, затерянные в огромном пространстве. Но настойчивость мелких странствующих торговцев родом из Вестергётланда или Смоланда позволяла сбывать там разом «подковы, гвозди, замки, булавки... альманахи, книги благочестивого содержания» [255]. В Польше странствующие торговцы-евреи взяли на себя от 40 до 50% торговли [256] и восторжествовали также и в германских землях, уже отчасти господствуя на прославленных лейпцигских ярмарках [257].

Так что торговля вразнос не всегда шла следом, не раз она бывала расширением рынка первопроходцами, захватом его. В сентябре 1710 г. Торговый совет в Париже отверг прошение двух авиньонских евреев, Моисея де Валлабреге и Израэля де Жа-

[252] Schremmer E. *Op. cit.*, p. 604.

[253] Mandrou R. *De la culture populaire aux XVII^e et XVIII^e siècles. La Bibliothèque bleue de Troyes.* 1964, p. 56.

[254] Sombart W. *Op. cit.*, II, S. 446.

[255] Nordmann Cl. *Grandeur et liberté de la Suède (1660—1792).* 1971, p. 36.

[256] По данным, предоставленным Анджеем Вычаньским.

[257] Москва, АВПР, 84/2, 420, л. 10—11; Лейпциг, 6/17 октября 1798 г.; 84/2, 421, л. 3; Лейпциг, 8/19 января 1799 г.

зиара, которые хотели бы «продавать ткани шелковые, шерстяные и прочие товары во всех городах королевства на протяжении шести недель в любое время года, не открывая лавки» [258]. Такая инициатива торговцев, которые явно не были мелкими разносчиками, показалась «весьма вредной для торговли и интересов подданных короля», неприкрытой угрозой лавочникам и местным купцам. Обычно взаимное положение бывало обратным: оптовые купцы и крупные (или даже средние) лавочники держали в руках нити торговли вразнос, оставляя для этих упорных распространителей «неликвиды» [непроданные товары], которые заполняли их склады. Ибо искусство разносчика — это продавать малыми количествами, вторгаться в плохо обслуживаемые зоны, увлекать колеблющихся. И он для этого не жалел ни труда, ни речей своих, наподобие лоточника наших [парижских] бульваров, одного из его наследников. Расторопный, смешливый, с живым умом — таким он предстает в театре; и ежели в одной пьесе 1637 г. молодая вдова в конечном счете не выходит замуж за слишком красивого краснобая, то вовсе не потому, что он не казался ей соблазнительным:

Бог мой, какой он забавник! Если бы мне понадобилось
И я бы этого захотела, он возжелал бы и меня.
Но прибыль, о которой он заставляет кричать сплетниц,
Не смогла бы нам за год доставить и дырки в нужнике [259].

Законно или незаконно, но разносчики просачивались повсюду, вплоть до аркад площади Св. Марка в Венеции или Нового моста в Париже. Мост в Або (Турку) в Финляндии был занят лавками, не беда — разносчики соберутся у обоих концов моста [260]. В Болонье потребовалась недвусмысленная регламентация, чтобы главная площадь напротив собора, на которой по вторникам и субботам открывался рынок, не превратилась стараниями разносчиков в рынок ежедневный [261]. В Кёльне различали 36 категорий уличных торговцев (*Ausrufer*) [262]. В Лионе в 1643 г. постоянно звучали зазывные крики. «Вразнос торгуют всем, что продается: пирожками, фруктами, вязанками хвороста, древесным углем, изюмом, сельдереем, вареным горохом, апельсинами и т. д. Салат и свежие овощи развозят на тележках и криком зазывают покупателей. Яблоки и груши продают печеными. Вишни продают на вес, по столько-то за фунт» [263]. Эти зазывные крики Парижа, крики Лондона, крики Рима нашли отражение в гравюрах тех времен и в литературе. Мы знаем римских уличных торговцев, рисованных Караччи или Джузеппе Барбери; они предлагают фиги и дыни, зелень, апельсины, соленые крендели, газеты, лук, хлебцы, старую одежду, рулоны ткани и мешки с углем, дичь, лягушек... Можно ли вообразить себе изящную Венецию XVIII в., заполненную продавцами кукурузных лепешек? И тем не менее в июле 1767 г. они там прекрасно продавались в больших количествах «за грошовую цену в одно су». Дело в том, говорит наблюдатель, что «изголодавшаяся чернь [города] непрерывно нищает» [264]. Так как же тогда избавиться от этой тучи незаконных торговцев? Это не удалось ни одному городу. 19 октября 1666 г.

[258] A N., G[7], 1695, f° 202. Доклад д'Амело, Париж, 20 сентября 1710 г. Разносчики-евреи отмечены в Тулузе (1695 г.) Жерменом Мартэном и Марселем Безансоном (Martin G., Bezançon M. *L'Histoire du crédit en France sous le règne de Louis XIV*. 1913. p. 189). Об их злоупотреблениях в Валони см. архивы Кальвадоса [C 1419 (1741—1788 гг)].
[259] Fournier E. *Le Théâtre français aux XVI[e] et XVII[e] siècles*. 1874, II, p. 288.
[260] *"The Scandinavian Economic History Review"*, 1966, № 2, p. 193.
[261] A. d. S. Bologna, II—C, 148—150, 1595.
[262] Bechtel H. *Wirtschaftsgeschichte Deutschlands*, II, S. 392, Anm. 286.
[263] Brackenhoffer E. *Op. cit.*, p. 115, 144. О сортах изюма см. словарь Littré, статья *"Raisin"*.
[264] Georgelin J. *Venise au siècle des Lumières*. По свидетельству Градениго.

Ги Патэн писал из Парижа: «Здесь начинают принимать продуманные полицейские меры против уличных торговок, скупщиков краденого и холодных сапожников, кои стесняют движение; улицы Парижа желают видеть весьма чистыми; король сказал, что желает сделать из Парижа то же, что Август сделал из Рима» [265]. И разумеется, впустую: точно так же можно пытаться прогнать рой мошек. Все городские улицы, все деревенские дороги мерили шагами эти неутомимые ноги. Даже Голландия — и довольно поздно, в 1778 г.,— была наводнена «коробейниками, рассыльными, разносчиками, старьевщиками, кои продают бесконечное множество иностранных товаров зажиточным и богатым особам, каковые большую часть года проводят в своих деревенских имениях» [266]. Запоздалое безумие загородных резиденций было тогда в разгаре в Соединенных Провинциях, и мода эта, возможно, зависела от такого притока [товаров].

Зачастую торговля вразнос ассоциировалась с сезонными миграциями: так было с савоярами [267], с жителями Дофине, которые отправлялись во Францию, а также в Германию; с овернцами из горных районов, особенно с базальтового плато Сан-Флур, которые колесили по дорогам Испании [268]. Итальянцы являлись во Францию провести свой «сезон», [хотя] иные довольствовались тем, что *кружили* по Неаполитанскому королевству, французы отправлялись в Германию. Переписка торговцев вразнос из Маглана [269] (ныне в департаменте Верхняя Савойя) позволяет проследить (с 1788 по 1834 г.) передвижения странствующих «ювелиров», а на самом деле — торговцев часами, размещавших свои товары на ярмарках Швейцарии (в Люцерне и Цурцахе) [270] и в лавках Южной Германии во время долгих путешествий почти всегда по одним и тем же маршрутам, [передаваемым] от отца к сыну и к внуку. Им сопутствовал больший или меньший успех: на люцернской ярмарке 13 мая 1819 г. «едва набралось, на что выпить вечером стаканчик» [271].

Иной раз происходили внезапные «нашествия», связанные, вне сомнения, с бродяжничеством в кризисные периоды. В Испании в 1783 г. пришлось принять целый комплекс общих мер против коробейников, разносчиков и бродячих мелких торговцев, против тех, «что показывают прирученных животных», против тех странных целителей, «коих именуют знахарями, *salutadores*, кои носят на шее большой крест и притязают на то, чтобы молитвами исцелять болезни людей и животных» [272]. Под родовым названием коробейников имелись в виду мальтийцы, генуэзцы и местные уроженцы. Ничего не сказано о французах, но это, должно быть, чистое упущение. Вполне естественно, что эти бродяги по ремеслу имели связи с бродягами без ремесла, с которыми они встречались на дорогах, и что они при случае участвовали в жульнических проделках этого темного мира [273]. Также естественно, что они имели отношение к контрабанде. Англия в 1641 г. полна была французских торговцев вразнос, которые, по словам сэра Томаса Роу, члена Тайного совета короля (*Privy Council*), способствовали валютному дефициту в балансе королевства [274]. Уж не были ли они пособни-

[265] Patin G. *Lettres*, III, p. 246.
[266] Accarias de Sérionne J. *La Richesse de la Hollande*. 1778, II, p. 173.
[267] B. N., Ms. Fr., 14667 131.
[268] *La Response de Jean Bodin à M. de Malestroit*. 1568, P. p. H. Hauser, 1932, p. XXXVIII.
[269] Фонд д-ра Морана. Бонн-сюр-Меножь, Верхняя Савойя.
[270] Savary des Bruslons J. *Op. cit.*, II, col. 679; V, col. 915—916.
[271] Фонд д-ра Морана. Жозеф Перроллаз — отцу, Люцерн, 13 мая 1819 г.
[272] *"Gazette de France"*, p. 219, Мадрид, 24 мая 1783 г.
[273] См. *Il Libro dei vagabondi*. P. p. P. Camporesi, 1973 — введение, многочисленные ссылки на европейскую литературу.
[274] Schulin E. *Handelsstaat England*. 1969, S. 117, 195. О португальских торговцах вразнос в начале XVI в. в Нидерландах см.: Goris J. A. *Étude sur les colonies marchandes méridionales... à Anvers 1488—1567*. 1925, p. 25—27.

ками тех моряков, что контрабандой грузили на английских берегах шерсть и фуллерову землю *, а доставляли туда водку?

* Фуллерова земля — разновидность глины, использовавшейся в отделочных операциях сукновального производства как обезжириватель и набивка для фильтров.— *Прим. перев.*

БЫЛА ЛИ ТОРГОВЛЯ ВРАЗНОС АРХАИЧНА?

Обычно уверяют, будто эта разбухшая жизнь торговли вразнос угасала сама собой всякий раз, как только какая-то страна достигала определенной стадии развития. В Англии она якобы исчезла в XVIII в., во Франции — в XIX в. Однако же английская торговля вразнос познала подъем в XIX в., по крайней мере в пригородах промышленных городов, плохо обслуживавшихся обычными потоками распределения [275]. Во Франции любое фольклорное исследование вновь обнаруживает ее следы в XX в.[276] Думали, что современные транспортные средства нанесли ей смертельный удар — но это априоризм логики. А ведь наши странствующие магланские часовых дел мастера использовали повозки, дилижансы и даже паровое судно на Женевском озере в 1834 г., притом с [большим] удовольствием [277]. Следует полагать, что торговля вразнос — это система, в высшей степени *способная к адаптации*. Ее мог заставить появиться или возникнуть заново любой затор в распределении, или же любое нарастание подпольных форм деятельности — контрабанды, воровства, скупки краденого, или любой неожиданный случай ослабления конкуренции, надзора, обычных формальностей торговли.

Таким вот образом во времена Революции и империи Франция стала ареной огромного распространения торговли вразнос. Поверим в этом тому брюзгливому судье коммерческого суда в Меце, который 6 февраля 1813 г. представил членам Высшего совета торговли в Париже пространный доклад. «Сегодняшняя торговля вразнос,— пишет он,— не то, что такая торговля прошлых времен, с тюком за спиной. Это — значительная торговля, которая дома повсюду, хотя она и не имеет дома» [278]. А в целом — это жулики, воры, бич наивных покупателей, катастрофа для торговцев «с жилищем», имеющих собственный дом. Следовало бы срочно положить этому конец, хотя бы ради безопасности общества. Бедное общество, где торговлю так мало уважают, где со времен революционных лицензий и эпохи ассигнатов любой, кто уплатит скромную цену за патент, может сделаться торговцем чем-нибудь. Единственное решение, по мнению нашего судьи,— «восстановить корпорации». Он едва счел нужным добавить: «избегая присущих им изначально злоупотреблений». Не станем слушать его далее. Но верно, что в его время потоки, армии торговцев вразнос отмечали почти повсюду. В Париже в том же самом 1813 г. префекту полиции доносили, что «лоточники» (*étalagistes*) ставят свои лотки прямо на улицах, везде, «от бульвара Мадлен до бульвара Тампль». Они беспардонно устраиваются перед дверями лавок и сбывают там, к великой ярости лавочников, в первую голову торговцев стеклом, фаянсом, изделиями из эмали и даже ювелиров, те же самые товары. Блюстители порядка сбились с ног: «Лоточников непрестанно сгоняют с одного или другого места, они непрестанно туда возвращаются... большое их

275 Alexander D. *Retailing in England during the Industrial Revolution.* 1970, p. 63 sq. В 1780 г. проект закона о запрещении торговли вразнос в Лондоне натолкнулся на весьма резкую реакцию английских владельцев шерстяных и хлопковых мануфактур, которые в своих петициях палате общин отмечали огромную массу товаров, которые они сбывают в розницу. См.: Davis D. *Op. cit.*, p. 245—246.

276 Drouillet J. *Folklore du Nivernais et du Morvan.* 1959; Tardieu S. *La Vie domestique dans le Mâconnais rural et pré-industriel.* 1964, p. 190—193.

277 Фонд д-ра Морана. Ж. Пероллаз — жене, Женева, 5 августа 1834 г.

278 A. N., F^{12}, 2175, Мец, 6 февраля 1813 г.

число — для них спасение. Как можно арестовать столько лиц?» И к тому же все они неимущие. И префект полиции добавляет: «Эта незаконная торговля, быть может, не столь неблагоприятна для узаконенных торговцев, как это полагают. Ибо почти все таким образом выставляемые товары продаются ими лоточникам, которые чаще всего лишь их комиссионеры» [279].

Совсем недавно изголодавшаяся в 1940—1945 гг. Франция узнала другой всплеск необычной торговли вразнос — «черный рынок». В России период 1917—1922 гг.— такой трудный, с его неурядицами, его несовершенным обращением — увидел в определенный момент, как снова появились странствующие посредники, как в былые времена перекупщики, противозаконные скупщики, спекулянты, торговцы вразнос — мешочники, как их презрительно называли [280]. Но и сегодня бретонские производители, которые на грузовиках добираются до Парижа, чтобы там прямо продавать артишоки или цветную капусту, которыми пренебрегли оптовики Центрального рынка (*Halles*), на какое-то мгновение выступают как торговцы вразнос. Современные торговцы вразнос — это также и те живописные крестьяне, грузинские и армянские, со своими мешками овощей и фруктов, со своими сетками, набитыми живой птицей, которых низкие авиационные тарифы на внутренних линиях привлекают сегодня в Москву. Если когда-нибудь угрожающая тирания магазинов стандартных цен (*Uniprix*), больших торговых площадей станет нестерпимой, нельзя быть заранее уверенным, что мы не увидим, как разбушуется против них — при прочих равных — новая торговля вразнос. Ибо торговля вразнос — это всегда способ обойти установленный порядок святая святых рынка, надуть существующие власти.

[279] A. N., F[12], 2175, Париж, 21 августа 1813 г.

[280] Kerblay B. H. *Les Marchés paysans en l'U.R.S.S.* 1968, p. 100 sq.

ЕВРОПА: МЕХАНИЗМЫ НА ВЕРХНЕМ ПРЕДЕЛЕ ОБМЕНОВ

Выше рынков, лавок, торговли вразнос располагалась мощная надстройка торговли, находившаяся в руках блистательных персонажей. То был уровень главных приводов, большой экономики — неизбежный «этаж» капитализма, чье существование без него было бы немыслимо.

В этом вчерашнем мире важнейшими орудиями торговли на далекие расстояния были ярмарки и биржи. Не то чтобы они аккумулировали *все* крупные операции. Конторы нотариусов во Франции и на континенте (но не в Англии, где их роль состоит лишь в установлении личности) позволяли при закрытых дверях совершать бесчисленные и весьма значительные сделки, настолько многочисленные, что, по словам одного историка, Жан-Поля Пуассона, они могли бы послужить средством измерять общий уровень дел [281]. И точно так же банки, эти резервуары, куда медленно откладывались деньги про запас и откуда они не всегда выходили с надлежащими осторожностью

[281] Poisson J.-P. *De quelques nouvelles utilisations des sources notariales en histoire économique (XVII[e] — XX[e] siècles)*.— *"Revue historique"*, 1973, № 505, p. 5—22.

и сдержанностью, занимали все более заметное место[282]. А французская консульская юрисдикция * (которой к тому же будут позднее подчинены вопросы и тяжбы, связанные с банкротствами) образовывала для товаров привилегированную судебную власть, действовавшую «по закону торговли» (*per legem mercatoriam*), юстицию быструю и охранявшую интересы классовые. Настолько, что 17 января 1757 г. Ле-Пюи[283], а 11 июня 1783 г. Перигё[284] настойчиво просили для себя консульской юрисдикции, которая облегчила бы их торговую жизнь.

Что касается французских торговых палат в XVIII в. (первая была создана в Дюнкерке в 1700 г.[285]), которые были скопированы в Италии (Венеция — 1763 г.[286], Флоренция — 1770 г.[287]), то они стремились укрепить власть крупных негоциантов в ущерб остальным. Именно это прямо говорил один дюнкеркский купец 6 января 1710 г.: «Все эти торговые палаты... годны лишь на то, чтобы разрушать всеобщую торговлю [торговлю всех], делая 5 или 6 частных лиц абсолютными господами мореходства и коммерции там, где они обосновались»[288]. Так что это учреждение оказывалось более или менее удачным в зависимости от места. В Марселе торговая палата была сердцем торговой жизни, а в Лионе им был совет эшевенов, так что торговая палата, в которой не больно-то нуждались, в конце концов перестала собираться. 27 июня 1775 г. генеральный контролер финансов писал: «Мне сообщили... что лионская торговая палата вовсе или почти не собирается, что распоряжения, содержащиеся в решении Совета от 1702 г., совсем не исполняются и что все, что относится до торговли сего города, рассматривается и решается синдиками» — следует понимать эшевенами города[289]. Но достаточно ли было поднять голос, чтобы призвать это учреждение к повседневной жизни? В 1728 г. Сен-Мало безуспешно просил короля дать городу торговую палату[290].

Итак, ясно, что в XVIII в. орудия крупной торговли множились и разнообразились. Тем не менее ярмарки и биржи еще оставались в центре большой торговой жизни.

[282] См. ниже, с. 370 и сл.
* Имеются в виду коммерческие суды, именовавшиеся в прошлом также консульскими судами.— *Прим. перев.*
[283] A. N., F[12], 149, 77.
[284] A. N., F[12], 721. Перигё, 11 июня 1783 г.
[285] Sombart W. *Op. cit.*, II, S. 566. Приоритет, несомненно, принадлежал родившейся в 1663 г. *Hamburger Kommerzdeputation.*
[286] Georgelin J. *Op. cit.*, p. 86.
[287] Bargellini P. *Il Bicentenario della Camera di commercio fiorentina 1770—1970.* 1970.
[288] A. N., G[7], 1965, 12.
[289] A. N., F[12], 151, 195.
[290] A. N., F[12], 683. 23 декабря 1728 г.

ЯРМАРКИ, СТАРОЕ, БЕЗ КОНЦА ПЕРЕДЕЛЫВАЕМОЕ ОРУДИЕ

Ярмарки — старое учреждение, менее древнее, нежели рынки (да и то едва ли!), но тем не менее с бесконечными корнями, глубоко уходящими в прошлое[291]. Во Франции исторические исследования, справедливо или несправедливо, относят их происхождение к доримским временам, вплоть до далекой эпохи великих кельтских миграций. На Западе их возрождение в XI в. не было движением с нуля, как обычно отмечается, поскольку еще сохранялись следы городов, рынков, ярмарок, паломничеств — короче говоря, привычки, к которым достаточно было бы обратиться вновь. Об ярмарке в Ланди около Сен-Дени говорили, что она восходит по меньшей мере к IX в., к правлению Карла Лысого[292]; об ярмарках в Труа — что они восходят к римским временам[293]; о лионских ярмар-

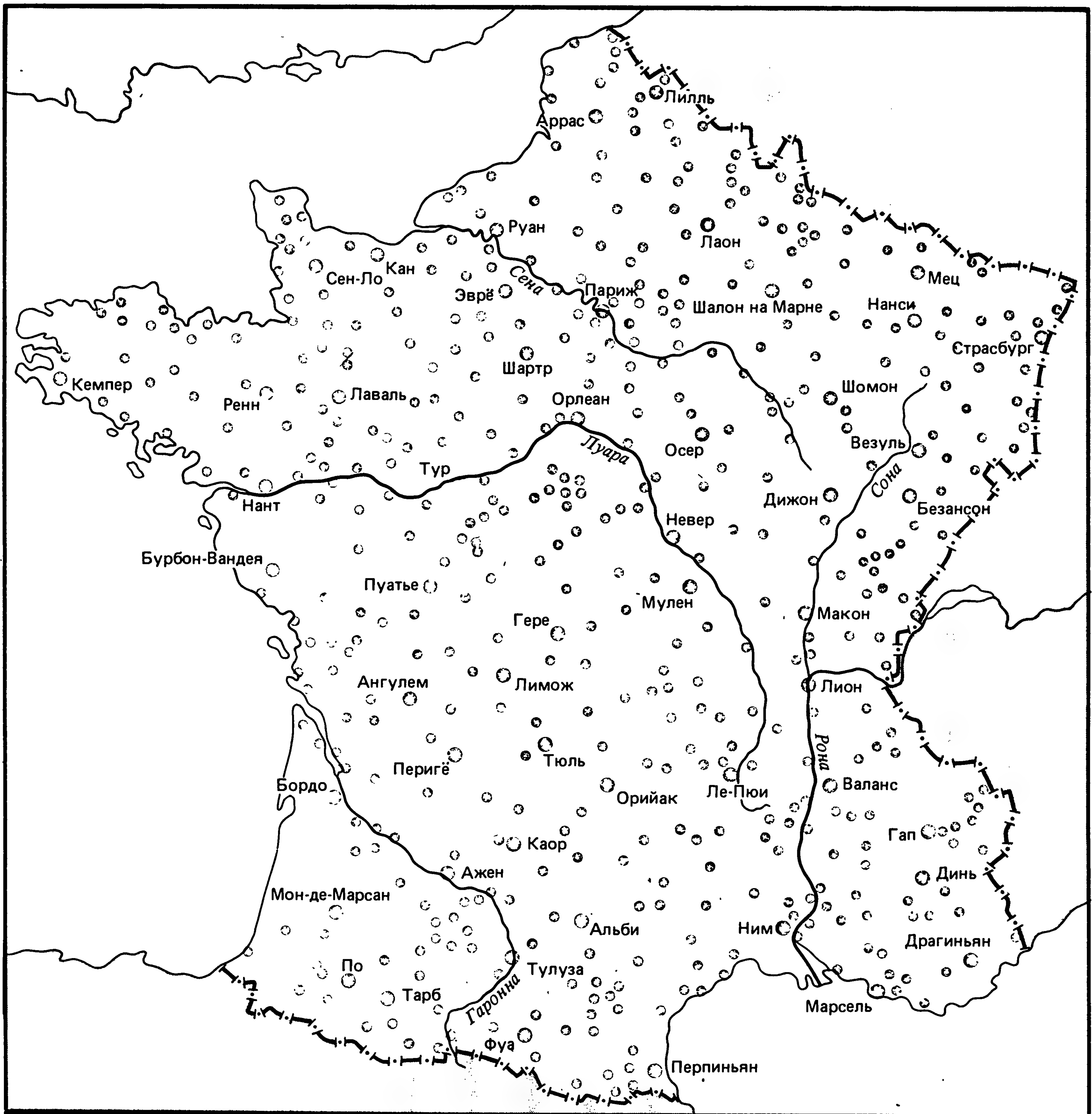
[291] Mitterauer M. *Jahrmärkte in Nachfolge antiker Zentralorte.— "Mitteilungen des Instituts für osterreichische Geschichtsforschung"*, 1967, S. 237 ff.
[292] Savary des Bruslons J. *Op. cit.*, s. v. *"Landi"*, col. 508.
[293] Bourquelot F. *Etudes sur les foires de Champagne.* 1865, p. 10.

ках — что они были учреждены около 172 г. н. э.[294] [Необоснованные] притязания, россказни? И да и нет, коль скоро, по всей вероятности, ярмарки были еще более древними, чем в этих притязаниях.

Во всяком случае, их возраст не мешал ярмаркам быть живым институтом, и институтом, который приспосабливался к обстоятельствам. Их роль заключалась в том, чтобы разрывать слишком узкий круг обычных обменов. Некая деревня в департаменте Мёз просила в 1800 г. об учреждении ярмарки, дабы заставить добираться до нее скобяной товар, которого ей недоставало[295]. Даже ярмарки во множестве скромных местечек, кажущиеся всего лишь союзом соседней деревни и городского ремесла, на самом деле ломали обычный круг обменов. Что же касается крупных ярмарок, то они мобилизовывали экономику обширных регионов. Порой весь Запад целиком встречался на них, пользуясь предоставленными вольностями и льготами, которые на короткое время снимали препятствие в виде многочисленных налогов и дорожных пошлин. С этого момента все способствовало тому, чтобы ярмарка стала из ряда вон выходящим сборищем. Государь, который очень рано стал прибирать к рукам эти определяющие сборища народа (король французский[296], король английский, император), умножал число милостей, льгот, гарантий, привилегий. Тем не менее заметим мимоходом: ярмарки не были вольными в силу самого того факта, что они были ярмарками, *ipso facto*. И ни одна из них, даже ярмарка в Бокере, не жила в режиме совершенно свободного обмена. Например, о трех «королевских» ярмарках в Сомюре, каждая продолжительностью в три дня, один текст гласит, что от них «мало пользы, ибо они не вольные»[297].

Все ярмарки представляются как бы городами, эфемерными несомненно, но все-таки городами, хотя бы уже по числу участвовавших в них людей. Они периодически воздвигают свои декорации, а затем, по окончании праздника, снимаются с места. После месяца, двух или трех отсутствия они возникали снова. Следовательно, каждая из них имела свой ритм, свой календарь, свои «позывные», иные, чем у ее соседей. Впрочем, самой высокой частотой отличались не самые важные, а совсем простые ярмарки скота, или, как говорили, «скоромные ярмарки» (*foires grasses*). Сюлли-на-Луаре около Орлеана[298], Понтиньи в Бретани, Сен-Клер и Бомон-де-Ломань имели каждый по восемь ярмарок в год[299]; Лектур в монтобанском фискальном округе — девять[300], Ош — одиннадцать[301]. «Скоромные ярмарки, кои собираются в Шенерае, большом местечке овернской Верхней Марки, знамениты количеством откормленных животных, что там продаются и большею частью пригоняются в Париж». Эти ярмарки происходили в первый вторник каждого месяца. Всего, следовательно, двенадцать ярмарок[302]. Точно так же в городе Пюи «собирается двенадцать ярмарок в году, где продают всякого рода скотину, в особенности множество мулов и лошаков, много шкур, оптовые партии лангедокских сукон всех сортов изготовления, белые и рыжие овернские холсты, пеньку. нитки, шерсть, всякого рода вещества для сведения шерсти с кож»[303]. Мортен в Нормандии с его четырнадцатью

[294] Brackenhoffer E. *Op. cit.*, p. 105. Он узнал об этом, проезжая через Лион, и ссылается на Евсевия (IV, гл. 3).
[295] A. N., F[12], 1259 D. Ливри-сюр-Мёз, вандемьер VIII г.
[296] Littré, s. v. *"Marché"*. Рынки и ярмарки не могли учреждаться иначе, как с соизволения короля. См. Ferret. *Traité de l'abus,* I, 9.
[297] A. N., K 1252.
[298] Bouchard G. *Un village immobile, Sennely-en-Sologne au XVIII[e] siècle.* 1972, p. 200.
[299] Savary des Bruslons J. *Op. cit.*, II, col. 668.
[300] *Ibid.*, col. 663.
[301] *Ibid.*, col. 668.
[302] *Ibid.*, col. 671.
[303] Merley J. *La Haute-Loire de la fin de l'Ancien Régime aux débuts de la Troisième République, 1776—1886.* 1974, I, p. 146—147.



Франция 1841 г., еще усеянная ярмарками
По данным: *Dictionnaire du commerce et des marchandises.* 1841, I, p. 960 sq.

ярмарками — принадлежал ли ему рекорд[304]? Не будем слишком поспешно ставить на эту очень хорошую лошадку...

Вполне очевидно, были ярмарки и ярмарки. Существовали ярмарки деревенские, вроде крохотной ярмарочки в Ла-Тосканелла неподалеку от Сиены, которая была всего лишь крупным шерстяным рынком: стоило только чуть затянувшейся зиме помешать крестьянам стричь своих овец, как это случилось в мае 1652 г.,— и ярмарка была упразднена[305].

Настоящими ярмарками были те, которым открывал свои ворота целый город. Тогда либо ярмарка затопляла все и становилась [сама] городом и даже более чем городом, либо же город бывал достаточно силен, чтобы удержать ярмарку на

[304] См. выше карту на с. 30.

[305] Farnesiana, 668, 17. Валентано, 14 мая 1652 г.



Ежегодная ярмарка около Арнема. Эстамп П. де Хоха (1645—1708).
Фото Фонда «Атлас ван Столк», Роттердам.



расстоянии,— это было вопросом соотношения сил. Лион был наполовину жертвой своих четырех огромнейших ярмарок [306]. Париж над своими господствовал, сведя их к размерам крупных рынков: так, вечно живая старинная ярмарка Ланди развертывалась в Сен-Дени, вне стен города. Нанси достало благоразумия выдворить из города свои ярмарки в Сен-Никола-дю-Пор, правда, туда было рукой подать [307]. Фалез в Нормандии вытеснил ярмарки в большую деревню Гибрэ. В промежутках между этими прославленными суматошными сборищами Гибрэ становилась дворцом Спящей красавицы. Бокер, как и многие другие города, принял меры предосторожности, поместив ярмарку Мадлен, которая составила его славу и его богатство, между собой и Роной. То был напрасный труд: посетители (обычно до пятидесяти тысяч человек) наводняли город, и, чтобы обеспечить хотя бы видимость порядка, требовались бригады конной полиции со всей провинции, да и то их было недостаточно. Тем более что толпа, как правило, прибывала недели за две до открытия ярмарки (22 июля) и, следовательно, до того, как оказывались на месте силы порядка. В 1757 г. было справедливо предложено собирать силы полиции уже 12-го числа, дабы гости и жители были «в безопасности».

Город, целиком подчиненный своим ярмаркам, переставал быть самим собой. Лейпциг, который разбогатеет в XVI в., сносил и перестраивал свои площади и дома, чтобы ярмарка чувствовала себя там удобно [308]. Но еще лучший пример являет Медина-дель-Кампо в Кастилии. Город слился со своей ярмаркой, которая трижды в год занимала длинную главную улицу (*Rua*) с ее домами [с галереями] на деревянных столбах и огромную главную площадь (*Plaza Mayor*) перед собором, где во время ярмарки мессу служили с балкона: торговцы и покупатели следили за службой, не прерывая своих дел [309]. Св. Жан де ла Круа * ребенком пришел в восторг от размалеванных балаганов на площади [310]. Сегодня же Медина осталась декорацией, пустой раковиной старинной ярмарки. Во Франкфурте-на-Майне ярмарку в XVI в. еще держали на расстоянии. Но в следующем столетии, став чрезмерно процветающей, она заполнила все [311]. Иностранные купцы устраивались на житье в городе, где они представляли фирмы итальянские, швейцарских кантонов, голландские. Из этого воспоследовала нараставшая колонизация. Эти иностранцы, бывшие обычно младшими отпрысками своих семейств, поселялись в городе просто с правом жительства (*Beisesserschutz*). То был первый шаг; затем они приобретали право гражданства (*Bürgerrecht*) и вскоре разговаривали как хозяева. Не явился ли мятеж против кальвинистов, вспыхнувший в 1593 г.[312] в Лейпциге (где происходил тот же процесс), своего рода «национальной» реакцией, направленной против голландских купцов? Следует ли думать, что именно благоразумие побудило Нюрнберг, великий купеческий город, такой, каким он только мог быть, получив от императора в 1423—1424 гг. необходимые жалованные права для устройства ярмарок, отказаться их устраивать на самом деле? Благоразумие или оплошность? Но город останется самим собой [313].

[306] Gascon R. *Op. cit.*, 4, I, p. 241—242.
[307] Savary des Bruslons J. *Op. cit.*, II, col. 676.
[308] Kroker E. *Handelsgeschichte der Stadt Leipzig*, 1925, S. 85.
[309] Espejo C. *Las Antiguas Ferias de Medina del Campo*. Valladolid, 1908.
* Жан де ла Круа (Хуан Йепес, 1542—1591) — испанский мистик, реформатор монашеского ордена кармелитов, основатель «босоногих кармелитов». Канонизирован в XVII в.— *Прим. перев.*
[310] Baruzi J. *Saint Jean de la Croix et le problème de l'expérience mystique*. 1931, p. 73.
[311] Mauersberg H. *Op. cit.*, S. 184.
[312] Kroker E. *Op. cit.*, S. 113—114.
[313] Lütge F. *Der Untergang der Nürnberger Heiltumsmesse*.— "*Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*", 1965, Bd. 178, H. 1/3, S. 133.

ГОРОДА ПРАЗДНУЮТ

Ярмарка — это шум, гам, песенки, это народное ликование, мир, вывернутый наизнанку, беспорядок, а при случае и волнение. Около Флоренции, в Прато[314], чьи ярмарки как будто восходят к XIV в., в сентябре каждого года из всех городов Тосканы приходили трубачи (*trombetti*) играть (*suonare*) кто во что горазд на улицах и площадях города. В Карпантра накануне ярмарок — либо св. Матфея, либо св. Сиффрена — раздавался пронзительный звук труб, сначала у четырех ворот города, потом на улицах и, наконец, перед дворцами. «Сие всякий раз обходится коммуне по семь су на каждого играющего музыканта (*instrumentiste*)», и колокола безостановочно звонят с четырех часов утра. Фейерверки, иллюминации, рокот барабанов — всего этого город имел довольно за свои деньги. И вот он оказывался взятым приступом всеми этими забавниками, продавцами чудодейственных лекарств, снадобий, «послабляющих ратафий» или шарлатанских лекарств, предсказательницами судьбы, жонглерами, плутами, канатными плясунами, зубодерами, бродячими музыкантами и певцами. Постоялые дворы битком набиты народом[315]. Таким образом сен-жерменская ярмарка в Париже, которая начиналась после поста, собирала столичных любителей легкой жизни: для девок, как говорит одна насмешница, «то пора сбора винограда». И игра притягивала любителей в такой же мере, как и доступные женщины. Фурор производила так называемая лотерея-бланк (т. е. белая, *blanque*): в ней распространялось множество белых, проигрывающих билетов и несколько черных, выигрышных. Сколько же горничных потеряло свои сбережения и надежды выйти замуж, играя в бланк[316]? Но эта игра еще ничто в сравнении с тайными игорными домами, которые устраивались в некоторых лавках ярмарки, невзирая на придирчивый надзор властей, и столь же притягивали [публику], как и лейпцигские игорные дома, завсегдатаями которых были поляки[317].

Наконец, [всякая] ярмарка без исключения была местом сбора актерских трупп. С тех времен, как она стала происходить на парижском Крытом рынке (*Halles*), на сен-жерменской ярмарке начали устраивать театральные представления. «Князь дураков» („*Prince des sots*") и «Мать-дурочка» („*Mère sotte*"), которые были в программе [ярмарки] в 1511 г., продолжали средневековую традицию фарсов и сотий *, о которых Сент-Бёв говорил: «Это уже был наш водевиль»[318]. Вскоре к этому добавится итальянская комедия, которая после того, как минет великая мода на нее, найдет последнее свое убежище на ярмарках. На ярмарке в Карпантра в 1764 г. «Гаэтано Мерлани и его флорентийская труппа» предлагали [зрителям] «комедии», Мельхиор Матьё де Пиолан — «конные игры», а Джованни Гречи — «театральные пьесы», которые он использовал для того, чтобы в антракте продавать свои снадобья[319].

Зрелища можно было увидеть и на улицах: в Карпантра — шествие по случаю открытия [ярмарки] «консулов в капюшонах, предшествуемых фурьерами в длинных одеждах, несшими серебряные булавы»[320]; официальный кортеж статхаудера

[314] Nuti R. *La Fiera di Prato attraverso i tempi*. 1939.
[315] Caillet R. *Op. cit.*, p. 155 sq.
[316] *Variétés*, IV, 327; I, 318, n. 2.
[317] Москва, АВПР, 84/2, 420, 7. Лейпциг, 18/29 сентября 1798 г.
* Сотии — буквально «дурачества»; маленькие комические пьески, драматургический жанр позднего средневековья (XIV—XV вв.) во Франции.— *Прим. перев.*
[318] Michel F., Fournier E. *Le Livre d'or des métiers. Histoire des hôtelleries, cabarets, hôtels garnis et cafés*... P., 1851, 2, 10 (1511).
[319] Caillet R. *Op. cit.*, p. 156, 159.
[320] *Ibid.*, p. 156.



Народное гулянье на ярмарке в Голландии в начале XVII в. Деталь картины Давида Винкбонса. ***Лисабон, Национальный музей старинного искусства.*** ***Фото Жиродона.***

в Гааге [321]; короля и королеву сардинских на ярмарках в Алессандрии [322]; герцога Моденского «с его экипажами» на ярмарке в Реджо-нель-Эмилия и так далее. Джованни Бальди, тосканский комиссионер, отправившийся в Польшу, дабы собрать там неуплаченные торговые долги, прибыл в октябре 1685 г. на лейпцигскую ярмарку. И что же нам откроют его письма об ярмарках, находившихся в ту пору в полном расцвете? Так вот, не что иное, как прибытие его высочества герцога Саксонского «с многочисленной свитою из дам, сеньеров и немецких князей, приехавших повидать самые примечательные вещи этой ярмарки. Дамы, как и сеньеры, появляются в столь великолепных костюмах, что этому можно лишь поражаться» [323]. Они составляли часть зрелища.

Развлечение, бегство от забот, светские увеселения — были ли они логическим завершением этих обширных представлений? Иногда — да. В Гааге, которая едва ли была политическим сердцем Голландии, ярмарки были для статхаудера главным образом случаем пригласить к своему столу «благородных дам и господ». В Венеции ярмарка Вознесения (*de la Sensa*), которая длится две недели, была театрализованным и ритуализованным действом: на площади Св. Марка размещались балаганы иноземных купцов, мужчины и женщины выходили из дому в масках, и дож, как в былые времена, обручался с морем против церкви Сан-Николо [324]. Но представьте себе только, что на ярмарке Вознесения ежегодно толклось больше 100 тыс. приезжих, являвшихся [сюда], чтобы развлечься и насладиться зрелищем удивительного города [325]. Точно так же в Болонье ярмарка Поркетта сопровождалась огромным праздником, одновременно и народным, и аристократическим. И в XVII в. каждый год на Пьяцца Маджоре (*Piazza Maggiore*) воздвигали по этому случаю временные театральные декорации, всякий раз другие, о причудливости которых рассказывают картины собрания *Insignia*, сохраняемые в архивах [326]. Наряду с театром возводились немногочисленные «ярмарочные лавки» — не для крупных дел, а, по всей видимости, для скромных забав публики. В Лондоне ярмарка св. Варфоломея (*Bartholomew Fair*) тоже служила местом простых народных развлечений, «без серьезных оборотов» [327]. То была одна из тех последних настоящих ярмарок, созданных для того, чтобы вызвать в памяти — если в том была нужда! — дух народного гулянья, вседозволенности, жизни навыворот, того, чем и были все ярмарки, более и менее оживленные. Справедливо говорит пословица: «С ярмарки возвращаешься не так, как с рынка» [328].

Напротив, сен-жерменская ярмарка в Париже, единственная в столице, где жизнь еще била ключом, при всех своих увеселениях — вспомним хотя бы о прославленных ночных шествиях («*nocturnes*»), с их тысячами факелов, куда стекалось множество публики,— сохраняла и свою торговую сторону. Она представляла случай для массовой продажи тканей, сукон, холстов, за которой следила богатая клиентура, чьи кареты ставились в специальном «паркинге» [329]. И этот образ более соответствует, нежели предыдущие, обычной реальности ярмарок, бывших прежде всего местом *торговых* встреч. В феврале 1657 г.

[321] A. d. S. Napoli, Affari Esteri, 801. Гаага, 17 мая 1768 г. и 8 мая 1769 г.
[322] *"Gazette de France"*, p. 513. Флоренция, 4 октября 1720 г.
[323] A. d. S. Firenze, Fondo Riccardi 309. Джованни Бальди — Франческо Риккарди, Лейпциг, 18 октября 1685 г.
[324] Braudel F. *Médit...*, I, p. 347, n. 6.
[325] Molmenti P. *Op. cit.*, II, p. 67, n. 1.
[326] Insignia Bologne, X-8, 1676.
[327] Morley H. *Memoirs of Bartholomew Fair*. L., 1859; Savary des Bruslons J. *Op. cit.*, II, col. 679, s. v. *"Foire"*.
[328] Цит. по: Huvelin P.-L. *Op. cit.*, p. 30, n. 1 (ссылка на Leroux de Linci. *Proverbes*, II, p. 338).
[329] Savary des Bruslons J. *Op. cit.*, II, col. 656; B. N., Ms. Fr., 21783, 170.

двое изумленных голландских гостей замечают: «Побывав там и принимая во внимание сие великое разнообразие дорогостоящих товаров, надобно признаться, что Париж есть центр, где находишь все, что есть на свете самого редкого» [330].

[330] Voyage de deux jeunes Hollandais..., p.75.

ЭВОЛЮЦИЯ ЯРМАРОК

Часто говорилось, будто ярмарки были оптовыми рынками только для купцов [331]. Это означает отметить их главную деятельность, но изначально пренебречь огромным участием народа. На ярмарку имел доступ кто угодно. В Лионе, по мнению трактирщиков, хороших судей для этого случая, «на одного купца, что приезжает на ярмарки верхом и имеет деньги на расходы и на что поселиться в добром жилье, приходится десять других, что являются пешие и счастливы устроиться в каком-нибудь кабаке» [332]. В Салерно или на какой-нибудь другой неаполитанской ярмарке толпы крестьян пользуются случаем, чтобы продать кто свинью, кто тюк шелка-сырца или бочонок вина. В Аквитании погонщики быков и чернорабочие отправлялись на ярмарку просто в поисках развлечений для всей компании: «Выходили на ярмарку до рассвета и возвращались среди ночи, засидевшись в трактирах на большой дороге» [333].

В самом деле, в мире, который в основном еще был земледельческим, все ярмарки (и даже самые крупные) были открыты для проникновения деревни в огромных масштабах. В Лейпциге ярмарки «дублировались» значительными ярмарками скота и конскими [334]. В Антверпене, который вместе с Берген-оп-Зомом имел около 1567 г. четыре главные ярмарки — две в одном городе, две в другом, по три недели каждая,— действовали также и две трехдневные конские ярмарки, одна в троицын день, другая — на сентябрьскую божью матерь. Речь шла о кровных лошадях, «красивых на вид и добрых в работе», доставляемых главным образом из Дании,— в общем, об «автосалоне» [335]. В Антверпене к тому же было разделение по породам, была их иерархия. Но в Вероне, славном городе венецианской *Terra Ferma*, материковой Венеции, все перемешивалось, и в апреле 1634 г., по словам эксперта, ярмарка своим успехом обязана была не столько товарам, привезенным издалека, сколько «количеству разного рода животных, коих туда пригнали» [336].

С учетом этого вполне справедливо, что главное на ярмарках, говоря в экономических категориях, зависело от крупных купцов. Именно они, усовершенствовав орудие, сделали из него место встреч, где совершались крупные сделки. Изобрели ли ярмарки кредит впервые или возродили его? Оливер Кокс утверждает, будто он был открытием исключительно настоящих товарных рынков, а не ярмарок, этих искусственных городов [337]. Спор более или менее бесперспективен, коль скоро кредит столь же стар, как мир. Во всяком случае, достоверно одно: ярмарки развили кредит. Не было ярмарки, которая бы не завершалась «платежным» сходом участников. Так было в Линце, на огромной австрийской ярмарке [338]. Так было в Лейпциге (с начала его

[331] Grohmann A. *Op. cit.*, S. 31.
[332] Gascon R. *Op. cit.* I, p. 169.
[333] Bercé Y.-M. *Op. cit.*, p. 206.
[334] Kroker E. *Op. cit.*, S. 132.
[335] Guicciardini L. *Description de tout le Pays-Bas. (1568)*. 3e éd. 1625, p. 108.
[336] *"Gazette de France"*, апрель 1634 г.
[337] Cox O. C. *The Foundation of Capitalism*. 1959, p. 27. Противоположное суждение см.: Chalmetta Gendron P. *Op. cit.*, p. 105.
[338] Hoffmann A. *Wirtschaftsgeschichte des Landes Oberösterreich*. 1952, S. 139.

подъема) в последнюю неделю, так называемую «неделю платежей» (*Zahlwoche*)[339]. И даже в Ланчано, маленьком городке Папского государства, который регулярно захлестывала ярмарка, впрочем весьма скромная по масштабам, во множестве сходились старые векселя[340]. Точно так же в Пезенасе или в Монтаньяке, чьи ярмарки аналогичного масштаба служили перевалочными пунктами для ярмарки в Бокере, целые серии векселей выписывались либо на Париж, либо на Лион[341]. В самом деле, ярмарки были местом предъявления долгов, которые взаимопогашались, тая как снег на солнце: то были чудеса *scontro* — [взаимного] погашения. С помощью каких-нибудь ста тысяч «золотых экю в золоте», т. е. звонкой монетой, в Лионе можно было оплатить по клирингу обмены, исчислявшиеся миллионами. Тем более что немалая доля сохранявшихся долгов покрывалась либо обещанием уплаты в каком-то месте (векселем), либо репортом платежа на следующую ярмарку: это был *deposito*, который обычно оплачивался из 10% годовых (2,5% на три месяца). Так ярмарка создавала кредит.

Если сравнить ярмарку с пирамидой, то она расположится этажами: от многообразных и незначительных форм активности у основания, которые касались необработанных товаров, обычно скоропортящихся и дешевых, вплоть до предметов роскоши, привозимых издалека и дорогостоящих. На вершине находилась бы активная денежная торговля, без которой ничто бы не сдвинулось с места или же по крайней мере не двигалось бы с такой же скоростью. Итак, эволюция крупных ярмарок, по всей видимости, была направлена на то, чтобы дать кредиту преимущества по сравнению с товаром, вершине пирамиды по сравнению с ее основанием.

Во всяком случае, такова кривая, которую очень рано вычертила показательная судьба древних ярмарок Шампани[342]. Около 1260 г., в момент их апогея, товары и деньги питали весьма оживленную торговлю. Когда же стал ощущаться отток, товары оказались затронуты в первую очередь. Рынок капитала выстоял более длительное время и поддерживал действенные международные расчеты вплоть до 1320 г.[343] В XVI в. еще более убедительный пример дают ярмарки в Пьяченце, так называемые безансонские. Они наследовали — отсюда и оставшееся за ними название — ярмаркам, основанным в 1535 г. генуэзцами в Безансоне (в то время имперском городе), дабы составить конкуренцию лионским ярмаркам, доступ на которые был им закрыт Франциском I[344]. Из Безансона эти генуэзские ярмарки с годами переносились, как придется, в Лон-ле-Сонье, в Монлюэль, в Шамбери и, наконец, в Пьяченцу (1579 г.)[345], где они и процветали до 1622 г.[346] Не будем судить по видимости. Ярмарка в Пьяченце была ярмаркой, сведенной к вершине [пирамиды]. Четырежды в год она была местом решающих, но неприметных встреч, немного напоминающих собрания Международного банка в Базеле в наши дни. Сюда не везли никакого товара, сюда привозили очень мало наличных денег, но [зато] массу векселей, подлинные знаки всего богатства Европы, среди которых платежи Испанской империи были самым оживленным потоком. Присутствовали примерно шесть

339 Kroker E. *Op. cit.*, p. 83.
340 Marciani C. *Lettres de change aux foires de Lanciano au XVI^e^ siècle:* P., 1962.
341 Dermigny L. *Les foires de Pézenas et de Montagnac au XVIII^e^ siècle.—"Actes du Congrès régional des fédérations historiques de Languedoc"*. Carcassonne, mai 1952, в частности, с. 18—19.
342 Bautier R.-H. *Les foires de Champagne.— "Recueils de la Société Jean Bodin"*, V: *La Foire*, p. 1—51.
343 Bourquelot F. *Op. cit.* II, p. 301—320.
344 Braudel F. *Médit...*, I, p. 458, note 3.
345 *Ibid.*, I, p. 314.
346 Gentil da Silva J. *Banque et crédit en Italie au XVII^e^ siècle.* 1969, p. 55.

десятков людей, большей частью генуэзские «курсовые банкиры» (*banchieri di conto*), несколько миланцев, остальные флорентийцы. Это были члены некоего клуба, куда нельзя было вступить, не уплатив крупный залог (3 тыс. экю). Эти избранные устанавливали *conto*, т. е. обменный курс к окончательным расчетам в конце каждой ярмарки. То был кульминационный момент таких собраний, где присутствовали без разглашения этого купцы-менялы (*cambiatori*) и представители крупных фирм [347]. Всего 200 посвященных, державшихся очень незаметно, которые ворочали огромными суммами, возможно порядка 30—40 млн. экю на каждой ярмарке и даже больше, если верить хорошо документированной книге генуэзца Доменико Пери (1638 г.) [348].

Но все имеет конец, даже изобретательный и выгодный генуэзский клиринг. Он действовал лишь в той мере, в какой американское серебро поступало в Геную в достаточном количестве. Когда около 1610 г. приток белого металла уменьшился, здание оказалось под угрозой. Чтобы не брать совсем уж произвольную дату, возьмем перенос ярмарок в Нови в 1622 г., на который миланцы и тосканцы не согласились и который служит надежной вехой этого ухудшения [349]. Но мы [еще] вернемся к этим проблемам.

347 *Ibid.*, v. Index s. v. "*Mercanti di conto*".

348 Peri D. *Il Negotiante*. Genova, 1638; Braudel F. *Médit*..., I, p. 461.

349 Gentil da Silva J. *Op. cit.*, p. 55.

ЯРМАРКИ И КРУГООБОРОТ

Будучи связаны друг с другом, ярмарки сообщались между собой. Шла ли речь о ярмарках просто товарных или ярмарках кредитных, все они организовывались для облегчения кругооборота [обмена]. Если нанести на карту ярмарки какого-то данного региона (например, Ломбардии [350] или королевства Неаполитанского [351] в XV в., или же ярмарочные кругообороты, пересекавшиеся на Дунае у Линца: [ярмарки] Кремса, Вены, Фрейштадта, Граца, Зальцбурга, Больцано [352]), то календарь этих следовавших одно за другим сборищ показывает, что они принимали [как должное] взаимную зависимость, что торговцы перебирались с одной ярмарки на другую со своими повозками, своими вьючными животными, а то и со своим товаром на плечах, пока круг таких странствий не замыкался и не начинался снова. Так сказать, своего рода вечное движение. Четыре города, между которыми делились в средние века крупные ярмарки Шампани и Бри — Труа, Бар-сюр-Об, Провен и Ланьи,— на протяжении года непрерывно передавали друг другу эстафету. Анри Лоран утверждает, будто первым замкнутым кругооборотом (*circuit*) был кругооборот ярмарок Фландрии, ярмарки Шампани, видимо, воспроизводили его [353]. Возможно, так и было. Если только движение по кругу не возникало почти повсеместно и как бы само собой вследствие некой логической необходимости, аналогичной логике обычных рынков. Как и в случае с рынком, требовалось, чтобы область, чей спрос и предложение ярмарка исчерпала, имела бы время для их восстановления. Отсюда — необходимые перерывы. Нужно было также, чтобы календарь разных ярмарок облегчал

350 Mira G. *L'organizzazione fieristica nel quadro dell' economia della "Bassa" Lombardia alla fine del medioevo e nell'età moderna.— "Archivio storico lombardo"*, 1958, vol. 8, p. 289—300.

351 Grohmann A. *Op. cit.*, p. 62.

352 Hoffmann A. *Op. cit.*, p. 142—143.

353 Laurent H. *Un Grand Commerce d'exportation au Moyen Age: la draperie des Pays-Bas en France et dans les pays méditerranéens, XII^e — XV^e siècles.* 1935, p. 37—41.

передвижение ярмарочных торговцев, посещавших эти ярмарки одну за другой.

В эти круговращения вовлекались товары, деньги и кредит. Деньги, вполне очевидно, одновременно оживляли кругооборот более широкого масштаба и обычно стекались в центральном пункте, откуда они снова уходили, дабы возобновить свое движение. На Западе, при явном оживлении начиная с XI в., во всей системе европейских платежей станет в конечном счете господствовать единый центр. В XIII в. им были ярмарки Шампани; после 1320 г. они приходят в упадок; отзвуки этого наблюдались везде, вплоть до отдаленного Неаполитанского королевства [354]. Затем система с грехом пополам возродилась вокруг Женевы в XV в.[355], потом вокруг Лиона [356]. И наконец, к концу XVI в.— вокруг ярмарок Пьяченцы, т. е. генуэзских. Ничто не может быть более показательным в отношении функций этих сменявших друг друга систем, как те разрывы, какие отмечали переход от одной из них к другой.

[354] Grohmann A. *Op. cit.*, p. 20.
[355] Borel F. *Les Foires de Genève au XV^e siècle*. 1892 (и прилагаемые документы); Bergier J.-F. *Les Foires de Genève et l'économie internationale de la Renaissance*. 1963.
[356] Gascon R. *Op. cit.*, I, p. 49.

Однако после 1622 г. ни одна ярмарка не будет более располагаться обязательно в центре экономической жизни Европы, господствуя над всей этой жизнью. Дело в том, что Амстердам, который не был истинным ярмарочным городом, начал утверждать свою роль, переняв прежнее превосходство Антверпена. Амстердам организовывался как постоянный торговый и денежный *рынок*. И его фортуна знаменовала упадок если не торговых ярмарок Европы, то по крайней мере крупных ярмарок, где господствовал кредит. Эпоха ярмарок миновала свой апогей.

ЗАКАТ ЯРМАРОК

В XVIII в. пришлось признать, что правительственные меры, которые предоставляют «вот уже несколько лет [свободу] вывозить в чужие страны большую часть произведенных мануфактурами товаров без уплаты пошлин и ввозить сырье без обложения, [могут лишь] уменьшать от года к году торговлю на ярмарках, коих преимуществом как раз и были эти привилегии, и что от года к году люди все более привыкают к прямой торговле этими товарами, не вывозя оные на ярмарки» [357]. Это замечание фигурирует в письме генерального контролера финансов по поводу бокерской ярмарки в сентябре 1756 г.

[357] A. N., F[12], 149, f° 59, 27 сентября 1756 г.

Именно около этого времени Тюрго напишет посвященную ярмаркам статью, опубликованную в «Энциклопедии» в 1757 г. Для него ярмарки не были «естественными» рынками, порождением «удобств» («*commodités*»), «взаимной заитересованности покупателей и продавцов в том, чтобы найти друг друга... Следовательно, отнюдь не за счет естественного течения торговли, воодушевляемой свободою, надлежит относить те блистательные ярмарки, где с большими издержками сосредоточиваются изделия части Европы и которые кажутся местом встречи наций. Выгода, каковая должна возместить эти огромные издержки, проистекает не из [самой] природы вещей, но есть результат привилегий и вольностей, жалуемых торговле в опре-

деленных местах и в определенное время, тогда как повсюду в иных местах она обременяема налогами и таможенными сборами»[358]. Итак, долой привилегии, или же пусть привилегии распространяются на все институты и практику торговли. «Стоит ли поститься круглый год ради доброй трапезы в отдельные дни?» — вопрошал г-н де Гурнэ, и Тюрго повторил эту фразу от своего имени.

Но достаточно ли было бы избавиться от этих старых институтов, чтобы иметь трапезу каждый день? Правда, в Голландии (исключая отклоняющийся от нормы и малозначащий пример Гааги) ярмарки исчезают. Верно, что в Англии «сама» великая сторбриджская ярмарка, некогда «ни с чем не сравнимая» (*beyond all comparison*), после 1750 г. первой начала приходить в упадок, утратила свою оптовую торговлю[359]. Следовательно, Тюрго, как это столь часто бывало, прав: ярмарка — это архаическая форма обменов; в его эпоху она могла еще порождать иллюзии и даже оказывать услуги, но там, где она оставалась без соперницы, экономика топталась на месте. Этим объясняется успех в XVII и XVIII вв. несколько утративших свое значение, но все еще живых франкфуртских ярмарок и новых ярмарок в Лейпциге[360]; огромных польских ярмарок[361] — в Люблине, Сандомире, Торуни, Познани, Гнезно, Гданьске, Леополе (Львове), в Бжеге в Галиции (где в XVII в. можно было увидеть зараз больше 20 тыс. голов скота[362]); и фантастических российских ярмарок, где вскоре вырастет в XIX в. более чем фантастическая Нижегородская ярмарка[363]. Тем более это было верно в отношении Нового Света, где за Атлантикой вновь начиналась Европа. Если взять лишь один «укрупняющий» пример, то могла ли существовать ярмарка одновременно и более простая и более колоссальная, нежели ярмарка в Номбре-де-Диос на Дарьенском перешейке, которая с 1584 г. переместится, оставаясь такой же колоссальной, в столь же нездоровую соседнюю гавань Портобельо? Европейские товары обменивались там на белый металл, прибывавший из Перу[364]. «Единым контрактом заключаются сделки на восемьдесять тысяч дукатов»[365]. Ирландский монах Томас Гейдж, который посетил Портобельо в 1637 г., рассказывает, что видел на открытом рынке кучи серебра, лежавшие, как груды камней[366].

Я охотно объяснил бы этими разрывами и этим запаздыванием неугасающий блеск ярмарки в Больцано, на альпийских перевалах, ведущих в Южную Германию. Что же касается столь оживленных ярмарок итальянского Юга (*Mezzogiorno*), то каким же скверным признаком они были для его экономического здоровья[367]! В самом деле, если экономическая жизнь ускорялась, ярмарка, эти старые часы, не поспевала за новым ускорением; но как только эта жизнь замедлялась, ярмарка вновь обретала смысл существования. Именно таким образом объясняю я состояние Бокера — ярмарки, так сказать, «исключительной», ибо она «пребывает в застое в период подъема (1724—1765)» и «переживает подъем, когда все вокруг в упадке», с 1775 по 1790 г.[368] В течение этого унылого периода, который в Лангедоке и, может быть, в других местах не должен

[358] Turgot. *Foire.— L'Encyclopédie*, 1757; Savary des Bruslons. J. *Op. cit.*, s. v. "*Foire*", col. 647.
[359] Sombart W. *Op. cit.*, II, S. 472, 479.
[360] Hoffmann A. *Op. cit.*, p. 143; Kroker E. *Op. cit.*, S. 163. Следует отметить, что слово "*Messe*" («ярмарка»), распространенное во Франкфурте, прижилось в Лейпциге лишь во второй половине XVII в. и развенчало слова "*Jahrmärkte*" и "*Märkte*"., *Jbid.*, p. 71.
[361] Braudel F. *Médit...*, I, p. 479.
[362] Sombart W. *Op. cit.*, II, S. 473.
[363] Kerblay B. H. *Op. cit.*, p. 85 sq.
[364] Canabrava A. P. *O Comércio português no Rio da Prata (1580—1640)*. 1944, p. 21 sq.; Savary des Bruslons J. *Op. cit.*, V, col. 1367 sq. См. также статью, посвященную Веракрусу и Картахене.
[365] Sánchez Albornoz N. *Un testigo del comercio indiano: Tomás de Mercado y Nueva España.—"Revista de historia de America"*, 1959, p. 113.
[366] Цит. в кн.: Dahlgren E. W. *Relations commerciales et maritimes entre la France et les côtes de l'océan Pacifique*. 1909, p. 21.
[367] Gentil da Silva J. *Trafic du Nord, marchés du "Mezzogiorno", finances génoises: recherches et documents sur la conjoncture à la fin du XVI*ᵉ *siècle.— "Revue du Nord"*, XLI, № 162, avril-juin 1959, p. 129—152, в частности с. 132.
[368] См. Dermigny L.— *Histoire du Languedoc*. 1967, p. 414.

был быть уже «настоящим» XVIII в., производство выбрасывает на ярмарку Мадлен свои неиспользованные излишки и открывает кризис «завала», как сказал бы Сисмонди. Но где бы в те времена мог этот завал найти другой сбыт? Я не возлагаю вину за этот противоречащий общему течению рывок Бокера на роль иностранной торговли, но на первый план ставлю саму экономику Лангедока и Прованса.

Несомненно, именно в такой перспективе надлежит понимать немного наивный прожект одного француза доброй воли, некоего Тремуйе, от 1802 г. Дела идут плохо. Тысячи мелких парижских торговцев на грани разорения. Однако же существует решение — и такое простое! Создать в Париже грандиозные ярмарки у самых границ города, на площади Революции. На этом обширном пустом пространстве автор представляет себе аллеи, разбитые в шахматном порядке, обрамленные лавками и огромными загонами для скота и для непременных лошадей [369]. К несчастью, прожект плохо аргументирован, когда доходит до изложения экономических выгод операции. Может быть, автору они представлялись настолько само собой разумеющимися, что он не счел необходимым разъяснить это?

[369] A. N., F[12], 1266. Проект не был принят. Площадь Революции — это современная площадь Согласия.

ХРАНИЛИЩА, ПАКГАУЗЫ, СКЛАДЫ, АМБАРЫ

Медленный, зачастую неощутимый (а порой и спорный) упадок ярмарок ставит еще немало проблем. Рихард Эренберг полагал, что они пали, не выдержав конкуренции бирж. Андре Сэйу раздраженно возразил: тезис, не выдерживающий критики [370]. Тем не менее, если ярмарки в Пьяченце были центром торговой жизни в конце XVI и в начале XVII в., новым центром мира вскоре станет амстердамская биржа. Одна форма, один приводной механизм одержал верх над другим. Неважно, что биржи и ярмарки сосуществовали на протяжении веков (и это не менее верно!): такая замена не совершается в один день. И потом, если амстердамская биржа, бесспорно, завладела обширным рынком капиталов, она также организовывала на очень высоком уровне и движение товаров (перец или пряности из Азии, зерно и товары Прибалтики). По мнению Вернера Зомбарта, именно на товарном «этаже» перевозят, складируют, отправляют снова и именно здесь следует искать верных объяснений. Ярмарки существовали всегда, в XVIII в. они оставались местом сосредоточения товаров. Последние оставляли здесь про запас. Но с ростом населения, с уже катастрофическим разрастанием городов, с медленным улучшением потребления оптовая торговля могла развиваться, только выйдя из русла ярмарок и организовавшись независимым образом. Эта автономная организация с ее складами, амбарами, хранилищами и пакгаузами обнаруживала тенденцию занять место переживавших закат ярмарок благодаря своей регулярности, которая заставляет вспомнить о лавке [371].

[370] Sombart W. *Apogée du capitalisme*. Éd. A. Sayous, 1932, p. XXV.

[371] Sombart W. *Der moderne Kapitalismus*, II, S. 488 sq.

Это объяснение правдоподобно. Но Зомбарт, несомненно, заходит в нем слишком далеко. Для него важно знать, будет ли оптовый склад, где скапливается товар, в двух шагах от



Пакгауз, куда флорентийский купец поместил свои товары, выгруженные в Палермо. Миниатюра фламандского художника, иллюстрирующая французский перевод «Декамерона», сделанный Лораном Премьерфэ (1413 г.). *Bibliothèque de l'Arsenal, Ms 5070, f. 314 r°. Фото Национальной библиотеки.*

клиентуры, постоянно функционировать «естественным образом», *naturaliter* — и тогда он всего лишь хранилище,— либо *mercantaliter*, т. е. как торговое учреждение. В каковом случае склад есть лавка более высокого ранга, и все же лавка, хозяин которой — оптовый купец, купец-*"grossier"*, или, как станут вскоре более благородно выражаться, «негоциант» [372]. У ворот склада товары отпускаются перекупщикам в больших количествах, *"sous cordes"* («под веревками»), как принято говорить, т. е. даже не вскрывая тюки [373]. Когда началась оптовая торговля? Может быть, в Антверпене, во времена Лудовико Гвиччардини (1567 г.)? *[374] Но любая строгая хронология на сей счет будет весьма спорной.

Нельзя, однако, отрицать, что с наступлением XVIII в. оптовая торговля, в особенности в имевших активную экономику странах Севера, связанных с атлантической торговлей, получила невиданное до того развитие. В Лондоне оптовики возобладали во всех сферах обмена. В Амстердаме в начале XVIII в., «коль скоро каждодневно прибывает большое число судов... легко понять, что там есть великое множество складов и подвалов, дабы помещать все товары, кои эти корабли доставляют. Так что город ими хорошо обеспечен,

[372] Savary des Bruslons J. *Op. cit.*, III, s. v. *"Marchand"*, col. 765 sq.
[373] Littré. *Op. cit., s. v. "Corde"*, p. 808.
* Гвиччардини Лудовико (1523—1589) — флорентийский дипломат и историк. Был послан Козимо Медичи в Нидерланды, где стал приближенным герцога Альбы. Автор «Описания Нидерландов», ценного источника по экономической истории Нидерландов XVI в.— *Прим. перев.*
[374] Sombart W. *Op. cit.*, II, S. 489.

имея целые кварталы, каковые составляют только склады или амбары от пяти до восьми этажей, да сверх того большинство домов, что стоят на каналах, имеют два-три склада и подвал». Это оснащение не всегда бывало достаточным, и случалось, что грузы оставались на кораблях «долее, нежели того бы хотелось». Так что на месте расположения старых домов принялись строить множество новых складов, «приносящих очень хорошие доходы» [375].

И действительно, концентрация товаров к выгоде пакгаузов и складов стала в Европе XVIII в. всеобщим явлением. Так, хлопок-сырец, «хлопковая шерсть» (*"coton en laine"*), сосредоточивался в Кадисе, если он поступал из Центральной Америки; в Лисабоне, если был бразильского происхождения (в порядке убывания цены — хлопок из Пернамбуку, из Мараньяна, из Пары) [376]; в Ливерпуле, если его доставляли из Индии [377], в Марселе — при поступлении с Леванта [378]. Майнц на Рейне был для Германии крупным пунктом прибытия для поступавших из Франции вин [379]. Лилль еще до 1715 г. располагал очень большими складами, где скапливались разные сорта водки, предназначенной для Нидерландов [380]. Марсель, Нант, Бордо были во Франции главными складскими пунктами в торговле с островами [Индийского океана и Карибского бассейна] (сахар, кофе), которая обеспечила торговое процветание королевства во время Людовика XV. Даже среднего масштаба города — Мюлуз [381], Нанси [382] — множили число пакгаузов разного размера. За этими примерами стоят сотни других. Тогда-то и обрисовалась Европа перевалочных складов, пришедшая на смену Европе ярмарок.

Следовательно, для XVIII в. все подтверждает правоту Зомбарта. Ну, а ранее? Приемлемо ли [для того времени] различение двух способов — *mercantaliter* и *naturaliter*? Всегда существовали склады и пакгаузы — *storehouses*, *warehouses*, *Niederlager*, *magazzini di trafico*, *ханы* Ближнего Востока, *амбары* Московии [383]. И существовали даже «города-склады» (образец такого рода — Амстердам), ремеслом и привилегией которых было служить местом хранения для товаров, которые затем надлежало отправить дальше. Во Франции XVII в.— это Руан, Париж, Орлеан, Лион [384]; таким был и «перевалочный склад нижнего города», в Дюнкерке [385]. Всякий город располагал своими складами, частными или общественными. В XVI в. крытые рынки (как то было в Дижоне или в Боне) обычно «бывали, по-видимому, одновременно оптовыми складами, пакгаузами и перевалочными пунктами» [386]. А если обратиться дальше в глубь веков, то сколько муниципальных складов предназначалось для зерна или для соли! Очень рано, вне сомнения до XV в., Сицилия располагала около своих гаваней для грузоотправителей (*caricatori*) огромными складами, где хранилось зерно; владелец получал расписку (*cedola*), и эти *cedole* служили предметом торговли [387]. В Барселоне с XIV в. в прекрасных каменных домах купцов в квартале Монтхуич «на первом этаже устраивали склады, жилище же [купца], согласно инвентарным описям, располагалось на втором» [388]. В Венеции около 1450 г. в центре торговой жизни города, вокруг площади Риальто, размещались

---

[375] Ricard J.-P. *Le Négoce d'Amsterdam contenant tout ce que doivent savoir les marchands et banquiers, tant ceux qui sont établis à Amsterdam que ceux des pays étrangers.* Amsterdam, 1722, p. 5—7.

[376] Москва, ЦГАДА, 1261—1, 774, л. 18.

[377] Sombart W. *Op. cit.*, II, S. 490.

[378] *Histoire du commerce de Marseille*, II, p. 466; IV, p. 92 sq.; V, p. 510 sq.

[379] Sombart W. *Op. cit.*, II, S. 490.

[380] A. N., F^{12}, 116, 36.

[381] Oberlé R. *L'Evolution des finances à Mulhouse et le financement de l'industrialisation au XVIIIe siècle.— "Comité des travaux historiques. Bulletin de la section d'histoire moderne et contemporaine"*, 1971, № 8, p. 93—94.

[382] Mathieu F.-D., cardinal. *L'Ancien Régime en Lorraine et Barrois... (1658—1789)*. P., 1878, p. 35.

[383] Kauffmann-Rochard J. *Origines d'une bourgeoisie russe, XVIe et XVIIe siècles.* 1969, p. 45.

[384] Savary des Bruslons J. *Op. cit.*, II, s. v. *"Entrepôt"*, col. 329—330.

[385] A. N., F^{12}, 70, f° 102, 13 августа 1722 г.

[386] Gascon R. *Op. cit.*, I, p. 158.

[387] Braudel F. *Médit...*, I, 525.

[388] Carrère C. *Op. cit.*, p. 9.

улицы, где лавки, специализированные [на определенном товаре], следовали одна за другой. «Над каждой из них имеется зал наподобие монастырского дортуара, так что каждый венецианский купец имеет свой собственный склад, полный товаров, пряностей, дорогих тканей, шелков» [389].

Ни одна из этих деталей сама по себе не представляет неопровержимого доказательства. Ни одна не говорит о различении, именно о различении, просто-напросто складирования и оптовой торговли, которые, несомненно, смешивались очень рано. Пакгауз, промежуточный склад, усовершенствованное орудие обмена, необходимо существовал издавна в разных формах — простых и смешанных,— потому что отвечал всегда очевидной потребности, а на самом деле слабостям экономики. Хранить товары на складах заставляли слишком долгий цикл производства и торговой жизни, медлительность перевозок и поступления информации, риск отдаленных рынков, нерегулярность производства, не поддающиеся учету капризы сезонов... Впрочем, доказательство налицо, поскольку с того момента, как в XIX в. возросли скорость и объем перевозок, с момента, когда производство сконцентрируется на крупных заводах, старинная торговля через склад должна будет значительно видоизмениться, порой совершенно, и исчезнуть [390].

[389] Cessi R., Alberti A. *Rialto.* 1934, p. 79.
[390] Lévy-Leboyer M. *Les Banques européennes et l'industrialisation internationale dans la première moitié du XIXe siècle.* 1964, p. 254 sq.

БИРЖИ

«Новый негоциант» (“Le Nouveau Négociant”) Самюэля Рикара в 1686 г. определял биржу как «место встречи банкиров, торговцев и негоциантов, биржевых маклеров и агентов банков, комиссионеров и прочих лиц». Слово будто бы родилось в Брюгге, где эти сборища происходили «возле особняка Бурсе (*Hôtel des Bourses*), названного так по имени одного сеньера из древнего и благородного рода ван дер Бурсе, который приказал его построить и украсил его фронтон своим гербовым щитом с изображением трех кошелей... каковой еще и сегодня видишь на сем здании». Некоторые сомнения, которые вызывает это объяснение, несущественны. Во всяком случае, это слово имело успех, не вытеснив, однако, иные названия. В Лионе биржа именовалась «Площадью обменов» (“*Place des Changes*”); в ганзейских городах — Купеческой коллегией; в Марселе — Ложей; в Барселоне, как и в Валенсии,— *Лонхой* (*Lonja*). Она не всегда имела собственное здание, отчего и происходило частое смешение названий места, где сходились купцы, и самой биржи. В Севилье сбор купцов происходил каждый день на *gradas* — ступенях кафедрального собора [391], в Лисабоне — на Новой улице (*Rua Nova*) — самой широкой и самой длинной в городе, упоминаемой уже в 1294 г. [392], в Кадисе — на Калье Нуэва (*Calle Nueva*), проложенной, вне сомнения, после разграбления города в 1596 г.* [393], в Венеции — в галереях Риальто [394] и в Лоджии купцов (*Loggia dei Mercanti*), построенной в готическом стиле на этой площади в 1459 г. и перестроенной в 1558 г., во Флоренции — на Новом рынке (*Mercato Nuovo*) [395],

[391] Alemán M. *Guzmán de Alfarache.*— “*La Novela picaresca española*”, p. 551.
[392] Viera da Silva. *Dispersos,* III, 340; IX, 807. С 1760 г. начали строить Королевскую торговую площадь — *Real Plaça do Comercio.* Эти сведения сообщил мне Ж. Жентил да Силва.
* Речь идет о захвате и разграблении Кадиса английской эскадрой графа Эссекса в 1596 г. — *Прим. перев.*
[393] Lantery R., de. *Memorias.* Ed. Picardo y Gomez, Cadix, 1949; см.: Ponsot P. в: “*Mélanges Braudel*”, p. 151—185.
[394] Cessi R., Alberti A. *Op. cit.*, p. 66.
[395] Ehrenberg R. *Das Zeitalter des Fugger.* 1922, I, S. 70.

на нынешней Пьяцца Ментана [396], в Генуе [397] — в 400 метрах от Новой улицы (*Strada Nuova*) на Банковской площади (*Piazza dei Banchi*) [398], в Лилле — на площади Борегар [399], а в Льеже — у Дома общественных весов, построенного в конце XVI в., или на набережной *La Beach*, или в просторных галереях епископского дворца, а то и в трактире по соседству [400]; в Ла-Рошели же — на открытом воздухе «между улицей Пти-Бак и улицей Адмиро», на месте, именуемом «Кантоном фламандцев», вплоть до постройки в 1761 г. специального здания [401]. Во Франкфурте-на-Майне сборища также проходили под открытым небом (*unter freiem Himmel*) на Рыбном рынке (*Fischmarkt*) [402]. В Лейпциге очень красивую биржу построили в 1678—1682 гг. на Рынке сластей (*"auf dem Naschmarkt"*), до того негоцианты собирались под какой-нибудь аркадой, в ярмарочной лавке или на открытом воздухе возле больших весов [403]. В Дюнкерке «все негоцианты в полуденный час [ежедневно собираются] на площади пред Домом сего города [читай: перед ратушей]. И именно там на глазах у всех... вспыхивают ссоры между важными персонами... из-за грубых слов» [404]. В Палермо галерея (*loggia*) на нынешней площади Гарафелло была местом сбора купцов, и в 1610 г. им было запрещено появляться там, как только «отзвонят к обедне в церкви св. Антония» (*"sonata l'avemaria di Santo Antonio"*) [405]. В Париже биржа, долгое время располагавшаяся на старинной Плас-о-Шанж возле Дворца правосудия, по постановлению Совета от 24 сентября 1724 г. обосновалась в Отель де Невер на улице Вивьенн. В Лондоне Биржа, основанная Томасом Грешэмом, стала затем называться Ройял Иксчейндж (*Royal Exchange*). Она располагалась в центре города, так что, согласно письму одного иностранца [406], в ходе мер, принимавшихся против *квакеров* в мае 1670 г., войска были стянуты в то место, «где собираются купцы» (*dove si radunano li mercanti*), дабы иметь возможность в случае необходимости достигнуть любого пункта.

В сущности, было вполне естественно, чтобы каждый город имел свою биржу. Некий марселец, делая в 1685 г. общий обзор, отмечал, что если названия варьируют («в некоторых местах — рынок, а в гаванях Леванта — базар»), то действительность везде одна и та же [407]. Понятно поэтому удивление англичанина Лидса Бута, сделавшегося русским консулом в Гибралтаре, который в своем большом докладе графу Остерману от 14 февраля 1782 г. писал: «[В Гибралтаре] у нас нет биржи, где купцы собираются для ведения дел, как в больших торговых городах. Да, откровенно говоря, у нас и есть в сем городе лишь весьма немногие купцы. И тем не менее, хотя город весьма мал и ничего не производит, здесь в мирное время ведется очень крупная торговля» [408]. Гибралтар, как и Ливорно, был городом, где процветали сомнительные сделки и контрабанда. Для чего бы ему понадобилась биржа?

К какому времени относятся первые биржи? На сей счет хронология может ввести в обман: дату *постройки* зданий не следует смешивать с датой *создания* торгового института. В Амстердаме сооружение здания датируется 1631 г., тогда

[396] По сообщению Гвидо Пампалони.
[397] Согласно сообщению Джузеппе Феллони (письмо от 4 сентября 1975 г.), *Loggia dei Mercanti ai Banchi* находится в 400 метрах от Страда Нуова.
[398] Ehrenberg R. *Op. cit.*, I, S. 70.
[399] Marquant R. *Op. cit.*, p. 61.
[400] Lejeune J. *La Formation du capitalisme moderne dans la principauté de Liège au XVI*^{e} *siècle*. 1939, p. 27.
[401] Laveau Cl. *Le Monde rochelais de l'Ancien Régime au Consulat. Essai d'histoire économique et sociale (1744—1800)*. 1972, p. 146 (машинописный текст диссертации).
[402] *Scripta mercaturae*, I, 1967 — между с. 38 и 39 гравюра на меди Гаспара Мериана (1658 г.).
[403] Kroker E. *Op. cit.* S. 138.
[404] A.N., G^7, 698, 24.
[405] *Diarii di Palermo*, II, p. 59.
[406] A. d. S. Genova, Lettere Consoli, 1/26—28.
[407] Carrière Ch. *Op. cit.*, I, p. 234.
[408] Москва. АВПР, 35/6, 744, 9 сл.

как новая биржа была создана в 1608 г., а старая восходила к 1530 г. Следовательно, зачастую приходится довольствоваться традиционными датами, принимая их такими, какие они есть. И не нужно считать неверным хронологический перечень, согласно которому биржи зародились в северных странах: в Брюгге — в 1409 г., в Антверпене — в 1460 г. (здание возведено в 1518 г.), в Лионе — в 1462 г., в Тулузе — в 1469 г., в Амстердаме — в 1530 г., в Лондоне — в 1554 г., в Руане — в 1556 г., в Гамбурге — в 1558 г., в Париже — в 1563 г., в Бордо — в 1564 г., в Кёльне — в 1566 г., в Гданьске — в 1593 г., в Лейпциге — в 1635 г., в Берлине — в 1716 г., в Ла-Рошели — в 1761 г. (постройка здания), в Вене — в 1771 г., в Нью-Йорке — в 1772 г.

Невзирая на видимость, этот список лауреатов не устанавливает никакого «северного приоритета». В самом деле, в своей реальности биржа распространилась в Средиземноморье по меньшей мере с XIV в. — в Пизе, Венеции, Флоренции, Генуе, Валенсии, Барселоне, где постройка *Lonja*, испрошенной у Педро Церемонного *, была завершена в 1393 г.[409] Ее обширный готический зал, существующий и поныне, говорит о древности ее создания. К 1400 г. «целая команда маклеров снует там между колонн и небольших групп [торговцев], это посредники уха (*corredors d'orella*)», чья миссия — слушать, докладывать, сводить между собой заинтересованных лиц. Каждый день барселонский купец верхом на муле отправляется в *Лонху*, улаживает там свои дела, а затем с приятелем добирается до фруктового сада биржи, где хорошо отдохнуть[410]. И вне сомнения, это биржевая (или имеющая облик биржевой) деятельность более древняя, чем на то указывают обычные наши ориентиры. Так, в Лукке в 1111 г. возле церкви св. Мартина уже сходились менялы, а вокруг них теснились торговцы, нотариусы; разве это уже в потенции не биржа? Достаточно было, чтобы вмешалась торговля на дальние расстояния, и она вскоре вмешивается, идет ли речь о пряностях, перце или же в дальнейшем о бочках с северной сельдью[411]... Впрочем, и сама эта первоначальная биржевая деятельность в средиземноморской Европе не была создана из ничего (*ex nihilo*). Если и не слово, то реальность была очень древней: она восходит к купеческим собраниям, которые очень рано познали все крупные центры Востока и Средиземноморья и которые, по-видимому, засвидетельствованы в Риме около конца II в. н. э.[412] Как не представить себе аналогичные встречи в любопытном городке Остии, на мозаиках которой можно увидеть места, отведенные для купцов и хозяев иноземных судов?

Биржи были похожи одна на другую. В краткие часы активности они почти всегда, по крайней мере с XVII в., являли зрелище плотно стиснутой шумной толпы. В 1653 г. марсельские негоцианты потребовали «места, которое служило бы им помещением для встреч, дабы избавиться от неудобства, каковое они испытывают, пребывая на улице, кою они столь долгое время использовали как место для ведения своих коммерческих дел»[413]. И вот в 1662 г. они оказываются на

* Педро IV Церемонный — король Арагонский (1336—1387).— *Прим. перев.*

[409] Carrère C. *Op. cit.*, p. 50.

[410] *Ibid.*, p. 51.

[411] Ehrenberg R. *Op. cit.*, I, S. 70.

[412] Bloch R., Cousin J. *Rome et son destin.* 1960, p. 126.

[413] Carrière Ch. *Op. cit.*, I, p. 232—233.

первом этаже павильона Пюже, в «большой зале, сообщающейся с набережной четырьмя дверями... и где с обеих сторон дверей вывешены объявления об отплытии кораблей». Но вскоре и она окажется слишком мала. «Нужно быть из змеиной породы, чтобы туда проникнуть,— писал шевалье де Гедан своему другу Сюару.— Какая толчея! Сколько шума! Согласитесь, что храм Плутона — странная штука» [414]. Дело в том, что всякий добрый негоциант полагал своей обязанностью ежедневно поздним утром зайти на биржу. Не быть там, не разузнать там новости, столь часто ложные, означало рисковать упустить счастливый случай, а быть может, и породить неприятные слухи о состоянии ваших дел. Даниэль Дефо торжественно предостерегал владельца товарного склада: «Отсутствовать на бирже, каковая есть его рынок... в то время, когда купцы обычно сходятся для покупок» (*"To be absent from Change, which is his market... at the time when the merchants generally go about to buy"*), означает попросту искать катастрофы [415].

В Амстердаме большое здание биржи было окончено в 1631 г. на площади Дам, напротив Банка и здания Ост-Индской компании (*Oost Indische Compagnie*). Во времена Жан-Пьера Рикара (1722 г.) число лиц, которые там толпились каждый день с полудня до двух часов, оценивали в 4500 человек. По субботам наплыв бывал меньше, так как в этот день евреи там не появлялись [416]. Порядок здесь был строгий, каждой отрасли коммерции отводились нумерованные места; имелась добрая тысяча маклеров, присяжных или нет. И однако же всегда не просто было найти друг друга среди толчеи, в ужасающем «концерте» выкрикиваемых во всю глотку цифр, в шуме непрекращавшихся разговоров.

С учетом всех пропорций биржа — это последний «этаж» ярмарки, но ярмарки непрерывной. Благодаря встрече крупных негоциантов и тучи посредников все здесь решалось разом: товарные операции, операции вексельные, участия, морские страховые сделки, риск которых распределялся между многочисленными гарантами. То был также рынок денежный, рынок финансовый, рынок ценных бумаг. Естественно, что эти виды деятельности обнаруживали склонность к самостоятельной организации. Таким вот образом с начала XVII в. в Амстердаме образовалась отдельная зерновая биржа, которая действовала трижды в неделю с десяти утра до полудня в огромном деревянном зале, где каждый купец имел своего комиссионера, «каковой заботится о том, чтобы доставить туда пробные партии зерна, кои он желает продать... в мешочках, могущих содержать один-два фунта. Коль скоро цена зерна устанавливается столь же по его удельному весу, сколь и по его доброму или худому качеству, в задней части биржи имеются различные небольшие весы, с помощью коих, взвесив три или четыре пригоршни зерна... узнают вес мешка» [417]. Это зерно ввозилось в Амстердам для внутреннего потребления, но в не меньшей степени и для перепродажи, или реэкспорта. Закупки по образцам очень рано стали правилом в Англии и вокруг Парижа, в частности при массовой закупке зерна, предназначенного для войск.

[414] Boiteux L.-A. *La Fortune de mer, le besoin de sécurité et les débuts de l'assurance maritime*. 1968, p. 165.
[415] Defoe D. *Op. cit.*, I, p. 108.
[416] Ricard J.-P. *Op. cit*, p. 6—7.
[417] *Ibid.*, p. 6.

АМСТЕРДАМ — РЫНОК ЦЕННЫХ БУМАГ

Новшеством в начале XVII в. сделалось возникновение в Амстердаме рынка ценных бумаг. Государственные ценные бумаги, высоко ценимые акции Ост-Индской компании стали предметом оживленных и абсолютно современных спекуляций. То, что это была первая фондовая биржа, как обычно говорят, не вполне точно. Облигации государственного займа очень рано служили объектом торговли в Венеции [418], во Флоренции — еще до 1328 г. [419], в Генуе, где существовал активный рынок расписок (*luoghi*) и платежных обязательств (*paghe*) банка «Каса ди Сан-Джорджо» [420], не говоря уже о *куксен* (*Kuxen*) — акциях-«долях» германских рудников, с XV в. котировавшихся на лейпцигских ярмарках [421], испанских *хурос* (*juros*) — государственных рентах [422], французских рентах на Ратушу (с 1522 г.) [423] или же о рынке рент в ганзейских городах начиная с XV в. [424] Веронские статуты в 1318 г. узаконивают сделку на срок (*mercato a termine*) [425]. В 1428 г. юрист Бартоломео де Боско протестовал в Генуе против продажи обязательств (*loca*) на срок [426]. Вот сколько доказательств первенства Средиземноморья!

Но что было новым в Амстердаме, так это объемы, «текучесть», открытость, свобода спекулятивных сделок. Сюда лихорадочно вмешивалась игра, игра ради игры: не будем забывать, что около 1634 г. «тюльпаномания», что свирепствовала в Голландии, доходила до того, что одну луковицу «без присущей ей собственной цены» меняли на «новую карету, двух лошадей серой масти и их упряжь» [427]! Но в умелых руках игра на акциях могла обеспечить немалые доходы. В 1688 г. один занятный купец, Йозеф де Ла Вега (1650—1692), еврей испанского происхождения, выпустил в Амстердаме странную книгу под двусмысленным названием «Путаница путаниц» (*"Confusión de confusiones"*), трудную для понимания из-за намеренно витиеватого стиля (*stilo culto* тогдашней испанской литературы), но богатую подробностями, живую и единственную в своем роде [428]. Конечно же, не будем понимать его буквально, когда он намекает, будто в этой адской игре был разорен пять раз кряду. Или забавляется вещами весьма давними: задолго до 1688 г. «сельдь продавали загодя к определенной дате, еще до того, как она бывала поймана, зерно и прочие товары — до того, как зерно созрело или товары бывали получены». Скандальные спекуляции Исаака Ле-Мера на индийских акциях, относящиеся к самому началу XVII в., уже предполагали тысячи хитрых и даже жульнических уловок [429]. Точно так же и маклеры давно вмешивались в биржевые дела, обогащаясь в то время, как купцы утверждали, что беднеют. Во всех городах — Марселе или Лондоне, Париже или Лисабоне, Нанте или Амстердаме — маклеры, которых мало сдерживали регламенты, не очень о них беспокоились.

Но вполне верно и то, что амстердамские биржевые игры достигли такого уровня усложненности и ирреальности, который надолго сделает из этого города исключительное место в Европе — рынок, где не довольствовались покупкой или про-

[418] Braudel F. *La civilisation matérielle...* (éd. 1967), I, p. 360; Luzzatto G. *Storia economica di Venezia dall'XI al XVI secolo.* Venezia, 1961, p. 147.

[419] Melis F. *Tracce di una storia economica di Firenze e della Toscana in generale dal 1252 al 1550* (машинописный курс лекций), 1966—1967; Doren A. *Storia economica dell'Italia nel Medio Evo.* 1936, p. 559.

[420] Wiszniewski A. *Histoire de la Banque de Saint-Georges de Gênes.* P., 1865.

[421] Maschke E. *Op. cit.*, S. 8

[422] Braudel F. *Médit...*, II, p. 44—45.

[423] Schnapper B. *Les Rentes au XVI^e^ siècle. Histoire d'un instrument de crédit.* P., 1957; *Registres de l'Hôtel de Ville pendant la Fronde.* Éd. Leroux de Lincy et Douet d'Arcq, 1846—1847, t. II, p. 426.

[424] Sprandel R. *Der städtische Rentenmarkt in Nordwestdeutschland im Spätmittelalter.* 1971, S. 14—23.

[425] Sapori A. *Una Compagnia di Calimalo ai primi del Trecento.* 1932, p. 185.

[426] Sieveking H. J. *Wirtschaftsgeschichte.* 1935, S. 87.

[427] Francis J. *La Bourse de Londres*, 1854, p. 13; Posthumus N. W. *The Tulipomania in Holland in the years 1636 and 1637.—"Journal of Economic and Business History"*, 1928—1929, I, p. 434—466.

[428] В Амстердаме она была издана в 1688 г., в Мадриде переиздана в 1958 г.

[429] Van Dillen J. G. *Isaac le Maire et le commerce des actions de la Compagnie des Indes orientales.—"Revue d'histoire moderne"*, janvier-février, mars-mai 1935, p. 24, 36.



Внутренний вид амстердамской биржи в 1668 г. Картина Йова Беркхейде. *Фото Амстердамского государственного музея.*

дажей акций, играя на повышение или на понижение, но где умная игра позволяла вам спекулировать, даже не имея в руках ни акций, ни денег. Именно здесь было раздолье маклерам. Они были разделены на группки (*coteries*) — их называли *rotteries*. Если одна играла на повышение, то другая — «контрминеры» — будет играть на понижение. А там уж за кем потянется рыхлая и нерешительная масса спекулянтов — в ту или другую сторону. Перебежка в другой лагерь (а это случалось) представляла для маклера должностное преступление [430].

[430] Van Dillen J. G. *Op. cit.*, p. 15, 19, 21.

Акции, однако, были номинальными, и Ост-Индская компания сохраняла ценные бумаги за собой: покупатель вступал во владение акцией лишь посредством записи ее на его имя в реестре, ведшемся с этой целью. Компания поначалу думала, что сможет таким образом противостоять спекуляции (акции на

предъявителя будут приняты только позднее), но спекуляция не требует обладания. В самом деле, игрок продает то, чем он не владеет, и покупает то, чем владеть не будет; как говорилось, это была покупка или продажа «вхолостую» (*"en blanc"*). В конечном счете операция приносила убыток или прибыль. Эту небольшую разницу выплачивают, и игра продолжается. Другая игра, *премия*, была лишь немного более сложной [431].

В действительности, коль скоро акции вовлечены в длительное повышение, спекуляция по необходимости обосновывается в сфере краткосрочных операций. Она будет подстерегать мгновенные колебания, те, которые легко вызывает истинная или ложная новость. Представитель Людовика XIV в Соединенных Провинциях в 1687 г. поначалу удивлялся, что после всего того шума, какой подняли вокруг взятия Бантама на Яве, все остановилось, как если бы известие было ложным. «Но,— пишет он 11 августа,— я не столь удивлен этими действиями: они способствовали понижению [курса] акций в Амстердаме, и некоторые сим воспользовались» [432]. Десятком лет позднее другой посол расскажет, что «барон Жуассо, весьма богатый еврей в Гааге», похвалялся перед ним тем, что может заработать «сто тысяч экю за день... ежели узнает о кончине короля испанского [бедного Карла II, который, как ожидали, испустит дух с минуты на минуту] за 5 или 6 часов до того, как она станет известна в Амстердаме» [433]. «Я в том убежден,— добавляет посол,— ибо он и два других еврея, Тешейра и Пинто, суть самые могущественные в торговле акциями».

Однако в эту эпоху подобная практика еще не достигла размаха, который она узнает в следующем веке, начиная с Семилетней войны, с расширением игры на акциях английской Ост-Индской компании, Английского банка, Компании Южных морей и, особенно на займах английского правительства, [этом] «океане аннуитетов», как говорил Исаак де Пинто (1771 г.) [434]. Тем не менее до 1747 г. курсы акций не будут официально публиковаться, тогда как амстердамская биржа публиковала товарные цены с 1585 г. [435] (для 339 товаров в 1585 г. и 550 — в 1686 г.) [436].

Что объясняет масштабы и взрыв спекуляции в Амстердаме — относительно огромной с самого начала,— так это то, что в ней всегда бывали замешаны не одни только крупные капиталисты, но и мелкота. Иные картины как бы заставляют вспомнить наших игроков на скачках! Йозеф де Ла Вега рассказывал в 1688 г.: «Наши спекулянты посещают определенные дома, в коих продается питье, каковое голландцы именуют коффи, а левантинцы — каффе». Эти «кофейные дома» (*"coffy huisen"*) «с их уютными печками и их соблазнительными [возможностями] времяпрепровождения суть зимою большое удобство; одни из них предлагают книги для чтения, другие — игорные столы, и во всех найдешь собеседников, чтобы поболтать. Кто-то пьет шоколад, кто-то кофе, кто-то молоко, а кто-то чай, и все... курят табак... Таким образом они обогреваются, угощаются, развлекаются по

[431] A. N., K 1349, 132, f° 82.
[432] A. N., A. E., B[1], 757.
[433] A. N., K 1349, 132, f° 81.
[434] Pinto I., de. *Traité de la circulation et du crédit*. 1771, p. 311.
[435] Boxer C. R. *The Dutch Seaborne Empire 1600—1800*. 1965, p. 19.
[436] Jeannin P. *L'Europe du Nord-Ouest et du Nord aux XVII[e] et XVIII[e] siècles*. 1969, p. 73.

дешевке, выслушивая новости... Вот в один из этих домов в часы работы биржи входит то или иное лицо, играющее на повышение. Его расспрашивают, что стоят акции, он добавляет к их цене на этот момент один-два процента, достает маленькую записную книжку и принимается записывать нечто такое, что есть лишь у него в голове, дабы заставить каждого поверить, будто он действительно это сделал, и дабы подогреть... желание купить какую-нибудь акцию из страха, как бы ее цена не возросла еще больше» [437].

Что показывает эта сцена? Если я не заблуждаюсь — способ, каким биржа черпала средства из кармана обладателей небольших сбережений и мелких игроков. Успех операции был возможен: во-первых, потому что еще не было, повторяю, официального курса, позволяющего легко следить за изменением котировок; во-вторых, потому что маклер — непременный посредник — обращался в таком случае к мелкоте, людям, не имевшим права доступа (этим правом пользовались только купцы и маклеры) в святилище биржи, хотя бы она и находилась в двух шагах от всех кафе, о которых говорилось,— «Французского», «Рошельского», «Английского», «Лейденского» [438]. Так о чем же шла речь? О том, что мы бы сегодня назвали мелкой биржевой сделкой, хождением по домам возможных клиентов в поисках средств.

Спекуляция в Амстердаме — это масса мелких игроков, но и крупные спекулянты — и из самых активных!— принимали в этом участие. По относящемуся к 1782 г. свидетельству в принципе беспристрастного итальянца Микеле Торча, в этот поздний период Амстердам еще располагал самой активной биржей в Европе [439]; он превосходил Лондон. И несомненно, к этому имел какое-то отношение огромный (разумеется, в глазах современников) объем игры на акциях, тем более что в этот момент он совпал с неослабевавшей лихорадкой займов, предоставлявшихся заграничным клиентам,— еще одна спекуляция, которая тоже не имела себе равных в Европе и к которой мы еще вернемся.

Бумаги Луи Греффюля [440], обосновавшегося в Амстердаме с 1778 г. в качестве хозяина значительной [банкирской] конторы [441], дают достаточно живое представление о таком двойном расширении. Мы часто будем возвращаться к деяниям и подвигам этого нувориша, склонного к риску и осторожного, к его проницательным свидетельствам. В 1778 г., накануне вступления Франции в войну на стороне английских колоний в Америке, в Амстердаме развернулись безудержные и безумные спекуляции. Момент представлялся благоприятным для того, чтобы под прикрытием нейтралитета обратить обстоятельства себе на пользу. Но стоило ли рисковать, [играя] на колониальных товарах, недостаток которых предвидели, позволить себе соблазниться английскими, потом французскими займами или же финансировать повстанцев? «Ваш старый служащий Брингли,— пишет Греффюль А. Гайяру в Париж,— по самые уши увяз в делах с американцами» [442]. Что до него, Греффюля, то, хватаясь за все доступные дела, какие ему казались хороши, он в больших масштабах предавался биржевым спекуля-

[437] La Vega J., de. *Op. cit.*, p. 322.

[438] *"Le Guide d'Amsterdam"* (1701, p. 65) упоминает "Café françois". Прочие указаны в кн.: La Vega J., de. *Die Verwirrung der Verwirrungen. Ed.* O. Pringsheim, 1919, S. 192, Anm. 2 (по данным: Berg. *Réfugiés*, p. 328).

[439] Torcia M. *Sbozzo del commercio di Amsterdam.* 1782.

[440] A. N., 61 AQ 4.

[441] Lüthy H. *La Banque protestante en France de la Révocation de l'Edit de Nantes à la Révolution.* 1959—1961, II, p. 515.

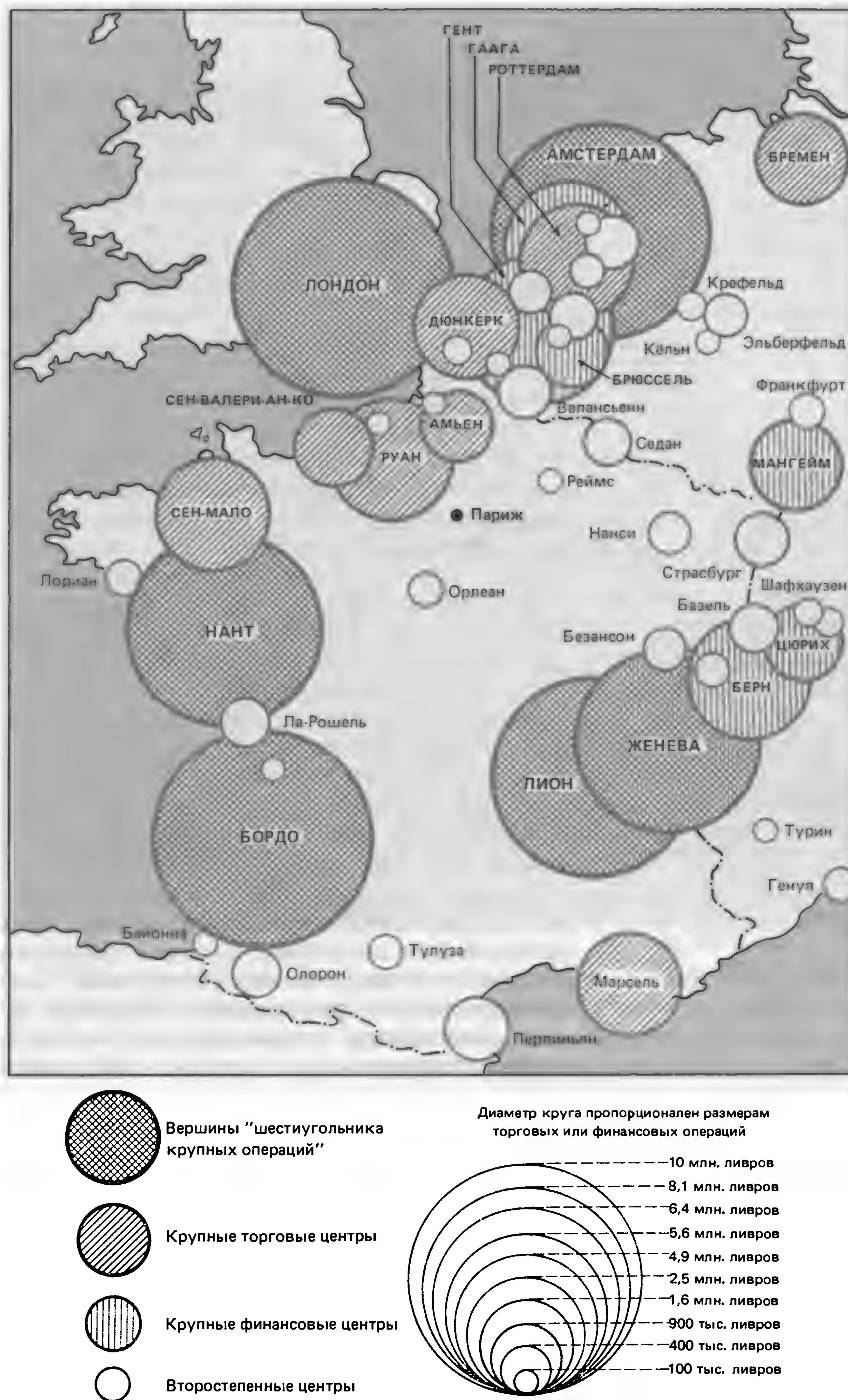
[442] A. N., 61 AQ 4, Париж, 2 марта 1780 г.

циям на коммиссионных началах. Он играл за себя и за других: за Рудольфа Эммануэля Халлера (особенно за него, взявшего в свои руки старинный банк Телюссонов — Неккеров), за Жана Анри Гайяра, за Перрего, за занимавшегося всем Паншо — банкиров в Париже, а в Женеве — за Александра Пикте, Филибера Крамера, Турреттини; все эти имена золотыми буквами вписаны в большую книгу о протестантских банках, которые изучал Г. Люти [443]. Игра была трудной и рискованной, она затрагивала очень крупные суммы. Но если в конце концов Луи Греффюль вел ее с таким спокойствием, так это потому, что то были чужие деньги. Когда эти другие проигрывали, он огорчался, но не приходил в отчаяние. «Если бы в делах с ценными бумагами [имеются в виду английские фонды], как и во многих других, все можно было предугадать,— пишет он Халлеру,— люди, дорогой мой друг, всегда делали бы удачные дела». В другой раз он объясняет: «Медаль может обернуться другой стороной, много еще будет взлетов и падений». Однако же он не совершал, не взвесивши все, ни закупок, ни репортов. То не был безрассудный смельчак, отчаянная голова вроде Паншо, он выполнял распоряжения своих клиентов. Филиберу Крамеру, который дал ему заказ купить «на 10 тыс. ливров Индий» (понимай: акций английской Ост-Индской компании) «в счет 3/3 с г-ми Марсе и Пикте, так чтобы их можно было получить [по цене] от 144 до 145», Греффюль отвечает 4 мая 1779 г.: «Невозможно, ибо, невзирая на понижение, каковое испытали сии бумаги, они стоят 154 в августе и 152 в мае. Мы до сего времени не усматриваем возможности осуществить эту покупку, но мы имеем ее в виду» [444].

Для любого амстердамского спекулянта играть — это значило угадать будущий курс на голландском рынке, зная курс и события на рынке лондонском. Так что Греффюль приносил жертвы ради того, чтобы иметь прямые сведения из Лондона, которые к нему поступали не только в почтовых «мешках». Он был связан в английской столице (где играл сам за себя) со своим шурином Сарторисом, простым и скромным исполнителем, и с крупным еврейским домом Дж. и Абрахама Гарсия, который он использовал, в то же время его остерегаясь.

Столь оживленная переписка Греффюля открывает нам лишь узенькую щель, через которую виден верхний уровень амстердамских спекуляций. Однако она позволяет увидеть, до какой степени голландская игра была обращена на внешний рынок, в какой степени там существовал международный капитализм. Две книги «встреч» (*rescontre*) из бухгалтерских документов Луи Греффюля могли бы нам позволить большее: подсчет прибылей от этих сложных операций [445]. *Rescontre* (в Женеве говорили «*rencontre*») — это ежеквартальное собрание оперирующих акциями маклеров, которые производили компенсацию и подсчитывали убытки и прибыли рынка срочных сделок и рынка [страховых] премий. Две книги Греффюля — это перечень операций, которые он в данном случае производил за своих корреспондентов. Сегодняшний вексельный агент безошибочно бы там сориентировался, но историк не раз теряется в них. Ибо от репорта к репорту операцию зачастую

[443] Lüthy H. *Op. cit.*, II (v. Index).
[444] A. N., 61 AQ 4. «В счет 3/3» следует понимать: из расчета трех третей — для Марсе, Пикте и Крамера.
[445] A. N., 61 AQ 77 et 88.



Быстрый рост французских банков
Карта составлена Ги Антониетти (Antonietti G. *Une maison de Banque à Paris au XVII*[e] *siècle, Greffulhe Montz et Compagnie (1789—1793)*. 1963, приложение). Надлежит заметить, что банк Греффюля был тогда самым значительным парижским банком, что французская столица сделалась финансовым центром, оказывавшим широкое влияние на Европу, и что заштрихованные круги соответствуют, по занятной номенклатуре Антониетти, «шестиугольнику крупных операций» — имеются в виду шесть главных торговых центров — Лондон, Амстердам, Женева, Лион, Бордо, Нант. Не создается ли впечатления некоего равновесия между шестью вершинами шестиугольника?

приходится прослеживать через несколько *rescontres*, чтобы получить возможность в конце пути подсчитать доходы, которых иной раз там и не бывало. Признаюсь, у меня не хватило терпения проследить эти расчеты до конца.

В ЛОНДОНЕ ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ ЗАНОВО

В Лондоне, который так долго завидовал Амстердаму и копировал его, игры довольно быстро оказались теми же самыми. С 1695 г. Королевская биржа (*Royal Exchange*) узнала первые сделки с государственными бумагами, индийскими акциями и акциями Английского банка. И почти сразу же она сделалась «местом встречи тех, кто, уже имея деньги, желал их иметь еще больше, равно как и того более многочисленного класса людей, кои, ничего не имея, питают надежду привлечь к себе деньги тех, кто оными обладает». Между 1698 и 1700 гг. биржа ценных бумаг, которой тесно было в *Royal Exchange*, обосновалась напротив, на знаменитой Иксчейндж-алли.

Вплоть до основания Фондовой биржи в 1773 г. кафе на Иксчейндж-алли были центром спекуляций «в сделках на срок, или же, как говорили, скачек Иксчейндж-алли» [446]. Кафе «Гарауэй» и «Джонатан» служили местом встреч маклеров, занимавшихся государственными акциями и фондами, в то время как специалисты по морскому страхованию посещали кафе Эдварда Ллойда, а по страхованию от пожаров — кафе «У Тома» или «Карси». В конечном счете Иксчейндж-алли можно было, писал около 1700 г. один памфлетист, «пройти за полторы минуты. Остановитесь у дверей «Джонатана», повернитесь на юг, пройдите несколько шагов, затем сверните к востоку — и вы придете к дверям «Гарауэя». Оттуда дойдите до следующих ворот, и вы окажетесь на Берчин-лейн... Засунув свой компас в футляр и обойдя кругом мир ажиотажа, вы снова окажетесь у дверей «Джонатана»». Но крохотный этот мирок, набитый до отказа в часы пик, со своими завсегдатаями, своими взволнованными группками [людей], был гнездом интриг и центром могущества [447]. Куда отправятся протестовать французские протестанты, разгневанные договором, который только что в Утрехте (1713 г.) восстановил мир между королевой английской и королем французским,— протестовать в надежде возбудить против трактата негоциантов и таким путем помочь вигам? На биржу и в «кафе, оглашаемые их криками» (29 мая 1713 г.) [448].

Эти малые чувствительные миры возмущали другие, но и внешний мир в свою очередь непрестанно их возмущал. Новости, которые колебали котировку, здесь, как и в Амстердаме, не всегда фабриковались внутри. Война за Испанское наследство была щедра на драматические происшествия, от которых в данный момент, казалось, зависело все. Богатый еврейский купец Медина додумался приставить к Мальборо во всех его походах своих людей и выплачивал этому жадному и прославленному полководцу по 6 тыс. фунтов стерлингов в год, которые с лихвой себе возмещал, узнавая первым, через специальных курьеров, исход знаменитых битв Мальборо: Рамийи, Ауденарде, Бленхейма * [449]. Говорили же, что известие о Ватерлоо послужило к выгоде Ротшильдов! Один анекдот стоит другого: не преднамеренно ли задержал Бонапарт известие о Маренго (14 июня 1800 г.), чтобы сделать возможным сенсационный биржевой переворот в Париже? [450]

[446] Francis J. *Op. cit.*, p. 23, 87.
[447] *Ibid.*, p. 27.
[448] A. N., G^7, 1699, Лондон, 29 мая 1713 г.
* В сражениях при Бленхейме (1704 г.), Рамийи (1706 г.) и Ауденарде (1708 г.) Мальборо с помощью австрийских и голландских союзников нанес поражение франко-баварским и французским войскам во время войны за Испанское наследство.— *Прим. перев.*
[449] Francis J. *Op. cit.*, p. 32.
[450] Savant J. *Tel fut Ouvrard.* 1954, p. 55.



Лондонская биржа, перестроенная после пожара 1666 г. *Фото Мишеля Кабо.*

Как и амстердамская, лондонская биржа имела свои привычки и свой собственный жаргон: «оценки» (“*puts*”) и «отказы» (“*refusals*”), касавшиеся сделок на срок; «быков» („*bulls*“) и «медведей» („*bears*“), т.е. покупателей и продавцов на срок, которые на самом-то деле не имели ни малейшего желания ни продавать, ни покупать, а собирались только спекулировать; «верховую езду» („*riding on horse back*“), что означало спекуляцию билетами государственной лотереи, и т.п. [451] Но в целом мы находим в Лондоне, с небольшим запозданием, ту же практику, что и в Голландии, включая и *Rescounters days*, прямую кальку амстердамского *Rescontre-Dagen*, «дней встречи». Так, когда в 1734 г. правительственные запреты приостановили „*puts*“ и „*refusals*“, воспрепятствовав, по крайней мере на какое-то время, покупке и продаже воздуха, мы видим, как и в Амстердаме, расцвет *Rescounters*, которые в иной форме способствовали той же практике. И, как и в Амстердаме, в Лондоне вмешивались и предлагали свои услуги маклеры — маклеры товарные (зерно, красители, пряности, пенька, шелк) и маклеры фондовые (*stock brokers*), специалисты по игре на курсах. В 1761 г. Томас Мортимер энергично возражал против

[451] См.: Dickson P. G. M. *The Financial Revolution in England.* 1967, p. 505—510; Morgan E. V., Thomas W. A. *The Stock Exchange.* 1962, p. 60—61.



Лондон: деловой центр в 1748 г.
Этот чертеж, выполненный по рисунку 1748 г., показывает знаменитые места и постройки: Ломбард-стрит, Ройял-Иксчейндж на Корнхилл и — самую знаменитую из всех — Иксчейндж-алли. Заштрихованные части соответствуют домам, уничтоженным пожаром 1666 г.

этого отродья. «Каждый сам себе брокер» („*Every man his broker*“) — так называлась его книга, и в 1767 г. одна тяжба послужила поводом для облегчающих мер в этом направлении: будет официально уточнено, что пользоваться услугами маклера не обязательно [452]. Все это, однако, только подчеркнуло важность такого ремесла в биржевой жизни, да и тарифы были к тому же относительно необременительными — 1/8% с 1697 г. Выше маклеров угадывалась деятельность крупных купцов и банкиров — золотых дел мастеров, а ниже маклеров — активность, и отнюдь немаловажная, тех юрких личностей, что назывались на профессиональном жаргоне «*джобберами*» („*jobbers*“), т.е. посредников, [официально] не допущенных к этой деятельности. В 1689 г. Джордж Уайт обвинял «эту странную разновидность насекомых, именуемых *stock-jobbers*», в том, что они произвольно понижают и повышают [курсы] акций, дабы обогащаться за счет ближнего, и «пожирают на нашей бирже людей, как некогда саранча —

[452] *Ibid.*, p. 65.

пастбища Египта». Но разве не Дефо написал в 1701 г. небольшую книжку без указания имени автора, озаглавленную «Разоблачение злодейства сток-джобберов» [453]?

Несколькими годами позднее, в 1718 г., театральная пьеса «Смелый ход ради жены» („*A Bold Stroke for a Wife*") ведет зрителя в кафе «Джонатан», в среду дельцов (*dealers*), присяжных маклеров (*sworn brokers*) и особенно джобберов. Вот образчик диалога:

«**Первый джоббер:** Южные моря из 7/8 [процента]! Кто купит?

Второй джоббер: Акции Южных морей, срок оплаты в день св. Михаила 1718 г. Категория лотерейных билетов!

Третий джоббер: Акции Ост-Индской?

Четвертый джоббер: Итак, все продают, никто не покупает! Джентльмены, я — покупатель на тысячу фунтов в следующий вторник из 3/4 [процента]!

Официант: Свежего кофе, джентльмены, свежего кофе?

М-р Трейдлав, меняла: Послушайте, Габриэл, вы не выплатите разницу с того капитала, о котором мы договаривались на днях?

Габриэл: Ну конечно, м-р Трейдлав, вот вексель на «Суорд-блейд компани» („*Sword Blade Company*").

Официант: Чаю, джентльмены?» [454]

Может быть, стоит напомнить, что спекуляция касалась также векселей казначейства (*Exchequers bills*) и векселей морского ведомства (*Navy bills*) плюс акций шести десятков компаний (среди которых первенствовали Английский банк и Ост-Индская компания, восстановленная в своей целостности в 1709 г.). «Ост-Индская компания была самой главной» („*The East India Company was the main point*"), — писал Дефо. Во времена, когда играли эту пьесу, Южные моря еще не сделались предметом большого скандала — «Пузыря Южных морей» (*South Sea Bubble*). Компания же «Суорд-блейд» («Клинок меча») производила оружие [455].

25 марта 1748 г. огонь уничтожил квартал Иксчейндж-алли и ее знаменитые кафе. Приходилось менять место размещения. Но маклеры были стеснены в средствах. После множества прожектов были собраны по подписке необходимые суммы для постройки в 1773 г. нового здания позади Королевской биржи. Его должны были назвать «Новым Джонатаном» (*New Jonathan's*), но в конечном счете окрестили Фондовой биржей (*Stock Exchange*) [456]. Декорации сменились, наступило официальное признание, но едва ли надо говорить, что игра продолжалась — такая же, как и была.

453 Schulin E. *Op. cit.*, p. 249 et 295.
454 Dickson P. G. M. *Op. cit.*, p. 504.
455 Morgan E. V., Thomas W. A. *Op. cit.*, p. 17.
456 Dickson P. G. M. *Op. cit.*, p. 506.

ЕСТЬ ЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ ОТПРАВЛЯТЬСЯ В ПАРИЖ?

Если по некотором размышлении сочтешь нужным совершить путешествие в Париж, то следует отправиться на улицу Вивьенн, где в 1724 г. в Отель де Невер, прежней резиденции Ост-Индской компании, на месте нынешней Национальной библиотеки, обосновалась биржа. И — ничего сравни-

мого с Лондоном или с Амстердамом. Да, улица Кэнканпуа в какой-то момент могла соперничать с Иксчейндж-алли во времена Лоу, но уж никак не после этого торжества с его печальными и тормозившими [дела] последствиями [457]. А впрочем, по трудно объяснимой случайности документы, относящиеся к улице Вивьенн, исчезли почти все.

Но вот в Париже Людовика XVI, спустя полсотни лет после своего основания, парижская биржа весьма оживилась. Тогда повсеместно распространилась игорная лихорадка. «Высшее общество предается фараону, домино, шашкам, шахматам», а то никогда не были невинные забавы. «С 1776 г. люди следят за скачками; народ толпится в ста двенадцати бюро Официальной лотереи, открытых в Париже». И повсюду игорные дома. Полиция, которая прекрасно об этом знала, старалась не больно-то вмешиваться — даже вокруг биржи, в Пале-Руаяле, где столько доведенных до крайности спекулянтов, проходимцев и жуликов грезило о сказочных спекуляциях. В таком климате пример амстердамских и лондонских спекуляций становился неотразимым. Тем более что проводимая Неккером и Калонном политика займов создала огромный государственный долг, распределенный между 500 или 600 тыс. кредиторов, в большей своей части парижан. Ну, а биржа — это идеальный рынок для бумаг государственного долга. В тесном здании на улице Вивьенн комиссионеры и биржевые маклеры организовались заново: всемогущие, они восседали на своего рода *помосте* (*parquet*). Между ними и клиентами был узкий проход, по которому едва мог протиснуться один человек,— то была *кулиса* (*coulisse*). Мы видим, что начинает складываться и некий словарь, что свидетельствует об очевидной активности [458]. Бок о бок фигурировали облигации государственного долга, прежде всего они, но также и акции Ост-Индской компании, разделенные на доли (*portions*), плюс акции «Кэсс д'эсконт», предшественницы Французского банка. Признаемся, что даже с таким умным провожатым, каков был Мари-Жозеф Дезире Мартен [459], мы не сориентируемся с первого взгляда в перечне курсов, который занимал «каждый день страницу в «Журналь де Пари» и в “Аффиш”» [460].

Таким вот образом возникла биржевая спекуляция. В 1779 г. «Кэсс д'эсконт» была реорганизована и ее акции размещены среди публики. После этого, утверждал Государственный совет, «воспроизошла столь беспорядочная торговля акциями «Кэсс д'эсконт, что их продается вчетверо больше, чем существует на самом деле» [461]. Следовательно, они продавались и перепродавались. Я полагаю, что любопытная успешная спекуляция молодого графа Тилли, о которой он туманно рассказывает (ему ее присоветовала его любовница-актриса, которая одновременно одаривала своими милостями и богатого интенданта Почт) [462], приходится как раз на этот момент. В результате, говорит граф, мне отсчитали 22 билета «Кэсс д'эсконт», т. е. 22 тыс. ливров. Во всяком случае, нет сомнения, что спекуляции на срок, «надутые воздухом», делали тогда отнюдь не первые свои шаги в завоевании Парижа. В данной связи характерно постановление от 7 августа 1785 г., текст которого Симолин, посол Екатерины II в Париже, сообщил своей

[457] Van Klaveren J. *Rue de Quincampoix und Exchange Alley. Die Spekulationjahre 1719 und 1720 in Frankreich und England.*— *“Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte”*, 1963, 48, 3, S. 331—359.

[458] Bigo R. *Une grammaire de la Bourse en 1789.*—*“Annales d'histoire économique et sociale”*, 1930, II, p. 500, 507.

[459] Martin D. M.-J. *Les Étrennes financières*. 1789, p. 97 sq.

[460] *Ibid.*, ch. VI, *“Bourse”*, p. 68.

[461] Bigo R. *La Caisse d'Escompte (1776—1793) et les origines de la Banque de France*. P., 1927, p. 95—116.

[462] *Mémoires du comte de Tilly*. 1965, p. 242.

[463] Москва, АВПР, 93/6, 428, л. 40. Париж, 15 августа 1785 г.
[464] A. N., 61 AQ 4.

государыне [463]. С некоторого времени, объясняет постановление, «в столице получил хождение род сделок (*marchés*) или же компромиссов (*compromis*) [я выделяю эти слова], одинаково опасных как для продавцов, так и для покупателей, по которым один обязуется поставить к отдаленному сроку ценные бумаги, коих он не имеет, а другой соглашается на их оплату, не имея на то средств, с оговоркою, что он может потребовать [их] передачи до истечения срока посредством дисконта... Сии обязательства служат причиною ряда коварных маневров [*sic*!], коих цель — на короткое время нарушить курс государственных ценных бумаг, придать одним [из них] преувеличенную ценность, а другие использовать так, чтобы их обесценить... Из сего происходит беспорядочный ажиотаж, который любой благоразумный негоциант осуждает, который подвергает игре случая состояния тех, кто имеет неосторожность ему предаваться, отвращает капиталы от более надежных и выгодных для национальной промышленности вложений, возбуждает алчность в погоне за неумеренными и подозрительными прибылями... и который может подорвать тот кредит, коим город Париж столь справедливо пользуется у остальной Европы». В результате этого постановления были возобновлены старинные ордонансы от января 1723 г. и (создавшее биржу) постановление от 24 сентября 1724 г. Были предусмотрены штрафы от 3 до 24 тыс. ливров в зависимости от обстоятельств. Разумеется, все или почти все осталось мертвой буквой, и Мирабо мог в 1787 г. написать свое «Обличение биржевой игры» („*Dénonciation de l'agiotage au roi*)“. Но пресечь этот ажиотаж — значило ли это спасти монархию, в данном случае мало в чем виновную?

С учетом всего этого французы оставались в данном ремесле новичками. Наш амстердамский банкир-комиссионер Луи Греффюль по поводу займа, выпущенного Неккером в 1781 г.— займа, на который он подписался на крупную сумму, вернее, подписался по поручению,— пишет 11 февраля 1782 г. своему приятелю и младшему партнеру Исааку Паншо: «Досадно, весьма досадно, что заем не был закрыт сразу же. Он дал бы прибыль в 5—6%. У вас еще совсем не понимают те формы и те интриги, кои в финансовых делах производят на ажиотаж и на обращение средств тот же самый эффект, какой оказывает масло на часы, облегчая их ход» [464]. Под «обращением средств» следует понимать «перепродажу ценных бумаг». В самом деле, в Амстердаме или в Лондоне, как только заем бывал закрыт, подписчики, зачастую с переплатой, выкупали бумаги у других подписчиков, и курс поднимался. А руководители этой операции отважно играют на повышение до тех пор, пока не станет весьма прибыльным избавиться от большого пакета ценных бумаг, которые они с этой целью сохраняли. Да, Парижу, как спекулятивному рынку, еще многому надо было учиться...

БИРЖИ И ДЕНЬГИ

Определенное новшество, спекуляция на акциях наделала с XVII в. много шума. Но было бы абсурдным сводить биржи

амстердамскую, лондонскую и далеко позади них скромную парижскую биржу к тому, что сами голландцы называли «торговлей ветром» (*Windhandel*). Моралисты часто переступали эту черту, смешивая кредит, банк, бумажные деньги и спекуляцию. Во Франции Ролан де ла Платьер, которого Законодательное собрание в 1791 г. сделает министром внутренних дел, выражался без околичностей. «Париж,— говорил он, восхитительно все упрощая,— это всего лишь продавцы денег или те, кто деньгами ворочает,— банкиры, люди, спекулирующие на ценных бумагах, на государственных займах, на общественном несчастье» [465]. Мирабо и Клавьер тоже критиковали спекуляцию, а в 1791 г., по словам Куэдика, «ажиотаж ради того, чтобы извлечь из небытия несколько безвестных существ, обрек на разорение несколько тысяч граждан» [466]. Несомненно. Но заслугой великих бирж Амстердама и Лондона было то, что они обеспечили медленно утверждавшийся триумф бумажных денег — всех [видов] бумажных денег.

Хорошо известно, что не бывает сколько-нибудь оживленной рыночной экономики без денег. Деньги текут, падают «водопадом», деньги обращаются. Вся экономическая жизнь старается их уловить. Умножая число обменов, деньги всегда бывают в недостаточном количестве: рудники не дают достаточно ценных металлов, плохая монета многие годы вытесняет хорошую, и всегда открыты бездны тезаврации. Решение проблемы — создать нечто лучшее, нежели монета-товар, зеркало, в котором отражаются и измеряются прочие товары; создать деньги-символ. Именно это первым и сделал Китай в начале IX в. [467] Но создать бумажные деньги и укоренить их в жизни — это не одно и то же. Деньги из бумаги не сыграли в Китае той роли ускорителя капитализма, какая им принадлежала на Западе.

В самом деле, Европа очень рано нашла решение, и даже несколько решений. Так, в Генуе, Флоренции, Венеции великим новшеством стал с XIII в. вексель, который внедрялся в оборот мелкими шажками, но все же внедрялся. В Бове первые наследства, в которых упомянуты векселя, датируются не ранее 1685 г., года отмены Нантского эдикта [468]. Но Бове — всего лишь провинциальный город. Другой вид денег, рано созданный в Венеции,— облигации государственного займа. Мы видели, как в Амстердаме, в Лондоне, в Париже в биржевые котировки включались акции компаний. Добавьте к этому «банковские» билеты различного происхождения. Вся эта бумага представляла огромную массу. В те времена мудрецы утверждали, что она не должна превосходить более чем в 3—4 раза массу металлических денег [469]. Но в Голландии или в Англии в определенные периоды было вполне вероятным соотношение 1 к 15 и более [470]. Даже в такой стране, как Франция, где «бумага» приживалась плохо (а после опыта Лоу даже считалась опозоренной), где позднее билет Французского банка долгое время будет обращаться с трудом и только в Париже, «торговые векселя, которыми измеряется объем кредита... в 5—6 раз превышали накануне 1789 г. сумму обращавшейся металлической монеты» [471].

В этом вторжении бумажных денег, необходимых для обменов, биржи, а также банки играли крупную роль. Выбрасывая

[465] Roland de La Platière. *Encyclopédie méthodique*, II, p. 2 (цит. в кн.: Carrière C. *Op. cit.*, I, p. 244, note).

[466] Lévy-Leboyer M. *Op. cit.*, p. 420, note 17.

[467] Gernet J. *Le Monde chinois*. P., 1972, p. 231.

[468] Goubert P. *Beauvais et le Beauvaisis de 1600 à 1730*. P., 1960, p. 142.

[469] Pinto I., de. *Op. cit.*, p. 69.

[470] Эту цифру называли для Голландии во время кризиса 1763 г.— A. N., A. E., Hollande, 513, p. 64.

[471] Lévy-Leboyer M. *Op. cit.*, p. 709; Thuillier G. *Le stock monétaire de la France en l'an X*.—"Revue d'histoire économique et sociale", 1974, p. 253. Около 1700 г. анонимный английский памфлет различал тридцать различных категорий бумажных денег. См. Schulin E. *Op. cit.*, p. 287, note 191.

всю эту бумагу на рынок, они создавали возможность в одно мгновение перейти от облигации государственного займа или акции к оплате наличными. Я думаю, что в этом пункте, где прошлое смыкается с экономической современностью, не требуется дополнительных объяснений. Но по контрасту мне кажется заслуживающим внимания один французский текст начала XVIII в.— мемуар не датированный, но который мог быть написан около 1706 г., следовательно, за два десятка лет до нового открытия биржи [на улице Вивьенн]. Ренты на Ратушу, датируемые с 1522 г., могли бы сыграть во Франции ту же роль, что и английские *annuities* (*аннуитеты* *). Но ведь они остались помещением капитала главы семейства, надежной ценностью, зачастую в неизменном виде передаваемой по наследству, к тому же их трудно было продавать. Продажа предполагала уплату пошлины и «бесконечную волокиту» с участием нотариуса. Вследствие этого, поясняет французский мемуар, «городские ренты суть для коммерции мертвое богатство, коим те, что ведут дела, могут воспользоваться не более, нежели своими домами и своими землями. Плохо понятый интерес частных лиц в сем отношении весьма повредил интересу общественному». Дело станет ясным, продолжает автор, ежели сравнить эту ситуацию с положением в Италии, Англии и Голландии, где «государственные акции [продаются и передаются], как всякая недвижимость, без издержек и без восковых печатей [нотариусов]» [472].

Быстрый переход от бумаг к деньгам и наоборот — это, бесспорно, одно из существеннейших преимуществ фондовых бирж. Английские *annuities* были не только *Windhandel* («торговлей ветром»). Они были также вторыми деньгами, достаточно обеспеченными и имевшими то достоинство, что одновременно приносили процент. Если владелец нуждался в наличности, он мгновенно получал ее на бирже в обмен на свои бумаги. Легкая ликвидность, обращение — не в этом ли заключался секрет голландских или английских деловых успехов, один из их секретов? Если поверить в том полному энтузиазма итальянцу, в 1782 г. англичане располагали на «Чейндж-алли» «более богатыми копями, чем те, какими Испания владеет в Потоси и в Мексике» (*“una mina più doviziosa di quella che la Spagna possiede nel Potosi e nel Messico”*) [473]. Пятнадцатью годами раньше, в 1766 г., Ж. Аккариас де Серионн тоже писал в своей книге «Интересы европейских наций»: «Биржевая игра на государственных ценных бумагах есть одно из великих средств... которое поддерживает в Англии кредит; курс, который ажио придает им на лондонском рынке, определяет их цену на иностранных биржах» [474].

* Выплаты по государственным займам, обеспечивавшие фиксированную сумму годового дохода.— *Прим. перев.*

[472] A. N., G[7], 1622.

[473] Torcia M. *Sbozzo del commercio di Amsterdam*, p. 41.

[474] Accarias de Serionne J. *Les Intérêts des nations d’Europe*. I, p. 266.

А ЧТО ЖЕ МИР ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЕВРОПЫ?

Спросить себя, была или не была Европа на той же стадии [развития] обменов, что и другие *плотно заселенные* регионы

мира, привилегированные, как и она, группы человечества, означает задать себе решающий вопрос. Но производство, обмен, потребление *на том уровне, на каком мы их до сего времени описывали,* суть элементарные обязанности для всех людей. Они не зависят ни от древнего или недавнего выбора, сделанного их цивилизацией, ни от отношений, которые они поддерживают со своей средой, ни от характера их обществ, ни от их политических структур, ни от прошлого, которое довлеет над их повседневной жизнью. Эти простейшие правила не имеют границ. И, следовательно, как раз на таком уровне сходства должны быть более многочисленны, нежели различия.

РЫНКИ И ЛАВКИ ВЕЗДЕ

Вся ойкумена цивилизаций пронизана рынками, усеяна лавками. Даже полузаселенные страны вроде Черной Африки или Америки времен появления первых европейцев.

В Испанской Америке примерам тому несть числа. В Сан-Паулу, в Бразилии, лавки располагались уже на перекрестке первых улиц города в конце XVI в. После 1580 г., воспользовавшись объединением двух корон, испанской и португальской, португальские посредники буквально наводнили Испанскую Америку, обременяя ее своими услугами. Лавочники, торговцы вразнос, они добирались до самых богатых центров и до быстро выраставших городов, от Лимы до Мехико. Их лавки, как и лавки первых мелочных торговцев Европы, предлагали все товары разом, как самые заурядные и обычные — муку, вяленое мясо, фасоль, импортные ткани,— так и дорогие товары, вроде черных рабов или сказочных драгоценных камней. Даже в дикой Аргентине XVIII в. к услугам *гаучо* воздвигалась *pulperia*, огражденная решеткой лавка, где продавалось все, в особенности спиртное, и которая снабжала караваны погонщиков и возчиков [475].

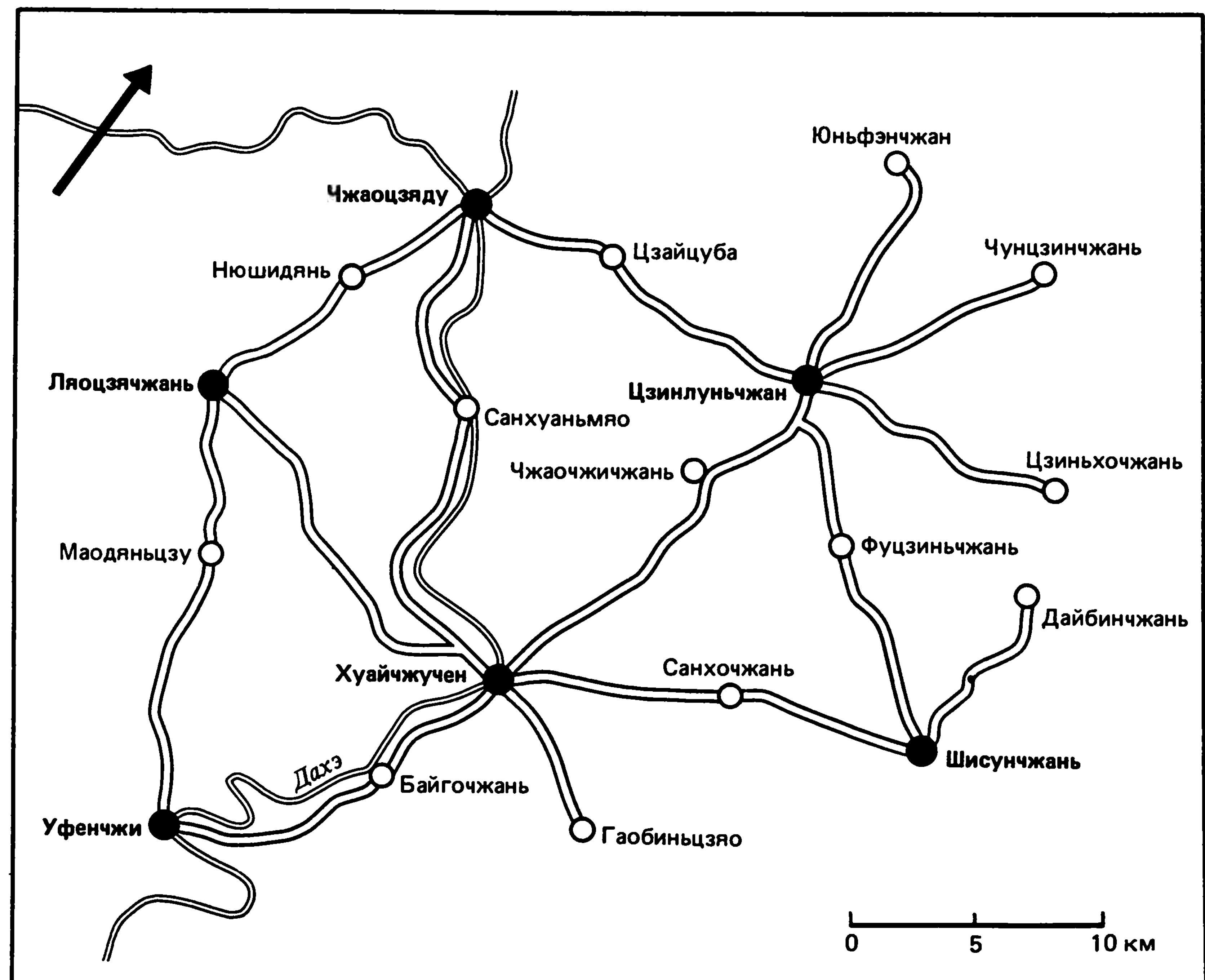
Зона ислама — это по преимуществу забитые народом рынки и тесные городские лавочки, сгруппированные по улицам и по видам товара, какие еще и сегодня можно увидеть на знаменитых *суках* (рынках) крупных городов. Здесь сосуществовали все вообразимые виды рынков: одни, за пределами городских стен, широко раскинувшиеся и образовывавшие огромные пробки перед монументальными воротами городов «на своего рода «ничьей земле», которая была уже не совсем городом, так что крестьяне отваживались являться сюда, не испытывая чрезмерной неуверенности, и которая находилась, однако, не настолько далеко от города, чтобы горожанин не чувствовал себя в безопасности» [476]. Другие рынки помещались внутри города, втискиваясь как могли в узенькие улочки, или устраивались на площадях, когда не занимали обширных строений вроде стамбульского Бешистана. Внутри городских стен рынки были специализированными. Известно об очень рано возникших рынках рабочей силы в Севилье и Гранаде, еще со времен мусульманского владычества, и в Багдаде. Бесчисленны были прозаические рынки пшеницы, ячменя, яиц, шелка-сырца, хлоп-

[475] Martinez Estrada E. *Muerte y transfiguración de Martin Fierro*. 1948, passim и в особенности, I, p. 134—135.

[476] Letourneau R. *Fès avant le protectorat*. Casablanca, 1949, цит. в кн.: Chalmetta P. *Op. cit.*, p. 128.



Небольшой рынок в Стамбуле.
Миниатюра Городского музея Коррер в Венеции.
Фото музея.



Пример рынков Китая
Карта одного из районов провинции Сычуань с 19 местечками (из которых 6 в ранге городов), расположенными на расстоянии от 35 до 90 *км* к северо-востоку от города Чэнду. Эта карта и последующие две схемы заимствованы из: Skinner G. W. *Marketing and social structure in rural China.—"Journal of Asian Studies"*, november 1964, p. 22—23.

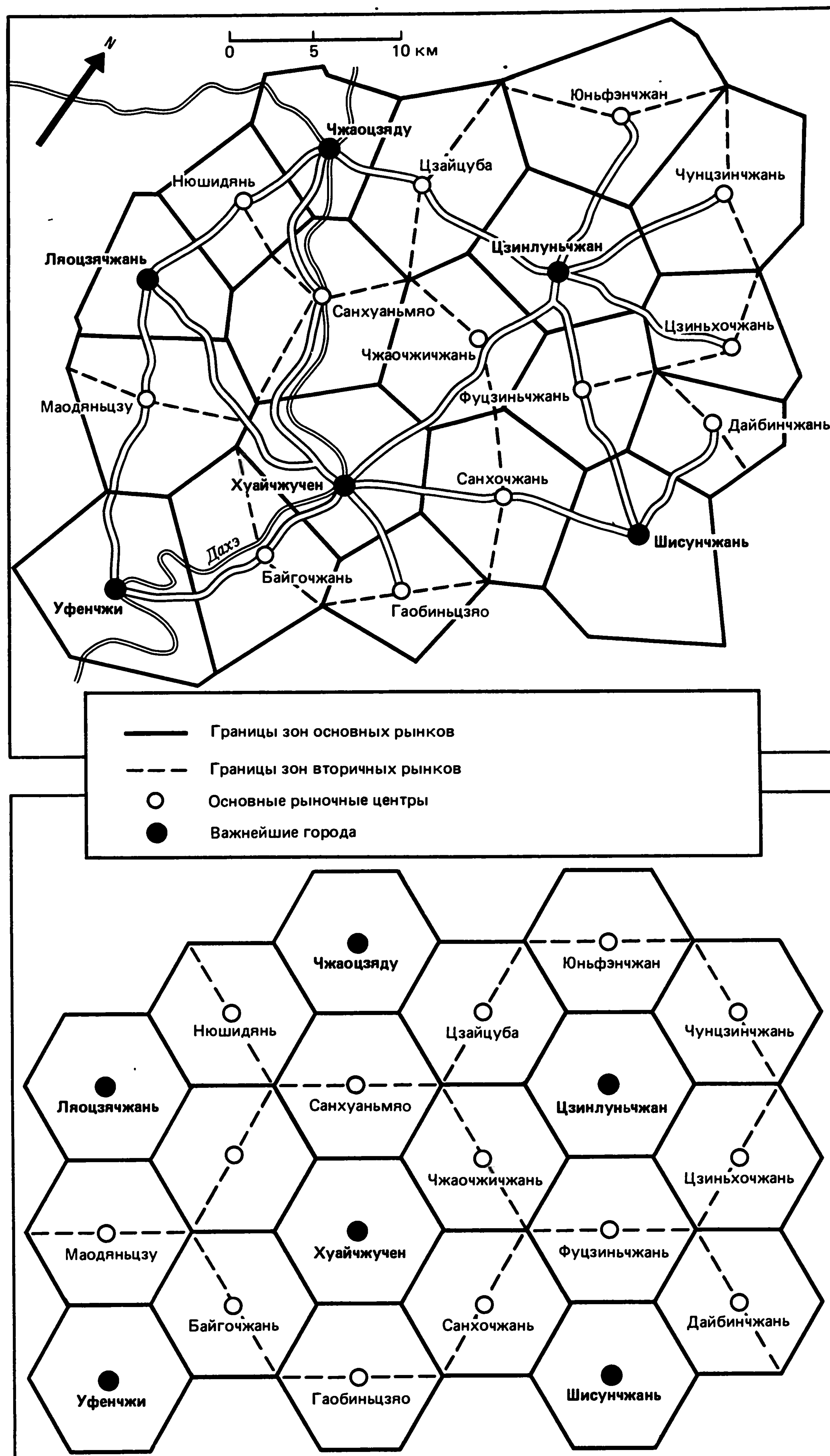
ка, шерсти, рыбные, дровяные, кисломолочных продуктов... По данным ал-Макризи, в Каире было не менее тридцати пяти внутренних рынков [477]. Играл ли один из них роль биржи по крайней мере для менял? Именно это утверждает одна недавно появившаяся (1965 г.) работа [478].

Короче говоря, налицо все черты европейского рынка: крестьянин, который приходит в город, стремясь получить деньги, необходимые для уплаты налога, и который лишь проходит по рынку, [ничего не покупая]; деятельный, расторопный перекупщик, который, невзирая на все запреты, отправляется навстречу и перехватывает деревенского продавца; оживление и привлекательность рынка как центра общественной жизни, где можно в свое удовольствие отведать приготовленных тут же блюд, которые предложит вам торговец,— «мясные фрикадельки, блюда из турецкого гороха или жареные пирожки» [479].

В Индии, очень рано оказавшейся во власти денежной экономики, не было ни одной деревни, которая бы не имела своего рынка,— вещь любопытная, но, по зрелом размышлении, нормальная. Дело в том, что повинности общины в пользу живших в городах сеньеров и Великого Могола (последний был таким же ненасытным, как и первые) предварительно должны были быть обращены в деньги, затем уже выплачены кому полагается. Для этого приходилось продавать или пшеницу, или рис, или красящие растения — и всегда готовый услужить торговец-*бания* был тут как тут, чтобы облегчить операцию и мимоходом извлечь из нее прибыль. Города кишели рынками и лавками. И повсюду предоставлял свои услуги бродячий

[477] Chalmetta P. *Op. cit., p. 133—134* (ссылка на ал-Макризи. *Китаб ал-Хитат*).
[478] Labib S. Y. *Handelsgeschichte Ägyptens im Spätmittelalter 1171—1517*. 1965, S. 277, 290, 323.
[479] Elisseeff N. *Nur-ad-Din*, III, p. 856.— Цит. в кн.: Chalmetta P. *Op. cit.*, p. 176.

Первая схема (с. 105): в каждой вершине изображенных жирной линией многоугольников следует представить деревню-«клиента» местечка или города, лежащего в центре. Выше этой первичной геометрической картины лежат шесть городских рынков, занимая центры более обширных многоугольников, очерченных пунктиром. Каждая вершина последних образована каким-то местечком.
Вторая схема (с. 105, внизу): та же самая схема, но упрощенная и представляющая хорошую иллюстрацию теоретических моделей «математизирующей» географии по Вальтеру Кристаллеру и Аугусту Лёшу. Объяснения см. в тексте, с. 106.



[480] Pinelli C. A. Quilici F. *L'Alba dell'uomo*. 1974, p. 219.
[481] Gourou P. *Leçons de géographie tropicale*. 1971, p. 106; *Pour une géographie humaine*. 1973, p. 105. Основная информация содержится в коллективной работе: *Mount Everest*, L., 1963.
[482] Skinner G. W. *Op. cit.*
[483] Cantillon R. *Essai sur la nature du commerce en général*. INED, 1952, p. 5 sq.

ремесленник на китайский манер. Еще и сегодня странствующие кузнецы ездят с семьями в тележках и предлагают свой труд в обмен на горстку риса или другой пищи [480]. Бесчисленны были и бродячие торговцы, индийские и чужеземные. Неутомимые торговцы вразнос, гималайские шерпы доходили до Малаккского полуострова [481].

В целом, однако, мы плохо осведомлены об обычных рынках Индии. Напротив, иерархия китайских рынков предстает в ярком свете. Китай с его огромной массой населения лучше многих других обществ сохранял тысячи черточек своей древней жизни, по меньшей мере вплоть до 1914 г. и даже до первых лет после второй мировой войны. Вполне очевидно, что сегодня было бы поздно разыскивать эти архаичные черты. Но в 1949 г. в Сычуани Дж. Уильям Скиннер наблюдал еще живое прошлое, и его обстоятельные и точные заметки дают превосходную информацию о традиционном Китае [482].

В Китае, как и в Европе, деревенский рынок встречался редко, практически не существовал. Зато все местечки имели свои рынки, и для Китая слова Кантийона — «местечко характеризуется наличием рынка» [483] — столь же действительны, как и для Франции XVIII в. Рынок в местечке собирался два или три раза в неделю (трижды, когда «неделя», как то было в Южном Китае, насчитывала десять дней). Это был ритм, который не могли нарушить ни крестьяне пяти или шести деревень-«спутников» местечка, ни клиентура рынка, чьи ресурсы были ограниченны. Обычно лишь один крестьянин из пятерых бывал на рынке, т.е. один на домохозяйство, или на очаг. Несколько простейших лавочек поставляли мелкий товар, в котором нуждался деревенский житель: булавки, спички, масло для фитильных ламп, свечи, бумагу, благовония, метлы, мыло, табак... Дополним эту картину чайным домиком, кабаками, где продавалось рисовое вино, фокусниками, акробатами, сказителями, наемным писцом, и не забудем лавки ссудные и ростовщические (в тех случаях, когда эту роль не брал на себя помещик).

Эти простейшие рынки были связаны друг с другом, о чем свидетельствует традиционный календарь [рыночных дней]. Он составлен с таким расчетом, чтобы рынки разных местечек как можно меньше взаимоперекрывались и чтобы ни один из них не собирался в тот день, когда происходит рынок в городе, от которого эти местечки зависят. Это позволяло многочисленным странствующим агентам торговли и ремесла составить свой собственный календарь. Разносчики, возчики, перекупщики, ремесленники, пребывавшие в постоянном движении, переходили с рынка на рынок, из города — в местечко, в другое местечко и т. д. с тем, чтобы потом возвратиться в город. Нищие кули несли на спине товары, которые они продавали, чтобы наверняка купить другие, играя на разнице невысоких, зачастую смехотворных цен. Рынок труда постоянно перемещался: мастерская ремесленника так или иначе странствовала. Кузнец, плотник, слесарь, столяр, цирюльник и многие другие нанимались прямо на рынке и затем добирались до места своей работы в «холодные» дни, разделявшие «горячие», рыночные дни. Этими встречами рынок в общем задавал ритм деревенской жизни, незаметно на-

вязывал ей свои периоды активности и свои паузы. Странствование определенных экономических «агентов» отвечало простейшим потребностям: именно в той мере, в какой ремесленник не находит в городке или даже в деревне, где он живет, достаточной клиентуры, которая бы ему позволила работать все время, он передвигается, «чтобы выжить». И часто также, будучи продавцом того, что сам изготовил, он нуждается в паузах для восстановления своих товарных запасов и знает по календарю рынков, на которых бывает, к какому сроку должен быть готов.

В городе, на центральном рынке, обмены приобретали иное измерение. Товары и продовольствие прибывали туда из местечек. Но и город в свою очередь был связан с другими городами, которые его обрамляли или «нависали» над ним. Город — то был элемент, который начинал становиться откровенно чуждым для местной экономики, который выходил за ее узкие рамки и связывался с широким общемировым движением, который получал от этого мира ценные редкие товары, неизвестные на местах, и перераспределял их по рынкам и лавкам низшего уровня. Местечки пребывали в крестьянском обществе, крестьянской культуре, крестьянской экономике; города вырастали из нее. Эта иерархия рынков на самом деле обрисовывала иерархию общества [в целом]. Так что Дж. У. Скиннер мог утверждать, что китайская цивилизация сформировалась не в деревнях, но в группах деревень, включая сюда и местечко, которое такую группу венчало и до определенного порога ее регулировало. В этой матричной геометрии не следовало бы заходить слишком далеко, но тем не менее она сыграла определенную роль.

ВАРЬИРУЮЩАЯ ПЛОЩАДЬ ПРОСТЕЙШИХ РЫНОЧНЫХ АРЕАЛОВ

Но самое важное замечание Дж. У. Скиннера касается вариабельности средней площади базового элемента, т. е. пространства, на какое распространялось влияние рынка [данного] местечка. Он продемонстрировал это в общем виде на примере Китая около 1930 г. В самом деле, если наложить базовую модель на всю территорию Китая, то получается, что площадь [таких] «шестиугольников» (или псевдошестиугольников) варьировала в зависимости от плотности населения. Если плотность на кв. километр оказывалась меньше 10 человек, их площадь, по крайней мере в [собственно] Китае, удерживалась в пределах 185 кв. км; плотности в 20 человек соответствовал шестиугольник примерно в 100 кв. км и т. д. Эта корреляция проясняет многое: она говорит о разных стадиях развития. Жизненные центры рынков, видимо, бывали более или менее близки одни к другим, завися от плотности населения, от тонуса экономики (я имею в виду прежде всего «перевозки»). И быть может, это способ более верно поставить проблему, которая волновала французских географов во времена Видаль де Лаблаша и Люсьена Галлуа. Франция раз-

[484] Van Leur J. C. *Indonesian Trade and Society*, 1955, p. 53, 60, 63, и в особенности p. 135—137, 197, 200. Точку зрения Ван Люра поддержал Нильс Стеенсгор: Steensgaard N. *The Asian Trade Revolution of the seventeenth century*, 1973. Против такой точки зрения направлены заметка, присланная мне Даниэлом Торнером, и следующая работа: Meilink-Roelsfsz M. A. P. *Asian Trade and European Influence in the Indonesian Archipelago between 1500 and about 1630*. 1962. Этот спор лежит в самом центре всемирной истории. Я вернусь к нему снова в главе 5 3 тома настоящего труда.

делялась на некоторое число «земель» — элементарных единиц, на самом же деле — групп из нескольких шестиугольников. И ведь эти земли примечательны в такой же мере своей длительной устойчивостью, как и подвижностью и неопределенностью своих границ. Но разве не было бы логичным, чтобы их площадь варьировала в такой же степени, в какой на протяжении столетий изменялась плотность их населения?

МИР МЕЛКИХ ТОРГОВЦЕВ ИЛИ НЕГОЦИАНТОВ?

И совсем в другой мир приводят нас те торговцы, каких Я. К. Ван Люр, крупный историк, которого война отняла у нас совсем молодым, описывал как *pedlars*, заурядных торговцев вразнос в бассейне Индийского океана и в Индонезии; я же, со своей стороны увидел бы в них действующих лиц наверняка более высокого ранга, подчас даже негоциантов [484]. Разница в оценке так огромна, что может удивить: это примерно то же, как если бы на Западе мы колебались, следует ли отличать рынок в местечке от биржи под открытым небом. Но были торговцы вразнос и торговцы вразнос. Были ли и в самом деле обычными торговцами вразнос (*pedlars*) те, кого парусники, подгоняемые муссоном, доставляли с одного берега безграничного Индийского океана на другой и в окраинные моря Тихого океана, чтобы возвратить их (в принципе через полгода) в порт отплытия обогащенными или разоренными? А ведь именно это и утверждает Я. К. Ван Люр,



Яванская барка. Отметим деревянный якорь, паруса из бамбука и два рулевых весла на корме. *Фототека издательства А. Колэн.*

сразу же делая отсюда вывод о незначительности и даже об иммобилизме торговли в Индонезии и во всей Азии. Порой испытываешь соблазн ответить утвердительно. Образ этих торговцев, столь необычный в глазах [человека] Запада, конечно же, побуждает слишком легко отождествить их с незначительными масштабами торговли вразнос. Так, 22 июня 1596 г. четыре корабля голландца Хаутмана, которые обогнули мыс Доброй Надежды, после долгого плавания вошли в порт Бантам на Яве. Туча торговцев взобралась на борт, они уселись на корточках вокруг своих товаров, разложенных так, «как если бы это происходило на рынке» [485]. Яванцы привезли свежие плоды земли, птицу, яйца, фрукты; китайцы — роскошные шелка и фарфор; турецкие, бенгальские, арабские, персидские, гуджаратские торговцы — все изделия Востока. Один из них, турок, погрузится на суда голландской эскадры, чтобы возвратиться домой, в Стамбул. Для Ван Люра именно таков облик коммерции в Азии, коммерции странствующих торговцев, везущих далеко от дома свой тючок товаров,— совсем как во времена Римской империи. Ничто якобы не сдвинулось с места. Ничто и не должно было сдвинуться еще долго.

Эта картина, вероятно, обманчива. Прежде всего, она не учитывает все потоки торговли «из Индии в Индию». С XVI в. наблюдался сенсационный рост этих так называемых «неизменных» обменов. Корабли Индийского океана перевозили все больше и больше тяжеловесных и дешевых товаров: пшеницу, рис, лес, простые хлопчатые ткани, предназначавшиеся для крестьян монокультурных зон. Следовательно, речь шла отнюдь не об одних только немногих драгоценных товарах, доверенных одному-единственному человеку. К тому же португальцы, потом голландцы, а позднее и англичане с французами, живя в этих местах, с удовольствием познакомились с возможностями обогатиться посредством торговли «из Индии в Индию». И очень поучительно, например, проследить в докладе Д. Брамса, возвратившегося из Индии в 1687 г. после тридцати пяти лет, проведенных там на службе голландской [Ост-Индской] компании, подробное описание всех этих перекрещивавшихся друг с другом и друг от друга зависевших коммерческих путей в системе обменов, столь же обширной, как некоторые [другие], в которую голландцы сумели включиться, но *которую не они изобрели* [486].

Не будем также забывать, что скитания дальневосточных торговцев имели простую и четкую причину: огромную даровую энергию, даваемую муссонами, которые сами собой организовывали плавания парусников и *встречи* купцов, [притом] с надежностью, какой в ту эпоху не знали никакие другие морские перевозки.

Будем внимательны и к уже капиталистическим, хотели бы мы того или нет, формам этой торговли на дальние расстояния. Купцы всех наций, которых Корнелиус Хаутман видел сидящими на корточках на палубах своих кораблей в Бантаме, принадлежали не к одной и той же и не к единственной категории торговцев. Одни — вероятно, наименее многочисленные — путешествовали за свой счет и в крайнем случае могли бы быть отнесены к простой модели, какую вообразил себе Ван Люр,—

[485] Van Leur J.-C. *Op. cit.*, p. 3 sq.
[486] A. N., Marine B^7, 46, p. 256 sq.

модели «*пыльноногих*» раннего средневековья (хотя даже они, и мы еще к этому вернемся, напоминают скорее другой тип торговца, если о том судить по некоторым точно описанным случаям). Других же почти всегда отличала особенность, которую отмечает сам же Ван Люр: за ними стояли крупные участники коммандитных товариществ, с которыми торговцы были связаны договором. Но и здесь — типы договора были разные!

В Индии, в Индонезии в начале своего бесконечного маршрута *pedlars* Ван Люра прибегали к займу либо у богатого купца или судовладельца, бания или мусульманина, либо же у сеньера или высокопоставленного чиновника, занимая суммы, необходимые им для торговли. Обычно они обязывались возвратить кредитору, исключая случаи кораблекрушения, двойную сумму. Обеспечением служили они сами и их семьи; условия договора были таковы — либо добиться успеха, либо стать рабом кредитора до самой выплаты долга. Как в Италии и в других местах, мы имеем перед собой договор — *commenda*, но его условия более жестки: продолжительность поездки и процент огромны. Тем не менее, коль скоро эти драконовские условия бывали приняты, это, очевидно, означало, что разница в ценах была баснословной, а прибыли обычно очень высокими. Мы находимся в кругообороте очень крупной торговли на далекие расстояния.

Армянские купцы, которые тоже заполняли суда, ходившие с муссонами, и во множестве разъезжали между Ираном и Индией, зачастую бывали купцами-приказчиками крупных исфаханских негоциантов, ведших дела разом в Турции, России, в Европе и в Индийском океане. Условия договора в этом случае были другие. Купец-приказчик со всех сделок, в которых он станет оперировать доверенным ему при отъезде капиталом (в деньгах и товарах), будет получать четвертую часть прибыли, а все остальное пойдет его патрону, «*ходже*». Но за этой простой внешностью скрывалась сложная действительность, которую примечательным образом освещают счетная книга и дорожные записи одного такого приказчика, хранящиеся в Национальной библиотеке в Лисабоне; их сокращенный перевод был опубликован в 1967 г. [487] К сожалению, текст неполон, окончательный итог операции, который дал бы нам точное представление о прибылях, отсутствует. Но и такой, каков он есть,— это исключительный документ.

По правде говоря, в путешествии армянского приказчика Ованеса, сына Давида, исключительным нам представляется все:

— его протяженность: мы следуем за Ованесом тысячи километров, от Джульфы, армянского предместья Исфахана, до Сурата, затем в Лхасу, в Тибете, с целым рядом остановок и отклонений, прежде чем возвратиться в Сурат;

— его продолжительность — с 1682 по 1693 г., т.е. более 11 лет, из которых пять безвыездно в Лхасе;

— самый характер его путешествия, в общем обычный, [даже] банальный: контракт, который связывал Ованеса с его *ходжами*,— это типовой договор, который еще и в 1765 г., почти веком позднее, излагался в Кодексе астраханских армян;

— тот факт, что повсюду, где путешественник останавливался — конечно же, в Ширазе, Сурате, Агре, но также и в Патне, и в сердце Непала, в Катманду, наконец, в Лхасе,— его принима-

[487] Lisboa, B. N., F. G 7970; *Le Registre d'un marchand arménien en Perse, en Inde et au Tibet (1682—1693)* (Trad. J. Khachikian).— *"Annales E. S. C"*, mars-avril 1967.

ли, ему помогали другие армянские купцы, он торговал с ними, бывал компаньоном в их делах;

— необычно также перечисление товаров, которыми Ованес торговал: серебро, золото, драгоценные камни, мускус, индиго и прочие красители, шерстяные и хлопчатые ткани, свечи, чай и т.д.,— и размах операций: один раз — две тонны индиго, отправлённые с севера до Сурата и переправленные в Шираз; другой — сотня килограммов серебра; третий раз — пять килограммов золота, полученных в Лхасе от армянских купцов, добравшихся до Синина на далекой границе с Китаем, чтобы обменять там серебро на золото (одна из самых прибыльных операций, ибо в Китае серебро оплачивалось дороже, нежели в Европе: *соотношение* 1 к 7, которое указывает записная книжка Ованеса, означало отличную прибыль).

Еще более интересно то, что эти дела он вел не с одним только капиталом, доверенным ему его *ходжей*, хотя Ованес оставался связан с последним и все свои операции, каковы бы они ни были, заносил в свою счетную книгу. Он был связан *личными соглашениями* с другими армянами, использовал собственный капитал (быть может, свою долю прибылей?) плюс к тому занимал деньги и даже при случае ссужал ими. Он беспрестанно превращал наличные деньги в товар и векселя, которые переносили его достояние как бы по воздуху; когда по пониженным тарифам — если дело шло о коротких расстояниях и о товарах, более или менее связанных с его делами,— 0,75% месячных; когда по очень высоким, если дело касалось больших расстояний и обратного вывоза средств: скажем, от 20 до 25% за возврат из Сурата в Исфахан.

Ясность примера, его ценность как образчика, подчеркиваемая точными деталями, порождает неожиданное представление о возможностях торговли и кредита в Индии, об очень разнообразных сетях локальных обменов, в которые Ованес, преданный приказчик, верный слуга и ловкий купец, интегрировался с легкостью, торгуя товарами ценными или обычными, легкими или тяжеловесными. Он, конечно, странствовал, но что в нем есть от торговца вразнос? Если уж непременно нужно сравнение, то мне он напоминает скорее английского торговца новой формации, торговца *частного рынка* (*private market*) пребывающего в непрерывном движении, перемещающегося от одного постоялого двора к другому, заключающего тут одну сделку, там — другую в зависимости от цен и случая, выступающего в компании с тем или другим собратом и невозмутимо идущего своей дорогой. Вот этот-то торговец, которого всегда изображают новатором, освободившимся от старинных правил средневекового английского рынка, и являет для меня образ, наиболее близкий к тем деловым людям, которых встречаешь в путевых записях Ованеса. С той разницей, что Англия не имеет размеров Ирана, Северной Индии, Непала и Тибета вместе взятых.

Благодаря этому примеру можно также лучше понять роль тех купцов из Индии — эти-то определенно не были мелочными торговцами, *pedlars*,— которых обнаруживаешь в XVI—XVIII вв. обосновавшимися в Иране, в Стамбуле [488], Астрахани [489] или в Москве [490]. Или же тот порыв, что с конца XVI в. приводил

[488] Mantran R. *Istanbul dans la seconde moitié du XVII^e siècle. 1962.*
[489] *«Русско-индийские отношения в XVIII в.»* Сборник документов. М., 1966, с. 29 и сл., 56—65, 74, 82, 95 и сл.
[490] *Там же*, с. 32, 51—55, 67.

восточных купцов в Венецию [491], Анкону [492] и даже в Пезаро [493], а в следующем веке — в Лейпциг и Амстердам. Речь идет не только об армянах: в апреле 1589 г. на борту корабля *«Феррера»*, вышедшего из Маламокко, аванпорта Венеции, находились наряду с итальянскими купцами (венецианцами, ломбардцами и флорентийцами) «армяне, левантинцы, киприоты, кандиоты *, марониты, сирийцы, грузины, греки, мавры, персы и турки» [494]. Все эти купцы наверняка занимались коммерцией по тому же образцу, что и люди Запада. Их встречаешь в конторах венецианских и анконских нотариусов, как и в галереях амстердамской биржи. И они отнюдь не чувствовали себя не в своей тарелке.

[491] Braudel F. *Médit...*, I, p. 263; II, p. 577—578.
[492] Celli L. *Introduzione à Due Trattati inediti di Silvestro Gozzolini da Osimo, economista e finanziere del sec. XVI*. Torino, 1892, p. 2—6.
[493] Braudel F. *Médit...*, II, p. 142 sq.
* Жители Крита.— *Прим. ред.*
[494] Villamont J., de. *Les Voyages du Seigneur de Villamont*. 1600, p. 102 recto et verso.

БАНКИРЫ-ИНДУСЫ

В Индии все поселения имели банкиров-менял, *саррафов*, которые принадлежали главным образом к могущественной купеческой касте бания. Хороший историк Ирфан Хабиб в 1960 г. сравнил сеть менял-индусов с аналогичной сетью на Западе [495]. Формы, может быть, и различны: создается впечатление целиком частной сети — от города к городу или скорее от менялы к меняле, без обращения к общественным учреждениям, таким, как ярмарки или биржи. Но одни и те же проблемы разрешались аналогичными средствами: векселями (*hundi*), обменом монеты, платежами наличными деньгами, кредитом, морским страхованием (*bima*).

С XIV в. Индия располагала довольно оживленной денежной экономикой, которая постоянно будет двигаться по пути определенного рода капитализма; он, однако, не охватит все общество целиком.

Эти цепочки менял были столь эффективны, что комиссионеры английской [Ост-Индской] компании (которые имели право заниматься торговлей «из Индии в Индию» как за свой личный счет, так и от имени компании) непрерывно прибегали к кредиту *саррафов*, так же как голландцы, а до них — португальцы [496], делали займы у японцев в Киото [497], а испытывавшие затруднения христианские купцы — у мусульманских и еврейских ростовщиков Алеппо или Каира [498]. Как и европейский «банкир», индийский меняла зачастую был торговцем, который ссужал также деньги под залог судов или занимался перевозками. Среди них бывали сказочно богатые: например, в Сурате (около 1663 г.) Вирджи Вора будто бы обладал 8 млн. рупий [499]. Мусульманский купец Абд ал-Гафур при таком же капитале располагал веком позже 20 кораблями от 300 до 800 тонн водоизмещения каждый, и, как утверждали, он один якобы ворочал таким же объемом дел, что и могущественная [Ост-] Индская компания, (*India Company*) [500]. И именно бания служили комиссионерами и представали как неизбежные посредники европейцев во всех делах, какие те вели в Индии, посредники, занимавшиеся перевозками, а иной раз они и сами занимались, например в Ахмадабаде, производством тканей, которые в XVII и XVIII вв. Индия вывозила в огромных количествах.

[495] Habib I. M. *Banking in Mughol India.— Contribution to Indian Economic History*. Calcutta, 1960, p. 1—20.
[496] Boxer C. R. *Macao as religious and commercial entrepot in the 16th and 17th centuries.— "Acta Asiatica"*, 1974, p. 71.
[497] *Voiage de Henri Hagenaar aux Indes orientales.*— Constantin de Renneville R.-A. *Recueil des voiages qui ont servi à l'établissement et au progrès de la Compagnie des Indes orientales*. 1706, V, p. 294, 296—297.
[498] Braudel F. *Médit...*, II, p. 149.
[499] Abbé Prevost. *Op. cit.*, VIII, 629; Moreland W. H. *From Akbar to Aurangzeb*. 1923, p. 153—158.
[500] Grose J-H. *Voyage aux Indes orientales*. 1758, p. 155 sq. «Этот крупный коммерсант Абдугафур, о коем говорят, будто он один ведет такую же значительную коммерцию, как и английская компания».

Свидетельство Тавернье, французского торговца драгоценными камнями, долго ездившего по Индии и Индонезии, об индийской организации [менял] и ее успехах столь же красноречиво, как и свидетельства Ованеса, который сам пользовался сетью *саррафов*. Француз объясняет, с какой легкостью можно путешествовать по всей Индии и даже за пределами Индии, так сказать, без наличных денег: достаточно брать деньги в долг. Для путешествующего купца, кем бы он ни был, ничего нет проще, чем сделать заем в Голконде, например на Сурат. А там он переведет свой долг на другой город, снова взяв ссуду, и так далее. Уплата перемещается вместе с самим заемщиком, и кредитор (или скорее цепочка кредиторов, которые отвечают друг перед другом) получит свои деньги только на последнем этапе. Это то, что Тавернье называл «платить старое новым» (*"payer le vieux de nouveau"*). Само собой разумеется, что всякий раз это временное освобождение [от обязательств] приходилось оплачивать. В конечном счете такие издержки напоминали проценты, выпла-



Индийский меняла. Раскрашенный рисунок из собрания Лалли-Толандаля, около 1760 г. *Фото Национальной библиотеки.*

чивавшиеся в Европе *"sur les changes"* — по векселю: они добавлялись друг к другу, и сумма их становилась все более высокой по мере того, как заемщик отдалялся от пункта отправления и от обычных потоков. В самом деле, сеть бания распространяется на все рынки [бассейна] Индийского океана и за его пределы. Но, уточняет Тавернье, «я всегда учитывал во время поездок, что ежели брать деньги в Голконде на Ливорно или на Венецию, то, перевод за переводом, они по самой дешевой цене обойдутся в 95%, но чаще всего процент доходит до 100» [501]. Сто процентов — такова была ставка, обычно выплачивавшаяся странствующим торговцем своему доверителю, будь то на Яве, в Индии или в Южном Китае. Ставка процента фантастическая, но существовавшая лишь на самых напряженных линиях экономической жизни, в системе обменов на дальние расстояния. В Кантоне в конце XVIII в. ставка, бывшая в ходу между купцами, составляла от 18 до 20% [502]. В Бенгалии англичане занимали деньги у местных купцов почти что под такой же низкий процент, что и Ованес.

[501] Tavernier J. B. *Les Six Voyages de Jean-Baptiste Tavernier... qu'il a faits en Turquie, en Perse et aux Indes.* P., 1676, I, p. 192, 193.
[502] Dermigny L. *Les Mémoires de Charles de Constant sur le commerce à la Chine.* 1964, p. 76, 189—190.

Еще один довод за то, чтобы не рассматривать странствующих купцов Индийского океана как второстепенных действующих лиц: совсем как в Европе, дальняя торговля стояла в центре самого развитого капитализма Дальнего Востока.

МАЛО БИРЖ, НО ЗАТО ЯРМАРКИ

На Востоке и на Дальнем Востоке не было бирж как института, таких, как амстердамская, лондонская или биржа какого-нибудь крупного активного западного города. Однако существовали довольно регулярные собрания крупных негоциантов. Их не всегда легко было опознать, но разве не были столь же незаметными сборища крупных венецианских купцов в галереях Риальто, где они, эти купцы, казалось, спокойно прогуливались посреди суматохи близлежащего рынка?

Напротив, ярмарки узнаваемы, и безошибочно. Они кишели в Индии, они играли важную роль в странах ислама и в островной Индии; любопытно, что они были очень редки в Китае, хотя и существовали там.

Правда, вышедшая недавно, в 1968 г., книга без обиняков утверждает, будто «в странах ислама практически не существовало ярмарок» [503]. Однако же термин налицо: на всем пространстве мусульманских стран [слово] *маусим* обозначало одновременно ярмарку и сезонный праздник, а также, как известно, и периодически дующие ветры Индийского океана [504]. Разве не муссон безошибочно регулировал в теплых морях Дальнего Востока сроки морских путешествий в том или другом направлении, открывая или прерывая международные встречи купцов?

Подробный отчет, датированный 1621 г., описывает одну из таких встреч в Мохе, месте сбора [участников] ограниченной, но богатейшей торговли [505]. Ежегодно с муссоном в эту гавань Красного моря (которая станет великим рынком кофе) приходило определенное число кораблей из Индии, Индонезии и с соседнего африканского побережья, до отказа набитых

[503] Sourdel J., Sourdel D. *La Civilisation de l'Islam classique.* 1968, p. 584.
[504] Brunschvig R. *Coup d'oeil sur l'histoire des foires à travers l'Islam.— "Recueils de la Société Jean Bodin",* t. V: *"La Foire",* 1953, p. 44, note 1.
[505] Van Leur J. C. *Op. cit.*, p. 76.

людьми и тюками с товарами; эти суда и сегодня проделывают те же плавания. В тот год пришли два корабля из Дахбула в Индии, один с 200, другой со 150 пассажирами, которые все были странствующими торговцами, приехавшими продать в порту прибытия небольшие количества драгоценных товаров: перца, камеди, лака, ладана, тканей, затканных золотом или расписанных вручную, табака, мускатного ореха, гвоздики, камфоры, сандалового дерева, фарфора, мускуса, индиго, наркотиков, благовоний, бриллиантов, гуммиарабика... Эквивалентом выступал один-единственный выходивший из Суэца и прибывавший на встречу в Моху корабль, который долгое время загружали одними только испанскими «восьмерными монетами»; впоследствии к этому прибавятся и товары — шерстяные ткани, коралл, камлот из козьей шерсти. Стоило кораблю из Суэца по той или иной причине не прийти вовремя, как ярмарка, которая обычно отмечала встречу, оказывалась сорвана. Купцы из Индии и Индонезии, лишившись своих клиентов, должны будут продавать по любой цене, так как неумолимый муссон клал предел ярмарке, даже если она на самом деле и не имела места. Аналогичные встречи с купцами, прибывавшими из Сурата или Масулипатама, устраивались в Басре или в Ормузе, где корабли почти ничего не грузили в обратном плавании, кроме разве персидского вина из Шираза или серебра.

В Марокко, как и по всему Магрибу, было обилие местных святых и паломничеств. Именно под их покровительством устраивались ярмарки. Одна из самых посещаемых ярмарок в Северной Африке находилась у [берберов]-геззула к югу от Антиатласа, лицом к пустым пространствам и к золоту пустыни *. Лев Африканский **, который сам на ней побывал, отмечает ее важность в начале XVI в.; практически эта ярмарка просуществует до наших дней [506].

Но самые оживленные ярмарки в мусульманских землях происходили в Египте, в Аравии, в Сирии — на перекрестке, где мы бы ожидали их априори. Именно к Красному морю сдвинулся начиная с XII в. комплекс мусульманской торговли, отклонившись от господствовавшей оси, столь долгое время привязанной к Персидскому заливу и Багдаду, чтобы обрести главное направление своих торговых маршрутов и своих успехов. К этому прибавился подъем караванной торговли, которая придала блеск ярмарке в Мзебибе в Сирии, где сходилось множество караванов. Итальянский путешественник Лудовико ди Вартема в 1503 г. отправился из «Мезарибе» в Мекку с караваном, будто бы насчитывавшим 35 тыс. верблюдов [507]! А впрочем, паломничество в Мекку было самой большой ярмаркой ислама. Как говорит тот же очевидец, туда отправлялись *«частью... ради торговли, а частью ради паломничества»* (*"parte... per mercanzie et parte per peregrinazione"*). В 1184 г. очевидец описывал ее исключительное богатство: «Нет в мире ни одного товара, коего бы не было на этом сборище» [508]. К тому же ярмарки, связанные с великим паломничеством, очень рано определили календарь торговых выплат и организовали их взаимное погашение [509].

В Египте небольшие, но оживленные локальные ярмарки в том или ином городе Дельты восходили к коптским традициям, и

* Золото пустыни — западноафриканское золото, доставлявшееся в Северную Африку по сахарским караванным путям.— *Прим. перев.*

** Лев Африканский (ал-Хасан ибн Мухаммед аз-Зайяти ал-Фаси, ум. ок. 1552 г.) — арабский географ, автор «Описания Африки, третьей части света».— *Прим. перев.*

506 Brunschvig R. *Op. cit.*, p. 52—53.

507 Varthema L., de. *Les Voyages de Ludovico di Varthema, ou le viateur en la plus grande partie d'Orient*. P., 1888, p. 21: «Мы двинулись своей дорогою и за три дня достигли места, называемого Мезерибе. И мы пребывали там три дня из-за того, что купцы запасались, закупали верблюдов и все, что было им необходимо. Сеньер сказанного Мезерибе по имени Замбей есть сеньер сельской местности, то есть арабов... У него сорок тысяч лошадей, а для своего двора он имеет десять тысяч кобыл и триста тысяч верблюдов».

508 Labib S. Y. *Handelsgeschichte Ägyptens im Spätmittelalter...*, S. 193—194.

509 *Ibid.*, p. 194.

даже за пределы христианского Египта, к Египту языческому. Со сменой одной религии другой святые покровители только изменяли свои имена; их праздники, *мюлид,* зачастую продолжали накладывать отпечаток на время проведения особого рынка. Так, в Танте (в Дельте) ежегодная ярмарка, которая приходится на *мюлид*, праздник рождения «святого» Ахмеда ал-Бадави, до сих пор еще собирает толпы народа [510]. Но великие сборища купцов происходили в Каире и в Александрии, где ярмарки зависели от сезонов мореплавания в Средиземном и Красном морях и к тому же были тесно связаны с взаимопереплетающимся календарем паломничеств и караванов [511]. В Александрии ветры были благоприятны, а «море открыто» в сентябре и октябре. В течение этих вот двух месяцев венецианцы, генуэзцы, флорентийцы, каталонцы, рагузинцы, марсельцы производили свои закупки перца и пряностей. Договоры, подписанные султаном Египта с Венецией или Флоренцией, как заметил С. Лабиб, определяли своего рода ярмарочное право, которое не может не напомнить *mutatis mutandis* (с необходимыми поправками) правил западных ярмарок.

[510] Brunschvig R. *Op. cit.*, p. 56—57.
[511] Labib S. Y. *Op. cit*, S. 197.
[512] Braudel F. *Médit...*, I, p. 190; ссылка на: Simonsfeld H. *Der Fondaco dei Tedeschi und die deutsch-venetianischen Handelsbeziehungen.* 1887; Hausherr H. *Wirtschaftsgeschichte der Neuzeit vom Ende des 14. bis zur Höhe des 19. J.* 1954, 3. Aufl., S. 28.

Все это не меняет того обстоятельства, что *относительно* ярмарка не имела в мире ислама той громкой славы, какая была у нее на Западе. Приписывать это экономическому отставанию было бы, вероятно, ошибкой, так как во времена наших шампанских ярмарок Египет и страны ислама наверняка не отставали от Запада. Быть может, в том следовало бы винить самую громадность мусульманского города и его структуру? Не было ли в нем больше рынков и, если можно употребить это выражение, суперрынков, нежели в любом городе Запада? В особенности же его кварталы, предназначенные для чужеземцев, были в такой же мере местом постоянных международных встреч. Фундук «франков» в Александрии, фундук сирийцев в Каире послужили образцом для Немецкого двора (*Fondaco dei Tedeschi*) в Венеции: венецианцы запирали немецких купцов, как их самих запирали в их кварталах в Египте [512]. Были они тюрьмами или нет, но эти фундуки создавали в мусульманских городах ту разновидность «постоянной ярмарки», которую должна была знать Голландия, страна свободной крупной торговли, которая должна была рано убить у себя ярмарки, ставшие бесполезными. Нужно ли заключать [отсюда], что шампанские ярмарки в самом центре еще неразвитого Запада служили, быть может, лошадиной дозой лекарства, призванного усиливать обмены в еще слаборазвитых странах?

В наполовину мусульманской Индии картина была иная. Там ярмарки были настолько характерной, вездесущей чертой, что они вошли в повседневную жизнь, и зрелище это более не удивляло путешественников, настолько оно было естественным. Эти индийские ярмарки на деле представляли, если можно так сказать, то неудобство, что они сливались с паломничествами, которые приводили на берега к очистительным водам рек бесконечные вереницы странников и верующих, шедших в сутолоке запряженных быками и раскачивающихся с боку на бок повозок. Страна рас, языков, религий, чуждых друг другу, Индия, несомненно, вынуждена была долго сохранять на границе между

враждующими регионами эти примитивные ярмарки, помещаемые под защиту божеств-покровителей и религиозных паломничеств и таким образом изъятые из сферы непрестанных ссор между соседями. И это факт, во всяком случае, что много ярмарок, подчас между [соседними] деревнями, оставалось более под знаком древней меновой торговли, нежели денег.

Разумеется, не так обстояло дело с большими ярмарками на Ганге — в Хардваре, Аллахабаде, Сонпуре; или в Матхуре и Батесаре на Джамне. У каждой религии были свои ярмарки: у индуистов — в Хардваре, в Бенаресе; у сикхов — в Амритсаре; у мусульман — в Пакпаттане, в Пенджабе. Один англичанин, генерал Слимен, определенно преувеличивая, утверждал, что с наступлением холодного сухого сезона, когда начинался период ритуальных омовений, большая часть жителей Индии, от склонов Гималаев до мыса Коморин, сходилась на ярмарках, где продавалось все, включая лошадей и слонов [513]. Жизнь за рамками обычной повседневности становилась правилом в эти дни молений и пиров, когда соединялись танцы, музыка и благочести-

[513] Crooke W. *Things Indian*. 1906, p. 195 sq.



Азиатский «ярмарочный город», живущий в ритме прибытия судов.
В Бендер-Аббасе, лучшей гавани напротив острова Ормуза,
корабли, пришедшие из Индии, выгружают свои товары для Ирана и Леванта.
Во времена Тавернье, после захвата Ормуза персами в 1622 г.,
город стал приютом для множества хороших пакгаузов и жилищ для купцов — восточных и европейских.
Но жил он только три-четыре месяца в году, «в пору торговли»,
говорит Тавернье (а мы скажем — в период ярмарки).
После чего ужасающе жаркий и нездоровый город с наступлением марта пустел,
оставаясь и без торговли, и без жителей.
И так — до возвращения кораблей в следующем декабре.
Фото издательства
А. Колэн.

вые обряды. Каждые двенадцать лет, когда Юпитер вступал в созвездие Водолея, это небесное знамение влекло за собой безумный потоп паломничеств и сопутствовавших им ярмарок. И вспыхивали грозные эпидемии.

В Индонезии длительные скопления купцов, собиравшихся то там, то здесь в приморских городах или в их ближайших окрестностях благодаря международному мореплаванию, приобретали облик затянувшихся ярмарок.

На «Великой» Яве вплоть до того, как голландцы обосновались там по-настоящему с постройкой Батавии (1619 г.), и даже позднее, главным городом был Бантам [514], на северном побережье у западной оконечности острова, лежавший посреди болот, зажатый в своих стенах из красного кирпича; на его укреплениях угрожающе стояли пушки, которыми, по правде говоря, никто не умел пользоваться. Внутри стен то был низкий безобразный город «размерами с Амстердам». От султанского дворца отходили три улицы, и площади, куда они выходили, кишели «импровизированными» торговцами и торговками, продавцами птицы, попугаев, рыбы, говядины, горячих сладких пирожков, арака (восточной водки), шелковых изделий, бархата, риса, драгоценных камней, золотой проволоки... Еще несколько шагов — и вот китайский квартал с его лавками, кирпичными домами и собственным рынком. К востоку от города, на Большой площади, с рассвета забитой мелкими торговцами, позднее собирались крупные негоцианты, страхователи судов, хозяева складов перца, «банкиры», ссужавшие деньги под залог судов,— [люди], сведущие в самых разных языках и деньгах; площадь, писал один путешественник, служит им биржей. Иностранные купцы, ежегодно задерживаемые в городе ожиданием муссона, принимали участие в бесконечной ярмарке, тянувшейся месяцами. Китайцы, уже давно появившиеся на Яве (и им суждено было еще долго там оставаться), играли в этом концерте важную роль. Один путешественник отмечает в 1595 г.: «Сие суть люди корыстные, ссужающие под ростовщический процент и приобретшие такую же репутацию, что и евреи в Европе. Они ходят по стране с весами в руке, скупают весь перец, какой найдут, и, взвесив часть его [заметьте эту деталь продажи по образцам], так что могут примерно судить о *количестве* [несомненно, следует читать — о весе], предлагают за него серебро оптом, смотря по надобности тех, кто продает перец. И таким вот способом они собирают столь большие его количества, что у них есть чем загрузить корабли из Китая, когда те приходят, продавая за 50 тыс. *caixas* [сапеков] то, что не стоило им и 12 тыс. Корабли эти, числом восемь или десять, имеющие по сорок пять — пятьдесят тонн [вместимости], приходят в Бантам в январе». Таким образом, у китайцев тоже была своя «левантинская торговля», и долгое время Китаю нечего было завидовать Европе в смысле торговли на дальние расстояния. Во времена Марко Поло Китай, как утверждают, потреблял в сто раз больше пряностей, чем далекая Европа [515].

Заметьте, что именно *до муссона*, до прихода судов, китайцы (фактически постоянно здесь жившие комиссионеры) производили свои закупки во всех деревнях. Прибытие судов означало

[514] Последующие подробности см.: Abbé Prevost. *Op. cit.*, I, p. 414; VIII, p. 139 sq.

[515] Heyd W. *Histoire du commerce du Levant au Moyen Age*. 1936, t. II, p. 662—663.

начало ярмарки. Фактически как раз это и характеризовало весь индонезийский ареал: продолжительные ярмарки, совпадающие с ритмом муссона. В Ачехе (Ачем) на Суматре Дэвис увидел в 1598 г. «три большие площади, где каждый день происходит ярмарка всех видов товаров» [516]. Вы скажете, что это лишь слова. Но в 1603 г. Франсуа Мартен из Сен-Мало, увидевший эти же картины, отличал большой рынок от рынков обычных, заполненных диковинными плодами, и описывал купцов, прибывших со всех концов Индийского океана, в их лавках — «всех одетых по-турецки», кои «пребывают в сказанном месте примерно шесть месяцев, дабы продать свои товары» [517]. Шесть месяцев, «по истечении коих прибывают другие купцы». То есть постоянная и возобновляющаяся ярмарка, лениво раскинувшаяся во времени и никогда не выглядевшая как стремительный всплеск ярмарок западных. Дампир, который пришел в Ачех в 1688 г., еще более точен: «Китайцы суть самые важные из всех купцов, что здесь торгуют; некоторые из них пребывают тут круглый год, но прочие приезжают лишь один раз ежегодно. Последние направляются сюда иногда в июне, с 10 или 12 парусниками, кои доставляют много риса и некоторые другие виды продовольствия... Они занимают все дома, один за другим, на краю города возле моря, и этот квартал именуют лагерем китайцев... С этим флотом прибывают многие ремесленники, как-то: плотники, столяры, художники, и как только они прибыли, они принимаются за работу и за изготовление сундуков, коробочек, шкафчиков и всякого рода мелких китайских поделок» [518]. Так на протяжении двух месяцев длится «ярмарка китайцев», куда отправляются все ради покупок или ради азартных игр. «По мере того как сбываются их товары, они занимают меньше места и снимают меньше домов... Чем более сокращается их торговля, тем более возрастает их игра».

В самом Китае дело обстояло по-иному [519]. Так как там все держало в руках вездесущее и действенное бюрократическое правительство, бывшее в принципе противником экономических привилегий, то за ярмарками существовал строгий надзор — в отличие от относительно свободных рынков. Однако ярмарки появляются рано, в момент сильного подъема торговли и обменов к концу Танской эпохи (IX в.). Там они тоже обычно бывали привязаны к буддистскому или даоистскому храму и происходили в момент ежегодного праздника божества, откуда и родовое название храмовых собраний — *miao-hui*,— которое за ними закрепилось. Они имели четко выраженный характер народного развлечения. Но были в ходу и другие названия. Так, ярмарка нового шелка, которая при Цинах (1644—1911 гг.) проходила в Нансючене на границе между провинциями Чжэцзян и Цзянсу, именовалась *hui-ch'ang* или *lang-hui*. Точно так же выражение *няньши* буквально равнозначно немецкому *Jahrmärkte*, «ежегодные рынки»; и быть может, оно действительно обозначало скорее большие сезонные рынки (соляной, или чайный, или конный и т. п.), нежели ярмарки в полном смысле этого слова.

Этьенн Балаж полагал, что эти крупные рынки или необычные ярмарки появлялись главным образом в периоды раздела Китая между чуждыми одна другой династиями. И этим кускам [тер-

[516] Lombard D. *Le Sultanat d'Atjéh au temps d'Iskandar Muda, 1607—1636*. 1967, p. 46 (ссылка на: Davis J. *A briefe relation of Master John Davis, chiefe pilote to the Zelanders in their East India Voyage... 1598*. L., 1625).

[517] Martin F. *Description du premier voyage faict aux Indes Orientales par les Français de Saint-Malo*. 1604.— Цит. в кн.: Lombard D. *Op. cit*., p. 25, note 4.

[518] Lombard D. *Op. cit*., p. 113—114 (ссылка на: Dampier G. *Supplément du voyage autour du monde*..., 1723).

[519] По сведениям, которые мне предоставили Мишель Картье, Дени Ломбар и Этьенн Балаж.

ритории] необходимо было обязательно сообщаться между собой, а ярмарки и крупные рынки способствовали этому, как и в средневековой Европе, и, может быть, по аналогичным причинам [520]. Но как только Китай вновь обретал политическое единство, он восстанавливал свою бюрократическую структуру, свою действенную иерархию рынков — и *внутри его* территории ярмарки исчезали. Они сохранялись единственно на внешних границах. Так, во времена Сунов (960—1279 гг.), бывших хозяевами одного только Южного Китая, «взаимные рынки» открывались в сторону Северного Китая, завоеванного варварами. Когда единство было восстановлено при Минах (1368—1644 гг.), а затем сохранено при Цинах (1644—1911 гг.), «окна» и «отдушины» окажутся только по периметру, обращенные в сторону внешнего мира. Так, с 1405 г. будут существовать конные ярмарки на границе с Маньчжурией, открываясь или закрываясь в зависимости от отношений *границы* с угрожавшими ей «варварами». Иной раз у самых ворот Пекина устраивалась ярмарка, когда туда приходил караван из Московской Руси. То было исключительное событие, ибо приходившие с запада караваны предпочитали задерживать на ярмарках Ханчжоу и Чэнду. Точ-

[520] Balazs E. *Les Foires en Chine.— "Recueils de la Société Jean Bodin"*, V: *"La Foire"*, 1953, p. 77—89.



Голландская иллюстрация к рассказу о путешествии в Ост-Индию (1598 г.).
В центре — один из китайских купцов,
что регулярно обосновывались в городе Бантам в периоды коммерческой активности;
слева — яванка, служившая ему женой во время пребывания в Бантаме;
справа — один из постоянно живущих здесь китайцев-комиссионеров,
которые с безменом в руках заранее скупали перец
во внутренних районах острова в «мертвый сезон».
Фото Ф. Куиличи.

но так же мы увидим, как в 1728 г. южнее Иркутска организуется очень любопытная и важная ярмарка в Кяхте, где китайский купец добывал для себя драгоценные сибирские меха [521]. Наконец, в XVIII в. для торговли с европейцами Кантон располагал двумя ярмарками [522]. Как и другие крупные морские порты, более или менее открытые для международной торговли (Нинбо, Амой), он знал тогда один или несколько торговых «сезонов» ежегодно. Но речь здесь идет отнюдь не о крупных местах сосредоточения свободной торговли, как в Индии или в странах ислама. Ярмарка оставалась в Китае явлением ограниченным — ограниченным определенными видами торговли, главным образом внешней. Либо потому, что Китай опасался ярмарок и оберегал себя от них, либо (что более вероятно) потому, что не испытывал в них надобности: учитывая его административное и правительственное единство и его активные цепочки рынков, он легко без них обходился.

[521] *Encyclopedia Britannica*, 1969, XIII, p. 124.

[522] Dermigny L. *La Chine et l'Occident. Le commerce à Canton au XVIIIe ciècle.* 1964, I, p. 295; III, p. 1151.

Что же касается Японии, где рынки и лавки организовывались регулярно с XIII в., а затем разрастались и множились, то там, по-видимому, не было системы ярмарок. Тем не менее после 1638 г., когда Япония закрылась для всякой внешней торговли, исключая несколько голландских и китайских кораблей, в Нагасаки всякий раз, как приходили голландские корабли — «разрешенные» корабли Ост-Индской компании — или китайские джонки, тоже «дозволенные», происходили своего рода ярмарки. Эти «ярмарки» бывали редки. Но, подобно тем ярмаркам, что открывались в Архангельске в Московской Руси по приходе английских и голландских кораблей, они восстанавливали равновесие и для Японии были жизненно необходимы: для нее это была единственная возможность вдохнуть воздух мира после своего добровольного «закрытия». А также и сыграть в нем свою роль, ибо вклад Японии в окружающий мир, в особенности ее экспорт серебра и меди на этих кораблях, служивших единственной связью [с ним], отражался на циклах мировой экономики: серебряном цикле вплоть до 1665 г., кратком цикле золота с 1665 по 1668 или же 1672 г., наконец, на медном цикле.

БЫЛА ЛИ ЕВРОПА НА РАВНЫХ С ОСТАЛЬНЫМ МИРОМ?

Картины — это картины. Но, когда их множество, когда они повторяются и бывают идентичны, они не могут лгать все сразу. Они обнаруживают в дифференцированном мире аналогичные формы и достижения: города, дороги, государства, обмены, которые, несмотря ни на что, схожи друг с другом. Нам, правда, скажут, что существовало «столько же средств обмена, сколько было средств производства». Но во всяком случае, число этих средств было ограничено, так как они решали простейшие проблемы, бывшие повсюду одними и теми же.

Следовательно, вот перед нами первое впечатление: еще в XVI в. *многонаселенные* регионы мира, испытывавшие давление количества [людей], *кажутся* нам близкими друг к другу — на равной или почти на равной ноге. Несомненно, легкого отклоне-

ния могло оказаться достаточно, чтобы возникли и укрепились преимущества, а затем и превосходство — а значит, с другой стороны, отставание и затем подчинение. Не это ли произошло [в отношениях] между Европой и остальным миром? Трудно прямо ответить «да» или «нет» и объяснить все в нескольких словах. В самом деле, существует «историографическое» неравенство между Европой и прочим миром. Изобретя ремесло историка, Европа воспользовалась им к своей выгоде. И вот она перед нами — вся освещенная, готовая свидетельствовать, отстаивать свои права. История же не-Европы едва начинает создаваться. И пока не будет восстановлено равновесие знаний и объяснений, историк не решится разрубить гордиев узел всемирной истории, имея в виду генезис превосходства Европы. Именно это терзало историка Китая Джозефа Нидэма, который даже в относительно ясной области техники и науки затруднялся определить точное место своего огромного «персонажа» на мировой арене [523]. Одно мне кажется неоспоримым: разрыв между Западом [Европы] и другими континентами углубился *поздно*, и приписывать его единственно лишь «рационализации» рыночной экономики, к чему еще склоняются слишком многие наши современники, есть явное упрощение.

[523] Needham J. *La Tradition scientifique chinoise*. 1974.

Во всяком случае, объяснить этот разрыв, который с годами будет закрепляться, означает вплотную подойти к важнейшей проблеме истории современного мира. Проблеме, которой мы по необходимости будем касаться на всем протяжении настоящего



Торговец дичью вразнос в Риме. *Фото Оскара Сальвио.*

труда, не претендуя на ее окончательное решение. По крайней мере мы попробуем ее поставить во всех аспектах, приблизиться к ней в своих объяснениях — как в прошлом придвигали свои бомбарды к стенам города, который собирались взять штурмом.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ГИПОТЕЗЫ

Различные механизмы обменов, которые мы показали — от простейшего рынка вплоть до биржи,— легко узнаваемы и легко поддаются описанию. Но не так-то просто уточнить их относительное место в экономической жизни, рассмотреть их свидетельства в совокупности. Имели ли они одинаковую давность? Были или не были они связаны между собой, и [если да], то как? Были или не были они орудиями экономического роста? Несомненно, здесь не может быть категорического ответа, коль скоро в зависимости от экономических потоков, которые вдыхали в них жизнь, одни из них вращались быстрее, другие медленнее. Сначала, по-видимому, господствовали последние, позднее — первые [из них], и каждый век, таким образом, имел свое особенное лицо. Если мы не оказываемся жертвой иллюзии упрощенчества, эта дифференциальная история освещает смысл экономического развития Европы и, может быть, представляется средством сравнительной интерпретации [эволюции] остального мира.

Пятнадцатый век продлил бедствия и нехватки второй половины XIV в. Затем, после 1450 г., наметилось оживление. Однако же Запад потратит годы и годы на то, чтобы снова обрести уровень своих прежних достижений. Если я не ошибаюсь, то Франция Людовика Святого была во многом иной, чем оживленная, хоть и болезненная еще, Франция Людовика XI. Вне пределов привилегированных областей (части Италии, подвижного комплекса Нидерландов) все экономические узы ослабли; действующие лица экономики — индивиды и группы — были более или менее предоставлены самим себе и более или менее сознательно этим воспользовались. В таких условиях ярмарок и рынков (рынков еще более, чем ярмарок) было достаточно, чтобы оживить обмены и заставить их «крутиться». Способ, каким города на Западе навязали себя деревням, позволяет угадать, что возобновили движение городские рынки, инструмент, который в одиночку делал возможным регулярное подчинение округи. «Промышленные» цены росли, цены сельскохозяйственные снижались. Таким образом города одерживали верх.

Что касается XVI в., то Раймонд де Роувер, который, кстати, всегда остерегался легких объяснений, полагает, что в это время наступил апогей ярмарок [524]. Ярмарки, как он считает, объясняли все. Они множились, излучали здоровье; они были повсюду, их насчитывались сотни, даже тысячи. Если это было так — а я со своей стороны так и думаю,— движение вперед в XVI в. оказывалось организовано *сверху*, под влиянием привилегированного обращения звонкой монеты и кредита с ярмарки на ярмарку. Все зависело от этого международного обращения на довольно высоком уровне, в некотором роде «воздушного» [525]. Затем оно,

[524] Roover R., de. *Le Marché monétaire au Moyen Age et au début des Temps modernes.*—*“Revue historique”*, 1970, p. 28.

[525] Verlinden C., Graeybeckx J., Scholliers E. *Mouvements des prix et des salaires en Belgique au XVI^e^ siècle.*—*“Annales E. S. C.”*, 1955, № 2, с. 187, note 1. «При нынешнем состоянии исследований можно даже задаться вопросом, не характеризовался ли XVI в. сосредоточением крупной торговли в руках немногих...».

видимо, замедлилось или усложнилось, и машина стала давать перебои. С 1575 г. кругооборот Антверпен — Лион — Медина-дель-Кампо прервался. Генуэзцы с [их] так называемыми безансонскими ярмарками склеили обломки его, но лишь на время.

В XVII в. все снова пришло в движение *посредством товара*. Я не отношу это возобновление движения единственно на счет Амстердама и его биржи, хотя они и играли свою роль. Я бы предпочел приписать его преимущественно умножению обменов на базовом уровне — в скромном кругу экономик с небольшим или очень небольшим радиусом действия: разве не лавка была сильной стороной, решающим двигателем развития? В этих условиях подъем цен (в XVI в.) соответствовал бы господству надстроечных явлений: а спады и стагнация XVII в. означали бы первенство явлений базовых. Это объяснение не обязательно верное, но правдоподобное.

Но тогда как же двинется или даже рванется вперед век Просвещения? После 1720 г. движение, бесспорно, наблюдалось на всех «этажах». Но главное то, что происходил все более и более широкий разрыв существовавшей *системы*. Более, чем когда-либо, наряду с рынком действовал «противорынок» (*contre-marché*) (я предпочитаю это сильное выражение [английскому] *private market*, которым пользовался до этого). Одновременно с ярмаркой разрастаются склады и торговля через промежуточный пакгауз; ярмарка обнаруживает тенденцию сместиться на уровень простейших обменов. Точно так же наравне с биржей появляются и банки, которые пробиваются везде, как молодые растения, если и не новые, то по крайней мере все более и более многочисленные и самостоятельные. Нам необходимо было бы ясное выражение для обозначения совокупности этих разрывов, этих новаций и этих разрастаний. Но нет слова для обозначения всех тех внешних сил, которые окружали и ломали древнее ядро, тех *параллельных* «пучков» деятельности, тех видимых ускорений у вершины с мощными осями банковской и биржевой жизни, которые пересекали всю Европу и эффективно ее подчиняли, но заметных также и у основания с революционизирующим распространением странствующего торговца, чтобы не сказать разносчика.

Если эти объяснения в определенной степени, как я думаю, правдоподобны, они вновь возвращают нас в смутную, но непрекращавшуюся игру-[взаимодействие] между надстройкой и базисом экономической жизни. Могло ли то, что «игралось», происходило наверху, иметь отзвуки на нижнем уровне? И какие? И наоборот: могло ли то, что развертывалось на уровне рынков и простейших обменов, отражаться наверху? И каким образом? Для краткости возьмем один пример. Когда XVIII в. достиг своего двадцатого года, произошли одновременно «Морской пузырь» (*Sea Bubble*), скандал [с акциями] Южных морей в Англии, и, бесспорно, безумный эпизод во Франции с системой Лоу, которая продлилась в целом лишь полтора года... Согласимся, что опыт улицы Кэнканпуа напоминал опыт Иксчейндж-алли. В обоих случаях было доказано, что экономику в ее целостности — коль скоро ее могли потрясти эти высотные бури — еще не держали в руках раз и навсегда на долгие годы на таком высоком уровне. Капитализм еще не навязал свои законы. Однако, если

[526] Klaveren J., van. *Op. cit.*

я вместе с Якобом Ван Клавереном [526] и считаю, что неудача Лоу явно объяснялась корыстной враждебностью части высшей знати, то она в неменьшей мере объяснялась самой французской экономикой, неспособной следовать примеру, двигаться с головокружительной быстротой. В экономическом смысле Англия лучше выкарабкалась из своего скандала, чем Франция. Этот скандал не оставит в ней того отвращения к бумажным деньгам и к банку, какое на протяжении десятилетий будет испытывать Франция. Не есть ли это доказательство определенной экономической и социально-политической зрелости Англии, уже слишком вовлеченной в новые формы финансов и кредита, чтобы быть способной возвратиться вспять?

Модель, набросанная в предыдущих строках, действительна только для Запада. Но, может быть, единожды намеченная, она позволит лучше прочесть [факты] в мировом масштабе? Важнейшие две черты западного развития суть складывание механизмов высшего уровня, а затем, в XVIII в., умножение числа путей и средств. А что происходило в таком плане вне Европы? Более всего отклоняющийся от нормы случай — это пример Китая, где императорская администрация заблокировала складывание всей иерархии экономики. Эффективно функционировали на нижнем «этаже» лишь лавки и рынки местечек и городов. Ближе всего к опыту Европы оказывались страны ислама и Япония. Разумеется, нам придется вернуться к этой сравнительной истории мира, которая одна только и может разрешить или по крайней мере корректно поставить наши проблемы.

Глава 2

ЭКОНОМИКА ПЕРЕД ЛИЦОМ РЫНКОВ

Оставаясь по-прежнему в рамках обмена, мы попытаемся в этой, второй главе продемонстрировать некоторые модели и показать кое-какие правила, проявляющиеся как тенденции [1]. Мы тотчас же выйдем за пределы пунктирных изображений первой главы, где рынок в местечке, лавка, ярмарка, биржа были представлены как серия точек. Проблема заключается в том, чтобы показать, как соединялись эти точки, как формировались линии обмена, как торговец организовывал эти связи и как такие связи, хоть они и оставляли за пределами торговых контактов многочисленные пустые пространства, создавали сплошные «торговые поверхности». Несовершенный наш словарь обозначает эти поверхности словом рынок, по природе неизбежно двусмысленным,— но тут уж правит обычай.

[1] Чтобы, следуя совету Жоржа Гурвича, не говорить о *законах*.

Мы попробуем взглянуть на явления с двух разных точек зрения. Сначала, как бы став на место торговца, представим себе, какой могла быть его деятельность, его обычная тактика. Затем, заняв позицию «со стороны», в значительной мере не зависящую от проявлений индивидуальной воли, мы рассмотрим сами по себе торговые пространства — рынки в широком смысле слова. Будь они городские, региональные, национальные или даже международные, их реальности навязывали себя торговцу, «обволакивали» его действия, способствуя им или противодействуя. К тому же с течением веков рынки трансформировались. И эти изменчивые география и экономика рынков (которые мы более пристально рассмотрим в третьем томе), разумеется, непрестанно перестраивали и переориентировали частную деятельность торговца.

КУПЦЫ И КРУГООБОРОТ ТОРГОВЛИ

Перспективы купца, деятельность его нам знакомы; бумаги его — в нашем распоряжении [2]. Нет ничего проще, чем поставить себя на его место, читать письма, какие он писал или получал,

[2] Я имею в виду прежде всего архивы Симона Руиса в Вальядолиде и Франческо Датини в Прато.

изучать его счета, следить за ходом его дел. Но здесь мы постараемся скорее понять те правила, в рамки которых замыкало купца его ремесло, правила, которые он знал по опыту, но зная, почти не задумывался о них повседневно. Нам придется заняться систематизацией.

ДВИЖЕНИЕ ТУДА И ОБРАТНО

Коль скоро обмен — это взаимность, любому передвижению из А в В соответствовало определенное возвратное движение из В в А, сколь бы сложным и извилистым мы ни пожелали [его видеть]. Тогда обмен замыкается на себя, имеется кругооборот. С потоками торговыми дело обстоит так же, как с электрическими токами: они действуют, только будучи замкнуты. Один реймсский купец, современник Людовика XIV, выразил это в довольно удачной формуле: «Продажа управляет покупкой» [3]. Он явно считал, что продажа, регулируя покупку, должна ее завершать с выгодой.

Если А — это Венеция, а В — Александрия в Египте (раз уж мы это делаем, возьмем примеры блистательные), то движение товаров из А в В должно сопровождаться обратным движением, из В в А. Ежели наш *воображаемый* пример касается купца, жившего в Венеции около 1500 г., мы будем считать, что поначалу, при отъезде, он мог располагать мешочками (*groppi*) серебряных монет, зеркалами, стеклянными бусами, шерстяными тканями... Закупленные в Венеции, эти товары будут отправлены в Александрию и проданы там; в обмен, вероятно, будут закуплены в Египте тюки (*colli*) перца, пряностей или [разных] снадобий, которым суждено прибыть в Венецию и быть проданными там, чаще всего — на Немецком дворе (*Fontego dei Todeschi*, если употреблять не итальянскую форму — *Fondaco dei Tedeschi*,— а венецианскую).

Если все шло в соответствии с желаниями нашего купца, то *четыре* операции закупки и продажи следовали друг за другом, не особо задерживаясь. Без излишней задержки, задолго до того, как эта мысль стала в Англии поговоркой, все знали, что время — деньги. Не оставлять «мертвых денег» (*"li danari mortti"*) [4]; продать быстро, даже более дешево, дабы «быстро получить деньги на другую поездку» (*"venire presto sul danaro per un altro viaggio"*) [5],— такие распоряжения давал своим агентам крупный венецианский купец Микьель да Лецце в первые годы XVI в. И, значит, без досадных задержек товары, как только они бывали куплены в Венеции, грузились, судно отправлялось в намеченный день (что на практике случалось редко); в Александрии товары сразу же находили покупателя, а те, что желательно было вывезти в обратном направлении, уже имелись и, будучи выгружены в Венеции, сбывались без затруднений. Разумеется, такие оптимальные условия замыкания кругооборота, какие мы вообразили, не были правилом. То сукна месяцами оставались в Александрии на складе родственника или комиссионера: не понравилась их окраска или качество их было сочтено отвратительным. То не приходили вовремя караваны с пряностями. Или же по возвращении венецианский рынок бывал насыщен товарами Леванта, и цены разом оказывались ненормально низкими.

[3] *Les Mémoires de Jean Maillefer, marchand bourgeois de Reims (1611—1684).* 1890, p. 102.
[4] Braudel F., Tenenti A. *Michiel da Lezze, marchand vénitien (1497—1514).— "Mélanges Friedrich Lütge"*, 1956, p. 48.
[5] *Ibid.*, p. 64.



Руки купца Георга Гисце. Деталь картины Ганса Гольбейна. ***Картинная галерея. Берлин — Далем.***

С учетом сказанного нас в настоящий момент интересует то, что:

во-первых, в этом замкнутом кругообороте чередуются четыре момента, на которые, собственно, и делится любой торговый процесс при движении [товаров] туда и обратно;

во-вторых, непременно существовали, в зависимости от того,

пребываем ли мы в пункте А или в пункте В, различные фазы процесса; в общей сложности — два момента спроса и два — предложения, в А и в В. Сначала, перед отплытием, спрос на товары в Венеции; в Александрии — предложение к продаже плюс спрос для последующей покупки и в завершение операции — предложение в Венеции;

в-третьих, операция завершается и оценивается по тому, как замыкается кругооборот. Судьба купца висит на волоске, зависит от этого завершения, оно его повседневная забота: истина выясняется в конце поездки. Прибыли, затраты, издержки, убытки, которые с самого начала и на протяжении всей операции изо дня в день фиксировались в той или иной монете, будут приведены к единой валюте — например, венецианским лирам, сольдо и денариям. Тогда-то купец сможет сбалансировать дебет и кредит и узнать, что ему принесет только что завершившаяся поездка туда и обратно. И вполне возможно, прибыльна окажется, как это случалось довольно часто, лишь возвратная фаза [операции]. Торговля в Китае в XVIII в. была классическим тому примером [6].

Все это просто, слишком просто. Но ничто не мешает нам усложнить схему. Торговый процесс не обязательно состоял из двух этапов — «туда» и «обратно». В XVII и XVIII вв. для трансатлантической торговли классической формой был *треугольник*. Например, Ливерпуль — Гвинейское побережье — Ямайка — возвращение в Ливерпуль; или, например, Бордо — побережье Сенегала — Мартиника — Бордо; или же, к примеру, отклонявшееся от обычного плавание, которое в 1743 г. предписали совершить капитану де Ла-Рош Куверу владельцы корабля «Св. Людовик»: отправиться в Акадию * и погрузить там треску, продать ее на Гваделупе, взять там сахар и возвратиться в Гавр [7]. Венецианцы поступали точно так же еще до XV в. с помощью торговых галер (*galere da mercato*), которые регулярно снаряжала Синьория. Так, в 1505 г. патриций Микьель да Лецце дает подробные инструкции Себастьяну Дольфину, который должен отправиться на галерах «варварийским рейсом»: на первом этапе, Венеция — Тунис, тот повезет наличные деньги — серебряные *mocenighi* **; в Тунисе белый металл будет обменен на золотой песок; в Валенсии этот последний будет переплавлен, и из него на монетном дворе этого города будет отчеканена монета, либо же песок будет обменен на шерсть, либо доставлен в Венецию, смотря по конъюнктуре [8]. Другая комбинация того же купца: перепродать в Лондоне гвоздику, закупленную в Александрии, и перепродать на Леванте привезенные из Лондона сукна. Торговлей по «треугольной» схеме занимался в XVII в. и какой-нибудь английский корабль, выходивший с Темзы с грузом свинца, меди, соленой рыбы, который он доставлял в Ливорно; там он брал на борт наличные деньги, которые ему позволят на Леванте, на Занте, на Кипре или в сирийском Триполи загрузиться изюмом, сырцовым хлопком, пряностями (ежели он их там еще найдет), или же кипами шелка, или даже мальвазией *** [9]. Можно представить себе даже плавания с четырьмя и более этапами. Марсельские барки, возвращаясь с Леванта, порой останавливались в итальянских гаванях, в одной за другой [10].

6 Dermigny L. *La Chine et l'Occident*, II, p. 703 et note 5.

* Акадия — так французы называли Новую Шотландию, т. е. восточную часть современной канадской провинции Нью-Брансуик (на южном берегу залива Св. Лаврентия).— *Прим. перев.*

7 A. N., 62 AQ 44, Гавр, 26 марта 1743 г.

** *Mocenighi* (ед. число — *mocenigo*) — венецианские серебряные лиры с именем дожа Пьетро Мочениго (1474—1476), впервые чеканенные в его правление; чеканка этих монет продолжалась на протяжении нескольких десятилетий при последующих дожах.— *Прим. перев.*

8 Braudel F., Tenenti A. *Op. cit.*, p. 57.

*** Мальвазия — имеется в виду сладкое греческое вино, изготовлявшееся из винограда, выращивавшегося на виноградниках Пелопоннеса, расположенных по берегам Лаконского залива, и на греческих островах.— *Прим. перев.*

9 Braudel F. *Médit...*, I, p. 560 sq.

10 *Ibid.*, I, p. 285.

В XVII в. «торговля через [промежуточный] склад», которую практиковали голландцы, имела в принципе многочисленные ответвления, а их торговля «из Индии в Индию» была, по всей очевидности, построена по той же модели. Так, голландская Ост-Индская компания не жалела средств для удержания острова Тимор, в «Островной Индии», лишь ради сандалового дерева, которое она оттуда вывозила, используя это дерево как разменную монету в Китае, где оно весьма ценилось [11]. Компания привозила в Сурат, в Индии, много товаров, которые она обменивала на шелковые и хлопчатые ткани, а в особенности — на серебряные монеты, необходимые для ее торговли в Бенгале. На Коромандельском побережье, где компания закупала много тканей, ее разменной монетой были пряности Молуккских островов и медь из Японии, которой она располагала монопольно. В густонаселенном Сиаме она продавала немало коромандельских тканей почти что бесприбыльно; но дело в том, что там компания находила оленьи кожи, пользовавшиеся спросом в Японии, и олово Лигора — она обладала привилегией монопольной его закупки и перепродавала это олово в Индии и в Европе «с изрядною прибылью». И так далее. В XVIII в., чтобы раздобыть себе в Италии «пиастры и цехины, [необходимые] для их левантинской торговли», голландцы доставляли в Геную или в Ливорно товары из Индии, из Китая, из России и из Силезии, безразлично, или же кофе Мартиники и сукна Лангедока, которыми загружались в Марселе [12]. Это примеры, дабы дать представление о том, что могла скрывать упрощающая схема движения «туда и обратно».

[11] Весь последующий отрывок дается по тексту пространного отчета Даниэля Брамса (1687 г.) по его возвращении из Индий, где он долго занимал первостепенной важности пост в Ост-Индской компании. A. N., B[7], 463, f[os] 235—236, 253, 284.
[12] *Ibid.*, f[o] 125.

КРУГООБОРОТЫ И ВЕКСЕЛЯ

Замыкание кругооборота, которое редко бывало простым, не всегда могло выражаться в обмене товара на товар или даже товара на металлическую монету. Отсюда обязательное и неизменное употребление векселей. [Поначалу] орудие компенсации, они в дополнение к этому сделались в христианском мире, где процент был запрещен церковью, наиболее частой формой кредита. Таким образом кредит и компенсация оказались тесно связаны. Чтобы как следует это понять, достаточно незначительных, зачастую отклоняющихся от нормы примеров, ибо наши документы отмечают ненормальное еще чаще, чем обычное, неудачу — чаще, чем попадание в цель.

В первом томе этого труда, говоря о кредите, я в подробностях рассказал, как Симон Руис, купец в Медина-дель-Кампо, в последние годы своей жизни (после 1590 г.) приспособился без риска и без особых усилий зарабатывать деньги, практикуя «торговое ростовщичество», совершенно, впрочем, законное. Старая лиса скупала на городском рынке векселя, полученные испанскими производителями шерсти, которые отправляли свое руно в Италию и не желали ждать нормальных сроков транспортировки и оплаты, чтобы получить свои деньги. Им требовалось срочно получить то, что им должны. Симон Руис выплачивал им это авансом в обмен на вексель, обычно переводившийся на покупателя шерсти и подлежавший оплате через три месяца. Вексель он покупал, если это удавалось, ниже его номинальной стоимости

и отправлял его своему соотечественнику, другу и комиссионеру Бальтасару Суаресу, обосновавшемуся во Флоренции. Тот получал [по векселю] деньги с плательщика и использовал их для того, чтобы купить новый вексель, на сей раз выписанный на Медина-дель-Кампо, по которому Симон Руис получал деньги три месяца спустя. Эта операция, длившаяся полгода, представляла окончательное завершение в руках Симона Руиса сделки между производителями шерсти и их флорентийскими клиентами. Именно потому, что заинтересованные стороны не хотели или не могли прибегнуть к обычному движению товара туда и обратно, Симон Руис и мог озаботиться этим вместо них ради чистой прибыли в 5% за кредит сроком на полгода [13].

Тем не менее всегда бывали возможны неудачи. В каком-то одном месте вексель и наличные колеблются относительно друг друга, фиксируя курс векселя в наличных деньгах более или менее высоко. Если наличность в изобилии, вексель котируется высоко, и наоборот. Операция непосредственного возвращения второго векселя с регулярной прибылью была иной раз затруднительна, даже невозможна: вексель во Флоренции стоил слишком дорого. Тогда Бальтасару Суаресу приходилось переводить вексель на себя (т. е. на счет, который Симон Руис держал открытым на его имя) либо «переписывать» его на Антверпен или Безансон: он, таким образом, проделает треугольное странствие, длящееся более трех месяцев. И это бы еще ничего! Но Симон Руис мечет громы и молнии, когда по окончании операции обнаруживает, что не получил тех выгод, на какие рассчитывал. Он, конечно, хочет играть, но наверняка. Как он писал в 1584 г., он предпочитает «хранить деньги в кошельке, чем рисковать в сделках и терять главное или же ничего не выиграть» (*"guardar el dinero en caxa que arisgar en cambios y perder del principal, o no ganar nada"*) [14]. Но Если Симон Руис и полагал себя потерпевшим, для прочих партнеров кругооборот замыкался нормально.

[13] См.: Braudel F. *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe—XVIIIe siècle.* I (éd. 1967), p. 366.

[14] Ruiz Martin F. *Lettres marchandes échangées entre Florence et Medina del Campo.* P., 1965, p. 307.

НЕВОЗМОЖНО ЗАМКНУТЬ КРУГООБОРОТ — НЕВОЗМОЖНО ДЕЛО

Если в тех или иных обстоятельствах торговому кругообороту не удавалось каким угодно способом замкнуться, он, вполне очевидно, был осужден исчезнуть. Частые войны обычно не бывали достаточной к тому причиной, хотя подчас им это и удавалось. Возьмем один пример.

Лазурь, минеральный краситель на базе кобальта (всегда, в особенности если она плохого качества, с примесью песка с [кварцевыми] блестками), служила для нанесения синего рисунка на фарфоровых и фаянсовых производствах; служила она также и для отбеливания тканей. Вот купец из Кана жалуется 12 мая 1784 г. оптовику на качество последней присланной партии: «Я отнюдь не нахожу эту лазурь столь глубокою по тону, как обычно, но гораздо более замутненной блестящим песком» [15]. Переписка поставщиков лазури, торгового дома «Братья Бенса» во Франкфурте-на-Майне с их комиссионером в Руане, занимавшимся перепродажей краски, фирмой «Дюгар-сын», на про-

[15] A. N., 62 AQ 33, 12 мая 1784 г.

тяжении тридцати лет свидетельствует о сделках до того однообразных, что сохранившиеся письма повторяются слово в слово из года в год. Различаются лишь (вместе с датами) имена капитанов кораблей, которые обычно в Амстердаме, иногда — в Роттердаме и как исключение — в Бремене загружались бочками лазури, которую фирма Бенса сама изготовляла и отправляла фирме «Дюгар-сын». Помехи бывали редки: корабль, который запоздал, другой корабль, севший на мель «на реке» близ Руана [16] (но это случай исключительный); вдруг возникший конкурент. Бочки регулярно накапливались на складах фирмы «Дюгар-сын», которая изо дня в день их перепродавала в Дьепе, Эльбёфе, Берне, Лувье, Больбеке, Фонтенбло, Кане. Всякий раз она продавала в кредит и получала оплату своих счетов векселями, ремиссиями или присылкой денег.

Между «Братьями Бенса» и нашим оптовиком расчеты могли бы производиться и товарами, поскольку Дюгар торговал чем угодно: тканями, сенегальской камедью, мареной, книгами, бургундскими винами (в бочках и бутылках), косами, китовым усом, индиго, измирским хлопком... Но оплата производилась в деньгах посредством переводных векселей и ремиссий в соответствии с процедурой, навязанной немецким поставщиком. 31 октября 1775 г. Реми Бенса составляет во Франкфурте счет на товары, которые он отправил в Руан: «Я оцениваю их за вычетом обычных 15% в счет погашения издержек [17] в 4470 л [ивров] 10 с [у], две трети из коих (2980 л [ивров]) позволю себе получить с Вас по истечении трех *usances*, начиная с сего дня, с уплатой в Париже по моему распоряжению» [18]. *Usances* — это сроки выплат, каждый из которых равнялся, вероятно, двум неделям. Следовательно, в день истечения срока Дюгар выплатит 2980 ливров парижскому банкиру — всегда одному и тому же,— каковой и переведет деньги во Франкфурт. Последний этап кругооборота, начатый этой частичной оплатой, завершится в конце года. Тогда счета будут закрыты и состоится окончательный расчет между почтенными купцами — Дюгаром, которого представляешь себе учтивым, добродушным и любезным, и его франкфуртскими корреспондентами, склонными брюзжать и давать советы. Этот окончательный расчет в целом зависел от обмена векселями, осуществлявшегося между Парижем и Франкфуртом-на-Майне. И если бы связь эта прервалась — прощайте спокойные операции! А это именно то, что и произошло с началом Французской революции.

В марте 1793 г. у Бенсы не могло более быть иллюзий: всякая коммерция между Голландией и Францией была запрещена, и франкфуртцы более не знали даже, собственно, положения своих дел в условиях той войны, что мало-помалу захлестывала Европу. «Мне неведомо, милостивый государь,— пишет Бенса «Дюгару-сыну»,— не считают ли наших жителей за врагов, хотя мы таковыми вовсе не состоим, но ежели бы сие было [так], я был бы этим весьма удручен, ибо наши дела разом бы кончились» [19]. И действительно, они закончатся, и очень быстро, ибо «бумаги на Париж у нас непрерывно падают, что заставляет предположить, что они понизятся еще более», говорится в одном из последних писем. Это то же самое, что сказать, что возвратный этап торговли был безнадежно подорван.

[16] A. N., 62 AQ 33, 29 ноября 1773 г. Этот Дюгар был сыном Робера Дюгара, основателя крупной красильни в Дарнетале, обанкротившегося в 1763 г.

[17] Прилагательное « *estinctifs* » следует понимать как «подлежащие погашению». См. Littré, s. v. «*Extinction*».

[18] A. N., 62 AQ 34, 31 октября 1775 г.

[19] A. N., 62 AQ 34, 14 марта 1793 г.

О ЗАТРУДНИТЕЛЬНОСТИ ВОЗВРАТНОГО ЭТАПА

Для векселей, что были повседневным решением проблемы оборота, надежность финансового кругооборота имела, вполне очевидно, первостепенное значение. Эта надежность, так же как и личный кредит корреспондентов, зависела от возможностей действенных связей. Никакой купец не был гарантирован от неожиданностей, но жить в Амстердаме в данном случае было лучше, чем жить, например, в Сен-Мало.

В 1747 г. крупный купец из этого последнего города, Пико де Сен-Бюк, вложивший свои деньги в груз корабля «Лилия», отправленного в Перу, пожелал получить то, что ему причиталось из прибыли от рейса корабля, возвратившегося в Испанию. Соответственно 3 июля он писал из Сен-Мало в Кадис компании «Холиф и К°»: «Когда Вы будете в состоянии мне их переслать, сделайте сие, пожалуйста, в добрых векселях; и особливо Вам поручаю не принимать таковые ни на французскую Индийскую компанию, ни на ее агентов, каковы бы оные ни были, ни под каким видом» [20]. Нечего удивляться тому, что встречаешь в Кадисе агентов французской Индийской компании: как и прочие компании, она пыталась там грузить серебряные «пиастры» (прежние *восьмерные монеты*), необходимые для ее торговли на Дальнем Востоке. Она была готова, если французский коммерсант предлагал ей пиастры, сразу же выдать ему в виде компенсации вексель с оплатой в Париже. Почему Пико де Сен-Бюк отказывался от этого? Может быть, потому, что [и так] у него были дела с компанией и он не желал смешивать несколько дел? Может быть, потому, что жители Сен-Мало и Индийская компания жили как кошка с собакой? Или же огромная компания имела дурные привычки в том, что касалось исправности выплат с ее стороны. Но это неважно! Что достоверно, так это то, что Пико де Сен-Бюк целиком зависел от выбора своего корреспондента. Прежде всего потому (и это весомая причина, он сам о ней напоминает в другом письме), что «Сен-Мало, как вам известно, не рынок учета векселей» [21]. Это ценное указание, ежели знать предпочтение, какое жители Сен-Мало всегда отдавали в своих коммерческих операциях наличным деньгам.

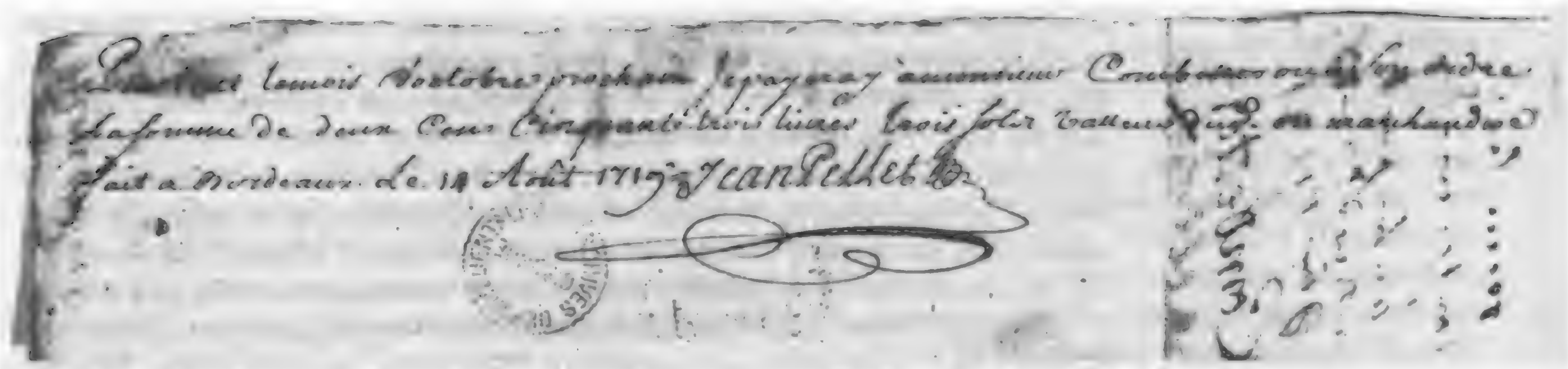
Фирме всегда было интересно иметь собственные связи, которые бы прямо соединяли ее с крупными денежными рынками. Именно это удалось братьям Пелле из Бордо, когда в 1728 г. Пьер Пелле женился на Жанне Нерак, чей брат Гийом вскоре станет корреспондентом фирмы в Амстердаме, в те времена по преимуществу торговом центре [22]. Там легко было найти сбыт товарам, и туда удобно было переводить наличные деньги, которые можно было поместить лучше, чем где бы то ни было; займы там получали под самый низкий в Европе процент. Из этого высокоэффективного центра, связанного со всеми прочими, удобно было делать ответные ходы, оказывать услуги себе и другим, даже богатым голландским купцам.

Одна и та же причина влечет за собой одни и те же следствия. Компания «Марк Фресине» в Сете имела в 1778 г. свой филиал в Амстердаме — «Фресине-сын». Случилось так, что, когда в ноябре 1778 г. голландский корабль «Якобус Катарина», снаря-

[20] A. N., 94 AQ 1, dossier № 6.
[21] A. N., 94 AQ 1, dossier № 6, f° 35.
[22] Cavignac J. *Jean Pellet, commerçant de gros, 1694—1772.* 1967, p. 37

женный Корнелисом ван Кастрикумом из Амстердама, пришел в Сет, его капитану С. Геркелю рекомендовали обратиться к местной фирме «Фресине» [23]. Он привез 644 «корзины» табака для компании королевских откупщиков, и последняя сразу же уплатила фрахт в сумме 16 353 ливра. Голландский арматор просил о простой услуге: чтобы деньги от этой операции пришли к нему «срочным переводом [векселя]». На его беду случилось так, что капитан Геркель доверил вексель откупщиков компании фирме «Фресине», каковая немедленно его оприходовала, а амстердамская фирма «Фресине-сын» обанкротилась в конце этого же 1778 г., увлекши в своем падении и компанию «Марк Фресине» в Сете. Бедный капитан Геркель, сразу же втянутый в судебные процедуры, сначала выиграл, а потом наполовину проиграл процесс. Он столкнулся с явной недобросовестностью «Марка Фресине» и в не меньшей степени — с требованиями кредиторов банкрота. Все объединились против кредитора-иностранца, попавшего в это осиное гнездо. В конечном счете прибыль от плавания будет выплачена, но поздно и на катастрофических условиях.

[23] A. N., F^{12}, 721, 25 февраля 1783 г.


Fait a Bordeaux Le 14 Aout 1719 Jean Pellet

Простой вексель бордосца Жана Пелле (1719 г.). *Архив департамента Жиронда.*

Когда речь шла о торговле на дальние расстояния, с Островами или в Индийском океане — самых доходных торговых предприятиях той эпохи,— оборот средств часто представлял проблему. Приходилось иной раз импровизировать и рисковать.

С явно спекулятивными намерениями Луи Греффюль пристроил своего брата на острове Синт-Эустатиус, одном из Малых Антильских островов под нидерландским суверенитетом. Операция была плодотворна по нескольким причинам, но, будучи рискованной, она и закончилась катастрофой. С апреля 1776 г. из-за войны Англии против ее колоний международная жизнь осложнилась, а связи с Америкой стали трудными и подозрительными. Как тогда было возвращать домой средства? Греффюль на островах, отчаявшись, отправил своего компаньона дю Мулена (свояка Луи Греффюля) на Мартинику, «дабы там получить переводные векселя», естественно, на Францию, тогда еще находившуюся в мирных отношениях с Англией, а уж оттуда — на Амстердам. Абсурд!— мечет громы и молнии старший брат в Амстердаме. «Что из сего получится? Либо он не найдет добрых векселей — и тогда новая отсрочка; либо же, ежели он возьмет вексель на Бордо или Париж, будь то даже у самого почтенного жителя Мартиники, бумаги эти в Европе почти всегда опротестовывают, и бог знает, где можно будет вернуть свои деньги. Дай боже,

чтобы так не случилось, буде он получит для нас оттуда какие-то переводные векселя»[24]. Конечно, переводной вексель — великолепный инструмент «для оплаты счетов» согласно распространенной формуле. Но требовалось еще, чтобы этот инструмент оказался под рукой и был хорош по качеству, эффективен.

В октябре 1729 г. Маэ де ла Бурдонне находился в Пондишери; он только что оставил морскую карьеру на службе Индийской компании ради карьеры купца-авантюриста. Он мечтал создать здесь новую компанию вместе с друзьями из Сен-Мало, которые уже обеспечили его кредитами. Его друзья предоставили бы средства и товары для торговли «из Индии в Индию», будь то в Мохе, Батавии, Маниле или даже в Китае. У Маэ не было недостатка в воображении, чтобы найти пути возвращения прибылей и вложенных капиталов. Существовало «спокойное» решение — векселями на Индийскую компанию; или же возмещение товарами (одному из своих вкладчиков, который желал немедленного возмещения своих средств, он только что отправил 700 рубашек из индийского полотна. «Это не подвержено никакому риску конфискации»,— уточняет он; известно, что не так обстояло дело с набивными тканями, которые во Франции в этот период были под запретом). Либо же золото будет доверено какому-нибудь любезному капитану корабля, возвращающемуся во Францию (возможность не оплачивать фрахт, т. е. примерно 2,5% экономии, и получить дополнительную прибыль в 20%). Зато без особого восторга относился Маэ к вывозу прибылей в алмазах, что предпочитали многие англичане и европейцы в Индии. Ибо, пишет он, «я попросту признаюсь Вам, что не настолько знаток, чтобы положиться на самого себя... но и не такой глупец, чтобы слепо доверяться людям, занимающимся этим ремеслом»[25]. Если новая компания не состоится, Маэ сам доставит во Францию средства и товары, что будут у него на руках. Но предпочтительно — на борту португальского корабля, дабы сделать остановку в Бразилии, где с прибылью продаются определенные изделия Индии. Это мимоходом нам показывает, что у Маэ де ла Бурдонне были на этом бразильском побережье, где он ранее жил, друзья и потатчики. Для великих путешественников вроде него мир превращался как бы в деревню, где все всех знали.

Позднее «Руководство по ост-индской и китайской торговле» капитана Пьера Бланкара, вышедшее в Париже в 1806 г., отмечает прибыльную игру, какую *некогда* вели французские купцы, обосновавшиеся на Иль-де-Франсе (нынешний остров Маврикий). Что очень часто их обогащало, так это услуги, наверняка не бескорыстные, которые они оказывали устроившимся в Индии англичанам, желавшим незаметно переправить в Англию более или менее законно приобретенные состояния. Наши купцы предоставляли англичанам «свои тратты на Париж на шестимесячный срок на предъявителя по курсу 9 франков за пагоду со звездой *, что им приносило рупию на 2 франка 50 сантимов»[26] (франки и сантимы показывают, что Бланкар, который писал во времена Наполеона, переводил эти операции прошедшего столетия в новую монету). Разумеется, эти тратты выдавались не на пустое место, но на прибыли французской торговли в Индии, регулярно поступавшие в руки парижских банкиров — тех, которые

[24] A. N., 61 AQ 1, f° 28 v°, 4 апреля 1776 г.

[25] A. N., 94 AQ 1, dossier 11. Письмо из Пондишери от 1 октября 1729 г.

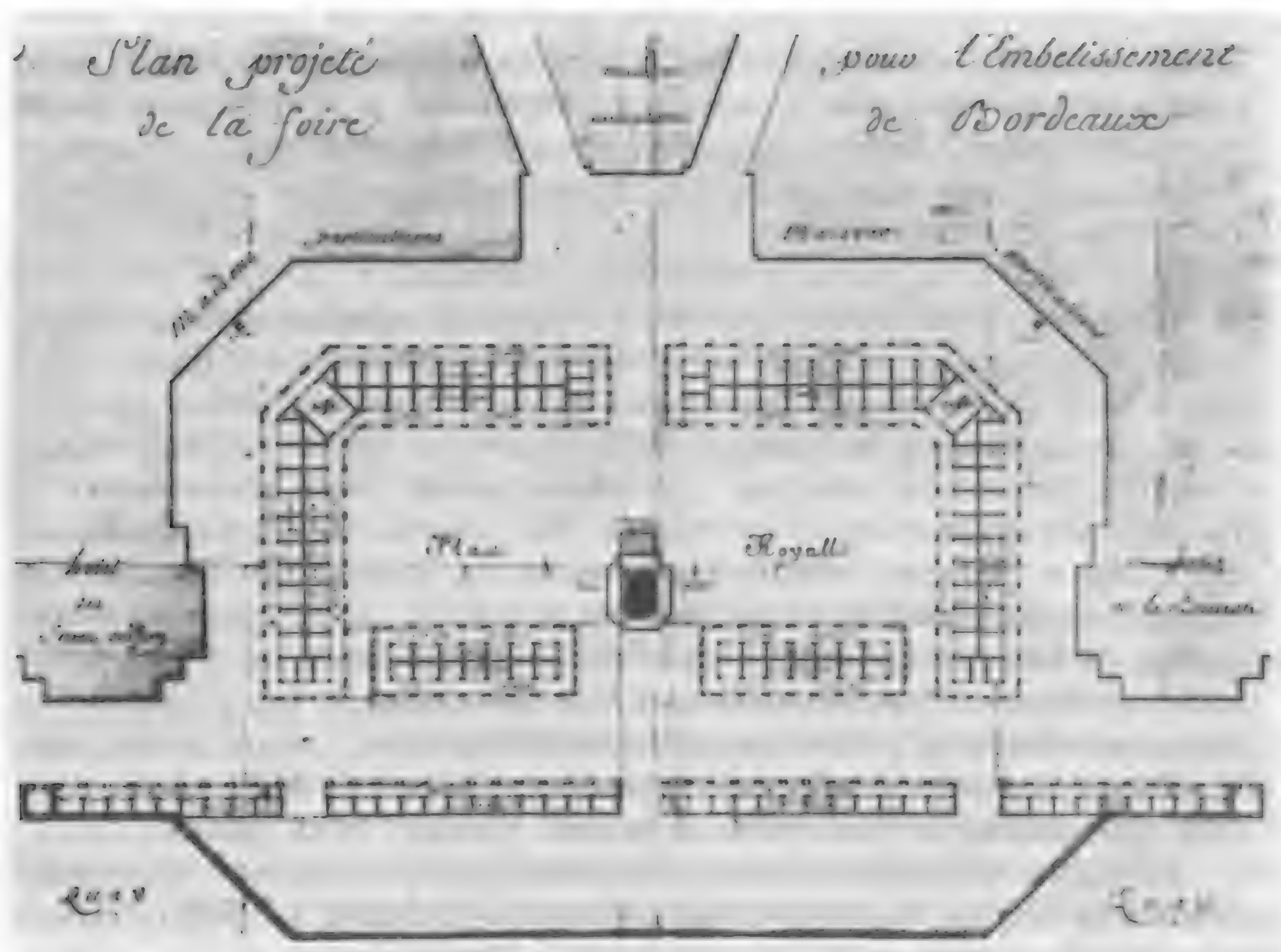
* «Пагода со звездой» — золотая монета с индийскими клеймами, изображавшими на аверсе богиню богатства Лакшми, а на реверсе — полумесяц и шарик; чеканилась французами в Пондишери с 1705 г. Эквивалент в ливрах (франках) — 9,54 (позднее — 9,39).— *Прим. перев.*

[26] Blancard P. *Manuel de commerce des Indes orientales et de la Chine.* P., 1806, p. 40—41.

затем оплачивали переводные векселя, выданные англичанам. Для того чтобы этот финансовый поток замыкался к выгоде купцов Иль-де-Франса, требовалось, следовательно, чтобы англичане не могли бы пользоваться собственной системой вывоза прибылей, чтобы переживала хорошие времена торговля индийскими набивными тканями, которой занимались наши купцы, и чтобы всякий раз — и с коммерческой точки зрения, и с точки зрения курса — превращение рупий в ливры бывало бы им выгодно. Будьте уверены: они за этим следили!

СОТРУДНИЧЕСТВО КУПЦОВ

Таким образом, обменные операции покрыли своей сетью весь мир. На каждом перекрестке, у каждой перегрузочной станции надлежит представить себе купца — обосновавшегося здесь или



Бордо: проект Королевской площади (Ж. Габриэль, 1733 г.). *Архив департамента Жиронда.*

едущего мимо. И роль этого последнего определялась его местоположением: «Скажи мне, где ты находишься, и я тебе скажу, кто ты таков». Ежели в силу случайности происхождения, наследства или любой другой превратности он осел в Юденбурге, в Верхней Штирии (как было это с Клеменсом Кёрблером, купцом, активно действовавшим с 1526 по 1548 г.), значит, он должен был торговать штирийским железом или леобенской сталью и посещать ярмарки в Линце [27]. А если он был негоциантом и вдобавок в Марселе, то у него будет выбор между тремя или четырьмя обычными для этого рынка возможностями — выбор, который чаще всего продиктует ему конъюнктура. Если до XIX в. оптовый торговец всегда бывал вовлечен в несколько видов деятельности

[27] Tremel F. *Das Handelsbuch des Judenburger Kaufmannes Clemens Körbler, 1526—1548.* 1960.

разом, то было ли это продиктовано единственно благоразумием (чтобы не класть, как говаривали вчера, «все яйца в одну корзину»)? Или же ему требовалось в полной мере использовать различные потоки (которые не он придумал) в тот самый момент, когда они проходили в пределах его досягаемости? Один-единственный из них не обеспечил бы ему жизни на желаемом уровне. Эта «поливалентность», таким образом, приходила извне — от недостаточных объемов обмена. Во всяком случае, негоциант, имевший, находясь на оживленном перекрестке, доступ к крупным торговым потокам, был постоянно менее специализирован, нежели розничный торговец.

Всякая торговая сеть связывала вместе определенное число индивидов — *агентов*,— принадлежавших или не принадлежавших к одной и той же фирме, размещенных в нескольких точках кругооборота или пучка потоков. Коммерция жила за счет этих промежуточных пунктов, их взаимодействия и связей, которые



Справа: современная площадь Биржи. Строение со скошенным углом справа было куплено с торгов Жаном Пелле в 1743 г. (рядом с участком, купленным банкиром Пьером Поликаром). *Фото Б. Божара.*

множились как бы сами собой вместе с возраставшим успехом заинтересованного лица.

Хороший, чересчур хороший пример дает нам карьера Жана Пелле (1694—1764), родившегося в Руэрге и ставшего негоциантом в Бордо после трудного начала простым розничным торговцем на Мартинике, где, как напоминал ему его брат, он питался «заплесневелой маниоковой мукой, кислым вином и протухшим мясом»[28]. В 1718 г. он возвратился в Бордо и основал компанию со своим братом Пьером, старшим его на два года, который обосновался на Мартинике[29]. Речь шла о компании с весьма скромным капиталом, занимавшейся исключительно торговлей между этим островом и Бордо. Каждый из братьев держал свой

[28] Cavignac J. *Op. cit.*, p. 152.
[29] *Ibid.*, p. 153.

конец веревки — и это было не так уж плохо в момент, когда разразился чудовищный кризис системы Лоу. «Вы мне сообщаете,— писал 8 июля 1721 г. отправленный на острова,— что нам очень повезло, ибо мы продержались этот год без потерь; все негоцианты работают лишь в кредит» [30]. Месяцем позднее, 9 августа [это снова пишет Пьер]: «Я с таким же изумлением, как и Вы, смотрю на разорение Франции и на риск, какой подстерегает [каждого], очень быстро утратить свое достояние; счастье, что мы с вами пребываем в положении, позволяющем нам выпутаться из дела лучше, нежели прочим, благодаря тому сбыту, что мы имеем в этой стране [т. е. на Мартинике]. Вам надлежит постараться не сохранять ни денег, ни векселей» — в общем играть исключительно на товаре. Братья останутся компаньонами до 1730 г.; впоследствии они сохранят деловые отношения. Того и другого вынесли наверх огромные прибыли, которые они получали и которые скрывали с большей или меньшей ловкостью. После 1730 г. мы можем проследить лишь за делами более «рискового» из двоих — Жана, который начиная с 1733 г. и опираясь на многочисленных комиссионеров и на «капитанов-управляющих» (*“capitaines gêreurs”*) принадлежавших ему судов, оказался достаточно богат, чтобы не иметь более надобности в формальных компаньонах. Число его деловых связей и число его дел попросту вызывают оторопь: он — арматор, негоциант, в свое время — финансист, земельный собственник, производитель вин и виноторговец, рантье; он связан с Мартиникой, с Сан-Доминго, с Каракасом, Кадисом, с Бискайей, с Байонной, Тулузой, Марселем, Нантом, Руаном, Дьепом, Лондоном, Амстердамом, Мидделбургом, Гамбургом, с Ирландией (закупки солонины), с Бретанью (закупки холста) и так далее... И конечно же, с банкирами — парижскими, женевскими, руанскими.

Заметим, что это двойное состояние (ибо Пьер Пелле тоже накопил миллионы, хотя он, более робкий и осторожный, чем его младший брат, ограничивался ремеслом арматора и колониальной торговлей) возникло на основе семейного союза. И Гийом Нерак, брат молодой жены Пьера, вышедшей за него в 1728 г., был корреспондентом обоих братьев в Амстердаме [31]. Коль скоро ремесло купца не могло обойтись без сети надежных второстепенных действующих лиц и союзников, семья действительно представляла самое естественное, а зачастую и самое желательное решение. Вот что определяющим образом повышает ценность истории купеческих семейств — точно так же как и истории генеалогий государей — при исследовании политических колебаний. Труды Луи Дерминьи, Герберта Люти, Германа Келленбенца — хорошее тому свидетельство. Или книга Ромуальда Шрамкевича, который исследует список членов Генерального совета Французского банка при Консульстве и Империи [32]. Еще более захватывающей была бы предыстория названного банка, семейств, которые его основали и которые, по-видимому, все или почти все были связаны с белым металлом и с Испанской Америкой.

Вполне очевидно, «семейное» решение было не единственным. В XVI в. Фуггеры прибегали к использованию комиссионеров — простых хозяйских служащих. То было решение авторитарное.

[30] Cavignac J. *Op. cit.*, p. 154.

[31] *Ibid.*, p. 37.

[32] Szramkiewicz R. *Les Régents et censeurs de la Banque de France nommés sous le Consulat et l'Empire.* 1974.

Уроженцы Кремоны Аффаитади предпочли отделения, в случае нужды ассоциированные с местными фирмами [33]. А до них Медичи создали систему филиалов, идя на риск предоставления им независимости простым росчерком пера, ежели это советовала конъюнктура,— то был способ избежать, например, того, чтобы местное банкротство было взвалено на всю фирму [34]. С конца XVI в. обнаружилась тенденция ко всеобщему распространению *комиссии* — системы гибкой, менее дорогостоящей и более оперативной. Все купцы, скажем в Италии или в Амстердаме, выполняли поручения для других купцов, которые им оказывали аналогичные услуги. С операций, выполнявшихся для других, они взимали небольшой процент, а при операциях, выполненных для них другими, были согласны на аналогичные отчисления со своих счетов. Тут, вполне очевидно, речь шла не о компаниях, но о взаимных услугах. Другая приобретающая всеобщий характер практика — как бы незаконнорожденная форма компании — это *участие*, которое объединяло заинтересованных лиц, но только на одну операцию, с условием возобновить обязательство для следующей операции. К этому мы еще вернемся.

Какова бы ни была форма согласия и сотрудничества купцов, она требовала верности, личного доверия, точности, уважения к отданным распоряжениям. Отсюда — своего рода купеческая мораль, довольно строгая. Хебенстрейт и сын, амстердамские негоцианты, заключили контракт об участии из половины дохода с фирмой «Дюгар-сын» в Руане. 6 января 1766 г. они пишут ей одно из самых резких писем из-за того, что Дюгар продал «по очень низкой цене», «без всякой необходимости и даже против нашего прямого распоряжения» сенегальскую камедь, которую они ему отправили [35]. Вывод ясен: «Мы требуем от Вас, чтобы Вы возместили нашу половину [36] по той же цене, за какую ее столь неуместно продали». Это по крайней мере «дружественное» решение, которое они предлагают, «дабы нам не было нужды писать о том кому-либо третьему». Что доказывает, что в деле вроде этого купеческая солидарность, даже в Руане, «сработала» бы в пользу амстердамского негоцианта.

Доверять — и чтобы тебе повиновались. В 1564 г. у Симона Руиса был в Севилье агент, Херонимо из Вальядолида, наверняка намного его моложе и, несомненно, кастилец, как и он [37]. Внезапно, справедливо или нет, но Симон Руис приходит во гнев, обвиняет молодого человека в не знаю уж каком проступке или злоупотреблении. Второй агент, тот, что донес патрону, обрадованный случаем, не уладил дело, а даже наоборот. Херонимо исчез, не дожидаясь дальнейшего, ибо за ним уже гналась севильская полиция. Но исчез с тем, чтобы немного позднее объявиться в Медина-дель-Кампо, броситься к ногам хозяина и получить его прощение. Случайно при чтении документов 1570 г. я вновь встретил имя Херонимо из Вальядолида. Он стал к тому времени, спустя шесть лет после описанного инцидента, одним из севильских купцов, специализировавшихся на торговле холстами и сукнами. Он, несомненно, добился успеха. Небольшая эта история, хоть и мало обрисованная в деталях, бросает довольно яркий свет на этот первостепенной важности

[33] Bauer C. *Unternehmung und Unternehmungsformen im Spätmittelalter und in der beginnenden Neuzeit.* 1936, S. 45.

[34] Roover R., de. *Il Banco Medici dalle origini al declino (1397—1494).* 1970, p. 127 sq.

[35] A. N., 62 AQ 33.

[36] По всей очевидности, они были связаны с Дюгаром в этом деле из половины, что в переписке передавалось как 2/2. Точно так же 3/3 было объединением трех лиц из одной трети дохода.

[37] Braudel F. *Réalités économiques et prises de conscience: quelques témoignages sur le XVI^e siècle.*— « *Annales E. S. C.* », 1959, p. 735.

вопрос о преданности, которой купец требовал — имел право требовать!— от своего агента, своего компаньона или своего приказчика, а также и на отношения хозяина и слуги, выше- или нижестоящего, которые имели нечто «феодальное». Еще в начале XVIII в. один французский приказчик говорил об «иге», о «власти» хозяев, радуясь по поводу того, что недавно от них сбежал [38].

Впрочем, пользоваться доверием, что бы ни произошло, было единственным для чужака способом проникнуть в сбивающий с толку мир Севильи через посредников. А немного позднее в Кадисе, другом городе, приводившем в смятение, и по тем же причинам, это было и единственным способом участвовать в решающих торговых операциях с Америками, на что в принципе имели право только испанцы. Севилья и Кадис, эти предмостные укрепления на пути в Америку, были особыми городами — городами контрабанды, неразберихи, вечной насмешки над правилами и местными властями (властями, которые к тому же были сообщниками нарушителей). Но посреди этой коррупции у купцов существовал своего рода «закон среды», как существовал такой закон и у темных личностей, и у *альгвазилов* * предместья Триана или порта Санлукар-де-Баррамеда, этих двух центров сосредоточения испанского воровского мира. Ибо, если доверенный человек вас предал — вас, иноземного купца, который, так сказать, всегда не прав, то вся строгость закона без снисхождения обратилась бы против вас, и против вас одного. Но так бывало в редчайших случаях. Голландцы с конца XVI в. широко и безнаказанно использовали подставных лиц, чтобы помещать свои грузы на борт испанских кораблей и доставлять обратно закупленное в обмен на них в Америке. В Кадисе все знали *metedores* — перевозчиков контрабанды, контрабандистов,— зачастую бывших дворян, которые были специалистами по незаконному провозу слитков драгоценного металла или дорогих заморских товаров, даже простого табака, и которые не делали тайны из своего ремесла. Люди отчаянные, при случае — гуляки, на которых указывало пальцами приличное общество, они в полной мере были участниками системы солидарности, что составляла самый остов большого торгового города. Еще важнее были *cargadores* — испанцы или натурализовавшиеся иностранцы, которые отправлялись на кораблях «индийского флота» с доверенными им грузами. Иноземец будет в полной зависимости от их честности [39].

[38] A. N., G[7], 1698, 132, 12 апреля 1713 г.

* Альгвазил — низший полицейский чин в Испании средних веков и начала нового времени.— *Прим. перев.*

[39] По поводу *metedores* см.: Dahlgren E. W. *Relations commerciales et maritimes entre la France et les côtes de l'océan Pacifique*, I, p. 42. О *cargadores* см.: Everaert J. *De internationale en coloniale handel der vlaamse Firma's te Cadiz, 1670—1740*. 1973, p. 899.

СЕТИ ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ, РАЗДЕЛЕНИЕ НА ЗОНЫ И ЗАВОЕВАНИЕ ИХ ДЛЯ ТОРГОВЛИ

Эта купеческая солидарность есть в известной мере классовая солидарность, хоть она, разумеется, не исключала делового соперничества между индивидами и в еще большей степени между городами и «нациями». В Лионе XVI в. доминировали не «итальянские» купцы, как то слишком просто изображают, но колонии жителей Лукки, флорентийцев, генуэзцев (последние —

до затруднений 1528 г., из-за которых им придется убраться из города), организованные и соперничавшие группы, жившие каждая как особая «нация»; эти итальянские города поддерживали здесь сложную обстановку взаимной ненависти, взаимных ссор и взаимной поддержки против всех остальных в случае необходимости [40]. Эти группы купцов следует себе представлять вместе с их родней, с их друзьями, слугами, корреспондентами, счетоводами и приказчиками «при письменных делах». Уже в XIII в., когда Джанфильяцци обосновались в южной Франции, они отправились туда, как писал Армандо Сапори, «с целой толпой прочих итальянцев, других наших купцов» (*"con una vera folla di altri Italiani, altri mercatores nostri"*) [41].

Здесь речь идет о завоеваниях, о разделении на зоны влияния, о создании ячеек, если угодно. Кругооборот торговли и сети связей находились под постоянным надзором и господством цепких групп, которые их присваивали и в случае необходимости не давали ими пользоваться другим. Эти группы, проявив немного внимания, легко обнаружить в Европе и даже за пределами Европы. Купцы-банкиры из Шэньси пересекали весь Китай, от Желтой реки до реки Жемчужной. Другая китайская цепочка, начинавшаяся у южных берегов (в особенности у побережья Фуцзяни), обрисовывала в направлении Японии и Индонезии «внешний» экономический Китай, который издавна будет осуществлять колониальную экспансию. Купцы Осаки, которые после 1638 г. контролировали происходивший за закрытыми дверями подъем внешней торговли Японии, составляли подвижную экономику всего Японского архипелага. Мы говорили уже о широкой экспансии купцов-бания по всей Индии и за пределами Индии: их банкиры были очень многочисленны в Исфахане, как сообщает Тавернье [42]; были они также в Стамбуле, в Астрахани, даже в Москве. В 1723 г. жена одного индийского купца в Москве после смерти своего мужа просила разрешения совершить самосожжение на его погребальном костре, в чем ей было отказано [43]. И тотчас же «возмущенная индийская фактория решила покинуть Россию, увезя с собой свои богатства». Перед этой угрозой русские власти уступили. Такой же факт повторится в 1767 г. Еще более известна и более эффектна экспансия купцов из Индии, «язычников» и мусульман, через Индийский океан вплоть до берегов Индонезии. Их торговые сети устоят перед внезапными нападениями португальцев и насилиями голландцев.

В Европе и в Средиземноморье, на Западе и на Востоке — всюду были итальянцы, снова и снова итальянцы! Разве известна более лакомая добыча, чем Византийская империя, и до и тем более после взятия Константинополя в 1204 г. [44]. Итальянское торговое продвижение вскоре достигнет берегов Черного моря: итальянские коммерсанты, моряки, нотариусы будут там как дома. А их медленное, многовековое завоевание Запада было еще более необычайным. С 1127 г. они появляются на ипрских ярмарках [45]. «Во второй половине XIII в. они уже покрывают Францию своими могущественными торговыми домами, которые были всего лишь отделениями крупных флорентийских, пьяченцских, миланских, римских и венецианских компаний. Их встре-

[40] Gascon R. *Grand Commerce et vie urbaine. Lyon au XVI^e^*. 1971, p. 204—205.
[41] Sapori A. *Studi di storia economica*. 3 ed., 1955, II, p. 933.
[42] Tavernier J.-B. *Voyage en Perse*. Éd. P. Pia, 1930, p. 69.
[43] Passenans P. D., de. *La Russie et l'esclavage*. 1822, I, p. 129, note 1.
[44] Brentano L. *Le Origini del capitalismo*. 1954, p. 9.
[45] Amman H. *Die Anfänge des Aktivhandels und der Tucheinfuhr aus Nordwesteuropa nach dem Mittelmeergebiet*.— *Studi in onore di Armando Sapori*. 1957, I, p. 276.

чаешь обосновавшимися в Бретани [с 1272—1273 гг.], в Генгане, Динане, Кемпере, в Кемперле, Ренне и Нанте... в Бордо, Ажене, Каоре» [46]. Они последовательно вдохнули новую жизнь в ярмарки Шампани, в торговлю Брюгге, позднее — в женевские ярмарки, а еще позже — в триумфальный подъем лионских ярмарок. Они создали первоначальное величие Севильи и Лисабона, они получат [главную] выгоду от создания Антверпена, а позднее — первого подъема Франкфурта. Наконец, они будут хозяевами генуэзских, так называемых безансонских, ярмарок [47]. Они были везде — умные, живые, несносные для дру-

[46] Pigeonneau H. *Histoire du commerce de la France.* 1889, I, p. 253.
[47] Braudel F. Médit..., I, p. 458.



Прием венецианского посла Доменико Тревизиано в Каире в 1512 г. Картина Джентиле Беллини. *Париж, Лувр. Фото Жиродона.*

гих, предмет ненависти в такой же мере, как и предмет зависти. В северных морях — в Брюгге, Саутгемптоне, Лондоне — матросы со средиземноморских кораблей-мастодонтов заполонили набережные и портовые кабаки, как итальянские купцы заполонили города. Разве случайно великим полем борьбы между протестантами и католиками стал Атлантический океан? Моряки Севера — враги моряков Юга, это прошлое могло бы объяснить многие вспышки надолго укоренившейся враждебности.

Вот другие прослеживаемые сети. Столь стойкая сеть купцов ганзейских городов. Торговая сеть купцов Южной Германии, расширившаяся за ее границы в «век Фуггеров» [48], который длился на самом деле только несколько десятков лет, но с ка-

[48] Выражение принадлежит Рихарду Эренбергу — Ehrenberg R. *Das Zeitalter der Fugger. Geldkapital und Kreditverkehr im 16. J.* 1896.

ким блеском! Торговая сеть голландцев, англичан, армян, евреев, португальцев в Испанской Америке. В противоположность этому не существовало французской внешней сети торговли, исключая сеть марсельских купцов в Средиземноморье и на Леванте и завоевание рынка Пиренейского полуострова, поделенного с басками и каталонцами в XVIII в. [49] Этот слабый французский успех остается многозначительным: не доминировать над другими значит испытывать их господство.

АРМЯНЕ И ЕВРЕИ

У нас много сведений об армянских и еврейских купцах. Однако их недостаточно для того, чтобы с легкостью привести эту массу деталей и монографических описаний к общей характеристике.

Армянские купцы усеяли своими колониями все пространство Ирана. К тому же именно из Джульфы, обширного и оживленного предместья Исфахана, где их разместил шах Аббас Великий, они распространились по свету. Очень рано армяне прошли всю Индию, особенно (если мы не преувеличиваем значение некоторых сообщений) от Инда до Ганга и до Бенгальского залива [50]. Но были они и на юге, в португальском Гоа, где около 1750 г. они, как и французские или испанские купцы, делали заем у монастыря св. Розы — обители монахинь ордена св. Клары [51]. Армянский купец перебрался через Гималаи и достиг Лхасы, оттуда он совершал торговые поездки на расстояние больше 1500 километров, добираясь до самой китайской границы [52]. Но в Китай он почти не проникал; любопытно, что и Китай и Япония оставались для него закрыты [53]. Но уже очень рано армянские торговцы кишели на испанских Филиппинах [54]. Купец-армянин был вездесущ в огромной Турецкой империи, где он проявил себя боеспособным конкурентом евреев и прочих купцов. Продвигаясь в Европу, армяне объявились в Московской Руси, где им удобно было создавать свои компании и сбывать иранский шелк-сырец, который от обмена к обмену пересекал русскую территорию, добираясь до Архангельска (в 1676 г.) [55] и до соседних с Россией стран. Армяне обосновались на постоянное жительство в Московии, вели по ее бесконечным дорогам транзитную торговлю, добираясь до самой Швеции, куда они со своими товарами попадали также и через Амстердам. Они обследовали всю Польшу и более того — Германию, в частности лейпцигские ярмарки [56]. Они были в Нидерландах, они будут в Англии, они будут во Франции. В Италии, начиная с Венеции, армянские купцы вольготно устроились с первых лет XVII в. и участвовали в том настойчивом вторжении восточных купцов, что было столь характерным с конца XVI в. [57] Еще раньше они оказались на Мальте, где документы 1552 и 1553 гг. говорят о «бедных армянских христианах» (*"poveri christiani armeni"*), без сомнения «бедных», но которые там пребывали «ради неких своих торговых дел» (*"per alcuni suoi negotii"*) [58]. Нужно ли говорить, что не всегда их встречали с радостью? В июле 1623 г. консулы

[49] Vilar P. *La Catalogne dans l'Espagne moderne.* 1962, III, p. 484.

[50] Seth M. J. *Armenians in India from the earliest Times to the Present Day.* 1937.

[51] Dermigny L. *Mémoires de Charles de Constant,* p. 150, note 5.

[52] Khachikian L. *Le Régistre d'un marchand arménien en Perse, en Inde et au Tibet (1682—1693),* p. 239 sq.

[53] Dermigny L. *La Chine et l'Occident,* I, p. 35.

[54] Chaunu P. *Les Philippines et le Pacifique des Ibériques.* 1960, p. 23.

[55] Парсамян В. А. *Русско-армянские отношения.* Ереван, 1953, док. 44 и 48—50.

[56] Lütge F. *Deutsche Sozial- und Wirtschaftsgeschichte,* S. 253.

[57] Braudel F. *Médit...,* I, p. 264.

[58] Мальтийские архивы Liber Bullarum, 423, f° 230, 1 марта и 1 апреля 1553 г.



Маршруты армянских купцов в Иране, Турции и Московской Руси в XVII в. Эта карта изображает всего лишь часть сети путей армянских купцов: связи с Турецкой империей — Алеппо, Смирной, Стамбулом — и с русскими землями по Каспию и Волге. Начиная от Москвы — три маршрута: на Либаву (Лиепая), Нарву и Архангельск. Новая Джульфа, куда между 1603 и 1605 гг. Аббас Великий насильственно переселил армян, была центром деятельности армян по всему миру. Старая Джульфа на р. Аракс в Армении дала основную часть торгового населения нового города. Заметим, что быть купцом из Новой Джульфы означало быть крупным купцом, негоциантом. Карта составлена Керамом Кевоняном — Kevonian K. *Marchands arméniens au XVII^e siècle.— "Cahiers du monde russe et soviétique"*, 1975 (отдельная карта).

Марселя писали королю, жалуясь на нашествие армян и наплыв кип шелка. То была опасность для коммерции города, так как, утверждали консулы, «нет в мире нации более алчной, нежели сия; люди, имея возможность продать эти шелка в великом городе Алеппо, в Смирне и иных местах и там получить честную прибыль, тем не менее, дабы заработать несколько более оной, приезжают на край света [разумеется, в Марсель] и ведут столь свинский образ жизни, что бо́льшую часть времени едят лишь траву [т. е. овощи]» [59]. Но армяне отнюдь не были изгнаны, так как четверть века спустя, в январе 1649 г., английский корабль, захваченный возле Мальты эскадрой шевалье Поля, вез из Смирны в Ливорно и Тулон «примерно 400 кип шелка, коего бо́льшая часть принадлежала 64 армянам, каковые были на корабле» [60]. Армяне находились также в Португалии, в Севилье, в Кадисе — у ворот Америки. В 1601 г. в Кадис прибыл армянин Хорхе да Крус, который утверждал, будто приехал прямо из Гоа [61].

Коротко говоря, перед нами армяне, встречающиеся по всему миру торговли, почти что повсюду. Именно этот триумф делает очевидным книга о торговле, написанная на армянском языке одним из них, Лукою Ванандеци, и напечатанная в Амстердаме в 1699 г. [62] Написанная для «вас прочих, братия торговцы, кои принадлежите к нашему народу», она была сочинена по наущению некоего мецената, господина Петроса из Джульфы (последняя подробность никого не удивит). Книга открывается под знаком евангельских слов «Не сотвори ближнему своему...» Первая ее забота: осведомить купца о весах, мерах, монетах торговых городов. Каких городов? Разумеется, всех городов Запада, но также и городов Венгрии, но также Стамбула, Кракова, Вены, Москвы, Астрахани, Новгорода, Хайдарабада, Манилы, Багдада, Басры, Алеппо, Смирны... Исследование рынков и товаров перечисляет рынки Индии, Цейлона, Явы, Амбона, Макассара, Манилы. В этой массе информации, которая заслуживала бы более пристального анализа и тщательного изучения, самое любопытное — сравнительное исследование стоимости жизни в различных европейских городах или полное пробелов и загадок описание Африки, от Египта до Анголы, Мономотапы и Занзибара. Эта небольшая книжка, образ торгового мира армян, тем не менее не дает нам разгадки их баснословных успехов. Ее торговая техника ограничивается, в самом деле, восхвалением достоинств *тройного правила* (но оказалось ли бы оно достаточным для всего?). Книга не касается проблем бухгалтерии и главное — не открывает нам, что же было торговой, капиталистической основой этого мира. Как замыкались и как перекрещивались его нескончаемые торговые потоки? Были ли они связаны все в огромном промежуточном пункте в Джульфе, и только ли в нем? Или же, как я полагаю, существовали другие промежуточные перевалочные пункты? В Польше, во Львове, служившем связующим звеном между Востоком и Западом, небольшая армянская колония — «персы», как их называли,— со своей юрисдикцией, своими типографиями, своими многочисленными деловыми связями господствовала над огромным потоком гужевых пе-

[59] *«Gazette de France»*, p. 108, 30 января 1649 г.; Bougerel P. J. *Mémoires pour servir à l'histoire de plusieurs hommes illustres de Provence*. 1752, p. 144—173.

[60] Bergasse L., Rambert G. *Histoire du commerce de Marseille*. IV, 1954, p. 65.

[61] Simancas, Estado Napoles, 1097, f° 107.

[62] Перевод названия: «Сокровищница мер, весов, чисел и монет всего света, или Познание всех видов весов, мер и монет, кои управляют торговлею всего мира, собранное... трудами ничтожного причетника Луки из Вананда иждивением и повелением господина Петроса, сына Хачатура из Джульфы. Напечатано заботами и соизволением великого, ученейшего и святого епископа Фомы из Вананда из дома Гольтянов. В год Господа нашего 1699, 16 января, в Амстердаме».

ревозок в направлении Оттоманской империи. Начальники этих караванов повозок, *караван-баши*, всегда были армянами. Не этим ли потоком перевозок связывались в единое целое две гигантские арены — ни больше ни меньше, как Запад и Восток,— которые держали в руках джульфинские купцы? Во Львове армянин подчеркнуто демонстрировал «крикливую и нахальную роскошь» [63]— это ли не убедительная примета!

Торговые сети еврейских торговцев тоже простирались на весь мир. Их успехи были куда более древними, нежели армянские достижения. Со времен римской античности *сири* (*Syri*), евреи и не евреи, присутствовали повсеместно. В IX в. н. э. нарбоннские евреи, используя контакты, открытые арабским завоеванием, «достигли Кантона, пройдя Красное море и Персидский залив» [64]. Документы каирской Генизы сотни раз показывают нам торговые связи (к выгоде еврейских купцов) Ифрикии, Кайруана с Египтом, Эфиопией и Индостанским полуостровом [65]. В X—XII вв. в Египте (как и в Ираке и Иране) очень богатые еврейские семейства были вовлечены в торговлю на дальние расстояния, в банковское дело и в сбор налогов, иной раз с целых провинций [66].

Еврейские купцы, таким образом, утверждались на протяжении многих веков, намного превзойдя ту долговечность итальянских купцов, что нас совсем недавно восхищала. Но их история, установив рекорд долголетия, установила также и рекорд чередования взлетов и зловещих стремительных падений. В противоположность армянам, вновь объединившимся вокруг Джульфы, потаенной родины для денег и сердец, народ Израиля жил лишенный корней, пересаженный на чуждую почву, и это было его драмой, но также и плодом упрямого нежелания смешиваться с другими. И все же не следует видеть одни только катастрофы и слишком их связывать друг с другом, катастрофы, которые свирепо прерывали драматическую судьбу, одним ударом разбивая уже старинные формы адаптации и совершенно здоровые торговые сети. Были и серьезные успехи — во Франции XIII в. [67], и успехи триумфальные — в Польше XV в., в различных областях Италии, в средневековой Испании и иных местах.

Изгнанные из Испании и Сицилии в 1492 г., а из Неаполя в 1541 г. [68], эмигранты разделились, направившись в двух направлениях: средиземноморские страны ислама и страны, прилегающие к Атлантике. В Турции — в Салониках, Брусе, Стамбуле, Адрианополе — еврейские купцы с XVI в. накопят огромные состояния как негоцианты или откупщики налогов [69]. Португалия, которая будет терпеть евреев у себя после 1492 г., оказалась исходной точкой для рассеяния другой большой группы. Амстердам и Гамбург были излюбленными пунктами, куда устремлялись купцы уже богатые или же такие, которым предстояло быстро разбогатеть. Нет никакого сомнения, что они способствовали расширению голландской торговли в направлении Пиренейского полуострова как в сторону Лисабона, так и в сторону Севильи, Кадиса и Мадрида, а также в направлении Италии, где издавна сохранялись активные колонии — в Пьемонте, Венеции, Мантуе, Ферраре — и где благодаря этим еврейским

[63] Wolowski A. *La Vie quotidienne en Pologne au XVII^e siècle*. 1972, p. 179—180.
[64] Dermigny L. *La Chine et l'Occident*, I, p. 297.
[65] Shaked P. *A Tentative Bibliography of Geniza Documents*. 1964; Goitein S. D. *The Cairo Geniza as a source for the history of Muslim civilisation*.—"Studia Islamica", III, p. 75—91.
[66] См. Labib S. Y.— "*Journal of Economic History*", 1969, p. 84.
[67] Pigeonneau H. *Op. cit*., I, p. 242—245.
[68] Braudel F. *Médit*..., II, p. 151; Milano A. *Storia degli Ebrei in Italia*. 1963, p. 218—220.
[69] Inalčik H. *Capital formation in the Ottoman Empire*.—"*Journal of Economic History*", 1969, p. 121 f.

колониям в XVII в. заново заблистает богатство Ливорно. Не приходится сомневаться также и в том, что они были в числе творцов первых крупных колониальных успехов в Америке, в частности в том, что касалось распространения сахарного тростника и торговли сахаром в Бразилии и на Антильских островах. Точно так же в XVIII в. они были в Бордо, в Марселе, в Англии, откуда их изгнали в 1290 г. и куда они возвратились при Кромвеле (1654—1656 гг.). Этот *«бум»* средиземноморских евреев-сефардов, рассеявшихся по странам Атлантики, нашел своего историка в лице Германа Келленбенца [70]. То, что их успех надломился, как только более или менее рано стало ощущаться свертывание производства американского белого металла, ставит любопытный вопрос. Если конъюнктура их одолела (но правда ли это?), то, значит, они не были столь сильны, как то предполагают?

Устранение с переднего плана сефардов открыло для народа Израиля период если не молчания, то по крайней мере относительного отступления. Другой успех евреев будет подготавливаться медленно, и творцами его станут странствующие торговцы Центральной Европы. То будет век ашкенази, евреев родом из Центральной Европы, и первый его расцвет наметится с триумфами «придворных евреев» в княжеской Германии XVIII в. [71] Речь тут не идет, несмотря на утверждения некоего агиографического сочинения [72], о *спонтанном* натиске отдельных «предпринимателей». В Германии, которая в большинстве утратила свои капиталистические кадры во время кризиса Тридцатилетней войны, создалась пустота, которую в конце XVII в. заполнила еврейская торговля, чей подъем стал видимым довольно рано, например на лейпцигских ярмарках. Но великим веком ашкенази станет век XIX с сенсационным международным успехом Ротшильдов.

С учетом этого добавим, оспаривая Зомбарта [73], что евреи не выдумали, конечно, капитализм, даже ежели предположить (во что я верю не больше), что капитализм был изобретен в такой-то день, в таком-то месте, такими-то и такими-то лицами. Если бы евреи его и выдумали (или изобрели заново), то в компании с множеством других. Не потому еврейские купцы находились в горячих точках капитализма, что они их создали. Еврейский ум сегодня блистает по всему миру. Не станем же мы из-за этого утверждать, что евреи выдумали ядерную физику? В Амстердаме они наверняка *стали* руководителями игры *репортов* и *премий* на акции, но разве не видели мы у истоков этих операций не евреев, таких, как Исаак Ле-Мер?

Что же касается разговоров (как то делает Зомбарт) о капиталистическом духе, который якобы совпадает с главными идеями иудаистской религии, то это означает присоединиться к «протестантскому» объяснению Вебера * со столь же удачными, сколь и неудачными аргументами. Точно так же можно это утверждать и по поводу ислама, чьи социальный идеал и правовые рамки «с самого начала выковывались в соответствии с идеями и целями поднимавшегося класса купцов», но без того, «чтобы в силу этого существовала связь с самой мусульманской религией» [74].

[70] Kellenbenz H. *Sephardim an der unteren Elbe.* 1958.

[71] Lütge F. *Op. cit.*, S. 379—380; и особенно см.: Schnee H. *Die Hoffinanz und der moderne Staat.* Bd. 1—3, 1953—1955.

[72] Saville P. *Le Juif de Cour, histoire du Résident royal Berend Lehman (1661—1730).* 1970.

[73] Sombart W. *Die Juden und das Wirtschaftsleben.* 1922.

* «Протестантское» объяснение — имеется в виду концепция немецкого историка и социолога М. Вебера, в которой присущий идеологии раннего протестантизма дух деловитости и бережливости рассматривался как один из главных факторов складывания европейского капитализма.— *Прим. перев.*

[74] Inalčik H. *Op. cit.*, p. 101—102.

ПОРТУГАЛЬЦЫ И ИСПАНСКАЯ АМЕРИКА: 1580—1640 ГГ.

Недавние исследования осветили роль португальских купцов в колоссальной Испанской Америке [75].

С 1580 по 1640 г. обе короны — португальская и кастильская — возлежали на одной монаршей голове. Эта уния двух стран, более теоретическая, нежели реальная (Португалия как своего рода «доминион» сохраняла широкую автономию), привела тем не менее к стиранию границ, тоже теоретических, между гигантской Бразилией, удерживаемой португальцами в нескольких важнейших пунктах атлантического побережья, и далекой испанской областью Потоси в центре Анд. Впрочем, в силу факта своей почти полной «торговой пустоты» Испанская Америка сама открывалась иноземным купцам, и уже давно португальские моряки и торговцы «подпольно» проникали на испанскую территорию. На одного из них, замеченного нами, приходится сотня ускользнувших от нашего внимания. Я имею в виду в качестве доказательства одиночное свидетельство от 1558 г., касающееся острова Санта-Маргарита в Карибском море — острова жемчуга, объекта многих вожделений. В том году туда пришли «несколько каравелл и кораблей королевства Португальского с португальскими экипажами и путешественниками на борту». Они будто бы направлялись в Бразилию, но буря и воля случая прибили-де их к острову. Наш информатор добавляет: «Число их нам кажется весьма большим — тех, кто приезжает таким способом,— и мы опасаемся, как бы сие не было с дурными намерениями (*maliciosamente*)» [76]. Вполне логично, что впоследствии присутствие португальцев шло по нарастающей, так что они проникли во все части Испанской Америки, а особенно в ее столицы — Мехико, Лиму, и в главные ее порты — Санто-Доминго, Картахену Индий, Панаму, Буэнос-Айрес.

Этот последний город, впервые основанный в 1540 г. и исчезнувший вследствие исторических превратностей, был заново основан в 1580 г. благодаря решающему вкладу португальских купцов [77]. Из Бразилии по Рио-де-ла-Плата не прекращался поток небольших судов, тонн по сорок водоизмещением, которые тайком доставляли сахар, рис, ткани, черных невольников, может быть, и золото. Возвращались они «загруженные серебряными реалами» (“*carregados de reaes de prata*”). Параллельно этому по Рио-де-ла-Плата из Перу прибывали купцы с серебряной монетой, дабы закупать товары в Пернамбуку, Баие, Рио-де-Жанейро. По сведениям одного купца, Франсишку Суареша, относящимся к 1597 г., прибыли от этой незаконной торговли достигали от 100 до 500%, а то и до 1000% — и в это можно поверить. «Ежели бы купцы... были знакомы с этой торговлей,— добавляет Суареш,— они бы не рисковали так, отправляя товары через Картахену Индий. Вот почему Рио [де-ла-Плата] есть великая торговая река, ближайший и самый легкий путь, дабы достигнуть Перу» [78]. В самом деле, для маленькой группки хорошо осведомленных португальских купцов Рио-де-ла-Плата вплоть до 1622 г. была воротами для

[75] Hanke L. *The Portuguese in Spanish America.—“Revista de historia de America”*, junio 1961, p. 1—48; Reparaz hijo G., de. *Os Portugueses no Peru nos seculos XVI e XVII.—“Boletim da Sociedade de Geografia de Lisboa”*. Janeiro-Marzo 1967, p. 39—55.

[76] Vila P. *Margarita en la colonia, 1550 a 1600.—“Revista nacional de cultura”*, Caracas, octubre 1955, p. 62.

[77] Canabrava A. P. *O Comêrcio português no Rio da Prata*, p. 36—38. В примечании — ссылки на Л. Хэнки (Hanke L.) и других авторов.

[78] *Ibid*., p. 116 sq.; Hanke L. *Op. cit*., p. 15.



Лоток продовольственной лавки в Мехико в XVIII в.; клиенты — европейцы. *Мехико, Национальный музей истории. Фото Жиродона.*

подпольного вывоза серебра Потоси. В 1605 г. эту контрабанду оценивали в 500 тыс. крузадо в год [79]. И лишь создание внутренней таможни — кордовской *Aduana seca* (7 февраля 1622 г.),— *видимо*, положило этому конец [80].

Тем не менее португальское проникновение не осталось ограничено окраиной испанских владений на атлантическом побережье. В 1590 г. португальский купец из Макао, Жуан да Гама, пересек Тихий океан и причалил в Акапулько [81]. Впрочем, ничего хорошего у него из этого не получилось. Однако же в Мехико и Лиме португальцы открывали лавки, где продавалось все, «от алмаза до заурядного тмина, от самого жалкого негра до самой драгоценной жемчужины» [82]. И не стоит забывать товары далекой родины, бывшие в колониальных землях роскошью: вино, растительное масло, пшеничную муку, тонкие сукна плюс пряности и шелка Востока, которые крупная торговля доставляла или из Европы, или с Филиппин, и плюс — и здесь тоже! — огромную контрабандную торговлю перуанским серебром, которая была истинным двигателем всех этих торговых операций [83]. Даже в таком еще незначительном

[79] Hanke L. *Op. cit.*, p. 27.
[80] Canabrava A. P. *Op. cit.*, p. 143 sq.; Soares da Veiga Garcia E. *Buenos Aires e Cadiz. Contribuçâo ao estudo do comercio livre (1789—1791).— "Revista de Historia"*, 1970, p. 377.
[81] Hanke L. *Op. cit.*, p. 7.
[82] *Ibid.*, p. 14.— Цит. в кн.: Toribio Medina J. *Historia del Tribunal del Santo Oficio de la Inquisición de Cartagena de las Indias*. Santiago de Chile, 1899, p. 221.
[83] Reparaz G., de. *Los Caminos del contrabando.— "El Comercio"*, Lima, 18 febrero 1968.

городе, как Сантьяго-де-Чили (с его, быть может, 10 тыс. жителей в XVII в.), пред нами предстает португальский купец Себастьян Дуарте, который раньше жил в африканской Гвинее и который в компании со своим соотечественником Жуаном Баутистой Пересом между 1626 и 1633 гг. совершал поездки до Панамы и до Картахены Индий, закупал там черных рабов, разнообразные товары, драгоценные породы дерева — и имея притом огромный открытый кредит, доходивший до 13 тыс. песо [84].

Но такое великолепие длилось лишь некоторое время. Эти португальские лавочники, да к тому же еще и ростовщики, обогащались слишком быстро. Городской люд бунтовал против них, как, скажем, в Потоси начиная с 1634 г. [85] Общественное мнение обвиняло их в том, что они были новыми христианами (что зачастую бывало правдой) и тайно продолжали придерживаться иудаизма (что вполне возможно). В конечном счете вмешалась инквизиция, и эпидемия судебных процессов и аутодафе положила конец этому быстрому процветанию. Эти последние события хорошо известны: то были процессы в Мехико в 1646, 1647 и 1648 гг. или аутодафе 11 апреля 1649 г., на котором фигурировало [в качестве осужденных] несколько крупных купцов португальского происхождения [86]. Но это уже другая история.

Португальская система с центром в Лисабоне, простершаяся на двух берегах Атлантики, африканском и американском, связанная с Тихим океаном и с Дальним Востоком, была колоссальной сетью, распространившейся по всему Новому Свету за десяток или два десятка лет. Разумеется, такое быстрое распространение было фактом международного значения. Может статься, без него Португалия не была бы «восстановлена» в 1640 г., т. е. не обрела бы вновь своей независимости от Испании. Во всяком случае, объяснять реставрацию расцветом бразильского производства сахара, как обычно это делают, было бы недостаточно. К тому же ничто нам не говорит, что и самый-то «цикл» бразильского сахара [87] не был связан с этим торговым богатством. Как ничто также не говорит нам, что богатство это не сыграло своей роли в несколько кратковременной славе торговой сети, созданной сефардами в такой же мере в Амстердаме, как и в Лисабоне и Мадриде. Подпольное серебро Потоси благодаря португальским новым христианам, ставшим кредиторами Филиппа IV, «владыки всей планеты», присоединялось таким образом к «официальному» серебру, регулярно выгружавшемуся на причалах Севильи. Но обширной и хрупкой системе суждено было просуществовать лишь несколько десятилетий.

СЕТИ КОНФЛИКТУЮЩИЕ, СЕТИ ИСЧЕЗАЮЩИЕ

Торговые сети взаимодополнялись, вступали в союзы, сменяли друг друга, но также и вступали в конфликт. Быть в конфликте вовсе не всегда означало разрушаться. Существовали «взаимно друг друга дополнявшие», встречалось и сосуществование враждебное, но созданное на длительное время.

[84] Заметка, полученная от Алваро Жара и составленная по счетам Себастьяна Дуарте, хранящимся в Национальном архиве в Сантъяго.

[85] Klaveren J., van. *Europäische Wirtschaftsgeschichte Spaniens im 16. und 17. J.* 1960, S. 151, Anm. 123.

[86] Garcia G. *Autos da Fe de la Inquisición de Mexico con extractos de sus causas.* 1910; Guijo. *Diario, 1648—1664.* Vol. 1—2, Mexico, 1952, I, p. 39—47, 92—93. (поденные записи, рассказывающие об аутодафе 11 апреля 1649 г.).

[87] В том смысле, в каком употребляет этот термин Жуан Лусиу де Азеведу: он понимает под ним последовательные периоды, на протяжении которых господствовал один продукт — сахар, кофе и т. п. См.: Azevedo J. L. *Epocas do Portugal económico, esboços de historia.* 1929.

На протяжении столетий сталкивались христианские купцы и купцы сирийские и египетские — это правда, но сталкивались без того, чтобы пошатнулось равновесие между этими необходимыми друг другу соперниками. Европеец почти не выбирался за черту городов на окраинах пустыни — Алеппо, Дамаска, Каира. Дальше лежал мир караванов, бывший заповедной зоной для мусульман и еврейских купцов. Однако же с крестовыми походами ислам утратил внутреннее, Средиземное море, огромное поле торговой деятельности.

Точно так же в обширной Турецкой империи венецианцы и рагузинцы, скупщики камлота из козьей шерсти, обосновавшиеся, как показывают нам документы, в Брусе или в Анкаре, находились там, стараясь не бросаться в глаза. Самый серьезный «прорыв» Запада на турецкую территорию осуществился к выгоде рагузинцев, но в целом он не вышел за пределы Балканского полуострова. Черное море даже станет (или снова сделается в XVI в.) заповедным озером Стамбула и откроется вновь для христианской торговли лишь в конце XVIII в., после завоевания русскими Крыма в 1783 г. Внутри же Турецкой империи антизападная реакция будет действовать в пользу еврейских, армянских или греческих купцов.

Аналогичное сопротивление встречалось и в других местах. В Кантоне начиная с 1720 г. Кохонг * китайских купцов был своего рода контркомпанией для Ост-Индских компаний [88]. В собственно Индии сопротивление сети бания переживет, как и можно было полагать, английскую оккупацию.

Разумеется, это сопротивление и это соперничество сопровождались враждой и ненавистью. Более сильный был здесь всегда излюбленной мишенью. Когда в 1638 г. Мандельсло был в Сурате, он отмечал: «Будучи гордыми и наглыми [мусульмане, зачастую сами купцы], обходятся с беньянами [бания] почти как с рабами и с презрением, таким же образом, как поступают в Европе с евреями там, где их терпят» [89]. Сменив место и эпоху, мы заметим такое же отношение в XVI в. на Западе к генуэзцам, готовым, по словам Симона Руиса и его друзей, все проглотить и всегда пребывающим в сговоре между собой, чтобы надуть остальных [90]. Или к голландцам в XVII в., а позднее — к англичанам.

Все торговые сети, даже самые сильные, в тот или иной момент знавали отступления, колебания. И любое ослабление сети в ее центре делало последствия этого ощутимыми для всей совокупности ее позиций, и, быть может, на периферии сети более, нежели где-либо. Именно так произошло по всей Европе с наступлением того, что мы обозначаем расплывчатой и спорной формулой «упадок Италии». «Упадок», без сомнения, несовершенное слово, но с конца XVI в. Италия познала сложности и затруднения. Тогда она утратила свои позиции в Германии, Англии, на Леванте. Аналогичные факты имели место в XVIII в. в бассейне Балтийского моря с отходом на второй план Голландии перед растущей мощью Англии.

Но там, где отступали на задний план господствовавшие купцы, мало-помалу появлялись сменявшие их структуры. «Французская Тоскана»— понимайте: итальянцы, устроившиеся

* Кохонг — общество китайских купцов, получившее от императорского правительства в Пекине привилегию на торговлю с европейцами в Кантоне и одновременно выполнявшее функции таможенного надзора за иностранными купцами (главой Кохонга был по должности начальник кантонской таможни).— *Прим. перев.*

[88] Dermigny L. *La Chine et l'Occident*, I, p. 77.

[89] Mandelslo J. A. *Voyage aux Indes orientales*. 1659, II, p. 197.

[90] Бальтазар Суарес — Симону Руису, 15 января 1590 г.; Симон Руис — Хуану де Лаго, 26 августа 1584 г.; Симон Руис — лионскому Буонвизи, 14 июля 1569 г. Архив Руисов. Archivo historico provincial. Valladolid.

во Франции,— зашаталась в период около 1661 г.; может быть, несколько раньше, начиная с финансового кризиса 1648 г. Прочно укоренившаяся во Франции голландская сеть столкнулась с трудностями в начале XVIII в. И как бы случайно именно около «круглой даты» — 1720 г. — более многочисленные французские *негоцианты* организовали эффектный подъем наших портов, наметили первые французские капиталистические структуры большого размаха [91]. Этот натиск французских негоциантов осуществлялся отчасти за счет местных элементов, отчасти за счет любопытного повторного внедрения протестантов, некогда выехавших из Франции. Тот же феномен замещения угадывается в Германии, к выгоде придворных евреев, в Испании — [в связи] с взлетом каталонских и баскских купцов, а также мадридских купцов из «Пяти старших цехов» (*"Cinco Gremios Mayores"*), возведенных в ранг государственных кредиторов [92].

Вполне очевидно, что эти подъемы были возможны только благодаря подъемам экономическим. Именно французское процветание, немецкое процветание, испанское процветание позволили в XVIII в. вырасти местным, или, точнее, национальным [крупным] состояниям. Но если бы не было предварительного крушения иностранного торгового господства во Франции, Германии и Испании, подъем XVIII в. развивался бы там по-другому и, несомненно, с некоторыми дополнительными трудностями.

Тем не менее потерпевшая неудачу активная торговая сеть всегда проявляла тенденцию компенсировать свои потери. Вытесненная из того или иного региона, она использовала свои преимущества и направляла свои капиталы в какой-нибудь другой. Это было правилом, по крайней мере всякий раз, как дело касалось капитализма могущественного и уже достаточно продвинувшегося в накоплении. Так было с генуэзскими купцами на Черном море в XV в. Спустя четверть века после взятия Константинополя (1453 г.), когда турки заняли их укрепленные торговые пункты в Крыму, в частности важную факторию в Кафе (1479 г.), генуэзцы отнюдь не сразу оставили мысль о всяком пребывании на Леванте: например, на Хиосе они останутся до 1566 г. Но бóльшая часть их деятельности укрепляла и развивала уже существовавшую сеть их предприятий на Западе — в Испании, в Марокко, а вскоре — в Антверпене и Лионе. От них ускользнула одна империя на Востоке, они создали другую на Западе. Точно так же португальская империя, с которой боролись по всему Индийскому океану и по всей Индонезии, смертельно раненная на поле прежних своих подвигов, в последние годы XVI в. и в первые годы XVII в. отступила в Бразилию и в Испанскую Америку. И таким же образом в начале XVII в., невзирая на сенсационные отступления крупных флорентийских фирм, именно по всей Центральной Европе вдоль широкого «веера» путей, расходившихся от Венеции, итальянские купцы нашли легкую, но верную компенсацию тех невзгод, какие принесла им конъюнктура после 1600 г. [93] Вовсе не случайно, что Бартоломео Виатис, родом из Бергамо и, следовательно, венецианский подданный, сделался в Нюрнберге одним из самых богатых (или даже самым богатым) купцов своего нового отечества [94]; что итальянцы

[91] См. настоящую работу, т. 3, гл. 4.
[92] Capella M., Matilla Tascón A. *Los Cinco Cremios mayores de Madrid*, p. 181 sq.
[93] Braudel F. *Médit...*, I, p. 195.
[94] Aubin G. *Bartolomäus Viatis. Ein nürnberger Grosskaufmann vor dem dreissigjährigen Kriege.— "Viertelj. für Social- und Wirtschaftsgeschichte"*, 1940; Schultheiss W. *Der Vertrag der nürnberger Handelsgesellschaft Bartholomäus Viatis und Martin Peller von 1609—1615.— "Scripta mercaturae"*, I, 1968.

активизировались в Лейпциге, в Нюрнберге, во Франкфурте, в Амстердаме, в Гамбурге; что итальянские товары и моды продолжали добираться до Вены и в еще большей мере — до Польши, через активные перевалочные пункты в Кракове и Львове. Переписка, сохранившаяся в польских архивах, говорит о наличии в XVII в. итальянских купцов в польских городах и на ярмарках [95]. Они были достаточно многочисленны, чтобы их заметил каждый. Об этом можно судить по такой вот маленькой истории: в 1643 г. один испанский солдат был снаряжен курьером, дабы доставить из Нидерландов в Варшаву королеве Польской подарок — кружева и куклу, одетую по французской моде, каковую куклу королева сама просила прислать, «дабы ее портной мог эту одежду принять за образец, ибо польская мода ее стесняет и ей не по вкусу». Курьер прибыл, с ним обошлись как с послом. «То, что я знаю латынь,— признавался он,— мне порядочно помогло, так как иначе не смог бы я понять ни единого слова на их языке... Они же из нашего языка знают лишь столько, чтобы к вам обратиться на итальянский манер — «синьор» (*dar señoria*), ибо есть в тех странах много итальянских купцов». На обратном пути курьер остановился в Кракове, городе, «где коронуют королей Польских», и он снова отмечает «многочисленных итальянских купцов, кои торгуют прежде всего шелками», в этом крупном торговом центре. Свидетельство, вне сомнения, незначительное, но показательное [96].

[95] Archiwy Krakowskie. Ital. 382.

[96] См.: Estebanillo González — "*La Novela picaresca*", p. 1812, 1817, 1818. Об итальянских купцах в Мюнхене, Вене, Лейпциге см.: Kroker E. *Handelsgeschichte der Stadt Leipzig*, S.86.

МЕНЬШИНСТВА-ЗАВОЕВАТЕЛИ

Вышеприведенные примеры демонстрируют, сколь часто крупные купцы, хозяева торговых потоков и сетей, принадлежали к чужеземным меньшинствам то ли по своей национальности (итальянцы во Франции Филиппа Красивого или Франциска I или же в Испании Филиппа II), то ли по своему особому вероисповеданию,— таковы были евреи, армяне, бания, парсы, русские раскольники или же христиане-копты в мусульманском Египте. Откуда эта тенденция? Ясно, что всякое меньшинство имеет естественную склонность к сплочению, к взаимной помощи, к самозащите. На чужбине генуэзец был заодно с генуэзцем, армянин с армянином. Чарлз Уилсон в написанной недавно статье пролил свет, несколько этим забавляясь, на удивительное вторжение в самые крупные деловые предприятия Лондона тех французских гугенотов в изгнании, чью роль распространителей ремесленных технологий он особенно подчеркивал. Ведь они всегда образовывали, и все еще образуют, в английской столице компактную группу, которая ревниво оберегает свою индивидуальность. С другой стороны, у меньшинства легко возникает ощущение, что его угнетает, его недолюбливает большинство, и это освобождает меньшинство от излишней щепетильности по отношению к последнему. Способ ли это быть совершенным «капиталистом»? Габриэль Ардан мог писать: «*Человек экономический* (*Homo oeconomicus*) [он понимает под этим человека, целиком освоившего опыт капи-

талистической системы] не обладает чувствами привязанности к себе подобным, он желает видеть пред собой лишь других экономических агентов, покупателей, продавцов, заимодавцев, кредиторов, с каковыми у него в принципе чисто экономические отношения» [97]. В таком же духе Зомбарт объяснял преимущество евреев в формировании «капиталистического духа» тем, что предписания их религии позволяют-де поступать по отношению к «иноверцам» так, как запрещено поступать по отношению к своим единоверцам.

[97] Ardant G. *Théorie sociologique de l'impôt*. p. 361.
[98] Gerschenkron A. *Europe in the Russian mirror*. 1970, p. 21 sq.
[99] Sanudo M. *Diarii*, 9 ноября 1519 г.

Но это объяснение рушится само собой. В обществе со своими собственными запретами, которое почитало противозаконным ремесло ростовщика и даже профессиональное занятие деньгами — источник стольких состояний, и отнюдь не одних только купеческих,— разве же не игра социальных условий обрекала его «аномальных» членов на занятия презираемые, но необходимые для общества в целом? Если верить Александру Гершенкрону, как раз так и произошло в России с православными еретиками-раскольниками [98]. Роль их сопоставима с ролью евреев или армян. Если бы их там не было, разве не следовало бы их выдумать? «Евреи столь же необходимы в любой стране, как и пекари!» — восклицает венецианский патриций Марино Сануто, возмущенный мыслью о мерах, направленных против них [99].

В этом споре правильнее было бы говорить не о «капиталистическом духе», а об [определенном] обществе. Политические столкновения и религиозные страсти средневековой Европы и Европы нового времени исключили из их общин



Брюгге, площадь Биржи: по бокам постройки расположены Дом генуэзцев и Дом флорентийцев — ощутимое свидетельство распространения и господства итальянских купцов. *Брюссель, Архив.*

многочисленных индивидов, которых на чужбине, куда привело их изгнание, сделали меньшинствами. Итальянские города, как и греческие города классической эпохи, были склочными осиными гнездами. Там были граждане «внутри стен» и изгнанники — настолько распространенная социальная категория, что они получили даже родовое название: «эмигранты» (*fuorusciti*). Они сохраняли свое имущество и свои деловые связи в самом сердце того города, который их изгонял, чтобы в один прекрасный день принять снова; то была история множества семейств — генуэзских, флорентийских, луккских,— десяти против каждого одного, не изведавшего изгнания. Разве этих *fuorusciti*, особенно если они были купцами, не толкали таким образом на путь успеха? Крупная торговля — это была торговля на дальние расстояния. Они были на нее осуждены. Будучи изгнаны, они процветали в силу самого факта своей удаленности. Так, в 1339 г. в Генуе группа нобилей не приняла народного правления, которое установилось с так называемыми пожизненными дожами, и покинула город [100]. Эти изгнанные аристократы были теми, кого называли «старыми нобилями» (*nobili vecchi*), тогда как те, что остались в Генуе при народном правлении, были «новыми нобилями» (*nobili novi*). И разрыв этот сохранится даже после возвращения изгнанных в свой город. И как бы случайно именно «старые нобили» станут — издали!— хозяевами крупных деловых операций с заграницей.

[100] Sieveking H. *Op. cit.*, p. 76.

Другие изгнанники — испанские или португальские марраны, которые в Амстердаме вернулись к иудаизму. И еще общеизвестные изгнанники — французские протестанты. Конечно, отмена Нантского эдикта в 1685 г. не создала из ничего (*ex nihilo*) Протестантский банк, впоследствии хозяина французской экономики; но она обеспечила его расцвет. Эти *fuorusciti* нового рода сохранили свои связи внутри королевства вплоть до самого его сердца — Парижа. Они не раз сумеют перевести за границу немалую часть своих оставшихся во Франции капиталов. И как и «старые нобили», в один прекрасный день они возвратились в полной силе.

В общем, меньшинство — это как бы заранее построенная, и прочно построенная, сеть. Итальянцу, который приезжал в Лион, чтобы обосноваться, нужны были только стол и лист бумаги, чему французы удивлялись. Но это оттого, что в городе у него были естественные компаньоны, информаторы, поручители и корреспонденты на разных рынках Европы. Короче говоря — все, что составляло кредит купца, на приобретение чего он порой тратил годы и годы. Точно так же в Лейпциге или Вене, этих городах на границе густонаселенной Европы, которые вознес подъем XVIII в., нельзя было не подивиться преуспеянию иноземных купцов, людей из Нидерландов, французских беглецов после отмены Нантского эдикта (первые из них прибыли в Лейпциг в 1688 г.), итальянцев, савойцев, уроженцев Тироля. Тут почти не бывало исключений: удача была на стороне чужака. Происхождение связывало его с далекими городами, рынками, странами, которые сразу же вводили чужеземца в дальнюю торговлю, торговлю крупную. Следует ли думать — но это было бы слишком прекрасно,— что не было бы счастья, да несчастье помогло?

ТОРГОВАЯ ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ, ПРЕДЛОЖЕНИЕ И СПРОС

Сети и кругообороты обрисовывали систему — как на железной дороге совокупность рельсов, контактной сети, подвижного состава, персонала. Все подготовлено к движению. Но движение оказывается само по себе проблемой.

ТОРГОВАЯ ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ

По всей очевидности, дабы перемещаться, товар должен увеличивать свою цену во время своего путешествия. Это то, что я буду называть *торговой прибавочной стоимостью*. Было ли это законом, не знавшим исключений? Да или почти что так. В конце XVI в. испанская «восьмерная монета» стоила 320 рейсов в Португалии и 480 рейсов в Индии [101]. В конце XVII в. *вара* * кисеи на фабриках Ле-Мана стоила 3 реала, в Испании — 6, в Америке — 12 реалов [102]. И так далее. Откуда и поражающие цены на редкие, издалека доставляемые товары в тех или иных местностях. В Германии около 1500 г. фунт шафрана, итальянского или испанского, стоил столько же, сколько три молочных поросенка [103]. В Панаме в 1519 г. лошадь стоила 24,5 песо, раб-индеец — 30, бурдюк вина — 100 песо [104]... В Марселе в 1248 г. 30 метров фландрского сукна стоили вдвое-вчетверо дороже, чем невольник-сарацин [105]. Но уже Плиний Старший отмечал, что индийские товары, перец или пряности, продавались в Риме в сто раз дороже цены производства [106]. Ясно, что на подобном пути требовалось, чтобы прибыль приняла участие в том, чтобы пришел в движение самый кругооборот, включив в действие расходы на свое собственное движение. Ибо к закупочной цене товара прибавлялась цена его перевозки, а была она раньше особенно обременительной. Перевозка сукон, закупленных на ярмарках Шампани в 1318 и 1319 гг., при [их] доставке во Флоренцию обошлась, включая сборы, упаковку и прочие расходы (речь идет о шести партиях), в 11,80%, 12,53; 15,96; 16,05; 19,21 и 20,34% от закупочной цены (*primo costo*) [107]. Эти затраты варьировали на одном и том же маршруте и при одинаковом товаре могли возрастать вдвое. Притом эти проценты были еще относительно низкими: ткани, товар дорогой, все же весили мало. Тяжеловесные и дешевые товары — зерно, соль, дрова, вино — в принципе не перевозились по длинным *сухопутным* маршрутам, если только это не было абсолютно необходимо. А в таком случае необходимость оплачивалась сверх стоимости перевозки. Вино из Кьянти, уже известное под этим названием в 1398 г., было вино дешевое ("*povero*"), стоившее один флорин гектолитр (мальвазийское вино стоило от 10 до 12 флоринов.) При доставке из Греве во Флоренцию, за 27 километров, его цена увеличивалась на 25—40%; если бы транспортировка была продолжена до Милана, цена кьянти утроилась бы [108]. Перевозка

[101] Carletti F. *Ragionamenti sopra le cose da lui vedute ne' suoi viaggi*. 1701, p. 283.

* Вара — мера длины, составлявшая во Франции, а также в Испании и ее владениях в Америке 0,8356 метра, а в Португалии и Бразилии — 1,10 метра.— *Прим. перев.*

[102] Dornic F. *L'Industrie textile dans le Maine (1650—1815)*. 1955, p. 83.

[103] Lütge F. *Op. cit.*, S. 235.

[104] Lohmann Villena G. *Las Minas de Huancavelica en los siglos XVI y XVII*. 1949, p. 159.

[105] Sivery G. *Les Orientations actuelles de l'histoire économique du Moyen Age, dans l'Europe du Nord-Ouest*.— "*Revue du Nord*", 1973, p. 213.

[106] Schwartz J. *L'Empire romain, l'Egypte et le commerce oriental*.— "*Annales E S. C.*", XV (1960), p. 25.

[107] Sapori A. *Una Compagnia di Calimala ai primi del Trecento*, p. 99.

[108] Melis F. *La civiltá economica nelle sue esplicazioni dalla Versilia alla Maremma (secoli X—XVIII)*.— *Atti del 60° Congresso internazionale della "Dante Alighieri"*, p. 26.

бочки вина от Веракруса до Мехико около 1600 г. стоила столько же, сколько покупка этой бочки в Севилье [109]. Еще позднее, во времена Кантийона, «плата за провоз бургундских вин в Париж бывает зачастую больше, чем стоит само вино на месте закупки» [110].

Я настойчиво указывал в первом томе этого труда на препятствие, какое представляла система перевозок, всегда дорогостоящая и лишенная гибкости. Федериго Мелис доказал, что тем не менее в XIV и XV вв. были приложены огромные усилия для улучшения *морских* перевозок — увеличены размеры корпуса, а значит, и [объем] трюмов, и введены прогрессивные тарифы, причем обнаружилась тенденция устанавливать их *ad valorem*: таким образом ценные товары частично оплачивали транспортировку товаров рядовых [111]. Но эта практика отнюдь не сразу сделалась всеобщей. В XVI в. в Лионе цена перевозки сухим путем рассчитывалась сообразно весу товара [112].

Как бы то ни было, в глазах купца проблема оставалась одной и той же: требовалось, чтобы товар, прибывавший к нему то ли с грузовым парусником, то ли на повозке, то ли на спине вьючного животного, в конце пути приобретал такую цену, чтобы она могла покрыть, помимо накладных расходов при операции, закупочную цену, возросшую на сумму транспортных затрат и еще на ту сумму прибыли, какую рассчитывал получить купец. А иначе, чего ради рисковать своими деньгами и стараться? Товар обеспечивал это с большей или меньшей легкостью. Вполне очевидно, что для «королевских товаров»— это выражение Симона Руиса для обозначения перца, пряностей, кошенили и, мы бы сказали, также «восьмерных монет»— проблемы не существовало: путешествие бывало долгим, но прибыль гарантированной. Ежели курс этих товаров меня не устраивает, я подожду: немного терпения — и все придет в порядок, ибо не навсегда же, так сказать, исчезает покупатель. Любая страна,



Прибытие в Нюрнберг между 1640 и 1650 гг. шафрана и пряностей; слева направо — доставка, оприходование, взвешивание и осмотр упаковок и дальнейшая их отправка. *Германский Национальный музей, Нюрнберг. Фото музея.*

[109] Chaunu P., Chaunu H. *Séville et l'Atlantique de 1504 à 1650.* 1959, VIII—1, p. 717.

[110] Cantillon R. *Essai sur la nature du commerce en général*, p. 41.

[111] Melis F. *Op. cit.*, p 26—27; Idem. *Werner Sombart e i problemi della navigazione nel medio evo.— L'Opera di Werner Sombart nel centenario della nascita*, p. 124.

[112] Gascon R. *Op. cit.*, p. 183.

любая эпоха имели свои «королевские товары», более других обещавшие торговую прибавочную стоимость.

Путешествия Джанфранческо Джемелли Карери, описание которых волнует при чтении по многим причинам, превосходно иллюстрируют это правило. Этот неаполитанец, который в 1694 г. предпринял кругосветное путешествие более для собственного удовольствия, нежели ради прибыли, нашел решение, как покрыть расходы на свое долгое странствие: в одном месте покупать товары, о которых известно, что там, куда направляешься, они ценятся особенно высоко. В Бендер-Аббасе, на Персидском заливе, надобно грузить «финики, вино, водку и... все персидские плоды, кои доставляют в Индию сушеными или же маринованными... на чем и получают большую прибыль» [113]. Садясь на манильский галион, направляющийся в Новую Испанию, запасайся китайской ртутью. «Это дает 300 процентов прибыли»,— доверительно сообщает он [114]. И дальше в таком же духе. Путешествуя вместе со своим владельцем, товар становится для него капиталом, приносящим пользу на каждом шагу, оплачивающим издержки путешественника и даже обеспечивающим ему, когда тот возвратится в Неаполь, существенные прибыли. Франческо Карлетти, который почти столетием раньше, в 1591 г., тоже предпринял поездку вокруг света, избрал в качестве первичного торгового капитала черных невольников, «королевский товар», наилучший из существовавших, невольников, купленных на острове Сан-Томе, а затем перепроданных в Картахене Индий [115].

С рядовыми товарами дело явно обстояло менее просто. Торговая операция может быть прибыльна лишь ценою тысячи предосторожностей. Теоретически все просто, по крайней мере для экономиста вроде аббата Кондильяка: доброе правило обмена на расстояния — соединить рынок, где какой-либо товар есть в изобилии, с рынком, где тот же товар редкость [116]. На практике, чтобы удовлетворить этим условиям, следовало быть настолько же осторожным, насколько и осведомленным. Корреспонденция купцов в избытке дает тому подтверждения.

В апреле 1681 г. мы находимся в Ливорно, в лавке Джамбаттисты Сарди [117]. Ливорно, важнейший порт Тосканы, был широко открыт в сторону Средиземноморья и всей Европы, по крайней мере вплоть до Амстердама. В этом последнем городе Беньямино Бурламакки родом из Лукки имел контору, где вел операции с товарами прибалтийскими, русскими, индийскими или из иных стран. Только что пришел флот Ост-Индской компании и сбил цену на корицу в момент, когда между нашими двумя купцами завязалась переписка. Ливорнец подумывал об операции с этим «королевским товаром». Полный проектов, он написал Бурламакки, объяснив тому, что он желает ее «проделать только на свой счет» (понимайте: не делясь со своим корреспондентом). В конечном счете дело сорвалось, и Сарди, на сей раз готовый действовать совместно с Бурламакки, видит лишь один товар, представляющий интерес для доставки из Амстердама в Ливорно,—*"vacchette"*, т. е. русские кожи, которые вскоре наводнят итальянские рынки. К 1681 г. они уже

[113] Gemelli Carreri G. F. *Voyage autour du monde.* 1727, II, p. 4.
[114] *Ibid.*, IV, p. 4.
[115] Carletti F. *Op. cit.*, p. 17—32.
[116] Condillac E. *Le Commerce et le gouvernement.* Éd. E. Daire, 1847, p. 262.
[117] Мишель Морино был настолько любезен, что передал мне микрофильм переписки дома Сарди в Ливорно с Беньямино Бурламакки, хранящейся в Муниципальном архиве Амстердама (Familiepapieren 1. Archief Burlamachi).

регулярно котировались в Ливорно, куда прибывали порой даже прямо из Архангельска вместе с бочками икры. Ежели кожи эти «красивой окраски, как снаружи, так и изнутри, широкие, тонкие и не превышают по весу 9—10 флорентийских фунтов», тогда пусть Бурламакки велит погрузить определенное их количество на два корабля (чтобы разделить риск), корабли «хорошо защищенные, кои шли бы с добрым конвоем» (*“de buona difesa, che venghino con buon convoglio”*), и все это — до закрытия на зиму навигации на севере. Кожи эти, что в Амстердаме продавались за 12, на ливорнском рынке котировались по 26,5 и по 28, т.е. больше чем вдвое. Следовало бы, писал Сарди, чтобы себестоимость в Ливорно не превышала 24; он, таким образом, рассчитывал на прибыль в 10%. Шесть тюков кож будут погружены в Текселе, а Бурламакки возместит себе половину затрат на закупку, получив по переведенному Сарди векселю на одного банкира в Венеции. Следовательно, все было рассчитано. И все же в конечном счете дело окажется не блестящим. Крупные поставки собьют цены в Ливорно до 23 в мае 1682 г.; кожи, оказавшиеся среднего качества, будут продаваться плохо: 12 октября того же года [часть] их оставалась еще на складе. Несомненно, для дома Сарди это мало что значило: в 1681 и 1682 гг. он был вовлечен в многочисленные операции, в частности в вывоз растительных масел и лимонов с генуэзской Ривьеры, и широко торговал с Амстердамом и с Англией, снаряжая только в последнюю целые корабли. Но интерес этого эпизода заключен в том, что он показывает, сколь трудно было на расстоянии предусмотреть и организовать торговую прибавочную стоимость.

То было вечной задачей купца — снова и снова проделывать расчеты наперед, десяток раз «проигрывать» операцию в воображении, прежде чем попытаться ее осуществить. Один аккуратный амстердамский негоциант, замышляя какое-нибудь дело во Франции, писал Дюгару-сыну, комиссионеру в Руане, прося «сообщить цены самых ходовых у вас статей коммерции, равно как и выслать мне примерный торговый счет [то есть смету всех издержек]... В особенности сообщите мне цены на китовый ус, красный китовый жир, марену, очищенный и неочищенный изюм, хлопок из Смирны, желтое дерево, стальную проволоку... зеленый чай» [118]. Со своей стороны некий французский купец 16 февраля 1778 г. осведомлялся у одного амстердамского купца: «Поелику я не знаю, каким образом у вас продаются водки, вы обяжете меня, указав, сколько стоят 30 мер *, приведенные к французским деньгам, на каковой основе я проделаю свой расчет, а после сего, ежели усмотрю определенную выгоду, я вышлю вам некоторую партию» [119].

То, что торговая прибавочная стоимость была необходимым возбудителем при всяком коммерческом обмене, настолько само собой разумеется, что кажется абсурдным на этом настаивать. Она, однако же, объясняет больше, чем это кажется. И в особенности не создавала ли она «автоматически» преимущества для стран, бывших так называемыми жертвами дорогой жизни? Они были сверкающими маяками, притягательными центрами первостепенной важности. Товары притягивались

[118] A. N., 62 AQ 33, Амстердам, 27 марта 1766 г.

* В оригинале *veltes*. *Velte* — мера емкости вина, равная в среднем 7,5 л.— *Прим. перев.*

[119] Archives de Paris, D^5B^6 4433, f° 48.

[именно] этими высокими ценами. Венеция, доминировавшая на Внутреннем море, долгие годы прожила под знаком дорогой жизни и жила под ним еще в XVIII в.[120] Голландия сделалась страной дорогой жизни: люди вели здесь скудное существование, особенно бедняки и даже менее бедные[121]. Испания со времен Карла V была страной ужасающей дороговизны[122]. «Я там узнал,— рассказывал в 1603 г. один французский путешественник,— пословицу, гласящую, что все дорого в Испании, кроме денег»[123]. Так обстояло дело еще и в XVIII в. Но вскоре недостижимый рекорд установила Англия; она была по преимуществу страной тяжких повседневных расходов: снять дом, нанять карету, оплачивать свой стол, жить в гостинице было там разорением для иностранца[124]. Этот рост стоимости жизни и заработной платы, заметный еще до революции 1688 г., не был ли он ценой, или признаком, или же условием устанавливавшегося английского преобладания? Или чьего угодно преобладания? Английский путешественник Файнс Морисон, бывший с 1599 по 1606 г. секретарем лорда Маунтджоя в Ирландии, а до того, с 1591 по 1597 г., проехавший через Францию, Италию, Нидерланды, Германию и Польшу, к тому же хороший наблюдатель, делает такое удивительное замечание: «Найдя в Польше и в Ирландии странную дешевизну всех необходимых съестных припасов, притом что серебра там не хватает, и оно тем выше ценится, сии наблюдения приводят меня ко мнению, совершенно противоположному взгляду обывательскому, а именно: что нет более верного признака процветающего и богатого государства, нежели дороговизна таковых предметов...»[125] Это же самое утверждал и де Пинто. И вот также *парадокс* Кенэ: «Изобилие и дороговизна суть богатство»[126]. Проезжая в 1787 г. через Бордо, Артур Юнг замечал: «Цена найма домов и квартир поднимается с каждым днем; повышение было значительным после мира [1783 г.], в то самое время, как возводилось и сейчас еще строится столько новых домов, и это совпадает с общим ростом цен: жалуются, будто стоимость жизни выросла за десять лет на 30%. Ничто не способно нагляднее доказать рост процветания»[127]. Это то же самое, что уже говорил тридцатью годами раньше, в 1751 г., молодой аббат Галиани в своей книге о деньгах: «Высокие цены товаров суть самый надежный признак, дабы знать, где находятся самые большие богатства»[128]. Подумайте о теоретических соображениях Леона Дюприе по поводу современной эпохи и «стран на подъеме», которые располагают уровнем заработной платы и цен, «явно превышающим такой уровень в странах, отстающих в своем развитии»[129]. Но нам придется вновь обратиться к причинам таких различий в уровнях. Легко сказать — превосходство структуры, организации. На самом деле придется говорить о структуре мира[130].

Конечно, было бы соблазнительно свести исключительную судьбу Англии к этим базовым реальностям. Высокие цены, высокая заработная плата были помощниками для островной экономики, но они же были и путами. Суконное производство, которому изначально благоприятствовало исключительное произ-

[120] Архив кн. Воронцова М., 1876, кн. 9, с. 1—2. Венеция, 30 декабря 1783 г., Семен Воронцов — Александру Воронцову: «Все здесь, исключая шелка, неимоверно дорого».

[121] Manceron C. *Les Vingt Ans du roi*. 1972, p. 471.

[122] Braudel F. *Médit...*, I, p. 471.

[123] Joly B. *Voyage en Espagne, 1603—1604*. P. p. L. Barrau Dihigo, 1909, p. 17.

[124] Борепан, Лондон, 7 августа 1686 г. (A. N., A. E., B¹, 757); Аниссон, Лондон, 7 марта 1714 г. (A. N., G 7, 1699); Карло Оттоне, декабрь 1670 г. (A. d. S. Genova, Lettere Consoli, 1—2628); Симолин, Лондон, 23 марта (3 апреля) 1781 г. (Москва, АВПР, 35/6, 320, л. 167); Херман, 1791 г. (A. N., A. E., B¹, 762, f° 461v°).

[125] Moryson F. *An Itinerary containing his ten yeeres travell*. 1908, VI, p. 70 — Цит. в кн.: Maczak A. *Progress and Underdevelopment in the Ages of Renaissance and Baroque Man*.—*"Studia Historiae Oeconomicae"*, IX. 1974, p. 92.

[126] Pinto I., de. *Traité de la circulation et du crédit*, p. 167: «Там, где имеется более богатств, все более дорого... Именно сие заставляет меня предполагать, что Англия богаче Франции»; *François Quesnay et la physiocratie*. INED, 1966, II, p. 954.

[127] Young A. *Voyages en France*. 1931, I, p. 137.

[128] Galiani F. *De la monnaie*. (Trad. fr. de G. M. Bousquet, J. Crisafulli). 1955, p. 89.

[129] Dupriez L. H. *Principes et problèmes d'interprétation.— Diffusion du progrès et convergence des prix. Études internationales*. 1966, p. 7.

[130] См. настоящую

работу т. 3, гл. 1, а также: Accarias de Sérionne J. *Les Intérêts des nations de l'Europe développés relat..ment au commerce*. 1766, I, p. 270 sq.

водство дешевой шерсти, эти затруднения преодолело. Но так ли обстояло дело в остальных отраслях промышленности? Признáем, что «машинная революция» заканчивавшегося XVIII в. была чудесным выходом.

СПРОС И ПРЕДЛОЖЕНИЕ: ПЕРВОПРИЧИНА

Разумеется, главное побуждение к обмену исходит от предложения и спроса; предложение и спрос — хорошо известные действующие лица, но их обыкновенность не облегчает их определения или их распознавания. Они предстают в сотнях и тысячах обличий. Они образуют цепочку, протягивают руки друг другу, они образуют [как бы] ток электричества в цепи. Классическая экономическая наука все объясняла ими и таким путем втягивала нас в бесперспективные дискуссии о взаимной роли предложения и спроса как движущих элементов, дискуссии, что с новой силой вспыхивают и в наши дни и еще занимают определенное место в мотивациях хозяйственной политики.

Как известно, не бывает предложения без спроса, и наоборот: то и другое рождается из обмена, который они формируют и который формирует их. То же самое можно было бы сказать и о купле и продаже, о движении товаров туда и обратно, о даре и ответном даре и даже о труде и капитале, о потреблении и производстве — потребление находится на стороне спроса, как производство на стороне предложения. С точки зрения Тюрго, ежели я предлагаю то, чем обладаю, так это потому, что я желаю и в тот же момент потребую то, чего у меня нет. Если я предъявляю спрос на то, чего не имею, так это потому, что я нашел неизбежным или же решился предоставить возмещение, предложить тот или иной товар, ту или иную услугу или ту или иную сумму денег. Следовательно, подытоживает Тюрго, есть четыре элемента: «Две вещи, коими обладают, две вещи, кои желают получить» [131]. Само собою разумеется, пишет современный экономист, что «любое предложение и любой спрос предполагают эквивалент» [132].

Не будем чересчур поспешно расценивать эти замечания как словесные уловки или наивности. Они помогают устранить искусственные различия и ложные утверждения. Они призывают к осторожности того, кто задается вопросом, что важнее — предложение или спрос, или же (что сводится к тому же) который из двух играет роль первопричины (*primum mobile*). Вопрос, не имеющий настоящего ответа, но подводящий нас к самой сути проблем обмена.

Я часто возвращался в мыслях к так хорошо изученному Пьером Шоню примеру *Пути в Индии (Carrera de Indias)*. После 1550 г. все было ясно, обрисовалось в широких масштабах [такое движение], если пользоваться терминами механики: приводной ремень вращался по часовой стрелке — от Севильи до Канарских островов, до американских гаваней, Багамского пролива к югу от Флориды, а затем к Азорским островам и снова в Севилью. Мореплавание придавало конкретный облик [торговому] кругообороту [133]. Для Пьера Шоню не существует

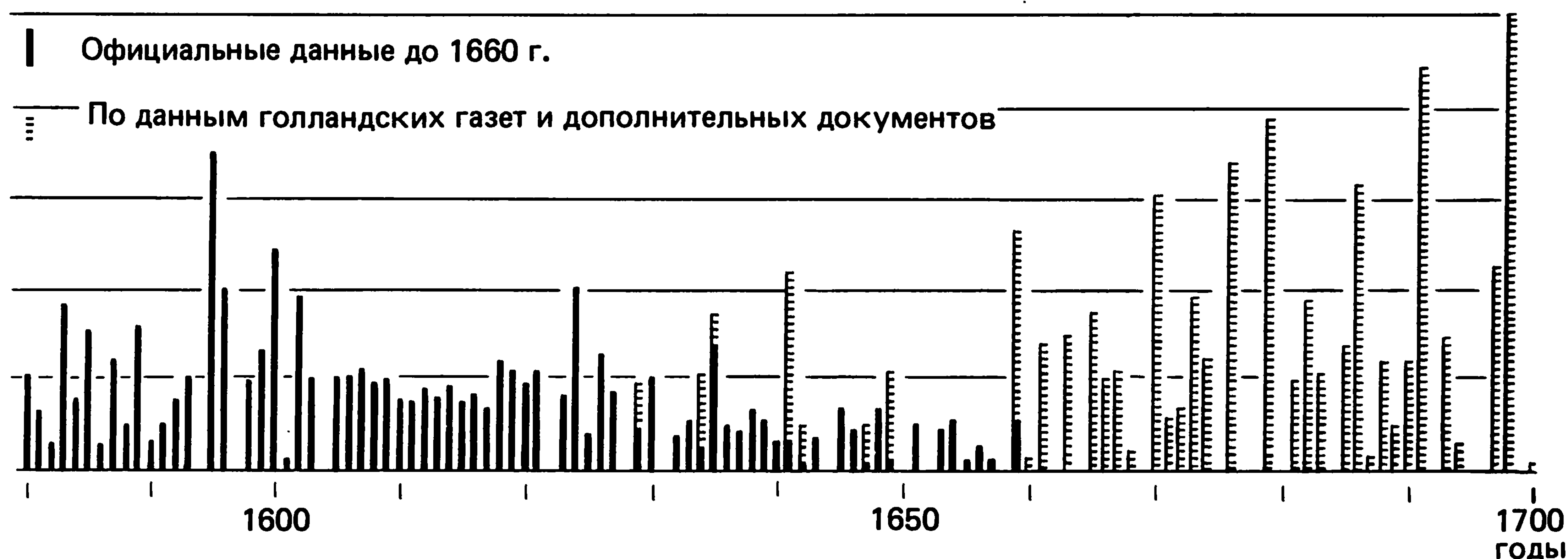
[131] Turgot. *Œuvres*, I. p. 378—379.
[132] Des Mazis P. *Le Vocabulaire de l'économie politique*. 1965, p. 62.
[133] Chaunu H., Chaunu P. *Op. cit.*, 12 vol.

никаких сомнений: в XVI в. «побудительным для тех условий движением» было «движение туда» — из Испании в Америку. Он уточняет: «Ожидание европейских изделий, предназначавшихся для Индий, составляло одну из главных забот севильцев в момент отправок флота» [134]: идрийская ртуть, венгерская медь, строительные материалы Севера и целыми кораблями — тюки сукон и тканей, а поначалу даже и растительное масло, мука и вино, продукты, поставлявшиеся самой Испанией. Следовательно, вовсе не она одна оживляла крупномасштабное движение через океан: ей помогала Европа, которая потребует своей доли благ по возвращении флота. Французы считали, что система не функционировала бы без их поставок. Необходимы были также и генуэзцы, которые с самого начала и вплоть до 1568 г. финансировали в кредит долговременные и медленные торговые операции с Новым Светом [135], и многие другие. Нужное Севилье для отправки флота движение означало, следовательно, мобилизацию многочисленных сил Запада, движение в значительной мере внешнее относительно Испании по своим истокам, предполагавшее одновременно деньги генуэзских деловых людей, штреки идрийских рудников, фландрские ткацкие станы и те два десятка полудеревенских рынков, на которых продавались бретонские холсты. Доказательство от противного: по воле «чужаков» все в Севилье, а позднее — в Кадисе, останавливалось. Это правило сохранялось долго: в феврале 1730 г., сообщала одна газета, «отплытие галионов было задержано до начала следующего марта, дабы дать иностранцам время погрузить большое количество товаров, каковые еще не смогли прибыть в Кадис по причине противных ветров» [136].

[134] *Ibid.*, VIII—1, p. 260, note 2; p. 293, note 1.
[135] Ruiz Martin F. *El Siglo de los Genoveses*; Pike R. *Enterprise and Adventure. The Genoese in Seville.* 1966.
[136] *"Gazette de France"*, p. 102, 14 февраля 1730 г. из Мадрида.



Заставка, иллюстрирующая советы молодому немецкому негоцианту, торгующему в чужеземной стране (XVII в.). *Германский Национальный музей, Нюрнберг. Фото музея.*



Поставки в Европу американского серебра Мишель Морино (Morineau M.), критически использовав источники голландских газет и шифрованные сообщения, посылавшиеся иностранными послами в Мадриде, заново нарисовал (*"Anuario de historia economica y social"*, 1969, p. 257—359) кривую импорта драгоценных металлов в XVII в. Ясно виден верхний уровень, затем — падение поставок начиная с 1620 г. и быстрый подъем с 1660 г. (масштаб: 10, 20, 30... млн. песо).

И тем не менее нужно ли говорить о первопричине (*Primum mobile*)? В принципе ремень мог быть приведен в движение в любой точке своей трассы — приведен в движение или же, наоборот, остановлен. А ведь очень возможно в данном случае, что первое продолжительное замедление к 1610 или к 1620 г. обязано было своим возникновением снижению производства в серебряных рудниках Америки — может быть, в силу «закона» снижающейся отдачи и уж наверняка из-за уменьшения численности индейского населения, поставлявшего необходимую рабочую силу. И когда к 60-м годам XVII в. в Потоси, как и на серебряных рудниках Новой Испании, все вновь пришло в движение, тогда как Европа, по-видимому, была еще охвачена стойкой стагнацией, толчок исходил из Америки, от «туземных» горняков, снова использовавших свои традиционные жаровни-*бразеро*[137] еще до того, как ожили крупные «современные» горные предприятия. Короче говоря, по меньшей мере дважды первую роль, сначала негативную, а потом положительную, сыграли по другую сторону Атлантики, в Америке.

Но это не было правилом. После 1713 г., когда благодаря привилегии *асьенто* и путем контрабанды англичане открыли себе рынок Испанской Америки, они скоро наводнили его своими изделиями, особенно сукнами, отдававшимися в кредит перекупщикам в Новой Испании, притом в значительных количествах. Отсюда вытекала оплата в серебре. На сей раз английский нажим (*forcing*), этот мощный импульс, оказался движущей причиной по эту сторону океана. Относительно того же самого процесса в Португалии Дефо откровенно объяснял, что это означает насильно навязывать свое предложение вовне (*force a vend abroad*)[138]. К тому же требовалось, чтобы сукна не оставались в Новом Свете слишком долго непроданными.

Но как в данном случае различить предложение и спрос, не прибегая к четырехчленной схеме Тюрго? В Севилье предложение в виде массы товаров, набитых в трюмы отплывающего флота, которые купцы набирали, лишь целиком исчерпав собственные резервы денег и кредита, либо же с отчаяния переводя векселя на заграницу (а перед отправлением флота и до его возвращения на месте не получить было в долг ни единого мараведиса! *),— так вот это предложение, подтал-

[137] Эту важную подробность я узнал от Ж.-П. Берта.

[138] Defoe D. *Op. cit.*, I, p. 354.

* Мараведис, мараведи — медная разменная монета.— *Прим. перев.*

кивавшее вперед многочисленные и разнообразные производства Запада, сопровождалось «подпиравшим» его спросом, настойчивым, требовательным и никоим образом не скромным. Город и купцы, что вложили свои капиталы в этот экспорт, имели в виду получить оплату при возвращении флота в серебре, белым металлом. Точно так же в Веракрусе, Картахене или Номбре-де-Диос (а позднее — в Портобельо) спрос на товары Европы — плоды ее земли или изделия ее промышленности (обычно оплачивавшиеся очень дорого) — сопровождался несомненным предложением. В 1637 г. на ярмарке в Портобельо можно было видеть серебряные слитки, сваленные в кучи, как камни [139]. Вполне определенно без этого «желанного предмета» ничто бы не сдвинулось. И там тоже предложение и спрос работали одновременно.

[139] Gage T. *Nouvelle Relation contenant les voyages de Thomas Gage dans la Nouvelle-Espagne.* 1676, 4e partie, p. 90.
[140] A. F., F[2], A, 21.

Будем ли мы говорить, что два предложения — то есть два производства, противостояние которых обрисовалось,— преобладали над двумя спросами, над потребностями, над «тем, чего у меня нет»? Не следует ли лучше сказать, что они существовали только в соотнесении с *предвиденным* и *поддающимся предвидению* спросом?

Во всяком случае, проблема ставится не в одних лишь этих, экономических, категориях (притом ведь предложение и спрос далеко не «чисто» экономические, но это уже иной вопрос). По всей очевидности, ее следует ставить и в категориях могущества. Сеть управления шла из Мадрида в Севилью и дальше — в Новый Свет. Стало правилом издеваться над «законами Индий» (*leyes de Indias*), вообще над иллюзорностью реальной власти католических королей по другую сторону океана. Я вполне согласен, что на этих далеких землях не все делалось согласно их воле. Но воля эта достигала определенных целей, к тому же она как бы материализовалась в массе королевских чиновников, которые заботились не об одних только собственных интересах. Все-таки от имени короля регулярно взималась пятая доля, и документы всегда отмечают долю короля в прибылях от обратных рейсов наряду с долей купцов. При первых связях с Америкой королевская доля была относительно огромной, корабли возвращались, так сказать, в балласте, но с балластом уже из серебряных слитков. И колонизация недостаточно еще продвинулась, чтобы от Европы требовалось много товаров, которые бы направлялись в сторону Америки. Тогда существовала скорее эксплуатация, нежели обмен, эксплуатация, которая не прекратилась и не сгладилась впоследствии. Около 1703 г. один французский отчет говорит, что «испанцы привыкли [перед войной за Испанское наследство, которая только что вспыхнула в 1701 г.] вывозить на 40 млн. [турских ливров] товаров и привозить обратно на 150 млн. золота, серебра и прочих товаров» — и так каждые пять лет [140]. Разумеется, цифры эти представляли лишь валовую стоимость обменов. Но каковы бы ни были необходимые поправки, чтобы установить действительный объем прибылей с учетом затрат на транспортировку туда и обратно, это яркий пример неэквивалентного обмена со всеми экономическими и политическими последствиями, какие предполагает такая неуравновешенность.



Китайская шелковая ткань (штоф) эпохи Людовика XV.
Лион, Музей истории тканей.
Фото Жиродона.

Конечно же, для того чтобы наличествовали эксплуатация, неэквивалентный обмен или обмен насильственный, не обязательно было вмешательство в него короля или государства. Манильский галион * был, с коммерческой точки зрения, необычным завершением кругооборота, но не надо себя обманывать: господство [короны] здесь осуществлялось к выгоде купцов Мехико [141]. Эти торопливые посетители кратковременных ярмарок в Акапулько, находясь на расстоянии в месяцы и годы пути [от Филиппин], крепко держали на поводке купцов манильских (которые отыгрывались на китайских купцах), совсем так же, как голландские купцы долго держали на поводке ливорнских купцов-комиссионеров. Когда существовало такое соотношение сил, то что же в точности обозначали термины «спрос» и «предложение»?

* Имеются в виду ежегодные рейсы испанских кораблей между Акапулько в Мексике и Манилой на Филиппинских островах. — *Прим. перев.*

[141] Schurz W. L. *The Manila Galleon*. 1959, p. 363.

СПРОС САМ ПО СЕБЕ

С учетом сказанного не будет, я полагаю, никакого неудобства в том, чтобы на какое-то мгновение выделить сам по себе спрос из контекста, в который он заключен. К этому поощряют меня замечания экономистов, занимающихся в сегодняшней действительности развивающимися странами. Рагнар Нурксе высказывается категорично: именно за бечевку спроса следует потянуть, если хочешь запустить двигатель [142]. Думать единственно об увеличении производства значило бы вести дело к перебоям. Я хорошо знаю, что то, что действительно для сегодняшнего «третьего мира», вовсе не является в силу самого этого, *ipso facto*, действительным для экономик и обществ Старого порядка. Но сравнение заставляет задуматься, и задуматься в двух направлениях. Разве только для вчерашнего дня имеет силу сделанное в 1766 г. замечание Кенэ? Никогда нет недостатка «в потребителях, кои не могут потреблять столько, сколько им бы хотелось: те, кто едят только хлеб из гречихи и пьют одну только воду, желали бы есть пшеничный хлеб и пить вино; те, кто не могут есть мясо, желали бы его есть. Те, у кого есть лишь худая одежка, хотели бы иметь доброе платье, а те, у кого нет дров для обогрева, желали бы иметь возможность их купить и т. д.» [143] К тому же эта масса потребителей непрестанно увеличивается. И следовательно, сказал бы я, всегда имелось в потенции с необходимыми поправками «общество потребления». Его аппетиты ограничивались лишь его доходами, $^9/_{10}$ которых оно неизменно и с легкостью пожирало. Но то была граница, ощущавшаяся подавляющим большинством людей как непреодолимая. Французские экономисты XVIII в., как и экономисты сегодняшнего «третьего мира», осознавали наличие такой границы, когда искали рецепты увеличения доходов и потребления, «падение которого,— как говорил уже Буагильбер,— есть падение дохода» [144]. Короче говоря, увеличивайте спрос.

[142] Nurkse R. *Problems of capital formation in underdeveloped countries*. 1958.

[143] *François Quesnay et la physiocratie*, II, p. 756.

[144] *Pierre de Boisguilbert ou la naissance de l'économie politique*. INED, 1966, II, p. 606.

Но, вполне очевидно, существовал спрос и спрос. Кенэ, противник спроса на «показную роскошь», проповедовал «потребление для поддержания существования», т. е. расширение

повседневного спроса «производительного класса»[145]. Он не заблуждался: как раз этот спрос и есть важнейший, ибо он *долговременный*, большой по объему и способен поддерживать во времени свое давление и свои требования, а значит, безошибочно направлять предложение. Любое «разбухание» этого спроса имело первостепенную важность для [экономического] роста.

Этот базовый спрос проистекал из старинного выбора (либо пшеница, либо рис, либо кукуруза), и последствия и «дрейфы»[146] такого выбора бывали многочисленны. Он проистекал из потребностей, от которых человеку не уйти,— в соли, в дровах, в тканях... Именно исходя из таких первоочередных потребностей, историю которых так редко изучали, следует судить о массовых, главнейших видах спроса и о соответствовавших им рекордах. Таких рекордах, как, скажем, то, что Китаю удавалось перевозить на север, до самого Пекина, по длинному водному пути Императорского канала рис, соль и лес южных провинций; что в Индии осуществлялись перевозки морем риса Бенгалии или же транспортировка, на сей раз сухим путем, риса и пшеницы караванами из тысяч вьючных быков; что повсюду на Западе циркулировали зерно, соль и лес; что соль из Пеккэ, в Лангедоке, поднималась по Роне до Сесселя[147]; что соль Кадиса, Сетубала, бухты Бурнёф шла от Атлантики к Северному морю и в бассейн моря Балтийского. Так что прервать снабжение Соединенных Провинций солью означало бы в конце XVI в. поставить их на колени. Испания могла только мечтать об этом[148].

Что касается леса, на массовое использование которого мы указывали в нашем первом томе, то невозможно без изумления представить себе громадное движение, какое лес вызывал на всех реках Европы или Китая: плоты, караваны плотов, сплав молем, суда, которые пускали на слом по прибытии на место (так было на нижней Луаре и на множестве других рек), морские корабли, груженные досками, брусьями или даже специально построенные для доставки на Запад и на Юг несравненного мачтового леса Севера. Замена дров углем, жидким топливом, электричеством потребует более века последовательного приспособления. Для вина, бывшего составной частью базовой цивилизации Европы, перерывов в перевозках почти не наблюдалось. Правда, Пьер Шоню слегка преувеличивал, когда утверждал, будто «винные флоты» были в экономиках Старого порядка тем же, чем станет перевозка угля в XVIII в. и еще того больше — в XIX в.[149] С другой стороны, зерно — тяжелое и относительно дешевое — перемещалось сколь возможно мало в той мере, в какой оно возделывалось повсеместно. Но едва лишь плохой урожай создавал его нехватку, едва лишь возникал дефицит, как зерно совершало огромные путешествия.

Рядом с этими массивными, неповоротливыми действующими лицами такой товар, как предметы роскоши, выступал как персонаж хрупкий, но блестящий и притом весьма шумный. Деньги устремлялись к нему, повиновались его велениям. Таким образом, существовал *сверхспрос* со своими путями перевозок и своими внезапными переменами настроения. Желание, никогда не бывавшее слишком устойчивым, скорая на

[145] *François Quesnay et la physiocratie*, II, p. 664, 954—955.
[146] В том значении, в каком употребляет это выражение Пьер Гуру.
[147] Braudel F. *Médit...*, I, p. 409.
[148] *Ibid.*, I, p. 233.
[149] Chaunu H., Chaunu P. *Op. cit.*, VIII—1, p. 445.

изменение мода создавали потребности искусственные и настоятельные, переменчивые, но исчезавшие лишь для того, чтобы уступить место другим, по видимости столь же безосновательным страстям: сахару, спиртному, табаку, чаю, кофе. И зачастую именно мода и роскошь диктовали свой спрос на текстильные изделия в наиболее развитых и более всего вовлеченных в торговлю секторах, хотя прядение и ткачество в домашних условиях еще давали многое для повседневного употребления.

В конце XV в. богачи оставили сукна, затканные золотом и серебром, ради шелка. Последний, распростаняясь и становясь в определенной мере обыденным, станет признаком всякого продвижения по социальной лестнице и более чем на сто лет предопределит последний скачок процветания по всей Италии, пока шелковые мануфактуры не распространятся по всей Европе. Все еще раз переменилось с рождением моды на сукно английского образца в последние десятилетия XVII в. В следующем веке это будет внезапное вторжение «расписных тканей» (понимай: набивных хлопчатых тканей), сначала ввозимых из Индии, а затем производимых и в Европе. Во Франции соответствующие власти вели отчаянную борьбу, дабы защитить национальные мануфактуры от нашествия этих тонких тканей. Но ничто не помогало — ни надзор, ни обыски, ни тюремное заключение, ни штрафы, ни разгулявшееся воображение советчиков, вроде Брийона де Жуи, купца с улицы Бурдоннуа в Париже, который предлагал платить троим полицейским (*exempts*) по 500 ливров каждому, с тем чтобы они «раздевали прямо на улице... женщин, одетых в индийские ткани», либо же, ежели сия мера покажется чересчур радикальной, вырядить в «индийские ткани уличных девок», дабы их принародно раздевать в качестве спасительного примера [150]. Доклад генеральному контролеру Демаре в 1710 г. обнаруживает серьезное беспокойство в связи с этими кампаниями: следует ли заставлять людей заново создавать свой гардероб в обстановке, когда пищевые припасы столь дороги, звонкая монета редка, а правительственные облигации столь неудобны и мало пригодны для употребления. И к тому же как противодействовать моде? [151] Самое большее — высмеивать ее, как делал это Даниэль Дефо в 1708 г. в статье в «Уикли ревью». «Мы видим,— писал он,— знатных господ, обряжающихся в индийские ткани, кои незадолго до того находили для себя вульгарными их горничные. Индийские ткани возвысились, они поднялись с пола на женские спины; из ковриков они сделались юбками, и сама королева в эти времена любила показаться одетой в Китай и Японию — я хочу сказать, в китайские шелка и ситцы. И это не все, ибо наши дома, наш кабинет, наша спальня оказались наводнены этими тканями: занавеси, подушки, стулья — вплоть до самого постельного белья — это только ситцы и индийский хлопок».

Достойная или недостойная осмеяния, но мода, настойчивый, многоликий, сбивающий с толку спрос в конечном счете всегда одерживали победу. Во Франции более чем 35 постановлениям не удалось «излечить тех и других от этой приверженности к контрабанде [индийскими тканями]; так что помимо конфис-

150 A. N., G^7, 1695, 252.
151 *Ibidem*.

кации товаров и штрафа в тысячу экю с тех, кто их покупает и продает, пришлось эдиктом от 15 декабря 1717 г. добавить наказания по приговору суда, и в их числе — пожизненные галеры и даже более тяжкие, ежели случай того потребует». Запрет был окончательно отменен в 1759 г., и производство индийских тканей утвердилось в королевстве и быстро составило конкуренцию их производству в Англии, швейцарских кантонах и Голландии и даже в самой Индии [152].

[152] Savary des Bruslons J. *Op. cit.*, IV, 1762, col. 1023, постановления от 5 сентября 1759 г. и от 28 октября того же года (col. 1022 и 1024),

ПРЕДЛОЖЕНИЕ САМО ПО СЕБЕ

Экономисты, которые интересуются доиндустриальным миром, согласны в одном: предложение играло там незначительную роль. Ему недоставало гибкости, оно неспособно было быстро приспособиться к какому угодно спросу [153]. И к тому же следует делать различие между предложением сельскохозяйственным и промышленным.

Главным в экономике в ту эпоху была деятельность земледельческая. Несомненно, в определенных районах земного шара, особенно в Англии, производство и производительность полей возросли «революционным путем» в силу некоторых сопряженных друг с другом технических и социальных факторов. Но, как часто отмечали историки, даже в Англии именно случайный элемент — хорошие урожаи несколько лет подряд в 1730—1750 гг. — сыграл видную роль в самом начале экономического подъема острова [154]. В общем же сельскохозяйственное производство было зоной неподвижности.

В противоположность этому существовали две сферы — прежде всего промышленность и затем торговля,— где прогресс стал очевиден уже рано, невзирая на то, что вплоть до наступления эры машин, с одной стороны, и на то, что, с другой, слишком большая часть населения будет жить в условиях полуавтаркического мелкого земледелия, некий «потолок», одновременно внутренний и внешний, сдерживал любой чересчур энергичный рывок. Однако что касается промышленности, то я бы предположил на основании спорных соображений, имеющих в виду лишь порядок величин, что объем производства в Европе вырос между 1600 и 1800 гг. по меньшей мере впятеро. Я равным образом полагаю, что видоизменилось и обращение, расширив свое содействие. Наблюдалось нарушение изолированности экономик, расширение обменов. На обширном пространстве Франции, с этой точки зрения весьма удобном поле для наблюдений, такое разрушение перегородок было в глазах историков самым примечательным фактом XVIII в.[155]

Итак, вот к чему я веду: предложение, которое противостояло в конце XVIII в. ненасытному чудищу-потреблению, больше не было таким жалким и скромным, как можно было бы заранее предполагать. И разумеется, оно будет укрепляться с нарастанием промышленной революции. К 1820 г. оно уже было важной персоной. Довольно естественно, что экономисты сделаются внимательнее к его роли и начнут им восхищаться. С формулированием и «запуском в обращение» так называемого

[153] Bairoch P. *Révolution industrielle et sous-développement*. P., 1963, p. 201

[154] Hartwell R. M. *The Industrial Revolution and Economic Growth*. 1971, p. 181—182.

[155] См. настоящую работу, т. 3, гл. 4.

«закона» Жан-Батиста Сэ (1767—1832 гг.) для предложения наступило «повышение в ранге» [156].

Этот великолепный популяризатор (а вовсе не «гениальный деятель», возражал Маркс) был автором данного закона (именуемого также «законом рынков сбыта») не более, чем Томас Грешэм был создателем знаменитого закона, носящего его имя. Но взаймы дают только богачам, а Ж.-Б. Сэ, казалось, господствовал над умами экономистов своего времени. В действительности же элементы закона рынков сбыта встречаются уже у Адама Смита и еще более — у Джеймса Стюарта (1712—1780 гг.). И разве же не наметил его формулировку уже Тюрго, приписав Джозайе Чайлду ту «*неоспоримую максиму, что работа одного человека дает работу другому человеку*»? [157] Сам по себе закон формулируется очень просто: предложение на рынке постоянно вызывает спрос. Но поскольку простота эта, как всегда, скрывает глубинные сложности, всякий экономист развивал формулу на свой лад. Для Джона Стюарта Милля (1806—1873 гг.) «любое увеличение производства, если оно, без ошибок в расчетах, распределяется на все типы изделий в соответствии с пропорциями, каких требует частный интерес, создает или скорее организует свой собственный спрос» [158]. Вот уж кто не отличается ясностью, пытаясь быть чрезмерно ясным! В формуле Шарля Жида (1847—1932 гг.) неподготовленный читатель разберется не сразу. «Любой продукт находит тем больше рынков сбыта,— поясняет он,— чем большее имеется разнообразие и изобилие других продуктов» [159]; в общем, предложение находит свой спрос тем легче, чем более обильны другие предложения. «Протянуты две руки,— писал в 1952 г. Анри Гиттон,— одна, чтобы давать, другая, чтобы получать... Предложение и спрос суть два выражения одной и той же реальности» [160]. И это правда. Другой способ более логично объяснить суть дела: производство какой бы то ни было [материальной] ценности, которая в более или менее короткий срок будет *предложена* на рынке, самим своим процессом влекло за собой некое распределение денег: нужно было оплатить сырье, покрыть транспортные издержки, выдать заработную плату рабочим. Обычная участь этих распределенных денег — рано или поздно появиться вновь в форме спроса, или же, если угодно, покупок. Предложение назначает свидание самому себе.

Этот закон Сэ будет законом и объяснением для нескольких поколений экономистов, которые, за очень немногими исключениями, почти что не подвергали его сомнению примерно до 1930 г. Но законы, или так называемые экономические законы, живут, быть может, столько, сколько длятся реальности и устремления той экономической эпохи, более или менее точным зеркалом и интерпретацией которых эти законы были. Иная эпоха порождает новые законы. К 1930 г. Кейнс без труда опрокинул вековой давности закон Сэ. Помимо прочих доводов, он считал, что лица, получающие выгоду от предложения, отнюдь не обязательно расположены сразу же появиться на рынке как выразители спроса. Деньги — это возможность выбора: либо их сохранить, либо потратить, либо же инвестировать. Но задача наша не в том, чтобы с большей полнотой представить крити-

[156] Sowell T. *The Say's Laws*. 1972; Meunier Ch. E. L. *Essai sur la théorie des débouchés de J.-B. Say*. 1942.
[157] Turgot. *Œuvres*, I, p. 452.
[158] Цит. в кн.: Nurkse R. *Op. cit.*, p. 16.
[159] Цит. в кн.: Romeuf J. *Dictionnaire des sciences économiques*. 1956—1958. I, p. 372.
[160] Guitton H. *Les Fluctuations économiques*. 1952, p. 173.

ческие соображения Кейнса, определенно бывшие в его время плодотворными и реалистичными. По правде говоря, был ли Кейнс прав или не прав в 1930 г.— не наше дело. Был ли прав или не прав Сэ в 1820 г.— тоже не наша забота. Был ли он прав, я хочу сказать, был ли его закон приложим к периоду, *предшествовавшему* промышленной революции? Нас занимает этот, и только этот, вопрос, но мы не в состоянии с уверенностью на него ответить так, чтобы быть удовлетворенными этим ответом.

Двигаясь вспять от промышленной революции, мы оказываемся перед экономикой, подверженной частым перебоям, где разные сектора плохо соответствуют друг другу, движутся не в одном и том же ритме, какой бы ни была конъюнктура. Если даже какой-то один начинал двигаться вперед, он вовсе не обязательно увлекал за собой другие. И даже все могли по очереди играть роль «узкого места» для прогресса, никогда не бывавшего постоянным.

Нам хорошо известно, что купцы тех времен сетовали из принципа и что они преувеличивали. Но в конце концов они не лгали систематически, они не измышляли свои затруднения или превратности конъюнктуры, ее надломы, ее перебои, ее банкротства, даже на самых высоких уровнях концентрации денег.

Сектор «промышленного» производства — тот самый, о котором думал Сэ,— не мог в таких условиях рассчитывать, что его предложение встретит автоматический и *долговременный* благосклонный прием. Деньги, какие распределяло это производство, расходились неравномерно между поставщиками орудий, поставщиками сырья, перевозчиками и работниками. Последние были значительной статьей затрат. Но ведь то были своеобразные экономические «агенты». Деньги у них сразу же шли, как говорилось, «из руки в рот». Именно поэтому «обращение монеты становится более быстрым по мере того, как она проходит через руки низших классов», и самым оживленным бывает обращение монеты мелкой, поясняет Исаак де Пинто [161]. Подобным же образом немецкий камералист * Ф. В. фон Шрёттер в 1686 г. проповедовал развитие мануфактурной деятельности как средство развивать денежное обращение [162]. Распределить деньги среди ремесленников означало потерять всего лишь мгновение: деньги галопом возвращались в общий поток обращения. Можете этому поверить на слово, так как еще в 1817 г. Рикардо считал, что «естественная заработная плата» работника, вокруг которой колеблется «текущая [средняя] заработная плата»,— это та, которая предоставляет работнику средства к существованию, к продолжению рода [163]. Зарабатывая лишь строго необходимое, тот уступает прежде всего спросу на продовольствие: он откликается преимущественно на сельскохозяйственное предложение; к тому же как раз цена съестных припасов определяет его заработную плату. Следовательно, не было речи о предъявителе спроса на изготовленные мануфактурами товары, которые он же и произвел и которые зачастую бывали предметами роскоши [164]. И тогда рассматриваемое предложение создавало на эти товары в лучшем случае

[161] Pinto I., de. *Op. cit.*, p. 184.

* Камералистика, камеральные науки — так в XVIII и нач. XIX в. обозначалась совокупность экономических и правовых дисциплин, изучавших способы эффективного управления государственными имуществами.— *Прим. перев.*

[162] Heckscher E. F. *La Epoca mercantilista.* 1943, p. 653.

[163] Ricardo D. *Principes de l'économie politique.* 1970, p. 66

[164] *Ibid.*, глава о прибылях, в частности, с. 88—89.

лишь опосредованный спрос. Что же касается земледельческой продукции, то ее нерегулярные излишки были не таковы, чтобы повлечь за собой значительный опосредованный спрос на изделия мануфактур со стороны издольщика, поденщика или мелкого собственника.

Короче говоря, именно в этом тяжеловесном контексте надлежит понимать с такой легкостью вводящую нас в заблуждение мысль физиократов. Разве ошибочным было выдвигать на первый план земледельческое производство и земледельческое богатство в эпоху, когда предложение съестных припасов неизменно с трудом удовлетворяло спрос, с трудом следовало за всяким демографическим подъемом? И в то же время, разве столь частые застои в промышленности не зависели от слишком слабого спроса, будь то со стороны сельского населения, будь то со стороны городских ремесленников и рабочих? Делаемое Ф. Дж. Фишером различие между земледелием, которое тормозится предложением, и промышленностью, которую тормозит спрос [165],— кратчайшая формула, довольно удачно описывающая экономики Старого порядка.

В этих условиях, я боюсь, как бы закон Сэ в том, что касается дореволюционных веков, не оказался еще менее действителен, чем даже в применении к нашему XX в. Впрочем, мануфактуристы XVIII в. открывали свои крупные предприятия только при субсидиях, при беспроцентных займах и при монопольных правах, которые им предоставлялись *заранее*. Можно подумать — злоупотребляющие привилегиями предприниматели! А ведь в таких изумительных условиях успеха добивались не все, далеко не все.

Предложение растущее, способное создавать из любых вещей новые потребности,— то было еще будущее, то был скачок, ставший возможным с машинным производством. Никто лучше Мишле не сказал о том, насколько промышленная революция была в конечном счете революцией спроса, преобразованием «желаний», если воспользоваться выражением Тюрго, которое не вызвало бы возражений у некоторых сегодняшних философов.

В 1842 г., писал Мишле, «прядильное производство было в отчаянном положении. Оно задыхалось; склады ломились, сбыта не было никакого. Перепуганный изготовитель не осмеливался ни работать, ни остановить работу с этими все пожирающими машинами... Снижали цены — тщетно; снова снижали, вплоть до того, что хлопок упал до шести су... Тут произошла неожиданная вещь. Слова эти — *шесть су* — стали сигналом пробуждения. Миллионы покупателей, беднота, которая никогда не покупала, пришли в движение. Тогда стало видно, каким огромным и мощным потребителем является народ, когда он в этом принимает участие. Склады опустели разом. Машины снова начали яростно работать... То была во Франции революция, малозаметная, но великая; революцию чистоплотности, украшения жизни испытала бедная семья. У целых классов появилось нательное белье, белье постельное, столовое, занавеси — у классов, которые раньше, испокон веков, этого не знали» [166].

[165] Fischer F. J. *Tawney's Century.— Essays in Economic and Social History of Tudor and Stuart England.* 1961.
[166] Michelet J. *Le Peuple.* 1899, p. 73—74.

У РЫНКОВ СВОЯ ГЕОГРАФИЯ

В предыдущем разделе мы оставили в забвении купца, с тем чтобы увидеть только роль экономических ограничений и правил. Мы снова предадим его забвению в нижеследующем разделе, дабы рассмотреть только рынки сами по себе: пространство, какое они занимали, их объем, их [удельный] вес, коротко говоря, их ретроспективную географию. Ибо любой обмен занимает некое пространство, и никакое пространство не бывает нейтральным, т. е. не измененным и не организованным человеком.

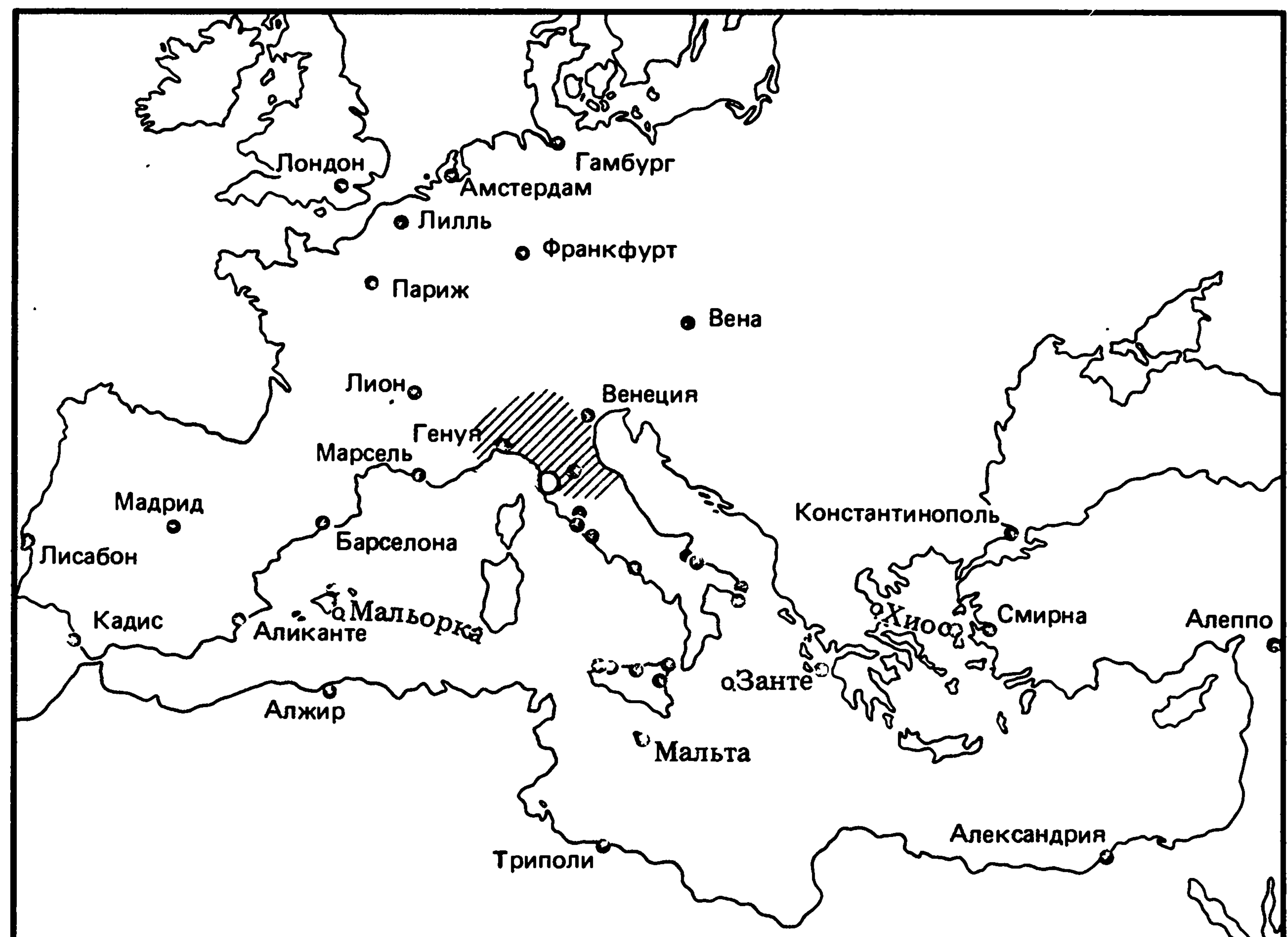
Говоря исторически, будет полезно, таким образом, обрисовать изменяющееся пространство, в котором доминировали одна фирма, один торговый центр, одна нация, или же которое занимал какой-либо данный вид торговли — зерном, солью, сахаром, перцем или даже драгоценными металлами. Это представляет способ пролить свет на воздействие рыночной экономики в каком-то данном пространстве, на лакуны этой экономики, частые ее несовершенства и в не меньшей степени — на постоянный динамизм.

ФИРМЫ НА СВОЕМ ПРОСТРАНСТВЕ

Купец всегда был связан с покупателями, поставщиками, заимодавцами, кредиторами. Нанесите места жительства этих действующих лиц на карту, и обрисуется пространство, которое в своей совокупности властвует над самой жизнью купца. Чем обширнее бывало такое пространство, тем более связанный с ним купец имел шансов стать влиятельным в принципе и почти всегда в действительности.

Зона дел, которые вели Джанфильяцци — флорентийские купцы, обосновавшиеся во Франции во второй половине XIII в.,— покрывала Альпы, прежде всего Дофине, и долину Роны; в западном направлении они действовали до Монпелье и Каркассонна[167]. Тремя столетиями позднее, около 1559 г., антверпенские Каппони, видное тосканское семейство, имевшее мировое значение и мировую известность, судя по их письмам и реестрам, оперировали внутри длинного и узкого пучка связей, протянувшегося от Северного моря до Средиземного, до Пизы и Флоренции, и имевшего ответвления к югу. Это был тот же самый, или почти тот же самый, пучок, связывавший Нидерланды с Италией, который на протяжении первой половины XVI в. определял деятельность пизанских Сальвиати, чьи монументальные архивы практически не использовались. В XVII в. итальянские торговые сети обнаруживали тенденцию распространиться на все Средиземноморье, утрачивая одновременно с этим свое господствующее положение на Севере. Реестр «поручений и распоряжений» (“*commessioni e ordini*”) за 1652—1658 гг. тосканской фирмы Саминиати, стержнем деловых связей которой был Ливорно, обнаруживает сеть связей главным образом средиземноморскую: Венеция, Смирна, сирийский Триполи, варва-

[167] По поводу Джанфильяцци см.: Sapori A. *Studi di storia economica*. 3 ed. 1955, II, p. 933 sq. Относительно Каппони см. реестр, имеющийся у Армандо Сапори, который любезно предоставил мне микрофильм с него.



Торговые сношения фирмы Саминиати в XVII в.
Речь идет об обосновавшейся во Флоренции и Ливорно фирме Саминиати, многочисленные документы которой, спасенные в конце концов Армандо Сапори, находятся в Университете Боккони в Милане. Заштрихованная зона (Центральная и Северная Италия) — зона тесных связей фирмы. Она охватывала своей деятельностью все Средиземноморье, Кадис, Лисабон, а также север Европы (Париж, Лион, Франкфурт-на-Майне, Лилль, Лондон, Амстердам, Гамбург и Вену). Карта составлена м-ль М. Лапейр.

рийский Триполи, Мессина, Генуя и Марсель занимают там первые места; часто упоминаются Константинополь, Александретта, Палермо, Алжир. Пунктами контакта с Севером были Лион и особенно Амстердам. Использовавшиеся суда зачастую бывали голландскими или английскими. Но Ливорно есть Ливорно, и в ведомостях нашей фирмы мы находим упоминание двух кораблей, которые погрузили в Архангельске красную юфть [168]. Исключение, подтверждающее правило!

Если бы мы располагали сотнями или тысячами ведомостей такого рода, сама собой обнаружилась бы полезная типология торгового пространства и торговых фирм. Мы узнали бы, как противопоставить друг другу пространство закупок и пространство продаж, как объяснить одно другим, как различать то, что соединяется, и то, что рассеивается. Мы научились бы различать пространственный пучок [связей], практически линейный и, видимо, отражавший отступление к одной главной оси, и обширных пропорций круг, который бы соответствовал периодам подъема и оживленных обменов. После второго или третьего примера мы бы не усомнились в том, что купец скапливал состояние — что само собой разумеется! — когда прочно укоренялся в ареале крупного торгового центра. Об этом говорил уже Котрульи, рагузинец XV в.: «Крупную рыбу ловят в больших озерах» [169]. Мне нравится также рассказанная Эриком Машке история того аугсбургского купца и хрониста, начало деятельности которого было таким трудным и чья жизнь начала обретать равновесие лишь с того времени, как он добрался до Венеции [170]. Точно так же для складывания состояния Фуггеров характерны две даты: сентябрь 1367 г.— Ганс Фуггер покидает свою родную деревню Грабен, чтобы направиться в близлежащий Аугсбург, где он устроится со своим семейством в роли ткача, изготовляющего

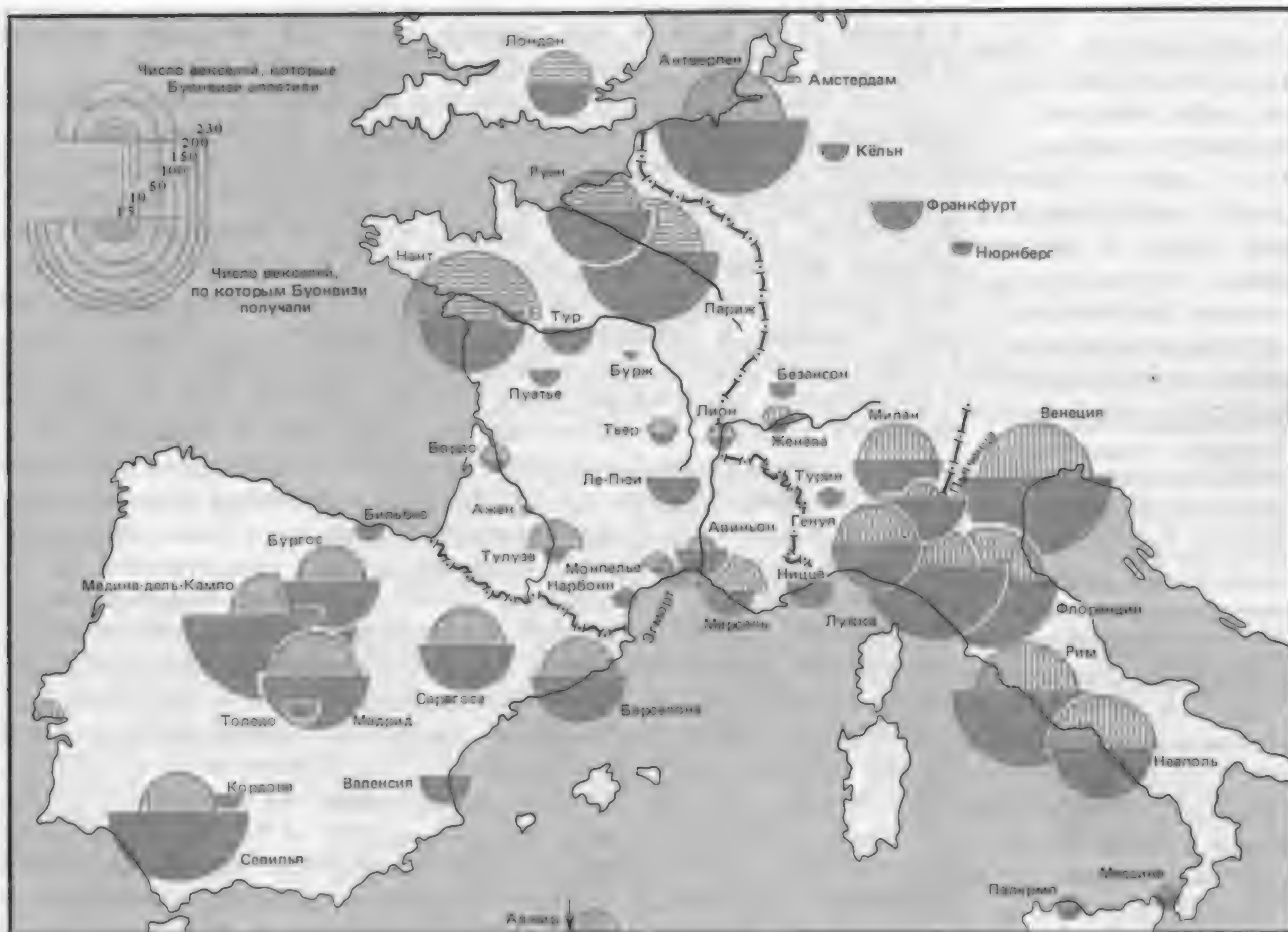
[168] Архивы, хранящиеся в миланском Университете Боккони.
[169] Cotrugli B. *Della Mercatura.* 1573, p. 145.
[170] См.: Maschke E. в: "*Mélanges Hermann Aubin*", 1965, I, p. 235.

бумазею (*Barchent*); и 1442 г.— его наследники становятся купцами, торгующими на дальние расстояния, имеющими деловые связи с соседними крупными городами и с Венецией [171]. Это были факты обыденные, стократно повторявшиеся. Федериго Мелис упоминает историю Борромеи, выходцев из пизанской пригородной деревни (*contado*), «которые в конце XV в. миланизировались», т. е. обосновались в Милане (*“che alla fine del secolo XV si milanesizzarono”*), и сразу же создали состояние [172].

Пространство купца было кусочком национального или международного пространства в данный период. Если период этот

[171] Hering E. *Die Fugger*. 1940, S. 23, 27.

[172] Melis F. *La Civiltà economica nelle sue esplicazione dalla Versilia alla Maremma*, p. 21, 35.



Семейство Буонвизи покорило всю Европу
С 1575 по 1610 г. торговая Европа была покрыта сетью фирм семейства Буонвизи — луккских купцов, обосновавшихся в Лионе и представленных во всех важных торговых центрах своими родственниками и своими корреспондентами. Векселя связали в единую сеть самые разные дела. Речь идет здесь о числе введенных в оборот векселей, а не об их стоимости. Так что нельзя полностью доверяться создаваемому этим графиком впечатлению повсеместно выгодного положения фирмы (за исключением Нанта и Тулузы). Было бы интересно установить реальные размеры мелких пересылок векселей из Лиона на Лион и ненормально большого потока в сторону Лукки — города, из которого происходили Буонвизи. (Карта составлена по эскизу Франсуазы Бейяр — Bayard F. *Les Buonvisi, marchands banquiers de Lyon, 1575—1629.— “Annales E. S. C.”*, 1971, p. 1242—1243).

проходил под знаком подъема, «купеческое» пространство, на котором действовал негоциант, имело шансы быстро округлиться, в особенности если последний занимался крупными делами, векселями, монетой, драгоценными металлами, «королевскими товарами» (такими, как пряности, перец, шелк) или товарами модными, например сирийским хлопком, необходимым ткачам [-изготовителям] бумазеи. Из весьма недостаточного ознакомления с архивами Франческо Датини из Прато я вынес впечатление, что около 1400 г. крупномасштабным предприятием было обращение векселей — из Флоренции в Геную, Монпелье, Барселону, Брюгге, Венецию. Так не было ли финансовое пространство в конце XIV в. и в эти первые годы XV в. более зрелым и быстрее расширявшимся, нежели какое-либо другое?

Если прогресс XVI в. завершился, как я постулировал, весьма активной надстройкой ярмарок и торговых финансовых центров, мы лучше поймем резкое расширение пространства, на котором развертывались многочисленные дела аугсбургских Фуггеров и Вельзеров. По масштабам эпохи то были предприятия громадные, внушавшие страх прочим купцам и общественному мнению самим своим размахом. Аугсбургские Вельзеры присутствовали повсюду в Европе, в Средиземноморье, в Новом Свете, в Венесуэле с 1528 г., где [затем] испанское недоброжелательство и ужасающие насилия местных властей привели их к хорошо известному краху *. Но разве же эти Вельзеры не оказывались с удовольствием везде, где нужно было рискнуть, создать или потерять состояние? Во сто крат более благоразумные Фуггеры достигли не только еще более крупного успеха, но и более прочного. Они были хозяевами самых больших горных предприятий Центральной Европы — в Венгрии, в Чехии, в Альпах. Через подставных лиц они прочно закрепились в Венеции. Они господствовали в Антверпене, который в начале XVI в. был активным центром мира. Очень рано Фуггеры появились в Лисабоне и в Испании, где поддержали Карла V; в 1531 г. мы их встречаем в Чили, хотя оттуда они довольно быстро, в 1535 г., убрались [173]. В 1559 г. они открыли в Риеке (Фиуме) и в Дубровнике свое собственное «окно в Средиземноморье» [174]. В конце XVI в., когда они испытывали колоссальные трудности, Фуггеры некоторое время принимали участие в международном перечном консорциуме в Лисабоне. Наконец, они присутствовали и в Индии через посредство своего соотечественника Фердинанда Крона, который приехал туда в 1587 г. в возрасте 28 лет и который будет представлять Фуггеров и Вельзеров в Кочине, а затем в Гоа. Он, вероятно, оставался там вплоть до 1619 г., имея достаточно времени, чтобы сколотить очень большое состояние, оказывать тысячи услуг своим далеким испанским хозяевам, а на месте — хозяевам португальским, чью черную неблагодарность он испытает после 1619 г., познав и тюрьмы и беззаконие [175]. Короче, империя огромной фирмы была обширнее империи Карла V и Филиппа II, над которой, как известно, никогда не заходило солнце.

Но отнюдь не эти колоссы, не эти загромождавшие [арену] истории персонажи были самыми показательными. Что нас интересовало бы, так это средние величины, т. е. фирмы разной

* Бартоломеус Вельзер получил от Карла V в обеспечение займа управление провинцией Каракас. В 1548 г. испанские власти насильственно завладели этой провинцией, а сам Вельзер был казнен.— *Прим. перев.*

[173] Lütge F. *Op. cit.*, S. 288.

[174] Gestrin F. *Le Trafic commercial entre les contrées des Slovènes de l'interieur et les villes du littoral de l'Adriatique du XIII*[e] *au XVI*[e] *siècle.* 1965, p. 116

[175] Kellenbenz H. *Le Front hispano-portugais contre l'Inde et le rôle d'une agence de renseignements au service des marchands allemands et flamands.—"Estudia"*, 1963, XI; Boxer C. R. *Uma raridade bibliografica sobre Fernão Cron.—"Boletim internacional de bibliografia luso-brasiliana"*, 1971.

величины и их общая вариативность. В XVII в. их размеры, по-видимому, в среднем уменьшились. В XVIII в. все выросло вновь: деньги захватили всю Европу и даже весь мир. Более чем когда-либо налицо оказался интернационал очень богатых. Но для того чтобы обосновать эту схему, потребовалось бы приумножить число примеров и сопоставлений. Предстоит еще проделать большую и тщательную работу.

ГОРОДСКИЕ ПРОСТРАНСТВА

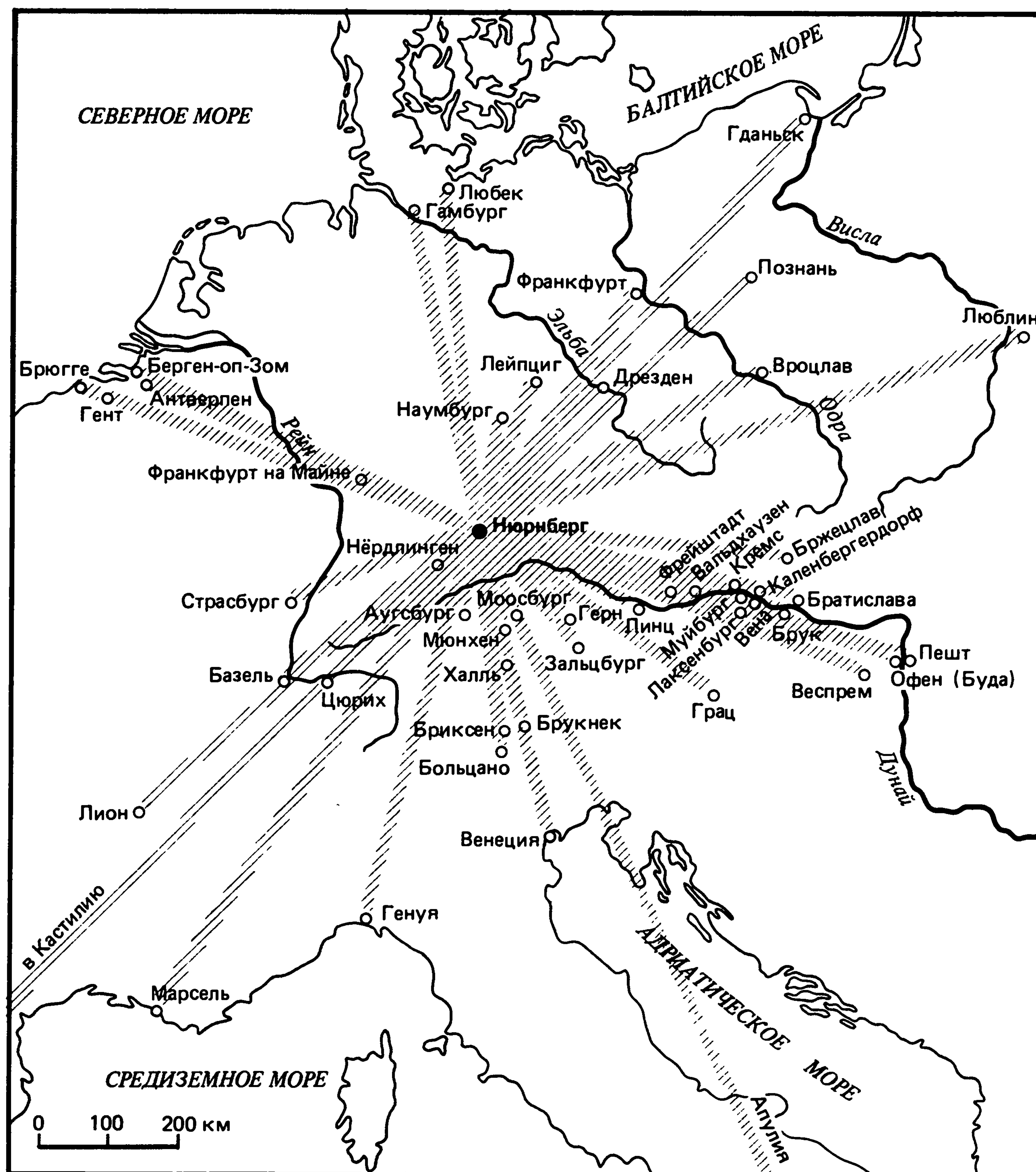
Город находился в центре связанных друг с другом пространств: существовал круг, за счет которого город снабжался; круг тех, кто пользовался его монетой, его весами и мерами; круг, из которого приходили в город его ремесленники и новые горожане; круг его кредитных дел (это был самый обширный из всех); круг его закупок и продаж — все это были последовательные круги, через которые проходили новости, притекавшие в город или распространявшиеся из него. Как лавка купца или же его склад, город занимал экономическое пространство, которое ему «жаловали» его положение, его богатство, долговременная конъюнктура, которую город переживал. В любой момент город определяли эти круги, что лежали вокруг него. Но их информацию остается осмыслить.

Вот перед нами свидетельство города Нюрнберга около 1558 г., в котором вышла «Книга о торговле» (*"Handelsbuch"*) нюрнбержца Лоренца Медера. В этой купеческой книге, только что переизданной и снабженной комментарием Германом Келленбенцем [176], Лоренц Медер задался целью дать своим согражданам практические сведения, а вовсе не решать занимающую нас ретроспективно проблему, а именно — дать правильный перечень и верную интерпретацию торговых пространств Нюрнберга. Но его указания, дополненные Германом Келленбенцем, позволили составить карту, довольно богатую данными (см. ее на с. 178). Она говорит сама за себя. Нюрнберг — промышленный, торговый и финансовый город первой величины — тогда, во второй трети XVI в., еще пребывал на том взлете, который несколькими десятилетиями раньше сделал Германию одним из двигателей европейской деловой активности. И значит, Нюрнберг был связан с экономикой большого радиуса, а его изделия, перемещаясь все дальше и дальше, доходили на Ближний Восток, в Индию, Африку и в Новый Свет. Однако деятельность его оставалась ограничена европейским пространством. Центральная зона его торговли в общем охватывала [всю] Германию посредством связей короткого и среднего радиуса. Перевалочными пунктами и пределами его действий на дальнее расстояние, местами, где Нюрнберг в некотором роде передавал эстафету, служили Венеция, Лион, Медина-дель-Кампо, Лисабон, Антверпен, Краков, Вроцлав, Познань, Варшава.

Йоганнес Мюллер показал, что на протяжении начальных лет XVI в. Нюрнберг был как бы геометрическим центром активной [экономической] жизни Европы [177]. В этом утверждении нет чрезмерного местного патриотизма. Но почему это было так? Не-

[176] *Das Meder'sche Handelsbuch und die Welser'schen Nachträge.* Hrsg. N. Kellenbenz, 1974.

[177] Müller J. *Der Umfang und die Hauptrouten des nürnbergischen Handelsgebietes im Mittelalter.— "Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte"* 1908, S. 1—38.



Городское пространство: сфера влияния Нюрнберга около 1550 г. По данным *"Das Meder'sche Handelsbuch"* (Hrsg. H. Kellenbenz, 1974).

сомненно, вследствие возросшей активности сухопутных перевозок. А также вследствие того, что Нюрнберг располагается на полпути между Венецией и Антверпеном, между древним торговым пространством Средиземноморья и Атлантикой (и связанными с ней морями), новым пространством успеха Европы. Вне сомнения, ось Венеция — Антверпен оставалась на протяжении всего XVI в. самым активным из всех европейских «перешейков». Правда, посередине его перегораживают Альпы, но они были ареной непрерывных чудес в том, что касалось транспорта, как если бы трудность порождала систему коммуникаций, превосходящую все остальные. Значит, не будем излишне удивляться, констатировав, что в конце XVI в. перец прибывал в Нюрнберг как через Антверпен, так и через Венецию. Перец «северный» и перец «южный» были в настолько равном положении, что товар мог с одинаковым успехом, и на сей раз без остановки, отправляться из Антверпена в Венецию или из Венеции в Антверпен. Морем и по суше.

Разумеется, речь здесь идет о положении германской эконо-

мики в данную эпоху. В плане долгосрочном чаша весов склонялась к выгоде Восточной Германии, более континентальной. Этот подъем востока приобрел конкретную форму с XVI в. (особенно после банкротств 1570 г. в Нюрнберге и Аугсбурге) в виде возвышения Лейпцига и его ярмарок. Лейпцигу удалось навязать себя германским рудникам, устроить у себя самый значительный рынок *Кихеп* — паев горнодобывающих предприятий, напрямую связаться с Гамбургом и Балтийским морем, избавившись от промежуточного этапа в Магдебурге. Но город оставался также прочно привязан к Венеции, «венецианские товары» поддерживали целый сектор его деятельности. Кроме того, Лейпциг сделался по преимуществу транзитным центром для товаров, перемещавшихся между западными и восточными районами. С годами его подъем стал стабильным. В 1710 г. можно было утверждать, что лейпцигские ярмарки были «намного важнее и значительнее» (*“weit importanter und considerabler”*), чем ярмарки во Франкфурте-на-Майне, по крайней мере если говорить о товарах, ибо как финансовый центр город на Майне был в этот период более важен, чем Лейпциг [178]. У денежных привилегий была трудная жизнь.

Как видим, городские пространства трудно поддаются интерпретации, тем более что и документы не больно отвечают на наши вопросы. Даже такая богатая материалом книга, как недавно вышедший труд Жан-Клода Перро «Генезис современного города. Кан в XVIII в.» (1975 г.), не может разрешить все проблемы, которые в ней рассмотрены с образцовыми тщательностью и пониманием. То, что теоретическая схема фон Тюнена действительна для Кана, не вызывает удивления: вокруг города, взятого изолированно, даже зажатого в собственных границах, легко зафиксировать «огородно-молочный пояс», потом ареал зерновых и ареал животноводства [179]. Но уже труднее было бы различить ареалы, где распространялись промышленные изделия, изготовленные в городе, и те рынки и ярмарки, через которые они распределялись. Разве не была более всего показательна двойная игра в региональном и международном пространстве, которую приходилось вести городу, и, стало быть, две разные системы обращения — первая «капиллярная», на близкие расстояния и непрерывная; вторая — перемежающаяся и вынужденная в случаях продовольственных кризисов использовать водные перевозки по Сене или же морскую торговлю, с исходными пунктами в Лондоне и Амстердаме. Две эти системы приноравливались друг к другу, противостояли одна другой, или дополняли одна другую, либо сменяли друг друга. Способ, каким международная жизнь затрагивала город, характеризовал последний в такой же мере, а порой и больше, чем его непреходящие связи со своим ближним окружением. Всемирная история перешагивала через историю локальную.

[178] Kroker E. *Handelsgeschichte der Stadt Leipzig.* 1925, S. 71, 163 et passim.

[179] Perrot J.-C. *Genèse d'une ville moderne. Caen au XVIII^e siècle.* 1975, p. 181 sq.

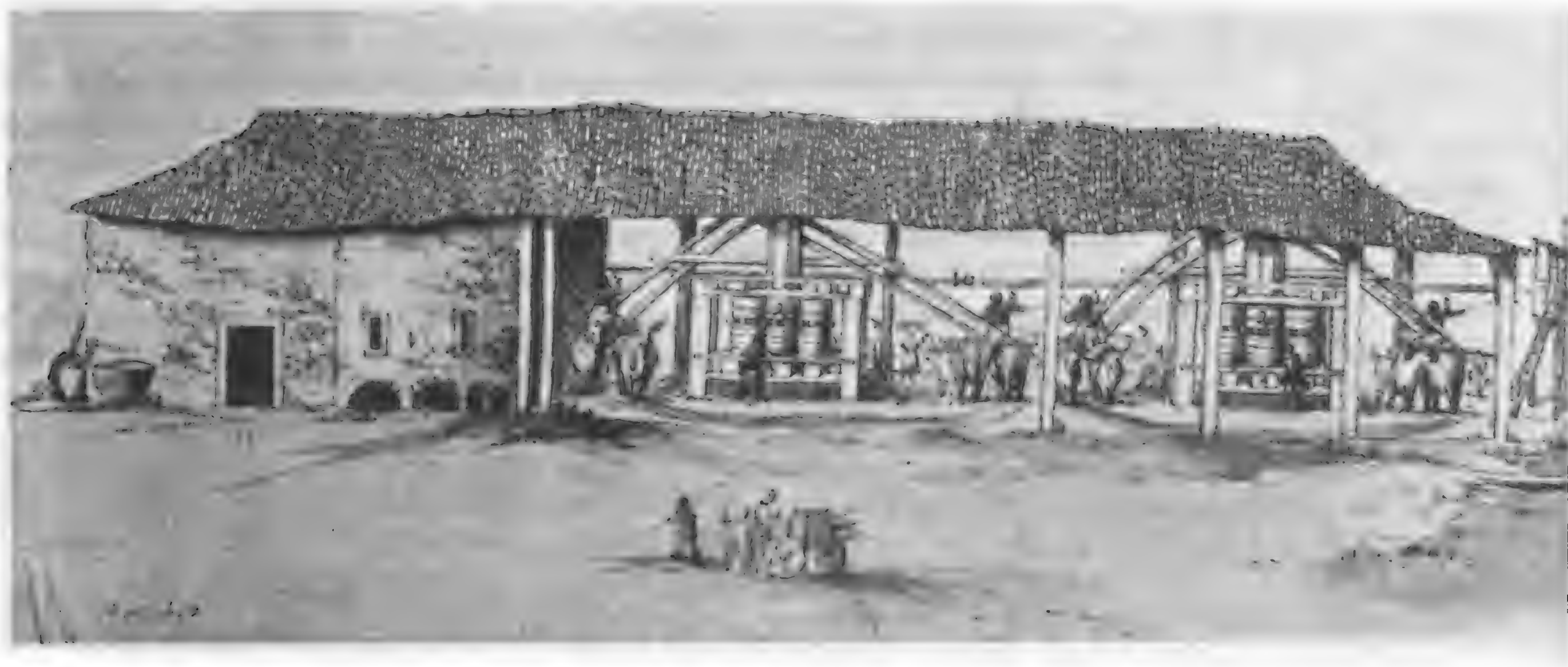
СЫРЬЕВЫЕ РЫНКИ

Мы могли бы написать историю крупных рынков сырья между XV и XVIII вв. наподобие классического руководства Фернана

[180] Maurette F. *Les Grands Marchés des matières premières*. 1922.
[181] Gascon R. *Op. cit.*, I, p. 37.
[182] См. настоящую работу, т. 1, с. 238—242.
[183] См. настоящую работу, т. 1 (французское издание 1967 г.), с. 162.
[184] *Там же*, с. 165

Моретта, относящегося к миру 20-х годов XX в.[180] И если бы мы благоразумно пожелали придерживаться примеров многозначительных, то оказались бы перед трудным выбором: все ходовые товары предлагают себя в качестве свидетелей, а их свидетельства, хоть и очень различающиеся, сходятся по крайней мере в одном: самые активные города, самые уважаемые и самые блестящие купцы охватывали [своими операциями] громадные пространства. Размах служил стойким признаком богатства и успеха. Пример пряностей — слово это «перекрывает удивительное многообразие продуктов» от таких, что служили «для улучшения вкуса блюд... [вплоть] до медицинских снадобий [и до] материалов, необходимых при окраске тканей»[181],— настолько известен и до того классический, что колеблешься, предлагать ли его в качестве модели. Преимущество этого примера заключено в том, что он являет нам долговременный подъем в виде сменяющих друг друга эпизодов, а затем, в XVII в., явный спад[182]. Но мы уже объяснились по этому поводу[183]. В противоположность этому сахар был продуктом относительно новым, потребление и пространство сбыта которого с XV по XX в. непрестанно и в быстром темпе расширялись. За несколькими незначительными исключениями (кленовый сироп, сахар из маиса), до самых времен Континентальной блокады и использования сахарной свеклы драгоценный продукт получали из сахарного тростника. Этот последний, как мы показали[184], переместился из Индии в Средиземноморье и на Атлантику (Мадейра, Канарские острова, Азорские острова, Сан-Томе, Принсипи, а затем — тропическое побережье Американского континента, Бразилия, Антильские острова). Продвижение это было тем более примечательно, что требовало, принимая во внимание [технические] средства той эпохи, дорогостоящих капиталовложений.

С таким же успехом сахар, продолжавший, как и в прежние времена, оставаться в арсенале аптекаря, все больше завоевывал кухню и стол. В XV и XVI вв. он еще был очень большой рос-



Сахарная мельница в Бразилии. Рисунок, приписываемый Ф. Посту (около 1640 г.). Заметьте на переднем плане характерную повозку со сплошными колесами, запряженную быками, и упряжки животных, вращающих приводы. *Фонд «Атлас ван Столк».*

кошью, княжеским подарком. 18 октября 1513 г. король португальский преподнес владыке Святого престола его изображение в натуральную величину, окруженное фигурами двенадцати кардиналов и тремя сотнями свечей длиною в полтора метра каждая — все изготовленное [из сахара] терпеливым кондитером [185]. Но, не став еще всеобщим, потребление сахара уже делало успехи. В 1544 г. в Германии обычно говаривали: «Сахар никакое блюдо не портит» (*"Zucker verderbt keine Speis"*) [186]. Начались поставки из Бразилии: в XVI в. в среднем 1600 тонн в год. В 1676 г. с Ямайки отправилось 400 кораблей, нагруженных каждый в среднем 180 тоннами сахара (всего, стало быть, 72 тыс. тонн) [187]. А в XVIII в. столько же, если не больше, произведет Сан-Доминго (Гаити) [188].

[185] Baxa J., Bruhns G. *Zucker im Leben der Völker*. 1967, S. 24—25.
[186] *Ibid.*, S. 27.
[187] *Ibid.*, S. 32.
[188] См. настоящую работу, т. 1 (французское издание 1967 г.), с. 166.
* *Moscouade* — сахар-сырец; *cassonade* — сахар, прошедший одну очистку.— *Прим. перев.*
[189] Savary des Bruslons J. *Op. cit.*, IV, col. 827.

Но не будем представлять себе европейский рынок наводненным сахаром из приатлантических стран. Или воображать рост сахарного производства, бывший будто бы первопричиной расцвета океанских плаваний и, как бы рикошетом, возраставшего обновления Европы. Такой примитивный детерминизм, впрочем, опровергается без труда: разве же не быстрое развитие Европы, которому помогали европейские страсти, сделало возможным «взлет» сахара так же, как и «взлет» кофе?

Здесь невозможно проследить, как один за другим складывались элементы обширной «истории сахара» — черные невольники, плантаторы, техника производства и очистки сахара-сырца, снабжение дешевым продовольствием плантаций, неспособных себя прокормить; наконец, морские связи, европейские склады и перепродажи. К 1760 г., когда дела обстояли нормально, на парижском и иных рынках предлагали *несколько* видов сахара — «*moscouade*, *cassonade* *, сахар по семи ливров, сахар королевский, сахар полукоролевский, леденцовый и красный сахар, который иначе называют кипрским. Добрый *moscouade* должен быть беловатым по цвету, елико возможно менее жирным и почти не пахнуть горелым. *Cassonade*, каковой также именуют островным сахаром, должно выбирать белый, сухой, зернистый, со вкусом и запахом фиалок. Самый прекрасный происходит из Бразилии; но торговля им почти прекратилась. Кайеннский сахар занимает второе место, а сахар островной следует за ним. Кондитеры в своих вареньях используют много бразильского и островного *cassonade* и даже более его ценят, нежели очищенный сахар: варенья, кои из него приготовляют, более хороши... и меньше подвержены засахариванию» [189]. Ясно, что в эту эпоху сахар утратил престиж раритета. Он стал статьей бакалейной торговли и кондитерского производства.

Но нас-то здесь занимает скорее значение [того] опыта сахарного производства и торговли сахаром, который мы примерно знаем, для делового человека. И прежде всего то, что с начала своей карьеры в Средиземноморье сахар представлялся отличным деловым предприятием. На сей счет очевиден пример Венеции и кипрского сахара, поскольку он предстает как безуспешно оспаривавшаяся монополия семейства Корнер (Корнаро), «сахарных королей». В 1479 г., когда Венеция захватила Кипр, она выиграла «сахарную войну».

Нам мало известно о сахарном деле Корнеров. Но остальные

известные нам опыты оставляют впечатление, которое априорно почти не вызовет удивления. А именно: что в цепи последовательных операций с сахаром *производство* никогда не было сектором, дававшим крупные прибыли. На Сицилии в XV и XVI вв. сахарные мельницы, поддерживавшиеся генуэзским капиталом, оказались посредственным и даже неудачным делом. Точно так же сахарный *бум* на островах Атлантики в начале XVI в. смог обеспечить получение значительных прибылей. Но когда крупные капиталисты Вельзеры купили в 1509 г. участки на Канарских островах и заложили там сахарные плантации, они нашли предприятие недостаточно рентабельным и забросили его в 1520 г. [190] В XVI в. такой же была ситуация на бразильских плантациях: они давали плантатору (*senhor de engenho*) возможность жить, но отнюдь не роскошествовать. Сан-Доминго, невзирая на свое рекордное производство, производит не очень отличающееся от этого впечатление. Не по этой ли веской причине производство было отброшено к низшему — рабскому — уровню труда? Только там оно нашло, могло найти свое равновесие.

[190] Baxa J., Bruhns G. *Op. cit.*, S. 27.

Но такая констатация идет и дальше. Всякий капиталистический рынок имел свои последовательные звенья, а возле своего центра — пункт, бывший более важным и более прибыльным, чем другие. Например, в торговле перцем таким главным пунктом долгое время был *«Фондако деи Тедески»* (Немецкий двор), там скапливался венецианский перец и оттуда затем отправлялся крупным германским покупателям. В XVII в. *центром* перца были обширные склады голландской Ост-Индской компании. Что же касается сахара, *целиком* включенного в сеть европейских обменов, то связи были более сложны, потому что для удержания главного пункта торговли нужно было держать в руках производство. Атлантический сахар приобрел свое великое значение только во второй половине XVII в., с подъемом в разные сроки Антильских островов (разные на разных островах). В 1654 г., потеряв бразильский Северо-Восток, голландцы потерпели неудачу, которую еще усугубили решающие успехи английского и французского производства. Коротко говоря, налицо был *раздел производства*, а затем — *раздел очистки* (важнейшая операция) и в конечном счете — *раздел рынка*.

Будут существовать лишь «эскизы» доминирующего сахарного рынка — к 1550 г. в Антверпене, где тогда насчитывалось 19 очистных сахарных заводов, в Голландии, после ухудшения положения на антверпенском рынке в 1585 г. В 1614 г. Амстардаму пришлось запретить использование на сахарных заводах каменного угля, отравлявшего атмосферу; тем не менее число заводов не переставало расти: в 1650 г. их было 40, в 1661-м — 61. Но в этот век меркантилизма по преимуществу национальные экономики оборонялись, и им удалось сохранить за собой свой собственный рынок. Так, во Франции, где Кольбер защитил национальный рынок тарифами 1665 г., очистные сахарные заводы стали процветать в Дюнкерке, Нанте, Бордо, Ла-Рошели, в Марселе и Орлеане... Как следствие, с 1670 г. сахар, очищенный за границей, больше не поступал во Францию; напротив, его экспортировали отсюда благодаря своего рода экспортной премии, обязанной своим появлением ретроспективному снижению таможенных сбо-

[191] *Ibid.*, S. 40—41 u. passim.
[192] *"Journal de Commerce,"* 1759, p. 97

ров, взимавшихся при ввозе сырцового сахара, когда последний экспортировался в виде очищенных сортов сахара [191]. Что еще способствовало французскому экспорту, так это то, что национальное потребление было невелико (1/10 производства в колониях против 9/10 — в Англии), и плантации получали из метрополии менее дорогостоящее продовольствие (ввиду более низкого уровня цен во Франции), нежели плантации на Ямайке, снабжавшиеся главным образом Англией, несмотря на определенный вклад Северной Америки.

«Перед войной [той, что станет Семилетней войной],— писала «Журналь де коммерс»,— сахара из английских колоний бывали в Лондоне на 70 процентов дороже, чем сахара французских колоний, при одинаковом качестве, во французских портах. Сие превышение цен не могло иметь иной причины, как чрезмерные цены съестных припасов, кои Англия поставляет своим колониям. А при таких ценах что может Англия сделать с излишком своих сахаров?» [192] Вполне очевидно — потреблять их. Поскольку, следует добавить, внутренний английский рынок был уже на это способен.

Во всяком случае, невзирая на экспорт и перепродажу крупными странами-производителями, «национализация» рынков сахара посредством закупок сахара-сырца и устройства очистных заводов распространилась по всей Европе. Начиная с 1672 г. Гамбург, воспользовавшись затруднениями Голландии, расширил свои очистные заводы и ввел на них новые [технологические] приемы, секрет которых он попытается сохранить. И очистные сахарные заводы будут созданы и в Пруссии, Австрии и в России, где они станут государственной монополией. Следовательно, чтобы точно знать движение рынков сахара и подлинные прибыльные пункты, следовало бы воссоздать сложную сеть связей между зонами производства, денежными рынками, господствовавшими над производством, и очистными сахарными заводами, которые были средством частично контролировать оптовое распределение. Ниже этих «мануфактур» бесчисленные лавки розничной перепродажи возвращают нас к *обычному* уровню рынка и его скромных прибылей, подчиненных жесткой конкуренции.

Где поместить во всей этой взятой в целом сети главный пункт или главные пункты, самые прибыльные звенья? Я охотно сказал бы, имея перед глазами пример Лондона, что на стадии оптового рынка, по соседству со складами, где скапливались ящики и бочки с сахаром, перед лицом покупателей белого сахара и сахара темного (патоки), в зависимости от того, шла ли речь о занятых рафинированием, о кондитерах или же о простых покупателях. В конце концов, несмотря на первоначальные запреты, на островах утвердилось изготовление белого сахара, предназначавшегося для очистных сахарных заводов метрополий. Но не были ли эти усилия промышленности признаком трудностей, которые переживали острова-производители? Ключевая позиция на оптовом рынке находилась, на наш взгляд, подле рафинадных заводов, которые, по-видимому, не соблазняли крупных купцов. Но чтобы быть в этом уверенным, потребовалось бы поближе узнать взаимоотношения между негоциантами и сахарозаводчиками.

ДРАГОЦЕННЫЕ МЕТАЛЛЫ

Но оставим сахар, к которому, впрочем, у нас еще будет случай вернуться. В нашем распоряжении есть нечто лучшее: драгоценные металлы, которые затрагивают всю планету, которые выносят нас на самый высокий уровень обменов, которые бы отмечали при необходимости ту бесконечно возобновляющуюся иерархизацию экономической жизни, которая создавала над уровнем этой жизни и [отдельные] достижения и рекорды. Что касалось этого вездесущего товара, бывшего предметом постоянных вожделений, странствовавшего вокруг света, то предложение и спрос всегда сходились.

Но выражение «драгоценные металлы», так легко возникающее под пером, не столь просто, как это кажется. Оно обозначало разные предметы:

1. Необработанные металлы, такие, какими они выходят из рудников или из песков золотых приисков.



Генуэзский сундук со сложными замками: сундуки такого типа использовались для перевозки слитков серебра и серебряной монеты из Испании в Геную. *Генуя, Сберегательная касса. Фото издательства А. Колэн.*

2. Полуфабрикаты — слитки, бруски, или крицы (крицы — неправильной формы куски пористого и легкого металла, каким он остается после испарения ртути, использовавшейся для амальгамирования; в принципе их переплавляли в бруски и слитки, прежде чем выбросить на рынок).

3. Обработанный продукт — монеты, которые, впрочем, люди охотно переплавляли, дабы сделать новые монеты; так бывало в Индии, где при одинаковой пробе и одинаковом весе стоимость рупии зависела от даты ее выпуска — монета предшествующих лет ценилась меньше, чем чеканенная в текущем году.

В разных этих формах драгоценный металл непрестанно перемещался, и перемещался быстро. Уже Буагильбер говорил о деньгах, что они полезны лишь тогда, когда пребывают «в постоянном движении»[193]. И в самом деле, монета обращалась безостановочно. «Ничто не перевозится с большей легкостью и с меньшими потерями»,— заметил Кантийон[194], который, по мнению Й. Шумпетера (правда, спорному), был будто бы первым, кто заговорил о быстроте обращения монеты[195]. Быстрота порой бывала такова, что она нарушала порядок последовательных операций между получением слитка и чеканкой монеты. Так было в середине XVI в. и в еще большей мере — потом: на перуанском побережье корабли из Сен-Мало в начале XVIII в. тайком грузили восьмерные песо, но в такой же мере и «беспятинные» серебряные крицы (имеется в виду контрабандное серебро, с которого не был взыскан налог в размере одной пятой стоимости в пользу короля). Впрочем, крицы — «шишки» — всегда были контрабандными. «Законное» серебро не в виде чеканенной монеты существовало в слитках и брусках, которые мы часто видим обращающимися в Европе.

Но монета была еще более подвижной. Обмены заставляли ее сыпаться наподобие водопада, контрабанда позволяла ей преодолевать любые препятствия. Для нее, как говорит Луи Дерминьи, «не существовало Пиренеев»[196]. В 1614 г. в Нидерландах было в обращении 400 разных ее типов; во Франции около того же времени — 82[197]. Не было ни одного района Европы, известного нам, даже из числа самых бедных, где бы при случае не попадались самые неожиданные монеты, — что в округе альпийского города Амбрёна XIV в.[198], что в таком замкнувшемся в себе районе, как Жеводан в XIV и XV вв.[199] Бумага могла сколько угодно и очень рано множить свои услуги, но звонкая монета, наличные (*"argent à la main"*) сохраняли свои прерогативы. В центре Европы, где западные европейцы приобрели удобную привычку улаживать (или пытаться уладить) свои конфликты, могущество соперников — Франции или Англии — измерялось выплатой наличными деньгами. В 1742 г. венецианские сообщения отмечали, что английский флот доставил крупные суммы, предназначавшиеся для Марии-Терезии, «королевы Венгерской»[200]. Цену союза с Фридрихом II для могущественного Альбиона составили в 1756 г. направлявшиеся в Берлин 34 повозки звонкой монеты[201]. А как только весной 1762 г. наметился мир, благосклонность обратилась на Россию. «Почта из Лондона 9 [марта], — пишет один дипломат,— доставила векселя на Амстердам и Роттердам на сумму более чем 150 тыс. монет, каковую сумму надлежит

[193] *Pierre de Boisguilbert...*, II, p. 621.
[194] Cantillon R. *Op. cit.*, p. 15.
[195] Schumpeter J. *History of economic analysis.* 1954 (Итальянское издание 1959 г., с. 268).
[196] Dermigny L. *La Chine et l'Occident*, I, p. 376.
[197] Supple B. E. *Currency and commerce in the early seventeenth century.— "The Economic Historical Review"*, January 1957, p. 239—264.
[198] Manteyer G., de. *Le Livre-journal tenu par Fazy de Rame.* 1932, p. 166—167.
[199] Costelcade L. *Mentalité gévaudanaise au Moyen Age.* 1925; см. рецензию Марка Блока (Bloch M.) в: *"Annales d'histoire économique et sociale"*, 1929, I, p. 463.
[200] Public Record Office, 30/25, Potfoglio 1, 2 ноября — 2 декабря 1742 г.
[201] A. d. S. Napoli, Affari Esteri, 796, Гаага, 28 мая 1756 г.

[202] Москва, АВПР, 50/6, 470.
[203] Там же, 84/2, 421, л. 9; письмо Фациуса.
* Бамбук (Бамбудугу) — междуречье рек Бакой и Бафинг, от слияния которых образуется река Сенегал (территория современных Гвинеи и Мали).— *Прим. перев.*
[204] Abbé Prévost. *Op. cit.*, III, p. 641, путешествие Компаньона в 1716 г.
[205] Canabrava A P. *Op. cit.*, p. 13; Hanke L. *La Villa impérial de Potosi. Un capitulo inédito en la historia del Nuevo Mundo.* 1954.
[206] Cañete y Dominguez P. V. *Guia histórica*, p. 57.— Цит. в кн.: Wittman T. *La riqueza empobrece; problemas de crisis del Alto Peru colonial en la Guia de P.V. Cañete y Dominguez.*—"*Acta historica*" (Szeged), 1967, XXIV, p. 17.
[207] Buarque de Holanda S. *Monções.* 1945.

передать русскому двору» [202]. В феврале 1799 г. через Лейпциг проследовали транзитом «пять миллионов» английский денег, в слитках и в монете; отправленные из Гамбурга, деньги эти направлялись в Австрию [203].

С учетом сказанного единственная подлинная проблема — это выявить, если возможно, причины или по меньшей мере свойства этого обращения, которое пронизывало «тело» господствовавших экономик от одного края света до другого. Мне представляется, что эти причины и свойства лучше поддаются пониманию, если различать очевидные три этапа: производство, передачу, накопление. Ибо, конечно, существовали страны — производители необработанного металла, страны, регулярно вывозившие монету, и страны-получатели, откуда монета или металл никогда более не уходили. Но имелись также и смешанные случаи, самые показательные, к числу которых относились Китай и Европа — одновременно и импортеры и экспортеры.

Страны — производители золота и серебра почти всегда были странами еще первобытными, даже дикими, идет ли речь о золоте Борнео, Суматры, острова Хайнань, Судана, Тибета, Сулавеси или о горнодобывающих зонах Центральной Европы в XI—XIII вв., да даже еще и во время второго их расцвета — в 1470—1540 гг. Правда, вплоть до XVIII в. и позднее по берегам европейских рек сохранялись старатели, но речь тут шла о производстве ничтожном и практически не принимавшемся в расчет. Поселки рудокопов в Альпах, в Карпатах или Рудных горах в XV и XVI вв. следует себе представлять расположенными в совершенной пустоте. У людей, что там работали, была трудная жизнь, но они по крайней мере были свободными!

В противоположность этому в Африке, в Бамбуке *, бывшем сердцем золотоносного района Судана, «рудники» находились под контролем деревенских старост. И там существовало по меньшей мере полурабство [204]. Еще более определенной была ситуация в Новом Свете, где Европа ради добычи драгоценных металлов воссоздала в большом масштабе античное рабство. Кем, как не рабами, были индейцы Миты (горного округа), как позднее, в XVIII в., и негры на золотых приисках Центральной Бразилии? Возникали странные города, и самый странный из них — Потоси в Высоких Андах, на высоте 4 тыс. метров, колоссальный горняцкий поселок, город-язва, куда набилось больше 100 тыс. человеческих существ [205]. Жизнь там была абсурдной даже для богачей: курица стоила до восьми реалов, яйцо — два реала, фунт кастильского воска — десять песо, и все остальное соответственно [206]. Что можно сказать кроме того, что деньги там ничего не стоили? А ведь зарабатывали здесь не рудокоп и даже не хозяин рудника, а купец, который авансировал чеканенную монету, продовольствие, ртуть, в которой нуждались рудники, и спокойно возмещал свои затраты металлом. В Бразилии XVIII в., производившей золото, дело обстояло так же. По рекам и волокам целый флот так называемых *монсойс* (*monções*), отправлявшихся из Сан-Паулу, уходил снабжать продовольствием хозяев и черных невольников золотых приисков провинций Минас-Жераис и Гояс [207]. И обогащались только эти торгаши. Зачастую то, что оставалось горнякам, у них отнимала игра, едва лишь они ненадолго возвращались

в город. Мехико будет по преимуществу столицей игорной. В конечном счете на весах прибыли серебро или золото весили меньше, нежели маниоковая мука, маис, вяленное на солнце мясо — бразильское *a carne do sol*.

И как бы оно могло быть иначе? В разделении труда *во всемирном масштабе* ремесло рудокопа выпадало, повторим это, на долю самых несчастных, самых обездоленных из людей. Ставка была слишком значительна, чтобы сильные мира сего, кто бы они ни были и где бы они ни были, не вмешались весьма грубым образом. По тем же соображениям они не выпускали из-под своего контроля также и разведку алмазов или [иных] драгоценных камней. Тавернье посетил в 1652 г. в качестве покупателя знаменитую алмазную россыпь, «каковая называется Раолконда... в пяти днях пути от Голконды» [208]. Там все было великолепно организовано к выгоде государя и купцов и даже для удобства клиентов. Но рудокопы были жалкими, нагими, с ними плохо обращались и их подозревали — с полным, впрочем, основанием — в постоянных попытках смошенничать. В XVIII в. бразильские искатели алмазов (*garimpeiros*) были искателями приключений, невероятные странствия которых невозможно было бы проследить шаг за шагом, но прибыль от их приключений в конечном счете доставалась купцам, государю в Лисабоне и откупщикам алмазной торговли [209]. Когда горное предприятие начиналось под знаком относительной независимости (как то было в средневековой Европе), можно было быть уверенным, что рано или поздно оно окажется все же заковано в купеческие цепи. Мир рудников — это было предвестие мира индустриального и его пролетариата.

[208] Tavernier J.-B. *Op. cit.*, II, p. 293.

[209] Такой гаримпейру был создателем зоны производства какао в Ильеоре в 1844 г. См.: Calmon P. *Historia social do Brazil*. 1937, p. 190.

[210] Hazan A. *En Inde aux XVI^e et XVII^e siècles: trésors américains, monnaie d'argent et prix dans l'Empire mogol*.— "*Annales E.S.C.*", juillet-août 1969, p. 835—859.

Другая категория, страны-получатели, — это прежде всего Азия, где денежная экономика более или менее сформировалась, а кругообороты драгоценного металла были менее подвижны, чем в Европе. Следовательно, там господствовала тенденция удерживать драгоценные металлы, тезаврировать, недоиспользовать их. То были страны-губки, или, как говорили, «кладбища» драгоценных металлов.

Двумя крупнейшими резервуарами были Индия и Китай, довольно сильно друг от друга отличавшиеся. Индия почти с равным удовольствием принимала желтый и белый металл — в такой же мере золотой песок Контракошты (или, ежели угодно, Мономотапы), как и серебро Европы, а позднее — Японии. Приток американского белого металла, по словам индийских историков, даже предопределил там рост цен с запозданием на два десятка лет по сравнению с европейской «революцией цен» в XVI в. Это еще одно доказательство тому, что ввезенное серебро оставалось здесь. И также доказательство того, что баснословные сокровища Великого Могола не обесценивали всю массу постоянных поступлений белого металла, ибо цены поднялись [210]. Разве американское серебро не питало непрестанные переплавки и перечеканки индийских монет?

О том, что происходило в Китае, мы, несомненно, осведомлены не так хорошо. Вот оригинальный факт: известно, что Китай не придавал золоту значения денег и вывозил его к выгоде тех, кто желал обменивать золото на серебро, по исключительно низкому курсу. Португальцы были первыми европейцами, которые в XVI в.

констатировали это удивительное предпочтение, отдаваемое китайцами белому металлу, и воспользовались им. В 1633 г. один из них еще уверенно писал: «Как только китайцы почуют серебро, они притащат горы товаров» (*"Como os Chinos sentirão prata, em montões trouxerão fazenda"*) [211]. Но не будем верить испанцу Антонио де Ульоа, утверждавшему в 1787 г., будто «китайцы непрестанно прилагают усилия, дабы приобрести серебро, коего нет в их стране», в то время как они — «одна из наций, которые в оном менее всего нуждаются» [212]. Напротив, серебро было монетой высшего качества и весьма распространенной в китайских обменах (для оплаты покупок его резали ножницами на тоненькие пластинки) наряду с монетой низшего сорта — *caixas* и *sapèques*, из сплава меди и свинца.

Современный историк Китая полагает, что по меньшей мере половина серебра, произведенного в Америке с 1571 по 1821 г., попала в конечном счете в Китай, чтобы навсегда там остаться [213]. Пьер Шоню говорит о трети, включая сюда непосредственный вывоз из Новой Испании на Филиппины по Тихому океану, что само по себе было бы уже огромной массой [214]. Ни тот, ни другой из этих расчетов не бесспорен, но некоторые соображения делают их правдоподобными. В первую очередь — прибыль от операции, заключавшейся в обмене серебра на золото в Китае, прибыль, долгое время не снижавшаяся, во всяком случае многие годы после наступления XVIII в. [215] То была торговля, которой занимались даже из Индии и Индонезии. С другой стороны, в 1572 г. было положено начало новому пути вывоза американского серебра через Тихий океан — на манильских галионах, которые связали мексиканский порт Акапулько со столицей Филиппин; они доставляли туда белый металл для закупок китайских шелков и фарфора, роскошных хлопчатых тканей Индии, драгоценных камней, жемчуга [216]. Связь эта, которая познает взлеты и падения, сохранится на протяжении всего XVIII в. и даже позднее: последний галион возвратится в Акапулько в 1811 г. [217] Но здесь, несомненно, следовало бы говорить обо всей Юго-Восточной Азии. Несколько иной факт не объясняет всего, но облегчает понимание. Большому английскому паруснику «Индустан», везшему в 1793 г. в Китай посла Макартни, удалось заполучить на борт старого жителя Кохинхины. Человек этот чувствовал себя не в своей тарелке; «но когда ему вложили в руку испанские пиастры, то оказалось, что он знал их цену, ибо тщательно завернул их в край своего драного одеяния» [218].

Страны ислама и Европа занимали особое положение между странами-производителями и странами-накопителями, а именно: положение передаточного звена, посредников.

Что до мусульманского мира, находившегося с этой точки зрения в таком же положении, что и Европа, то нет надобности долго об этом распространяться. Остановимся лишь на том, что касается обширной Турецкой империи. В самом деле, ее слишком часто рассматривали как экономически нейтральную зону, которую европейская торговля будто бы пересекала безнаказанно, по своему усмотрению: в XVI в. через Египет и Красное море или же через Сирию и по караванным путям, что вели в Иран и к Персидскому заливу; в XVII же веке через

[211] Boxer C. R. *The Great Ship from Amacom. Annals of Macao and the Old Japan Trade, 1555—1640*. Lisbon, 1959, p. 6, n. 1, письмо Мануэла да Камара ди Норонья от 12 сентября 1633 г.

[212] Ulloa A., de. *Mémoires philosophiques, historiques, physiques, concernant la découverte de l'Amérique*. 1787, I, p. 270.

[213] Gernet J. *Le Monde chinois*, p. 423.

[214] Chaunu P. *Les Philippines*, p. 268—269.

[215] Например, к 1570 г. соотношение цен золота и серебра было в Китае примерно 6 к 1 против 12 к 1 в Кастилии; к 1630 г. сответственно 8 к 1 против 13 к 1. Chaunu P. *Manille et Macao*.— *"Annales E. S. C."*, 1962, p. 568.

[216] Schurz W. L. *Op. cit.*, p. 25—27.

[217] *Ibid.*, p. 60.

[218] Macartney G. *Voyage dans l'intérieur de la Chine et en Tartarie fait dans les années 1792, 1793 et 1794...* P., 1798, I, p. 431.

Смирну и Малую Азию. Следовательно, все эти торговые пути Леванта были будто бы нейтральны, т. е. потоки белого металла якобы двигались по ним, не играя там никакой роли, почти не задерживаясь, спеша к персидским шелкам или к набивным тканям Индии. Тем более что Турецкая империя была и останется прежде всего зоной золота — это золото, происходившее из Африки, из Судана и Абиссинии, доставлялось при посредстве Египта и Северной Африки. На самом же деле рост цен, установленный (для XVI в. в широком понимании) трудами Омера Лютфи Баркана и его учеников, доказывает, что империя приняла участие в инфляции серебра, которая в значительной мере вызвала в ней кризисы аспры (этой важнейшей мелкой серебряной монеты), коль скоро последняя использовалась во [всей] повседневной жизни и составляла жалованье янычар. Следовательно, посредником Турция была, но никоим образом не нейтральным [219].

Роль Турции была, однако, скромной в сравнении с функциями, которые выполняла в мировом масштабе Европа. И до открытия Америки Европа кое-как находила у себя то серебро или то золото, что необходимы были для восполнения дефицита ее торгового баланса на Леванте. С открытием же рудников Нового Света она подтвердила свою роль перераспределителя драгоценного металла, закрепилась в ней.

Для историков хозяйства этот денежный поток в одном направлении представлялся неблагоприятным для Европы обстоятельством, как бы утратой субстанции. Но разве не означает это рассуждать в соответствии с меркантилистскими предрассудками? Если уж предлагать один образ вместо другого, то я предпочел бы сказать, что Европа с ее золотыми и особенно серебряными деньгами непрестанно бомбардировала те страны, двери которых в ином случае закрылись бы перед нею или открывались бы с трудом. А разве не проявляла любая торжествующая денежная экономика тенденцию заменить собственной монетой монету других — что, несомненно, происходило как бы само собой, естественным путем, без приложения с ее стороны каких-то сознательных усилий? Именно таким образом с XV в. венецианский дукат, тогда бывший реальной монетой, вытеснил египетские золотые динары, а Левант вскоре заполонили серебряные монеты венецианского монетного двора (*Zecca*), пока с последними десятилетиями XVI в. его не наводнили испанские «восьмерные монеты», впоследствии названные пиастрами, которые станут в дальнейшем оружием европейской экономики на Дальнем Востоке. В октябре 1729 г. Маэ де ла Бурдонне просил Клоривьера, своего приятеля и компаньона в Сен-Мало, собрать средства и переправить их ему в Пондишери в пиастрах, дабы вложить их в различные возможные предприятия торговли «из Индии в Индию» [220]. Если бы, пояснял Ла Бурдонне, его доверители прислали ему крупные капиталы, он смог бы попытаться предпринять поездку в Китай, которая требует много серебра; а такую поездку обычно выговаривают себе английские губернаторы Мадраса как верное средство сколотить состояние. Ясно, что в данном случае серебряная монета была способом «вскрыть» кругооборот, насиль-

[219] Braudel F. *Médit*..., I, p. 299. См. также статью Омера Л. Баркана: Barkan O. L. *Les Mouvements des prix en Turquie entre 1490 et 1655*.— "*Mélanges Braudel*", 1973, I, p. 65—81.

[220] A.N., 94 AQ 1, dossier 11, Пондишери, 1 октября 1729 г.



Венецианская монета 1471 г. выпуска: лира дожа Никколо́ Трона. Это был единственный дож, изображение которого чеканилось на монетах. *Фото Национальной библиотеки.*

но в него включиться. Впрочем, добавляет Ла Бурдонне, «всегда выгодно оперировать крупными средствами, ибо сие делает вас господином торговли, поелику ручейки всегда следуют течению рек».

Как же не увидеть результаты такого же прорыва в Тунисском наместничестве, где в XVII в. испанская «восьмерная монета» сделалась стандартными деньгами [221]? Или еще в России, где сбалансирование счетов повлекло за собой широкое проникновение голландской, а затем английской монеты? По правде говоря, без этих денежных инъекций громадный русский рынок не смог бы или не пожелал бы реагировать на спрос Запада. В XVIII в. успехи английских купцов окажутся следствием их авансов купцам московским, скупщикам продуктов, которых требовала Англия, или же комиссионерам при торговле ими. В противоположность этому первые шаги английской компании в Индии были трудными, пока компания упрямо присылала сукна и жестко отсчитывала наличные деньги своим отчаявшимся факторам, принужденным делать займы на месте.

Следовательно, Европа была обречена вывозить значительную долю своего запаса серебра, а при случае (но не столь щедро) и своих золотых монет. Такова была в некотором роде ее структурная позиция; она занимала ее с XII в., она оставалась на ней на протяжении веков. Так что довольно комично выглядели усилия первых территориальных государств воспрепятствовать утечке драгоценных металлов. Для Эона «изыскать

[221] Cherif M. *Introduction de la piastre espagnole ("ryâl") dans la régence de Tunis au début du XVII*^{e} *siècle.—"Les Cahiers de Tunisie"*, 1968, № 61—64, p. 45—55.

способы задержать [в государстве] золото и серебро, не допустив, чтобы они из него уходили», было в 1646 г. правилом всякого «великого политика». Беда в том, добавляет он, что «все золото и серебро, какое привозят [во Францию], словно бросают в дырявый мешок, а Франция кажется лишь каналом, по коему непрерывно и не останавливаясь протекает вода» [222]. Разумеется, эту необходимую экономическую роль взяли на себя контрабанда или подпольная торговля. Повсюду происходили утечки. Но то были краткосрочные услуги. Там, где на первом плане стояла коммерция, требовалось, чтобы рано или поздно двери были широко открыты и чтобы металл обращался быстро и свободно, как [всякий] товар.

Италия XV в. такую необходимость признала. В Венеции либеральное постановление, разрешавшее вывоз монеты, было принято по меньшей мере в 1396 г. [223]; оно было возобновлено в 1397 г. [224], а затем 10 мая 1407 г. решением *Pregadi* *, содержавшим одно-единственное ограничение: купец, который будет вывозить деньги (вне сомнения, белый металл для Леванта), должен будет предварительно его ввезти и передать четвертую его часть в монетный двор Синьории (*Zecca*) [225]. После чего он волен везти остальное «в какое угодно место» (*"per qualunque luogo"*). Экспортировать белый металл на Левант или в Северную Африку было до такой степени призванием Венеции, что Синьория будет всегда чрезмерно ценить золото, делая из него, если можно так выразиться, «плохие» деньги, которые в изобилии есть на месте и которые, вполне очевидно, вытесняют хорошие, т. е. серебро. Не было ли это целью, коей надлежало достигнуть? Подобным же образом можно было бы показать, как Рагуза или Марсель организовывали свой вывоз монеты, необходимый и плодотворный. Марсель, за которым надзирали власти монархии, встречал с их стороны только неприятности и непонимание. Ежели в городе запретить свободное хождение пиастров и их вывоз на Левант, изо всех сил старался объяснить город около 1699 г., ежели требовать, чтобы их переплавляли на монетных дворах, пиастры попросту утекут в Геную или в Ливорно. Благоразумно было бы дозволить их вывоз не только Марселю, но также и приморским городам «вроде Тулона или Антиба и прочих, где флот производит платежи» [226].

Затруднений такого рода не было в Голландии, где торговля распоряжалась всем: золотые и серебряные монеты ввозились туда и оттуда вывозились совершенно свободно. Такая же свобода в конечном счете установится и в Англии, находящейся на подъеме. Невзирая на весьма бурные споры вплоть до самого конца XVII в., двери будут все шире и шире распахиваться перед чеканенным металлом. От этого зависела жизнь Ост-Индской компании. Английский закон, вотированный парламентом в 1663 г. как раз под давлением компании, довольно откровенен в своей преамбуле. «Опыт учит,— говорится там,— что деньги [читай: в виде монеты] в великом изобилии притекают в места, где за ними признается свобода вывоза» [227]. Влиятельный сэр Джордж Даунинг мог утверждать: «Деньги, кои некогда служили мерилом для товаров, сами сделались то-

[222] Eon J. (в монашестве — отец Матвей де Сен-Жан). *Le Commerce honorable*. 1646, p. 99.
[223] A.d.S. Venezia, Senato Misti, reg. 43, f° 162.
* *Consiglio dei Pregadi* — Сенат Венецианской республики.— *Прим. перев.*
[224] *Ibid.*, reg. 47, f° 175 v°. Этими сведениями я обязан Р. Мюллеру.
[225] Museo Correr, Donà delle Rose, 26, f° 2.
[226] A.N. A.E., B[III], 235; Carrière Ch. *Op. cit.*, II, p. 805 sq.
[227] Heckscher E. F. *Op. cit.*, p. 695.



Золотая гинея Карла II выпуска 1678 г. *Фото Национальной библиотеки.*

варом» [228]. С этого времени драгоценные металлы обращаются на глазах у всех и с ведома всех. В XVIII в. всякое сопротивление прекратилось. Например, 16 января 1721 г. газеты объявили на основании деклараций лондонской таможни об отправке 2315 унций золота в Голландию; 6 марта — 288 унций золота тем же назначением и 2656 унций серебра в Ост-Индию; 20 марта — 1607 унций золота во Францию и 138— в Голландию [229] и т. д. Вернуться вспять было уже невозможно, даже во время такого острого финансового кризиса, какой свирепствовал после заключения Парижского договора 1763 г. В Лондоне, конечно, хотели бы немного притормозить «чрезмерную утечку золота и серебра в Голландию и во Францию, какая произошла за короткое время». Но «пытаться воспрепятствовать сему значило бы нанести смертельный удар государственному кредиту, каковой важно в любое время нерушимо поддерживать» [230].

Но известно, что такой была позиция не всех европейских правительств. Игра в открытые ворота станет всеобщей отнюдь не за один день, и такие идеи в некотором роде с запозданием сделаются модными. Франция определенно не была пионером в этом деле. Французский эмигрант граф д'Эспеншаль, прибывший в Геную в декабре 1789 г., счел нужным заметить, что «золото и серебро [суть] в Генуэзском государстве товары» [231], как если бы то было некой странностью, заслуживавшей упоминания. У осужденного на долгий срок меркантилизма была трудная жизнь.

И тем не менее общая картина, какую следует сохранить в памяти,— это не образ Европы, вслепую избавлявшейся от своих драгоценных металлов. Дело обстояло гораздо сложнее.

[228] *State Papers Domestic, 1660—1661,* p. 411. Цит. в кн.: Lipson E. *The Economic History of England.* 1948, III, p. 73.

[229] *"Gazette de France"*, p. 52, 16 января; p. 135, 6 марта; p.139, 20 марта 1721 г. Аналогичные объявления появились 6 марта 1730 г. (с. 131); 16 сентября 1751 г. (с. 464).

[230] АВПР, 50/6, 472, с. 26—27.

[231] *"Le Journal d'émigration"* графа д'Эспеншаля был опубликован Эрнестом д'Отривом в 1912 г. Цитируемый отрывок, не вошедший в издание, взят из рукописи, хранящейся в библиотеке Клермон-Ферранского университета (f° 297).

Нужно учитывать постоянную «дуэль» между белым и желтым металлами, к которой давно уже привлек внимание Ф. Спунер [232]. Европа позволяла белому металлу покидать ее пределы, и он странствовал по свету. Но она высоко ценила золото; это был способ удержать его дома, сохранить для *внутренних* надобностей того из «миров-экономик» [*économie-monde* — экономически автономный регион], каким была Европа, для важных европейских расчетов — купца с купцом и нации с нацией. Это было также средство наверняка привлечь его из Китая, Судана, из Перу. Турецкая империя, этот тоже европеец, на свой лад проводила ту же политику: сохранять золото, позволяя утекать быстрым потокам серебра. Чтобы ясно истолковать процесс в предельных его формах, следовало бы переформулировать так называемый закон Грешэма: плохие деньги изгоняли хорошие. Действительно, одна монета изгоняла другие, которые раньше присутствовали, всякий раз, когда ее стоимость бывала завышена по сравнению с относительным уровнем той или иной экономики. Франция в XVIII в. искусственно завышала цену серебра вплоть до реформы 30 октября 1785 г., «которая изменила соотношение цен золота и серебра с 1 к 14,4 до 1 к 15,5» [233]. В результате Франция в XVIII в. была Китаем в миниатюре — туда стекался белый металл. Венеция, Италия, Португалия, Англия, Голландия, даже Испания [234] завышали цену золота. Впрочем, достаточно бывало малейших различий, чтобы золото устремлялось в зоны такого завышения: тогда оно бывало «плохими деньгами», поскольку прогоняло белый металл, заставляя его странствовать по свету.

Но все же массовый отток белого металла создавал внутри европейской экономики нередкие перебои. Однако как раз этим он способствовал успеху денег бумажных — этого паллиатива, вызвал разведку рудных богатств в отдаленных краях, побудил торговлю изыскивать заменителя драгоценных металлов, отправлять на Левант сукна, в Китай — индийские хлопок или опиум. В то время как Азия изо всех сил старалась оплачивать белый металл текстильной продукцией, но особенно растительными продуктами, пряностями, наркотиками, чаем, Европа, дабы выровнять свой баланс, удвоила свои горнопромышленные и индустриальные усилия. Не обрела ли она в таком оттоке вызов, который обернулся к ее же выгоде? Что, во всяком случае, достоверно, так это то, что не следует говорить, как частенько это делают, о губительном для Европы кровопускании, как если бы она в целом оплачивала роскошь пряностей и китайских безделушек своей собственной кровью!

[232] Spooner F. C. *L'Économie mondiale et les frappes monétaires en France, 1493—1680*. 1956 (дополненное английское издание появилось в 1972 г.).
[233] Marion M. *Dictionnaire...*, p. 384.
[234] Bourgoing J.-F., de. *Nouveau Voyage en Espagne, ou Tableau de l'état actuel de cette monarchie*. P., 1788, II, p. 87.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИКИ И ТОРГОВЫЙ БАЛАНС

Речь здесь не идет об изучении национального рынка в классическом смысле этого слова, который развивался довольно медленно и неравномерно в зависимости от страны. В следу-

ющем томе мы вернемся к пространному обсуждению важности такого постепенного формирования, которое еще не завершилось в XVIII в. и которое создало современное государство.

Сейчас же мы хотели бы только показать, как обращение ставило лицом к лицу разные национальные экономики (чтобы не говорить о национальных рынках) — отстававшие и ушедшие вперед,— как оно их противопоставляло одни другим и классифицировало. Эквивалентный и неэквивалентный обмен, равновесие и неуравновешенность товарных потоков, господство и подчинение рисуют нам общую карту вселенной. На основе такой карты *торговый баланс* позволяет сделать первый набросок целого. Не то чтобы это был лучший или единственный способ подойти к проблеме, но практически это единственные цифры, какими мы располагаем. К тому же они еще и элементарны, и неполны.

«ТОРГОВЫЙ БАЛАНС»

Для какой-то данной экономики торговый баланс — нечто сравнимое с балансом купца в конце года: либо он выиграл, либо проиграл. В приписываемом сэру Томасу Смиту «Рассуждении об общем благосостоянии сего Английского королевства» (*“Discourse of the Common Weal of this Realm of England”*, 1549) читаем: «Нам всегда надлежит остерегаться покупать у иностранцев больше, нежели мы им продаем» [235]. Фразой этой сказано самое важное, что следует знать о балансе; может быть, то, что относительно него знали всегда. Ибо эта мудрость не нова: так, разве не обязывало английских купцов их правительство задолго до 1549 г. возвращать в Англию в виде чеканенной монеты часть прибылей от их превышавших закупки продаж за границей? А иноземные купцы со своей стороны должны были, прежде чем покинуть остров, вновь вложить доходы от своих продаж в английские товары. «Рассуждение о торговле...» (*“A Discourse of Trade...”*) Томаса Мэна, написанное в 1621 г., дает [нам] теорию баланса, правильную и свидетельствующую о полном понимании существа дела. Современник Мэна, Эдвард Мисселден, мог написать в 1623 г.: «Раньше мы ощущали это чувством; ныне же знаем это от науки» (*“Wee felt it before in sense; but now wee know it by science”*) [236]. Разумеется, речь шла о теории элементарной, весьма далекой от современных концепций, которые рассматривают одновременно целую серию балансов — торговый, расчетный, рабочей силы, капиталов, платежный. В ту эпоху торговый баланс был всего лишь взвешиванием в ценностном выражении товаров, обмененных между двумя нациями, итогом взаимного импорта и экспорта, или, вернее, балансом взаимных долгов. Например, «ежели Франция должна Испании 100 тыс. пистолей, сия же последняя должна Франции 1500 тыс. ливров», то при стоимости пистоля в 15 ливров все уравнивалось. Но «как таковое равенство бывает редко, становится необходимым, чтобы нация, каковая должна более, вывезла бы металлы в оплату той части своих долгов, кою она не может возместить» [237]. Дефицит мо-

[235] Э. Хекшер (Heckscher E. F. *Op. cit.*, p. 466) приписывал этот труд Джону Хэйлзу (Hales); по данным исследований Эдварда Хьюза (1937) и Мэри Дьюар (1964), его автором следует считать сэра Томаса Смита. См.: Schulin E. *Handelstaat England*, 1969, S. 24.

[236] Schulin E. *Op. cit.*, p. 94.

[237] Martin M.-J.D. *Les Etrennes financières*. 1789, p. 105—106.

жет на время быть покрыт векселями, т. е. отсрочен. Если же он сохраняется, то, разумеется, покрывается переводом [долга] в металле. Именно такой трансферт, когда мы, историки, можем его наблюдать, и есть искомый *индикатор*, который вносит ясность в проблему взаимоотношений двух наших экономических единиц, одна из коих заставляет другую, желает та того или нет, расстаться с частью ее запасов монеты или драгоценного металла.

Вся меркантилистская политика стремилась к по меньшей мере уравновешенному балансу. Речь шла о том, чтобы всеми средствами избегать вывоза драгоценных металлов. Так, если бы в январе-феврале 1703 г. вместо того, чтобы для английских войск, сражавшихся в Голландии, закупать припасы на месте, им отправили «зерно, мануфактурные изделия и прочие продукты», то соответствующие суммы денег «могли бы остаться» на острове. Подобная мысль могла прийти лишь в голову правительства, одержимого боязнью потерять свои металлические запасы. Оказавшись в августе того же года перед лицом необходимости выплатить Португалии по условиям договора лорда Метуэна * субсидии наличными деньгами, Англия предложила выплатить их зерном и пшеницей, «дабы одновременно и выполнить свои обязательства, и успокоить озабоченность, вызывавшуюся нежеланием вывозить наличные деньги королевства» [238].

Впрочем, «достичь баланса» [239], уравновесить экспорт и импорт — это был лишь минимум. Лучше всего было бы иметь положительный баланс. То была мечта всех меркантилистских правительств, отождествлявших национальное богатство с денежными запасами. Все такие идеи возникли, что довольно логично, одновременно с появлением территориальных государств: едва родившись, государства оборонялись, должны были обороняться. С октября 1462 г. Людовик XI принимал меры, чтобы держать под контролем и ограничить вывоз в Рим «золота и серебра в разменной монете и иного, кои могли бы быть отчуждены, изъяты и вывезены за пределы нашего королевства» [240].

* Договор Метуэна — англо-португальский договор 1703 г. Предусматривал доступ английских сукон на португальский рынок в обмен на резкое снижение пошлин на ввоз в Англию португальских вин и иные льготы. Стал орудием подчинения англичанам португальской торговли.— *Прим. перев.*

[238] A.d.S. Venezia, Inghilterra, 76; Londra, 13/24 августа 1703 г.

[239] B.N. (Paris), Ms. 21779, 176 v° (1713).

[240] Gandilhon R. *Politique économique de Louis XI.* 1941, p. 416—417.

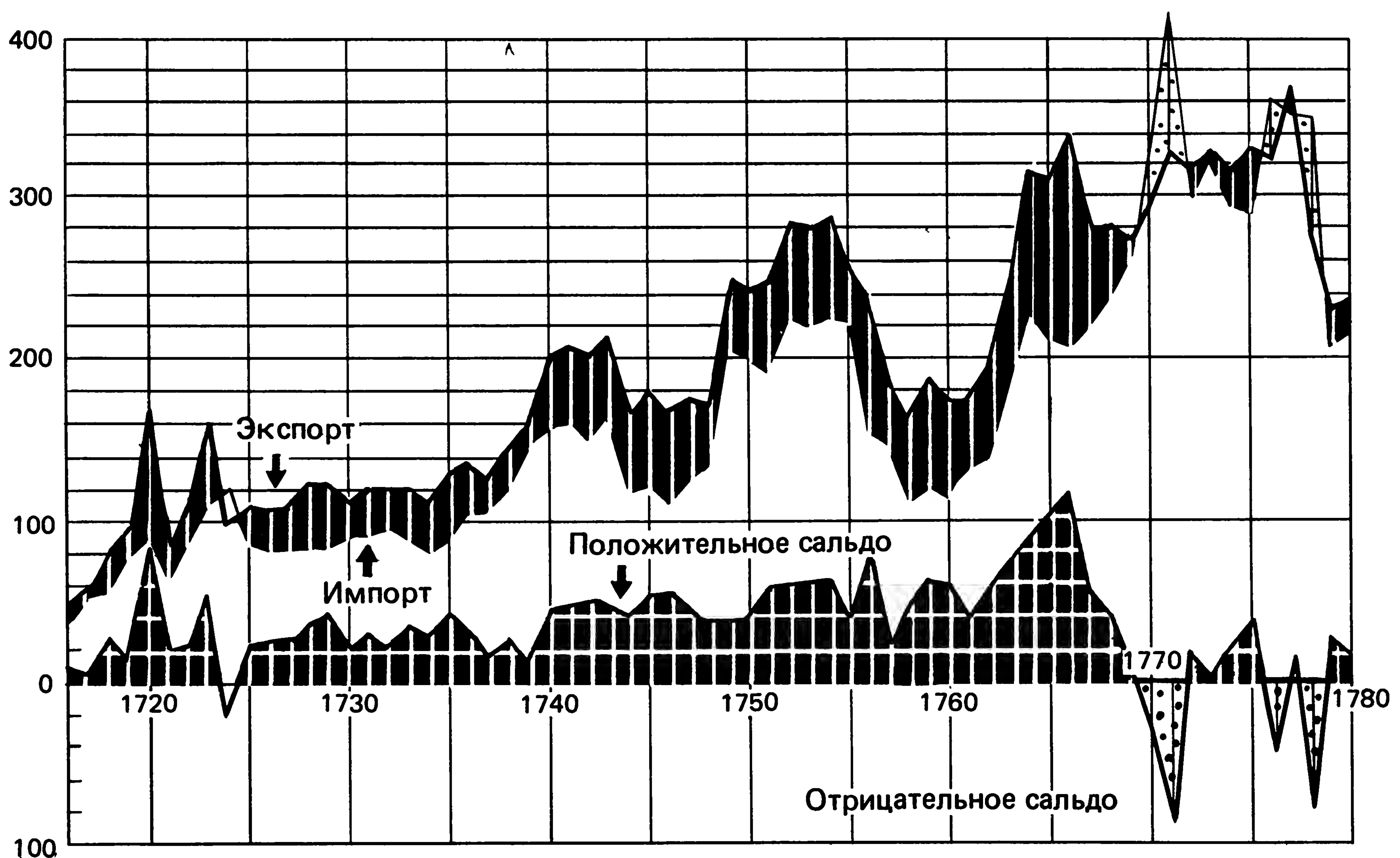
ЦИФРЫ, НУЖДАЮЩИЕСЯ В ИСТОЛКОВАНИИ

Движения торгового баланса, когда о них знаешь, не всегда просты для истолкования. И не существовало правил, приложением, и только приложением, которых был бы каждый [отдельный] случай. Так, вы не скажете при виде громадного вывоза металла, на какой осуждена была Испанская Америка, что ее баланс был дефицитным. Отец Меркадо в 1564 г. не заблуждался на сей счет: в данном случае, говорит он, «золото и серебро во всех этих областях Америки считаются разновидностью товара, коего цена растет или падает по тем же причинам, что и обычного товара» [241]. А относительно Испании Тюрго объяснял, что-де «серебро есть ее продовольствие; что, не будучи в состоянии обменять его на деньги, ей приходится менять его на съестные припасы» [242]. И не скажешь также, не взвесивши все

[241] Sanchez Albornoz N. *Un testigó del comercio indiano: Tomás de Mercado y Nueva Espana.* —*"Revista de historia de América"*, p. 122.

[242] Turgot. *Op. cit.*, I, p. 378.

за и против, что баланс между Россией и Англией в 1786 г. был выгоден для первой и невыгоден для последней, ибо обычно Россия продавала больше, чем покупала у своего партнера. Но трудно присоединиться и к противоположному мнению, которое изо всех сил пытался поддержать в октябре 1786 г. Джон Ньюмен. Русский консул в Халле, крупном порте, куда прямо приходили, пройдя датские проливы, доверху нагруженные английские корабли, возвращавшиеся из России, он видел — считал, что видит,— проблему по-своему. Ньюмен берет цифры известные и неопровержимые: в 1785 г. через русские таможни прошло на 1300 тыс. фунтов товаров, предназначенных для Англии; в обратном направлении — на 500 тыс.— выигрыш для империи Екатерины II в 800 тыс. фунтов. «Но,— пишет Ньюмен,— невзирая на сию явную денежную выгоду для России, я всегда утверждал и сейчас еще утверждаю, что не Россия,



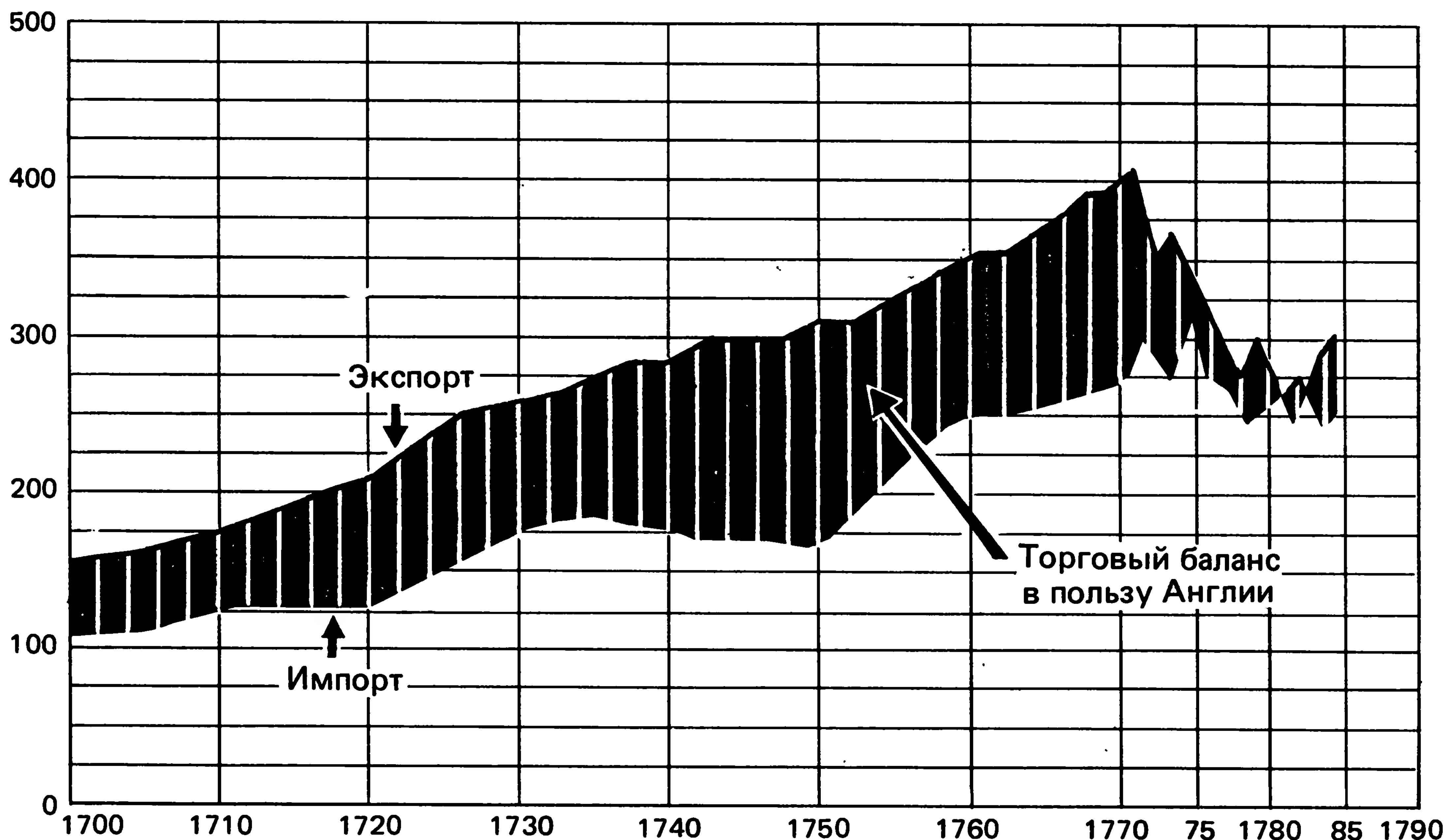
Экспорт и импорт Франции, 1715—1780 гг.

Балансы Франции и Англии в XVII в.

Как показывают их торговые балансы,
Англия и Франция жили с удобствами в ущерб
всему миру до рубежа 70-х годов XVIII в.
Тогда возникли малоположительные или же отрицательные сальдо.
Что было тому причиной: конъюнктура,
общий упадок торгового капитализма,
или же (что более правдоподобно) потрясения,
вызванные Американской войной за независимость?
Для Франции график составлен по данным статьи
Руджиеро Романо — Romano R. *Documenti*
e prime considerazioni intorno alla „balance

[243] АВПР, 35/6, 765.
[244] Mun T. *A Discourse of Trade from England into the East Indies.* 1621, p. 26.

а *одна только* [вот где преувеличение] Великобритания от оной торговли получает выгоду». В самом деле, поясняет он, подумайте о последствиях обмена, о фрахте примерно 400 английских кораблей «каждый в 300 тонн грузоподъемности, т. е. около 7—8 тыс. моряков», об увеличении цены русских товаров, как только они попадают на английскую землю (15%), обо всем том, что эти грузы дают для промышленности острова, а затем для его реэкспорта [243]. Мы видим, что Джон Ньюмен подозревал, что о балансе между двумя странами можно судить, только основываясь на целом ряде показателей. Здесь было интуитивное предвидение современных теорий баланса. Когда в 1621 г. Томас Мэн говорил более кратко: «Серебро, вывезенное в Индию, в конечном счете приносит впятеро больше своей стоимости» [244], он говорил более или менее то же самое, но также и другое.



Экспорт и импорт Англии, 1700—1785 гг.

du commerce" della Francia, 1716—1780.— Studi in onore di Armando Sapori. 1957, II, p. 1268—1279. Неизданные источники этой работы указаны на p. 1268, note 2.
Для Англии кривая, единственной задачей которой было показать в общих чертах движение английской торговли, заимствована у Уильяма Плэйфера, одного из первых английских статистиков.
См.: Playfair W. *Tableaux d'arithmétique linéaire, du commerce, des finances et de la dette nationale de l'Angleterre.* 1789; Idem. *The Exports and Imports and General Trade of England, the National debst...,* 1786.

Помимо этого, частичный баланс имеет значение, лишь будучи помещен в контекст всей торговли, в совокупность всех балансов одной и той же экономики. Один баланс Англия — Индия или же Россия — Англия не дает [верного] освещения подлинной проблемы. Нам потребовались бы все балансы России, либо все балансы Индии, либо все балансы Англии. Именно таким способом сегодня любая национальная экономика подводит ежегодно общий итог своего внешнего баланса.

Беда в том, что для прошлого мы знаем почти одни только частичные балансы между [отдельными] странами. Одни из них — классические, другие заслуживали бы быть таковыми. В XV в. баланс для Англии, экспортера шерсти, был благоприятен по отношению к Италии; но если взять исходной точкой Фландрию, то он будет благоприятен именно для Италии. Долгое время баланс был положителен для Франции относительно Германии, но сделался благоприятен для последней если и не в результате первой блокады, декретированной Имперским сеймом (*Reichstag*) в 1676 г., то по крайней мере вслед за прибытием французских протестантов после отмены Нантского эдикта в 1685 г. Напротив, для Франции долгое время был благоприятен баланс с Нидерландами, и он навсегда останется таким по отношению к Испании. Не будем создавать в наших портах затруднений для испанцев, гласит один французский официальный документ 1700 г. [245]; речь тут идет «о благе общем и частном», поскольку «преимущество в торговле между Испанией и Францией всецело на стороне Франции». Разве не говаривали уже в предшествовавшем веке, в 1635 г., грубовато, но правдиво, что французы — это «блохи, которые грызут Испанию» [246]?

Тут или там баланс колебался, даже менял свой смысл. Заметим лишь, не придавая этим сведениям всеобщего значения, что в 1693 г. он был благоприятен для Франции в ее отношениях с Пьемонтом; что в 1724 г. в торговле между Сицилией и Генуэзской республикой он был неблагоприятным для последней; что в 1808 г., по беглому свидетельству одного нашего путешественника, в Иране торговля «с Индией [в то время] была прибыльной» [247].

И лишь один-единственный баланс, казалось, раз и навсегда «застыл» в одном и том же положении со времен Римской империи и до XIX в.— баланс левантинской торговли, всегда бывший, как известно, пассивным к невыгоде Европы.

[245] A.N., G[7], 1686, 53.
[246] Bouvier R. *Quevedo, "homme du diable, homme de Dieu"*. 1929, p. 305—306.
[247] О Франции и Пьемонте см.: A.N., G[7], 1685, 108; о Сицилии и Генуэзской республике см.: Ustariz G., de. *Théorie et pratique du commerce et de la marine*. 1753, p. 52—53; об Иране и Индии см.: *Voyage de Gardane* (рукопись Гос. Библиотеки СССР им. В. И. Ленина), p. 55.

ФРАНЦИЯ И АНГЛИЯ ДО И ПОСЛЕ 1700 г.

Остановимся на мгновение на классическом случае англо-французского баланса (однако так ли уж хорошо он известен, как утверждают?). На протяжении последней четверти XVII в. и в первые годы века XVIII десятки раз заявлялось, и решительно, что баланс был благоприятен для Франции. Последняя будто бы извлекала из своей торговли с Англией в среднем годовую прибыль в полтора миллиона фунтов стерлингов.

Во всяком случае, именно это утверждали в октябре 1675 г.



Торжество у лорд-мэра Лондона около 1750 г. (картина А. Каналетто).
29 октября каждого года на Темзе выстраивался традиционный кортеж судов.
Наряду с судами корпораций Сити среди них были
и небольшие ялики — те самые, несомненно, которые некий французский путешественник, посетивший Лондон в 1728 г., именовал «гондолами» (см. гл. 1, прим. 84),
ибо они играли на Темзе роль «водных фиакров»,
как гондолы — на каналах Венеции.
Прага, Национальная галерея.
Фото Жиродона.

в палате общин, и именно это повторяет в своих письмах Карло Оттоне, генуэзский агент в Лондоне, в сентябре 1676 г. и в январе 1678 г. [248] Оттоне даже говорит, что почерпнул эти цифры из беседы, которую он имел с послом Соединенных Провинций, отнюдь не благожелательным наблюдателем поступков и деяний французов. Одну из причин такого превышения к выгоде Франции усматривали в ее мануфактурных изделиях, «продаваемых на острове намного дешевле, нежели те, что изготовляемы на месте, ибо французский ремесленник довольствуется умеренною прибылью...». Ситуация странная, так как эти французские изделия, на самом деле запрещенные английским правительством, в Англию доставлялись контрабандным путем. Но от этого англичанам еще сильнее хотелось «уравновесить сию торговлю» (*«di bilanciare questo commercio»*), как объяснял наш генуэзец, согласно очень верной формуле. А для сего — заставить Францию широко использовать английское сукно [249].

В таких условиях, как только наступает война, представляется удобный случай положить конец этому мерзкому и ненавистному вторжению французской коммерции. 18 марта 1699 г. чрезвычайный посол [в Англии] де Таллар пишет Поншартрену *: «То, что англичане получали из Франции до объявления последней войны [так называемой войны Аугсбургской лиги, 1688—1697 гг.], представляло, по их мнению, суммы намного более значительные, нежели то, что приходило к нам из Англии. Они столь преисполнены этой веры и столь убеждены, что наше богатство проистекает от них, что со времени начала войны поставили себе за главное воспрепятствовать тому, чтобы в их страну могло поступать какое бы то ни было французское вино или какой бы то ни было французский товар — ни прямо, ни косвенным путем» [250]. Чтобы этот текст обрел весь свой смысл, следует вспомнить, что некогда война не вела к разрыву всех торговых связей между воюющими сторонами. И, значит, такой абсолютный запрет сам по себе несколько противоречил международным обычаям.

Прошли годы. В 1701 г. война вспыхнула вновь из-за наследства Карла II Испанского. Потом, когда военные действия закончились, пошла речь о восстановлении между двумя коронами торговых отношений, которые на сей раз были серьезно нарушены. Так, летом 1713 г. в Лондон направились двое «экспертов» — Аниссон, лионский представитель в Совете торговли, и Фенеллон, представитель Парижа. Так как переговоры подвигались плохо и затянулись надолго, у Аниссона было время познакомиться с отчетами о дебатах в палате общин и с реестрами английских таможен. И с каким же изумлением констатировал он, что все, что говорится по поводу баланса между двумя нациями, просто-напросто неверно! И что «в течение более 50 лет торговля Англии превосходила на несколько миллионов французскую торговлю» [251]. Речь явно шла о миллионах турских ливров. Вот он, грубый и неожиданный факт. Следует ли этому верить? Верить тому, что великолепное официальное лицемерие будто бы настолько систематически скрывало цифры, недвусмысленно демонстрировавшие перевес в балансе в пользу острова? В данном случае было бы полезно тщательное обследование лондонских и парижских

[248] A.d.S. Genova, Lettere Consoli, I, 26—29.
[249] Priestley M. *Anglo-French Trade and the Unfavourable Controversy, 1660—1685.—"Economic History Review"*, 1951, p. 37 sq.
* Поншартрен Жером, граф (1643—1727) — французский государственный деятель, в 1689—1699 гг.— генеральный контролер финансов. С 1699 г.— государственный канцлер Людовика XIV.— *Прим. перев.*
[250] A.E., C.P., Angleterre, 208—209.
[251] A.N., G^7, 1699.

архивов. Но нет уверенности, что оно сказало бы последнее слово на сей счет. Интерпретация официальных цифр предполагает неизбежные ошибки. Купцы, чиновники-исполнители занимались тем, что лгали правительствам, а правительства лгали самим себе. Я хорошо знаю, что правда 1713 г. вовсе не правда 1786 г., и наоборот. И тем не менее сразу же после Иденского договора, подписанного между Францией и Англией в 1786 г., русская корреспонденция из Лондона (от 10 апреля 1787 г.), только повторяющая расхожую информацию, отмечала, что цифры «дают [лишь] весьма несовершенное представление о природе и размахе сей [франко-английской] торговли, поелику из источников узнаешь, что законная коммерция между обоими королевствами составляет самое большее третью часть всей торговли, две же ее трети производятся контрабандою, от каковой сей торговый договор даст противоядие к выгоде двух правительств» [252]. В таких условиях к чему обсуждать официальные цифры? Сверх них нам был бы необходим баланс контрабандной торговли.

[252] АВПР, 35/6, 381.

Перипетии долгих франко-английских торговых переговоров в 1713 г. не вносят ясности в этот вопрос. А все-таки их эхо в английском общественном мнении вскрывает националистические страсти, лежавшие под поверхностью меркантилизма. И когда 18 июня 1713 г. проект был провален в палате общин 194 голосами против 185, взрыв народного ликования был куда более силен, чем при объявлении о мире. В Лондоне устроили фейерверк, иллюминацию, множество развлечений. В Ковентри ткачи устроили манифестацию — в длинной процессии несли на шесте овечью шерсть, а на другом шесте — четвертьлитровую бутылку и плакат с надписью «Нет английской шерсти за французское вино!» (*“No English wool for French wine!”*). Все это было исполнено оживления, ни в коей мере не согласуемого с экономическим резоном, отмеченного печатью национальных страстей и ошибок [253], ибо вполне очевидно, что в правильно понятых интересах обеих наций было бы взаимно открыть двери. Сорока годами позднее Дэвид Юм с иронией заметит, что «большинство англичан сочло бы, что государство катится в пропасть, ежели бы французские вина могли ввозиться в Англию в достаточно большом количестве... И мы отправляемся в Испанию и Португалию на поиски вин более дорогих и менее приятных, нежели те, кои мы могли получать во Франции».

[253] Schulin E. *Op. cit.*, p. 308 sq, особенно с. 319—320.

АНГЛИЯ И ПОРТУГАЛИЯ [254]

Когда говорят о Португалии XVIII в., хор историков справедливо взывает к имени лорда Метуэна, человека, который с 1702 г., на пороге того, что будет долгой войной за Испанское наследство, отправился добиваться союза с маленькой Португалией, дабы атаковать с тыла Испанию, верную герцогу Анжуйскому, Филиппу V, и французам. Заключенный союз наделал много шума, но никто не кричал тогда о чуде по поводу сопровождавшего его торгового договора, простой рутинной статьи трактата. Разве не подписывали аналогичные договоры между Лондоном и Лисабоном в 1642, 1654, 1661 гг.? И более того, в разное время

[254] В этом разделе была использована вся переписка русского консула в Лисабоне Й. А. Борхерса с 1770 по 1794 г: АВПР, начиная с 72/5, 217, л. 58. Договор Метуэна оставался в силе до 1836 г. См.: Schulin E. *Op. cit.*, p. 290.

и в разных условиях французы, голландцы, шведы получили те же преимущества. Следовательно, судьбу англо-португальских отношений не следует заносить в актив одного только слишком знаменитого договора. Она была следствием экономических процессов, которые в конце концов захлопнулись, как ловушка, вокруг Португалии.

На пороге XVIII в. Португалия практически покинула Индийский океан. Время от времени она отправляла туда корабль, нагруженный преступниками: Гоа был для португальцев тем же, чем будет Кайенна для французов или Австралия — для англичан. Эта старинная связь вновь приобретала для Португалии торговый интерес лишь тогда, когда великие державы находились в состоянии войны. Тогда один, два, три корабля под португальским флагом (снаряженные, впрочем, другими) отправлялись вокруг мыса Доброй Надежды. По возвращении иностранцы, игравшие в эту опасную игру, зачастую разорялись; у португальца же был слишком большой опыт, чтобы не быть осторожным.

Зато его повседневной заботой была огромная Бразилия, за которой он надзирал и подъем которой эксплуатировал. Хозяевами Бразилии были купцы королевства — прежде всего король, а затем негоцианты Лисабона и Порту и их купеческие колонии, обосновавшиеся в Ресифи, в Параибе, в Баие — столице Бразилии, а затем — в Рио-де-Жанейро, новой столице начиная с 1763 г. Издеваться над этими ненавистными португальцами с их громадными перстнями на пальцах, с их серебряной посудой — какое же это было удовольствие для бразильца! Притом [этому бразильцу] еще нужно было преуспеть. Всякий раз, как Бразилия бралась за что-то новое — сахар, потом золото, потом алмазы, позднее — кофе, — от этого еще больше выгадывала и еще больше почивала на лаврах именно португальская купеческая аристократия. Через устье Тежу вливался поток богатств: кожи, сахар, касонад, китовый жир, красильное дерево, хлопок, табак, золотой песок, шкатулки, наполненные алмазами... Говорили, что король португальский был богатейшим государем Европы: его замкам, его дворцам не в чем было завидовать Версалю, разве только в скромности. Огромный город Лисабон рос как растение-паразит: «бидонвили» сменили поля, некогда существовавшие на его окраинах. Богачи сделались более богатыми, слишком богатыми, бедняки — нищими. И однако же высокая заработная плата привлекала в Португалию «великое множество людей, выходцев из провинции Галисия [в Испании], коих мы здесь называем гальегос, занимающихся в этой столице, равно как и в главных португальских городах, ремеслом носильщика, чернорабочего и слуги наподобие савойцев в Париже и в больших городах Франции» [255]. С несколько унылым завершением века атмосфера стала более тяжелой: ночные нападения на людей или на жилища, убийства, кражи, в которых принимали участие почтенные буржуа города, сделались повседневной участью последнего. Лисабон, Португалия [в целом] беззаботно относились к конъюнктуре на Атлантическом океане: ежели она благоприятна, всякий жил в свое удовольствие; а ежели плоха, то [ведь] дела не так уж быстро принимали скверный оборот.

Именно посреди вялого процветания этой небольшой страны

[255] АВПР, 725, 226, л. 73 и об. 10 ноября 1772 г.; 273, л. 25 и об.

англичанин использовал свои преимущества. Он ее формировал по своему усмотрению. Так, он развил вноградники севера [страны], создав успех вин Порту; он взял на себя снабжение Лисабона зерном и бочками с сельдью; он ввозил туда свои сукна целыми штуками, так что в них можно было одеть всех крестьян Португалии и наводнить ими далекий бразильский рынок. Золото, алмазы оплачивали все, золото Бразилии, которое, появившись в Лисабоне, продолжало свой путь на север. Могло бы быть и по-иному: Португалия могла бы защитить свой рынок, создать промышленность; именно так будет считать Помбал *. Но английское решение было решением, не требовавшим усилий. Условия торговли (*the terms of trade*) были даже благоприятны для Португалии: в то время как цена английских сукон снижалась, цена экспортируемых португальских товаров возрастала. Ведя такую игру, англичане мало-помалу завладели рынком. Торговля с Бразилией, ключ к португальскому богатству, требовала капиталов, омертвляемых в длительном кругообороте. Англичане играли в Лисабоне роль, некогда сыгранную голландцами в Севилье: они поставляли товар, который отправлялся затем в Бразилию, и к тому же в *кредит*. Отсутствие во Франции торгового центра масштаба Лондона или Амстердама, источника мощного долгосрочного кредита, было, «вероятно, тем фактором, который самым серьезным образом ставил в невыгодное положение французских купцов» [256], которые, однако же, тоже образовали в Лисабоне крупную колонию. В противоположность этому проблему составляет как раз скромная активность голландцев на этом рынке.

Во всяком случае, игра была сделана еще до того, как наступил настоящий взлет XVIII в. Уже в 1730 г. один француз смог записать: «Коммерция англичан в Лисабоне — самая крупная из всех; и даже, по мнению многих, она столь же велика, как торговля [всех] прочих наций, вместе взятых» [257]. То был блистательный успех, который следует отнести на счет португальской вялости, но в не меньшей мере и на счет упорства англичан. В 1759 г. Малуэ, будущий член Учредительного собрания, проехал по Португалии, бывшей в его глазах английской «колонией». «Все золото Бразилии,— поясняет он,— переправлялось в Англию, каковая держала Португалию под игом. Я приведу только один пример, дабы заклеймить администрацию маркиза Помбала: вина Порту, единственная статья вывоза, представляющая интерес для этой страны, целиком закупались одной английской компанией, коей каждый [земельный] собственник был обязан продавать их по ценам, устанавливавшимся английскими оценщиками» [258]. Я думаю, что Малуэ был прав. Да, торговая колонизация имеет место, когда иностранец имеет доступ непосредственно к рынку, к производству.

Однако к 1770—1772 гг., в пору, когда великая эпоха бразильского золота, казалось, миновала — но корабли с золотом и алмазами еще прибывали, — когда конъюнктура в целом приняла в Европе плохой оборот, в англо-португальском балансе началось движение. Примет ли он противоположный характер? Для этого потребуется еще время. К 1772 г., пусть даже лишь своими попытками торговли с Марокко, Лисабон попытался разжать клещи английского хозяйничанья, «остановить, насколько сие для него

* Помбал, Себастьян Жозе ди Карвалью-и-Мелу (1699—1782), маркиз — португальский государственный деятель, представитель просвещенного абсолютизма. С 1750 г.— министр иностранных дел, в 1756—1777 гг.— первый министр.— *Прим. перев.*

[256] Fischer H.E.S. *The Portugal Trade*. 1971, p. 35, 38.

[257] *Ibidem*.

[258] Malouet P.-V. *Mémoires*. 1874, t. I, p. 10—11.

[259] АВПР, 72/5, 226, л. 59, Борхерс — Остерману, Лисабон, 6 октября 1772 г.
[260] Там же, 72/5, 270, л. 52 и об., 23 апреля 1782 г.
[261] Там же, 72/5, 297, л. 22, 13 декабря 1791 г.

окажется возможно, отток золота» в Лондон [259]. Но без большого успеха. Однако десятью годами позднее наметился выход. Португальское правительство решило в самом деле «чеканить много монеты в серебре и весьма мало — в золоте». К величайшему неудовольствию англичан, которые «не находят никакой выгоды в [обратном ввозе] серебра, но [жаждут] лишь золота. Это малая война, каковую Португалия втихомолку ведет против них»,— заключает русский консул в Лисабоне [260]. Тем не менее, по словам того же консула Борхерса, немца на службе у Екатерины II, придется дожидаться еще почти десять лет, чтобы узреть ошеломляющее зрелище английского корабля, зашедшего в Лисабон, но не грузящего там золото. В декабре 1791 г. он пишет: «Фрегат «Пегасус», быть может, первый с тех пор, как существуют торговые отношения между обеими странами, который возвратится в свое отечество, не вывезя золота» [261]. И действительно, в балансе произошел переворот: «Всякий пакетбот или судно, приходящие из Англии», привозят обратно в Лисабон «часть португальской монеты... ввозившейся [в Англию] в течение примерно столетия» (по словам историка, не меньше 25 млн. фунтов стерлингов с



Лисабон в XVII в.
Фото Жиродона.

[262] Fischer H.E.S. *Op. cit.*, p. 136.
[263] АВПР, 72/5, 297, л. 25, 20 декабря 1791 г.

1700 по 1760 г.) [262]. Один только пакетбот в том же самом декабре 1791 г. только что выгрузил этой монеты на 18 тыс. фунтов [263]. Оставалось бы обсудить эту проблему саму по себе. Или же, скорее, включить ее во всеобщую историю, которая вскоре начнет становиться трагической с началом войны Англии против революционной Франции. Но это не входит здесь в наши намерения.

ЕВРОПА ВОСТОЧНАЯ, ЕВРОПА ЗАПАДНАЯ [264]

Все эти примеры довольно ясны. Есть более трудные случаи. Так, Западная Европа в общем имела неблагоприятный [торговый] баланс со странами Балтийского бассейна, этого северного Средиземноморья, которое связывало воедино враждовавшие народы со сходными экономиками: Швецию, Московскую Русь, Польшу, заэльбскую Германию, Данию. И баланс этот ставит не один трудно разрешимый вопрос.

В самом деле, после сенсационной статьи С. А. Нильссона (1944 г.), которая только сегодня становится в полной мере известна западным историкам, и после других исследований, в частности книги Артура Атмана, переведенной на английский язык в 1973 г., представляется, что пассив западного баланса лишь весьма неполно покрывался непосредственно металлом [265]. Иначе говоря, количество серебра, которое оказывалось в городах Балтийского моря и объем которого оценивают историки (как, например, в случае с Нарвой), было ниже количества, которое уравновесило бы дефициты Запада. На месте расчета не хватало белого металла, и не очень понятно, каким иным способом мог бы быть уравновешен баланс в данном случае. Историки ищут объяснение, которое от них ускользает.

Здесь нет другого пути, кроме того, каким пошел С. А. Нильссон, включив баланс северной торговли в совокупность обменов и торговых перевозок так называемой Восточной Европы. Он полагал, что часть избытка [серебра] от торговли на Балтике возвращалась в Европу благодаря цепным обменам между Европой Восточной, Центральной и Западной, но на этот раз — по путям и торговым потокам континентальным, через Польшу и Германию. Будучи дефицитным на севере, баланс Запада отчасти компенсировался благоприятным балансом торговли сухопутной, и компенсация происходила — такова соблазнительная гипотеза шведского историка — посредством лейпцигских ярмарок. На что Мирослав Грох возражал, выдвинув довод, что купцы Восточной Европы стали постоянно посещать эти ярмарки только с начала XVIII в. (особенно это относилось к нараставшей массе еврейских купцов из Польши). Ставить Лейпциг в центре уравновешивания баланса означало бы ошибиться эпохой. По мнению М. Гроха, можно было бы самое большее задержаться на определенных торговых потоках через Познань и Вроцлав, которые, по-видимому, были дефицитными для стран Востока. Но в этом случае речь шла бы лишь о ручейках [266].

Однако гипотеза Нильссона не должна бы быть неверна. Возможно, ее следовало бы лишь еще расширить. Известно, например, что Венгрия, страна — производитель серебра, сталкивалась с постоянной утечкой своей хорошей полновесной монеты за рубеж, т. е. частично на Запад. И пустота заполнялась мелкой польской монетой с примесью серебра, которая, так сказать, обеспечивала все денежное обращение в Венгрии [267].

Более того, наряду с товарами имелись и векселя. Это факт, что они существовали на пространствах Востока [Европы] с XVI в., что в следующем веке они сделались более многочисленными. В этом случае присутствие, или отсутствие, или малое число куп-

[264] Обо всем комплексе проблем см.: Bog I. *Der Aussenhandel Ostmitteleuropas, 1450—1650*. 1971.

[265] Nilsson S. A. *Den ryska marknaden.*— Цит. в кн.: Hroch M. *Die Rolle des zentraleuropäischen Handels im Ausgleich der Handelsbilanz zwischen Ost- und Westeuropa, 1550—1650.*— Bog. I. *Op. cit.*, p. 5, note 1; Attmann A. *The Russian and Polish Markets in International Trade, 1500—1600*. 1973.

[266] Hroch M. *Op. cit.*, p. 1—27.

[267] См. доклад Маккаи (Makkai L.), Неделя Прато, апрель 1975 г.



Варшавские евреи во второй половине XVIII в. Деталь картины А. Каналетто. ***Фото Александры Скаржиньской.***

цов из Восточной Европы на лейпцигских ярмарках едва ли может считаться убедительным аргументом. Заметим мимоходом, что вопреки тому, что говорит М. Грох, польские евреи были многочисленны на лейпцигских ярмарках уже в XVII в.[268] Но, даже не бывая лично на этих ярмарках, Марк Аурелио Федерико, итальянский галантерейщик, обосновавшийся в Кракове, в 1683—1685 гг. выписывал векселя на друзей, которые у него были в Лейпциге[269]. И наконец, вексель, когда он отправлялся из Прибалтики прямо в Амстердам или наоборот (*vice versa*), чаще всего бывал следствием ссуды, аванса под товары. Эти авансовые выплаты, приносившие процент,— разве не были они отчислением с металлических излишков, которые приобрел или должен был приобрести Восток? Пусть читатель обратится к тому, что я скажу впоследствии по поводу Голландии и ее так называемой *акцептной* торговли[270]. И пусть он также не забывает, что Прибалтика была областью, над которой Запад господствовал и которую он эксплуатировал. Существовала тесная корреляция цен между Амстердамом и Гданьском — но именно Амстердам определял эти цены, распоряжался игрой и делал выгодный для себя выбор.

Скажем же в заключение: классическая торговля на Балтике не может более пониматься как замкнутый на себе кругооборот. Будучи торговлей между несколькими партнерами, она приводила в движение товары, наличные деньги и кредит. Пути кредита от этого не переставали множиться. Чтобы их понять, необходимы поездки в Лейпциг, Вроцлав, Познань, но также и в Нюрнберг, и во Франкфурт, и даже, если я не очень ошибаюсь, в Стамбул

[268] Эрнст Крокер (Kroker E. *Handelsgeschichte der Stadt Leipzig, 1925, S. 87)* утверждает это вполне определенно.
[269] Archiwy Krakowskie, Ital., 382.
[270] См. настоящую работу, т. 3, гл. 3.

или Венецию. Балтийский бассейн как экономическое целое — достигает ли он Черного моря или Адриатики? [271] Во всяком случае, существовала корреляция между балтийскими торговыми потоками и экономикой Восточной Европы. То была музыка на два, на три или на четыре голоса. Начиная с 1581 г., когда русские лишились Нарвы [272], воды Балтики утратили часть своей активности в пользу сухопутных дорог, по которым теперь вывозились товары Московии. Началась Тридцатилетняя война — и внутренние пути срединной Европы были разорваны. А из этого воспоследовало разбухание торговых потоков Балтийского моря.

К ГЛОБАЛЬНЫМ БАЛАНСАМ

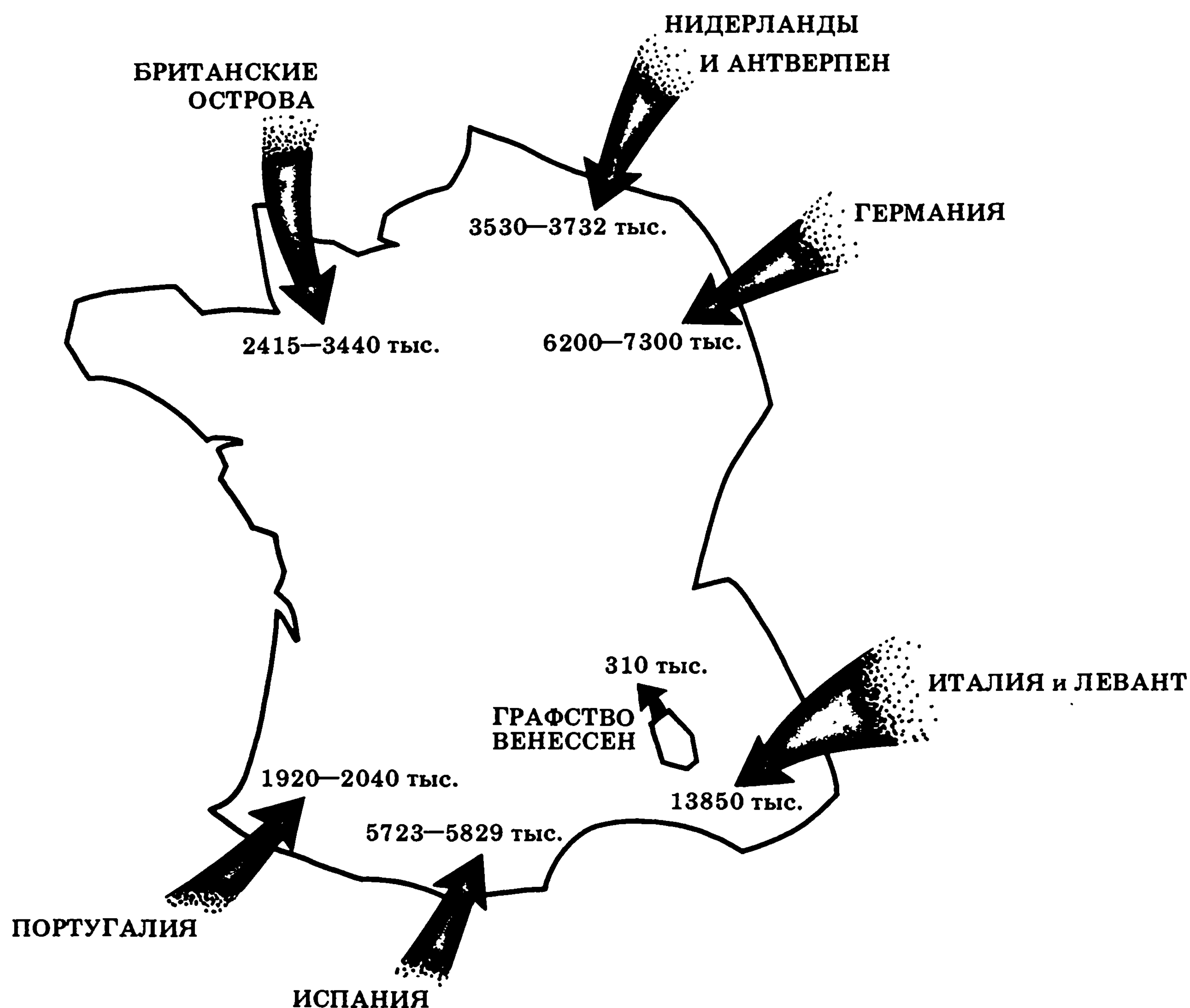
Но оставим эти двучлены: Франция — Англия, Англия — Португалия, Россия — Англия, Европа Западная — Европа Восточная... Главное — это наблюдать экономические единицы взятыми в совокупности их взаимоотношений с внешним миром. Именно это уже в 1701 г. утверждали перед Советом торговли «представители Запада» (понимай: антлантических портов), выступая против депутатов лионских: «их принцип в отношении баланса»— отнюдь такового «не подводить особо, между одной нацией и другой, но вывести общий баланс торговли Франции со всеми государствами», что, по их мнению, должно было бы повлиять на торговую политику [273].

По правде говоря, такие целостные балансы, когда на них задерживаешься, открывают нам лишь те тайны, в какие легко проникнуть заранее. Они отмечают скромные пропорции объемов

[271] Следует отметить присутствие польской монеты в Грузии. См. доклад Р. Керсновского (Kiersnowski R.), Неделя Прато, апрель 1975 г. В 1590 г. польский обоз доставил в Стамбул испанские реалы (Alberti T. *Viaggio a Constantinopoli, 1609—1621.* Bologna, 1889; Braudel F. *Médit...,* I, p. 183). Польские и московские купцы приезжали в Индию с германскими рейхсталерами (Tavernier. *Op. cit.,* II, p. 14).

[272] См. настоящую работу, т. 3, гл. 5.

[273] A.N. G[7], 1686, 99, 31 августа 1701 г.



Картина французского импорта в середине XVI в.
По данным рукописей 2085 и 2086 Национальной библиотеки (Chamberland A. *Le commerce d'importation en France au milieu du XVI[e] siècle.— "Revue de géographie",* 1892—1893).

внешней торговли во всем национальном доходе — даже если вопреки всяким разумным правилам вы понимаете под внешней торговлей сумму экспорта и импорта, тогда как два этих перемещения [ценностей] должны вычитаться одно из другого. Но если брать один только баланс, положительный или отрицательный, речь пойдет лишь о тоненькой «стружке» с национального дохода, которая, по-видимому, почти не могла повлиять на последний, прибавлялась ли она к нему или вычиталась из него. Именно в таком смысле понимаю я высказывание Николаса Барбона (1690 г.), одного из составителей многочисленных памфлетов, через которые пролагала себе дорогу экономическая наука в Англии, высказывание, гласящее: «Капитал [я предпочел бы переводить это не как «капитал», а как «достояние»] какой-либо нации бесконечен и никогда не может быть потреблен целиком» (*« The Stock of a Nation* [*is*] *Infinite and can never be consumed»*) [274].

Проблема, однако, сложнее и интереснее, чем это кажется. Я не стану распространяться по поводу вполне ясных случаев общих балансов Англии или Франции в XVIII в. (относительно них обратитесь к графикам и комментариям к ним на с. 196—197). Я предпочту заняться таким случаем, как Франция к середине XVI в., не из-за данных, какими мы располагаем об этом сюжете, и даже не потому, что эти глобальные цифры рисуют нашему взору появление несовершенного еще национального рынка, но скорее потому, что общая истина, которую мы констатировали для Англии и Франции XVIII в., была ощутима уже за два столетия до появления статистики века Просвещения.

У Франции Генриха II, несомненно, были положительные сальдо со всеми окружающими ее странами, за исключением одной. Португалия, Испания, Англия, Нидерланды, Германия несли убытки в торговле с Францией. Благодаря этим «отклонениям» [от баланса], которые ей были выгодны, Франция в обмен на свои зерновые, свои вина, свои холсты и свои сукна, даже не учитывая поступления от постоянно шедшей эмиграции в Испанию, накапливала золотую и серебряную монету. Но этим преимуществам противостоял вечный дефицит в торговле с Италией, причем утечкой денег она была обязана прежде всего посредничеству города Лиона и его ярмарок. Аристократическая Франция слишком любила шелк, дорогие бархаты, перец и прочие пряности, мрамор. Слишком часто прибегала она к отнюдь не бывшим даровыми услугам итальянских художников и негоциантов из-за Альп — хозяев оптовой торговли и векселей. Лионские ярмарки служили итальянскому капитализму эффективным всасывающим насосом, как были им в предшествовавшем столетии ярмарки женевские и, вероятно, также в большой мере и старинные шампанские ярмарки. Вся прибыль от положительных балансов, или почти вся, таким образом, собиралась и делалась доступна для доходных спекуляций итальянца. В 1494 г., когда Карл VIII готовился перейти Альпы, ему нужно было добиться пособничества, благосклонности итальянских деловых людей, обосновавшихся в королевстве и связанных с купеческой аристократией Апеннинского полуострова [275]. Последние, будучи предупреждены в нужное время, поспешили ко двору, без особых возражений дали со-

[274] Schulin E. *Op. cit.*, p. 220
[275] Gascon R. *Op. cit.*, p. 48.

гласие, добившись в обмен «восстановления четырех ежегодных лионских ярмарок», что само по себе уже есть доказательство того, что последние им служили. А также доказательство тому, что Лион, вовлеченный в иноземную надстройку, уже был весьма своеобразной и двусмысленной столицей богатства Франции.

До нас дошел исключительный документ, к сожалению, в неполном виде: он сообщает подробности французского импорта к 1556 г. [276]; но следующая «книга», в которой фигурировал экспорт, исчезла. Схема на с. 207 обобщает эти цифры. Общая сумма импорта составляла от 35 до 36 млн. ливров, а так как баланс деятельной Франции тогда определенно был положительным, то экспорт несколько привышал эту сумму в 36 млн. Следовательно, экспорт и импорт достигали в целом по меньшей мере 75 млн. ливров, т. е. громадной суммы. Даже если бы эти два течения, которые друг другу сопутствовали, сливались, создавали обратное движение и движение по кругу, в конечном счете взаимно погашались в балансе, то были тысячи операций и обменов, готовых бесконечно возобновляться. Но повторяем: эта проворная экономика — не вся [экономическая] активность Франции, та полная активность, которую мы называем *национальным доходом*, которой мы, разумеется, не знаем, но можем вообразить.

Основываясь на расчетах, которые вы еще раз-другой встретите в ходе наших объяснений, я оценил душевой (*pro capite*) доход населения Венеции около 1600 г. в 37 дукатов, а доход подданных Синьории на [материковой] итальянской территории, зависевшей от Венеции (*Terraferma*), примерно в 10 дукатов. Это, вполне очевидно, цифры «без гарантии» и, вне сомнения, слишком низкие для самого города Венеции. Но они, во всяком случае, фиксируют чудовищный разрыв между доходами господствующего города и доходами территории, над которой этот город господствует. Если с учетом сказанного я приму для дохода на душу французского населения цифру, близкую к доходу в материковых владениях Венеции (десять дукатов, т. е. 23 или 24 турских ливра), то можно было бы оценить доход 20 млн. французов в 460 млн. ливров. Сумма огромная, но не поддающаяся мобилизации, ибо она оценивает в денежном выражении продукцию *по большей части не коммерциализованную*. Для подсчета национального дохода я могу также исходить из бюджетных поступлений монархии. Они были порядка 15—16 млн. [277] Если принять, что то была примерно одна двадцатая национального дохода, последний составил бы сумму от 300 до 320 млн. ливров. Цифра оказывается меньше первой, но намного выше [цифр] объемов внешней торговли. Мы вновь встречаемся здесь со столь часто обсуждавшейся проблемой соотношения веса [в экономике] развитого производства (в первую голову земледельческого) и относительно «легкой» внешней торговли, что не означает, на мой взгляд, ее меньшего экономического значения.

Во всяком случае, каждый раз, как дело касалось *относительно* передовой экономики, ее баланс, как общее правило, сводился с превышением. Так наверняка было в некогда доминировавших городах — Генуе, Венеции; так же обстояло дело и в Гданьске с XV в. [278] Взгляните на балансы английской и французской торговли в XVIII в.: на протяжении почти столетия они рисуют си-

[276] Chamberland A. *Le Commerce d'importation en France au milieu du XVI^e siècle.*—*"Revue de géographie"*, 1892—1893, p. 1—32.

[277] Boisguilbert. *Op. cit.*, II, p. 586; Clamageran J. J. *Histoire de l'impôt en France*. 1868, II, p. 147.

[278] Samsonowicz H. *Untersuchungen über das danziger Bürgerkapital in der zweiten Hälfte des 15. Jahrhunderts.* Weimar, 1969.

туации с превышением доходов. Мы не удивимся тому, что в 1764 г. внешняя торговля Швеции, изучением которой занялся шведский экономист Андерс Хидениус [279], тоже была отмечена превышением доходов: Швеция, познавшая тогда бурный расцвет своего флота, насчитывала на экспортной чаше весов 72 млн. далеров (медная монета) против 66 млн. — на импортной. Значит, «нация» получила прибыль более 5 млн. далеров.

Разумеется, не все могли добиться удачи в этой игре. «Никто не выигрывает без проигрыша другого» — эта мысль Монкретьена * подкрепляется здравым смыслом. Иные и в самом деле проигрывали: так было с обескровливаемыми колониями; так было и со странами, которые пребывали в зависимом положении.

А непредвиденное могло случиться и с «развитыми» государствами, которые, казалось, были защищены от неожиданностей. Как раз такой случай представляла, как я понимаю, Испания XVII в., «отданная» своим правительством и силой обстоятельств на волю опустошительной инфляции медных денег. А также, в общем, и революционная Франция, о которой русский агент в Италии писал, что «она ведет войну своим капиталом, тогда как ее враги воюют своими доходами» [280]. Такие случаи заслуживали бы глубокого изучения, ибо Испания, поддерживая свое политическое величие ценой обесценения меди и дефицита, вызывавшегося ее [внешними] платежами в серебре, обрекала себя на внутреннюю дезорганизацию. И внешний крах революционной Франции, еще до испытаний 1792—1793 гг., тяжко сказался на ее судьбе. С 1789 г. до весны 1791 г. обменный курс французских [активов] в Лондоне быстро катился вниз [281], и движение это усугублялось еще и широким бегством капиталов. По-видимому, в обоих случаях катастрофический дефицит торгового баланса и баланса платежного вызвал разрушение (или по меньшей мере ухудшение состояния) экономики изнутри.

[279] Chydenius A. *Le Bénéfice national* (1765) (перевод со шведского, предисловие Ф. Кути).— *"Revue d'histoire économique et sociale"*, 1966, p. 439.

* Монкретьен Антуан де (1575—1621) — французский писатель и экономист, автор трактата о политической экономии.— *Прим. перев.*

[280] Ссылка, к сожалению, утеряна; сведения почерпнуты в АВПР в Москве.

[281] A.N., A.E., B[1], 762, f° 401, письмо Эрмана, французского консула в Лондоне, от 7 апреля 1791 г.

ИНДИЯ И КИТАЙ

Даже когда ситуация не бывала столь драматической, если дефицит обосновывался прочно, это означало определенное структурное ухудшение экономики на более или менее длительный срок. И вот конкретно такая ситуация создалась для Индии после 1760 г. и для Китая — после 1820 или 1840 г.

Появление на Дальнем Востоке одних европейцев за другими не вызвало немедленного расстройства. Они не сразу поставили под вопрос структуры азиатской торговли. Давным-давно, за века до того, как европейцы обогнули мыс Доброй Надежды, по всему Индийскому океану и окраинным морям океана Тихого протянулась обширная сеть маршрутов. Ни оккупация Малакки, взятой штурмом в 1511 г., ни водворение португальцев в Гоа, ни их торговое внедрение в Макао не нарушили старинного равновесия. Первоначальные хищнические действия новоприбывших позволяли им захватывать грузы без оплаты, но правила дебета и кредита восстановились быстро, как хорошая погода после грозы.

Но ведь постоянное правило состояло в том, что пряности и другие азиатские товары можно было получить только за белый

металл, иногда — но не столь часто — за медь, денежное использование которой было в Индии и в Китае значительным. Европейское присутствие ничего не изменит в этом деле. Вы увидите португальцев, голландцев, англичан, французов, берущих займы серебром у мусульман, у бания, у ростовщиков Киото; без этого нечего было делать на пространстве от Нагасаки до Сурата. Именно ради решения этой неразрешимой проблемы португальцы, а потом великие Индийские компании отправляли из Европы серебряную монету, но цены пряностей возрастали на месте производства. Европейцы, шла ли речь о португальцах в Макао или о голландцах, пытаясь внедриться на китайский рынок, в бессилии созерцали груды товаров, которые им были недоступны. «До сего времени,— писал в 1632 г. один голландец,— мы испытывали нехватку отнюдь не в товарах... скорее у нас не было серебра, чтобы их купить» [282]. Решением для европейца окажется в конечном счете внедриться в локальную торговлю, очертя голову заняться торговлей каботажной, какой и была торговля «из Индии в Индию». Португальцы извлекали из нее значительные прибыли с того времени, как добрались до Китая и Японии. Вслед за ними — и лучше всех прочих — приспособились к этой системе голландцы.

Все это было возможно лишь ценой огромных усилий по внедрению. Уже португальцам, слишком немногочисленным, трудно было удерживать свои крепости. Им потребовалось для торговли «из Индии в Индию» строить на месте суда, на месте набирать команды — этих *«ласкаров»* (*“lascares”*) из окрестностей Гоа, «кои имеют обыкновение брать с собою своих жен». Голландцы тоже обосновались на Яве, где они в 1619 г. основали Батавию, и даже на Формозе, где они не удержатся. Приспособиться, дабы господствовать. Но «господствовать»— слишком уж сильно сказано. Довольно часто речь не шла даже о торговле между равными. Посмотрите, с какой скромностью жили англичане на своем острове Бомбей — подарке Португалии королеве Екатерине, португальской принцессе, жене Карла II с 1662 г. Или же как, не менее скромно, вели они себя в тех нескольких деревнях, что были уступлены им вокруг Мадраса (1640 г.) [283], или в первых своих жалких факториях в Бенгалии (1686 г.) [284]. В каких выражениях представлялся Великому Моголу один из директоров Ост-Индской компании (*East India Company*)? «Смиреннейший прах Джон Рассел, директор сказанной компании», не поколебался «припасть к ногам». Подумайте только о совместном поражении англичан и португальцев от Канолжи Ангрии в 1722 г., о жалкой неудаче голландцев в 1739 г., когда они попробовали высадиться в царстве Траванкур. «В 1750 г., — резонно утверждает индийский историк К. М. Паниккар,— невозможно было бы предсказать, что спустя пятьдесят лет европейская держава, Англия, завоюет треть Индии и приготовится вырвать у маратхов гегемонию над остальной частью страны» [285].

Однако с 1730 г. (дата приблизительная!) торговый баланс Индии начал колебаться. Европейское судоходство умножило число своих рейсов, увеличило долю своих товаров и белого металла. Усиливая и расширяя торговые сети, оно завершало приведение в негодность обширного политического строения империи

[282] Van Rechteren S. *Voyage aux Indes Orientales*. 1706, V, p. 124.

[283] Panikkar K. M. *L'Asie et la domination occidentale du XV^{e} siècle à nos jours*, p.68—72.

[284] *Ibidem.*

[285] *Ibid.*, p. 95—96.

Великого Могола, которая после смерти Аурангзеба в 1707 г. была уже только тенью. Европейские купцы приставляли к индийским государям [своих] активных агентов. Это медленное движение коромысла весов наметилось еще до середины века [286], хоть оно и было почти незаметно в те годы, когда на авансцене происходили шумные распри между английской и французской компаниями, в эпоху Дюплекса, Бюсси, Годеё *, Лалли-Толландаля и Роберта Клайва.

В самом деле, тогда происходило медленное загнивание индийской экономики. Битва при Плесси 23 июня 1757 г. ускорила его завершение. Искатель приключений Болтс, жертва и противник Р. Клайва, скажет: «Английской компании не стоило большого труда овладеть Бенгалией; она воспользовалась некоторыми благоприятными обстоятельствами, а ее артиллерия довершила остальное» [287]. Суждение поспешное и довольно малоубедительное, так как компания не только завоевала Бенгал, она там осталась. И не без последствий. Кто определит значение того дарового «первоначального накопления», каким было для Англии ограбление Бенгала (как утверждали, 38 млн. фунтов стерлингов, переведенных в Лондон с 1757 по 1780 г.) [288]? Первые нувориши, «набобы» (еще не носившие этого названия), переправляли на родину свои состояния в серебре, золоте, драгоценных камнях, алмазах. «Уверяют,— писала одна газета от 13 марта 1763 г.,— будто стоимость золота, серебра и драгоценных камней, каковые, независимо от товаров, были доставлены в Англию после 1759 г., достигает 600 тыс. фунтов» [289].

Цифра ничем не подтверждаемая, но свидетельствующая о балансе, сделавшемся весьма положительным для Англии, в первую очередь для нее и, может быть, уже и для Европы [вообще]: даже прибыли французской Ост-Индской компании с 1722 по 1754 г. свидетельствуют о наступлении благоприятных времен [290]. Но прежде всего «у истока» этих выгод находилась Англия. Ни один наблюдатель не ошибался относительно «громадных состояний, кои разные частные лица и все посланцы компании сколачивают в той стране. Эти азиатские губки,— объясняет Исаак де Пинто,— правдами и неправдами, *per fas et nefas*, периодически доставляют в отечество часть индийских сокровищ». В марте 1764 г. в Амстердам пришли известия о беспорядках, вспыхнувших в Бенгале. Здесь их комментировали без снисхождения, рассматривая как естественный ответ на ряд злоупотреблений, завершавшихся сказочным обогащением. Состояние губернатора Бенгала было попросту «чудовищным»: «Его друзья, кои, вне сомнения, не преувеличивают оное, дабы прославить губернатора, полагают его равным самое малое 1200 тыс. фунтов стерлингов» [291]. И чего только не делали посылаемые компанией в Индию младшие сыновья английских семейств, развращенные, даже не желая или не понимая этого, которых с момента их приезда прибирали к рукам их коллеги, а того больше — *бания*! В противоположность компании голландской английская разрешала своим служащим торговать от своего имени при условии, что дело пойдет об обменах «из Индии в Индию». Это означало давать слишком много возможностей для всякого рода злоупотреблений, ежели только убытки от них будут нести «туземцы». Что застав-

[286] Mauro F. *L'Expansion européenne*. 1964, p. 141.

* Годеё — губернатор французских владений в Индии в 1754 г.— *Прим. перев.*

[287] Bolts W. *État civil, politique et commercial du Bengale, ou Histoire des conquêtes et de l'administration de la Compagnie anglaise de ce pays*. 1775, I, p. XVII.

[288] Unwin G. *Indian Factories in the 18th century*.—"*Studies in economic history*", 1958, p. 352—373.—Цит. в кн.: Mauro F. *Op. cit.*, p. 141.

[289] "*Gazette de France*", *p. 104*, 13 марта 1763г., из Лондона.

[290] A.E., Asie, 12, f° 6.

[291] АВПР, 50/6, 474, л. 23, Амстердам 12/23 марта 1764 г.

ляет испытывать еще бóльшую симпатию к кавалеру Джорджу Сэвиллу, который в апреле 1777 г. в открытую поносил Ост-Индскую компанию, ее азиатские владения, чайную торговлю и «эти публичные хищения, коих он не желал быть сообщником каким бы то ни было образом» [292]. Но разве праведники когда-либо одерживали верх? Уже Лас-Касас не принес спасения американским индейцам и в некотором роде даже подтолкнул [европейцев] к рабству негров.

[292] *"Gazette de France"*, апрель 1777 г.
[293] Panikkar K. M. *Op. cit.*, p. 120—121.

Отныне Индия была предана безжалостной судьбе, которая низведет ее с почетного места великой производящей и торговой страны до положения страны колониальной, покупательницы английских изделий (даже тканей!) и поставщицы сырья. И так почти на два столетия!

Эта судьба предвещала судьбу Китая, которую он познал с запозданием, так как Китай был более удален от Европы, чем Индия, более сплочен и лучше защищен. Однако в XVIII в. «торговля с Китаем» начала воздействовать на него всерьез. Нараставший в Европе спрос побуждал бесконечно расширять площади, отводимые под выращивание чая,— и чаще всего в ущерб хлопку. Последнего станет не хватать; в XIX в. на него появится спрос в Индии — удобный случай для нее, т. е. для англичан, выравнять свой баланс с Китаем. А завершающим ударом станет начиная с 80-х годов XVIII в. появление индийского опиума [293]. И вот Китаю платят дымом, и каким дымом! К 1820 г. (грубо говоря) баланс становится противоположным, в момент, когда к тому же меняется мировая конъюнктура (1812—1817 гг.), которая пребудет под неблагоприятным знаком вплоть до середины XIX в. Так называемая опиумная война (1839—1842 гг.) закрепила эту эволюцию. На доброе столетие она открыла разрушительную эру «неравных договоров».

Следовательно, судьба Китая в XIX в. повторяет судьбу Индии в XVIII в. И здесь также имели значение внутренние слабости. Против маньчжурской династии действовали многочисленные конфликты, сыгравшие свою роль, несшие свою долю ответственности, как несло ее медленное распадение Могольской империи в Индии. В обоих случаях внешний толчок был усилен недостатками и беспорядками изнутри. Но разве не столь же верно и обратное? Эти внутренние беспорядки, протекай они без нажима Европы извне, наверняка получили бы иное развитие. Экономические последствия были бы другими. Не желая особенно вдаваться в рассмотрение вопроса об ответственности в моральном плане, следует [все же] признать очевидное: то, что Европа расстроила к своей выгоде старинные системы обмена и [старинное] равновесие на Дальнем Востоке.

ОПРЕДЕЛИТЬ МЕСТО РЫНКА

Можно ли попробовать в качестве заключения к двум предшествующим главам «поместить» *рынок* на его истинное место? Это не так просто, как оно кажется, потому что слово это само по себе весьма двусмысленно. С одной стороны, его в самом ши-

роком смысле прилагают ко всем формам обмена, стоит лишь им выйти за рамки самодостаточности, ко всем простейшим и более высокого порядка системам шестерен, которые мы только что описали, ко всем категориям, которые касаются торговых пространств (городской рынок, национальный рынок) либо же того или иного продукта (рынки сахара, драгоценных металлов, пряностей). Тогда это слово равнозначно обмену, обращению, распределению. С другой же стороны, слово «рынок» зачастую обозначает довольно широкую форму обмена, называемую также *рыночной экономикой*, т. е. систему.

Трудность заключается в том, что:

— комплекс рынка может быть понят, лишь будучи помещен в совокупность экономической жизни и в не меньшей степени — жизни социальной, которые с годами изменяются;

— этот комплекс не перестает эволюционировать и видоизменяться сам, а следовательно, в разные моменты имеет неодинаковый смысл или неодинаковое значение.

Чтобы определить рынок в его конкретной реальности, мы подойдем к нему тремя путями: через упрощающие теории экономистов; через свидетельство истории в широком смысле, *lato sensu*, т. е. взятой в самой длительной ее временной протяженности; через запутанные, но, может быть, полезные уроки современного мира.

САМОРЕГУЛИРУЮЩИЙСЯ РЫНОК

Экономисты придавали роли рынка особое значение. Для Адама Смита рынок был регулятором разделения труда. Его объем определяет уровень, которого достигнет разделение — этот процесс — ускоритель производства. И более того: рынок есть местопребывание «невидимой руки», там встречаются и там автоматически уравновешиваются через механизм цен предложение и спрос. Еще красивее формула Оскара Ланге: рынок-де был первым счетно-решающим устройством, поставленным на службу людям, саморегулирующейся машиной, самостоятельно обеспечивавшей равновесие экономической деятельности. Д'Авенель говорил, пользуясь языком своего времени, эпохи добросовестного либерализма: «Даже если в государстве ничто не было бы свободным, цена вещей тем не менее оставалась бы таковой и не дала бы себя поработить кому бы то ни было. Цена денег, земли, труда, цены всех съестных припасов и товаров никогда не переставали быть свободными: никакое законодательное принуждение, никакое частное соглашение не смогли их поработить» [294].

[294] Avenel G., *Découvertes d'histoire sociale*. 1920, p. 13.

Эти суждения в неявной форме признают, что рынок, которым никто не управляет, есть движущий механизм всей экономики. Рост Европы и даже всего мира был будто бы ростом рыночной экономики, не перестававшей расширять свою сферу, охватывая своим рациональным порядком все больше и больше людей, все больше и больше ближних и дальних торговых операций, что все вместе вело к достижению единства мира. В десяти случаях против одного обмен порождал разом предложение и спрос, ориентируя производство, вызывая специализацию обширных экономи-

ческих регионов, с этого времени ради собственного выживания связанных со ставшим необходимым обменом. Нужно ли приводить примеры? Виноградарство в Аквитании, чай в Китае, зерновые культуры в Польше, или на Сицилии, или на Украине, последовательное экономическое приспособление колониальной Бразилии (красящее дерево, сахар, золото, кофе)... В общем, обмен соединяет экономики друг с другом. Обмен — это соединительное звено, это шарнир. А дирижирует в делах между покупателями и продавцами цена. На лондонской бирже она, повышаясь или понижаясь, будет превращать «медведей» (“*bears*”) в «быков» (“*bulls*”), и наоборот; на биржевом жаргоне «медведи» — это те, кто играет на понижение, а «быки» — те, кто играет на повышение.

Вне сомнения, более или менее обширные зоны на окраинах и даже в самом сердце активной экономики едва затрагивались движением рынка. Лишь отдельные штрихи — монета, прибытие редких иностранных изделий — показывали, что эти маленькие мирки не были полностью закрытыми. Подобные вялость или неподвижность встречались еще в Англии при первых Георгах или в чрезмерно активной Франции Людовика XVI. Но как раз экономический рост означал бы сокращение этих изолированных зон, призванных во все большей степени участвовать во всеобщих производстве и потреблении; в конечном счете промышленная революция сделает рыночный механизм всеобъемлющим.

Саморегулирующийся рынок, завоевывающий, рационализирующий всю экономику,— такой будто бы была главным образом история [экономического] роста. Карл Бринкман мог в недавнем прошлом утверждать, что экономическая история — это исследование происхождения, развития и возможного в будущем распада рыночной экономики [295]. Такой упрощенный взгляд вполне согласуется с тем, чему учили поколения экономистов. Но ведь таким не может быть взгляд историков, для которых рынок — не просто эндогенное явление. И более того, он не представляет [ни] совокупности всей экономической деятельности, ни даже строго определенной стадии ее эволюции.

[295] См. Brinkmann C.— *Finanzarchiv*, 1933, I, S. 46.

СКВОЗЬ МНОГИЕ ВЕКА

Поскольку обмен столь же древен, как и история людей, *историческое* исследование рынка должно охватывать все вообще прожитые и поддающиеся наблюдению времена и попутно принять помощь других наук о человеке, их возможных объяснений, без чего оно бы не сумело охватить эволюцию, долговременные структуры и конъюнктуру — созидательницу новой жизни. Но если мы принимаем подобное расширительное толкование, мы втягиваемся в громадное, по правде говоря без начала и конца, обследование. Свидетельствуют все рынки — и в первую голову обращенные в прошлое пункты обменов, еще видимые сегодня то тут, то там формы древних реальностей, подобные все еще живущим [биологическим] видам допотопного мира. Признаюсь, меня приводят в восторг нынешние рынки Кабилии, регулярно возникающие посреди пустого пространства ниже уровня громоздящихся на окружающих скалах деревень [296]; или сегодняшние рынки Даго-

[296] Hanoteau A., Letourneux A. *La Kabylie et les coutumes kabyles*. 1893; см. также великолепную книгу Педро Чальметты — Chalmetta Gendron P. “*El Senor del Zoco” en España*, 1973, p. 75 sq.

меи * с их ярчайшими красками, тоже располагающиеся вне деревень [297]; или же примитивные рынки в дельте Красной реки, тщательнейшим образом обследованные недавно Пьером Гуру [298]. И множество других — ну хотя бы еще недавние рынки хинтерланда Баии, поддерживавшие контакт с пастухами полудиких стад внутренних районов [299]. Или еще более архаичные церемониальные обмены, виденные Малиновским на островах Тробриан, к юго-востоку от [бывшей] английской Новой Гвинеи [300]. Здесь сходятся сегодняшний день и глубокая старина, история, предыстория, полевые антропологические исследования **, ретроспективная социология, изучающая архаические общества экономическая наука.

Карл Поланьи, его ученики и его верные сторонники приняли вызов, брошенный этой массой свидетельств [301]. Они кое-как овладели ею, чтобы предложить объяснение, почти что теорию: экономика, которая представляет собой лишь «подсовокупность», «подмножество» социальной жизни [302] и которую последняя включает в свою сеть и в свою [систему] принуждения, только поздно — и то с оговорками!— освободилась от этих многообразных уз. Если верить Поланьи, то потребовалось бы ждать полного, «взрывного» распространения капитализма в XIX в., чтобы произошла «великая трансформация», чтобы «саморегулирующийся» рынок приобрел свои подлинные размеры и подчинил себе до того времени господствовавшую социальную сферу. До

* Ныне Народная Республика Бенин.— *Прим. перев.*

[297] Bastide R., Verger P. *Contribution sociologique des marchés Nagô du Bas-Dahomey.—"Cahiers de l'Institut de science économique appliquée"*, 1959, № 95.

[298] Gourou P. *Les Paysans du delta tonkinois.* 1965, p. 540 sq.

** Здесь имеется в виду так называемая социальная (культурная) антропология, более или менее аналогичная этнографии отечественной научной традиции.— *Прим. перев.*

[299] Личные впечатления от поездки в 1935 г.

[300] Malinowski B. *Les Argonautes du Pacifique occidental,* 1963, p. 117, (Оригинальное издание: *Argonauts of the Western Pacific.* L., 1922.)

[301] См. все труды Карла Поланьи и особенно: Polanyi K., Arensberg C. *Les Systèmes économiques.* 1975. (Оригинальное издание: *Trade and Markets in the Early Empires.* Ed. Polanyi K. e.a. N.Y., 1957.)

[302] См. далее, с. 462.



Традиционный рынок в Дагомее (Бенин) сегодня — посреди природы, вне пределов деревень. *Фото Пику.*

этой перемены будто бы существовали только, так сказать, рынки «на поводке», ложные рынки или вообще не рынки.

Как примеры обмена, который не зависел от так называемого «экономического» поведения, Поланьи называет церемониальные обмены под знаком *реципрокации*; или *редистрибуцию* ценностей примитивным государством, конфискующим продукт; или же *торговые порты* (*ports of trade*), эти нейтральные пункты обмена, где купец не был законодателем и лучшим образцом которых были бы гавани финикийских колоний вдоль побережий Средиземного моря, где в определенном месте на ограниченном оградой пространстве практиковали «немую торговлю». Короче, следовало бы делать различие между *trade* (торговлей, обменом) и *market* (рынком с саморегулированием цен), появление которого в прошлом веке было социальным переворотом первой величины.

Беда в том, что теория эта целиком покоится на этом различении, основанном — и то с оговорками — на нескольких разнородных обследованиях. Конечно же, ничто не препятствует введению в спор о «великой трансформации» XIX в. *потлача* и *кула* * вместо весьма разнообразной торговой организации XVII и XVIII вв. Но это то же самое, что прибегнуть в споре по поводу брачных норм в Англии во времена королевы Виктории к объяснению уз родства по Леви-Строссу **. В самом деле, не сделано ни малейшего усилия, чтобы обратиться к конкретной и *разнообразной* исторической реальности и затем исходить из нее. Нет ни единой ссылки на Эрнеста Лабруса, или на Вильгельма Абеля, или на столь многочисленные классические работы по истории цен. Два десятка строк — и вопрос рынка в так называемую меркантилистскую эпоху решен [303]. К несчастью, социологи и экономисты вчера, а антропологи — сегодня приучили нас к своему почти полному незнанию истории. Ведь оно так облегчало их задачу!

Помимо этого, предлагаемое нам понятие «саморегулирующийся рынок»— он-де то, он-де другое, он не таков, он не терпит-де тех или иных препятствий — обнаруживает теологический вкус к дефиниции [304]. Этот рынок, где «участвуют одни только спрос, издержки продавца и цены, вытекающие из взаимного согласия», при отсутствии любого «внешнего элемента» [305], есть создание умозрительное. Слишком просто окрестить экономической такую-то форму обмена, а социальной — какую-то другую. В действительности же все формы — экономические и все — социальные. На протяжении веков имелись очень разные социоэкономические обмены, которые сосуществовали, несмотря на свою разность или же как раз *в силу* такой разности. Реципрокация, редистрибуция — тоже формы экономические, тут Д. Норт совершенно прав [306], а рынок с оплатой, появляющийся очень рано, тоже есть одновременно и социальная реальность, и реальность экономическая. Обмен всегда был диалогом, а цена в тот или иной момент бывала чем-то непредвиденным. Она испытывала определенное давление (государя ли, города ли, капиталиста ли и т. д.), но также поневоле подчинялась императиву предложения, слабого или обильного, и в не меньшей мере — спроса. Контроль над ценами — главный довод в пользу того, чтобы отрицать появление до XIX в. «настоящего» саморегулирующегося рынка,— существовал во все времена и существует еще и сегодня. Но что касается

* Потлач — у индейцев северо-западного побережья Северной Америки торжественный пир, отличавшийся предельно расточительным расходованием пищи и раздачей в виде даров в чисто престижных целях значительных богатств. Кула — на островах Меланезии церемониальный кольцевой обмен предметов, имевших, как правило, исключительно престижную ценность; участие в таком обмене резко повышало социальный статус и престиж индивида. Впервые исследован британским антропологом Б. Малиновским.— *Прим. перев.*

** Леви-Стросс Клод (род. в 1908 г.)— французский этнограф и социолог.— *Прим. перев.*

[303] См.: Neale W.C. в: Polanyi K., Arensberg C. *Op. cit.*, p. 342.

[304] *Ibid.*, p. 336 sq.

[305] *Ibid.*, p. 341.

[306] North D.C. *Markets and Other Allocation Systems in History: the Challendge of K. Polanyi*.— *"The Journal of European Economic History"*, 1977 (winter), 6.

мира доиндустриального, то было бы ошибкой думать, будто рыночные прейскуранты упраздняли роль спроса и предложения. В принципе строгий контроль над рынком создан ради того, чтобы защитить потребителя, т. е. [обеспечить] *конкуренцию*. Именно «свободный» рынок в своем крайнем выражении, например английский *частный рынок* (*private market*), обнаружил бы тенденцию отменить разом и контроль, и конкуренцию.

На мой взгляд, с исторической точки зрения говорить о рыночной экономике следует с того момента, когда появляются колебания и согласованность цен на рынках какой-то данной зоны; явление тем более характерное, что происходит оно в рамках разных юрисдикций и суверенитетов. В таком смысле рыночная экономика существовала задолго до XIX и XX вв., будто бы единственных, по утверждению У. Нила [307], которые знали саморегулирующийся рынок. Цены колебались со времен античности, а в XIII в. они колебались уже как [некое] целое по всей Европе. Впоследствии согласованность проявится еще ярче, в пределах все более и более узких. Даже крохотные местечки района Фосиньи в Савойе XVIII в. — высокогорной местности, мало способствующей контактам,— знали определенное колебание своих цен на всех рынках района от одной недели к другой, в зависимости от урожаев и потребностей, в зависимости от спроса и предложения.

Сказавши это, я отнюдь не утверждаю, будто эта рыночная экономика, близкая к конкуренции, покрывала всю экономику, совсем наоборот! И сегодня ей это удается не больше, чем вчера, хоть и при совершенно иных масштабах, и по совсем другим причинам. В самом деле, частичный характер рыночной экономики может зависеть либо от значительности сектора натурального хозяйства, либо от власти государства, которое изымало часть продукта из торгового обращения, либо в такой же мере, или еще более, от весомости денег, которые тысячами способов могли искусственно вмешаться в ценообразование. Таким образом, рыночная экономика могла подрываться снизу или сверху, в экономиках отсталых и весьма передовых.

Что достоверно, так это то, что наряду с «не рынками», столь дорогими сердцу Поланьи, всегда имелись также и чисто торговые обмены, какими бы скромными они ни были. Рынки, даже незначительные, очень давно существовали в рамках деревни или нескольких деревень; рынок мог тогда представать как странствующая деревня — подобие ярмарки, своего рода искусственный и бродячий город. Но важнейшим шагом в этой нескончаемой истории было в один прекрасный день присоединение до того времени небольших рынков *городом*. Город поглотил рынки, увеличил их по своему размеру, даже если сам он в свою очередь подчинился их закону. Самое главное — это наверняка включение в экономический кругооборот *тяжелой единицы* — города. *Городской* рынок будто бы изобрели финикийцы [308] — это вполне возможно. Во всяком случае, почти современные им греческие города все устроили рынок на *агоре*, своей центральной площади [309]; они также изобрели, или по меньшей мере распространили, деньги, самоочевидный «расширитель» рынка, если только не обязательное условие (*sine qua non*) его деятельности.

[307] Neale W.C. *Op. cit.*, p. 343.
[308] См.: Rodinson M. в: Chalmetta P. *Op. cit.*, p. LIII sq.
[309] *Ibid.*, p. LV sq.

Греческий город знал даже и крупный городской рынок, тот, что снабжался издалека. Мог ли город поступать иначе? Вот он, город, неспособный с того момента, как он приобрел определенный вес, жить за счет своей прилегающей деревенской округи, зачастую каменистой, сухой, неплодородной. Обращение к услугам ближнего было неизбежно, как это было позднее в городах-государствах Италии начиная с XII в. и даже раньше. Кто будет кормить Венецию, коль скоро самое большее, чем она издавна располагала,— это были скудные огороды, отвоеванные у песка? В более поздний период торговые города Италии, чтобы взять под контроль протянувшийся на большие расстояния кругооборот дальней торговли, преодолеют стадию крупных рынков, создадут действенное и как бы повседневное оружие в виде сборищ богатых купцов. Разве Афины и Рим не создали уже более высокие уровни — уровни банков и собраний, которые можно было бы определить как «биржевые»?

А в целом рыночная экономика будет формироваться шаг за шагом. Как говорил Марсель Мосс, «это именно наши западные общества совсем недавно сделали из человека экономическое животное» [310]. И к тому же нужно еще договориться относительно значения слов «совсем недавно».

[310] См.: Mauss M. в: *"Annales E.S.C"*, 1974, p. 1311—1312.

МОЖЕТ ЛИ БЫТЬ СВИДЕТЕЛЕМ НЫНЕШНЕЕ ВРЕМЯ?

Эволюция не остановилась вчера, в прекрасные дни саморегулирующегося рынка. На огромных пространствах планеты и для огромных масс людей социалистические системы с авторитарным контролем над ценами положили конец рыночной экономике. Когда последняя сохраняется, ей приходится искать обходные пути, довольствоваться крохотной сферой деятельности. Этот опыт, во всяком случае, кладет конец — и не единственный! — той кривой, что рисовал заранее Карл Бринкман. «И не единственный» — потому что в глазах некоторых сегодняшних экономистов «свободный» мир познал странную трансформацию. Возросшая мощь производства, тот факт, что люди многочисленных наций — разумеется, не всех — миновали стадию нехваток и нищеты и не испытывают серьезного беспокойства за свою повседневную жизнь, удивительное развитие крупных предприятий, зачастую многонациональных,— все эти изменения опрокинули старинный порядок короля-рынка, короля-клиента, имевшей решающее значение рыночной экономики. Законы рынка не существуют более для крупных предприятий, способных своей высокоэффективной рекламой оказывать давление на спрос, способных произвольно устанавливать цены. Дж. К. Гэлбрейт недавно в очень ясной книге описал то, что он называет *индустриальной системой* [311]. Франкоязычные экономисты охотнее говорят об *организации*. В недавней статье в газете «Монд» (29 марта 1975 г.) Франсуа Перру даже дошел до утверждения: «Организация — это модель, намного более важная, нежели рынок». Но рынок сохраняется — я могу пойти в лавку, на обыкновенный рынок и там «опробовать» свое весьма скромное королевское достоинство

[311] Galbraith J. K. *The Affluent Society* (2[d] ed.). L., 1969 (французское издание 1974 г.).

клиента и потребителя. Точно так же для мелкого производителя — возьмем классический пример изготовителя готового платья,— повелительно вовлекаемого в борьбу с многочисленными конкурентами, закон рынка продолжает существовать в полной мере. Разве Дж. К. Гэлбрейт не задавался целью в своей последней книге изучить «весьма подробно существование рядом мелких предприятий — того, что я называю рыночной системой,— и системы индустриальной» [312], прибежища крупных предприятий? Но Ленин говорил примерно то же самое по поводу сосуществования того, что он называл «империализмом» (или монополистическим капитализмом, родившимся в начале XX в.), и простым капитализмом, успешно действующим, как он полагал, на конкурентной основе [313].

Я полностью согласен и с Гэлбрейтом и с Лениным, с той, однако, разницей, что различение в качестве отдельных секторов того, что я именую «экономикой» (или рыночной экономикой) и «капитализмом», кажется мне не новой чертой, но европейской константой со времен средневековья. А также с той разницей, что к доиндустриальной модели следует добавить третий сектор: нижний «этаж» «неэкономики», своего рода гумусный слой, где вырастают корни рынка, но не пронизывая всей его массы. Этот нижний «этаж» остается огромным. Выше него, в зоне по преимуществу рыночной экономики, множились горизонтальные связи между разными рынками; некий автоматизм обычно соединял там спрос, предложение и цену. Наконец, рядом с этим слоем, или, вернее, над ним, зона «противорынка» представляла царство изворотливости и права сильного. Именно там и располагается зона капитализма по преимуществу, как вчера, так и сегодня, как до промышленной революции, так и после нее.

[312] Galbraith J. K. *Op. cit.*, p. 22.

[313] Ленин В. И. *Полн. собр. соч.*, т. 27, с. 385.

Глава 3

ПРОИЗВОДСТВО, ИЛИ КАПИТАЛИЗМ В ГОСТЯХ

Из осторожности ли, по небрежности ли, либо просто потому, что этот сюжет не возникал, но до этого момента слово *капитализм* вышло из-под моего пера всего пять-шесть раз, и я бы мог обойтись без его употребления. «Почему же вы этого не сделали!»— возопят те, кто придерживается мнения, что надлежит раз и навсегда исключить этот «боевой клич» [1] — двусмысленный, малонаучный, употребляемый где надо и где не надо [2]. А главное, такой, что его нельзя употреблять в применении к доиндустриальной эпохе, не впадая в преступный анахронизм.

[1] Perroux F. *Le Capitalisme.* 1962, p. 5.
[2] Heaton H. *Criteria of periodization in economic history.— "The Journal of Economic History"*, 1955, p. 267 f.

Что касается лично меня, то после продолжительных попыток я отказался от мысли изгнать докучного. Я подумал, что нет никакой пользы в том, чтобы одновременно со словом избавиться и от споров, какие оно за собою влечет, споров, достаточно живо затрагивающих и современность. Ибо для историка понять вчерашний и понять сегодняшний день — это одна и та же операция. Можно ли вообразить, чтобы страсть к истории резко останавливалась на почтительном расстоянии от современности, куда было бы недостойно, даже опасно продвинуться хотя бы на шаг? В любом случае такая предосторожность иллюзорна. Гоните капитализм в дверь — он войдет в окно. Потому что хотите вы того или не хотите, но даже в доиндустриальную эпоху существовала экономическая деятельность, которая неудержимо приводит на память это слово и не приемлет никакого другого. Если она еще почти не напоминала индустриальный «способ производства» (что до последнего, то я не считаю, что он представлял важнейшее и необходимое свойство всякого капитализма), то, во всяком случае, она не совпадала и с классическим рыночным обменом. Мы попытаемся определить ее в главе 4.

Коль скоро слово это вызывает такие контроверзы, мы начнем с предварительного изучения словаря, дабы проследить историческую эволюцию слов *капитал*, *капиталист*, *капитализм*; эти три слова взаимосвязаны, они фактически неразделимы. Таким образом мы заранее устраним некоторые двусмысленности.

Капитализм, определяемый, таким образом, как место вложения капитала и высокого уровня его воспроизводства, надлежит затем «вписать» в [рамки] экономической жизни, и он при этом не заполнит всего ее объема. Следовательно, имеются две зоны, где его надлежит помещать: та, которую капитал удерживает и которая есть как бы его предпочтительное место обитания, и та, которую он затрагивает окольным путем, в которую «втирается», не господствуя над нею постоянно.

Вплоть до [промышленной] революции XIX в., до момента, когда капитализм присвоит себе индустриальное производство, возведенное в ранг [источника] крупных прибылей, он чувствовал себя как дома по преимуществу в сфере обращения, даже если при случае он не отказывался совершать нечто большее, нежели простые набеги, и в иные сферы. И даже если обращение не занимало его во всей своей совокупности, поскольку в нем капитал контролировал и стремился контролировать лишь определенные каналы.

Короче говоря, в этой главе мы изучим различные секторы производства, где капитализм пребывал в гостях, прежде чем в следующей главе заняться теми избранными сферами, где он действительно был у себя дома.

КАПИТАЛ, КАПИТАЛИСТ, КАПИТАЛИЗМ

Прежде всего обратимся к словарям. Следуя советам Анри Берра и Люсьена Февра [3], ключевые слова исторического словаря следует употреблять лишь после того, как задашься вопросом по их поводу — и лучше неоднократно, чем единожды. Откуда эти слова взялись? Как они дошли к нам? Не введут ли они нас в заблуждение?

Я захотел ответить на эти вопросы, взяв слова *капитал*, *капиталист*, *капитализм* — три слова, что появились в том порядке, в каком я их перечисляю. Операция скучная, я это признаю, но необходимая.

Надо предупредить читателя, что это — сложное исследование, что следующее далее сжатое изложение не дает представления и о сотой его части [4]. Любая цивилизация — уже вавилонская, уже греческая, римская и, вне сомнения, все остальные,— сталкиваясь с потребностями обмена, производства и потребления и с порождаемыми ими спорами, должна была создавать особые словари, термины которых затем непрестанно искажались. Наши три слова не избегли действия этого правила. Даже слово *капитал*, самое древнее из трех, не имело того смысла, в каком мы его понимаем (следуя за Ричардом Джонсом, Рикардо, Сисмонди, Родбертусом и в особенности — за Марксом), или же начало приобретать этот смысл лишь около 1770 г., с появлением трудов Тюрго — самого крупного экономиста XVIII в., писавшего по-французски.

[3] См. в частности: Febvre L. *Les Mots et les choses en histoire économique.— "Annales d'histoire économique et sociale"*, II, 1930, p. 231 sq.

[4] Для более полных разъяснений см. ясный и скрупулезно выполненный (хотя и труднодоступный) труд Эдвина Дешеппера: Deschepper E. *L'Histoire du mot capital et dérivés.* Université libre de Bruxelles, 1964 (машинописный текст диссертации). Я широко пользовался им, когда писал последующие абзацы.

СЛОВО «КАПИТАЛ»

"Capitale" (слово из поздней латыни, от *caput* — голова) появилось около XII—XIII вв. в значении «ценности; запас товаров; масса денег; или же деньги, приносящие процент». Оно не сразу было точно определено: споры тогда шли прежде всего по поводу процента и отдачи денег в рост, каковым в конечном счете схоласты, моралисты и правоведы со спокойной совестью открыли путь по той причине, как они станут заявлять, что кредитор-де идет на риск. В центре всех этих споров находилась Италия — предтеча того, что впоследствии станет современностью. Именно в Италии это слово было создано, освоилось и в некотором роде обрело зрелость. Его, бесспорно, обнаруживаешь в 1211 г., а с 1283 г. оно употребляется в значении капитала товарищества купцов. В XIV в. оно встречалось почти повсеместно — у Джованни Виллани, у Боккаччо, у Донато Веллути *... 20 февраля 1399 г. Франческо ди Марко Датини писал из Прато одному из своих корреспондентов: «Конечно же, я желаю, чтобы ты, ежели закупишь бархаты и сукна, взял обеспечение под капитал (*il chapitale*) и под прибыль, [что надлежит получить]; а после сего поступай по своему усмотрению» [5]. Слово «капитал», реальность, которую оно обозначало, вновь встречаются в проповедях св. Бернардина Сиенского (1380—1444): «сие плодовитое средство наживы, кое мы обычно называем капиталом» (*"quamdam seminalem rationem lucrosi quam communiter capitale vocamus"*) [6].

Мало-помалу это слово обнаружило тенденцию обозначать *денежный* капитал товарищества или купца — то, что в Италии очень часто именовали также *«телом»* (*corpo*), а в Лионе еще в XVI в. называли *le corps* [7]. Но в конце концов после долгих и запутанных споров в масштабе всей Европы «голова» возобладала над «телом». Возможно, слово «капитал» вышло из Италии, чтобы потом распространиться по всей Германии и Нидерландам. А в конечном счете оно, видимо, пришло во Францию, где вступило в конфликт с прочими производными от *caput*, например *chatel*, *cheptel*, *cabal* [8]. «В этот час,— говорит Панург,— ...мне с того идет чистый *cabal*. Долг, рост и проценты я прощаю» [9]. Во всяком случае, слово «капитал» встречается в «Сокровищнице французского языка» (*"Thrésor de la langue françoise"*, 1606) Жана Нико. Не будем из этого делать заключение, что его смысл тогда уже вполне устоялся. Оно оставалось окружено множеством слов-соперников, которые легко подставлялись вместо него даже там, где *мы* бы ожидали именно его употребления: «доля» (*sort*), в старинном значении долга, «богатства» (*richesses*), «возможности» (*facultés*), «деньги» (*argent*), «ценность» (*valeur*), «фонды» (*fonds*), «имущества» (*biens*), «деньги» (*pécunes*), «главное» (*principal*), «добро» (*avoir*), «достояние» (*patrimoine*).

Слово *«фонды»* долго сохраняло первенство. Лафонтен говорит в своей эпитафии: «И Жан ушел таким же, как пришел, проев доход свой с капиталом (*fonds*) вместе». И еще сегодня мы говорим *"prêter à fonds perdus"*— «давать взаймы заведомо безнадежному должнику». Так что мы без удивления прочтем, что некий марсельский корабль зашел в Геную забрать «свои фонды в пиастрах, дабы отправиться на Левант» (1713 г.) [10], или что какой-ни-

* Виллани Джованни (ум. 1348) — автор хроники, доведенной до 1348 г. и включающей историю как собственно Флоренции, так и Италии в целом. Веллути Донато (1313—1370) — автор хроники, охватывающей историю Флоренции с 1300 по 1370 г.— *Прим. перев.*

[5] Archives de Prato, № 700. Lettere Prato — Firenze; документ был сообщен мне Ф. Мелисом.

[6] Salin E. *Kapitalbegriff und Kapitallehre von der Antike zu den Physiokraten.— "Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte"*. 1930, 23, S. 424, Anm. 2.

[7] Gascon R. *Grand Commerce et vie urbaine. Lyon au XVI*[e]. 1971, p. 238.

[8] Deschepper E. *Op. cit.*, p. 22 sq.

[9] Rabelais F. *Pantagruel*. Ed. La Pléiade, p. 383.

[10] A. N., A. E. B[1] 531, 22 июля 1713 г.

будь купец, занятый ликвидацией дела, может лишь «заставить вернуть свои фонды» (1726 г.) [11]. И наоборот, когда в 1757 г. Верон де Форбоннэ пишет: «По-видимому, те лишь фонды заслуживают названия богатств, кои имеют то преимущество, что приносят доход» [12], то нам слово *«богатства»* (*richesses*), употребленное вместо слова *«капитал»* (о чем говорит продолжение текста), представляется неуместным. Еще более удивляют другие выражения: относящийся к Англии документ 1696 г. полагал, что «сия нация имеет еще действительную стоимость в шестьсот миллионов [фунтов; в общем-то, это цифра, предлагавшаяся Грегори Кингом] в землях и всякого рода фондах» [13]. В 1757 г., в обстановке, когда бы мы автоматически сказали — переменный, или оборотный капитал, Тюрго говорил об «авансах, обращающихся во всякого вида предприятиях» [14]. У него «аванс» проявляет тенденцию принять значение «вложения, инвестиции»: здесь присутствует современное значение понятия «капитал», если и не само это слово. Забавно также увидеть в «Словаре» Савари дэ Брюлона издания 1761 г., когда речь идет о торговых компаниях, упоминание об их *«капитальных фондах»* (*"fonds capitaux"*) [15]. Вот наше слово и сведено к роли прилагательного. Выражение это не было, разумеется, изобретением Савари. Примерно сорока годами раньше одна из бумаг Высшего совета торговли гласила: «Капитальный фонд [Индийской] компании достигает 143 млн. ливров» [16]. Но почти в это же самое время (1722 г.) в письме абвильского фабриканта Ванробэ-старшего ущерб после крушения его корабля «Карл Лотарингский» оценивался как «составивший более половины капитала» [17].

Слово *капитал* возобладает в конечном счете лишь в связи с медленным «износом» других слов, который предполагал появление обновленных понятий, «перелом в знаниях», как сказал бы Мишель Фуко. В 1782 г. Кондильяк сказал проще: «Каждая наука требует особого языка, ибо всякая наука имеет представления, кои ей свойственны. По-видимому, надо было бы начинать с создания этого языка; но начинают с разговора и письма, а язык еще остается создать» [18]. В самом деле, на стихийно сложившемся языке экономистов-классиков будут разговаривать еще долго после них. Ж.-Б. Сэ в 1828 г. признавал, что слово *«богатство»* (*richesse*) — «ныне плохо определяемый термин» [19], но пользовался им. Сисмонди без колебания говорит о «богатствах территориальных» (в смысле «земельных»), о национальном богатстве, о торговом богатстве — это последнее выражение даже послужило названием его первого эссе [20].

Однако мало-помалу слово *капитал* брало верх. Оно присутствует уже у Форбоннэ, который говорит о «производительном капитале» [21]; у Кенэ, утверждавшего: «Всякий капитал есть орудие производства» [22]. И вне сомнения, уже и в разговорной речи, ибо оно употребляется как образное. «С того времени, как г-н Вольтер в Париже, он живет за счет капитала своих сил»; его друзьям следовало бы «пожелать, чтобы он жил там только за счет своей ренты», ставил свой верный диагноз в феврале 1778 г., за несколько месяцев до кончины прославленного писателя, доктор Троншэн [23]. Двадцатью годами позднее, в эпоху итальянской кампании Бонапарта, русский консул, размышляя об исключи-

[11] Cavignac J. *Jean Pellet, commerçant de gros, 1694—1722.* 1967, p. 158. Письмо Пьера Пелле с Мартиники от 26 июля 1726 г.
[12] Véron de Forbonnais F. *Principes économiques (1767).* Éd. Daire, 1847, p. 174.
[13] A. E. Mémoires et Documents, Angleterre, 35, f° 43, 4 мая 1696 г.
[14] Turgot. *Œuvres*, II, p. 575.
[15] Savary des Bruslons J. *Dictionnaire*, II, 1760, col. 136.
[16] A. N., G 7, 1705, 121, после 1724 г.
[17] A. N., G 7, 1706, 1, письмо от 6 декабря 1722 г.
[18] Condillac. *Le Commerce et le gouvernement.* Éd. Daire, p. 247.
[19] Say J.-B. *Cours complet d'économie politique*, I, 1828, p. 93.
[20] Sismondi. *De la richesse commerciale.* 1803.
[21] Véron de Forbonnais F. *Op. cit.*, p. 176.
[22] Du Pont de Nemours. *Maximes du docteur Quesnay.* Éd. 1846, p. 391; цит. у: Romeuf J. *Dictionnaire des sciences économiques*, s. v. *"Capital"*, p. 199.
[23] Manceron C. *Les Vingt Ans du roi.* 1972, p. 589.



«Торговля» — гобелен XV в. *Музей Клюни. Фото Роже-Виолле.*

тельном положении революционной Франции, говаривал (я его уже цитировал): она-де «ведет войну своим капиталом», противники же ее — «своими доходами»! Заметьте, что в этом ярком суждении слово *капитал* означает национальное достояние, богатство нации. Это уже более не традиционное слово для обозначения суммы денег, размеров долга, займа или торгового фонда, с тем смыслом, что мы находим в «Сокровищнице трех языков» (*"Trésor des trois langues"*) Крепэна (1627 г.), во «Всеобщем словаре» (*"Dictionnaire universel"*) Фюретьера (1690 г.), в «Энциклопедии» 1751 г. или в «Словаре Французской академии» (1786 г.). Но разве же не был этот старинный смысл привязан к денежной стоимости, которая так долго принималась на веру? Заменить его понятием производительных денег, трудовой стоимости — на это потребуется много времени. Однако же этот смысл мы замечаем у Форбоннэ, и Кенэ, у Морелле, который в 1764 г. различал *капиталы праздные* и *капиталы деятельные* [24], и еще больше — у Тюрго, для которого капитал отныне вовсе не исключительно деньги. Еще немного — и мы пришли бы к тому «смыслу, какой определенно

[24] Morellet. *Prospectus d'un nouveau dictionnaire de commerce*. P., 1764. Цит. у: Deschepper E. *Op. cit.*, p. 106—107.

(и как исключающий иные) придаст этому слову Маркс, а именно: средства производства» [25]. Задержимся же у этой еще неопределенной границы, к которой нам придется вернуться.

КАПИТАЛИСТ И КАПИТАЛИСТЫ

Слово *«капиталист»* восходит, несомненно, к середине XVII в. «Голландский Меркурий» (*"Hollandische Mercurius"*) один раз его употребляет в 1633 г. и один раз — в 1654 г. [26] В 1699 г. один французский мемуар отмечал, что новый налог, установленный Генеральными штатами Соединенных Провинций, делает различие между «капиталистами», кои будут платить 3 флорина, и прочими, облагаемыми суммой в 30 су [27]. Следовательно, слово это было уже давно известно, когда Жан-Жак Руссо в 1759 г. писал одному из своих друзей: «Я ни большой барин, ни капиталист. Я беден и доволен» [28]. Однако в «Энциклопедии» это слово фигурирует только как прилагательное — «капиталистический». Правда, у существительного было много соперников. Имелись сотни способов обозначать богачей: денежные люди, сильные, ловкачи, богатенькие, миллионеры, нувориши, состоятельные (хотя это последнее слово пуристы и включили в индекс запрещенных). В Англии во времена королевы Анны вигов — все они были очень богаты — обозначали как «людей с бумажником» или же как *«денежных людей»* (*monneyed men*). И все эти слова с легкостью приобретали пренебрежительный оттенок: Кенэ говорил в 1759 г. об обладателях «денежных состояний», которые «не знают ни короля, ни отечества». [29]. Для Морелле же капиталисты образовывали в обществе отдельную группу, категорию, почти отдельный класс [30].

Обладатели «денежных состояний» — это тот узкий смысл, какой приняло слово *«капиталист»* во второй половине XVIII в., когда оно обозначало держателей «государственных бумаг», движимостей или наличных денег для инвестиций. В 1768 г. компания судовладельцев, широко финансировавшихся из Парижа, учредила свою резиденцию в столице на улице Кокэрон (*Coq Héron*), ибо, как было разъяснено заинтересованным лицам в Онфлёре, «капиталисты, кои проживают [в Париже], весьма довольны тем, что их вклады пребывают в пределах досягаемости и они могут постоянно следить за их состоянием» [31]. Неаполитанский агент в Гааге 7 февраля 1769 г. писал (по-французски) своему правительству: «Капиталисты сей страны едва ли станут подвергать свои деньги превратностям последствий войны» [32] — речь идет о начавшейся войне между Россией и Турцией. Малуэ, будущий член Учредительного собрания, возвращаясь мысленно в 1775 г. к основанию голландцами колонии Суринам в Гвиане, различал предпринимателей и капиталистов. Первые спланировали на месте плантации и осушительные каналы; «затем они обратились к европейским капиталистам, дабы получить средства и вложить их в свое предприятие» [33]. Слово «капиталисты» все больше и больше становилось обозначением оперирующих деньгами и предоставляющих средства. Написанный во Франции в 1776 г. памфлет называется «Слово к капиталистам об англий-

[25] Deschepper E. *Op. cit.*, p. 109.

[26] *Ibid.*, p. 124.

[27] A. N., K 1349, 132, f° 214 v°.

[28] Deschepper E. *Op. cit.*, p. 125.

[29] Febvre L. *Pouvoir et privilège* (May. L.-Ph. *L'Ancien Régime devant le Mur d'Argent*). —*"Annales d'histoire économique et sociale"*, X (1938), p. 460.

[30] Deschepper E. *Op. cit.*, p. 128.

[31] A. N., Z 1, D 102 B.

[32] A. d. S. Napoli, Affari Esteri, 801.

[33] Malouet P.-V. *Mémoires*. 1874, I, p. 83.

ском долге»[34] — разве английские фонды не были априори делом капиталистов? В июле 1783 г. во Франции стоял вопрос о предоставлении купцам полной свободы действий в качестве оптовиков. По докладу Сартина, бывшего тогда лейтенантом полиции, на Париж эта мера не распространялась. Как говорили, в противном случае это означало бы предоставить столицу «алчности большого числа капиталистов, [что] повело бы к [незаконному] обогащению и сделало бы невозможным наблюдение полицейской службы за снабжением Парижа»[35]. Вполне очевидно, что слово это, уже пользовавшееся дурной славой, обозначало людей, имевших деньги и готовых их употребить, дабы иметь их еще больше. Именно в таком смысле одна брошюрка, увидевшая свет в Милане в 1799 г., различала земельных собственников и «обладателей движимых богатств, или капиталистов» (*"possessori di ricchezze mobili, ossia i capitalisti"*)[36]. В 1789 г. в сенешальстве Драгиньянском некоторые наказы жаловались на капиталистов, которых они определяли как «тех, кто имеет состояние в своем бумажнике» и кто, следовательно, избегает уплаты налога[37]. В результате «Крупные собственники этой провинции продают свои наследственные владения, дабы обратить их в капиталы и защитить себя от непомерных налогов, коим подлежат [земельные] владения, и помещают свои средства из 5% без каких бы то ни было удержаний»[38]. В Лотарингии в 1790 г. ситуация как будто была обратной. «Самыми крупными землями [там] владеют,— пишет очевидец,— жители Парижа: некоторые имения были в недавнее время скуплены капиталистами. Последние обратили свои спекуляции на эту провинцию, ибо именно здесь земли более дешевы, учитывая приносимые ими доходы»[39].

Как видите, тон никогда не бывал дружественным. Марат, который начиная с 1774 г. избрал резкий тон, дошел до того, что утверждал: «У торговых наций капиталисты и рантье почти все заодно с откупщиками, финансистами и биржевыми игроками»[40]. С наступлением Революции выражения делаются резче. 25 ноября 1790 г. граф де Кюстин гремел с трибуны Национального собрания: «Неужели же Собрание, которое уничтожило все виды аристократии, дрогнет перед аристократией капиталистов, этих космополитов, которые не ведают иного отечества, кроме того, где они могут накапливать богатства?»[41] Камбон, выступая с трибуны Конвента 24 августа 1793 г., был еще более категоричен: «В настоящий момент идет борьба не на жизнь, а на смерть между всеми торговцами деньгами и упрочением Республики. И значит, надлежит истребить эти сообщества, разрушающие государственный кредит, ежели мы желаем установить режим свободы»[42]. Если слово *«капиталист»* здесь и не присутствует, так это, несомненно, потому, что Камбон хотел использовать еще более презрительный термин. Всем известно, что финансисты, пустившиеся в первые «революционные» игры с тем, чтобы затем оказаться захваченными врасплох Революцией, в конечном счете вышли из воды сухими. Отсюда и злость Ривароля, который в своем изгнании не моргнув глазом писал: «Шестьдесят тысяч капиталистов и целый муравейник биржевиков приняли решение о Революции»[43]. Конечно же, это поспеш-

[34] A. E., M. et D., Angleterre, 35, f^os 67 sq.
[35] A. N., F 12, 731, 4 июля 1783 г.
[36] Dal Pane L. *Storia del lavoro in Italia.* 2 éd. 1958, p. 116.
[37] Наказ третьего сословия общины Гард-Фиганьер.
[38] Наказ общины Сен-Парду сенешальства Драгиньянского.
[39] Mathieu D. *L'Ancien Régime dans la province de Lorraine et Barrois.* 1879, p. 324.
[40] Manceron C. *Op. cit.*, p. 54.
[41] Coston H. *Les Financiers qui mènent le monde.* 1955, p. 41; *"Moniteur"*, t. V, p. 741, 25 сентября 1790 г.
[42] *"Moniteur"*, t. XVII, p. 484.
[43] Coston H. *Op. cit.*, p. 41; Rivarol. *Mémoires.* 1824, p. 235.

ный и бесцеремонный способ объяснять 1789 год. Мы видим, что слово *«капиталист»* еще не означало предпринимателя, вкладчика капитала. Это слово, как и слово *«капитал»*, оставалось привязанным к понятию денег, богатства самого по себе.

«КАПИТАЛИЗМ» — ОЧЕНЬ НЕДАВНЕЕ СЛОВО

«Капитализм» — с нашей точки зрения, тот из трех терминов, что вызывает более всего страстей, но наименее из них реальный (существовал ли бы он вообще без двух остальных?) — подвергался ожесточенной критике со стороны историков и лексикологов. Согласно мнению Доза, термин этот будто бы появился в «Энциклопедии» (1753 г.), но в весьма своеобразном значении: «Состояние того, кто богат» [44]. К сожалению, утверждение Доза, по-видимому, ошибочно. Обнаружить упоминаемый текст не удалось. В 1842 г. это слово встречается в книге Ж.-Б. Ришара «Новые богатства французского языка» [45]. Но, вне всякого сомнения, именно Луи Блан в полемике с Бастиа придал этому слову его новое значение, когда написал в 1850 г.: «То, что я бы назвал *«капитализмом»* [и он ставит кавычки], т. е. присвоением капитала одними с исключением других» [46]. Но употребление слова оставалось редким. Иногда его употреблял Прудон, и вполне правильно. «Земля — это еще и крепость капитализма»,— писал он; тут заключена целая диссертация. И он великолепно определяет это слово: «Экономический и социальный строй, при котором капиталы — источник дохода — в целом не принадлежат тем, кто приводит их в действие своим собственным трудом» [47]. Однако же и десятью годами позднее, в 1867 г., Маркс еще не употреблял это слово [48].

На самом деле лишь в начале нашего века это слово в полную силу зазвучало в политических дискуссиях как естественный антоним социализму. В научные круги оно будет введено блестящей книгой В. Зомбарта «Современный капитализм» (первое издание появилось в 1902 г.). Довольно естественно слово, не употреблявшееся Марксом, войдет в марксистскую модель так, что обычно говорят — рабовладение, феодализм, капитализм, чтобы обозначить крупные этапы [развития], различавшиеся автором «Капитала».

Таким образом, это слово политическое. Откуда и проистекает, быть может, двусмысленная сторона его карьеры. Долгое время не употреблявшееся экономистами начала века — Шарлем Жидом, Кануасом, Маршаллом, Зелигманом или Касселем,— слово «капитализм» появится в «Словаре политических наук» лишь после войны 1914 г., а право на посвященную ему статью в «Британской энциклопедии» оно получит только в 1926 г. В «Словарь Французской академии» оно войдет лишь в 1932 г. и с таким забавным определением: «Капитализм, совокупность капиталистов». Новая дефиниция 1958 г. была едва ли более адекватна: «Экономический строй, при котором производительные богатства [почему бы не средства производства?] принадлежат частным лицам или частным компаниям».

В действительности же это слово, которое не переставало

[44] Dauzat A. *Nouveau Dictionnaire étymologique et historique*. 1964, p. 132. Но я не обнаружил в «Энциклопедии» такого упоминания; возможно, мы имеем дело с ошибкой?

[45] Richard J.-B. *Les Enrichissements de la langue française*, p. 88.

[46] Blanc L. *Organisation du travail*. 9e éd., 1850, p. 161—162; цит. у: Deschepper E. *Op. cit.*, p. 153.

[47] См.: Romeuf J. *Dictionnaire des sciences économiques* (на слово «капитализм»), p. 203; см.: Hémardinquer J.-J. в: *"Annales E. S. C."*, 1967, p. 444.

[48] См. рецензию Эмарденкера (Hémardinquer J.-J.) на кн.: Dubois J. *Le Vocabulaire politique et social en France de 1869 à 1872, à travers les œuvres des écrivains, les revues et les journaux*. 1963.— *"Annales E. S. C."*, 1967, p. 445—446. Но Энгельс будет им пользоваться, а с 1870 г. слово "Kapitalismus" появится под пером немецкого экономиста Альберта Шеффле (Silbener E. *Annales d'histoire sociale*, 1940, p. 133).

отягощаться [новым] смыслом с начала нашего века и после русской революции 1917 г., явно вызывает у слишком многих некоторое стеснение. Серьезный историк Герберт Хитон хотел бы его просто-напросто изъять. «Из всех слов с суффиксом *-изм*,— говорит он,— более всего шума производило слово «капитализм». К несчастью, оно соединило в себе такую мешанину значений и дефиниций, что... скажем, *империализм* нужно теперь выбросить из лексикона всякого уважающего себя ученого» [49]. Сам Люсьен Февр хотел бы его элиминировать, полагая, что им слишком [широко] пользовались [50]. Да, но ежели мы послушаемся этих благоразумных советов, нам сразу же станет не хватать исчезнувшего слова. Как говорил в 1971 г. Эндрю Шонфилд, веский «довод за то, чтобы продолжать его употреблять, заключается в том, что никто, даже самые суровые его критики не предложили взамен него лучшего термина» [51].

Из всех исследователей историки более всего соблазнялись новым словом в пору, когда оно еще не слишком «припахивало серой». Не заботясь об анахронизме, они откроют ему все поле исторического исследования — древнюю Вавилонию, эллинистическую Грецию, древний Китай, Рим, наше западное средневековье, Индию. Самые крупные имена вчерашней историографии, от Теодора Моммзена до Анри Пиренна, были вовлечены в эту игру, которая затем развязала настоящую «охоту за ведьмами». Неосторожных подвергали проработке — Моммзена первого, притом [сделал это] сам Маркс. По правде, не без резона: разве можно так вот запросто смешивать деньги и капитал? Но Полю Вэну одного [этого] слова показалось достаточно, чтобы обрушить громы и молнии на Михаила Ростовцева — великолепного знатока античной экономики [52]. Я. К. Ван Люр не желает видеть в экономике Юго-Восточной Азии никого, кроме мелочных торговцев, *pedlars*. Карл Поланьи сделал предметом насмешек уже один тот факт, что историки могли-де говорить об ассирийских «купцах»; а между тем тысячи табличек сохранили нам их переписку. И так далее... Во многих случаях дело шло о том, чтобы свести все к послемарксовой ортодоксии: никакого капитализма до конца XVIII в., до индустриального способа производства.

Пусть так, но ведь здесь это вопрос словоупотребления. Нужно ли говорить, что ни один из историков Старого порядка, а уж тем более античности, произнося слово *капитализм*, и не думает об определении, которое ему спокойно дал Александр Гершенкрон: «Капитализм — это современная индустриальная система» (*"Capitalism, that is the modern industrial system"*) [53]. Я говорил уже, что капитализм прошлого (в отличие от капитализма сегодняшнего) занимал лишь узкую площадку в экономической жизни. А тогда как же можно было бы говорить о нем как о «системе», охватывавшей общество во всей его целостности? Но тем не менее он был неким миром в себе, отличавшимся от всей окружавшей его глобальной социальной и экономической обстановки, даже чуждым ей. И именно по отношению к этой последней он и определялся как «капитализм», а не только по отношению к новым капиталистическим формам, которые явятся позднее. На самом деле тем, чем он был, он

[49] Heaton H. *Op. cit.*, p. 268.
[50] Febvre L. *L'économie liégeoise au XVI^e* siècle (Jean Lejeune. *La Formation du capitalisme moderne dans la principauté de Liège au XVI^e siècle*).— *"Annales E. S. C."*, XII, p. 256 sq.
[51] Shonfield A. *Le Capitalisme d'aujourd'hui*. 1967, p. 41—42.
[52] См.: Vayne P. в: *"Annales E. S. C."*, 1961, p. 213.
[53] Gerschenkron A. *Europe in the Russian mirror*. 1970, p. 4.

был только относительно огромных размеров *некапитализма*. И отказываться признавать эту дихотомию экономики прошлого под тем предлогом, будто бы «истинный» капитализм датируется XIX в.,— значит отказываться понимать смысл того, что можно было бы назвать старинной топологией капитализма, ее значение, важнейшее для этой экономики. Если капитализм и обосновывался в каких-то местах по собственному выбору, а не по недосмотру, так это и в самом деле происходило потому, что эти места были *единственно благоприятными для воспроизводства капитала*.

РЕАЛЬНОСТЬ КАПИТАЛА

Если выйти за пределы высказанных выше соображений, то важно осветить те сдвиги, какие претерпело слово *«капитал»* (и оба производные от него) за период между Тюрго и Марксом. И узнать, действительно ли новое значение слова ничего не удержало из прежнего, относившегося к более ранним временам, действительно ли капиталистическая реальность возникла как нечто совершенно новое одновременно с промышленной революцией. Современные английские историки отодвигают возникновение последней по крайней мере к 1750 г., а то и столетием раньше. Маркс относил начало «капиталистической эры» к XVI в. Он допускал, однако, что «первые зачатки капиталистического *производства*» (и, следовательно, не одного только накопления) рано развились в итальянских городах средневековья [54]. Но ведь рождающийся организм, даже если он еще и далек от полного развития всех его характерных черт, несет в себе в потенции расцвет этих черт. И его название уже принадлежит ему. По зрелом размышлении новое понятие капитала предстает как совокупность проблем, необходимая для понимания веков, охватываемых этой книгой.

Лет пятьдесят назад о капитале говорили, что он составляет сумму *капитальных богатств (biens capitaux)*; выражение это выходит из моды, и, однако же, оно имеет свои преимущества. Капитальное богатство и в самом деле можно ощутить, потрогать пальцами, оно определяется недвумысленно. Первая его черта? Оно есть «результат предшествующего труда», оно есть «накопленный труд». Таково поле в межевых границах деревни, бог весть когда очищенное от камней; таково мельничное колесо, построенное так давно, что никто уже и не знает когда; таковы и какие-нибудь проселочные дороги — каменистые, окаймленные терновником, дороги, которые, по мнению Гастона Рупнеля, будто бы восходят ко временам первобытной Галлии [55]. Эти капитальные богатства суть наследие, более или менее длительно существующие человеческие творения. Другая черта: капитальные богатства возобновляются в процессе производства и суть то, чем они являются, лишь при условии их участия в воспроизводительном труде людей, лишь если они вызывают его или по крайней мере его облегчают.

Это участие позволяет им возрождаться, перестраиваться и приумножаться, производить доход. В самом деле, производство

[54] Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.*, т. 23, с. 728.
[55] Roupnel G. *Histoire de la campagne française*. 2ᵉ éd. 1974, p. 71 sq.



Лес — капитальное богатство.
В лесу Тронсэ, департамент Алье, еще и сегодня стоят дубы,
которые Кольбер распорядился посадить в 1670 г. и которые, как он считал,
должны были снабжать французский флот высококачественным мачтовым лесом начиная с XIX в.
Кольбер предвидел все, кроме мореплавания с паровым двигателем.
Фото Эроде.

бесконечно поглощает и заново производит капитал. Пшеница, которую я посеял,— это капитальное богатство, она вырастет; уголь, брошенный в топку машины Ньюкомена *,— капитальное богатство, использование его энергии будет иметь продолжение. Но пшеница, которую я съедаю в виде хлеба, и уголь, сожженный в моем камине, сразу же выбывают из [процесса] производства: это богатства непосредственно потребляемые. Точно так же лес, который человек не использует, деньги, которые хранит скупец, тоже находятся вне производства, не составляют капитальных богатств. Но деньги, переходящие из рук в руки, стимулирующие обмен, деньги, которыми выплачиваются квартирная плата, ренты, доходы, прибыли, заработная плата,— эти деньги включаются в кругооборот, распахивают его двери, ускоряют его течение, и эти деньги составляют капитальное богатство. Их отправляют лишь затем, чтобы они возвратились в пункт отправления. Дэвид Юм был прав, когда говорил, что деньги — это «власть, распоряжающаяся трудом и имуществом» [56]. А Вильялон уже в 1564 г. утверждал, что некоторые купцы зарабатывают деньги с помощью денег [57].

С учетом этого задаваться вопросом, является или не является *капиталом* такой-то предмет, такое-то имущество, означает чисто академическую игру ума. Корабль таков *априори*. Первый корабль, что пришел в 1701 г.** в Санкт-Петербург (голландский), получил от Петра Великого привилегию: пока этот корабль существует, он не будет платить таможенные пошлины. Хитрость [судовладельцев] заставит его просуществовать почти столетие, втрое или вчетверо больше нормального для этой эпохи срока [58]. Какое же [то было] прекрасное капитальное богатство!

Так же обстояло дело с лесами Гарца между Зезеном, Бад-Харцбургом, Госларом и Целлерфельдом (получившими название *Kommunionharz*) в 1635—1788 гг., когда они были нераздельной собственностью княжеских домов — ганноверского и вольфенбюттельского [59]. Эти источники энергии, необходимые для питания древесным углем доменных печей этой области, были очень рано устроены таким образом, чтобы воспрепятствовать их стихийному и неупорядоченному использованию окрестными крестьянами. Первый известный протокол об эксплуатации лесов относится к 1576 г. Массив был разделен на участки в соответствии с разной скоростью подрастания деревьев разных пород. И были составлены карты, а одновременно — и планы организации сплава бревен, надзора за лесом и конных объездов. Таким путем были обеспечены сохранение лесной зоны и ее устройство в целях рыночной эксплуатации. Это хороший пример улучшения и сохранения капитального богатства.

Если учесть множество ролей, какие лес играл в ту эпоху, случай с Гарцем был не единственным. Бюффон обустроил свои монбарские леса в Бургундии. Во Франции разумная эксплуатация лесов наметилась с XII в.; так что это было дело старинное, не с Кольбера начавшееся (хоть оно при нем и ускорилось). В крупных лесных массивах Норвегии, Польши, Нового Света, едва лишь там появлялся человек Запада, лес сразу же менял свою категорию и — по крайней мере там, где до него можно

* Ньюкомен Томас (1663—1729) — английский механик, создатель пароатмосферной машины, широко применявшейся в XVIII в. для водоотливных работ на горных предприятиях.— *Прим. перев.*

56 Цит. в кн.: Salin. *Op. cit.*, p. 434.

57 Gentil da Silva J. *Banque et crédit en Italie au XVII^e siècle*. 1969, I, p. 20.

** Речь идет не о 1701, а о 1704 г.: Санкт-Петербург был основан в мае 1703 г.— *Прим. перев.*

58 Catteau-Calleville J.-P. *Tableau de la mer Baltique*. II, 1812, p. 238—239.

59 Pitz E. *Studien zur Entstehung des Kapitalismus.— Festschrift Hermann Aubin*, I. 1965, S. 19—40.

было добраться морем или по реке,— становился капитальным богатством. Англия в 1783 г. поставила свою окончательную договоренность с Испанией в зависимость от [получения] свободного доступа к красильному дереву тропических лесов района Кампече. В конце концов она получила триста лье покрытого лесом побережья. «Ежели весьма разумно устроить и оберегать сие пространство,— говорил один дипломат,— там достанет леса на целую вечность» [60].

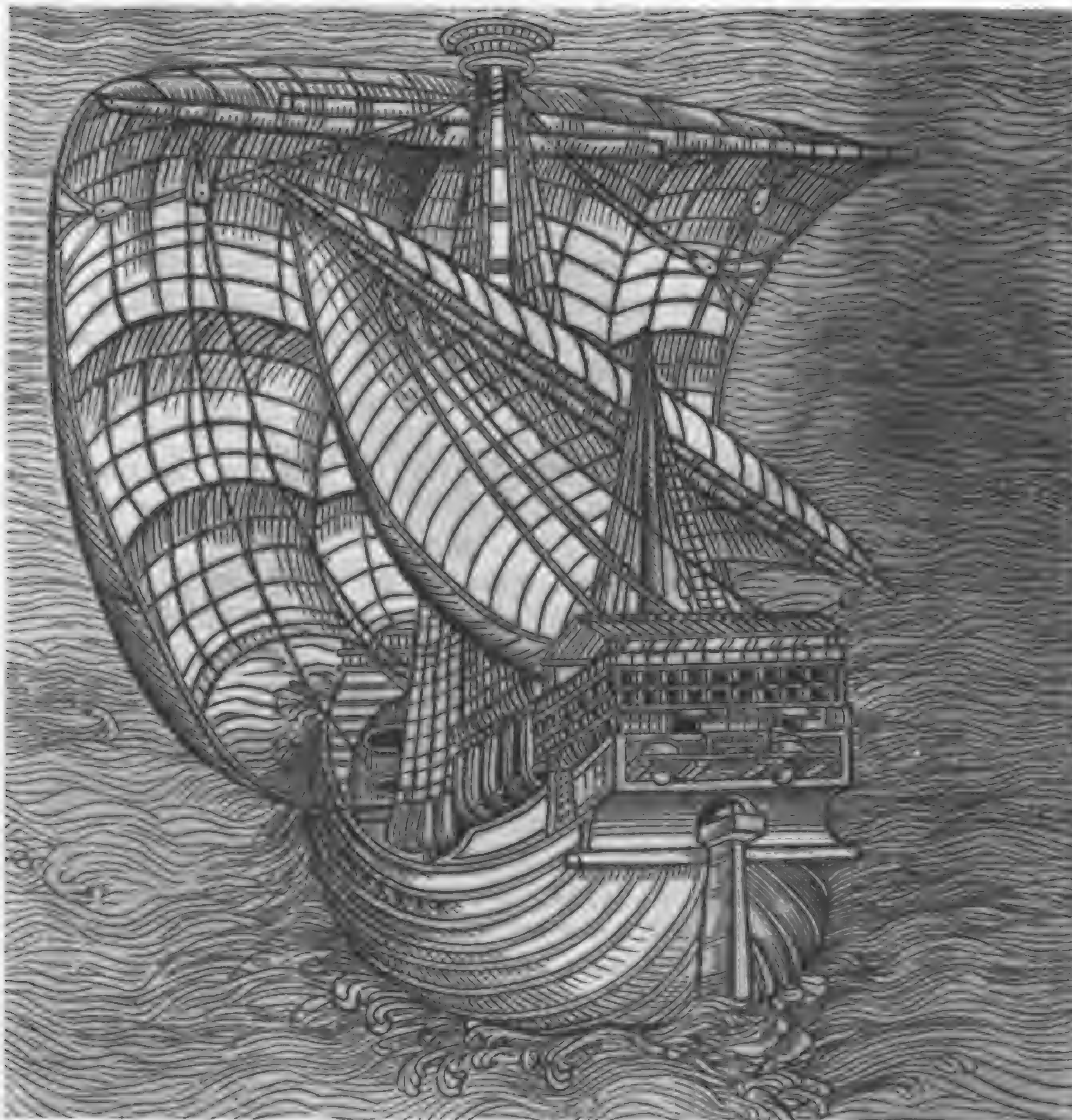
[60] АВПР, А 35/6 341/71, л. 72 об. Лондон, 26 мая/6 июня 1783 г.

Но к чему множить число примеров? Все они ведут нас, без колебаний и без всякой тайны, к знакомым рассуждениям экономистов о природе капитала.

КАПИТАЛЫ ОСНОВНЫЕ И КАПИТАЛЫ ОБОРОТНЫЕ

Капиталы, или капитальные богатства (это одно и то же), делятся на две категории: капиталы основные, богатства, чье *физическое* существование продолжительно или достаточно продолжительно и которые служат точкой опоры для человеческого труда (дорога, мост, плотина, акведук, судно, орудие, машина), и капиталы оборотные (прежде говорили «катящиеся», *roulants*), которые спешат, включаются в процесс производства,— семенное зерно, сырье, полуфабрикаты и деньги для многочисленных расчетов (доходы, прибыли, ренты, заработная плата), в особенности заработная плата, и труд. Это различие проводили все экономисты: Адам Смит, Тюрго, говоривший о первичных и годовых авансах, Маркс, который противопоставит друг другу капитал постоянный и капитал переменный.

Около 1820 г. экономист Генрих Шторх разъяснял это при санкт-петербургском дворе своим ученикам (великим князьям Николаю и Михаилу Павловичам). «Представим себе,— говорил наставник,— нацию, которая была бы исключительно богата, которая бы в итоге *стабилизировала* [курсив мой.— ***Ф. Б.***] огромный капитал, дабы улучшать землю, строить жилища, возводить мастерские и фабрики и изготовлять орудия. Предположим затем, что вторгшиеся варвары захватили бы непосредственно после жатвы весь оборотный капитал, все ее средства к существованию, материалы и весь ее продукт труда, притом, правда, что сии варвары, забрав свою добычу, не разрушили бы ни дома, ни мастерские; тогда любой промышленный (т. е. человеческий) труд сразу же прекратится. Ибо, чтобы возвратить земле ее плодородие, требуются лошади и быки для вспашки, зерно для посева, а главное — хлеб, чтобы работники могли прожить до следующего урожая. Для того чтобы работали заводы, надобно зерно на мельнице, надобны металл и уголь для кузницы; нужно сырье для ремесел, и повсюду требуется пропитание для работника. Никто не станет работать только потому, что есть поля, заводы, мастерские и рабочие, все это приводит в движение небольшая часть капитала, каковая уцелеет от варваров. Счастлив тот народ, который после подобной катастрофы может извлечь из-под земли свои сокровища, куда сокроет их страх. Драгоценные металлы и драгоценные камни не больше,



Немецкое судно с прямым парусом и навесным рулем. Гравюра из «Странствий» («Peregrinationes») Бренденбаха. Майнц, 1486 г. С того времени корабль был капиталом, который распродавался «акциями» и бывал разделен между несколькими собственниками. *Фото Жиродона.*

чем основные капиталы, могут заменить подлинное обращающееся богатство [*богатство* здесь имеет обычное для него значение капитала]; но употребление, которое из них сделают, будет их вывоз целиком, дабы вновь приобрести за рубежом оборотный капитал, в коем нуждаются. Желать воспрепятствовать такому вывозу означало бы обречь жителей на бездействие и голод, каковой был бы следствием оного» [61].

Этот текст интересен сам по себе, своей лексикой и тем архаичным характером российской экономики, который он предполагает (лошади, быки, ремесло, голодовки, зарывание сокровищ). «Варвары» ведут себя как благонравные школьники, оставляя на месте основной капитал и забирая с собой капитал оборотный, дабы доказать невосполнимую роль последнего. Но если бы они, передумав или изменив программу, сделали бы выбор в пользу уничтожения основного капитала вместо того, чтобы забирать оборотный, экономическая жизнь для завоеванной, ограбленной, а затем освобожденной нации начиналась бы сызнова ничуть не лучше.

Процесс производства — это своего рода двухтактный мотор:

[61] Storch H. *Cours d'économie politique.* 1823, I, p. 246—247.

оборотные капиталы сразу же уничтожаются, чтобы быть воспроизведенными и даже умноженными. Что же до капитала основного, то он изнашивается — более быстро или менее быстро, но изнашивается: дороги портятся, мост обрушивается, корабль или галера в один прекрасный день становятся лишь дровами для какого-нибудь венецианского женского монастыря [62], деревянные зубчатые передачи машин приходят в негодность, плужный лемех ломается. Материал этот должен быть возобновлен; ухудшение качества основного капитала — это никогда не прекращающееся вредоносное заболевание экономики.

[62] A. d. S. Venezia, Notatorio di Collegio, 12, 128 v°, 27 июля 1480 г.

РАССМОТРИМ КАПИТАЛ В СЕТИ РАСЧЕТОВ

Ныне капитал лучше всего оценивается в рамках национальных балансов. Там все измерено: колебания национального продукта (валового и чистого), доход на душу населения, размер сбережений, норма воспроизводства капитала, демографические изменения и т.п.; конечная цель — измерить экономический рост в целом. У историка, вполне очевидно, нет возможности приложить к древней экономике эту систему расчета. Но если даже и отсутствуют цифры, один только факт рассмотрения прошлого сквозь призму этой современной проблематики уже обязательно меняет способы видения и объяснения.

Это изменение угла зрения заметно в редких попытках квантификации и ретроспективных подсчетов, предпринимаемых пока еще чаще экономистами, нежели историками. Так, Элис Хенсон Джонс в недавно вышедших статье и книге удалось с известным правдоподобием вычислить наследственное достояние, или, если угодно, фонд капиталов, имевшихся в 1774 г. в Нью-Джерси, Пенсильвании и Делавэре [63]. Она начала свое исследование со сбора завещаний, изучения тех имуществ, какие в них упоминаются, а затем — оценки наследований без завещания. Результат оказался довольно любопытным: сумма капитальных богатств C в три-четыре раза превышает национальный доход R, что означает в общем, что эта экономика имела за собой, в своем непосредственном распоряжении, резерв в размере трех или четырех накопленных годовых доходов. А ведь Кейнс в своих расчетах для 30-х годов XX в. всегда принимал соотношение $C = 4R$. Вот что указывает на определенную соотносимость прошлого и настоящего. Правда, эта «американская» экономика первых лет независимости производит впечатление уже совсем самостоятельной, отдельной, уже хотя бы в силу высокой производительности труда и, несомненно, более высокого среднего уровня жизни (дохода на душу населения), нежели европейский и даже английский.

Это неожиданное сопоставление имеет такой же смысл, как и соображения и подсчеты Саймона Кузнеца. Как известно, этот американский экономист специализировался на изучении роста национальных экономик с конца XIX в. до наших дней [64]. К счастью, он поддался соблазну выйти за рамки XIX в., чтобы проследить или угадать возможные эволюции XVIII в.,

[63] Hanson Jones A. *La Fortune privée en Pennsylvanie, New Jersey, Delaware (1774).*— "*Annales E. S. C.*", 1969, p. 235—249; Eadem. *Wealth estimates for the American middle colonies, 1774*. Chicago, 1968.

[64] Здесь я воспользовался прежде всего его докладом на конференции 1965 г. в Мюнхене: Kuznets S. *Capital formation in modern economic growth, and some implications for the past.*— "*Troisième Conférence internationale d'histoire économique*", I, p. 16—53.

[65] *British Economic Growth, 1688—1959.* 2e éd., 1967.
[66] Kuznets S. *Op. cit.*, p. 23.

используя составленные Филлис Дин и У. А. Коулом [65] солидные графики, посвященные английскому экономическому росту, а затем, двигаясь от итога к итогу, дойти до 1500 г. и даже дальше. Не станем вдаваться в детали, связанные со средствами и условиями этого исследования во времени, исследования, проводившегося гораздо более для того, чтобы вскрыть проблемы, предложить программы исследований и полезные сравнения с современными развивающимися странами, нежели ради того, чтобы навязать безапелляционные решения.

Во всяком случае, то, что такое «восхождение» было предпринято экономистом высокого класса, убежденным в доказательной ценности большой временной протяженности в экономике, может меня только восхитить. Оно завершается общим обзором возможной проблематики, связанной с экономикой Старого порядка. В этой панораме мы задержимся только на капитале; но он находится в самом сердце дискуссии, вводя туда и нас.

То, что Саймон Кузнец полагает, что корреляции, существующие в наше время (корреляции, изучавшиеся им в их движении и эволюции на основе точных данных статистики за восемь-десять десятилетий, данных, установленных с конца прошлого века для десятка стран), позволяют *mutatis mutandis* вернуться вспять, доказывает, что, в его глазах, между отдаленным прошлым и настоящим существуют связи, сходства, преемственность — хотя есть также и разрывы, перерывы постепенности от эпохи к эпохе. Он, в частности, не верит в резкое изменение накопления, которое, как это предположили А. Льюис и У. У. Ростоу, дает якобы представление о современном росте экономики. Кузнец неизменно внимателен к «потолкам», к верхним границам, которые этот важнейший показатель, по-видимому, никогда не переходил, даже в странах с очень высокими доходами. «Какова бы ни была причина,— пишет он,— важнее всего то, что даже самые богатые страны современного мира, богатство и возможности которых далеко превосходят то, что можно было себе вообразить в конце XVIII в. или же в начале XIX в., не превышают умеренного уровня пропорций образования капитала — по правде говоря, того уровня, который (если рассматривать накопление в чистом виде) не был бы невозможным и даже, быть может, особенно труднодостижимым для многих обществ прошлого»[66]. Накопление, воспроизводство капитала — это все тот же спор. Если потребление достигает 85% производства, то 15% его относятся на счет накопления и при необходимости идут на образование воспроизводимого капитала. Это воображаемые цифры. С известным преувеличением можно утверждать, что накопление ни в одном обществе не превышает 20%. Или же оно превышает такой процент временно, в условиях действенного принуждения, которое не было фактом истории обществ прошлого.

С учетом этого к Марксовой формуле: «Так же, как общество не может перестать потреблять, так же не может оно и перестать производить» — следует добавить: и делать накопления. Эта глубинная структурная работа зависела от числа индивидов в данном обществе, от его техники, от уровня жизни, которого оно достигло, и в не меньшей степени от социальной иерархии, определявшей в нем распределение доходов. Случай, гипотетиче-

ски рассматриваемый С. Кузнецом на примере Англии 1688 г. или социальной иерархии германских городов XV—XVI вв., дал бы в общем элиту в размере 5% населения (и это, несомненно, самое большее), присваивающую 25% национального дохода. Почти же вся масса населения — 95% его,— располагая лишь 75% национального дохода, оказывалась, таким образом, живущей ниже того уровня, который, будучи надлежащим образом рассчитан, составил бы средний уровень душевого дохода. Эксплуатация со стороны привилегированных обрекала эту массу на режим очевидного ограничения потребления (и Альфред Сови лучше кого бы то ни было другого давно продемонстрировал это [67]). Короче коворя, накопления могли образовываться только у привилегированной части общества. Предположим, что потребление привилегированных в три—пять раз превышало потребление любого «среднего» человека: в первом случае накопления составили бы 13% национального дохода, во втором случае — 5%. Значит, невзирая на свой низкий доход на душу населения, общества прошлого могли делать накопления и делали их: жесткий социальный «ошейник» этому не препятствовал, определенным образом он этому способствовал.

[67] Sauvy A. *Théorie générale de la population.* I, 1954, в частности, p. 68.

В этих расчетах варьируют два важнейших элемента — численность людей и их уровень жизни. Для всей Европы годовой прирост населения с 1500 по 1750 г. можно оценить в 0,17% против 0,95% с 1750 г. и до наших дней. Прирост общественного продукта на душу населения в долгосрочном плане составил бы 0,2% или же 0,3%.

Разумеется, все эти, да и прочие, цифры — гипотетические. Не вызывает, однако, сомнения, что до 1750 г. в Европе размеры воспроизводства капитала оставались на весьма скромном уровне. Но с одной особенностью, затрагивавшей, как мне кажется, самое существо проблемы. Общество ежегодно производило определенное количество капитала — то был валовой капитал, часть которого должна была восполнить износ основных капитальных фондов, захваченных процессом активной экономической жизни. Чистый капитал — это, в общем, капитал валовой за вычетом этого «изъятия», относимого на счет износа. Мне представляется фундаментальной и труднооспоримой гипотеза С. Кузнеца, а именно: что разница между капиталом валовым и капиталом чистым была в обществах прошлого намного больше, нежели в современных, даже если обильная документация, могущая эту гипотезу поддержать, имеет скорее качественный, чем количественный характер. Вполне очевидно, что экономики былых времен производили значительную массу валового капитала, но в некоторых секторах этот валовой капитал таял, как снег на солнце. Здесь присутствовала природная хрупкость, недолговечность объектов приложения труда — отсюда и нехватки, которые приходилось восполнять дополнительным количеством тяжелого труда. Сама земля есть капитал очень хрупкий: ее плодородие падает от года к году — отсюда и бесконечно вращающиеся вокруг себя севообороты, отсюда и необходимость удобрений (но как получить их в достаточном количестве?), отсюда и яростное стремление крестьянина увеличить число вспашек — по пять, по шесть «борозд» (а в Провансе,



Бич городской жизни: пожары.
Эта иллюстрация из «Бернской хроники» Дибольда Шиллинга (1472 г.) изображает исход женщин, детей и клириков, выносящих свою движимость. Для борьбы с огнем жители располагали почти одними только лестницами да деревянными ведрами, наполнявшимися из городских канав. Берн был разрушен почти целиком; пожар, по словам «Хроники», распространился по городу за четверть часа.
Берн, Городская библиотека.
Фото Г. Ховальда.

по словам Кикрана де Божё, и до четырнадцати [68]), отсюда же и очень высокая доля населения, занятого полевыми работами,— обстоятельство, само по себе, как известно, бывшее фактором, противодействующим росту. Дома, суда, мосты, оросительные каналы, орудия и все машины, которые человек уже изобрел, дабы облегчить себе труд и использовать виды энергии, бывшие в его распоряжении,— все это было недолговечно. И в этой связи мне не кажется совсем уж не заслуживающим внимания тот незначительный факт, что порт города Брюгге ремонтировался в 1337—1338 гг., затем был перестроен в 1367—1368 гг., переделан в 1385, 1392 и 1433 гг. и заново перестроен в 1615 г.: мелкие, не заслуживающие внимания факты заполняют повседневную жизнь, создают ее структуру [69]. Переписка интенданта Бонвиля (в Савойе) в XVIII в. полна однообразных упоминаний о плотинах, которые следует восстановить, о мостах, подлежащих перестройке, о дорогах, сделавшихся непроезжими. Почитайте газеты: без конца в мгновение ока сгорают деревни и города — Труа в 1547 г., Лондон в 1666, Нижний Новгород в 1701 [70], Константинополь 28—29 сентября 1755 г.— пожар-де оставил «в *чарши,* или торговом городе, пустое пространство больше двух лье в окружности» [71]. Это примеры среди тысяч других.

Коротко говоря, я полагаю, что С. Кузнец был совершенно прав, когда писал: «Рискуя преувеличить, можно было бы задаться вопросом: происходило ли на самом деле во времена, предшествовавшие 1750 г., *хоть какое-нибудь* формирование основного и долговременного капитала (если исключить «памятники»)? И наблюдалось ли хоть какое-то значительное накопление капитальных фондов, чье физическое существование было бы длительным и которые не требовали бы текущего ухода (или замещения), а затраты на последние не составляли бы очень большой доли первоначальной общей стоимости? Если бóльшая часть оборудования не выдерживала больше пяти-шести лет, если бóльшая часть мелиорированных земель требовала для своего поддержания постоянно новых работ, составлявших ежегодно что-нибудь около одной пятой общей стоимости земель, и если большинство построек приходило в упадок в темпе, означавшем почти полное их разрушение за 25—50 лет,— тогда нечего было особенно рассчитывать на долговременный капитал... Все понятие *основного* капитала есть, быть может, единственно продукт современной экономической эпохи и современной технологии» [72]. Это все равно что сказать, несколько преувеличивая, что промышленная революция была прежде всего некой «мутацией» *основного* капитала, ставшего с этого времени более дорогостоящим, но намного более долгосрочным и усовершенствованным, капитала, который радикальным образом изменит уровень производительности.

ИНТЕРЕС АНАЛИЗА ПО СЕКТОРАМ

Все это, конечно же, воздействовало на экономику в целом. Но достаточно немного прогуляться по мюнхенскому Немецкому

[68] Quiqueran de Beaujeu. *De laudibus Provinciae.* P., 1551; этот труд был издан по-французски под названием *"La Provence louée"* (Lyon, 1614), цит. у: Bourde A. *Agronomie et agronomes en France au XVIII^e siècle,* p. 50. См. также: Plaisse A. *La Baronnie de Neubourg.* 1961, p. 153, который цитирует Шарля Этьенна: «Надлежит столько раз вспахивать и перепахивать, чтобы земля, ежели возможно, была совсем как порошок».

[69] Sosson J.-P. *Pour une approche économique et sociale du bâtiment. L'exemple des travaux publics à Bruges aux XIV^e et XV^e siècles.— "Bulletin de la Commission royale des Monuments et des Sites",* t. 2, 1972, p. 144.

[70] Baron S. H. *The Fate of the Gosti in the reign of Peter the Great.* Appendix: *Gost' Afanasii Olisov's reply to the government inquiry of 1704.— "Cahiers du monde russe et soviétique",* oct.-déc. 1973, p. 512.

[71] См.: Stoianovich T. в кн.: *Colloque de l'UNESCO sur Istanbul,* oct., 1973, p. 33.

[72] Kuznets S. *Op. cit.,* p. 48.

музею, посмотреть, иной раз в действии, восстановленные модели бесчисленных деревянных машин, бывших еще два века назад единственными энергетическими установками, с их исключительно сложными и хитроумными зубчатыми передачами, которые приводят в действие одна другую и передают силу воды, ветра и даже силу животных, чтобы понять, какой из секторов экономики более других страдал от ненадежности оборудования: тот сектор производства, что можно более или менее справедливо назвать «промышленным». В данном случае [свою роль сыграла] не одна только социальная иерархия, которая, как мы только что говорили, обеспечивала лишь 5% привилегированных высокие доходы и возможность делать накопления. Именно экономическая и техническая структура обрекала некоторые секторы — особенно «промышленное» и сельскохозяйственное производство — на слабое образование капитала. Следует ли после этого удивляться, что капитализм прошлого был торговым, что главные свои усилия и инвестиции он оставлял для «сферы обращения»? Заявленный в начале этой главы анализ экономической жизни по секторам недвусмысленно объясняет капиталистический выбор и его причины.

Он также объясняет кажущееся противоречие экономики прошлого, а именно то, что в странах явно слаборазвитых чистый капитал, легко скапливавшийся в охраняемых и привилегированных секторах экономики, порой бывал в чрезмерном изобилии и его невозможно было инвестировать во всем объеме. Всегда наблюдалась значительная тезаврация. Деньги застаивались, «загнивали»; капитал бывал недоиспользован. В надлежащее время я приведу по этому поводу некоторые любопытные тексты, относящиеся к Франции начала XVIII в. Не будем из любви к парадоксам говорить, будто меньше всего недоставало денег. Во всяком случае, чего более всего не хватало, притом по тысяче причин, так это случаев вложить эти деньги в по-настоящему прибыльную деятельность. Так обстояло дело в еще блистательной Италии конца XVI в. Выйдя из периода оживленной активности, она стала жертвой сверхизобилия наличной монеты, изобилия, по-своему разрушительного, массы серебра, как если бы страна перешагнула количественный рубеж капитальных фондов и денег, которые ее экономика могла потребить. Тогда настало время скупки малорентабельных земель, время строительства великолепных загородных домов, монументальных начинаний, культурного расцвета. Это объяснение, если оно правильно, не разрешает или лишь отчасти разрешает противоречие, отмеченное Роберто Лопесом и Мискимином,— противоречие между мрачноватой экономической конъюнктурой и блеском Флоренции Лоренцо Великолепного [73].

Ключевая проблема заключается в том, чтобы узнать, по каким причинам один сектор общества прошлого, сектор, который я без колебаний рассматриваю как капиталистический, жил как замкнутая, даже инкапсулированная система; почему он не смог легко распространиться, покорить все общество. Возможно, это было условием его выживания: общество прошлого допускало образование значительного капитала только в определенных секторах, а не во всей рыночной экономике того времени. Капиталы,

[73] Lopez R. S., Miskimin H. A. *The Economic Depression of the Renaissance.— "The Economic History Review"*, 1962, № 3, p. 408—426.

пытавшие счастье за пределами этой зоны изобилия, оставались малоприбыльными, если не утрачивались вообще.

Следовательно, точно знать, где пребывал капитализм прошлого, представляет определенный интерес, ибо такая топология капитала — это «перевернутая» топология хрупкости и неприбыльности обществ былых времен. Но прежде, чем отыскать капитализм в тех секторах, где он действительно был у себя дома, мы начнем с изучения секторов, которые он затрагивал косвенным образом, а главное — ограниченно: земледелия, промышленности, транспорта. Капитализм часто «вгрызался» в эти чужие владения, но часто также и уходил оттуда. И всякий раз такой уход бывал многозначителен. Так, например, кастильские города отказывались вкладывать средства в земледелие прилегавших к ним деревень во второй половине XVI в.[74], в то время как полсотни лет спустя венецианский торговый капитализм, напротив, устремился в деревню, а предприимчивые крупные землевладельцы Южной Чехии в это же самое время затопляли свои земли, устраивая на них обширные пруды для разведения карпов, вместо того чтобы выращивать рожь[75]. Французские буржуа после 1550 г. перестали ссужать деньги крестьянам и предоставляли их только знати и королю[76], а крупные купцы еще до конца XVI в. изъяли свои капиталы почти из всех горнорудных предприятий Центральной Европы, руководство которыми насильно взяло в свои руки государство. Во всех этих внешне противоречащих друг другу случаях, как и во множестве других, мы констатируем, что забрасывавшиеся предприятия переставали быть достаточно рентабельными или надежными и что выгодно было вкладывать деньги *в ином месте*. Как говаривал один купец, «лучше-де сидеть без дела», нежели «работать без толку»[77]. Поиск прибыли, максимизация прибыли были уже [само собой] подразумевающимися правилами капитализма тех времен.

[74] Сведения, предоставленные Фелипе Руисом Мартином.

[75] Этот факт упоминают Алоис Мика (Mika A. *La Grande Propriété en Bohème du Sud, XIV*ᵉ*—XVI*ᵉ *siècles.*— *"Sbornik historicky"*, I, 1953) и Йозеф Петран (Petran J. *La Production agricole en Bohème dans la deuxième moitié du XVI*ᵉ *et au commencement du XVII*ᵉ *siècle*. 1964) (сведения эти сообщил мне Й. Яначек).

[76] Schnapper. *Les Rentes au XVI*ᵉ *siècle*. P., 1957, p. 109—110.

[77] Cavignac. *Op. cit.*, p. 212, 13 ноября 1727 г.

ЗЕМЛЯ И ДЕНЬГИ

Вторжение капитализма или, лучше сказать, городских денег (дворянства и буржуа) в жизнь деревни началось очень рано. Не было в Европе города, деньги которого не выплескивались бы на окрест лежащие земли. И чем крупнее бывал город, тем дальше распространялся ореол городских владений, теснивших все перед собой. К тому же земельные сделки заключались также и за пределами этих городских ареалов, и на огромных расстояниях от них: посмотрите на генуэзских купцов, скупающих в XVI в. сеньериальные владения в далеком королевстве Неаполитанском! Во Франции в XVIII в. рынок недвижимостей простирался до самых границ национального рынка. В Париже скупали бретонские сеньерии[78] или лотарингские земли[79].

Эти покупки очень часто тешили социальное тщеславие. Неаполитанская поговорка гласит: «У кого есть деньги, тот покупает имение — и вот он барон» (*"Chi ha danari compra feudi*

[78] Meyer J. *La Noblesse bretonne au XVIII*ᵉ *siècle*. 1966, p. 619.

[79] Mathieu D. *Op. cit.*, p. 324.

ed è barone"). Земля — это не дворянское звание сей же час, но это путь к знатности, продвижение по социальной лестнице. Экономическая сторона дела, не будучи единственным мотивом, играла, однако, свою роль: можно купить землю, близкую к своему городу, просто чтобы обеспечить снабжение своего дома,— это политика доброго отца семейства. Или же это вложение капитала, защищающее его от разных превратностей: говорили, что земля никогда не обманывает, и купцы хорошо это знали. 23 апреля 1408 г. Лука дель Сера писал Франческо Датини, купцу в Прато: «Я Вам советовал покупать земельные владения и делаю это ныне еще более горячо, ежели это возможно. Земли по меньшей мере не подвержены риску морских перевозок, риску нечестных комиссионеров или торговых компаний и не рискуют обанкротиться. Того ради я Вам сие особо советую и прошу об этом (*più ve ne conforto e pregho*)»[80]. И все-таки огорчение для купца заключалось в том, что земельный участок и покупался и продавался не с той легкостью, с какой покупалась акция на бирже. Во время банкротства банка Тьеполо Пизани в Венеции в 1584 г. земельные фонды, привлекавшиеся в качестве обеспечения, ликвидировались медленно и с убытком[81]. Правда, в XVIII в. ларошельские купцы, охотно помещавшие свои капиталы в покупку виноградников[82] либо их частей, считали, что деньги, превращенные таким путем в резервный фонд, можно в нужный момент получить обратно без излишних сложностей или убытка. Но речь-то здесь шла о виноградниках, к тому же в районе, который широко экспортировал свою винную продукцию. Столь специфичная земля могла играть роль банка! Вне сомнения, так же обстояло дело и с землями, которые антверпенские купцы в XVI в. скупали вокруг своего города.

[80] Archivio di Stato Prato. Arch. Datini, Filza 339. Firenze, 23 апреля 1408 г.
[81] По данным многочисленных бумаг Государственного архива Венеции, относящихся к банкротству этого банка, его ликвидация 31 марта 1592 г. еще не была закончена. Museo Correr, Donà delle Rose, 26, f° 107.
[82] Laveau C. *Le Monde rochelais de l'Ancien Régime au Consulat...*, 1972, p. 340.



Альмосхоф.
Две картины неизвестного мастера из нюрнбергского музея иллюстрируют нам распространение загородных домов в XVII в. На первой мы видим, каким было это имение в XVI в.; на второй (на соседней странице) — каким оно стало в XVII в. в тех же стенах.
Фото Строительного управления (Hochbauamt).



Прежний скромный дом хозяина частью сделался домом управителя или сторожа; остальная его часть, снесенная до половины высоты, образовала террасу. Новое жилище — огромное, с декоративными колоколенками — приобрело облик замка.

Они имели возможность делать под них займы, увеличивать благодаря им свой кредит, а доходы, какие эти земли приносили, были немалыми [83].

С учетом сказанного городская собственность в деревне (и в первую очередь буржуазная), каково бы ни было ее происхождение, не была в силу самого своего городского характера (*ipso facto*) капиталистической. Тем более, что очень часто, а начиная с XVI в. все больше и больше, она не эксплуатировалась своим собственником непосредственно. То, что при случае последний мог бы быть подлинным капиталистом, несомненным денежным воротилой, ничего в этом деле не меняло. Фуггеры, богатейшие аугсбургские купцы, к концу своего взлета умножили число закупок дворянских владений и княжеств в Швабии и Франконии. Они, естественно, ими управляли в соответствии с добрыми бухгалтерскими принципами, но не меняли тем не менее их структуру. Сеньерии Фуггеров оставались сеньериальными владениями с их старыми повинностями, а их крестьяне — чиншевиками [84]. Точно так же итальянские купцы в Лионе или генуэзские деловые люди в Неаполе, купившие вместе с имением дворянские титулы, не сделались предпринимателями на земле.

Капитализму, однако, случалось захватывать землю и прекраснейшим образом подчинять ее своему порядку, перестраивать ее сверху донизу. Мы вскоре рассмотрим примеры капиталистического земледелия. Они многочисленны — одни спорны, другие

[83] Soly H. *The "Betrayal" of the Sixteenth Century Bougeoisie: A Myth? Some Considerations of the Behaviour Pattern of the Merchants of Antwerp in the Sixteenth Century.— "Acta Historiae Neederlandicae"*, vol. VIII, p. 31—39.

[84] Mandrou R. *Les Fugger, propriétaires fonciers en Souabe, 1560—1618.* 1969.

бесспорны,— но перед лицом примеров управления и устройства земель, остававшихся традиционными, составляли меньшинство — настолько, что по меньшей мере до XVIII в. они были почти исключением, которое подтверждало правило.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ КАПИТАЛИЗМА

Деревни Запада были одновременно сеньериальными и крестьянскими. Как же тогда могли бы они быть податливыми? Сеньериальный порядок повсюду находился на ущербе. Но ведь для того, чтобы капиталистическая система хозяйствования и экономического расчета утвердилась в эксплуатации земли, требовались многочисленные предварительные условия: чтобы сеньериальный порядок был если и не отменен, то по меньшей мере отодвинут на второй план или видоизменен (порой изнутри — тогда в роли капиталиста выступали либо сам сеньер, либо же разбогатевший крестьянин, «деревенский петух»); чтобы крестьянские вольности были если и не упразднены, то, по крайности, обойдены и ограничены (в этом заключался важнейший вопрос об общинных угодьях); чтобы предприятие вовлечено было в мощную сеть обменов широкого радиуса — в экспорт зерна, в торговлю шерстью, пастелью * [85], мареной, вином, сахаром; чтобы налажено было «рациональное» хозяйствование, руководствовавшееся продуманной политикой доходности и усовершенствования; чтобы капиталовложениями и помещением основных капиталов руководила проверенная техника [финансирования] и, наконец, чтобы в основе [всего этого] имелся наемный пролетариат.

Если не все эти требования были выполнены, то предприятие могло находиться на капиталистическом пути, но оно не было капиталистическим. А ведь многочисленные эти условия, негативные или позитивные, осуществить было трудно. Почему же так бывало в девяти случаях из десяти? Вне всякого сомнения потому, что в деревни горожане внедрялись отнюдь не по одному своему желанию; потому что сеньериальная надстройка была живой, сопротивляющейся реальностью; а главное — потому что крестьянский мир с удовольствием ставил препятствия инновациям.

В 1816 г. французский консул наблюдал состояние «ужасающей заброшенности и нищеты» в Сардинии, расположенной, однако, «в центре европейской цивилизации» [86]. Главное противодействие «просвещенным» усилиям исходило от мира отсталых крестьян, подвергавшихся тройной эксплуатации — со стороны государства, церкви и «феодального порядка» (*féodalité*),— от «диких» крестьян, которые «стерегут свои стада или пашут свои поля с кинжалом на боку и с ружьем на плече», поглощенные раздорами между семьями и кланами. В этот архаичный мир ничто не проникало с легкостью, даже культура картофеля, которая была с успехом испробована, но «отнюдь не вошла во всеобщее употребление», невзирая на полезность «сего корня на случай голода». Наш консул замечает:

* Пастель — растение семейства крестоцветных, листья которого использовались для получения синего красителя.— *Прим. перев.*

[85] Caster G. *Le Commerce du pastel et de l'épicerie à Toulouse, 1450—1561.* 1962.

[86] A. N., B^{III}, 406, пространный доклад от 23 января 1816 г.

«Опыты с картофелем были освистаны и сделались посмешищем; попытки разведения сахарного тростника, [которые предпринял увлекавшийся агрономией знатный сардинец], оказались предметом зависти, и невежество или злоба покарали их как преступление; работники, доставленные с большими затратами, были убиты один за другим». Некий проезжий марселец восхищался апельсиновыми рощами Ольястры с деревьями, «полными силы и здоровья, коих плоды, опадая, создают плотный ковер — жители же сей местности... из того не извлекают ни малейшей пользы». Вместе с несколькими соотечественниками марселец устроил винокурню и проработал на ней целый сезон. Увы, когда на следующий год артель, возвратившаяся на межсезонье во Францию, вернулась к месту работы, мастерские были разорены, орудия и инвентарь разворованы. Пришлось все забросить.

Несомненно, существовало и крестьянство, подчинявшееся иным способам воздействия, более открытое. Мы выбрали крайний пример — Сардинию, она и сегодня еще отсталая страна. Но генуэзский купец из семейства Спинелли, ставший в королевстве Неаполитанском сеньером Кастровиллани, тоже восстановил против себя всю деревенскую общину (*università*), когда ему пришло в голову по своему усмотрению распорядиться было доставкой и пребыванием в данной местности *bracciali* — временных работников, которых в этих местах именовали *fatigatori*. И именно за деревенской общиной осталось последнее слово! Не требуйте от *fatigatori* слишком многого, объяснили сеньеру, это отбило бы у них охоту приходить работать на наши виноградники, как обычно [87].

Так что, заключим мы, вовсе не случайно новые сельскохозяйственные предприятия так часто основывались на пустых заболоченных пространствах или в лесистых районах. Лучше было не нарушать привычки и системы землепользования. В 1782 г. некий новатор, Дельпорт, дабы завести овцеводческое хозяйство на английский манер, избрал часть леса в Булонь-сюр-Мер, которую раскорчевал, а затем мелиорировал разбрасыванием большого количества мергеля [88]. Небольшая подробность: животных там приходилось защищать от волков. Но они по крайней мере были в безопасности от людей.

[87] Galasso G. *Economia e società nella Calabria del Cinquecento*, p. 78.

[88] Bourde A. *Agronomie et agronomes en France au XVIII^e siècle*. 1967, p. 1645 sq.

ЧИСЛЕННОСТЬ, ИНЕРТНОСТЬ, ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ КРЕСТЬЯНСКИХ МАСС

Крестьянство — это количество, огромное большинство живущих. Из этого проистекало чувство локтя, а следовательно, возможности сопротивления или стихийной инертности. Но численность — это был также и признак недостаточной производительности. Если земля давала лишь скудные урожаи — а это было довольно общим правилом,— нужно было расширять запашку, наращивать усилия работников, заново все уравновешивать за счет избыточного труда. Фрассо и Арпайя — две бедные деревни за Неаполем, неподалеку от относительно богатой третьей — Монтесаркьо. В обеих бедных деревнях уро-

жайность была столь низка, что для производства такого же количества продукта, как в Монтесаркьо, требовалось возделывать втрое большую площадь. И как следствие, эти бедные деревни знали более высокую рождаемость и более ранние браки, мирились с ними — им надо было производить относительно избыточную рабочую силу [89]. Отсюда и постоянный парадокс стольких экономик Старого порядка — относительно перенаселенные деревни, живущие на грани нищеты и голода и тем не менее вынужденные прибегать к постоянной помощи масс сезонных работников — этих жнецов, сборщиков винограда, молотильщиков зерна в зимнюю пору, этих чернорабочих с заступом в руках, копающих канавы,— всех этих выходцев из внешнего мира беднейших, из аморфной массы лишенных работы. Статистика за 1698 г. по Орлеанскому фискальному округу дает следующие цифры: 23 812 крестьян-пахарей, 21 840 виноградарей, 2121 мельник, 539 садовников, 3160 пастухов, 38 444 поденщика, 13 696 служанок, 15 тыс. работников. И цифры эти даже не дают представления обо всей численности крестьянского населения, ибо, за вычетом служанок, в них не фигурируют ни женщины, ни дети. На почти 120 тыс. самодеятельного населения мы имеем, считая работников, домашнюю прислугу и поденщиков, более 67 тыс. лиц наемного труда [90].

Как ни парадоксально, этот избыток людей служил помехой росту производительности: такое многочисленное крестьянское население, жившее в условиях, близких к простому воспроизводству, вынужденное без устали работать, чтобы выдержать удары частых неурожаев и выплачивать множество своих повинностей, замыкалось в границах своих повседневных задач и забот. Оно едва могло пошевелиться. И трудно в такой вот среде вообразить себе легкое распространение технического прогресса или согласие пойти на риск, связанный с выращиванием новых культур или с новыми рынками. Складывается впечатление масс, погруженных в рутину, почти спящих; но не будем говорить «спокойных» или «покорных»: они знавали на редкость жестокие пробуждения. Настоящий штормовой прилив крестьянской войны в Китае в 1368 г. положил конец чужеземному владычеству монголов, приведя к власти династию Мин. И если жакерии редко приобретали подобный размах в Европе, то крестьянские восстания вспыхивали там постоянно.

Конечно, эти пожары угасали один за другим: Жакерия в Иль-де-Франсе в 1358 г.; восстание английских крестьян в 1381 г.; крестьянская война в Венгрии в 1514 г. под предводительством Дьёрдя Дожи, завершившаяся после подавления тысячами виселиц [для крестьян] [91]; или Крестьянская война в Германии в 1525 г.; или же огромное крестьянское восстание в Неаполе в 1647 г. Сеньеры, социальная верхушка деревенских миров, всегда снова брали верх благодаря помощи государей и более или менее сознательному пособничеству городских обществ, которые нуждались в крестьянском труде. И тем не менее, если крестьянин и терпел довольно регулярно поражения, он все же не отступался. Война подспудная чередовалась с войной открытой. По данным историка австрийского кре-

[89] Delille G. *Types de développement dans le royaume de Naples, XVII^e^—XVIII^e^ siècle.— "Annales E. S. C."*, 1975, p. 703—725.

[90] Ленинград. Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Фонд Дубровского, Fr. 18—4, л. 86—87.

[91] См.: Makkai L. в: *Histoire de la Hongrie*. Budapest, 1974, p. 141—142.

стьянства Георга Грюлля, даже чудовищный разгром, каким завершилась Крестьянская война (*Bauernkrieg*) 1525 г., не устранил «латентной» социальной войны, не прекращавшейся вплоть до 1650 г. и даже позднее [92]. Крестьянская война, война, «вписанная» в структуру общества, никогда не прекращалась. Она длилась куда больше, чем Столетняя война.

НИЩЕТА И ВЫЖИВАНИЕ

Максим Горький будто бы сказал: «Крестьяне везде одни и те же» [93]. Так ли уж это верно?

Все крестьяне испытывали довольно постоянную нищету; проявляли терпение перед лицом каких угодно испытаний, исключительную способность сопротивляться, приспосабливаясь к обстоятельствам; медлительность в действиях, несмотря на взрывы восстаний; приводящее в отчаяние умение, где бы они ни находились, отказываться от любых нововведений (*nouvelletez*) [94], а также и не имеющее себе равных упорство при восстановлении равновесия в жизни, неизменно подверженной превратностям. Что уровень их жизни был низок, сомнений не вызывает, несмотря на те или иные исключения, как, например, животноводческая зона Дитмаршен к югу от Ютландии в XVI в. [95], как «островки крестьянского благосостояния» в Шварцвальде, некоторых местностях Баварии, Гессена или Тюрингии [96]. Позднее сюда можно отнести голландские деревни по причине близости крупных городских рынков; западную часть округа Ле-Ман [97]; немалую долю английских деревень и почти что все поселения виноградарей. Это лишь несколько примеров. Но при полном перечислении мрачные картины намного преобладали бы над прочими. Их тысячи.

Не будем, однако, делать акцент на этих [вполне] реальных мрачных фактах. Крестьянин выжил. Он сумел выкарабкаться — это тоже всеобщая истина. Но в общем — благодаря сотне дополнительных занятий: ремеслу, тому поистине «промыслу», какой представляет виноградарство, извозу [98]. Мы не станем удивляться тому, что шведские или английские крестьяне оказывались также рудокопами, камнеломами, железоделами; что крестьяне Сконе становились моряками и занимались оживленными каботажными перевозками на Балтике и в Северном море; что все крестьяне в большей или меньшей мере бывали ткачами, а при случае — перевозчиками. Когда к концу XVI в. деревни в Истрии испытали вторичное закрепощение, многие крестьяне ударились в бега. Они становились возчиками или разносчиками, обслуживавшими порты Адриатики, и со своими деревенскими домницами расширили простейшее железоделательное производство [99]. В королевстве Неаполитанском, гласит серьезный доклад Счетной палаты (*Sommaria*), «многочисленны поденщики (*bracciali*), кои живут не одним лишь своим поденным трудом, но засевают каждый год шесть томоло * пшеницы или ячменя... выращивают овощи и носят их на рынок, рубят и продают дрова и выполняют перевозки на своих животных; притом еще они стараются платить

[92] Grüll G. *Bauer, Herr und Landesfürst*. 1963, S. 1.

[93] Malraux A. *Anti-mémoires*. 1967, p. 525.

[94] Bourde A. *Op. cit.*, p. 53.

[95] Abel W. *Crises agraires en Europe (XIII^{e}—XX^{e} siècles)*. 1973, p. 182.

[96] Abel W. *Geschichte der deutschen Landwirtschaft*. 1962, S. 196.

[97] Bois P. *Paysans de l'Ouest*. 1960, p. 183—184.

[98] Sombart W. *Der moderne Kapitalismus*, II, S. 1061.

[99] Gestrin F. *Le Trafic commercial entre les contrées des Slovènes de l'interieur et les villes du littoral de l'Adriatique...*, 1965, (ср. резюме на франц. яз., с. 247—272).

* Томоло — единица площади, составляющая от 0,1 до 0,3 гектара.— *Прим. перев.*

подать только как поденщики» [100]. Недавнее исследование показывает их, сверх того, в ролях заемщиков и ссужающих деньги, мелких ростовщиков, старательных животноводов.

[100] A. d. S. Napoli, Sommaria Partium 565; Galasso G. *Op. cit.*, p. 139.

ДЛИТЕЛЬНАЯ ВРЕМЕННАЯ ПРОТЯЖЕННОСТЬ НЕ ИСКЛЮЧАЕТ ИЗМЕНЕНИЯ

Эти примеры сами по себе показывают, в чем не прав Горький. Существовала тысяча способов быть крестьянином, тысяча способов быть бедняком. Люсьен Февр, размышляя о различиях между провинциями, имел обыкновение говорить, что «Франция может быть названа разнообразием». Но и мир тоже называется разнообразием: существовали почва, климат, существовали культуры, существовал «дрейф» истории, старинные варианты выбора. Существовали также статус собственности и статус личности. Крестьяне могли быть рабами, крепостными, свободными держателями, испольщиками, арендаторами; они могли зависеть от церкви, от короля, от знатных сеньеров, дворян второго или третьего ранга, от крупных арендаторов. И всякий раз их личный статус оказывался разным.

Никто не оспаривает это разнообразие в пространстве. Но внутри каждой данной системы историки крестьянской жизни проявляют ныне тенденцию представлять себе ситуации, неподвижные во времени, без конца повторяющие самих себя. Для Элио Конти, великолепного историка тосканской деревни, последняя может быть понята и объяснена лишь путем непрерывных наблюдений на протяжении тысячелетия [101]. В отношении деревень, лежащих вокруг Парижа, один историк утверждает, будто «деревенские структуры почти не претерпели изменений со времен Филиппа Красивого до XVIII в.» [102]. Преемственность главенствует над всем. Уже давно Вернер Зомбарт говорил, что европейское земледелие не изменилось с эпохи Карла Великого до Наполеона; это, несомненно, был способ подшутить над иными историками его времени. Сегодня такой иронический выпад никого бы более не шокировал. Отто Бруннер, историк австрийского сельского общества, пошел гораздо дальше. «Крестьянство,— не моргнув глазом заявляет он,— со времен своего складывания в неолите и вплоть до XIX в. образовывало фундамент структуры европейского общества, и на протяжении тысячелетий его сущность едва ли затрагивалась переменами в структуре политических форм верхних слоев [общества]» [103].

И все же не будем с закрытыми глазами верить в полную неподвижность истории крестьянства. Да, внешний облик какой-нибудь деревни не изменился со времен Людовика XIV до наших дней. Да, престарелые кузены одной женщины-историка, изучавшей Форез, «еще и [сегодня] совершенно похожи на столь близкие [им] тени завещателей XIV в.» [104]. И скот этих самых деревень, по-видимому, «не слишком отличался в 1914 г. от того, каким он был в 1340 г.» [105]. Идентичны поля, дома, животные, люди, разговоры, пословицы... Да, но сколько вещей, сколько реальностей непрестанно менялось! В Мичдорфе, кро-

[101] Conti E. *La Formazione della struttura agraria moderna nel contado fiorentino.* Roma, 1965, I, p. VII.
[102] Fourquin G. *Les Campagnes de la région parisienne à la fin du Moyen Age.* 1964, p. 530.
[103] Brünner O. *Neue Wege der Verfassungs- und Sozialgeschichte* (итальянское издание, 1970), p. 138.
[104] Gonon M. *La Vie familiale en Forez et son vocabulaire d'après les testaments.* 1961, p. 16.
[105] *Ibid.*, p. 243.

шечной деревеньке северного Эльзаса, около 1760—1770 гг. полба, древний злак, уступила место пшенице [106]. Разве это мелочь, не заслуживающая внимания? В этой же самой деревушке в период между 1705 и 1816 гг. (несомненно, около 1765 г.) осуществился переход от трехполья к двухлетнему севообороту [107] — мелочь ли это? Вы скажете, это мелкие изменения, но есть и громадные. Любая длительная временная протяженность когда-нибудь ломается — никогда единым махом и никогда вся целиком, но появляются разрывы. Во времена Бланки Кастильской и Людовика Святого * решающим обстоятельством было то, что крестьянский мир вокруг Парижа, состоявший из сервов (определяемых по трем отличительным повинностям: шеважу, формарьяжу и праву «мертвой руки» **), но также и из людей свободных, отвоевал у сеньеров свою свободу, что умножилось число случаев освобождения сервов, манумиссий, ибо свободный человек, живя вперемежку с сервами, всегда рисковал, что однажды его спутают с ними. Решающим было также и то, что крестьяне сплоченно (и экономика тому благоприятствовала) выкупали за деньги свои повинности в Орли, Сюси-ан-Бри, Буасси и в других местах, и этому движению суждено было широко распространиться [108]. Решающим было и то, что крестьянская личная свобода как эпидемия распространялась по определенной части Европы, захватывая преимущественно активные зоны, но затрагивая по соседству и менее привилегированные области. Так, коснулась она королевства Неаполитанского и даже Калабрии, которая, уж несомненно, не была передовой зоной; но последних беглых крестьян граф Синополи требовал возвратить ему в 1432 г., и безуспешно [109]. Крепостная зависимость крестьян, прикрепление к земле исчезли. И старинные слова: приписанные, вилланы, чиншевики (*adscripti, villani, censiles, redditici*) — выходят из калабрийского лексикона: теперь речь идет только о *вассалах* (*vassalli*) [110]. Важно было и то, что освобожденный крестьянин в Верхней Австрии мог в знак своего освобождения надевать красную шапку [111]. Важно еще и то, что триаж (*triage*), т. е. раздел общинных имуществ между крестьянами и сеньерами, во Франции в XVIII в. в общем не имел успеха, тогда как этот же процесс в Англии привел к огораживаниям (*enclosures*). И наоборот, важно, что *вторичное закрепощение* в XVI в. в Польше вернуло под гнет крестьянина, уже имевшего опыт прямых рыночных отношений с городом или даже с иноземными купцами [112]. Все это было решающим: один-единственный такой поворот глубоко изменял положение тысяч людей.

В данном случае Марк Блок был прав в споре с Фердинандом Лотом, рассматривавшим французское крестьянство как «настолько сцементированную систему, что в ней не было трещин, это было невозможно» [113]. Однако трещины были, были износ, разрывы, повороты вспять. Так же как в отношениях сеньеров с крестьянами, эти разрывы возникали из сосуществования городов с деревнями — того сосуществования, которое, автоматически развивая рыночную экономику, расшатывало равновесие деревни.

[106] Juillard E. *Problèmes alsaciens vus par un géographe*. 1968, p. 110.

[107] *Ibid.*, p. 112.

* Бланка Кастильская (1188—1252) — королева Франции, мать Людовика IX Святого, правительница королевства во время малолетства Людовика и во время его пребывания в крестовом походе.— *Прим. перев.*

** Шеваж — подушная подать, взимавшаяся с сервов как символ их крепостного состояния. Формарьяж — налог, выплачивавшийся сервом сеньеру за разрешение вступить в брак с вассалом другого сеньера. Право «мертвой руки» — полное или частичное наследование сеньером имущества крестьянина-вассала после смерти последнего.— *Прим. перев.*

[108] Fourquin G. *Op. cit.*, p. 160 sq.

[109] Galasso G. *Op. cit.*, p. 76—77.

[110] *Ibid.*, p. 76.

[111] Grüll G. *Op. cit.*, S. 30—31.

[112] Engel E., Zientaria B. *Feudalstruktur, Lehnbürgertum und Fernhandel im spätmittelalterlichen Brandenburg*. 1967, S. 336—338.

[113] Bloch M. *Mélanges historiques*. P., 1963, II, p. 689.

И не только в рынке было дело. Разве же город не вытеснял зачастую свои ремесла в деревни, чтобы избежать цеховых пут, существовавших в его стенах? С тем, впрочем, чтобы их вернуть в свои стены, когда это бывало ему выгодно. Разве не приходил крестьянин постоянно в город, привлекаемый тамошними высокими заработками? И разве же сеньор не строил в городе свой дом, а то и свой дворец? Италия первой, опередив остальную Европу, познала это «внедрение в города» (*inurbamento*). А становясь горожанами, сеньеры приводили с собой тесно сплоченные группы, свои деревенские кланы, которые в свою очередь оказывали давление на экономику и на жизнь городской общины [114]. Наконец, город — это и законники, которые пишут [бумаги] для тех, кто писать не умеет, эти зачастую лжедрузья, мастера-крючкотворы и даже ростовщики, которые заставляли подписывать долговые расписки, взимали тяжкие проценты и захватывали отданные в залог имущества. С XIV в. лавка (*casana*) ломбардца была ловушкой, куда попадался берущий ссуду крестьянин. Начинал он с заклада своего кухонного инвентаря, «кувшинов для вина», земледельческих орудий, потом — скота, а в конечном счете — своей земли [115]. Ростовщический процент достигал фантастических размеров, едва лишь затруднения становились серьезными. В ноябре 1682 г. интендант Эльзаса разоблачал нетерпимые ростовщические операции, жертвами которых стали крестьяне: «буржуа заставили их соглашаться на 30% роста», а иные потребовали заклада земель с выплатой в качестве процента «половины их урожая... оная выплачивается ежегодно наравне с основной суммой, каковая была получена взаймы». Безошибочно можно сказать: то были займы из 100% годовых [116].

[114] Heers J. *Le Clan familial au Moyen Age.* P., 1974.

[115] Chomel V. *Communautés rurales et casanae lombardes en Dauphiné (1346). Contribution au problème de l'endettement dans les sociétés paysannes du Sud-Est de la France au bas Moyen Age.— "Bulletin philologique et historique"*, 1951—1952, p. 245.

[116] Livet G. *L'Intendance d'Alsace sous Louis XIV, 1648—1715.* 1956, p. 833.

НА ЗАПАДЕ — ЕЩЕ НЕ УМЕРШИЙ СЕНЬЕРИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК

Сеньериальная организация, «встроенная» в жизнь крестьянина, смешанная с нею, разом и защищала и угнетала ее. Следы ее и ныне еще узнаваемы по всем ландшафтам Запада. Я знаю две заурядные деревни на границе Барруа и Шампани, некогда бывшие в составе одного скромного сеньериального владения. Замок стоит по-прежнему возле одной из этих деревень, в том виде, в каком он, несомненно, был восстановлен и оборудован в XVIII в., со своим парком, своими деревьями, водоемами, с гротом. Сеньеру принадлежали мельницы (ими не пользуются, но они все еще на месте), пруды (они существовали еще вчера). Что же до крестьян, то они располагали своими огородами, посевами конопли, виноградниками, своими фруктовыми садами и полями вокруг деревенских домов, прилепившихся друг к другу. Еще вчера поля были разделены на три «запашки» — пшеница, овес, пары (*versaines*),— которые каждый год сменяли одна другую. В непосредственном распоряжении сеньера, как собственника, находились ближние леса на вершине холмов и два «заказника» — по одному на деревню. Один из этих земельных участков оставил свое название месту,



Замок с вызолоченной по бургундской моде черепичной кровлей, возвышающийся над своей деревней: замок Рошпо стоит на дороге, ведущей к Арнэ-ле-Дюк в департаменте Кот-д'Ор. *Фото Рафо, клише Гурса.*

именуемому *Корвэ* (*Барщина*); второй же послужил рождению огромной единой фермы, аномальной среди небольших крестьянских наделов. Для крестьянского же пользования были открыты только отдаленные леса. Создавалось впечатление замкнутого в себе мирка со своими крестьянами-ремесленниками (кузнецом, тележником, сапожником, шорником, плотником), упрямо стремившегося производить все, даже собственное вино. За чертой горизонта располагались другие плотно сгруппированные деревни, другие сеньерии, которые здесь плохо знали и над которыми, следовательно, издалека посмеивались. Фольклор полон таких старинных насмешек.

Но эту рамку надо бы заполнить: сеньер — какой сеньер? Повинности — денежные, натуральные, отработочные (барщина),— каковы были эти повинности? В том заурядном слу-

чае, который я воскрешаю в памяти, повинности были в 1789 г. легкими, барщинные работы — немногочисленными: два-три дня в году на пахоте и извозе; мало-мальски серьезные тяжбы касались только пользования лесами.

Но от одной местности к другой многое менялось. Следовало бы умножить число поездок: отправиться вместе с Андре Плессом в Ле-Нёбур, в Нормандии [117], с Жераром Делилем — в Монтесаркьо, в королевстве Неаполитанском [118], с Ивонной Безар — в Жемо, в Бургундии [119]. Вскоре мы отправимся в Монтальдео в обществе Джорджо Дориа. Вполне очевидно, ничто не сравнится с непосредственным и точным взглядом, какой как раз и предлагают все как одна монографии, порой превосходные.

Но наша проблема заключена не только в этом. Лучше спросим себя в самом общем плане: почему же тысячелетний сеньериальный порядок, восходивший самое малое к крупным латифундиям поздней Римской империи, смог выжить до начала нового времени?

А ведь ему выпало немало испытаний. Сверху сеньера ограничивали узы феодальной зависимости. И узы эти не были фиктивными, они связаны были с выплатой феодальных рент, вовсе не всегда легких, с «подтверждением» верности (*aveux*), с тяжбами. Существовали также казуальные выплаты и феодальные «права» в отношении государя; порой они бывали тяжкими. Жан Мейер полагает, что в XVIII в. доход знати (но он говорит о знати бретонской, а это был довольно специфический случай) ежегодно «урезался» на 10—15% [120]. Уже Вобан утверждал, «что ежели бы все было хорошо изучено, то обнаружилось бы, что дворяне не менее обременены, нежели крестьяне» [121], что явно было огромным преувеличением.

Что же касается рент и повинностей, которые сами дворяне взимали с крестьян, то они обнаруживали досадную тенденцию к сокращению. Повинности, зафиксированные в деньгах в XIII в., сделались смехотворными. Барщинные повинности были на Западе в общем выкуплены. Доход с баналитетной хлебной печи составлял несколько пригоршней теста, взимавшихся с того, что крестьяне раз в неделю приносили для выпечки. Некоторые натуральные повинности сделались символическими: с каждым последующим разделом цензивы иные крестьяне должны были выплачивать четвертую, восьмую или шестнадцатую долю каплуна [122]! Сеньериальный суд в мелких делах был скор, но не настолько обременителен для [крестьянина], чтобы обеспечить существование тех судей, которых назначал сеньер: к 1750 г. в Жемо, в Бургундии, из общей суммы дохода в 8156 ливров судебные издержки и штрафы составили 132 ливра [123]. И такая эволюция шла тем успешнее, что самые богатые сеньеры, те, что могли эффективно защитить свои местные права, теперь почти не жили на своих землях.

Против сеньера действовала и возраставшая роскошь новой жизни, за которой следовало поспевать любой ценой. Подобно крестьянину, сеньер «составлял счастье» заимодавца-буржуа. Семейство Со-Таваннов в Бургундии благодаря огромным размерам своих владений долгое время могло преодолевать небла-

[117] Plaisse A. *La Baronnie de Neubourg*. 1961.
[118] Delille G. *Op. cit.*, 1975.
[119] Bézard Y. *Une Famille bourguignonne au XVIII^e^ siècle*. P., 1930.
[120] Meyer J. *Op. cit.*, p. 780.
[121] Vauban. *Le Projet d'une dixme royale*. Éd. Coornaert, 1933, p. 181, цит. у: Meyer J. *Op. cit.*, p. 691, note 1.
[122] Plaisse A. *Op. cit.*, p. 61.
[123] Bézard Y. *Op. cit.*, p. 32.

гоприятные конъюнктуры без особых потерь. Процветание второй половины XVIII в. создало для них неожиданные затруднения: доходы Со-Таваннов повышались, но они их и тратили, не считая. И вот — разорение [124]. История, по правде сказать, банальная.

Более того, политические и экономические кризисы уносили целые грани мира сеньеров. Во времена Карла VIII, Людовика XII, Франциска I и Генриха II пребывать летом в Италии с войсками короля французского, а зимой сидеть в своих имениях — это бы еще куда ни шло! Но религиозные войны после 1562 г.— это же была бездонная пропасть. Экономический спад 90-х годов XVI в. ускорил наступление кризиса. Во Франции, но также в Италии, Испании да, несомненно, и в иных местах распахнулась ловушка, и знать — зачастую самая блистательная — разом в ней оказалась. Ко всему этому добавлялись ярость и озлобление крестьянства, которые, пусть даже подавляемые и сдерживаемые, не раз вынуждали [сеньера] к уступкам.

Столько слабостей, столько враждебных сил — и все же институт выжил. В силу сотен причин. Сеньеры, которые разорялись, уступали место другим сеньерам, часто — богатым буржуа, тем не менее сохранявшим систему. Были восстания, проявления крестьянской силы, но бывали и случаи реакции сеньеров, тоже многочисленные. Как было во Франции накануне Революции. Ежели не так-то легко было лишить крестьянина его прав, то еще труднее было лишить сеньера его преимуществ. Или, вернее, когда он утрачивал одни, он устраивался так, чтобы их сохранить либо же приобрести другие.

В самом деле, не все оборачивалось к его невыгоде. Накануне 1789 г. французское дворянство, вне сомнения, контролировало 20% земельной собственности королевства [125]. Пошлина, выплачиваемая сеньеру при переходе имущества в другие руки (*lods et ventes*), оставалась тяжелой (в Ле-Нёбуре, в Нормандии,— до 16—20% стоимости продаж). Сеньер был не только получателем ренты с держаний, но и крупным собственником: он располагал ближним имением, значительной частью лучших земель, которые мог либо эксплуатировать сам, либо сдавать в аренду. Он владел большей частью лесов, «изгородей», невозделываемых или заболоченных земель. В Ле-Нёбуре баронство накануне 1789 г. получало от лесов 54% своих доходов, отнюдь не малых [126]. Что же касается невозделывавшихся земель, то когда на них расчищались парцеллы, последние могли быть уступлены и в таком случае облагались *шампаром* (*champart*), своего рода десятиной. Наконец — и в особенности! — сеньер мог выступить как покупатель всякий раз, когда в продажу поступало какое-либо держание, пользуясь *преимущественным правом покупки* (*retrait féodal*). Если крестьянин забрасывал свою цензиву или если таковая по той или иной причине становилась свободной, сеньер мог сдать ее в аренду, передать испольщику или заново пожаловать как цензиву. В определенных условиях он мог даже навязать *выкуп держания* (*retrait*). Он имел также право взимать пошлину с рынков, с ярмарок, собирать дорожные пошлины на своих землях. Когда в XVIII в. во Франции составили реестр всех

[124] Roupnel G. *La Ville et la campagne au XVII[e] siècle*. 1955, p. 314; Forster R. *The House of Saulx-Tavannes*, 1971.

[125] Soboul A. *La France à la veille de la Révolution*. I: *Économie et société*, p. 153.

[126] Plaisse A. *Op. cit.*, 1974, p. 114.

дорожных сборов с целью выкупить их ради облегчения торговли, было замечено, что среди них немалое число недавних, произвольно установленных земельными собственниками.

Таким образом, сеньериальное право предоставляло множество возможностей для маневра. Сеньеры Гатина в Пуату в XVI в. сумели, одному богу ведомо, каким способом, создать из собранных воедино земель те мызы, которые вместе со своими живыми изгородями создали тогда состоящий из рощ новый пейзаж [127]. Речь шла в данном случае о решающей перемене. Вассалы королевства Неаполитанского, которым все благоприятствовало, умевшие ловко обращать держание в заповедные земли (*scarze*), не смогли сделать лучше.

И чтобы закончить, не нужно строить слишком больших иллюзий по поводу экономического эффекта крестьянской свободы, сколь бы она ни была важна. Не быть более крепостным означало: иметь право продать свое держание, идти, куда вам угодно. В 1676 г. один проповедник в Верхней Австрии так восхвалял свое время: «Возблагодарим бога: нет теперь больше в округе крепостных, и всякий сегодня может и должен служить, где пожелает!» [128] Заметьте, слово «*должен*» добавляет некий оттенок к слову «*может*» и чего-то лишает слово «*пожелает*»! Крестьянин свободен — но он должен служить, возделывать землю, которая по-прежнему принадлежит сеньеру. Он свободен, но государство везде облагает его податью, церковь берет с него десятину, а сеньер — повинности. Результат угадать нетрудно: в Бовези в XVII в. крестьянские доходы за счет этих разнообразных поборов уменьшались на 30—40% [129]. Довольно близкие цифры приводятся и в других исследованиях. Господствовавшее общество везде умело мобилизовать и увеличить к своей выгоде массу земледельческого прибавочного продукта. И думать, будто крестьянин этого не сознавал, было бы иллюзией. «Босоногие» — нормандские повстанцы 1639 г.— в своих манифестах разоблачали откупщиков налогов и откупщиков [вообще], «этих разбогатевших людей... облачающихся за наш счет в атлас и бархат», эту «шайку воров, что поедают наш хлеб» [130]. В 1788 г. каноники собора св. Маврикия близ Гренобля предавались, по словам их крестьян, «кутежам и думали только, как бы отъесться наподобие свиней, коих откармливают для забоя на пасху» [131]. Но чего эти люди могли ожидать от общества, где, как писал неаполитанский экономист Галанти, «крестьянин — это вьючное животное, коему оставляют лишь то, что требуется, дабы оно [могло] нести свой груз» [132],— выжить, воспроизвести себя, продолжать свою работу? В мире, которому постоянно угрожал голод, у сеньеров была удобная роль: они защищали одновременно со своими привилегиями безопасность, равновесие определенного общества. Сколь бы двойственна ни была эта роль, но общество было налицо, чтобы их поддержать, послужить им опорой, чтобы утверждать вместе с Ришелье, что крестьяне подобны «мулам, каковые, будучи привычны к поклаже, портятся от долгого отдыха более, нежели от работы» [133]. И следовательно, предостаточно было причин к тому, чтобы сеньериальное общество — сотрясаемое, испытывающее удары, беспрестанно

[127] Merle L. *La Métairie et l'évolution agraire de la Gâtine poitevine*. 1958, p. 50 sq.

[128] Grüll G. *Op. cit.*, S. 30—31.

[129] Goubert P. *Beauvais et le Beauvaisis*, p. 180 sq.

[130] Gaillard M. *A travers la Normandie des XVII^e et XVIII^e* siècles. 1963, p. 81.

[131] Chomel V. *Les paysans de Terre-basse et la dîme à la fin de l'Ancien Régime*.— *"Evocations"*, 18^e année, n.s., 4^e année, N° 4, mars-avril, 1962, p. 100.

[132] Цит. у: Dal Pane L. *Op. cit.*, p. 183.

[133] Augé-Laribé M. *La révolution agricole*. 1955, p. 37.

подрываемое — сохранялось вопреки всему, воссоздавалось заново на протяжении столетий и могло в деревенских условиях ставить преграды на пути всего, что не принадлежало к нему самому.

В МОНТАЛЬДЕО

Раскроем же скобки, чтобы мысленно прожить какое-то мгновение в маленькой итальянской деревушке. Ее историю прекрасно рассказал нам Джорджо Дориа, историк, наследник документов знатной генуэзской фамилии, потомок старинного сеньера и хозяина Монтальдео [134].

[134] Doria G. *Uomini e terre di un borgo collinare*. 1968.

Монтальдео, довольно жалкая деревенька с населением чуть больше 300 человек и с землями чуть меньше 500 гектаров, располагалась на границе Миланской области и территории Генуэзской республики, там, где сходятся Ломбардская равнина и Апеннины. Ее крохотная территория на холмах была «фьефом», зависевшим от императора. В 1569 г. Дориа купили ее у Гримальди. Дориа и Гримальди принадлежали к генуэзской «деловой знати», к тем семействам, что не прочь бывали изображать из себя «вассалов», при этом безопасно помещая свои капиталы и приберегая себе убежище у ворот города (полезная предосторожность: политическая жизнь там была бурной). Тем не менее они станут обходиться со своим фьефом как осмотрительные купцы — без расточительства, но ни как предприниматели, ни как новаторы.

Книга Д. Дориа очень живо обрисовывает взаимное положение крестьян и сеньера. Крестьян свободных, уходящих, куда им заблагорассудится, женящихся по своему усмотрению, но до чего же нищих! Минимальное потребление, фиксируемое автором для семьи из четырех человек,—9,5 центнера зерновых и каштанов да 560 литров вина в год. И лишь 8 хозяйств из 54 достигали этих цифр или превосходили их. Для остальных хроническим было недоедание. В своих хижинах из дерева и глины семьи эти могли увеличиваться даже в пору бедствий, «ибо последние, по-видимому, способствовали воспроизводству». Но когда семьи эти имели в своем распоряжении всего один гектар плохой земли, им приходилось искать себе пропитание в иных местах — работать на землях владетеля фьефа, на полях трех-четырех земельных собственников, скупавших здесь участки. Или же спускаться на равнину, предлагая там свои рабочие руки во время жатвы. И не без страшных неожиданностей: случалось, что жнец, который должен был сам обеспечивать свое пропитание, тратил на еду больше, чем получал от своего нанимателя. Так было в 1695, 1735, 1756 гг. А то еще, придя на место найма, крестьяне не находили там никакой работы — приходилось отправляться дальше; в 1734 г. иные добирались до самой Корсики.

К этим бедам добавлялись злоупотребления владельца фьефа и его представителей, в первую очередь управляющего (*il fattore*). Деревенская община со своими консулами (*consoli*) мало что могла с ними поделать. Каждый должен был уплачивать

повинности, вносить арендные платежи, смиряться с тем, что хозяева скупают его урожай по низкой цене и продают его с прибылью, что они же располагают монопольным правом на ростовщические авансы и на доходы от отправления правосудия. Штрафы обходились все дороже и дороже: хитрость заключалась в том, чтобы завышать санкцию за малые проступки, самые частые. По сравнению со штрафами 1459 г. штрафы 1700 г. (учитывая обесценение монеты) выросли в 12 раз — за оскорбление, в 73 раза — за брань, в 94 раза — за азартные игры, так как эти игры были запрещены, в 157 раз — за нарушение правил охоты, в 180 раз — за потраву чужих полей. Здесь сеньериальная юстиция не могла быть невыгодным делом.

Деревенька жила с определенным отрывом от крупной экономической конъюнктуры. И однако же, она узнает сгон крестьян с земли и отчуждение их имуществ в XVII в. Затем последует подъем века Просвещения, который вырвет деревню из изоляции: виноград разовьется там во всепоглощающую монокультуру, обмен сделается правилом, благоприятствуя перевозчикам на мулах. Появится некое подобие сельской буржуазии. И разом станет ощутим определенный дух фрондерства за отсутствием открытого возмущения. Но едва лишь какой-нибудь из этих бедолаг «высовывался» за рамки, как в глазах привилегированного лица, державшегося за свои прерогативы, это оказывалось уже неприличным. А если он к тому же бывал и дерзок, то это уже был настоящий скандал. Некий Беттольдо в Монтальдео, «человек новый» (*huomo nuovo*), навлек на себя неудовольствие со стороны маркиза, [тезки] нашего Джорджо Дориа. Был он из числа тех погонщиков мулов, что составили себе небольшие состояния (дело происходило в 1782 г.), перевозя деревенское вино в Геную, и, вне сомнения, отличался той вспыльчивостью, которую обычно приписывают погонщикам. «Дерзость сказанного Беттольдо меня весьма беспокоит,— пишет маркиз своему управляющему,— как и легкость, с коей он богохульствует... Коль скоро он неукротим, надлежало бы его наказать... Во всяком случае, лишить его у нас всякого занятия; быть может, голод сделает его менее дурным».

То не было надежным средством, ибо богохульствовать, поносить, насмехаться — это соблазн, потребность. Каким же утешением для униженного человека в Ломбардии того времени было пусть вполголоса пробормотать это присловье: «Хлеб из отбросов, вода из канавы, работай сам, хозяин, а я больше не могу!» (*"Pane di mostura, acqua di fosso, lavora ti, Patron, che io non posso!"*) Несколькими годами позже, в 1790 г., имела широкое хождение такая фраза о Джорджо Дориа: «Он маркиз в своих делах, но не более» (*"É marchese del fatto suo, e non di più"*). И как бы контрапунктом к этим революционным речам священник из Монтальдео, сожалея о новых временах, писал маркизу в 1780 г.: «Уже несколько лет, как ложь, вендетта, ростовщичество, мошенничество и прочие пороки идут вперед большими шагами». Аналогичные рассуждения слышались по всей Италии того времени — они выходили даже из-под пера такого либерального экономиста, как Дженовези. Потрясенный умонастроением неаполитанских тружени-

ков, он в 1758 г. видел одно только лекарство: военную дисциплину и палку — «битье палками, но битье по-военному» (*“bastonate, ma bastonate all'uso militare”*)! [135] С того времени ситуация в королевстве Неаполитанском не переставала становиться все более мрачной, распространилась своего рода эпидемия социального непокорства. Разве же батраки-поденщики начиная с 1785 г. не заставили платить себе вдвое против предшествовавших годов, тогда как цены на продовольствие понизились? Разве они не удлинили перерыв посреди рабочего дня, чтобы отправляться в кабаки (*bettole*) и растрачивать в этих харчевнях деньги на питье и на игру [136]?

[135] Lepre A. *Contadini, borghesi ed operai nel tramonto del feudalesimo napoletano.* 1963, p. 27.
[136] *Ibid.* p. 61—62.

ПРЕОДОЛЕВАТЬ ПРЕПОНЫ

Препоны, которые воздвигали сеньеры и крестьяне, капитализм при определенных обстоятельствах преодолевал либо же обходил. Инициатива таких структурных перемен исходила когда изнутри самой сеньериальной системы, а когда и извне.

Изнутри — это мог быть капитализм, выступавший в роли сеньера, подражавший ему или пытавшийся изобрести самого сеньера. То мог быть капитализм крестьянского просхождения, истоки которого лежали в успехе крупных арендаторов.

Извне же осуществлялись самые важные вторжения. Городские деньги непрерывно текли в направлении деревень. Чтобы быть там наполовину потерянными, когда речь шла о покупках под знаком социальной мобильности или роскоши. Но порой и для того, чтобы все привести в движение и преобразовать, даже если это и не завершалось непосредственно хозяйством совершенного капиталистического типа. Прикосновением волшебной палочки всегда бывало присоединение земледельческого производства к «большой» экономике. Именно в силу спроса на прибыльном внешнем рынке генуэзские деловые люди ввели в XV в. на Сицилии культуру сахарного тростника и сахарную мельницу (*trapeto*), тулузские негоцианты в XVI в. наладили в своей области промышленное выращивание пастели, а виноградники района Бордо и Бургундии развились в следующем столетии в довольно крупные предприятия, к выгоде солидных состояний президентов и советников бордоского и дижонского парламентов. Результатом было разделение задач и ролей, складывание капиталистической цепочки хозяйствования, очень ясно выраженной в Бордо: *управляющий* (*régisseur*) руководил всем предприятием, *деловой человек* управлял сферой виноградарства; ему помогали *главный служащий* (*maître valet*), отвечавший за вспашку, и *главный винодарь* (*maître vigneron*), который занимался виноградниками и изготовлением вина и имел под началом квалифицированных рабочих [137]. В Бургундии эволюция продвинулась не столь далеко: лучшие виноградники, лучшие земли на склонах еще в начале XVII в. были церковной собственностью [138]. Но члены дижонского парламента предложили выгодные цены, и, таким образом, аббатство Сито уступило свои виноградники кортон *— это один пример среди десятка других. Новые собствен-

[137] Butel P. *Grands propriétaires et production des vins du Médoc au XVIII^e siècle.— “Revue historique de Bordeaux et du département de la Gironde”*, 1963, p. 129—141.
[138] Roupnel G. *Op. cit.*, p. 206—207.
* Кортон — сорт винограда и вина, производимого в нынешнем департаменте Кот-д'Ор.— *Прим. перев.*



Виноградники Божоле возле Бельвиль-сюр-Сон, какими увидел их Анри Картье-Брессон. *Фото Картье-Брессон — Магнум.*

ники сумели поставить на широкую ногу и коммерциализовать продукцию обоих виноградников. Они даже пошли на то, чтобы самим обосноваться в деревнях, расположенных посреди склона, в деревнях с их узенькими улочками, с их лачугами, их «жалкими погребами» и несколькими лавками и мастерскими ремесленников в нижнем конце их «верхних» улиц. И сразу же мы видим, как вырастают там прекрасные дома хозяев: малень-

кие деревеньки Брошон и Жеврэ вскоре насчитывали первая — 36, вторая —47 таких домов. Речь шла о своего рода колонизации, установлении опеки, прямого надзора за производством, обеспечивавшим легкий сбыт и высокие прибыли.

ОКРАИНЫ В СЕРДЦЕ ЕВРОПЫ

В поисках этого первого аграрного капитализма мы могли бы затеряться среди сотен частных случаев. Попробуем-ка лучше выбрать несколько показательных примеров. Само собой разумеется, мы останемся в пределах европейского опыта, то ли в собственно Европе, то ли на ее восточных окраинах, то ли на ее окраинах западных, в той необыкновенной лаборатории, какой была европейская Америка. Это будет случай увидеть в различных контекстах, до какой степени капитализм может проникать в системы, которые ему структурно чужды, прорываться в них в открытую или же довольствоваться господством издалека над их производством, держа бутылку за «горлышко» распредения.

КАПИТАЛИЗМ И ВТОРИЧНОЕ ЗАКРЕПОЩЕНИЕ

Название этого параграфа — не проявление любви к парадоксам. «Вторичное закрепощение» — то была участь, уготованная крестьянству Восточной Европы, которое, быв еще свободным в XV в., увидело изменение своих судеб на протяжении XVI в. После чего все «качнулось» в обратном направлении, к крепостничеству, на огромных пространствах от Балтики до Черноморья, на Балканах, в королевстве Неаполитанском, на Сицилии и в Московском государстве (случай весьма специфичный), а также и в Польше и Центральной Европе, вплоть до линии, протянувшейся приблизительно от Гамбурга к Вене и Венеции.

Какую роль играл на этих просторах капитализм? По-видимому, никакой, коль скоро стало правилом говорить в данном случае о *рефеодализации*, о феодальном порядке или феодальной системе. И хорошая книга Витольда Кулы, который шаг за шагом анализирует то, что с XVI по XVIII в. могло быть «экономическим расчетом» польских крепостных крестьян и «экономическим расчетом» их господ, отлично объясняет, в чем паны не были «истинными» капиталистами и не станут ими вплоть до XIX в.[139]

[139] Kula W. *Théorie économique du système féodal. Pour un modèle de l'économie polonaise, XVI^e^—XVIII^e^ siècles.* 1970.

С началом XVI в. конъюнктура с двоякими, а то и троякими последствиями обрекла Восточную Европу на участь *колониальную* — участь производителя сырья, и «вторичное закрепощение» было лишь более всего заметным ее аспектом. Повсюду — с вариациями, зависевшими от времени и места,— крестьянин, прикрепленный к земле, юридически и фактически утратил свободу передвижения, возможность пользоваться льготами формарьяжа, освобождаться за деньги от натуральных повинностей и отработок. Барщина выросла сверх всякой меры. К 1500 г. в

Польше она была ничтожна; статуты 1519 и 1529 гг. установили ее в размере одного дня в неделю, стало быть, 52 дней в году; к 1550 г. она была доведена до трех дней в неделю, а к 1600 г.— до шести [140]. В Венгрии эволюция была такой же: один день в неделю в 1514 г., потом два, затем три, вскоре после того — каждая вторая неделя и в конечном счете отмена всякой вообще регламентации; теперь барщина зависела только от произвола барина [141]. В Трансильвании — четыре дня в неделю; крестьяне, помимо воскресенья, имели только два дня для работы на себя. Но в Ливонии в 1589—1590 гг. *"jeder Gesinde mitt Ochsen oder Pferdt alle Dage"* [142]; ошибка тут невозможна: *«любой барщинник работает с упряжкой быков или конной упряжкой каждый день»*. И еще двумя столетиями позднее, в 1798 г., в Нижней Силезии официально утверждалось, что «крестьянские барщинные работы не ограничиваются» [143]. В Саксонии существовал как бы своего рода рекрутский набор молодежи, зачислявшейся на два-три года на барские работы [144]. В России именно крестьянская задолженность позволила дворянам добиваться от своих кабальных записей, прикреплявших их к земле,— своего рода «добровольной крепости», как тогда говорили, которая позднее будет узаконена [145].

Короче говоря, пусть и смягченное, так или иначе организованное, но правило, устанавливавшее шесть барщинных дней в неделю, обнаруживало тенденцию распространиться почти повсеместно. Может быть, стоило бы оставить в стороне крестьян коронных владений и небольших владений городских. Может быть, даже и существовал менее тяжкий режим в Чехии или в Восточной Пруссии. По правде сказать, невозможны никакая статистика и, как следствие, никакое картографирование: барщинные работы всегда приспосабливались к реальностям крестьянского общества и труда крестьян. Владельцы самых крупных наделов поставляли на барщину рабочие упряжки; для этой цели они содержали избыточных тягловых животных и на такие работы отряжали сына или работника. Но такая барщина «упряжная» (немецкие *Spanndienste* или *Spannwerke*) не освобождала от барщины «вручную» (*Handwerke*), а так как во всех барских деревнях были и мелкие крестьяне и безземельные поденщики, существовала целая серия особых порядков и норм отработки. Так что барщинный труд использовали для всего: для услужения в доме, в конюшнях, в ригах, в хлевах, на пахоте, сенокосе, жатве, для перевозок, на земляных работах, при валке леса. В общем, то была огромных масштабов мобилизация всей рабочей силы деревенского мира, сделавшаяся как бы естественной. Всегда легко было еще немного «затянуть гайки»: достаточно изменить продолжительность работы, задержать у себя упряжку, увеличить подлежащие перевозке грузы, удлинить маршруты. И пригрозить в случае необходимости.

Это всеобщее увеличение тягот барщины в странах Восточной Европы имело как внешние, так и внутренние причины. Внешние — массовый спрос со стороны Западной Европы, которую нужно было кормить и снабжать сырьем. Отсюда вытекали все возраставшие требования на пригодную для экспорта

[140] Rutkowski J. *La genèse du régime de la corvée dans l'Europe centrale depuis la fin du Moyen Age.— La Pologne au VI^e Congrès international des sciences historiques.* 1930; См.: Rusiński W. в: *„Studia historiae œconomicae"*. 1974, p. 27—45.

[141] См. Makkai L. в: *Histoire de la Hongrie,* p. 163.

[142] Transehe-Roseneck A., von. *Gutsherr und Bauer im 17. und 18. Jahrhundert.* 1890, S. 34, Anm. 2.

[143] Ziekursch J. *Hundert Jahre Schlesischer Agrargeschichte.* 1915, S. 84.

[144] Haun F.J. *Bauer und Gutsherr in Kursachsen.* 1892, S. 185.

[145] Wallerstein I. *The Modern World System,* 1974, p. 313, note 58. В конце XVI в. барщина редко доходила до 4 дней в неделю; в XVIII же веке крестьянские хозяйства тех же размеров обязаны были отрабатывать, как общее правило, от 4 до 6 барщинных дней в неделю. Эти цифры относятся к самым крупным крестьянским хозяйствам, с остальных барщинная повинность была меньше, варьируя в зависимости от размеров хозяйств. Но тенденция к возрастанию повинностей и, в частности, барщины была всеобщей. См. Rutkowski J. *Op. cit.,* p. 142, 257.



Зерно прибывало в Гданьск (Данциг) по Висле навалом в барках, челнах, иной раз — и на плотах.
В левом нижнем углу картины видны нос судна и тянущие его бурлаки.
Фото Хенрыка Романовского.

продукцию. Внутренние — в нараставшей конкуренции между государством, городами и панами, эти последние почти везде (за исключением России) занимали господствующее положение. Следствием захирения городов и городских рынков, слабости государства было присвоение рабочей силы (а заодно и производительных земель), способствовавшее успеху феодалов. Барщина была громадным двигателем на службе того, что немецкие историки называют «поместным владением» (*Gutsherrschaft*) в противоположность традиционному сеньериальному *Grundherrschaft* — «земельному владению». В XVIII в. в Силезии насчитали за год 373 621 день барщины с пароконными упряжками и 495 127 дней — с бычьими упряжками. В Моравии эти цифры составили соответственно 4282 тыс. и 1 409 114 дней [146].

Этот тяжкий режим не мог установиться за один день. Он прокладывал себе дорогу постепенно, так же постепенно и привыкали к нему; и без насилия не обходилось. В Венгрии Кодекс Вербёци * провозгласил *прикрепление к земле крестьянства на вечные времена (perpetua rusticitas)* именно после поражения восстания Дожи в 1514 г. [147] А веком позже, в 1608 г., оно будет провозглашено заново после восстания гайдуков, этих беглых крестьян, живших разбоем и грабежом, направленными против турок.

В самом деле, побег был оружием крестьянина против чересчур требовательного господина. Как схватить человека, который удирает ночью на телеге, с женой, детьми, наспех собранным добром, со своими коровами? Всего несколько оборотов колеса — и ему обеспечено содействие на всем пути со стороны товарищей по несчастью. А в конечном счете — прибежище в другом барском имении либо среди людей вне закона. После окончания Тридцатилетней войны сословное собрание (*Landtag*) Лужицкой земли захлестнули жалобы и гнев «пострадавших» сеньеров. Они требовали: пускай хотя бы наказывают тех, кто помогает беглым и принимает их; пусть пойманным беглым отрезают уши или носы или же пусть их клеймят каленым железом. Неужели же нельзя добиться рескрипта от курфюрста-электора Саксонского в Дрездене [148]? Но бесконечный список рескриптов, запрещавших свободное передвижение крепостных (в Моравии — в 1638, 1658, 1687, 1699, 1712 гг.; в Силезии — в 1699, 1709, 1714, 1720 гг.), доказывает бессилие законодательства в этом вопросе.

Зато сеньерам удалось заключить крестьянство в замкнутые экономические единицы, порой весьма обширные. Вспомните о графах Черниных в Чехии, о польских Радзивиллах или Чарторыских, о венгерских магнатах, торговавших вином и скотом. Эти экономические единицы жили замкнутые в себе. Крестьянин практически не имел более доступа к городским рынкам (к тому же сильно сократившимся). Когда он там появлялся, это бывало лишь для мелких торговых сделок, ради того, чтобы собрать немного денег, в которых он нуждался для выплаты каких-либо повинностей или для того, чтобы выпить в трактире (который тоже был барской собственностью) стакан пива или водки.

Но эта экономическая единица в конечном счете не автар-

[146] Ссылка утеряна.

* Кодекс Вербёци — трехчастный свод феодального права Венгрии (*Opus Tripartitum*), составленный королевским нотариусом Иштваном Вербёци и утвержденный сеймом в 1514 г.— *Прим. перев.*

[147] D'Eszlary C. *La situation des serfs en Hongrie de 1514 à 1848.—"Revue d'histoire économique et sociale"*, 1960, p. 385.

[148] Leszczyński J. *Der Klassenkampf der Oberlausitzer Bauern in den Jahren 1635—1720.* 1964, S. 66 f.

кична, ибо она открыта вверх. Сеньер, собственник крепостных и земель, как и в былые времена, производит зерно, лес, скот, вино, а позднее — шафран или табак в соответствии со спросом далекого клиента. Настоящий поток барского зерна спускался по Висле до Гданьска. Из Венгрии на дальние расстояния вывозили вино и перегоняли скот; в придунайских провинциях растили пшеницу и разводили овец, предназначенных для ненасытных аппетитов Стамбула. Повсюду в зоне «вторичного закрепощения» домениальная экономика покрывала все, она окружала города, порабощала их — столь странный реванш со стороны деревни!

А вдобавок случалось и так, что эти имения владели собственными местечками и служили базой для предприятий промышленных: кирпичных, винокуренных и пивоваренных заводов, мельниц, фаянсовых мастерских, домен (так было в Силезии). Эти мануфактуры использовали рабочую силу, принужденную трудиться, а очень часто и даровое сырье, которое поэтому не должно было включаться в строгую бухгалтерию дебета и кредита. В Австрии на протяжении второй половины XVIII в. сеньеры участвовали в организации текстильных мануфактур. Они были особенно активны и сознавали свои возможности; они непрерывно продолжали «округление» (*Arrondierung*) своих имений, узурпируя права государя на распоряжение лесами и на отправление юрисдикции, вводили новые культуры, например табак, и подчиняли себе любой городок, до которого могли дотянуться, обращая к своей выгоде и его городские ввозные пошлины [149].

[149] Hoffmann A. *Die Grundherrschaft als Unternehmen.— "Zeitschrift für Agrargeschichte und Agrarsoziologie"*, 1958, S. 123—131.

Но вернемся к нашему вопросу: что свидетельствовало о капитализме среди многочисленных аспектов «вторичного закрепощѐния»? Ничто, отвечает в своей книге Витóльд Кула, и его аргументы определенно существенны. Если вы исходите из традиционного портрета капиталиста, если принимаете этот «фоторобот» — рационализация, расчет, инвестиции, максимизация прибыли,— тогда да, магнат или польский пан — не капиталисты. Для них все слишком просто, ежели провести сравнение между уровнем денежных богатств, которого они достигали, и уровнем натуральной экономики, которая была у них под ногами. Они не ведут расчетов, коль скоро машина работает сама собой. Они не стремятся изо всех сил снизить свои издержки производства, они почти не заботятся об улучшении почв, ни даже о поддержании их плодородия — между тем почва эта составляет их капитал. Они отказываются от любых реальных капиталовложений, довольствуясь, сколь это возможно, своими крепостными, даровой рабочей силой. Урожай, каким бы он ни был, был тогда для них прибылен: они продавали его в Гданьске, чтобы автоматически обменять на изделия, произведенные на Западе, главным образом предметы роскоши. Около 1820 г. (правда, Кула не смог точно определить во времени происшедшие перемены) ситуация оказывается совсем иной: немалое число земельных собственников отныне рассматривают свою землю как капитал, который настоятельно необходимо сохранить, улучшить, каких бы затрат это ни стоило. Настолько быстро, насколько это только возможно, они избавляются от

своих крепостных, ибо это огромное число едоков, чей труд малоэффективен; им хозяева предпочитают наемных работников. Их «экономический расчет» уже не тот, что прежде: теперь он, хоть и с опозданием, подчинился правилам хозяйствования, теперь они озабочены сопоставлением капиталовложений, себестоимости и прибавочного продукта. Один этот контраст служит решительным аргументом за то, чтобы отнести польских магнатов XVIII в. к числу феодальных сеньеров, а не предпринимателей [150].

Разумеется, не против этого аргумента собираюсь я выступить. Однако мне кажется, что «вторичное закрепощение» было оборотной стороной торгового капитализма, который в положении на Востоке Европы находил свою выгоду, а для некоторой своей части — и самый смысл существования. Крупный земельный собственник не был капиталистом, но он был на службе у капитализма амстердамского или какого другого орудием и соратником. *Он составлял часть системы.* Самый крупный польский вельможный пан получал авансы от гданьского купца и через его посредство — от купца голландского. В некотором смысле он находился в таком же подчиненном положении, что и сеговийский овцевод, который в XVI в. продавал шерсть своих баранов генуэзским купцам задолго до стрижки. Или в положении тех земледельцев, испытывавших нужду или не знавших ее, но тем не менее всегда старавшихся получить задаток, земледельцев, которые во все времена и по всей Европе продавали свое зерно на корню купцам всех мастей, мелким или крупным, которым такое положение давало возможность получать незаконные прибыли и позволяло уклоняться от рыночных регламентов и рыночных цен. Будем ли мы теперь говорить, что наши сеньеры находились среди жертв, а не в числе действующих лиц или участников некоего капитализма, который издали, через посредников, сообразуясь только со своими вкусами и своими потребностями, держал в руках все, что можно было мобилизовать с помощью морских маршрутов, речных путей и ограниченной пропускной способности сухопутных дорог?

И да и нет. Была некоторая разница между сеговийским овцеводом или выращивавшим зерно земледельцем, которые в общем-то лишь подчинялись диктату ростовщика, и польским ясновельможным паном, который, хоть и находился в невыгодной позиции на рынке в Гданьске, *у себя-то дома* был всемогущ. Этим всемогуществом он и пользовался, дабы организовать производство таким образом, чтобы оно отвечало капиталистическому спросу, который пана занимал лишь постольку, поскольку отвечал его собственному спросу на предметы роскоши. В 1534 г. правительнице Нидерландов писали: «Все сии большие вельможи и господа Польши и Пруссии за двадцать пять лет до сего времени нашли средство посылать по неким рекам все свое зерно в Данцвик и там оное продавать господам сказанного города. И по сей причине королевство Польское и большие вельможи сделались зело богаты» [151]. Ежели понимать этот текст буквально, можно было бы вообразить себе «джентльменов-фермеров», предпринимателей а-ля Шумпетер. Ничего подобного! Это именно западный предприниматель явился и посту-

[150] Kula W. *Op. cit.*, p. 138.
[151] Delumeau J. *La Civilisation de la Renaissance.* 1967, p. 287.

чал у их ворот. Но именно польский вельможа обладал властью — и он доказал это! — чтобы поставить себе на службу крестьян и добрую часть городов, установить господство над земледелием и даже над мануфактурой, так сказать, над всем производством. Когда он мобилизовывал эту силу на службу иноземному капитализму, он сам становился в системе действующим лицом. Без него не было бы «вторичного закрепощения», а без «вторичного закрепощения» объем производства зерновых, *шедших на экспорт*, был бы несоизмеримо меньшим. Крестьяне-то предпочли бы есть собственное зерно или обменивать его на рынке на другие товары, если бы, с одной стороны, барин не присвоил все *средства производства* и если бы, с другой стороны, он попросту не убил уже оживленную рыночную экономику, оставив за собой все *средства обмена*. Это не была феодальная система, не была она отнюдь и сколько-нибудь самодостаточной экономикой. Речь шла о системе, где, как говорит сам В. Кула, сеньер всеми традиционными средствами старался увеличить количество товарного зерна. И определенно то не была современная капиталистическая агрикультура на английский манер. То была монопольная экономика, с монополией производства, монополией распределения, и все это — на службе международной системы, которая сама была, несомненно, в значительной степени капиталистической [152].

[152] По поводу капиталистического или некапиталистического характера помещичьих начинаний см. спор между Й. Нихтвайсом и Ю. Кучинским в: *"Zeitschrift für Geschichtswissenschaft"*, 1953—1954.

КАПИТАЛИЗМ И АМЕРИКАНСКИЕ ПЛАНТАЦИИ

Европа начиналась заново в Америке. Для нее то было громадной удачей. Она начиналась там заново во всем своем разнообразии, которое накладывалось на разнообразие нового континента.

Результатом был «пучок» разных форм опыта. Во французской Канаде попытка насадить сверху сеньериальный порядок не удалась с самого начала. Что касается английских колоний, то Север был свободной страной, как и Англия,— и за ним было отдаленное будущее. Юг же был рабовладельческим, рабовладельческие порядки царили на всех плантациях, особенно плантациях сахарного тростника на Антильских островах и на нескончаемом побережье Бразилии. Стихийно возникшие сеньериальные порядки процветали в скотоводческих зонах, таких, как Венесуэла и внутренние области Бразилии. По всей Испанской Америке с ее многочисленным аборигенным населением феодальные порядки не привились. Правда, крестьян-индейцев жаловали испанским сеньерам, но *энкомьенды* (*encomiendas*), дававшиеся пожизненно, были скорее *бенефициями*, нежели *феодами*; испанское правительство не пожелало навязывать феодальные порядки требовательному миру *энкомендерос*, оно долго сохраняло его под своим контролем.

Среди всего этого опыта нас интересуют одни только плантации. Они были в гораздо большей степени, чем поместья с «вторичным закрепощением», образованиями капиталистическими по преимуществу. Деньги, кредит, торговля, обмены привязывали их к восточному побережью океана. Все управлялось на



Плантация в провинции Пернамбуку: жилой дом и сахарный завод (водяная мельница, жернова, подвоз гужом тростника, варочные котлы). На заднем плане барский дом (*casa grande*), а еще дальше — бараки невольников (*senzalas*). Картуш с карты из книги: Barlaeus C. *Rerum per octennium in Brazilia et alibi gestarum... historia.* Amsterdam, 1647. *Фото Национальной библиотеки.*

расстоянии, а именно из Севильи, Кадиса, Бордо, Нанта, Руана, Амстердама, Бристоля, Ливерпуля, Лондона.

Чтобы создать эти плантации, потребовалось доставить со старого континента все: господ — колонистов, принадлежавших к белой расе, рабочую силу — африканских чернокожих (ибо индеец прибрежных районов не вынес столкновения с пришельцами) и даже самые растения, за исключением табака. Для сахарного тростника понадобилось одновременно с ним ввезти и технику производства сахара, внедренную португальцами на Мадейре и на отдаленных островах Гвинейского залива (Принсипи, Сан-Томе) — до такой степени, что эти островные мирки были как бы пред-Американи, пред-Бразилиями. Во всяком случае, едва ли найдется нечто более показательное, чем неумение французов обходиться с сахарным тростником: они заставляли вымачивать его в воде, получая из него некую разновидность уксуса. И происходило это в заливе Рио-де-Жанейро, куда пригнала французов мечта адмирала Колиньи о величии [153].

[153] Léry J., de. *Histoire d'un voyage faict en la terre de Brésil.* P.p. P. Gaffarel, 1880, II, p. 20—21.

Как раз на побережье бразильского Северо-Востока (Нордэсте) и на юге, на острове Сан-Висенти, были заложены около 1550 г. первые американские поля сахарного тростника со своими мельницами и своими «машинами» — эти *энженьос де ассукар* (*engenhos de assucar*). Облик этих «сахарных земель» был везде один и тот же: заболоченные низины, поблескивающие водой, транспортные барки на прибрежных реках, скрипящие колесами «повозки, запряженные быками» (*carros de boi*), на проселочных дорогах. И плюс «триада», недавно еще характерная для окрестностей Ресифи или Сан-Салвадора: дом хозяина (*casa grande*), бараки рабов (*senzalas*) и, наконец, мельница для тростника. Хозяин разъезжал верхом, царил в своей семье — семье непомерно разросшейся из-за свободы нравов, которую не смущал цвет кожи его рабынь,— и вершил над своими людьми короткий

и окончательный суд и расправу: мы как бы находимся в Лакедемоне или в Риме времен Тарквиниев [154].

Так как мы располагаем подробными счетами, скажем сразу же, что сама по себе бразильская сахарная плантация (*энженьо де ассукар*) не была превосходным вложением капитала. Прибыли, подсчитанные с определенной степенью правдоподобия, доходили до 4—5% [155]. А случались и неудачи. В этом мире на античный манер в рыночную экономику был вовлечен один только хозяин (*senhor de engenho*). Он купил своих невольников, он сделал заем, чтобы построить свою мельницу, он продает свой урожай, а порой и урожай небольших *энженьос*, живших под его прикрытием. Но сам он зависел от купцов, обосновавшихся в нижнем городе Сан-Салвадора или же в Ресифи, у подножия Олинды — города сеньеров. Через них он связан с лисабонскими негоциантами, которые авансируют его средствами и товарами, как будут это делать негоцианты Бордо или Нанта в отношении плантаторов Сан-Доминго, Мартиники и Гваделупы. Именно европейская коммерция распоряжается производством и сбытом заморских стран.

На Антильские острова культура тростника и сахарная промышленность были, *вероятно*, перенесены португальскими марранами, изгнанными с бразильского Северо-Востока вслед за уходом голландцев в 1654 г. [156] Но лишь к 1680 г. сахар достигнет западной части Сан-Доминго, удерживавшейся французами с середины XVII в. (юридически — только после Рисвикского мира 1697 г. *).

Габриель Дебьен детально описал одну из плантаций острова, наверняка не из самых лучших, между Леоганом на западе и Порт-о-Пренсом на востоке, на некотором расстоянии от моря, которое было видно с небольшого холма, где располагался главный жилой дом [157]. Никола Гальбо дю Фор вступил во владение этой запущенной сахарной плантацией в 1735 г. Прибыв на место, чтобы вновь привести ее в рабочее состояние, он восстановил постройки, по-новому разместил мельницы и котлы, пополнил число рабов и вновь заложил делянки посадок тростника. Вода поступала из ручья — порой он бывал опасным гостем, но почти пересыхал «в засуху». Жилой дом хозяев не был *casa grande*: три комнаты, кирпичные стены, беленные известью, тростниковое покрытие, огромная кухня. В двух шагах от дома — склад. Чуть дальше — домик эконома — надсмотрщика и счетовода, чье перо и чьи подсчеты были необходимы для ведения хозяйства; затем — сад, сахарный завод, очистка, мельницы, кузница, винокурня (*guildiverie*) [158]. Наша плантация не была устроена «по-белому», т. е. она поставляла лишь сахар-сырец, неотбеленный; но она перегоняла в винокурне шлаки (пену) и сиропы. И *тафия*, сахарная водка, которая там производилась, продавалась на месте, она обеспечивала более быстрые поступления доходов, чем экспорт во Францию. Имелись также «сарай» для двуколок (тележек, на которых перевозили срезанный тростник), колокол, созывавший рабов на молитву, а тем более на работу, кухня, лазарет, бараки невольников (их было больше сотни) и, наконец, делянки-*квадраты* («квадрат» был немного больше одного гектара), засаженные тростником,

[154] Freyre G. *Casa Grande e Senzala, 5ᵉ éd.*, 1946.

[155] Mauro F. *Le Portugal et l'Atlantique au XVIIᵉ siècle. 1960, p. 213 sq.*

[156] Piffer Canabrava A. *A industriado açucar nas ilhas inglesas e francesas do mar das Antilhas* (машинописный текст диссертации). São Paulo, 1946, p. 8 sq.

* Рисвикским миром закончилась война Франции с Аугсбургской лигой (коалиция Австрии, Англии, Голландии, Испании, Швеции и немецких княжеств), начавшаяся в 1688 г.— *Прим. перев.*

[157] Debien G. *La sucrerie Galbaud du Fort (1690—1802).—"Notes d'histoire coloniale"*, I, 1941.

[158] Слово *guildiverie* происходит от слова *guildive*, т. е. водка, выгоняемая из «сахарных сиропов и из пены первых варок». *Тафия*, синоним для *guildiverie*, употреблялось будто бы неграми и индейцами. (По данным словаря Литтре).

и пространство, оставлявшееся для продовольственных культур (батата, бананов, риса, фонио, маниоки, иньяма), культур, разведение которых порой оставлялось невольникам, перепродававшим часть урожая своей же плантации. Быки, мулы и лошади кормились как могли в саванне, окружавшей холмы и служившей возможным резервом земель для новых плантаций.

Во время вторичного пребывания в Леогане в 1762—1767 гг. Никола дю Фор, дабы привести в порядок дела, которые вновь оказались неблестящими, попытался ввести новшества: лучше кормить животных, практиковать интенсивное земледелие с необычно сильным унавоживанием (что само по себе было спорной политикой). Но и противоположная политика была в не меньшей мере открыта для критики: расширение посадок по необходимости означало увеличение численности невольников. А ведь невольники стоили дорого. И более того, когда плантатор оставлял за себя «прокуратора» (доверенное лицо) или же управляющего и последние, что бы ни произошло, получали процент с продукта, они наращивали этот процент, не заботясь об издержках: собственник разорялся, а управляющие в это же время богатели.

Плантатор, создавал ли он свое хозяйство на сахаре, на кофе, индиго, даже на хлопке, обычно не мог похвалиться тем, что не знает счета деньгам. Колониальные продукты продавались в Европе по дорогой цене. Но урожай-то получали только раз в году; требовалось время, чтобы сбыть его и получить его цену, тогда как расходы были повседневными и весьма тяжкими. То, что плантатор покупал для своего собственного содержания или же для своего хозяйства, поступало морем, отягощенное транспортными расходами, а особенно теми наценками, которые купцы и перекупщики устанавливали по своему произволу. В самом деле, «исключительное право», запрещавшее Островам торговать с заграницей, подчиняло их торговой монополии метрополии. Колонисты не отказывались от возможности прибегать к контрабанде с ее дешевыми поставками и выгодными обменными операциями. Но эти противозаконные методы не были ни легкими, ни достаточными. В 1727 г. внезапно явилась и стала свирепствовать французская эскадра. И купец с Мартиники пишет: «Жителям [то] зело досаждает, зато сие доставляет удовольствие негоциантам, ибо можно сказать, что интересы их совершенно несовместны» [159]. К тому же как избежать уловок судовладельцев? Они знали (кстати, Савари им это советует вполне откровенно), в какие месяцы надобно прибыть, дабы найти сахара по низким ценам; в какое время, когда тропическое солнце уже, вероятно, заставило созреть вина, удобно будет появиться с добрым количеством бочек, каковые «тогда не преминут... быть проданы все, какие только можно, за наличные деньги» [160]. И плюс к тому цены сами по себе вздувались с течением XVIII в. И значит, на Островах в ту эпоху все бывало безумно дорого: продовольствие, скобяной товар, медные котлы для варки сахара, бордоские вина, текстильные товары и, наконец, невольники. «Я ничего не трачу»,— писал в 1763 г. Никола Гальбо дю Фор. А в следующем году: ужин мой «составляет немного хлеба с засахаренными фруктами» [161]. В последующем же положение

[159] Cavignac J. *Op. cit.*, p. 173, note 1.
[160] Savary, цит. у: Cavignac J. *Op. cit.*, p. 49, note 3.
[161] Debien G. *La sucrerie Galbaud du Fort...*, p. 67—68.

только ухудшалось. 13 мая 1782 г. молодой колонист пишет: «После начала войны [за независимость британских колоний] наши сапожники берут за пару башмаков 3 [пиастра] гурдских, что составляет 24 ливра 15 су, а мне требуется моя пара ежемесячно... Чулки из самой грубой нити продаются по 9 ливров за пару. Грубая бязь для рабочих рубашек стоит 6 ливров; а это составляет, таким образом, 12 ливров 10 су с шитьем. 16 ливров 10 су — это приемлемая, но не великолепная шляпа... Таким же образом, портные берут 60 ливров за шитье костюма, 15 — за куртку и столько же за короткие штаны. Что же до съестного... то за муку платили до... 330 ливров за бочку, за бочонок вина — 600—700 ливров, за бочонок солонины — 150 ливров, за окорок — 75 ливров, а за свечи — по 4 ливра 10 су за фунт» [162]. Конечно, это было военное время. Но войны и нападения корсаров в американских морях не были редкостью.

При сбыте своего продукта плантатор, если он его продавал на месте, страдал от сезонных колебаний, которые приводили к быстрому падению цен на 12, 15, 18% в те моменты, когда сахар производился в изобилии. Если он прибегал к услугам комиссионера в метрополии, ему приходилось ждать уплаты месяцами, а иной раз и годами, если принять во внимание медлительность сообщений. Что же касается цен, на которые можно было рассчитывать, то ведь рынок колониальных товаров в европейских портах, к примеру в Бордо, относился к числу более всего подверженных спекуляции. Для купцов обычным было играть на повышение или на понижение, а для перекупщиков прекрасным оправданием было то, что товары следует придерживать на складе, дабы дождаться лучшей цены. Отсюда и долгие ожидания, которые зачастую означали для плантатора отсутствие денег, необходимость брать взаймы. Если еще к тому же он, надеясь на будущее богатство, влезал в долги с самого начала, чтобы купить всю свою плантацию или часть ее, всех рабов или часть их, то он быстро оказывался во власти своих заимодавцев.

Бордоские негоцианты, комиссионеры и арматоры, которые заставляли пользоваться услугами своих судов, своих капитанов (каковым зачастую вменялось в обязанность продавать хозяйские грузы), своими складами, своими спасительными авансами, были, таким образом, господами механизма, производившего колониальные богатства. Любой колонист, повседневную деятельность которого можно проследить, пространно говорит об этом в [своей] переписке. Так, семейства Раби и Доль, бывшие, в частности, компаньонами в эксплуатации обширной плантации Ваз в одной из лучших зон Сан-Доминго, в 1787 г. вынуждены будут целиком отдаться на милость крупной брюссельской фирмы «Фредерик Ромберг и сын», чей филиал в Бордо считался (не слишком справедливо) несокрушимой опорой всей жизни крупного порта [163].

Все это, несомненно, плохо согласуется с глобальными цифрами, имеющимися в нашем распоряжении. В Бордо, через который шла половина торговли французских колоний, экспорт составлял только треть, потом четверть, потом снова треть бордоского импорта продуктов Сан-Доминго, Гваделупы и Мартиники [164].

[162] Debien G. *A Saint-Domingue avec deux jeunes économes de plantation (1777—1788).—"Notes d'histoire coloniale"*, VII, 1945, p. 57. Выражение *«гурдский* пиастр» (*piastre gourde*), или «жирный пиастр», происходит от испанского *gorda* — «жирный».

[163] Léon P. *Marchands et spéculateurs dauphinois dans le monde antillais, les Dolle et les Raby*. 1963, p. 130.

[164] См. Crouzet F. в: Higounet Ch. *Histoire de Bordeaux*, t. V, 1968, p. 224; см. Léon P. в: Braudel F., Labrousse E. *Histoire économique et sociale de la France*. II. 1970, p. 502, figure 52.

[165] Rambert G. *Histoire du commerce de Marseille*, VI, p. 654—655.
[166] См. Crouzet F. в: "*Histoire de Bordeaux*", p. 230, note 40.
[167] Léon P. *Op. cit.*, p. 56.
[168] Buist M. G. *At spes non fracta, Hope et Co, 1770—1815*. 1974. p. 20—21.

Таким же был разрыв в Марселе [165]. Нет ли здесь противоречия? Если товарный баланс складывался подобным образом к выгоде Островов, они должны были бы пребывать в состоянии полного процветания. А затем из Франции как компенсация должны были бы поступать деньги. Но ведь Сан-Доминго, если касаться только его, постоянно терял свои пиастры: приходя контрабандным путем из близлежащей Испанской Америки, они лишь проходили через остров и — странное дело! — после 1783 г. в огромных количествах отправлялись в Бордо [166]. Кажущийся парадокс — не возникал ли он из-за того, что баланс подводился во французских портах и в местных ценах? Если проделать тот же расчет, перебравшись на Острова, то масса французских изделий, которые там сбывались, составляла куда более крупную сумму, чем в Бордо, в то время как колониальный экспорт до своей отправки в метрополию имел меньшую стоимость: она прибавит к закупочным ценам транспортные издержки, комиссионные и т. п. Следовательно, разрыв между двумя цифрами оказывается меньшим.

Нужно также отметить искусственную разницу между расчетными денежными единицами: «колониальный ливр» ценился на 33% ниже ливра метрополии. Наконец, на баланс счетов влияла отправка денег семьям колонистов, остававшимся во Франции, и собственникам-абсентеистам. И тем не менее и с этой точки зрения главным моментом, разумеется, оставался момент финансовый — выплата процентов и возвращение займов.

В общем и целом плантаторы были охвачены системой обменов, которая отстраняла их от больших прибылей. Любопытно, что уже сицилианские сахарные плантации в XV в., невзирая на вмешательство генуэзского капитализма или же по причине этого вмешательства, были, по словам Кармело Трасселли, машинами для выбрасывания денег.

Оглядываясь назад, немного жалеешь стольких покупателей плантаций, порой состоятельных купцов, строивших воздушные замки. «В конечном счете, дорогой мой друг,— писал гренобльский купец Марк Доль своему брату,— я выпотрошил свой бумажник, чтобы отправить тебе эти [деньги]... и у меня нет больше свободных средств... Я уверен, что, ссудив тебе твой взнос [в покупку огромной плантации], я составлю состояние тебе и приумножу свое собственное» (10 февраля 1785 г.) [167]. Потом наступало разочарование. Братья Пелле, о которых мы говорили, начинали создавать свое огромное состояние на Мартинике не как плантаторы, а как купцы — поначалу мелкие лавочники, а в конце концов крупные негоцианты. Они сумели сделать верный выбор и вовремя возвратиться в Бордо, к его господствующим позициям. Тогда как амстердамские заимодавцы, которые полагали, что, авансируя плантаторов датских или английских колониальных островов, они могут себя чувствовать так же надежно, как если бы давали эти авансы негоциантам своего города, в один прекрасный день испытали неприятную неожиданность, сделавшись собственниками заложенных плантаций [168].

ПЛАНТАЦИИ ЯМАЙКИ

То, что случилось на английской Ямайке, перекликается с тем, что мы сказали о Сан-Доминго. На английском острове мы снова обнаруживаем *«Большой дом»* (*Great House*), черных невольников (9 или 10 на одного белого), вездесущий сахарный тростник, эксплуатацию со стороны купцов и капитанов кораблей, колониальный фунт, стоящий меньше фунта стерлингов (английский фунт стоил 1,4 фунта ямайского), пиратство и грабежи, жертвой которых на сей раз была Англия, а агрессором — французы (но в Карибском море ни те ни другие не смогли окончательно взять верх). Мы вновь обнаруживаем также бедствия и угрозу со стороны беглых рабов, «марунов», которые укрывались в горах острова, а иногда появлялись с прилегающих островов. Общая ситуация во время Марунской войны (*Maroon War*) 1730—1739 гг. была с этой точки зрения весьма критической [169].

На этом по тогдашним масштабам большом острове свободно развивались крупные хозяйства, в особенности начиная с 1740—1760 гг., отмеченных началом великого «сахарного взлета» [170]. Как и на французских островах, тогда отошли на задний план семейства первоначальных колонистов, зачастую собственными руками возделывавших небольшие табачные, хлопковые, индиговые плантации. Сахарный тростник требовал больших капиталовложений. Настало [время] пришествия обладателей крупных капиталов и хозяев больших имений. Статистические данные создают даже образ среднего имения, более обширного и более богатого, с большим числом невольников, нежели на Сан-Доминго. Оставалось, однако, фактом, что этот остров, снабжаемый солониной и мукой англичанами или же из английских колоний в Америке и имевший задачей поставлять Англии добрую половину ее сахара, поставлял его по более высоким ценам, чем те, что существовали на Сан-Доминго и других французских островах.

Во всяком случае, Ямайка, как и прочие сахарные острова, была машиной для создания богатства, машиной капиталистической и на службе у богачей [171]. Одни и те же причины влекли за собой одни и те же следствия, все происходило примерно так же, как и на Сан-Доминго, т. е. основная часть богатства, произведенного в колонии, присоединялась к богатству метрополии. Прибыли плантаторов должны были равняться самое большее 8—10% [172]. Главная доля [прибылей] импортной и экспортной торговли (не говоря уж о доходах от работорговли, которая велась только Англией) «возвращалась и обращалась в королевстве» и приносила ему те же прибыли, «что и коммерция национальная, как если бы американские колонии были в некотором роде прицеплены к Корнуоллу». Высказывание это принадлежит Бёрку [173], защитнику [идеи] полезности вест-индских островов для английской экономической жизни, усиленно привлекавшему внимание к тому, что в данном случае было обманчивого в балансовых цифрах.

В самом деле, *торговый* баланс Ямайки, даже подсчитанный в колониальных фунтах, давал очень небольшую выгоду острову — 1336 тыс. фунтов против 1335 тыс. Но по меньшей мере половина стоимости импорта и экспорта незримыми путями ухо-

[169] Sheridan R. B. *The Wealth of Jamaica in the Eighteenth Century.— "Economic Historical Review"*, 1965, vol. 18, № 2, p. 297.
[170] Ibid., p. 296.
[171] Pares R. *The Historian's Business and other essays*. Oxford, 1961; idem. *Merchants and Planters.— "Economic Historical Review."* Supplement № 4. Cambridge, 1960 (цит, у: Sheridan R.B. *Op. cit.*).
[172] Sheridan R. B. *Op. cit.*, p. 305.
[173] *Ibid.*, p. 304.



Английские негоцианты на Антильских островах, упаковывающие свои товары. Заставка, иллюстрирующая карту Антильских островов. «Королевский атлас» (“Atlas royal”) Германа Молля 1700 г. *Фототека издательства А. Колэн.*

дила в метрополию (фрахт, страхование, комиссионные, проценты по долгам, переводы средств не жившим на островах собственникам). В целом выгода для Англии должна была составить в 1773 г. около полутора миллионов фунтов. В Лондоне, как и в Бордо, прибыли от колониальной торговли превращались в торговые дома, в банки, в государственные бумаги. Они поддерживали могущественные семейства, самые активные представители которых встречались в палате общин и в палате лордов. Однако же было несколько семей очень богатых колонистов, но они, как будто по воле случая, не были только плантаторами: они выступали в роли банкиров для других плантаторов, обремененных долгами; семейными узами они были связаны с лондонскими купцами (в тех случаях, когда не их собственные сыновья занимались в Лондоне продажей продукта плантации, производя там же необходимые закупки и служа комиссионерами для обитателей Ямайки). В общем, семьи эти объединяли в своих руках выгоды сахарного производства, крупной торговли, комиссионных услуг и банковской деятельности. Ничего нет удивительного в том, что, обосновавшись в Лондоне и издалека управляя своими поместьями на Островах или же перепродавая их, они способны были в широких масштабах вкладывать свои капиталы в Англии, и не только в крупную торговлю, но и в передовую агрикультуру и в разные отрасли промышленности [174]. Как и братья Пелле, эти плантаторы поняли, что для того, чтобы зарабатывать деньги в колониях, нужно находиться именно в метрополии!

Нужно ли продолжать примеры, обращаясь то к виргинскому табаку, то к кубинским стадам или к плантациям какао в Венесуэле, когда в 1728 г. была основана Каракасская компания [175]? Это означало бы демонстрировать сходные механизмы. Если мы хотим избежать этих однообразных историй, надлежит идти туда, где вдали от небескорыстного внимания европейских купцов в одиночестве продвигались вперед дикие страны Америк, каждая со своею судьбой: в Бразилию, вокруг Сан-Паулу, откуда будут отправляться *бандейры*, эти экспедиции во внутренние районы в поисках золота и рабов; во внутренние районы Баии, вдоль долины Сан-Франсиску — «Коралловой реки» (*O rio dos currais*),— вмещавшие колоссальные стада быков; в аргентинскую пампу в первые годы ее «европейской» участи или еще на юг Венесуэлы, в *льянос* * бассейна Ориноко, где сеньеры испанского происхождения, с их бесчисленными стадами, и конные пастухи (индейцы или метисы, потомки индейцев и белых) образовали

[174] Sheridan R. B. *Op. cit.*, p. 306 f.

[175] Hussey R.D. *The Caracas Company 1728—1784.* 1934.

* *Льяно* — плоская безлесная равнина в северных областях Южной Америки.— *Прим. перев.*

подлинное сеньериальное общество с его могущественными господскими семьями. То был «капитализм» на античный манер (где скот был равнозначен деньгам), даже первобытный, который мог очаровать Макса Вебера, одно время им интересовавшегося.

ВЕРНЕМСЯ В СЕРДЦЕ ЕВРОПЫ

«Сердцем Европы» я называю западную оконечность континента, по эту сторону некоей линии Гамбург — Венеция. Эта привилегированная Европа слишком была открыта эксплуатации со стороны городов, буржуазии, богачей и предприимчивых сеньеров, чтобы капитализм не оказался сотнями путей замешан в деятельности и структуре очень древних деревень Запада.

Можно ли, чтобы составить ясную схему, поступить как математики и предположить, что задача решена? В крестьянской и сеньериальной Европе капитализм представал как новый порядок, который отнюдь не всякий раз торжествовал — нет, но он одерживал верх в некоторых специфичных областях. Итак, начнем с этих областей, с этого удавшегося опыта, ибо задача, решение которой мы ищем, там бывала решена.

Англия — модель, которая приходит на ум с самого начала. Мы не станем на ней здесь задерживаться, так как у нас будет еще случай вернуться к ней позднее. Будучи сведена к главным своим чертам, английская модель послужит лишь точкой отсчета при размещении тех особых случаев, на которых мы остановимся. Вполне понятно, что эта английская революция [в хозяйстве] потрясла не весь остров, где даже к 1779 г. и в таких развитых графствах, как Эссекс и Суффолк, сохранялись в стороне от крупных торговых путей отсталые районы, иные из них — архаичные [176].

Итак, возьмем как пример район, где новизна, бесспорно, возобладала,— скажем, Норфолкшир в Восточной Англии. Верон де Форбоннэ в статье «Земледелие» в «Энциклопедии» как раз в рамках Норфолка описывал чудеса земледельческой экономики, которую он предлагал в качестве образца [177]: известкование земель и их удобрение мергелем, *paring* (т. е. расчистка участков медленным выжиганием дерна), введение кормовых корнеплодов, распространение культурных лугов, развитие дренажа, лучшее удобрение земель навозом, особое внимание к селекции в животноводстве, дальнейшее развитие *огораживаний* и, как следствие, расширение владений, те способы, какими эти последние окружаются по своим границам живыми изгородями, что как раз подчеркивало и делало всеобщим сходство этой английской деревни с рощами. Прочие черты, над которыми стоит задуматься, таковы: сверхобилие и качество инвентаря, благожелательное отношение земельной аристократии, давнее наличие крупномасштабной аренды, раннее становление капиталистических цепочек хозяйствования, льготные условия кредита, снисходительность правительства, которое не столько заботилось о надзоре за рынками и их регламентации, сколько о производительности и о снабжении городов и которое посредством скользящей шкалы цен благоприятствовало экспорту зерна и субсидировало его.

[176] Beckmann J. *Beiträge zur Oekonomie, Technologie, Polizei und Cameralwissenschaft, 1779—1784*, I, S. 4. Об этом разнообразии земельных отношений в Англии см.: Thirsk J. в: *Agrarian History of England*, p. 8 f. и passim.

[177] *Encyclopédie*, t. IV, 1754, col. 560 sq.

Более всего значительны по своим последствиям были следующие отличительные черты этой эволюции:

1. Исчезновение в развитых английских деревнях сеньериальной системы, которая очень рано начала сходить на нет. Что усиленно подчеркивал К. Маркс. «Во время реставрации Стюартов,— писал он,— земельные собственники... уничтожили феодальный строй поземельных отношений, т. е. сбросили с себя всякие повинности по отношению к государству, «компенсировали» государство при помощи налогов на крестьянство и остальную народную массу, присвоили себе современное право частной собственности на поместья, на которые они имели лишь феодальное право» [178]. Стало быть, традиционный образ жизни был выброшен вон.

[178] Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.*, т. 23, с. 734.

2. Уступка земельных владений в аренду капиталистическим фермерам, которые и обеспечивали хозяйствование на них на свой страх и риск.

3. Обращение к услугам наемных работников, которые приобретали облик пролетариев: своим нанимателям они могли продать только свою рабочую силу.

4. Разделение труда по вертикали: собственник уступает землю и получает свою арендную плату; фермер играет роль предпринимателя; наемный работник замыкает цепочку.

Если мы будем держаться этих критериев, то обнаружим в истории континента примеры, которые в большей или меньшей мере походят на английскую модель, что мимоходом доказывает, что земледельческая революция в такой же мере была явлением [обще]европейским, как и промышленная революция, что будет ее сопровождать.

Последовательность, в какой будут рассмотрены следующие примеры — область Бри (XVII в.), Венеция (XVIII в.), Римская Кампания (начало XIX в.), Тоскана (XV—XVI вв.),— сама по себе значения не имеет. И наше намерение — не изучать эти разные случаи ради них самих и не стараться найти, из чего бы составить исчерпывающий перечень для Европы. Мы хотим только наметить какую-то схему рассуждений.

ВБЛИЗИ ПАРИЖА: БРИ ВО ВРЕМЕНА ЛЮДОВИКА XIV

На протяжении веков городская собственность пожирала вокруг Парижа крестьянскую и барскую землю [179]. Иметь загородный дом; обеспечить себе оттуда регулярное снабжение — зерном, дровами к зиме, птицей, фруктами; наконец, не платить ввозные пошлины у городских ворот (ибо это было правилом, когда имелась надлежащим образом зарегистрированная декларация о собственности) — все это следовало традициям руководств по ведению совершенного домашнего хозяйства, широко распространенных почти повсюду, особенно в Германии, где «литература отцов семейств» (*Hausväterliteratur*) была очень многоречива, но и во Франции тоже. «Земледелие и деревенский дом» (*“Agriculture et la maison rustique”*) — книга Шарля д'Эстьенна, вышедшая в 1564 г., исправленная и дополненная его зятем Жаном Льебо,—

[179] Ср.: Jacquart J. *La Crise rurale en Ile-de-France, 1550—1670.* 1974.

[180] Bourde A. *Op. cit.*, I, p. 59.
[181] Mireaux E. *Une Province française au temps du Grand Roi, la Brie.* 1958.
[182] *Ibid.*, p. 97.
[183] *Ibid.*, p. 103.
[184] Ibid., p. 299.
[185] *Ibid.*, p. 145 sq.
[186] Люблинский В. С. *Вольтер и Мучная война.*— В кн.: *В память акад. Е. В. Тарле.* М., 1957; перевод на французский яз. см.: Lublinsky V. S. *Voltaire et la guerre des farines.— "Annales historiques de la Révolution française"*, 1959, p. 127—145.
[187] См. Goubert P. в: Braudel F., Labrousse E. *Histoire économique et sociale de la France*, II, p. 145.

познает с 1570 по 1702 г. 103 переиздания [180]. Скупка буржуазией земель, порой просто клочков земли, плодовых садов, огородов, лугов, а то и настоящих деревенских имений наблюдается вокруг всех крупных городов.

Но у ворот Парижа, на глинистом плато Бри, это явление имело иной смысл. Городская земельная собственность, собственность *крупная*, дворянская ли, буржуазная ли, красовалась под здешним солнцем еще до начала XVIII в. [181] Герцог де Виллар, «каковой при Регентстве живет в своем замке Во-ле-Виконт, сам использует только 50 арпанов земли из 220 арпанов, коими владеет... Владелец же фьефа Ла-Коммюн в приходе Экрен, живущий [там] буржуа, собственник 332 арпанов... оставил за собой возделывание лишь примерно 21 арпана» [182]. Таким образом, практически эти имения не обрабатывались их собственниками; ими занимались крупные арендаторы, которые в большинстве случаев соединяли в своих руках земли *нескольких* собственников — пяти, шести, а то и восьми. В центре их хозяйств возвышались большие фермы, какие можно видеть еще и сегодня, «обнесенные высокими стенами — память неспокойных времен... [со своими] строениями, размещенными вокруг главного внутреннего двора... Вокруг каждой из этих ферм — скопление нескольких домишек, лачуг (*"masures"*), окруженных садами и небольшими участками земли, в которых обитала мелкота, поденщики, продававшие фермеру свой труд» [183].

По этим признакам вы узнаете «капиталистическую» организацию, ту самую, какую вызвала к жизни Английская революция: собственник, крупный арендатор, сельскохозяйственные рабочие. За исключением того — и это важно!— что с точки зрения *технологии* здесь ничто не изменится вплоть до XIX в. [184] И за тем исключением, что несовершенная организация этих производственных единиц, их зерновая специализация, высокий процент собственного потребления и высокие арендные платежи делали такие единицы чрезмерно чувствительными к курсу [цен] на зерно. Его понижение на два-три пункта на мелёнском рынке — и вот уже затруднения, даже банкротство, если слишком много плохих урожаев или годов с низкими ценами следовали один за другим [185]. И тем не менее этот арендатор был новой фигурой, обладателем долго накапливаемого капитала, который делал из него уже предпринимателя.

Во всяком случае, мятежники времени «Мучной войны» 1775 г. не впадут в заблуждение на этот счет: свое озлобление они обратят именно на крупных арендаторов вокруг Парижа и в других местностях [186]. Тому было по меньшей мере две причины: с одной стороны, крупное хозяйство, предмет зависти, почти всегда было делом арендатора; с другой стороны, последний был истинным хозяином деревенского мирка, так же точно, как и живший на своей земле сеньер, а может быть, и в большей степени, ибо арендатор был ближе к крестьянской жизни. Он был одновременно и обладателем запасов зерна на складах, и работодателем, и кредитором или ростовщиком; а зачастую собственник поручал ему «сбор чиншей, шампара, баналитетов и даже десятины... Во всем Парижском районе [эти арендаторы] с дорогой душой выкупят с наступлением Революции имущества своих прежних господ» [187].

Там речь шла о капитализме, который пытался прорасти изнутри. Немного терпения — и все ему удастся.

Суждение наше было бы еще яснее, если бы нам было дано лучше увидеть этих крупных арендаторов, узнать их жизнь, судить *de visu* об их отношении к своим слугам, конюхам, пахарям или возчикам. Возможность к тому предоставляет нам (а затем лишает нас ее) начало «Журнала» (“*Cahiers*”) капитана Куанье, который родился в 1776 г. в Дрюи-ле-Бель-Фонтен, в нынешнем департаменте Йонна, но накануне или же в начале Революции находился на службе у крупного торговца лошадьми в Куломье, вскоре оказавшегося связанным со службами ремонта [кавалерии] революционной армии. Купец этот имел луга, пахотные земли, арендаторов, но рассказ не позволяет нам судить об его действительном положении [188]. Был ли он прежде всего купцом? Земельным собственником, ведшим собственное хозяйство? Или же рантье, сдававшим в аренду свои земли? Вне сомнения, и тем, и другим, и третьим одновременно. Он, бесспорно, вышел из среды крупных зажиточных крестьян. Его отеческое, ласковое отношение к своим работникам, большой стол, за которым собирались все, с хозяином и его женой, сидящими во главе его, «хлеб, белый как снег»,— все это очень напоминает [прошлое]. Молодой Куанье побывал на одной из больших ферм этих мест; он восхищается молочным заводом, где «повсюду краны», столовой, где все сверкает чистотой — кухонная утварь, стол, до блеска натертый воском, как и скамейки. «Каждые две недели, говорит хозяйка дома, я продаю повозку сыров; у меня 80 коров». К сожалению, эти картины остаются краткими, а старый воин, писавший эти строки, излагает свои воспоминания торопливо.

[188] «Журнал» издан Жаном Мистлером (Mistler J.) в 1968 г., р. 40, 46.

ВЕНЕЦИЯ И ЕЕ МАТЕРИКОВЫЕ ВЛАДЕНИЯ (*TERRA FERMA*)

Со времени завоевания своих владений на материке Венеция в начале XV в. сделалась великой земледельческой державой. И до этого завоевания ее патриции владели землями, скажем, «за Брентой», на богатой падуанской равнине. Но с завершением XVI в. и в особенности после кризиса первых десятилетий века XVII патрицианское богатство, испытав подлинный переворот, покинуло сферу крупной торговли и решительным образом обратилось в сторону земледельческого хозяйства.

Зачастую патриций получал свою землю за счет крестьянской собственности,— история давняя и банальная — настолько, что с XVI в. аграрные преступления (против собственника, его семьи, его имущества) были частым явлением. Во время подчинения материковых земель патриций использовал к своей выгоде конфискации, производившиеся Синьорией, и последующие распродажи [конфискованного]. И все больше и больше новых земель получали посредством мелиоративных работ, которые позволяли с помощью каналов и шлюзов осушать заболоченные земли. Эти улучшения земель с помощью или под наблюдением государства и с участием, отнюдь не всегда теоретическим, деревенских общин были типично капиталистической операцией [189]. Ничего

[189] Braudel F. *Médit...*, I, p. 70 sq.

нет удивительного в том, что в итоге этого продолжительного опыта в век Просвещения Венеция, обильная травами, стала центром непрерывной сельскохозяйственной революции, явным образом ориентировавшейся на животноводство и на производство мяса [190].

Так, за рекой Адидже, напротив Ровиго, возле деревни Ангуиллара, старая патрицианская фамилия Трон владела 500 гектарами в едином массиве. В 1750 г. там работало 360 человек (в том числе 177 постоянно, а 183 — нанятых на короткий срок в качестве наемных работников (*salariati*)) артелями самое большее по 15 человек. Следовательно, то было капиталистическое хозяйство. Относительно этого слова Жан Жоржелен пишет: «Мы не впадаем в анахронизм. Слово это широко употреблялось в XVIII в. в Венеции (и в Пьемонте). Мэры области Бергамо — полуграмотные, чему доказательство их письма,— без колебаний отвечали утвердительно на заданный в опросном листе подесты * Бергамо вопрос: *«Есть ли там у вас капиталисты?»* (*"Vi sono capitalisti qui?"*) И под капиталистом они понимали человека, который являлся извне, дабы со своими собственными капиталами заставить работать крестьян» [191].

Ангуиллара была своего рода земледельческой мануфактурой. Все там протекало под надзором управляющего. Руководители артелей не делали ни малейшей поблажки наемным работникам, которые имели право лишь на часовой перерыв в день: надсмотрщик следил за этим «с часами в руке» (*"orologio alla mano"*). Все производилось методично и дисциплинированно: поддержание в порядке канав, голубятен, уход за тутовыми деревьями, перегонка плодов на вино, рыбоводство, раннее — в 1765 г. — введение культуры картофеля, сооружение дамб, дабы защититься от опасных вод Адидже или даже для отвоевания у нее новых земель. «Хозяйство — это улей, не перестающий гудеть даже зимой» [192]: работа мотыгой, отвальным плугом, заступом, но также и глубокая вспашка и вспашка оборотная, выращивание пшеницы (урожайность от 10 до 14 центнеров с гектара), кукурузы и особенно конопли; наконец, интенсивное разведение крупного рогатого скота и овец. Большие урожаи — а значит, и большие прибыли — вполне очевидно варьировали в зависимости от года. В кризисном 1750 г. прибыль (без учета амортизационных расходов) составила 28—29%. Но в превосходном 1763 г. она достигла 130%! На хороших почвах Бри между 1656 и 1729 гг. прибыль в хороший год едва превышала 12%, если подсчеты верны [193].

Эти недавно установленные факты обязывают пересмотреть наши взгляды в том, что касается Венеции. Это обращение патрицианских состояний к шелковице, к рису, к пшеничным и конопляным полям материковых владений не было всего лишь «вложением-убежищем» после оставления крупной торговли, сделавшейся затруднительной и ненадежной с конца XVI в., с усилением среди прочих опасностей и морского разбоя в Средиземноморье. Впрочем, благодаря иноземным кораблям Венеция оставалась очень оживленным портом, в XVII в., может быть, еще самым посещаемым на Средиземном море. Следовательно, [торговые] дела не пресеклись в одночасье. Именно подъем сельскохозяйственных цен и прибылей толкнул венецианский капитал в

[190] Georgelin J. *Venise au siècle des Lumières.* 1978. p. 232 sq.

* Подеста́ — глава городского самоуправления и судья в городах средневековой Италии.— *Прим. перев.*

[191] Georgelin J. *Une grande propriété en Vénétie au XVIII^e siècle: Anguillara.*— *"Annales E. S. C."*, 1968, p. 486, note 1.

[192] *Ibid.*, p. 487.

[193] Mireaux. *Op. cit.*, p. 148 sq.

сторону суши. В самом деле, здесь земля не давала дворянства: дело заключалось только в капиталовложениях, в продажах, в доходах.

Несомненно, играли роль также и вкусы: если во времена Гольдони венецианские богачи забрасывали свои городские дворцы ради вилл, которые были настоящими сельскими дворцами, то отчасти это было вопросом моды. В начале осени Венеция богачей обезлюдевала: «настойчиво и не без успеха стремились к деревенской жизни, к сельским балам, к обедам под открытым небом». Об этом нам поведало столько описаний и рассказов, что им следует верить. Все было «искусственным» в этих слишком красивых домах, в их разукрашенных залах, пышных обедах, в их концертах, театральных представлениях, в их садах, лабиринтах, подстриженных [живых] изгородях, аллеях, окаймленных статуями, в их избыточно многочисленной прислуге. Словно образы для фильма, который бы нас очаровал. Вот последний: знатная дама после визита соседям возвращается домой уже ночью со своей собачкой, своими слугами, «опираясь на руку своего аббата... который освещал дорогу фонарем» [194]. Но разве же увидеть эти пышные дома — это все? При них были погреба, маслодавильни, амбары; они также были центрами сельскохозяйственных работ, местами надзора за ними. В 1651 г. в Венеции вышла книга под многозначительным названием *"L'Economia del cittadino in villa"* — переведем это вольно как «Экономика горожанина в сельской местности». Ее автор, врач Винченцо Танара, написал одну из самых прекрасных книг «деревенского жанра», когда-либо выходивших в свет. Он включил туда множество разумных советов новому собственнику, прибывающему на свои земли, чтобы тот наилучшим образом выбирал местоположение своей виллы, климатические условия и водные источники по соседству с нею. Пусть он подумает о том, чтобы выкопать пруд, дабы разводить линей, окуней, усачей: в самом деле, разве существует лучший способ недорого кормить свое семейство и с небольшими затратами изыскивать *companatico* — еду, потребляемую вместе с хлебом,— столь необходимую для батраков? Ибо в деревне дело было также и в том, и прежде всего в том, чтобы заставить трудиться других.

И значит, в любопытном письме Андреа Трона к своему приятелю Андреа Квирини от 22 октября 1743 г. содержалась немалая доля самообольщения. Писавший его молодой патриций много времени провел в Голландии и в Англии. «Скажу я тебе... что они [люди, правящие Венецией, такие же патриции, как и он] могут издавать какие только пожелают указы, [но] они никогда ничего не добьются в делах коммерции в нашей стране... Не может быть полезной государству торговля там, где не предаются ей самые богатые. Следовало бы убедить дворянство в Венеции помещать свои деньги в крупную торговлю... вещь, которую им ныне невозможно внушить. Все голландцы — купцы, и сие главная причина, по коей их коммерция процветает. Проникнет... сие умонастроение в нашу страну — и мы весьма скоро увидим, как возродится большая торговля» [195]. Но с чего бы патриции стали отказываться от спокойного занятия, приятного и доставлявшего им солидные доходы, ради того, чтобы пускаться в морские предприятия,

[194] Molmenti P. *La Vie privée à Venise.* 1896, p. 138 sq., 141.

[195] См.: Georgelin J. *Venise au siècle des Lumières,* p. 758—759.



Прогулка втроем. Венецианская картина Дж. Тьеполо. XVIII в. *Фото О. Бёма.*

сулившие, вероятно, меньшие и ненадежные прибыли, коль скоро хорошие рынки не были теперь свободны? Им и в самом деле было бы трудно вновь захватить левантинскую торговлю, все нити которой с некоторого времени держали в руках иноземцы или же еврейские купцы и венецианская буржуазия из «горожан» (*cittadini*). Однако молодой Андреа Трон не был [так уж] не прав: отказаться от заботы о крупной торговле и от денежных операций

в пользу тех, кто не были «самыми богатыми» в городе, означало выйти из великой международной игры, в которой Венеции некогда принадлежали первые роли. Если сравнивать участь Венеции с судьбою Генуи, то *в долговременном плане* город св. Марка наверняка сделал не лучший капиталистический выбор.

РИМСКАЯ КАМПАНИЯ В НАЧАЛЕ XIX В.: СЛУЧАЙ, ОТКЛОНЯЮЩИЙСЯ ОТ НОРМЫ

С течением веков обширная Римская Кампания несколько раз изменит свой облик. Почему? Потому, несомненно, что там строили на пустом месте. Симонд де Сисмонди увидел ее в 1819 г. и описал в качестве восхитительного примера разделения труда [196].

Немногочисленные конные пастухи в лохмотьях и овчинах, кое-какие стада, несколько кобыл с их жеребятами и редкие, отстоявшие на большом расстоянии друг от друга обширные фермы — обычно это было все, что замечали, живя в деревенской местности, пустынной, насколько хватает взгляд. Ни пашни, ни деревень; колючий кустарник, дрок, дикая, пахучая растительность непрестанно наступали на свободную землю и медленно, упорно уничтожали пастбища. Чтобы бороться с этим растительным бедствием, арендатору приходилось через правильные промежутки времени распахивать целину; за распашкой следовал посев пшеницы. То был способ воссоздать на несколько лет пастбище. Но как было в такие чрезвычайные годы выполнять тяжкие работы, от вспашки нови до жатвы, в области, где отсутствовали крестьяне?

Решение было найдено — прибегнуть к приходящей извне рабочей силе: к более чем «десяти классам работников», классам разным, коих «названья невозможно было бы передать ни на каком языке... [для некоторых работ] — поденщики, что спускаются с гор Сабине; [для других] — работники, приходящие из Марке и Тосканы; и особенно самые многочисленные — лица, прибывающие из Абруцц; наконец, для... копнения соломы и [метания стогов сена] используют также бездельников с римских площадей (*piazzaiuoli di Roma*), каковые почти ни к чему более не пригодны. Сие разделение труда позволило применять самые тщательные приемы земледелия; хлеба пропалывают по меньшей мере дважды... а иногда и более; и всякий, упражняясь в какой-то отдельной операции, проделывает ее с большею быстротой и точностью. Почти все эти работы выполняются на подряде под надзором большого числа приказчиков и их помощников; но всегда арендатор предоставляет питание, ибо работник не имел бы возможности раздобыть его в этой пустыне. Арендатор должен выдавать каждому работнику одну меру вина, хлеба на 40 *байокко* * в неделю и три фунта какого-либо продовольствия, вроде солонины или сыра. Во время зимних работ эти работники ночуют в *casale* — просторном строении без всякой мебели, каковое находится в центре громадного хозяйства... Летом же они спят там, где работают, чаще всего под открытым небом».

[196] Simonde de Sismondi J. C. L. *Nouveaux Principes d'économie politique ou de la richesse dans ses rapports avec la population* (1819). 1971, p. 193.

* *Байокко* — мелкая монета (5 чентезимо), чеканенная в папских владениях.— *Прим. перев.*

Вполне очевидно, что картина эта неполна. То ведь путевые впечатления. Пораженный в высшей степени живописным зрелищем, Сисмонди не увидел многочисленных теневых сторон, даже малярии, весьма губительной в этих местах, слабо удерживаемых человеком. Он никак не касается серьезного вопроса о системе собственности. А ведь последняя была любопытной, и к тому же проблемы, какие она ставила, выходили за рамки Агро Романо. Землями вокруг Рима владели крупные бароны и шесть десятков религиозных учреждений. Зачастую это бывали обширные имения, такие, как у князя Боргезе, герцога Сфорца, маркиза Патрици [197]. Но ни бароны, ни благочестивые заведения не вели сами хозяйство на своих землях. Все оказалось в руках нескольких крупных арендаторов, которых — и это любопытно!— именовали «деревенскими негоциантами (или купцами)» (*negozianti (mercanti) di campagna*). Их было едва ли больше дюжины, и они образовали некое сообщество, которое еще будет действовать в XIX в. Очень разные по социальному происхождению — купцы, адвокаты, маклеры, сборщики налогов, управляющие имениями,— эти арендаторы в действительности не были похожи на английских фермеров. Ибо если они и оставляли довольно часто в своем прямом пользовании лучшие земли, то в общем-то они имели дело с многочисленными мелкими субарендаторами и даже с пришлыми пастухами и крестьянами. Желая быть свободными в своих действиях, они систематически выживали крестьян — владетелей старинных держаний [198].

Здесь идет речь об очевидном капиталистическом вторжении, ясно обозначившемся к середине XVIII в.; Римская Кампания была его примером в числе нескольких других [таких же] в Италии. Явление это имело место в некоторых районах Тосканы, в Ломбардии или в Пьемонте, охваченном в XVIII в. широчайшими преобразованиями. Эти крупные арендаторы (*appaltatori*) пользовались дурной славой у собственников [земель], у крестьян и у государства: их считали алчными спекулянтами, стремящимися извлечь как можно больше денег, и как можно быстрее, из земель, о сохранении плодородия которых они мало заботились. Но они были предвестниками будущего: они стояли у истоков крупной итальянской земельной собственности XIX в. Они также закулисно выступали как вдохновители аграрных преобразований, одновременно и благотворных и вредоносных, в последние годы XVIII в. Они стремились освободиться от старинной системы собственности, от держаний, майоратов и «права мертвой руки», чтобы вооружиться против привилегированных классов и против крестьян, а также и против государства, которое слишком строго надзирало за коммерциализацией [продукции]. Когда наступил «французский период» и едва только имущества прежних привилегированных сословий стали в массовом порядке выбрасываться на рынок, крупные арендаторы оказались в первых рядах их покупателей [199].

Интерес описания, данного Сисмонди, заключен в том образцовом примере подлинного и бесспорного разделения земледельческого труда, о котором обычно мало говорили и который представляла Римская Кампания. Адам Смит немного поспешил с решением проблемы: по его мнению, разделение труда действи-

[197] Reumont A. *Della Campagna di Roma*. 1842, p. 34—35, цит. у: Dal Pane. *Op. cit*., p. 53.
[198] Dal Pane. *Op. cit*., p. 104—105 (и прим. 25); Nicolai N. M. *Memorie, leggi ed osservazioni sulle campagne di Roma*. 1803, цит. у: Dal Pane. *Op. cit*., p. 53.
[199] *Ibid*., p. 106.

тельно для промышленности, но не для земледелия, где, как он полагал, одна и та же рука и сеет и пашет [200]. В действительности же при Старом порядке жизнь земледельца задавала сотню задач разом, и даже в самых развитых областях крестьянам приходилось, разделяя между собою все виды сельскохозяйственной деятельности, специализироваться на них. Требовались кузнец, тележник, шорник, плотник да плюс к ним неизбежный и необходимый башмачник. Вовсе не обязательно одна и та же рука сеяла и пахала, пасла стада, подрезала виноградную лозу и трудилась в лесу. Крестьянин, что валил лес, рубил дрова, заготовлял хворост, имел тенденцию к тому, чтобы быть самостоятельным действующим лицом. Ежегодно более или менее специализированная дополнительная рабочая сила стекалась для жатвы, обмолота или сбора винограда. Посмотрите, под началом «руководителя сбора винограда» (*"conducteur des vendanges"*) [работают] «срезчики, носильщики корзин и давильщики» (*"coupeurs, hotteurs et fouleurs"*). В случае распашки нови, как то происходило в Лангедоке на глазах у Оливье де Серра, работники разделялись на отдельные группы: лесорубов, выжигальщиков кустарника, пахарей с сохами и запряжками могучих быков, а затем «дубинщиков» (*"massiers"*), которые «разбивали в порошок не поддававшиеся обработке и слишком твердые комья земли» [201]. И наконец, всегда существовало великое разделение деревень по занятию скотоводством или земледелием: то были Авель и Каин, два мира, два разных народа, ненавидевшие друг друга, всегда готовые к столкновению. Пастухи бывали почти что неприкасаемыми. Фольклор до сего дня хранит следы этого. Например, в Абруццах народная песня советует крестьянке, полюбившей пастуха: *"Nenna mia, muta pensiere... 'nnanze pigghiate nu cafani ca è ommi de società"* («Смени затею, малышка, возьми лучше крестьянина, человека из порядочного общества!»), приличного человека, а не одного из этих «проклятых» пастухов, «которые не умеют есть из тарелки» [202].

[200] Смит. А. *Исследование о природе и причинах богатства народов.* М., 1935, I, с. 10—11.
[201] Serres O., de. *Le Théâtre d'agriculture et mesnage des champs.* 3e éd. 1605, p. 74.
[202] *I dischi del Sole.* Edizioni del Gallo. Milano, s. d.

ТОСКАНСКИЕ УСАДЬБЫ ИСПОЛУ (*PODERI*)

Под воздействием богатства флорентийских купцов тосканская деревня постепенно претерпела глубокие изменения. Деревеньки былых времен, раздробленные хозяйства малоземельных крестьян сохранились лишь высоко в горах и в нескольких труднодоступных зонах. В долинах же и на склонах холмов задолго до 1400 г. утвердилась испольщина (то была «усадьба исполу», *podere a mezzadria*, для краткости именовавшаяся «усадьба» — *podere*). Эта усадьба с одним держателем, по площади варьировавшая в зависимости от качества земли, возделывалась испольщиком и его семьей — таково было правило. В центре находился крестьянский дом с амбаром и конюшней, со своей печью для выпечки хлеба и своим гумном. От дома рукой подать было до пашни, виноградников, олив, выпасов и леса (*pascolo* и *bosco*). Хозяйство рассчитано было на то, чтобы приносить доход вдвое



Классический пейзаж тосканской деревенской местности: виноград, оливы и пшеница. С фрески «Доброе правление» (*“Buon Governo”*), украшающей Палаццо Чивико в Сиене. *Фото Ф. Куиличи.*

больший, нежели то, что было необходимо для жизни крестьянина и его семейства, ибо половина валового дохода шла собственнику земли (*oste*), а другая половина — испольщику (*mezzadro*). Порой хозяин имел возле дома крестьянина свою виллу, которая не всегда бывала роскошной. В своих «Воспоминаниях» (*“Ricordi”*), созданных между 1393 и 1421 гг., Джованни ди Паголо Морелли советует своим сыновьям: «Усвойте хорошенько, что вам самим надлежит ездить на виллу, обходить хозяйство, поле за полем, вместе с испольщиком, бранить его за плохо выполненные работы, оценивать урожай пшеницы, сборы вина, масла, зерна, плодов и прочего и сравнивать цифры предшествовавших лет со сборами этого года» [203]. Был ли уже этот мелочный надзор «капиталистической рациональностью»? Во всяком случае, это было усилие, направленное на доведение производительности до максимума. Испольщик со своей стороны обременял патрона просьбами и жалобами, заставлял его вкладывать средства, производить ремонт и при всяком случае к нему приставал. Донателло отказался от *podere*, которую ему предлагали и благодаря которой он мог бы жить «с удобствами». Был то поступок глупца

[203] Pagolo Morelli G., di. *Ricordi*. Ed. V. Branca, 1956, p. 234. Эта личная хроника относится к 1393—1421 гг.

или мудреца? Да он просто не желал, чтобы за ним три дня в неделю таскался «мужик» (*contadino*) [204].

В такой системе крестьянин, который все же располагал определенной инициативой, был обречен производить, как можно лучше использовать землю, выбирать самые доходные производства — масла, вина. И, как говорят, как раз конкурентоспособность усадьбы исполу обеспечила ей победу над старинными формами земледелия. Возможно, но успех в равной степени вытекал из того факта, что Флоренция располагала средствами для закупки пшеницы для себя на Сицилии, сохраняя собственные свои земли для более выгодных культур. Сицилийская пшеница несла свою долю ответственности за буржуазные успехи испольщины.

Кто бы не согласился с тем, что в известном смысле усадьба исполу была, как пишет Элио Конти, «произведением искусства, выражением того самого духа рациональности, который во Флоренции наложил свой отпечаток на столько аспектов экономики, политики и культуры в эпоху городских коммун»? [205] Тосканская деревня, ныне, увы, находящаяся на пути к исчезновению, была прекраснейшей в мире. В этом увидят если и не триумф капитализма, это было бы слишком сильно сказано, то по меньшей мере триумф денег, использовавшихся купцами, которые внимательно следили за прибылью и умели вести расчеты в категориях капиталовложений и доходности. Но пред лицом собственника (*oste*) отсутствовал крестьянин, лишенный средств производства; испольщик не был наемным работником. Он был непосредственно связан с землей, которую знал, за которой замечательно ухаживал и которая веками передавалась от отца к сыну. Обычно это бывал крестьянин зажиточный, хорошо питавшийся, живший в приличном, а то и в богатом доме, располагавший в изобилии бельем и одеждой, вытканными и изготовленными в доме. Свидетельств об этом довольно редком равновесии между собственником земли и тем, кто ее обрабатывает, между деньгами и трудом, имеется множество. Но нет недостатка и в диссонирующих нотках, и итальянские историки даже высказали мнение, что испольщина оставалась формой [эксплуатации], недалеко ушедшей от крепостничества [206]. На самом деле система, по-видимому, приходила в упадок на протяжении первой половины XVIII в. из-за общей [исторической] обстановки, увеличения налогов и спекуляции зерном.

Тосканский опыт привлекает также внимание к одному очевидному явлению: всякий раз, когда наблюдалась специализация на каких-то культурах (масло и вино в Тоскане, рис, орошаемые луга и тутовые деревья в Ломбардии, изюм на венецианских островах и в известном смысле даже пшеница на экспорт в крупных масштабах), земледелие обнаруживало тенденцию двинуться по пути капиталистического «предпринимательства». Потому что речь обязательно шла о превращении урожаев в доходы, зависевшем от большого рынка, внутреннего или внешнего, рынка, который рано или поздно заставит повышать производительность, добиваться ее. И вот другой пример — идентичный, несмотря на бросающиеся в глаза различия: когда

[204] Conti E. *La Formazione della struttura agraria moderna nel contado fiorentino*, I, p. 13.
[205] *Ibid*., p. 4.
[206] Zangheri R. *Agricoltura e sviluppo del capitalismo*.— *"Studi storici"*, 1968, № 34.

в XVII в. венгерские скотоводы отдали себе отчет в доходности экспорта крупного рогатого скота в Западную Европу и в важности этого рынка, они отказались от интенсивной эксплуатации своих земель и от производства собственной пшеницы. Они ее покупали [207]. И тем самым они сделали уже выбор в пользу капитализма. Точно так же, как и голландские животноводы, которые (несколько вынужденно) специализировались на молочных продуктах и массовом экспорте сыра.

[207] Сведения сообщены Л. Маккаи.

ЗОНЫ, ПРОДВИНУВШИЕСЯ ВПЕРЕД, БЫЛИ В МЕНЬШИНСТВЕ

Таким образом, существовали продвинувшиеся вперед зоны, которые были прообразом капиталистического будущего. Но в Европе преобладали зоны отстававшие, если можно так выразиться, или зоны стагнации: на их стороне был количественный перевес. В большинстве своем крестьянский мир оставался довольно далек от капитализма, от его потребностей, его порядка и его успехов. Наши затруднения — всего лишь трудности слишком богатого выбора при поиске и определении места таких областей, еще вовлеченных в прошлое, которое прочно держало их в руках.

Если отправиться на Юг Италии, то в Неаполе, после свирепого подавления восстания Мазаньелло * в 1647 г. и сопровождавшей его бурной и продолжительной жакерии, взору предстанет картина безжалостной рефеодализации [208]. Еще в первые десятилетия XVIII в., по словам Паоло Маттиа Дориа, очевидца того времени, порицавшего не феодальную систему, но злоупотребления ею, «барон имеет власть повергнуть в прах и разорить вассала, держать его в тюрьме, не дозволяя вмешательства губернатора или деревенского судьи; обладая правом помилования, он велит убивать, кого пожелает, и милует убийцу... Он злоупотребляет своей властью как против достояния своих вассалов, так и против их чести... Доказать преступление барона невозможно. Само правительство выказывает к могущественному барону... одну только снисходительность... Сии злоупотребления показывают, что иные бароны суть как бы государи на своих землях» [209]. Статистика это невероятное могущество подтверждает, ибо еще в век Просвещения в королевстве Неаполитанском феодальная юрисдикция осуществлялась почти повсеместно над более чем половиной населения, а в некоторых провинциях — над 70, 80 и даже 88% всего населения [210].

Невозможно отрицать, что еще в 1798 г., когда вышло в свет «Новое историческое и географическое описание Сицилии» Дж. М. Галанти, «вторичное закрепощение» прекраснейшим образом существовало на Сицилии. Накануне Французской революции вице-короли — реформаторы (Караччиоло и Караманико) смогли осуществить лишь мелкие реформы [211]. Другая область крепостничества или же псевдокрепостничества — Арагон, по крайней мере до XVIII в., настолько, что немецкие историки

* Мазаньелло (сокр. от Томмазо Аньелло) — рыбак, вождь народного антифеодального восстания в Неаполе в июле 1647 г., направленного главным образом против испанского господства.— *Прим. перев.*

[208] Villari R. *La Rivolta antispagnola a Napoli*. 1967.

[209] Цит. у: Villani P. *Feudalità, riforme, capitalismo agrario*. 1968, p. 55.

[210] *Ibid*., p. 97—98.

[211] Delumeau J. *L'Italie de Botticelli à Bonaparte*. 1974, p. 351—352.

говорят по поводу Арагона о *Gutsherrschaft* — поместном владении, т. е. о том же типе сеньерии, который обеспечил «вторичное закрепощение» за Эльбой. Так же точно и Юг Испании, где реконкиста утвердила систему крупного землевладения, оставался связан с прошлым. Следовало бы также отметить очевидное отставание горной Шотландии и Ирландии.

Короче говоря, именно на своей *периферии* Западная Европа яснее всего проявляла свое отставание, если исключить отклонявшееся от нормы положение Арагона (но надлежит заметить и то, что в сложном мире Пиренейского полуострова Арагон на протяжении столетий оставался маргинальным, периферическим явлением). Во всяком случае, если представить себе некую карту зон, продвинувшихся вперед — лишь нескольких, довольно ограниченных,— и зон отстававших, оттесненных к окраинам, то оставалось бы только закрасить особым цветом зоны стагнации или медленного развития, одновременно сеньериальные и феодальные, задержавшиеся в развитии и, однако же, если учитывать определенные видоизменения, пребывавшие в процессе медленной трансформации. В Европе, взятой как целое, доля аграрного капитализма в конечном счете оставалась малозначительной.

СЛУЧАЙ ФРАНЦИИ

Франция, взятая сама по себе, довольно хорошо демонстрировала сочетание этих смешений и противоречий европейского целого. Обычно все, что происходило в иных странах, протекало также и здесь, в той или иной из ее областей. Задаться вопросом по поводу той или иной ее области означало задаться им и по поводу какой-то из соседствующих с Францией стран. Итак, Франция XVIII в. была затронута аграрным капитализмом, конечно же, намного меньше Англии, но больше, нежели Германия между Рейном и Эльбой, и в такой же мере — и не более того!— как и современные области итальянской деревни, порой более продвинувшиеся вперед, чем ее собственные. Тем не менее она была менее отсталой, чем иберийский мир (если исключить Каталонию, пережившую в XVIII в. глубокую трансформацию, хотя сеньериальный порядок и сохранял там сильные позиции [212]).

Но если Франция и была образцом, особенно во второй половине XVIII в., то по своему прогрессивному развитию, по ожесточенности и изменению форм рождавшихся в ней конфликтов. Она определенно была тогда театром демографического подъема (около 20 млн. французов при Людовике XIV и, возможно, 26 млн. при Людовике XVI) [213]. Наверняка происходил рост доходов в сельском хозяйстве. Что земельный собственник вообще, а тем более собственник-дворянин желал бы получить свою долю этих доходов — что могло быть более естественным? После столь долгих лет принудительной скромности, с 1660 по 1730 г., земельная аристократия хотела бы быстро, настолько быстро, насколько только возможно, компенсировать предшествовавшее «воздержание», позабыть свой «переход через пустыню» [214]. От-

[212] Vilar P. *La Catalogne dans l'Espagne moderne*, t. II, p. 435.
[213] См. Goubert P. в: Braudel F., Labrousse E. *Op. cit.*, p. 12, 17.
[214] Meyer J. *La Noblesse bretonne au XVIII*[e] *siècle*. 1966, t. II, p. 843.



Богатый арендатор принимает своего хозяина.— Rétif. *Monument du costume*, гравюра с рисунка Моро-младшего, 1789 г. Здесь нет ничего от взаимоотношений сеньера и крестьянина. Сцена эта могла бы показаться происходящей в Англии. *Фото Бюлло.*

сюда и сеньериальная реакция, несомненно самая яркая, какую знала современная Франция. Для этой реакции хороши были все средства: законные — увеличивать, удваивать арендные платежи; незаконные — воскрешать старинные права собственности, перетолковывать двусмысленные пункты права (а таких было бесчисленное множество), переносить межи, пытаться разделить общинные угодья, множить число тяжб до такой степени, что крестьянин в своем озлоблении почти что ничего не увидит, кроме этих «феодальных» рогаток, укрепляемых ему в ущерб. И не всегда будет он замечать опасную для него эволюцию, бывшую подоплекой наступления земельных собственников.

Ибо такая сеньериальная реакция обусловливалась не столько

возвратом к традиции, сколько духом времени, новым для Франции «климатом» деловых афер, биржевой спекуляции, сногсшибательных вложений капитала, участия аристократии в торговле на дальние расстояния и в открытии рудников — тем, что я бы назвал в такой же мере капиталистическим соблазном, как и капиталистическим духом. Ибо настоящий аграрный капитализм, хозяйствование по-новому, на английский манер, были еще редки во Франции. Но дело шло к тому. Люди стали верить в землю как источник прибыли, верить в действенность новых методов ведения хозяйства. В 1762 г. вышла в свет имевшая огромный успех книга Депоммье «Искусство быстро разбогатеть посредством земледелия» (*"L'Art de s'enrichir promptement par l'agriculture"*), в 1784 г.— «Искусство приумножать и сохранять свое достояние, или Общие правила для управления земельным владением» (*"L'Art d'augmenter et de conserver son bien, ou règles générales pour l'administration d'une terre"*) Арну. Росло число случаев продажи и покупки имений. Земельная собственность оказалась затронута всеобщим спекулятивным безумием. Недавняя (1970 г.) статья Эберхарда Вайса посвящена анализу этой складывавшейся во Франции ситуации, которую исследователь рассматривает не только как сеньериальную, но и как капиталистическую реакцию [215]. Предпринимались постоянные усилия к тому, чтобы перестроить структуру крупной земельной собственности на основе *непосредственно управляемого имения* с постоянным вмешательством арендаторов или же самих сеньеров. Отсюда и волнения и возбуждение в крестьянском мире. И отсюда же — эволюция, рассматриваемая Вайсом по контрасту с положением немецкого крестьянства в междуречье Рейна и Эльбы, в областях «земельного владения» (*Grundherrschaft*), читай: сеньерии в классическом смысле слова. В самом деле, немецкие сеньеры не пробовали опереться на *резервные земли* (*réserve*) или на *ближний домен* (*domaine proche*) с тем, чтобы попытаться непосредственно взять в руки эксплуатацию своих земель. Они довольствовались тем, что жили на ренту с земель и уравновешивали свои затраты, поступая на службу к государю, например к герцогу-электору Баварскому. Тогда *резервные земли* делились на участки и сдавались в аренду крестьянам, которые с этого момента не ведали ни тревог, ни неприятностей, какие испытывал крестьянин французский. Впрочем, язык Французской революции, разоблачение привилегий дворянства и не найдут в Германии того отклика, который был, казалось бы, естественным. Так восхитимся же еще раз тем, что иностранный историк, на сей раз немецкий (подобно таким русским историкам-новаторам давнего и недавнего прошлого, как Лучицкий и Поршнев), поколебал в этом вопросе французскую историографию.

Недавняя (1974 г.) статья Ле Руа Ладюри, опираясь на превосходные монографические исследования, включая и его собственные, вносит нюансы в точку зрения Вайса [216]. Она старается точнее определить, в каких областях во Франции сеньериальная реакция приобретала новый облик. То, что имелись арендаторы-захватчики и [хозяйственно] активные

[215] Weiss E. *Ergebnisse eines Vergleichs der grundherrschaftlichen Strukturen Deutschlands und Frankreichs vom 13. bis zum Ausgang des 18. Jahrhunderts.— "Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte"*, 1970, S. 1—74.

[216] Le Roy Ladurie E. *Révoltes et contestations rurales en France de 1675 à 1788.— "Annales E. S. C."*, № 1, janv.-févr. 1974, p. 6—22.

сеньеры,— факт, о котором мы уже знаем. Великолепная книга Пьера де Сен-Жакоба на материале Северной Бургундии предоставляет нам десятки доказательств тому. Напомним упоминаемый им слегка карикатурный случай некоего Варенна де Лонвуа, неистово укрупнявшего, перестраивавшего свои владения, сгонявшего крестьян, захватывавшего общинные угодья, но столь же яростно вводившего новшества, орошая свои земли, развивая культурные луга [217]. И все же на одного сеньера, захватывавшего земли и обновлявшего их, приходилось десять или двадцать сеньеров спокойных, порой безразличных [к хозяйству] получателей ренты.

Можно ли измерить масштабы этого подспудного капиталистического подъема и судить о нем по требованиям, волнениям и чувствам крестьян? Известно, что волнения эти были практически непрерывными. Но в XVII в. они были направлены скорее против фиска, чем против сеньеров, и локализовались прежде всего на западе Франции. В XVIII в. восстания приняли антисеньериальную направленность и выявили новую зону столкновения: северо-восток и восток страны, т. е. крупные зерновые области королевства, более продвинувшиеся вперед (то была зона конной упряжки) [218] и перенаселенные. То, что как раз там находились самые жизнеспособные деревни, еще более ясным образом покажет Революция. Так не следует ли думать, что отчасти из-за того, что пред лицом новой и вызывавшей удивление ситуации язык антикапиталистических выступлений еще не обрел своего лексикона, французский крестьянин прибегал к старинному, уже «обкатанному» антифеодальному языку? В самом деле, именно этот язык, и только он, громко прозвучал в наказах депутатам в 1789 г.

Следовало бы еще разобраться в немного противоречивых мнениях, проверить чересчур простое противопоставление XVII и XVIII вв. Посмотреть, например, что скрывалось под антисеньериальными настроениями в Провансе, которые, видимо, в каждом третьем случае лежали в основе крестьянских восстаний [219]. Бесспорным остается один факт: огромные регионы Франции — Аквитания, Центральный массив, Арморикanский массив — в этот последний период Старого порядка оставались спокойными, потому что там оставались в силе [старинные] вольности, потому что сохранялись права крестьянской собственности (или же потому, что, как это было в Бретани, крестьянство было приведено к повиновению и нищете). Очевидно, можно задаться вопросом: а что сталось бы с французской землей, не произойди Революция? Пьер Шоню признает, что за время реакции во времена Людовика XVI крестьянская земля сократилась с 50 до 40% всей французской земельной собственности [220]. Узнала ли бы Франция, идя дальше по такому пути, быстрое развитие на английский манер, благоприятное для повсеместного формирования аграрного капитализма? Вопросы такого рода навсегда останутся без ответа.

[217] Saint-Jacob P., de. *Les Paysans de la Bourgogne du Nord au dernier siècle de l'Ancien Régime*. 1960, p. 427—428.

[218] Braudel F. *Civilisation matérielle*. Éd 1967, I, p. 88.

[219] Pillorget R. *Essai d'une typologie des mouvements insurrectionnels ruraux survenus en Provence de 1596 à 1715*.— *"Actes du quatre-vingt-douzième Congrès national des Sociétés Savantes"*. Section d'histoire moderne, 1967, t. I, p. 371—375.

[220] Chaunu P. *La Civilisation de l'Europe classique*. 1966, p. 353.

КАПИТАЛИЗМ И ПРЕДПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Это слово — *«индустрия, промышленность»* — с трудом отрывалось от своего старинного значения «работа, деятельность, мастерство», чтобы примерно в XVIII в. (и то не всегда) обрести знакомый нам специфический смысл в сфере, где с ним долгое время соперничали слова *ремесло, мануфактура, фабрика* [221]. Восторжествовав в XIX в., это слово имеет тенденцию обозначать крупную промышленность. Следовательно, здесь мы часто будем говорить о *предпромышленности* (хоть слово это нам и не слишком нравится). Но это не помешает нам, обходя формальности, без чрезмерных угрызений совести писать *индустрия* и говорить скорее о *промышленной* деятельности, нежели о *прединдустриальной, предпромышленной.* Никакая путаница невозможна, ибо мы ведем речь о бывшем до паровых машин, до Ньюкомена и Уатта, Кюньо и Жуффруа или же Фултона, до XIX в., начиная с которого «крупная промышленность окружила нас со всех сторон».

[221] Harsin P. *De quand date le mot industrie?* — *"Annales d'histoire économique et sociale"*, 1930, II.

ЧЕТЫРЕХЧАСТНАЯ МОДЕЛЬ

По счастью, нам не придется в этой сфере строить модель, как то было с нашими первыми объяснениями. Модель уже давно была создана — в 1924 г. — Юбером Бурженом [222] и столь мало использовалась, что и сегодня еще сохраняет свою свежесть. Для Буржена любая индустриальная жизнь между XV и XVIII вв. с неизбежностью попадает в одну из четырех априорно им намеченных категорий.

Категория первая: размещенные в виде «туманностей» бесчисленные крохотные семейные мастерские: либо мастер, два-три подмастерья, один-два ученика; либо одна только семья мастера. Таковы гвоздарь, ножовщик, деревенский кузнец, каким мы его знали еще в совсем недавнем прошлом и каков он и сегодня в Черной Африке или в Индии — работающий со своими помощниками под открытым небом. В эту категорию входят лавчонка холодного сапожника или башмачника, так же как и лавка золотых дел мастера с его инструментом для кропотливой работы и редкими материалами, или тесная мастерская слесаря, или же комната, где работала кружевница в случае, если она не занималась этим у дверей своего дома. Либо же в Дофине XVIII в., в городах и за их пределами, эта «тьма мелких заведений сугубо семейного или ремесленного характера»: после жатвы или сбора винограда «все принимаются за работу... в одной семье прядут, в другой ткут» [223]. В любой из таких «одноклеточных», простейших единиц «работа была недифференцированной и непрерывной», так что зачастую разделение труда происходило над ними. Будучи семейными, они наполовину ускользали от [влияния] рынка, от обычных норм прибыли.

[222] Bourgin H. *L'Industrie et le marché.* 1924, p. 31.

[223] Léon P. *La Naissance de la grande industrie en Dauphiné (fin du XVII^e^ siècle — 1869).* 1954, I, p. 56.



Семейная мастерская ножовщика. «Кодекс» Бальтазара Бема.

К этой же категории я отнесу и те виды деятельности, которые квалифицируют (порой чересчур поспешно) как находящиеся вне категорий: работу пекаря, поставляющего хлеб, мельника, изготовляющего муку, сыроваров, винокуров — производителей водки из зерна и водки виноградной — и мясников, которые из «сырья» в некотором роде «изготовляли» мясо для потребления. Сколько операций лежало на плечах этих последних, говорит английский документ, датируемый 1791 г.: «Они обязаны не только уметь забить, разделать и

выставить свой мясной товар выигрышным образом, но и уметь купить быка, овцу или теленка, руководствуясь их внешним видом» (*"They must not only know how to kill, cut up and dress their meat to advantage, but how to buy a bullock, sheep or calf, standing"*) [224].

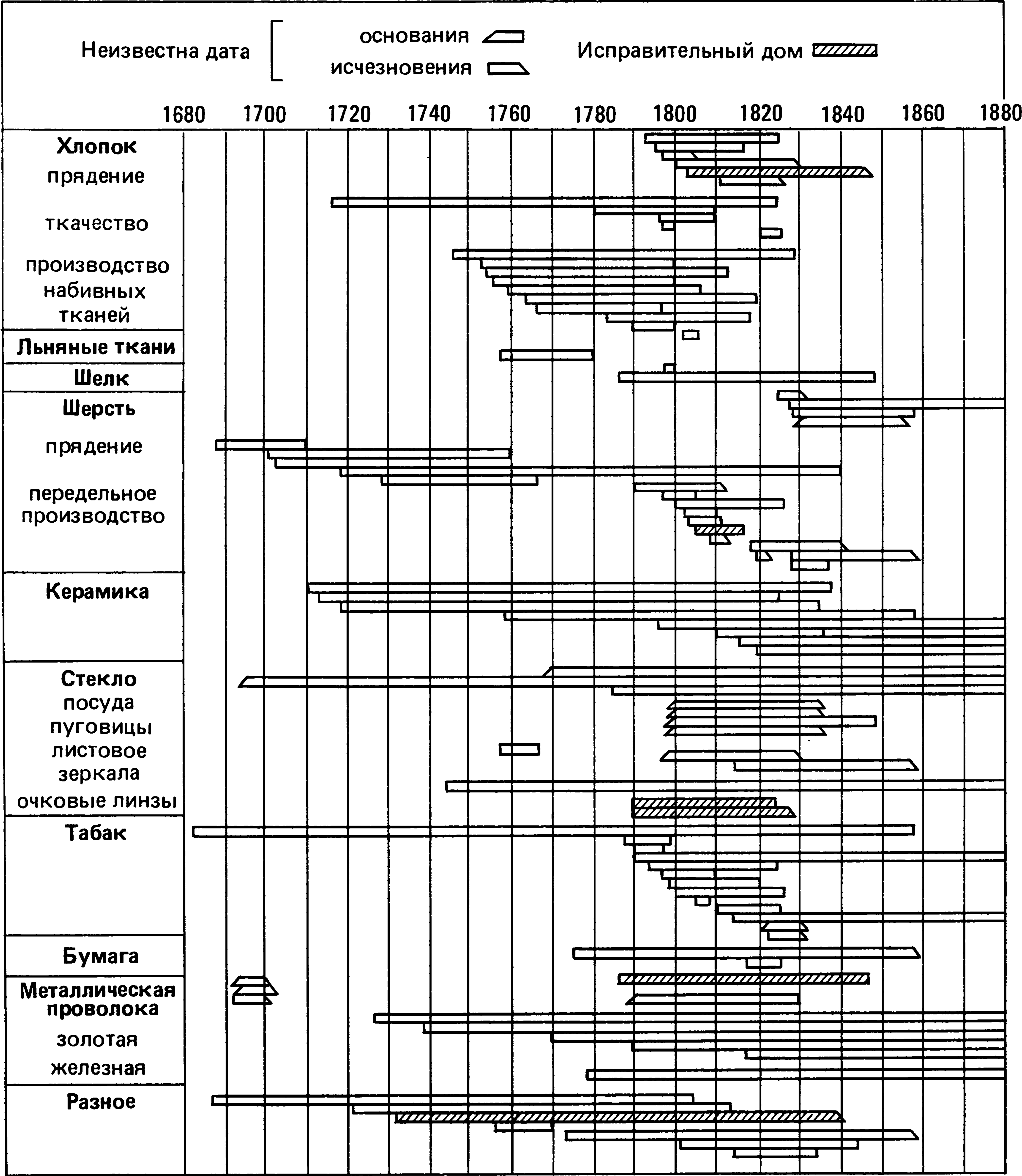
Главнейшая черта такой ремесленной предпромышленности — это ее значение, важность как основного массива; тот способ, каким она, оставаясь подобной самой себе, сопротивлялась капиталистическим новшествам (тогда как эти последние порой облепляли какое-нибудь полностью специализированное ремесло, и в один прекрасный день оно как созревший плод падало в руки предпринимателей, располагавших крупными средствами). Понадобилось бы целое обследование, чтобы составить длинный перечень традиционных ремесел и занятий, которые нередко просуществуют вплоть до XIX, а то и до XX в. Еще в 1838 г. в генуэзской деревне существовало старинное ремесло тканья бархатов — *telaio da velluto* [225]. Во Франции ремесленное производство, которому долго принадлежало первое место, лишь около 1860 г. отступило на второй план по сравнению с современной промышленностью [226].

Категория вторая: мастерские, расположенные дисперсно, но связанные друг с другом. Юбер Буржен обозначает их названием *рассеянные фабрики* (довольно удачное выражение, заимствованное им у Дж. Вольпе). Я предпочел бы сказать — *рассеянные мануфактуры*, но это неважно! Шла ли речь об изготовлении вокруг Ле-Мана в XVIII в. легких шерстяных тканей или же, за столетия до этого, около 1350 г., во времена Виллани, о флорентийских шерстяных цехах (*Arte della lana*) (с 60 тыс. человек, занятых в радиусе полусотни километров вокруг Флоренции и в [самом] городе) [227], мы все равно имеем отдельные точки на довольно обширных пространствах, отдельные, но связанные между собой. Координатором, посредником, хозяином работы был купец-предприниматель, который авансировал сырье, доставлял его от прядильщика к ткачу, к сукновалу, красильщику, стригалю. И который заботился об окончательной отделке продукта, выплачивал заработную плату и оставлял за собой в конце пути доходы от ближней или дальней торговли.

Такая рассеянная фабрика образовалась со времен средневековья, и не только в текстильном, но также «очень рано в ножевом, гвоздильном, скобяном производствах, которые в некоторых областях — Нормандии, Шампани — до наших дней сохранили черты, говорящие об их происхождении» [228]. Равным образом возникала она и в металлургическом производстве вокруг Кёльна с XV в., или вокруг Лиона в XVI в., или возле Бреши (от Валь-Камоника, где располагались кузницы, до самых оружейных лавок в городе) [229]. Речь всегда шла о последовательных соподчиненных операциях, вплоть до отделки изготовленного продукта и до торговой операции.

Категория третья: «фабрика, собранная воедино» (*fabrique agglomérée*), возникавшая поздно и в разное время в зависимости от отрасли и страны. Металлургические заводы с водяным приводом XIV в. уже были «фабриками, собранными

[224] Sombart W. *Op. cit.*, II, S. 695.
[225] Bulferetti L., Costantini C. *Industria e commercio in Liguria nell'età del Risorgimento (1700—1861)*. 1966, p. 55.
[226] Markovitch T. J. *L'Industrie française de 1789 à 1964*.— *"Cahiers de l'ISEA"*, série AF, № 4, 1965; № 5, 6, 7, 1966, в частности, № 7, p. 321.
[227] Лекция Федериго Мелиса (F. Melis), прочитанная в Коллеж де Франс в 1970 г.
[228] Bourgin H. *Op. cit.*, p. 27.
[229] Braudel F. *Médit.*, I, p. 396.



Мануфактуры и фабрики. Княжества Байрёйтское и Ансбахское были крошечными, но очень густонаселенными территориями франконской Германии, в 1806—1810 гг. присоединенными к Баварии. Перечень почти сотни мануфактур приобретает значение обследования и помогает разрешить контроверзу между Зомбартом и Марксом по поводу мануфактур, которые, по мнению первого, не становятся или же, как считал второй, становятся фабриками, т. е. современными предприятиями. Десятка два мануфактур выжили к 1850 г., значит, в общем, одна из пяти. Как часто бывает, истина оказалась ни на той, ни на другой стороне. График составлен О. Ройтером: Reuter O. *Die Manufaktur im Fränkischen Raum.* 1961, S. 8.

воедино»: различные операции оказывались там соединены в одном месте. Точно так же и пивоваренные, кожевенные, стекольные заводы. Еще больше подходят к этой категории *мануфактуры*, будь то казенные или частные, мануфактуры всех видов (но по большей части текстильные), число которых умножилось по всей Европе, особенно на протяжении второй половины XVIII в. [230] Их отличала концентрация рабочей силы в более или менее просторных строениях, что делало возможными надзор за работой, продвинувшееся пооперационное разделение, короче говоря, рост производительности и улучшение качества изделий.

Категория четвертая: фабрики, оснащенные машинами, располагавшие дополнительной мощностью текущей воды и пара. В лексиконе К. Маркса это просто «фабрики». Действительно слова *фабрика* и *мануфактура* в XVIII в. широко употреблялись как синонимы [231]. Но ничто не мешает ради лучшего понимания *нами* вопроса отличать мануфактуры от фабрик. Скажем для большей ясности, что механизированная фабрика удаляет нас от хронологических границ настоящей работы и вводит дорогами промышленной революции уже в мир реальностей XIX в. Однако я бы усмотрел в типичном *новом* горном предприятии XVI в., таком, каким мы его видим в Центральной Европе из рисунков [трактата] Агриколы «О горном деле и металлургии» (1555 г.), пример, и важный пример, механизированной фабрики, даже если пар и будет введен на ней лишь два века спустя, притом с достаточно известными скупостью и медлительностью. Точно так же в области Кантабрийских гор «в начале XVI в. использование воды в качестве движущей силы обусловило настоящую промышленную революцию» [232]. Другие примеры — корабельные верфи в Саардаме, близ Амстердама, в XVII в., с их механическими пилами, подъемными кранами, машинами для подъема мачт; множество небольших «заводов», применявших водяные колеса: бумажных мельниц, сукновален, лесопилен, или крошечных фабрик, изготовлявших шпаги во Вьенне, в области Дофине, где точила и дутьевые мехи были механическими [233].

Итак, четыре категории, четыре типа, в общем друг друга сменявших, хотя, «сменяя одна другую, разные структуры не становятся сразу же на место прежних» [234]. И в особенности — пускай Зомбарт [235] хоть раз восторжествует над Марксом — не было естественного и логичного перехода от мануфактуры к фабрике. Таблица, заимствованная мною у О. Ройтера [из книги] о мануфактурах и фабриках в княжествах Ансбахском и Байрёйтском в 1680—1880 гг., на ясном примере показывает, что бывали случаи продолжения одних в других. Но не было обязательной и как бы естественной последовательности [236].

[230] См. ниже, с. 324.
[231] Sombart W. *Op. cit.*, II, S. 732.
[232] Lapeyre H. *Une Famille de marchands, les Ruiz...*, 1955, p. 588.
[233] Villamont J., de. *Les Voyages du seigneur de Villamont*, 1600, f° 4°.
[234] Bourgin H. *Op. cit.*, p. 31.
[235] Sombart W. *Op. cit.*, II, S. 731.
[236] Reuter O. *Die Manufaktur im frankischen Raum*. 1961.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНА ЛИ СХЕМА БУРЖЕНА ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЕВРОПЫ?

Такая упрощающая схема легко распространяется на общества мира с плотным населением.

Вне Европы встречались главным образом первые две стадии — индивидуальные мастерские и мастерские, связанные между собой; мануфактуры же оставались исключительным явлением.

Черная Африка со своими кузнецами, немножко колдунами, со своими примитивными ткачами и гончарами целиком относится к первой категории. Колониальная Америка, пожалуй, была более всего обездолена в этом начальном плане. Однако там, где сохранилось индейское общество, продолжали еще активно действовать ремесленники — прядильщики, ткачи, гончары и те рабочие, что способны были построить церкви и монастыри — колоссальные сооружения, еще предстающие нашим взорам как в Мексике, так и в Перу. [Испанский] захватчик даже воспользовался этим, чтобы создавать *obrajes* — мастерские, где подневольная рабочая сила обрабатывала шерсть, хлопок, лен, шелк. Существовали также — и на уровне самых высоких наших категорий!— огромные серебряные, медные и ртутные рудники, а вскоре — во внутренних районах Бразилии — и довольно слабо друг с другом связанные обширные прииски черных золотоискателей. Или еще, опять-таки в Бразилии, на островах и в тропической зоне Испанской Америки, располагались сахарные мельницы, бывшие в общем-то мануфактурами, соединявшими рабочую силу, гидравлический привод или силу животных с производственными мастерскими, откуда в виде конечного продукта выходили кассонад (сахар-сырец), разные [сорта] сахара, ром и тафия.

Но сколько же над этой колониальной Америкой довлело монопольных прав метрополий, сколько запретов и органичений! И в целом различные «промышленные» слои не развивались там гармонически. В основе недоставало именно непрерывного движения, богатства европейского ремесла с его зачастую вызывающими восхищение достижениями. Именно это на свой лад высказал путешественник второй половины XVII в.: «В Индиях есть только плохие ремесленники [и, добавим мы, не было инженеров] для всего, что относится до войны, и даже для многих других вещей. Например, нет там никого, кто бы сумел сделать добрые хирургические инструменты. Там совсем неведомо изготовление тех инструментов, что относятся до математики и навигации» [237]. И наверняка многих других, куда более обычных: все медные и железные котлы сахарных заводов и гвозди, если ограничиться только этими примерами, прибывали из-за моря. И если в основе не было бесконечно деятельного европейского ремесла, то вина за это лежала, несомненно, на численности населения и в не меньшей мере на исключительной нищете населения коренного. Еще в 1820 г., когда в Рио прибыл Отто Коцебу, морской офицер царской службы (он был сыном поэта, убитого в 1819 г. немецким студентом Карлом Зандом) *, Бразилия, эта кладовая золота и алмазов для Португалии, предстала перед ним «сама по себе как страна бедная, угнетаемая, малонаселенная и не доступная никакой духовной культуре» [238].

Напротив, в Китае и в Индии в основе было богатство — многочисленное и умелое ремесленное сословие, городское или

[237] Coreal F. *Relation des voyages de François Coreal aux Indes occidentales... depuis 1666 jusqu'en 1697*. Bruxelles, 1736, p. 138.

* Коцебу О. Е. (1788—1846) — капитан I ранга, участник трех кругосветных плаваний; имеется в виду его экспедиция на корабле «Предприятие» (1823—1826 гг.). Август Коцебу (1761—1819) — его отец, немецкий писатель, агент Священного союза, был убит демократически настроенным студентом К. Зандом.— *Прим. перев.*

[238] Kotzebue O., von. *Entdeckungs-Reise in die Süd-See und nach der Berings-Strasse...* 1821, S. 22.

деревенское. А с другой стороны, текстильное производство Гуджарата или Бенгалии было своего рода созвездием «рассеянных фабрик» и млечным путем, состоявшим из крохотных мастерских. И не было недостатка в промышленности третьей категории ни в Китае, ни в Индии. Угольные копи к северу от Пекина дают представление об уже ясно видимой концентрации, невзирая на государственный контроль и незначительность вложенных капиталов [239]. Обработка хлопка была в Китае прежде всего крестьянским и семейным делом, но с конца XVII в. сунцзянские мануфактуры к югу от Шанхая постоянно использовали больше 200 тыс. рабочих, не считая тех, кто работал на дому из хозяйского сырья [240]. В Сучжоу, главном городе провинции Цзянсу, насчитывалось от 3 до 4 тыс. станов, на которых обрабатывали шелк [241]. Современный историк говорит, что это был как бы Лион, как бы Тур «или же, того лучше, своего рода Лукка» [242]. Точно так же в 1793 г. «Гин Дэчжун» имел «три тысячи печей для обжига фарфора... горевших одновременно. Из чего проистекало, что ночью город, казалось, был весь в огне» [243].

Удивительно то, что в Китае, как и в Индии, это чрезвычайно умелое и искусное ремесленное сословие не добилось того качества орудий, с каким знакомит нас история в Европе. И в Индии в еще большей степени, чем в Китае. Путешественник, проехавший по Индии в 1782 г., отмечает: «Станки индийцев показались бы нам простыми, ибо они в общем-то употребляют мало машин и используют лишь свои руки да два или три орудия для таких работ, где мы пользуемся более чем сотней инструментов» [244]. Точно так же европеец мог лишь удивляться, глядя на того китайского кузнеца, что «всегда носит с собой свои орудия, свой горн и свою плавильную печь и работает повсюду, где его пожелают занять. Он устанавливает свой горн перед домом того, кто его призвал; из утрамбованной земли он строит небольшую стенку, перед коей помещает свой очаг. За стенкой находятся два кожаных меха, которыми работает его ученик, поочередно на них надавливая: таким способом он поддерживает огонь. Камень служит кузнецу наковальней, а единственные его инструменты — это клещи, молоток, кувалда и напильник» [245]. И такое же изумление — при виде какого-то ткача, я полагаю, деревенского, ибо существовали великолепные китайские станки: «С утра он ставит перед своей дверью под деревом свой станок, который разбирает на закате солнца. Станок этот весьма прост: он состоит всего из двух валков, установленных на четырех вкопанных в землю кусках дерева. Две палки, проходящие через основу и поддерживаемые с обоих концов, одна — двумя веревками, привязанными к дереву, под сенью коего поставлен стан, другая — двумя веревками, привязанными к ногам работника... дают последнему возможность разбирать нити основы, дабы прокинуть через нее челнок». Это элементарный горизонтальный стан, какой еще сегодня используют, чтобы ткать покрытия для своих шатров, некоторые североафриканские кочевники.

Почему же сохранялся этот несовершенный инструментарий, который мог действовать лишь за счет [чрезмерных] усилий людей? Не потому ли, что эти люди в Индии и в Китае

---

239 Cartier M., Teng T'o. *En Chine, du XVI*^e^ *au XVIII*^e^ *siècle: les mines de charbon de Men-t'ou-kou.*— "*Annales E. S. C.*", 1967, p. 54—87.

240 Dermigny L. *Op. cit.*, I, p. 66; Gernet J. *Op. cit.*, p. 422.

241 Dermigny L. *Op. cit.*, p. 65.

242 *Ibidem.*

243 Lord Macartney. *Voyage dans l'intérieur de la Chine et en Tartarie... fait dans les années 1792, 1793 et 1794.* P., 1798, IV, p. 12; Gernet J. *Op. cit.*, p. 422.

244 Sonnerat P. *Voyage aux Indes orientales et à la Chine fait par ordre du Roi depuis 1774 jusqu'en 1781.* 1782, t. I, p. 103.

245 *Ibid.*, p. 104—105; pl. XX, XXII (гравюры).

были чересчур многочисленными, жалкими и ничтожными? Ибо существует корреляция между инструментом и рабочей силой. Рабочие заметят это, когда появятся машины, но задолго до неистовств луддитов в начале XIX в. это уже осознавали руководители и интеллектуалы. Ги Патэн, поставленный в известность об изобретении чудесной механической пилы, посоветовал изобретателю не «раскрываться» перед рабочими, ежели он дорожит своей жизнью [246]. Монтескьё сожалел о сооружении мельниц: для него любые машины сокращали число людей и были «вредоносными» [247]. Это та же мысль, какую отметил Марк Блок в одном любопытном пассаже в «Энциклопедии» [248], только «перевернутая»: «Повсюду, где рабочая сила дорога, следует замещать [ее] машинами; существует только это средство сравняться с теми, у кого рабочая сила более дешева. Англичане давно обучают этому Европу». В конечном счете замечание это никого не удивит. Что более удивляет, оставляя, однако, неудовлетворенной нашу любознательность, так это новость, кратко изложенная веком ранее (в августе 1675 г.) в двух письмах генуэзского консула в Лондоне: 10 тыс. рабочих шелкового производства восстали в столице против введения французских лентоткацких станков; на них один человек способен был ткать 10—12 лент разом. Новые станки были сожжены, и произошло бы и худшее, не вмешайся солдаты и патрули буржуазной милиции [249].

[246] Patin G. *Lettres*, I, p. 2.
[247] Montesquieu. *De l'Esprit des Lois*, XXIII, p. 15.
[248] Bloch M. *Mélanges historiques*. 1963, t. II, p. 796—797.
[249] A.d.S. Genova. Lettere Consoli, 1/2628.

НЕ БЫЛО РАЗРЫВА МЕЖДУ СЕЛЬСКИМ ХОЗЯЙСТВОМ И ПРЕДПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ

Модель Юбера Бужена делает акцент на технике; отсюда ее упрощенность. Отсюда же и ее незавершенность. Ее надлежит основательно усложнить.

Первое замечание напрашивается само собой: предпромышленность, несмотря на свою самобытность, не была сектором с четкими границами. До XVIII в. она еще плохо отделялась от вездесущей сельскохозяйственной жизни, которая существовала с нею бок о бок и порой ее захлестывала. Существовала даже крестьянская промышленность на «почвенном» уровне, в четко определенной сфере потребительной стоимости, промышленность, работавшая на одну семью или на одну деревню. Ребенком я видел собственными глазами ошиновку тележных колес в одной деревне департамента Мёз: расширенное нагревом, еще красное железное кольцо надевалось на деревянное колесо, которое сразу же вспыхивало. Все это бросали в воду, и охлажденное железо обжимало дерево. Эта операция мобилизовывала всю деревню. Но можно до бесконечности перечислять все, что некогда изготовлялось в каждом деревенском жилище. Даже у богачей [250], но в особенности — у бедноты, которая изготовляла для собственного употребления сукна, рубахи из грубого полотна, мебель, сбрую из растительных волокон, веревки из липовой коры, плетеные корзины, рукоятки для орудий и ручки к плугу. В менее развитых странах Восточной Европы, вроде Западной Украины или Литвы, такая автаркия была еще более выявленной, чем на Западе Европы [251]. В самом деле, на Западе на промышлен-

[250] Ribbe C., de. *Une Grande Dame dans son ménage au temps de Louis XIV, d'après le journal de la comtesse de Rochefort (1689)*. P., 1889, p. 142—147.
[251] Kula W. *Op. cit.*, p. 156, note 84: Украина в 1583 г.— Литва в 1788 г.

ность для семейного употребления накладывалась индустрия, тоже деревенская, *но ориентировавшаяся на рынок.*

Это ремесло хорошо известно. Повсюду в Европе — в местечках, деревнях, на фермах — с наступлением зимы место сельскохозяйственной деятельности занимала огромных масштабов «промышленная» деятельность. И даже на очень отдаленных хуторах: так, в 1723 г. три десятка «труднодоступных» деревень нормандского Бокажа, а в 1727 г. деревни Сентонжа привезли на рынок изделия, не соответствовавшие цеховым нормам [252]. Стоило ли свирепствовать? Инспекторы мануфактур сочли, что лучше было бы отправиться на место, дабы разъяснить «правила, касающиеся мануфактур», людям, которые в своей затерянной деревне наверняка их не знают. В 1780 г. вокруг Оснабрюка льняная промышленность была представлена [тем, что сделано] крестьянином, его женой, детьми и работниками. Производительность этого дополнительного труда не имела значения! Дело происходило зимой: «Работник должен быть накормлен независимо от того, работает он или нет» [253]. А раз так, пусть он лучше работает! В конечном счете смена времен года, «календарь», как говорит Джузеппе Паломба, распоряжалась всеми видами деятельности. В XVI в. даже горняки угольных копей Льежа ежегодно в августе покидали глубины штолен ради жатвы [254]. Каково бы ни было ремесло, это правило почти не знало исключений. Например, в письме одного купца из Флоренции, датированном 1 июня 1601 г., говорилось: «Продажа шерсти идет с прохладцей, хотя тут нечему удивляться: работают мало, ибо нет рабочих — все ушли в деревни» [255]. В Лондоне, как и в Бове или в Антверпене, в любом городе, искусном в ремесле, с наступлением лета главенствовали полевые работы. А с возвращением зимы снова наступало царство труда ремесленного, работали даже при свечах, несмотря на страх перед пожарами.

Разумеется, надлежит отметить и противоположные или по крайней мере отличавшиеся от этого примеры. Бывали попытки утвердить непрерывный труд [промышленного] рабочего. Так, в Руане в 1723 г. «рабочие из деревень, [кои прежде] оставляли свои станки, дабы убрать урожай... более [этого] не делают по причине того, что усматривают ныне более выгоды в том, чтобы продолжать изготовление сукон и иных тканей». В результате пшеница грозила прорасти «на полях из-за отсутствия работников для ее уборки». [Руанский] парламент вознамерился запретить работу мануфактур «в течение времени уборки пшеницы и прочих зерновых культур» [256]! Работа непрерывная, работа с перерывами? Не будем забывать, что Вобан в своих расчетах отводил ремесленнику 120 трудовых дней в год; праздники, по которым не работали — а их было много,— и сезонные работы «съедали» остальные дни года.

Таким образом, отделение происходило трудно и с запозданием. И Гудар, несомненно, не прав, говоря о географическом разделении промышленности и сельского хозяйства [257]. Точно так же я весьма мало верю в реальность той линии, проходившей «от Лаваля к Руану, Камбрэ и Фурми», которая, по словам Роже Диона, будто бы разделяла две Франции — одну на севере, Францию традиционного ремесла по преимуществу, другую на

252 A. N., F 12, 681, f° 112.
253 Beckmann J. *Op. cit.*, III, p. 430—431.
254 Lejeune J. *La Formation du capitalisme moderne dans la principauté de Liège au XVI^e siècle.* 1927, p. 143.
255 К. и С. Суаресы — Косме Руису, Флоренция, 1 июня 1601 г. Архив Руисов. Вальядолид ("... que todos acuden a la campaña").
256 A. N., G 7, 170, f° 167.
257 Goudar A. *Les Intérêts de la France mal entendus.* Amsterdam, 1756, t. III, p. 265—267. Цит. у: Dockes P. *L'Espace dans la pensée économique*, p. 270.

югe, Францию виноградной лозы [258]. Разве же в усеянном виноградниками Лангедоке не насчитывалось к 1680 г., по словам интенданта Басвиля, 450 тыс. рабочих-текстильщиков? [259] А в такой зоне виноградарства, как Орлеанский фискальный округ, перепись 1698 г. учитывает наряду с 21 840 виноградарями — земельными собственниками и «12 171 ремесленника, кои рассеяны по местечкам и деревням». Но зато правда, что менее всего можно было найти рабочие руки для надомной работы в семьях виноградарей, где зажиточность была правилом. Так, вокруг Арбуа, в области винодельческой, текстильная промышленность утвердиться не смогла из-за отсутствия рабочей силы [260]. В Лейдене столь активное в XVII в. суконное производство не могло найти никакой поддержки в близлежащей деревенской округе, которая была слишком богата. Когда же в XVIII в. такая поддержка станет для этого производства абсолютно необходимой, ему придется обратиться к бедным сельским зонам, расположенным *вдали от него.* И довольно любопытно, что эти зоны сделались новыми крупными текстильными центрами Голландии [261].

[258] Dion R. *Histoire de la vigne et du vin en France des origines au XIX^e siècle*. 1959, p. 33.
[259] Martin G. *La Grande Industrie sous le règne de Louis XIV* (в особенности с 1660 по 1715 г.). 1898, p. 84.
[260] Tarlé E. L'Industrie *dans les campagnes de France à la fin de l'Ancien Régime*. 1910, p. 45, note 3.
[261] Сведения, сообщенные мне И. Шёффером.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ — ДОБРЫЙ ГЕНИЙ

В самом деле, промышленность можно объяснить лишь множеством факторов и побуждающих моментов. Лукка, центр шелкового производства, с XIII в. сделалась «из-за нехватки территории [вокруг города и принадлежащей ему]... до того предприимчива, что вошла в поговорку как Республика муравьев», утверждал в 1543 г. в одном из своих «Парадоксов» Ортенсио Ланди [262]. В Англии на Норфолкском побережье в XVI в. нежданно-негаданно обосновалась промышленность, изготовлявшая цветные вязаные чулки. И вовсе не случайно. Это побережье представляет череду небольших рыболовецких портов с пристанями, заваленными сетями. Мужчины, когда они не добирались до Исландии, ходили в Северное море за сельдью, макрелью, шпротами. Огромная масса женских рабочих рук, занимавшихся засолкой рыбы в солильнях (*Salthouses*), оказывалась незанятой в периоды, когда не было лова. Именно эта полубезработная рабочая сила соблазнила купцов-предпринимателей — и утвердилась новая отрасль промышленности [263].

Таким образом, предпромышленность зачастую влекла за собой как раз бедность. Говорят, будто Кольбер заставил трудиться Францию, которую представляют себе непокорной, недисциплинированной, тогда как хватило бы неблагоприятной конъюнктуры, фискальных тягот, чтобы вовлечь королевство в промышленную деятельность. Разве эта последняя, сколь бы заурядной она подчас ни была, не оказалась «как бы вторым провидением», запасным выходом? Савари дэ Брюлон, охотно принимавший нравоучительный тон, утверждал в 1760 г.: «Люди всегда видели, как чудеса индустрии [заметьте это слово, употребленное без колебания] возникают из чрева необходимости». Надлежит запомнить это последнее слово. В России худые земли достались на долю черносошного крестьянства — свободных крестьян, которым случалось ввозить зерно, чтобы прожить. И ведь именно

[262] Landi O. *Paradossi, cioè sententie fuori del comun parere, novellamente venute in luce*. 1544, p. 48 r.
[263] См. Thirsk J. в: *The Agrarian History of England and Wales*. 1967, IV, p. 46.



Красильщики в Венеции, XVII в. *Музей Коррер, собрание Виолле.*

в их среде преимущественно развились ремесленные промыслы [264]. Так же точно и горцы вокруг Констанцского озера, в швабской Юре или в силезских горах с XV в. обрабатывали лен, дабы восполнить бедность своих земель [265]. А на шотландских нагорьях крестьяне, которые не просуществовали бы за счет своего скудного земледелия, нашли выход из положения, становясь кто горняком, кто ткачом [266]. Рынки местечек, куда деревенские жители Северной и Западной Англии доставляли свои штуки домотканого сукна, еще пропитанные маслом и овечьим жиром, составляли добрую часть продукции, собираемой лондонскими купцами, которые брали на себя их окончательную отделку перед тем, как продать на суконном рынке [267].

[264] Kaufmann-Rochard J. Origines d'une bourgeoisie russe, XVI^e^ *et XVII^e^ siècles.* 1969, p. 60—61.
[265] Bechtel H. *Wirtschaftsgeschichte Deutschlands*, I, S. 299.
[266] См. Thirsk J. в: *The Agrarian History of England and Wales.* 1967, IV, p. 12 et passim.
[267] Defoe D. *Op. cit.*, I, p. 253—254.

НЕУСТОЙЧИВЫЕ РАЗМЕЩЕНИЯ

Чем меньше ремесленное сословие привязано к земле, чем больше оно городское, тем менее оно оказывается оседлым. Выше уровня деревенской рабочей силы, которая тоже обладает

собственной мобильностью (особенно в бедном крае), ремесленники в собственном смысле слова (*stricto sensu*) суть самая мобильная группа населения. Это связано с самой природой предындустриального производства, которое знало бесконечные резкие подъемы и стремительные падения. Параболические кривые, воспроизводимые на с. 343, дают представление об этом. Вот краткий миг процветания, а затем все перебираются в другое место. Набросок иммиграции ремесленников, которая мало-помалу создала английскую предындустрию, великолепно доказал бы это. Ремесленники, постоянно плохо оплачиваемые, вынужденные ради пропитания проходить под кавдинским игом * рынка, были чувствительны к любому движению заработной платы, к любому снижению спроса. Так как ничто никогда не происходило в соответствии с их желаниями, ремесленники были постоянными мигрантами, «странствующим и ненадежным сословием, каковое может перемещаться из-за малейшего события» [268]. Произойдет «перемещение работников в чужеземные страны», если мануфактуры потерпят банкротство, писали из Марселя в 1715 г. [269] Непрочность промышленности, объяснял «Друг людей» Мирабо, заключена в том, что «все ее корни зависят от пальцев работников, всегда готовых перебраться в иное место, следуя за движением реального изобилия», и остающихся «людьми ненадежными» [270]. «Можем ли мы поручиться за постоянство наших умельцев [ремесленников] так же, как за недвижимость наших полей?» Конечно же, нет, отвечал Дюпон де Немур [271], а Форбоннэ идет еще дальше: «Ремесла, бесспорно, суть бродяги» [272].

Они были такими по традиции (компаньонаж); они бывали таковыми по необходимости всякий раз, когда их жалкие жизненные условия ухудшались до непереносимости. «Ежели можно так сказать, они живут единым днем»,— говорит в своем «Дневнике» не больно-то их любящий реймсский буржуа (1658 г.). Пятью годами позднее, с наступлением трудных времен, он констатировал: «Народ... продает свой труд, но за весьма незначительную цену, так что существуют на этот заработок лишь рассудительные»; прочие находились в больницах либо попрошайничали и нищенствовали (*"gueuzailler"*) на улицах. В следующем, 1664 г. рабочие оставляют свои станки, «становятся чернорабочими или же возвращаются в деревни» [273]. Едва ли лучшим было и положение в Лондоне. Одна французская газета, сообщая 2 января 1730 г., что хлеб там подешевел на два «су» (примерно на 9%), добавляла: «Таким образом, рабочие в состоянии прожить на свою заработную плату» [274]. Согласно отчету инспектора мануфактур, к 1773 г. многие лангедокские ткачи, будучи «без хлеба и без средств, чтобы его иметь» (наблюдалась безработица), оказались вынуждены, «дабы прожить, оставить родные места» [275].

Как только происходила какая-то случайность, какой-то толчок, движение ускорялось. Например, бегство из Франции сразу же после отмены Нантского эдикта (1685 г.). Или в Новой Испании в 1749 г., а того пуще — в 1785—1786 гг., когда с прекращением подвоза маиса на рудниках Севера наступил голод. Началась массовая миграция на Юг, в сторону Мехико, города

* Кавдинское иго — ворота из копий, под которыми были прогнаны в знак унижения римские воины, вынужденные сдаться в плен самнитам в Кавдинском ущелье (321 г. до н. э.). В переносном смысле — публичное унижение.— *Прим. перев.*

[268] Pinto I., de. *Traité de la circulation et du crédit.* 1771 p. 287.

[269] A. N., G 7, 1704, f° 102.

[270] Mirabeau. *L'Ami des hommes ou traité de la population.* 1756—1758.

[271] Dupon de Nemours P. S. *De l'exportation et de l'importation des grains.* 1764, p. 90—91, цит у: Dockes P. *L'Espace dans la pensée économique du XVI^e au XVIII^e siècle.* 1969, p. 288.

[272] Véron de Forbonnais F. *Principes et observations économiques.* 1767, t. I, p. 205, цит. у: Dockes P. *Op. cit.*, p. 288.

[273] *Mémoires de Oudard Coquault (1649—1668), bourgeois de Reims.* Éd. 1875, II, p. 371.

[274] *"Gazette de France"*, 1730, p. 22.

[275] Москва, Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина, Fr. 1100, л. 76—77.

всяческих низостей, «притона гнусностей и разврата, логова плутов, ада для кабальеро, тюрьмы для добрых людей» (*"lupanar de infamias y disoluciones, cueva de picaros, infierno de caballeros, purgatorio de hombres de bien"*). Благонамеренный очевидец в 1786 г. предлагал замуровать входы в город, дабы защитить его от этого нового сброда [276].

Зато любой промышленности, которая желала развиваться, удавалось сманивать рабочих-специалистов, в которых она испытывала нужду, из других городов, даже чужестранных и далеких. И никто не отказывался от такой возможности. Уже в XIV в. фландрские города пытались противостоять политике английского короля, который привлекал их подмастерьев-ткачей, обещая тем «доброе пиво и говядину, добрые постели и еще лучших подружек, ибо английские девицы — самые прославленные своей красотой» [277]. В XVI в. и еще в XVII в. перемещения рабочей силы зачастую совпадали с запустением, с полным расстройством международного разделения труда. Откуда и проистекала порой свирепая политика, направленная на то, чтобы воспрепятствовать эмиграции рабочих, останавливать их на границах или на дорогах и насильно возвращать. Или же, если речь шла о чужеземных городах,— путем переговоров добиться их возвращения в [свою] страну.

Во Франции эта политика в 1757 г. отжила наконец свой век. Из Парижа пришел приказ конной страже Лиона, Дофине, Руссильона и Бурбоннэ прекратить всякое преследование беглых рабочих: это означало бы растрату казенных денег [278]. И в самом деле, времена изменились. В XVIII в. наблюдалось всеобщее, повсеместное распространение промышленной деятельности, множились связи. Повсюду имелись мануфактуры, повсюду — деревенские промыслы. Не было города, городка, местечка (этих — в особенности), деревни, которые не располагали бы своими ткацкими станами, своими кузницами, черепичными и кирпичными заводами, лесопилками. В противоположность тому, что подсказывает слово *меркантилизм*, политикой государств была индустриализация, которая разрасталась сама собой и уже выставляла напоказ свои социальные язвы. Наметились громадные сосредоточения рабочих: 30 тыс. человек в ньюкаслских угольных копях [279]; 450 тыс. занятых ткацким производством в Лангедоке с 1680 г., о чем уже говорилось; полтора миллиона рабочих-текстильщиков в пяти провинциях — Эно, Фландрии, Артуа, Камбрези и Пикардии — в 1795 г., по словам Пэра, народного представителя, побывавшего [там] с миссией. Стало быть, колоссальная промышленность и колоссальная торговля [280].

С экономическим подъемом XVIII в. промышленная активность сделалась всеобщей. Локализованная в XVI в. главным образом в Нидерландах и Италии, она получила развитие по всей Европе вплоть до Урала. Отсюда и столько рывков и быстрых начинаний, бесчисленные проекты, изобретения, что не всегда бывали изобретениями, и уже густая пена сомнительных дел.

[276] Florescano E. *Precios del maiz y crisis agricolas en Mexico (1708—1810)*. 1969, p. 142.
[277] Martin G. *Op. cit.*, p. 80.
[278] A. N., F 12, 149, f° 80.
[279] Defoe D. *Op. cit.*, 125.
[280] Tarlé E. *Op. cit.*, p. 43.

ИЗ ДЕРЕВЕНЬ В ГОРОДА И ИЗ ГОРОДОВ В ДЕРЕВНИ

Рассматриваемые в целом, перемещения ремесленников не были случайными: они говорили о глубинных волнах. Шелковая ли промышленность, к примеру, почти одним махом передвигалась в XVII в. с Юга на Север Италии, крупная ли промышленная (а сверх того, и торговая) активность смещалась в конце XVI в. из средиземноморских стран, чтобы обрести свою излюбленную почву во Франции, Голландии, Англии и Германии,— всякий раз происходило чреватое последствиями качание весов.

Но были и другие довольно регулярные передвижения. Исследование Я. А. Ван Хаутте (Van Houtte) привлекает внимание к маятниковому перемещению промышленности между городами, местечками и деревнями по всем Нидерландам со средних веков до XVIII в. и даже вплоть до середины XIX в.[281] В начале этих десяти-двенадцати столетий истории промышленность была рассеяна по деревням. Отсюда и впечатление, будто речь шла о чем-то самобытном, стихийном и неискоренимом одновременно. Тем не менее в XIII и XIV вв. предпромышленность в широких масштабах мигрировала в города. За этой городской фазой последует мощный отлив, сразу же после долгой депрессии 1350—1450 гг.: в это время деревня снова была наводнена ремеслами, тем более что городской труд, стиснутый корсетом цеховой организации, сделался трудным для использования, а главное — слишком дорогостоящим. Промышленное возрождение города, по мнению исследователя, частично произойдет в XVI в., потом в XVII в. деревня возьмет реванш, чтобы начать снова частично утрачивать свое преимущество в XVIII в.

Такое упрощенное резюме излагает самое существенное, а именно существование двойной «клавиатуры» — деревень и городов — по всей Европе, а может быть, и по всему миру. Таким образом, в экономику прошлого включается альтернатива, следовательно, определенная гибкость, возможность игры, открытой купцам-предпринимателям и государству. Прав ли Я. А. Ван Хаутте, утверждая, будто коронный фиск, в зависимости от того, затрагивал ли он только город или облагал налогом и сельскую местность, способствовал созданию этих разных режимов и этого попеременного насту́пления и отступления? Только точное исследование прояснит этот вопрос. Но не подлежит дискуссии один факт: цены и заработная плата играли свою роль.

Не аналогичный ли процесс в конце XVI и начале XVII в. побудил городскую промышленность Италии качнуться в сторону городов второго плана, городков, местечек и деревень? Промышленная драма Италии между 1590 и 1630 гг. была драмой конкуренции с низкими ценами промышленности северных стран. Перед нею открывались, как в общем объясняет Доменико Селла, говоря о Венеции, где заработная плата сделалась чересчур высока, три возможных решения: вывести промышленность в деревни; специализироваться на производстве предметов роскоши; опереться, дабы противостоять недостатку рабочей силы, на машины с водяным двигателем[282]. В этой чрезвычайной ситуации были использованы все три решения. Беда заключалась

[281] Неделя Прато, апрель 1968 г.

[282] Sella D. *European industries (1500—1700)*. 1970.



Отбеливание холстов в гарлемской деревне XVII в.— вид промысла. До употребления хлора куски холста подвергали нескольким последовательным вымачиваниям в молочной сыворотке, стирке с черным мылом и сушке на лугу. *Государственный музей, Амстердам.*

в том, что первое из них — как бы естественный возврат к деревенскому ремеслу — не было и не могло быть вполне успешным: в самом деле, венецианской деревне нужны были все ее рабочие руки; в XVII в. она посвятила себя новым культурам, тутовнику и кукурузе, и земледелие сделалось особенно доходным. Венецианский экспорт риса на Балканы и в Голландию постоянно возрастал. Вывоз шелка — сырца и пряжи — увеличился вчетверо с 1600 по 1800 г. [283] Второе решение, изготовление предметов роскоши, и третье, введение машин из-за нехватки рабочей силы, проводились в жизнь. Что касается использования машин, то полезные соображения были в недавнее время высказаны Карло Пони [284]. Италия XVII в., таким образом, предстает перед нами еще раз намного менее инертной, чем то, что обычно преподносят нам в общих исторических работах.

Испанская промышленность, еще процветавшая в середине XVI в. и оказавшаяся в таком упадке, когда этот век заканчивался,— не попала ли и она в аналогичную ловушку? Уровень крестьянского ремесла не мог ей послужить зоной отступления, когда к 1558 г. ремесленная промышленность перемещалась из городов в деревни. Вот что по контрасту освещает прочность положения в Англии, где уровень сельского ремесла был столь солиден и так давно связан через шерсть с важнейшей суконной промышленностью.

[283] *Ibid.*, p. 88—89.

[284] Poni C. *Archéologie de la fabrique: la diffusion des moulins à soie "alla bolognese" dans les Etats vénétiens du XVI^e au XVIII^e siècle.— L'Industrialisation en Europe au XIX^e siècle.* P. p. P. Léon, F. Crouzet, R. Gascon, 1972.

СУЩЕСТВОВАЛИ ЛИ ОБРАЗЦОВЫЕ ОТРАСЛИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ?

На этом этапе наших объяснений мы начинаем замечать нечеткие и сложные контуры предпромышленности. Сам собой

возникает затруднительный, быть может, и преждевременный вопрос, который коварно предлагает и сегодняшний мир: существовали или же не существовали при Старом порядке образцовые отрасли промышленности? Такие виды промышленности ныне, а быть может, и вчера — это те, что привлекают к себе капиталы, прибыли и рабочую силу, те, чьи энергичные усилия могут в принципе — но только *могут* — сказываться на соседних секторах, создавать там энергию ускоренного движения. В самом деле, в старинной экономике отсутствовала связность, она даже бывала зачастую расчлененной, как в современных развивающихся странах. Как следствие, то, что происходило в одном секторе, не обязательно выходило за его пределы. Настолько, что на первый взгляд доиндустриальный мир не имел и не мог иметь «пересеченного рельефа» промышленности современной эпохи с его понижениями и секторами-пиками.

Более того, взятая во всей своей массе, эта предпромышленность, сколь ни велика бывала ее относительная важность, не могла заставить склониться на свою сторону чашу весов всей экономики. Действительно, вплоть до промышленной революции [ей] далеко было до того, чтобы господствовать в экономическом росте. Скорее именно неуверенное движение в сторону роста, общий ритм всей экономики с его остановками и перебоями доминировали над предпромышленностью, сообщая ей свою нерешительную поступь и свои прерывистые кривые. Это затрагивало всю или почти всю проблему интересующего нас того или иного матричного, образцового производства. Мы сможем лучше судить об этом, если осветим действительно «господствовавшие» до XIX в. отрасли промышленности, располагавшиеся, как уже тысячу раз отмечали, прежде всего в разнообразной и обширной области текстильного производства.

Сегодня такое размещение может только удивить. Но общества прошлого высоко ценили ткань, костюм, торжественное одеяние. Интерьер домов также принадлежал ткани — занавесям, обивочным материалам, коврам, шкафам, заполненным сукнами и тонкими тканями. Социальное тщеславие проявлялось здесь в полной мере, а мода царила. Николас Барбон в 1690 г. радовался по этому поводу. «Мода, или изменение платья,— писал он,— есть великая споспешествовательница коммерции, ибо она толкает на расходы ради новых одежд ранее того, как сносятся старые; она есть дух и жизнь торговли; она... сохраняет великому корпусу коммерсантов его подвижность; она есть изобретение, кое делает так, что человек одевается, как будто он живет в вечной весне, не видя никогда осени своей одежды» [285]. Значит, да здравствует ткань, которая воплощает в себе такое количество труда и которая для купца имеет даже то преимущество, что легко путешествует, будучи легка по весу в соотношении со своей ценностью!

Но пойдем ли мы так далеко, чтобы сказать вместе с Жоржем Марсэ (1930 г.), что ткань была некогда, с учетом всех пропорций, эквивалентом [современной] стали (к этому суждению присоединился в 1975 г. Уильям Рапп [286])? Различие заключается в том, что текстильная продукция в смысле того *промышленного*, что в ней заключалось, была еще в большинстве случаев

[285] Schulin E. *Handelsstaat England.* 1969, S. 220.

[286] Rapp W. *The Unmaking of the Mediterranean trade hegemony.— "Journal of Economic History"*, 1975, p. 515.

предметом роскоши. Даже при среднем качестве она оставалась дорогостоящим товаром, который бедняки зачастую предпочитали изготовлять сами, который они, во всяком случае, покупали скупо и не обновляли, следуя советам Николаса Барбона. И практически лишь с появлением английской промышленности и в особенности хлопчатобумажных тканей в конце XVIII в. будет наконец завоевана клиентура среди народа. А ведь действительно господствующая промышленность предполагает широкий спрос. Следовательно, давайте читать историю текстильного производства с осторожностью. Сменявшие друг друга царственные особы, которыми эта история отмечена, не соотносятся, впрочем, не только с изменениями моды, но и с последовательными перемещениями центров производства на верхнем уровне обменов. Все происходило так, словно конкуренты не переставали оспаривать первенство текстиля.

В XIII в. центрами шерстяного производства были одновременно Нидерланды и Италия [287]. В следующем веке им была прежде всего Италия. «Но итальянское Возрождение — это же шерсть!» — воскликнул на одном недавнем коллоквиуме Джино Барбьери. Затем почти что преобладающим сделался шелк, и ему Италия была обязана последними мгновениями своего промышленного процветания в XVI в. Но эти ценные текстильные изделия вскоре добрались до севера — в швейцарские кантоны (Цюрих), в Германию (Кёльн), в Голландию после отмены Нантского эдикта, в Англию и особенно в Лион (именно тогда и началась продолжающаяся по сей день его карьера великого центра шелковой промышленности). Тем не менее в XVII в. произошли новые перемены: тонкие сукна английской выделки совершили в ущерб шелку триумфальный прорыв около 1660 г., если верить французским галантерейщикам [288], и мода на них распространится вплоть до Египта [289]. Наконец, последний соперник и новый победитель — хлопок. В Европе он обосновался давно [290]. Но, подталкиваемый индийскими ситцами, чья технология набойки и окраски, новая для Европы, породила живейшее увлечение [этими тканями] [291], хлопок вскоре оказался в первом ряду [292]. Наводнит ли Индия Европу своими тканями? Хлопок, этот незваный гость, опрокидывал все преграды. И тогда, конечно, для Европы возникла необходимость начать подражать Индии и самой изготовлять и набивать хлопковые ткани. Во Франции дорога для производства ситцев стала совершенно свободна с 1759 г. [293] Поступление сырья в Марсель составит в 1788 г. 115 тыс. центнеров, т. е. вдесятеро больше, чем в 1700 г. [294]

Правда, на протяжении второй половины XVIII в. общее оживление в экономике повлекло за собой широкий подъем производства во всех отраслях текстильной промышленности. Старые мануфактуры охватила тогда лихорадка нововведений и технических изобретений. Что ни день рождались новые технологические процессы, новые ткани. В одной лишь Франции, огромной стране мастерских, мы видим «тонкие кружева, легкие дешевые ткани, тонкую шерсть, шелковую ткань с хлопковой или шерстяной уточиной, что изготовляются в Тулузе, Ниме, Кастре и в прочих городах и местностях» Лангедока [295]; «шпалерки» (“espagnolettes”), на которые был наложен арест

[287] Schulte A. *La lana come promotrice della floridezza economica dell'Italia nel Medio Evo.— “Atti del Cogresso di scienze storiche”*, vol. III, Roma, 1906, p. 117—122 (в частности, с. 119).

[288] A. N., G 7, 1685, 76 (мемуар 1684 г.).

[289] Dermigny L. *Op. cit.*, II, p. 756, note 3.

[290] Bourquelot L.-F. *Études sur les foires de Champagne*. 1865, I, p. 102.

[291] Dardel P. *Commerce, industrie et navigation à Rouen et au Havre au XVIII^e^ siècle*. 1966, p. 108—109.

[292] *“Gazette de France”*, 1783, p. 351.

[293] 5 сентября 1759 г. Savary des Bruslons. *Op. cit.*, IV, col. 1023.

[294] Anthony G. *L'Industrie de la toile à Pau et en Béarn de 1750 à 1850* (Études d'économie basco-béarnaise, t. III). 1961, p. 41.

[295] A. N., F 12, 151, 148 v°, 29 апреля 1729 г.

в Шампани, поскольку они не соответствовали нормам длины и ширины, и которые, видимо, изготовляли в Шалоне [296]; изготовлявшиеся в Ле-Мане новомодные шерстяные кисеи с белой основой и коричневой уточиной [297]; «воздушный газ» — очень легкий шелк, который набивали с надпечаткой, закрепляя на нем с помощью протравы «пыль, сделанную из рубленой нити и крахмала» (серьезная проблема: должен ли он облагаться пошлиной как нитяная ткань или же как ткань шелковая, ибо последняя составляла одну шестую его веса?) [298]; в Кане полушерстяную ткань с примесью хлопка, именовавшуюся «Гренада» и завоевавшую себе отличный сбыт в Голландии [299]; и «римскую саржу», изготовлявшуюся в Амьене [300], и нормандские грубошерстные ткани [301], и т. д. Уже это обилие названий кое-что значило. И не меньшее значение имели рост числа изобретений среди изготовителей шелковых тканей в Лионе и новые машины, что одна за другой появлялись в Англии. Понятно, что Иоганн Бекман, один из первых историков технологии, радовался, читая слова, вышедшие из-под пера Д'Аламбера: «Где, в каком виде деятельности было проявлено более изощренности, нежели в окраске бархатов?» [302]

Тем не менее в наших глазах примат текстильного производства в доиндустриальной жизни заключает в себе нечто парадоксальное. То было первенство «ретроградное», первенство деятельности, «восходившей к самому глубокому средневековью» [303]. И однако же, доказательства налицо. Если судить по его объему, по его продвижению, то текстильный сектор выдерживал сравнѐние с угольной промышленностью, бывшей все же отраслью современной, или еще того лучше, с металлургическими заводами Франции, результаты обследования которых в 1772 и 1788 гг. обнаруживают даже попятное движение [304]. Наконец, решающий довод, на котором нет надобности настаивать: хлопок, был ли он первопричиной (*primum mobile*) или не был, сыграл очень большую роль в придании начального импульса промышленной революции в Англии.

[296] A. N., F 12, 682, 29 августа 1726 г.
[297] A. N., G 7, 1706, f° 81, 19 января 1723 г.
[298] A. N., F 12, 721.
[299] A. N., 62 AQ 7.
[300] *Variétés*, V, p. 345, note 2.
[301] A. N., G 7, 1700, f° 86.
[302] Beckmann J. *Op. cit.*, III, введение без пагинации.
[303] Chaunu P. *La Civilisation de l'Europe classique*. 1970, p. 332.
[304] Gille B. *Les Forges françaises en 1772*. 1960, p. XII.

КУПЦЫ И РЕМЕСЛЕННЫЕ ЦЕХИ

Мы вновь поместили разные виды промышленной деятельности в их разнообразный контекст. Остается определить место, какое занимал там капитализм, и это непросто. Капитализм — это был прежде всего капитализм городских купцов. Но купцы эти, будь они крупными коммерсантами или предпринимателями, поначалу включались в корпоративный порядок, который создали города для организации у себя в своих стенах всей жизни ремесленного производства. Купцы и ремесленники были охвачены звеньями одной и той же сети, от которой они никогда не бывали вполне свободны. Отсюда и двусмысленные положения и конфликты.

Ремесленные цехи (*corps de métiers*) (известно, что слово *корпорации*, употребляемое кстати и некстати, на самом деле



Знамя ассоциации плотников венецианского Арсенала, XVIII в. «Гастальдо» (gastaldo) — глава объединения ремесленников. *Венеция, Музей венецианской истории. Фото Скала.*

впервые появилось только в законе Ле Шапелье *, упразднившем их в 1791 г.) получили развитие по всей Европе с XII по XV в. В одних районах это случилось раньше, в других позже, позднее всего в Испании (традиционные датировки: Барселона — 1301 г., Валенсия — 1332, Толедо — 1426 г.). Однако нигде эти цехи (немецкие *Zünfte*, итальянские *Arti*, английские *guilds*, испанские *gremios*) не имели возможности навязать свою власть без ограничений. Некоторые города им принадлежали, другие же были *вольными*. Внутри одного и того же городского поселения могло существовать и разделение [власти] — так было в Париже и в Лондоне. На Западе великая пора цехов в XV в. миновала. Но будут сохраняться упорные пережитки, в частности в Германии: тамошние музеи ныне полны экспонатами, напоминающими о цеховых *мастерах*. Во Франции расцвет цехов в XVII в. выражал прежде всего желание монархии, озабоченной единообразием, контролем и всего более — налогообложением. Чтобы удовлетворить требования фиска, все ремесленные цехи залезали в долги [305].

В пору расцвета цехов на их долю приходилась значительная часть обменов, труда, производства. С развитием экономической жизни и рынка и по мере того, как разделение труда навязывало новые виды изделий и новое разделение профессий, вполне естественно возникали пограничные конфлик-

* Закон Ле Шапелье (по имени его инициатора), принятый Учредительным собранием 14.06.1791 г., запрещал стачки и объединение рабочих в союзы.— *Прим. перев.*

305 Например, в Париже перевозчики вина за шесть лет (1703—1709 гг.) предоставили казне почти полтора миллиона ливров и находились в затруднительном положении. A. N., G 7, 1510.

ты между смежными ремеслами. Тем не менее число цехов возрастало, следуя за движением. В Париже в 1260 г. их было 101, пребывавших под строгим надзором купеческого старшины (*prévôt des marchands*) *, и эта сотня ремесел уже свидетельствует о явной специализации. Впоследствии будут создаваться новые ячейки. В Нюрнберге, которым правила замкнутая и бдительная аристократия, металлообрабатывающие ремесла (*Metallgewerbe*) с XIII в. разделятся на несколько дюжин независимых профессий и ремесел [306]. Тот же процесс будет протекать в Генте, Страсбурге, во Франкфурте-на-Майне, во Флоренции, где обработка шерсти сделалась, как и в иных местах, делом целого ряда цехов. В самом деле, подъем XIII в. стал следствием этого утверждавшегося и расширявшегося разделения труда. Но экономический рынок, который оно за собой повлекло, быстро поставит под угрозу саму структуру цехов, оказавшихся в опасности из-за нажима купечества. Такое острое противостояние естественно вело к гражданской войне ради захвата власти в городе. То была «цеховая революция» (*Zunftrevolution*], по выражению немецких историков, поднявшая ремесленные цехи против патрициата. Кто бы не узнал, выйдя за рамки этой слишком упрощенной схемы, борьбу между купцами и ремесленниками, с их союзами и конфликтами,— длительную классовую борьбу с ее приливами и отливами? Но насильственные беспорядки случались лишь временами, а в подспудной борьбе, которая за ними воспоследует, купец в конечном счете одержит победу. Сотрудничество между ним и ремесленниками не могло протекать на равных, ибо ставкой в игре было завоевание купцом (чтобы не сказать — капитализмом) рынка труда и экономического первенства.

Призванием ремесленных цехов было поддержание согласия между лицами одной и той же профессии и их защита от других в мелочных, но затрагивавших повседневную жизнь спорах. Корпоративная бдительность проявлялась прежде всего в отношении городского рынка, на котором каждое ремесло желало получить свое сполна, что означало обеспеченность занятия, прибыли и «вольностей», в смысле привилегий. Но в игру, которая никогда не бывала простой, вмешивались деньги, денежная экономика, торговля на дальние расстояния, короче говоря, вмешивался купец. С конца XII в. сукна из Провена, одного из маленьких городков, вокруг которого происходили шампанские ярмарки, вывозились в Неаполь, на Сицилию, Кипр, Мальорку, в Испанию и даже в Константинополь [307]. Около того же времени Шпейер, город весьма скромных размеров и даже не располагавший мостом на Рейне, находившемся, однако, не очень от него далеко, изготовлял довольно заурядное сукно — черное, серое или белое (т. е. некрашеное). А ведь это среднего качества изделие распространялось вплоть до Любека, Санкт-Галлена, Цюриха, Вены и шло даже в Трансильванию [308]. И одновременно деньги завладевали городами. Реестр плательщиков тальи отмечал в Париже в 1292 г. некоторое число зажиточных (плативших больше 4 ливров при взимании одной пятидесятой [от оценки имущества]) и несколько редких богачей, плативших более 20 ливров.

* Купеческий старшина — глава муниципального управления Парижа.— *Прим. перев.*

306 Lütge F. *Deutsche Sozial- und Wirtschaftsgeschichte.* 1966, S. 205—206, 258.

307 Amman H. *Die Anfänge des Aktivhandels und der Tucheinfuhr aus Nord-westeuropa nach dem Mittelmeergebiet.— Studi in onore di Armando Sapori.* 1957, I, (вклейка), p. 308. bis.

308 Maschke E. *Die Stellung der Reichsstadt Speyer in der mittelalterlichen Wirtschaft Deutschalnds.— Veirteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte.* 1967, S. 435—455, особенно с. 436.

Рекорд, если так можно выразиться, был установлен неким «ломбардцем» суммой в 114 ливров. Проявлялась очень четкая оппозиция как между ремеслами, так и между богатыми и бедными внутри одних и тех же ремесел, а также и между бедными, даже убогими улицами и теми улицами, что любопытным образом процветали. А над всем этим выделялся целый слой ростовщиков и купцов — миланских, венецианских, генуэзских, флорентийских. Учитывая тысячи неясностей, трудно сказать, заключал ли уже смешанный уклад купцов и ремесленников с [собственными] лавками (башмачников, бакалейщиков, галантерейщиков, суконщиков, обойщиков, шорников) некий микрокапитализм в своей верхушке, но это вполне вероятно [309].

[309] *Paris sous Philippe le Bel d'aprés des documents originaux...* P. p. H. Gérard, 1837.

Во всяком случае, деньги были налицо, уже способные к накоплению и к тому, чтобы, будучи накопленными, играть свою роль. Начиналась неравная игра: определенные цехи становились богатыми, другие, большинство, оставались заурядными. Во Флоренции они различались в открытую: были старшие (*Arti Maggiori*) и младшие (*Arti Minori*) цехи, был уже и жирный народ (*popolo grasso*) и тощий народ (*popolo magro*). Повсюду усиливались различия, разница в уровнях. Arti Maggiori постепенно перешли в руки крупных купцов, и тогда цеховая система сделалась только средством господства над рынком труда. Организацией, которую маскировали цехи, была система, которую историки именуют *Verlagssystem* — системой надомного труда. Началась новая эра.

НАДОМНИЧЕСТВО (*VERLAGSSYSTEM)*

Надомничество — *Verlagssystem* или *Verlagswesen*, равнозначные выражения, которые создала и, сама того не желая, навязала всем историкам немецкая историография,— утвердилось по всей Европе. По-английски оно называется *putting out system*, по-французски — *travail à domicile* или *à façon*. Наилучшим эквивалентом был бы, несомненно, тот, что предложил недавно Михаэль Кёйль: *travail en commandite* — «авансируемая работа», но слово *commandite* обозначает также одну из форм компании купцов [коммандитное товарищество, или товарищество на вере.— *Ред*]. А это могло бы привести к путанице.

Надомничество (*Verlagssystem*) — это такая организация производства, при которой купец выступает как работодатель (*Verleger*). Он авансирует ремесленника сырьем и частью его заработной платы, а остаток выплачивается при сдаче готовой продукции. Такой порядок сложился очень рано, намного раньше, чем это принято говорить, наверняка со времени экономического подъема XIII в. Как иначе истолковать решение купеческого старшины Парижа от июня 1275 г., «каковое запрещает прядильщицам шелка закладывать шелк, что дают им для переработки галантерейщики, ниже оный продавать либо обменивать под страхом изгнания» [310]. По мере того как шло время, росло число знаменательных текстов. С приближением нового времени эта система распространилась [широко]: приме-

[310] B. N., Fr., 21557, f° 9.

ров — тысячи, и нам более чем затруднительно сделать выбор. 31 января 1400 г. в Лукке Паоло Бальбани и Пьетро Джентили, тот и другой — шелкоторговцы, учредили товарищества. Контракт о создании товарищества уточнял, что «торговая их операция будет большею частию состоять в том, чтобы организовывать выработку шелковых тканей» (*"il trafficho loro serà per la maggiore parte in fare lavorare draperie di seta"*)[311]. *"Fare lavorare"*, т. е. буквально «заставлять вырабатывать»,— это дело предпринимателей, «тех, кто заставляет работать» (*"qui faciunt laborare"*), как гласило латинское выражение, тоже бывшее в ходу. Договоры, заключавшиеся с ткачами, часто регистрировались у нотариуса, а их условия бывали различными. Порой задним числом возникали споры: в 1582 г. генуэзский работодатель хотел, чтобы прядильщик шелка признал свои долги ему, и вызвал свидетеля, который заявил, что он в курсе дела, ибо, будучи подмастерьем Агостино Косты, видел в мастерской этого последнего работодателя, купца Баттисту Монторио, «который приносил тому шелка для обработки и забирал их выработанными» (*"quale li portava sete per manifaturar et prendeva delle manifatturrate"*)[312]. Картина настолько ясная, насколько только возможно. Монторио — работодатель (*Verleger*). Точно такой же, как и купец, который в 1740 г. в небольшом городке Пюи-ан-Веле поручал работницам изготовлять кружева у них на дому; он снабжал их голландскими нитками «по весу и брал тот же вес в кружевах»[313]. Около этого же времени в Изесе 25 фабрикантов заставляли работать в городе и в окрестных деревнях 60 станков, на которых ткали саржу[314]. Историк Сеговии Диего де Кольменарес уже говорил о тех «фабрикантах сукон» времен Филиппа II, «коих неверно именовали купцами, истинных отцах семейств, ибо в своих домах и вне их они давали средства к существованию большому числу людей [многие среди них — 200, а иные и 300 человек], изготавливая, таким образом, чужими руками разные виды великолепных сукон»[315]. Другими примерами работодателя (*Verleger*) служат золингенские купцы-ножовщики, носившие любопытное прозвание «отделывальщики» (*Fertigmacher*), или же лондонские шляпные торговцы[316]

В этой системе работы на дому цеховой мастер зачастую тоже становился наемным рабочим. Он зависел от купца, который ему поставлял сырье, зачастую привезенное издалека, который потом обеспечит ему продажу на экспорт бумазеи, шерстяных или шелковых тканей. Все секторы ремесленной жизни могли быть затронуты таким образом, и тогда цеховая система разрушалась, хотя и сохраняла все тот же внешний облик. Купец, навязав свои услуги, подчинял себе различные виды деятельности по своему выбору — что в обработке железа, что в текстильном производстве, что в судостроении.

В XV в. в Венеции на частные судостроительные верфи (т. е. за пределами огромного арсенала Синьории) мастера цеха плотников (*Arte dei Carpentieri*) и цеха конопатчиков (*Arte dei Calafati*) приходили работать со своими помощниками (с одним-двумя учениками — *fanti* — каждый), обслуживая купцов-арматоров, совладельцев строящегося корабля. Вот

311 Melis F. *Aspetti della vita economica medievale, studi nell' Archivio Datini di Prato*, I, p. 458.
312 Генуя. Городской архив, 572, л. 4.
313 Москва. Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина, Fr., 374 л. 171.
314 *Там же*, л. 121.
315 Colmenares D., de. *Historia de la insigna ciudad de Segovia*. 2 ed., 1640, p. 547.
316 Kellenbenz H. *Marchands capitalistes et classes sociales*, p. 14 (машинописный текст).

они и оказывались в шкуре простых наемных рабочих [317]. В Брешии к 1600 г. дела шли плохо. Как же было оживить производство оружия? Да призвав в город определенное число купцов (*mercanti*), которые бы заставили работать мастеров и ремесленников [318]. Еще раз капитализм поселялся в чужом доме. Бывало также, что купец имел дело с целым ремесленным цехом, как, скажем, было с чешскими и силезскими холстами; то была так называемая система «цеховой закупки» (*Zunftkauf*) [319].

Вся эта эволюция встречала определенное пособничество внутри городских ремесленных цехов. Чаще, однако, она наталкивалась на их яростное сопротивление. Но при этой системе существовало свободное поле деятельности в деревнях, и купец не отказывался от этой удачной находки. Будучи посредником между производителем сырья и ремесленником, между ремесленником и покупателем готового продукта, между ближними и дальними местностями, он также был посредником и между городом и деревней. В борьбе с недоброжелательностью или с высокой заработной платой в городах он мог в случае необходимости широко прибегать к деревенским промыслам. Флорентийское суконное производство было [плодом] совместной деятельности деревень и города. Таким же образом и вокруг Ле-Мана (14 тыс. жителей в XVIII в.) была рассеяна целая промышленность, изготовлявшая кисеи, тонкие роскошные сукна [320]. Или вокруг Вира — бумажная промышленность [321].

В июне 1775 г. наблюдательный путешественник проехал в Рудных горах между Фрейбергом и Аугустусбургом по бесконечной веренице деревень, где пряли хлопок и изготовляли кружева, черные и белые, или «блонды», в которых переплетались льняные, золотые и шелковые нити. Было лето, все женщины вышли из домов и сидели на пороге своих жилищ, а в тени тополя около старого гренадера собрался кружок девушек. И каждый, включая и старого солдата, усердно занимался работой. Нужно было жить: кружевница прерывала движение своих пальцев лишь для того, чтобы съесть кусок хлеба или вареную картофелину, сдобренную щепоткой соли. В конце недели она отнесет плоды своего труда либо на соседний рынок (но это было исключением), либо же чаще всего к *Spitzenherr* (переведем это как «господин кружев»), который ее авансировал сырьем, предоставил рисунки, пришедшие из Голландии или Франции, и который заранее оставил за собой ее продукцию. Тогда она купит растительного масла, немного мяса, риса для воскресного пиршества [322].

Надомный труд приводил, таким образом, к целой сети цеховых или семейных мастерских, связанных между собой торговой организацией, которая их вдохновляла и над ними господствовала. Один историк справедливо писал: «В сущности, раздробленность была только внешней; все происходило так, словно ремесла на дому были включены в некую невидимую финансовую паутину, нити которой держали в руках несколько крупных негоциантов» [323].

Тем не менее упомянутая выше паутина обволакивала далеко не все. Существовали обширные районы, где производство

[317] Luzzato G. *Per la storia delle construzioni navali a Venezia nei secoli XV e XVI.— Miscellanea di studi storici in onore di Camillo Manfroni*, p. 385—400.
[318] Museo Correr. Donà delle Rose, 160, f° 53 v°.
[319] Kellenbenz H. *Art. cit.*, note 316.
[320] Dornic F. *L'Industrie textile dans le Maine*. 1955.
[321] Felice R., de. *La Basse-Normandie, étude de géographie régionale*. 1907, p. 471.
[322] Beckmann J. *Op. cit.*, I, S. 109 f.
[323] Dornic F. *Op. cit.*, p. 307.

оставалось вне прямой власти купца. Так, несомненно, было с переработкой шерсти во многих районах Англии. Возможно, так обстояло дело в Лангедоке вокруг Бедарьё с деятельным народцем гвоздарей. Наверняка было так и в Труа, где обработка льна еще в XVIII в. ускользала из рук работодателя. И во многих других регионах даже в XIX в. Такое свободное производство возможно было лишь на основе сырья, которое легко было получить на ближнем рынке, где обычно должен был сбываться и законченный продукт. Так, в XVI в. на исходе зимы на испанских ярмарках можно было увидеть, как переработчики шерсти сами приносили свои ткани, так же как делали это еще в XVIII в. столько деревенских жителей на английских рынках.

Около 1740 г. не было купца-работодателя и в Жеводане, особенно бедном районе Центрального массива. В этом суровом крае примерно 5 тыс. крестьян ежегодно усаживались за свои станки в пору, когда их «загоняли в дома морозы и снега, кои более полугода покрывают поля и деревеньки». Когда они кончали ткать штуку, «они ее несли на ближайший рынок... так что [там] бывало столько же продавцов, сколько имелось штук ткани; цену всегда выплачивали наличными», и, вне сомнения, именно последнее привлекало этих нищих крестьян. Их сукна, хоть и изготовленные из довольно хорошей местной шерсти, были «невысокого качества, ибо продаются они по цене всего лишь от 10—11 до 20 су, ежели исключить саржи, именуемые эско *... Самые обычные покупатели суть купцы провинции Жеводан, рассеянные по семи или восьми небольшим городам, где находятся сукновальни, как-то Марвежоль, Лангонь, Ла-Канург, Сен-Шели, Сог и [особенно] Манд». Продажи производились на ярмарках и рынках. «За два или три часа все бывает распродано, покупатель определяет свой выбор и свою цену... перед лавкою, где ему показывают штуки», и там же, в лавке, по завершении сделки он велит проверить длину [мерной] тростью. Эти продажи заносились в реестр с указанием имени работника и уплаченной цены [324].

Вне сомнения, как раз в это же время некий предприниматель по имени Кольсон попробовал привить в первобытном Жеводане систему надомничества одновременно с изготовлением сукон, именовавшихся в Англии «королевскими», а во Франции «мальборо». В мемуаре, направленном провинциальным штатам Лангедока, он рассказал о своих шагах, о своих успехах и о необходимости помощи, если желают, чтобы он продолжал упорствовать в своих усилиях [325]. Кольсон был работодателем (*Verleger*), а одновременно и предпринимателем, старавшимся навязать свои станки, свои чаны, свои [технологические] процессы (в частности, изобретенную им машину «для обжигания ворса» на ткани «или пуха посредством спиртового пламени»). Но главное в предприятии было создать эффективную сеть надомного труда, в особенности научить прядильщиц «мало-помалу скручивать чистую, тонкую и ровную нить». Все это стоило дорого, тем более что «в Жеводане все оплачивается наличными, прядение же, равно как и ткачество, наполовину оплачивается вперед; нищета же жителей сего края долго не

* Эско — разновидность грубой плотной шерстяной ткани для монашеских ряс и траурных платьев.— *Прим. перев.*

[324] Москва, Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина, Fr 374, л. 160.

[325] London. Victoria & Albert Museum, 86—HH, Box 1 (без даты).



«Отдых ткача». Картина А. ван Остаде (1610—1688). Типичный пример надомной работы. Ткацкий стан занимает свое место в общей комнате. *Брюссель. Королевские музеи изящных искусств.*

заставит их отказаться от такового обыкновения». Ни единого слова о размерах вознаграждения, но и не зная их, можно поклясться, что было оно невысоким. А иначе чего ради такие усилия в отсталой области!

СИСТЕМА НАДОМНИЧЕСТВА В ГЕРМАНИИ

Хотя система надомного труда была открыта, «окрещена», описана и объяснена в первую очередь немецкими историками на материале собственной страны, она не здесь зародилась, чтобы затем распространиться за ее пределы. Если бы потребовалось найти ее родину, то колебания возможны были бы только

между Нидерландами (Гент, Ипр) и промышленной Италией (Флоренция, Милан). Но система эта, очень быстро ставшая в Западной Европе вездесущей, широко распространилась по немецким землям, которые, принимая во внимание состояние исторических исследований, служат излюбленным объектом наблюдения. Еще не опубликованная статья Германа Келленбенца, которую я здесь кратко излагаю, дает детальную, многообразную и убедительную ее картину. Сети системы были первыми бесспорными чертами торгового капитализма, стремившегося к господству над ремесленным производством, а не к его преобразованию. В самом деле, что его интересовало в первую голову, так это продажа. Задуманная таким образом система надомничества (*Verlagssystem*) могла затронуть любой вид производственной деятельности с того момента, как купцу становилось выгодно подчинить его себе. Все благоприятствовало такому разрастанию: общий подъем техники, ускорение перевозок, рост накопленного капитала, которым управляли опытные руки, и наконец, быстрое развитие германских рудников начиная с 70-х годов XV в.

Оживленный характер германской экономики был отмечен множеством признаков, будь то хотя бы раннее начало роста цен или же та форма, в какой центр тяжести этой экономики перемещался из одного города в другой: в начале XV в. все вращалось еще вокруг Регенсбурга, на Дунае; затем утвердил себя Нюрнберг; время Аугсбурга и его купцов-финансистов наступит позднее, в XVI в. Все происходило так, словно Германия увлекала за собой окружающую ее Европу и приспосабливалась к ней, а заодно приспосабливалась и к собственной участи. Система надомничества (*Verlagssystem*) извлекала пользу из этих благоприятных условий в Германии. Если наложить на карту все связи, какие она создавала, то все пространство германских земель было бы пронизано этими тонкими и многочисленными нитями. Один за другим разные виды производственной деятельности охватывались этой сетью. В Любеке это случилось довольно рано (в XIV в.) с мастерскими суконщиков; в Висмаре так произошло в пивоварении, которое объединяло «работников пивовара» (*Bräuknechte*) и «работниц пивовара» (*Bräumägde*), бывших уже наемными рабочими. В Ростоке это произошло в мельничном деле и в производстве солода. Но в XV в. именно обширный сектор текстильного производства стал оперативным простором для этой системы — от Нидерландов, где концентрация производств была намного большей, чем в Германии, до швейцарских кантонов (базельские и санкт-галленские холсты). Изготовление бумазеи — из смеси льна и хлопка,— которое предполагало ввоз сирийского хлопка через Венецию, было по природе своей такой отраслью, где купец, который держал в руках привозимое издалека сырье, неизбежно играл свою роль, будь то в Ульме, либо в Аугсбурге, где надомничество будет способствовать быстрому подъему производства *Barchent* — бумазеи. В других местах система затронула бочарное производство, изготовление бумаги (первая бумажная мельница в Нюрнберге в 1304 г.), набойку тканей и даже изготовление четок.

РУДНИКИ И ПРОМЫШЛЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ

По всей Германии или, лучше сказать, по всей Центральной Европе в широком смысле слова, включая Польшу и Венгрию, в Скандинавских странах на рудниках был сделан решающий шаг по пути к капитализму. В самом деле, здесь торговая система завладела производством и сама его реорганизовала. В этой области нововведения пришлись на конец XV в. Действительно, в этот решающий период не были изобретены ни рудник, ни горняцкое ремесло, но подверглись изменению условия эксплуатации [месторождений] и труда.

Профессия горняка — старая профессия. С XII в. во всей Центральной Европе можно было обнаружить группы ремесленников, подмастерьев-горняков (*Gewerkschaften, Knappschaften*) [326], а правила их организации сделались всеобщими в XIII и XIV вв. вместе с перемещениями множества немецких рудокопов в направлении стран Восточной Европы. Все шло хорошо у этих крохотных коллективов, пока руду можно было добывать на поверхности. Но с того времени, когда эксплуатация месторождений потребовала идти за рудой в глубину, она поставила трудные задачи: проходку и крепление длинных штолен, подъемные устройства над глубокими шахтами, откачку неизменно присутствовавшей в выработках воды. Впрочем, решение их всех вызывало трудности не столько *в техническом смысле* (новые приемы, как то часто бывало в мире труда, вырабатывались сами собой), сколько в *финансовом*. Отныне горнопромышленная деятельность требовала установки и обновления относительно громадных технических устройств. В конце XV в. такое изменение открыло двери богатым купцам. Издалека, одной лишь силой своих капиталов, они захватят рудники и связанные с ними промышленные предприятия.

Эта эволюция произошла почти везде в одно и то же время — в конце XV в.: на серебряных рудниках Гарца и Чехии, в Тирольских Альпах, давнем центре разработки меди, на золотых и серебряных рудниках Нижней Венгрии *, от Кёнигсберга (Нова-Баня) до Нейзоля (Банска-Бистрица), вдоль стиснутой крутыми берегами долины Грона [327]. И как следствие, свободные работники горняцких артелей (*Gewerkschaften*) повсюду сделались наемными рабочими, работниками зависимыми. К тому же это как раз тот период, когда появляется [само] слово «рабочий».

Вложение капитала проявилось в сенсационном росте производства, и не в одной только Германии. В Величке, около Кракова, прошли времена крестьянской добычи каменной соли путем выпаривания рассола в неглубоких железных емкостях. Штольни и шахты проходили на глубине до 300 м. Огромные машины, приводившиеся в движение конными упряжками, поднимали на поверхность соляные плиты. В период своего апогея в XVI в. производство составляло 40 тыс. тонн в год; на копях было занято 3 тыс. рабочих. С 1368 г. в добыче участвовало и польское государство [328]. Также неподалеку от Кракова, но в Верхней Силезии, на свинцовых рудниках вокруг Олькуша, которые в конце XV в. давали от 300 до

[326] Организация горного предприятия, восходившая к средним векам, к «Тридентским горным уставам» (*Tridentiner Bergwerkgebräuche*), 1208 г.
* Нижняя Венгрия — имеются в виду словацкие земли, входившие в состав владений венгерской короны.— *Прим. перев.*
[327] Probszt G., von. *Die niederungarischen Bergstädte*. 1966.
[328] Keckowa A. *Żupy krakowskie w XVI—XVII wieku (do 1722 roku)*. Wrocław etc., 1969.

500 тонн руды в год, в XVI—XVII вв. добывали ее [ежегодно] от тысячи до 3 тыс. тонн. Здесь сложность заключалась не в глубине залегания (она составляла всего 50—80 м), а в чрезмерном обилии воды. Потребовалось проходить длинные наклонные обшитые деревом галереи, позволявшие воде стекать вниз, увеличивать число насосов с конным приводом, наращивать численность рабочих. Тем более, что твердость породы была такова, что за восемь часов труда рабочий проходил лишь 5 см выработки. Все это требовало капиталов и автоматически передало рудники в руки тех, кто таковыми располагал: пятая часть шахт принадлежала «рантье» — королю польскому Сигизмунду II Августу; пятая часть — знати, королевским чиновникам и богатым жителям новых соседних городов; а три пятых остались краковским купцам, которые удерживали в руках польский свинец подобно тому, как аугсбургские купцы, хотя и находившиеся на большом удалении, завладели золотом, серебром и медью Чехии, Словакии, Венгрии, Тироля [329].

Для деловых людей велик был соблазн *монополизировать* столь важные источники дохода. Но это означало зариться на кусок шире глотки: даже Фуггеры едва не потерпели неудачу, пытаясь установить монополию на медь. Хёхштеттеры в 1529 г. разорились, упорно стараясь создать монопольный «трест» по добыче ртути. Размеры необходимого для инвестирования капитала в общем делали невозможным для какого бы то ни было купца взять на себя в одиночку ответственность за весь комплекс тех или иных горных разработок. Правда, Фуггеры в течение долгих лет полностью держали в руках разработку альмаденских ртутных рудников в Испании. Но Фуггеры — это были Фуггеры. Обычно же, подобно собственности на корабль, которую делили на части (*carats*), право собственности на горные разработки делилось на доли (*Kuxen*), довольно часто — на 64 и даже на 128 таких *Kuxen*. Это раздробление позволяло привлечь к предприятию благодаря нескольким даровым акциям самого государя, который к тому же сохранял фактическое право собственности на недра. Август I Саксонский владел в 1580 г. 2822 долями (*Kuxen*) [330]. В силу этого факта государство всегда принимало участие в горнопромышленных предприятиях.

Но это блистательная — хочется сказать, легкая — фаза истории горной промышленности была не слишком продолжительной. Закон *убывающей отдачи* неумолимо должен был сыграть свою роль: горные предприятия процветали, потом приходили в упадок. Упорные забастовки рабочих в Нижней Венгрии начиная с 1525—1526 гг. были, несомненно, уже показателем отступления. Десятью годами позже умножились признаки прогрессирующего спада. Говорили, что повинна в том конкуренция со стороны американских рудников либо же экономическая депрессия, на время прервавшая подъем XVI в. Во всяком случае, торговый капитализм, который в конце XV в. был так скор на вмешательство, не замедлил стать осторожным и забросить то, что было отныне лишь посредственным делом. Но ведь отказ от инвестирования столь

[329] Molenda D. *Le Progrès technique et l'organisation économique de l'extraction des métaux non ferreux en Pologne du XIV*[e] *au XVII*[e] *siècle*, p. 14; Idem. *Górnictwo Kruszcowe na terenie złóż śląskokrakowskich do połowy XVI'wieku*. 1963, s. 410.

[330] Lütge F. *Op. cit.*, S. 265.

же характерен для любой капиталистической активности, сколь и инвестирование: конъюнктура подталкивает капитал вперед, конъюнктура же и заставляет его выйти из игры. Знаменитые рудники были предоставлены государству: уже [тогда] неудачные деловые предприятия оставляли на его долю. Если Фуггеры оставались в Шваце, в Тироле, так это потому, что одновременное содержание в руде меди и серебра еще позволяло извлекать там значительные прибыли. На венгерских медных рудниках их сменили другие аугсбургские фирмы: Лангнауэры, Хауги, Линки, Вайсы, Паллеры, Штайнигеры и, чтобы закончить, Хенкели фон Доннерсмарки и Релингеры. Все они уступят место итальянцам. Такая последовательная смена [владельцев] заставляет думать о промахах и неудачах и по меньшей мере — о скудных доходах, от которых предпочитали в один прекрасный день отказаться.

Тем не менее, если купцы и бросили большую часть горных предприятий государям, они остались в менее рискованной роли распределителей горнопромышленной и металлургической продукции. И вот мы уже больше не смотрим на историю горной промышленности, а вслед за нею — и на историю капитализма взглядом Якоба Штридера [331], пусть даже и искушенным. Если вырисовывающееся объяснение правильно — а оно должно быть правильным,— капиталисты, включившиеся или включавшиеся в горнопромышленную деятельность, в общем покидали лишь опасные или малонадежные посты начальной стадии производства. Они переключались на изготовление полуфабрикатов, на домны, плавильни и кузницы, а и того лучше — на одно только распределение. Они снова держались на расстоянии.

[331] Strieder J. *Zur Genesis des modernen Kapitalismus*. 1935.

Эти продвижения вперед и отступления требуют десятков, сотен свидетельств, которые определенно были бы небесполезны. Но главная проблема для нас заключена в другом. Разве не видим мы, как в этих могущественных горнопромышленных сетях в конце концов возникал настоящий рабочий пролетариат — рабочая сила в чистом виде, «голый труд»,— т. е., в соответствии с классическим определением капитализма, второй элемент, необходимый для его существования? Рудники вызвали огромные сосредоточения рабочей силы, разумеется, по масштабам того времени. К 1550 г. на рудниках Шваца и Фалькенштейна в Тироле было больше 12 тыс. профессиональных рабочих; одной только откачкой воды, что угрожала рудничным штольням, там занималось от 500 до 600 наемных работников. Правда, в общей массе наемный труд еще оставлял место для некоторых исключений: так, продолжали существовать мелкие предприниматели на транспортных работах или крохотные артели независимых горняков. Но все или почти все зависели от снабжения продовольствием, осуществлявшегося крупными работодателями, от системы фабричных лавок (*Trucksystem*), бывшей дополнительной формой эксплуатации трудящихся: им продавали по ценам, выгодным поставщику, зерно, муку, жир, одежду и прочую «грошовку» (*Pfennwert*), дешевый товар. Эта торговля вызывала у горняков, буйных по натуре и скорых на подъем, частые протесты. Наперекор всему строился и обретал четкие контуры мир труда.



Рынок серебряной руды в Кутной Горе (Чехия) в XV в.
Продажа происходит под надзором начальника рудника,
который представляет короля.
Покупатели сидят вокруг стола,
на котором рудокопы раскладывают руду.
Фрагмент. "Kuttenberger Gradual".
Вена, Австрийская Национальная библиотека.

В XVII в. вокруг железоплавильных заводов в Хунсрюке появились дома рабочих. Обычно плавильня бывала капиталистической, но железный рудник оставался в руках вольного труда. Наконец, повсюду установилась иерархия труда, некий его «командный состав»: наверху — мастер (*Werkmeister*), представитель купца, ниже — десятники (*Gegenmeister*). Как же не увидеть, с двойным, с тройным основанием, в этих возникавших реальностях провозвестие наступавших [новых] времен?

РУДНИКИ НОВОГО СВЕТА

Это умеренное, но очевидное отступление капитализма в горной промышленности начиная с середины XVI в. остается заметным фактом. Европа в силу самой своей экспансии действовала тогда так, словно она сочла за благо избавиться от заботы о собственной горной и металлургической промышленности, переложив ее задачи на те районы, которые находились в зависимости от нее на периферии. В самом деле, в Европе не только снижающаяся отдача ограничивала прибыль, но «огненные заводы» к тому же истощали запасы лесов. Цена дров и древесного угля становилась чрезмерной, домны обрекались на работу с перерывами, бесполезно омертвляя основной капитал. С другой стороны, росла заработная плата. Так что нечего удивляться, если европейская экономика, рассматриваемая как нечто целостное, обращалась за железом и медью к Швеции, за медью — к Норвегии. Вскоре за тем же железом стали обращаться к далекой промышленности России. Золото и серебро получали из Америки, олово — из Сиама (если не принимать во внимание английский Корнуолл), золото — из Китая, серебро и медь — из Японии.

Однако замена не всегда бывала возможна. Так обстояло дело с ртутью, необходимой американским серебряным рудникам. Месторождений ртути в Уанкавелике, в Перу, открытых около 1564 г. и довольно медленно вводившихся в эксплуатацию, было недостаточно, и снабжение [металлом] с европейских рудников в Альмадене и Идрии оставалось необходимостью [332]. Знаменательно, что интереса к этим рудникам капитал не утратил. Альмаден оставался под единоличным управлением Фуггеров вплоть до 1645 г. [333] Что же до Идрии, месторождения которой, открытые в 1497 г., разрабатывались начиная с 1508—1510 гг., то купцы непрестанно оспаривали монопольное право на них австрийского государства, которое завладело всеми рудниками с 1580 г. [334]

Втягивался ли капитализм на отдаленных горнопромышленных предприятиях целиком в [то] производство, которое он только что мало-помалу забросил в Европе? До определенной степени — да, если говорить о Швеции и Норвегии. Но ответ будет отрицательным в том, что касается Японии, Китая, Сиама или самой Америки.

В Америке золотодобыча, осуществлявшаяся еще на ремесленной основе в окрестностях Кито в Перу и на обширных приисках внутренних районов Бразилии, сильно отличалась от

[332] Lohmann Villena G. *Las Minas de Huancavelica en los siglos XVI y XVII*, p. 11 sq.

[333] Matilla Tascon A. *Historia de las minas de Almaden*. I (1958), p. 181—202.

[334] Lütge F. *Op. cit.*, S. 304; *Enciclopedia Italiana*, S. v. "*Idria*".

добычи серебра, которую вели уже процессом амальгамирования по новой технологии, завезенной из Европы и использовавшейся в Новой Испании с 1545 г., в Перу — с 1572 г. У подножия гор Серро-де-Потоси огромные водяные колеса дробили руду и облегчали амальгамирование. Там имелись дорогостоящие установки, дорогостоящее сырье. Возможно, что там нашлось мес-



На заднем плане — гора (Cerro) Потоси.
По ее склонам поднимаются люди и караваны.
На переднем плане — дворик (*patio*),
где обрабатывают серебряную руду.
Водяное колесо позволяет ее измельчить, а молоты превращают в порошок — «муку»,
которая будет в холодном состоянии смешана с ртутью в мощеных выгородках;
тесто ногами размешивали индейцы.
Канал, подведенный к колесу,
питается за счет таяния снегов в горах и дождевой воды,
что накапливается в водохранилищах (*lagunas*).
Сбоку от горы видны бараки (*rancherias*) индейцев;
с другой же стороны, перед патио, можно представить город,
простирающий свои длинные прямые улицы,
которые часто изображали в XVIII в.
См.: Helmer M. *Potosi à la fin du XVIII[e] siècle.— "Journal des Américanistes"*, 1951, p. 40.
Источник: *Library of the Hispanic Society of America*, New-York.

то и для определенных форм капитализма: нам известны и по Новой Испании и по Потоси разом возникавшие состояния удачливых рудокопов. Но они были исключением. Правилом и здесь оставалось то, что прибыль достается купцу.

В первую очередь — купцу местному. Как и в Европе, больше чем в Европе, горнопромышленное население устраивалось на пустом месте: так было на Севере Мексики или в Перу, настоящей пустыне в сердце Анд. И следовательно, главным вопросом было снабжение. Этот вопрос вставал уже в Европе, где предприниматель поставлял горняку необходимое продовольствие и крупно зарабатывал на этой торговле. В Америке же снабжение доминировало над всем. Так было на бразильских приисках. Так было в Мексике, где рудники Севера требовали крупных поставок продовольствия с Юга. В 1733 г. Сакатекас потреблял более 85 тыс. фанег маиса (фанега составляет 15 кг), Гуанахуато — 200 тыс. фанег в 1746 г. и 350 тыс. фанег в 1785 г. [335] Но ведь не сам *minero* (собственник рудника, разрабатывающий его) обеспечивал свое снабжение. В обмен на золото или белый металл купец авансировал его продовольствием, тканями, инструментом, ртутью — и включал его в систему либо натурального обмена, либо снабжения в кредит. Купец опосредованно, незаметно или открыто, становился хозяином рудников. Но не главным господином этих обменов, которые брали на себя различные звенья торговой цепочки — в Лиме, Панаме, на ярмарках Номбре-де-Диос или Портобельо, в Картахене Индий и, наконец, в Севилье или в Кадисе, головных пунктах другой европейской распределительной сети. [Другая] цепочка тянулась из Мехико в Веракрус, в Гавану, в Севилью. Именно там, на всем протяжении пути, со всеми жульническими проделками, какие этот путь делал возможными, размещались прибыли, а вовсе не на уровне горнопромышленного производства.

[335] Florescano E. *Precios del maiz y crisis agricolas en Mexico (1708—1810)*. 1969, p. 150, note 33.

СОЛЬ, ЖЕЛЕЗО, КАМЕННЫЙ УГОЛЬ

Однако же определенные виды деятельности остались европейскими: такой была [судьба добычи] соли, железа, каменного угля. Ни одна из копей каменной соли не была заброшена, а значительные масштабы технического оснащения очень рано отдали их во власть купцов. Напротив, разработка соляных полей была организована мелкими предпринимателями: в руках купцов были сконцентрированы только перевозки и сбыт; так происходило что в Сетубале, в Португалии, что в Пеккэ, в Лангедоке. Крупные предприятия соляной торговли угадываются как на побережье Атлантики, так и в долине Роны.

Что касается железа, то рудники, домны и металлургические заводы долгое время оставались производственными единицами ограниченных размеров. *Торговый* капитал почти не вмешивался в их дела непосредственно. В 1785 г. в Верхней Силезии 191 из 243 доменных печей (*Werke*) принадлежала крупным земельным собственникам (*Gutsbesitzer*), 20 — королю прусскому, 14 — разным княжествам, 2 — благотворительным фондам и только 2 печи — вроцлавским купцам [336]. Дело в том, что же-

[336] Lütge F. *Op. cit.*, S. 378.

лезоделательная промышленность имела тенденцию строиться по вертикальному принципу, и поначалу собственники рудосодержащих участков и необходимого леса играли решающую роль. В Англии *джентри* и знать зачастую вкладывали капиталы в железные рудники, домны и передельные производства, располагавшиеся на их землях. Но это долго будут единичные предприятия, с ненадежным сбытом, примитивной техникой и недорогими постоянными сооружениями. Главные затраты — это необходимый приток сырья, топлива и заработная плата. Это обеспечивал кредит. Однако придется дожидаться XVIII в., чтобы стало возможным крупномасштабное производство и технический прогресс и инвестиции последовали за расширением рынка. Гигантская доменная печь Эмброуза Краули (1729 г.) была, пожалуй, менее значительным предприятием, чем какая-нибудь очень крупная пивоварня того времени [337].

Мелкие и средние предприятия преобладали также и в добыче угля, и очень долго. Во Франции в XVI в. одни только крестьяне добывали для собственных нужд или для легкого вывоза каменный уголь открытых месторождений, как то было вдоль Луары или на Живоре в Марселе. Точно так же огромный успех Ньюкасла не помешал сохраняться старинной и упорной корпоративной организации. В XVII в. по всей Англии «на одну глубокую шахту, [оборудованную на новый манер], приходилось двенадцать мелких, разрабатывавшихся с небольшими затратами... какими-то простыми орудиями» [338]. Если имели место новшества, прибыль, игра торговых интересов, то бывало это во все более расширявшейся [системе] сбыта топлива. В 1731 г. Компания Южных морей (*South Sea Company*) намеревалась направить в Ньюкасл и в порты на реке Тайн свои суда, возвращавшиеся с китобойного промысла, дабы там загрузить их углем [339].

Но вот мы оказываемся в XVIII в., где все уже переменилось. Даже во Франции, запаздывавшей в сравнении с Англией, Совет торговли и соответствующие власти были завалены заявками на горные отводы — можно было подумать, что не существовало во Франции области, которая бы не таила в своих недрах запасы каменного угля или, на худой конец, торфа. И правда, использование каменного угля увеличивалось, хотя и менее быстро, чем в Англии. Его применяли на новых стекольных заводах Лангедока, на пивоваренных заводах Севера, например в Аррасе или в Бетюне [340], или даже на металлургических заводах в Алесе. Отсюда и новая заинтересованность купцов и лиц, предоставлявших капитал, заинтересованность бóльшая или меньшая в зависимости от обстоятельств и от района, тем более что отвечавшие за это власти отдавали себе отчет в том, что в таких сферах деятельности любители не могли иметь веса. Именно это и писал суассонский интендант в марте 1760 г. одному из подавших заявки: надлежит «прибегнуть к компаниям, подобным Боренской и компании г-на де Ренозана», которые одни только способны «собрать необходимые средства для оплаты этих подлинных горных работ по добыче, каковые исполнить могут лишь люди в сем деле искусные» [341]. Таким образом будут созданы анзенские копи, славная история которых инте-

[337] Clarkson L. A. *The Preindustrial Economy in England*. 1971, p. 98.
[338] *Ibidem*.
[339] *"Gazette de France"*, p. 594, 6 августа 1731 г.
[340] A. N., F. 12, 682, 9 января 1727 г.
[341] Rouff M. *Les Mines de charbon en France au XVIII*e *siècle*. 1922, p. 245, note 1.

ресует нас только в своем начале. Они очень быстро займут место [мануфактуры] Сен-Гобен в качестве второго по важности после Ост-Индской компании французского предприятия: с 1750 г. они *будто бы* будут располагать «огненными насосами», т. е. машинами Ньюкомена [342]. Но не будем более углубляться в то, что было уже промышленной революцией.

[342] Martin G. *La Grande Industrie en France sous le règne de Louis XIV*. 1900, p. 184.

МАНУФАКТУРЫ И ФАБРИКИ

В большинстве своем предпромышленность представала в форме бесчисленных простейших ячеек ремесленной деятельности и системы надомничества. Выше этого рассеянного мира появляются уже более явные капиталистические [виды] организации — *мануфактуры* и *фабрики*.

Оба слова употреблялись постоянно как равнозначные. Это историки, следуя за Марксом, охотно разграничили бы слово *мануфактура*, обозначая им предприятие с концентрацией рабочей силы ремесленного типа, трудящейся вручную (особенно в текстильном производстве), и слово *фабрика*, имея в виду предприятие, связанное с оборудованием и *машинами*, какие уже применяли горнодобывающие предприятия, металлургические производства или судостроительные верфи. Но [вот] мы читаем написанное французским консулом в Генуе, который отмечает создание в Турине заведения, насчитывавшего тысячи ткачей, производящих шелка, затканные золотом и серебром: «эта «фабрика... со временем нанесет значительный ущерб мануфактурам Франции» [343]. Для него два эти слова были синонимами. На самом же деле слово «завод» (*usine*), по традиции сохраняемое для XIX в., лучше бы подошло к тому, что историки будут именовать *фабрикой*. Слово это, редко употреблявшееся, существовало с XVIII в. В 1738 г. испрашивалось разрешение создать около реки Эссонн «завод» (*usine*), «дабы изготовлять там всяческие виды медной проволоки для котельных работ» [344] (правда, в 1772 г. этот же завод будет назван «медной мануфактурой»!). А в 1768 г. кузнецы и точильщики района Седана просили о разрешении основать возле мельницы в Илли [345] «завод, каковой им необходим для изготовления их *forces*» (*forces* — это большие ножницы для стрижки сукон). В 1788 г. барон Дитрих выражал пожелание, чтобы к нему не применялись запреты, касавшиеся «чрезмерно увеличившихся в числе случаев основания заводов», в данном случае «доменных печей, железоделательных производств, ковочных цехов, стекольных заводов» и «молотов» [346]. Следовательно, ничто бы не мешало говорить о заводах в XVIII в. Я обнаружил также употребление с 1709 г. слова «*предприниматель*» (*entrepreneur*) [347], хоть оно и оставалось очень редким. А по данным Доза, слово «*промышленник*» (*industriel*) в смысле «руководитель предприятия» вышло из-под пера аббата Галиани в 1770 г. Ходячим же выражением оно станет только с 1823 г., с появлением трудов графа Сен-Симона [348].

[343] A. N., A. E., B[1], 531, 18 февраля 1713 г.
[344] A. N., F 12, 515, f° 4, 23 мая 1738 г.
[345] В департаменте Арденны. Это та самая деревня Илли, которую прославит война 1870 г.: здесь Наполеон III сдался немецким войскам.
[346] A. N., F 12, 724.
[347] A. N., G 7, 1692, 101.
[348] Roy J. A. *Histoire du patronat du Nord de la France*. 1968 (машинописный текст).

С учетом сказанного останемся верны ради удобства изложения проводимому обычно различению между мануфактурой и фабрикой. Так как и в том и в другом случае мое намерение

заключается в том, чтобы уловить прогресс концентрации, я оставлю без внимания *мелкие* единицы. Ибо иной раз слово *мануфактуры* применяли к предприятиям-лилипутам. Например, к «саржевой мануфактуре» в Сент-Менеульде, которая в 1690 г. объединяла пять человек [349], или к «дрогетовой мануфактуре с 12 работниками» в Жуанвиле [350]. По данным исследования О. Ройтера, которое имеет значение социологического обследования, в княжествах Ансбахском и Байрёйтском в XVIII в. на мануфактурах, относящихся к первой категории, было занято не более 12—24 рабочих на каждой [351]. В Марселе в 1760 г. 38 мануфактур по производству мыла насчитывали все вместе тысячу работников. Если эти заведения в буквальном смысле слова и соответствовали определению «мануфактуры» «Словарем» Савари дэ Брюлона (1761 г.) как «места, где собрано несколько рабочих или ремесленников, дабы трудиться над одним и тем же видом изделия» [352], то они рискуют свести нас к меркам ремесленной жизни.

Вполне очевидно, существовали мануфактуры иного размаха, хотя, вообще говоря, для этих крупных производственных единиц была характерна не *только* концентрация. Размещались они, это правда, главным образом в одном центральном строении. Уже в 1685 г. английская книга с многообещающим названием «Открытая золотая жила» (*"The discovered Gold Mine"*) рассказывала, как «мануфактуристы, идя на большие затраты, велят строить огромные здания, в коих сортировщики шерсти, чесальщики, прядильщики, ткачи, сукновалы и даже красильщики трудятся вместе» [353]. Легко догадаться: «золотая жила»— это суконная мануфактура. Но мануфактура всегда располагала — и из этого правила почти не бывало исключений,— помимо работников, собранных в одном месте, также и рабочими, рассеянными в городе, где находилась мануфактура, или в близлежащих деревнях, которые все работали на дому. А следовательно, мануфактура прекраснейшим образом оказывалась в центре системы *надомного труда*. Тонкосуконная мануфактура Ванробэ в Абвиле использовала почти 3 тыс. рабочих, но невозможно сказать, сколько из этого числа работали для нее на дому, в окрестностях [354]. В Орлеане в 1789 г. на чулочной мануфактуре подобным же образом работало 800 человек, но вдвое больше она использовала вне своих стен [355]. Мануфактура шерстяных покрывал, основанная в Линце Марией-Терезией, насчитывала 15 600 рабочих (в 1775 г.— 26 тыс.). Эта колоссальная цифра не содержит ошибки; впрочем, как раз в Центральной Европе, где промышленность запаздывала с развитием и это отставание нужно было нагонять, и встречался самый многочисленный персонал. Но из этих цифр две трети приходились на прядильщиков и ткачей, трудившихся на дому [356]. В Центральной Европе мануфактуры часто набирали работников среди крепостных крестьян — так было в Польше, так было в Чехии,— что мимоходом еще раз доказывает, что техническая организация оказывается безразличной к социальному контексту, с которым она сталкивается. Впрочем, на Западе тоже обнаруживаешь этот рабский или почти рабский труд, поскольку некоторые мануфактуры использовали рабочую силу работных домов (*work-*

[349] Sée H. *L'État economique de la Champagne à la fin du XVII^e siècle, d'après les mémoires des intendants de 1689 et de 1698.— Mémoires et documents pour servir à l'histoire du commerce et de l'industrie*. Dir. J. Hayem, X^e série, 1966, p. 265.
[350] Arbellot G. *Cinq Paroisses du Vallage, XVII^e — XVIII^e siècles*. 1970 (машинописный текст диссертации).
[351] Reuter O. *Op. cit.*, p. 14—15.
[352] Savary des Bruslons. *Op. cit.*, t. III, col. 721.
[353] Nussbaum F. L. *A History of the economic institutions of Modern Europe*. 1933, p. 216.
[354] См. далее, с. 332 и сл.
[355] Nussbaum F. L. *Op. cit.*, p. 212—213.
[356] Lütge F. *Op. cit.*, S. 366.

houses), куда заключали праздношатающихся, правонарушителей, преступников, сирот. Это, впрочем, не мешало им, как и другим мануфактурам, использовать, сверх того, и надомную рабочую силу.



Выделка стекла. Иллюстрация из «Путешествий Жана де Мандевиля» (ок. 1420 г.). *Британская библиотека.*

Можно было бы подумать, что мануфактура, таким образом, размножалась отводками, изнутри наружу, по мере того как увеличивалась в размерах. Но справедливо скорее обратное, если подумать о самом генезисе мануфактуры. В городе она зачастую бывала завершением сети надомного труда, местом, где в конечном счете заканчивался процесс производства. А это завершение

составляло почти половину всей работы — об этом нам рассказывает Даниэль Дефо на примере шерстяной мануфактуры [357]. Значит, именно определенное число *завершающих* операций и сосредоточивалось в здании, которое призвано было затем расширяться. Так, в XIII и XIV вв. шерстяная промышленность в Тоскане была огромной системой надомничества. «Компания шерстяного ремесла» (*Compagnia dell'Arte della lana*), которую после своего возвращения в Прато в феврале 1383 г. основал Франческо Датини, представляла десяток человек, работавших в мастерской, тогда как к ее услугам была тысяча других, рассеянных на площади больше 500 кв. километров вокруг Прато. Но мало-помалу проявилась тенденция часть работы концентрировать (ткачество, чесание); рождалась мануфактура, хотя и очень медленно [358].

Но почему столько мануфактур удовлетворялось завершающими операциями? Почему столько других, взяв на себя почти полный производственный цикл, оставило широкое поле [деятельности] для надомного труда? Прежде всего, отделочные процессы, валяние сукна, окраска и т.д. были технически самыми сложными и требовали сравнительно дорогостоящего оборудования. Логически эти операции выходили за рамки ремесленной стадии производства и требовали капиталов. С другой стороны, для купца обеспечивать отделочные операции означало держать в руках то, что его интересовало больше всего,— коммерциализацию продукта. Могли также играть роль и различия в цене труда городского и труда сельского: Лондону, например, было очень выгодно продолжать закупать сукно-сырец на провинциальных рынках с их низкими ценами, целиком посвятив себя отделке и окраске, которые очень много значили для стоимости ткани. Наконец, и это особенно существенно, использовать труд надомников — это значило располагать свободой приспособления производства к весьма переменчивому спросу, не вызывая безработицы квалифицированных рабочих мануфактуры. Если спрос изменялся, достаточно было дать чуть больше или чуть меньше работы «наружу». Но вполне очевидно и то, что прибыли мануфактуры были довольно ограниченными, а ее будущее относительно неопределенным, раз ей недостаточно было себя самой и она предпочитала наполовину погружаться в систему надомного труда. Не по склонности, конечно, а по необходимости, а если уж говорить до конца — по слабости.

К тому же мануфактурная промышленность оставалась еще в явном меньшинстве. Об этом говорят все обзоры. Для Фридриха Лютге «вся совокупность мануфактур играла в производстве гораздо более ограниченную роль, нежели та, какую заставляет предполагать частота, с которой о них говорят» [359]. В Германии насчитывалась, как утверждают, примерно тысяча мануфактур всех масштабов. Если попытаться на примере Баварии оценить их удельный вес в общей массе национального продукта, то он окажется ниже 1% [360]. Наверняка понадобились бы и другие цифры, но можно побиться об заклад, что практически мы не вышли бы за рамки этих пессимистических выводов.

Тем не менее мануфактуры были образцом и оружием технического прогресса. И скромная доля мануфактурного произ-

[357] Defoe D. *Op. cit.*, II, p. 271—272.
[358] Melis F. *Aspetti della vita economica medievale.* 1962, p. 286 sq., 455 sq.; Idem. *Tracce di una storia economica di Firenze e della Toscana*, p. 249.
[359] Lütge F. *Op. cit.*, S. 366.
[360] Schremmer E. *Die Wirtschaft Bayerns.* 1970, S. 502.

водства все же доказывает одно — трудности, какие встречала предпромышленность в тех условиях, в которых она развивалась. Именно для того, чтобы разорвать этот круг, и вмешивалось столь часто меркантилистское государство; оно финансировало и проводило национальную политику индустриализации. За исключением Голландии, да и то с оговорками, любое европейское государство могло бы послужить примером тому, в том числе и Англия, чья промышленность изначально развивалась под защитой барьера ярко выраженных протекционистских тарифов.

Во Франции подобные действия государства восходят по меньшей мере к Людовику XI, внедрившему шелковое ремесло в Туре; уже тогда проблема заключалась в том, чтобы, производя товар у себя вместо того, чтобы покупать его за границей, уменьшить отток драгоценных металлов из страны [361]. Меркантилистское государство, уже «националистическое», было по своей сущности сторонником металлического денежного обращения. Оно могло бы позаимствовать свой девиз у Антуана де Монкретьена, «отца» политической экономии: «Пусть страна сама себя снабжает» [362]. Наследники Людовика XI, когда могли, действовали, как он. Особое внимание уделял этому Генрих IV: к 1610 г., году своей смерти, он создал 40 мануфактур из существовавших тогда 47. Кольбер будет делать то же самое. Его создания, как думает Клод При, отвечали, кроме того, желанию бороться с неблагоприятной экономической конъюнктурой [363]. Не искусственным ли их характером объясняется то, что бóльшая их часть довольно быстро исчезла? Выживут только мануфактуры государственные или пользовавшиеся широкими привилегиями со стороны государства, такие, как предприятия в Бове, Обюссоне, Ла-Савонри, Гобеленов, а среди так называемых «королевских» — мануфактура Ванробэ в Абвиле, которая, будучи основана в 1665 г., просуществует до самого 1789 г., зеркальная мануфактура, основанная в том же году, частично размещенная в Сен-Гобене в 1695 г. и все еще действующая в 1979 г. Либо же такая королевская мануфактура в Лангедоке, как Вильнёвская, которая со своими 3 тыс. рабочих активно действовала еще в 1712 г.— доказательство того, что левантинская торговля по-прежнему обеспечивала ей рынки сбыта [364].

В XVIII в. экономический подъем извлек из недр целую серию прожектов мануфактур. Представлявшие их излагали Совету торговли свои намерения и свои однообразные требования привилегий, каковые они оправдывали соображениями всеобщего интереса. Их аппетиты постоянно выходили за местные рамки. Их целью был национальный рынок — доказательство того, что он начинал существовать. Одна фабрика «железа и отпущенной стали» в Берри без обиняков требовала привилегию, распространенную на всю Францию [365]. Но самой большой трудностью для родившихся или собиравшихся родиться мануфактур было, видимо, страстно желаемое открытие огромного парижского рынка, упорно защищаемого от имени ремесленных цехов Шестью корпорациями, которые были элитой последних и сами представляли крупные капиталистические интересы.

Бумаги Совета торговли с 1692 по 1789 г., неполные и пребывающие не в лучшем состоянии, зарегистрировали много-

[361] Gandilhon R. *Op. cit.*, p. 176.
[362] Цит. у: Dockes P. *L'Espace dans la pensée économique du XVI^e au XVIII^e siècle*, p. 108.
[363] Pris C. *La Manufacture royale des glaces de Saint-Gobain, 1665—1830.* 1973 (машинописный текст диссертации в 5 томах, введение).
[364] A. N., G 7, 1697, 2, 3 января 1712 г.
[365] A. N., F 12, 682.

численные ходатайства либо уже существовавших мануфактур, которые желали получить те или иные льготы или произвести какое-то обновление, либо мануфактур, которые собирались создать. Выборка может показать возраставшее разнообразие этого сектора деятельности: *1692 г.*— нитяные кружева в Тоннере и Шатильоне; *1695 г.*— жесть в Бомон-ан-Ферръере; *1698 г.*— черный и красный сафьян на левантинский манер и телячья кожа по английскому образцу в Лионе; *1701 г.*— фарфор и фаянс в Сен-Клу; отбеливание тонкой нити в Антони на реке Бьевр; *1708 г.*— саржи в Сен-Флорантене, крахмал в Туре; *1712 г.*— сукна английской и голландской выделки в Пон-де-л'Арш; *1715 г.*— воск и свечи в Антони, трип (шерстяной плюш) в Абвиле, черное мыло в Живе, сукна в Шалоне; *1719 г.*— фаянс в Сен-Никола, предместье Монтеро, сукна в По; *1723 г.*— сукна в Марселе, сахароочистительный завод и мыловарня в Сете; *1724 г.*— фаянс и фарфор в Лилле; *1726 г.*— железо и литая сталь в Коне, воск, восковые и сальные свечи в Жагонвиле, предместье Гавра; *1756 г.*— шелк в Пюи-ан-Веле; *1762 г.*— железная проволока и косы в Форже, в Бургундии; *1763 г.*— сальные свечи по образцу восковых в Сен-Маме возле Море; *1772 г.*— медь на мельнице Жила возле Эссонна, восковые свечи в Туре; *1777 г.*— производство черепицы и фаянса в Жексе; *1779* г.— бумажная мануфактура в Сен-Серге около Лангра, бутылки и оконные стекла в Лилле; *1780* г.— обработка коралла в Марселе (тремя годами позднее мануфактура заявит, что на ней занято 300 рабочих), «круглое и квадратное железо, мелкое полосовое железо на немецкий манер» в Сарлуи, бумажная мануфактура в Биче; *1782 г.*— бархаты и хлопчатобумажные простыни в Нёвиле; *1788 г.*— хлопчатобумажные ткани в Сен-Вероне; *1786 г.*— носовые платки по английскому образцу в Туре; *1789 г.*— чугун и чугунное литье в Марселе.

Прошения мануфактур и мотивировки комиссаров Совета, которые обосновывали его решения, дают драгоценную возможность взглянуть на организацию мануфактур. Так, Каркассонн в 1723 г. был будто бы «наиболее изобилующим суконными мануфактурами» городом Франции, «центром мануфактур Лангедока». Когда пятьюдесятью годами раньше Кольбер учредил в Лангедоке королевские мануфактуры, дабы марсельцы наподобие англичан могли бы вывозить на Левант сукна, а не только монету, начало было трудным, несмотря на значительную помощь провинциальных штатов. Но потом промышленность достигла такого процветания, что фабриканты, не защищенные привилегиями, задерживались или обосновывались в Лангедоке, особенно в Каркассонне. Они одни обеспечивали четыре пятых производства, и с 1711 г. им выплачивали даже небольшое вознаграждение за [каждую] штуку изготовленного сукна, «дабы не было столь большого неравенства между ними и предпринимателями королевских мануфактур». В самом деле, эти последние продолжали ежегодно получать субсидии, не считая того преимущества, что были избавлены от досмотров цеховых присяжных смотрителей, которые проверяли, соответствует ли качество тканей профессиональным нормам. Правда, и сами королевские мануфактуры подвергались досмотру мануфактурных инспекторов, но из-



Мануфактура по производству набивных тканей в Оранже (фрагмент стенной росписи в одном из частных домов этого города, выполненной Ж. К. Россетти 1764 г.). В цехе набойного производства — основатель мануфактуры швейцарец Жан-Родольф Веттер с женой и другом-швейцарцем, которому служащий показывает набойную доску. Слева и справа — две другие мастерские. Рабочих было много: 600 человек к 1762 г. Но мануфактура эта не знала такого процветания, как мануфактура в Жуи-ан-Жоза возле Версаля. После нескольких реорганизаций она окончательно закрылась в 1802 г. *Фото Н. Д. Роже-Виолле.*



редка, и были обязаны ежегодно производить количество [товара], предусматривавшееся их контрактом, в то время как прочие были «вольны прекращать свою работу, если не получали прибыли по причине дороговизны шерсти, прекращения торговли из-за войны или иным причинам». Тем не менее произошел взрыв возмущения среди «сообщества фабрикантов и со-

обществ ткачей, отделочников, сучильщиков, красильщиков» и т. д., когда один из каркассоннских фабрикантов принялся интриговать, чтобы добиться включения своей мануфактуры в число королевских, и одно время в этом преуспел. Окончательное решение вопроса, переданного в Совет торговли, будет для него неблагоприятным. Мы мимоходом узнаем, что Совет не видел более выгоды «в настоящее время множить число королевских мануфактур», в частности в городах, где, как доказал парижский опыт, они были источником многочисленных конфликтов и мошенничеств. Что произошло бы, если бы г-н Сентень — так звали интригана — добился успеха? Его дом сделался бы местом сбора неквалифицированных рабочих, которые смогли бы благодаря привилегии работать на себя. Из-за этого произошел бы отток рабочей силы, к выгоде интригана [366]. Отсюда ясно, что шла борьба между мастерскими, подчинявшимися норме, и мастерскими, выставлявшими напоказ титул «королевских», который как бы ставил такую производственную единицу вне рамок действия общего закона. Примерно так же, как оказывались вне этих рамок, но ради куда более крупных ставок и привилегированные мореходные компании.

[366] A. N., G 7, 1706, 126, март 1723 г. (это относится ко всему предыдущему параграфу).

ВАНРОБЭ В АБВИЛЕ [367]

[367] Базовым исследованием служит работа: Courtecuisse M. *La manufacture de draps fins Vanrobais aux XVII^e et XVIII^e siècles.— Mémoires de la Société d'émulation d'Abbeville*. 1920, t. XXV.

Королевская суконная мануфактура, основанная в 1665 г. в Абвиле по инициативе Кольбера голландцем Йоссе Ванробэ, была, по-видимому, солидным предприятием: ликвидирована она будет только в 1804 г. Поначалу Йоссе Ванробэ привез с собой полсотни рабочих из Голландии, но, за исключением этой первой партии, персонал мануфактуры (3 тыс. рабочих в 1708 г.) набирался исключительно на месте.

Долгое время мануфактура была разделена на ряд рассеянных по городу крупных мастерских. Лишь довольно поздно, в 1709—1713 гг., был построен, чтобы приютить ее, огромный дом за городом, так называемый Дом сушил (*des Rames*). Сушила (*rames*) — это «длинные деревянные шесты... на которых растягивали сукна для сушки». Сооружение включало жилой корпус для хозяев и два флигеля для ткачей и стригалей. Окруженная рвами и заборами, прижавшаяся к городским крепостным стенам, мануфактура образовывала замкнутый мирок: все ворота охраняли «швейцарцы», носившие, как полагается, королевские ливреи (сине-бело-красные). Вот что облегчало надзор, поддержание дисциплины, соблюдение предписаний (в том числе — запрета рабочим приносить водку). Впрочем, из своей квартиры хозяин «присматривал за большинством рабочих». Тем не менее громадное строение стоимостью в 300 тыс. ливров не включало ни складов, ни промывочных мастерских, ни конюшен, ни кузницы или точильни для заточки ножниц для стрижки сукон (*forces*). Прядильщицы были распределены по разным мастерским в городе. К этому добавлялась значительная по размерам работа надомников, так как требовалось 8 прядильщиц на *каждый* из ста ткацких станов мануфактуры. Вдали от города, на реке Брель, была построена валяльная мельница для обезжиривания сукон.

Следовательно, довольно продвинувшаяся концентрация не



На этом набивном холсте (рисунок Ж. Б. Юэ, бывшего художественным сотрудником Оберкампфа — основателя мануфактуры в Жуи-ан-Жоза) изображены строения мануфактуры в эту эпоху процветания и новые машины, что после ее основания в 1760 г. создавались одна за другой.
И, в частности, для промывки тканей и набойки при помощи медной пластины вместо деревянных досок.
Собрание Виолле.

была законченной. Но организация решительно была новой. Разделение труда было правилом: изготовлявшиеся тонкие сукна, выпуск которых был главной задачей мануфактуры, проходили «через рабочие руки 52 разных профессий». И мануфактура сама обеспечила свое снабжение как фуллеровой землей (небольшие суда — *bellandres* — доставляли ее из района Остенде), так и тонкими сортами сеговийской шерсти, лучшей в Испании, которые грузили в Байонне или в Бильбао на [корабль] «Карл Лотарингский», а позднее, после его крушения,— на «Золотое Руно». Видимо, эти два корабля поднимались по Сомме до Абвиля.

Все должно было работать чудесно — и действительно, все шло более или менее хорошо. В семействе Ванробэ возникнут мерзкие склоки, но мы не будем их касаться. Главное же, бесконечно возникали острые противоречия между дебетом и кредитом. В 1740—1745 гг. ежегодно продавалось в среднем 1272 штуки сукна по 500 ливров каждая, стало быть, на 636 тыс. ливров. Эта сумма включала оборотный капитал (заработная плата, сырье, различные издержки) плюс прибыль. Важнейшей проблемой было высвободить от 150 до 200 тыс. ливров заработной платы и покрыть расходы на амортизацию капитала, который должен был быть порядка миллиона ливров или более того и который требовал периодических ремонтов и обновления. Бывали трудные и напряженные моменты, и всегда в качестве простого решения — увольнения рабочих. Первая вспышка протеста со стороны рабочих случилась в 1686 г. Потом произошла бурная забастовка в 1716 г. И правда, рабочие жили в состоянии своего рода постоянной полубезработицы; в случае сокращения производства мануфактура сохраняла только свой отборный персонал — старших мастеров и квалифицированных рабочих. Впрочем, как раз все более и более широкий спектр должностей и размеров заработной платы представлял типичную форму эволюции новых предприятий.

Забастовка 1716 г. прекратилась лишь с прибытием небольшого военного отряда. Зачинщики были арестованы (ибо были зачинщики), потом прощены. Абвильский субделегат вполне очевидно был настроен не в пользу бунтовщиков, этих людей, которые «во времена изобилия предаются разгулу вместо того, чтобы сэкономить на голодное время», и которые «вовсе не задумываются о том, что не мануфактура ради них, а они сами созданы для мануфактуры». Порядок будет восстановлен круто, если судить об этом по размышлениям некоего путешественника, который несколькими годами позднее, в 1728 г., проезжая через Абвиль, восторгался всем на мануфактуре: ее строениями «на голландский лад», «3500 рабочими и 400 девушками», что там работали, «упражнениями, кои проделываются под звуки барабана» девушками, которых «водят наставницы и кои трудятся отдельно». «Невозможно себе представить что-либо более упорядоченное, что-либо, что содержалось бы в большей чистоте»,— заключал он [368].

[368] *Voyage d'Angleterre.* Document cité, f° 4.

На самом деле без поблажек со стороны правительства предприятие не продержалось бы столь долго, как это случилось. Тем более, что, к своему несчастью, оно обосновалось в городе предприимчивом, «корпоративном» и походило на

огромный булыжник, брошенный в болото. Враждебность к мануфактуре была всеобщей, изобретательной, сопровождалась конкуренцией. Тут прошлое и настоящее жили отнюдь не в условиях мирного сосуществования [369].

[369] Ruhlman G. *Les Corporations, les manufactures et le travail libre à Abbeville au XVIIIe siècle*. 1948.

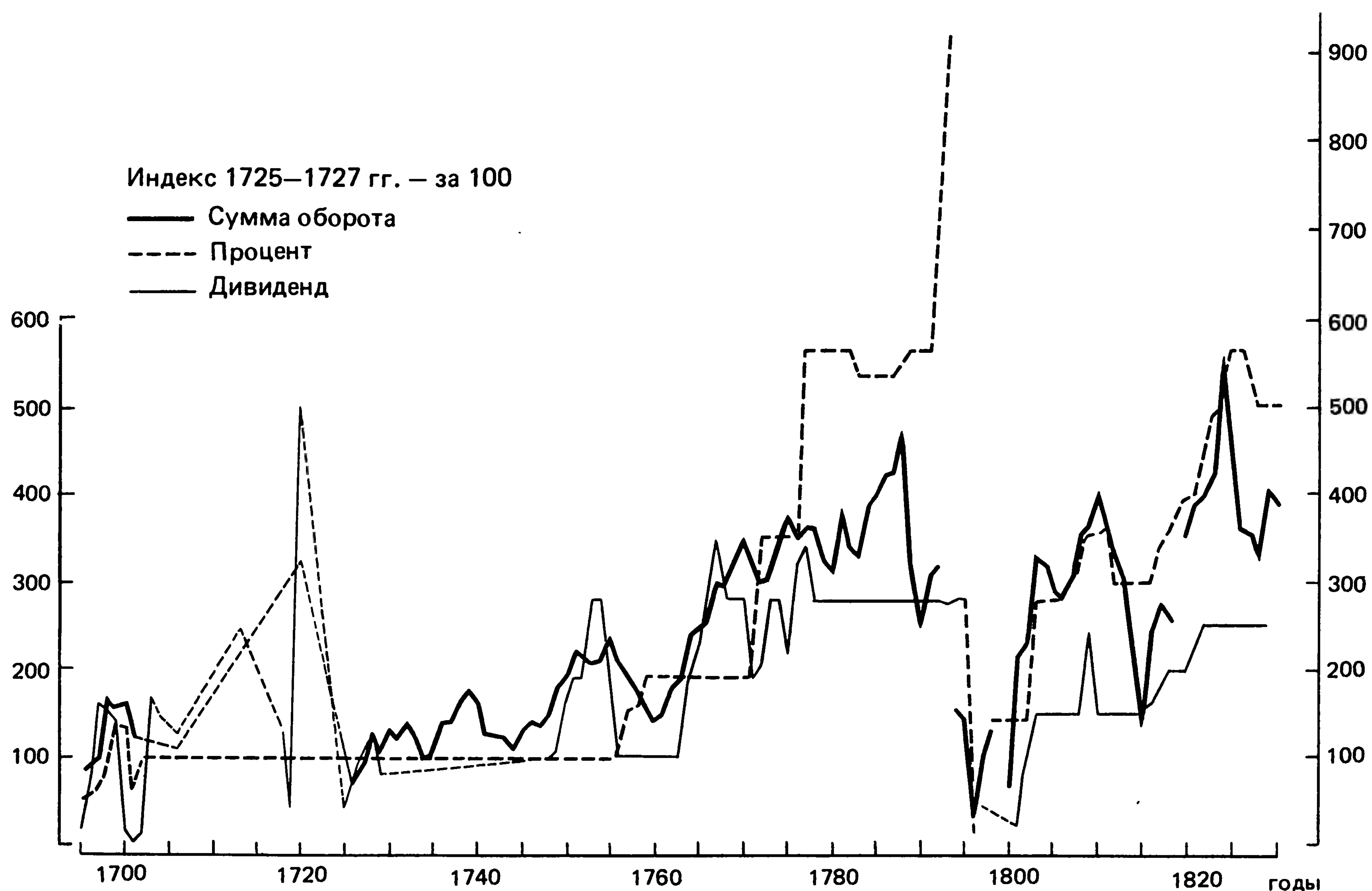
КАПИТАЛ И СЧЕТОВОДСТВО

Необходимо было бы проследить за функционированием крупных промышленных предприятий XVII—XVIII вв. в финансовом плане. Но, за исключением зеркальной (сен-гобенской) мануфактуры, мы располагаем лишь случайными указаниями. Однако же возраставшее влияние капитала — основного и оборотного — не вызывает никакого сомнения. Первоначально вложенные средства зачастую бывали значительны. По данным Ф. Л. Нусбаума, для типографии с 40 рабочими они составляли в Лондоне в 1700 г. сумму от 500 до 1000 фунтов стерлингов [370]; для сахароочистительного завода — от 5 до 25 тыс. фунтов, если число рабочих не превышало 10—12 человек [371]; для винокуренного завода эта сумма составляла как минимум 2 тыс. фунтов, как правило, с перспективой обычно значительных прибылей [372]. В 1681 г. в Нью-Милс, в Хаддингтоншире, начала работать суконная мануфактура с капиталом в 5 тыс. фунтов [373]. Пивоварни, долго бывшие производством ремесленным, увеличивались в размерах; отныне они способны были варить огромные количества пива, но это требовало больших затрат на оборудование — 20 тыс. фунтов стерлингов у фирмы Уитбред, которая к 40-м годам XVIII в. снабжала 750 тыс. лондонцев [374].

Это дорогостоящее оборудование следовало периодически обновлять. Как часто? Чтобы внести сюда ясность, понадобились бы длительные разыскания. К тому же в зависимости от отрасли промышленности главные трудности будут возникать либо из-за вложений в постоянный капитал, либо из-за капитала переменного. И чаще из-за последнего, чем из-за первого. Крупные мануфактуры без конца оказывались без денег. В январе 1712 г. оказалась в затруднительном положении Вильнёвская королевская мануфактура в Лангедоке, основанная Кольбером и в 1709 г. получившая подтверждение своих привилегий на десять лет [375]. Чтобы продолжать поставку своих сукон голландского и английского образца, она запросила субсидию в 50 тыс. турских ливров: «Сия сумма... мне необходима для содержания моих работников, коих число составляет более трех тысяч» [376]. Это означало в принципе кассовые перебои.

[370] Nussbaum F. L. *Op. cit.*, p. 215.
[371] *Ibid.*, p. 213.
[372] *Ibid.*
[373] *Ibid.*, p. 216.
[374] Clarkson L. A. *Op. cit.*, p. 99.
[375] A. N., G 7, 1697, 6.
[376] *Ibid.*

В январе 1721 г. на грани разорения оказалась другая королевская суконная мануфактура — братьев Пьера и Жоффруа Дара. Основанная в Шалоне лет за тридцать до того, она уже обращалась за помощью к Совету торговли, который 24 июля 1717 г. распорядился предоставить ей кредит в 36 тыс. ливров с выплатой в течение полутора лет и с возмещением кредита в течение десяти лет начиная с 1720 г., без уплаты процентов. Хотя эти авансовые выплаты производились нерегулярно, братья Дара получили основную их часть в октябре 1719 г.



Победы мануфактуры Сен-Гобен
Смотри пояснения в тексте, в частности касающиеся процента (*le denier*). Этот график заимствован из машинописного текста диссертации Клода При — Pris C. *La Manufacture royale de Saint-Gobain, 1665—1830,* 1297 р.,— опубликование которой представляло бы большой интерес.

[377] A. N., F 12, 681, 9.

Но для них ничто не наладилось. Сначала по причине «чрезвычайной дороговизны» шерсти. А потом они вложили «все свои средства» в производство сукон и «продали их торговцам-сбытчикам [розничным], следуя обычаю коммерции, в кредит сроком на полтора года; сии же торговцы, воспользовавшись подрывом доверия к банковским билетам, уплатили им этими деньгами накануне того, как оные обесценились». Итак, то были жертвы Лоу, ибо билеты эти им пришлось продать по «бросовой цене», дабы «ежедневно» оплачивать своих рабочих. Наконец, поскольку беда никогда не приходит одна, их выставили из дома, который они сняли тридцатью годами раньше и приспособили под мануфактуру за 50 тыс. ливров. В новом строении, которое они купили за 10 тыс. ливров (из них 7 тыс.— в кредит), им понадобилось установить станки, красильные чаны и прочий «инвентарь, необходимый для производства», на что ушло еще 8 тыс. ливров. Как следствие, они просили отсрочки возвращения королевского аванса и получили ее [377].

Другой пример. В 1786 г. — правда, то был год скверной конъюнктуры — седанская королевская мануфактура (название фирмы — «Вдова Лорана Юссона и братья Карре»), старинное предприятие с солидной репутацией, на протяжении 90 лет остававшееся в руках одной семьи, имела на 60 тыс. ливров необеспеченного кредита. Эти затруднения возникли из-за пожара, из-за смерти Лорана Юссона, чья кончина заставила мануфактуру (я полагаю, вследствие выделения наследственных

[378] A. N., F 12, 516, 13.
[379] Pris C. *Op. cit.*
* То есть акционерный капитал обозначался в категориях денежной системы: 1 *су* = 12 *денье*.— *Прим. перев.*

имуществ) уступить часть своих помещений и построить другие, и, наконец, из-за неудачного помещения капитала в экспорт в Новую Англию, т.е. для *инсургентов* сразу же после завоевания ими независимости — эти средства «еще не возвратились» (*sic!*) [378].

Напротив, случай с мануфактурой Сен-Гобен выглядел как успех после 1725—1727 гг. [379] Зеркальная мануфактура, основанная во времена Кольбера, в 1665 г., добивалась продления своих привилегий вплоть до самой Революции, невзирая на протесты сторонников свободного предпринимательства, в 1757 г., например, весьма бурные. То, что в 1702 г. скверное управление привело к банкротству, было крупной попутной неприятностью. Но тем не менее предприятие продолжило свое существование, с новыми директорами и новыми акционерами. Благодаря исключительной монополии, закреплявшей за фирмой продажу зеркал во Франции и на экспорт, благодаря общему подъему XVIII в. после 1725—1727 гг. четко обозначился рост производства. Приводимый график показывает общий ход дел, кривую выплачивавшегося акционерам дивиденда, наконец, стоимость доли-«денье» (*denier*), которую не следует отождествлять с обычной акцией, курс которой котировался на бирже. И так же точно не следует приписывать предприятию свободу действий, свойственную английским акционерным компаниям (*Joint Stock Company*) того времени или же акционерным обществам, образовавшимся во Франции после введения Коммерческого кодекса 1807 г.

В 1702 г. восстановление производства на мануфактуре произошло благодаря парижским откупщикам (*traitants*), читай: банкирам и финансистам, озабоченным тогда помещением своих денег в безопасные дела — в покупку либо земель, либо участий. В этом случае капитальные фонды общества были разделены на 24 «*су*» (“*sols*”), а каждое «*су*» в свою очередь делилось на 12 «*денье*» (“*deniers*”), всего, таким образом, 288 «денье» *, неравномерно распределенных между 13 акционерами, участниками снятия фирмы с мели. Эти доли, или акции, делилось затем их последующими держателями по прихоти наследования и некоторых уступок. В 1830 г. мануфактура Сен-Гобен имела 204 акционера, из которых иные владели порой ничтожными долями — восьмыми, шестнадцатыми частями «денье». Стоимость этих последних при их оценке в качестве наследства позволяет установить повышение их курса с течением времени.

Вполне очевидно, что капитал сильно увеличился. Но, может быть, отчасти это следовало приписать поведению акционеров? В 1702 г. речь шла о деловых людях, об откупщиках. Но с 1720 г. эти доли переходили к крупным дворянским фамилиям, в среде которых заключали браки наследницы откупщиков. Так, мадемуазель Жоффрен, дочь главного кассира мануфактуры и той мадам Жоффрен, которая прославилась своим салоном, вышла замуж за маркиза де Ла Ферте-Эмбо. Следовательно, мануфактура мало-помалу перешла под контроль знатных *рантье*, а не подлинных деловых людей, тех рантье, что довольствовались регулярными и умеренными дивидендами,

вместо того чтобы потребовать свою долю прибылей целиком. Разве не было это способом увеличить, сохранить капитал?

О ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРИБЫЛЯХ

Рискнуть высказать обобщенное суждение по поводу прибылей в промышленности означало бы слишком забежать вперед. Эта трудность, чтобы не сказать «почти что невозможность», очень тяжким грузом ложится на наше *историческое* понимание экономической жизни былых времен, а еще точнее — капитализма. Нам потребовались бы цифры, цифры убедительные, ряды цифр. Если бы исторические исследования, которые вчера в изобилии давали нам кривые движения цен и заработной платы, предложили бы нам сегодня в надлежащей форме данные о норме прибыли, мы могли бы получить в результате приемлемое объяснение. Мы лучше поняли бы, почему капитал проявлял нерешительность, когда дело шло о возможности извлечь из сельского хозяйства что-либо, кроме ренты; почему меняющийся мир предпромышленности представлялся капиталисту ловушкой или зыбкой почвой; почему капиталисту было выгодно держаться периферии этого обширного поля деятельности.

Что достоверно, так это то, что капиталистический выбор мог только усугубить разрыв между двумя этажами — промышленностью и торговлей. Так как могущество было на стороне торговли, хозяйки рынка, прибыли в промышленности постоянно бывали обременены отчислениями в пользу купца. Это ясно видно в тех центрах, где новая промышленность не встретила бы никаких препятствий для процветания: например, в чулочном производстве на машинной основе или в кружевной промышленности. В Кане в XVIII в. в этой последней наблюдалось ни более ни менее как создание школ [промышленного] ученичества, использование детского труда, организация мастерских, «мануфактур» и в качестве естественного следствия — подготовка той групповой дисциплины, без которой промышленной революции не удалось бы так быстро привить «свои разрывающие старый порядок ростки». Однако эта промышленность в Кане начисто захирела, и такую фирму поднимал и ставил на ноги какой-нибудь предприимчивый молодой человек, пустившийся в оптовую торговлю, включая и оптовую торговлю кружевами. Так что ко времени, когда дело снова становилось процветающим, невозможно было точно определить, какое место в нем занимает мануфактура.

Естественно, ничего нет проще, чем объяснить несостоятельность наших мерок, сопоставляя их с огромным промышленным сектором. Норма прибыли — не такая величина, которую легко можно уловить; а главное, не было относительного постоянства размера процента [380], который можно было бы каким-то образом постичь путем зондирования. Переменчивый, обманчивый, этот процент ускользает [от нас]. Однако же столь новаторская со многих точек зрения книга Жан-Клода Перро доказала,

[380] Homer S. *A History of Interest Rates*. 1963.

что подобный поиск не был бы иллюзорным, что «действующее лицо» удается очертить, что можно даже выбрать в случае необходимости как единицу отсчета если не предприятие (которое все же не всегда от нас ускользает), то либо город, либо провинцию. А национальную экономику? На это не стоит слишком надеяться.

Короче говоря, обследование возможно, хоть оно и остается сопряжено с ужасающими трудностями. Прибыль — несовершенная точка [381] пересечения бесчисленных линий; а тогда эти линии следует нащупать, определить, восстановить, а в случае необходимости — вообразить. Пусть переменные и многочисленны, но в конце концов Жан-Клод Перро доказывает, что их возможно сблизить, объединить в соответствии со сравнительно простыми соотношениями. Имеются, должны существовать приблизительные коэффициенты корреляции, которые можно вывести: зная величину *x*, я мог бы получить представление о величине *y*... Таким образом, промышленная прибыль располагалась, как мы это и знали, на скрещении цены труда, цены сырья, цены капитала; и чтобы закончить, она помещалась у входа на рынок. Для Ж.-К. Перро это возможность констатировать, что прибыль, доходы всемогущего купца без конца посягали на прибыли зоны промышленного «капитализма».

Короче, чего более всего недостает историческому исследованию в этой области, так это модели метода, *модели мо-*

[381] Под несовершенной точкой я подразумеваю нечто вроде «шляпки» при топографической съемке, когда линии визирования не полностью перекрывают друг друга.



Чесание хлопка в Венеции, XVII в. *Музей Коррер, собрание Виолле.*

дели. Не будь Франсуа Симиана и особенно Эрнеста Лабруса, историки не предпринимали бы с легким сердцем, как они это делали в прошлом, изучения цен и заработной платы. Нужно было бы найти именно новую движущую силу. А раз так, наметим если не структуру возможного метода, то по меньшей мере требования, каким он должен удовлетворять:

1. В первую очередь *собрать* [данные], хорошие или плохие (потом у нас будет время классифицировать их), о норме прибыли, известной или хотя бы отмеченной, даже если они и ограничены во времени и даже отрывочны. Так, мы знаем, что:

— основанный на «феодальной монополии» завод черной металлургии, зависевший от епископа Краковского и располагавшийся по соседству с этим большим городом, достиг в 1746 г. нормы прибыли в 150%, а затем этот уровень на протяжении последующих лет вновь понизился до 25% [382];

— к 1770 г. в Мюлузе прибыли от ситцев поднялись, может быть, до 23—25%, но в 1784 г. они снизились примерно до 8,5% [383];

— для бумажной мельницы в Видалон-лез-Аннонэ мы располагаем серией данных с 1772 по 1826 г. с четко выраженным контрастом между периодом, предшествовавшим 1800 г. (норма прибыли ниже 10%, за исключением 1772, 1793 и 1796 гг.), и последующим периодом, когда отмечается быстрый подъем [384];

— следует запомнить высокую норму прибыли, которая известна нам для Германии этого времени, где фон Шюле, «хлопковый король» в Аугсбурге, получал с 1769 по 1781 г. годовую прибыль в 15,4%; где одна шелковая мануфактура в Крефельде испытала за пять лет (1793—1797 гг.) колебания своих прибылей от 2,5 до 17,25%; где табачные мануфактуры братьев Болонгаро, основанные во Франкфурте и в Хёхсте в 1734—1735 гг., в 1779 г. владели капиталом в два миллиона талеров [385];

— угольные копи в Литтри в Нормандии, неподалеку от Байё, дали с 1748 по 1791 г. на амортизированный капитал в 700 тыс. ливров прибыль в размере от 160 тыс. до 195 тыс. ливров [386].

Но я прерву это перечисление, приводимое лишь для сведения. Перенеся затем эти цифры на подходящий график, я бы *красным карандашом* наметил 10-процентный рубеж, который в качестве временного решения мог бы послужить линией отсчета и линией раздела: наблюдались бы рекорды выше 10%, удачи — по соседству с этой чертой, а откровенные неудачи находились бы рядом с нулем и даже ниже нуля. Первая констатация (не вызывающая, однако, удивления): среди этого мира цифр вариации бывали очень велики и неожиданны.

2. Провести *классификацию* по регионам, по старинным или новым отраслям, по конъюнктуре, заранее приняв во внимание все то, чтó такие конъюнктуры содержат сбивающего с толку: отрасли промышленности не приходят в упадок и не переживают подъем все вместе.

3. Наконец, *попробовать* любой ценой продвинуться сколь возможно далее в глубь истории, к XVI, XV и даже XIV в., т. е. *избежать странной статистической монополии*

[382] Эти сведения, восходящие к Витольду Куле, были мне сообщены Анджеем Вичаньским.
[383] Oberlé R. *L'Evolution des fortunes à Mulhouse et le financement de l'industrialisation au XVIIIe siècle*.— *"Comité des travaux historiques. Bulletin des travaux historiques"*, 1971, p. 151, note 32 (ссылка на кн.: *Histoire documentaire de l'industrie de Mulhouse et de ses environs au XIXe siècle*. 1902, p. 287, 698).
[384] По данным неопубликованной работы Р. Зюбера, разобравшего архив Монгольфье в Библиотеке Сорбонны.
[385] *Handbuch der Deutschen Geschichte*. Hrsg. Aubin und Zorn, 1971, I, S. 550.
[386] Perrot J.-C. *Genèse d'une ville moderne: Caen au XVIIIe siècle*. 1975, I, p. 372.

конца XVIII в., попытаться поместить проблему в рамки измерений большой временнóй протяженности. В общем, начать заново то, что блестящим образом удалось истории цен. Возможно ли это? Я гарантирую, что можно будет рассчитать прибыль предпринимателя, изготовлявшего сукна в Венеции в 1600 г. В Шваце, в Тироле, Фуггеры в своей *торговле*, так называемой *Eisen-und Umschlitthandel* (торговля железом и скобяным товаром), которая, как вы догадываетесь, соединяла промышленность и обмен, получили в 1547 г. прибыли в размере 23% [387]. Еще того лучше, историку А. ди Оливейра Маркешу удался очень глубокий анализ ремесленного труда в Португалии в конце XIV в. [388] Он сумел выделить в заданном продукте то, что относилось в основном к труду — Т, и к сырью — М. Для башмаков М составляло от 68 до 78%, а Т — от 32 до 22%; те же пропорции отмечались для подков; для шорного производства М составляло от 79 до 91%, и т. д. Наконец, из труда — Т — вычитался *прибавочный продукт* (*ganho e cabedal*) *, шедший хозяину; эта доля — прибыль — варьировала от половины до четверти, одной шестой, одной восемнадцатой вознаграждения за труд, стало быть, от 50 до 5,5%. Если в расчет включить стоимость материала, прибыль рискует свестись к незначительной величине.

[387] Scheuermann L. *Die Fugger als Montanindustrielle in Tirol und Kärnten.* 1929, S. 27.

[388] Oliveira Marques A. H., de. *Daily Life in Portugal in the Late Middle Ages.* 1971 (в частности, с. 198).

* Буквально «доход и капитал».— *Прим. перев.*

ЗАКОН УОЛТЕРА ДЖ. ХОФФМАНА (1955 г.) [389]

[389] Hoffmann W. G. *British Industry, 1700—1950.* 1955.

[390] *Cambridge Economic History of Europe,* IV, 1967, p. 484, fig. 33.

В общем, следует исходить из производства. А можно ли попробовать в этих громадных, плохо исследованных секторах вскрыть «правила-тенденции», которые сделали бы наш фонарь поярче?

Десяток лет назад я в сотрудничестве с Фрэнком Спунером показал, что кривые промышленного производства, которые нам известны для XVI в., неизменно имели параболическую форму [390]. Примеры американских рудников, производства саржи в Ондскоте, шерстяных покрывал в Венеции, суконного производства Лейдена говорят сами за себя. Конечно же, не было и речи об обобщениях на основе столь немногочисленных данных: у нас есть много кривых цен и очень мало кривых производства. И однако же, именно такую кривую с быстрым подъемом и резким спадом можно с известной долей вероятности представить себе во времена доиндустриальной экономики, когда краткий расцвет какой-нибудь городской промышленности или какого-то эпизодического экспорта угасал почти так же быстро, как мода. Можно также увидеть игру соперничающих производств, одно из которых постоянно убивало другое. Или же непрерывную миграцию промыслов, казалось возрождавшихся, покидая места, где они родились.

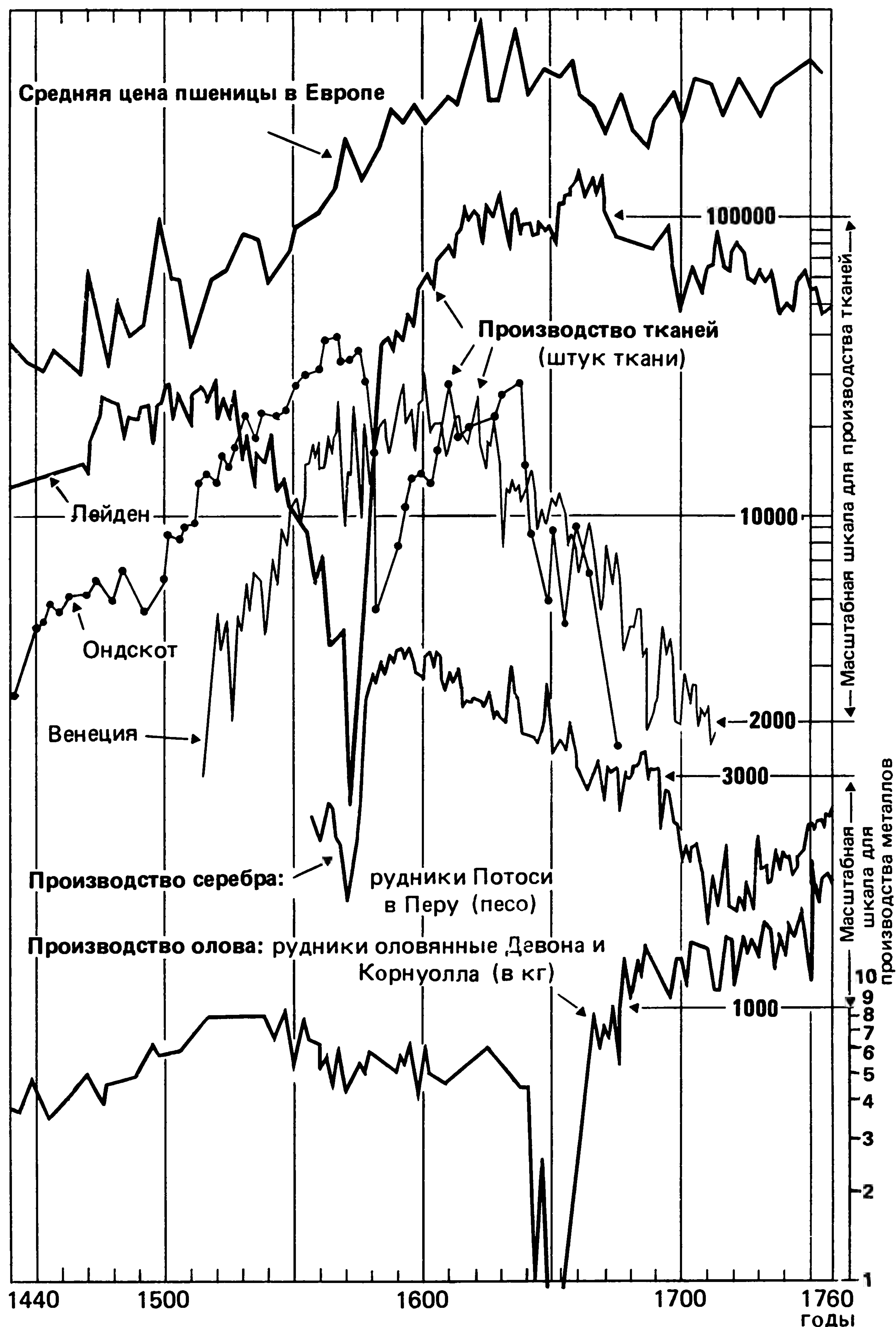
Недавняя книга Жан-Клода Перро о городе Кане в XVIII в. продолжает и подтверждает эти наблюдения, касаясь четырех тщательно изученных промышленных отраслей в рамках экономической активности нормандского города, где эти отрасли сменяли друг друга: производство сукон, роскошных и обычного качества; чулочновязальное; изготовление полотна и,

наконец, «образцовый» случай кружевной промышленности. В целом то была история весьма краткосрочных успехов, иными словами — череда сменявших одна другую *парабол*. Конечно, свою роль сыграли внешние влияния: например, расцвет кисейного производства в Ле-Мане жестоко ударил по канскому текстилю. Но что касается *местных* судеб этих четырех отраслей промышленности, то напрашивается вывод, а именно: приходя в упадок, одна из них влекла за собою подъем другой, и наоборот. Так, «мануфактура чулок машинной вязки... [будет] счастливой соперницей» шерстяной промышленности, которую забросят в момент, когда она уже почти ничего больше не давала [391]. «Процветание чулочновязального производства и сокращение производства шерстяных тканей происходили... совершенно одновременно в период между 1700 и 1760 гг.» [392] В свою очередь чулочное производство постепенно уступало место обработке тканей из хлопка. А затем ситцы отступят перед кружевами, которые и сами сначала испытают подъем, а после отойдут [в тень] по совершенной параболе, как будто правило это не терпело исключений. На самом деле в Кане все происходило так, словно любая поднимавшаяся отрасль промышленности процветала *за счет* промышленности, переживавшей спад, как будто резервы города — резервы не столько капиталов, сколько сбыта готовых изделий и доступа к сырью, а особенно рабочей силы — были слишком ограниченны, чтобы позволить одновременный расцвет нескольких видов промышленной деятельности. В таких условиях выбор последовательно падал на самое доходное из возможных производств.

[391] Perrot J.-C. *Op. cit.*, I, p. 400.
[392] *Ibid.*, p. 408.

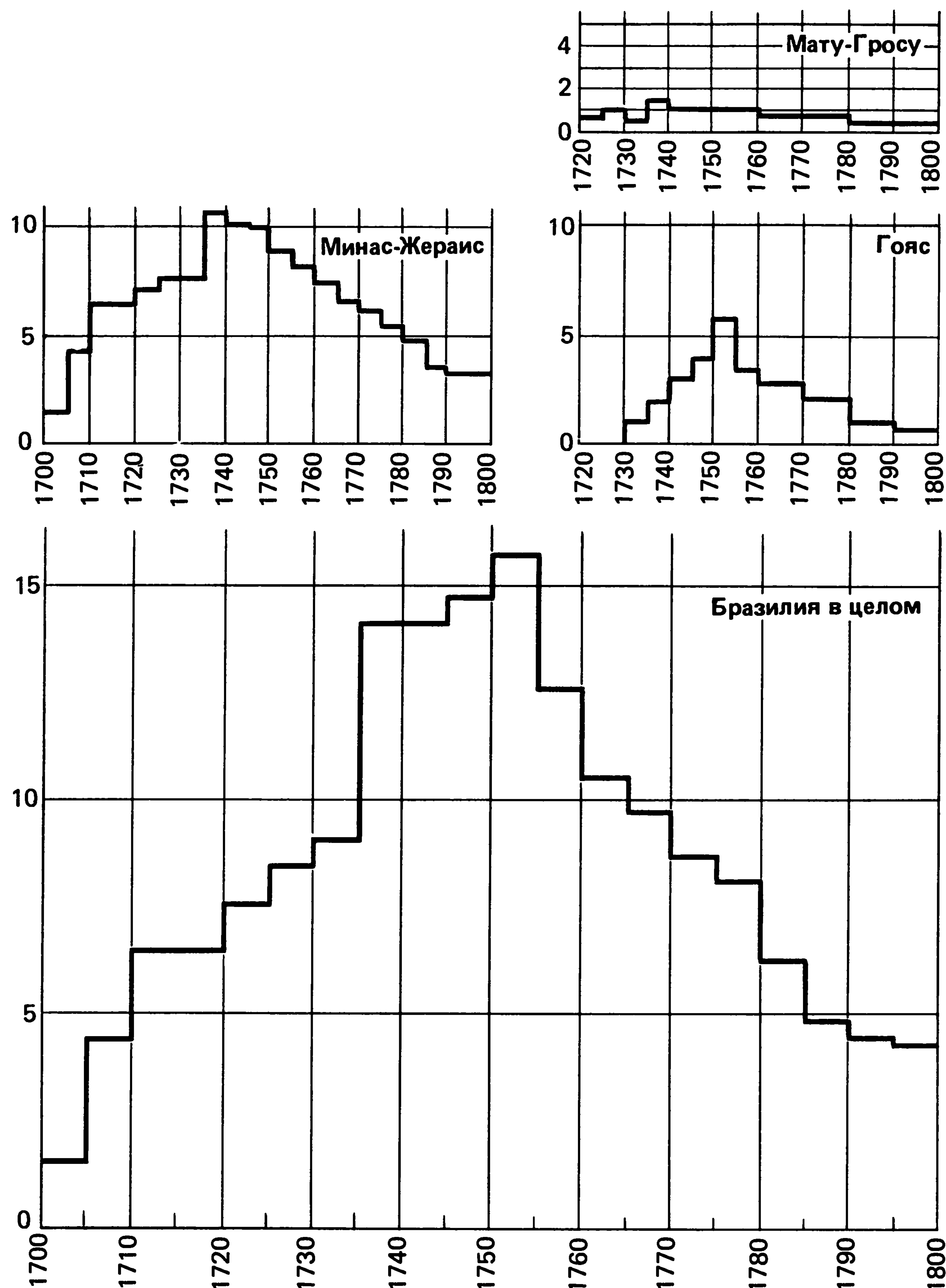
Все это кажется естественным в эпоху экономики отдельных секторов, еще очень плохо друг с другом связанных. Зато удивительно обнаружить в книге Уолтера Дж. Хоффмана, опиравшегося на многочисленные статистические подтверждения, ту же самую параболическую кривую, представленную в качестве своего рода всеобщего «закона», относящегося к развивающемуся миру XIX и XX вв. Для Хоффмана любая *взятая в отдельности* промышленность (исключения подтверждают правило) будто бы проходила три стадии: расширение, стабильное функционирование и спад. Или, в более пространном виде, «стадию расширения с подъемом уровня роста производства; стадию развития со снижающимся уровнем роста; абсолютное падение производства». Для XVIII, XIX и XX вв. единственными исключениями, с какими, как полагает Хоффман, он встретился, были четыре нетипичные отрасли промышленности: олово, бумага, табак, конопля. Но, может быть, выдвигает он предположение, то были отрасли с более длительным ритмом: ритм — это хронологическое расстояние между исходной точкой и точкой падения параболы, расстояние, подверженное изменениям в зависимости от продукта и, несомненно, от эпохи. Любопытная вещь: мы со Спунером заметили, что олово в XVI в. не подчинялось правилу.

Все это должно иметь смысл, что не означает, что мы сразу же получим объяснение. В самом деле, выявить связь между рассматриваемой отдельно взятой отраслью промышленности и *окружающей ее экономической совокупностью*, от которой зависит собственное ее движение — операция трудная.



Были ли параболами кривые промышленного производства?
Уже в XVI в. кривые промышленного производства имели параболическую форму, аналогичную той, какую обнаруживает для современной эпохи У. Дж. Хоффман (Hoffmann W. G. *British Industry 1700—1950*. 1955). Заметьте уже отклонение кривой производства оловянных рудников в Девоне. В Лейдене две параболы следовали друг за другом. График составлен Ф. Спунером (Spooner F. C.), см.: *Cambridge Economic History of Europe*, IV, p. 484.

Этой совокупностью могли быть город, регион, государство, совокупность государств. Одна и та же отрасль могла умирать в Марселе и расти в Лионе. Когда в начале XVII в. плотные ткани из грубой шерсти, которые Англия некогда в больших количествах отправляла по всей Европе и на Левант, внезапно вышли из моды на Западе и стали слишком дороги в Восточной Европе, наступили кризис сбыта и безработица, в особенности в Уилтшире, [но] и в других местах. Засим



Производство золота в Бразилии в XVIII в. В тоннах. По данным Виржилио Нойя Пинту: Noya Pinto V. *O ouro brasileiro e o comercio anglo-portugues.* 1972, p. 123. Кривые и здесь имеют параболическую форму.

последовало обращение к более тонким сукнам, окрашивавшимся на месте, которые заставили трансформировать не только типы ткачества в деревнях, но и оборудование центров окончательной отделки. И реконверсия эта проходила *неравномерно* в зависимости от районов, так что после введения «новых тканей» (*New Draperies*) отдельные *региональные* производства не были теми же самыми: происходили новые подъемы и необратимые спады. А в целом [возникла] измененная карта английского национального производства [393].

Но были и более обширные совокупности, нежели одна нация. Разве может быть лучшее доказательство тому, что

[393] Pollard S., Crossley D. W. *The Wealth of Britain.* 1968, p. 134 f.

европейская экономика была связным целым (а значит, это по-своему может служить объяснением), чем то, что Италия к 1600 г. утратила значительную часть своего промышленного производства? Что Испания к этому же времени тоже лишилась большой доли активности своих ремесел в Севилье, Толедо, Кордове, Сеговии, Куэнке?[394] И что эти итальянские и испанские потери в обратной пропорции вписались в актив Соединенных Провинций, Франции и Англии? Это ли не доказательства тому, что такой порядок представлял обращение, экономические структурированность и иерархизацию мира с довольно тесной взаимозависимостью между откликающимися друг на друга успехами и неудачами? Пьер Губер мечтал о том, чтобы классифицировать индивидуальные состояния и богатства по их возрасту — молодые, зрелые, старые[395]. Это означает думать в соответствии с *параболой*. Существовала также промышленность молодая, зрелая или старая: молодые отрасли рвались вверх по вертикали, старые вертикально падали вниз.

[394] Сведения, сообщенные Ф. Руисом Мартином.

[395] Goubert P. *Beauvais et le Beauvaisis...*, p. 327.

Тем не менее, как и для людей, разве не удлинилась ожидаемая продолжительность жизни разных видов промышленности? Если бы мы располагали для периода XV—XVIII вв. многочисленными кривыми, аналогичными построенным Хофманом, был бы, вероятно, брошен свет на важное различие: намного более короткий и прерывистый ритм и намного более сжатые по горизонтали параболы, чем сегодня. В эту эпоху старинной экономики любое промышленное производство рисковало быстро наткнуться на «узкое место» в сфере сырья, рабочей силы, кредита, техники, энергии, внутреннего и внешнего рынка. То был опыт, который ежедневно можно видеть в сегодняшних развивающихся странах.

ТРАНСПОРТ И КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ

Средства транспорта, такие же старые, как сам мир, имели тенденцию на протяжении веков сохраняться такими, какими они были. В первом томе настоящего труда я говорил об этой архаичной инфраструктуре, о многочисленных и малоэффективных средствах перевозки: лодках, парусниках, повозках, упряжках, вьючных животных, о цепочках лошадей, запряженных цугом — *bellhorses* (эти лошади со звенящими колокольцами доставляли в Лондон гончарные изделия Стаффордшира или тюки провинциального сукна), и вереницах мулов на сицилийский манер, когда каждое животное бывало привязано к хвосту впереди идущего[396], или о тех 400 тыс. *бурлаков*, этих чернорабочих, что тянули бечевой или вели суда по Волге около 1815 г.[397]

Перевозки — необходимое завершение производства; когда они ускорялись, все шло хорошо или улучшалось. Для Семена Воронцова, посла Екатерины II в Лондоне, рост

[396] Cancila O. *I prezzi su un mercato dell'interno della Sicilia alla metà del XVII secolo.—"Economia e Storia"*, 1966, p. 188.

[397] Kerblay B. *Les Foires commerciales et le marché intérieur en Russie dans la première moitié du XIX^e^ siècle.—"Cahiers du monde russe et soviétique"*, 1966, p. 424.

английского процветания [выражало] движение по дорогам, которое за пятьдесят лет увеличилось самое малое впятеро [398]. Начало подъема XVIII в. в общем совпадало с перевозками, имевшими тенденцию целиком использовать средства прошлого без подлинно революционных технических новшеств. Это не означает, будто не возникало новых проблем. Для Франции, даже еще до того, как были построены большие королевские дороги, Кантийон поставил дилемму: если движение будет нарастать за счет слишком большого числа лошадей, их придется кормить, в ущерб людям [399].

Перевозки сами по себе были «промыслом» (“industrie”), как о том напоминали Монкретьен, Петти, или Дефо, или аббат Галиани. «Транспорт,— говорил последний,— есть род мануфактуры» [400]. Но мануфактуры архаичной, в которую капиталист глубоко не втягивался. И не без основания: оправдывали затраты только перевозки по главным направлениям. Остальные перевозки, по второстепенным дорогам, заурядные, жалкие, оставались уделом тех, кто довольствовался скромной прибылью. Взвесить участие капитализма в данном случае означает оценить соотношение новшеств и архаики или, вернее, «доходность» разных отраслей транспорта: слабое участие в перевозках сухопутных, ограниченное — в «речных перевозках», более ощутимое — когда дело касалось перевозок по морю. Однако же и там деньги совершали выбор, не заботясь захватить все.

[398] Архив кн. Воронцова, кн. 10 М., 1876, с. 29. Семен Воронцов, Саутгемптон, 12/24 сентября 1801 г.

[399] Cantillon. *Essai sur la nature du commerce en général*. Ed. INED, 1952, p. 36. Дилемма ложная, как сказал мне Пьер Гуру. Много лошадей — значит, много навоза и, значит, лучшие урожаи.

[400] Galiani. *Dialogue sur le commerce des blés*. Цит. у: Dockes P. *Op. cit.* p. 321.

СУХОПУТНЫЕ ПЕРЕВОЗКИ

Сухопутные перевозки обычно изображают как неэффективные. На протяжении столетий дороги оставались такими же или почти такими же, какими предоставила их [человеку] природа. Но это была *относительная* неэффективность: обмены былых времен соответствовали экономике былых времен. Повозки, вьючные животные, курьеры, гонцы, почтовые станции играли свою роль как производные от определенного спроса. И если принять все [это] во внимание, то окажется, что мало придавали значения старинному, ныне забытому доказательству В. Зомбарта, который установил то, что здравый смысл априорно отрицает, а именно: что сухопутный транспорт перевозил намного больше товаров, чем перевозили по пресной воде рек и каналов [401].

[401] Sombart W. *Op. cit.*, II, S. 357 f.

Расчеты Зомбарта, произведенные довольно изобретательно, фиксируют порядок величин в Германии в конце XVIII в. Определив число лошадей для перевозок примерно в 40 тыс., можно оценить в 500 млн. тонно-километров в год перевозки на повозках или вьюком (заметим мимоходом, что в 1913 г. объем перевозок по железным дорогам на том же пространстве будет в 130 раз больше — поразительное свидетельство фантастического «разрушения перегородок», произведенного железнодорожной революцией). Для водных потоков число судов, умноженное на их среднюю грузоподъемность и число плаваний в обоих направлениях, дает годовую цифру между 80 и 90 млн. тонна-километров. Следовательно, для всей Германии в конце



**Почтово-пассажирские перевозки в Ладлоу (Шропшир).
Картина Ж.-Л.Агасса (1767—1849).
Традиционная дорожная техника,
доведенная до наилучшего состояния:
хорошая дорога, усиленные упряжки.
Сравните это со старинными дорогами,
которые так часто писал Брейгель.**
***Базель, Публичное художественное собрание
(Oeffentliche Kunstsammlung).
Фото музея.***

XVIII и в начале XIX в., невзирая на значительные перевозки по Рейну, Эльбе и Одеру, соотношение между пропускной способностью водных путей и сухопутных дорог оказалось бы 1 к 5 в пользу последних. В действительности же цифра 40 тыс. лошадей относится только к животным, специально занятым в перевозках, а не к очень большому числу (во Франции во времена Лавуазье — 1200 тыс.) сельскохозяйственных лошадей. А ведь эти крестьянские лошади обеспечивали очень многочисленные постоянные или сезонные перевозки. Значит, наземный транспорт был скорее недооценен Зомбартом, но, правда, расчет речных перевозок тоже оставлял в стороне значительный сплав леса.

Можно ли обобщать, исходя из германского примера? Конечно, нет, если речь пойдет о Голландии, где большинство перевозок осуществлялось водой. Это же, вероятно, можно сказать и об Англии, прорезанной многочисленными небольшими судоходными реками и каналами, для которой Зомбарт расценивал оба способа перевозок как равноценные. Напротив, остальная часть Европы была, пожалуй, не так хорошо, как Германия, обеспечена речными путями. Один французский документ, [явно] преувеличивая, дошел даже в 1778 г. до утверждения: «Почти все перевозки производятся по суше по причине трудности [плавания] по рекам» [402]. Любопытно, что в 1828 г. из 46 млн. тонн перевезенных грузов для Дютана 4,8 млн. были перевезены водой, а остальные по суше (ближние перевозки — 30,9 млн. тонн, дальние — 10,4 млн. тонн [403]). Соотношение в общем составляет 1 к 10. Правда, с 1800 по 1840 г. число повозок для гужевого транспорта удвоилось [404].

Такой объем дорожных перевозок объяснялся, с одной стороны, обилием извозных операций на очень короткие расстояния, так как на коротком плече повозка обходилась не дороже лодки; так, в 1708 г. при перевозке зерна от Орлеана до Парижа затраты были одинаковы на обоих новых путях — что на мощеной королевской дороге, что на Орлеанском канале [405]. С другой стороны, тем фактом, что, коль скоро транспортировка по воде происходила с разрывами, существовали обязательные и порой трудные волоки, связывавшие между собой речные системы, в общем нечто эквивалентное волокам в Сибири или Северной Америке. Между Лионом и Роанном, т. е. между Роной и Луарой, постоянно использовались [для этого] 500 бычьих упряжек.

Но главной причиной служило постоянное и сверхобильное предложение перевозок крестьянскими средствами, перевозок, которые, как все виды *вспомогательной* деятельности, оплачивались ниже их истинной себестоимости. Из этого резервуара мог черпать всякий. Некоторые сельские местности — такие, как рейнский Хунсрюк, Гессен, Тюрингия [406],— определенные деревни вроде Рамберкура-о-По, в Барруа, откуда в XVI в. безбортовые тележки ("charretons") добирались до самого Антверпена [407], так же как все альпийские деревни, расположенные вдоль дорог, издавна помогали себе, специализируясь на перевозках [408]. Однако же наряду с этими профессионалами главную массу

[402] A. N., G 7, 1510.
[403] Dutens. *Histoire de la navigation hauturière en France*. 1828. Цит. у: Toutain J.-C. *Les Transports en France, 1830—1965*. 1967, p. 38.
[404] Toutain J.-C. *Op. cit.*, p. 38.
[405] A. N., G 7, 1646, Орлеан, 26 декабря 1708 г.
[406] Strieder J. *Aus Antwerpener Notariatsarchiven*. 1930, S. XXV, Anm. 4.
[407] Coornaert E. *Les Français et le commerce international à Anvers*, I p. 269—270.
[408] Schulte A. *Geschichte des mittelalterlichen Handels und Verkehrs*, I, S. 357 f.

составляли крестьяне, перевозчики по случаю. «Занятие извозом должно быть совершенно свободным,— объявлял еще французский указ от 25 апреля 1782 г.,— не должно быть никаких ограничений, помимо привилегий почтово-пассажирских контор [имеются в виду регулярные перевозки пассажиров и пакетов, не превышающих определенного веса]... Так что надлежит не чинить ничего, что могло бы омрачить сию вольность, столь необходимую для коммерции: надобно, чтобы земледелец, каковой на время сделался возчиком, дабы использовать и прокормить своих лошадей, мог возобновлять занятия сей профессией и оставлять ее без всяких к оному формальностей» [409].

Единственным недостатком этого крестьянского труда было то, что он оставался сезонным. Однако многие к этому приспосабливались. Так, лангедокская соль из Пеккэ, которую перевозили вверх по Роне целые караваны судов, контролируемые крупными купцами, должна была после выгрузки в Сесселе доставляться сухим путем в небольшую деревеньку Регонфль, около Женевы, откуда ее вновь везли по воде. 10 июля 1650 г. купец Никола Бурламакки пишет из Женевы: «И не начнись жатва, мы получили бы [соль] за немногие дни». 14 июля он пишет: «Соль наша продвигается, мы ее получаем каждый день, и, ежели жатва нас не задержит, я надеюсь недели через две всю ее иметь здесь... с этим караваном мы получим примерно 750 повозок». 18 сентября: «Остальное прибудет со дня на день, хотя ныне сев служит причиною того, что повозки бывают не столь часто. Но как только все будет посеяно, мы сразу же их получим» [410].

Столетием позже, 22 июля 1771 г., мы оказываемся в Бонвиле, в Фосиньи. Пшеницы не хватало, и интендант хотел срочно привезти рожь: «Когда испытываешь голод, не рассуждаешь о сорте хлеба, какой будешь есть». Но вот, пишет он синдику * Салланша, «ныне у нас самое горячее время жатвы... и невозможно, не нанеся ей заметного вреда, использовать деревенские телеги, как было бы желательно» [411]. Оцените такое рассуждение управляющего некоего владельца металлургических заводов (23 вантоза VI г.— 13 марта 1799 г.): «Плуги [читай: пахотные работы] совсем не дают работать возчику» [412].

Между этой рабочей силой, которая сразу же себя предлагала, как только это позволял календарь сельскохозяйственных работ, и системой почты и почтово-пассажирских контор с твердым расписанием, понемногу и очень рано учрежденной всеми государствами, существовал также и специализированный транспорт, который стремился обрести организованные формы, но в девяти случаях из десяти бывал организован лишь самым примитивным образом. Речь идет о мелких предпринимателях, имевших по нескольку лошадей и возчиков. Реестр, относящийся к Ганноверу 1833 г., показывает, что ремесленный характер сухопутных перевозок был там еще правилом. С севера на юг Германию, как и в XVI в., пересекали «вольные», или «дикие в своем праве» (*Strackfuhrbetrieb*), как говорили в швейцарских кантонах, транспортные средства. Эти возчики ездили наугад в поисках груза, «плавая, как моряки», месяцами оставаясь вдали

[409] A. N., F 12, 721.
[410] Stockalper Archiv, Brigue, Sch. 31, № 2939, 2942, 2966.
* В некоторых городах глава муниципалитета, мэр, или старшина ремесленного цеха.— *Прим. перев.*
[411] A. D., Haute-Savoie, C 138—307, f° 82 v°.
[412] A. N., H 3159/2.

от дома и терпя порой полнейшую неудачу. Их апогеем был XVIII в. Но их можно было увидеть еще и в XIX в. И они, по всей видимости, были сами себе предпринимателями [413].

Все перевозки опирались на смену лошадей на постоялых дворах — это было хорошо заметно в XVI в. в Венеции [414] и становится еще нагляднее в XVII в. в Англии, где постоялый двор сделался торговым центром, не имевшим ничего общего с нынешним трактиром. В 1686 г. Солсбери, маленький городок в графстве Уилтшир, мог разместить на своих постоялых дворах 548 путешественников и 865 лошадей [415]. Во Франции хозяин гостиницы был на самом деле комиссионером перевозчиков. В такой мере, что в 1705 г. правительство, которое пожелало создать должности «агентов по перевозкам» ("commisionnaires des voituriers") и которому это удалось лишь на короткое время в Париже, выставило себя в выгодном свете, обвинив хозяев гостиниц во всех грехах: «Все возчики королевства жалуются, что вот уже несколько лет хозяева гостиниц и постоялых дворов как в Париже, так и в иных городах, сделались хозяевами всего извоза, так что оные возчики оказались в их руках, не знают более тех, кто обычно производит сии отправки [грузов], и получают за свои повозки лишь то, что сказанные хозяева гостиниц и постоялых дворов соизволят им дать; что сказанные хозяева постоялых дворов заставляют их тратиться у себя посредством бесполезных задержек, кои возчикам приходится делать, что ведет к тому, что они проедают цену, [выплачиваемую] за их повозки, и не могут более себя содержать» [416]. Тот же документ указывает, что извоз в Париже замыкался на пяти или шести десятках постоялых дворов. В 1712 г. Жак Савари в «Совершенном негоцианте» изображал хозяев гостиниц подлинными «комиссионерами перевозчиков», помимо всего прочего бравшими на себя уплату различных налогов, таможенных и городских ввозных пошлин и получение с купцов платы за перевозки, которую они авансировали возчикам. Картина та же, что и выше, но на сей раз благожелательная и не обязательно более справедливая [417].

С учетом сказанного становится понятным богатство хозяев стольких провинциальных постоялых дворов. Итальянец, которого в 1606 г. привели в восхищение изысканность постоялого двора в Труа, «благородного поведения» хозяйка и ее дочери, «прекрасные, как гречанки», пышный стол со столовым серебром, достойные кардинала занавеси у кровати, утонченная пища, неожиданный вкус орехового масла в сочетании со вкусом рыбы и «бургундское... белое вино... весьма густое, как корсиканское, которое, как они говорили, натуральное, а на вкус — лучше, нежели красное», так вот этот итальянец между прочим добавляет: «и сорок упряжных лошадей и даже более того в конюшнях», несомненно, не отдавая себе отчета в том, что именно это последнее в значительной степени объясняет [все] предыдущее [418].

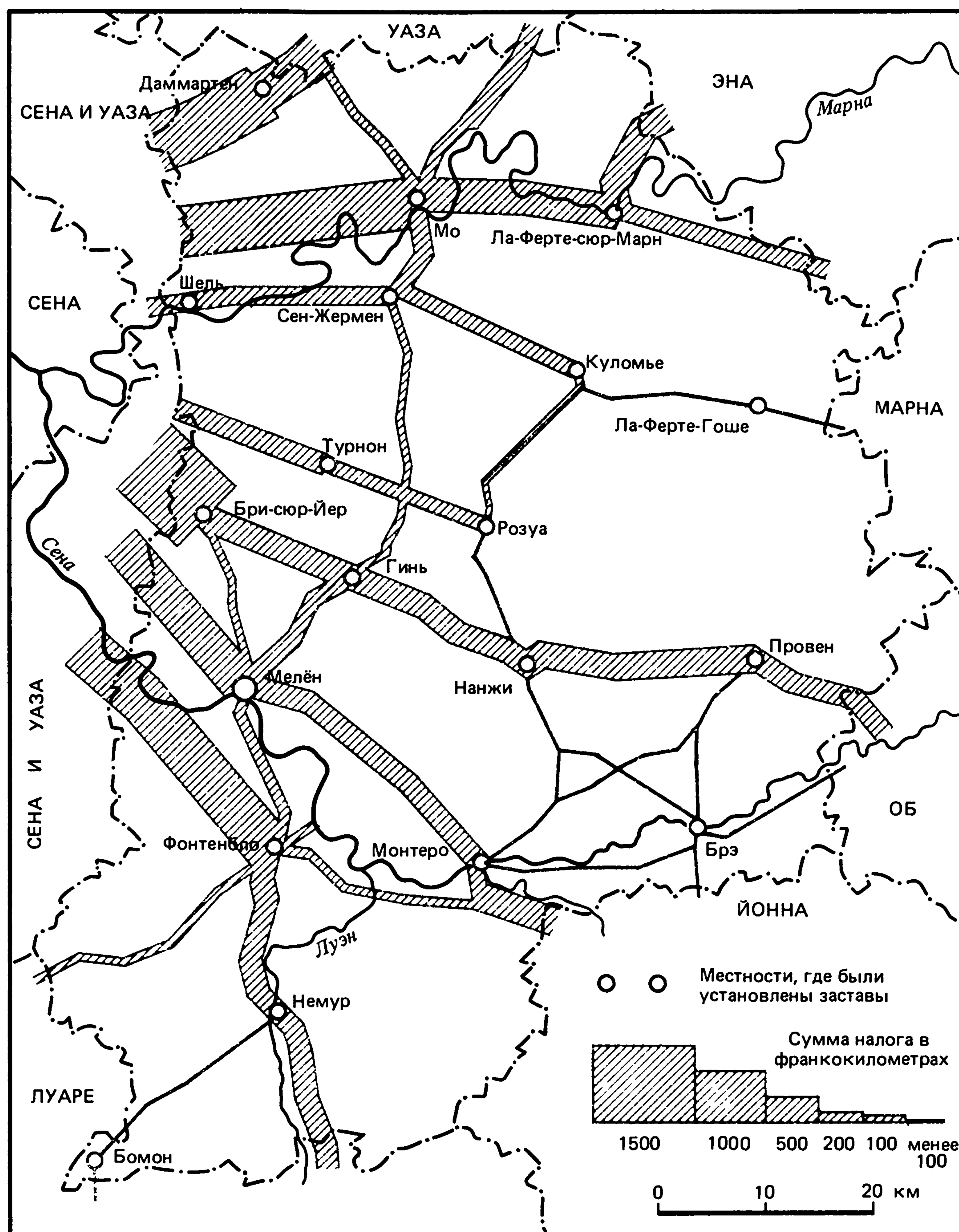
Более острыми, чем между возчиками и хозяевами постоялых дворов, были конфликт и соперничество между частными перевозчиками и казенной транспортной службой. «Откупщики изво-

[413] Sombart W. *Op. cit.*, II, S. 330—332.
[414] Braudel F. *Médit.*, I, p. 191.
[415] Everitt A. *The Marketing of Agricultural Produce.— The Agrarian History of England and Wales.* Ed. Finberg M. P. R., IV, 1969, p. 559.
[416] A. N., G 7, 1510.
[417] Savary J. *Le Parfait Négociant.* 1712, I, 2e partie, p. 208—209.
[418] Bernardo Bigoni. *Relazione...— Viaggiatori del '600.* Ed. M. Guglielminetti, 1967, p. 309—310.

за» (voituriers fermiers) королевских почтово-пассажирских контор, которые перевозили путешественников и небольшие посылки, хотели бы получить *монополию* на все перевозки. Но указы, издававшиеся к их выгоде, никогда не имели эффекта, так как купцы всегда сильно этому противились. В самом деле, ставкой в игре была не только свобода извозного промысла, но и его цена. «Сия последняя свобода цен на повозки,— сообщает Савари дэ Брюлон,— столь важна для торговли... что Шесть корпораций [парижских] купцов в мемуаре, поданном в 1701 г. ...именуют ее правой рукой коммерции и вовсе не боятся утверждать, что то, что стоило бы им 25 или 30 ливров при доставке их товара конторами — дилижансами и каретами на откупе,— обходится им всего в шесть ливров, ежели они прибегают к услугам тех, кто занят извозом; и причиной тому — постоянные цены, каковые откупщики не снижают, и вольная цена, о которой договариваются с прочими, цена, коей купцы такие же хозяева, как и перевозчики, занятые извозом» [419]. Нужно перечитать последние строки этого текста, чтобы оценить его аромат и значение и сразу же понять, что́ защитило и увековечило свободный извоз мелкой сошки и незначительных предпринимателей. Если я правильно истолковываю короткий пассаж из «Мемуаров» Сюлли, последний обратился к мелким возчикам, чтобы привезти в Лион ядра, в которых нуждалась занятая в савойской войне королевская артиллерия. «Я имел удовольствие,— пишет он,— увидеть все сие доставленным в Лион за шестнадцать дней; тогда как, чтобы осуществить такую перевозку обычными путями, понадобилось бы два или три месяца, и с бесконечными расходами» [420].

Однако вдоль путей большой национальной и международной торговли, скажем из Антверпена или Гамбурга в Северную Италию, появляются крупные транспортные фирмы — Ледереры, Клайнхаузы [421], Анноне, Цолльнеры [422]. Лаконичные данные отмечают в 1665 г. существование на этом маршруте, или на части его, транспортной компании неких господ Фьески и К°. Два десятка лет спустя эта компания, выпрашивая кое-какие льготы, пела хвалы самой себе, утверждая, будто каждый год расходует во Франции 300 тыс. ливров, «каковые деньги расходятся и распределяются вдоль дорог как среди чиновников, поставленных над транзитом в попутных городах, так и между хозяевами гостиниц, кузнецами, тележниками, шорниками и многими другими подданными короля» [423]. Большинство этих крупных фирм имели своей опорой швейцарские кантоны или же ту Южную Германию, где повозки играли решающую роль. В данном случае важнейшим делом было соединить между собой страны, лежащие севернее и южнее Альп. Организация затрагивала такие города, как Регенсбург, Ульм, Аугсбург, Кур и, может быть, более всего — Базель, где сходилось все: повозки, водный путь по Рейну, караваны мулов, использовавшиеся в горах. Разве не будет транспортная компания одна располагать там тысячей мулов? [424] В Амстердаме, естественно, перевозки обслуживала уже современная организация. «У нас здесь есть,— отмечал Рикар-сын,— весьма зажиточные и богатые лица, коих именуют экспедиторами, к каковым купцам достаточно обратиться, когда им надобно

[419] Savary des Bruslons. *Op. cit.*, IV (1762), col. 1251.
[420] Sully. *Mémoires*, III, p. 42.
[421] Brulez W. *De Firma della Faille en de internationale Handel van vlaamse Firma's in de 16° Eeuw*. 1959, p. 577.
[422] Kellenbenz H. *Der Meder'sche Handelsbuch und die Welser'schen Nachträge*. 1974, S. 121.
[423] A. N., G 7, 1685, 77.
[424] Sombart W. *Op. cit.*, II, S. 334.



Дорожное движение в департаменте Сена и Марна: 1798—1799 гг.
Согласно поступлениям налога на поддержание дорог с 1 фримера по 30 прериаля VII г. Республики (21 ноября 1798 г.— 18 июня 1799 г.). Карта составлена Ги Арбелло: Arbellot G. *Les barrières de l'An VII.—"Annales E. S. C."*, juillet-août 1975, p. 760.

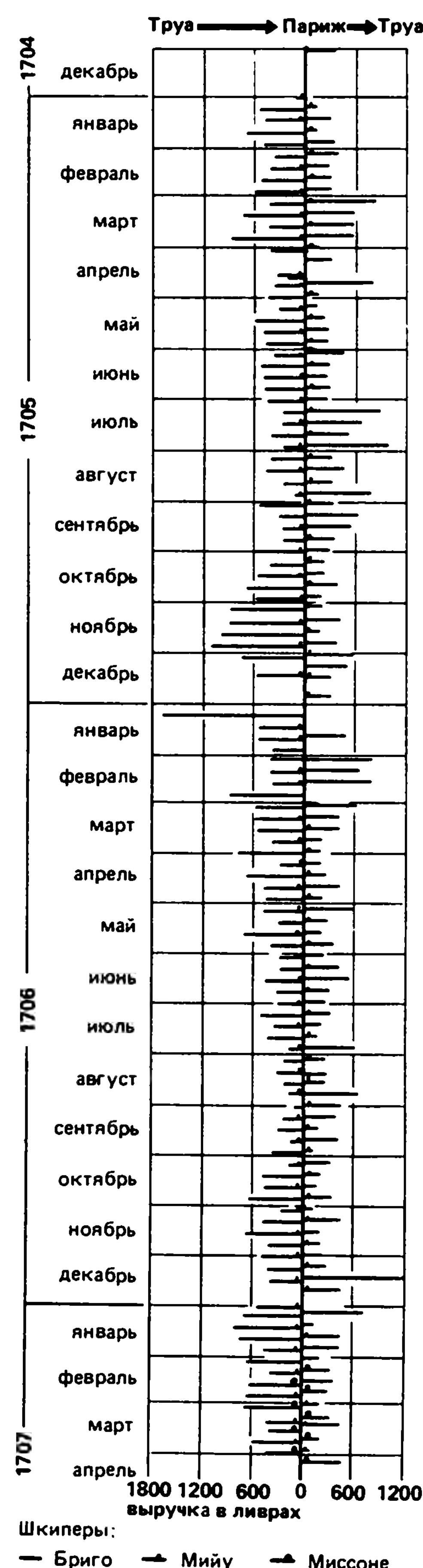
отправить [сушей] какие-то товары. Сии экспедиторы располагают ломовиками и извозчиками, кои ездят только от них» [425]. В Лондоне возможности были такими же, тогда как в остальной Англии специализация перевозчиков грузов была, вне сомнения, поздней в том мире странствующих купцов и фабрикантов, которые оживляли все дороги Великобритании в XVII и XVIII вв. [426] В Германии даже в начале XIX в. купцы приезжали на лейпцигские ярмарки со своими товарами на собственных повозках [427]. Во Франции эволюция тоже была не очень быстрой: «Только после 1789 г. рождаются крупные извозные предприятия. Их было примерно 50 в 1801 г., 75 в 1843 г.» [428] Во всей этой организации, такой традиционной, но и такой прочной, купцу оставалось только плыть по течению. С чего бы он стал вмешиваться, чтобы организовать (другие сказали бы «рационализиро-

[425] Ricard J.-P. *Le Négoce d'Amsterdam*, p. 218, цит. у: Sombart W. *Op. cit.*, II, S. 338.
[426] Westerfield R. B. *Middlemen in English Business, particularly between 1600 and 1760.* 1915.
[427] Sombart W. *Op. cit.*, II, S. 329.
[428] Toutain J.-C. *Op. cit.*, p. 14.

вать») на капиталистический лад такую систему, где сильнейшая конкуренция шла ему на пользу, где, как «не боялись утверждать» в 1701 г. купцы Шести корпораций, «они были такие же хозяева, как и перевозчики, занятые извозом»? Такие же или бо́льшие?

РЕЧНЫЕ ПЕРЕВОЗКИ

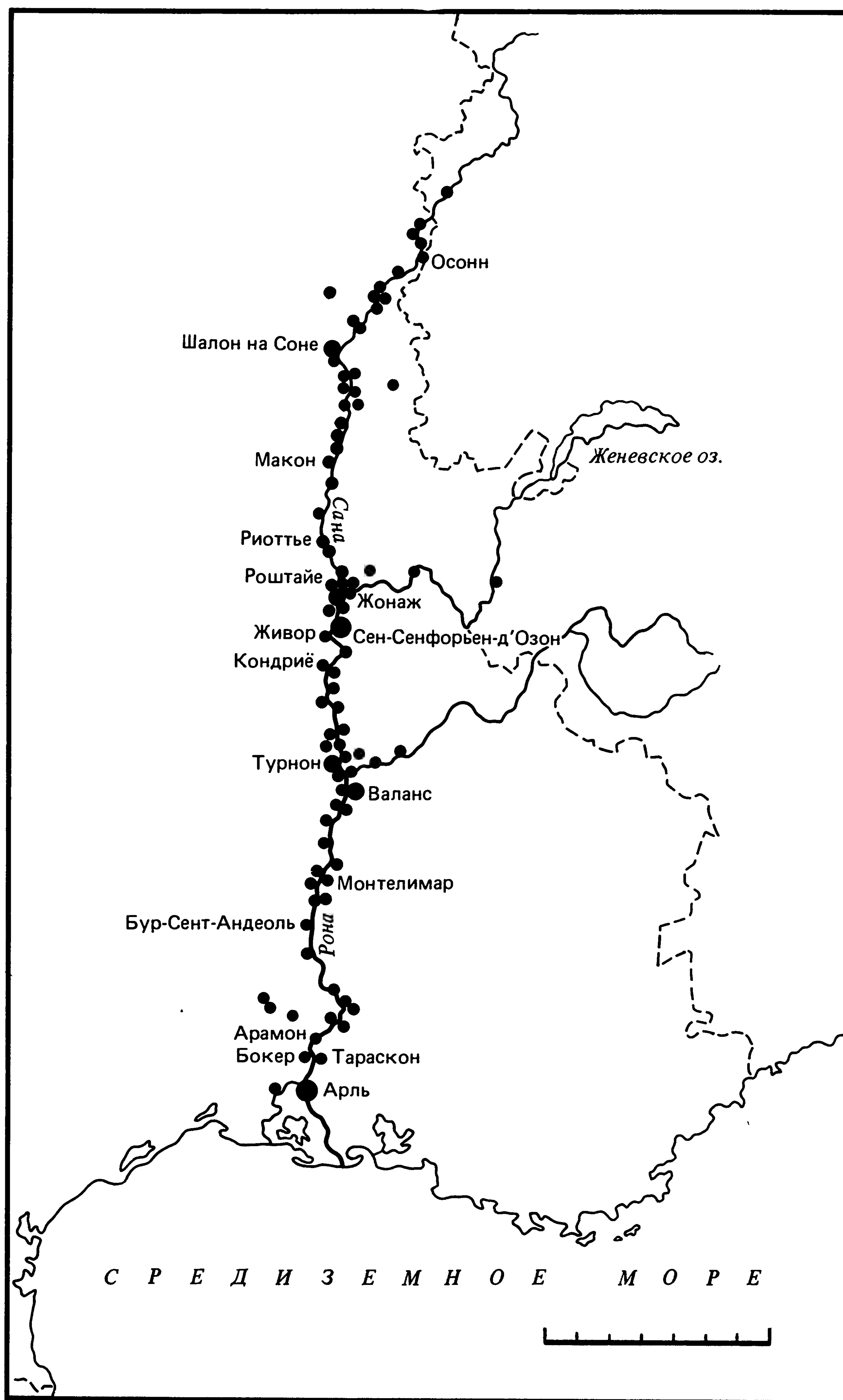
Много расхваливали внутренние водные пути, несшие на себе лодки, баржи, суда, плоты или древесные стволы, сплавлявшиеся молем,— внутренние водные пути и легкие и дешевые перевозки по ним. Но ведь это истины ограниченные, урезанные.



Речные перевозки по Сене по маршруту Париж — Труа — Париж, в обоих направлениях
График, составленный Жаком Бертеном, показывает, что движение вниз по течению приносило больше дохода, нежели перевозки вверх, если учитывать одни только поступления. 108 рейсов вниз, 111 рейсов вверх: оба потока находились в равновесии, что давало в целом чуть меньше четырех рейсов в месяц в обоих направлениях (при средней недельной продолжительности рейса).
Перебои с одним или двумя рейсами в декабре 1705 г. объясняют резкий подъем суммы выручки при первом плавании вниз в январе 1706 г.
По данным Национального архива: A.N., 2209.

Слишком частый недостаток лодочного транспорта — его медлительность. Конечно, если идти по течению, то доберешься пассажирской баркой из Лиона в Авиньон за 24 часа [429]. Но в случае с караваном связанных друг с другом лодок, которые должны были подняться по Луаре от Нанта до Орлеана, интендант этого последнего города заключил 2 июня 1709 г. «сделку

[429] Savary des Bruslons. *Op. cit.*, I (1759), col. 429.



Дорожные сборы и таможенные пошлины вдоль Соны и Роны в середине XVI в. Шарль Каррьер утверждает, что дорожные сборы на Роне (но в XVIII в.) не были таким уж ужасающим препятствием, как говорили современники и историки. И все же, сколько было задержек и сколько к тому же сложностей для повседневных перевозок! Чертеж заимствован из книги Ришара Гаскона: Gascon R. *Grand Commerce et vie urbaine au XVII*[e] *siècle, Lyon et ses marchands.* 1971, I, p. 152, fig. 20—21.

с лодочниками, дабы доставить [бретонскую] пшеницу при любой воде и любых ветрах без отстоя [т. е. не заходя в порты], понеже иначе вы оных лодочников не дождетесь и в три меся-

ца»[430]. Отсюда далеко до тех 12 километров дневного пути, которые Вернер Зомбарт приписывал лодочному движению на германских реках. Лион, ставший жертвой нехватки продовольствия, обернувшейся голодом, ожидал судов, которые поднимались [по Роне] из Прованса, груженные зерном. 16 февраля 1694 г. интендант с тревогой думал о том, что они не смогут прибыть раньше, чем через шесть недель[431]. Помимо своей естественной медлительности, лодочные перевозки зависели от «капризов рек», высокой или низкой воды, ветров, «обледенений». В Роанне было принято, когда лодочник задерживался по причине, связанной с состоянием самих вод, официально свидетельствовать этот факт у нотариуса[432]. А сколько было других препятствий: неубранные обломки судов, рыболовные запруды, запуск новых мельниц, пропадавшие вехи, песчаные или скалистые мели, которые не всегда удавалось миновать. Наконец, бесчисленные пошлины, при сборе которых каждому приходилось останавливаться: на Луаре или на Рейне они насчитывались десятками, словно для того, чтобы обескуражить лодочников. Во Франции в XVIII в. проявится тенденция к систематическому упразднению пошлин, учрежденных более или менее недавно и произвольно. Что до остальных, то администрация колебалась, коль скоро их отмена была бы связана с обязательной выплатой возмещения[433].

Каналы были новым и рациональным решением; но и там задержки снова вступали в свои права на шлюзах. Орлеанский канал насчитывал 30 шлюзов на 18 лье своей протяженности, Бриарский канал — 41 шлюз на 12 лье[434]. На канале от Любека до Гамбурга их тоже было столько, что, по словам одного путешественника (1701 г.), «нужно иной раз около трех недель, чтобы пройти из Гамбурга в Любек этим путем; [однако] это не мешает видеть на сем канале немалое число судов, идущих в обоих направлениях»[435].

И последняя, но не самая малая трудность — сами лодочники, народ живой, независимый, сплоченный и друг друга поддерживающий. Особый мир, который можно было наблюдать в его специфичности еще в XIX в. Государство повсюду пробовало привести к повиновению этот неспокойный мир. Города их контролировали, брали на учет. В Париже с 1404 г. составлялся список лодочников по пристаням на берегах Сены. Даже «переправщики», что доставляли людей и товары с одного берега реки на другой, были подчинены правилам псевдообщины, учрежденной городом в 1672 г.[436]

Государство озаботилось также тем, чтобы создать регулярные рейсы пассажирских барок, отправлявшихся по определенным дням. Отсюда и концессии: так, в марте 1673 г. герцог де Ла Фёйад получил право учредить пассажирские барки «на реке Луаре»[437], герцог де Жевр в 1728 г. добился пожалования себе «привилегии на барки на Роне», которую он, впрочем, продаст за 200 тыс. ливров — целое состояние[438]. Обрисовалась целая система регламентации — тарифы, условия приема на воде и на суше как для барок, так и для «речных экипажей» и для тяги бечевой. На Сене от Руана до Парижа были созданы продававшиеся должности мастеров-перевозчиков (по 10 тыс. ливров каждая), что создало, к их выгоде, монополию на

430 A. N., G 7, 1646.
431 A. N., G 7, 1633.
432 Все приводимые ниже сведения о Роанне взяты из машинописной памятной записки Дени Люйа: Luya D. *Batellerie et gens de rivière à Roanne au dernier siècle de l'Ancien Régime.* Université de Lyon, 1972.
433 A. N., H 3156 и H 2933 (в особенности мемуар 1789 г., излагающий историю проблемы).
434 Boislile M., de. *Mémoires de Intendants,* I (1881), p. 5—6.
435 A. N., K 1352, № 63, f° 1.
436 Savary des Bruslons. *Op. cit.*, I, col. 430.
437 B. N., Fr., 21702, f^os^ 71—73.
438 *Ibid.*, f^os^ 120—126.

[439] A. N., G 7, 1532, август 1705 г.
[440] A. N., F 12, 681, 60 и 44.
[441] Deyon P. *Amiens, capitale provincial..* 1967, p. 91 sq.
[442] См. выше, прим. 432.

доходы [439]. Возникали тысячи тяжб между перевозчиками и перевозимыми, барками и «речными экипажами», купцами и лодочниками.

Так, в 1723 и 1724 гг. столкнулись в остром конфликте лодочники на Сомме и купцы Амьена, Абвиля и Сен-Валери [440]. Этих лодочников именовали «грибанье» (*gribaniers*), по названию их лодок-*грибан*, которые, по действовавшим правилам, не должны были превышать грузоподъемности 18—20 тонн. Они жаловались на слишком низкий тариф, установленный пятьюдесятью годами раньше, в 1672 г. Принимая во внимание рост цен с того далекого времени, они требовали удвоения своего тарифа. Шовлен, интендант Пикардии, предпочел бы упразднить всякую тарификацию и допустить игру, как мы бы сказали, спроса и предложения между лодочниками и купцами, причем последние «вольны были бы отправлять свои товары, с кем им заблагорассудится и по цене, о которой они договорятся с перевозчиками». При таких сделках по взаимному соглашению грибанье утратили бы корпоративное преимущество — то, что заставляло грузоотправителей вести погрузку в соответствии с очередностью, устанавливаемой между лодочниками.

Этот спор дает нам полезные сведения о правилах ремесла. Среди прочих: любое расхищение или порча перевозимых товаров влекли для виновного телесное наказание. Лодочник, который погрузит в Сен-Валери товары для Амьена, не будет иметь права «более одной ночи простоять на якоре в Абвиле под страхом ответственности за убытки и проценты, каковые из сего могут воспоследовать, за которые лодка-gribane... будет в силу привилегии и предпочтительного права предоставлена его кредиторам, кто бы они ни были, и *даже собственнику лодки*». Последние три слова ставят вопрос о собственнике лодки — «средстве производства», которое использует несобственник [441].

Еще яснее предстает перед нами эта проблема в таком случае, как положение дел в Роанне [442]. Расположенный на Луаре в том месте, где она становится судоходна, Роанн был, сверх того, связан по суше с Лионом, т. е. с Роной, и занимал ключевую позицию на той средней линии, что из Лиона по Луаре и Бриарскому каналу делала возможным прямое сообщение между столицей и Средиземным морем. По меньшей мере половиной прямой и косвенной деятельности своих жителей — купцов, перевозчиков, плотников, водников, гребцов, чернорабочих — Роанн был обязан своим «ельникам» (*sapinières*), перевозившим товары вниз по течению (и подлежавшим сдаче на слом в конце пути), и своим дубовым баркам, снабженным каютой для знатных пассажиров. Быстро наметилось различие между мастерами-перевозчиками, которые работали на лодках, какими они владели, сами вместе со своими подмастерьями и учениками, и купцами — перевозчиками по воде, мелкими капиталистами, владельцами лодок, которыми управляли их комиссионеры и наемные матросы. Таким образом, случаи отделения трудящихся от их средств труда наблюдались неоднократно. Живя в приличных домах, заключая браки в своей среде, купцы — перевозчики по воде (marchands voituriers par eau) образовывали элиту, довлевшую над нелегким трудом остальных, потому что спуск по



Пассажирская барка. Картина Рейсдаля. По водным путям Голландии — рекам, речкам, каналам — движение было интенсивным. Типичная пассажирская барка — та, которую тянет бечевой лошадь. Но бывали и более крупные и роскошные, с каютами, совершавшие и ночные плавания. *Гаага. Собрание Марселя Вольфа. Фото Жиродона.*

Луаре был тяжкой работой, особенно когда начиная с 1704 г. эта очень быстрая река будет открыта для героических и опасных водных перевозок выше Роанна, от Сен-Рамбера, пункта погрузки каменного угля сент-этьеннского бассейна. Перевозки по Луаре разом преобразились вследствие доставки вниз этого угля, предназначавшегося для Парижа (в частности, для севрских стекольных заводов), и поступления по суше в Роанн и нижележащие гавани бочек с вином Божоле, опять-таки для Парижа. Купцы-перевозчики, обосновавшиеся в Роанне, Десизе или Дигуэне, извлекали большую выгоду из этой двойной приятной неожиданности. Некоторые из них оказались тогда во главе настоящих транспортных предприятий. Так, предприятие Берри Лабарра, самое значительное [из всех], присоединило к себе мастерскую по постройке судов. Великим его успехом было установление только что не монополии на перевозки угля. 25 сентября 1752 г. в Роанне мастера-перевозчики захватили груженные углем суда фирмы «Берри Лабарр», претендуя на то, чтобы самим отвести их до Парижа,— вот что, кстати, осветило социальный конфликт, который тем не менее не угас. Да, там присутствовал определенный капитализм, но традиции, бесчисленные административные или корпоративные путы не оставляли ему широкого поля деятельности.

По контрасту Англия покажется более свободной, чем она была. Для хозяина гостиницы, для купца или для какого угодно посредника не было ничего проще, чем организовать перевозку. Каменный уголь, облагавшийся пошлиной только при перевозке морем, без малейшего препятствия путешествовал по всем дорогам и рекам Англии и даже из реки в реку через морской эстуарий Хамбера. Если в ходе такого путешествия цена угля

увеличивалась, то лишь по причине транспортных расходов и перевалок, которые, кстати, обходились недешево: в Лондоне за ньюкаслский уголь платили по меньшей мере впятеро дороже, чем на складе при шахте. Когда же он снова отправлялся из столицы в провинцию на других судах, его первоначальная цена по прибытии [на место] могла возрасти вдесятеро [443]. В Голландии свобода и простота передвижения по сети каналов была еще более очевидной. Грузо-пассажирские барки были относительно малыми судами (60 пассажиров при двух шкиперах с одной лошадью) [444], отправлявшимися из каждого города в точно установленное время. Они двигались даже по ночам, и на борту снимали каюты. Можно было вечером отправиться из Амстердама, выспаться на борту и на следующее утро прибыть в Гаагу.

[443] Defoe D. *Op. cit.*, II, p. 254—256.
[444] Savary des Bruslons. *Op. cit.*, I, col. 429.

НА МОРЯХ

На море вклады и ставки были более крупными. Море означало богатство. Однако и там не все еще перевозки были под контролем капитала. Повсюду присутствовала простая и оживленная жизнь моря: небольшие, иной раз беспалубные суда, сотнями перевозившие что угодно из Неаполя в Ливорно или Геную, с мыса Корсика в Ливорно, с Канарских островов на Антильские, из Бретани в Португалию, из Лондона в Дюнкерк; или бесчисленные каботажные суда английского побережья или Соединенных Провинций; или же легкие тартаны * генуэзского и провансальского побережий, предлагавшие спешащим путешественникам соблазн быстрого плавания, ежели те не боятся моря.

На самом деле этот нижний этаж морских перевозок соответствовал кишевшим в глубине суши крестьянским перевозкам. Он вписывался в рамки локальных обменов. Дело в том, что деревни обращены были к морю, были с ним связаны простейшим союзом. Пройдите вдоль прибрежной полосы Швеции, Финляндии, Прибалтийских стран, затем Шлезвига, Голштинии, Дании, потом по гамбургскому побережью до залива Долларт, где протекала упорная и изменчивая активность маленького порта Эмден, наконец, проследуйте по изрезанным многочисленными заливами берегам Норвегии до широты Лофотенских островов — повсюду вы увидите еще в XVI в. слабо урбанизованные области (исключения лишь подтверждали правило). Однако же у всех этих берегов кишмя кишели деревенские суда, обычно небольшие по размерам, простые по конструкции, перевозя все понемногу (*multa non multum*): пшеницу, рожь, лес (рейки, брусья, доски, стропильные балки, бочарную клепку), деготь, железо, соль, пряности, табак, ткани. Именно эти суда выходили длинными караванами из норвежского фьорда по соседству с Осло, везя главным образом лесной товар, предназначавшийся для Англии, Шотландии или недальнего Любека [445].

* Тартана — одномачтовая рыбацкая лодка с косым парусным вооружением. — *Прим. перев.*
[445] Kellenbenz K. *Bäuerliche Unternehmertätigkeit im Bereich der Nord- und Ostsee von Hochmittelalter bis zum Ausgang der neueren Zeit.— "Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte"*, März 1962.

Когда Швеция обосновалась на проливах, закрепившись по условиям мира в Брёмсебро (1645 г.) в провинции Халланд, она унаследовала активное крестьянское судоходство, суденышки, возившие за границу строительный камень, лес, иногда

доставлявшие домой грузы табака, если только, пространствовав [все] лето между норвежскими гаванями и портами Балтийского моря, они не собирались снова в проливах перед наступлением зимней непогоды, привезя свои доходы в наличных деньгах. Эти суденышки (*Schuten*) сыграют свою роль в Сконской войне (1675—1679 гг.), и именно они в 1700 г. перевезут армию Карла XII на соседний остров Зеландия [446].

Точно так же благодаря документам можно представить себе финляндских крестьян, моряков и мелких торговцев, завсегдатаев Ревеля [Таллин], а позднее — Гельсингфорса [Хельсинки], основанного в 1554 г., или тех крестьян с острова Рюген и из деревенских гаваней устья Одера, которых притягивал Гданьск; можно себе представить и небольшие грузовые суденышки из Хобсума у основания полуострова Ютландия, привозившие в Амстердам зерно, свиное сало или сырокопченые окорока [447].

Все эти примеры и множество других, в том числе, разумеется, и пример Эгейского моря, воскрешают в памяти картину архаичного мореплавания, когда те, кто строил суда, были и теми, кто грузил на них свои товары и плавал с ними, соединяя таким образом в одних руках все задачи и функции, какие предполагает обмен по морю.

Все яснее ясного, если дело идет о средневековой Европе.

Если судить по Бергенским законам (1274 г.), Олеронским регистрам (1152 г.) или по старинному кутюму Олонна, торговый корабль изначально плавал *communiter* (переведем это: «на общий счет») [448]. Он был собственностью небольшой группы пользователей; как гласят Олеронские регистры, «неф принадлежит нескольким компаньонам». Последние владели на борту определенными местами, куда они в нужный момент грузили свои товары; то было так называемое хозяйствование «по местам» (*per loca*). Маленькое сообщество принимало решение о плавании, о дне выхода в море, каждый размещал свои товары в своем «месте укладки» ("plaçage"), помогая соседу и получая помощь с его стороны. На борту каждый тоже выполнял «свою часть» дел, брал на себя свою долю маневрирования, вахт и судовых работ, хотя было правилом иметь при себе наемного «слугу» (*"valet"*), жившего, как говорилось, «хлебом и вином» своего нанимателя, замещая его при судовых работах, а особенно высвобождая его по прибытии в порт назначения и давая ему возможность «вести деловые переговоры». Вождение корабля осуществляли три офицера-моряка — лоцман, кормщик и боцман, которым платило сообщество компаньонов; они находились под началом капитана (maître или patron), который избирался из числа последних и который наверняка не был на борту главным хозяином после господа бога *. Будучи сам одним из компаньонов, он советовался с равными себе и за исполнение этих временных обязанностей получал лишь почетные подарки: шляпу, штаны, кувшин вина. Следовательно, нагруженное товарами судно было совершенной или почти совершенной республикой при условии, что между компаньонами царит доброе согласие, как то рекомендовал обычай. Это немного напоминало мир горняцких артелей до подчинения их капиталистическому контролю. Между этими купцами — собственниками и морепла-

446 Kellenbenz K. *Op. cit.*
447 *Ibidem.*
448 Boiteux L.-A. *La Fortune de mer, le besoin de sécurité et les débuts de l'assurance maritime*, p. 45 sq.
* Намек на принятый позднейшим европейским морским правом принцип абсолютной единоличной власти капитана на борту судна.— *Прим. перев.*

вателями — все происходило без долгих расчетов или дележей: не было фрахта, который следует выплачивать, каждый платил натурой или, вернее, услугами; а что касается общих расходов — на продовольствие в пути, на подготовку к выходу из гавани и т. п.,— то они оплачивались из общей кассы, называвшейся в Марселе общим счетом, в Олонне — большим кошелем и т. д. Так что «все улаживалось без бухгалтерии», и эти слова, которые я заимствую из книги Луи Буатё [449], совершенно ясны.

Но ведь еще до XV в. вместимость некоторых судовых корпусов непомерно увеличивалась. Построить и содержать их становилось задачей, технически непосильной для компаньонов былых времен. Вместо того чтобы делиться «по местам» (*"per loca"*), крупный корабль будет разделен «на части» (*"per partes"*) — если угодно, на акции, чаще всего на 24 «карата» (*"carats"*) (хотя это правило не было всеобщим: так, по контракту от 5 марта 1507 г. один марсельский неф был «разделен на одиннадцать долей, каковые и сами иногда подразделялись на половины или трехчетвертные части одиннадцатой доли»). Собственник части (*parsonier*) будет ежегодно получать свою долю дохода. Само собой разумеется, сам он не плавал. И если он будет испытывать затруднения с выплатой ему того, что мы, краткости ради, назовем купоном с его «карата», то обратится к судебным властям. Превосходный пример такой системы собственности являют нам большие рагузинские грузовозы XVI в., водоизмещение которых порой (но все же редко) приближалось к тысяче тонн, а то бывало и больше, и совладельцы которых в иных случаях оказывались рассеяны по всем христианским портам Средиземноморья. Стоило только одному из таких парусников войти в порт — в Геную, в Ливорно,— как собственники «каратов» пытались добром или угрозами заставить выплатить им их долю прибылей: тогда капитану приходилось давать объяснения, представлять счета.

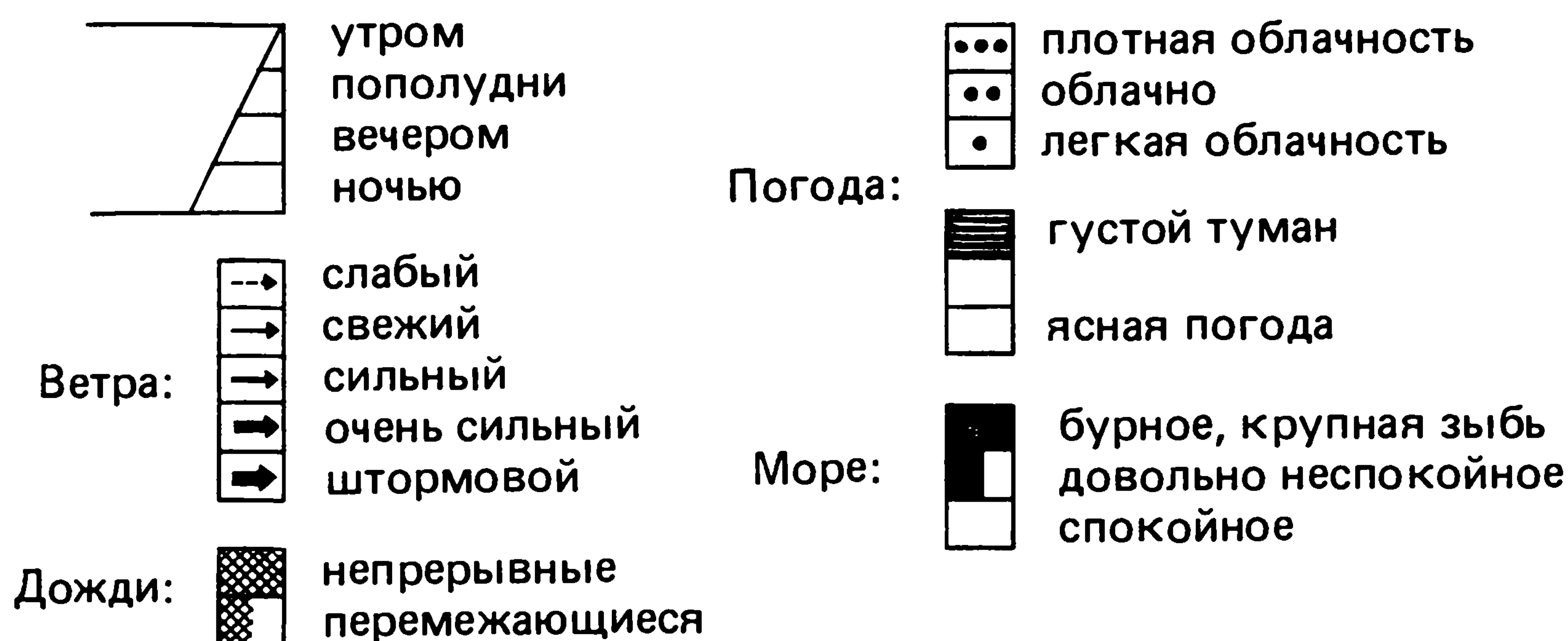
Это — наглядная картина эволюции, которую вскоре испытают и торговые флоты Севера, флоты Соединенных Провинций и Англии. Эволюция эта, по правде говоря, была двойной или тройной.

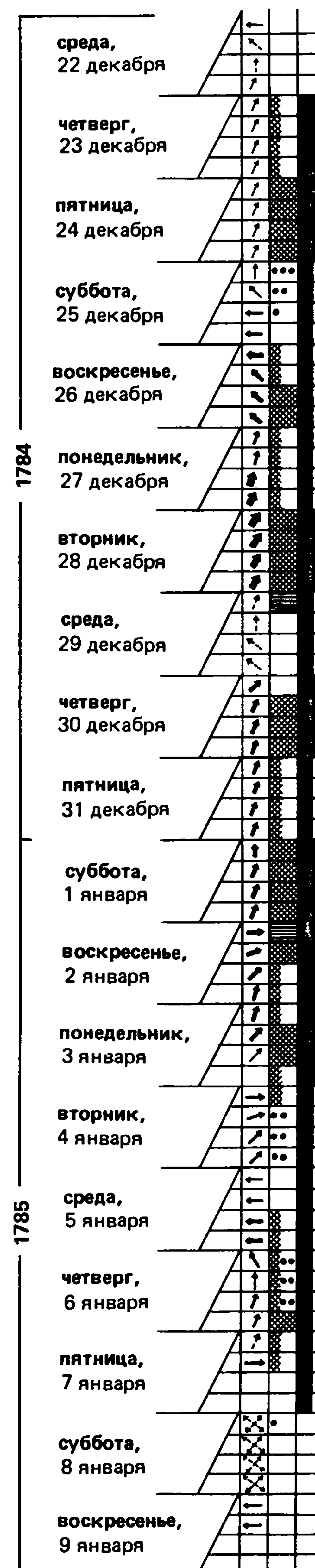
С одной стороны, множились связи между кораблем и теми, кто ссужал деньги. Нам известны собственники частей (вроде английского толстосума, владевшего в XVII в. участиями в 67 кораблях) [450] и судовые агенты, которые, как было это при лове трески, снабжали судно продовольствием и орудиями лова с условием получить по возвращении судна треть или какую-то иную долю доходов.

С другой стороны, надлежит представить себе — наряду с участием, которое было истинно торговой операцией с разделением в той или иной пропорции риска и доходов,— часто практиковавшуюся *бодмерею*, заем, который мало-помалу почти вовсе отделялся от текущих операций, от плавания (которое судно предпримет), чтобы сделаться почти что чисто финансовой спекуляцией. «Непременный спутник купца» (*"Compagnon ordinaire du marchand"*) [451], *рукописный* французский перевод английского труда, написанного в 1698 г., со вкусом объясняет, чем мог быть контракт на бодмерею. Как известно, речь шла о займе на

[449] Boiteux L.-A. Op. cit., p. 48.
[450] Davis R. *Aleppo and Devonshire Square*, p. 34, note 2.
[451] A. N., K 1351.

занятие мореплаванием — в старину даже говорили (заметим мимоходом это выражение) о «*морском ростовщичестве*» (*usura marina*). Для заимодавца наилучшим методом было предоставить заем на одно плавание из 30, 40 или 50%, в зависимости от продолжительности пути туда и обратно (если речь шла об Индиях, плавание могло продлиться три года и больше). Предоставив заем, вы сразу же велите застраховать ваши деньги (уточним: предоставленный в виде займа капитал плюс обуслов-





Выход из порта
Корвет «Ла-Левретт» под французским флагом вошел в Кадисскую бухту в среду, 22 декабря 1784 г. Ему повезет: чтобы продолжить плавание, ждать понадобится всего лишь до 9 января 1785 г. В «Журнале ветров», который велся на борту корабля, записи позволяют день за днем восстановить картину погодных условий в океане. Стрелки, обозначающие ветер, показывают его силу и направление. Этот маленький шедевр записи возник благодаря увлеченности и мастерству Жака Бертена. Документы Национального архива: A.N., A.E., B 1, 292.

ленный процент), произвести страхование в надлежащей форме, договор о котором заключался из 4, 5 или 6%. Если корабль погибал в море или его захватывал корсар, вы получали свой исходный капитал и доход, на который рассчитывали, за вычетом страховой премии. И вы все еще крупно выигрывали. «Есть сегодня столь ловкие люди,— продолжает наше руководство,— что они не только желают, чтобы им закладывали корабли, но также просят какого-нибудь доброго купца о гарантии для их денег». Ежели же вы еще более хитрым способом сами заняли деньги для своей доли капитала, например в Голландии, где ставки процента на два-три пункта ниже английского курса, то, коли все пойдет хорошо, вы получите доход, не лишаясь своего капитала. Следовательно, речь тут шла о своего рода переносе в сферу снаряжения морских плаваний биржевой практики того времени, где самым ловким считалось играть, даже не имея денег в кармане.

Однако параллельно совершалась и другая эволюция. Морской транспорт, разрастаясь, делился на разные отрасли. Это стало истиной сначала для Голландии, затем — для Англии. Первое внезапное проявление [этого]: судостроение выступает как самостоятельная промышленность. В Саардаме, в Роттердаме [452] независимые предприниматели получали заказы от купцов или от государств и были способны с блеском эти заказы выполнить, хотя эта промышленность и оставалась наполовину ремесленной. А в XVII в. Амстердам был даже не только рынком новых или подлежавших постройке кораблей, но и сделался огромным рынком перепродажи кораблей. А с другой стороны, маклеры специализировались на фрахтовании, беря на себя обеспечение перевозчиков товарами или же купцов — кораблями. Конечно же, существовали и страхователи, которые более уже не были, как прежде, купцами, занимавшимися страхованием наряду с прочими видами деятельности. И страхование становилось всеобщим, хотя не обязательно к нему прибегали все перевозчики и все купцы. Даже в Англии, где я уже отмечал страховую компанию Ллойда, которой была суждена всем известная судьба.

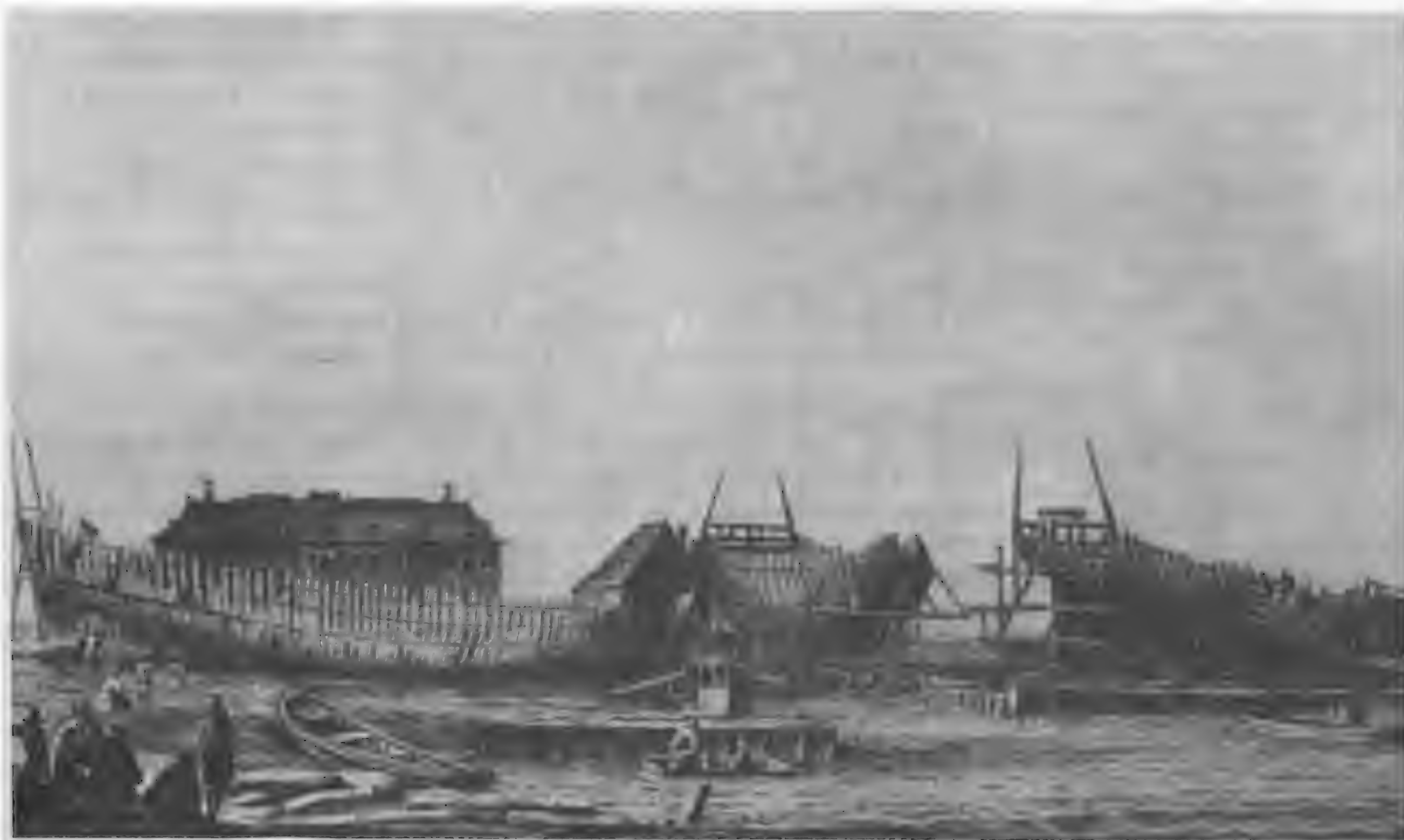
[452] Seignelay. *Journal de voyage en Hollande*. Éd. 1867, p. 293, 297.

Следовательно, невозможно отрицать, что в XVII и особенно в XVIII в. в сфере дальних морских плаваний наблюдалась мобилизация капиталов и деловой активности. Кредиторы, арматоры (хотя слово это появлялось только изредка) были необходимы для «выпуска из гавани» снаряженных судов и при долгом обороте, который длился несколько лет. Даже государство настойчиво вмешивалось в эти дела — ситуация сама по себе не новая: в XV и XVI вв. *рыночные галеры* (*galere da mercato*) были судами, строившимися венецианской Синьорией и предоставлявшимися в распоряжение патрициев-купцов для длительных морских плаваний. Точно так же и португальские караки, эти гиганты морей XVI в., были судами короля в Лисабоне. И таким же образом большие корабли [Ост-и Вест-]Индских компаний (о которых я еще буду говорить) были, можно сказать, капиталистическими и ничуть не меньше — государственными.

К сожалению, еще плохо известны подробности этих морских

предприятий и происхождение, наверняка очень разное, тех капиталов, что в них вкладывались. Но историк привязан к своим документам, а постоянные неудачи в [этом] процессе оставили намного больше следов, чем счастливые плавания.

В декабре 1787 г. два парижских банкира еще не знали, как завершится дело «Карната», корабля, снаряженного в Лориане в 1776 г., двенадцатью годами раньше, для некой фирмы «Братья Берар и К°», для плавания к островам Иль-де-Франс и Бурбон [Маврикий и Реюньон], а затем в Пондишери, Мадрас и в Китай.



Корабельная верфь в Амстердаме. Офорт Л. Бакхёйсена (1631—1708). *Государственный музей.*

Банкиры предоставили «под обеспечение риска корпусом и грузом сказанного корабля 180 тыс. ливров из 28% морской прибыли» на срок в 30 месяцев. Будучи осторожными, они застраховались у друзей в Лондоне. А «Карнат» так и не добрался до Китая. При прохождении мыса Доброй Надежды в нем открылась течь. После ремонта он все же дошел от Иль-де-Франса до Пондишери, где течь открылась снова. Тогда корабль покинул открытый рейд Пондишери, поднялся по Гангу до Чандернагора, где чинился и провел сезон зимнего муссона с 25 сентября по 30 декабря 1777 г. Затем, погрузив товары Бенгала, он возвратился в Пондишери и нормально дошел до Европы... чтобы оказаться захваченным английским капером у испанских берегов в октябре 1778 г. Было бы приятно заставить платить лондонских страхователей (это частенько случалось), но в Суде королевской скамьи * адвокаты последних утверждали, что «Карнат» сознательно отклонился от [первоначального] маршрута начиная с

* Суд королевской скамьи — до 1873 г. высший гражданский и уголовный суд Англии, возникший из первоначального Королевского совета.— *Прим. перев.*

острова Иль-де-Франса, и выиграли процесс. Тогда банкиры обрушились на арматоров: если было отклонение от маршрута, вина за это ложилась на них. И вот в перспективе маячил новый [судебный] процесс [453].

Другое дело: банкротство фирмы «Арло, Менкенхаузер и К°» в Нанте в 1771 г., расчеты по которому не были закончены еще в сентябре 1788 г. [454] В числе кредиторов был некий Вильгельми, «иностранец» (ничего более мы о нем не знаем), который принял участие в размере $^{9}/_{64}$ (почти на 61 300 ливров) в пяти кораблях судовладельцев, уже находившихся в море. Как обычно, кредиторы были разделены на привилегированных (первоочередных) и на не имевших гарантий, непривилегированных (второго ранга). Нашлись хорошие доводы для того, чтобы отнести Вильгельми в число этих последних, что и было подтверждено Советом торговли 25 сентября 1788 г., [высказавшимся] против постановления бретонского парламента от 13 августа 1783 г. Вильгельми, несомненно, не получил обратно своего капитала. Был ли он застрахован? Это неизвестно. Во всяком случае, мораль этой истории заключается в том, что можно проиграть, имея на руках все козыри, если оказываешься перед адвокатами, невозмутимо развертывающими логику своих доводов. Признаюсь, я развлекался, читая их выступления.

Значит, и бодмерея, прикрытая страховкой, была подвержена риску, но риску ограниченному, и игра стоила свеч, так как процент бывал высок всякий раз, как дело касалось торговли на далекие расстояния, с ее крупными вложениями капитала, с ее длительными сроками, с ее крупными доходами. Ничего нет удивительного в том, что заем на условиях бодмереи (усложненная и спекулятивная операция, которая по сути своей обращена скорее к прибыли купца, нежели к прибыли перевозчика) был почти единственным способом, каким капитал втягивался в морские перевозки. При рутинных перевозках на малые расстояния (или на маршрутах, которые во времена Людовика Святого показались бы огромными, но которые сделались привычны) крупный капитал оставлял место свободным для незначительных «поденщиков». Игра конкуренции между ними слишком хорошо снижала [размер] фрахта к выгоде купца. Эта ситуация весьма схожа с тем, каким было положение возчиков на сухопутных дорогах.

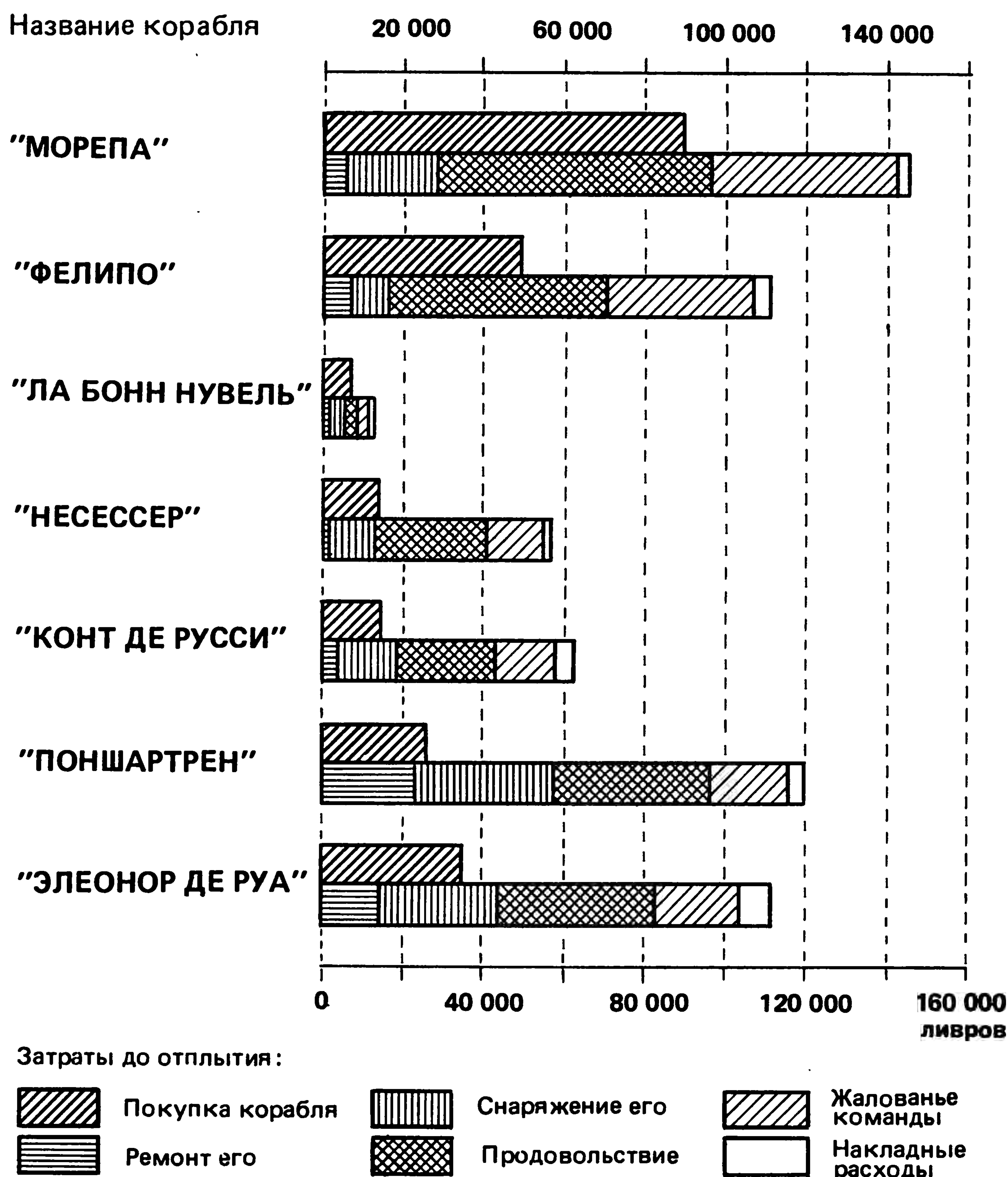
Так, в 1725 г. мелкие английские суденышки буквально набрасывались на фрахт, имевшийся в Амстердаме и других портах Соединенных Провинций [455]. Они предлагали свои услуги для дальних рейсов, вплоть до Средиземноморья, по таким низким в сравнении с ходовыми ценам, что обычно ходившие на этом маршруте голландские или французские корабли большого тоннажа с многочисленными командами и с пушками, чтобы в случае необходимости защититься от варварийских пиратов, оказались, так сказать, не у дел. Доказательство (если в нем была нужда) того, что большие корабли не одерживали верх над незначительными по тоннажу просто в силу самого своего размера. Противоположное было более вероятно в профессии, где пределы прибыли, когда мы можем ее подсчитать, были, по-видимому, умеренными. Бельгийский историк В. Брюле писал мне по

[453] A. N., F 12, 724.
[454] A. N., F 12, 724, 25 сентября 1788 г.
[455] A. N., A. E., B[1], 627, 2 августа 1725 г.

этому поводу: «Бухгалтерские документы тринадцати плаваний нидерландских кораблей в последние годы XVI в., большей частью между Пиренейским полуостровом и Балтикой, так же как и плавание в Геную или Ливорно, показывают общую чистую прибыль примерно в 6%. Разумеется, некоторые плавания приносили более высокий доход, но другие оборачивались убытками для арматора, а третьи лишь уравновешивали прибыли и убытки». Отсюда и неудача в 1629 и 1634 гг. проектов создания в Амстердаме компании, которая располагала бы монополией на страхование морских перевозок. Этому воспротивились купцы, и одним из их доводов было то, что стоимость страхования превысила бы предполагаемые размеры доходов или же, во всяком случае, непомерно их обременила. Правда, все это происходило в начале XVII в. Но доказательство того, что и впоследствии еще существовало большое число мелких судов у мелких предпринимателей, мы усмотрим в том факте, что суда эти очень часто имели только одного собственника, вместо того чтобы быть поделенными между несколькими собственниками частей (parsoniers). Так обстояло дело с подавляющим большинством голландских кораблей, ведших торговлю на Балтике или участвовавших в «оборотах» (от нидерландского слова *beurt* — «оборот»), т.е. в плаваниях в близлежащие порты: Руан, Сен-Валери, Лондон, Гамбург, Бремен, где каждое судно грузилось по очереди. То же самое было и с огромным большинством гамбургских кораблей в XVIII в.

БУХГАЛТЕРСКИЕ ИСТИНЫ: КАПИТАЛ И ТРУД

Чтобы точно подсчитать прибыль, потребовалось бы, как и для промышленной деятельности, увидеть вещи изнутри, наметить бухгалтерскую модель. Но модель означает отбрасывание второстепенного, нетипичного, случайного. А ведь когда речь идет о мореплавании былых времен, случайным и второстепенным переменным имя было легион. Они имели огромное значение для себестоимости; они ускользали от правил, если такие правила были. Под рубрику *случайностей моря* (*fortunes de mer*) вписывается не поддающееся подсчету количество катастроф: были войны, каперство, репрессалии, реквизиции, конфискации; было непостоянство ветров, которые то держали корабли в портах и обрекали их на простой, то заставляли их дрейфовать вдалеке; были бесконечные повреждения (течь, поломки мачты, неисправности руля); бывали кораблекрушения у побережья и в открытом море, с застрахованными товарами и без них, и бури, заставлявшие облегчать корабль, выбрасывая за борт часть груза; бывали пожары, превращавшие корабли в факелы, которые горели даже ниже ватерлинии. Катастрофа могла произойти *даже* у самого порта прибытия: сколько кораблей «Пути в Индии» гибло при проходе бара у Санлукара-де-Баррамеды, в нескольких часах [хода] от спокойных вод Севильи! Какой-нибудь историк может утверждать, что деревянный корабль строился, чтобы просуществовать от двадцати до двадцати пяти лет. Скажем, что это



Капитал основной, капитал оборотный — счета семи кораблей из Сен-Мало
Эти корабли отправились в Южные моря и, возвратясь во Францию, к 1707 г. представили свои счета. Главная статья расходов — на продовольствие и на жалованье командам. Первые роли играл именно оборотный капитал. Документы из Национального архива: A.N. Colonies, F² A, 16. График составлен г-жой Жанниной Филд-Рекюра.

была максимальная ожидаемая продолжительность жизни, при условии, что кораблю будет сопутствовать удача.

Вместо моделирования было бы разумнее придерживаться конкретных случаев, проследить за судами на всем протяжении их карьеры. Но бухгалтерии не интересуются долгосрочной доходностью какого-то корабля. Они предстают скорее как итоги плаваний туда и обратно, не всегда ясные в том, что касается распределения статей расходов. Счета, относящиеся к экспедиции семи кораблей из Сен-Мало к берегам Тихого океана в 1706 г., дают все же некоторые приемлемые сведения [456]. Возьмем в качестве примера один из этих кораблей — «Морепа». В округленных цифрах затраты на него при отправлении (то, что именовалось «выпуском из гавани», mise-hors) составили 235 315 ливров, на протяжении плавания — 51 710, при возвращении — 89 386 ливров; стало быть, общие затраты составили 376 411 ливров. Если распределить эти расходы в зависимости от того,

[456] A. N., Colonies F² A 16.

относились ли они к основному капиталу (покупка судна, докование, снаряжение, общие затраты, последние были очень незначительны) или к оборотному (продовольствие и заработная плата команды), то получим следующие цифры: 251 236 ливров оборотного капитала против 125 175 ливров капитала основного, т. е. отношение 2 к 1. Сверх этих цифр наш график дает и цифры, относящиеся к шести другим кораблям: их свидетельство выглядит аналогично. Не придавая чрезмерного значения совпадению, отметим, что точно известные данные бухгалтерии японского судна, отправившегося в 1465 г. в продолжительное торговое плавание в Китай, свидетельствуют об этом же [457]. Снасти и корпус обошлись в 400 *куан-мон*; питание команды за предусмотренные двенадцать месяцев плавания составило 340, ее заработная плата — 490 *куан-мон*. Отношение основного капитала к оборотному — порядка 1 к 2.

Следовательно, вплоть до XVIII в. на корабле, как и в большей части мануфактур, затраты оборотного капитала значительно превышали сумму капитала основного. Достаточно подумать о протяженности торговых путей и о том, что было с нею связано: о медленном обращении денег и вложенного капитала, выплате заработной платы за многие месяцы команде и ее содержании,— чтобы найти такой результат достаточно логичным. Но, как и в случае с мануфактурами, это отношение капиталов, основного и оборотного, *Ос* и *Об*, по-видимому, обнаружило с течением XVIII в. тенденцию к тому, чтобы сделаться обратным. Вот полные счета плавания трех нантских кораблей во второй половине столетия — «Дё Ноттон» (1764 г.), «Маргарита» (1776 г., Сан-Доминго) и «Байи де Сюффрен» (1787 г., Антильские острова). Для этих трех плаваний отношения *Об* к *Ос* составили соответственно: 47 781 ливр против 111 517 ливров, 46 194 против 115 574 и 28 095 ливров против 69 827 ливров (речь шла, заметим это, о менее продолжительных плаваниях, чем плавание кораблей из Сен-Мало к берегам Перу) [458]. В этих трех случаях в самом обобщенном виде 2 *Об* = *Ос*. То есть соотношение, характерное для 1706 г., полностью изменилось на обратное.

Эти обследования слишком несовершенны и еще слишком ограниченны, чтобы проблема [могла] считаться решенной. Но она поставлена. Доля основного капитала сильно выросла. Человек переставал быть в затратах статьей номер один. Прогресс возглавит машина, ибо корабль — это машина. Если этот вывод, плохо обоснованный в данный момент, будет подтвержден, он имел бы довольно большое значение. Его следовало бы сопоставить с замечаниями Р. Дэвиса, Дугласа Норта и Гэри М. Уолтона, которые констатировали, что в перевозках по Северной Атлантике с 1675 по 1775 г. наблюдался примерно 50-процентный рост производительности, стало быть, 0,8% в год [459]. Но чему именно приписать новое соотношение капитала основного и капитала оборотного? Бесспорно, строительство судов усложнилось (например, обшивка корпусов медью), и цены кораблей возросли. Но чтобы точно измерить значение последнего фактора, следовало бы его соотнести с общим ростом цен в XVIII в., а также знать, изменилась ли долговечность корпусов и изменился или нет

[457] Takekoshi Y. *The Economic aspects of the political history of Japan.* 1930, I, p. 223—224.

[458] Данные использованных документов были мне сообщены Жаном Мейером.

[459] Lane F. C. *Progrès technologiques et productivité dans les transports maritimes de la fin du Moyen Age au début des Temps modernes.—“Revue historique”*, avril-juin 1974, p. 277—302.

уровень амортизационных расходов материальной части. С другой стороны, разве же не было относительного снижения заработной платы команд, стоимости или качества их питания на борту? Или же сокращения численного состава команд по отношению к водоизмещению, быть может, одновременно с улучшением профессиональной подготовки командного состава (капитан, офицеры, штурман, писарь) и моряков, которые еще в начале XVIII в. слишком часто бывали всего лишь тружениками-пролетариями низкой квалификации? Наконец, какие реальности скрывались за очевидной деградацией системы насильственной вербовки на флот (*presse*), которая, хоть она и затрагивала одних только военных моряков, кое-что говорит и обо всем мире людей моря? Все эти вопросы поставлены, но пока остаются без удовлетворительных ответов.

Но, разумеется, производительность судна связана с водоизмещением, с ценностью и судьбой груза. То, что мы рассчитали,— это всего только транспортные издержки. Если собственник судна был профессиональным перевозчиком, и только, проблема для него заключалась в том, чтобы в зависимости от своих затрат взимать плату за фрахт, дабы сохранить свои доходы. Именно это и делали в XVI в. на Средиземном море большие рагузинские грузовые парусники при обычных, довольно коротких плаваниях. Именно это и делали на Средиземном море и в других местах сотни, тысячи кораблей малого и среднего тоннажа. Но то было ремесло трудное, ненадежное, средне или плохо вознаграждавшееся. В тех случаях, которые мы рассматривали, вопрос о фрахте не возникал. В самом деле, снаряжали корабль купцы, дабы погрузить на него свои товары, и корабль, таким образом, втягивался в торговую операцию, выходившую за рамки его плавания или, вернее, включавшую его в себя. В действительности (и мы к этому еще вернемся), когда речь шла о торговле на дальние расстояния, риск плавания и его себестоимость, соотнесенные с ценностью перевозимых грузов, были таковы, что перевозка просто как промысел ради фрахта становилась едва ли мыслимой. Нормой было другое: дальние перевозки организовывались в рамках торговой операции, в которую они вписывались как одна из многих других статей торговых расходов и риска.

СКОРЕЕ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ ИТОГ

Итог этой длинной главы можно подвести в нескольких словах. Нужно было сначала описать секторы [общественного] производства, чтобы затем нащупать продвижение капитализма на эти земли, где он обычно обосновывался лишь наполовину, если вообще обосновывался. Совершенно очевидно, что в этих областях итог [деятельности] доиндустриального капитализма был скорее отрицательным.

За немногими исключениями, капиталист, т. е. для той эпохи «крупный купец», занятый в многочисленных и недифференцированных видах деятельности, не втягивался решительно в про-

изводство. Он, так сказать, никогда не был земельным собственником, крепко стоявшим на земле ногами: если он и бывал часто получателем земельной ренты, истинные его прибыли и заботы находились в иных местах. Не был он и хозяином мастерской, замкнувшимся в своем деле, или предпринимателем-перевозчиком. Когда один из таких деловых людей имел судно или «часть» судна, когда господствовал над системой надомничества (*Verlagssystem*), это всегда зависело от того, чем он был на самом деле: человеком рынка, биржи, торговой сети или длинных цепочек обмена. Всегда зависело от распределения, которое тогда было истинно прибыльным сектором.

Так, [братья] Пелле, о которых говорилось выше, владели своим кораблем, но для этих купцов из Бордо, энергично включившихся в торговлю с Антильскими островами, он был всего лишь весьма второстепенным средством сэкономить на фрахте. Свой корабль — это была возможность выбирать день отплытия, прибывать в удобный момент и даже иметь иной раз шансы явиться на место одному. Это означало иметь в лице капитана корабля агента для выполнения того или иного поручения или сообразовывать это поручение с местными обстоятельствами. Это означало объединить в своих руках все [возможности] торговой удачи. Точно так же и те негоцианты, что в 1706 г. купили и снарядили суда в Сен-Мало, были заинтересованы прежде всего в тех товарах, какие они погрузили на борт, отправив их к берегам Чили и Перу, и в обратном грузе. Для этой рискованной операции, проводившейся в военное время, требовавшей соблюдения тайны и обещавшей очень крупные барыши (которые, кстати, такими и окажутся), нужно было быть хозяином своего корабля. Перевозка снова была здесь на вторых ролях среди серии операций, которые были масштабнее нее. И точно так же, когда сразу после смерти Кольбера крупные парижские галантерейщики, купцы очень богатые, вкладывали деньги в суконные мануфактуры, делалось это в первую очередь ради того, чтобы получить привилегию на *продажу* этих сукон во Франции и за ее пределами. И когда эти привилегии окажутся под угрозой, купцы будут энергично их защищать [460].

[460] Martin G. *La Grande Industrie sous le règne de Louis XIV*, p. 213.

Коротко говоря, вторжение капитализма в чуждую ему сферу редко происходило ради самого этого вторжения. В производство он включался постольку, поскольку его к тому побуждали нужды торговли или торговая прибыль. Капитализм вторгнется в производственные секторы только во время промышленной революции, когда введение машин так преобразует условия производства, что промышленность станет сектором с возрастающей прибылью. Это глубоко видоизменит, а главное, дополнит капитализм. Он тем не менее отнюдь не откажется от своих конъюнктурных колебаний, ибо с годами ему представятся на протяжении XIX и XX вв. и иные, чем промышленность, возможности выбора. Капитализм индустриальной эры не будет привязан единственно к индустриальному способу производства, далеко не так!

Глава 4

КАПИТАЛИЗМ У СЕБЯ ДОМА

Если капитализм и был у себя дома в сфере обращения, он тем не менее не занимал всего ее пространства. Обычно свои излюбленные места и рубежи он находил там, и только там, где бывал оживленный обмен. Он мало интересовался традиционными обменами, рыночной экономикой с коротким радиусом действия. Даже в самых развитых регионах существовали отдельные виды деятельности, которые капитализм брал на себя, иные делил с другими, а к третьим — вообще не желал иметь отношения, решительно оставляя их в стороне. При таком выборе государство то бывало его пособником, то стесняло его; оно было единственным докучливым действующим лицом, способным иной раз занять место капитализма, отстранить его или же, наоборот, навязать ему такую роль, какую тот не желал бы играть.

Зато крупный негоциант каждодневно и без труда сваливал на лавочников и перекупщиков определенные задачи по скупке, складированию и перепродаже товаров или же обычное снабжение рынка — операции незначительные либо слишком строго регулировавшиеся рутинными правилами и надзором, чтобы оставить большую свободу для маневрирования.

Таким образом, капитализм помещался внутри некоего «множества», всегда более обширного, чем он сам, которое несло и поднимало капитализм на [волне] своего собственного движения. Такая высокорасположенная позиция, на вершине торгового сообщества, была, вероятно, главной реальностью капитализма, принимая во внимание ту возможность, какую она открывала: оформленную в виде закона или же фактическую монополию манипулирования ценами. Во всяком случае, именно с этой высоты подобает открывать и наблюдать панораму настоящей главы, чтобы понять ее логическое развитие.

НА ВЕРШИНЕ ТОРГОВОГО СООБЩЕСТВА

Повсюду, где торговая жизнь модернизировалась, она претерпевала значительное разделение труда. Не то чтобы она была



«Купец-банкир, ведущий крупные дела в чужих странах». Гравюра 1688 г.
Фото Национальной библиотеки.

какой-то силой сама по себе. Именно возросшая емкость рынка, объем обмена приводили в движение разделение труда, давали ему его [настоящий] размах, как то установил Адам Смит. В конечном счете движущей силой был сам экономический рывок вперед, и он-то и приводил к установлению значительного неравенства в торговой жизни, закрепляя за одними самые активные сферы прогресса и оставляя на долю других задачи второстепенные.

ТОРГОВАЯ ИЕРАРХИЯ

Ибо, вне сомнения, никогда, ни в какую эпоху не было страны, где [все] торговцы находились бы на одном и том же уровне, были бы равны между собой и как бы взаимозаменяемы. Уже вестготское законодательство говорило о *заморских купцах* (*negociatores transmarini*), купцах особых, которые за морем торговали левантинскими предметами роскоши,— несомненно, тех «сири» (*Syri*), что присутствовали на Западе уже в последние годы Римской империи [1].

Неравенство делалось все более и более заметным в Европе после экономического пробуждения в XI в. Как только итальянские города вновь включились в левантинскую торговлю, они столкнулись со становлением у себя класса крупных купцов, ставших вскоре верхушкой городского патрициата. И такая иерархизация укрепилась с процветанием, которым были отмечены последовавшие столетия. Разве не финансы образовывали вершину этой эволюции? Ведь во времена шампанских ярмарок сиенские Буонсиньори управляли *Главным столом (Magna Tavola)*, крупной чисто банкирской фирмой; «Ротшильды XIII в.» — так называется книга, которую посвятил им Марио Кьяудано [2]. И Италия станет школой для всего Запада. Например, во Франции деятельность крупных купцов прослеживается в XIII в. в Байонне, Бордо, Ла-Рошели, Нанте, Руане... В Париже [семейства] Аррод, Попэн, Барбетт, Пиз д'Оэ, Пасси, Бурдон были известны как крупные коммерсанты, а в податных списках за 1292 г. Гийом Бурдон числится одним из парижских буржуа, платящих наивысшую сумму налога [3]. В Германии, если верить Фридриху Лютге, с XIV в. наметилось разделение между розничными торговцами и оптовиками [4] вследствие увеличения протяженности торговых маршрутов, необходимости оперировать разной монетой, разделения функций (приказчики, комиссионеры, хозяева складов) и необходимости счетоводства, которого уже требовало повседневное использование кредита. До того времени крупный купец сохранял свою розничную лавку; он жил на том же уровне, что и его слуги и ученики, как мастер со своими подмастерьями. Разрыв начался, но, без сомнения, неполный: долгое время и почти везде, даже во Флоренции, даже в Кёльне, оптовики еще продолжали торговать в розницу [5]. Но как в социальном, так и в экономическом плане облик крупной торговой деятельности определенно стал отличаться от обычной мелкой торговли. И важно было именно это.

[1] Menendez Pidal. *Historia de España*, III, p. 171—172.
[2] См.: *Bolletino Senese di Storia Patria*, VI, 1935.
[3] Pigeonneau H. *Histoire du commerce en France*. 1885, p. 237.
[4] Lütge F. *Deutsche Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*, S. 230.
[5] Below G., von. *Probleme der Wirtschaftsgeschichte*. 1926, S. 381. О смешении почтенных негоциантов и «негоциантов розничных» (*négociateurs détailleurs*) см. также: Accarias de Sérionne J. *Les Intérêts des nations de l'Europe*. 1766, II, p. 372.

Все торговые сообщества немного раньше или немного позже создали подобные иерархии, нашедшие отражение в повседневном языке. В странах ислама *таджир* — это крупный импортер и экспортер, который, сидя дома, руководит агентами и комиссионерами. Он не имел ничего общего с *ханути*, лавочником на рынке (*сук*) [6]. В Индии в Агре, бывшей еще громадным городом в 1640 г., когда через нее проехал Маэстре Манрике, названием *содагор* (*sodagor*) обозначали того, «кого мы у себя в Испании назвали бы торговцем (*mercader*), но иные гордо именуют себя *катари* (*Katari*), самым почтенным званием среди тех, кто в сей стране занят торговым искусством, званием, каковое означает богатейшего купца с большим кредитом» [7]. На Западе словарь отметил аналогичные различия. «Негоциант» — это французский *катари*, хозяин товара; слово это появилось в XVII в., но не вытеснило сразу уже привычные термины «оптовый купец» (*marchand de gros, marchand grossier, magasinier*), или попросту «оптовик» (*grossier*), или, в Лионе, «купец-буржуа» (*marchand bourgeois*). В Италии дистанция между розничным торговцем (*mercante a taglio*) и негоциантом (*negoziante*) была велика так же точно, как в Англии между торговцем (*tradesman*) и купцом (*merchant*), который в английских портах занимался только дальней торговлей, и в Германии — между лавочником (*Krämer*) и купцом (*Kaufmann* или *Kaufherr*). Уже в 1456 г. для Котрульи занятия торговым искусством (*mercatura*) и заурядной торговлей (*mercanzia*) разделяла пропасть [8].

То были не просто слова, но явные социальные отличия, от которых страдали или которыми похвалялись. На вершине пирамиды гордость тех, кто «понимал курс», дальше уже было некуда (*nec plus ultra*) [9]. Таково было презрение генуэзцев, владельцев ссудного капитала в Мадриде при Филиппе II, к любой торговле товарами, каковая, по их словам, была ремеслом «грошовых торгашей и людей более низкого состояния» („*bezarioto et de gente più bassa*“), к торговцам (*mercanti*) и мелким людишкам. Таким было и презрение негоцианта к лавочнику. «Я вовсе не торговец-распространитель [читай: розничный торговец],— воскликнул в 1679 г. крупный онфлёрский коммерсант Шарль Лион.— Я не торговец треской, я — комиссионер», работающий на комиссионных условиях и, следовательно, купец-оптовик [10]. А на другом конце, у основания — зависть, почти ярость. Разве не звучит горечь в словах того антверпенского венецианца, который в 1539 г., без сомнения, лишь наполовину преуспев в своих делах, поносил «людей из этих больших торговых компаний, основательно ненавидимых двором и еще более того — простым народом», людей, что «испытывают удовольствие, выставляя напоказ свое богатство»? Любой скажет, что «сии великие банкиры пожирают малых сих и бедняков», включая, разумеется, и мелких торговцев [11]. Но разве же и эти последние в свою очередь не презирали лавочников-ремесленников, трудившихся своими руками?

[6] Chalmetta P. *"El Señor del Zoco" en España*. 1973, p. 103, 117.

[7] Sebastian Manrique F. *Itinerario de las Missiones*. 1649, p. 346.

[8] По поводу *tradesman* и *merchant* ср.: Defoe D. *En explorant l'île de Grande-Bretagne*. Ed. 1974, I, p. 1—3; о *mercatura* и *mercanzia* см.: Cotrugli B. *Della mercatura e del mercante perfetto*. 1602, p. 15.

[9] Condillac. *Le Commerce et le gouvernement*. 1847, p. 306.

[10] По поводу генуэзцев в Мадриде см.: Braudel F. Médit..., I, p. 462, note 4; по поводу Шарля Лиона см.: Decharme P. *Le Comptoir d'un marchand au XVII^e siècle d'après une correspondance inédite*. 1910, p. 11.

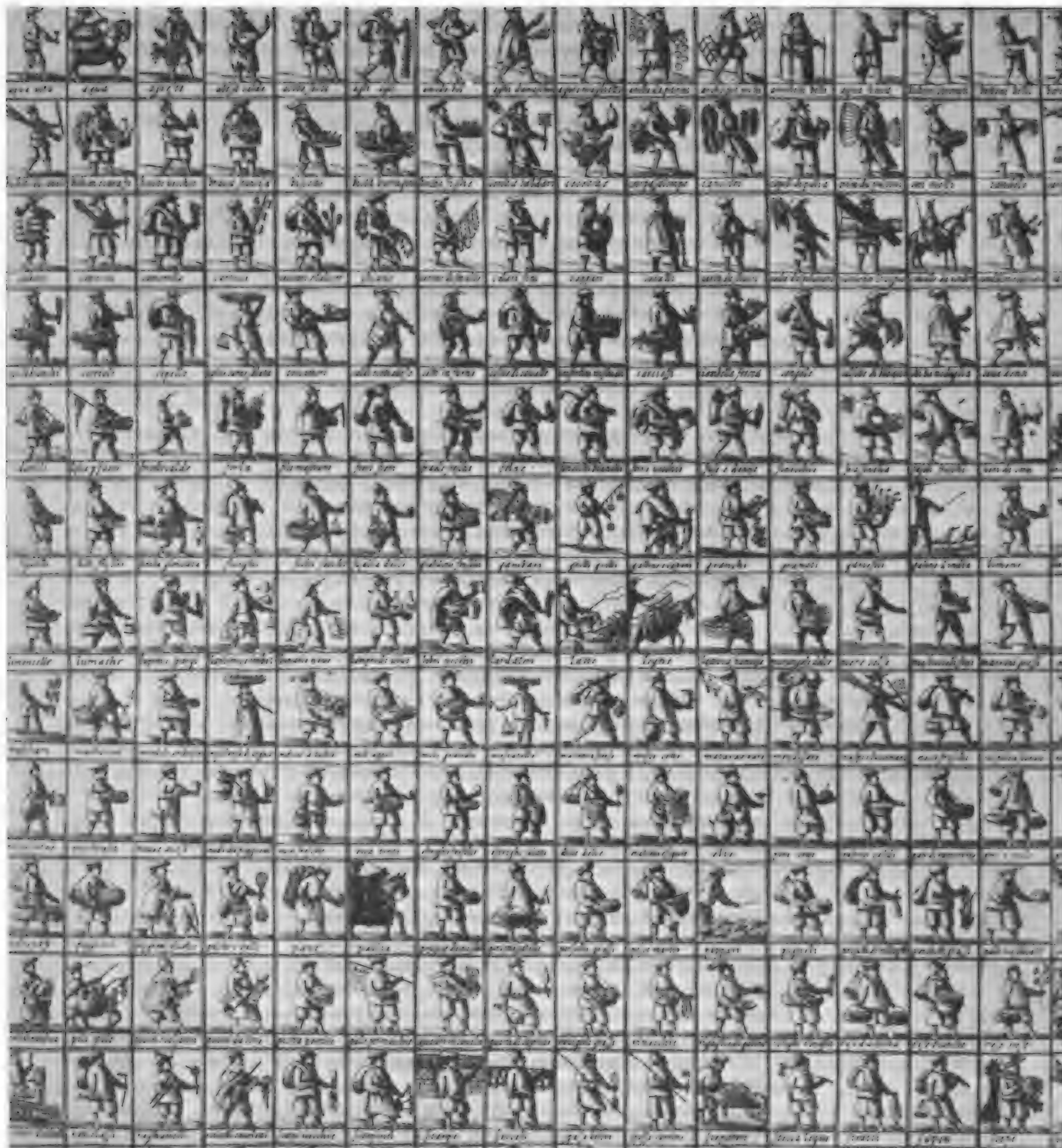
[11] Edler F. *The Vandermolen, commission merchants of Antwerp: Trade with Italy 1538—1544.— Essays in Honor of J. W. Thompson*. 1938, p. 90, n. 34 (Антверпен, 7 декабря 1539 г.)

СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ — ТОЛЬКО ВНИЗУ

На нижних этажах иерархии копошилось множество разносчиков, уличных торговцев продовольствием с лотков, «странствующего рыночного народа, как мы их называем» (*«traveling market folks, as we call them»*) [12], перекупщиков, лавочников, жалких коробейников, мелких зерноторговцев, ничтожных торгашей: любой язык дал бы [богатый] набор названий для этого торгового пролетариата. А сюда прибавлялись еще все профессии, порожденные торговым миром и в большой мере жившие за его счет: кассиры, бухгалтеры, аукционеры для крупных партий товара, комиссионеры, разных названий посредники, возчики, моряки, курьеры, упаковщики, чернорабочие, носильщики... Когда грузо-пассажирское судно приходило в Париж, то еще до того, как оно коснется пристаней на Сене, с лодок перевозчиков выскакивала туча носильщиков и брала судно приступом [13]. Мир торговли — это была вся эта совокупность людей со своей сплоченностью, своими противоречиями, своими цепями зависимости — от мелкого торгаша, бродившего по отдаленным деревням в поисках мешка пшеницы по дешевке, до изящных или же невзрачных лавочников, до владельцев городских складов, портовых буржуа, что снабжали продовольствием рыбацкие суда, парижских оптовиков и негоциантов Бордо... Все эти люди образовывали одно целое. И ему неизменно сопутствовал ненавистный, но необходимый ростовщик, начиная с того, что обслуживал сильных мира сего, до мелочного заимодавца, ссужавшего деньги под залог. По словам Тюрго, не было более жестокого процента роста, «чем тот, что известен в Париже под названием лихоимства под недельный процент; он доходил порой до двух су в неделю на экю из трех ливров: сие составляет на 173 ливра 1/3 со ста. Однако же как раз на этом воистину огромном ростовщическом проценте держится *розничная торговля* [курсив мой.— *Ф. Б.*] продовольствием, каковое продается на Крытом рынке (Halles) и на других парижских рынках. Заемщики не жалуются на условия такого займа, без коего они не смогли бы заниматься тою торговлей, что дает им средства к жизни, а заимодавцы не больно-то обогащаются, ибо эта непомерная цена, в сущности, представляет всего лишь компенсацию риска, какому подвергается капитал. В самом деле, неплатежеспособность одного-единственного заемщика лишает заимодавца прибыли, каковую он мог бы получить с тридцати других» [14].

Таким образом, имелось торговое сообщество внутри того общества, которое его окружало. И важно ухватить это сообщество в его целостности и не терять его из виду. Филипе Руис Мартин с полным основанием как бы одержим [проблемой] этого сообщества, его специфической иерархией, без которой капитализм трудно было бы понять [15]. Сразу же после открытия Америки Испании представился неслыханный шанс, но космополитичный капитализм принялся успешно его у нее оспаривать. Тогда выстроилась целая пирамида видов деятельности, распределенных по разным этажам: у основания — кре-

[12] Defoe D. *Op. cit.*, II, p. 135.
[13] B. N., Fr., 21702, f° 14, 40.
[14] Turgot. *Œuvres*, I, p. 262.
[15] Ruiz Martin F. *Lettres marchandes échangées entre Florence et Medina del Campo.* P., 1965, p. XXXVI—XXXVII.



Крики Рима. Самое малое 192 вида специализированных мелких профессий, указывающие на разделение труда снизу. Продавцы любых плодов земледелия, включая солому, любых плодов леса (от грибов до древесного угля), плодов рыбной ловли, изделий мелкого ремесла (мыло, метлы, деревянные башмаки, корзины); перекупщики (селедка, бумага, иголки, стеклянные изделия, водка, старье); торговцы услугами (точильщики, дровоколы, зубодеры, странствующие повара). *Фото Оскара Савио.*

стьяне, пастухи, шелководы, ремесленники, *regatones* (торговцы вразнос) и ростовщики, ссужавшие деньги под недельный процент; над ними — кастильские капиталисты, которые держали их в своих руках; и, наконец, над этими — управлявшие всем комиссионеры Фуггеров, а вскоре [затем] и генуэзцы, выставлявшие напоказ свое могущество...

Эта торговая пирамида, это отдельное сообщество встречается нам по всему Западу [Европы] и во все времена, оставаясь самим собой. Оно располагало собственным движением. Специализация, разделение труда обычно происходили в нем снизу вверх. Если процесс разделения видов деятельности и раздробления функций называть модернизацией или рационализацией, то такая модернизация проявилась сначала *у основания экономики*. Всякий стремительный рывок обменов предопределял возраставшую специализацию лавок и рождение особых профессий среди многочисленных вспомогательных действующих лиц торговли.

Не любопытно ли, что негоциант в том, что касается его самого, не следовал правилу, специализировался, так сказать, лишь очень редко? Даже лавочник, который, сколотив состояние, превращался в негоцианта, сразу же переходил от специализации к неспециализированности. В Барселоне в XVIII в. москательщик (*botiguer*), поднявшийся над своим прежним положением, принимался торговать каким угодно товаром [16]. В Кане предприниматель — фабрикант кружев Андре в 1777 г. унаследовал отцовскую фирму на грани банкротства; он вытащил ее из затруднений, расширив зону своих закупок и продаж. Для этого он ездил в далекие города — Ренн, Лориан, Роттердам, Нью-Йорк... И вот он стал купцом; нужно ли удивляться, что с этого времени он занимается не только кружевами, но и муслинами, пряностями, мехами? [17] Он подчинился правилам торговли. *Сделаться*, а особенно *быть* негоциантом, означало [не просто] иметь право, а быть обязанным заниматься, если не всем, то по меньшей мере многим. Я говорил уже, что такая многосторонность, на мой взгляд, объяснялась не той осторожностью, какую приписывают крупному купцу (а почему бы и не мелкому?), желающему-де раздробить риск. Разве не требует это слишком уж постоянное явление объяснения более широкого? Разве же не «поливалентен», и очень, сегодняшний крупный капитализм? Разве какой-нибудь из наших крупных коммерческих банков не может, с соответствующими поправками, легко сравниться с крупной миланской фирмой Антонио Греппи накануне Французской революции? Будучи в принципе банком, эта фирма также занималась табачными и соляными откупами в Ломбардии, закупкой в Вене, и в огромных количествах, идрийской ртути для короля Испанского. Однако же она ничего не вкладывала в эту промышленную деятельность. Точно так же ее многочисленные филиалы в Италии, Кадисе, Амстердаме и даже в Буэнос-Айресе были вовлечены в многообразные, но исключительно торговые дела — от закупок шведской меди для обшивки корпусов испанских кораблей до зерновых спекуляций в Танжере, комиссионной торговли холстами, итальянскими шелками и шелковыми изделиями и

[16] Vilar P. *La Catalogne dans L'Espagne moderne*, III, p. 384—422. passim.
[17] Perrot J.-Cl. *Cenèse d'une ville moderne: Caen au XVIII^e siècle*, I, p. 435—437.

теми бесчисленными товарами, какие предлагал амстердамский рынок. И не будем забывать систематическое использование при торговле векселями всех контактов, которые огромный коммерческий рынок в Милане поддерживал с различными денежными рынками мира. Надо ли добавлять к этому такую попросту контрабандную операцию, как торговля слитками американского серебра, незаконно грузившимися на суда в Кадисе? [18] Таким же образом и крупная голландская фирма «Трипп» в XVII в. непрестанно смещала центры своей активности и изменяла спектр своих дел. Она в некотором роде играла то на одной монополии, то на другой, то на одном, то на другом совместном предприятии и почти без колебаний начинала борьбу против конкурентов, которые слишком уж ее стесняли. Разумеется, она занималась, постоянно и предпочтительно, торговлей оружием, дегтем, медью, порохом (а значит, и польской, или индийской, или даже африканской селитрой); она широко участвовала в операциях Ост-Индской компании и дала этому огромному предприятию нескольких из его директоров. Она также владела кораблями, выплачивала ссуды, занималась металлургическими заводами, плавильнями и другими промышленными предприятиями. Компания будет разрабатывать торфяные поля во Фрисландии и около Гронингена, она располагала значительными интересами в Швеции, где имела огромные земельные владения, торговала с африканской Гвинеей и с Анголой и даже с обеими Америками. Несомненно, в XIX в., когда капитализм [весьма] зримо устремился в громадную новую область — в промышленное производство, он, казалось, специализировался, и всеобщая история имеет тенденцию представлять машинную промышленность как завершающий этап развития капитализма, который будто бы придал ему его «истинное» лицо. Так ли это бесспорно? Мне скорее представляется, что после первого бума машинного производства самый развитый капитализм возвратился к эклектичности, к своего рода нераздельности, как если бы и сегодня, как во времена Жака Кёра, характерным преимуществом было находиться в господствующих пунктах, не замыкаться в [рамки] единственного выбора; быть в высшей степени способным к адаптации и, следовательно, быть неспециализированным.

Таким образом, рациональное разделение труда действовало ниже [уровня] негоцианта. Обилие посредников и промежуточных уровней (которые применительно к Лондону конца XVII в. перечисляются в труде Р. Б. Уэстерфилда [19]), приказчиков, комиссионеров, маклеров, кассиров, страхователей, перевозчиков или таких «арматоров», которые с конца XVII в., как, скажем, в Ла-Рошели и наверняка в других местах, брали на себя «выпуск из гавани» («*mise-hors*») корабля,— сколько их было, эффективно специализированных помощников, предлагавших купцу свои услуги. Даже специализированный банкир (разумеется, не «финансист») был в распоряжении негоцианта; и последний не колебался, ежели предоставлялась выгодная возможность самому сыграть роль страхователя, или арматора, или банкира, или комиссионера. И именно ему всегда

[18] О фирме А. Греппи см.: Caizzi B. *Industria, commercio e banca in Lombardia nel XVIII secolo*. 1968, p. 203, 206, 210. По поводу фирмы Трипп см.: Klein P. W. *De Trippen in de 17° Eeuw*. 1965, p. 474 f.

[19] Westerfield R. B. *Middlemen in English Business*. 1915.

доставалась лучшая доля. Заметьте, однако, что в Марселе, одном из крупнейших торговых центров XVIII в., банкиры, по мнению Шарля Каррьера [20], не были королями.

В общем, при постоянной структурной перестройке торгового сообщества, существовала издавна неприкосновенная позиция, не перестававшая в своей неприступности подниматься, расти в цене по мере развития внутренних разделений и дальнейших подразделений сообщества,— позиция многостороннего негоцианта. В Англии, в Лондоне и во всех активных портах он утверждался с XVII в., будучи, по правде говоря, единственным, кто оказывался в выигрыше в довольно трудные времена. Около 1720 г. Дефо замечает, что у лондонских негоциантов все больше и больше домашней прислуги, что они даже желают иметь выездных лакеев (*footmen*), как дворяне. Отсюда и бесчисленное множество синих ливрей, столь распространенных, что их называли «купеческими ливреями», а знать сразу же отказалась от того, чтобы одевать свою челядь в этот цвет [21]. Для крупного купца изменялось все, весь образ его жизни, его развлечения. Экспортер-импортер (*merchant*), обогащаемый всеми, становился важной фигурой, персоной совсем иного класса, нежели купцы «второсортные» (*middling sort*), удовлетворявшиеся внутренней торговлей, купцы, которые, согласно свидетельству, относящемуся к 1763 г., «хотя и весьма полезны на своих местах, ни в коей мере не имеют права на почести, [оказываемые] высокому рангу» [22].

И во Франции тоже, по крайней мере с 1622 г., крупные купцы стали окружать себя роскошью. «Одетые в шелковый кафтан и в плюшевый плащ», они всю «низкую» работу оставляли приказчикам. «Утром их видишь на денежном рынке... где их не знают как купцов, или на Новом мосту беседующими о делах на площадке для игры в шары» [23] (мы в Париже — игра в шары происходила на набережной дез-Орм, возле монастыря целестинцев, а денежный рынок — «*change*» — располагался в нынешнем Дворце правосудия). Во всей их повадке нет ничего, что напоминало бы лавочника. Впрочем, разве ордонанс 1629 г. не разрешал дворянам заниматься морской торговлей, не унижая [тем самым] своего звания? Намного позднее ордонанс 1701 г. дал им право на ведение оптовой торговли. То был способ повысить статус купцов в обществе, продолжавшем смотреть на них свысока. О том, что французские купцы не чувствовали себя в этом обществе вольготно, вы можете судить по любопытной петиции, которую они в 1702 г. представили в Совет торговли. Вот чего они требовали: не более не менее как чистки среди занятых торговой профессией, чистки, которая раз и навсегда отделила бы купца от любого лица, занятого *физическим трудом*,— от аптекарей, золотых дел мастеров, меховщиков, чулочников, виноторговцев, вязальщиков чулок на станках, старьевщиков, «а также тысячи прочих профессий, кои суть рабочие [*sic!*] и кои имеют звание купцов». Одним словом, достоинство купца впредь должно было бы принадлежать лишь тем, «кто продавал бы товар, ничего не предлагая своего и ничего к оному не прибавляя от себя» [24].

[20] Carrière C. *Négociants marseillais au XVIII^e siècle*. 1973, I, p. 251.
[21] Defoe D. *Op. cit.*, I, p. 102.
[22] Pollard S., Crossley D. W. *The Wealth of Britain*. 1968, p. 169, note 65.
[23] *Variétés*, III, p. 41, 56—57.
[24] A. N., G 7, 1686, f°. 156.

По всей Европе XVIII в. отмечен апогеем крупного купца. Подчеркнем только тот факт, что негоцианты возвышались как раз благодаря спонтанному напору экономической жизни у основания [пирамиды]. Они всплыли на волне этого напора. Даже если мысль Й. Шумпетера о приоритете предпринимателя и содержит долю истины, наблюдаемая реальность в десяти случаях против одного показывает, что новатора нес [на себе] поток поднимающегося прилива. Но тогда в чем заключался секрет его успеха? Иными словами, как было пробиться в число избранных?

ТОРГОВЫЙ УСПЕХ

Одно условие главенствовало над прочими: находиться на определенном уровне уже в начале карьеры. Те, кто добивался успеха, начав «с нуля», в прошлом были столь же редки, как и ныне. И для всех времен пригоден тот рецепт, какой дает Клод Каррер в применении к Барселоне XV в.: «Лучшим способом заработать деньги в крупной торговле... [было] их уже иметь»[25]. Антуан Хоггер (Hogguer), совсем молодой человек из одной санкт-галленской купеческой семьи, в 1698 г., сразу же после Рисвикского мира, который принесет лишь краткую передышку, получил от своего отца капитал в 100 тыс. экю, «дабы увидеть, на что он способен». Он осуществил в Бордо «столь удачные дела, что на протяжении одного месяца утроил свой капитал». В течение последующих пяти лет Хоггер накопил крупные суммы в Англии, Голландии и Испании[26]. В 1788 г. Габриэлю-Жюльену Уврару, тому, что станет [впоследствии] великим Увраром, было всего 18 лет; с деньгами, доставшимися от отца (богатого бумагопромышленника в Антьере, в Вандее), он уже получил крупные прибыли, занимаясь коммерцией в Нанте. В начале революции он спекулировал бумагой, которую в огромных количествах держал на складах. Снова успех. Затем он явится в Бордо, где опять будет выигрывать всякий раз[27].

Для начинающего иметь кругленькую сумму денег стоило любых рекомендаций. Перед тем как связаться с руанским комиссионером, за которого ручались трое крупных купцов, Реми Бенса из Франкфурта колебался. «Мне симпатичен г-н Дюгар,— писал он,— потому что это молодой человек, который любит трудиться и который довольно точен в своих счетах. Беда в том, что у него совсем нет состояния, по крайней мере мне неведомо о наличии у него такового»[28].

Другая удача для дебютанта — сделать первые шаги при хорошей погоде в экономике. Но это не означало гарантированного успеха. Торговая конъюнктура переменчива. Всякий раз, когда она показывала на «ясно», в борьбу неизменно вступали наивные мелкие предприниматели. Состояние моря и ветер благоприятны — и они доверчивы и немного хвастливы. Наступающая затем непогода застигает их врасплох и безжалостно губит. Этого избиения младенцев избегали или самые

[25] Carrère C. *Barcelone, centre économique...*, 1967, I, p. 143.
[26] Lévy C.-F. *Capitalistes et pouvoir au siècle des Lumières*. 1969, p. 354.
[27] Savant J. *Tel fut Ouvrard*. 1954, p. 11 sq.
[28] Реми Бенса — П. Ф. Делессару, Франкфурт, 14 сентября 1763 г., A. N., 62 AQ 34.



Фронтиспис книги Жака Савари «Совершенный негоциант» (Le Parfait Négociant), 1675 г. *Собрание Виолле.*

ловкие, или самые везучие, либо те, кто с самого начала имел резервы. Вы прекрасно видите, к какому заключению мы идем: крупный купец — это именно тот, кто без всяких превратностей переживал плохую конъюнктуру. Если это ему удавалось, значит, у него наверняка были на руках [определенные] козыри и он умел ими пользоваться; или же, если дела шли совсем плохо, у него были возможности исчезнуть, найти убежище, как и подобает. Изучив *банковский* (*en banque*) оборот шерсти самых крупных амстердамских фирм, М. Г. Бёйст констатировал, что все они без потерь пережили неожиданный и серьезный кризис 1763 г. — все, за исключением одной, которая, впрочем, быстро оправится от своих убытков [29]. А ведь этот *капиталистический* кризис 1763 г., по окончании Семилетней войны, потряс экономическое сердце Европы и был отмечен целой серией разорений и цепных банкротств от Амстердама до Гамбурга, Лондона и Парижа. Избежали их только князья крупной торговли.

Говорить, что капиталистический успех основывается на деньгах,— это явный трюизм, если иметь в виду только капитал, необходимый для любого предприятия. Но деньги — это ведь и нечто иное, чем [просто] способность инвестировать. Это и уважение в обществе, откуда вытекал ряд гарантий, привилегий, пособничеств и протекций. Это была возможность выбирать — а выбирать — это одновременно и соблазн и привилегия,— между представившимися делами и возможностями силой включиться в не склонный [тебя допустить] кругооборот, защитить оказавшиеся под угрозой выгоды, компенсировать убытки, устранить соперников, дожидаться прибылей от очень длительных, но многообещающих операций, даже заручиться милостями и снисходительностью государя. Наконец, деньги — то была привилегия иметь еще больше денег, ибо взаймы дают только богатым. А кредит был все более и более необходимым орудием крупного купца. Его собственный капитал, его «основной», лишь изредка бывал на уровне его потребностей. Тюрго писал: «На земле нет центра коммерции, где предприятия не держались бы на заемных деньгах; быть может, нет ни единого негоцианта, коему не приходилось бы прибегать к [помощи] кошелька ближнего» [30]. Анонимный автор статьи в «Журналь де коммерс» (1759 г.) восклицал: «Какой систематичности, какого умения все рассчитать, какой изобретательности и какой только отваги не требует занятие человека, который, стоя во главе торгового дома и располагая капиталом в две-три сотни тысяч ливров, всякий год имеет оборота на несколько миллионов!» [31]

Однако же, если верить Дефо, так вся иерархия торговли, снизу доверху, жила с подобным девизом. От мелкого лавочника до негоцианта, от ремесленника до мануфактурщика, все жили на счет кредита, т. е. с покупкой и продажей к [определенному] сроку (*at time*); именно эти закупки и продажи делали возможным при капитале, например, в 5 тыс. фунтов годовой оборот в 30 тыс. фунтов [32]. Сроки оплаты, которые каждый предлагал и которых добивался попеременно и которые представляли [сами по себе] «способ брать взаймы» [33],

[29] Buist M. G. *At spes non fracta, Hope et C° 1770—1815.* 1974, p. 13.
[30] Turgot. *Œuvres,* I, p. 264.
[31] *“Journal de commerce”,* 1759, p. 57.
[32] Defoe D. *Op. cit.,* I, p. 354—357.
[33] *Ibid.,* I, p. 368.

были даже гибкими: «Едва ли один человек из двадцати придерживается условленного срока, и в общем и не ожидают, чтобы он их выдерживал, столь велики льготы [в отношениях] между купцами в сей области»[34]. В балансе любого коммерсанта наряду с запасом товаров постоянно присутствовали кредитный актив и долговой пассив. Мудрость заключалась в сохранении равновесия, но определенно не в том, чтобы отказаться от тех форм кредита, что в конечном счете представляли огромную массу [денег], вчетверо или впятеро превышавшую объем торговли[35]. Вся торговая система зависела от них. Едва лишь пресекся бы этот кредит, как застопорился бы двигатель. Важно, что речь здесь идет о кредите, неотделимом от системы торговли, порождаемом ею,— кредите «внутреннем» и *не приносящем процента*. Его особая мощь в Англии представлялась Дефо секретом английского процветания, той *сверхторговли* (*overtrading*), которая позволила Англии заставить себя уважать также и за границей[36].

Крупный коммерсант тоже получал выгоду от таких *внутренних* льгот, распространяя эту выгоду и на своих клиентов. Но он также постоянно практиковал и иную форму кредита, обращаясь к деньгам ростовщиков и лиц, предоставлявших капитал, которые пребывали вне рамок системы. Тут речь шла о займах наличными деньгами, неизменно проходивших через врата процента. Это решающее различие, ибо торговая операция, строившаяся на этой основе, должна была в конечном счете обеспечить уровень прибыли, явно превышающий размер процента. Но, полагает Дефо, не так обстояло дело в обычной торговле; для него «заем под процент есть червь, подтачивающий прибыль», способный даже при «законном» пятипроцентном размере свести доходы на нет[37]. *A fortiori, тем более*, было бы самоубийством обращение к ростовщику. И следовательно, ежели крупный купец может беспрестанно обращаться к займам, к «кошельку ближнего», к *внешнему* кредиту, так это наверняка потому, что обычные его доходы были куда выше доходов основной массы купцов. Мы оказываемся здесь снова перед линией раздела, подчеркивающей особенности привилегированного сектора обмена. К. Н. Чаудхури в книге, откуда мы многое позаимствовали[38], задался вопросом, почему прославленные Ост-Индские компании в своих операциях останавливались на пороге распределения; почему они продавали свои товары с торгов у ворот своих складов по заранее объявленным датам. Не происходило ли это просто потому, что продажи эти производились за наличные деньги? Это было способом избегнуть правил и практики оптовой торговли с ее долгими сроками оплаты, как можно скорее вернуть и снова пустить в дело капиталы для прибыльной торговли с Дальним Востоком, способом не терять время.

[34] Defoe D. *Op. cit.*, p. 364.
[35] *Ibid.*, p. 358.
[36] *Ibid.*, p. 46.
[37] *Ibid.*, II, p. 10.
[38] Chaudhuri K. N. *The Trading world of Asia and the English East India Company*. 1978.

ЛИЦА, ПРЕДОСТАВЛЯЮЩИЕ КАПИТАЛ

«Накопляйте, накопляйте! В этом Моисей и пророки!»— таков закон и девиз капиталистической экономики[39]. Можно

[39] Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.*, т. 23, с. 608.

было бы с тем же успехом сказать: «Берите, берите взаймы! В этом Моисей и пророки!» Любое общество производит накопления, располагает капиталом, который разделяется на сбережения тезаврированные и в таком случае бесполезные, придерживаемые в ожидании, и на капитал, чья животворная влага протекает по каналам активной экономики, в прошлом прежде всего торговой экономики. Если этой последней недостаточно, чтобы разом открыть все возможные затворы, то почти насильно возникает капитал омертвленный, можно сказать извращенный. Капитализм вполне утвердится только тогда, когда накопленный капитал будет максимально использован, хотя, разумеется, стопроцентный уровень никогда не бывал достигнут.

Это включение капитала в активную жизнь определяло колебания величины процента, одного из главных показателей здоровья экономики и обмена. И если эта величина в Европе с XV по XVIII в. почти постоянно снижалась, если в Генуе к 1600 г. она была смехотворно низкой, если в XVII в. она сенсационным образом уменьшилась в Голландии, а впоследствии — в Лондоне, то происходило это прежде всего потому, что накопление увеличивало массу капитала, последний оказывался в изобилии и сбивал плату за кредит, и потому, что сбыт товаров, несмотря на его рост, шел не в таком же темпе, как образование капитала. Дело было также и в том, что в этих разросшихся центрах международной экономики обращение к займу было достаточно оживленным и частым, чтобы состоялась достаточно рано встреча капиталиста и обладателя сбережений, чтобы возник доступный денежный рынок. К тому же в Марселе или в Кадисе негоциант мог получить заем легче и дешевле, чем, например, в Париже [40].

Не будем забывать в мире тех, кто предоставлял капитал,— массу обладателей скромных сбережений, массу, призванную возрастать. То были деньги младенцев. В ганзейских гаванях или в портах Италии всегда были, а в Севилье они существовали еще в XVI в., мелкие кредиторы, мелкие охотники до риска, микрогрузоотправители, грузившие кое-какой товар на отплывавшие суда. Зачастую по возвращении судна самые выгодные дела делали с этой мелкотой, потому что деньги ей бывали нужны сразу же. Большой подписной заем (*party*) в Лионе в 1557 г. привлек значительное число мелких подписчиков, «микрозаимодавцев». Сбережения «маленьких людей» оказались в составе капиталов, собранных аугсбургскими Хёхштеттерами, которые, не сумев установить монополию на ртуть, обанкротятся в 1529 г. Небезынтересно видеть в начале XVIII в. «слугу Ж.-Б. Брюни [крупного марсельского негоцианта], вкладывающего 300 ливров в корабль «Св. Иоанн-Креститель», или же Маргерит Трюфем, служанку Р. Брюни [тоже крупного негоцианта], участвующую в снаряжении «Марианны» суммой в 100 ливров, в то время как ее годовой заработок составлял 60 ливров» [41]. Или какую-то служанку в Париже, располагавшую 1000 экю, вложенных в Пять Главных Откупов *, как утверждал один пасквиль, появившийся в 1705 г., которому

[40] Carrière C. *Op. cit.*, II, p. 916—920.
[41] *Ibid.*, I, p. 88.
* Пять Главных Откупов (*Cinq Grosses Fermes*) — так обозначались с начала XVII в. доходы с французских таможен, сдававшиеся на откуп.— *Прим. перев.*

[42] *Variétés*, V, p. 256.

мы не обязаны безоговорочно верить [42].

Мелкие, но также и средние заимодавцы; таковые были генуэзские купцы, организовывавшие краткосрочные займы для Филиппа II и в свою очередь опиравшиеся на испанских и итальянских кредиторов, которых для них вербовали посредники. Король уступил генуэзцам испанские рентные обязательства — *хурос* (*juros*) — в качестве гарантии под ту сумму, которую ему выплатили или выплатят авансом. Эти обязательства, выданные генуэзцам на предъявителя, были затем размещены среди [широкой] публики: генуэзский банкир-финансист обеспечит выплату процентов, но с самого начала инкассирует сумму капитала, сам заключая тем самым заем под низкий процент. Когда король в конце концов выпла-



Лавочка менялы. «Призвание св. Матфея» — картина Яна ван Хемессена, 1536 г. *Баварские Государственные картинные собрания* (Bayerische Staatsgemäldesammlungen).

тит ему долг, банкир возвратит ему *хурос* такой же стоимости и приносящие такой же процент, как и те, что он получил в залог. Возможно, в архивах Симанкаса можно найти списки подписчиков, ответивших таким путем на призыв генуэзцев. Мне повезло найти один такой список, но потом, не зная тогда ценности такого открытия, я имел несчастье не записать его шифр.

Вне всякого сомнения, было бы интересно узнать число этих заимодавцев, довольно мало занимавшихся спекуляциями, размеры их ссуд, их социальный статус. Рост численности племени таких подписчиков был одним из важных факторов XIX в. Но ведь они уже угадывались как крупное явление в Англии и Голландии в XVIII в., а, при прочих равных условиях, еще намного раньше в Венеции, в Генуе или во Флоренции. Один из историков рассказывает нам о 500 тыс. человек, преимущественно парижан, подписавшихся к 1789 г. на займы Людовика XVI [43]. Такая цифра не кажется невозможной, хотя ее и нужно еще доказать. Во всяком случае, ясно, что скромные сбережения чаще вкладывались еще в государственные ренты, нежели включались в деловые операции.

Средний заимодавец зачастую имел те же рефлексы, так как разрывался между желанием выгоды и заботой о безопасности, и эта последняя очень часто брала верх. Не думайте, что книга советов «Наставник простого народа» (*“Il Dottor vulgare”*, 1673) [44] была написана под знаком отваги и риска. Конечно, в ней можно прочитать: «Ныне никто не похваляется тем, что держит деньги свои [при себе] праздными и бесплодными... Всегда имеется полным-полно возможностей вложить их, особенно после недавнего и все более частого введения аренд, векселей и этих государственных рент или обязательств... кои в Риме называют *местами накоплений* (*luoghi dei monti*)». На самом деле то, что́ она здесь рекомендует,— это помещение капитала для отцов семейства.

Настоящими распорядителями капиталов, теми, кто имел вес, были обычно крупные действующие лица, которых к концу XVIII в. будут обозначать специальным названием *капиталисты*. Наблюдая за деловой жизнью, они иной раз вмешивались в нее легкомысленно (потому что все бывает), уступая ловкому нажиму ходатая (по словам Дефо, лавочник, сколотивший состояние и отошедший от дел, часто переставал быть благоразумным), но чаще всего они, по-видимому, принимали свои решения, все рассчитав. В этой категории лиц, предоставлявших капиталы, рано или поздно находилось место для любого богача: для чиновников из французского «дворянства мантии», столь часто скрывавшихся за *откупщиками* (*traitants*) [45], которые просто предоставляли к их услугам свое имя; либо для судей и правителей нидерландских городов, крупных заимодавцев пред лицом Всевышнего; либо для тех патрициев, которых один реестр показывает нам в Венеции в XVI в. как дольщиков (*piezarie*), дающих свои поручительства мелким откупщикам налогов и повинностей Синьории [46]. Никому не придет в голову, что такое поручительство было бесплатным жестом. В Ла-Рошели у купцов и арматоров были «их привычные группы лиц, предоставлявших ка-

[43] Bigo R. *Une grammaire de la Bourse en 1789.— “Annales”*, 1930, p. 507.
[44] Cardinale di Luca G. B. *Il Dottor vulgare*. 1673, V, p. 29.
[45] Dessert D. *Finances et société au XVII^e siècle: à propos de la chambre de justice de 1661.— “Annales E. S. C.”*, 1974, № 4, p. 847—885.
[46] Музей Коррер (точная ссылка не обнаружена).

питал»[47]. В Генуе весь высший слой крупного купечества, тонкий слой старой знати (*nobili vecchi*), состоял из лиц, предоставлявших капитал, к деятельности которых у нас будет случай вернуться. Даже в Амстердаме, где с 1614 г. существовал ссудный банк, обеспечиваемый Амстердамским банком, этот ссудный банк лишь некоторое время занимался предоставлением авансов торговле. Став примерно с 1640 г. своего рода ломбардом, он уступит эту роль частным капиталам[48]. Триумф Голландии был триумфом легко получаемого кредита, даже для иностранных купцов. В Лондоне в XVII в. дела на денежном рынке обстояли не так просто[49]. Но наличные деньги были так редки, что кредит развился в силу необходимости — у специалистов по векселям (*billbrokers*), у специалистов по ипотечным операциям, покупке и продаже земель (*scriveners*) и в особенности у золотых дел мастеров (*goldsmiths*), уже настоящих банкиров, официально признанных организаторов подписки на английские государственные ренты (*funds*), которые, как настойчиво утверждал Исаак де Пинто, скоро сделаются настоящей вспомогательной монетой[50].

Во Франции середины XVIII в., до того как она начала устранять свое отставание в деловой сфере по сравнению с Голландией и Англией, не было ничего похожего. Кредит предстает там плохо организованным, почти подпольным. Общественный климат ему почти не благоприятствовал. Многие из лиц, предоставлявших капитал, хотели бы ссужать свои деньги тайком — то ли в силу своего положения (тот или иной королевский чиновник), то ли из-за своего дворянского звания (из боязни его унизить). А заемщик тоже опасался гласности, которая могла бы подорвать доверие к нему. В иных деловых кругах на фирму, которая занимает деньги, смотрели с известным подозрением.

В 1749 г. крупный руанский купец Робер Дюгар основал в предместье своего города, Дарнетале, полотняную мануфактуру и красильное производство, владевшее определенными механическими секретами, к тому же приобретенными более или менее честным путем[51]. Пустить в ход такое предприятие было вопросом денег: надо было их занимать под будущие доходы. Один из компаньонов Дюгара, Луве-младший, взял эту трудную операцию в свои руки. И вот он в Париже мечется как угорелый, чтобы добиться приема векселей и тратт в обмен на наличные. Его намерением было оплатить их в предусмотренные сроки, а затем начать все сызнова. Благодаря его переписке мы можем проследить за его действиями. Он бегает, настаивает, торжествует или сокрушается, но неизменно появляется у одних и тех же дверей в качестве ходатая, а если возможно — и друга. «Ну еще один ход,— пишет Луве Дюгару, который стал проявлять нетерпение,— для всего нужно время, а особенно в этом деле, где невозможно не быть чрезмерно осмотрительным... Кто-нибудь другой, менее робкий или более сноровистый, чем я, мог бы сделать свое дело с первого же раза, но я опасаюсь, как бы передо мной не закрыли двери, а уж если их однажды закроют, придется уходить ни с чем»[52]. И он пробует любые комбинации. Вместо того чтобы размещать векселя (часть из них — с передаточной надписью на предъявителя) и предлагать тратты,

[47] Laveau C. *Le Monde rochelais de l'Ancien Régime au Consulat. Essai d'histoire économique et sociale (1744—1800)*. 1972, p. 154.
[48] Barbour V. *Capitalism in Amsterdam in the seventeenth century*. 1950, p. 44.
[49] Pollard S., Crossley D. W. *Op. cit.*, p. 149—150.
[50] Pinto I., de. *Traité de la circulation et du crédit*. 1771, p. 44—45, 77 sq., 95—96.
[51] A. N., 62 AQ, фонд Дюгара.
[52] Выражение "*passer debout*", несомненно, употреблено в смысле «пройти без остановки, транзитом».

«мы придумали, — пишет Луве, — предложить им [речь идет об осторожных кредиторах] как бы акции, которые мы оплатим к исходу пятилетнего срока вместе с увеличивающимся каждый год дивидендом». Кредиторы эти были родителями еще одного компаньона, д'Аристуа, о котором Луве сообщает нам: «Г-н д'Аристуа отправился отобедать со своим семейством; я возбудил его любопытство и раззадорил его» (5 декабря 1749 г.). Вот последний пример этих хитроумных приемов, которые мы понимаем, [только] перечитывая текст в третий или четвертый раз (28 января 1750 г.). «Вы можете перевести вексель на 20 т. [тыс.] ливров на г-на [Ле-] Лё,— объяснял он Роберу Дюгару,— со сроком с 20 февраля до 2 марта, и 20 т. л. [тыс. ливров] до 2 декабря, но все обязательства там будут соблюдены; я снабдил его для сего добрыми векселями. Либо, ежели Вы предпочитаете, я выпишу Вам вексель на него и вышлю Вам все векселя акцептированными; в конце концов как Вы пожелаете». То, что Луве-младший кончит разорением после того, как откажется от своей доли в дарнетальской мануфактуре (которая сама обанкротится в 1761 г.) и в феврале 1755 г. найдет убежище в Лондоне, «в доме г-жи Стил в Малом колокольном переулке на Коулмен-стрит» (*"at Mrs Steel in little bell alley Coleman Street"*), всего лишь незначительная деталь. Кем он был? Бойким на язык посредником, которого выводила из себя [необходимость] «изображать... собирающего пожертвования брата», наносить ради того, чтобы найти немного денег, «визит вежливости, визит для изложения намерений и еще один визит — чтобы осуществить операцию», терпеть невыполнимые требования обеспечения и не иметь возможности учесть самый надежный вексель в тот момент, когда вдруг разом закрываются все кошельки из-за того, что в Бордо и в Лондоне произошли банкротства, короче говоря — находиться на рынке, где ничего не было устроено для получения купцом нормального кредита. А ведь Робер Дюгар был видным дельцом, участвовавшим в предприятиях всякого рода, в том числе и в торговле с Островами [Карибского моря и Индийского океана]. Он, [казалось], должен был бы легко разрешить проблему кредита. Тем более что — и в этом заключается парадокс — на парижском рынке не было недостатка в капиталах. Так, банк Лекутё, имевший отделения в Париже, Руане и Кадисе, отказывался принимать денежные депозиты, ибо «у нас у самих слишком много денег», «наши кассовые капиталы не используются». И происходило это несколько раз: в 1734, 1754, 1758 и 1767 гг. [53]

[53] Carrière C. *Op. cit.*, II, p. 918.

КРЕДИТ И БАНК

В Европе средневековой и нового времени банк, несомненно, не появился из ничего, *ex nihilo*. Уже античность знала банки и банкиров. В странах ислама очень давно имелись кредиторы-евреи, и задолго до Запада, с X—XI вв., мусульманский мир использовал орудия кредита, в том числе и вексель. В XIII в. в христианском Средиземноморье менялы были в числе первых банкиров, будь то странствующих, ездивших с ярмарки на ярмар-

ку, или обосновавшихся на таких рынках, как Барселона, Генуя или Венеция [54]. По мнению Федериго Мелиса [55], во Флоренции и, вне сомнения, в других тосканских городах банк зародился из тех услуг, какие оказывали друг другу торговые общества или компании. В такой операции решающей была, как он полагает, роль «активного» общества, того, которое требовало кредита и заставляло своего партнера, компанию «пассивную», предоставлявшую капитал, принимать косвенное участие в деловом процессе, в принципе ей чуждом.

Но оставим эти проблемы происхождения. Оставим в стороне также и общую эволюцию частных банков до и после сыгравшего решающую роль создания банков государственных: «Таула де Камбис» в Барселоне в 1401 г.; «Каса ди Сан Джорджо» в Генуе в 1407 г. (его банковская деятельность будет прервана с 1458 по 1596 г.); «Банко ди Риальто» в 1587 г.; Амстердамского банка в 1609 г.; венецианского «Банко Джиро» в 1619 г. Известно, что до основанного в 1694 г. Английского банка государственные банки занимались только депозитами и переводами со счетов, но ни займами и авансированием, ни тем, что мы назвали бы «портфельными операциями» *. Так что эти-то виды деятельности находились с очень давнего времени в ведении частных банков, например венецианских так называемых «письменных» банков (*di scritta*), или тех неаполитанских банков, от которых сохранилось столько реестров, относящихся к XVI в.

Но наш предмет в данном случае — не рассмотрение этих частных историй. Цель заключается в том, чтобы увидеть, когда и как кредит попытался сделаться институтом, когда и как банковская деятельность пробралась на господствующие позиции в экономике. В целом трижды наблюдалось на Западе ненормальное «распухание» банков и кредита, видимое невооруженным глазом: до и сразу после 1300 г. во Флоренции; на протяжении второй половины XVI в. и первых двух десятилетий XVII в. в Генуе; в XVIII в. в Амстердаме. Можно ли сделать какое-то заключение из того факта, что три раза энергично начинавшаяся эволюция, которая, казалось бы, подготавливала торжество определенного финансового капитализма на более или менее долгий срок, останавливалась на полдороге? Придется дожидаться XIX в., чтобы эволюция эта завершилась. Итак, три эксперимента, три крупных успеха, а затем, в заключение, три неудачи, по меньшей мере три явных отступления. Мы намерены рассмотреть эти три эксперимента в их самых общих чертах, дабы прежде всего отметить любопытные совпадения.

Во Флоренции эпохи Дуэченто и Треченто ** кредит был связан со всей историей самого города, но также и историей соперничавших с ним других итальянских городов, всего Средиземноморья и Запада в целом. Именно через обновление европейской экономики начиная по меньшей мере с XI в. может быть понято утверждение крупных флорентийских торговых и банковских компаний, которые вынесло [на себе] то самое движение, которому предстояло на века поставить Италию на первое место в Европе. В XIII в. генуэзские корабли плавали по Каспийскому морю, итальянские путешественники и купцы добирались до Индии и Китая, венецианцы и генуэзцы утверди-

[54] Usher A. P. *The Early History of Deposit Banking in Mediterranean Europe*. 1943, p. 6.
[55] Melis F. *Origines de la Banca Moderna*.— *"Moneda y credito"*, 1971 № 116, p. 3—18, в частности p. 4.
* То есть операциями с ценными бумагами и векселями.— *Прим. перев.*
** То есть XIII и XIV вв.— *Прим. перев.*

лись в главных гаванях Черноморья, в североафриканских портах итальянцы искали золотой песок Судана, другие итальянцы действовали во Франции, Испании, Португалии, Нидерландах, в Англии. И флорентийские купцы повсюду покупали и продавали пряности, шерсть, скобяной товар, металлы, сукна, шелковые ткани, но еще более занимались они денежными операциями.



Итальянский банк в конце XIV в. Наверху — зал с сундуками и бюро, где считают монету; внизу — депозитные или переводные операции. *Британский музей.*

Их полуторговые, полубанкирские компании находили во Флоренции в изобилии наличные деньги и *относительно* дешевый кредит. Отсюда и эффективность и прочность их [деловой] сети. Компенсация, перевод со счета на счет, трансферт без затруднений производились от филиала к филиалу, из Брюгге в Венецию, из Арагона до самой Армении, от Северного моря до Черного; китайские шелка в Лондоне продавались в обмен на тюки с шерстью... Кредит, вексель — разве же не были они, когда дела шли хорошо, деньгами в превосходной степени? Они бежали, они летели, они были неутомимы.

Подвигом флорентийских компаний было, вне сомнения, завоевание далекого Английского королевства, установление опеки над ним. Для того чтобы завладеть островом, им потребовалось вытеснить оттуда еврейских кредиторов, ганзейских и нидерландских купцов, английских коммерсантов — соперников упорных, а также устранить и итальянских конкурентов. На этом острове флорентийцы пришли на смену пионерам банковской активности — луккским купцам Риккарди, которые финансировали завоевание Эдуардом I Уэльса. Немного позже флорентийские Фрескобальди ссудили деньги Эдуарду II для войны с Шотландией; затем Барди и Перуцци сделают возможными военные операции Эдуарда III против Франции во время конфликта, который открыл так называемую Столетнюю войну. Торжество флорентийских купцов заключалось не только в том, что правители острова зависели от их милости, но и в овладении английской шерстью, необходимой для мастерских на континенте и для флорентийских шерстяных цехов.

Но английское приключение закончилось в 1345 г. крахом семейства Барди; их называли «колоссами на глиняных ногах», но колоссами они были наверняка. В тот драматический год Эдуард III был должен им, так же как и дому Перуцци, огромную сумму (900 тыс. флоринов Барди, 600 тыс.—Перуцци), сумму несоизмеримую с капиталами обеих компаний — доказательство того, что для этих гигантских ссуд они использовали деньги своих вкладчиков (в пропорции, которая могла достигать 1 к 10). Эта катастрофа, «самая тяжкая за всю историю Флоренции», по словам хрониста Виллани, отяготила город, поскольку ее сопровождали и другие катастрофы. В такой же мере, как Эдуард III, неспособный выплатить свои долги, повинны в этом были [экономический] спад, прервавший оживление XIV в., и сопутствовавшая ему Черная смерть.

Банковская удача Флоренции отошла тогда на задний план перед лицом *торговой* удачи Генуи и Венеции, и именно «самая торговая» из ее соперниц, Венеция, одержит верх в 1381 г. по окончании Кьоджийской войны. Флорентийский опыт явных новаций в банковских делах не пережил международного экономического кризиса. За Флоренцией останутся ее торговая активность и ее промышленность, в XV в. она даже восстановит свою банковскую деятельность, но она лишится роли пионера и мировой роли былых времен. Медичи — это не Барди.

Второй опыт — опыт Генуи. Между 1550 и 1560 гг. одновременно с определенным замедлением оживленной экспансии европейской экономики, наступившим в начале века, наблюдался и

поворот этой экономики. Приток серебра с американских рудников, с одной стороны, обесценил позиции крупных немецких купцов, бывших до того хозяевами производства серебра в Центральной Европе. С другой стороны, он повысил ценность золота, сделавшегося с той поры более редким, но оставшегося деньгами для расчетов в международных сделках и для вексельных операций. Генуэзцы первыми поняли этот поворот. Предложив взамен южногерманских купцов свои услуги в качестве заимодавцев Католического короля, они наложили руку на сокровища Америки, и их город сделался центром всей европейской экономики, заняв место Антверпена и его рынка. И тут мы видим, как развивается еще более странный и более современный опыт, чем опыт Флоренции в XIV в., опыт кредита на основе векселей и переводных векселей, передаваемых с ярмарки на ярмарку, с рынка на рынок. Конечно же, векселя были известны и использовались в Антверпене, в Лионе или Аугсбурге, в Медина-дель-Кампо и в иных местах, и рынки эти не опустеют в одночасье. Но с генуэзцами роль бумаги заметно возрастает. Фуггерам даже приписывают выражение, что вести дела с генуэзцами означает-де вести дела с бумагой (*mit Papier*), тогда когда у них, Фуггеров, речь идет о доброй звонкой монете (*Baargeld*); то были речи традиционных негоциантов, которых обогнала новая техника [операций]. Ибо в противоположность им генуэзцы посредством своих займов королю Испанскому, выплачивавшихся по возвращении [испанских] флотов из Америки «восьмерными монетами» или слитками серебра, сделали свой город крупным рынком белого металла. А с помощью векселей, своих и тех, что они покупали на серебряную монету в Венеции или во Флоренции, генуэзцы сделались господами обращения золота. И в самом деле, им удалась такая штука, как выплата Католическому королю на антверпенском рынке и золотом (для военных надобностей, ибо жалованье солдатам платили главным образом золотой монетой) тех сумм, что они получали из Испании в белом металле.

Эта генуэзская машина обрела всю свою эффективность в 1579 г. с организацией больших ярмарок в Пьяченце, о которых мы уже говорили [56]. Эти ярмарки централизовали многообразные операции международной торговли и расчетов, они организовали в этих расчетах *клиринг*, или, как тогда говорили, «сконтро» (*scontro*). И только в 1622 г. разладится этот столь хорошо налаженный механизм, положив вскоре затем конец исключительному господству генуэзского кредита. Отчего произошел этот крах? Был ли он следствием сокращения поставок американского серебра, как то думали долгое время? Но в таком плане революционизирующие исследования Мишеля Морино [57] перевернули самые условия задачи. Не было катастрофического сокращения поступлений американских «сокровищ». Тем более не было приостановки в доставке в Геную ящиков с «восьмерными монетами». В нашем распоряжении имеются даже доказательства обратного. Генуя по-прежнему останется подключенной к потоку драгоценных металлов. С наступлением нового экономического подъема в конце XVII в. город еще поглощал или по крайней мере пропускал через себя, например, в 1687 г. от 5 до 6 млн. «восьмерных монет» (*pezze da otto*) [58]. В этих условиях проблема

[56] См. выше, с. 77 и сл.
[57] См. статью Морино (Morineau M) в: "*Anuario de historia económica y social*", 1969, p. 289—362.
[58] P. R. O., London, 30/25, 4 января 1687 г.

относительного отхода Генуи на второй план становится довольно неясной. По мнению Фелипе Руиса Мартина, испанские покупатели *хурос* якобы перестали доставлять капиталы, необходимые для игры генуэзских купцов-банкиров, постоянных кредиторов Католического короля. Оказавшись перед лицом необходимости рассчитывать только на свои силы, эти банкиры будто бы в массовом порядке стали вывозить свои кредиты из Испании на родину. Это возможно. Но меня манит иное объяснение: игра бумаг, векселей возможна лишь тогда, когда рынки, между которыми вексель обращается, находятся на различных уровнях; нужно, чтобы странствующий вексель возрастал в цене. В случае «грубого обилия» (*"bestial larghezza"*) [59] звонкой монеты (это выражение одного современника) вексель застревает у «потолка» высоких курсов. Ежели воды слишком много, колесо затопленной мельницы не станет вращаться. А ведь с 1590—1595 гг. сверхобилие белого металла затопило рынки. Во всяком случае, по этой ли, по другой ли причине гора генуэзских ценных бумаг рухнула, по меньшей мере утратила свою власть господствующей организации. И еще раз усложненный на современный манер кредит, утвердившийся было на вершине европейских деловых операций, смог удержаться в таком положении лишь очень кратковременно, меньше полустолетия, как если бы новый опыт превышал возможности экономик Старого порядка.

[59] 9 августа 1613 г. Цит. в кн.: Gentil da Silva J. *Banque et crédit en Italie au XVII^e siècle.* 1969, p. 350, note 46.

Но приключение начнется сызнова в Амстердаме.

В XVIII в. именно в пределах четырехугольника Амстердам — Лондон — Париж — Женева восстановится на высшем уровне торговой деятельности эффективное главенство банков. Чудо произошло в Амстердаме. Разнообразные кредитные документы занимали там огромное, необычное место. Все передвижение товаров в Европе как бы дистанционно управлялось, «буксировалось» оживленными операциями кредита и учета векселей. Но как и в Генуе, главный двигатель не выдержал до конца века, века процветания. Голландский банк, обремененный [излишком] денег, позволил втянуть себя в коварный механизм займов европейским государствам. Банкротство Франции в 1789 г. оказалось катастрофическим ударом для голландского точного часового механизма. Царствование векселя снова кончилось плохо. И как всякий раз, неудача эта задает сотню вопросов в одном. Может быть, было еще слишком рано для создания спокойного и уверенного в себе режима банков, при котором тройная сеть перемещающихся товаров, перемещающихся наличных денег и перемещающихся кредитных документов смогла бы быть согласованной и управляться без сучка и без задоринки? В таком случае кризис, депрессионный промежуточный цикл начиная с 1778 г., был бы лишь детонатором, который ускорил почти неизбежную, если следовать логике вещей, эволюцию.

ДЕНЬГИ ЛИБО ПРЯЧУТСЯ, ЛИБО НАХОДЯТСЯ В ОБРАЩЕНИИ

Конъюнктурные ритмы экономики по обыкновению измеряют по заработной плате, ценам и [масштабам] производства. Быть

может, следовало бы проявить внимание и к другому показателю, который до сего времени почти не поддавался измерению,— к показателю обращения денежного капитала: он поочередно накапливался, использовался и прятался. Порой его запирали в сундуках: тезаврация в экономиках былых времен была постоянно действовавшей негативной силой. Часто деньги находили убежище в ценностях — в землях, недвижимости. Но бывали также времена, когда сундуки, запертые на три оборота [ключа], открывались, когда деньги обращались, предлагая себя любому, кто желал их принять. Скажем, что заключить заем в Голландии 50-х годов XVIII в. было легче, чем в наши дни, в 1979 году. Но в целом вплоть до промышленной революции инвестиции в производство наталкивались на многочисленные препоны, которые, смотря по обстоятельствам, могли зависеть как от редкости капиталов, так и от трудности использовать те, что имелись в распоряжении.

Во всяком случае, бывали периоды легкодоступных денег и периоды отсутствия денег. Все бывало просто либо все бывало трудно, и кажущиеся господа мира мало что могли тут поделать. Карло М. Чиполла [60] показал, что для Италии, взятой в целом, все сделалось более легким сразу же после Като-Камбрезийского мира 1559 г., который в политическом смысле ее изуродовал, но обеспечил ей [зато] определенное спокойствие, определенную безопасность. Точно так же, но на сей раз по всей Европе, последовавшие один за другим мирные договоры 1598, 1604 и 1609 гг. сопровождались периодами легкодоступных денег. Правда, последние не везде использовались одинаково. Голландия начала XVII в. находилась в полном расцвете торгового капитализма. В Венеции в это же время деньги, вырученные за товар, вкладывались в капиталистическое сельское хозяйство. В других местах ими жертвовали ради внешнего великолепия и блеска культуры — источника расходов, экономически лишенных резона: испанский Золотой век, роскошь Нидерландов при эрцгерцогах-[наместниках] или Англии Стюартов, или же стиль Генриха IV, известный под названием стиля Людовика XIII, основывались, бесспорно, на национальных накоплениях. В XVIII в. роскошь и коммерческие или финансовые спекуляции развивались одновременно. Об Англии своего времени Исаак де Пинто скажет [61], что «никто там более не копит сокровища в крепких сундуках» и что даже скупец обнаружил, что «заставить свое достояние обращаться», скупать государственные ценные бумаги, акции крупных компаний или Английского банка, выгоднее, чем оставлять его без движения, что это даже доходнее, чем камень строений или земля (которая, однако же, в XVI в. была в Англии выгодным помещением капитала). Дефо к 1725 г. уже говорил, расхваливая достоинства капиталовложений в коммерцию или даже в лавку, что земельная собственность — всего лишь пруд, коммерция же в противоположность этому есть источник [62].

И все же, даже в XVIII в., сколько было еще стоячих вод! Впрочем, тезаврация иной раз имела свой резон. В страждущей Франции 1708 г. правительство, пытаясь справиться с войной, в ходе которой оно мобилизует все силы нации, умножило число кредитных обязательств: тогда плохие деньги вытеснили хоро-

[60] Cipolla C. M. *La prétendue "Révolution des prix"; réflexions sur l'expérience italienne.—"Annales E. S. C."*, 1955, p. 513—516.
[61] Pinto I., de. *Op cit.*, p. 46 et 77—78.
[62] Цит. в кн.: Pollard S., Crossley D. W. *Op. cit.*, p. 169.

шие, которые попрятались. Даже в Бретани, и особенно в Бретани, где доходная коммерция с Южными морями приносила значительные количества серебра. «Вчера я был,— писал генеральному контролеру [финансов] Демаре из Ренна 6 марта 1708 г. один из его информаторов,— у одного из самых видных буржуа города, весьма хорошо разбирающегося в коммерции, каковою он долгое время занимается как на море, так и на суше вместе с самыми известными негоциантами провинции. Он меня заверил, что наверняка знает о более чем 30 млн. спрятанных пиастров и о более чем 60 млн. золотом и серебром, кои не увидят света, пока кредитные обязательства [выпущенные в обращение правительством Людовика XIV] не будут полностью погашены, пока звонкая монета [ее курс часто изменяли] не обретет приемлемой умеренности курса и пока не будет отчасти восстановлена торговля» [63]. Пиастры, о которых шла речь,— это те, что жители Сен-Мало привезли из своих плаваний к перуанским берегам; что же касается восстановления торговли — это все равно, что сказать «окончания войны за Испанское наследство», начавшейся в 1701 г.,— то оно будет достигнуто только с заключением Утрехтского (1713 г.) и Раштаттского (1714 г.) мирных договоров.

Такую осторожность соблюдали все деловые люди. Утрехтский мир был уже несколько месяцев как подписан, когда французский консул в Генуе писал: «Всякий сдерживается из-за отсутствия доверия; именно сие и приводит к тому, что те, кто ведет торговые дела на основе кредита, как поступает большинство купцов этого города, достигают немногого. Самые толстые кошельки закрыты» [64]. Они откроются вновь лишь тогда, когда «Путь в Индии» (*Carrera de Indias*), от которого они в действительности зависели, вновь станет играть в Кадисе свою роль распределителя белого металла — потому что без белого металла, без золота, без надежных поступлений «толстые кошельки» не открывались и не наполнялись. Уже в 1627 г. в Генуе происходило то же самое. Деловые люди, кредиторы короля Испанского, после испанского банкротства, последствия которого для них не смягчила никакая специальная мера, порешили более не ссужать Филиппу IV ни единого су. Однако губернатор Милана и испанский посол изводили их просьбами, сопровождая последние нажимом и даже угрозами. Тщетно. В городе, казалось, совершенно не было денег; все дела там приостановились; не найти было векселя, который можно было бы предъявить к оплате. Венецианский консул в Генуе описывал в нескольких своих письмах затруднения рынка, но в конечном счете он стал подозревать, что эта *«скудость»* (*"stretezza"*) дипломатического свойства, что деловые люди ее поддерживают, чтобы мотивировать свой отказ [испанцам] [65]. В это легко поверить, ежели подсчитать те реалы, которые генуэзцы в Испании в это же самое время целыми ящиками отправляли в свой город и которыми, вне сомнения, были там набиты сундуки во дворцах.

Впрочем, эти реалы покинут сундуки. Потому что купеческие деньги тезаврировались лишь в ожидании нового случая. Вот что писали из Нанта в 1726 г., когда стоял вопрос о ликвидации привилегий французской Ост-Индской компании: «Мы узнали

[63] A. N., G 7, 1691, 35 (6 марта 1708 г.).
[64] A. N., A. E., B[1], 331, 25 ноября 1713 г.
[65] A. d. S. Venezia, Consoli Genova, 6, 98, Генуя, 12 ноября 1628г.



Марсельский порт в XVIII в. Фрагмент картины Жозефа Верне. *Фототека издательства А. Колэн.*

силы и ресурсы нашего города только по случаю задуманного нашими купцами проекта либо самостоятельно вступить в дела короля [т. е. в Компанию], либо объединиться ради сего с купцами Сен-Мало, кои весьма могущественны. Предпочли сей последний выбор, дабы не мешать друг другу, и все будет наименова-

но «Компанией Сен-Мало». Обнаружилось, что подписка наших купцов составила 18 млн. [ливров], тогда как мы полагали, что все они вместе едва смогут собрать 4 млн. ...Мы надеемся, что большие суммы, кои предлагают двору в обмен на отнятие исключительной привилегии у [Ост-]Индской компании... каковая разоряет королевство, будут способствовать тому, чтобы сделать торговлю повсюду свободной» [66]. Все это оказалось бесполезным, ибо в конечном счете привилегия Компании переживет бури и последствия системы Лоу. Однако здесь сработало общее правило: в самом деле, когда восстанавливалось спокойствие и возвращались хорошие условия, «деньги, кои имеются в королевстве, возвращаются в коммерцию» [67].

Но все ли они туда возвращались? Невозможно избавиться от впечатления, что даже в XVIII в.— и особенно в XVIII в.— накопленные деньги превосходили, и намного, спрос на капиталы. Так, Англия наверняка не прибегла ко всем своим резервам, чтобы финансировать промышленную революцию, и ее усилия и ее капиталовложения могли бы быть гораздо большими, чем они были на самом деле. Так, запас монеты во Франции во время войны за Испанское наследство намного превышал те 80 или 100 млн. государственных кредитных обязательств, что выпустило в обращение правительство Людовика XIV [68]. Так, движимое богатство Франции превосходило, и далеко превосходило, потребности индустрии до промышленной революции, чем и объяснялась возможность возникновения новых начинаний, таких, как предприятие Лоу, и то, что в XVIII в. каменноугольные копи, когда этого хотели, без задержек и затруднений собирали основной и оборотный капитал, необходимый для разработки месторождений [69]. Торговая переписка [70] к тому же дает сверхобильные доказательства того, что Франция Людовика XVI полна была праздных денег, «которые скучали», если воспользоваться выражением Ж. Жентил да Силвы, и которые не находили себе употребления. Например, в Марселе во второй половине XVIII в. обладатели капиталов, предлагавшие негоциантам деньги из 5%, лишь изредка находили заемщиков. А если они находили такого, то благодарили его «за любезность, с коею Вы сохранили наши средства» (1763 г.). На самом деле на рынке достаточно было капиталов, чтобы купцы работали со своими собственными средствами и средствами компаньонов, разделявших с ними риск, а не с заемными деньгами, отягощенными процентом. В Кадисе они вели себя точно так же. Негоцианты отказывались от денег, предлагаемых из 4%, говоря, что они-де «обременены своими собственными средствами». Так было в 1759 г., следовательно, в военное время, но так же было и в 1754 г., а значит, во время мира.

Не следует, однако, заключать из этого, что в эту вторую половину XVIII в. негоцианты никогда не прибегали к займам — правильно как раз обратное — и что повсюду капиталы тщетно себя предлагали. Приключение Робера Дюгара в Париже доказывает противное. Скажем только, что времена легких, избыточных денег, не находивших применения, были более частыми, чем это обычно считают. С этой точки зрения нет ничего более показательного, чем поездка в Милан накануне Французской револю-

[66] Warszawa, Archiw Glówny, Fundusz Radziwiłłów, Нант, 20 марта 1726 г.
[67] A. N., G 7, 1622.
[68] A. N., G 7, 1622, *Mémoire sur les billets de monnoye*. 1706(?).
[69] Rouff M. *Les Mines de charbon en France au XVIII^e^ siècle*. 1922, p. 243.
[70] Carrière C. *Op. cit.*, II, p. 917 sq.

ции. Город и Ломбардия [в целом] были тогда ареной обновления фискального и финансового механизма, ибо экономический подъем помог государству выбраться из затруднений. В самом деле, государство стало достаточно сильным, чтобы, противостоя ссудным кассам (*Monti*), банкам, [знатным] семействам, религиозным учреждениям, откупщикам налогов, могущественным группам деловых людей, предпринять реформу в целях искоренения старинных злоупотреблений, сделавшихся почти что структурными элементами, так что миланские и ломбардские буржуазия и дворянство мало-помалу пожрали государство и превратили в частные доходы почти что все статьи государственных доходов (*regalia*).

[От этого] было единственное лекарство: выкуп государством отчужденных [у него] под разными предлогами доходов; отсюда — *громадное* возмещение капиталов. Проводимая в относительно быстром темпе такая политика наводнила Ломбардию наличными деньгами и поставила перед прежними получателями ренты проблему — что делать с подобной массой внезапно появившихся капиталов? Хотя и не известно с совершенной точностью, что с нею сделали, однако мы знаем, что эти капиталы сравнительно мало использовались для покупки земель и предлагавшихся государством 3,5-процентных бон или городской недвижимости; что они при посредничестве банкиров и владельцев меняльных контор участвовали в том потоке международных дел, который проходил через Милан и пример которого являет нам фирма Греппи. Но многозначителен тот факт, что эта манна небесная не была использована для капиталовложений в промышленность, в то время как в Ломбардии существовали текстильные мануфактуры и металлургические предприятия. Попросту говоря, те, кто предоставлял капитал, не считали, что такое помещение его может быть прибыльным. В этом они полагались на извечное недоверие или же на старинный опыт. И однако же в Англии уже началась промышленная революция [71].

Таким образом, следует остерегаться рассматривать сбережения и накопление как чисто количественное явление, как если бы определенный уровень сбережений или определенный объем накоплений были в некотором роде наделены властью почти автоматически порождать производительные капиталовложения и [создавать] новый уровень прироста. Дела обстояли более сложно. У всякого общества свои способы делать сбережения, свои способы тратить, свои предрассудки, свои побуждения или свои препоны для капиталовложений.

И политика тоже играла свою роль в образовании и использовании капитала. Например, фиск «шлюзовал», переориентировал и с большей или меньшей пользой, более или менее быстро возвращал деньги, которые взимал. Во Франции система налогов означала поступление огромных сумм в руки генеральных откупщиков и чиновников финансового ведомства. По данным новейших исследований [72], последние будто бы широко перераспределяли полученные таким путем богатства в производительные капиталовложения. Во времена Кольбера или в эпоху Людовика XV они во множестве вкладывали капиталы в коммерческие предприятия и даже в мануфактурные, в особенности в привилегированные компании

[71] Caizzi B. *Op. cit.*, p. 149, 206.

[72] Chaussinand-Nogaret G. *Les Financiers du Languedoc au XVIII^e^ siècle.* 1970, p. 40, 103—104; Idem. *Gens de finance au XVIII^e^ siècle.* 1972, passim et p. 68 sq; см. также рецензию на книгу Ива Дюрана в : "*Annales E. S. C.*", 1973, p. 804.

и мануфактуры. Может быть. Но давайте допустим вместе с Пьером Виларом, что сдача на откуп королевских и сеньериальных сборов в Каталонии XVIII в. была куда более эффективным каналом перераспределения, нежели Генеральные Откупа у французов, ибо такие сборы, «будучи рассеяны в руках коммерсантов и мастеров-ремесленников, включают их продукт в кругооборот торгового и в конце концов промышленного капитала и даже в кругооборот модернизации земледелия» [73]. Что же касается английской системы, где налог служил гарантией выплаты консолидированного государственного долга и придавал государству не знавшие себе равных равновесие и мощь, то не было ли это еще одним, еще более эффективным способом снова включить налоговые деньги во всеобщее обращение? Даже если современники и не всегда это осознавали.

[73] Vilar P. *Op. cit.*, II, p. 482—491.

КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ВЫБОР И СТРАТЕГИЯ

Капитализм принимает не все возможности инвестиций и прогресса, какие ему предлагает экономическая жизнь. Он неустанно следит за конъюнктурой, чтобы вмешиваться в нее на некоторых предпочтительных направлениях, что означает сказать, что он *умеет* и *может* выбирать сферу своей деятельности. Но более чем сам по себе выбор — который не перестает варьировать от конъюнктуры к конъюнктуре, от века к веку — превосходство капитализма предопределяет самый факт обладания средствами создавать стратегию и средствами изменять ее.

Для интересующих нас веков нам придется показать, что крупные купцы, хоть и были в небольшом числе, захватили ключи торговли на дальние расстояния, позицию стратегическую по преимуществу; что на их стороне была привилегия осведомленности, бесценное оружие во времена медленной и дорогостоящей циркуляции новостей; что они в общем пользовались поддержкой государства и общества и как следствие могли постоянно и самым естественным образом с чистой совестью обходить правила рыночной экономики. То, что бывало обязательным для прочих, для них не было непременно таковым. Тюрго полагал [74], что купцу не избежать рынка, его не поддающихся предвидению цен; то было верно лишь наполовину, да и то с оговорками!

[74] Turgot. *Op. cit.*, I, p. 381.

КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ ДУХ

Следует ли тем не менее приписывать нашим персонажам какой-то «дух», который будто бы был источником их превосходства и станет их неизменной характеристикой раз и навсегда, дух, которым якобы был расчет, рассудок, логика, отвлеченность от обычных чувств,— и все это к услугам безудержной погони за прибылью? Эта полная эмоций точка зрения Зомбарта утратила

немалую долю своей правдоподобности. Так же как и столь распространенное мнение Шумпетера относительно решающей роли новаторства и подготовки предпринимателя. Мог ли капиталист соединять в своей особе все эти качества и все эти достоинства? В нашем объяснении выбирать, иметь возможность выбора не означает в каждом случае усмотреть орлиным взором правильный путь и наилучший ответ. Не будем забывать: наш персонаж обосновался на определенном уровне социальной жизни и чаще всего имел перед глазами решения, советы и мудрость себе подобных. Он судил по их опыту. В такой же мере, как и от самого персонажа, его эффективность зависела от места, в котором он находился,— у слияния или на окраине главных потоков обмена и центров принятия решений, которые как раз были точно локализованы в любую эпоху. Луи Дерминьи [75] и Христоф Гламман [76] имели все основания ставить под сомнение гениальность Семнадцати господ (*“Heeren Zeventien”*), которые управляли голландской Ост-Индской компанией. Но была

[75] Dermigny L. *Le Commerce à Canton*, II, p. 774.
[76] Glamman C. *Dutch Asiatic trade*, 1620—1740. 1958, p. 261.



Управляющие голландской [Ост-] Индской компании. Гравюра из «Краткой истории Соединенных Провинций Нидерландов» (Амстердам, 1701г.). *Фото из Фонда «Атлас ван Столк».*

ли нужда в гениальности, чтобы делать очень хорошие дела, если судьба дала вам родиться в XVII в. голландцем и оказаться в числе хозяев огромной машины Ост-Индской компании? «Есть глупцы и, смею сказать, дураки,—писал Лабрюйер,— которые сидят на прекрасных местах и умудряются умереть в роскоши без того, чтобы их каким бы то ни было образом можно было заподозрить в том, что они тому содействовали своим трудом или самомалейшей ловкостью. Кто-то привел их к истоку реки,

либо же чистый случай заставил их встретиться там. Им сказали: "Вы хотите воды? Черпайте!" И они стали черпать» [77].

Не будем также думать, что столь часто подвергавшаяся обличению *максимизация* прибыли и доходов объясняет все поведение купцов-капиталистов. Конечно, существует столь часто повторяемое высказывание Якоба Фуггера-Богача, который в ответ на советы отойти от дел заявил, «что он намеревается зарабатывать деньги, покуда сможет это делать», до конца своей жизни [78]. Но это изречение, наполовину сомнительное, как все вообще исторические изречения, будь оно даже и абсолютно подлинным, характеризовало бы лишь одного индивида в какой-то момент его жизни, но не целый класс или целую категорию лиц. Капиталисты — это люди, и их поведение разнилось, как и у других людей: одни были расчетливы, другие были [азартными] игроками, одни были скупы, другие расточительны, одни гениальны, а другие самое большее «счастливчики». Некий относящийся к 1809 г. каталонский памфлет, утверждавший, что «негоциант смотрит лишь на то и лишь то принимает во внимание, что может увеличить его капитал, неважно каким путем» [79], нашел бы тысячи подтверждений в переписке негоциантов, доступной нашим глазам: не приходится сомневаться, они трудились, чтобы заработать деньги. Отсюда далеко до того, чтобы объяснять появление современного капитализма духом наживы или экономии, рассудком либо вкусом к рассчитанному риску. Жан Пелле, этот купец из Бордо, по-видимому, имел в виду свою беспокойную жизнь делового человека, когда писал: «В коммерции большие прибыли создаются в спекуляциях» [80]. Да, но у этого любителя риска был брат, принадлежавший к числу благоразумнейших, и оба создали [крупные] состояния — и осмотрительный, и неосторожный.

Однозначное, «идеалистическое» объяснение, делающее из капитализма воплощение определенного типа мышления, всего лишь увертка, которой воспользовались за неимением лучшего Вернер Зомбарт и Макс Вебер, чтобы ускользнуть от [признания] мысли Маркса. По справедливости мы не обязаны следовать за ними. Тем не менее я вовсе не считаю, что в капитализме все материально, или все социально, или все есть общественное отношение. Вне сомнения, остается, на мой взгляд, одно: он не мог выйти из одного [сугубо] ограниченного истока. Свое слово сказала здесь экономика; свое слово — политика; свое слово — общество; свое слово сказали и культура, и цивилизация. А также и история, которая зачастую была последней инстанцией, определяющей соотношение сил.

[77] La Bruyère. *Caractères...*, VI, 39.

[78] Schick L. *Un Grand Homme d'affaires au début du XVI^e siècle, Jacob Fugger*. 1957, p. 416.

[79] См.: Vilar P. в кн.: *L'Industrialisaion en Europe au XIX^e siècle*. P. p. Léon, Crouzet, Gascon, 1972, p. 423.

[80] Cavignac J. *Jean Pellet, commerçant de gros, 1694—1772*. 1972, p. 156, 12 апреля 1725 г.

ТОРГОВЛЯ НА ДАЛЬНИЕ РАССТОЯНИЯ, ИЛИ ГЛАВНЫЙ ВЫИГРЫШ

Несомненно, торговля на дальние расстояния играла в генезисе торгового капитализма главную роль, она долгое время была его костяком. Истина банальная, но которую приходится сегодня утверждать наперекор всему, ибо общее мнение современных

историков часто оказывается ей враждебно. По мотивам как убедительным, так и не очень убедительным.

Мотивы убедительные таковы: вполне очевидно, внешняя торговля (это выражение встречается уже у Монкретьена, который противопоставляет ее торговле внутренней) — это вид деятельности, затрагивающий лишь меньшинство [населения]. Никто не станет против этого возражать. Если Жан Майефер, богатый реймсский купец, бахвалился, когда писал одному из своих голландских корреспондентов в январе 1674 г.: «И не думайте даже, что рудники Потоси стоят прибылей от добрых старых вин наших [реймсских] холмов и холмов Бургундии» [81], то аббат Мабли рассудительно утверждал: «Торговля зерном лучше, чем Перу» [82]. Имеется в виду: она имеет больший вес в [общем] балансе, она представляет большую массу денег, чем производимый в Новом Свете драгоценный металл. Жан-Батист Сэ, дабы сильнее поразить читателя, предпочел в 1828 г. говорить о «французских сапожниках, [что] создают больше стоимости, нежели все рудники Нового Света» [83].

Историкам не составит никакого труда проиллюстрировать эту хорошо установленную истину своими собственными наблюдениями, но не всегда я согласен с их выводами. Жак Хеерс, говоря о XV в. в Средиземноморье, вновь повторил в 1964 г., что в торговых перевозках первенство принадлежало зерну, шерсти, соли, следовательно, некоторому количеству ближних торговых операций, а не пряностям или перцу. Питер Матиас с цифрами в руках установил, что накануне промышленной революции внешняя торговля Англии очень намного уступала торговле внутренней [84]. Точно так же В. Магальяйс-Годинью во время обсуждения своей докторской диссертации в Сорбонне охотно согласился с Эрнестом Лабрусом (задавшим ему вопрос), что сельскохозяйственный продукт Португалии превосходил по стоимости торговлю на дальние расстояния перцем и пряностями. В том же духе и Фридрих Лютге, всегда старающийся свести к минимуму значение открытия Америки *в краткосрочном плане*, утверждает, что межрегиональная торговля в XVI в. применительно к Европе стократно превосходила тоненькую струйку обменов, начавшихся между Новым Светом и Севильей [85]. И он тоже прав. Я сам писал, что зерно в морской торговле на Средиземном море в XVI в. составляло более миллиона центнеров, т. е. меньше 1% потребления народов этого региона, следовательно, ничтожный [объем] перевозок в сравнении со всем производством зерновых и локальной торговлей ими [86].

Одни эти замечания могли бы показать, будь в том нужда, что нынешняя историография стремится изучать судьбы *большинства*, те, что забывала историография прошлых времен: судьбы крестьян, а не сеньеров, судьбы «20 миллионов французов», а не Людовика XIV [87]. Но это не обесценивает историю меньшинства, которое зачастую могло играть более решающую роль, нежели эти массы людей, или имуществ, или товаров, огромные, но инертные ценности. Энрике Отте вполне может доказывать в солидной статье [88], что в новой Севилье, которая возродилась ради своего американского призвания,

[81] *Les Mémoires de Jean Maillefer, marchand bourgeois de Reims (1611—1684)*. 1890, p. 179.
[82] Mably. *Œuvres*. XIII: *Du commerce des grains*, p. 291—297.
[83] Say J.-B. *Cours complet d'économie politique*. 1828, I, p. 176.
[84] См.: Heers J. в кн.: *"Revue du Nord"*, janvier 1964, p. 106—107; Mathias P. *The First industrial nation, an economic history of Britain, 1700—1914*. 1969, p. 18.
[85] Lütge F. *Deutsche Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*. 1966, S. 294.
[86] Braudel F. *Médit...*, I, p. 386.
[87] Goubert P. *Louis XIV et vingt millions des Français*.1966.
[88] Otte E. *Das Genuesische Unternehmertum und Amerika unter den Katolischen Königen.—"Jahrbuch für Geschichte von Staat, Wirtschaft und Gesellschaft Lateinamerikas"*. 1965, Bd. 2, S. 30—74.

испанские купцы представляли бóльший объем деловых операций, нежели тот, каким ворочали генуэзские купцы-банкиры. Это не меняет того, что именно эти последние создали трансокеанский кредит, без чего был бы почти невозможен торговый кругооборот «Пути в Индии». Они разом оказались там в положении сильного, обладая свободой действовать и вмешиваться в дела на севильском рынке так, как они пожелают. В прошлом, как и ныне, история принимала решения отнюдь не в соответствии с благоразумными правилами всеобщего избирательного права. И существует много доводов, чтобы объяснить, как явление, представляющее меньшинство, могло возобладать над большинством.

Прежде всего, торговля на дальние расстояния, *Fernhandel* немецких историков, создавала группы торговцев на дальние расстояния (*Fernhändler*), всегда бывших особыми действующими лицами. Морис Добб [89] хорошо показывает, как они вклинивались в кругооборот между ремесленником и *далеким* сырьем — шерстью, шелком, хлопком... Сверх того они вклинивались между законченным продуктом и продажей названного продукта где-то вдалеке. Парижские *крупные* галантерейщики — по правде говоря, *Fernhändler* — объясняли это в 1684 г. в пространной жалобе королю на суконщиков, каковые будто бы желали запретить им продажу шерстяных тканей, разрешение на которую они получили за два десятка лет до этого в воздаяние за свое участие в создании новых больших мануфактур. Галантерейщики объясняли, что они-де «поддерживают и дают возможность существовать не только суконным мануфактурам, но еще и всем прочим галантерейным [читай: шелковым] мануфактурам Тура, Лиона и иных городов королевства» [90]. А сверх того они объясняли, как своими инициативами и продажами создали такие суконные мануфактуры на английский и голландский манер в Седане, Каркассонне и Лувье. Сбывая их продукцию за границей, одни обеспечивая их снабжение испанской шерстью и прочим сырьем, они-де и в настоящее время поддерживают их деятельность. Как можно лучше сказать, что эта промышленная жизнь находилась в их руках?

Что еще попадало в руки импортера-экспортера, так это богатства далеких стран: шелк Китая или Персии, перец Индии или Суматры, корица Ланки (Цейлона), гвоздика Молуккских островов, сахар, табак, кофе Островов [Индийского океана и Карибского моря], золото области Кито или внутренних районов Бразилии, серебряные слитки, чушки и монеты Нового Света. В этой игре купец, занятый торговлей на дальние расстояния, захватывал «прибавочную стоимость», как произведенную трудом на рудниках и на плантациях, так и созданную тяжкой работой примитивного крестьянина Малабарского побережья или Индонезии. Повторим: при крохотных объемах товара. Но когда читаешь у одного историка [91], что 10 тыс. центнеров перца и 10 тыс. центнеров прочих пряностей, какие примерно потребляла Европа до Великих открытий, обменивались на 65 тыс. килограммов серебра, что было эквивалентно 300 тыс. тонн ржи, способных прокормить полтора миллиона человек, то позволитель-

[89] Dobb M. *Studies in the development of capitalism.* 4th ed. 1950, p. 109 f., 191 f.
[90] A. N., G 7, 1865, 75.
[91] Mauruschat H. H. *Gewürze, Zucker und Salz im vorindustriellen Europa.* Цит. в кн.: Abel W. *Einige Bemerkungen zum Land-Stadtprobleme im Spätmittelalter*, S. 25.

но задаться вопросом, не слишком ли легко недооцениваются экономические последствия торговли предметами роскоши.

Тем более что тот же автор дает очень конкретное представление о доходах от этой торговли: килограмм перца, стоивший при производстве в Индии 1—2 грамма серебра, достигал цены 10—14 в Александрии, 14—18 в Венеции и 20—30 граммов в потребляющих его странах Европы. Торговля на дальние расстояния наверняка создавала сверхприбыли: разве она не играла на [разнице] цен на двух удаленных один от другого рынках, предложение и спрос на которых, не имея представления друг о друге, соединялись лишь с помощью посредника? Требовалось множество не связанных друг с другом посредников, чтобы вступила в игру рыночная конкуренция. Но ведь если она в конечном счете начнет свою игру, если в один прекрасный день сверхприбыли с этого маршрута исчезнут, их возможно будет вновь найти на других маршрутах и в связи с другими товарами. Если перец делался общедоступен, он утрачивал свою цену, и кофе, чай, индийские хлопчатые ткани предлагали себя в качестве преемников чересчур постаревшего властелина. Торговля на дальние расстояния — это был риск, но в еще большей мере — из ряда вон выходящие прибыли. Часто, очень часто это означало выигрыш в лотерею. Даже на зерне, которое не было «королевским» товаром, достойным крупного негоцианта, но которое при определенных обстоятельствах таким товаром становилось, например во время голода. В 1591 г. голод в Средиземноморье означал поворот на юг для сотен северных парусников, груженных пшеницей или рожью, засыпанной прямо в трюмы навалом. Крупные купцы, не обязательно специалисты по торговле зерном, а вместе с ними великий герцог Тосканский, провели показательную операцию. Несомненно, чтобы отвлечь парусники Балтики от их обычных путей, они должны были дорого заплатить за свои грузы. Но продали-то они их в изголодавшейся Италии на вес золота. Завистники утверждали, что прибыль составила 300% у таких очень крупных купцов, как Шименесы, португальцев, обосновавшихся в Антверпене и вскоре оказавшихся в Италии [92].

Мы говорили уже о португальских купцах, нелегально добиравшихся в Потоси или Лиму через бескрайние пространства Бразилии или более удобной дорогой — через Буэнос-Айрес. Доходы их бывали фантастическими. Русские купцы в Сибири получали громадные прибыли, продавая пушнину китайским покупателям либо официальным путем, т.е. южнее Иркутска, на поздно созданной ярмарке в Кяхте [93] (она позволяла учетверить капитал за три года), либо путем подпольной торговли, и тогда доход будто бы увеличивался вчетверо [94]. Были ли то [просто] россказни? Но разве же англичане не начали тоже грести серебро лопатой, когда догадались о возможности добиться морским путем такого же соединения пушнины канадского севера и китайских покупателей? [95] Другим местом встречи с удачей была Япония первых десятилетий XVII в., долговременное заповедное поле деятель-

[92] Балтасар Суарес — Симону Руису, 26 февраля 1591 г. Архив Руисов, Вальядолид.
[93] *Encyclopedia Britannica*. 1969, XIII, p. 524.
[94] Savary des Bruslons. *Op. cit.*, V, col. 668.
[95] Москва, ЦГАДА, Александр Бакстер — Воронцову, 50/6, 1788.

ности португальцев. Каждый год каррака из Макао — «торговый корабль» (*a nao do trato*) — доставляла в Нагасаки до 200 купцов, которые жили в Японии 7—8 месяцев, тратя [деньги] без счета, до 250—300 тыс. таэлей, «чем весьма пользовалось японское простонародье и что было одной из причин весьма дружественного его к ним отношения» [96]: простонародье подбирало крохи от пиршества. Точно так же рассказывали мы [и] об ежегодном плавании галиона из Акапулько в Манилу. Здесь тоже два не связанных друг с другом рынка, продукты которых фантастически росли в цене при пересечении океана в том или другом направлении, осыпая золотым дождем несколько человек, что одни только извлекали выгоду из таких больших различий в ценах. «Купцы Мексики,— утверждал современник Шуазеля * аббат де Белиарди,— суть единственные, кто заинтересован в поддержании сей торговли [плавания галиона] из-за сбыта товаров Китая, каковой сбыт им позволяет ежегодно удваивать деньги, кои они там используют... Сия торговля ныне производится [в Маниле] весьма малым числом негоциантов, кои за свой счет доставляют товары Китая, каковые они затем отправляют в Акапулько в обмен на пиастры, что им присылают» [97]. По словам одного путешественника, в 1695 г., перевозя ртуть из Китая в Новую Испанию, наживали 300% [98].

Эти примеры, перечень которых можно было бы при желании продолжить, показывают, что во время труднодоступной и нерегулярной информации одно только расстояние уже само по себе создавало обыденные и повседневные условия для извлечения сверхприбыли. Разве не утверждал один китайский документ 1618 г.: «Коль скоро сия страна [Суматра] отдаленная, те, кто туда направляются, получают двойную выгоду» [99]? Когда Джованни Франческо Джемелли во время своего кругосветного путешествия перевозил от гавани к гавани тот или иной товар, всякий раз заботливо выбранный с тем, чтобы он изменял свою цену по прибытии и щедро покрывал бы дорожные расходы путешественника, он, конечно же, всего лишь следовал практике встречавшихся [ему] в пути купцов. Выслушаем в 1639 г. одного европейского путешественника [100], возмущенного способом, каким обогащались яванские купцы: они, говорит он, «являются в город Макассар и в Сурабайю за рисом, каковой они там покупают за одну связку *кайшас* (*sata de caixas*)** *гантанами*, и, перепродав его, извлекают двойную прибыль. В Балабуане они закупают... [кокосовые] орехи по тысяче *кайшас* за сотню, а сбывая их в розницу в Бантаме, продают восемь кокосов за 200 *кайшас*. Они покупают там также масло этого плода. Они скупают соль Иоартама, Герричи, Пати и Ивамы. 800 гантанов обходятся в 150 тыс. кайшас, а в Бантаме три гантана стоят 1000 кайшас. Большое количество соли они доставляют на Суматру». Для понимания смысла этого текста точное значение *гантана*, меры емкости, несущественно. Читатель узнает мимоходом *кайшас* — монету китайского типа, распространенную в Индонезии; *сата* (*sata*) — это, вероятно, снизка из тысячи кайшас. Интереснее было бы зафиксировать перечисленные пункты снабжения и

[96] Boxer C. R. *The Great Ship from Amacon*. 1959, p. 15—16.

* Шуазель Этьен-Франсуа, герцог (1719—1785) — министр иностранных дел Франции в 1758—1770 гг. (в 1761—1766 гг.— также морской и военный министр.) — *Прим. перев.*

[97] Beliardy, Abbé de. *Idée du commerce*. B. N., Fr., 10759, f° 310 v°.

[98] Gemelli Careri G. F. *Voyage autour du monde*. 1727, IV, p. 4.

[99] Lombard D. *Le Sultanat d'Atjéh au temps d'Iskandar Muda, 1607—1636*. 1967, p. 113.

[100] Mandelslo J. A. *Voyage aux Indes orientales*. 1659, II, p. 346.

** То есть снизка медных монет с квадратным отверстием в центре.— *Прим. перев.*

измерить расстояния до бантамского рынка. В качестве примера: между Бантамом и Макассаром больше 1200 километров. Однако разница между закупочной и продажной ценой такова, что прибыль за вычетом транспортных расходов не могла не быть значительной. И заметим мимоходом, что речь там идет не о драгоценных товарах малого веса, на которые Я.-К. Ван Люр указывал как на [предмет] типичной для Дальнего Востока торговли на дальние расстояния. Речь шла о продовольственных товарах, во ввозе которых постоянно нуждались острова пряностей, даже если их привозили издалека.

Последние доводы, без сомнения, самые лучшие: говорить, что с коммерческой точки зрения зерно в Португалии значило больше, чем перец и пряности, не вполне точно. Ибо перец и пряности целиком проходили через рынок, тогда как стоимость произведенного, *но не продававшегося* зерна оценивает лишь воображение историка. Это зерно лишь в незначительной части проходило через рынок, подавляющая его часть уходила на собственное потребление. С другой же стороны, зерно, *пущенное в продажу*, приносило крестьянам, земельным собственникам и перекупщикам лишь небольшой доход, к тому же распыленный между множеством рук, как то отмечал еще Галиани [101]. И значит, заметим попутно, совсем не было накопления или оно было невелико. Симон Руис, одно время ввозивший бретонскую пшеницу в Португалию, вспоминал об этом с раздражением [102]. Основная доля прибыли, утверждал он, уходила при этом перевозчикам, настоящим рантье торговли. Вспомним также размышления Дефо о внутренней английской торговле, восхитительной потому, что она проходит через большое число посредников, которые все получают по дороге немного этой манны небесной. Но очень немного, ежели судить по примерам, которые приводит по этому поводу сам Дефо [103]. Неоспоримое превосходство торговли на дальние расстояния (*Fernhandel*) заключалось в *концентрации*, которую она позволяла и которая делала из нее не имевший равных двигатель быстрого воспроизводства и быстрого увеличения капитала. Короче говоря, приходится соглашаться с немецкими историками или с Морисом Доббом, которые рассматривали торговлю на дальние расстояния в качестве главного орудия создания торгового капитализма, а также создания торговой буржуазии.

[101] Galiani F. *Dialogues sur le commerce des bleds*. Éd. F. Nicolini, 1959, p. 178—180, 252.

[102] Симон Руис — Бальтазару Суаресу, 24 апреля 1591 г. Архив Русов, Вальядолид.

[103] Defoe D. *Op. cit.*, II, p. 149 sq.

ОБУЧАТЬСЯ, ОВЛАДЕВАТЬ ИНФОРМАЦИЕЙ

Не бывало также торгового капитализма без ученичества, без предварительного обучения, без ознакомления со средствами, весьма далекими от примитивизма. Флоренция с XIV в. организовала светское обучение [104]. По словам Виллани, в 1340 г. в начальных школах (*a botteghuzza*) обучалось грамоте от 8 до 10 тыс. детей, мальчиков и девочек (город в то время насчитывал меньше 100 тыс. жителей). Именно в *botteghuzza*, которую держал Маттео, учитель грамматики, «у входа на мост возле [церкви] Святой Троицы» («*al piè*

[104] Об излагаемых далее подробностях см.: Bec Ch. *Les Marchands écrivains à Florence, 1375—1434*. 1967, p. 383 sq.

del ponte a Santa Trinità»), и был в мае 1476 г. отведен Никколо Макиавелли, чтобы обучаться чтению по сокращенному варианту учебника грамматики Доната *— это сочинение тогда называли *Донателло*. Из этих 8—10 тыс. детей 1000—1200 шли затем в школу более высокой ступени, созданную специально для будущих купцов. Ребенок оставался там до пятнадцати лет, изучая арифметику (*algorismo*) и счетоводство (*abbaco*). Пройдя эти «технические» курсы, он уже был способен вести свои бухгалтерские книги, которые мы можем сегодня листать и которые надежно фиксируют операции по продаже в кредит, комиссионерские, расчеты с рынка на рынок, раздел доходов между участниками компаний. Мало-помалу практическое ученичество в лавке завершало образование будущих купцов. Некоторые из их числа порой обращались к «высшему» образованию и отправлялись, в частности, штудировать право в Болонском университете.

Так что практическое обучение иной раз сочеталось у купца с подлинной культурой. Во Флоренции, что вскоре станет Флоренцией Медичи, никто не будет удивляться тому, что купцы — друзья гуманистов, что некоторые среди них [сами] хорошие латинисты, что они хорошо пишут и любят писать, что «Божественную комедию» они знают от корки до корки, так что ударяются в реминисценции в своих письмах, что они создали успех «Ста новеллам» («*Cento Novelle*») Боккаччо, что они полюбили изысканное сочинение Альберти «О семье» («*Della Famiglia*»), что они борются за новое искусство, за Брунеллески против средневекового Гиберти **,— в общем тому, что купцы несут на своих плечах значительную долю той новой цивилизации, представление о которой вызывает у нас слово «Возрождение». Но то было также и заслугой денег: одна привилегия привлекала другие. Говоря о Риме, Рихард Эренберг утверждал, что там, где живут банкиры, обитают и художники [105].

Не будем представлять себе всю купеческую Европу в соответствии с этой моделью. Но практическое и техническое обучение становилось необходимым повсюду. Жак Кёр обучался в лавке своего отца, и в еще большей мере — во время плавания на борту нарбоннской галеры, доставившей его в 1432 г. в Египет, что, по-видимому, решило его судьбу [106]. Якоб Фуггер (1459—1525), тот, которого будут называть «Богачом» (*der Reiche*), попросту гениальный, обучался в Венеции двойной бухгалтерии (*partita doppia*), в те времена практически не известной в Германии. В Англии XVIII в. [срок] ученичества в крупной торговле составлял в соответствии со статутами семь лет. Сыновья купцов или младшие отпрыски знатных семейств, предназначавшиеся для занятий ремеслом негоцианта, зачастую проходили стажировку на Леванте, в Смирне, где их опекал английский консул и где они с самого своего вступления в игру оказывались заинтересованы в торговых прибылях, которые на этом рынке считались, справедливо или нет, самыми высокими в мире [107]. Но уже в XIII в. ганзейские города отправляли учеников-купцов в свои дальние конторы.

* Элий Донат — римский грамматик IV в. н. э. Его изложение учения о частях речи было главным пособием при обучении латыни в средние века.— *Прим. перев.*

** Брунеллески Филиппо (1377—1446) — флорентийский скульптор и инженер, один из основателей архитектуры итальянского Возрождения. Гиберти Лоренцо (ок. 1381—1455) — флорентийский скульптор и ювелир, представитель раннего Возрождения.— *Прим. перев.*

105 Ehrenberg R. *Das Zeitalter der Fugger*. 1922, I, S. 273, Anm. 4.

106 Palewski J.-P. *Histoire des chefs d'entreprise*. 1928, p. 103 sq.

107 Davis R. *Aleppo and Devonshire Square*. 1967, p. 66.

Короче говоря, не будем недооценивать знания, какие надлежало приобрести: установление закупочных и продажных цен, расчет себестоимости и денежного курса, соотношение мер и весов, вычисление простых и сложных процентов, умение подготовить примерную смету операции, обращение с монетой, векселями переводными, векселями простыми, кредитными документами. В целом дело немалое. Иной раз опытные купцы даже испытывали потребность «обновить знания», как сказали бы мы. Впрочем, когда видишь шедевр, каким являются бухгалтерские книги XIV в., невольно испытываешь восхищение перед прошлым. *Сегодня* каждое поколение историков в масштабе всего мира, пожалуй, дает только двух-трех специалистов, способных разобраться в этих объемистых реестрах, и специалисты эти к тому же должны были в одиночку учиться читать и интерпретировать их. Неоценимой оказывается в этом деле помощь торговых руководств той эпохи, начиная с труда Пеголотти (1340 г.) и до «Совершенного негоцианта» Жака Савари (1675 г.), (который [к тому же] не был последним). Но их было бы недостаточно для такого ученичества особого рода.

Проще подступиться к торговой переписке, во множестве обнаруженной за последние годы, с тех пор, как позаботились ее поискать. За исключением некоторых, еще неловких венецианских писем XIII и XIV вв., торговая корреспонденция быстро достигает довольно высокого уровня, который она сохранит и в дальнейшем, ибо в этом уровне смысл



Аптекарь, ведущий свои счета. Фреска конца XV в. из замка Иссонь. *Фото Скала.*

ее существования, оправдание *дорогостоящего* обмена этими сверхобильными письмами. Быть осведомленным значило еще больше, чем быть обученным, а письмо — это в первую голову *информация*. Операции, что интересуют обоих корреспондентов, высланные и полученные распоряжения, советы касательно отправки, или закупки, или продажи товаров, или платежные документы и т. п. составляли лишь часть ее. Непременно следовали полезные новости, сообщаемые на ушко: новости политические, новости военные, новости об урожае, об ожидаемых товарах. Корреспондент также тщательнейшим образом отмечает колебания цен товаров, наличных денег и кредита на своем рынке; в случае необходимости он сообщает о движении кораблей. Наконец, письмо обязательно завершают перечень цен и курсовые котировки, в большинстве случаев в постскриптуме; мы располагаем тысячами примеров тому. Взгляните также на сводку новостей, какую образуют «Фуггеровские известия» («*Fugger Zeitungen*») [108]; это сообщения, которые аугсбургская фирма получала от целой серии заграничных корреспондентов.

Слабым местом этой информации была медлительность и ненадежность почты, даже в конце XVIII в. Настолько слабым, что серьезный купец в качестве предосторожности с каждым письмом всегда отправлял и копию предыдущего. Когда письмо приносит срочный заказ или важное конфиденциальное известие, «сразу же вызывай своего маклера» («*subito habi il sensale*»); совет этот, что в 1360 г. дал одному купцу другой [109], действителен во все времена. Шар надо поймать на лету. И первым к тому условием было, конечно, получать и писать много писем, быть звеном многочисленных информационных сетей, которые сигнализировали в подходящий момент о выгодных делах и в не меньшей степени — о делах, коих следует избегать, как чумы. Граф д'Аво, посол Людовика XIV в Соединенных Провинциях, в 1688 г. внимательно следил за протестантами, которые, уезжая из Франции, не переставали стекаться сюда и три года спустя после отмены Нантского эдикта. Только что прибыл один из них, некий Монжино, «гигантского роста,— отмечает посол,— коего я полагаю гасконцем... Он вывез примерно 40 тыс. экю. Я говорил с ним нынче утром. Это человек, у коего много дел, *он пишет день и ночь*» [110]. Я подчеркиваю эту последнюю фразу, неожиданную, но которая не должна была бы быть таковой: она дополняет традиционный, нарисованный Альберти образ купца «с пальцами, испачканными чернилами».

Тем не менее информация оставалась ненадежной. Обстоятельства изменялись, «медаль может обернуться [другой стороной]». Ошибка в расчете, задержка почты — и купец оказывается перед утраченным шансом. Но что проку перебирать в памяти «выгодные дела, что мы упустили,— пишет своему брату Луи Греффюль 30 августа 1777 г. из Амстердама.— ...В торговой профессии надлежит смотреть не назад, но вперед, и ежели те, кто ею занимается, примутся анализировать прошлое, то не найдется ни одного, кто 100 раз не имел бы шанса составить состояние или ра-

[108] Изданы В. фон Кларвиллом: Klarwill V., von. *The Fugger News-Letters*. 1924—1926, 2 vol.

[109] Паоло да Чертальдо. Цит. в кн.: Вес С. *Op. cit.*, p. 106.

[110] A. N., A. E., B^1, 623.

зориться; а ежели в моем случае я затеял бы перечисление всех выгодных дел, кои я оставил [втуне], то было бы от чего повеситься»[111].

Особенно плодотворной бывала та информация, которая не очень-то разглашалась. В 1777 г. Луи Греффюль писал одному бордоскому купцу, своему компаньону по делу с индиго: «Помните, что, ежели о деле пройдет слух, мы с Вами окажемся в луже. С этим товаром будет как со многими другими: едва лишь возникает конкуренция, на этом деле ничего не заработаешь»[112]. 18 декабря того же года, когда американская война оборачивалась войной всеобщей, он писал: «Следовательно, всего важнее сделать невозможное, дабы наверняка и ранее кого бы то ни было иметь сообщение о том, что произойдет»[113]. «Ранее кого бы то ни было. Если ты получаешь пачку писем для себя и для других купцов,— рекомендует «Трактат о добрых обычаях» (*«Trattato dei buoni costumi»*), автор которого сам был купцом,— прежде всего распечатывай свои. И действуй. Когда будут улажены твои дела, наступит время вручить остальным их почту»[114]. Это было в 1360 г. Но вот в наши дни, в наших странах со свободной конкуренцией, как это всем известно, перед нами письмо, которое могли получить в 1973 г. немногие счастливчики (*happy few*), которым предлагали очень дорогостоящую и ценную подписку на несколько машинописных листков приоритетной информации каждую неделю: «Вы прекрасно знаете, что получившая огласку информация теряет 90% своей ценности. Лучше знать [о вещах] на две или три недели раньше других»; от этого Ваши дела значительно «выиграют в надежности и эффективности». Наши читатели, «конечно же, не забудут, что они были первыми информированы о неминуемости отставки премьер-министра и о предстоящей девальвации доллара»!

Амстердамские спекулянты — мы говорили уже, насколько их игры зависели от новостей, истинных или ложных,— тоже придумали службу приоритетной информации. Обнаружилось это случайно в августе 1779 г., в момент паники, вызванной появлением французского флота в Ла-Манше. Вместо того чтобы пользоваться регулярной службой *пакетботов*, голландские спекулянты наладили сверхскоростную связь между Голландией и Англией на легких судах: отплытие из Катвейка около Скервенина *, в Голландии, и прибытие в Соулс возле Хариджа, в Англии, «где вовсе нет гавани, но только простой рейд, что совсем не влечет задержки». И вот рекордное время [доставки]: Лондон — Соулс: 10 часов; Соулс — Катвейк: 12 часов; Катвейк — Гаага: 2 часа; Гаага — Париж: 40 часов. Стало быть, 72 часа от Лондона до Парижа[115].

Оставляя в стороне спекулятивные новости, сведения, которые первыми желали узнать купцы былых времен, были те, что мы бы назвали краткосрочной конъюнктурой, а на языке той эпохи обозначалось как широта или узость рынка. Эти слова (заимствованные всеми языками Европы из жаргона итальянских купцов: *larghezza* и *strettezza*) выражали прилив и отлив конъюнктуры. Они диктовали разную игру, которую вы-

[111] A. N., 61 AQ 4, f° 19.
[112] *Ibidem.*
[113] A. N., 61 AQ 2, f°18, письмо от 18 декабря 1777 г.
[114] Текст Паоло да Чертальдо. Цит. в кн.: Bec C. *Op. cit., p. 106.*

* Нынешний Катвейк-ан-Зе.— *Прим. перев.*

[115] A. E., C. P., Angleterre 532, f^os^ 90—91, Бомарше — Верженну, Париж, 31 августа 1779 г.

годно было применить в зависимости от рыночной ситуации: было ли там обилие или нехватка товаров, или наличных денег, или кредита (т. е. векселей). Буонвизи писали из Антверпена 4 июня 1571 г.: «Обилие наличных денег убеждает нас обратить свое внимание на товар» [116]. Симон Руис, как мы видели, оказался не столь благоразумен, когда пятнадцатью годами позднее рынки Италии вдруг оказались наводнены наличными деньгами. Он бушевал и почти как личное оскорбление рассматривал то, что чересчур большая *larghezza* рынка во Флоренции взорвала его обычные вексельные сделки.

Он и вправду плохо понимал ситуацию. В ту эпоху наблюдательные купцы уже накопили опыт: негоциант умел вести краткосрочные операции ход за ходом. Но простейшие правила, что освещают нам экономику минувшего, нуждались во времени, чтобы внедриться в коллективное сознание, даже в сознание купцов, даже в сознание историков. В 1669 г. Голландия и Соединенные Провинции пребывали в унынии из-за обилия непроданных товаров [117]: все цены падали, деловая активность застыла, суда больше не фрахтовались, склады города были забиты непроданными запасами. Однако некоторые крупные купцы продолжали покупать: по их разумению, то был единственный способ воспрепятствовать слишком большому обесценению их запасов, и они были достаточно богаты, чтобы позволить себе такую направленную против понижения политику. Зато о причинах этого ненормально затянувшегося спада, постепенно замораживавшего дела, все голландские купцы, а вместе с ними и иностранные послы, спорили месяцами, не больно что в них понимая. В конечном счете они все же стали отдавать себе отчет в роли плохих урожаев в Польше и Германии: эти неурожаи вызвали то, что было, в наших глазах, кризисом, типичным для Старого порядка. Происходила забастовка покупателей. Но достаточно ли этого объяснения? Голландия располагала для достижения своих целей столькими средствами, помимо немецкой и польской ржи, что речь шла, разумеется, о более общем кризисе, вне сомнения [обще]европейском; и даже сегодня такого рода скачкообразные кризисы никогда не бывают вполне ясны.

Так что не будем требовать слишком многого от людей, для которых даже экономическая мысль их времени столь часто оставалась недоступна. Если они и отваживались раз-другой на рассуждения об экономике, то вынужденно: им нужны бывали аргументы, чтобы убедить государя или министра, чтобы избежать или добиться отмены какого-то решения, какого-то грозящего им указа, чтобы защитить чудесный прожект, столь полезный для всеобщего блага, что он, разумеется, заслуживает быть поддержанным привилегиями, монополией и субсидиями. Да и в этом случае они почти не выходили за узкие повседневные рамки своего ремесла. Действительно, по отношению к первым экономистам, своим современникам, они не испытывали ничего, кроме безразличия или раздражения. Когда в 1776 г. вышло в свет «Исследование о природе и причинах богатства народов» [Адама Смита], сэр Джон Прингл воскликнул, что нельзя в

[116] Буонвизи — Симону Руису. Цит. в кн.: Gentil da Silva J. *Op. cit.*, p. 559.

[117] Относительно этого продолжительного кризиса см. переписку Помпонна: A. N., A. E., B[1], Hollande, 619 (1669).

этой области ожидать ничего хорошего от человека, который не занимался коммерцией, как ничего хорошего нельзя ожидать от адвоката, который бы вздумал рассуждать о физике [118]. И в этом он был выразителем мнения многих людей своего времени. «Экономисты» неизменно вызывали улыбку, по крайней мере у наших литераторов. В числе посмеивавшихся был Мабли, и очаровательный Себастьен Мерсье, и даже Вольтер («Человек с сорока экю»).

[118] Boswell J. *The Life of Samuel Johnson.* 8th ed. 1816, II, p. 450.

«КОНКУРЕНЦИЯ БЕЗ КОНКУРЕНТОВ» [119]

Другим замедлителем, другим стеснением для купца была жесткая и тяжкая регламентация *открытого рынка* вообще. Крупный купец был не единственным, кто хотел от нее освободиться. Система *частного рынка*, описанного А. Эвериттом [120], была очевидным для всех ответом на требования рыночной экономики, которая росла, убыстрялась, трансформировалась, которая требовала духа предприимчивости на всех этажах. Но поскольку система эта зачастую была незаконной (во Франции, например, терпимой куда меньше, чем в Англии), она оставалась ограничена группами активных людей, которые как ради цен, так и ради объема и быстроты сделок сознательно работали над тем, чтобы избавиться от административных ограничений и надзора, которые продолжали действовать на традиционных открытых рынках.

Таким образом, существовало два обращения — обращение на рынке поднадзорном и обращение на рынке свободном или старавшемся быть свободным. Если бы у нас была возможность нанести их на карту, одни красным цветом, другие — синим, мы бы увидели, что они различаются, но также и то, что они друг друга сопровождают и дополняют. Вопрос заключается в том, чтобы узнать, какой из них более важен (поначалу и даже впоследствии — старинный), какой самый правильный, открытый для честной конкуренции и регулирующий ее, а сверх того узнать, был ли один из этих рынков способен захватить другой, поймать его, полонить. Если присмотреться поближе, то старая регламентация рынков, та, подробности которой находишь хотя бы в «Трактате о полиции» (*«Traité de la police»*) Деламара, обнаруживает намерения, нацеленные на защиту истинного характера рынка и интересов городского потребителя. Если все товары должны обязательно стекаться на открытый рынок, последний становится инструментом конкретного сопоставления предложения и спроса, а меняющееся ценообразование на рынке есть после этого лишь выражение такого сопоставления и способ сохранить реальную конкуренцию как между производителями, так и между перекупщиками. Рост обменов неизбежно осуждал эту связывавшую до абсурда регламентацию в более или менее долговременном плане. Но прямые сделки частного рынка имели целью не одну только эффективность; они стремились также устранить конкуренцию, способствовать возникновению у основания [экономики] некоего микрокапитализма, который, в

[119] Выражение принадлежит автору вышедшей в 1846 г. брошюры, обличавшей министра общественных работ, который незаконно вынес решение об отдаче с торгов банку Ротшильда подряда на железные дороги департамента Нор, признав, что банк был будто бы единственным участником торгов. Цит. в кн.: Coston H. *Les Financiers qui mènent le monde.* 1955, p. 65.

[120] См. выше, с. 32—33.

сущности, следовал теми же путями, что и капитализм более высоких форм деятельности в сфере обмена.

Самым обычным приемом этих микрокапиталистов, которые создавали, порой быстро, небольшие состояния, и в самом деле было устраиваться вне пределов рыночных цен благодаря денежным авансам и элементарной игре кредита: скупать зерно до уборки урожая, шерсть — до стрижки, вино — до сбора винограда, управлять ценами, используя помещение продовольствия на склады, и в конечном счете держать производителя в своей власти.

Тем не менее в областях, затрагивавших повседневное снабжение, трудно было зайти очень далеко, не вызвав преследований и недовольства народа, не подвергнувшись изобличению — а во Франции доносы направлялись полицейскому судье города, интенданту и даже в Совет торговли в Париже. Решения этого последнего доказывают, что даже, казалось бы, незначительные дела воспринимались советом очень серьезно: так, в высших инстанциях знали, «что весьма опасно» принимать непродуманные меры, «затрагивающие зерно», что это означает рисковать не только ошибиться, но и вызвать цепную реакцию [121]. А когда мелким мошенническим или по крайней мере незаконным делам удается хотя бы однажды ускользнуть от нескромных взглядов и установить выгодную монополию, то это означает, что они поднялись над уровнем местного рынка и находятся в руках хорошо организованных и располагающих капиталами групп.

Именно таково было крупное дело, которое организовала группа купцов, объединившаяся с крупными мясниками, дабы стать хозяевами снабжения Парижа мясом. На них работали в Нормандии, Бретани, Пуату, Лимузене, Бурбоннэ, Оверни и Шароле компании ярмарочных торговцев, сговаривавшихся между собой, с тем чтобы, подняв цены, повернуть на посещаемые ими ярмарки тот скот, который в обычных условиях отправляли бы на местные рынки, и лишить откормщиков (скотоводов) желания отправлять животных прямо в Париж, где, как они уверяли, мясники плохо платят. Тогда они сами покупают у производителя, «что имеет важные последствия,— объясняет обстоятельный доклад генеральному контролеру финансов (июнь 1724 г.),— ибо, закупив скот компанией и в количестве, составляющем более половины рынка в Пуасси, они устанавливают ту цену, какую пожелают, ибо покупать приходится у них» [122]. Потребовалась утечка информации в Париже, чтобы выявить природу этих сделок, которые концентрировали в Париже безобидную на вид деятельность, охватившую несколько зон скотоводства, очень друг от друга удаленных.

Другое крупное дело: в 1708 г. доклад Совету торговли разоблачал «весьма многочисленную... корпорацию... торговцев сливочным маслом, сыром и прочими съестными припасами... в просторечии именуемых в Бордо *жирными*» [123]. Оптовики или розничные торговцы, все они объединены в «тайное общество», и к объявлению войны в 1701 г. они «создали большие склады сих товаров», пуская их затем в продажу по высокой цене. Чтобы воспрепятствовать этому, король разрешил выдать паспорта иностранцам, дабы те ввозили во Францию вышеперечислен-

[121] A. N., F 12, 681.
[122] A. N., G 7, 1707, p. 148.
[123] A. N., G 7, 1692, p. 34—36.

ные продовольственные товары, невзирая на войну. Ответный ход *жирных*: они скупают «все грузы... такого рода, кои прибывают в порт». И цены удержались на высоком уровне. В конечном счете благодаря «монополии такого рода» торговцы заработали много денег, добавляет доклад, предлагая довольно сложное и неожиданное средство отнять у них какую-то часть этих денег. Все это так, читаем мы в помете на полях памятной записки. Но надлежит дважды подумать, прежде чем браться за этих купцов, «ибо утверждают, будто среди них больше шестидесяти весьма богатых» [124].

Подобные попытки были нередки, но благодаря административному вмешательству нам известны только те [из них], что завершились неудачей. Так, в 1723 г. в Вандомуа комиссионеры, занятые винной торговлей, накануне сбора винограда возымели идею монополизировать все винные бочки. Последовали жалобы виноградарей и жителей этой местности, и вышеупомянутым комиссионерам было запрещено покупать бочки [125]. В 1707 или 1708 г. именно дворяне, владельцы стекольных заводов по реке Бьем, выступили против «трех или четырех купцов, кои сделались полными хозяевами торговли графинами [большими бутылями], каковые они доставляют в Париж, и, будучи богаты, исключили из оной доставки ломовиков и прочих менее приспособленных» [126]. Шестьдесят лет спустя одному купцу из Сент-Менеульда и одному нотариусу из Клермон-ан-Аргонна пришла та

[124] A. N., G 7, 1692, f° 68.

[125] A. N., F 12, 662—670, 1 февраля 1723 г.

[126] A. N., G 7, 1692, f° 211 v° (1707 или 1708 г.) Речь о долине реки Бьем в Аргоннах.



Заставка, иллюстрирующая регламент рынка скота в Хорне, в Северной Голландии, XVIII в. *Фото из Фонда «Атлас ван Столк».*

же мысль. Они основали компанию и на протяжении десяти месяцев договаривались с «собственниками всех стекловарен» Аргоннской долины, «дабы сделаться полными хозяевами всех бутылок их изготовления на девять лет, с обязательным условием продавать бутыли только ей одной [указанной компании] или для нее». В итоге шампанские виноделы, обычные клиенты этих близлежащих стекольных заводов, вдруг столкнулись с ростом цен на их бутылки на одну треть. Несмотря на три неважных урожая и как следствие не слишком большой спрос, «сие сооб-

щество миллионеров, что держит в руках весь продукт фабрик, отнюдь не желает снизить цену, каковую оно сочло уместным установить, и даже ожидает, что изобильный год предоставит ему... возможность еще более ее увеличить». Жалобы мэра и эшевенов Эпернэ в феврале 1770 г., поддержанные городом Реймсом, принесли [им] победу над этими «миллионерами»: те поспешно, но с достоинством отступили и аннулировали свои контракты [127].

Монополии, или так называемые монополии, торговцев железом, имевшие целью овладение всей продукцией металлургических заводов королевства или частью ее, были, вне сомнения, делом более серьезным. Хотелось бы иметь [о них] обширную информацию, но документы наши слишком немногословны. Около 1680 г. одна памятная записка обличала «заговор, составившийся между всеми парижскими купцами», которые закупали железо за границей, дабы поставить хозяев французских металлургических заводов на колени. Участники этого сговора еженедельно собирались у одного из них на площади Мобер, совместно производили закупки, навязывая производителям все более и более умеренные цены, не изменяя тем не менее своих собственных тарифов при перепродаже [128]. К другому случаю, в 1724 г., оказались причастны «два богатых негоцианта» из Лиона [129]. Оба раза виновники, или, так сказать, виновники, оборонялись, клялись всеми богами, что их обвинили облыжно, и находили авторитетных свидетелей, высказывавшихся в их пользу. Во всяком случае, они избежали преследования со стороны государства. Доказывало это их невиновность или их силу? Этим вопросом задаешься вновь, когда читаешь написанные шестьюдесятью с лишним годами позднее, в марте 1789 г., депутатами купечества [слова о том], что железо играет весьма важную роль на лионском рынке и что «именно лионские купцы», завсегдатаи ярмарок в Бокере, «делают свои авансы хозяевам железоделательных заводов Франш-Конте и Бургундии» [130].

Во всяком случае, наверняка существовали небольшие монополии, окольные, защищенные местными привычками, настолько хорошо вписавшиеся в местные нравы, что более не возбуждали (или почти не возбуждали) протестов. С этой точки зрения достойна восхищения простая уловка дюнкеркских торговцев зерном. Когда иностранный корабль приходил в порт продавать свой груз зерна (как, скажем, то было со множеством *очень мелких* английских судов в 15—30 тонн водоизмещением в конце 1712 г., в момент, когда незадолго до окончания войны за Испанское наследство возобновлялись торговые отношения), существовало правило никогда не продавать на причалах [зерно] в количестве меньшем, чем сто разьер (*razières*), понимая под разьер «меру объема воды», которая на одну восьмую превышает обычную меру-разьер [131]. Следовательно, одни только крупные купцы и несколько нотаблей, располагавшие для этого средствами, делали закупки в порту; всем прочим зерно перепродадут в городе, в нескольких сотнях метров от порта. Однако эти несколько сотен метров были связаны с необычным возрастанием цены: 3 декабря 1712 г. курс составил соответственно 21 [ливр] в первом случае и 26—27 [ливров] во втором.

[127] A. N., F 12, 515, 17 февраля 1770 г.
[128] A. N., G 7, 1685, p. 39.
[129] A. N., F 12, 681, f^os 48, 97, 98, 112; A. N., G 7, 1706, № 237 и 238. Письмо от 26 декабря 1723 г. намекает на правительственные меры 1699 и 1716 гг., аннулировавшие все ранее заключенные сделки, дабы воспрепятствовать «такого рода захватам» в шерстяной торговле.
[130] A. N., F 12, 724, № 1376.
[131] Savary des Bruslons. *Op. cit.*, IV, col. 406. Вес такой *razière*, или *rasière*, составлял соответственно 280—290 фунтов против 245 фунтов (для обычной меры).

Прибавьте к этим примерно 25% прибыли выгоду от скидки в одну восьмую [цены], какую давала разница между «мерой объема воды» и обычной мерой-разьер,— и вы поймете, что скромный наблюдатель, составлявший эти доклады для генерального контроля финансов, в один прекрасный день возмутился, хотя и вполголоса, такой монополией закупки, сохранявшейся за «толстосумами». «Простой народ,— писал он,— не имеет от того никакой выгоды, ибо не может производить столь большие закупки. Ежели бы было приказано, чтобы каждое частное лицо в сем городе было допущено к покупке 4—6 разьер зерна, это принесло бы народу облегчение» [132].

[132] A. N., G 7, 1678, f° 1, 53, ноябрь и декабрь 1712 г.

МОНОПОЛИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ МАСШТАБЕ

Но изменим масштаб и перейдем к крупным торговым операциям экспортеров-импортеров. Приведенные выше примеры позволяют заранее предсказать, какие льготы и какую безнаказанность могла дать торговля на дальние расстояния (фактически свободная от надзора, принимая во внимание расстояния между разными местами продажи и между действующими лицами,



Нюрнбергские весы. Скульптура Адама Крафта, 1497 г. *Фототека издательства А. Колэн.*

вовлеченными в эти обмены) тому, кто желал обойти рынок, устранить конкуренцию с помощью юридически оформленной или фактической монополии, отдалить [друг от друга] предложение и спрос таким образом, чтобы *условия торговли* (*terms of trade*) зависели от одного только посредника, фактически единственного, кто был знаком с рыночной ситуацией на обоих концах долгой цепи. [Вот] условия, необходимые (*sine qua non*) для того, чтобы включиться в кругооборот, приносящий большую прибыль: иметь достаточные капиталы, кредит на данном рынке, надежную информацию, тесные связи и, наконец, компаньонов в стратегических пунктах [торговых] маршрутов, компаньонов, посвященных в тайны ваших дел. «Совершенный негоциант» или даже «Торговый словарь» Савари дэ Брюлона перечисляют нам на уровне международной конкуренции целую серию торговых приемов, спорных и разочаровывающих, ежели верить в достоинства свободы предпринимательства, для того чтобы уберечь оптимальные экономические условия и равновесие цен, предложения и спроса.

В 1646 г. отец Матиас де Сен-Жан решительно обличал такие приемы из-за иноземного угнетения, которое лежало тяжким грузом на бедном французском королевстве. Голландцы были крупными закупщиками вин и водок. Нант, куда стекались «вина Орлеана, Буа-жанси [Божанси], Блуа, Тура, Анжу и Бретани», сделался одним из мест их деятельности, так что виноградники умножились, а выращивание пшеницы в этих областях по Луаре угрожающе сократилось. Избыток вина заставлял производителей перегонять его в больших количествах и «обращать вина в водку». Но производство водки требовало огромного количества дров для топок, запасы же близлежащих лесов уменьшились из-за этого, и цена топлива возросла. В таких усложнившихся условиях голландские купцы уже не встречали затруднений при переговорах о закупке вина до сбора [винограда]: они авансировали крестьян, «что есть разновидность ростовщичества, коего не допускают самые законы совести». Напротив, купцы остаются в пределах установленных правил, ежели удовлетворяются уплатой задатка при том условии, что вино будет окончательно оплачено по рыночному курсу после сбора урожая. Но сбить цену сразу же после сбора винограда было элементарно. «Господа иностранцы,— говорит наш автор,— суть, таким образом, полные хозяева и законодатели цены своих вин». Еще одна «находка»: купцы привозили виноделам бочонки, но [сделанные] «на немецкий манер, дабы заставить жителей той страны, куда они везут наши вина, поверить, что то-де рейнские вина [*sic*!]»— последние, как вы догадываетесь, шли по более высокой цене [133].

[133] Éon J. (P. Mathias de Saint-Jean). *Le Commerce honorable*, p. 88—89.

Другой прием: сознательно делать товар редким на тех рынках, что ты снабжаешь, если, разумеется, у тебя есть необходимые деньги, чтобы ждать столько, сколько понадобится. В 1718 г. английская Турецкая компания, именовавшаяся также *Левантинской компанией* (*Levant Company*), приняла решение «отложить на десять месяцев время отплытия своих кораблей в Турцию; срок, каковой она затем продлевала с помощью разных отсрочек, о мотивах и намерении коих она объявила

открыто, а именно: поднять цену на английские мануфактурные товары в Турции и цену на шелк в Англии»[134]. Это значило разом убить двух зайцев. Точно так же негоцианты Бордо рассчитывали даты своих плаваний и объем грузов, которые они отправляли на Мартинику, таким образом, дабы европейские товары оказывались там достаточно редкими, чтобы заставить подскочить цены, иной раз баснословно, и дабы купить подлежащие вывозу сахара достаточно близко ко времени уборки урожая, чтобы они достались подешевле.

Самым частым искушением, и, по правде сказать, самым легким решением, было суметь установить монополию на тот или иной широко покупаемый товар. Конечно, всегда имелись монополии жульнические, скрытые или нагло афишируемые, всем известные, а порою застраховавшие себя благословением государства. По словам Анри Пиренна[135], в начале XIV в. в Брюгге Робера де Касселя обвиняли «в стремлении установить монополию (*enninghe*), дабы скупать все квасцы, ввозимые во Фландрию, и распоряжаться ценами [на них]». Впрочем, всякая фирма проявляла тенденцию к установлению своей, или своих, монополий. Даже не выражая этого в открытую, «Великое общество» (*Magna Societas*), что контролировало в конце XV в. половину внешней торговли Барселоны, стрeмилось монополизировать эту драгоценную торговлю. К тому же кто с этого времени не знал, что следует понимать под монополией? Конрад Пойтингер, историограф города Аугсбурга, гуманист и тем не менее друг купцов — правда, он женился на дочери одного из Вельзеров,— утверждал без околичностей, что монополизировать означает «богатство и все товары собрать в одной руке» (“*bona et merces omnes in manum unam deportare*”)[136].

И действительно, в Германии XVI в. слово «*монополия*» сделалось настоящим коньком. Его одинаково прилагали к картелям, синдикатам, к скупке [имущества] и даже к ростовщичеству. Колоссальные фирмы — Фуггеры, Вельзеры, Хёхштеттеры и некоторые другие — потрясали общественное мнение огромностью сети своих дел, более обширной, чем вся Германия. Средние и мелкие фирмы опасались, что не выживут. Они объявили войну монополиям гигантов, одна из которых поглотила ртуть, другая — медь и серебро. Нюрнбергский сейм (1522—1523 гг.) высказался против монополистов, но гигантские фирмы были спасены двумя указами, изданными в их пользу КарломV (10 марта и 13 мая 1525 г.)[137]. В этих условиях любопытно, что такой настоящий революционер, каким был Ульрих фон Гуттен, в своих памфлетах обрушился не на разработку металлов, которыми изобиловала земля Германии и соседних стран, а на азиатские пряности, итальянский и испанский шафран, на шелк. «Долой перец, шафран и шелк!— восклицал он.— Самое сокровенное мое желание — чтобы не мог излечиться от подагры или от французской болезни ни один из тех, кто не сможет обойтись без перца»[138]. Подвергать остракизму перец ради борьбы с капитализмом — не было ли это способом обличать роскошь или же могущество торговли на дальние расстояния?

Монополии были делом силы, хитрости, ума. В XVII в. голландцы считались мастерами в этом искусстве. Не задерживаясь

[134] Nickolls J. (Plumard de Dangeul). *Remarques sur les avantages et les désavantages de la France et de la Grande-Bretagne*. 1754, p. 252.
[135] Pirenne H. *Histoire économique de l'Occident médiéval*. 1951, p. 45, note 3.
[136] Höffner J. *Wirtschaftsethik und Monopole*. 1941, S. 58, Anm. 2.
[137] Hausherr H. *Wirtschaftsgeschichte der Neuzeit*. 1954, S. 78—79.
[138] Hütten U., von. *Opera*. Éd. 1859—1862, III, p. 299, 302. Цит. в кн.: Höffner J. *Op. cit.*, S. 54.

на слишком хорошо известной истории двух князей оружейной торговли — Луиса де Геера (благодаря его пушечным заводам в Швеции), и его свояка Элиаса Триппа (благодаря переходу в его руки контроля над шведской медью), заметим, что вся крупная торговля Амстердама была подчинена узким группкам крупных купцов, диктовавшим цены на немалое число важных продуктов: китовый ус и китовый жир, сахар, итальянские шелка, благовония, медь, селитру [139]. Практическим оружием этих монополий были огромные склады, более емкие, более дорогие, чем большие корабли. В них удавалось держать массу зерна, равную десяти-двенадцатикратной годовой потребности Соединенных Провинций (1671 г.) [140], сельдь или пряности, английские сукна или французское вино, польскую или ост-индскую селитру, шведскую медь, табак из Мэриленда, венесуэльское какао, русскую пушнину и испанскую шерсть, прибалтийскую пеньку и левантинский шелк. Правило всегда было одно: закупить у производителя по низкой цене за наличные деньги, лучше уплатив вперед, поместить на склад и дожидаться повышения цены (или спровоцировать его). Как только предвиделась война, сулящая высокие цены на становящиеся редкими чужеземные товары, амстердамские купцы до отказа набивали пять или шесть этажей своих складов, так что, например, накануне войны за Испанское наследство корабли не могли больше выгружать свои грузы из-за отсутствия места.

Пользуясь своим превосходством, голландская крупная торговля в начале XVII в. даже Англию эксплуатировала так же, как области по Луаре: прямые закупки у производителя, «из первых рук и в самое дешевое время года» (“*at the first hand and at the cheapest seasons of the year*”),[141] и, что добавляет некий нюанс к описываемому Эвериттом *частному рынку*, при посредстве английских или голландских агентов, разъезжавших по деревням и городам; скидки с закупочной цены, получаемые в обмен на оплату наличными или в обмен на выплату авансов под еще не сотканные ткани, под еще не выловленную рыбу. В результате французские или английские изделия поставлялись голландцами за границу по ценам равным или более низким, чем цены [этих же] товаров во Франции или в Англии,— положение, не перестававшее приводить в недоумение французских наблюдателей и которому они не находили иного объяснения, кроме низких цен голландского фрахта!

На Балтике аналогичная политика долго обеспечивала голландцам почти абсолютное господство на северных рынках.

В 1675 г., когда вышел в свет «Совершенный негоциант» Жака Савари, англичанам удалось просочиться в Балтийское море, хотя раздел [рынка] между ними и голландцами был еще неравным. Для французов, которые бы пожелали в свою очередь там закрепиться, число трудностей возрастало по усмотрению конкурентов. Самая малая [из них] состояла не в том, чтобы набрать огромные капиталы, необходимые для вступления в игру. В самом деле, товары, которые доставляли на Балтику, продавались в кредит, и, наоборот, все там покупалось за звонкую монету — серебряные *риксдалеры* *, «каковые имеют хождение по всему Северу». Эти риксдалеры следовало покупать в Амстер-

139 Barbour V. *Op. cit.*, p. 75.

140 Ibid., p. 89 (заявление де Витта в Генеральных штатах в 1671 г. Это зерно складировали не только в Амстердаме, но и в других городах Голландии).

141 Lambe S. *Seasonable observations*..., 1658, p. 9—10. Цит. в кн.: Barbour V. *Op. cit.*, p. 90.

* Риксдалер — шведская и датская серебряная монета, до 1872 г. основная денежная единица этих стран.— *Прим. перев.*

даме или в Гамбурге, и к тому же требовалось иметь там корреспондентов для их перевода. Корреспонденты были также необходимы в балтийских портах. И последние затруднения: помехи со стороны англичан и еще более того — голландцев. Последние делают «все, что могут, дабы... отвратить и отбить охоту [у французов] ... продавая свои товары дешевле, даже с большой потерей, и покупая самые дорогие местные товары по высокой цене, дабы французы, понеся на том убыток, оказались бы тем вынуждены утратить желание возвратиться туда в другой раз. Имеется бесчисленное множество примеров французских негоциантов, кои занимались торговлей на Севере [и] кои там разорились из-за сего скверного способа действий голландцев, быв вынуждены отдавать свои товары с большим убытком, иначе они бы их не продали» [142]. В сентябре 1670 г., когда организовалась французская Северная компания, в Гданьск был отправлен лично де Витт, чтобы получить от Польши и от Пруссии новые привилегии, «дабы опередить ту торговлю, каковую французы могли бы там завести» [143].

В предшествующем году, во время ужасающего кризиса сбыта, о котором мы говорили, размышления голландцев, излагаемые Помпонном, были не менее показательны. Прибыли или вот-вот прибудут восемнадцать кораблей из Индий. Что делать с этими новыми поставками в городе, где склады забиты запасами? [Ост-Индская] компания видела только одно средство: наводнить Европу «таким количеством перца и хлопковых тканей и по таким низким ценам, чтобы отнять у прочих наций прибыль от их закупки, особенно у Англии. Сие есть оружие, коим здешние люди всегда воевали в коммерции против своих соседей. В конечном счете оно могло бы сделаться для них вредным, ежели бы ради того, чтобы отнять выгоду у других, они оказались вынуждены сами ее лишиться» [144]. В действительности же голландцы были достаточно богаты, чтобы вести игру такого рода или любую другую. Товары, в большом количестве доставленные этим флотом, будут проданы на протяжении лета 1669 г.; амстердамские же купцы скупили все по хорошей цене, дабы удержать стоимость своих прежних запасов [145].

Но стремление к международной монополии было общим явлением для всех крупных торговых рынков. Так было и в Венеции. Так было в Генуе. Жак Савари пространно все это объясняет применительно к драгоценному рынку шелка-сырца [146], который играл важнейшую роль во французской промышленной жизни. Мессинский шелк-сырец служил, в частности, для изготовления турских и парижских шелковых тканей с хлопковым утком и муаров. Но доступ к нему был более труден, чем к левантинским шелкам, ибо на него претендовали торговля и ремесла Флоренции, Лукки, Ливорно или Генуи. Французы практически не имели доступа к закупкам из первых рук. На самом-то деле именно генуэзцы господствовали на рынке сицилийского шелка, и именно через них обязательно следовало пройти. Однако шелк продавали крестьяне-производители на деревенских рынках с одним-единственным условием: чтобы покупатель платил наличными. Следовательно, в принципе существовала свобода торговли. А в действительности, когда генуэзцы, как многие итальянские

[142] Savary J. *Le Parfait Négociant*. Éd. 1712, II, p. 135—136.
[143] A. N., A. E., B[1], 619, Гаага, 25 сентября 1670 г.
[144] Ibid., 4 июля 1669 г.
[145] Ibid., 26 сентября 1669 г.
[146] Savary J. *Op. cit.*, II, p. 117—119.

купцы, вкладывали в конце XV в. свои деньги в земельные владения, их выбор пал на «местности самые лучшие и самые обильные шелком». Следовательно, им легко было *авансом* скупать [шелк] у крестьян-производителей, и, если богатый урожай угрожал сбить цены, им достаточно было закупить на ярмарках и рынках несколько кип по высокой цене, чтобы снова поднять курс и повысить ценность заранее созданных запасов. А сверх того, имея права гражданства в Мессине, они были освобождены от сборов, которыми облагались иностранцы. Отсюда и горькое разочарование двух турских шелкоторговцев, стакнувшихся с неким сицилийцем и прибывших в Мессину с 400 тыс. ливров, чего, как они полагали, было довольно, чтобы сломить генуэзскую монополию. В этом они потерпели неудачу, и генуэзцы, столь же проворные, как и голландцы, немедленно преподали им урок, поставив в Лион шелк по более низкой цене, нежели та, по которой купцы из Тура получали его в Мессине. Правда, если верить одному докладу, относящемуся к 1701 г. [147], лионцы, в те времена зачастую бывавшие комиссионерами генуэзских купцов, вступали в стачку с последними. Они использовали это, чтобы повредить турским, парижским, руанским и лилльским мануфактурам, их конкурентам. С 1680 по 1700 г. число [ткацких] станков в Туре будто бы снизилось с 12 тыс. до 1200.

[147] A. N., G 7, 1686—99.

Естественно, самыми крупными монополиями были юридически оформленные, а не только фактические монополии крупных торговых компаний, прежде всего компаний [Ост-] Индских. Но там речь шла об иной проблеме, поскольку эти привилегированные компании создавались при постоянном содействии государства. Мы скоро вернемся к таким монополиям, оседлавшим и экономику, и политику.

НЕУДАВШАЯСЯ ПОПЫТКА УСТАНОВЛЕНИЯ МОНОПОЛИИ: РЫНОК КОШЕНИЛИ * В 1787 г.

* Кошениль — несколько видов насекомых, из которых добывают красную краску — кармин.— *Прим. перев.*

Тому, кто подумал бы, что мы переоцениваем роль монополии, мы предложим довольно удивительную историю спекуляций с кошенилью, предпринятых фирмой Хоупов в 1787 г., в пору, когда эта фирма была огромным предприятием, в широких масштабах занимавшимся размещением русских и иных займов на амстердамском рынке [148]. Почему эти крупные денежные воротилы бросились в подобное дело? В первую очередь потому, что руководители фирмы полагали, что в ходе кризиса, начавшегося, по их мнению, не позднее 1784 г., к концу «четвертой» войны против Англии, коммерцией слишком пренебрегали ради [организации] займов и что наступил, быть может, благоприятный момент, для того чтобы сыграть на товаре. Кошениль, поставляемая из Новой Испании, применявшаяся при окраске тканей и — важная подробность!— имевшая то преимущество, что могла храниться долго, была предметом роскоши. Итак, исходя из [доступной ему] информации, Генри Хоуп был убежден, что предстоящий сбор кошенили будет скудным, что имеющиеся в Европе запасы невелики (как его уверяли, 1750 тюков, находившихся

[148] Buist M. G. *Op. cit.*, p. 431 sq.

на складах в Кадисе, Лондоне и Амстердаме) и что, коль скоро цены на протяжении нескольких лет снижались, покупатели склонны были покупать [кошениль] лишь по мере своих надобностей. Проект его заключался ни более ни менее как в том, чтобы одновременно (дабы не встревожить рынок) и на всех рынках разом скупить по низкой цене по меньшей мере три четверти существующих запасов. Затем вздуть цены и перепродать [закупленное]. Предполагаемый размер вложений составлял от 1,5 до 2 млн. гульденов, т. е. огромную сумму. Г. Хоуп считал, что никакой убыток невозможен, даже если бы ожидаемых больших доходов и не получили. Он заручился поддержкой какой-нибудь фирмы на каждом рынке, а лондонские Беринги даже вошли в дело из одной четверти [капитала].

В конечном счете операция потерпела фиаско. Прежде всего, из-за латентного кризиса: цены не поднялись в достаточной степени. А также из-за задержек почты, что замедляло передачу распоряжений и их исполнение. И, наконец, и главным образом потому, что по мере закупок обнаружилось, что наличные запасы неизмеримо больше тех, о которых сообщали информаторы. Хоуп упорствовал, желая скупить все в Марселе, Руане, Гамбурге, даже в Санкт-Петербурге, притом не без сопутствовавших тому неприятностей. В конце концов у него на руках оказался двойной запас в сравнении с тем, который он рассчитывал собрать. И он столкнулся с тысячами трудностей при его продаже из-за отсутствия сбыта на Леванте вследствие русско-турецкой войны и из-за отсутствия сбыта во Франции, бывшего следствием кризиса в текстильной промышленности.

Короче говоря, операция принесет значительные убытки, которые богатейшая фирма Хоупов перенесет без звука и не прерывая свои доходные спекуляции на иностранных займах. Но этот эпизод и обильная переписка, сохранившаяся в архивах фирмы, освещают весь климат торговой жизни того времени.

Во всяком случае, имея этот четкий пример, усомнишься в справедливости доводов П. В. Клейна, историка крупной фирмы [семейства] Трипп [149]. Клейн ни на мгновение не отрицает того, что с XVII в. вся крупная торговля Амстердама строилась на основе более или менее полных монополий, во всяком случае монополий беспрестанно возрождавшихся, монополий, к которым постоянно стремились,— напротив, [он говорит об этом]. Но в его глазах оправдание монополии заключено в том, что она будто бы была условием экономического прогресса и даже роста. Ибо она, как объясняет ее Клейн, представляла страховку от многочисленных случаев риска, подстерегавших торговлю, она означала безопасность, а без безопасности не было бы повторных капиталовложений, не было бы постоянного расширения рынка, не было бы поиска новых технологий. Если мораль, возможно, и осуждала монополию, то экономика, да почему бы не сказать и общее благо, в конечном счете получали от нее пользу.

Для того чтобы принять этот тезис, следовало бы с самого начала быть убежденным в исключительных добродетелях предпринимателя. Ничего нет удивительного в том, что Клейн ссылается на Й. Шумпетера. Но разве же экономический прогресс, дух предприимчивости и технического обновления всегда приходили

[149] Klein P. W., *Op. cit.*, p. 3—15, 475 sq.

сверху? Разве один только крупный капитал способен был их вызвать? А ежели возвратиться к конкретному случаю с Хоупом, пытавшимся создать монополию на кошенили, то в чем же эта фирма искала безопасности? Разве не брала она на себя скорее



Набережная канала и кран для разгрузки судов в Гарлеме. Картина Геррита Беркхейде (1638—1698). *Музей Дуэ. Фото Жиродона.*

спекулятивный риск? И, чтобы закончить, какие инновации она вносила? В чем Хоупы послужили всеобщим экономическим интересам? Уже более столетия, как кошениль без [всякого] вмешательства голландцев сделалась царицей красителей, «королевским» товаром для севильских негоциантов. Запасы, за которыми Хоупы охотились по всей Европе, распределялись в ней в соответствии с промышленными потребностями, и именно эти потребности вели игру или должны были бы ее вести. Какая была бы выгода для европейской промышленности, если бы эти запасы кошенили, будучи собраны в одних руках, резко повысились в цене, что, [собственно], и было откровенно признаваемой целью всей операции?

На самом деле Клейн не видит того, что монополией была сама по себе вся совокупность [обстоятельств], связанная с положением Амстердама, и что монополия — это поиски не безопасности, а господства. Вся его теория была бы действительна лишь при условии, что то, что хорошо для Амстердама, хорошо и для остального мира, если перефразировать слишком хорошо известную формулу *.

* Имеется в виду высказывание одного из министров обороны США, пришедшего на этот пост из фирмы «Дженерал моторс»: «Что хорошо для «Дженерал моторс», хорошо для Соединенных Штатов» — *Прим. перев.*

КОВАРСТВО МОНЕТЫ

Существовали другие виды торгового превосходства, другие монополии, которые оставались невидимыми даже для тех, кто ими пользовался, настолько эти монополии были естественны. Экономическая деятельность на высшем уровне, концентрировавшаяся вокруг обладателей крупных капиталов, и в самом деле создавала рутинные структуры, которые этим лицам благоприятствовали, что те не всегда и осознавали. В частности, в том, что касалось монеты, они находились в удобном положении обладателя сильной валюты, который ныне живет в стране с обесцененными деньгами. Ибо практически богачи были единственными, кто широко оперировал золотой и серебряной монетой и сохранял ее в своих руках, тогда как простой народ никогда не держал в руках [иной монеты], кроме биллонной или медной **. Но ведь эти разные виды монеты воздействовали друг на друга, как воздействовали бы, будучи помещены рядом в рамках одной и той же экономики, деньги сильные и слабые, между которыми желали бы искусственно поддерживать устойчивый паритет — операция, по правде говоря, невозможная. Колебания были постоянными.

** Биллон — сплав меди и серебра со значительным преобладанием меди — *Прим. перев.*

В самом деле, во времена биметаллизма, или скорее триметаллизма, существовала не одна монета, но *несколько*. И они были враждебны друг другу, противостоя как богатство и нужда. Экономист и историк Якоб Ван Клаверен [150] не прав, полагая, что деньги — это просто деньги, какова бы ни была форма, в которой они предстают: золото, белый металл, медь или даже бумага. Как [неправ] и физиократ Мерсье де ла Ривьер, который писал в «Энциклопедии»: «Деньги суть разновидность реки, по коей перевозят вовлеченные в торговлю вещи». Нет, [это не так], либо тогда уж давайте поставим слово «река» во множественном числе.

Золото и серебро сталкивались. Курсовое *соотношение* между двумя металлами без конца вызывало оживленное движение из одной страны в другую, от одной экономики к другой. 30 октября в 1785 г. французское правительственное решение [151] повысило соотношение золото — серебро с 1 к 14,5 до 1 к 15,3; сделано это было, чтобы приостановить бегство золота за пределы королевства. Я говорил уже, что в Венеции, как и на Сицилии, в XVI в. и позже завышенная цена золота делала из него ни более ни менее как плохую монету, которая изгоняла хорошую в соответствии с псевдозаконом Грешэма. Хорошей монетой было в данном случае серебро, белый металл, необходимый в то время для ле-

[150] Klaveren J., van. Europäische Wirtschaftsgeschichte Spaniens, S. 3; «во-первых, для хозяйства как такового не имеет никакого значения, изготовлены ли деньги из золота, серебра или бумаги».

[151] Marion M. *Dictionnaire des institutions*, p. 384, 2e col.; Dermigny L. *La France à la fin de l'Ancien Régime, une carte monétaire*.— *"Annales E. S. C."*, 1955, p. 489.

вантинской торговли. В Турции заметили эту аномалию, и в 1603г. в Венецию прибыло большое количество *цехинов*, золотых монет, которые выгодно обменивались, принимая во внимание курс здешнего рынка. На Западе вся история монеты в средневековье находилась под знаком двойной игры золота и серебра, с перебоями, переворотами, неожиданностями, которые еще будет знать, но в меньшей степени, [и] новое время.

Использовать эту игру к своей выгоде, выбирать металл в зависимости от предстоящей операции, от того, платишь ты или получаешь, было дано не всем, а лишь привилегированным, через руки которых проходили значительные количества монет или кредитных средств. Сьер де Малетруа мог без риска ошибиться написать в 1567 г.: монета — это «интрига, понимаемая лишь немногими людьми» [152]. И естественно, те, кто в них понимал, извлекали из этого выгоду. Так, к середине XVI в. произошло подлинное перераспределение состояний, когда золото восстановило — и надолго — свое первенство в отношении серебра вследствие непрерывных поставок американского белого металла. До того времени белый металл был ценностью (относительно) редкой, следовательно, надежной, «монетой, ориентированной на тезаврацию, при золоте, сохранявшем роль монеты для важных сделок». Между 1550 и 1560 гг. ситуация сделалась противоположной [153], и генуэзские купцы будут первыми, кто станет на антверпенском рынке ставить на золото против белого металла и извлекать прибыль из надлежащего суждения, опередившего суждение прочих.

Более всеобщей и более заметной, в некотором роде вошедшей в повседневные нравы, была игра высокой монеты, золота и серебра, против монеты слабой — биллона (медь с небольшим количеством серебра) или чистой меди. Для этих-то отношений Карло М. Чиполла очень рано употребил слова «денежный курс» (*change*), вызвав этим гнев Раймонда де Роувера из-за очевидной путаницы, которую эти слова в себе заключали [154]. Но говорить, как это предлагает последний, о «внутреннем курсе», или же, как рекомендует Ж. Жентил да Силва, о «вертикальном курсе» — тогда как «настоящий» курс, курс монеты и векселей от одного рынка к другому, именуется «горизонтальным»,— все это не очень-то нас продвигает вперед. Слово «курс» продолжает существовать, и это разумно, коль скоро речь идет о покупательной способности золотых или серебряных монет в монете низкопробной; о навязанном (но не соблюдаемом и, значит, изменяющемся) соотношении между монетами, чья реальная стоимость не соответствует их официальной котировке. Разве в послевоенной Европе [американский] доллар не пользовался автоматическим первенством по отношению к местным валютам? Он либо продавался выше официального курса на черном рынке, либо же покупка на доллары вполне легально сопровождалась 10—20-процентной скидкой с цены. Именно этот образ лучше всего помогает понять автоматическую пункцию, которую производили всей экономике обладатели золотой и серебряной монеты.

В самом деле, с одной стороны, как раз низкой монетой оплачивали *все* мелкие сделки в розничной торговле, крестьян-

[152] Malestroit. *Mémoires sur le faict des monnoyes...*, 1567.— *Paradoxes inédits*. Éd. L. Einaudi, 1937, p. 73, 105.

[153] Spooner F. C. *L'Economie mondiale et les frappes monétaires en France, 1493—1680*. 1956, p. 128 sq.

[154] См.: Cipolla C. M. *Studi di storia della moneta: i movimenti dei cambi in Italia dal sec. XIII al XV*. 1948, и рецензию Р. Роувера (Roover R., de) в: "*Annales*", 1951, p. 31—36.



«Девушка, взвешивающая золото».
Картина Яна Госсарта Мабюсе, начало XVI в.
Собрание Виолле.

ские продовольственные товары на рынке, заработную плату поденщиков или ремесленников. Как писал в 1680 г. Монтанари [155], мелкая монета существует «для простого народа, каковой тратит по мелочам и живет поденным трудом» (*"per uso della plebe che spende a minuto e vive a lavoro giornaliere"*).

С другой стороны, низкая монета непрестанно обесценивалась относительно монеты высокой. Каково бы ни было положение с деньгами в национальном масштабе, мелкий люд, таким образом, неизменно страдал от непрерывной девальвации. Так, в Милане в начале XVII в. мелкие деньги состояли из *терлин* (*terline*) и *сезин* (*sesine*) — монеток, которые некогда чеканились из биллона, [но] сделались затем простыми кусочками меди. *Парпальоле* (*parpagliole*), содержавшие немного серебра, имели более высокую стоимость. В общем *терлины* и *сезины* служили (чему способствовала небрежность государства) [как бы] бумажными деньгами, курс которых все время снижался [156]. Точно так же во Франции д'Аржансон в августе 1738 г. записывает в своем «Дневнике»: «Нынешним утром обнаружилось снижение стоимости монет в два су, каковое составило два лиара; это четверть общей стоимости, что весьма много» [157].

Все это влекло за собой определенные последствия. В промышленных городах с пролетариатом и предпролетариатом заработная плата в монете тем самым начинала понижаться относительно цен, которые повышались легче, нежели заработная плата. То была одна из причин, по которым лионские ремесленники восставали в 1516 и 1529 гг. В XVII в. такие внутренние девальвации, которые до того обрушивались главным образом на большие города, как чума распространяются на малые города и на местечки, где искали прибежища промышленность и масса ремесленников. Ж. Жентил да Силва, у которого я заимствовал эту важную подробность, полагает, что в XVII в. Лион накинул сеть денежной эксплуатации на окружавшие его деревни [158]. Конечно, следовало бы доказать реальность этого возможного завоевания. Во всяком случае, было продемонстрировано, что монета не была тем нейтральным флюидом, о котором еще толкуют экономисты. Да, монета — это чудо обмена, но она же и надувательство на службе привилегий.

Для купца или обеспеченных людей игра оставалась простой: возвращать в обращение биллон, как только они его получают, и сохранять только ценные монеты со значительно более высокой покупательной способностью, нежели их официальный эквивалент в «черной монете», как говорилось. Именно такой совет дает кассиру руководство по торговому делу (1638 г.) [159]: «Пусть в тех платежах, что он производит, он обращается к монете, каковая в это время менее всего ценится». И конечно же, пусть он накапливает сколь возможно более сильной монеты. Такова была политика Венеции, которая регулярно избавлялась от своего биллона, отправляя его целыми бочками в свои островные владения на Леванте. Таковы были и детские плутни тех испанских купцов XVI в., которые привозили медь для чеканки монеты на монетный двор в

[155] Montanari G. *Trattato del valore delle monete*, ch. III, p. 7. Цит. в кн.: Gentil da Silva J. *Op. cit.*, p. 400.

[156] Cipolla C. M. *Mouvements monétaires de l'Etat de Milan (1580—1700)*. 1952, p. 13—18.

[157] Marquis d'Argenson. *Mémoires et Journal inédit*. Éd. 1857—1858, II, p. 56. Если читатель проделает расчет сам, пусть он помнит, что одно су (*sol*) состояло из 12 денье, а лиар — из 3 денье. Значит, монета в 24 денье была девальвирована на 6 денье, т. е. на 25% стоимости.

[158] Gentil da Silva J. *Banque et crédit en Italie au XVII^{e} siècle*, I, p. 711—716.

[159] Peri Cio. D. *Il Negotiante*. Éd. 1666, p. 32.

Куэнке, в Новой Кастилии: эту биллонную монету они ссужали мастерам-ткачам города, нуждавшимся в ней для закупки необходимого их мастерским сырья, оговаривая при этом, что возврат ссуды будет производиться в серебряной монете в тех городах или на тех ярмарках, куда мастера отправятся продавать свои сукна [160]. В Лионе около 1574 г. посредникам запретили «отправляться навстречу товарам, дабы их скупать», но также и «обходить гостиницы и частные дома, дабы скупать золотые и серебряные монеты и устанавливать цены по своему усмотрению» [161]. В Парме в 1601 г. хотели разом положить конец деятельности денежных менял (*bancherotti*), которых обвиняли в сборе хороших, серебряных и золотых монет и в вывозе их из города с тем, чтобы ввозить туда монету низкую или плохого качества [162]. Посмотрите, как поступали во Франции иноземные купцы, в особенности голландцы, в 1647 г.: «Они посылают своим агентам и комиссионерам монету своей страны, сильно истершуюся или же намного более низкой пробы сплава, нежели наши монеты. И они этой монетою оплачивают товары, кои покупают, сберегая лучшие монеты наши, каковые они отправляют в свою страну» [163].

[160] Ruiz Martin F. *Lettres marchandes de Florence*, p. XXXVIII.
[161] Gascon R. *Grand Commerce et vie urbaine. Lyon au XVI^e^ siècle*. 1971, I, p. 251.
[162] Gentil da Silva J. *Op. cit.*, p. 165.
[163] Éon J. *Op. cit.*, p. 104.
[164] Pinto I., de. *Op. cit.*, p. 90—91, note 23.

Ничего не было проще, но, чтобы в этом преуспеть, требовалось занимать позицию силы. Вот что повышает наше внимание к тем постоянным нашествиям плохих монет, которыми изобилует общая история денег. Не всегда это были спонтанные или невинные операции. С учетом этого что же, собственно, предлагал Исаак де Пинто [164], когда давал Англии, которой часто не хватало звонкой монеты, этот с первого взгляда немного странный, но серьезный совет, а именно: ей бы следовало «еще более умножить [количество] мелкой монеты, по примеру Португалии»? Может быть, то был способ иметь больше монеты для маневра на самом верхнем этаже торговой жизни? Пинто, португалец и банкир, несомненно, знал о чем говорил.

Завершили ли мы обзор деформировавших все проблем монеты? Вне сомнения, нет. Разве же не была самым главным в игре инфляция? Шарль Матон де Лакур в 1788 г. говорит об этом с поразительной ясностью. «Золото и серебро, кои не перестают извлекать из недр земли,— объясняет он,— все эти годы распространяются по Европе и умножают там массу звонкой монеты. В действительности же нации не становятся от сего богаче, но богатства их делаются более обширными; цены продовольствия и всех вещей, необходимых для жизни, постепенно возрастают, приходится отдавать более золота и серебра, дабы иметь хлеб, дом, одежду. Заработки поначалу вовсе не растут в той же пропорции [как мы знаем, на самом-то деле они отстают от цен]. Люди чувствительные с грустью наблюдают, что в то время как бедняку требуется зарабатывать больше, чтобы прожить, самая сия потребность иной раз понижает заработную плату или по меньшей мере служит предлогом, дабы долгое время удерживать заработки на прежнем уровне, каковой более не соответствует уровню расходов работника, и вот таким-то образом золотые рудники поставляют оружие эгоизму богатых для того, чтобы угнетать и все более

и более порабощать трудящиеся классы»[165]. Если оставить в стороне чисто количественное объяснение повышения цен, кто бы не согласился ныне с автором в том, что в капиталистической системе инфляция далеко не всем невыгодна?

[165] Mathon de La Cour C. *États et tableaux concernant les finances de France depuis 1758 jusqu'en 1787*. 1788, p. 225.

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИБЫЛИ, ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ОТСРОЧКИ [ПЛАТЕЖЕЙ]

Мы проделали почти полный обзор более или менее сознательных капиталистических игр. Но чтобы понять их преимущества, нет ничего лучше, чем несколько цифр, фиксирующих норму торговой прибыли, которые можно было бы сравнить с теми цифрами, какие можно установить для лучших деловых операций в сельском хозяйстве, транспорте или в промышленности. Добраться таким образом «до сердцевины экономических результатов»[166] было бы единственной [истинно] верной операцией. Там, где прибыль достигает очень высоких уровней,— там, и только там, пребывает капитализм, как в прошлом, так и ныне. И достоверно то, что в XVIII в. *почти* повсюду в Европе *крупная* торговая прибыль очень намного превосходила *крупную* прибыль, промышленную или сельскохозяйственную.

К сожалению, работы в этой области почти что не продвинулись. Историк оказывается здесь в таком же положении, в каком бывает журналист, который проникает в запретную зону. Он угадывает то, что должно там происходить, но редко имеет тому доказательства. В цифрах недостатка нет, но они либо неполны, либо вымышленны, либо и то и другое вместе. Были бы они более ясны современному деловому человеку, нежели простому историку? Я в этом сомневаюсь. Вот погодные реестры вложенных капиталов и прибылей фирмы Хоупов в Амстердаме за пятьдесят лет (1762—1815 гг.) с указанием сумм, переданных различным ее партнерам. Казалось бы, указания столь же драгоценные, сколь и точные, и прибыли — в разумных пределах, зачастую вокруг 10%. Но, замечает М. Г. Бёйст, историк Хоупов, ясно, что не на основе вот этих прибылей, которые к тому же, видимо, были почти полностью вновь обращены в капитал, сложилось все увеличивавшееся состояние семейства. В самом деле, у каждого из партнеров были свои сделки и свои частные счета, которые нам не известны, и именно там должны были возникать «настоящие прибыли» (“*the real profits*”)[167].

Всякий документ лучше рассматривать дважды, нежели один раз. Таким образом, дело поддается бухгалтерскому учету лишь тогда, когда оно замкнуто на себя, проведено от A до Z. Например, как принять тот способ, каким французская [Ост-] Индская компания представляла свои счета, заявляя без дальних слов, что с 1725 по 1736 г. разница между ее закупками в Индиях и ее продажами во Франции составляла в среднем 96,12% к ее выгоде?[168] В серии сделок, которые «надстраивались» одна над другой, как многоступенчатая ракета, последняя не учитывала все остальные. Мы же хотели бы знать затраты на выпуск судна в море, путевые расходы и расходы на разгру-

[166] Bouvier J., Furet P., Gillet M. *Le Mouvement du profit en France au XIXe siècle*. 1965, p. 269.
[167] Buist M. G. *Op. cit.*, p. 520—525 et note p. 525.
[168] Dermigny L. *Cargaisons indiennes. Solier et Cie, 1781—1793*. 1960, II, p. 144.

зке корабля, стоимость товаров и наличности при отплытии, параллельные операции и доходы на Дальнем Востоке и т. д. Только тогда мы могли бы рассчитать, или попробовать рассчитать.

Точно так же я сомневаюсь, что мы когда-нибудь разберемся со счетами генуэзских купцов, заимодавцев Филиппа II и его преемников. Они ссужали Католическому королю огромные суммы (чаще всего бравшиеся в долг под низкий процент, и эта первая стадия [операции] остается туманной). Они зарабатывали на разнице курса на различных рынках в условиях, которые часто от нас ускользают; они зарабатывали, как мы объясняли, на гарантированных рентах (*juros de resguardo*), но сколько? Наконец, получая обычно оплату в белом металле, они от продажи этой монеты или слитков в Генуе получали, как правило, 10% дополнительной прибыли [169]. Когда генуэзские *деловые люди* (*hombres de negocios*) спорили с чиновниками Католического короля, они справедливо утверждали, что норма процента по контрактам была умеренной; чиновники отвечали, что действительные прибыли достигают 30%, что означало преувеличение всего лишь вдвое [170].

Другое правило: сама по себе норма прибыли — это еще не все. Конечно же, следует учитывать [размер] вложений денежной массы. Если благодаря займам она бывала огромной (так обстояло дело с генуэзцами, так же обстояло оно и с гигантской фирмой Хоупов, да и вообще со всеми крупными кредиторами государства в XVIII в.), то прибыль даже при скромной ее норме в конечном счете представляла значительную массу [денег]. Сравним это положение с положением ростовщика, предоставляющего кредит под недельный процент, о котором писал Тюрго, или деревенского ростовщика; они иной раз брали непомерно высокие проценты, но ссужали они свои собственные деньги и мелким заемщикам. Они набьют чулок деньгами или же соберут отобранные у крестьян земли, но для того чтобы сколотить заурядное состояние, им понадобится [несколько] поколений.

Еще одно замечание, имеющее значение: прибыли поступали в более или менее долгой последовательности. Какое-нибудь судно выходит из Нанта и возвращается туда; затраты на его плавание покрываются при отплытии (за немногими исключениями) не наличными деньгами, а векселями на полгода или на восемнадцать месяцев. Следовательно, ежели я купец, заинтересованный в операции, то платить мне придется только по возвращении [судна], при его разгрузке, а векселя, которые я выдал, составляют кредит, полученный мною обычно у голландских заимодавцев, или у финансовых чиновников [данного] города, или же у прочих лиц, предоставляющих капиталы. Если в счетах все в порядке, моя спекуляция строится на разнице между размером процента (на занятые деньги) и размером полученной прибыли; я играл в открытую и наудачу. Естественно, тут есть риск, как есть он и в спекуляциях на бирже. 31 декабря 1775 г. в Нант возвращается [корабль] «Сент-Илер». [Торговый дом] Бертран-сын получил прекрасную прибыль (150 053 ливра на 280 тыс. ливров вложенного капитала,

[169] См. статью Дж. Дориа (Doria G.) в кн.: *Mélanges Borlandi*. 1977, p. 377 sq.

[170] Ruiz Martín F. *El Siglo de los Genoveses*.

[171] Meyer J. *L'Armement nantais*, p. 220 sq.
[172] *Ibid.*, p. 219.
[173] Price J. M. *France and the Chesapeake*. 1973, I, p. 288—289. Эти данные расчетов сообщил мне Ж.-Ж. Эмарденкер.
[174] A. N., 94 AQ 1, f° 28.
[175] Dermigny L. *Cargaisons indiennes*, p. 141—143.
[176] Meyer J. *Op. cit.*, p. 290—291.

т. е. 53%) [171]. Но возвращение судна зачастую открывало дорогу отсрочкам, счета выверялись не сразу, существовали «очереди» [172]. Такие отсрочки были [обычной] неприятностью торговой жизни. Бертрану-сыну сразу же будет выплачен его капитал, но прибыль он получит лишь по прошествии двадцати лет, в 1795 г.!

Разумеется, то был крайний случай. Но все постоянно происходило так, словно наличные деньги, привлеченные капиталовложениями, отсутствовали, когда требовалась немедленная оплата счетов. По крайней мере во Франции. [Но] несомненно, и в иных странах.

Наконец, сектор больших прибылей не возделывается наподобие поля, с которого бы ежегодно спокойно собирали урожай. Ибо размер прибылей варьировал, варьировал не переставая. Отличные торговые дела становились посредственными; наблюдалась довольно частая тенденция к снижению прибылей в определенной сфере деловой активности, но крупному капиталу почти всегда удавалось тогда перебраться в другую сферу. И прибыли расцветали вновь. Табачная отрасль французской Вест-Индской компании на линии между Америкой и Францией, опиравшаяся на привилегии, знавала попросту сказочные размеры прибылей, хотя и понижавшиеся: в 1725 г.— 500% (до распределения дивидендов между акционерами), в 1727—1728 гг.—300, в 1728—1729 гг.—206% [173]. Согласно счетам «Вознесения», корабля из Сен-Мало, возвратившегося из Тихого океана, заинтересованные лица получили «2447 ливров в возмещение основного капитала и в виде прибыли на 1000 ливров», т. е. 144,7% дохода. На «Св. Иоанне Крестителе» прибыль составила 141%, на другом судне — 148%. Плавание в Веракрус, в Мексику, счета которого были сведены в 1713 г., принесло все той же группе компаньонов 180% [дохода] [174]. Накануне Французской революции наблюдались падение прибылей от торговли с Островами Вест-Индии и Соединенными Штатами и стагнация левантинской торговли со средней нормой прибыли в 10%. Только торговля в Индийском океане и с Китаем находилась на подъеме, и именно туда предпочтительно обращался крупный торговый капитал, находившийся вне пределов [привилегированных] компаний. Если подсчитать норму прибыли в этом секторе на *месяц* плавания, то 20-месячное плавание (если оно было медленным) до Малабарского побережья и обратно дает цифру $2^1/_4$%; плавание в Китай, знававшее ранее еще лучшие времена, —$2^6/_7$%; плавание к Коромандельскому берегу —$3^3/_4$, а торговля «из Индии в Индию» — 6% (т. е. при плавании продолжительностью в 33 месяца — 200% прибыли) [175]. То был рекорд. В 1791 г. «Славный Сюффрен», вышедший из Нанта на остров Иль-де-Франс и остров Бурбон (затраты 160 206 ливров, доходы 204 075 ливров), принес более 120% [прибыли], тогда как в 1787 г. аналогичный корабль с аналогичным названием «Бальи де Сюффрен», точно так же вышедший из Нанта, но к Антильским островам (затраты 97 922 ливра, доходы 34 051 ливр), дал лишь 28% [прибыли] [176]. И так далее. С изменением конъюнктуры изменялись и участвовавшие в игре элементы... Повсюду. Например, в Гданьске

между 1606 и 1650 гг. закупка ржи во внутренних областях Польши и перепродажа ее голландцам должна была бы дать огромную среднюю прибыль в 29,7%, но при озадачивающих колебаниях: максимум — 242,9% в 1623 г.; минимум — меньше 58,2% в том же 1623 г. [177] Конечно же, делать выводы затруднительно.

Однако совершенно определенно то, что «небеса» высоких прибылей были достижимы лишь для капиталистов, ворочавших большими денежными суммами — своими или чужими. Оборот капитала — который также составляет закон и девиз торгового капитала — играет решающую роль. Деньги, еще раз деньги! Они нужны, чтобы выстоять в [периоды] ожидания, враждебных слухов, потрясений и отсрочек, в которых никогда не бывало недостатка. Например, семь кораблей из Сен-Мало, которые в 1706 г. отправились в Перу [178], потребовали при отправлении громадных затрат в 1 681 363 ливра. На них было погружено товаров всего на 306 199 ливров. Эти товары были смыслом [всего] предприятия, ибо в Перу корабль никогда не вез наличных денег. Требовалось, чтобы стоимость товаров, проданных в Перу и возвратившихся во Францию в новом обличье, возросла самое малое впятеро, чтобы более или менее покрыть затраты. Если же тем не менее к концу плавания доход достигал 145% (как обстояло дело на известном нам судне, шедшем в это же время по тому же маршруту), то необходимо было при прочих равных условиях, чтобы начальная стоимость товара возросла в 6,45 раза. Так что мы не удивимся, услышав, как Томас Мэн, директор английской Ост-Индской компании, объяснял в 1621 г., что деньги, отправленные в Индию, возвращаются в Англию умноженными впятеро [179]. Короче говоря, чтобы приобщиться к золотому дну этих обменов, надлежало тем или иным образом иметь в руках необходимую поначалу массу денег. В противном же случае — не ввязывайтесь! Голландский путешественник и немного шпион Ван Линдсхотен в 1584 г. приехал в Гоа. Об этом далеком городе он пишет: «Я весьма был бы склонен совершить путешествие в Китай или в Японию, каковые отстоят отсюда на то же расстояние, что и Португалия, т. е. тот, кто туда отправится, пребывает в пути три года. Ежели бы только у меня было две-три сотни дукатов, их легко было бы превратить в 600 или 700. Но затевать такое дело с пустыми руками почитаю я за безумие. Следует начинать сносным образом, дабы иметь прибыль» [180].

Так что складывается впечатление (потому что можно говорить только о впечатлениях ввиду недостаточности разрозненной документации), что всегда существовали особые секторы экономической жизни, находившиеся под знаком высокой прибыли, и что *эти секторы варьировали.* Всякий раз, как под воздействием самой экономической жизни происходило одно из таких изменений, в эти секторы являлся проворный капитал, устраивался там и процветал. Заметьте, что, как общее правило, *не он их создавал.* Эта дифференциальная география прибыли — ключ к пониманию конъюнктурных колебаний капитализма, балансировавшего между Левантом, Америкой, Индонезией, Китаем, торговлей неграми и т. д., или между

[177] Bogucka M. *Handel zagraniczny Gdańske..,* 1970, S. 137.

[178] A. N., Colonies, F 2 A 16.

[179] Mun T. *A Discourse of trade from England into the East Indies.* L., 1621, p. 55. Цит. в кн.: Dockes P. *L'Espace dans la pensée économique du XVI^e au XVIII^e siècle,* p. 125.

[180] См.: Van Lindschoten в: *Hackluyt Series,* 1885, p. 70—71. Цит. в кн.: Van Leur J.-C. *Indonesian Trade and Society.* 1955, p. 67.

торговлей, банковским делом, промышленностью или даже земледелием. Ибо случалось, что некая капиталистическая группа (например, в Венеции в XVI в.) оставляла видные позиции в торговле, делая ставку на какую-то отрасль промышленности (в данном случае — шерстяную), даже более того — на [возделывание] земли и скотоводство; но происходило это тогда потому, что ее деятельность в торговле переставала быть высокоприбыльной. Венеция показательна и в XVIII в., потому что попытается заново внедриться в левантинскую торговлю, опять ставшую выгодной. Но если она занималась этим не слишком упорно, так, может быть, оттого, что земля и скотоводство в тот момент были для нее еще золотой жилой. Около 1775 г. овчарня приносила «в хороший год» 40% на первоначально вложенный в нее капитал — результат, наверняка способный «пробудить любовь у всякого капиталиста» (“*da inamorare ogni capitalista*”) [181]. Конечно, такие доходы получали не со всех земель, очень разных, Венецианской области, но в целом, как утверждала в 1773 г. «Джорнале Венето», «Деньги, кои используются в сих [сельскохозяйственных] видах деятельности, всегда приносят более, нежели любой иной способ помещения капитала, включая и риск морской торговли» [182].

Мы видим, что трудно приемлемым образом раз и навсегда классифицировать прибыли промышленные, сельскохозяйственные и торговые. В общем обычное распределение по убывающей — торговля, промышленность, сельское хозяйство — соответствует действительности, но с целым рядом исключений, которые оправдывали переход из одного сектора в другой [183].

Подчеркнем еще раз это важнейщее для общей истории капитализма качество: его испытанную гибкость, его способность к трансформации и к *адаптации*. Если, как я полагаю, существует определенное единство капитализма, от Италии XIII в. до сегодняшнего Запада, то как раз здесь его следует помещать и наблюдать в первую очередь. Разве нельзя было бы применить к истории европейского капитализма от начала до конца высказывание одного американского экономиста наших дней [184] о его собственной стране, немного это высказывание смягчив? «История [США] за последнее столетие,— говорит он,— доказывает, что класс капиталистов всегда умел направлять и контролировать перемены, чтобы сохранить свою гегемонию». В масштабах глобальной экономики следует остерегаться упрощенного изображения такого капитализма, который будто бы прошел в своем росте последовательные этапы от стадии к стадии, от торговли к финансовым операциям и к промышленности, т. е. к стадии зрелости, стадии индустриальной, единственно соответствующей «подлинному» капитализму. В так называемой торговой фазе, как и в фазе, именуемой промышленной — термины эти, и тот и другой, покрывают большое разнообразие форм,— капитализм отличала (и это главнейшая его характеристика) способность почти мгновенно переходить от одной формы к другой, из одного сектора в другой в случаях серьезного кризиса или резко выраженного понижения нормы прибыли.

181 Georgelin J. *Venise au siècle des Lumières (1669—1797)*, p. 436 (машинописный текст).

182 *Ibid*., p. 435.

183 Обратите внимание на способ, каким капиталы, освободившиеся после оставления крупной промышленности в Кане, были реинвестированы в иных местах. См. Perrot J.-C. *Op. cit*., I, p. 381 sq.

184 См. статью С. Марголина (Margolin S.) в: “*Le Nouvel Observateur*”, 9 juin 1975, p. 37.



Сеньер приехал в деревню. Картина Пьетро Лонги (1702—1785). Сравните это посещение с изображением на с. 287. Здесь сеньер не встретил процветающего арендатора. Он из числа тех венецианских патрициев, что заново вкладывали свои накопленные в торговле капиталы в земли, которыми сами же и управляли, по-капиталистически. И именно наемные рабочие униженно его приветствуют по приезде. *Фото Андре Хельда, Цьоло.*

ТОВАРИЩЕСТВА И КОМПАНИИ

Товарищества и компании не столько интересуют нас сами по себе, сколько в качестве «индикаторов», как возможность увидеть за их собственными свидетельствами совокупность экономической жизни и капиталистической игры.

Товарищества и компании следует различать, несмотря на их сходные черты и аналогичные функции: товарищества — так называемые коммерческие — интересовали капитализм сами по себе, и их различавшиеся формы в самой своей последовательности служат вехами капиталистической эволюции. Компании же крупного масштаба (какими были Индийские компании) одновременно затрагивали интересы и капитала, и государства; последнее росло, оно навязывало свое вмешательство, а капиталистам оставалось подчиняться, протестовать и в конечном счете выпутываться из затруднительных ситуаций.

ТОВАРИЩЕСТВА: НАЧАЛО ЭВОЛЮЦИИ

Во все времена с того момента, как начиналась или возобновлялась торговля, купцы объединялись, действовали

сообща. Могли ли они поступать иначе? Рим знал коммерческие товарищества, деятельность которых с легкостью и вполне логично распространялась на все Средиземноморье. Впрочем, «коммерциалисты» XVIII в. все еще обращались к прецедентам, к словарю, а порой и к самому духу римского права и не слишком заблуждались.

Чтобы обнаружить первые формы таких товариществ на Западе, следует углубиться очень далеко, если не в римские времена, то по меньшей мере до самого пробуждения средиземноморской жизни, до IX и X вв. Амальфи, Венеция и другие города, как бы малы они еще ни были, начинали тогда [этот путь]. Снова появилась монета. Вновь завязавшиеся торговые связи с Византией и крупными городами ислама предполагали господство над перевозками и финансовые резервы, необходимые для продолжительных операций, а значит, и окрепшие объединения купцов.

Одним из ранних решений [проблемы] было *societas maris* — «морское товарищество» (именовавшееся также *societas vera*— «истинное товарищество», «что заставляет предположить, что эта форма товарищества была поначалу единственно существовавшей») [185]. Оно также называлось в разных вариантах либо *collegantia*, либо *commenda*. В принципе речь шла об объединении двух компаньонов, одного, остававшегося на месте (*socius stans*), и другого, грузившегося на отплывающий корабль (*socius tractator*). То было раннее отделение капитала от труда, как вслед за некоторыми другими исследователями полагал Марк Блок, если только *tractator*— «доставщик» (следовало бы перевести «разносчик») — не участвовал, пусть зачастую в скромном размере, в финансировании операции. А возможны были неожиданные комбинации. Но оставим этот спор, к которому мы возвратимся далее [186]. Обычно *societas maris* создавалось на одно-единственное плавание; оно было игрой на короткий срок, имея, однако, в виду, что плавания через Средиземное море длились тогда месяцами. Такие товарищества мы встречаем как в «Записях» («*Notularium*») генуэзского нотариуса Джованни Скрибы (1155—1164 гг.) — более 400 упоминаний,— так и в актах марсельского нотариуса XIII в. Амальрика (360 упоминаний) [187]. Так же обстояло дело и в приморских ганзейских городах. Эта примитивная форма товарищества из-за своей простоты сохранится долго. Как в Марселе, так и в Рагузе ее можно обнаружить еще в XVI в. И конечно, в Венеции. А также и в иных местах. В Португалии (довольно поздно — в 1578 г.) один трактат (*tractado*) различал два типа договоров о [создании] компаний (товариществ); второй [из них], который мы узнаем сразу же, заключается между двумя лицами, «когда один обеспечивает деньги, а другой — работу» ("*quando hum põe o dinheiro e outro o trabalho*") [188]. Как бы эхо этого вида объединения труда и капитала я усматриваю в такой сложной фразе одного реймсского негоцианта (1655 г.). «Конечно же,— записывал он в своем дневнике,— вы не можете составить товарищество с людьми, кои не имеют средств; ибо они разделяют с вами прибыли, а все убытки падают

[185] Kulischer J. *Storia economica* (итальянский перевод), I, p. 444.
[186] См. том. 3 настоящей работы, гл. 2.
[187] Kulischer J. *Op. cit.*, I, p. 446.
[188] Gentil da Silva J. *Op. cit.*, p. 148

[189] Maillefer J. *Op. cit.*, p. 64.
[190] Bauer C. *Unternehmung und Unternehmungsformen*, S. 26.
[191] Melis F. *Tracce di una storia economica*, p. 29.

на вас. Такого, однако же, делается предостаточно; но я бы сего никогда не посоветовал» [189].

Но вернемся к *societas maris*. На взгляд Федериго Мелиса, возникновение его объяснялось только последовательными отплытиями судов. Корабль уходит, он возвратится. Именно он создает возможность создания товарищества и обязательство. Для городов в глубинных районах материка положение было иным. К тому же они заняли место в торговых связях Италии и Средиземноморья с известным опозданием. Им, чтобы включиться в сеть обменов, потребовалось преодолевать особые трудности и противоречия.

Компания (*compagnia*) была результатом таких противоречий. Это было товарищество семейное — отец, сын, братья и прочие родственники,— и, как показывает его название (*cum*— «вместе с», и *panis*— «хлеб»), то был тесный союз, где делилось все — хлеб и каждодневный риск, капитал и труд. Позднее это товарищество будет называться коллективным именем и все его члены будут нести ответственность солидарную и в принципе «безграничную» (*ad infinitum*), т. е. не только в пределах своей доли в деле, но всем своим добром. Как только компания стала вскоре принимать компаньонов-чужаков (которые вкладывали деньги и труд) и деньги депонентов (которых, если вспомнить флорентийские [компании-] колоссы, вполне могло быть вдесятеро больше, чем собственного капитала — *corpus*— компании), эти предприятия, как вы понимаете, сделались орудием капиталистов, которое приобретало аномальный вес. Барди, обосновавшиеся на Леванте и в Англии, одно время удерживали в своей сети [весь] христианский мир. Эти могучие компании поражают также своей долговечностью. По смерти патрона (*maggiore*) они перестраивались и продолжали существовать едва измененные. Сохранившиеся контракты, те, что мы, историки, можем прочесть, почти все суть контракты не об основании [компаний], но о возобновлении прежних [190]. Вот почему мы говорим, чтобы коротко обозначить эти компании: Барди, Перуцци...

В конечном счете крупные товарищества итальянских внутренних городов оказались намного более значительны, каждое поодиночке, нежели товарищества приморских городов, где они бывали многочисленны, но невелики и недолговечны. Вдали от моря наблюдалась необходимая концентрация [капитала]. Например, Федериго Мелис противопоставляет 12 индивидуальным предприятиям семейства Спинола в Генуе 20 компаньонов и 40 младших участников (*dipendenti*) одной только фирмы Черки во Флоренции около 1250 г. [191]

В действительности эти крупные объединения были одновременно и средством и следствием вторжения Лукки, Пистойи, Сиены и, наконец, Флоренции в экономический концерт крупных торговых связей, где их фирмы [вовсе] не ждали с самого начала. Ворота были более или менее взломаны, и превосходство этих городов живо проявилось в тех «секторах», какие им были доступны: во вторичном — в промышленности, и в третичном — в услугах, торговле, банковском деле. В общем компания была не нечаянным открытием городов, расположенных посреди суши,



IN-LADINGE
In een extraordinair wel-bezeylt
FLUYT-SCHIP
OP CADIX

MEn laet een ieghelijck weten, dat tot OOSTENDE par CADIX aen Ladinghe leght voor de tweede mael op die Vojagie, het extraordinair wel bezeylt Fluyt-Schip ghenaemt de *Jeff. Mary*, over dry weken ghearriveert van Cadix, Cartagena, Trypoly, en Trepana, daer voor Meester blyft op Cammanderen den Capiteyn ofte Schipper *Pieter Roeland* van Amsterdam, voorsien met sijn Turckse Passen, de Vreghten zyn gereguleert de Canten tot Twee Realen de hondert guldens weerde, de Rauwe Lynwaten tot Twee Ducaten par Ballot van 12. tot 16. Stucken, en grooter naer advenante gelijck oock de Gaerens en ander Manufacturen, alles out gelt als voor de prematica: en dito Schip sal met Godt, weder ende wint dienende, zeylen op den 16. a 17. Mey 1715. goet ofte geen: die daer in gelieven te Laden sullen hun addresseren aen d'Heer *Thomas Ray*, of den boven-genoemden Capiteyn tot OOSTENDE.

Elck zegg'het den anderen voorts.

Рекламный листок,
объявляющий об отправлении из Остенде в Кадис
транспорта «Дева Мария» ("Juffrouw Mary")
«исключительной мореходности»
и определяющий тариф за перевозку грузов:
«за кружева' — два реала со стоимости в сто флоринов;
за неотделанные холсты — два дуката за тюк из 12—16 штук».
Фото из Национального архива (A. N., G 7 1704, 67.)

но средством к действию, выработанным по воле необходимости.

В предшествующих строках я всего лишь воспроизвел мысли Андре Э. Сэйу [192]. Он, основываясь на примере Сиены, касался только городов внутренних районов Италии. Я думаю, что правило это действовало и в иных местах для торговых товариществ, оперировавших за пределами Апеннинского полуострова, в глубине материка. Скажем, в сердце Германии. Так обстояло дело с «Великим обществом» в Равенсбурге, небольшом швабском городке в холмистом районе, прилегающем к Констанцскому озеру, где возделывали и перерабатывали лен. «Великое общество» (*Magna Societas, Grosse Ravensburger Gesellschaft*), объединение трех семейных товариществ [193], просуществовало полтора столетия, с 1380 по 1530 г. Однако же оно, по-видимому, будет возобновляться каждые шесть лет. В конце XV в. его капитал благодаря 80 компаньонам достигал 132 тыс. флоринов — огромной суммы, занимавшей место посередине между капиталами, какие собрали к этому же времени Вельзеры (66 тыс. флоринов), и капиталами Фуггеров (213 тыс.) [194]. Его опорными пунктами были, помимо Равенсбурга, Мемминген, Констанц, Нюрнберг, Линдау, Санкт-Галлен; филиалы общества находились в Генуе, Милане, Берне, Женеве, Лионе, Брюгге (впоследствии — в Антверпене), Барселоне, Кёльне, Вене, Париже. Его представители — целый мирок компаньонов, комиссионеров, служащих, торговых учеников — посещали большие европейские ярмарки, в частности во Франкфурте-на-Майне, [причем] все они при случае странствовали пешком. Купцы, объединенные Обществом, были оптовиками, которые ограничивались торговыми операциями (с холстами, сукнами, пряностями, шафраном и т. п.) и почти не занимались денежными операциями, практически не предоставляли кредита, и розничными лавками располагали только в Сарагосе и Генуе — редчайшие исключения в обширной сети, которая охватывала как сухопутную торговлю по долине Роны, так и торговлю морскую через Геную, Венецию и Барселону. Бумаги Общества, случайно обнаруженные в 1909 г., позволили Алоису Шульте [195] написать важнейшую книгу о европейских торговых путях на стыке XV и XVI вв., потому что за этими немецкими купцами и в широком спектре их деятельности вырисовывается вся совокупность торговой жизни почти всего христианского мира.

То, что «Великое общество» не последовало за новациями, ставшими необходимыми после Великих открытий, что оно не обосновалось в Лисабоне и в Севилье, предстает как характерная черта. Следует ли считать «Великое общество» погруженным в старинную систему и в силу этого факта неспособным проложить себе дорогу к тому оживленному и новому деловому потоку, которому предстояло отметить начало нового времени? Или же невозможно было преобразовать сеть [связей], которая еще продержится такой, какой была, до 1530 г.? Старые методы несут свою долю ответственности. Число компаньонов уменьшилось; патроны (*Regierer*) покупали земли и отходили от дел [196]. Тем не менее тип обширной и долговечной компании флорентийского образца не исчез вместе с *Magna Societas*. Такая компания сохранится до XVIII в. и даже позднее. Имеющая

[192] Sayous A.-E. *Dans l'Italie, à l'intérieur des terres: Sienne de 1221 à 1229.—"Annales"*, 1931, p. 189—206.
[193] *Handbuch der Deutschen Geschichte.* Hrsg. H. Aubin, W. Zorn, 1971, I, S. 351.
[194] Kulischer J. *Allgemeine Wirtschaftsgeschichte des Mittelalters und der Neuzeit.* 1965, I, S. 294—295.
[195] Schulte A. *Geschichte der grossen Ravensburger Handelsgesellschaft, 1380—1530.* 1923, 3 Bd.
[196] Hausherr H. *Op. cit.*, S. 29.

центром семейство, построенная по его модели, она сохраняла его достояние, позволяла жить клану; вот что обеспечивало ее сохранение. Семейное товарищество не переставало по мере того, как наследовалось, совершенствоваться и перестраиваться. Буонвизи, луккские купцы, обосновавшиеся в Лионе, постоянно изменяли название фирмы: с 1575 по 1577 г. [торговый] дом именовался «Наследники Луиджи Буонвизи и К°»; с 1578 по 1584 г.— «Бенедетто, Бернардино Буонвизи и К°»; с 1584 до 1587 г.— «Бенедетто, Бернардино, Стефано, Антонио Буонвизи и К°»; с 1588 по 1597 г.— «Бернардино, Стефано, Антонио Буонвизи и К°»; с 1600 по 1607 г.— «Паоло, Стефано, Антонио Буонвизи и К°»... Таким образом, компания никогда не бывает одной и той же, и в то же время всегда одна и та же [197].

Такие товарищества, которые французский ордонанс 1673 г. именовал «обычными» (*générales*), мало-помалу стали обозначаться названием «свободное товарищество» (*société libre*) или еще товариществами «*с коллективным именем*» (*en nom collectif*). Подчеркнем особо семейный, или почти семейный, характер, который их отличал, даже когда не было речи о настоящей семье,— и довольно долго. Вот текст договора об организации товарищества в Нанте от 23 апреля 1719 г. [договаривавшиеся стороны не были родственниками]: «Из денег товарищества будет браться лишь [столько], чтобы позволить каждому жить своим домом и его содержать, дабы не подрывать общего капитала, и ни для чего иного. И по мере того, как один будет брать деньги, он о том известит другого, каковой возьмет их столько же, и сие ради того, чтобы не заводить счетов по такому поводу...» [198] Это «взаимопроникновение частного и коммерческого еще более выпукло проявлялось в мелких торговых и мануфактурных товариществах» [199].

[197] Bayard F. *Les Buonvisi marchands banquiers à Lyon, 1575—1629.—"Annales E. S. C."*, novembre-décembre 1971, p. 1235.
[198] Meyer J. *L'Armement nantais*..., p. 105, note 8.
[199] *Ibid*., p. 112, note 2.

КОММАНДИТНЫЕ ТОВАРИЩЕСТВА

Все товарищества с коллективным именем мучились с трудным разграничением ответственности — быть ей полной или ограниченной. Решение наметилось, но [правда], поздно — в виде *коммандитного товарищества*, которое отличает ответственность тех, кто руководит предприятием, от ответственности тех, кто довольствуется предоставлением своего финансового содействия и кто, как подразумевалось, отвечает лишь в размере этого денежного взноса, и не более того. Такая ограниченная ответственность будет введена во Франции быстрее, нежели в Англии, где коммандитное товарищество, таким образом, долгое время будет вправе требовать от своих участников (*socii*) новых платежей [200]. Для Федериго Мелиса [201], как раз во Флоренции, ясно развилась (но не ранее начала XVI в., так как первый *известный* договор датируется 8 мая 1532 г.) коммандитная система (*accomandita*), которая позволит флорентийскому капиталу на склоне его великой экспансии еще участвовать в целой серии операций, напоминавших современные холдинги *. Благодаря регистрации таких коммандитных товариществ мы можем проследить их устойчивость, размах операций и распространение.

[200] *Ibid*., p. 107—115.
[201] Melis F. *Op. cit*., p. 50—51.
* Холдинг — компания, не занятая непосредственно производством и владеющая только акциями других компаний.—*Прим. перев.*

Коммандитное товарищество будет распространяться по всей Европе, занимая — но медленно!— место товарищества на семейной основе. В самом деле, оно процветало лишь в той мере, в какой, разрешая новые затруднения, отвечало возраставшему разнообразию дел и с каждым днем учащавшейся практике объединений компаньонов, разделенных большими расстояниями. А также и в той мере, в какой оно могло открывать свои двери для участников, желавших остаться в тени. Коммандитное товарищество — то была возможность для ирландского купца в Нанте объединиться (1732 г.) с ирландским купцом из Корка [202] и «обходить ...предписания французского законодательства, которое оставалось в силе до самой революции и запрещало нефранцузским подданным участвовать в [национальных] мореходных предприятиях». То была возможность для французского купца спеться с комендантами португальских постов на африканском побережье или с испанскими «чиновниками» в Америке и даже с более или менее склонными к делячеству капитанами кораблей; располагать кредитуемым компаньоном, за которым бдительно присматривали, на Сан-Доминго, в Мессине или где-то еще. Представляется, что в товариществах, зарегистрированных в Париже, их участники, хоть и проживали в Париже, не все были парижанами. Так, 12 июня 1720 г. образовалось товарищество, которое просуществует только один год; оно было заключено «для банковских операций, закупки и продажи товаров, между Жозефом Суиссом, бывшим судьей-консулом в Бордо, проживающим в Париже по улице Сент-Оноре, Жаном и Пьером Никола с улицы Булуа, Франсуа Эмбером с Большой улицы предместья Сен-Дени и Жаком Ранссоном, негоциантом в Бильбао» [203]. В акте о роспуске товарищества этот Жак Ранссон охарактеризован как уполномоченный французской нации и банкир в Бильбао.

Но как отличить, когда наши немногословные документы не говорят об этом специально, коммандитное товарищество (или, как еще говорили, «обусловленное», или же «удобное») [204] от товарищества с коллективным именем? Мы ответим: всякий раз, как имелась ограниченная ответственность того или иного компаньона. Французский ордонанс 1673 г. прекрасно это объясняет: «Компаньоны на вере будут нести обязательства лишь в пределах своей доли» [205]. Вот акт (*écrite*, или *scripte*) о товариществе, заключенный в Марселе 29 марта 1786 г.: коммандитист (речь идет о женщине) «ни в каком случае и ни под каким предлогом не может считаться ответственной за долги и обязательства сказанного товарищества сверх тех средств, кои она в него вложит» [206]. Здесь все ясно. Но так бывало не всегда. Иные коммандитисты избирали эту [форму] объединения потому, что она позволяла им оставаться в тени, даже если они вкладывали значительные капиталы и разделяли риск. В самом деле, ордонанс 1673 г. (который делал обязательным предъявление коммандитными товариществами декларации нотариусу с подписями участников) говорит только о «товариществах между купцами и негоциантами»; допускавшееся [его] толкование состояло в том, что любое лицо, «каковое вовсе не занимается торговой профессией», избавлено от того, чтобы фигурировать среди компаньонов в акте,

[202] Meyer J. *L'Armement nantais...*, p. 107 et note 6.
[203] Archives de la Ville de Paris (A. V. P.), 3 B 6, 21.
[204] Ricard J.-P. *Le Négoce d'Amsterdam*. 1722, p. 368.
[205] Раздел IV, статья 8. Цит. в кн.: Carrière Ch. *Op. cit.*, II, p. 886.
[206] *Ibid.*, p. 887.

зарегистрированном коммерческим судом [207]. Дворяне таким образом избегали угрозы бесчестья; королевские же чиновники скрывали свои интересы в том или ином предприятии. Это, несомненно, объясняло успех коммандитного товарищества во Франции, где купца еще удерживали за пределами приличного общества, даже с бурным подъемом деловой активности в XVIII в. Париж не был ни Лондоном, ни Амстердамом.

[207] Savary J. *Le Parfait négociant*, Éd. 1712, seconde partie, p. 15 sq.

ОБЩЕСТВА АКЦИОНЕРНЫЕ

Коммандитные товарищества были, как говорят, разом и товариществами людей, и товариществами капиталов. Акционерное общество, последнее по времени появления,— это товарищество только капиталов. Капитал акционерного общества образует единую массу, как бы сливающуюся с самим обществом. Компаньоны, партнеры владеют частями этого капитала, долями или акциями. Англичане называют такие общества *Joint Stock Companies* — слово *stock* имеет [здесь] значение «капитал, фонды».

Для историков права настоящие акционерные общества существуют лишь тогда, когда сказанные акции не только могут


Pardevant les Notaires

Первый известный случай продажи (в 1695 г.) доли участия (*denier*) Зеркальной мануфактуры. *Фото Сен-Гобен.*

передаваться [из рук в руки], но и *продаваться на рынке*. Если не придерживаться строго этого последнего условия, то можно сказать, что Европа очень рано познакомилась с акционерными обществами, задолго до образования в 1553—1555 гг. [английской] Московской компании (*Moscovy Company*), перво-

го из *известных* [нам] английских акционерных обществ, иные из которых были, вероятно, несколькими годами старше нее. Еще до XV в. средиземноморские корабли зачастую бывали собственностью разделенной на доли, именовавшиеся *partes* в Венеции, *luoghi* в Генуе, *caratti* в большинстве итальянских городов, *quiratz* или *carats* в Марселе. И доли эти продавались. Точно так же по всей Европе горные предприятия были разделенной собственностью: с XIII в. так было с серебряным рудником около Сиены, очень рано — с соляными копями и озерами, металлургическим заводом в Леобене, в Штирии, медным рудником во Франции, в котором имел доли Жак Кёр. С [экономическим] подъемом XV в. рудниками Центральной Европы завладели купцы и государи; их собственность делилась на доли (*Kuxen*), и эти *Kuxen*, свободно передаваемые из рук в руки, были объектом спекуляций [208]. И точно так же то тут то там — в Дуэ, в Кёльне, в Тулузе — акционерными обществами бывали мельницы. В последнем из этих городов мельницы с XIII в. были разделены на доли (*uchaux*), которые их обладатели (*pariers*) могли продавать как любую недвижимость [209]. К тому же структура акционерных обществ тулузских мельниц останется без изменений с конца средних веков до XIX в., а дольщики накануне Французской революции, вполне естественно, сделаются в документах самого общества «господами акционерами» [210].

При таких розысках предшественников то место, какое традиционно отводят Генуе, сколь бы любопытной она ни была, может показаться неправомерным. Республика Св. Георгия, исходя из своих нужд и своих политических слабостей, позволила создать у себя разные акционерные общества — компере (*compere*) и маоне (*maone*). *Маоне* — это были ассоциации, разделенные на доли и занимавшиеся делами, которые по существу относились к компетенции государства: войной против Сеуты (то было в 1234 г., вероятно, первое из маоне) или колонизацией Хиоса в 1346 г.; операцию эту удачно провело семейство Джустиниани, и остров останется под их контролем вплоть до 1566 г., года его завоевания турками. *Компере* — это были государственные займы, разделенные на доли — *loca*, или *luoghi*, гарантированные доходами правительства (*Dominante*). В 1407 г. компере и маоне были объединены в «Каса ди Сан-Джорджо» (*Casa di San Giorgio*), банке, фактически бывшем государством в государстве, одним из ключей к весьма неохотно разглашавшейся и парадоксальной истории Республики. Но были ли они — компере, маоне, «Каса ди Сан-Джорджо» — настоящими акционерными обществами? Об этом спорят, высказываясь и «за» и «против» [211].

Во всяком случае, если оставить в стороне крупные привилегированные торговые компании, акционерное общество будет распространяться не быстро. Франция являет хороший пример такой замедленности. Самое слово *акция* привилось там с запозданием, и, даже когда видишь его написанным черным по белому, речь не обязательно идет об акциях, легко передаваемых из рук в руки. Зачастую присутствовало слово, но не явление. Столь же двусмысленно будут говорить либо «*доли участия*»

[208] Maschke E. *Deutsche Städte am Ausgang des Mittelalters.— Die Stadt am Ausgang des Mittelalters.* 1974 (отдельный оттиск), S. 8 f.

[209] Тулузская организация превосходно освещена Жерменом Сикаром. См.: Sicard G. *Aux Origines des sociétés anonymes: les moulins de Toulouse au Moyen Age.* 1953.

[210] *Ibid.*, p. 351, note 26.

[211] Heckscher E. F. *La Epoca mercantilista.* 1943, p. 316, 385 et passim.

(*parts d'intérêts*), либо «*су*» (*sols*), а порой и «*су участия*» (*sols d'intérêts*). В акте передачи от 22 февраля 1765 г. продажа акций некоего «общества для сбора рент» касается «двух су 6 денье участия, каковые... принадлежат [продающим] из числа 21 су, коими образовано общество»[212]. Двумя годами позже, в 1767 г., тоже в Париже, компания Борэн употребляет слово «*акции*», но подлежащий образованию капитал свой в 4 млн. ливров представляет следующим образом: 4 тыс. облигаций простого участия (*reconnaissances d'intérêts*) по 500 ливров, 10 тыс. пятых долей простого участия по 100 ливров, 1200 [облигаций] рентного участия по 500 ливров, 4 тыс. пятых долей рентного участия по 100 ливров. Простые участия — это акции, на которые поступает прибыль и которые несут риск; рентное участие — это, могли бы мы сказать, 6%-ные облигации[213].

Слово «*акционер*» тоже медленно пробивало себе дорогу. С ним было связано, по крайней мере во Франции, откровенное предубеждение, так же как и со словом *банкир*. Бывший одним из секретарей Джона Лоу, Мелон[214] писал двенадцать лет спустя после [крушения] системы [Лоу] в 1734 г.: «Мы не собираемся утверждать, будто Акционер более полезен государству, нежели Рантье. Сие суть мерзкие партийные пристрастия, от коих мы весьма далеки. Акционер получает свой доход, как Рантье — свой; ни один из них не трудится более другого, и деньги, предоставляемые обоими за то, чтобы получать акцию или контракт [ренту], равно обращаются и равно применимы в коммерции и в земледелии. Но представлены оные деньги различно. Деньги Акционера, или акция, не ограничиваемые никакою формальностью, легче обращаются, тем самым производят большее обилие стоимости и надежный ресурс при нынешних и непредвиденных надобностях». В то время как «контракт» требует переговоров и многочисленных хлопот в присутствии нотариуса; это типичное вложение средств для отца семейства, который желает себя предохранить от «несовершеннолетних наследников, зачастую расточительных».

Несмотря на эти преимущества акции, новый [тип] товарищества распространялся крайне медленно, где бы ни проводили мы обследования; например, в XVIII в. в Нанте или в Марселе. Обычно оно появлялось в новой или обновлявшейся области страхования. Иногда при снаряжении каперских судов: то, что уже происходило в елизаветинской Англии, таким же образом происходит в Сен-Мало около 1730 г. Всем известно, гласит относящееся к этому времени прошение на имя короля, «что, согласно обычаю, издавна установленному для снаряжения каперов, никакое предприятие такого рода ни в Сен-Мало, ни в прочих портах королевства не производится иначе, как путем подписки, каковая, будучи разделена на *акции умеренной стоимости*, распространяет участие в доходах корсаров во все концы королевства»[215].

Это многозначительный текст. Акционерное общество было средством добраться до более широкого круга лиц, предоставляющих капиталы, средством расширить в географическом и социальном плане сферы, откуда выкачивались деньги. Таким вот образом компания Борэн (1767 г.) имела корреспондентов и начатки

212 A. V. P., 3 B 6, 66.
213 A. N., Z¹D 102 A, f^os 19v°—20v°
214 Melon J.-F. *Essai politique sur le commerce*. 1734, p. 77—78.
215 Meyer J. *L'Armement nantais...*, p. 275.

сотрудничества и участия в Руане, Гавре, Морле, Онфлёре, Дьепе, Лориане, Нанте, Пезенасе, Ивто, Штольберге (возле Аахена), Лилле, Бурк-ан-Бресе [216]. Если бы удача ей сопутствовала, сетью компании была бы охвачена вся Франция. Вполне очевидно, что дела шли быстрее в Париже, деловом и оживленном Париже Людовика XVI. Там учреждаются Компания морского страхования (в 1750 г.), превратившаяся во Всеобщую в 1753 г., Компания анзенских копей, компания копей Кармо, Компания Жизорского канала, Компания Бриарского канала, Акционерная [компания] Генеральных откупов, Компания вод и лесов. Естественно, эти акции котировались, продавались, обращались в Париже. Вследствие «непостижимого потрясения» акции Общества вод и лесов подскочили в апреле 1784 г. с 2100 ливров до 3200—3300 [217].

Наши перечни были бы куда более длинными, если бы мы затронули Голландию *lato sensu* * или Англию. Но чего ради?

[216] A. N., Z[1]D 102 A.
[217] Meyer J. *Op. cit...*, p. 113.
* В широком смысле (*лат.*).— *Прим. ред.*

МАЛО ПРОДВИНУВШАЯСЯ ЭВОЛЮЦИЯ

Таким образом, перед нами три поколения товариществ, по мнению историков коммерческого права: обычные, коммандитные товарищества и акционерные общества. Эволюция ясна. По меньшей мере в теории. В действительности же товарищества, за некоторыми исключениями, сохраняли старомодный, незавершенный характер, вытекавший главным образом из незначительности их размеров. Любой зондаж — скажем, в тех документах, что остались в архивах парижских коммерческих судов,— выявляет товарищества плохо или вовсе не определенные. Крохотные преобладают, как если бы мелкота объединялась, чтобы не быть съеденной крупными [предприятиями] [218]. Приходится прочесть десять контрактов, объединяющих мелкие капиталы, пока наткнешься на сахарный завод, двадцать — прежде чем обнаружишь упоминание банка. Это не значит утверждать, будто не объединялись богачи. Напротив, Даниэль Дефо [219], наблюдавший Англию своего времени — около 1720 г., не обманывался на этот счет. Где узы товарищества составляют правило? Среди богатых галантерейщиков, говорит он, торговцев полотном, *золотых дел мастеров, занятых банковским делом* (*banking goldsmiths*), и прочих *крупных торговцев* (*considerable traders*) и среди некоторых *купцов* (*merchants*), торгующих за границей.

Но такие люди крупной торговли были меньшинством. Более того, даже фирмы, объединения купцов, «предприятия» [220], если мы отвлечемся от картины привилегированных компаний или крупных мануфактур, очень долго будут оставаться смехотворными, на наш взгляд, по своим размерам. В Амстердаме «контора»— это были самое большее 20—30 человек [221]; самый крупный парижский банк накануне Революции, банк Луи Греффюля, насчитывал три десятка служащих [222]. Фирма, каков бы ни был ее масштаб, спокойно размещалась в одном-единственном доме — доме патрона, «принципала». Вот что надолго сохранит ее семейный, даже патриархальный характер. По Дефо, служащие (*servants*) живут у оптовика, едят за его столом, спрашивают у него разрешения отлучиться. О том, чтобы ночевать вне дома, нечего

[218] Carrière Ch. *Op. cit.*, II, p. 879 sq.
[219] Defoe D. *Op. cit.*, I, p. 215.
[220] Само слово это только-только появилось. Цит. в Литтре (Littré, p. 1438, "*Entreprise*") по Фенелону (Fénelon. *Télémaque*. XII, 1699).
[221] Согласно беглому замечанию Исаака де Пинто: Pinto I., de. *Op. cit.*, p.335.
[222] Antonetti G. *Greffulhe, Montz et C[ie], 1789—1793*, p. 96. Ср.: Everaert J. *De internationale en coloniale handel der vlaamse Firma's te Cadiz, 1670—1740*. 1973, S. 875. К 1700 г. немецкие фирмы в Кадисе были немногочисленны.

было и думать! В одной театральной пьесе 1731 г. лондонский купец журит своего служащего: «Ты поступил неправильно, Барнуэлл, отлучившись нынче вечером без предупреждения» [223]. Это именно та атмосфера, что описана еще в 1850 г. в романе Густава Фрейтага *"Soll und Haben"* («Быть должным и иметь»), действие которого протекает в доме немецкого оптового купца. В Англии при королеве Виктории в крупных торговых домах хозяева и персонал жили своего рода семейной общиной: «Во многих деловых заведениях каждодневная работа начиналась семейной молитвой, в которой участвовали ученики и приказчики» (*"In many business establishments the Day's work was begun by family prayers, in which the apprentices and assistants joined")* [224]. Таким образом ни дела, ни социальные реальности, ни мышление не эволюционировали галопом. Многочисленные небольшие фирмы оставались правилом. Знаменательное разрастание предприятия наблюдалось лишь тогда, когда в деле участвовало государство — самое колоссальное из современных предприятий, которое, само собой разрастаясь, обладало привилегией увеличивать и размеры других.

[223] Lillo G. *The London merchant, with the Tragical history of George Barnwell.* 1731, p. 27.

[224] Sombart W. *Op. cit.*, II, S. 580.

У КРУПНЫХ ТОРГОВЫХ КОМПАНИЙ БЫЛИ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Крупные торговые компании родились из торговых монополий. В целом они восходят к XVII в. и были достоянием европейского Северо-Запада. Именно это говорят и повторяют, и не без оснований. Точно так же, как города внутренних областей Италии создали (под названием «компания») товарищества на флорентийский манер и благодаря этому оружию открыли для себя [торговые] кругообороты Средиземноморья и Европы, так и Соединенные Провинции и Англия использовали свои компании, дабы завоевать весь мир.

Такое утверждение, не будучи неверным, однако же плохо позволяет вписать это удивительное явление в историческую перспективу. В самом деле, монополии крупных компаний имели двойную или тройную характеристику: они предполагали достигшую чрезмерного напряжения игру капитализма; они были немыслимы без привилегий, предоставленных государством; они захватывали целые зоны торговли на дальние расстояния. Одна из голландских «компаний», которые предшествовали Ост-Индской компании, носила характерное название Дальней компании (*Compagnie Van Verre*). Но ведь ни торговля на дальние расстояния, ни уступка государством привилегий, ни подвиги капитала не датируются началом XVII в. В сфере торговли на дальние расстояния (*Fernhandel*) капитализм и государство были связаны задолго до образования английской Московской компании в 1553—1555 гг. Так, крупная торговля Венеции с начала XIV в. охватывала все Средиземноморье и всю доступную Европу, включая и север [ее]. В 1314 г. венецианские галеры добрались до Брюгге. В XIV в. перед лицом становившегося всеобщим экономического спада Синьория организовала систему *торговых галер* (*galere da mercato*). Ее арсенал строил большие корабли

и снаряжал их (это означало взять на себя затраты по выпуску из гавани), она сдавала их внаем и благоприятствовала торговле своих купцов-патрициев. Речь здесь шла о мощном демпинге, не ускользнувшем от внимательного взгляда Джино Луццатто. Торговые галеры играли свою роль до первых десятилетий XVI в.; они были оружием Венеции в ее борьбе за гегемонию.

Аналогичные системы будут созданы перед лицом еще более расширившегося пространства после открытия Америки и плавания Васко да Гамы. Европейский капитализм, если он и нашел там новые и колоссальные выгоды, не совершил тогда сенсационных прорывов. Дело в том, что испанское государство навязало Совет Индий (*Consejo de Indias*), Торговую палату (*Casa de la Contratación*), Путь в Индии (*Carrera de Indias*). Как было преодолеть эти накопившиеся ограничения и надзор? В Лисабоне существовали король-купец и, по удачному выражению Нуньеса Диаса, «монархический капитализм» [225] Индийской палаты (*Casa da India*) с флотами, комиссионерами, государственной монополией. Деловым людям придется к этому приспосабливаться.

И эти системы были долговечными: португальская просуществовала до 1615—1620 гг., а испанская — до 1784 г. Так что если страны Пиренейского полуострова долгое время противились учреждению крупных торговых компаний, то это потому, что государство, приняв за отправные точки Лисабон, Севилью, а потом Кадис, предоставило купцам удобные условия для действий. Машина работала. Кто ее, однажды запущенную, остановит? Часто говорят, что Испания со своим Путем в Индии подражала Венеции — и это правда. И что Лисабон подражал Генуе, но это сравнение не столь справедливо [226]. В Венеции все делалось ради государства; в Генуе — все для капитала. А ведь в Лисабоне, где присутствовало как раз новое государство, было все, кроме генуэзской свободы действий.

Государство и капитал — это две силы, ставшие более или менее близнецами. Как действовал их союз в Соединенных Провинциях и в Англии? Это важнейший вопрос истории великих компаний.

[225] Nuñez Dias M. *O Capitalismo monarquico portuguès (1415—1549)*. São Paulo, 1957 (докторская диссертация).

[226] Verlinden Ch. *Les Origines de la civilisation atlantique*. 1966 p. 11—12, 164.

ТРОЙНОЕ ПРАВИЛО

Монополия одной компании зависит от соединения трех реальностей: государства, прежде всего его, более или менее эффективного и всегда присутствующего; торгового мира, т. е. капиталов, банка, кредита, клиентов — мира враждебного либо сопричастного, либо такого и другого одновременно; наконец, подлежащей эксплуатации далеко расположенной зоны торговли, которая уже сама по себе определяет многое.

Государство никогда не оставалось в стороне, именно оно распределяло и гарантировало привилегии на национальном рынке, главной базе. Но то не были доброхотные даяния. Всякая компания отвечала [нуждам] какой-то фискальной операции, связанной с финансовыми затруднениями, которые суть вечная доля современных государств. Компании непрестанно оплачивали снова и снова свои монополии, каждый раз возобнов-



Корабельная верфь и пакгауз Ост-Индской компании в Амстердаме. Эстамп Я. Мульдера (ок. 1700 г.). ***Фото Фонда «Атлас ван Столк».***

лявшиеся после долгих споров. Даже внешне мало сплоченное государство Соединенных Провинций знало толк в обложении сборами доходной Ост-Индской компании, заставляло ее ссужать деньги, платить сборы, облагало пайщиков налогом на капитал и, что хуже всего, с учетом реальной стоимости акций по биржевому курсу. Как говорил адвокат Питер Ван Дам, человек, как нельзя лучше знавший голландскую Ост-Индскую компанию (мысль эту можно распространить и на соперничавшие компании): «Государство должно радоваться существованию ассоциации, которая каждый год выплачивает ему столь крупные суммы, что страна извлекает из коммерции и из мореплавания в Индии втрое больше прибыли, нежели акционеры» [227].

[227] **Dermigny L.** ***La Chine et l'Occident, Le Commerce à Canton, I, p. 86.***

Нет смысла настаивать на этом банальном пункте. Тем не менее каждое государство самой своей деятельностью придавало своим компаниям особый облик. В Англии после революции 1688 г. они были более свободными, чем в Голландии, где ощущалось бремя прежнего успеха. Во Франции, если говорить об Ост-Индской компании, то она создавалась и переделывалась королевским правительством по своему усмотрению, была им опекаема и как бы изъята из самой жизни страны, подвешена в воздухе и неизменно управлялась людьми мало компетентными или вовсе некомпетентными. Какой француз не видел этих раз-

личий? Письмо из Лондона в июле 1713 г. сообщало об образовании компании *Асиенто* (то будет Компания Южных морей, одаренная с самого начала привилегией, которую до этого удерживали французы — снабжать Испанскую Америку черными рабами). «Сие,— говорит наше письмо,— есть компания частных лиц, коим передана сказанная поставка; и здесь повеления двора нисколько не влияют на интересы частных лиц...» [228] Конечно, это слишком сильно сказано. Но уже с 1713 г. различие между положением в делах на разных берегах Ла-Манша было велико.

[228] A. N., A. E., B[1], 760, Лондон, июль 1713 г.

Короче, хорошо было бы иметь возможность отметить, на каком уровне и каким образом развивались отношения между государством и компаниями. Последние развивались лишь, если первое не вмешивалось на французский манер [в их дела]. Если же, напротив, правилом была определенная экономическая свобода, то капитализм занимал свое место, приспосабливался к любым трудностям и административным причудам. Признаем, что [голландская] Ост-Индская компания — на несколько месяцев более молодая, чем [английская] компания, но первой среди великих компаний добившаяся показательных и завораживающих успехов,— так вот, признаем, что в своем строении она была сложна и причудлива. В самом деле, она подразделялась на шесть независимых палат (Голландскую, Зеландскую, Дельфтскую, Роттердамскую, Хорнскую, Энкхёйзенскую), над которыми возвышалось общее правление *Семнадцати господ* (*Heeren Zeventien*), из которых 8 принадлежали к Голландской палате. При посредстве палат правящая буржуазия городов имела доступ к громадному и прибыльному предприятию. Директора местных палат (*Gewindhebbers*, которые избирали *Семнадцать господ*) в свою очередь имели доступ к общему правлению компании. Мимоходом подчеркнем в этой характерной раздробленности выход на поверхность экономики городов из-под внешне единого покрова общей экономики нидерландских Провинций, что ни в коей мере не мешало доминированию Амстердама. А также отметим постоянное присутствие в лабиринте Ост-Индской компании семейных династий. В списках *Семнадцати господ* и *Девятнадцати господ* (директоров созданной в 1621 г. Вест-Индской компании) неизменно присутствовали несколько могущественных семейств, таких, как амстердамские Биккеры или зеландские Лампсины. Их навязывало не государство, а деньги, общество. Те же наблюдения вы сделаете по поводу английской Ост-Индской компании, или Компании Южных морей, или еще Английского банка, или, чтобы взять пример ограниченный, но лишенный какой-либо двусмысленности, английской Компании Гудзонова залива. Все такие крупные предприятия приводили к небольшим господствующим группам — упорным, державшимся за свои привилегии, нисколько не стремившимся к переменам или новшествам, чертовски консервативным. Они были слишком хорошо обеспечены, чтобы иметь вкус к риску. Мы даже склонны непочтительно думать, что они и лично не были воплощением купеческого разума. Слишком часто говорят, что [голландская] Ост-Индская компания будто бы прогнила в [своей] основе; она прогнила также и с верхушки. По правде сказать, она продержалась так долго

только потому, что зацепилась за самые доходные обмены своего времени.

И в самом деле, участь компаний прямо зависела от монополизированного ими торгового пространства. География прежде всего! Итак, на практике торговля с Азией окажется наиболее прочной основой для таких обширных экспериментов. Ни Атлантика (африканская торговля и торговля с Америками), ни европейские моря, Балтийское, Белое, огромное Средиземное, не будут представлять столь продолжительное время доходных полей для [торговых] операций. Взгляните, в рамках истории Англии, на судьбу *Московской компании, Левантинской компании, Африканской компании* или же на еще более показательный для нидерландской истории конечный крах Вест-Индской компании. У великих торговых компаний была география успеха, ни в коей мере не случайная. Было ли это вызвано тем, что азиатская торговля проходила исключительно под знаком роскоши (перец, тонкие пряности, шелк, индийские хлопчатые ткани, китайское золото, японское серебро, вскоре [затем] — чай, кофе, лаковые изделия, фарфор)? Европа, испытавшая определенный [экономический] подъем, узнала и быстрый рост аппетита к роскоши. А крушение в начале XVIII в. империи Великих моголов открыло Индию для вожделений купцов Запада. Но торговлю эту делали заповедным полем для крупного капитала, единственно способного пустить в обращение громадные суммы наличных денег, также и удаленность, и трудности азиатской торговли, ее усложненный характер. Ее необъятность с самого начала устраняла конкуренцию, по крайней мере затрудняла ее; она устанавливала планку на определенной высоте. В 1645 г. один англичанин писал: «Частные лица не могут себе позволить совершать столь долгие, опасные и дорогостоящие поездки» (*„Private men cannot extend in making such long, adventurous and costly voyages“*) [229]. На самом деле это пристрастное суждение, защитительная речь в пользу компаний, множество раз повторявшаяся в Англии и вне Англии и не вполне справедливая: множество *частных лиц* могло бы собрать необходимые капиталы, как мы далее это увидим. Последний подарок Азии: она кормила на месте служившего в ней европейца. Торговля «из Индии в Индию», исключительно прибыльная, позволила Португальской империи просуществовать целое столетие, а Голландской империи — два века подряд, пока Англия не поглотила Индию.

[229] Wilson Ch. *England's apprenticeship, 1603—1763.* 3d ed. 1967, p. 172—173.

Но поглотила ли она ее? Эти локальные торговые потоки, лежавшие в основе европейского успеха, что строился на их постоянстве, суть доказательство выносливости существовавшей на месте экономики, которой суждена была продолжительная жизнь. На протяжении этих веков эксплуатации Европа имела то преимущество, что пред нею находились густо населенные, развитые цивилизации, сельскохозяйственное и ремесленное производство, уже организованное для экспорта, и повсюду — эффективные торговые цепочки и посредники. Например, на Яве голландцы опирались на китайцев для скупки сырья на месте производства и для сосредоточения товара. Вместо того, чтобы создавать заново, как это было в Америке, Европа эксплуатировала и перехватывала на Дальнем Востоке то, что было уже

прочно построено. Только ее белый металл позволил ей взломать двери этого дома. И лишь в конце пути военное и политическое завоевание, сделавшее хозяйкой Англию, глубоко нарушит старинное равновесие.

АНГЛИЙСКИЕ КОМПАНИИ

Английский успех пришел не слишком-то рано. К 1500 г. Англия была страной «отсталой», без могущественного флота, с преимущественно деревенским населением и всего двумя [видами] богатства: огромным производством шерсти и сильной суконной промышленностью (последняя развилась настолько, что мало-помалу поглотила первое). Эта промышленность, в большой мере деревенская, производила на юго-западе и на востоке Англии прочную «простую ткань» (*broad cloth*), а в Уэст-Райдинге — тонкие ворсистые сукна (*kersies*). И вот эта Англия с ее 75 тыс. жителей в столице, Англия, которая вскоре станет, но пока еще не стала, чудовищем, с сильной монархией (вышедшей из войны Алой и Белой Розы), с развитым цеховым ремеслом, активными ярмарками, оставалась страной традиционной экономики. Но торговая жизнь начала отделяться от ремесленной; отделение было в общем аналогично тому, которое мы отмечаем в итальянских предренессансных городах.

Разумеется, первые крупные английские товарищества образовывались именно в рамках внешних обменов. Два самых крупных, какие мы можем наблюдать, были в своей организации еще архаичными — это товарищество купцов — экспортеров шерсти (*The Merchants of the Staple*) (торговым центром, *staple*, о котором идет речь, был Кале) и товарищество «купцов-авантюристов» (*Merchants Adventurers*), ведших крупную торговлю сукнами. Первые, *Staplers*, представляли английскую шерсть, но она перестанет экспортироваться. Так что оставим их в стороне. «Купцы-авантюристы»[230], которые использовали к своей выгоде расплывчатое слово *adventurers* (фактически обозначавшее в данном случае всех купцов-предпринимателей, участвовавших во внешней торговле), были экспортерами неотделанного сукна в Нидерланды, с которыми была заключена серия договоров (например, в 1493—1494 гг. или, скажем, в 1505 г.). Мало-помалу лондонские торговцы шелком и бархатом (*mercers*) и бакалейщики (*grocers*) заняли первое место среди массы «купцов-авантюристов» и стали прилагать усилия к тому, чтобы устранить провинциалов, которые образовали соперничающую группу купцов к северу от реки Туин. С 1475 г. эти лондонские купцы действуют сообща, фрахтуют для своих перевозок одни и те же суда, объединяются для уплаты таможенных сборов и получения привилегий в рамках вскоре ставшей очевидной диктатуры торговцев шелком и бархатом из их числа. В 1497 г. королевская власть вмешалась, чтобы заставить компанию, центром которой был Лондон, принимать купцов, живших вне столицы. Но принимать их будут лишь на второстепенные роли.

Первая черта, которая поражает в организации «купцов-авантюристов»,— это то, что подлинный центр их компании распола-

[230] См. по этому поводу обобщающую работу Юргена Виганфа (снабженную обширной библиографией): Wiegandf J. *Die Merchant Adventurers' Company auf dem Kontinent zur Zeit der Tudors und Stuarts.* 1972.

гался за пределами Англии — долгое время в Антверпене и в Берген-оп-Зоме, ярмарки которых оспаривали друг у друга клиентуру. Находиться в Нидерландах означало для компании возможность играть [на конкуренции] между двумя этими городами и лучше сохранять свои привилегии. Главное же, именно на этих континентальных рынках совершались важнейшие сделки — продажи сукон, закупки пряностей и переводы прибылей [от мореходства] в деньгах. Именно там можно было «зацепиться» за самую оживленную сферу мировой экономики. В Лондоне царили купцы более пожилые, которых страшили путешествия и оживленные рынки. Молодежь находилась в Антверпене. В 1542 г. те купцы, что оставались в Лондоне, жаловались Тайному совету (*Privy Council*), что «антверпенская молодежь» не обращает никакого внимания на советы своих «хозяев и господ» в Лондоне [231].

Но что нас здесь интересует, так это то, что Компания «купцов-авантюристов» (*Merchant Adventurers Company*) оставалась «корпорацией». Дисциплина, что тяготела над купцами, была аналогична дисциплине, которую в тесном городском пространстве навязывали своим членам цехи. Регламенты компании, дарованные ей государством — например, королевский кодекс 1608 г.[232],— со вкусом это уточняют. Члены компании были друг другу «братьями», а жены их —«сестрами». Братья должны были все вместе являться на церковные службы, на похороны. Им запрещалось дурно себя вести, употреблять поносные слова, напиваться допьяна, выставлять себя на всеобщее обозрение в невыгодном свете — например, спешить с получением своей почты вместо того, чтобы дожидаться ее в своей лавке; или же самому переносить свои товары, сгибаясь под тяжестью тюков. Запрещались также споры, оскорбления, дуэли. Компания была моральной общностью, юридическим лицом. У нее было свое правление (управляющий, выборные, судьи, секретари). Она обладала торговой монополией и привилегией вечного наследования (правом преемственности по отношению к себе самой). Все эти характеристики обозначали (без сомнения, по позднему словарю Джозайи Чайлда) «регламентированную компанию» (*regulated company*), т. е., с соответствующими поправками, нечто аналогичное гильдиям и ганзам, какие знавали страны северных морей.

Так что [здесь] не было ничего нового, ничего оригинального. «Купцы-авантюристы», истоки которых восходят, вне всякого сомнения, ко времени до XV в., не дожидались, чтобы организоваться, доброй воли английской королевской власти. Появление компании, как полагает Майкл Постан [233], было, несомненно, следствием сокращения продаж сукон, откуда явилась необходимость тесно объединиться ради защиты своих интересов. Но речь не шла об акционерном обществе. Члены компании (которые платили взносы при вступлении в нее, если только они не приобретали права членства наследственным путем или по окончании ученичества при каком-нибудь члене компании) торговали каждый на свой страх и риск. В целом то было старое образование, которое втянулось в деятельность, подготовленную эволюцией английской экономики — переходом от сырой шерсти к шерсти обработанной,— и при этом великолепно выдерживало свою роль,

[231] Heckscher E. F. *Op. cit.*, p. 310.
[232] *Ibid.*, p. 362—363.
[233] Postan M. M. *Medieval trade and finance*. 1973, p. 302—304.



Зал Трибунала в резиденции «купцов-авантюристов» (*Merchant-Adventurers*) в Йорке. *Фото из журнала «Кантри Лайф».*

будучи действенной суммой индивидуальных усилий, согласованных между собой, но не слитых воедино. Ему просто было бы перейти к обширной единой компании с общим капиталом — к акционерному обществу (*Joint Stock Company*). Однако же «купцы-авантюристы», правда в состоянии упадка, сохранят свою старинную организацию до самого 1809 г., когда компания завершит свое существование с установлением в Гамбурге (где она прочно обосновалась с 1611 г.[234]) власти Наполеона.

Этих подробностей, относящихся к «купцам-авантюристам», достаточно, чтобы у читателя сложилось представление о том, чем могла быть *регламентированная компания*. В самом деле, первые акционерные компании, число которых в Англии умножилось в пору стремительного рывка в конце XVI и начале XVII в.[235], далеко не сразу возобладали. Они проникали в среду товариществ иного типа, оказывавших такие же услуги; порой такие иные товарищества даже, казалось, превосходили акционерные, коль скоро такие акционерные компании, как Московская, основанная в 1555 г., или Левантинская, основанная в 1581 г., были затем преобразованы в компании регламентированные — первая в 1622 г., а потом в 1669 г., вторая — в 1605 г., а Африканская компания — в 1750 г. Даже английская Ост-Индская компания, основанная в 1599 г., ставшая привилегированной в 1600 г., познала в период 1698—1708 гг. по меньшей мере любопытный кризис, частично вновь став регламентированной компанией.

К тому же в первое столетие своего существования английская Ост-Индская компания, созданная с капиталом, намного уступав-

[234] Lütge F. *Op. cit.*, S. 342.

[235] Согласно объяснениям Дж. Ю. Нефа, К. У. Тейлора, И. Валлерстайна и Т. К. Рэбба. См.: Nef J. U., Taylor K. W., Wallerstein I., Rabb Th. K. *Enterprise and Empire*. 1967, p. 19 f., 26 f.

шим капиталу голландской Ост-Индской компании, отнюдь не была настоящей акционерной компанией. Ее капитал был образован только на одно плавание, и по возвращении каждый купец получил обратно свой пай и свои доходы. Долгое время любой акционер имел право изъять свою долю участия. Мало-помалу дела менялись. Начиная с 1612 г. счета составлялись уже не на [одно] предстоящее плавание, но на ряд предполагаемых плаваний. Наконец, с 1658 г. акционерный капитал стал неприкосновенным. А к 1688 г. акции продавались на лондонской бирже так же, как акции голландской компании — на бирже амстердамской. Таким образом, мало-помалу пришли к голландской модели акционерных обществ. На это потребовалось примерно столетие.

КОМПАНИИ И КОНЪЮНКТУРА

Глобальный успех [привилегированных] компаний Северо-Западной Европы — то был также вопрос конъюнктуры и хронологии. Первые успехи Амстердама относятся примерно к 1580—1585 гг. В 1585 г. повторное взятие Антверпена [испанцами] Александра Фарнезе решило участь города на Шельде. Даже неполный его торговый разгром обеспечил триумф города-соперника. Но ведь в 1585 г. [еще] почти два десятка лет отделяют нас от основания (в 1602 г.) голландской Ост-Индской [компании]. Следовательно, последняя возникает позже, чем успех Амстердама. По крайней мере не она его создала, а сама даже была отчасти создана этим успехом. Но ее успех, во всяком случае, последовал почти немедленно. Точно так же, как и удача английской Ост-Индской компании, основанной немного раньше.

Неудача французов в их усилиях образовать торговые компании приходится [на время] между 1664 и 1682 гг. Ост-Индская компания, основанная в 1664 г., «с первых лет натолкнулась на финансовые затруднения», и ее привилегия была у нее отнята в 1682 г. Основанная в 1670 г. Левантинская компания начала приходить в упадок с 1672 г. Северная компания, созданная в июле 1669 г.[236], потерпела фиаско. Вест-Индская компания, созданная в 1664 г., была упразднена в 1674 г. Таким образом, [налицо] серия провалов, которые плохо компенсировал полууспех Ост-Индской компании. И перед лицом таких провалов — успех английский и голландский. Такой контраст требует объяснений. На счет французских предприятий следовало бы отнести недоверие французских купцов к королевскому правительству, относительную слабость их средств и незрелость того, что могло бы быть французским капитализмом. Ну и конечно же, трудность включиться в уже организованные сети: хорошие места были заняты и любой там дрался отчаянно. «В придачу,— писал Жан Мёвре,—...иностранные компании, основанные в первой половине века, знавали сенсационные прибыли, которые вследствие изменений конъюнктуры с того времени более не повторялись»[237]. Французы плохо выбрали момент [для начала]. Кольбер явился слишком поздно. Тем более что полвека беспрецедентного подъема дали Северу, особенно Нидерландам, превосходство, делавшее их способными сопротивляться эвентуальной конкуренции и

[236] По поводу Северной компании см.: A. N., G 7, 1685, I. Относительно Вест-Индской компании см.: A. E., M. et D., 16.
[237] Meuvret J. *Etudes d'histoire économique.* 1971, p. 33.

даже притормаживать развитие неблагоприятной конъюнктуры.

В зависимости от места одна и та же конъюнктура влекла за собой различные последствия. Например, рубеж столетий (1680—1720 гг.) был трудным во всей Европе, но в Англии он отмечен такими потрясениями и кризисами, которые создают впечатление общего прогресса. Происходило ли это потому, что в периоды спада или застоя имелись экономики защищенные или менее затронутые, чем другие? Во всяком случае, после революции 1688 г. в Англии все активизировалось. Там утверждается мощный государственный кредит «на голландский манер»; основание Английского банка, это удавшееся смелое предприятие 1694 г., стабилизирует рынок государственных ценных бумаг и придает дополнительный импульс делам. Последние идут слишком хорошо: вексель, чек занимают все большее место на внутреннем рынке [238]. Внешняя торговля ширится и диверсифицируется: по мнению Грегори Кинга и Давенанта, то был сектор, развивавшийся быстрее всего [239]. Увлечение инвестициями в акционерные общества: в 1688 г. их было 24 (включая Шотландию); с 1692 по 1695 г. создаются 150 акционерных обществ, из которых, впрочем, выживут не все [240]. Переплавка монеты во время кризиса 1696 г. оказалась ужасающим сигналом тревоги и не затронула лишь подозрительные дела. Тем не менее жертвами ее стали тысячи подписчиков. Отсюда — закон 1697 г., ограничивший до 100 число биржевых маклеров (*stock jobbers*) и положивший конец льготам агентов по продаже ценных бумаг [241]. И все же инвестиционный бум возобновился [и сохранялся] до самого 1720 г., года «Морского пузыря» (*Sea Bubble*)*. Следовательно, то был в целом период оживленный, плодотворный, невзирая на крупные изъятия денежных средств правительством Вильгельма III и королевы Анны.

В такой атмосфере компаниям трудно было сохранять свои привилегии перед лицом частной инициативы. Монополии Московской и Левантинской компаний были упразднены. Потерпит ли крушение также и Ост-Индская компания в то время, как ее капитал значительно вырос? С новыми вольностями появилась вторая компания, и борьба между прежней и новой на бирже шла вплоть до 1708 г. с переменным успехом.

Не стремясь очернить агрессивный капитализм, который утверждался как раз в эти самые годы, приведем один любопытный случай. В августе 1698 г. купцы старой компании вознамерились уступить некоторые свои заведения в Индии либо купцам компании новой, либо же, как полагали, французской Ост-Индской компании. 6 августа 1698 г. Поншартрен писал Таллару [242]: «*Управляющие французской Индийской компании получили сведения, что директора старой английской компании желали бы продать свои заведения в Масулипатаме на Коромандельском берегу и что они могут вести о сем переговоры с* [*французскими*] *управляющими*. Желание Его Величества таково, чтобы Вы *попытались без огласки узнать, истинны ли сии сведения и, ежели так, располагают ли директора властью их уступить и что бы они за сие хотели*». Слова, набранные курсивом, в [оригинальном] тексте зашифрованы. Таллар, еще находясь в Утрехте, ответил министру 21 августа: «Достоверно, что *директора старой английс-*

[238] Pollard S., Crossley D. W. *Op. cit.*, p. 150—151.
[239] *Ibid.*, p. 143, 146, 147, 163.
[240] Jeannin P. *L'Europe du Nord-Ouest et du Nord aux XVII*ᵉ *et XVIII*ᵉ *siècles*. 1969, p. 192.
[241] Pollard S., Crossley D. W. *Op. cit.*, p. 149.
* Имеется в виду крах Компании Южных морей.— *Прим. перев.*
[242] Письмо Поншартрена Таллару от 6 августа 1698 г. см.: A. E., CP. Ang., 208, f° 115; письмо Таллара Поншартрену от 21 августа 1698 г. см.: A. N., A. E., B^1, 759.



Отплытие «ост-индского корабля» (*East Indiaman*) около 1620 г. Картина Адама Виллартса. *Лондон, Гринвичский Национальный Морской музей.*

кой Ост-Индской компании желают продать заведения, кои они в Индии имеют, и что директора новой [компании], *дабы получить оные по более дешевой цене, заявляют тем,* что они в них вовсе не нуждаются и могут без них обойтись, *но я сомневаюсь, чтобы сии первые*, каковые суть богатые лондонские купцы и могут потерять многое, осмелились бы договариваться о том с иностранцами». Десять лет спустя, со слиянием двух английских компаний в одну, все стало на место.

Все это следует сопоставить с поведением тех голландцев, которые, будучи раздражены жесткими монопольными правами, не допускавшими их у себя дома к торговле с Дальним Востоком, создавали или пробовали создать [Ост-] Индские компании во Франции, в Дании, в Швеции, в Тоскане, предоставляя им капиталы. И это также объясняет ту атмосферу, что царила в конце XVIII и в начале XIX в. в британской Индии, где натиск английских купцов на привилегии Ост-Индской компании (последние будут отменены лишь в 1865 г.) опирался на пособничество не только местных ее агентов, но и тучи европейских негоциантов всех национальностей, которые были активно замешаны в контрабандной торговле, особенно с Китаем и Индонезией, и в доходном занятии перевода незаконно [приобретенных] денег в Европу.

КОМПАНИИ И СВОБОДА ТОРГОВЛИ

Питер Ласлетт желал бы нас уверить, будто английская Ост-Индская компания и Английский банк, «которые представляли уже модель тех институтов, что в конечном счете придадут облик «делам», как мы их понимаем», имели «до начала XVIII в. лишь незначительное влияние на [всю] совокупность торговой и промышленной деятельности» в Англии [243]. Чарлз Боксер еще более категоричен, хотя и не приводит никаких точных данных в поддержку [этой точки зрения] [244]. Для него великие торговые компании не были главным. У. Р. Скотт более точен: он оценивает общую массу капиталов акционерных обществ в 1703 г. (после очевидного подъема) в 8 млн. фунтов стерлингов, тогда как, по данным Кинга, в 1688 г. национальный доход достигал 45 млн. фунтов, а национальное достояние — более 600 млн. фунтов стерлингов [245].

Но нам известны и доводы, и ход рассуждений: всякий раз, как сравнивают объем какого-то передового вида деятельности со значительным объемом экономики в целом, масса настолько снижает долю этого исключения, что почти его аннулирует. Я не убежден [в этом]. Важные факты — это те, которые имеют последствия, а когда последствиями оказываются современный характер экономики, «модель» будущих «дел», ускоренное формирование капитала и заря колониальной эпохи — тут следует дважды подумать. К тому же разве буря протестов против монопольных прав компаний не показывает, что ставки того заслуживали?

Еще до 1700 г. купеческий мир непрестанно поносил монополии. Жалобы, ярость, надежды, компромиссы уже имели место. Но если не слишком насиловать источники, то представляется, что монополия такой-то и такой-то компании, терпимая в XVII в. без особых воплей, стала ощущаться как непереносимая и скандальная в следующем столетии. Деказо, выборный нантских коммерсантов, без околичностей утверждал это в одном из своих докладов (1701 г.): «Привилегии привативных [читай: исключительных] компаний приносят вред коммерции», ибо ныне-де «подданные проявляют столько же способностей и духа состязательности, сколько было беспечности и неспособности во времена учреждения компаний» [246]. В настоящее время купцы могут сами по себе отправиться в Ост-Индию, в Китай, в Гвинею для торга неграми, в Сенегал за золотым песком, кожами, слоновой костью, камедью. Точно так же для Никола Менаже — выборного города Руана (3 июня 1704 г.) —«неоспоримый принцип в делах коммерции заключается в том, что все компании с исключительными правами боле пригодны к тому, чтобы оную зажимать [*sic!*], нежели к тому, чтобы ее расширять, и что гораздо выгоднее для государства, чтобы его торговля находилась в руках всех подданных , а не оставалась ограничена малым числом лиц» [247]. Согласно одному официальному докладу от 1699 г., даже сторонники компаний полагали, что не следовало бы тем не менее «лишать частных лиц сей свободы торговли и что в государстве не должно быть исключительных привилегий». В Англии «нарушители монополии (*interlopers*), или авантюристы, занима-

[243] Laslett P. *Un Monde que nous avont perdu.* 1969, p. 172.
[244] Boxer Ch. *The Dutch Seaborne Empire, 1600—1800.* 1965, p. 43.
[245] Dobb M. *Studies in the development of capitalisme.* 4th ed. 1950, p. 191, note 1.
[246] A. N., G 7, 1686, f° 85.
[247] A. N., Marine, B 7, 230. Цит. Шарлем Фростеном: Frostin Ch. *Les Pontchartrain et la pénétration commerciale, française en Amérique espagnole (1690—1715).*—"*Revue historique*", 1971, p. 311, note 2.

ются торговлею в тех же местностях, где ее могут вести и английские компании»[248]. В самом деле, в 1661 г. компания предоставила частным лицам вести торговлю «из Индии в Индию». А после революции 1688 г., которая была революцией купцов, общественное мнение было настолько возмущено, что привилегия Ост-Индской компании была временно отменена и объявлена свобода торговли с Индией. Но все придет в порядок в 1698 г. или, вернее, в 1708 г., когда «исключительное» станет правилом.

Франция испытала подобные же колебания. В 1681 г. (20 декабря) и в 1682 г. (20 января) Кольбер провозгласил свободу торговли с Индией. За компанией сохранялись лишь перевозка и хранение товаров на складах [249]. К тому же компания сама по себе в 1712 г. уступила за деньги свою привилегию одной компании из Сен-Мало [250]. Существовала ли еще после этого Ост-Индская компания? «Наша компания Французской Ост-Индии [*sic!*], расстройство которой позорит королевское знамя и нацию»,— писал 20 мая 1713 г. из Лондона Аниссон [251]. Но у умирающих институтов бывает трудная жизнь. Компания вполне преодолела бурные годы системы Лоу, в 1722—1723 гг. она была восстановлена с весьма солидными средствами, но без достаточной дотации звонкой монетой. Борьба за сохранение монополии и за прибыли продолжалась примерно до 60-х годов XVIII в. В 1769 г. широкая кампания, руководимая экономистами, положила монополии конец и открыла воспользовавшейся этим французской торговле свободный путь в Индию и в Китай [252]. В 1785 г. Калонн, или, вернее, объединившаяся вокруг него группа, вытащили Ост-Индскую компанию из беды. Она фактически оказалась в тени английской компании и после нескольких скандальных спекуляций будет упразднена Революцией в 1790 г.[253]

[248] A. N., K 1349, f° 14 v° et f° 15.
[249] Kaeppelin P. *La Compagnie des Indes orientales et François Martin.* 1908, p. 135—136.
[250] Ibid., p. 593.
[251] A. N., G 7, 1699.
[252] Montagne Ch. *Histoire de la Compagnie des Indes.* 1899, p. 223—224.
[253] Lévy-Leboyer M. *Les Banques européennes et l'industrialisation internationale dans la première moitié du XIXe siècle.* 1964, p. 417, note 2.

СНОВА ТРЕХЧАСТНОЕ ДЕЛЕНИЕ

Таким образом, капитализм надлежит соотносить, с одной стороны, с разными секторами экономики, а с другой — с торговой иерархией, в которой он располагался на вершине. Вот это-то и возвращает нас к той структуре, которую настоящий труд предлагал с первых своих страниц [254]: у основания «материальная жизнь»— многообразная, самодостаточная, рутинная; над нею лучше выраженная экономическая жизнь, которая в наших объяснениях имела тенденцию сливаться с конкурентной рыночной экономикой; наконец, на последнем этаже — капиталистическая деятельность. Все было бы ясно, если бы это операциональное деление было бы обозначено на эмпирическом материале линиями, различимыми с первого взгляда. Конечно же, реальность не столь проста.

[254] Braudel F. *La Civilisation matérielle...,* I, éd. 1967, p. 10—11, 437.

В частности, не просто провести ту линию, что сделала бы видимым решающее, в наших глазах, противопоставление капитализма и экономики. Экономика в том смысле, в каком нам хотелось бы употреблять это слово,— это мир *прозрачности* и *регулярности*, где всякий может заранее знать, основываясь на

общем опыте, как будут развертываться процессы обмена. Так всегда обстояло дело на городском рынке с его покупками и продажами, необходимыми для каждодневной жизни, с обменом денег на товары или товаров на деньги, со сделками, которые заканчиваются сразу же, в самый момент их заключения. Так обстояло дело и в лавках перекупщиков. И так же обстояло дело при всех *регулярных* торговых перевозках (даже если они осуществлялись в обширном районе), перевозках общеизвестных по своим истокам, условиям, путям, завершению: торговле сицилийским зерном, или винами и изюмом левантинских островов, или солью (если в нее не вмешивалось государство), или апулийским растительным маслом, или же рожью, лесом, смолой стран Балтийского моря и т.п., а в целом — на бесчисленных маршрутах, обычно древних, направление, календарь и отклонения которых были заранее известны каждому; и как следствие эти маршруты были постоянно открыты для конкуренции. Правда, все усложнялось, ежели этот товар по той или иной причине приобретал интерес в глазах спекулянта; тогда он будет скапливаться на складе, затем перераспределяться — обычно его будут отправлять на дальние расстояния и в больших количествах. Например, зерновые Прибалтики зависели от регулярной торговли [в рамках] рыночной экономики: кривая курса закупочных цен в Гданьске неизменно следовала за продажной ценой в Амстердаме[255]. Но, будучи единожды накоплено на складах города, зерно переходило на иной уровень; впредь оно становилось предметом привилегированных игр, где одни только крупные купцы имели право голоса, купцы, которые будут отправлять это зерно в самые разные места, туда, где голод поднимет цену на него без всякой связи с закупочной ценой, а также туда, где оно может быть обменено на товары, пользующиеся особым спросом. Верно, что и на национальном уровне имелись возможности для небольших спекуляций, для микрокапитализма, особенно при таком товаре, как зерно; но они тонули в экономике, взятой в целом. Крупные капиталистические игры происходили в [сфере] необычного, нерядового или на дальних расстояниях, составлявших месяцы, а то и годы пути.

[255] Achilles W. *Getreidepreise und Getreidehandelsbeziehungen im europäischen Raum im XVI. und XVII. Jahrhundert.— "Zeitschrift für Agrargeschichte"*, 59, S. 32—55.

[256] Maschke E. *Deutsche Städte am Ausgang des Mittelalters*, S. 18.

Можем ли мы в таком случае поместить по одну сторону рыночную экономику — прозрачность, чтобы употребить это слово последний раз,— а по другую — капитализм, спекуляцию? В одних ли словах тут дело? Или же мы стоим на конкретном рубеже, в известной мере осознававшемся самими действующими лицами? Когда [курфюрст-] электор Саксонский решил пожаловать Лютеру четыре *Kuxen* — акции рудников, приносившие 300 гульденов дохода, Лютер возразил: «Не желаю никакого «кукса»! Это деньги спекулятивные, а я не хочу способствовать таким деньгам» (*"Ich will kein Kuks haben! Es ist Spielgeld und will nicht wuddeln dasselbig Geld!"*)[256]. Многозначительные слова, даже, может быть, слишком многозначительные, коль скоро отец и брат Лютера были мелкими предпринимателями на мансфельдских медных рудниках, а следовательно, находились по другую сторону капиталистического барьера. Но ту же сдержанность проявляет и Ж.-П. Рикар, в общем-то спокойный наблюдатель амстердамской жизни, перед лицом многообразной спекуляции. «Дух

торговли настолько царит в Амстердаме,— говорит он,— что совершенно необходимо там торговать каким угодно способом»[257]. То определенно был иной мир. Для Иоганна-Георга Бюша, автора истории торговли Гамбурга, биржевые сложности Амстердама и прочих крупных рынков —«это дела не для благоразумного человека, но для одержимого игрой»[258]. И черта проведена еще раз. Если стать по другую сторону этой границы, то вот слова, которые Эмиль Золя (1891 г.) вкладывает в уста делового человека, налаживающего деятельность новой банковской компании: «При скудной законной оплате труда, при благоразумном равновесии ежедневных деловых соглашений существование превращается в скучнейшую пустыню, в болото, где застаиваются и дремлют силы... Спекуляция же — это самая соблазнительная сторона существования, это вечное стремление, заставляющее бороться и жить... Без спекуляции не было бы дел» [259].

Осознание разницы между двумя экономическими мирами и двумя образами жизни и работы выражено здесь без прикрас. Это литература? Да, вне сомнения. Но добрым столетием раньше аббат Галиани совсем иным языком характеризовал все ту же пропасть в экономическом и, в не меньшей мере, в человеческом плане. В своих «Диалогах о торговле зерном» он выдвигает против физиократов ту возмутительную идею, что торговля зерном не может составить богатства страны. И вот его доказательство: зерно не только вид продовольствия, «который очень мало сто́ит соотносительно с весом и местом, какое он занимает», и, следовательно дорого для перевозки; оно не только подвержено порче, уничтожается насекомыми и крысами и хранится с трудом; оно не только «додумалось появляться на свет посреди лета» и, следовательно, должно быть пущено в торговлю «в самое неудачное время года», когда моря бушуют, а дороги непроезжие из-за зимы; но самое плохое — то, что «зерно растет повсюду. Нет королевств, где бы его не было»[260]. Ни у одного королевства нет привилегии на него. Сравните его с растительным маслом и с вином, продуктами тёплых краев: «Торговля ими надежна, постоянна, налажена. Прованс всегда будет продавать свои масла Нормандии... Всякий год на них будет спрос с одной стороны и сбыт их — с другой; это едва ли может измениться... Истинные сокровища Франции в смысле плодов земли суть вина и масла. Весь Север в них нуждается, и весь Север их совсем не производит. Тогда-то торговля устанавливается, прокладывает свое русло, *перестает быть спекуляцией* и делается рутиной». Когда же речь идет о зерне, не приходится ждать никакой регулярности; никогда не знаешь, ни где появится спрос, ни кто сумеет его удовлетворить, ни того, не явишься ли ты слишком поздно, когда кто-то другой уже покрыл потребность. Риск велик. Вот почему «мелкие купцы с небольшими капиталами» могут с прибылью торговать маслом или вином; «она даже более прибыльна, ежели производится малыми партиями. Бережливость, честность приносят ей процветание... Но для [крупной] торговли зерном надлежит искать самые сильные и самые длинные руки среди всего сообщества коммерсантов». Только эти сильные бывают осведомленными; одни они могут подвергнуть себя риску, а «поелику [самый] вид риска отгоняет толпу», они оказываются «монополистами» при «прибы-

[257] Ricard J.-P. *Le Négoce d'Amsterdam.* 1722, p. 59.
[258] Büsch J. G. *Schriften.* 1800, I, S. 264. Цит. в кн.: Sombart W. *Op. cit.*, II, S. 500.
[259] Zola E. *L'Argent.* Ed. Fasquelle, 1960, p. 166. [См.: Золя Э. *Собр. соч.* М., 1957, т. 14, с. 115, 116.] Цит. в кн.: Miquel P. *L'Argent.* 1971, p. 141—142.
[260] Galiani. *Op. cit.*, p. 152, 162—168, 178—180.

лях, соответствующих риску». Таково положение «*внешней* торговли зерном». Во внутреннем же плане, например, между различными провинциями Франции, нерегулярность урожайных лет в разных местах тоже позволяет определенную спекуляцию, но без таких прибылей. «Ее [внутреннюю торговлю зерном] оставляют на долю перевозчиков, мельников и булочников, кои сами и на свой страх и риск ведут торговлю в весьма малых размерах. Таким образом, [в то время как] внешняя торговля... зерном чрезмерно обширна и столь... рискованна и трудна, что по самой своей природе порождает монополию, внутренняя торговля производится тут и там и, наоборот, слишком мала». Она проходит через слишком много рук и каждому оставляет лишь скромный доход.

Итак, даже зерно, товар бывший в Европе вездесущим, безошибочно разделялось в соответствии с привлекшей наше внимание схемой: оно идет на собственное потребление и помещается на первом этаже материальной жизни; оно есть предмет регулярной торговли на малые расстояния, от обычных амбаров до ближайшего города, имеющего перед последними «превосходство в положении»; оно служит объектом нерегулярной и порой спекулятивной торговли между провинциями; и, наконец, на дальних расстояниях, во время острых и повторяющихся недородов, оно становится объектом оживленных спекуляций очень крупных торговцев. И всякий раз вы попадаете на другой этаж внутри торгового сообщества: вмешиваются в игру иные действующие лица, иные экономические агенты.

Глава 5

ОБЩЕСТВО, ИЛИ «МНОЖЕСТВО МНОЖЕСТВ»

Ввести в дискуссию социальное измерение — это означает заново обратиться к проблемам, поставленным и более или менее удачно решенным в предыдущих главах. И это означает добавить к ним трудности и неясности, которые связаны с обществом, и только с ним.

Общество обволакивает нас, пронизывает нас, ориентирует всю нашу жизнь своею рассеянной вездесущей реальностью, которую мы ощущаем едва ли не более, чем воздух, каким дышим. Молодой Маркс писал: «Именно общество мыслит во мне»[1]. А тогда — не слишком ли часто историк доверяется видимости, когда ретроспективно усматривает перед собой лишь индивидов, чью ответственность он может взвешивать по своему усмотрению? На самом деле его задача не просто обнаружить «человека» — формула, которой [не раз] злоупотребляли,— но распознать социальные группы разной величины, бывшие все взаимосвязаны друг с другом. Люсьен Февр[2] сожалел, что философы, создав слово *социология*, похитили единственное название, которое бы подошло, как ему казалось, для истории. Вне всякого сомнения, появление с [трудами] Эмиля Дюркгейма (1896 г.)[3] социологии было для совокупности общественных наук своего рода революцией коперниковского или галилеевского масштаба, изменением парадигмы [подхода], последствия которого ощутимы еще и ныне. Тогда Анри Берр приветствовал ее появление как возвращение к «общим идеям»[4] после [многих] лет тяжкого позитивизма: «Она вновь ввела философию в историю». Ныне мы, историки, сочли бы скорее, что социология обнаруживает, пожалуй, чрезмерный вкус к общим идеям и что более всего недостает ей как раз чувства истории. Если существует историческая экономика, то исторической социологии еще нет[5]. И причины такого ее отсутствия слишком уж очевидны.

Прежде всего, в противоположность экономике, которая некоторым образом есть *наука*, социологии плохо удается определить свой предмет. Что такое общество? Со времени ухода из жизни Жоржа Гурвича (1965 г.) этим вопросом больше даже

[1] Цит. в кн.: Dumont L. *Homo hierarchicus*. P., 1966, p. 18.
[2] Сошлюсь на разговор, состоявшийся в ноябре 1937 г.
[3] Эмиль Дюркгейм (1858—1917) принял эстафету у Огюста Конта. В 1893 г. он опубликовал свою диссертацию «О разделении общественного труда» ("*De la division du travail social*"), а в 1896 г. основал журнал "*Année sociologique*". Именно на этой последней дате мы и остановились.
[4] См. статью А. Берра (Berr H.) в: "*Revue de synthèse*", 1900, p. 4.
[5] Несмотря на давние попытки, вроде трудов Альфреда Вебера (Weber A. *Kulturgeschichte als Kultursoziologie*. 1935) или Альфреда фон Мартина (Martin A., von. *Soziologie der Renaissance*. 1932), или в более недавнее время сильной обобщающей работе Александра Рустова (Rustow A. *Ortsbestimmung der Gegenwart*. 3 Bde., 1950—1957).

не задаются, [хотя] и его определения были уже плохо приспособлены к тому, чтобы полностью удовлетворить историка. Его «глобальное общество» представляется как бы своего рода общей оболочкой социального, столь же тонкой, как стеклянный колпак, прозрачный и хрупкий. Для историка, тесно привязанного к конкретному, глобальное общество может быть лишь суммой живых реальностей, связанных или *не связанных* одни с другими. Не одно вместилище, но несколько вместилищ и несколько [видов] вмещаемого.

Именно в таком смысле я взял за правило, за неимением лучшего, говорить об обществе как о *множестве множеств* (*ensemble des ensembles*), как о полной сумме всех фактов, каких мы, как историки, касаемся в разных областях наших исследований. Это означает позаимствовать у математиков столь удобное понятие [множества], которого сами они опасаются, и, быть может, употребить очень уж большое слово ради того, чтобы подчеркнуть банальную истину, а именно: что *все* социально, не может не быть социальным. Но интерес дефиниции заключается в том, чтобы заранее наметить проблематику, дать правила для первичного наблюдения. Если такое наблюдение облегчается этой дефиницией в самом начале и в его развертывании, если затем появляется приемлемая классификация фактов, а вслед за этим — логический переход [к сущности проблемы], дефиниция полезна и оправданна. Но разве же термин «*Множество множеств*» не представляет полезного напоминания о том, что любая социальная реальность, наблюдаемая сама по себе, находится в рамках более высокого множества; что, будучи пучком переменных величин, она требует, она предполагает другие пучки переменных, еще более обширные? Жан-Франсуа Мелон, секретарь Лоу, уже в 1734 г. говорил: «Между частями общества существует столь тесная связь, что невозможно нанести удар по одной без того, чтобы он рикошетом не затронул остальные»[6]. Это все равно, что сегодня заявлять: «социальный процесс есть нераздельное целое»[7] или «история бывает только всеобщей»[8], если сослаться лишь на несколько формулировок среди сотен других [9].

Разумеется, практически такую глобальность должно расщеплять на *множества* более ограниченные, более доступные наблюдению. Иначе — как управиться с этой огромной массой? «Своей классифицирующей дланью,— писал Й. Шумпетер,— исследователь *искусственным* образом извлекает экономические факты из [единого] великого потока общества». Другой исследователь по своему желанию извлечет либо политическую реальность, либо культурную... В своей поистине блестящей «Социальной истории Англии» Дж. М. Тревельян [10] понимал под таким названием «историю народа, отделенную от политики», как если бы возможно было такое деление, которое отделило бы государство, реальность в первую голову социальную, от прочих сопутствующих ему реальностей. Но не существует историка, нет экономиста или социолога, который не проделывал бы такого рода разделения, хоть все они изначально искусственны — Марксово (базис, надстройка) в той же степени, что и трехчастное деление, на котором покоится существо моих пред-

[6] Melon J.-F. *Essai politique sur le commerce*. 1734, p. 9.
[7] Schumpeter J. *History of economic analysis*. 1954 (итальянское издание, 1959 г.), I, p. 23.
[8] Novalis. *Encyclopédie*. 1966, p. 43.
[9] См. аналогичные замечания у Рене Клемана, Раймона Арона, Вильгельма Рёпке, Жака Аттали, Йозефа Клацмана, Марселя Мосса.
[10] Trevelyan G. M. *English Social History*. 1942.

шествовавших объяснений. Речь всегда идет лишь о способах объяснения, все заключается в том, позволяют ли они успешно постигать важные проблемы.

К тому же разве не поступала таким образом всякая общественная наука, очерчивая и подразделяя свою область? Она сразу же разделяла реальное на части, руководствуясь духом систематизации, но также и по необходимости: кто из нас не специализирован в некотором роде с самого рождения, в силу своих способностей или своей склонности, для постижения того или иного сектора познания, а не какого-нибудь другого? Обе в принципе обобщающие общественные науки — социология и история — разделяются по многочисленным специализациям: социология труда, социология экономическая, политическая, социология познания и т. д., история политическая, экономическая, социальная, история искусства, идей, история науки, техники и т. д.

Таким образом, различать, как мы это делаем, внутри того большого множества, какое образует общество, несколько множеств, притом лучше всего известных,— это подразделение банальное. [Таковы], конечно, экономика на надлежащем месте; социальная иерархия, или социальные рамки (чтобы не сказать «общество», которое для меня есть *множество множеств*); политика; культура — каждое из этих множеств в свою очередь подразделяется на подмножества и далее в таком же роде. В такой схеме глобальная история (или, лучше сказать, глобализирующая, т. е. желающая стать всеобщей, стремящаяся к этому, но никогда не могущая быть таковой вполне) — это изучение по меньшей мере четырех «систем» самих по себе, затем в их отношениях, их зависимостях, их взаимном перекрытии, с многочисленными корреляциями и переменными величинами, присущими каждой группе, переменными, которыми не до́лжно априорно жертвовать ради *взаимопеременных* (*intervariables*) и наоборот [11].

Недостижимый идеал — представить все в едином плане и в едином движении. Метод, какой можно порекомендовать, заключается в том, чтобы, разделяя, сохранять в уме глобальное ви́дение: оно непременно проявится в объяснении, будет воссоздавать единство, побудит не верить мнимой простоте общества, не пользоваться этими расхожими формулировками — общество сословное, общество классовое или общество потребления,— не вдумавшись заранее в общую оценку, которую они навязывают. И, следовательно, не верить в удобные тождества: купец = буржуа, или купцы = капиталистам, или же аристократы = земельным собственникам [12]; не говорить о буржуазии или о дворянстве так, как если бы слова эти безошибочно определяли хорошо очерченные множества, как если бы легко различимые границы разделяли либо категории, либо классы, тогда как перегородки эти «столь же текучи, как вода» [13].

Больше того, важно не воображать априори, будто такой-то или такой-то сектор мог раз и навсегда обладать превосходством над [каким-то] другим или над всеми другими. Я, например, не верю в неоспоримое и постоянное превосходство политической истории, в священный приоритет государства. В зависимости от

[11] Существует множество противоречащих этому мнений. Так, по мнению Эдварда Дж. Нелла (Nell E. J. *Economic relationship in the decline of feudalism: an economic interdependence.— History and theory*. 1957, p. 328), следует «более принимать во внимание отношения между переменными, нежели сами переменные». Для Э. Эванс-Причарда социальная структура сводится к взаимоотношениям групп, он следует взгляду Зигмунда Фредерика Наделя (Nadel S. F. *The Theory of Social Structure*. 1957).
[12] Wallerstein I. *The Modern Wold System*. 1974, p. 157.
[13] Hexter J. H. *Reappraisals in History*. 1963, p. 72.

обстоятельств государство могло определять почти все или не вызывать почти никаких последствий. Поль Адан в рукописи своей «Истории Франции» утверждает, будто из моей книги о Средиземноморье явствует подавляющее превосходство политической роли Филиппа II. Не накладывает ли исследователь таким способом свое вйдение на сложную картину? На самом же деле секторы, группы, системы не переставали вести игру друг с другом в остававшейся подвижной иерархии, внутри глобального общества, которое более или менее плотно их охватывало, но никогда не предоставляло им полной свободы.

В Европе, где все видно лучше, чем в иных местах, в той Европе, что вырвалась вперед всего мира, быстро развивавшаяся экономика довольно часто начиная с XI или XII в. и еще более определенно — начиная с XVI в. опережала другие секторы. Она заставляла эти секторы определяться в зависимости от нее, и нет никакого сомнения, что именно это утверждавшееся первенство оказалось одной из основ ранней современности небольшого континента. Но напрасно было бы думать, что до этих столетий экономического старта экономика почти ничего не значила и что никто не смог бы написать, как тот французский памфлетист 1622 г., что-де «всякий город, республика или королевство существуют главным образом зерном, вином, мясом и лесом» [14]. Было бы напрасно также думать, будто перед лицом нараставшей мощи экономики, чреватой многочисленными революционными переменами, прочие секторы, все общество в целом не играли своей роли, порой (хотя и редко) ускоряя развитие, а чаще чиня препоны, оказывая противодействие, тормозя, и это тянулось на протяжении веков. Любое общество пронизывали противодействующие потоки, оно щетинилось препятствиями, упорными пережитками, перекрывавшими дороги, долговременными структурами, чье постоянство представляет на взгляд историка бросающуюся в глаза характеристику. Эти *исторические* структуры видимы, различимы, в определенном смысле измеримы: мерою служит их продолжительное существование.

[14] *Variétés*, III, p. 312, *Advis de Guillaume Hotteux ès Halles.*
[15] Fourquet F. *L'Idéal historique.* 1976.

Франсуа Фурке, говоря в [своей] небольшой полемической и конструктивной книжке иным языком [15], сводит эти столкновения к конфликту между «желанием» и «возможностью». С одной стороны — индивид, руководимый не своими потребностями, но желаниями, подобно движущейся массе, заряженной электричеством; с другой — репрессивный аппарат власти, какова бы ни была эта власть, который поддерживает порядок во имя равновесия и эффективности общества. Вместе с Марксом я полагаю, что потребности служат одним объяснением, а вместе с Фурке — что желания суть не менее широкое объяснение (но разве могут желания не включать потребности?), что аппарат власти политической и ничуть не менее экономической [тоже] объяснение. Но это ведь не единственные социальные константы; есть и другие.

И именно в этом множестве конфликтовавших сил рождался экономический напор, со средних веков до XVIII в. увлекавший за собой капитализм, продвижение которого было более или менее медленным в зависимости от страны и очень разным. И как раз сопротивление, препятствия, какие он встречал на сво-

ем пути, и окажутся на первом плане в наших объяснениях на последующих страницах.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИЕРАРХИИ

В единственном ли, во множественном ли числе, но [словосочетание] *социальная иерархия* в конечном счете обозначает *банальное*, но важнейшее содержание слова *общество*, возведенное здесь ради удобства нашего изложения в самый высокий ранг. Я бы предпочел говорить об иерархиях, а не о социальных стратах, категориях, или даже классах. Хотя всякое общество определенного размера имеет свои страты, свои категории, даже свои касты [16] и свои классы, последние в объективированном виде или нет, т. е. ощущаемые сознанием или нет, с их извечной классовой борьбой. [И так] *все* общества [17]. И значит, на сей раз я не согласен с Жоржем Гурвичем, когда он утверждает, будто классовая борьба предполагает как непременное условие ясное осознание этой борьбы и противоречий, каковое осознание, если ему в том поверить, будто бы не существовало в доиндустриальном обществе [18]. Но ведь в изобилии имеются доказательства противоположного. И несомненно, был прав Ален Турэн, когда писал: «Любое общество, часть продукта которого изымается из потребления и накопляется», таит в себе *«классовый конфликт»* [19]. Иначе говоря, все общества.

Но вернемся к слову, которое мы предпочитаем,— к слову *иерархия*. Оно само собою, без особых затруднений приложимо ко всей истории обществ с высокой плотностью населения: ни одно из таких обществ не развивалось по горизонтали, как общество равных. Все [они] откровенно иерархизированы. Отсюда и удивление португальских первооткрывателей, когда к 1446 г. на атлантическом побережье Сахары на широте мыса Кабу-ду-Рескати и в иных местах они вступили в контакт с крохотными берберскими племенами, при случае продававшими черных невольников и золотой песок: «У них не было короля!» [20] Однако же, если присмотреться поближе, то они образовывали кланы, кланы имели своих предводителей. Первобытные народы Тайваня (Формозы) около 1630 г. удивляли голландцев не меньше: «У них нет ни короля, ни государя. Они постоянно воюют, т. е. одна деревня с другой» [21]. Но ведь деревни — это группирование, это корпорация. Даже общества утопистов, воображавшиеся как реальные общества наоборот, обычно оставались иерархизированными. Даже сообщество греческих богов на Олимпе было иерархическим. Вывод: не существует общества без каркаса, без структуры.

Наши нынешние общества, какова бы ни была их политическая система, пожалуй, не более эгалитарны, чем общества былых времен. [Но] по крайней мере яростно оспаривавшаяся привилегия потеряла здесь некоторую часть своего наивного простодушия. Вчера же, напротив, в сословных обществах сохранять свой ранг было формой достоинства, своего рода добродетелью. Был смешон и подлежал осуждению лишь тот, кто

[16] Bosl K. *Kasten, Stände, Klassen in mittelalterlichen Deutschland.— ZBLG,* 32, 1969. Нельзя употреблять это слово в его строгом значении.
[17] По поводу индийских каст см. статью Клода Мейассу: Meillassoux C. *Y a-t-il des castes aux Indes? — "Cahiers internationaux de sociologie"*, 1973, p. 5—29.
[18] Gourvitch G. *La Vocation actuelle de la sociologie.* 1963, I, p. 365 sq.
[19] Touraine A. *Pour la sociologie.* 1974, p. 57.
[20] Abbé Prévost. *Histoire générale des voyages*, t. 1, p. 8.
[21] Van Rechteren. *Voyages.* 1628—1632, V, p. 69.



Суд Королевской скамьи при Генрихе VI: судьи, секретари суда, а внизу — осужденные. Иллюстрация из английской рукописи XV в. *Библиотека Иннер Темпл. Фотография библиотеки.*

выставлял напоказ знаки не своего социального ранга. Взгляните, что предлагал один из прожектеров первых лет XVIII в. против вредоносности деклассирования и роскоши, расточительницы сбережений: пусть король Франции пожалует принцам, герцогам, титулованным особам и их супругам голубую ленту, «как та, что носят командоры Мальтийского ордена и ордена

св. Лазаря»; прочим дворянам — красную ленту; пусть все офицеры, сержанты, солдаты всегда носят униформу; пусть ливрея будет обязательна для слуг, включая камердинеров и дворецких, «но чтобы не могли они нашивать на поля шляп ни галуны, ни какое бы то ни было золото либо серебро». Не будет ли это идеальным решением, которое, упразднив затраты на пышность, «сделало бы для мелкого люда невозможным смешиваться с великими [мира сего]» [22]?

[22] A. N., K 910, 27 bis.

Обычно тем, что мешало такому смешению, было просто разделение между богатством, роскошью, с одной стороны, и нищетой — с другой, между властью, авторитетом, с одной стороны, и повиновением — с другой. «Одна часть человечества,— гласит итальянский текст 1776 г.,— подвергается столь грубому обращению, что впору умереть, ради того чтобы другая часть обжиралась так, что впору лопнуть».

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ОБЩЕСТВ

Иерархический порядок никогда не бывает простым, любое общество — это разнообразие, множественность; оно делится наперекор самому себе, и это разделение есть, вероятно, самое его существо.

Возьмем пример: так называемое «феодальное» общество, изначально присущий которому плюрализм пришлось-таки признать и объяснять марксистским и «марксиствующим» историкам и экономистам, изо всех сил старающимся определить это общество [23]. Могу ли я сразу же и до того, как двигаться далее, сказать, что я испытываю к столь часто употребляемому слову *феодализм* такую же аллергию, какую испытывали Марк Блок или Люсьен Февр? Этот неологизм [24], ведущий свое происхождение из вульгарной латыни (*feodum* — феод), для них, как и для меня, относится лишь к ленному владению и к тому, что от него зависит,— и ничего более. Помещать все общество Европы с XI по XV в. под этой вокабулой не более логично, чем обозначать словом *капитализм* всю совокупность этого же общества между XVI и XX вв. Но оставим этот спор. Согласимся даже, что так называемое феодальное общество — еще одна расхожая формула — могло бы обозначать большой этап социальной истории Европы, что [вполне] законно использовать это выражение как удобную этикетку там, где мы с таким же успехом могли бы говорить о Европе А, обозначая как Европу В следующий этап [ее истории]. Во всяком случае, между А и В с появлением того, что два знаменитых историка назвали «подлинным Возрождением» (между X и XIII вв.) [25], обозначится сочленение.

Лучшим описанием так называемого феодального общества остается, на мой взгляд, краткая сводка Жоржа Гурвича (конечно, чересчур поспешная и категоричная) [26], которая, будучи задумана после внимательного прочтения чудесной книги Марка Блока [27], своеобразно развивает ее выводы. Это «феодальное» общество, сформированное веками «выпадения в осадок», разрушения, вызревания, было [формой] сосуществования по меньшей мере пяти «обществ», пяти разных иерархий. Самым древ-

[23] Например, для Артура Бойда Хибберта (Hibbert A. B.) (“*Past and Present*”, 1953, № 3) и Клода Каэна (Cahen C.) (“*La Pensée,*” juillet 1956, p. 95—96) феодализм не означает отрицания торговли. Ортодоксальную точку зрения см. у Шарля Парэна и Пьера Вилара (Parain Ch., Vilar P. *Mode de production féodal et classes sociales en système précapitaliste.*— “*Les Cahiers du Centre d'Etudes et Recherches marxistes*”, 1968, № 59).

[24] Он датируется самое раннее временем Реставрации, его нет еще в «Неологии» (“*La Néologie*”) Л.-С. Мерсье, вышедшей в 1801 г. См.: Landais N. *Dictionnaire général et grammatical.* 1934, II, p. 26.

[25] Армандо Сапори и Джино Луццатто.

[26] Gourvitch G. *Déterminismes sociaux et liberté humaine.* 2e éd., 1963, p. 261 sq.

[27] Bloch M. *La Société féodale.* 2 vol., 1939—1940.

ним, располагавшимся у основания и пришедшим в расстройство, было общество сеньериальное, чьи [истоки] теряются во мраке веков, которое группировало в небольшие свои ячейки сеньеров и ближайших к ним крестьян. Менее древним, и однако же простиравшим свои корни очень далеко, до самой Римской империи, а духовные свои корни — еще глубже, было общество теократическое, которое с помощью силы и упорства строила римская церковь, ибо ей требовалось не только завоевать, но и удержать своих верных адептов, а значит, без конца заново завладевать ими. Значительная часть прибавочного продукта ранней Европы шла на содержание этого громадного и обширного предприятия: соборы, церкви, монастыри, церковные ренты. Что это было — вложение капитала или растранжиривание его? Третья система: вокруг территориального государства организовывалось более молодое общество, выраставшее среди других и искавшее в них опору. Государство потерпело крушение во времена последних Каролингов, но, как часто бывает, крушение не было тотальным. Четвертый субсектор: феодальный строй в точном значении слова, прочная надстройка, стремившаяся к вершине [социальной структуры] по пустотам, сохранявшимся благодаря ослаблению государства, надстройка, объединявшая сеньеров в длинную иерархическую цепочку и пытавшаяся посредством такой иерархии все удержать, всем управлять. Но церковь не будет целиком захвачена ячейками системы, государство в один прекрасный день разорвет эту сеть; а что касается крестьянина, то он будет зачастую жить в стороне от этой ажитации наверху. Наконец, пятая и последняя система, с нашей точки зрения, важнейшая из всех — города. Они выросли или появились заново начиная с X—XI вв. [Города] — особые государства, особые общества, особые цивилизации, особые экономики. Города были детищем далекого прошлого: в них зачастую оживал Рим. Но были они и детищем настоящего времени, которое обеспечивало им расцвет. Они были также новыми творениями: в первую голову результатом колоссального разделения труда — между деревней, с одной стороны, и городом, с другой, результатом долго сохранявшейся благоприятной конъюнктуры, возрождавшейся торговли, вновь появившейся монеты. Благодаря монете, великому множителю, возникал как бы электрический ток, который от Византии и стран ислама через безбрежное пространство Средиземного моря оказывался подключен к Западу. Когда же впоследствии все море станет христианским, наступят новый подъем и потрясение всей прежней Европы.

Итак, в целом — несколько обществ, которые сосуществовали, которые худо ли, хорошо ли опирались друг на друга. То была не одна система, но несколько систем, не одна иерархия, но несколько иерархий, не одно сословие, но сословия, не один способ производства, но несколько, не одна культура, но несколько культур, [само]сознаний, языков, образов жизни. Все слова надлежит поставить во множественном числе.

Жорж Гурвич, не заблуждавшийся на этот счет, несколько поспешно заключил, что пять обществ, о которых идет речь и на которые разделялась вся совокупность феодального общества, были антиномичны, чужды друг другу; что выйти из [ка-

кого-то] одного из них означало выйти в пустоту, в безнадежность. На самом деле общества эти жили совместно, они перемешивались, предполагали определенную связность. Города-государства брали своих людей у тех сеньериальных земель и деревень, что их окружали, присоединяя к себе не одних только крестьян, но также и сеньеров, или, лучше сказать, группы сеньеров, рождавшиеся в деревенской местности и остававшиеся, обосновываясь в городе, прочными кланами, связанными нерушимыми узами [28]. Находившееся в [самом] центре церкви папство с XIII в. обращалось к сиенским банкирам, поручая им сбор налогов, которые оно взимало с христианства. Английская королевская власть в лице Эдуарда I обращалась к кредиторам в Лукке, а затем во Флоренции. Сеньеры очень быстро оказались продавцами зерна и скота, правда нужно было, чтобы купцы их покупали. Что же до городов, то известно, что они были прототипом нового времени и послужили моделью при рождении современного государства и национальной экономики; что в ущерб прочим обществам они оставались по преимуществу местами накопления и богатства.

[28] Heers J. *Le Clan familial au Moyen Age*. 1974.

С учетом всего сказанного любое общество, или субобщество, или социальная группа, начиная с семьи, имели *свою* собственную иерархию: церковь так же, как и территориальное государство; торговый город с его патрициатом так же, как феодальное общество, которое в общем было всего лишь иерархической [структурой], как и сеньериальный режим с сеньером по одну сторону и крестьянином по другую. Разве *внутренне взаимосвязанное* глобальное общество не представляет иерархии, которой удалось навязать себя всей совокупности, не обязательно уничтожая других?

Не беда, что среди всех этих обществ, которые делят между собой общество глобальное, всегда бывали одно или несколько [таких], которые, стремясь навязать себя прочим, подготавливали изменение совокупности — изменение, всегда намечавшееся очень медленно, затем утверждавшееся, пока не происходила позднее новая трансформация, на сей раз направленная против [прежде] *победоносной* или *победоносных* трансформаций. Такой плюрализм оказывался важнейшим фактором движения в такой же мере, как и сопротивления движению. Перед лицом констатации этого любая эволюционная схема, даже марксова, становится более ясной.

БРОСИМ ВЗГЛЯД ПО ВЕРТИКАЛИ: ОГРАНИЧЕННОЕ ЧИСЛО ПРИВИЛЕГИРОВАННЫХ

Тем не менее, если на [всю] совокупность общества взглянуть сверху, то сначала бросаются в глаза не эти субкатегории, но, конечно, изначально существовавшее неравенство, разделявшее массу сверху донизу в соответствии с размерами богатства и власти. Всякое наблюдение вскрывает это внутреннее неравенство, которое было постоянным законом [всех] обществ. Как признают социологи, это структурный закон, не знающий исключений. Но как же его объяснить, этот закон?

Что мы сразу же видим на вершине пирамиды, так это горстку привилегированных. Обычно к этой крохотной группке стекается все: им принадлежат власть, богатство, значительная доля прибавочного продукта; за ними — право управлять, руководить, направлять, принимать решения, обеспечивать процесс капиталовложений и, следовательно, производства. Обращение богатств и услуг, денежный поток замыкаются на них. Ниже их находилось многоэтажное множество *агентов* экономики, тружеников всяких рангов, масса управляемых. А ниже всех — огромное скопление социальных отбросов: мир безработных.

Разумеется, карты из социальной колоды раздавались не раз и навсегда, но «пересдачи» бывали редки и всегда скупы. Люди могли яростно рваться вверх по лестнице социальной иерархии, на это порой требовалось несколько поколений, а добравшись туда, они не могли удержаться без борьбы. Эта социальная война существует постоянно с тех пор, как существуют живые общества с их шкалой почестей и с их ограниченным доступом к власти. Значит, мы наперед знаем, что по-настоящему несущественно, кто именно — государство, дворянство, буржуазия, капитализм или же культура — тем или иным способом захватит ключевые позиции в обществе. Именно на этой высоте управляли, распоряжались, судили, наставляли, накапливали богатства и даже мыслили; именно здесь создавалась и воссоздавалась блистательная культура.

Удивительно то, что привилегированные *всегда* бывали столь малочисленны. Удивительно, потому что существовало социальное продвижение, потому что эта крохотная группа зависела от прибавочного продукта, который предоставлял в их распоряжение труд непривилегированных, и с увеличением этого прибавочного продукта горстка людей наверху должна была бы разрастись [в числе]. Но ведь этого почти не происходило, что *сегодня*, что в прошлом. Согласно лозунгу Народного фронта, Франция 1936 г. вся целиком зависела от «200 семейств», сравнительно малозаметных, но всемогущих; этот политический лозунг легко вызывал улыбку. Но веком раньше Адольф Тьер писал, не впадая в эмоции: «...в таком государстве, как Франция, известно, что [на] двенадцать миллионов семейств ...существует самое большее две или три сотни семей, обладающих богатством» [29]. А еще столетием раньше столь же убежденный сторонник существующего социального порядка, как и Тьер, Жан-Франсуа Мелон [30] объяснял, что «роскошь нации ограничена тысячью человек в сравнении с двадцатью миллионами других, кои не менее счастливы, чем они ...когда,— добавлял он,— добрая полиция заставляет их спокойно наслаждаться плодами своих трудов».

Так ли уж отличаются от этого наши нынешние демократии? По крайней мере известна книга Ч. Р. Миллса [31] о «Властвующей элите» и элите богатства, которая подчеркивает удивительную узость той группы, от которой зависит любое решение, важное для всех нынешних Соединенных Штатов. Там национальная элита тоже состоит из нескольких господствующих семейств, и династии эти мало меняются с годами. С необходимыми поправками, таков был уже язык Клаудио Толомеи, сиенского писателя, в послании Габриэле Чезано от 21 января 1531 г.[32] «В лю-

[29] Thiers A. *De la propriété*. 1848, p. 93.
[30] Melon J.-F. *Op. cit.*, p. 126.
[31] Mills Ch. W. *The Power Elite*. 1959. (русский перевод: Миллс Ч. Р. *Властвующая элита*. М., ИЛ, 1959).
[32] *Delle lettere di Messer Claudio Tolomei*. Venezìa, 1547, f[os] 144v°—145. На этот пассаж обратил мое внимание Серджо Бертелли.

бой республике, даже великой,— писал он,— в любом государстве, даже народном, редко бывает, чтобы к командным должностям поднималось более пятидесяти граждан. Ни в Афинах или Риме, ни в Венеции или Лукке граждане, управляющие государством, не были многочисленны, хоть сии земли и управляются как республики» ("*...benché si reggano queste terre sotto nome di republica*"). В общем, не существовало ли коварного закона очень малого числа, каким бы ни были рассматриваемые общество или эпоха в том или другом регионе мира? Закона, поистине вызывающего раздражение, ибо мы плохо различаем его причины. Однако же это реальность, которая непрестанно дерзко предстает перед нами. Спорить бесполезно: все свидетельства сходятся.

В Венеции перед [эпидемией] чумы в 1575 г. нобили (*Nobili*) составляли самое большее 10 тыс. человек — мужчин, женщин и детей,— самая высокая цифра в венецианской истории. То есть 5% процентов общего населения (Венеция и прочие территории республики, *Dogado*), насчитывавшего около 200 тыс. жителей [33]. К тому же из этой малости следует еще исключить обедневших дворян, зачастую доведенных до своего рода официального нищенства, которые, будучи выброшены в скромный квартал Сан-Барнаба, именовались ироническим прозвищем «барнаботти» (*Barnabotti*). И даже после такого изъятия остальная часть патрициев включала не только богатых негоциантов. После чумы 1630 г. число этих последних сократилось настолько,

[33] Lane F. C. *Venice, a maritime Republic.* 1973, p. 324. См. также: Beloch K. J. *Bevölkerungsgeschichte Italiens.* Bd III, 1961, S. 21—22.

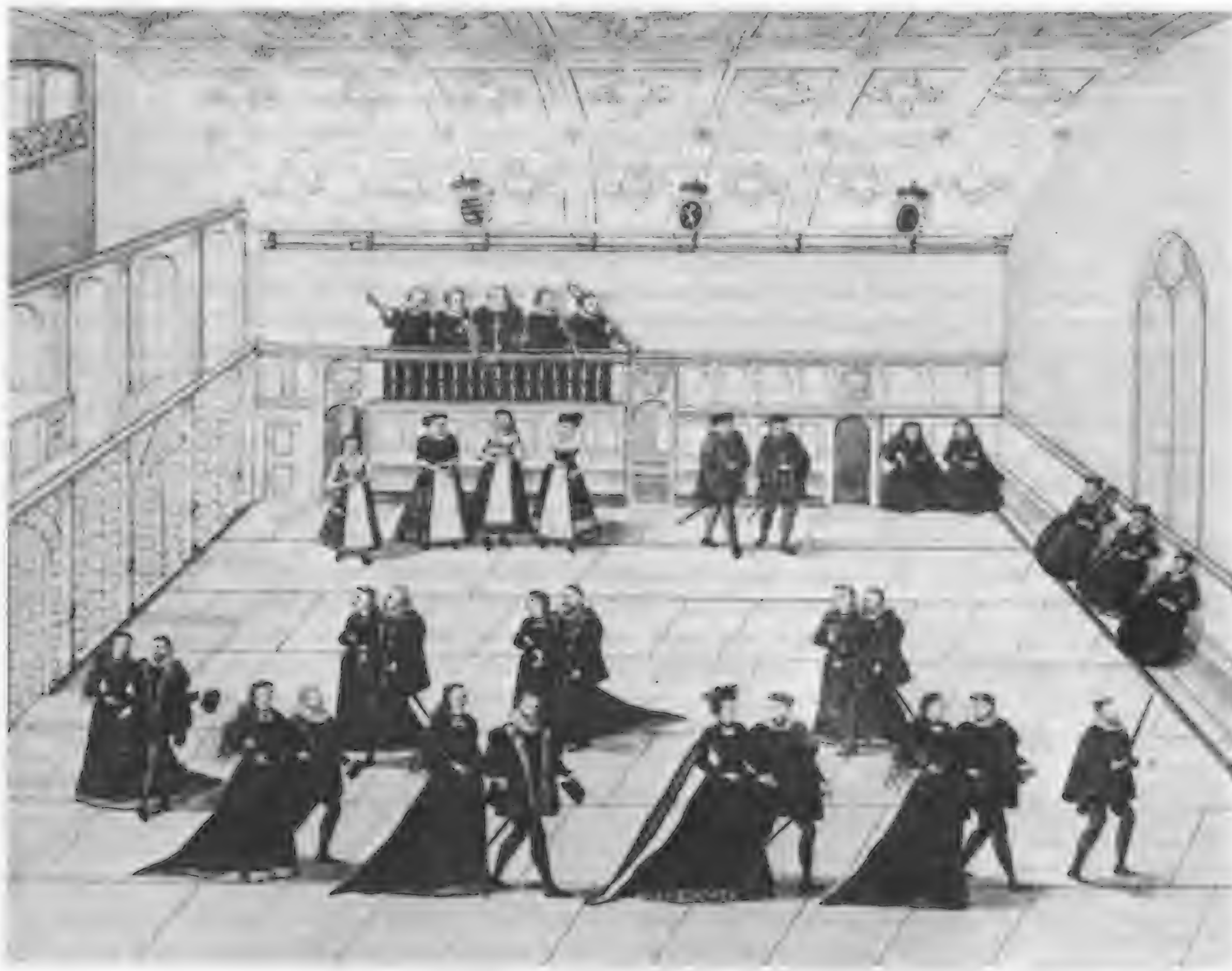


Пышно и церемонно обставлен выход жены лорд-мэра Лондона. Зарисовка из альбома Георга Хольцшуэра, который посетил Англию между 1621 и 1625 гг. *Фототека издательства А. Колэн.*

что мы видим всего лишь 14 или 15 человек, способных занимать высшие государственные должности [34]. В Генуе, которую считают столь типично капиталистической, согласно одному донесению 1684 г., дворянство, державшее в своих руках республику в силу своих титулов и в не меньшей степени — своих денег, составляло самое большее 700 человек (без учета семьи) на примерно 80 тыс. жителей [35].

[34] Lane F. C. *Op. cit.*, p. 429—430.

[35] Saintolon. *Relazione della Republica di Genova*. 1684, Venezia, Marciana, 6045, c. II—8.



Нюрнбергские патриции танцуют в большом зале Ратуши. Тесноты не наблюдается! *Нюрнберг, Городская библиотека. Фото А. Шмидта.*

И эти венецианские и генуэзские проценты принадлежали еще к числу самых высоких. В Нюрнберге [36] власть с XIV в. находилась в руках малочисленной аристократии (43 патрицианские фамилии, *утвержденные законом*), т. е. 150—200 человек на 20 тыс. жителей города плюс 20 тыс. в его округе. Эти семейства обладали исключительным правом назначать представителей во Внутренний совет, а он избирал Семерых старейшин (фактически решавших все, правивших, распоряжавшихся и вершивших суд, ни перед кем не отчитываясь) из состава нескольких старинных исторических фамилий, зачастую очень богатых, известных уже в XIII в. Такая привилегия и объясняет то, что в нюрнбергских погодных записях без конца встречаются одни и те же имена. Город чудесным образом не пострадает, пройдя через бесконечные смуты в Германии XIV—XV вв.

[36] Strauss G. *Protestant dogma and city government. The case of Nuremberg.*—“*Past and Present*”, 1967, № 36, p. 38—58.

В 1525 г. Господа старейшины (*Herren Älteren*) решительно возьмут курс на Реформацию — и этим все будет сказано раз и навсегда. В Лондоне в 1603 г., в конце царствования Елизаветы, все дела находились во власти менее чем 200 крупных купцов [37]. В Нидерландах в XVII в. правившая аристократия — регенты городов и провинциальные власти — насчитывала 10 тыс. человек при населении 2 млн. человек [38]. В Лионе, городе особом из-за его вольностей и его богатства, иронические упреки клира городским советникам (8 ноября 1558 г.) были недвусмысленны: «Вы, господа советники [фактически хозяева городского управления], кои почти все купцы... В городе нет и тридцати особ, кои могли бы надеяться на то, чтобы стать советниками» [39]. Такая же ограниченная группа была в XVI в. и в Антверпене — группа городских «сенаторов», англичане называли их «лордами» [40]. В Севилье, по словам одного французского купца, в 1702 г. «консульский суд состоит из 4 или 5 частных лиц, кои направляют коммерцию в соответствии со своими частными целями» и которые одни только и обогащаются в ущерб другим негоциантам. Памятная записка от 1704 г. без колебания говорит об «ужасающих беззакониях севильских консулов» [41]. В 1749 г. в Ле-Мане производство и торговля шерстяной кисеей, создававшие богатство города, находились во власти восьми или девяти негоциантов, «господ Кюро, Верона, Дегранжа, Монтару, Гарнье, Нуэ, Фреара и Бодье» [42]. В конце Старого порядка Дюнкерк, разбогатевший благодаря своему положению портофранко, был городом с населением немногим более 20 тыс. человек, находившимся в руках денежной аристократии, которую ни в коей мере не соблазняло затеряться в рядах дворянства, к тому же не представленного внутри города (*intra muros*). И в самом деле, к чему добиваться для себя дворянского достоинства, когда живешь в вольном городе, где всякий обладает огромной привилегией не платить ни талью *, ни габель, ни гербовый сбор? Узкий круг дюнкеркской буржуазии образовал замкнутую касту с «настоящими династиями: Фоконье, Трекса, Коффэн, Лермит, Спэн» [43]. Те же реальности существовали в Марселе. По словам А. Шабо [44], «на протяжении 150 лет [до 1789 г.]... должности эшевенов удерживали несколько, самое большее десяток, семейств, из которых многочисленные женитьбы и замужества, крестничества вскоре сделали всего лишь одно». Посчитаем вместе с Ш. Каррьером марсельских негоциантов в XVIII в.: «Даже менее 1% населения ... меньшинство ничтожное, но обладающее богатством и господствующее над всей жизнедеятельностью города, поскольку оно сохраняет за собой управление им» [45]. Во Флоренции «обладателей привилегий» (*benefiziati*) было 3 тыс. или более того в XV в.; к 1760 г. их было всего 800—1000 человек, так что членам лотарингской ветви Габсбургов, сделавшимся в 1737 г. после угасания [рода] Медичи великими герцогами Тосканскими, пришлось создавать новых дворян [46]. В середине XVIII в. такой небольшой и вполне ординарный город, как Пьяченца (30 тыс. жителей), насчитывал 250—300 дворянских семейств, т. е. от 1250 до 1500 привилегированных (мужчин, женщин и детей), т. е. 4—5% населения. Но такой процент, будучи относительно высоким, включал дворян всякого

[37] Baert-Duholand C. A. B. F., de. *Tableau de la Grande-Bretagne.* An VIII, IV, p. 7.
[38] Boxer C. R. *The Dutch seaborne Empire, 1600—1800.* 1965, p. 11.
[39] См.: Gascon R. *Histoire économique et sociale de la France.* Ed. F. Braudel, P. Labrousse, I, p. 407.
[40] Ramsay G. D. *The City of London.* 1975, p. 12.
[41] Dahlgren E. W. *Les Relations commerciales et maritimes entre la France et les côtes du Pacifique.* 1909, I, p. 36—37, note 2.
[42] Dornic F. *L'Industrie textile dans le Maine (1650—1815).* 1955, p. 178.
* Талья — прямой налог, преимущественно с крестьянства.—*Прим. перев.*
[43] Teneur J. *Les Commerçants dunkerquois à la fin du XVIIIe siècle et les problèmes économiques de leur temps.*—"*Revue du Nord*", 1966, p. 21.
[44] Цит. у Шарля Каррьера: Carrière Ch. *Négociants marseillais au XVIIIe siècle.* 1973, I, p. 215—216.
[45] *Ibid.*, p. 265.
[46] Ссылка утеряна.

рода и состояния. А так как городское дворянство было в этой сельской местности единственным богатым классом, то следовало бы прибавить к населению Пьяченцы 170 тыс. крестьян ее деревенской округи. При такой общей численности [жителей] в 200 тыс. человек процент упал бы ниже 1% [47].

Не будем считать данный случай результатом, отклоняющимся от нормы: для XVIII в. оценка для всей Ломбардии исчисляет в 1% долю дворянства по отношению ко всему населению городов и деревень, и это небольшое число привилегированных владело примерно половиной земельной собственности [48]. Более локальный случай — округа Кремоны: к 1626 г. из 1600 тыс. пертик (*pertiche*) земли «всего 18 феодальных семейств владели 833 тыс.», т. е. более чем половиной [49].

Расчеты в масштабах территориального государства говорят сходным языком. В своих оценках, *в целом* подтверждаемых историческими исследованиями, Грегори Кинг (1688 г.) [50] учел в Англии примерно 36 тыс. семей, чей годовой доход превышал 200 фунтов (тогда как в Англии насчитывалось около 1400 тыс. семей — цифру эту я округляю), т. е. [их] доля составляла что-нибудь около 2,6%. И чтобы выйти на этот уровень, пришлось свалить в кучу лордов, баронетов, *сквайров, джентльменов*, королевских «служащих», крупных купцов плюс 10 тыс. юристов, для которых тогда создалась благоприятная обстановка. Возможно также, что и критерий — более 200 фунтов — чрезмерно расширяет этот головной отряд, где существовали значительные неравенства, ибо самые крупные доходы, доходы крупных земельных собственников, оценивались в *среднем* в 2800 фунтов в год. Цифры, которые Мэсси [51] давал в 1760 г., при вступлении на престол Георга III, указывают на новое перераспределение

[47] Nasalli Rocca E. *Il Patriziato piacentino nell'età del principato. Considerazioni di storia giuridica, sociale e statistica.— Studi in onore di Cesare Manaresi*. 1952, p. 227—257.

[48] См. статью Робертса (Roberts J. M.) в: *The European Nobility in the Eighteenth Century*. Ed. A. Goodwin, 1953, p. 67.

[49] Gentil da Silva J. *Banque et crédit en Italie au XVII^e siècle*. I, p. 369—370, note 92.

[50] Deane Ph., Cole W. A. *British economic growth*. 2^d ed., 1967, p. 2 f.; Pollard S., Crossley D. W. *The Wealth of Britain*. 1968, p. 153 f.

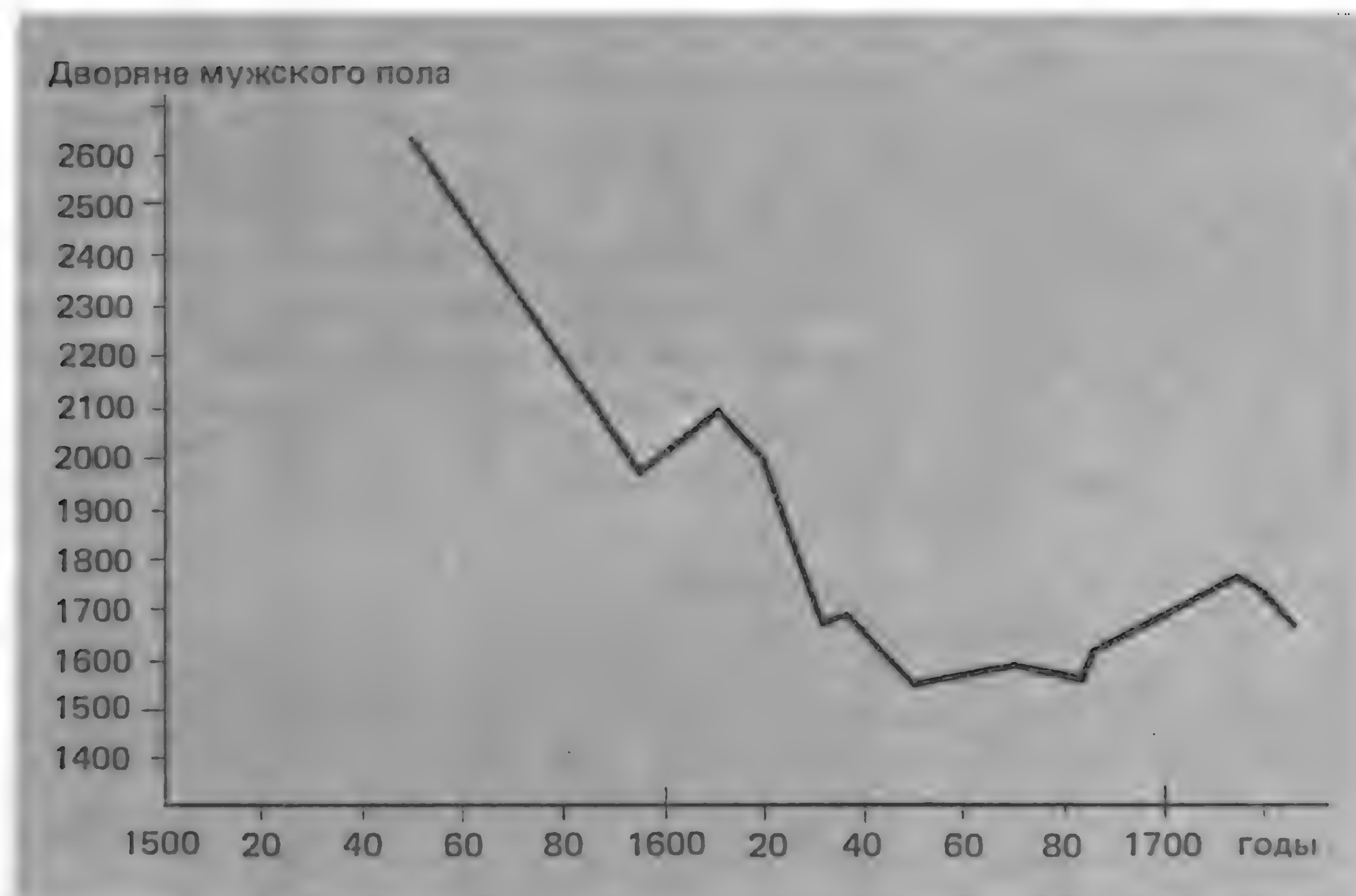
[51] Pollard S., Crossley D. W. *Op. cit.*, p. 169.



Польские дворяне и купцы во время деловых переговоров в Гданьске (Данциг). Заставка XVII в. иллюстрирующая атлас Й.-Б. Хамана. *Фото Александры Скаржиньской.*

богатств, когда купеческий класс получил преимущество над классом землевладельцев. Но ежели мы хотим подсчитать действительно богачей, [лиц] действительно могущественных в политическом и социальном смыслах, тогда, по словам экспертов, во всем королевстве [их] будет не более 150 семейств, т. е. 600—700 человек [52]. Во Франции около этого же времени старинное дворянство составляло 80 тыс. человек, а дворянство в целом 300 тыс., т. е. от 1 до 1,5% французов [53]. Что касается буржуазии, то как ее отличить? Лучше известно, чем она не была, нежели то, чем она была, а цифры отсутствуют. В целом, как рискнул [предположить] Пьер Леон, 8,4% общей численности [населения], но сколько было среди них крупных буржуа? Единственная величина, заслуживающая доверия, относится к бретонскому дворянству (2%), но Бретань с ее 40 тыс. дворян, как известно, очень превышала среднюю цифру по королевству [54].

Чтобы получить более высокий процент, установленный с определенной достоверностью, следует обратиться к Польше [55],



Дворяне в Венеции
Характерный пример: любая практически замкнутая аристократия уменьшается в числе. В Венеции приток новых дворянских семейств был недостаточен. Легкое повышение численности после 1680 г., возможно, было связано с улучшением жизненных условий? По данным таблицы, приводимой Жаном Жоржеленом (Georgelin J. *Venise au siècle des Lumières*. 1978, p. 653), который воспроизводит цифры Джеймса Дэвиса (Davis J. *The Decline of the Venetian Nobility as a Ruling Class*. 1962, p. 137).

где дворянство составляло от 8 до 10% общей численности населения, и «этот процент был самым высоким в Европе». Но не все эти польские дворяне были магнатами, имелось множество очень бедных [шляхтичей], иные просто были бродягами, «чей жизненный уровень почти не отличался от жизненного уровня крестьян». Богатый же купеческий класс был незначителен. Так что и там, как и в других местах, привилегированный слой, по-настоящему что-то значивший, составлял крохотную часть численности населения.

Относительно еще более малочисленны были некоторые тесно сплоченные меньшинства: дворяне, служившие Петру Великому, китайские мандарины, японские *даймё* *, *раджи* и *эмиры* могольской Индии [56], или же та горстка солдат и моряков, авантюристов, что господствовали над примитивным населением алжирско-

[52] Parreaux A. *La Société anglaise de 1760 à 1810*. 1966, p. 8.
[53] Goubert P. *L'Ancien Régime*. 1969, I, p. 158—159.
[54] См. статью Леона (Léon P.) в: *Histoire économique et sociale de la France*. 1970, II, p. 607; Meyer J. *La Noblesse bretonne au XVIIIe siècle*, p. 56.
[55] Dworzaczek W. *Perméabilité des barrières sociales dans la Pologne du XVIe siècle*.— "*Acta Poloniae Historica*", 1971, 24, p. 30, 39.

* Даймё — владетельные князья — *Прим. перев.*
[56] Pearson M. N. *Decline of the Moghol Empire*.—"*The Journal of Asian Studies*", february 1976, p. 223: Восемь тысяч привилегированных на империю с 60—70 млн. человек населения. «Восемь тысяч мужчин были империей».

го наместничества и терроризировали его, или же тонкий слой не всегда богатых [земельных] собственников, который любой ценой утверждался в безбрежной Испанской Америке. Удельный вес крупных купцов в этих разных странах очень сильно варьировал, но в количественном отношении они оставались немногочисленными. Заключим вслед за Вольтером: небольшое число в хорошо организованной стране «заставляет работать большое число, содержится им и им правит».

Но правомерно ли это заключение? Оно означает самое большее еще раз констатировать факт — и без полного его понимания. Затронуть последствия «концентрации» [власти и богатства], столь заметные в экономической и иных областях, означает расширить и сместить проблему. В самом деле, как объяснить саму эту концентрацию? Однако же историки сосредоточили все внимание на самих этих социальных верхах. Они, таким образом, «пошли самым легким путем», как сказал Шарль Каррьер [57]. Это не столь уж справедливо, в конечном счете, коль скоро ограниченное число привилегированных представляется проблемой, не поддающейся легкому решению. Как оно сохранялось, даже пройдя через революции? Как оно удерживало в [должном] почтении к себе огромную массу, развитие которой шло под ним? Почему в той борьбе, какую государство порой вело против привилегированных, они никогда не проигрывали полностью и окончательно? Может быть, не так уж не прав был в конце концов Макс Вебер, когда, отказываясь поддаться гипнозу *глубин* общества, он настаивал на важности «политической оценки господствующих и возвышающихся классов» [58]. Разве природа элиты общества (по кровным узам или же по размерам денежных [богатств]) не была тем, что определяло какое-нибудь общество прошлого с самого начала?

[57] Carrière Ch. *Op. cit.*, I, p. VIII.

[58] Цит. у Жюльена Фройнда (Freund J. *Op. cit.*, p. 25).

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ

Восходящие классы, смены [их] на вершине, социальная мобильность — эти проблемы *буржуазии* или *буржуазий* и так называемых средних классов, хоть и считаются классическими, не намного яснее, чем предшествующие. Перестройка и воспроизводство элит происходит путем движений и перемещений обычно столь медленных и столь трудно ощутимых, что они ускользают от измерения и даже от точного наблюдения. И уж тем более не поддаются сколько-нибудь безапелляционному объяснению. Лоуренс Стоун [59] полагает, что конъюнктуры с тенденцией к повышению ускоряли социальное возвышение, и это вероятно. В таком же смысле, но в еще более общем плане Герман Келленбенц заметил [60], что в торговых приморских городах, там, где экономическая жизнь развивалась и продвигалась вперед более быстро, чем в других местах, социальная мобильность проявлялась легче, нежели во внутренних городах [материка]. Так вновь обнаруживается почти классическая противоположность между морскими побережьями и толщей континента. В Любеке, в Бремене или в Гамбурге социальные различия были меньшими, чем в реакционном городе Нюрнберге.

[59] Stone L. *The anatomy of the Elizabethan aristocracy.—"The Economic History Review"*, 1948, p. 37—41.

[60] Kellenbenz H. *Der Merkantilismus in Europa und die soziale Mobilität.* 1965, S. 49—59.

Но разве не обнаруживаем мы такую же «текучесть» в Марселе, даже в Бордо? И наоборот, экономический упадок закрыл бы ворота [социальному] продвижению, укрепил бы социальный *статус-кво*. Питер Ласлетт [61] охотно заявил бы, что понижение социального статуса, обратная мобильность не переставали преобладать в доиндустриальной Англии,— и в таком общем плане он не одинок в своем мнении [62]. Тогда, если бы можно было подвести баланс прибытий и убытий на вершине любого общества, не понималась ли бы современность скорее как концентрация богатства и власти, чем как их расширение? Во Флоренции, в Венеции, в Генуе довольно точные цифры показывают, что привилегированные семейства постоянно сокращались в числе и что некоторые [из них] угасали. Точно так же в графстве Ольденбургском из 200 признанных в конце средних веков знатных фамилий к 1600 г. оставалось лишь 30 [63]. Из-за биологического спада, который приводил к сокращению численности верхушки, наблюдались концентрации наследств и власти в немногих руках. Существовали, однако, критические пороги [такой концентрации], которые иной раз достигались — например, во Флоренции в 1737 г. [или], скажем, в Венеции в 1685, 1716, 1775 гг.[64] Тогда требовалось любой ценой открывать ворота, соглашаться на прием в корпорацию новых семейств за деньги (*per denaro*), как говорили в Венеции [65]. Такого рода обстоятельства, ускоряя процесс убыли. убыстряли и необходимое заполнение, как если бы общество вновь обретало потребность заживлять свои раны и заполнять свои пустоты.

В определенных условиях наблюдение облегчается. Так было, когда Петр Великий перестраивал русское общество. Или, еще лучше, в Англии во время кризиса, развязанного войной Алой и Белой розы. Когда эта бойня пришла к концу, Генрих VII (1485—1509) и после него его сын Генрих VIII (1509—1547) имели пред собой всего лишь обломки старинной аристократии, которая с такой силой противилась монаршей власти. Ее пожрала гражданская война: в 1485 г. из 50 лордов оставалось в живых 29. Время военачальников (*warlords*) миновало. В смуте исчезли враждебные Тюдорам знатные семейства: Ла-Пули, Стэттфорды, Куртнэ... И тогда менее знатные дворяне, буржуа, скупившие земли, даже лица скромного или темного происхождения, любимцы королевской власти, заполнили эту социальную пустоту наверху, способствуя глубокому изменению «политической геологии» английских земель, как [тогда] говорили. Само по себе явление это было не новым, нов был единственно его размах. К 1540 г. утвердилась новая аристократия — еще новая, но уже респектабельная.

И еще до смерти Генриха VIII, а затем в бурные и эфемерные царствования Эдуарда VI (1547—1553) и Марии Тюдор (1553—1558) эта аристократия постепенно [привыкла] ни в чем себе не отказывать и вскоре стала противиться правительству. Ей благоприятствовали Реформация, продажа церковных земель и коронных имуществ, нараставшая активность парламента. Прикрываясь блеском царствования Елизаветы (1558—1603), сколь бы ярким ни был этот блеск на первый взгляд, аристократия укрепляла, расширяла свои преимущества и свои привилегии.

[61] Laslett P. *Le Monde que nous avons perdu*, p. 44.
[62] Goubert P. *Op. cit.*, I, p. 105.
[63] *Handbuch der deutschen Wirtschafts- und Sozialgeschichte*, S. 371.
[64] Относительно Венеции см.: *La Civiltà veneziana nell'età barocca*, p. 307, февраль 1685 г.; *La Civiltà veneziana del Settecento*, p. 244, 274.
[65] *Ibid.*, p. 244.

Не было ли знамением времени то, что королевская власть, которая вплоть до 1540 г. во множестве возводила пышные постройки, доказательства своей жизнеспособности, после этой даты приостанавливает [строительство]? Этот факт не ставит под сомнение конъюнктуру, поскольку роль строителя целиком переходит в это время к аристократии. К концу столетия повсюду в сельских местностях Англии множатся почти царские резиденции — Лонглит, Уоллатон, Уорксоп, Бёрли-хауз, Олденби [66]. Восхождение к власти этой знати сопутствовало становлению морского величия острова, росту сельскохозяйственных доходов и тому подъему, который Дж. Ю. Неф не без серьезных оснований именует первой промышленной революцией. С этого времени аристократии, чтобы наращивать или укреплять свои богатства, не так уж и нужна была королевская власть. И когда последняя в 1640 г. попробовала восстановить свою бесконтрольную власть, было слишком поздно. Знать и крупная буржуазия, которая вскоре сблизилась с нею, пройдут через трудные годы гражданской войны и достигнут процветания с реставрацией Карла II (1660—1685). «После новой смуты 1688—1689 гг. ... Английскую революцию (начавшуюся в 1640 г., а с определенной точки зрения даже раньше) можно считать завершившей свой цикл» [67]. Английский правящий класс преобразовался.

Укрупняющий [картину] пример Англии ясен, что не помешало ему вызывать немало яростных споров между историками [68]. И в других местах, по всей Европе буржуа одворянивались или выдавали своих дочерей замуж за дворян. Тем не менее, чтобы проследить колебания подобного процесса, понадобились бы дополнительные исследования, потребовалось бы с самого начала также допустить, что главная задача любого общества — *воспроизводить* себя в своей верхушке и, следовательно, задним числом признать воинствующую социологию Пьера Бурдьё [69]. И также с самого начала признать вслед за рассуждениями таких историков, как Дюпакье, Шоссинан-Ногаре, Жан Никола и, несомненно, некоторых других, что существуют социальные конъюнктуры, решающие по отношению ко всем [прочим]: имеются иерархия, порядок, которые непрестанно изнашиваются, затем в один прекрасный день начинают трещать. Тогда на вершину приходят новые индивиды, в девяти случаях из десяти для того, чтобы воспроизвести целиком, или почти целиком, прежнее состояние вещей. По мнению Жана Никола, в Савойе в правление Карла-Эммануила I (1580—1630) посреди бесчисленных бедствий, эпидемий чумы, нищеты, неурожаев, войн «новая аристократия, выросшая на деловых операциях, на крючкотворстве и на [административных] должностях, используя неустойчивую конъюнктуру, стремится занять место древнего феодального дворянства» [70]. Таким образом, новые богачи, новые привилегированные пролезают на место прежних; между тем как сильное потрясение, что опрокидывает некоторые прежние привилегии и делает возможным такое новое продвижение, влечет за собою у основания пирамиды серьезное ухудшение положения крестьянства. Ибо за все надо платить.

[66] По поводу Лонглита см.: *New Encyclopedia Britannica*, 15th ed. VI, p. 319; по поводу Уоллатон-холла — *Ibid.*, X, p. 729; относительно Бёрли-хауза см.: Gotch J. A. *Architecture of the Renaissance in England*. 1894, I, p. 1—3; относительно Олденби см.: Shaw H. *Details of Elizabethan Architecture*. 1839, p. 8.

[67] Laslett P. *Op. cit.*, p. 166.

[68] См.: Trevor-Roper H. R. *The General crisis of the seventeenth century*.— "*Past and Present*", № 16, november 1959, p. 31—64, и обсуждение этой статьи Э. Г. Косманом (Kossmann E. H.), Э. Дж. Гобсбаумом (Hobsbawm E. J.), Дж. Г. Гекстером (Hexter J. H.), Р. Мунье (Mousnier R.) Дж. Г. Эллиотом (Elliott J. H.), Л. Стоуном (Stone L.), а также ответ Х. Р. Тревор-Роупера (Trevor-Roper H. R.) в: "*Past and Present*" № 18, november 1960, p. 8—42. См. также обобщающий труд Лоуренса Стоуна: Stone L. *Les Causes de la Révolution anglaise* (французский перевод), 1974; Hexter J. H. *Reappraisals in History*. 1963, p. 117 f.

[69] Bourdieu P., Passeron J. C. *La Reproduction. Éléments pour une théorie du système d'enseignement*. 1970.

[70] См. статью Ж. Никола (Nicolas J.) в: *Histoire de la Savoie*. P. p. Guichonnet, 1974, p. 250.



Замок Бёрли-хауз в Стамфорд-Барон, в Линкольншире, на реке Уэлленд, сооруженный Уильямом Сесилом в 1577—1585 гг.
Одна из немногих сохранившихся (разумеется, в перестроенном виде) из большого числа резиденций, которые он приказал построить.
Фото Британской ассоциации путешествий (The British Travel Association).

КАК УЛОВИТЬ ПЕРЕМЕНУ?

Все это просто, без сомнения слишком просто. И протекает медленно, медленнее, чем полагают обычно. Разумеется, такого рода социальное движение почти не поддается измерению, но может быть, возможно уловить порядок величин, если попробовать в общих чертах (*grosso modo*) оценить число серьезных претендентов на социальное продвижение, т. е. самую богатую часть буржуазии, в соотношении с существующим дворянством или патрициатом. Историки привыкли несколько схематично различать высшую, среднюю и мелкую буржуазию. Нужно в кои-то веки поймать их на слове. В самом деле, для наших расчетов надлежит учитывать один лишь верхний слой, относительно которого можно принять, что он не достигал одной трети всей численности буржуазии. Когда, например, говорят, что французская буржуазия составляла в XVIII в. приблизительно 8% всего населения страны, то верхний [ее] слой едва ли мог превышать 2% [этого населения], т. е. он насчитывал бы, опять-таки в общем, с возможными отклонениями в ту или в другую сторону, то же самое число [людей], что и дворянство. Такое равенство — это *просто предположение*, но в случае Венеции, где полноправные граждане города (*cittadini*) были высшим слоем буржуазии, четко очерченным, часто богатым или по меньшей мере зажиточным, поставлявшим кадры правительственным канцеляриям Синьории (ибо должности покупались), даже выполнявшим начиная с 1586 г. такие высокие функции, как функции венецианских консулов за рубежом, а также занимавшимся коммерцией и промышленной деятельностью,— такие *cittadini* были численно равны с дворянством (*nobili*) [71]. Такое же равновесие наблюдалось и в довольно хорошо изученном и исчисленном «верхнем среднем» классе Нюрнберга около 1500 г.: численность патрициев и богатых купцов была равной [72].

Вполне очевидно, что именно между патрициатом (или дворянством) и непосредственно к нему прилегающим снизу слоем богатых купцов и происходило социальное продвижение. В какой пропорции? А вот это трудно измерить, исключая несколько особых случаев. Поскольку господствующий слой уменьшался в числе лишь в долгосрочном плане и, значит, продолжительное время оставался на одном и том же уровне, социальное продвижение должно было бы самое большее только заполнять пустоты. По словам Германа Келленбенца [73], именно это и происходило в Любеке в XVI в. Патрицианский класс — класс крупных негоциантов, насчитывавший от 150 до 200 семейств, в каждом поколении терял пятую часть своей численности, которая восполнялась примерно эквивалентным числом новых людей. Если мы примем, что поколение представляло два десятка лет, и возьмем для простоты цифру в 200 семейств, то в этом городе с 25 тыс. населения всего только две новые семьи переступали ежегодно порог господствующего класса, чтобы интегрироваться в группу, во сто крат более высокую [по статусу]. А так как эта группа сама включала разные уровни (на вершине реальную власть удерживали в руках 12 семейств), то можно ли вообразить, чтобы вновь прибывший стал ниспровергать правила той среды, в которую он входил? Бу-

[71] Beltrami D. *Storia della popolazione di Venezia*. 1954, p. 71, 72, 78. На 1581 г. доля в общей численности населения составила для дворян 4,5%, для *cittadini* 5,3, а на 1586 г.— соответственно 4,3 и 5,1%.

[72] Schultheiss W. *Die Mittelschicht Nürnbergs im Spätmittelalter.— Städtische Mittelschichten*. Hrsg. E. Maschke, J. Sydow, 1969.

[73] Kellenbenz H. *Marchands capitalistes et classes sociales*, p. 9 (машинописный текст). В XVI в. в Любеке торговцы на дальние расстояния (*Fernhändler*) насчитывали 50—60 семейств на 25 тыс. жителей.

дучи одинок, он более или менее быстро приспособится; над ним возьмут верх традиция и обычаи; он изменит образ жизни, даже костюм, а ежели понадобится, сменит и идеологию.

С учетом сказанного, коль все обстояло сложно, случалось также, что сам господствующий класс менял идеологию, ментальность, что он принимал или, казалось, принимал образ мышления новоприбывших или, вернее, тот, что предлагала ему социально-экономическая среда, что он отрекался от самого себя, по крайней мере внешне. Но такое самоотречение никогда не бывало простым или полным, и уж вовсе не обязательно катастрофическим для господствующего класса. Действительно, экономический подъем, что нес [на себе] новичков, никогда не оставлял безразличными людей, [уже] обретших свое место. Они тоже оказывались затронуты [им]. Альфонс Допш [74] привлек внимание к ранним сатирам малого «Луцидариуса» *, который высмеивает тех сеньеров конца XIII в., что неспособны были содержать себя при дворе государя иначе как за счет продажи зерна, сыра, яиц, свиней, молока, за счет доходов от своих дойных коров, за счет своих урожаев. Так, стало быть, дворянство это обуржуазивалось с XIII в.? А впоследствии аристократия еще более станет на стезю предпринимательства. В Англии аристократия и *джентри* с конца XVI в. открыто принимали участие в новых акционерных обществах, которые вызывала к жизни внешняя торговля. [75] Начавшееся движение более уже не остановится. В XVIII в. венгерское, немецкое, датское, польское, итальянское дворянство «меркантилизируется» [76]. Французское дворянство в правление Людовика XVI было даже охвачено настоящей страстью к деловым операциям. Именно оно, как утверждает историк, более всего рисковало, более всего спекулировало. В сравнении с ним буржуазия — осторожная, боязливая, предпочитающая ренту — играла жалкую роль [77]. Быть может, не стоит этому удивляться, ибо если французское дворянство только тогда ударилось в частное предпринимательство, то оно уже давно отважно спекулировало в другой сфере «крупных дел» — сфере королевских финансов и кредита (в качестве рантье).

В общем, если образ мышления на вершине иерархии тут или там «обуржуазивался», как это часто говорили, то происходило это не из-за новых членов, достигавших вершины — даже если в конце XVIII в. последних и было немного больше, чем обычно,— а скорее в силу [условий] эпохи, наметившейся во Франции промышленной революции. В самом деле, именно тогда высшее дворянство, «дворянство шпаги и дворянство мантии королевских и княжеских домов», участвовало «во всякого рода крупных прибыльных предприятиях, шла ли речь о трансатлантической торговле, о колониальных *поселениях* (*habitations*), о горных разработках [77a]. Это деловое дворянство впредь будет присутствовать во всех крупных центрах новой экономики: на копях Анзена и Кармо, на металлургических заводах Нидербронна и Ле-Крёзо, в крупных капиталистических товариществах, которые в те времена множились в числе и подталкивали вперед морскую торговлю. Так что ничего нет удивительного в том, что дворянство это, богатство которого оставалось огромным, изменяло свой дух, делалось иным, обуржуазивалось, как бы отрицая самое себя, станови-

[74] Dopsch A. *Verfassungs- und Wirtschaftsgeschichte des Mittelalters.* 1928, S. 329.
* «Луцидариус» — сборник нравоучительных рассказов, восходящий к апокрифическому латинскому сочинению на богословские темы и бывший в средние века как бы народной книгой.— *Прим. перев.*
[75] Rabb Th. K. *Enterprise and Empire.* 1967, p. 26 f.
[76] По данным Андре Пьеттра: Piettre A. *Les Trois Ages de l'économie.* 1955, p. 182. Цит. в кн.: Lutfalla M. *L'État stationnaire.* 1964. p. 98.
[77] Chaussinand-Nogaret G. *Aux origines de la Révolution: noblesse et bourgeoisie.*—"*Annales E. S. C.*", 1975 p. 265—277.
[77a] *Ibid.*

лось либеральным, желало ограничить королевскую власть, подготавливая революцию без ущерба и завихрений, аналогичную английскому перелому 1688 г. Несомненно, будущее уготовит ему горькие неожиданности. Но оставим это будущее. На протяжении лет, предшествовавших 1789 г., именно экономика, трансформируясь [сама], преобразовывала структуры и образ мышления французского общества. Так же как она это сделала гораздо раньше в Англии или в Голландии, и еще раньше — в торговых итальянских городах.

СИНХРОННОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ КОНЪЮНКТУР В ЕВРОПЕ

Кто будет удивляться тому, что экономика сохраняла свою роль в процессах социального продвижения? Что более удивительно, так это то, что, невзирая на явные разрывы [в уровнях] развития от страны к стране, социальная конъюнктура, как и заурядная конъюнктура экономическая, движение которой первая повторяет или выражает, обнаруживает тенденцию к синхронности по всей Европе.

Например, XVI в. в своем расцвете, скажем даже с 1470 по примерно 1580 г., был, на мой взгляд, по всей Европе периодом ускоренного социального продвижения, почти что биологического сдвига по своей стихийности. Буржуазия, вышедшая из торговли, в это время сама взбиралась на вершину тогдашнего общества. Оживление в экономике создавало, порой быстро, огромные купеческие состояния, и все врата социального продвижения были распахнуты настежь. Напротив, в последние годы этого столетия, с [началом] поворота вспять вековой тенденции или по крайней мере длительного периода между циклами [подъема], общества Европейского континента снова станут замыкаться. Во Франции, в Италии, в Испании все происходило так, как если бы после периода широкого обновления [состава] утвердившихся на вершине сеньериального общества лиц, после серии компенсировавших убыль [актов] возведения в дворянское звание двери, или лестница, социального продвижения закрылись вновь, и довольно плотно. То было истиной в Бургундии [78], истиной в Риме, истиной в Испании, где в открывшиеся пустоты устремились городские советники-рехидоры (*regidores*). И столь же истинно было это в Неаполе, где «изготовили несколько герцогов и князей, без коих можно было бы обойтись» [79].

Следовательно, процесс был всеобщим. И он был двойным: на протяжении этого долгого столетия часть дворянства исчезла и была сразу же замещена [другими], но, как только место оказалось занято, за вновь прибывшими захлопнулись двери. Так что разве не уместно проявить скептицизм, когда Пьер Губер объясняет Лигой и связанной с нею ожесточенной борьбой явный упадок французского дворянства, [притом что-де] «влияние экономических условий, в особенности условий конъюнктуры... [надлежит] отбросить»? [80] Разумеется, я не исключаю ответственности самой Лиги и связанных с нею катастроф, которые, впрочем, оп-

[78] О Бургундии см.: Drouot H. *Mayenne et la Bourgogne, étude sur la Ligue (1587—1596)*. 1937, I, p. 45, 51. По поводу Рима см.: Delumeau J. *Vie économique et sociale de Rome dans la seconde moitié du XVI^e siècle*. 1957—1959, I, p. 458: «Когда наступает XVII в., большие сеньеры былых времен [в Римской Кампании], отягощенные своими долгами, ликвидируют свои земельные владения и стушевываются перед лицом новой законопослушной аристократии, не имеющей воинственного прошлого».

[79] B. N., F. Esp., 127, около 1610 г.

[80] Goubert P. *Beauvais et le Beauvaisis de 1600 à 1730*. P., 1966, p. 219; см. статью Ф. Броделя (Braudel F.) в: "*Annales E. S. C*". 1963, p. 774.

ределенным образом вписывались в конъюнктурный спад конца века и были формой этого спада. Было даже нормально, что схожая конъюнктура принимала в разных европейских обществах разные формы. Объяснение Жоржа Юппера (Huppert), к которому я еще вернусь, специфично для Франции, но от этого оно ничуть не меньше связано с экономическим подъемом нового класса, вышедшего непосредственно из разбогатевшего купечества. И то был всеобщий процесс. Социальная и экономическая конъюнктура в XVI в. была повсюду одна и та же, она была хозяйкой положения. Так же будет и в XVIII в., когда социальное продвижение по всей Европе вновь развернется в полную силу. В Испании сатирики высмеивали новых дворян, настолько многочисленных, что не найти было более ни одной речки, ни одной деревушки или поля, с которыми не был бы связан [какой-нибудь] дворянский титул [81].

[81] Carr R. *Spain.— The European Nobility in the Eighteenth Century*, p. 44.

ТЕОРИЯ АНРИ ПИРЕННА

Теория Анри Пиренна относительно «Периодов социальной истории капитализма» [82], и ныне сохранившая свое значение, выходит за пределы конъюнктурного объяснения. Она предлагает объяснение в виде *регулярно действовавшего* социального механизма, объяснение, которое могло бы быть верифицировано в рамках индивидуальной или скорее семейной деятельности.

Великий бельгийский историк, проявлявший внимание к доиндустриальному капитализму, признавая его существование в Европе еще до Возрождения, отмечал, что купеческие семейства сохранялись непродолжительное время: два, редко — три, поколения. После чего они оставляли это ремесло, чтобы занять, ежели все шло хорошо, менее рискованное и более почетное положение, чтобы купить должность или, еще чаще, сеньериальное владение, или и то и другое разом. Следовательно, заключает Пиренн, не было капиталистических династий: какая-нибудь эпоха располагает своими капиталистами, но в следующую эпоху это будут уже не те [люди]. Как только деловые люди пожинали плоды благоприятного для них сезона, они торопились унести ноги, заняв, если возможно, место в рядах дворянства. И не только из социальных амбиций, но и потому, что умонастроение, обеспечивавшее успех их отцам, делало их неспособными адаптироваться к предприятиям новых времен.

Эта точка зрения сделалась общепринятой, потому что ее подтверждают многие факты. Герман Келленбенц [83], ссылаясь на города Северной Германии, показывает, как купеческие семейства, творческая сила этих городов, исчерпав себя к концу двух или трех поколений, переходят к спокойной жизни получателей ренты, предпочитая с этого времени своим конторам земельные имущества, которые позволяют им легко получать дворянские грамоты. Это именно так, особенно в затрагиваемый здесь период — в XVI и XVII вв. Я возражал бы единственно против выражения «творческая сила» и того образа предпринимателя, какой оно нам предлагает.

[82] Pirenne H. *Les Périodes de l'histoire sociale du capitalisme*. Bruxelles, 1922.

[83] Kellenbenz H. *Op. cit.*, p. 17.

Во всяком случае, были ли купцы творческой силой или не были, но такие отступления и такие перемещения бывали во все времена. Уже в XV в. в Барселоне члены старинных купеческих династий в один прекрасный день «переходят в *сословие* (*estament*) *благородных* (*honrats*)», еще тогда, когда вкус к [образу] жизни рантье отнюдь не преобладал в барселонском обществе [84]. Еще более впечатляет та относительная быстрота, с какой исчезают в Южной Германии, словно проваливаясь в люк, «славные имена XVI в. — аугсбургские Фуггеры, Вельзеры, Хёхштеттеры, Паумгартнеры, Манлихи, Хауги, Герварты; или нюрнбергские Тухеры и Имхофы и множество прочих» [85]. Дж. Гекстер, говоря о том, что он именует «мифом о среднем классе в тюдоровской Англии» [86], показал, что каждый историк рассматривает передвижение торговой буржуазии в [ряды] *джентри* и дворянства как явление, характерное для «его» эпохи, той, какую он изучает, тогда как явление, о котором идет речь, существовало во все времена. И Гекстер без труда это доказывает для самой Англии. Разве во Франции «Кольбер и Неккер не жаловались, с промежутком в одно столетие, на этот постоянный отток денежных людей в сторону спокойного положения земельного собственника и дворянина»? [87] В XVIII в. в Руане купеческие фамилии исчезают — то ли попросту угасая, то ли оставляя коммерцию ради судейских должностей, как, например, Лежандры (которые пользовались здесь славой богатейшего купеческого семейства Европы), как, например, Плантрозы [88]... То же происходило и в Амстердаме. «Ежели сосчитать знаменитые [торговые] дома [города],— пишет один наблюдатель в 1778 г.,— то нашлось бы весьма мало таких, чьи предки были бы негоциантами во времена революции [1566—1648 гг.]. Старинных домов более не существует: те, что ныне ведут самую крупную торговлю, суть новые фирмы, основанные и образованные совсем недавно. И именно таким-то образом коммерция постоянно переходит от одного дома к другому; ибо она естественным образом притягивается к самым деятельным и самым расчетливым из тех, кто ею занимается» [89]. Это [отдельные] примеры среди множества других. Тем не менее решает ли это проблему?

Если такие регулярные отходы торговых фирм на второй план в какой-то степени и были связаны с «износом» предпринимательского духа, то следует ли заключать, что конъюнктура была тут ни при чем? Более того, усматривать в этом явлении по преимуществу социальный аспект капитализма, который будто бы представляет всего лишь мгновение в жизни фамильной цепи, означает смешивать купца и капиталиста. Ведь если любой крупный купец — капиталист, то обратное отнюдь не обязательно справедливо. Капиталист мог быть лицом, предоставлявшим капиталы, хозяином мануфактуры, финансистом, банкиром, откупщиком, распорядителем государственных средств... Отсюда и возможность *внутренних* этапов: т. е. купец мог бы стать банкиром, банкир — выдвинуться в финансисты, те и другие — превратиться в получателей ренты с капитала и таким образом выжить на протяжении многих поколений [именно] *в качестве капиталиста*. Генуэзские купцы, которые становились еще до XVI в. банкирами и финансистами, невредимыми пережили последующие

84 Carrère Cl. *Barcelone, centre économique à l'époque des difficultés, 1380—1462*. 1967, p. 146.

85 Lütge F. *Deutsche Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*. 1966, S. 312.

86 Hexter J. H. *Op. cit.*, p. 76 f.

87 Taylor G. *Non-capitalist Wealth and the Origins of the French Revolution.*— "*American Historical Review*", 1967, p. 485.

88 Dardel P. *Commerce, industrie et navigation à Rouen et Havre au XVIII^e siècle*. 1966, p. 154—155.

89 Accarias de Sérionne. *La Richesse de la Hollande*, II, p. 31.



Прощание во дворе голландского загородного дома. Картина Питера де Хоха (около 1675 г.). ***Фото Жиродона***

столетия. Точно так же и в Амстердаме: следовало бы узнать по поводу тех семейств, что, по словам нашего очевидца 1778 г., не были более торговыми, чем они стали, не перебрались ли они в другую отрасль капиталистической деятельности, как то было вероятно, принимая во внимание условия Голландии XVIII в. И даже когда какой-либо капитал действительно покидал торговлю ради земли или должности, то если бы удалось достаточно долго проследить его продвижение в пределах общества, можно было бы заметить, что он вовсе не окончательно оставил в силу самого этого факта (*ipso facto*) капиталистический кругооборот, что бывали возвраты к торговле, к банковскому делу, к участиям, к вложениям в движимость и недвижимость, даже в промышленность или горное дело, а иной раз и к странным авантюрам, пусть даже лишь при посредстве браков и приданых, «которые заставляли капитал обращаться» [90]. Разве же не удивительно увидеть спустя столетие после колоссального банкротства дома Барди некоторых из их прямых наследников среди компаньонов банка Медичи? [91]

Другая проблема: на уровне *этапов капитализма*, на котором вел наблюдения Анри Пиренн, большее значение, чем купеческое семейство, имеет (и сегодня еще) та группа, часть которой оно составляет, которая его поддерживает и в целом его питает. Если мы будем рассматривать не Фуггеров, но всех крупных аугсбург-

[90] Dornic F. *Op. cit.*, p. 161.
[91] Roover R., de. *The Medici Bank.* 1948, p. 20, note 50.

ских купцов, их современников, не состояние Телюссонов и Неккеров, но фонды протестантского банка, то можно увидеть, что периодически происходила смена одной группы другой, но продолжительность каждого эпизода намного превышала два-три поколения, которые, по мнению Пиренна, были бы нормой, а главное — причины ухода и смены на сей раз бывали вполне конъюнктурными.

Единственное свидетельство тому (но оно важно!) — данные Г. Шоссинана-Ногаре о финансистах Лангедока, тех людях, что были одновременно предпринимателями, банкирами, арматорами, негоциантами, владельцами мануфактур и вдобавок финансистами и чиновниками финансового ведомства. Все они, или почти все, вышли из торговли, которую вели долгие годы с осмотрительностью и успехом. И все интегрировались в локальную систему деловых связей и породнившихся семейств, тесно державшихся друг друга [92]. Если мы понаблюдаем за ними в одном из диоцезов (административных единиц) Лангедока, то увидим, как сменяли одна другую три формации, различавшиеся по составу, по их деловым связям и семейным союзам. От одной формации к другой происходили разрыв и смена, *обновление людей*. Первая формация, которую можно обнаружить с 1520 по 1600 г., не пережила поворота конъюнктуры в конце XVI в.; вторая, с 1600 по 1670 г., просуществовала до поворотных лет, с 1660 по 1680 г.; наконец, третья продолжалась с 1670 по 1789 г., т. е. более столетия. Так что в общем это подтверждает интуитивную догадку Анри Пиренна, но ясно, что речь шла о *коллективной* эволюции, а не об индивидуальных судьбах; и о движениях довольно длительных.

Наконец, социальные этапы капитализма существуют лишь в том случае, если общество предлагает выбор: или лавка, или контора, или должность, или земля, или какое-то иное решение. А ведь общество может попросту сказать «нет» и перекрыть все пути. Взгляните на отклоняющийся от нормы, но знаменательный случай еврейских купцов и капиталистов: на Западе им не было дано выбора между деньгами, землей и должностью. Конечно же, мы не обязаны слепо верить в шесть веков существования еврейского банка семейства Норса [93]; но у него есть большие шансы установить абсолютный рекорд долгожительства. Купцы-банкиры Индии находились в аналогичном положении, будучи обречены своей кастовой принадлежностью заниматься исключительно деньгами. Точно так же в Японии был крайне затруднен доступ в [ряды] дворянства богатым купцам Осаки. Как следствие, они увязли в своей профессии. Зато, согласно последней книге Андре Реймона [94], купеческие семейства Каира существовали еще менее продолжительное время, нежели длительность этапов, намечавшаяся Анри Пиренном: мусульманское общество словно пожирало своих капиталистов в юном возрасте. Не таким ли точно образом обстояло дело на протяжении первой фазы торгового успеха Лейпцига, в XVI—XVII вв.? Его богачи не всегда бывали таковыми в течение всей своей жизни, а их наследники буквально со всех ног устремлялись к сеньериальным имениям и к спокойной жизни, которую те сулили. Но разве же ответственность за это в начале подъема лежала не на скачкообразно развивавшейся мощной экономике и вовсе не так уж на обществе?

[92] Chaussinand-Nogaret G. *Les Financiers du Languedoc au XVIII^e^ siècle*. 1970.

[93] Norsa P. *Una Famiglia di banchieri, la famiglia Norsa (1350—1950)*.— «*Bollettino dell' Archivio storico del banco di Napoli*», 1953.

[94] Raymond A. *Artisans et commerçants au Caire au XVIII^e^ siècle*. 1973, II, p. 379—380.

ВО ФРАНЦИИ: ДЖЕНТРИ ИЛИ ДВОРЯНСТВО МАНТИИ?

Любое общество в своей совокупности постоянно обретает свою сложность из самого своего долгожительства. Конечно, общество меняется, оно даже может целиком перемениться в [каком-то] одном из своих секторов; но оно упорно сохраняет свои главные выборы и структуры [и] на самом деле эволюционирует, оставаясь достаточно похожим на самое себя. Значит, если вы пытаетесь его понять, оно оказывается одновременно и тем, чем оно было, и тем, что оно есть, и тем, чем оно будет, оно предстает как бы накоплением в рамках длительной временной протяженности сменяющих друг друга постоянств и отклонений. Пример высшего французского общества XVI—XVII вв., как нельзя более усложненный, представляется в этой связи вполне доказательным тестом. Это самобытный случай, сам по себе объясняющий своеобычную судьбу, но содержащий также на свой лад и свидетельство о других обществах Европы. Помимо этого, он обладает тем преимуществом, что освещается во множестве исследований, которые успешно осмысливает заново превосходная книга Жоржа Юппера «Французские джентри» (*"The French Gentry"*) [95].

[95] Первоначальное название книги, которой я пользовался в машинописном виде и которая вышла в 1977 г. под названием «Мещане во дворянстве» ("Les Bourgeois-gentilshommes").

Слово *джентри* для обозначения высшего слоя французской буржуазии, разбогатевшего на торговле, но через поколение или два покинувшего лавку или контору, в общем эмансипировавшегося от торговли и от ее «пятна», поддерживаемого в его богатстве и его благосостоянии эксплуатацией обширных земельных владений, постоянной торговлей деньгами, покупкой королевских должностей, которые включались в наследственное имущество осмотрительных, экономных и консервативных семейств — так вот, это слово *джентри*, конечно же не общепринятое, вызовет резкое неудовольствие всех историков — специалистов по французской действительности этих столетий. Но открытая дискуссия по этому поводу быстро показывает свою благотворность. В самом деле, она ставит необходимый предварительный вопрос: определение класса, группы или категории [лиц], медленно продвигающихся к дворянскому достоинству и к традиционному для последнего социальному успеху. Класса незаметного и сложного, ничего общего не имевшего ни с пышным придворным дворянством, ни с унизительной бедностью «дворянства сельского», класса, который в общем эволюционировал в направлении собственного представления о дворянском достоинстве и образе жизни, который был бы присущ [именно] ему. Такой класс или такая категория требуют в словаре историков такого слова или выражения, которые бы легко вычленили его из вереницы социальных форм, [существовавших] между [временем] Франциска I и началом царствования Людовика XIV. Если вы не желаете говорить *джентри,* то вы не можете сказать и «высшая буржуазия».

Слово *буржуазия* разделяет судьбу слова *буржуа* — то и другое, вне сомнения, были в употреблении с XII в. Буржуа — это привилегированный гражданин города. Но в зависимости от рассматриваемых областей и городов Франции слово это получает распространение лишь к концу XVI в. либо к концу XVII в.

Определенно всеобщим сделает его [употребление] век XVIII, а Революция обеспечит его успех. Вместо слова *буржуа* там, где мы бы его ожидали и где оно порой и появлялось, расхожим выражением долгое время было словосочетание *«почтенный человек»* (*honorable homme*). Словосочетание, имевшее ценность теста: оно безошибочно обозначало первую ступень социального продвижения, трудного перемещения, которое надлежало проделать от «состояния от сохи», крестьянского состояния, к так называемым свободным профессиям. Такими профессиями были прежде всего судейские должности, должности адвокатов, прокуроров, нотариусов. Среди тех и других многие практики получали подготовку у старшего по возрасту собрата, не проходя через университет, а среди тех, кто получал университетское образование, многие будут проходить курс лишь номинально. К таким почтенным профессиям принадлежали также врачи и хирурги-цирюльники, причем в числе этих последних редким явлением бывали «хирурги св. Косьмы * или носящие мантию», т. е. окончившие [медицинские] школы [96]. Прибавьте [сюда] аптекарей, которые, как и остальные, зачастую передавали свое занятие «внутри одного и того же семейства» [97]. Но в среду «почтенных людей» с полным правом помещали (хоть они и не занимались так называемыми свободными профессиями) купцов, понимая под этим преимущественно (но не исключительно) негоциантов. В Шатодёне существовала подчеркнутая разница, по крайней мере внешне, между купцом-буржуа (негоциантом) и купцом-ремесленником (лавочником) [98].

Но одной лишь профессии не хватило бы для создания *почтенности* (*honorabilité*), требовалось также, чтобы привилегированное лицо обладало определенным богатством, пользовалось относительным благосостоянием, жило с достоинством, чтобы оно купило какие-то земли вокруг города и — непременное условие — чтобы оно жило в собственном доме ("pignon sur rue"). Обратите внимание, как эти три слова — *"pignon sur rue"* — еще и ныне звучат в наших ушах. Щипец крыши (*pignon*) «как и сейчас в церквах,— поясняет [словарь] Литтрэ,— создавал фасад дома», утверждал его полную законность...

Такова была по всей Франции, где бы ни повстречался с нею историк (даже в местечках, задним числом кажущихся нам заурядными), маленькая горстка почтенных людей, стоявшая выше массы ремесленников, мелких лавочников, окрестных важных шишек и крестьян. По нотариальным архивам возможно восстановить судьбу таких привилегированных первой ступени. Конечно, они ничего общего не имели с теми *джентри*, о которых идет речь. Для достижения этого уровня или для того, чтобы он сделался заметен, надо было подняться на дополнительную ступень, достигнуть уровня «благородных людей». Уточним, что «благородный человек» юридически не был дворянином, «благородным»; то было название, порожденное тщеславием и социальной реальностью. Даже если благородный человек владел сеньериями, даже если он «живет благородно, сиречь не занимаясь ни ремеслом, ни торговлею», он принадлежал не к «истинному дворянству», а к «дворянству почетному, не потомственному и несовершенному, каковое презрительно именуют городским

* Св. Косьма и Дамиан считались покровителями хирургического ремесла. — *Прим. перев.*

[96] Patin G. *Lettres*, II, p. 196.

[97] Baron R. *La bourgeoisie de Varzy au XVII^e^ siècle.*—"*Annales de Bourgogne*", 1964, p. 173.

[98] Couturier M. *Recherches sur les structures sociales de Châteaudun, 1525—1789.* 1969, p. 215—216. Например, среди дубильщиков различали *«мастеров-дубильщиков»* (*maître tanneurs*) и *«купцов-дубильщиков»* (*marchands tanneurs*) и только последние именовались *«почтенными людьми»* (*honorables hommes*).

[99] Loyseau C. *Cinq Livres du Droict des Offices*. 1613, p. 100.

[100] Laslett P. *Op. cit.*, p. 43—44.

[101] Huppert G. *Op. cit.*

дворянством и каковое в действительности есть скорее буржуазия» [99]. В противоположность этому, ежели в нотариальном акте наш «благородный человек» к тому же еще именуется и «оруженосцем» (*écuyer*), то у него есть все шансы быть признанным принадлежащим к дворянству.

Но эта принадлежность была фактом скорее *социальным*, нежели юридическим, фактом социальным, т. е. спонтанно возникшим из повседневной практики. Подчеркнем эти заурядные условия перехода в ряды дворянства. Начиная с 1520 г. число таких переходов росло без затруднений, они делались все более очевидным и более широким явлением. Не будем касаться столь редких дворянских грамот, продававшихся королем, покупки дававших дворянство должностей или исполнения функций эшевена, предполагавших дворянское достоинство (так называемое дворянство колокола, *de cloche*). Барьер дворянского состояния преодолевали главным образом посредством судебного расследования, после простого выслушивания свидетелей, которые гарантировали, что данный человек «живет благородно» (т. е. на свои доходы, не занимаясь физическим трудом) и что его родители и родители его родителей тоже жили благородно, на виду у всех. Эти переходы не представляли затруднения в той лишь мере, в какой возраставшее богатство привилегированных позволяло жить на дворянский лад, в той мере, в какой эти восходящие классы пользовались пособничеством судей, бывших зачастую в родстве с ними, в той мере, наконец, в какой, о чем мы уже говорили, утвердившееся дворянство в XVI в. не замыкалось в своих рядах. Во Франции того времени не было ничего, что могло бы напомнить формулу Питера Ласлетта [100], согласно которой разграничительная линия между дворянами и недворянами была будто бы столь же резко обозначена, как между христианином и неверным. Говорить следовало бы скорее о зонах с проницаемыми границами, о маки́, о *ничьей земле* (*no man's land*).

И что [еще] усложняло все: это новое дворянство даже не всегда обнаруживало желание раствориться в рядах дворянства традиционного. Если прав Жорж Юппер, а то, что он прав, более чем вероятно, «благородных людей» высокого ранга наверняка не следует видеть в образе «мещанина во дворянстве». Дата первого представления этой пьесы Мольера — поздняя (1670 г.), мы ушли к этому времени далеко от весны XVI в., да и карикатура нарисована, чтобы ублаготворить придворное дворянство. Конечно же, мэтр Журден — не чистая выдумка, но облик его соответствует облику лишь очень средней буржуазии, и было бы неверно видеть наших почти дворян, или уже дворян, XVI в. охваченными единственной страстью — приобщиться к дворянству, «как ежели бы оно было эликсиром жизни» [101]. По поводу того, что новому дворянству не чуждо было социальное тщеславие, не может быть никакого сомнения. Но тщеславие это не побуждало их разделять вкусы и предрассудки дворянства шпаги. Они не испытывали ни малейшего восторга перед военным ремеслом, охотой, дуэлями; напротив, их отличало презрение к образу жизни людей, которые были, на их взгляд, лишены и благоразумия и культуры, и они, не задумываясь, выказывали это презрение даже в письменной форме.

Впрочем, по этому поводу вся буржуазия, и высшая и средняя, думала одинаково. Дадим слово позднему свидетелю Удару Коко, простому реймсскому буржуа, но довольно богатому купцу [102]. В своих мемуарах он пишет (31 августа 1650 г.): «Вот состояние, жизнь и положение сих господ дворян, кои себя почитают за великий род; а большое число дворян живет ничуть не лучше и годно лишь на то, чтобы распекать и объедать крестьянина в своей деревне. Нечего и сравнивать: почтенные буржуа городов и добрые купцы более благородны, чем все они, ибо они более снисходительны, ведут более добропорядочную жизнь и являют лучший пример, их семья и их дом устроены лучше, нежели у дворян; каждый в пределах своей власти никого не заставляет роптать, оплачивает всякого, кто на него работает, а главное — они никогда не совершат подлого деяния; большая же часть этих ничтожных носителей шпаги поступает совсем противоположным образом. Ежели встает вопрос о сравнении, то они полагают, что они — всё и что буржуа на них должен смотреть такими же глазами, какими на них смотрят их крестьяне... Никто из порядочных людей не обращает на них внимания. Так ныне обстоят дела в мире, и не надобно более искать добродетели у дворянства».

Французские крупные буржуа, ставшие дворянами, на самом деле продолжали свою прежнюю жизнь, уравновешенную, благоразумную, в своих ли прекрасных городских домах, или в своих замках, или загородных резиденциях. Радостью жизни и гордостью для них была их гуманистическая культура; их усладу составляли их библиотеки, где протекали лучшие часы их досуга. Культурная граница, которая определяла и лучше всего характеризовала их,— это их страсть к латыни, к греческому, к правоведению, к античной и отечественной истории. Они стояли у истоков создания бесчисленных *светских* школ в городах и даже в местечках. Единственно, что их роднило с настоящим дворянством, были отказ от работы и от торговли, вкус к праздности, т. е. к досугу, что было для них синонимом чтения, научных споров с равными себе. Такой образ жизни требовал по меньшей мере зажиточности, а обычно эти новые дворяне располагали более чем зажиточностью — солидным состоянием, источники которого были троякими: методично эксплуатируемые земли; ростовщичество, осуществлявшееся главным образом за счет крестьян и дворян; и, наконец, должности судейские и в финансовом ведомстве, сделавшиеся передаваемыми и наследственными задолго до установления *полетты* (*paulette*) в 1604 г. * Тем не менее речь шла скорее об унаследованных, нежели о [вновь] созданных состояниях. Капитал — консолидированный, даже увеличенный, конечно, притягивал [новые] деньги, делая возможными социальные успехи и продвижение. Но поначалу выход на орбиту бывал всегда одинаков: *джентри* покидали торговлю, что они стремились скрыть от нескромных [глаз] и старательно оставляли в тени.

Но вряд ли кто-нибудь обманывался на сей счет. «Дневник» Л'Этуаля [103] сообщает нам — но кто не говорил об этом в его времена! — что Никола де Нёвилль, сеньер Вильруа (1542—1617), государственный секретарь, почти всю жизнь стоявший у кормила правления, сражавшийся «с массой бумаг... пергамен-

[102] *Mémoires de Oudard Coquault (1649—1668), bourgeois de Reims.* Éd. 1875, p. 128—129.

* Полетта — ежегодный взнос, выплачиваемый в казну за право передачи наследникам занимаемой должности.— *Прим. перев.*

[103] Издан Реймоном Лефевром. См.: L'Estoile. *Journal.* Éd. Lefebvre L. R., 1943, p. 131—133.



Пьер Сегье (1588—1672) был представителем того нового «дворянства», которое в XVI в. создало солидные состояния на земельных владениях, должностях и ростовщичестве (см. далее, с. 604).
Сам он сделает головокружительную политическую карьеру как безгранично преданный слуга монархии.
Канцлер с 1635 г., безжалостный судья во время процесса Фуке, он, тем не менее, был человеком большой культуры.
Разве не предпочел он быть изображенным с книгой в руке в прославленной библиотеке, которую он завещает аббатству Сен-Жермен-дэ-Пре?
Собрание Виолле.

тов... записок»[104], был внуком рыботорговца, который в 1500 г. купил три сеньерии, а затем и должности, получив в приданое сеньерию Вильруа, возле Корбея. Жорж Юппер приводит множество аналогичных примеров. Следовательно, никто не заблуждался, но повторим еще раз: в XVI в. общество не ставило препон социальному продвижению, оно скорее потворствовало ему. И как раз только в таком климате можно понять образование настоящего *класса* новых дворян, не интегрировавшихся, или плохо интегрировавшихся, в существующее дворянство, опиравшихся на свою собственную политическую мощь, на свою собственную сеть связей внутри самой своей группы. Явление ненормальное, которому, впрочем, не суждено было быть увековеченным.

Ибо в XVII в. все изменяется. До того времени псевдодворянство знавало трудные, даже драматические испытания: Реформацию, религиозные войны, но оно прошло через них не став ни протестантским, ни лигистским, но оставаясь «галликанским», «политичным», придерживаясь золотой середины, где удары доставались с обеих сторон, но где сохранялась возможность маневра. После 1600 г. все претерпевает эволюцию — социальная атмосфера, экономика, политика, культура. Теперь уже не становятся дворянами благодаря показаниям нескольких свидетелей перед снисходительным судьей; нужно представлять свои генеалогические древа, подвергать себя внушающим опасения расследованиям, и даже уже приобретенное дворянское достоинство не защищено от проверок. Социальная мобильность, которая снабжала людьми французское *джентри*, становится менее естественной и, главное, менее широкой. Произошло ли это оттого, что экономика стала менее оживленной, нежели в предшествовавшем столетии? Монархия, восстановленная Генрихом IV, Ришелье и Людовиком XIV, делается притеснительницей, она требует повиновения от своих чиновников, начиная с самих членов парламентов. Более того, король возвысил дворянство придворное, он позволил ему жить, процветать, держаться на переднем плане вокруг Короля-солнца, «короля театра», как сказал один из его приближенных[105], но театр этот был выгоден, ибо соединял в узком и выставленном напоказ кругу все возможности и льготы власти. Эта придворная знать поднялась против дворянства «мантии». И последнее столкнулось не только с этим препятствием, но и с монархией, которая в одно и то же время и давала ему его могущество, и ограничивала его. И вот вся группа наших «тоже» дворян оказалась в двусмысленном положении и в плане политическом, и в плане социальном. И, в заключение, отчасти против нее обращена была Контрреформация — против ее идей и ее интеллектуальных позиций. Новое дворянство заранее было на стороне Просвещения, будучи затронуто в известной мере духом рационализма, вплоть до изобретения «научной» формы истории[106]. Итак, все перевернулось, все шло «против шерсти» новому дворянству, оно стало излюбленной мишенью нападок иезуитов... И к тому же его роль будет двусмысленной и сложной во время вспышки янсенизма и во время Фронды. С начала 1649 г. и до мира в Рюейе (11 марта) * члены Парламента были хозяевами Парижа, «не посмев никак воспользоваться своим завоеванием»[107].

[104] Nouaillac J. *Villeroi, Secrétaire du roi*. 1909, p. 33.

[105] Если верить Анри Мерсье, то был королевский астролог Прими Висконти. См.: Mercier H. *Une Vie d'ambassadeur du Roi-Soleil*. 1939, p. 22.

[106] Huppert G. *L'Idée de l'histoire parfaite*. 1970.

* Мир в Рюейе завершил первый этап Фронды — Старую, или Парламентскую, Фронду, в которой главной силой, выступавшей против королевской власти, был парижский Парламент (1648—1649).— *Прим. перев.*

[107] Mandrou R. *La France aux XVII^e et XVIII^e siècles*. 1970. p. 130.

Именно во время этих затруднений, этих сменявших один другой кризисов *джентри* мало-помалу становится тем, что будут называть дворянством мантии, вторым дворянством, чье [достоинство] постоянно оспаривалось первым и которое с этим первым дворянством не смешивалось. Впредь будет налицо четкая иерархия этих двух дворянств, которые игра монархической власти противопоставляла друг другу, чтобы легче управлять. Несомненно, не случайно само выражение *дворянство мантии* появилось только в начале XVII в., по нашим современным подсчетам самое ранее в 1603 г. [108] Такое свидетельство языка мы не должны рассматривать как несущественное. Тогда завершилась одна фаза судьбы дворянства мантии. Теперь оно было четче определенным, менее спокойным и наверняка менее великолепным, чем в предыдущем столетии, но продолжало очень много весить в судьбах Франции. Для того чтобы сохраниться, дворянство мантии использовало все иерархии: земельную (сеньериальную), иерархию денежную, церковную, государственную (суды бальи, президиальные суды, парламенты, королевские советы), и плюс к тому выигрышные в долговременном плане иерархии культурные.

[108] См.: *Cayer présenté au roy par ceux du tiers estat de Dauphiné*.1[re] éd., Grenoble, 1603.— Цит. в кн.: Bitton D. *The French Nobility in crisis — 1560—1644*. 1969, p. 96, 148, note 26.

Все это было сложно, протекало под знаком медлительности, определенной тяжеловесности, под знаком успеха, добытого упорством. По мнению Жоржа Юппера, это дворянство мантии от своего зарождения в XVI в. и вплоть до Революции находилось в самом центре судеб Франции, «творя ее культуру, управляя ее богатством и создавая одновременно Нацию и Просвещение, создавая самое Францию». На ум приходит столько прославленных имен, что весьма соблазнительно подписаться под таким суждением. Однако же с важным ограничением: этот плодовитый класс, выражение определенной французской цивилизации, несла на руках вся Франция, она оплачивала цену его благосостояния, его устойчивости; мы даже посмеем сказать, его умственного развития. Этим материальным и культурным капиталом дворянство мантии распоряжалось на благо себе. Благо же страны — это все же иной вопрос.

Несомненно, нет европейской страны, которая бы не знала в том или ином виде этого раздвоения наверху [социальной] иерархии и этих латентных или открытых конфликтов между классом, достигшим вершины, и классом, к ней поднимавшимся. Тем не менее книга Жоржа Юппера имеет то преимущество, что примерно очертила французские особенности, подчеркнула самобытность дворянства мантии в ее генезисе и в сыгранной ею политической роли. Тем самым она не без пользы привлекает внимание к уникальному характеру каждой социальной эволюции. Причины были повсюду очень схожими, но решения различны.

ОТ ГОРОДОВ К ГОСУДАРСТВАМ: ПРОСТО РОСКОШЬ И РОСКОШЬ ПОКАЗНАЯ

Следовательно, почти нет правил, относящихся к социальной мобильности, к поведению перед лицом престижа денег, или



Венеция: дамы в масках. Картина Пьетро Лонги (1702—1785). ***Собрание Роже-Виолле.***

престижа рождения и титула, или престижа власти, которые надлежало бы открывать. С этой точки зрения у обществ не было ни единого возраста, ни одних и тех же иерархий, ни, в завершение всего, одного и того же образа мышления.

Все же в том, что касается Европы, существовало очевидное различие между двумя большими категориями: с одной стороны, обществами урбанизованными, имея под этим в виду общества рано разбогатевших торговых городов — итальянских, нидерландских и даже немецких, а с другой стороны, обществами обширных территориальных государств, которые медленно освобождались (да и то не всегда освобождались) от средневекового прошлого и порой еще вчера носили его следы. Прошло чуть больше столетия с тех пор, как Прудон писал: «В экономическом организме, как и в реальной политике, в отправлении правосудия, в народном образовании нас еще душит феодализм»[109].

[109] Цит. в кн.: Bancal. *Proudhon*, I, p. 85, № 513.

Не раз говорили и повторяли, что эти два мира отличали четко выраженные особенности. Можно было бы привести сотню старинных или современных версий вот этого замечания из

[110] A. N., G 7, 1686, 156.
[111] Saint-Cyr. *Le Tableau du siècle*. 1759, p. 132,— Цит. в кн.: Élias N. *La Société de Cour*. 1974, p. 11.
[112] Fernández Alvarez M. *Economia, sociedad y corona*. 1963, p. 384.
[113] *Variétés*, V, 235 [1710 г.].

французской памятной записки, писанной около 1702 г.: «В государствах монархических купцы не могут достигнуть тех же степеней уважения, как в государствах-республиках, где обычно правят именно негоцианты» [110]. Но не будем настаивать на этой самоочевидной истине, которая никого не удивит. Проявим только внимание к поведению элит в зависимости от того, обитали ли они в городе, издавна пребывавшем под властью торговли и денег, или же в обширных территориальных государствах, где двор (например, английский или французский) задавал тон всему обществу. «Город [понимай: Париж] есть, как говорят, обезьяна [подражатель] двора» [111]. Короче, город, управляемый купцами, будет жить иначе, чем город, управляемый государем. Испанский *arbitrista* (т. е. советчик, зачастую склонный к морализированию) Луис Ортис, современник Филиппа II, говорит нам это без околичностей. Дело происходит в 1558 г., в охваченной беспокойством Испании: король Филипп II отсутствует в королевстве, он пребывает в Нидерландах, где его удерживают военные надобности и потребности международной политики. В Вальядолиде, которому еще предстоит короткое время оставаться столицей Испании, правилом были роскошь, кичливость, меха, шелка, дорогие духи, невзирая на трудности момента и драматическую дороговизну. Однако же, констатирует наш испанец, такой роскоши нет ни во Флоренции, ни в Генуе, ни в Нидерландах, ни даже в соседней торговой Португалии. «*В Португалии,*— говорит он,— *никто не одевается в шелка*» (“*En Portugal, ningun viste seda*”) [112]. Но Лисабон — торговый город, он задает тон в Португалии.

В итальянских городах-государствах, рано захваченных купцами (Милан — в 1229 г., Флоренция — в 1289 г., Венеция — самое позднее в 1297 г.), деньги были действенным и незаметным цементом, [скреплявшим] социальный порядок, «прочным клеем», как говаривали парижские печатники XVIII в. [113] Патрициат, для того чтобы править, не слишком нуждался в том, чтобы ослеплять, очаровывать. Он держал в руках денежные нити, и этого ему было достаточно. Не то чтобы он пренебрегал роскошью, но она старалась остаться незаметной, даже тайной. В Венеции дворянин носил длинное черное одеяние, которое даже не было признаком его ранга, ибо, как объясняет это Чезаре Вечеллио в комментариях к своему сборнику «*древних и новых одежд разных частей света*» (“*habiti antichi et moderni di diverse parti del mundo*”) (конец XVI в.), такую тогу носили также «*буржуа, доктора, купцы и прочие*» (“*cittadini, dottori, mercanti et altri*”). Молодые дворяне, добавляет он, охотно носят под черной тогой шелковую одежду нежных цветов, но они сколь только возможно скрывают эти цветовые пятна «*из-за определенной скромности, свойственной сей Республике*» (“*per una certa modestia propria di quella Republica*”) ... Так что отсутствие похвальбы [роскошью] одежды не было невольным у венецианского патриция. Точно так же и ношение маски, не ограниченное только карнавалом и общественными праздниками, было способом оставаться неузнанным, затеряться в толпе, смешаться с нею, получить свое удовольствие, не выставляясь напоказ. Венецианские дворянки пользовались маской, когда

отправлялись в кафе, в общественные места, в принципе запретные для дам их положения. «Какое удобство [эта] маска! — говаривал Гольдони.— Под маскою все равны, и главные сановники могут каждодневно ... сами узнавать все подробности, что занимают народ ... Под маской может находиться дож, часто прогуливающийся таким образом». В Венеции роскошь, зачастую грандиозная, была уделом государственного аппарата либо же сугубо частной жизни. В Генуе *нобили* одевались в определенной строгой манере. Торжества скрытно протекали в сельских домах или внутри городских дворцов, а не на улицах или общественных площадях. Мне хорошо известно, что в XVII в. во Флоренции утвердилась роскошь пользования каретами, немыслимая, по вполне понятным причинам, в Венеции и невозможная в Генуе с ее узкими улочками. Но Флоренция республиканская закончила свои дни с возвращением в 1530 г. Алессандро Медичи и созданием в 1569 г. Великого герцогства Тосканского. Однако даже в этот период Флоренция жила просто, на взгляд испанца почти что по-буржуазному. И точно так же тем, что делало из Амстердама последний европейский *полис*, была среди всего прочего и намеренная скромность его богачей, поражавшая даже визитеров-венецианцев. Кто бы отличил на амстердамской улице Великого пенсионария Голландии * от других буржуа, мимо которых он проходил? [114]

Перебраться из Амстердама или из одного из итальянских городов, издавна богатых, в столицу нового государства или к какому-нибудь княжескому двору означало оказаться в совсем иной атмосфере. Здесь скромность или незаметность уже никогда не были целью. Дворянство, занимавшее первые ряды социальной структуры, позволяло себя ослепить княжеским великолепием и в свою очередь хотело ослеплять. Оно важничало, должно было выставлять себя напоказ. Блистать — это значит навязать свое превосходство, отделить себя от простых смертных, подчеркнуть в почти ритуальной манере, что ты принадлежишь к другой породе, удерживать прочих на расстоянии. В противоположность само собой разумеющейся привилегии денег, которую ты держишь в своих руках, привилегия рождения и ранга имеет ценность лишь в той степени, в какой она признается другими. Ежели в Польше в век Просвещения князь Радзивилл, способный один (как это было в 1750 г.) набрать армию и снабдить ее артиллерией, устроил однажды в своем городке Несвиже винные реки, оставаясь «внешне безразличным к количеству розданного и утекшего вина», то, замечает В. Кула, это был способ произвести впечатление на зрителей (вино в Польше было очень дорогостоящей статьей импорта), способ «заставить уверовать в его неограниченные возможности, добиться покорности зрителей его воле ... Следовательно, такое расточительство было рациональной акцией в рамках заданной социальной структуры» [115]. Та же кичливость и в Неаполе: во времена Томмазо Кампанеллы, революционера с сердцем, озаренным «Городом Солнца» (1602 г.), о Фабрицио Караффе, князе делла Рочелла, имели обыкновение говорить, что он тратит свои деньги «*на неаполитанский лад*» (“*alla napoletana*”), «*что означает из тщеславия*» (“*cioè in vanità*”). В то время как их

* Великий пенсионарий — высший сановник Провинциальных Штатов Голландии и фактический глава исполнительной власти Соединенных Провинций.— *Прим. перев.*

[114] См. т. 3 настоящей работы, гл. 3.

[115] Kula W. *On the typology of economic systems.— The Social Sciences, Problems and Orientations.* 1968, p. 115.

подданные буквально умирали с голоду, неаполитанские сеньеры тратили состояния на «собак, лошадей, шутов, затканные золотом материи и *на шлюх, что всего хуже»* (*"е puttane che è peggio"*) [116]. Ведя себя так, эти расточители (они могли располагать 100 тыс. экю дохода, тогда как на каждого из их подданных приходилось по три экю), конечно, утоляли свою жажду наслаждений, но в еще большей мере — потребность ослеплять. Они играли свою роль, они делали то, чего всякий от них ожидал, то, чем народ готов был восхищаться в такой же мере, как и завидовать, а затем ненавидеть. Повторяю: разыгрываемый спектакль был средством господства. Необходимостью. Этим неаполитанским дворянам приходилось часто бывать при дворе испанского вице-короля, добиваться его благосклонности пусть даже ценой разорения и возвращения в свои владения без денег. И таким вот образом они приобретали вкус к жизни в великой столице — одной из самых больших в Европе и, конечно же, требовавшей огромных расходов. Так было в 1547 г., когда семейство Бизиньяно воздвигло в городе свой большой дворец Кьяйя. Покинув свои калабрийские владения, они зажили там, как прочие большие господа: окруженные небольшим двором, где толпились придворные, художники, литераторы, находившиеся на содержании хозяина дома [117].

Каким бы «прибыльным», и, значит, рациональным, ни было это выставляемое напоказ тщеславие, оно зачастую доходило до мании, чтобы не сказать до психоза. Фенелон утверждает, будто Ришелье «не оставил в Сорбонне ни одной двери или оконного стекла, на которых бы не красовался его герб» [118]. Во всяком случае, в носящей его имя деревушке Ришелье, «где высилась отцовская усадьба и которую еще и сегодня можно видеть между Туром и Лудёном», кардинал велел построить город, оставшийся наполовину пустым [119]. Это до мельчайших деталей напоминает княжескую фантазию умершего в 1591 г. Веспасиано Гонзаги из семейства герцогов Мантуанских, который отчаянно пытался стать независимым государем и за неимением лучшего велел построить чудесный маленький городок Саббионетту [120] с роскошным дворцом, античными галереями, казино, театром (что в XVI в. было еще редкостью), с церковью, специально сооруженной, чтобы сделать возможными выступления хоров и инструментальные концерты, с современными укреплениями. Короче говоря, все обрамление настоящей столицы, в то время как городок этот возле реки По не играл никакой экономической или административной роли и едва ли имел значение военное: там в прошлые времена был построен укрепленный замок. Веспасиано Гонзага жил в Саббионетте настоящим государем со своим маленьким двором, но после его смерти город был покинут и забыт. Ныне он возвышается как красивая театральная декорация посреди сельской местности.

В итоге существовало две манеры жить и являться [перед окружающими]: либо выставление напоказ, либо же скромность. Там, где еще не утвердилось общество, основанное на деньгах, старая политика показной роскоши была необходима господствующему классу, ибо он не мог бы слишком рассчитывать на

[116] Campanella T. *Monarchia di Spagna.*— Campanella T. *Opere.* 1854, II, p. 148. Цит. в статье К. де Фиде (Fide C., de) в: *Studi in onore di Amintore Fanfani*, V, p. 5—6, 32—33.

[117] Galasso G. *Economia e società nella Calabria del Cinquecento*, p. 242.

[118] Fénelon. *Dialogues des Morts.* 1718, II, p. 152.

[119] Pernoud R. *Histoire de la bourgeoisie en France.* 1962, II, p. 10.

[120] Carpeggiani P. *Mantova, profilo di una città.* 1976, appendice: *Sabbionetta*, p. 127 sq. Слово casino (p. 139) обозначало приватную виллу государя с садом.



Царская роскошь и развлечения при «ренессансном дворе» Англии XVI в.: танец королевы Елизаветы и ее фаворита Роберта Дадли, графа Лестера, на придворном балу. ***Фото Национальной портретной галереи.***

молчаливую поддержку денег. Конечно, жизнь напоказ могла внедриться повсюду. Она никогда не отсутствовала там, где у людей были время и желание, чтобы взглянуть друг на друга, оценить впечатления, сравнить себя с другими, определить взаимное положение по деталям, по манере одеваться, есть, даже представляться или говорить. И даже торговые города не закрывали свои ворота на двойной оборот ключа перед показным блеском. Однако же, когда они открывали их несколько чрезмерно, это бывало признаком их дезорганизации, поражавшего их экономического и социального недуга. Венеция после 1550 г. была слишком богата для того, чтобы верно судить о своем истинном положении, с того времени подорванном. И роскошь в ней становилась с каждым днем все более навязчивой, более разнообразной, более явной, чем прежде. Множится число законов против роскоши, которые, как всегда, отмечали, но не сдерживали затраты на пышность: великолепные свадьбы и крещения, так называемые фальшивые жемчуга, которыми покрывали себя женщины, а также их обыкновение носить поверх

* *Zubone* — род кафтана.— Прим. перев.

[121] По поводу предшествующего параграфа см. в качестве примеров: A. d. S. Venezia, Senato Terra, 24 (9 января 1557 г.); 32, Padova (9 января 1562 г.); Molmenti P. *Op. cit.*, II, p. 111.

[122] Kuczinski J. *Op. cit.*, p. 71.

[123] Архив кн. Воронцова, кн. 8, М., 1876, с. 34, 18/29 декабря 1796 г.

[124] Parreaux A. *La Société anglaise de 1760 à 1810*. 1966, p. 12. Эбингдон расположен на Темзе в графстве Беркшир.

[125] Между 1575 и 1630 гг. примерно половина *пэров* вложила капиталы в торговлю, т. е. каждый второй; если же принять во внимание всю совокупность дворянства и джентри, тогда соотношение составит 1 к 50. См.: Rabb Th. K. *Enterprise and Empire*. 1967, note 16 et p. 27.

своих платьев "zubone" * и иные мужские одежды из шелка (*"zuboni et altre veste da homo de seda"*). Отсюда такое количество угроз против нарушителей и против «портных, вышивальщиков, рисовальщиков», кои потворствовали злу. В богатых семействах «женитьба была, несомненно, родом публичного празднества ... В мемуарах того времени речь идет только о торжествах, турнирах, балах, уборах к свадьбе» — доказательство того, что Синьория не положила этому конец. А переход частного в общественную проблему есть признак, который следует запомнить [121].

Не будем слишком поспешно утверждать, будто в Англии эволюция шла в противоположном направлении. Дело обстояло сложнее. В XVII в. показная роскошь захлестнула там все: был двор, была пышность дворянства. Когда Генри Беркли, лорд-лейтенант Глостершира, отправлялся «в Лондон с кратким визитом, он брал с собой для сопровождения 150 слуг» [122]. Конечно, в XVIII в. и в особенности во время долгого царствования Георга III (1760—1820) английские богачи и сильные мира сего вскоре предпочли пышности роскошь комфорта. Семен Воронцов, посол Екатерины II [123], привычный к чопорной пышности санкт-петербургского двора, наслаждался свободой этого мира, «где живут, как хотят, и где нет в делах никаких формальностей этикета». Но это не значит, что такие замечания вполне ясно и верно характеризовали английский социальный порядок. В действительности он был сложен и разнообразен, ежели его рассмотреть на досуге. Английское дворянство, или, вернее, аристократия, взошедшая на вершину социальной иерархии в основном со времен Реформации, была недавнего происхождения. Но в силу тысячи причин, среди которых играла свою роль и корысть, она усвоила повадки старой земельной аристократии. Знатная английская фамилия опиралась прежде всего на обширные земельные владения, и в центре этих владений, как символ преуспеяния, высилась резиденция, зачастую достойная государя. Эта аристократия была одновременно, как о ней говорили, «плутократической и феодальной». Как феодальная, она придавала себе необходимый, немного театральный блеск. В 1766 г. в Эбингдоне обосновались новые сеньеры, «они устроили обед для нескольких сотен *джентльменов*, арендаторов, соседних жителей. Колокола звонили вовсю». Проходит конная процессия с фанфарами впереди, а вечером дается иллюминация [124].... В этой шумихе нет ничего «буржуазного», в социальном смысле она была необходимой хотя бы для того, чтобы обосновать необходимость власти аристократии в данной местности. Но такой пышный спектакль не исключает вкуса к делам и [делового] практического опыта их ведения. Со времен Елизаветы именно высшее дворянство, *пэры*, охотнее всего вкладывало капиталы в торговлю на дальние расстояния [125].

В Голландии дело происходило по-иному. Там на вершине иерархии утвердились регенты городов, те, кого во Франции назвали бы «дворянами колокола». Они были там буржуазной аристократией.

Во Франции, как и в Англии, картина была довольно сложной: по-разному развивались столица, над которой господство-

вал двор, и крупные торговые города, начавшие осознавать свою возрастающую силу и свою самобытность. Богатые негоцианты Тулузы, Лиона или Бордо мало афишировали свою роскошь. Они сохраняли ее для интерьеров своих красивых городских домов и еще более — «для своих сельских резиденций, загородных домов, которые окружали города в радиусе одного дня пути на лошади» [126]. Напротив, в Париже богатейшие финансисты XVIII в. почтут своим долгом воспроизводить ту преувеличенную роскошь, что их окружала, и подражать образу жизни высшего [слоя] дворянства.

[126] Gascon R. *Op. cit.*, I, p. 444.

РЕВОЛЮЦИИ И КЛАССОВЫЕ БОИ

Нижележащая масса общества удерживалась в сети установленного порядка. Если она начинала слишком уж шевелиться, звенья сети сжимали и укрепляли либо изобретали иные способы удержать сеть. Государство было тут как тут, чтобы спасать неравенство, «замковый камень» социального порядка. Культура и те, кто ее представлял, [тоже] были тут как тут, зачастую для того, чтобы проповедовать смирение, покорность, благоразумие, необходимость отдавать кесарю кесарево. Лучше всего было то, что «органическая» масса общества спокойно эволюционировала сама собой, в пределах, которые не ставили под угрозу всеобщее равновесие. Не запрещалось переходить с одной низкой ступеньки иерархии на непосредственно вышележащую, тоже низкую, ступень. Социальная мобильность проявлялась не только на самой высокой стадии восхождения; она была действительной также и при переходе от крестьянина к купцу-пахарю, к «деревенскому петуху», или же от «деревенского петуха» — к мелкому местному помещику, к «откупающим феодальные права с торгов, арендаторам на английский манер, [т. е.] в такой же мере плодовитым семенам буржуазии» [127], или при доступе мелкого буржуа к должности, к ренте. В Венеции, «как на последнего человека, смотрели на того, чье имя не фигурировало в списках какого-нибудь братства [*Scuola*]» [128]. Но ничто не препятствовало ни ему, ни кому-либо из его детей по крайней мере вступить в *ремесленный цех* (*Arte*) и преодолеть первый этап.

Все эти маленькие драмы социального «этапа», эта борьба за то, чтобы *«быть тем, кто я есть»* (*“el ser quien soy”*), как говорил персонаж одного плутовского романа (1624 г.) [129], могут быть поняты как признаки определенного классового сознания. К тому же это доказывают и восстания против установленного порядка [130], а им несть числа. Ив-Мари Берсе насчитал на пространстве Аквитании за период с 1590 по 1715 г. пять сотен крестьянских восстаний или «почти восстаний». В перечне, относящемся к сотне немецких городов, отмечено двести столкновений, зачастую кровавых, с 1301 по 1550 г. В Лионе 357 лет, с 1173 по 1530 г., ознаменовались 126 волнениями (немного больше одного выступления на каждые три года). Назовем ли мы эти столкновения или эти волнения восстаниями, бунтами,

[127] Выступление Пьера Вилара на Международном конгрессе исторических наук в Риме в 1955 г.

[128] Molmenti P. *La Vie privée à Venise*. 1896, II, p. 75.

[129] Jerónimo de Alcalá. *El donador hablador*. 1624.— *La Novela picaresca española*. 1966, p. 1233.

[130] По поводу приводимых далее примеров см.: Bercé Y.-M. *Op. cit.*, II, p. 681, (Аквитания); Maschke E. *Deutsche Städte am Ausgang des Mittelalters*, S. 21 (немецкие города); Fédou R. *Le cycle médiéval des révoltes lyonnaises*.—“*Cahiers d'histoire*”, 1973, 3, p. 240 (Лион).

брожением, классовыми боями, инцидентами или как либо по-другому — но в любом случае иные из них обнаруживали такую дикую мощь, что к ним подходит одно лишь слово — *революция*. В масштабе [всей] Европы на протяжении пяти веков, охватываемых этой книгой, речь идет о десятках тысяч фактов, которые не все еще обозначены так, как они бы того заслуживали, не все еще извлечены из архивов, где они дремлют. Однако же проведенные к настоящему времени исследования позволяют сделать некоторые выводы, выводы, имеющие шансы оказаться точными в том, что касается крестьянских бунтов, но зато имеющие и много шансов оказаться ошибочными в том, что касается рабочих волнений, главным образом городских.

Что до крестьянских движений, то по поводу Франции была проделана огромная работа, начиная с носящей революционный характер книги Бориса Поршнева [131]. Но вполне очевидно, что дело касалось не одной Франции, даже если она благодаря усилиям историков и сделалась в настоящий момент образцом. Во всяком случае, никак невозможно ошибиться относительно совокупности известных фактов: крестьянский мир не переставал бороться против того, что его угнетало. Против государства, сеньера, внешних обстоятельств, неблагоприятных конъюнктур, вооруженных отрядов — против того, что ему угрожало или по меньшей мере стесняло деревенские общины, условие свободы этого мира. И в его представлении все это обнаруживало тенденцию слиться воедино. Вот около 1530 г. сеньер отправляет своих свиней [пастись] в общинном лесу, и маленькая деревушка в неаполитанском графстве Нолизе поднимается, чтобы защитить свои права на выпас, с криками: «Да здравствует народ и смерть сеньеру!» (*“Viva il popolo e mora il signore!”*) [132]. Отсюда непрерывный ряд инцидентов, дающих представление о традиционном образе мышления, о специфических условиях жизни крестьянина,— и все это вплоть до середины XIX в. Если искать иллюстрации тому, чем могла быть «длительная временная протяженность» с ее повторами, ее пережевыванием одного и того же, с ее монотонностью, как предложила то Ингемар Бог, то великолепные примеры тому дает история крестьянства, их можно, [что называется], грести лопатой [133].

Первое прочтение этой чересчур пространной истории оставляет впечатление, будто это никогда не утихавшее брожение почти ни разу не могло восторжествовать. Восставать значило «оскорблять небо» [134]. Жакерия в Иль-де-Франсе в 1358 г.; восстание английских трудящихся в 1381 г.; восстание Дожи в Венгрии (1514 г.); Крестьянская война 1525 г. в Германии; выступление коммун Гиени против габели в 1548 г.; мощное восстание Болотникова в России в начале XVII в.; огромного размаха крестьянская война, потрясшая в 1647 г. королевство Неаполитанское,— все эти яростные взрывы неизменно терпели неудачу. Точно так же, как и менее крупные бунты, регулярно за ними следовавшие. В общем установленный порядок не мог терпеть крестьянские беспорядки, которые, если принять во внимание подавляющее преобладание деревни, обрушили бы все здание общества и экономики. Крестьянину противостояла почти постоянная коалиция государства, дворян, буржуа-землевладель-

[131] Поршнев Б. Ф. *Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623—1648)*. М.-Л., 1948.

[132] См. работу К. де Фиде (Fide C., de) в: *Mélanges Fanfani*, 1962, V, p. 1—42.

[133] См. статью И. Бог (Bog I.) в: *Zeitschrift für Agrargeschichte*. 1970, S. 185—196.

[134] *Variétés*, VII, p. 330, 7 июня 1624 г.

цев, даже церкви и, конечно же, городов. И тем не менее под золою тлел огонь.

Однако неудача была не такой полной, как это кажется. Да, крестьянина всегда крутыми мерами приводили к повиновению, но с окончанием этих возмущений нередко достигался прогресс. Разве в 1358 г. жаки * не обеспечили свободное состояние крестьян вокруг Парижа? Запустения, а затем повторного заселения этой ключевой области недостаточно, пожалуй, чтобы целиком объяснить эволюцию этой свободы, некогда завоеванной, затем вновь обретенной и сохраненной? Была ли Крестьянская война 1525 г. полной неудачей? Пусть даже так. Восставший крестьянин между Эльбой и Рейном не сделался вновь крепостным, как крестьянин заэльбских областей; он сохранил свои вольности, свои старинные права. В 1548 г. Гиень (Гюйенн) была разгромлена, это правда, но габель упраздни-

* *Жак-простак* — пренебрежительное прозвище французского крестьянина; оно дало название крестьянскому движению 1358 г. (Жакерия).— *Прим. перев.*



Нападение крестьян на одинокого рыцаря — Жана де Ваврэна. «Английские хроники», XV в. *Фото Национальной библиотеки.*

ли [135]. А ведь посредством соляного налога монархия взламывала, насильственно открывала вовне деревенскую экономику. Вы скажете также, что широкое революционное движение в деревне осенью и зимой 1789 г. в определенном смысле потерпело неудачу: ибо кто завладел национальными имуществами? Тем не менее отмена феодальных прав не была ничтожным подарком.

Что касается волнений рабочих, то мы тем хуже осведомлены, что факты очень разрозненны, если принять во внимание изначальную нестабильность, присущую работе по найму, и постоянные крахи «промышленной» активности. Рабочий мир без конца то концентрировался, то рассеивался, гонимый к другим местам [приложения] труда, порой к занятию иными профессиями, и это лишало рабочие движения устойчивой солидарности, бывшей условием успеха. Так, первоначальное развитие производства лионской бумазеи, подражавшее [развитию] ремесел Миланской области и Пьемонта, было очень быстрым, в нем трудилось до 2 тыс. мастеров и рабочих. Затем наступил спад, даже крах, к тому же еще и в эпоху дороговизны. «Работники сего ремесла, зарабатывая мало, более не в состоянии были жить в городе; некоторые [из них] ... удалившись в Форез и Божоле, работают там», но в столь скверных условиях, что их продукция «не пользуется более никакой [доброй] славой»[136]. На самом деле производство бумазеи переместилось, нашло для себя новые очаги в Марселе и во Фландрии. «Крах сего производства,— заключает памятная записка 1698 г., которую мы читаем,— тем более ощутимая потеря для Лиона, что там еще можно видеть часть [этих] рабочих — почти бесполезных нищих, живущих на общественный счет». Если и существовало какое бы то ни было движение среди 2 тыс. лионских бумазейщиков — а нам о нем неизвестно,— то оно, должно быть, угасло само собой.

Другая слабость: концентрация труда рабочих оставалась незавершенной в той мере, в какой рабочая сила чаще всего представала в виде мелких объединений (даже внутри промышленного города), а также и в той мере, в какой рабочий (подмастерье) охотно странствовал или же пребывал одновременно в деревне и в городе, будучи разом и крестьянином, и наемным работником. Что касается городского мира труда, то он повсюду был расколот, пребывая отчасти в железном ошейнике старинных корпораций, узких и мелочных привилегий цеховых мастеров. Свободный труд появлялся почти везде, но и он тоже существовал не под знаком сплоченности: наверху — относительно привилегированные, «платящие заработную плату» ремесленники, которые работали на хозяина, но и сами заставляли работать более или менее многочисленных подмастерьев и слуг (в общем, то были субподрядчики); ниже них — те, кто в таком же положении мог рассчитывать только на семейную рабочую силу; наконец, обширный мир наемных рабочих, а еще ниже — поденщики без специальной подготовки, носильщики, грузчики, чернорабочие, «грошовые работники» (*"gagne-deniers"*), самым удачливым из которых платили поденно, а самым обездоленным — сдельно.

В таких условиях было естественно, что история рабочих требований и рабочих движений предстает как ряд кратких эпизодов, почти что не связанных друг с другом и едва следующих друг за

135 Bercé Y.-M. *Op. cit.*, p. 300.

136 B.N., Fr., 21773, f° 31.

другом. Это пунктирная история. Делать на основе этого заключение, как то слишком часто бывает, об отсутствии всякого классового сознания, вероятно, ошибочно, если судить по тем эпизодам, которые мы знаем лучше. Правда заключается в том, что мир рабочих в целом был зажат между невысоким вознаграждением и угрозой безысходной безработицы. Высвободиться он мог бы только путем насилия, но фактически оказывался столь же безоружен, как и нынешний рабочий в период острой безработицы. Насилие, гнев, озлобление; и тем не менее остается истиной, что на один успех или полууспех, вроде столь необычной победы рабочих-бумажников [137] во Франции накануне Революции, приходилась сотня неудачных попыток. Не так-то просто сдвигать такие преграды.

[137] Gachet H. *Conditions de vie des ouvriers papetiers en France au XVIIIe siècle.* (Доклад во Французском институте социальной истории 12 июня 1954 г.).

НЕСКОЛЬКО ПРИМЕРОВ

Первый печатный станок в Лионе [138] был установлен будто бы в 1473 г. В 1539 г., накануне первой крупной забастовки (но не первых волнений), работала сотня станков, что предполагает тысячу работников, включая учеников, подмастерьев (наборщиков, печатников, корректоров) и мастеров, по большей части прибывших либо из других французских областей, либо из Германии, Италии, швейцарских кантонов и, значит, чужаков в лионской городской общине. Речь шла о маленьких мастерских. Мастера обычно располагали двумя печатными станками, некоторые, более удачливые, имели их до шести. Материал, который надлежало добыть, всегда был дорогостоящим; затем следовало располагать оборотным капиталом для выплаты заработной платы, для покупки бумаги и шрифта. Тем не менее (рабочие не отдавали себе в этом отчета) мастера не были подлинными представителями капитала: они в свою очередь были в руках купцов — «издателей», довольно крупных фигур. Разве не входили иные из них в *Консулат (Consulat)*, т. е. в городское управление? Излишне добавлять, что власти были на стороне издателей и что мастера волей-неволей осторожничали с этими могущественными людьми, от которых они зависели. Для них единственным способом жить и увеличивать свои доходы было в конечном счете сокращать заработную плату, увеличивать продолжительность рабочего времени, а при такой политике поддержка лионских властей была бесценной и необходимой.

[138] Весь последующий параграф основан на работах Натали Земон-Дэвис (Zemon Davis N. *Strikes and salvation at Lyons.— Archiv für Reformationgeschichte,* 1965, LVI, S. 48—64) и Анри Озе (Hauser N. *Ouvriers du temps passé.* 1927).

Что касается средств [ее осуществления], то их было немало. Прежде всего, изменять способ оплаты: вы кормите рабочих, а цены на продовольствие непрестанно растут; тогда вы удаляете «этих обжор» от своего стола, и они станут получать плату только деньгами, оказываясь осуждены к своему неудовольствию питаться по трактирам. И вот они ужасно раздражены тем, что их выгнали из-за хозяйского стола. Другое окольное решение: набрать учеников, которым не платят, и в случае необходимости заставить их работать на печатном станке, что им в принципе-то запрещалось. Более откровенный способ: дифференцировать фиксированные ставки зарплаты, спуская сколь возможно ниже начало шкалы вознаграждений: восемь су в день наборщику, от двух

с половиной до четырех су подручному. Наконец, требовать от них бесконечно долгого [рабочего] дня, с двух часов ночи до десяти часов вечера с четырьмя часами перерыва для приема пищи (как в это поверить!), причем каждый из них должен был оттиснуть более 3 тысяч листов в день! Легко понять, что молодежь протестовала, требовала лучших условий труда, разоблачала неумеренные прибыли мастера и прибегала к оружию стачки. Забастовать значило «выкинуть штуку» (*tric*) [139]; подмастерья произносили это волшебное слово, покидая мастерскую, когда, например, ученик по распоряжению мастера принимался работать на станке, или же в каком-нибудь ином случае. И это не все: стачечники избивали «желтых», тех, кого они именовали *fourfants* (от итальянского слова *furfante* — мошенник, плут), они разбрасывали листовки, начинали судебные тяжбы. И еще того лучше, оставив старинное братство печатников, объединявшее в начале XVI в. мастеров и рабочих, они создали свое собственное общество, так называемое [общество] Гриффаренов (*Griffarins*, от старофранцузского слова, которое означает «*обжора*»). А в целях своей пропаганды подмастерья создали для регулярных празднеств и шутовских процессий доброго города Лиона гротескный персонаж сеньера де ла Кокий *, которого, однако, будет узнавать и приветствовать всякий проходящий мимо. У нас не вызовет чрезмерного удивления то, что в конечном счете подмастерья проиграли и потерпели неудачу еще раз в 1572 г., после того, как добились некоторой малости.

Но что, напротив, поражает, так это то, что в крошечном этом конфликте все отдает явной современностью. Правда, печатное дело было ремеслом новым, капиталистическим, и коль скоро одни и те же причины порождают одни и те же действия, везде — в Париже в те же самые 1539 и 1572 гг., в Женеве около 1560 г. и даже в Венеции, у Альда Мануция в 1504 г.,— вспыхивали знаменательные стачки и беспорядки [140].

Такие свидетельства, такие ранние стачки не были исключением. Разве не должен был Труд гораздо раньше, чем принято утверждать, почти с самого начала, чувствовать себя совсем иным по своей природе, нежели Капитал? Рано развивавшаяся текстильная промышленность с ее работодателями и ненормальной концентрацией рабочей силы была самой подходящей почвой для таких ранних и неоднократных случаев [проявления] классового сознания. Так, мы видим это в Лейдене, могущественном мануфактурном городе, в XVII в. Мы обнаруживаем это также окольным путем в 1738 г. в Сареме около Бристоля, в самом сердце старинной уилтширской шерстяной промышленности.

Характерным для Лейдена [141] было не только то, что он был в XVII в. центром самого крупного в Европе суконного производства (к 1670 г. он, возможно, насчитывал 70 тыс. жителей, из них 45 тыс. рабочих; в рекордном 1664 г. здесь было произведено почти 150 тыс. штук сукна), что привлекал для своих производств тысячи рабочих, приходивших из Южных Нидерландов и Северной Франции. Его характеризовало и то, что он *один* выполнял многообразные операции, каких требовало изготовление его сукон, байки и шерстяной саржи с примесью шелка. Не будем

[139] Hauser H. *Op. cit.*, p. 180 et note 1.

* Coquille (франц.) — в данном случае значит «грубая опечатка».— *Прим. перев.*

[140] *Ibid.*, p. 203, 234, note 1; Firmin-Didot A. *Aldo Manuce et l'hellénisme à Venise*. 1875, p. 269.

[141] Posthumus N. W. *De Geschiedenis van de Leidsche lakenindustrie*. 3 vol., 1908—1939; Coornaert E. *Une capitale de la laine: Leyde*.—"*Annales E.S.C.*", 1946.



Городская промышленность в Лейдене: прядильные станки. Эта картина Исаака ван Сваненбурга (1538—1614) входит в серию картин, которые иллюстрировали обработку шерсти в лейденском Лакенхале (суконном рынке). Характерная черта всех этих картин: настолько развитая механизация, насколько это позволяла техника того времени. *Фото А. Дэнжьяна.*

его себе представлять таким, как Норидж или средневековая Флоренция, в широких масштабах опиравшимся на ткачество или даже на одно [только] прядение близлежащих деревень. Последние были слишком богаты: они вывозили плоды своих земель на выгодный и ненасытный амстердамский рынок. А как известно, широко применяли надомный труд лишь бедные деревни. Итак, [перед нами] предприимчивый город во времена своего величия, в середине XVII в., осужденный все делать сам, и все делающий сам, начиная с мытья, чесания и прядения шерсти до тканья, валяния, стрижки и отделки своих сукон. Ему это удавалось только путем использования многочисленной рабочей силы. [Самым] трудным было пристойно ее разместить: не все рабочие помещались в настоящих рабочих поселках, которые для них строили. Много было и таких, что теснились в комнатах, сдававшихся на неделю или помесячно. Женщины и дети поставляли значительную долю необходимой рабочей силы. А так как всего этого было недостаточно, появились машины: сукновальные мельницы, приводимые в движение лошадьми или ветром, машины, которые были настоятельно необходимы в крупных мастерских

«для отжима, каландрования и сушки» сукон. Об этой относительной механизации чисто *городской* промышленности ясно говорят картины, хранящиеся в городском музее и некогда украшавшие Лакенхал — крытый Суконный рынок.

Все это [происходило] в условиях явственного императива: в то время как Амстердам производил роскошные ткани, а Гарлем настойчиво стремился следовать за модой, Лейден специализировался на дешевом текстиле, начиная с шерсти невысокого качества. Издержки всегда следовало снижать. Так, цеховой строй, который сохранялся, позволил развиться рядом с собой новым предприятиям, мастерским, уже мануфактурам, и надомный труд, существовавший под знаком безжалостной эксплуатации, завоевывал почву. Так как город рос быстро (в 1581 г. в нем было всего 12 тыс. жителей), он, невзирая на удачу нескольких из своих предпринимателей, не вырастил кадры своего собственного капитализма. Вся активность Лейдена замыкалась на амстердамских купцах, которые прочно держали город в руках.

Такая концентрация рабочих могла лишь способствовать встрече Капитала с Трудом и их столкновениям. В Лейдене рабочее население было слишком многочисленным, чтобы не быть беспокойным и подвижным, тем более что городские предприниматели не имели возможности обратиться в случае нужды к более легко управляемой деревенской рабочей силе. Французские агенты, начиная с находившегося в Гааге посла или пребывавшего в Амстердаме консула, прислушивались к этому хроническому недовольству в надежде (не всегда тщетной) сманить коекого из рабочих для укрепления французских мануфактур [142]. Короче говоря, ежели в Европе и был подлинно «промышленный» город, подлинно городская концентрация рабочих, то это был именно этот город [Лейден].

[142] A.N., A.E., B[1], 619, 8 и 29 октября 1665 г.

То, что здесь вспыхивали стачки, было совершенно естественно. Есть, однако, три удивительных обстоятельства: то, что стачки эти, согласно точному перечню Постумуса, были столь немногочисленны (1619, 1637, 1644, 1648, 1700, 1701 гг.); что были они эпизодическими и затрагивали лишь ту или иную группу рабочих, например ткачей или сукновалов, за исключением движений 1644 и 1701 гг., носивших характер движений массовых; наконец (и в особенности), что стачки эти так плохо освещены в исторических исследованиях, вне сомнения, по причине отсутствия документации.

Следовательно, надо признать очевидное: рабочий пролетариат Лейдена был разделен на функциональные категории — сукновал — это не прядильщик и не ткач. Он входил отчасти в не слишком прочную цеховую систему, отчасти же существовал в рамках свободного (а на самом деле бывшего под строгим присмотром и контролем) ремесла. В этих условиях пролетариату не удавалось достичь себе на пользу [такой] сплоченности, которая оказалась бы опасна для тех, кто им управлял и его эксплуатировал, для мастеров-мануфактуристов, и для стоявших за их спиной подлинных хозяев: купцов, руководивших игрой в ее целостности. Однако же существовали регулярные собрания рабочих и своего рода членские взносы, которые были базой касс взаимопомощи.

Но преобладающей чертой организации текстильной промышленности в Лейдене была просто-напросто безжалостная сила имевшихся средств принуждения: надзор, подавление, заключение в тюрьму, смертные казни были угрозой постоянной. Регенты города яростно поддерживали привилегированных. Больше того, хозяева мануфактур были объединены в своего рода картель, охватывавший всю Голландию и даже все Соединенные Провинции. Разве не собирались они каждые два года общим «синодом», дабы устранить вредоносную конкуренцию, определить цены и заработную плату, а при случае и решить, какие меры следует принять против действительных или возможных рабочих волнений? Эта современная организация привела Постумуса к выводу, что на уровне работодателей классовая борьба была одновременно и более осознанной, и более воинствующей, нежели на уровне трудящихся. Но не есть ли это впечатление историка, привязанного к своим документам? Если рабочие оставили нам не так-то много доказательств своей борьбы и своих чувств, то разве же они тем не менее не думали так, как им то диктовала ситуация? Любая рабочая организация, официально предназначенная для защиты интересов рабочей силы, была запрещена. Следовательно, на регулярных собраниях, которые они устраивали, рабочие не могли ни действовать, ни говорить в открытую. Но сама по себе реакция хозяев доказывает, что молчание рабочих определенно не означало безразличия, незнания или приятия [143].

Последний эпизод, на котором мы хотели бы остановиться, совсем иной. Речь идет о промысле более скромном и по своей организации более соответствовавшем нормам [своей] эпохи. А значит, в определенном смысле более репрезентативном, нежели чудовищный лейденский вариант.

Мы в Сареме в Уилтшире, неподалеку от Бристоля, в 1738 г. Сарем находится в центре старинной зоны шерстяного производства, подчиненного контролю фабрикантов-суконщиков, бывших в большей мере купцами, чем мануфактуристами (*clothiers*). Вспыхивает короткое восстание. Кое-что из имущества этих *clothiers* было разграблено. Репрессии не заставили себя ждать, трое бунтовщиков повешены, порядок восстановлен. Но речь идет не о каком-то маловажном инциденте.

Прежде всего, на этом английском юго-западе, где произошли волнения 1738 г., социальное брожение, по крайней мере с 1720 г., было частым явлением. И именно там родилась народная песенка «Наслаждение суконщиков» (*“The Clothiers’ Delight”*), которую Поль Манту прославил в своей классической книге [144]. Она, вне сомнения, восходит к правлению Вильгельма Оранского (1688—1702 гг.). Следовательно, это песня относительно старая, которую годами снова и снова распевали в трактирах. В ней фабриканты шерстяных тканей, как считается, по секрету рассказывают о своих деяниях и подвигах, о своих радостях и тревогах. «Мы,— поют они,— накапливаем сокровища, мы приобретаем огромные богатства путем обдирания и угнетения бедняков ... И как раз благодаря их труду набиваем мы свой кошелек». За их труд нетрудно заплатить меньше, чем следует, или усмотреть в [готовой] работе изъяны, если даже их нет, снизить заработную

[143] По поводу трех предшествующих абзацев см.: Posthumus, *Op. cit.*, III, p. 721—729; 656—657, 674, 691—696, 869 sq., 722—724, 876—878.

[144] Mantoux P. *La Révolution industrielle au XVIII^e siècle*. 1959, p. 57—59; Guilherme Mota C. *Conflitos entre capital e trabalho; anataçoes acêrca de uma agitaçao no Sudo-Este inglês en 1738.—“Revista de Historia”*, São Paulo, 1967. Последняя работа пробудила во мне желание поведать о нижеописываемом инциденте.

плату, «заставив поверить, что торговля идет плохо ... Ежели же она улучшится, [труженики] этого никогда не заметят». Разве же штуки ткани, что они поставляют, не уходят за моря, в страны дальние и лежащие вне их поля зрения? Что они там могут увидеть, эти горемыки, работающие день и ночь? А потом, у них и есть-то один только выбор: «эта вот работа или никакой работы».

Другой небольшой, [но] многозначительный факт: инцидент 1738 г. привел к публикации в 1739 и 1740 гг. памфлетов, которые были делом не рабочих, а радетелей, желавших восстановить гармонию. Ежели в ремесле все идет плохо, то не происходит ли это по причине иностранной, в частности французской, конкуренции? Конечно, работодатели должны были бы изменить свое поведение, но в конце концов нельзя же «заставлять их разоряться, как то, к несчастью, со многими из их числа приключилось на протяжении последних нескольких лет». В конечном счете все это очень ясно. Позиции по обе стороны барьера обрисованы четко. А барьер определенно существует. И он будет только укрепляться с нарастанием волнений в XVIII в.

ПОРЯДОК И БЕСПОРЯДОК

Тем не менее эти волнения были локальными, ограниченными небольшим пространством. Некогда — в Генте с 1280 г. или во Флоренции в 1378 г., во время восстания чомпи,— рабочие движения тоже бывали ограниченными; но город, где они вспыхивали, сам по себе был автономным мирком. До цели было рукой подать. Напротив, жалобы лионских рабочих-печатников в 1539 г. были направлены в Парижский парламент. Следует ли думать, что с этого времени территориальное государство в силу самой своей протяженности и вытекавшей отсюда инертности заранее ограничивало, изолировало, даже блокировало эти точечные бунты и движения? Во всяком случае, такая фактическая распыленность одновременно и во времени и в пространстве усложняет анализ этих многочисленных совокупностей, «семейств», событий. Их нелегко ввести в рамки общих объяснений, картина которых пока еще скорее воображаемая, нежели установленная.

Воображаемая, потому что беспорядок и существующий порядок относятся к одной и той же проблематике, и спор сразу же расширяется сам собой. Существующий порядок — это одновременно государство, основы общества, культурные рефлексы и структуры экономики плюс бремя многосложной эволюции всего их множества. Питер Ласлетт полагает, что общество быстро развивающееся требует более жесткого порядка, чем обычно; А. Фирканд утверждал, что общество диверсифицированное оставляет индивиду большую свободу действий, следовательно, благоприятствует возможным в будущем требованиям [145]. Эти утверждения общего характера вызывают у нас скепсис: общество, удерживаемое в руках, не эволюционирует как ему угодно; диверсифицированное общество зажимает индивида с десяти сторон сразу; можно опрокинуть одно препятствие, но остальные возвышаются по-прежнему.

[145] Laslett P. *Un Monde que nous avons perdu*. 1969, p. 172—173. Vierkand A. *Die Stetigkeit im Kulturwandel*. 1908, S. 103: «Чем менее человек развит, тем более склонен он терпеть эту силу традиционной модели и ее наставления» (цит. в кн.: Sombart W. *Le Bourgeois*, p. 27). Но кто объяснит насильственный характер народных движений в России?

Бесспорно, однако, что любая слабость государства — какова бы ни была ее причина — открывала дверь волнениям. Само по себе брожение достаточно наглядно свидетельствовало об ослаблении власти. Так, во Франции очень бурными были 1687—1689 гг. и в не меньшей степени 1696—1699 гг.[146] При Людовике XV и Людовике XVI, когда «власть начинает ускользать из рук правительства», во всех городах Франции, какими бы малозначительными они ни были, происходили свои «бунты» и свои «крамолы». Париж с его более чем шестьюдесятью мятежами занимал первое место. В Лионе яростные движения протеста вспыхивали в 1744 и 1786 гг.[147] Признаемся все же, что как в этом, так и в иных случаях политическое и даже экономическое обрамление дает самое большее лишь начатки объяснения. Для того чтобы преобразовать в действие то, что было эмоцией, социальным беспокойством, требовалось обрамление идеологическое, какой-то язык, лозунги, интеллектуальная причастность общества, которых обычно недоставало.

[146] Coornaert E. *Les Corporations en France avant 1789.* 10e éd. 1941, p. 167.
[147] *Ibid.*, p. 168—169.

Например, вся революционная мысль эпохи Просвещения была обращена против привилегий праздного класса сеньеров и во имя прогресса защищала активное население, в том числе купцов, мануфактуристов, прогрессивных земельных собственников. В этой полемике привилегии капитала как бы незаметно ускользали. Во Франции в основе политической мысли и социального поведения в XVI—XVIII вв. лежал именно острый конфликт между монархией, дворянством шпаги и представителями парламентов. Он обнаруживается в таких разных и противоречивых идеях, как идеи Пакье, Луазо, Дюбо, Буленвилье, Фонтенеля, Монтескьё и других философов Просвещения. Но о денежной буржуазии, восходящей силе этих столетий, в таких спорах как будто забыли. Разве не любопытно видеть в наказах депутатам Генеральных штатов 1789 г., представляющих как бы [мгновенную] фотографию коллективного образа мышления, неприкрытую ненависть к привилегиям дворянства, тогда как относительно королевской власти и капитала, напротив, сохраняется почти полное молчание?

Если потребовалось столько времени, чтобы привилегии капитала — факт, вполне установленный для того, кто, обладая современным образом мышления, просматривает документы прошлого,— предстали именно как привилегии (в общем для этого придется дожидаться промышленной революции), то произошло так не потому только, что «революционеры» XVIII в. сами были «буржуа». Дело было также и в том, что капиталистические привилегии в XVIII в. извлекали выгоду из осознания иных явлений, из революционного разоблачения иных привилегий. Обличали миф, защищавший дворянство (фантазии Буленвилье об «естественной власти» дворянства шпаги, потомков «новой, чистой крови» франкских воинов, «правивших покоренными странами»), нападали на миф сословного общества. И денежная иерархия, противопоставленная иерархии по рождению, сразу переставала выделяться в качестве самостоятельного и вредоносного сословия. Праздности и бесполезности сильных мира сего противопоставили труд, общественную полезность деятельного класса. Несомненно, именно здесь лежит источник, из которого капи-

тализм XIX в., достигший полноты власти, черпал невозмутимое сознание собственной правоты. Именно здесь зародился образ примерного предпринимателя — создателя общественного блага, олицетворения здоровых буржуазных нравов, труда и бережливости, а вскоре [и] распространителя цивилизации и благосостояния среди колонизованных народов, а также образ экономических добродетелей политики *laissez-faire* *, автоматически порождающей общественные равновесие и счастье. Еще и сегодня эти мифы вполне живы, хоть каждодневно и опровергаются фактами. А разве сам Маркс не отождествлял капитализм и экономический прогресс прежде чем выявились его внутренние противоречия?

* Политика *laisser-faire* (букв. «непротивления») предполагала полное невмешательство государства в экономику и предоставление совершенной свободы для капиталистического предпринимательства.— *Прим. перев.*

НИЖЕ НУЛЕВОЙ ОТМЕТКИ

Что еще тормозило социальные волнения, так это существование во всех обществах прошлого, включая и общества европейские, огромного [по численности] люмпен-пролетариата. В Китае, в Индии этот люмпен-пролетариат сливался с эндемичным рабством, [находясь] на полпути между нищетой и существованием за счет снисходительной благотворительности. Рабство распространено было по всей громадной области ислама, встречалось в России, оставалось вкрапленным в Южной Италии; оно еще присутствовало в Испании и Португалии и расцвело по ту сторону Атлантики, в Новом Свете.

Европа оказалась по большей части избавлена от этой язвы, но на довольно обширных пространствах она еще отступила перед крепостничеством, хотя ему здесь была уготовлена суровая жизнь. Не будем, однако же, думать, что на этом все же привилегированном Западе все было к лучшему в этом лучшем из «свободных» миров. За исключением богатых и могущественных, все люди там были жестко прикреплены к своему положению, связанному с тяжким трудом. Всегда ли существовала такая уж разница между польским и русским крепостным и испольщиком стольких западных областей?[148] В Шотландии вплоть до закона 1775 г. и особенно до [парламентского] Акта 1799 г. многие горнорабочие, связанные пожизненными контрактами, «были настоящими крепостными»[149]. Наконец, общества Запада никогда не были мягкими по отношению к мелкоте, к сброду, к «ничтожным людишкам»[150]. Там постоянно жил огромный люмпен-пролетариат, люди, не имевшие работы, вечно безработные, и то было очень древнее проклятие.

На Западе все происходило так, словно глубокое разделение труда в XI и XII вв.— города по одну сторону [барьера], деревни по другую — оставило неразделенной, и окончательно, огромную массу неудачников, для которых больше не было работы. Вину за это следовало бы возложить на общество с его обычными несправедливостями, но также — и даже в большей степени!— на экономику из-за ее неспособности обеспечить полную занятость. Многие из таких бездеятельных кое-как перебивались, находя то тут, то там работу на несколько часов как временное прибежище. Другие же, немощные, старики, те, что всю

[148] Статья Дзангери (Zangheri R.) в: *"Studi Storici"*, 1968, p. 538; Blum J. *The Condition of the European Peasantry on the Eve of Emancipation.—"Journal of Modern History"*, 1974.

[149] Marx R. *La Révolution industrielle en Grande-Bretagne.* 1970, p. 19.

[150] Sully. *Mémoires*, III, p. 107. Было в ходу еще выражение «нищие, попрошайничающие публично»: *Variétés*, V, p. 129. О *hampones* (бродягах) в Испании см.: Klaveren J., van. *Europäische Wirtschaftsgeschichte Spaniens...*, S. 187. Anm. 36; об *oziosi* (праздношатающихся) в Италии см.: Lepre A. *Contadini, borghesi ed operai nel tramonto del feudalesimo napolitano.* 1963, p. 27.

жизнь бродяжничали, лишь с большим трудом включались в активную жизнь. Этот ад имел свои ступени падения, отраженные в языке современников: бедняки, нищие, бродяги.

Потенциальным *бедняком* был индивид, живущий только своим трудом. Если он лишится своей физической силы; если смерть унесет одного из супругов; если детей слишком много, а хлеб слишком дорог и зима более сурова, чем обычно; если работодатели отказывают в найме; если падает заработная плата — жертва должна будет найти помощь, чтобы выжить до лучших времен. Если о человеке заботилась городская благотворительность, он бывал почти спасен: бедность еще была социальным состоянием. Всякий город имел своих бедняков. В Венеции, если их число слишком возрастало, проводили отбор, дабы изгнать тех, кто не родился в городе; [всем] прочим выдавали знак св. Марка (*signo di San Marco*) [в виде] документа или жетона, который служил их отличительным признаком [151].

Еще один шаг по пути беды — и тогда раскрывались врата нищенства и бродяжничества, этих самых низких состояний, когда, в противоположность тому, что утверждали всяческие радетели, отнюдь не жилось «без забот, за счет ближнего». Подчеркнем это столь частое в текстах того времени различение между бедняком — жалким, но не презираемым — и нищим или бродягой, праздным и нетерпимым в глазах порядочных людей. Удар Коко, реймсский купец и буржуа, говорит в феврале 1652 г. о большом числе горемык, только что пришедших в город, «не тех, что ищут себе на жизнь [т. е. стараются заработать на нее, благоразумных бедняков, достойных того, чтобы им помогали], а бедняков постыдных, кои попрошайничают, едят хлеб из отрубей, травы, капустные кочерыжки, слизняков, собак и кошек; а чтобы посолить свою похлебку, берут воды, коей промывают от соли съедобные улитки» [152]. Вот что безоговорочно отличает хорошего, «истинного бедняка» [153] от плохого, «попрошайки». Хороший бедняк — это был бедняк признанный, пребывающий в составе организованной группы, внесенный в списки бюро по делам бедных, тот, кто имел право на общественную благотворительность, кому позволялось даже просить [милостыню] у церквей богатых кварталов после службы или же на рынках — вроде той лилльской нищенки в 1788 г., которая придумала способ незаметно попрошайничать,— подавать торговцам, стоящим возле выставленного товара, жаровню для зажигания трубок. Один из ее собратьев по бедности предпочитал бить в барабан перед лилльскими домами, которые он имел обыкновение облагать сбором [154].

Следовательно, тот, кто обычно бывал отмечен в городских архивах,— это хороший бедняк, нижняя граница жизни тяжкой, но еще приемлемой. В Лионе [155], где огромное собрание документов позволяет произвести подсчеты для XVI в., эта нижняя граница, «порог бедности», определяется по соотношению между реальной заработной платой и стоимостью жизни, т. е. ценою хлеба. Общее правило: дневной заработок, расходуемый на питание, составлял половину всего заработка. Значит, требовалось, чтобы эта половина превышала стоимость потребленного семьею хлеба. Но ведь шкала заработной платы была очень широка: если принять заработок мастера за 100, то заработок подмастерья ока-

[151] *Civiltà Veneziana*, p. 285, 21 июня 1636 г.

[152] Oudard Coquault. *Mémoires*, 1875, I, p. 215.

[153] A.N., G 7, 1647, 1709.

[154] Машинописный доклад г-жи Бюрье: Buriez. *L'Assistance à Lille au XVIII^e siècle*. Faculté des lettres de Lille.

[155] Gascon R. *Économie et pauvreté aux XVI^e et XVII^e siècles: Lyon, ville exemplaire et prophétique.— Études sur l'histoire de la pauvreté*. P.p. M.Mollat, 1974, II, p. 747 sq. Ср. также замечание Рольфа Энгельсинга: Engelsing R. *Der Arbeitsmarkt der Dienstboten im 17., 18. und 19. Jahrhundert.— Wirtschaftspolitik und Arbeitsmarkt*. Hrsg. H. Kellenbenz, 1974, S. 27.

[156] Laslett P. *Op. cit.*, p. 54—55.

[157] Lütge F. *Op. cit.*, S. 382.

[158] Согласно сведениям, которые мне предоставили в Кракове М. Кульчиковский и М. Франчиц.

[159] Доклад г-жи Бюрье. В Каоре в 1546 г. было 3400 бедняков на 10 тыс. жителей. См. неопубликованную диссертацию М.-Ж. Прэн (Prim M.-J.) машинописный текст, Тулуза, (p. 53). В Шанаке, в области Косс, на 338 облагаемых податью приходилось 60 нищих. См.: Marres P. *L'Economie des Causses du Gévaudan au XVIII^e siècle.—"Congrès de Mende"*, 1955, p. 167. В Ла-Рошели в 1776 г. было 3668 бедняков на 14 271 жителя. См. Laveau Cl. *Le monde rochelais de l'Ancien Régime au Consulat. Essai d'histoire économique et sociale (1744—1800)*.1972,



Бродяга во фламандской деревне. «Блудный сын» И. Босха, начало XVI в. *Роттердам, Музей Бойманса — ван Бёнингена.*

жется на уровне 75, заработок подручного, используемого «на всех работах»,— на уровне 50, а «грошового работника»— на уровне 25. Именно две последние категории приближались к нижней черте и чересчур легко оказывались с худшей ее стороны. С 1475 по 1599 г. лионские мастера и подмастерья вполне удерживались над пропастью, у подручных в 1525—1574 гг. были за-

трудненияя, конец же столетия (1575—1599 гг.) оказался для них очень тяжким. «Грошовые работники» испытывали трудности еще до начала XVI в., и их положение в дальнейшем только ухудшалось, чтобы сделаться катастрофическим с 1550 г. Таблица, приводимая ниже, ясно обобщает эти данные. Вот что подтверждает ухудшение ситуации на рынке труда в XVI в., когда, вне сомнения, все прогрессировало, в том числе и цены, но когда этот прогресс, как и всегда, с лихвой оплачивали трудящиеся.

«Порог бедности» в Лионе

(Число лет, когда «порог бедности» оказывался перейден)

	Подмастерья	Подручные	«Грошовые работники»
1475—1499	0	1	5
1500—1524	0	0	12
1525—1549	0	3	12
1550—1574	0	4	20
1575—1599	1	17	25

По данным Ришара Гаскона: Gascon R. *Economie et pauvreté aux XVI^e^ et XVII^e^ siècles: Lyon, ville exemplaire... — Études sur l'histoire de la pauvreté.* P. p. M. Mollat, 1974, II, p. 751. *«Порог бедности»* достигался тогда, когда «дневной заработок, расходуемый на питание, был равен *затратам на хлеб.* Он оказывался перейден, когда этот заработок бывал ниже их» (p. 749).

Документы плохо освещают ад «бродяг» и «попрошаек» ниже этого «порога бедности». Когда утверждают, что в Англии Стюартов уровень жизни четверти или половины населения был близок, а то и опускался ниже этой нижней черты [156], речь идет еще о бедняках, которым более или менее хорошо помогали. Точно так же обстоит дело в XVIII в., когда утверждают, что в Кёльне неимущих было от 12 до 20 тыс. на 50 тыс. жителей [157] или что они составляли 30% населения Кракова [158]; что в Лилле к 1740 г. «более чем 20 тыс. человек постоянно оказывалось вспомоществование за счет Коммунальной кассы для бедных и приходской благотворительности и что в списках плательщиков подушной подати более половины отцов семейств освобождены от уплаты как неимущие» [159]. В маленьких местечках области Фосиньи положение было таким же [160]. Но все это относится еще к истории бедняков городских и «бедняков деревенских» [161].

Когда же речь идет о нищих и бродягах, это совсем другое дело и совсем иные зрелища: толпы, сборища, процессии, шествия, порой массовые перемещения «по большим деревенским дорогам и по улицам городов и местечек» нищих, «коих,— как замечает Вобан [162],— голод и нагота изгнали из дома». Иногда возникают драки, постоянно слышатся угрозы, время от времени вспыхивают пожары, насильственные действия, совершаются преступления. Города боялись этих визитеров-чужаков. Они прогоняли их, едва о тех сообщали. Но нищие выходили в одни ворота и возвращались через другие [163], оборванные, покрытые паразитами.

В былые времена нищий, постучавший у дверей богача, был божьим посланцем, чей облик мог принять Христос. Но мало-помалу это чувство уважения и сострадания исчезало. Ленивый, опасный, мерзкий — таков образ обездоленного, кото-

p. 72. Бедняки составляли одну шестую часть населения Аваллона в 1614 г.: См. статью И. Дюрана (Durand Y.) в кн.: *Cahiers de doléances des paroisses du bailliage de Troyes pour les Etats généraux de 1614.* 1966, p. 42. О «неимущих» (Habenichtse) в Аугсбурге в 1500 г. см.: Bechtel H. *Wirtschaftsgeschichte Deutschlands,* II, S. 52, Anm. 6. В общем плане интересна статья: Hufton O. *Towards an Understanding of the poor of eighteenth century France.— French Government and Society, 1500—1850.* Ed. J. F. Bosmer, 1975, p. 145 f.

160 Имеются многочисленные упоминания для 1749, 1759, 1771, 1790 гг. в архивах департамента Верхняя Савойя: C 143, f^os^ 29—38; C 135, H. S.; C 142, 194, f° 81; C 165, f° 81 v°; IC III, 51, f^os^ 40—47.

161 Ибо они существовали, их было великое обилие. Для Шатодёна в 1697 г. см.: Couturier M. *Recherches sur les structures sociales de Châteaudun, 1525—1789.* 1967; Poitrineau A. *Op. cit.,* p. 608: «Нищие составляли нижний слой любого деревенского населения».

162 Vauban. *Projet d'une dîme royale.* Éd. Daire, 1843, p. 34.

163 Durand Y. *Op. cit.,* p. 39—40. Разграничение бедняки-нищие и бедняки-безработные никогда не следует упускать из виду. Якоб ван Клаверен (*"Económica"*, 1954, № 2) справедливо отмечает, что Мальтус говорил о бедняках, а не о безработных.

рый рисовало себе общество, напуганное возраставшим потоком несчастных. Раз за разом принимаются меры против публичного нищенства [164] и против бродяжничества, которое в конечном счете стало само по себе считаться преступлением. Задержанного бродягу пороли плетьми «прикованного палачом к задку телеги» [165]. Ему выбривали голову, его клеймили каленым железом; в случае рецидива его грозили повесить «без суда и следствия» или отправить на галеры — и запросто отправляли [166]. Время от времени облава приводила к отправке трудоспособных нищих на работы: для них открывали мастерские; чаще всего они чистили рвы, чинили городские стены, если только их не отправляли в колонии [167]. В 1547 г. английский парламент постановил, что бродяги будут не более не менее как обращаться в рабство [168]. Спустя два года мера [эта] была отменена: не смогли решить, кто станет получать этих рабов в условную собственность * и употреблять их в работы — частные лица или государство! Во всяком случае, идея витала в воздухе. Ожье Гислэн де Бюсбек (1522—1572), изысканный гуманист, представлявший Карла V при дворе Сулеймана Великолепного, полагал, что, «ежели бы [рабство] ... применялось справедливо или мягче, как того требуют римские законы, не было бы необходимости вешать или карать всех тех, кои, ничего не имея, кроме свободы и жизни, зачастую становятся преступниками от нужды» [169].

И в конечном счете именно это решение возобладает в XVII в., ибо разве же заключение в тюрьму и каторжные работы не рабство? Повсюду бродяг сажают под замок: в Италии — в приюты для бедных (*alberghi dei poveri*), в Англии — в работные

164 В городах Германии — в 1384, 1400, 1442, 1446, 1447 гг.

165 Coyecque E. *L'Assistance publique à Paris au milieu du XVIe siècle.—"Bulletin de la Société de l'histoire de Paris et de l'Ile-de-France"*, 1888, p. 117.

166 *Ibid.*, p. 129—130. 28 января 1526 г. 500 парижских бедняков были отправлены на галеры.

167 *Variétés*, VII, p. 42, note 3 (1605). Отправка в Канаду ирландских нищих, находившихся в Париже. Севильских бродяг выслали к Магелланову проливу. A.d.S. Venezia, Senato Spagna, Zane al Doge, Мадрид, 30 октября 1581 г.

168 Davies C.S.L. *Slavery and Protector Somerset; the Vagrancy Act of 1547.— "Economic History Review"*, 1966, p. 533—549.

* Т. е. без права пользования прямыми доходами от их труда.— *Прим. перев.*

169 Busbecq Ogier Ghislain, de. *Ambassades et voyages en Turquie et Amasie, 1748*, p. 251.



«Нидерландские нищие». Картина Брейгеля Старшего, 1568 г. Эти безногие калеки, надев на голову митру, или бумажный колпак, или же красный цилиндр и разодетые в ризы, празднуют карнавал и устраивают в городе шествия. *Фото Национальных музеев.*

дома (*workhouses*), в Женеве — в исправительную тюрьму (*Discipline*), в Германии — в исправительные дома (*Zuchthäuser*), в Париже — в смирительные дома (*maisons de force*): в Гранд-Опиталь, созданный ради «заключения» там бедняков в 1662 г., в Бастилию, Венсеннский замок, Сен-Лазар, Бисетр, Шарантон, Мадлен, Сент-Пелажи [170]. На помощь властям приходили также болезни и смерть. Едва только усиливались холода, едва только начинало не хватать продовольствия, и в больницах, даже при отсутствии какой бы то ни было эпидемии, отмечалась очень высокая смертность. В Генуе в апреле 1710 г. пришлось закрыть богадельню, которая была забита трупами; выживших перевезли в Лазарет, где, по счастью, не оказалось в карантине ни одного чумного. «Врачи говорят ... что все сии болезни проистекают лишь от нищеты, каковую бедняки претерпели прошлой зимой, да и от дурной пищи, коей они питались» [171]. Прошлая зима — это зима 1709 г.

И однако же ни неутомимая труженица-смерть, ни свирепые тюрьмы не искореняли зло. Сама постоянно восстанавливавшаяся их численность увековечивала нищих. В марте 1545 г. их в Венеции собралось разом более 6 тыс., в середине июля 1587 г. под стенами Парижа появилось 17 тыс. нищих [172]. В Лисабоне в середине XVIII в. постоянно находилось «10 тыс. бродяг ... которые ютились где попало,— лодырничающих матросов, дезертиров, цыган, торговцев вразнос, кочевников, бродячих циркачей, калек», попрошаек и мошенников всякого рода [173]. Город, усеянный по окружности садами, пустырями и тем, что мы назвали бы бидонвилями, еженощно становился жертвой драматического отсутствия безопасности. Перемежающиеся полицейские облавы отлавливали вперемежку преступников и бедняков и отправляли их официально в качестве солдат в Гоа — огромную и далекую каторжную тюрьму Португалии. В это же самое время, весной 1776 г., в Париже, по словам Мальзерба, «имелось примерно 91 тыс. человек, кои там пребывают без определенного прибежища, по вечерам удаляются в предназначенные для сего своего рода дома или убогие жилища и встают, не ведая, каковы будут днем их средства пропитания» [174].

Полиция фактически была бессильна против этой колышащейся массы, которая повсюду находила сообщников, порой даже (но редко) поддержку настоящих «нищих», негодяев, обосновавшихся в сердце крупных городов, где они образовывали маленькие замкнутые мирки со своей иерархией, своими «кварталами попрошайничества», своей системой пополнения, своим собственным арго, своими дворами чудес *. Санлукар-де-Баррамеда, возле Севильи, место сбора темных личностей [всей] Испании, был неприкосновенной цитаделью, располагая целой сетью связей, обеспечивавших ему потворство даже альгвасилов соседнего большого города. Литература, [сначала] в Испании, затем за ее пределами, раздула их роль; она сделала из *пикаро*, темной личности, своего излюбленного героя, способного в одиночку, играючи, запалить хорошо устоявшееся общество, наподобие брандера, бросающегося на дерзкий корабль. Однако же эта славная, «левацкая» роль не должна возбуждать чрезмерных иллюзий. *Пикаро* не был подлинным бедняком.

170 См.: Hufton O. H. *The Poor of the 18th-century France.* 1974, p. 139—159.

171 A.N., A.E., B[1], 521, 19 апреля 1710 г. См.: AD XI, 37 (1662) вокруг Блуа «мало есть дорог, по обочинам коих не валялись бы мертвые тела».

172 A.d.S. Venezia, Senato Terra, I [Венеция]; Delamare N. *Traité de police.* 1710, p. 1012 [Париж]. О 3 тыс. бедняков под стенами Шамбери см.: Vermale F. *Les Classes rurales en Savoie au XVIII[e] siècle.* 1911, p. 283.

173 Chantal S. *La Vie quotidienne au Portugal après le tremblement de terre de Lisbonne de 1755.* 1962, p. 16. Многочисленные данные на этот счет содержатся в переписке русского консула в Лисабоне. См., в частности: АВПР, 72/5, 260, л.54 v°, Лисабон, 30 мая 1780 г.

174 Manceron C. *Les Vingt Ans du Roi.* 1972, I, p. 298—299 (по данным кн.: Grosclaude P. *Malesherbes,* p. 346).

* Двор чудес в Париже — место сбора профессиональных нищих и уголовного мира, описанное в частности в романе В. Гюго «Собор Парижской богоматери». — *Прим. перев.*

Невзирая на экономический подъем, пауперизм усилился в XVIII в. из-за демографического роста, оказывавшего обратное воздействие. Поток нищих тогда еще возрос. Был ли тому причиной, как полагает Ж.-П. Гюттон [175], говоря о Франции, начавшийся с конца XVII в. кризис сельского мира, с его следовавшими друг за другом недородами, голодовками и дополнительными трудностями, порождаемыми концентрацией [земельной] собственности в соответствии со своего рода скрытой модернизацией этого старинного сектора [экономики]? Тысячи крестьян оказались выброшенными на дороги наподобие того, что задолго до этого времени происходило в Англии с началом *«огораживаний»* (*enclosures*).

В XVIII в. эта человеческая грязь, от которой никому не удавалось избавиться, поглощала все: вдов, сирот, калек (вроде того, перенесшего ампутацию обеих ног, что обнаженным выставлялся на парижских улицах в 1724 г.[176]), беглых подмастерьев, подручных, не находивших более работы, священников без церковных доходов и постоянного места жительства, стариков, погорельцев (страхование едва только начиналось), жертв войн, дезертиров, уволенных от службы солдат и даже офицеров (последние со своим высокомерием порой требовали подаяния), так называемых продавцов пустякового товара, бродячих проповедников с разрешением и без оного, «обрюхаченных служанок, девиц-матерей, отовсюду прогоняемых», и детей, посылаемых «за хлебом или на воровство». Не считая еще странствующих музыкантов, которым музыка служила алиби, этих «играющих на инструменте [и] имеющих зубы столь же длинные, как их скрипицы, а желудок такой же урчащий, как их басы» [177]. Зачастую в ряды воров и разбойников переходили команды «пришедших в ветхость» кораблей [178] и постоянно — солдаты расформированных армий. Так было в 1615 г. с небольшим отрядом, распущенным герцогом Савойским. Накануне [этого] они разграбили деревню. И вот именно они просили «мимоходом милостыню у крестьян, чьих кур они с приятностью ощипывали минувшей зимой ... А ныне они суть солдаты с тощим кошельком, они сделались скрипачами, поющими под дверями: *Увы, трубачи! Трубачи с тощим кошельком!*» [179]. Армия была для люмпен-пролетариата прибежищем, выходом [из положения]: тяготы 1709 г. дали Людовику XIV армию, которая в 1712 г., при Денене, спасет страну. Но война длится лишь какое-то время, а дезертирство было злом эндемическим, без конца создававшим заторы на дорогах. В июне 1757 г., в начале того, что станет Семилетней войной, «количество дезертиров, ежедневно проходящее [через Регенсбург],— рассказывает одно донесение,— невероятно; люди сии, происходящие из всяких наций, большей частью жалуются лишь на слишком суровую дисциплину либо же на то, что их завербовали насильно» [180]. Переход из одной армии в другую был банальным явлением. В том же июне 1757 г. австрийские солдаты, плохо оплачиваемые императрицей, «дабы выбраться из нищеты, поступили на службу к пруссакам» [181]. Французы, взятые в плен при Росбахе, сражались в войсках Фридриха II, и граф де Ла Мессельер был поражен, увидя, как они появились из леска на границе Моравии (1758 г.) в своей

[175] Gutton J.-P. *La Société et les pauvres. L'exemple de la généralité de Lyon.* 1970, p. 162 sq.
[176] Gutton J.-P. *Les mendiants dans la société parisienne au début du XVIII^e siècle.— "Cahiers d'Histoire"*, 1968, XIII, 2, p. 137.
[177] *Variétés,* V, p. 272.
[178] Два французских консульских поста — в Роттердаме и Генуе — созданные для того, чтобы подбирать «опустившихся» моряков, высаженных на сушу, предоставляют о том сверхобильную переписку. См., в частности: A.N., A.E., B^1, 971—973 (для Роттердама) и A.N., A.E., B^1, 530 и последующие (для Генуи). Несчастные люди — без башмаков, без рубахи, в отрепьях, — в среду которых втиралось немало авантюристов и праздношатающихся в надежде получить какое-нибудь вспомоществование и быть возвращенными на родину. См.: A.N., A.E., B^1, 971, f° 45, 31 декабря 1757 г: «...многие были покрыты паразитами, пришлось приказать их почистить, а их пожитки прокалить в печи».
[179] *Variétés,* V, p. 222.
[180] A.d.S. Napoli, Affari Esteri, 796.
[181] *Ibidem.*

«форме Пуатусского полка» среди двух десятков русских, шведских, австрийских мундиров — все дезертиров [182]. А почти сорока годами раньше, в 1720 г., сьер де Ла Мотт был уполномочен королем набрать в Риме полк из французских дезертиров [183].

Утрата социальных корней в таком масштабе представляла самую крупную проблему этих старинных обществ. Опытный социолог Нина Ассодоробрай [184] изучила ее в рамках Польши конца XVIII в., «текучее» население которой — беглые крепостные, опустившиеся шляхтичи, нищие евреи, городская беднота всякого рода — привлекало внимание первых мануфактур королевства, искавших рабочую силу. Но ее наем мануфактурами оставался недостаточным, чтобы занять столько нежелательных лиц, более того — лиц, которые не так-то легко поддавались отлову и приручению. Это послужило поводом для констатации, что они образовывали своего рода «необщество». «Индивид, будучи единожды отделен от своей изначальной группы, становится элементом в высшей степени неустойчивым, ни в коей мере не привязанным ни к определенной работе, ни к какому-то дому, ни к какому-либо барину. Можно даже смело утверждать, что он сознательно ускользает от всего, что могло бы установить новые узы личной и прочной зависимости вместо тех связей, какие только что были разорваны». Эти замечания ведут далеко. В самом деле, можно было бы подумать априори, что такая масса незанятых людей постоянно давила на рынок труда — и она определенно давила, по крайней мере в том, что касалось срочных сезонных сельскохозяйственных работ, где каждый спешил; или при многообразных неквалифицированных работах в городах. Но она относительно меньше влияла на обычный рынок труда и на заработную плату, чем это можно было бы предположить, постольку, поскольку не могла быть систематически возобновляемой. В 1781 г. Кондорсе сравнивал лентяев со «своего рода калеками» [185], непригодными к работе. Интендант Лангедока в 1775 г. дошел до заявления: «Сия многочисленная часть бесполезных подданных ... вызывает *вздорожание* рабочей силы как в деревнях, так и в городах, отвлекая стольких работников; и она становится дополнительной [тяготой] для народа при податном обложении и общественных работах» [186]. Позднее, с появлением современной промышленности, наступит непосредственный, во всяком случае быстрый, переход от деревни или занятий ремеслом к заводу. На столь коротком пути недостанет времени для утраты вкуса к труду или признания неизбежности труда.

Что обезоруживало весь этот бродячий люмпен-пролетариат невзирая на опасение, какое он внушал, так это отсутствие в нем сплоченности; внезапные вспышки насилия с его стороны не имели последствий. Это был не класс, а толпа. Нескольких лучников дозора, конной стражи на деревенских дорогах было достаточно, чтобы его обезвредить. Если с приходом сельскохозяйственных рабочих и случались мелкие кражи и [обмен] палочными ударами или несколько преступных поджогов, то это были происшествия, тонувшие в толще разнообразных обыденных фактов. «Бездельники и бродяги» жили на отшибе, и порядочные люди старались не думать об этих «подонках общества, отбросах городов, биче

182 Comte de La Messelière. *Voyage à Saint-Pétérsbourg, an XI—1803*, p. 262—263.

183 A.N., Marine, B[1], 48. f° 113.

184 Assodorobraj N. *Poczatki klasy robotniczej: problem rąk roboczych w przemyśle polskim epoki stanisławowskej.* Warszawa, 1966 (резюме на французском языке — с. 321—325).

185 Цит. в кн.: Perrot J.-C. *Genèse d'une ville moderne: Caen au XVIII[e] siècle.* 1975, I, p. 423, note 232.

186 Molis R. *De la mendicité en Languedoc (1775—1783).*— *"Revue d'histoire économique et sociale"*, 1974, p. 483.

республик, материале для виселиц... их столько, и повсюду, что было бы довольно трудно их счесть, а годны они ... лишь на то, чтобы отправить [их] на галеры или повесить, дабы служили примером». Жалеть их? С какой же стати? «Я слышал, как беседовали о них, и узнал, что те, кто привык к такого рода житью, не могут его оставить; у них нет никакой заботы, они не платят ни аренды, ни тальи, не страшатся потерять что-либо, независимы, греются на солнышке, спят, смеются всласть; они повсюду дома, небо служит им одеялом, а земля — пуховиком; это перелетные птицы, что следуют за летом и за хорошей погодой, направляясь лишь в богатые страны, где им подают и где они находят [что] взять ... везде они свободны ... и в конечном счете ни о чем не заботятся» [187]. Вот так реймсский буржуа-купец объяснял своим детям социальные проблемы своего времени.

ВЫЙТИ ИЗ АДА

Можно ли выбраться из ада? Иногда — да, но никогда самому по себе, без того, чтобы согласиться сразу же на тесную зависимость человека от [другого] человека. Нужно было возвратиться в берега социальной организации, какова бы она ни была, или же целиком построить такую организацию со своими собственными законами внутри какого-то контробщества. Организованные банды незаконных торговцев солью *, контрабандистов, фальшивомонетчиков, разбойников, пиратов или же такие особые группы и категории [людей], какими были армия и многочисленная прислуга,— вот почти единственные прибежища для спасшихся, отказавшихся от пребывания в аду. Как бы то ни было, мошенничество, контрабанда восстанавливали порядок, дисциплину, бесчисленные [формы] круговой поруки. Бандитизм имел своих предводителей, свои договорные формы, свои кадры, так часто организованные наподобие сеньерии [188]. Что касается морского разбоя и пиратства, то они предполагали по меньшей мере один стоящий за ними город. Алжир, Триполи, Пиза, Ла-Валлетта или Сенья (Сень) были базами варварийских корсаров, рыцарей св. Стефана, рыцарей мальтийских и ускоков **, врагов Венеции [189]. А армия, постоянно пополняемая, невзирая на свою безжалостную дисциплину и на свойственное ей презрение [к людям] [190], предлагала себя в качестве убежища с правильным образом жизни; а с адом она соединялась именно через дезертирство.

И наконец, «ливрея», огромный мир прислуги, была единственным всегда открытым рынком труда. Всякий демографический подъем, любой экономический кризис увеличивали число пополнявших его. В Лионе в XVI в. слуги составляли, в зависимости от квартала, от 19 до 26% населения [191]. В Париже, говорит путеводитель 1754 г., или скорее в парижской агломерации в целом, «имеется приблизительно 12 тыс. карет, около миллиона человек [населения], среди коих должно насчитываться, вероятно, около 200 тыс. слуг» [192]. И в самом деле, с того момента, как даже скромная семья не была вынуждена помещаться

[187] *Mémoires de Jean Maillefer...*, p. 120, 122.

* Соляная торговля была государственной монополией.— *Прим. перев.*

[188] Zeller G. *Aspects de la politique française sous l'Ancien Régime.* 1964, p. 375—385.

** Ускоки — славяне, бежавшие от турецкого ига на побережье Адриатики и на протяжении XVI—XVII вв. активно боровшиеся с турками и венецианцами.— *Прим. перев.*

[189] Braudel F. *Médit...*, I, p. 425, 438, 512 etc.

[190] См.: Manceron, *Op. cit.*, I, p. 169: «В армии куда меньше ценят пионера [солдат инженерных войск.— *Прим. перев.*], нежели обозную лошадь, ибо лошадь весьма дорога, а солдата получают задаром...». Привести цифры было бы лучше, чем описывать, но цифры ускользают [от нас]. Разве что дать порядок величин: по сообщению из Франкфурта-на-Майне от 9 августа 1783 г., численность войск в Европе будто бы достигала двух млн. человек, т. е. немногим более 1,3% населения, предполагая, что Европа насчитывала тогда 150 млн. населения. См.: *"Gazette de France"*, p. 307.

[191] Gascon R. *Op. cit.*, I, p. 400.

[192] Jèze. *Journal du Citoyen*, 1754, p. 1.

в одной комнате, она могла предоставить кров служанкам, слугам. Даже у крестьянина были свои слуги-работники. И весь этот мирок обязан был повиноваться, даже когда хозяин бывал мерзавцем. Постановление Парижского парламента в 1751 г. приговорило одного слугу к выставлению у позорного столба и к ссылке за оскорбления по адресу хозяина [193]. Но ведь трудно было выбирать этого хозяина; выбирал он, и всякий слуга, который оставлял свое место или бывал уволен, считался бродягой, если он сразу же не находил другого [хозяина]: девушки, не имевшие работы, будучи схвачены на улицах, подвергались сечению, им выстригали голову, мужчин отправляли на галеры [194]. Кража, подозрение в краже означали виселицу. Малуэ, будущий депутат Учредительного собрания, рассказывает, как, будучи обворован своим слугою, он с ужасом узнал, что тот, схваченный и осужденный, будет надлежащим образом повешен у его дверей [195]. Он едва его спас. Стоило ли в таких условиях удивляться, что «ливрея» в случае необходимости приходила на помощь темным личностям, когда требовалось вздуть офицера стражи?

[193] Извлечение из реестров Парижского парламента (1750—1751 гг., л. 427). Постановление от 14 августа 1751 г. об осуждении слуги Пьера Пизеля.
[194] Mittre M. *Les Domestiques en France,* p. 14; *Variétés,* V, p. 253, см. в примечании ссылки на кн.: *Traité de la police,* titre 9, ch. 3.
[195] Malouet P.-V. *Mémoires de Malouet,* 1874, I, p. 48—49.



В этой испанской кухне множество слуг. Эскиз для стенного ковра Франсиско Байена (1736—1795). *Фото Mac.*

К тому же нечестный слуга, которого бедняга Малуэ вырвал из лап виселицы, весьма плохо отплатил ему за это!

Я коснулся здесь только французского общества, но оно не было исключением. Повсюду король, государство, иерархизованное общество требовали повиновения. У бедного человека, находившегося на краю нищенства, был только такой выбор: либо оказаться в чьей-либо власти, либо быть отринутым обществом. Когда Жан-Поль Сартр в апреле 1974 г. писал, что следует сломать иерархию, запретить, чтобы человек зависел от другого, он, на мой взгляд, говорил главное. Но возможно ли это? По-ви-

димому, сказать «общество» всегда означало сказать «иерархия» [196]. Все различия, которые Маркс не выдумал — рабство, крепостничество, состояние [наемного] рабочего,— бесконечно напоминают о цепях. То, что цепи эти были не одни и те же, мало что меняло. Как только упраздняли одно рабство, возникало другое. Вчерашние колонии наконец-то свободны. Об этом говорится во всех речах, но оковы Третьего мира производят адский шум. Люди обеспеченные, защищенные [от невзгод], ко всему этому приспосабливались с легким сердцем, во всяком случае легко с этим примирялись. «Ежели бы у бедняков не было детей,— рассудительно писал в 1688 г. аббат Клод Флёри,— откуда было бы взять работников, солдат, слуг для богатых?» [197] «Использование рабов в наших колониях,— писал Мелон,— учит нас, что рабство не противно ни религии, ни морали» [198]. Шарль Лион, почтенный купец из Онфлёра, вербовал «добровольцев», свободных работников, для отправки на Сан-Доминго (1674—1680 гг.). Он доверил их капитану корабля, тот в обмен [должен был] доставить ему кипы табака. Но сколько же неприятностей пришлось испытать бедняге купцу: парней для вербовки было мало, «и что огорчает, так это то, что хоть этих самых жалких нищих приходится долго кормить, большинство их в день отплытия утекает» [199].

ВСЕПОГЛОЩАЮЩЕЕ ГОСУДАРСТВО

Государство — это слияние всего, важнейшая фигура. За пределами Европы оно на протяжении столетий навязывало [людям] свои непереносимые тяготы. В Европе оно вновь начало решительно увеличивать [свою роль] с наступлением XV в. Основателями государства в современном его понимании были «три мага», как называл их Фрэнсис Бэкон: Генрих VII Ланкастерский, Людовик XI и Фердинанд Католик. Их современное государство было новшеством наравне с современной армией, с Возрождением, с капитализмом, с научной рациональностью. То было огромное движение, начавшееся в действительности задолго до этих «магов». Разве же, по единодушному мнению историков, не было первым современным государством Королевство Обеих Сицилий Фридриха II (1194—1250)? Эрнст Курциус [200] даже забавлялся, утверждая, будто великим побудителем был в этой области Карл Великий.

ЗАДАЧИ ГОСУДАРСТВА

Как бы то ни было, современное государство деформировало или ломало предшествовавшие образования и учреждения: провинциальные штаты, вольные города, сеньерии, слишком мелкие государства. В сентябре 1499 г. арагонский король Неаполя узнал, увидел, что ему грозит падение: войска Людовика XII только что заняли Милан, и теперь наступала его очередь. Король поклялся, «что он, ежели понадобится, сделается евреем,

[196] Veil C. *Phénoménologie du travail.—"L'Evolution psychiatrique"*, 1957, № 4, p. 701. «Даже привязанный к машине, человек — не раб машины. Он всегда раб только других людей. В этом смысле и с необходимыми поправками галеры существовали всегда».

[197] Abbé Fleury C. *Les Devoirs des maîtres et des domestiques,* 1688, p. 73. Именно аналогичная мысль почти столетие спустя (1771 г.) заставила Исаака де Пинто написать (Pinto I., de. *Op. cit.*, p. 257): «Вообразим на минуту некое государство, где все богаты; оно не смогло бы выжить, не ввозя чужаков-туземцев для своего обслуживания». Фраза пророческая, ежели подумать о будущем. Но разве еще до XVIII в. и в самом XVIII в. не было уже бесчисленных компенсирующих миграций бедняков?

[198] Melon J.-P. *Op. cit.*, p. 58. Аналогичные утверждения вышли значительно позже из-под пера Бодри дэ Лозьера: Baudry des Lozières. *Voyage à la Louisiane*. 1802, p. 103 sq.

[199] Decharme P. *Le Comptoir d'un marchand au XVII^e siècle d'après une correspondance inédite*. 1910, p. 119.

[200] Curtius E. *Literatura europea y Edad Media*. 1955, I, p. 40.

* То есть грозил обратиться за помощью к султану.— *Прим. перев.*

[201] A.d.S. Mantova, Archivio Gonzaga, Донатус де Бретис — маркизу мантуанскому (В 1438).

[202] Weber M. *Le Savant et le Politique*, 1963, p. 101.

[203] *"Gazette de France"*, p. 599.

[но] не желает столь жалким образом терять свое королевство. И даже, кажется, грозил Турком * [201]. Это были слова того, кому предстояло потерять все. А в то время имя им было легион — тем, кто терял или вот-вот должен был потерять. Новое государство, возносимое тем преимуществом, какое давал ему подъем экономической жизни, питалось их субстанцией. Эволюция, однако, не доходила до конца: ни Испании Карла V или Филиппа II, ни Франции Людовика XIV, претендовавшей на имперскую роль, не удалось воссоздать и обратить к своей исключительной выгоде старинное единство христианского мира. Для последнего шапка «мировой монархии» была уже явно не к лицу. Любые попытки в этом направлении терпели крах одна за другой. Быть может, такая увешанная мишурой политика напоказ была слишком старой игрой? Наступало время экономических приоритетов, скромная реальность которых еще ускользала от взоров современников. Того, что не удалось Карлу V — овладеть Европой,— Антверпен добился самым естественным образом. Там, где потерпел неудачу Людовик XIV, восторжествовала крохотная Голландия: она оказалась сердцем вселенной. Европа, став перед выбором между игрой старой и игрой новой, избрала вторую, или, точнее сказать, та оказалась ей навязана. Остальной же мир, напротив, все еще играл своими старыми картами: империя турок-османов, возникшая из глубин истории, повторяла империю турок-сельджуков; Великие Моголы устроились посреди «меблировки» Делийского султаната; Китай маньчжур продолжал Китай Минов, им же свирепо ниспровергнутый. Только Европа политически (и не только политически) обновлялась.

Государство, воссозданное по новой модели или попросту новое, оставалось тем, чем оно было всегда: пучком функций, различных видов власти. Главнейшие его задачи почти не менялись, если даже имевшиеся у него средства [их решения] изменялись непрестанно.

Первая задача государства: заставить себе повиноваться, монополизировать к своей выгоде потенциал насилия в данном обществе, очистить последнее от всех возможных в нем вспышек ярости, поставив на их место то, что Макс Вебер называл «легитимным насилием» [202].

Задача вторая: контролировать вблизи или на расстоянии экономическую жизнь, организовывать явно или неявно обращение богатств, в особенности же завладеть значительной частью национального дохода, дабы обеспечить свои собственные расходы, свою роскошь, свою «администрацию» или войну. В случае необходимости государь будет замораживать к своей выгоде слишком большую долю общественного богатства: вспомните сокровища Великого Могола, громадный дворец-склад китайского императора в Пекине или те 34 млн. дукатов в золотых и серебряных монетах, какие в ноябре 1730 г. были обнаружены в покоях только что умершего в Стамбуле султана [203].

И последняя задача: участвовать в духовной жизни, без которой не устоит никакое общество. Ежели возможно — извлечь дополнительную силу из могущественных религиозных ценностей,

делая между ними выбор или же уступая им. А также надзирать, и постоянно, над живыми движениями культуры, зачастую оспаривающими традицию. И особенно — не позволять захватить себя врасплох внушавшим беспокойство новшествам культуры: новациям гуманистов во времена Лоренцо Великолепного или «философов» накануне Французской революции.

ПОДДЕРЖАНИЕ ПОРЯДКА

Поддерживать порядок — но какой порядок? На деле чем более беспокойными или разделенными бывали общества, тем сильнее должны были быть удары прирожденного арбитра, хорошего или неважного жандарма — государства.

Конечно, для государства порядок означал компромисс между силами, бывшими «*за*», и силами, действовавшими «*против*». В случае «*за*» речь шла чаще всего о том, чтобы поддержать социальную иерархию: группы, располагавшиеся наверху, такие немногочисленные, как смогли бы они выстоять, ежели бы рядом с ними не было жандарма? Но и наоборот: не бывало государства без господствующих классов, которые были ему потатчиками. Я не вижу, как бы Филипп II мог удерживать в своих руках Испанию и огромную Испанскую империю без грандов своего королевства. «*Против*» всегда были многочисленные, те, кого важно было сдерживать, возвращать к исполнению долга, т.е. к труду.

Следовательно, государство делает свое дело, когда оно наносит удары, когда оно угрожает ради того, чтобы ему повиновались. Оно имеет «право уничтожать индивидов во имя общественного блага» [204]. Оно — профессиональный палач, к тому же еще и невиновный. Если оно наносит зримые удары, то и это законно. И толпа, что с болезненным любопытством теснится вокруг эшафотов и виселиц, никогда не бывает на стороне казнимого. В Палермо 8 августа 1613 г. на Пьяцца Марина состоялась очередная казнь с процессией кающихся грешников в белых одеждах (*Bianchi*). Затем голова казненного была выставлена [напоказ], окруженная 12 черными пучками соломы. «Все кареты Палермо,— пишет хронист,— съехались на эту казнь, и столько было там людей, что не видна была мостовая (*che il piano non pareva*)» [205]. В 1633 г. толпа, собравшаяся в Толедо, чтобы присутствовать при аутодафе, побила бы камнями осужденных, шедших к костру, не будь те окружены солдатами [206]. 12 сентября 1642 г. в Лионе на площади Терро «обезглавлены были два человека знатного происхождения, г-н де Сен-Мар и г-н де Ту; в тот день окно в домах, окружающих площадь, могло сдаваться по цене, доходившей примерно до дублона» * [207].

В Париже обычным местом казней была Гревская площадь. Не желая предаваться мрачной фантазии, представим себе (ибо один режиссер недавно, в 1974 г., выпустил фильм о *Площади Республики*, которую он саму по себе рассматривает как характерную для всего Парижа) — так вот, представим себе, каким

[204] Weber M. *Economia e società*, 2, p. 991.

[205] *Diarii*, I, p. 184, 196.

[206] British Museum, Mss Sloane, 42.

* Дублоном иностранцы в то время обычно называли добру (dobra) — португальскую золотую монету весом 28,5 г.— *Прим. перев.*

[207] Brackenhoffer E. *Op. cit.*, S. 111.

был бы документальный фильм, снятый в XVIII в., во времена Просвещения, о Гревской площади, где безостановочно следовали друг за другом эти мучительные жертвенные обряды с их мрачными приготовлениями. Народ толпился, чтобы увидеть, как казнят Лалли-Толландаля (1766 г.). Он хотел заговорить на эшафоте? Ему заткнули рот кляпом [208]. В 1780 г. зрелище состоялось на площади Дофины. Отцеубийца пытался изображать высокомерное безразличие. И обманутая в своих ожиданиях толпа встретила аплодисментами его первый крик боли [209].

[208] Mercier L.-S. *Tableau de Paris,* III, p. 278.
[209] *Ibid.,* III, p. 279.
[210] *Diarii,* I, p. 111.

Несомненно, чувствительность бывала притуплена частыми казнями, на которые сплошь и рядом осуждали за то, что мы бы назвали мелкими проступками. В 1586 г. накануне своей женитьбы один сицилиец соблазнился великолепным манто, которое и украл у знатной дамы. Доставленный к вице-королю, он был повешен в течение последовавших двух часов [210].



Виселицы в Голландии. Гравюра Борссума.
Государственный музей, Амстердам.

По словам одного мемуариста, словно составлявшего перечень всех видов казни, в Каоре «во время поста сказанного 1559 г. был сожжен уроженец Руэрга Карпю; колесован Рамон; рван калеными щипцами Арно; Бурке рассечен на шесть частей; Флоримон повешен; Ле-Негю повешен возле Валандрского моста перед садом Фурье; сожжен был возле Рок-дез-Арк [в 4 километрах от современного города] Пурио; в годе 1559-м

во время поста на площади Конк в Каоре был обезглавлен мэтр Этьенн Ригаль...» [211]. Следовательно, эти виселицы, эти гроздья повешенных на ветвях деревьев, чьи силуэты вырисовываются на фоне неба в стольких старинных картинах,— всего лишь не что иное, как реалистическая деталь: они составляли часть пейзажа.

Даже Англия знала такие жестокости. В Лондоне казни производились восемь раз в году, [но] повешения происходили одно за другим в Тайберне, за стенами Гайд-парка, вне пределов города. Таким образом, один французский путешественник присутствовал в 1728 г. при девятнадцати одновременных повешениях. Были тут и врачи, ожидавшие тел, которые они купили у самих казненных, каковые «заранее пропили деньги». Родственники осужденных присутствовали при казни, и, поскольку виселицы были низкими, они тянули жертвы за ноги, дабы сократить их агонию. Однако же, по словам нашего француза, Англия якобы была не так безжалостна, как Франция. В самом деле, он нашел, что «в Англии правосудие недостаточно сурово». «Я полагаю,— пишет он,— что существует политика осуждать воров с большой дороги только на повешение, дабы оным помешать дойти до убийства, к чему они приходят редко». Зато кражи были частыми, даже (или особенно) вдоль дороги, [по которой] ездили от Дувра до Лондона скорые экипажи — «летающие кареты».Так, может быть, следовало бы пытать, клеймить гнусность этих воров, как то делалось во Франции? Они сразу «сделались бы более редки» [212].

Вне пределов Европы лицо государства было таким же, даже еще более свирепым; в Китае, Японии, Сиаме, в Индии казни были банальной частью повседневности, на сей раз — при безразличии публики. В странах ислама правосудие было скорым, коротким на расправу. В 1807 г. одному путешественнику, чтобы войти в шахский дворец в Тегеране, пришлось перешагивать через трупы казненных. В том же самом году этот же путешественник, брат генерала Гарданна, отправляясь в Смирне нанести визит местному паше, обнаружил «распростертыми на его пороге обезглавленного и повешенного» [213]. 24 февраля 1772 г. газета сообщала: «Новый салоникский паша своей суровостью восстановил порядок в сем городе. По прибытии своем велел он удавить нескольких бунтовщиков, что нарушали общественное спокойствие, и торговля, приостановленная было, обрела всю свою активность» [214].

Но не был ли важен [только] результат? Это насилие, эта жестокая рука государства были гарантией внутреннего мира, безопасности дорог, надежного снабжения рынков и городов, защитой от внешних врагов; они означали эффективное ведение войн, непрестанно сменявших одна другую. Мир внутренний — то было благо, не имевшее [себе] равных! Около 1440 г., в последние годы Столетней войны, Жан Жювеналь дез Юрсен говорил, «что ежели бы пришел король, способный им [французам] его дать, то будь он даже сарацином, они бы стали ему повиноваться» [215]. Гораздо позднее, если Людовик XII сделался «Отцом народа», так это потому, что ему повезло с помощью обстоятельств восстановить спокойствие в королев-

[211] *Livre de main des Du Pouget (1522—1598).* Éd. critique par M. J. Prim. D.E.S., Toulouse, 1964, машинописный текст.

[212] Неизвестный путешественник, 1728 г. Victoria and Albert Museum, 86 NN 2, f[os] 196 f.

[213] Согласно копии, хранящейся в Гос. Библиотеке им. В. И. Ленина в Москве: фонд Fr., л. 5, 54.

[214] *"Gazette de France"*, 29 février 1772, p. 327.

[215] Autrand F. *Pouvoir et société en France, XIV[e]—XV[e] siècles.* 1974, p. 12.

стве и сохранить «времена дешевого хлеба». Благодаря ему, писал в 1519 г. Клод Сэссель, дисциплину «столь сурово поддерживают, наказывая какое-то малое число самых виновных, грабежи ... столь подавлены, что жандармы * не посмели бы взять у крестьянина яйцо, не заплатив за него» [216]. И не потому ли, что она сохраняла эти драгоценные и хрупкие блага — мир, дисциплину, порядок,— королевская власть во Франции столь быстро восстановилась после религиозных войн и после серьезных смут Фронды и сделалась «абсолютной»?

* Жандармы — здесь тяжеловооруженные всадники так называемых *ордонансовых рот*, созданных в 1445 г. и положивших начало постоянной королевской армии во Франции.— *Прим. перев.*

[216] См. статью Р. Гаскона (Gascon R.) в: *Histoire économique et sociale de la France*. Éd. F. Braudel, P. Labrousse, 1976, I, p. 424; Seyssel C. *Histoire singulière du roy Loys XII*. 1558, p. 14.

ЗАТРАТЫ ПРЕВЫШАЮТ ПОСТУПЛЕНИЯ: ОБРАЩЕНИЕ К ЗАЙМАМ

Для [выполнения] всех своих задач государство нуждалось в деньгах, и все больше и больше по мере того, как оно распространяло и разнообразило свою власть. Оно более не могло жить как прежде, за счет домена государя. Оно должно было наложить руку на богатство, находившееся в обращении.

И значит, именно в рамках рыночной экономики образовывались в одно и то же время определенный капитализм и определенное современное государство. Между двумя этими эволюциями было не одно совпадение. Главная аналогия заключалась в том, что в обоих случаях речь шла об утверждении иерархической структуры, в одном случае малозаметной, в другом, в государстве, зримой и выставленной напоказ. Другая аналогия: современное государство, как и капитализм, ради обогащения прибегает к монополиям: «португальцы — на перец, испанцы — на серебро, французы — на соль, шведы — на медь, папская власть — на квасцы» [217]. К этому следует добавить в случае с Испанией монополию на отгонное овцеводство (*Mesta*) и монополию на связи с Новым Светом (*Casa de la Contratación*).

Но так же точно, как капитализм, развиваясь, не упраздняет традиционные виды деятельности, на которые он иной раз опирается, «как на костыли» [218], так и государство приспосабливает прежние политические конструкции, проникая между ними, чтобы навязать им, как оно это может, свою власть, свою монету, свой налог, свое правосудие, свой командный язык. Существовали вполне одновременно проникновение и наложение, завоевания и приспособление. Филипп-Август, став хозяином Турени, в 1203 г. ввел в королевстве турский денье, который с этого времени будет обращаться наряду с денье парижским, и эта *парижская* система исчезнет, только поздно, при Людовике XIV [219]. Именно Людовик Святой своим ордонансом 1262 г. навязал всему королевству королевскую монету [220], но начавшееся завоевание завершилось только спустя три столетия, в XVI в. В том, что касалось налога, наблюдалась та же медлительность: Филипп Красивый, который первым ввел королевский налог с сеньериальных земель, делал это хитро и осторожно. В 1302 г. он советовал своим агентам: «Против воли баронов не собирайте вовсе сих денег на их землях». Или еще: «И должны совершать сии сборы и [соби-

[217] Stone L. *An Elizabethan : Sir Horatio Pallavicino*. 1956, p. 42.

[218] Это выражение принадлежит К. Марксу.

[219] Imbert J. *Histoire économique*. 1965, p. 206.

[220] *Ibid*., p. 207; Le Blanc. *Traité historique des monnoyes de France*. 1692, p. 175—176.



Сборщик налогов. Рисунок художника французской школы, конец XVI в. ***Париж, Лувр. Фото издательства Ларусс.***

рать] деньги с как можно меньшим шумом и елико возможно менее понуждая простой народ, и будьте внимательны к тому, чтобы к исполнению ваших распоряжений приставить сержантов снисходительных и сговорчивых» [221]. Пройдет почти столетие, пока при Карле V игра не будет выиграна; поставленная под угрозу в правление Карла VI, она снова будет выиграна при Карле VII: ордонанс от 2 ноября 1439 г. передал определение [размера] тальи на усмотрение короля [222].

Из-за медленного прогресса своей налоговой системы, из-за несовершенной организации своих финансов государство пребывало в затруднительном, даже абсурдном положении: его траты постоянно превышали его доходы, а траты эти были необходимы, неизбежны изо дня в день, тогда как доходы — это то, что еще надлежит получить, да и не всегда есть уверенность, что получишь. Следовательно, государь понимал образ жизни государства не в соответствии с буржуазной мудростью, заключавшейся в том, чтобы вписывать свои расходы в свои доходы, а не тратить сначала в надежде найти затем необходимые ресурсы. Затраты бежали впереди; о том, чтобы их настигнуть, думали, но в общем, с исключениями, подтверждавшими правило, никому это не удавалось.

Обращаться к налогоплательщикам, преследовать их, изобретать новые налоги, создавать лотереи — все было тщетно, дефицит углублялся, как пропасть. Невозможно было выйти за определенные границы, заставить поступать в государственные сундуки весь запас монеты в королевстве. Хитрость налогоплательщика, а в случае нужды — и его гнев были достаточно действенны. Джованни ди Паголо Морелли, флорентиец XIV в., давая своим потомкам советы в деловых вопросах, писал: «Как огня остерегайся лгать», за исключением того, что касается налогов, где это позволительно, ибо тогда «ты совершаешь сие не ради того, чтобы присвоить чужое добро, но дабы воспрепятствовать тому, чтобы забрали неподобающим образом твое» [223]. Во времена Людовика XIII и Людовика XIV причиною мятежей во Франции почти всегда были чересчур обременительные фискальные поборы.

И тогда у государства оставалось только одно решение: занимать деньги. Да еще это надо было уметь сделать: оперировать кредитом нелегко, и государственный долг стал на Западе всеобщим явлением поздно, в XIII в.: во Франции — с Филиппа Красивого (1285—1314), гораздо раньше, несомненно, в Италии, где возникновение венецианского *Монте Веккьо* теряется во мраке веков [224]. То была поздняя, но инновация: Дж. Хэмилтон мог написать, [что] «государственный долг — одно из очень редких явлений, чьи корни не достигают грекоримской античности» [225].

Чтобы соответствовать формам и требованиям финансирования, государство вынуждено было выработать целую политику, которую трудно понять сразу, и еще труднее было проводить. Если бы Венеция не избрала решение в виде принудительного займа, если бы она не заставляла богатых подписываться [на заем] и в конечном счете не имела бы из-за войны затруднений с выплатой своих долгов, она могла бы считаться ранней

[221] *Ordonnances des Rois de France de la troisième race.* Éd. de Laurière, 1723, t. I, p. 371. (инструкция к ордонансу касательно субсидии на Фландрскую войну, 1302 г.).

[222] Ardant G. *Histoire de l'impôt,* 1971, I, p. 238.

[223] Bec C. *Les Marchands écrivains à Florence, 1355—1434,* p. 62.

[224] Luzzato G. *Storia economica di Venezia,* p. 208.

[225] Hamilton J. *Origin and growth of the national debt in Western Europe.*—"*American Economic Review*", № 2, may 1947, p. 118.

моделью капиталистического благоразумия. В самом деле, с XIII в. она изобрела выход, который станет выходом и для победоносной Англии XVIII в.: с венецианским займом, как и с займом английским, всегда бывало связано выделение какой-то группы доходов, за счет которой производились выплата процентов и возмещение займа. И как и в Англии, могущие передаваться облигации [государственного] займа продавались на рынке, иногда выше, [но] обычно — ниже номинала. Специальному учреждению поручалось контролировать распространение займа и обеспечивать выплату каждые два года процентов в размере 5% (в то время как частные ссуды предоставлялись из 20%). Это учреждение носило в Венеции, как и в других итальянских городах, название *Монте* (*Monte*). За плохо нам известным *Монте Веккьо* последовал в 1482 г. *Монте Нуово*; позднее будет создан *Монте Нуовиссимо*. В Генуе аналогичная ситуация завершится иным решением. В то время как в Венеции государство оставалось хозяином источников доходов, которые гарантировали заем, генуэзские заимодавцы завладели почти всеми доходами Республики и, дабы ими управлять к своей выгоде, создали в 1407 г. настоящее государство в государстве — знаменитый [банк] «Каса ди Сан-Джорджо» (*Casa di San Giorgio*).

Не все европейские государства знали с самого начала игры такую отработанную финансовую технику, но какое из них не занимало деньги, притом очень рано? [226] Короли Англии еще до XIV в. обращались к уроженцам Лукки, а затем долгое время к флорентийцам; бургундские Валуа — к своим добрым городам; Карл VII — к своему главному казначею Жаку Кёру; Людовик XI — к [уполномоченным] Медичи, обосновавшимся в Лионе; Франциск I основал в 1522 г. ренты на парижскую Ратушу: это был своего рода *Монте*, ибо король уступил Ратуше доходы, которые гарантировали выплату процентов. Папа очень рано обратился к кредиту, чтобы сбалансировать папские финансы, которые не могли существовать за счет одних только доходов Святого Престола в момент, когда сокращались или исчезали выплаты христианского мира. Карлу V приходилось занимать деньги в соответствии с масштабами его грандиозной политики: он разом превзошёл всех своих современников. Его сын Филипп II от него не отстанет. И впоследствии государственный долг будет лишь расти. Многие из капиталов, накопленных в Амстердаме, в XVIII в. исчезнут в сундуках европейских государей. Но мы хотели бы, прежде чем заняться этим международным рынком кредита, на котором мы еще остановимся подробно и который был царством заимодавцев и заемщиков, поближе рассмотреть на малоизвестном примере Кастилии и классическом примере Англии механизм государства, занятый поисками денег.

[226] С XII в.; см.: Pirenne H. *Histoire économique de l'Occident médiéval.* 1951, p. 35, note 2. Первым крупным займом во Франции был будто бы заем, заключенный в 1295 г. для военной кампании против Англии в Гиени. См.: Florange Ch. *Curiosités financières...*, 1928, p. 1.

КАСТИЛЬСКИЕ *ХУРОС* И *АСЬЕНТОС* [227]

В XV в. короли Кастилии учредили ренты (*juros*), обеспечивавшиеся отчуждаемыми для этого доходами. Место полу-

[227] Я не хотел ни умножать число ссылок, которые легко можно найти в [моей] La Méditerranée, ни давать отсылки к публикуемому труду Фелипе Руиса (Ruiz F. *El Siglo de los Genoveses)*, с которым я познакомился несколько лет назад.

чения дохода давало свое название *хурос*, которые впоследствии в различных случаях будут именоваться *хурос* на монополию связей с Индиями (*Casa de la Contratación*), на орденские пастбища (*Maestrazgos*), на пограничные таможни (*Puertos Secos*), на участие в доходах Индий (*Almojarizfazgo de Indias*) и т. д. Один из персонажей Сервантеса говорит: поместить свои деньги «как кто-нибудь, имеющий хуро на травы Эстремадуры [пастбища *Maestrazgos*]» (*"como quien tiene un juro sobre las yerbas de Extremadura"*) [228].

[228] В новелле «Цыганочка». См.: Сервантес М. *Назидательные новеллы*. М.-Л., 1934, I. с. 89.

Великое распространение рент датируется правлениями Карла V и Филиппа II. *Хуро* представало тогда в разнообразных формах: ренты постоянной (*juro perpetuo*), пожизненной (*de por vida*), подлежащей возмещению (*al quitar*). В зависимости от более или менее надежных королевских доходов, которые их обеспечивали, имелись *хурос* хорошие и менее хорошие. Другая причина разнообразия: ставка процента могла варьировать от 5 до 14% и более. Хотя и не существовало организованного рынка ценных бумаг, какой мы позже увидим функционирующим в Амстердаме или в Лондоне, *хурос* продавались и обменивались, и курс их изменялся, но обычно бывал ниже номинала. 18 марта 1577 г., правда, в разгар финансового кризиса, *хурос* продавались за 55% их стоимости.

Добавим, что одно время будут существовать *залоговые хурос* (*juros de caución*), дававшиеся в залог деловым людям, которые по контрактам-*асьенто* (*asientos*) авансировали Филиппа II громадными суммами. Эти *асьентос*, на которые особенно [охотно] соглашались генуэзские купцы начиная с 1552—1557 гг., вскоре составили очень крупный неконсолидированный долг. И правительство Кастилии во время своих последовавших одно за другим банкротств (в 1557, 1560, 1576, 1596, 1606, 1627 гг.) действовало всякий раз одинаково: оно обращало часть неконсолидированного долга в долг консолидидированный — операция, на наш взгляд, не удивительная. Правда, между тем с 1560 по 1575 г. оно будет соглашаться на то, чтобы *хурос*, переданные его заимодавцам, не были более просто залогом (*caución*), но гарантийными *хурос* (*juros de resguardo*), которые деловой человек имел право сам продавать публике, если он обеспечит оплату купонов и если возвратит королю другие *хурос* (из того же процента) в момент окончательного расчета.

В силу такой практики генуэзские деловые люди (*hombres de negocios*) держали в своих руках рынок *хурос*, покупая при понижении, продавая при повышении [курса], обменивая «плохо помещенные» на «помещенные хорошо». Будучи хозяевами рынка, они могли играть почти наверняка. И тем не менее самый из них знаменитый — Николао Гримальди, князь Салернский (он купил за деньги этот привлекательный неаполитанский титул), в 1575 г. объявил себя несостоятельным как раз вследствие чересчур рискованных спекуляций с *хурос*. Впрочем, с течением времени испанское правительство сообразило, что такое крутое средство, как банкротство, было не единственным в его распоряжении: оно могло приостановить выплату процентов по *хурос*, уменьшить их ставку, конвертировать ренты. В феврале 1582 г. Филиппу II предложили конверсию процента

с *хурос*, обеспечиваемых севильскими торговыми пошлинами (*alcabalas*), ставка процента которых находилась на уровне 6—7%. Обладатели рент имели бы выбор: либо сохранить свои ценные бумаги из нового процента (размер которого документ не уточняет), либо потребовать возврата своих денег; на это был бы выделен «миллион золотом» по первом же прибытии «Флота Индий». Но венецианец, который нам это сообщает, полагает, что ввиду медленности возмещения владельцы рент предпочтут продать свои бумаги третьему лицу, которое согласится на новую ставку процента. В конце концов эта операция не осуществилась.

Драма испанских финансов заключалась в том, что им постоянно приходилось прибегать к новым *асьентос*. Во времена Карла V первые роли в таких авансах, которые иногда требовали предоставить внезапно, удерживали банкиры Южной Германии — Вельзеры, и еще более — Фуггеры. Не будем жалеть этих денежных князей. Однако же они были вправе испытывать беспокойство. Они видели, как много звонкой монеты покидало их сундуки. Чтобы добиться ее возврата, все время приходилось ждать, порой угрожать, обзаводиться залогами: так Фуггеры станут хозяевами *Maestrazgos* (пастбищ, принадлежавших рыцарским орденам св. Иакова, Калатрава и Алькантара) и разработчиками ртутных рудников Альмадена. И еще того хуже: чтобы получить обратно данные взаймы деньги, приходилось их авансировать снова. Оказавшись практически вне игры с *асьентос*, начиная с банкротства 1557 г., Фуггеры снова в нее включились в конце столетия в надежде возместить себе невозместимое.



Якоб Фуггер и его счетовод. Немецкий эстамп XVI в.— эпохи, когда этот аугсбургский торговый дом, первейший в мире, ссужал огромные суммы Карлу V. На расположенных сзади ящиках — названия крупных торговых центров Европы. *Фототека издательства А. Колэн.*

Около 1557 г. началось царствование банкиров генуэзских — Гримальди, Пинелли, Ломеллини, Спинола, Дориа,— все они принадлежали к старому дворянству (*nobili vecchi*) республики св. Георгия. Для своих все более и более широких операций они организовали денежные ярмарки, так называемые безансонские, которые с 1579 г. будут долгое время проходить в Пьяченце. С того времени они одновременно стали и хозяевами богатства Испании, государственного и частного (кто в Испании — дворяне, служители церкви и особенно «служилые» — не доверял им деньги?), и как бы рикошетом — хозяевами всего богатства Европы, по меньшей мере поддававшегося мобилизации богатства. В Италии каждый будет играть на безансонских ярмарках и ссужать генуэзцам деньги даже не ведая об этом, пока не окажется, подобно венецианцам, застигнут врасплох испанским банкротством 1596 г., которое им обойдется весьма дорого.

Генуэзские купцы были необходимы Католическому королю, ибо они преобразовывали в *постоянный поток* поток прерывистый, доставлявший в Севилью американский белый металл. Начиная с 1567 г. нужно было регулярно, ежемесячно платить испанским войскам, что сражались в Нидерландах. Они требовали, чтобы им платили золотом, и их требования будут удовлетворяться вплоть до конца царствования Филиппа II (1598 г.). И следовательно, необходимо было к тому же, чтобы генуэзцы обменивали американское серебро на золото. Они преуспеют в решении этой двойной задачи и будут служить Католическому королю до самого банкротства в 1627 г.

Тогда они уйдут с авансцены. После немецких банкиров то был второй скакун, которого загнал испанский всадник. В 20 — 30-е годы XVII в. эстафету примут португальские новые христиане. Граф, а затем герцог Оливарес * включил их в игру со знанием дела: фактически то были подставные лица, марионетки крупных нидерландских протестантских купцов. Через них Испания пользовалась выгодами кругооборотов голландского кредита и тогда, когда в 1621 г. возобновилась война с Соединенными Провинциями.

* Оливарес Гаспар де Гусман (1587—1645)— фаворит короля Филиппа IV, фактический правитель Испании в 1621—1643 гг.— *Прим. перев.*

Нет никакого сомнения, что Испания во времена своего величия плохо умела брать взаймы и позволяла своим кредиторам обирать себя. Порой ее владыки пытались воспротивиться, даже отомстить за себя: банкротство 1575 г. Филипп II организовал ради того, чтобы избавиться от генуэзцев. Но тщетно. И в 1627 г. последние именно по собственной воле отступятся, вернее, откажутся от возобновления *асьентос*. Капитализм в международном масштабе мог уже поступать как хозяин мира.

АНГЛИЙСКАЯ ФИНАНСОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: 1688—1756 гг.

Англия успешно осуществила в XVIII в. свою политику государственных займов, а еще лучше — то, что П. Дж. М. Диксон [229] назвал ее «финансовой революцией». Выражение это справедливо, коль скоро оно прилагается к очевидной новизне, но оно спорно, если вспомнить о медлительности процесса, начавшегося самое

[229] Dickson P.M.G. *The Financial revolution in England. A Study in the development of public credit, 1688—1756*. 1967.

малое с 1660 г. и достигшего широкого размаха с 1688 г., чтобы завершиться только в начале Семилетней войны (1756—1763 гг.). Следовательно, он потребовал длительного (на протяжении почти столетия) вызревания, благоприятных обстоятельств плюс неослабевающего экономического подъема.

Эта финансовая революция, что завершилась преобразованием государственного кредита, стала возможна лишь благодаря глубокой предварительной реорганизации английских финансов, общий смысл которой ясен. В целом в 1640 г. и даже еще в 1660 г. английские финансы по своей структуре имели довольно близкое сходство с финансами Франции того же времени. Ни с той, ни с другой стороны Ла-Манша не было государственных финансов, централизованных и зависевших единственно от государства. Слишком многое предоставлялось частной инициативе сборщиков налогов, которые одновременно были признанными заимодавцами короля, финансистов, у которых были собственные дела, и чиновников, которые от государства не зависели, так как свои должности покупали. И это не считая постоянного обращения к лондонскому Сити, так же как король Франции обращался к своему доброму городу Парижу. Английская реформа, целью которой было избавиться от посредников, которые паразитировали на государстве, совершалась незаметно и последовательно, однако же без того, чтобы можно было различить хоть какую-то руководящую нить. Первыми ее мерами были передача в ведение государства таможен (1671 г.) и акцизного сбора (1683 г.), налога на потребление, введенного по образцу Голландии; одной из последних мер — создание в 1714 г. должности лорда-казначея (*Lord Treasurer*), повлекшее за собой учреждение ведомства Казначейства (*Board of Treasury*), в общем Совета финансов, который будет надзирать за поступлением доходов в государственную казну (*Exchequer*). На сегодняшнем нашем языке мы бы сказали, что имела место национализация финансов, включая в этот медленный процесс и контроль над Английским банком (контроль, который установится лишь к середине XVIII в., хоть банк был основан в 1694 г.) плюс (с 1660 г.) решающий голос парламента в вотировании кредитов и новых налогов.

О том, что такая национализация была глубоким административным преобразованием, что она изменила все социальные и институциональные взаимоотношения агентов государства, можно судить по случайному, и к сожалению, слишком краткому замечанию французских наблюдателей. Правительство Людовика XIV дважды посылало в Англию Анисcона и Фенеллона, представителей [соответственно] Лиона и Бордо в Совете торговли, для ведения переговоров о торговом соглашении, которое, впрочем, заключено не будет. Вот что они писали 24 января 1713 г. из Лондона генеральному контролеру финансов Демаре: «Коль скоро чиновники здесь, как и везде в иных местах, весьма корыстолюбивы, мы надеемся достичь цели с помощью денег, тем более что подарки, кои мы им предложили, вовсе не пахнут подкупом, понеже все здесь находится в государственном управлении» [230]. Была ли коррумпированность чиновника менее заметна, потому что он в принципе представлял государство,— это еще надо бы посмотреть. Что определенно, так это то, что в глазах француз-

[230] A.N., G 7, 1699.

ских наблюдателей английская организация, довольно близкая к бюрократии в современном понимании, была оригинальной и отличной от того, что они знали: «Все здесь находится в государственном управлении».

Во всяком случае, не взяв таким путем в руки финансовый аппарат государства, Англия не смогла бы развить, как она это сделала, эффективную систему кредита, хоть современники долго эту систему поносили. Не будем приписывать слишком большого влияния в установлении этой системы Вильгельму III, голландскому статхаудеру, ставшему королем Англии. Конечно, он с самого начала делал крупные займы «на голландский манер», дабы привязать к своему делу, бывшему еще ненадежным, большое число обладателей государственных рент. Но английское правительство занимало деньги, чтобы справиться с трудностями войны Аугсбургской лиги (1689—1697 гг.) *, а затем войны за Испанское наследство (1701—1713 гг.), как раз еще старыми, даже устарелыми способами. Решающее новшество — долгосрочный заем — приживалось медленно. Правители мало-помалу узнавали, что имеется доступный рынок для долгосрочных займов под низкий процент; что существует как бы заранее установленное соотношение между реальной суммой налогов и возможным объемом займов (последние могли без всякого ущерба быть увеличены на треть общей суммы налога), между массой краткосрочных долгов и массой долга долгосрочного; что истинной, единственной опасностью было бы предназначить для выплаты процента ресурсы ненадежные или же изначально оцененные неверно. Эти правила, долгое время оспаривавшиеся, выявятся лишь с того дня, как игра станет вестись трезво и в больших масштабах. Мало-помалу диалектика краткосрочного и долгосрочного будет осознана, чего отнюдь еще не было в 1713 г., году Утрехтского мира, когда долгосрочные займы именовали еще «подлежащими возмещению или самоликвидирующимися» (*"repayable or self liquidating"*). Как бы сам собой долгосрочный заем превращался в заем вечный. С этого времени государство не должно было более его возмещать и могло, превратив свой текущий долг в долг консолидированный, не истощать свои ресурсы кредита или наличных денег. Что же до заимодавца, то он может передать свои бумаги третьему лицу — это было разрешено с 1692 г. — и, значит, всякий раз, как он того пожелает, вернуть свой аванс. То было чудо: государство не возвращает долги, а кредитор получает обратно свои деньги по своему желанию.

* Аугсбургская лига — союз (с 1686 г.) Австрии, Голландии, Испании, Швеции и немецких княжеств против Франции Людовика XIV; впоследствии (1689 г.) к союзу примкнула и Англия.— *Прим. перев.*

Чудо это не было даровым. Нужно было, чтобы противники долга, вскоре ставшего чудовищным, не одержали верх в начавшихся широких дебатах. Такая система покоилась на «кредите» государства, на доверии публики; следовательно, долг мог существовать лишь благодаря созданию парламентом новых доходов, предназначавшихся всякий раз для регулярной выплаты процентов. В этой игре у определенных слоев населения — земельных собственников (которые в виде поземельного налога, *land tax*, выплачивали государству пятую часть своего дохода), потребителей или торговцев тем или иным облагавшимся налогом продуктом — возникало ощущение, что операция проделывается за их счет в пользу класса паразитов, спекулянтов: держателей

рент, лиц, предоставляющих капиталы, негоциантов (чьи доходы не облагались), [всех] этих *денежных людей* (*moneyed men*), которые важничают и презирают работящую нацию. Разве не заинтересованы они, эти спекулянты, в разжигании войны, ведь новая война для них — сплошной выигрыш, ибо она повлечет за собою для государства новые займы и повышение размеров процента? Война с Испанией (1739 г.), первый крупный политический надлом столетия, будет в значительной мере делом их рук. Вследствие этого было естественным, что система консолидированного долга, в которой ныне можно видеть важнейшую основу английской стабильности, подвергалась яростным нападкам современников во имя добрых принципов здоровой экономики. На самом же деле она была всего лишь прагматическим плодом обстоятельств.

Именно крупные купцы, золотых дел мастера, банковские дома, специализировавшиеся на выпуске займов, одним словом, именно деловой мир Лондона, решающего и исключительного сердца нации, обеспечил успех политики займов. Свою роль сыграла в этом и заграница. В 20-е годы XVIII в., на пороге периода правления Уолпола и в течение всего этого периода, голландский капитализм проявил себя решающим участником этой операции. 19 декабря 1719 г. из Лондона сообщали о «новых выпусках займа более чем на 100 тыс. фунтов стерлингов с намерением употребить их в наших фондах» [231]. Фонды — это английское слово (*Funds*), обозначающее государственные ценные бумаги. Иногда будут также говорить «ценные бумаги» (*securities*), «аннуитеты» (*annuities*).

Как объяснить массовые покупки голландцами английских ценных бумаг? Ставка процента в Англии часто (но не всегда) бывала выше процента, практиковавшегося в Соединенных Провинциях. И английские фонды в отличие от амстердамских аннуитетов были свободны от обложения, а это было преимуществом. С другой стороны, Голландия имела с Англией положительное торговое сальдо: для голландских [торговых] домов, обосновавшихся в Лондоне, английские фонды представляли легкое и удобно мобилизуемое помещение их прибылей. Иные доходили до того, что реинвестировали доход со своих ценных бумаг. Таким образом, начиная с середины столетия амстердамский рынок образовывал единое целое с лондонским. Спекуляция английскими фондами с оплатой наличными или к определенному сроку была на обоих рынках гораздо более активной и разнообразной, нежели акциями нидерландских компаний. В целом, хоть процессы эти и не могут быть сведены к простой схеме, Амстердам пользовался параллельным рынком английских фондов, дабы сбалансировать свои операции по краткосрочному кредиту. Утверждали даже, будто голландцы в какой-то момент владели четвертью или одной пятой английских облигаций государственного долга. Это слишком сильно сказано. «Я знаю ото всех банкиров Лондона,— писал в 1771 г. Исаак де Пинто,— что заграница обладает не более чем одной восьмой национального долга» [232].

Впрочем, это неважно. Нечего удивляться тому факту, что английское величие складывалось в ущерб ближнему, голландским заимодавцам. Но также и в ущерб заимодавцам француз-

[231] Warszawa, A.G., Fundusz Radziwiłłów, 26 декабря 1719 г.
[232] Pinto I., de. *Op. cit.*, p. 1, note 2.

ским, из швейцарских кантонов или немецким. В XVI и XVII вв. флорентийские, неаполитанские или генуэзские ренты не были бы столь надежными, если бы не иностранный подписчик. К 1600 г. рагузинцы владели этими рентами на 300 тыс. дукатов [233]. Капиталы смеялись над границами. Они направлялись туда, где безопаснее. И все же сама ли по себе система, сама ли финансовая революция обеспечили английское величие? Англичане в конце концов уверовали в это. В 1769 г. Томас Мортимер в седьмом издании [своей] книги «Каждый сам себе брокер» говорил о государственном кредите как о «вечном чуде в политике, каковое одновременно и изумляет государства Европы, и внушает им великий страх» (*“standing miracle in politics, which at once astonishes and over-awes the States of Europe”*) [234]. В 1771 г. трактат де Пинто, который мы часто цитировали, превозносил его до небес [235]. Питт в 1786 г. говорил, что он «убежден, что на этом вопросе государственного долга покоятся мощь и даже независимость нации» [236].

И все же Симолин, русский посол в Лондоне, который тоже понимал выгоды английского консолидированного долга, видел в нем одну из причин растущей дороговизны, сделавшейся в Лондоне с 1781 г. «огромной и превосходящей любое воображение» [237]. Не удержаться от мысли, что этот рост долга и цен мог бы иметь совсем иные последствия, ежели бы Англия одновременно не захватила господство над миром. Например, если бы она не одержала верх над Францией в Северной Америке и в Индии, в двух этих регионах, ставших очевидными опорными пунктами ее взлета.

233 Сообщение Тадича.
234 Mortimer T. *Every Man his own broker.* 1775, p. 165.
235 Исаак де Пинто (Pinto I., de. *Op. cit.)*, который похвалялся в 1771 г. (p. 13), что был первым, кто заявил, что «государственный долг обогатил Англию», и который превосходно объясняет выгоды системы, к тому же сравнивая ее с французской, указывает, что англичане вообще, и не самые малые, «не ведают ее природы» и по-дурацки ей противятся (p. 43).
236 АВПР, 35/6, 390, л. 114.
237 АВПР, 35/6, 320, л. 167. Письмо Симолина, Лондон, 23 марта (3 апреля) 1781 г.

БЮДЖЕТЫ, КОНЪЮНКТУРЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОДУКТ

Государственные финансы могут быть поняты лишь включенными в совокупность экономической жизни страны. Но нам потребовались бы точные цифры, не запутанные финансы, экономики, поддающиеся контролю. Ничего этого у нас нет. Однако мы располагаем бюджетами, или, скажем точнее (ибо слово это приобрело свой полный смысл лишь в XIX в.), росписями правительственных доходов и расходов. Мы были бы наивными, считая их за наличные деньги, [но] легкомысленными, вовсе не принимая их во внимание.

Так, у нас есть венецианские *Балансы* (*Bilanci*) с XIII в. по 1797 г. [238]; счета бургундских Валуа с 1416 по 1477 г. [239] Мы могли бы восстановить цифры, относящиеся к Кастилии, в общем самой активной [части] Испании, в XVI—XVII вв. [240]: документы находятся в Симанкасе. Есть у нас довольно полные цифры по Англии, но их еще предстоит подвергнуть строгому критическому анализу. Для Франции имеется почти один только порядок величин [241]. В отношении Оттоманской империи сейчас проводятся исследования [242]. Мы имеем даже цифры для Китая, хотя и довольно сомнительные [243]. В зависимости от случайной памятной записки или путевых заметок мы располагаем кое-какими цифрами доходов Великого Могола [244] или [русского] царя [245].

238 *Bilanci generali.* Seria seconda. Venezia, 1912.
239 Mollat M. *Comptes généraux de l'État bourguignon entre 1416 et 1420.* 1964.
240 Braudel F. *Médit...*, II, p. 33 и график.
241 *Ibid.*, II, p. 31.
242 См. переведенный С. Дж. Шоу бюджет османского Египта (Shaw S.J. *The Budget of Ottoman Egypt, 1596—1597.* 1968) и в особенности уже опубликованные работы Омера Лютфи Баркана.
243 См., например: Macartney. *Voyage dans l'intérieur de la Chine et en Tartarie,* IV, p. 119 (1793 г.: 66 млн. фунтов); Vivero R. British Museum, Add. 18287, f° 49 (1632 г.: 130 млн. золотых экю).
244 Abbé Prévost. *Histoire générale des voyages,* X, p. 238 sq.
245 A.N., K 1352 (1720) или A.E., Russie M. et D., 7, f^os 298—305 (около 1779 г.).

Однако же у руководящих лиц было лишь туманное представление о том, что происходило в их собственном доме. Понятие о бюджете-плане, можно сказать, не существовало. Общая роспись финансов, составленная французским правительством 1 мая 1523 г. и представлявшая с известным запозданием предполагаемые доходы и расходы на 1523 г., составляет редкость [246]. Точно так же, как в XVII в. повеление Католического короля неаполитанской Счетной палате (*Sommaria*) [247] выслать бюджет-план одновременно с [отчетом] об исполнении сводного бюджета в конце года. Эта рациональность мадридских канцелярий объяснялась желанием до конца использовать все ресурсы Неаполитанского королевства. Эти канцелярии даже грозили советникам *Sommaria* в случае невыполнения полученных приказов полной приостановкой выплаты им жалованья или сокращением его наполовину. Но ведь трудности, с какими сталкивались эти советники, были значительными. Они объясняли, что фискальный год не совпадает с бюджетным годом в Неаполе: [сбор] соляного налога в Абруццо начинается с 1 января, но в портовых складах Калабрии — с 15 ноября; налог на шелка взимается начиная с 1 июня и так далее. Наконец, налог претерпевал локальные вариации от одного пункта королевства к другому. Работа, которой требует Мадрид, могла выполняться лишь с неизбежными опозданиями, и пусть кто угодно мечет громы и молнии! Фактически сводный баланс за 1622 г. оказывается в Мадриде 23 января 1625 г.; баланс за 1626 г. — в июне 1632 г.; баланс за 1673 г. — в декабре 1676 г. В заключительной части появляется предостережение: не следует предусматривать отстранение откупщиков налогов и взятие последних под управление государства, ибо это все равно, что отдать их в руки дьяволу (*“in mano del demonio”*).

[246] Doucet R. *L'État des finances de 1523*. 1923.

[247] Caracciolo F. *Il regno di Napoli nei secoli XVI e XVII*. 1966, I, p. 106.

[248] Véron de Forbonnais. *Recherches ... sur les finances de France*. 1758, p. 429 sq.

Та же ситуация существовала во Франции. Лишь с появлением июньского указа 1716 г. в государственных финансах была введена проверка счетов «посредством подчинения их... двойной бухгалтерии» [248]. Но речь шла о контроле за расходами, а не о средстве заранее их ориентировать. В самом деле, чего не было при ведении этих бюджетов, так это расчета предполагаемых [трат]. За ритмом расходов следили лишь путем наблюдения за наличностью. Состояние касс сигнализировало о критических пределах, определяло подлинный календарь финансовой деятельности. Когда при известных драматических обстоятельствах Калонн 3 ноября 1783 г. придет на пост генерального контролера финансов, он прождет несколько месяцев, прежде чем сможет узнать в точности состояние казны.

Несовершенные бюджеты, какими мы располагаем или которые мы реконструируем, имеют самое большее «индикативную» ценность.

Они показывают нам, что бюджеты колебались в соответствии с *повышавшейся* конъюнктурой цен; следовательно, в целом государство не страдало от такого повышения, оно следовало за ним. С ним не случалось того, что бывало с сеньерами, чьи доходы зачастую отставали от общего индекса роста. И значит, государство никогда не окажется зажато между доходами на уровне вчерашнего дня и расходами на высоте дня завтрашнего. Картина [этого движения], намеченная в графиках на с. 541 в том, что ка-

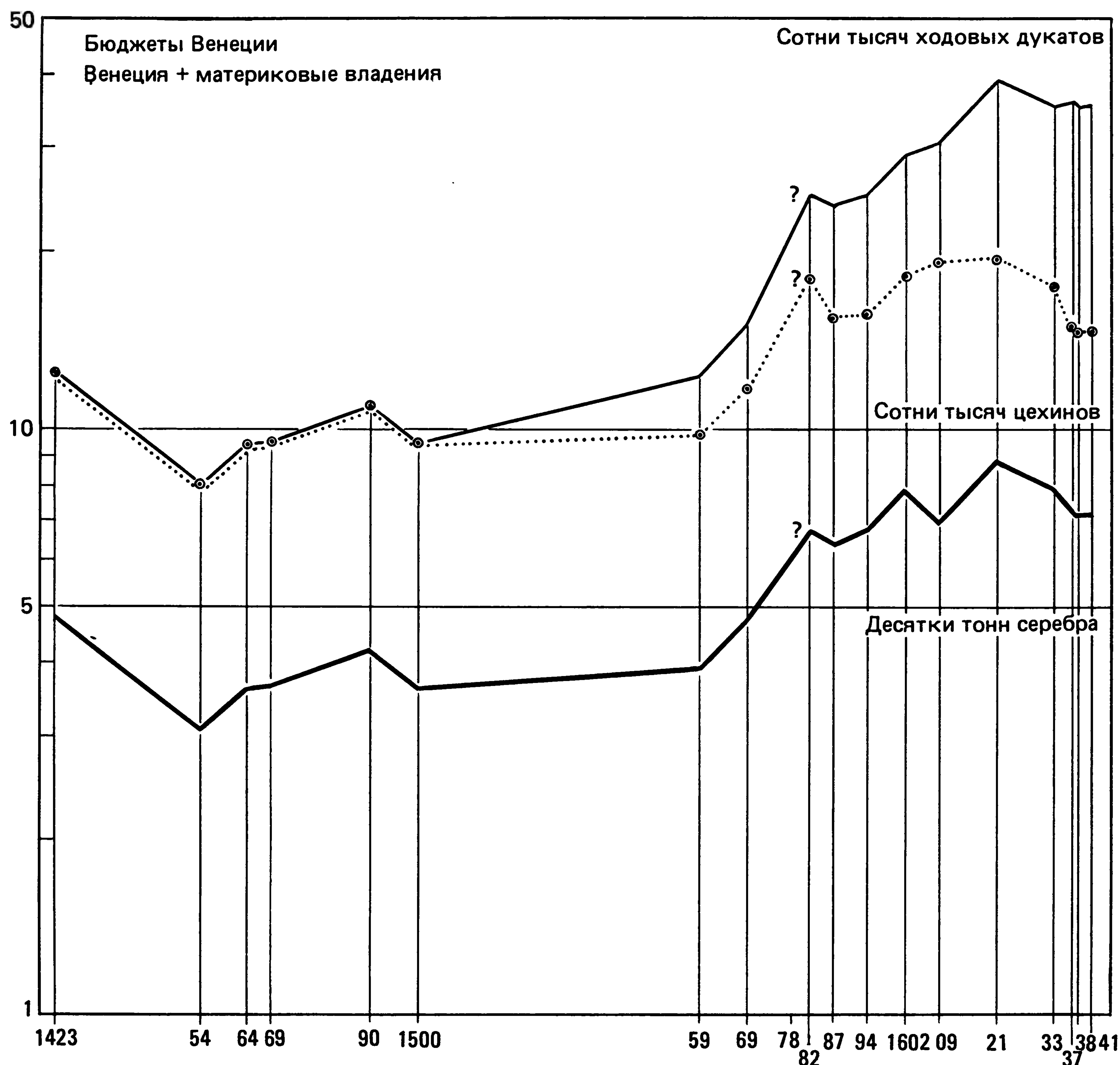
сается французских финансов XVI в., более четко видна, когда речь идет о финансах испанских или венецианских того же периода. Однако же Э. Ле Руа Ладюри [249], исходя из примера Лангедока, полагает, что в XVI в. будто бы наблюдалось определенное запаздывание роста доходов государства по сравнению со стремительным ростом цен — запаздывание, наверстанное начиная с 1585 г. Но что не подлежит сомнению, так это рост доходов французского государства в XVII в. Если бы игрой управляла конъюнктура, эти доходы должны были бы понизиться со спадом цен. Но ведь при Ришелье (1624—1642 гг.) они удвоились или утроились, как если бы в этот унылый период государство было «единственным защищенным предприятием», которое могло по собственному желанию увеличивать свои доходы. Разве не напоминал кардинал в своем завещании, что суперинтенданты финансов «приравнивают одну [только] соляную пошлину с соляных полей к Индиям короля Испанского»? [250]

[249] Le Roy Ladurie E. *Les Paysans du Languedoc*. 1966, I, p. 295—296.

[250] Cardinal de Richelieu. *Testament politique*. P.p. L. André 1947, p. 438. Цит. в кн.: Melon J.-F. *Essai politique sur le commerce*. 1734, p. 37.



Муляж одной из скульптур особняка Жака Кёра в Бурже, середина XV в. Она представляет один из галеасов Ж. Кёра, главного королевского казначея, который участвовал также и в крупной международной торговле своего времени — в левантинской торговле. *Фото Э. Жане-Лекэна.*

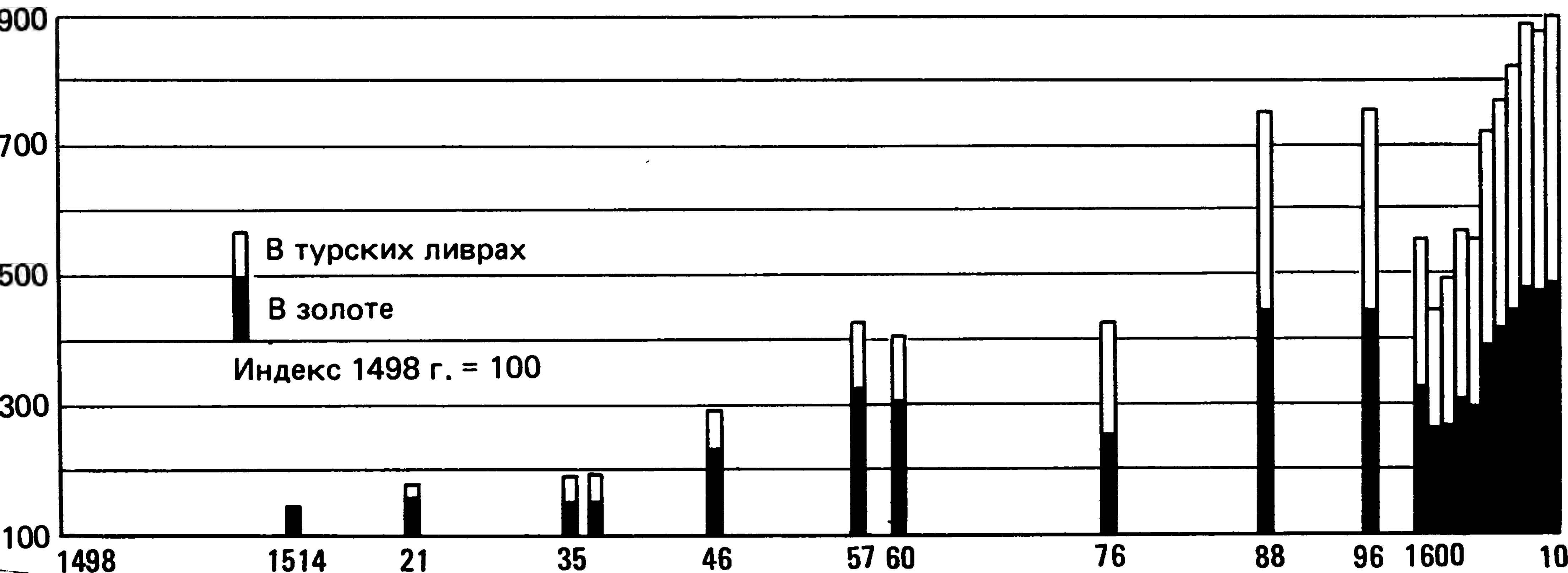


Случай Венеции

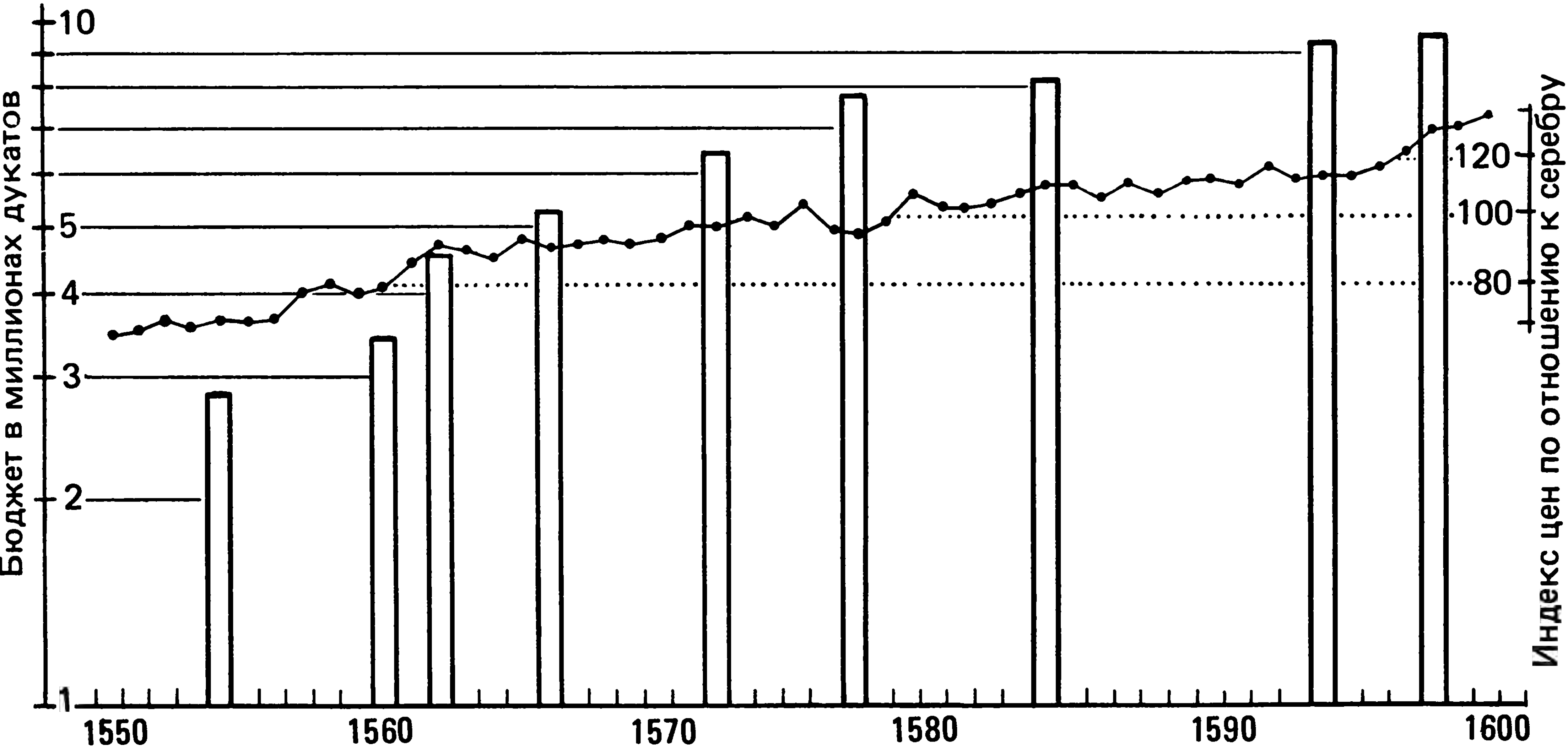
Бюджеты следуют за конъюнктурой

Венецианский бюджет складывался из трех бюджетов — городского, материковых владений (*Terra Ferma*) и имперского. Мы оставили в стороне империю, относящиеся к ней цифры зачастую чересчур амбициозны. График составлен м-ль Джеммой Миани главным образом на основе Сводных балансов (*Bilanci generali*). Три кривые соответствуют всем поступлениям Венеции и материковых владений, выраженным в: дукатах (*ducati correnti*), в золоте (в цехинах) и в серебре (в десятках тонн). Для Франции цифровые данные, установленные Ф. Спунером, имеют весьма «облегченную» ценность: номинальные цифры — в турских ливрах и цифры, рассчитанные в золоте. Какими бы ни были несовершенными эти кривые, они указывают на то, что существовали бюджетные конъюнктуры, связанные с конъюнктурой цен.

См.: Braudel F. *La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II*. 1966, II, p. 31.



Случай Франции



Случай Испании

Индекс цен по отношению к серебру заимствован у Дж. Хэмилтона.
Бюджеты исчислены в миллионах кастильских дукатов — расчетной монете, не изменявшейся в рассматриваемый период.
Бюджетные оценки взяты из неопубликованной работы Альваро Кастильо Пинтадо.
На сей раз, несмотря на несовершенство подсчета поступлений, совпадение между конъюнктурой цен и движением фискальных поступлений намного яснее, нежели в предыдущих случаях. Предварительные графики, аналогичные составленным нами, легко могут быть вычислены для Сицилии и Королевства Неаполитанского и даже для Оттоманской империи. Графиком для этой последней группа Омера Лютфи Баркана уже занялась.
См.: Braudel F. *La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II.* 1966, II, p. 33.

[251] См. настоящую работу, т. 3, гл. 2.
[252] По данным К. М. Чиполлы (Cipolla C. M.). Выступление на Неделе Прато в мае 1976 г.
[253] Выступление Ф. Контамина (Contamine Ph.) на Неделе Прато, апрель 1974 г.

Связь, которая бы объяснила не одну аномалию,— это связь, что существовала между массой налога и национальным продуктом, от которого она составляет только часть. Согласно подсчету, относящемуся к Венеции [251] — но надо признать, что Венеция — случай весьма специфичный,— эта часть могла быть порядка 10—15% валового национального продукта. Если в 1600 г. Венеция имела 1200 тыс. дукатов доходов, то я полагаю, что национальный продукт мог там быть порядка 8—12 млн. Специалисты по истории Венеции, с которыми я это обсуждал, находят эти последние цифры заниженными, если только фискальное напряжение не было слишком велико. Во всяком случае, очевидно (я не хочу втягивать читателя в бесконечные расчеты и споры), что фискальное напряжение на территории более обширной и менее урбанизованной, чем территория венецианская, по необходимости должно было быть ниже — по-видимому, порядка 5% [252]. Не благоприятствовали ли расширению территориального государства его фискальные претензии, меньшие, чем в городах-государствах со слишком малым пространством? Все это слишком смело...

Но если бы историки попытались проделать такой же подсчет в отношении нескольких стран, быть может, удалось бы проверить, в случае успеха некоторых сопоставлений, есть ли возможность проследить движение национального продукта или ее нет. Без чего любое перенесение в прошлое объяснений и догадок, почерпнутых из современных исследований [экономического] роста, становилось бы иллюзорным. Ибо именно по отношению ко всей массе национального дохода должно все сравниваться и измеряться. Например, когда недавно один историк утверждал по поводу Западной Европы XV в., что военные расходы колебались там между 5 и 15% национального дохода, то даже если проценты лишь намечены мельком и не исчислены строго, это бросает свет на названные выше очень старые проблемы [253]. Потому что нижний предел, 5%, составлял, грубо говоря, в эти далекие времена норму обычного бюджета, а 15% были превышением, которое не смогло бы сохраняться долго без катастрофических последствий.

ПОГОВОРИМ О ФИНАНСИСТАХ

Двойное несовершенство как фискальной, так и административной системы государства, постоянное обращение к займам объясняют то главенствующее положение, какое очень рано заняли финансисты. Они образовали особый сектор капитализма, прочно и тесно связанный с государством, и как раз поэтому мы не касались его в предыдущей главе. Следовало сначала представить государство.

Само это слово не лишено двусмысленности. Известно, что в языке былых времен *финансист* не значило *банкир*. В принципе он занимался государственными средствами, тогда как банкир занимался своими собственными и в еще большей степени — средствами своих клиентов. Но проведение такого различения оказывается довольно тщетным. Точно так же, как и разграничение

задним числом финансиста *государственного* и финансиста *частного* [254]. В действительности ни один финансист не ограничивался только финансовым ремеслом. Всегда он занимался чем-то еще — в частности, банком,— и это что-то включалось в глобальную игру, зачастую очень обширную и разнообразную.

И так было всегда. Жак Кёр был главным казначеем Карла VII, одновременно он был купцом, горнопромышленником, арматором. В этом последнем качестве он вдохновлял левантинскую торговлю через Эгморт, торговлю, стремившуюся быть независимой от венецианской монополии. Документы его судебного процесса дают нам нескончаемый список его весьма многочисленных дел и предприятий [255]. В последующем «откупщики» (*traitants*), «дольщики» (*partisans*), «деловые люди» (*hommes d'affaires*), которых в таком множестве встречаешь на протяжении финансовой истории французской монархии, также будут лишь наполовину вовлечены в операции с государственными финансами. Зачастую они бывали, и это даже не требует насильственной «подгонки» терминов, банкирами на королевской службе, но в первую очередь — на службе у самих себя. Деньги, которые они ссужали, еще следовало занять, и финансисты неизбежно вмешивались в сложные игры кредита. Именно это делали, например, итальянские финансисты, служившие Мазарини — Серантоне, Ченами, Контарини, Аироли, Валенти,— которых кардинал вполне разумно помещал либо в Генуе, либо в Лионе, что делало для него возможной непрерывную и выгодную, хоть часто и рискованную, игру на векселях [256]. Даже когда финансист бывал «чиновником финансового ведомства» (*"officier de finances"*), как то часто случалось во Франции, так что королю он ссужал те самые деньги, какие собирал с налогоплательщиков, он не довольствовался своим ремеслом агента фиска и заимодавца. Вот, например, могущественное семейство лангедокских финансистов Кастанье в эпоху Людовика XV [257]. Их восхождение началось вместе с войной за Испанское наследство. Одни были сборщиками тальи в Каркассонне, другие — управляющими Ост-Индской компании, их сыновья и племянники, прежде чем стать министрами, заседали в тулузском парламенте. В Каркассонне работали мануфактуры Кастанье. В Париже существовал банк Кастанье. Арматоры Кадиса и Байонны финансировались Кастанье. Во времена системы Лоу в Амстердаме находился банк Кастанье. Позднее Дюплекс, проводя в Индии свою политику, будет занимать деньги у Кастанье. Другие примеры того, что Шоссинан-Ногаре именует «купец-банкир-предприниматель-арматор-финансист» для первой половины XVIII в.,— это семейства Жилли или Кроза. Антуан Кроза, один из главных кредиторов короля, тот самый, что хотел (вместе в Самюэлем Бернаром) возродить Ост-Индскую компанию, участвовал в образовании Компании мыса Негр, в Гвинейской компании, в заключении договора об *асьенто* (ввозе негров в Испанскую Америку), в Компании Южных морей. Короче говоря, во всей крупной международной торговле Франции. В 1712 г. он получил монополию на торговлю с Луизианой.

Но положение оказывалось иным, когда финансист, вместо того чтобы ссужать деньги государству, подданным которого он состоял, предлагал свои услуги за границей — другим государям

[254] Pietri F. *Le Financier*. 1931, p. 2.
[255] Mollat M. *Les Affaires de Jacques Coeur. Journal du Procureur Dauvet*. 1952, 2 vol.
[256] Martin G., Besançon M. *Op. cit.*, p. 56.
[257] Chaussinand-Nogaret G. *Les Financiers du Languedoc au XVIII^e^ siècle*. 1970; Idem. *Gens de finance au XVIII^e^ siècle*. 1972, с многочисленными ссылками. См. в указателе «Кастанье».

или другим государствам. Было ли это другое, более высокое ремесло? Во всяком случае, именно это утверждал один очевидец, излагавший в 1778 г. точку зрения Голландии. «Не следует смешивать,— говорит он,— искусство финансиста с тем разрушительным занятием, каковое Италия некогда преподнесла как зловещий подарок Франции; с тем занятием, что создало *дольщиков*, *откупщиков* налогов и *королевских откупщиков* (*fermiers*), известных в Англии под именем *изворотливых людей*, коих ловкость подчас глупо расхваливали и коей применение должно было бы запретить всякое просвещенное правительство» [258]. Этот тип финансиста высокого класса, финансиста международного масштаба, получил в XVIII в. широкое распространение в Генуе, в Женеве и еще больше — в Амстердаме.

В этом последнем городе [259] различие между негоциантами и финансистами-банкирами стало углубляться с конца XVII в., и открывшаяся пропасть быстро расширялась. Повинна в том была самая численность заемщиков, толпившихся на амстердамском рынке. Первым из крупных государственных займов с выпуском облигаций был «австрийский заем в размере полутора миллионов флоринов у фирмы Дойц в 1695 г.» [260]. Мы увидим быстрое развитие этой отрасли деловой активности при участии, помимо «контор», занимавшихся делами в целом, целой толпы агентов по продаже ценных бумаг и субагентов, размещавших ценные бумаги и облигации среди публики, получая за это комиссионные. Когда заем бывал «закрыт», бумаги поступали на биржу. Тогда начиналась обычная игра: дождаться повышения и ликвидировать по цене выше номинала ценные бумаги, которые получали зачастую на особых и выгодных условиях, а затем заняться аналогичной операцией, но так, чтобы не быть более «обремененным частью последнего займа». Именно таким образом колоссальному банку Генри Хоупа, ставшему преемником фирмы Де Смет в роли заимодавца Екатерины II, удастся разместить в 1787—1793 гг. девятнадцать русских займов на сумму 3 млн. флоринов каждый, т. е. всего на сумму 57 млн. [261] И значит, пишет Я. Г. Ван Диллен, именно с помощью голландских денег Россия смогла отвоевать у Турции огромную территорию до самых берегов Черного моря. Прочие фирмы — Хоггеры, Хорнека и К°, Вербрюгге и Голль, Физо, Гран и К°, Де Смет — участвовали в размещении этих займов, которые интересовали всю или почти всю политическую Европу. Эти удобные игры знавали, однако, и катастрофы (но то входило в понятие профессионального риска): австрийский заем, заключенный в 1736 г. под обеспечение доходов с Силезии, потерпел крах в 1763 г. с завоеванием Силезии Фридрихом II; позднее переживут катастрофу французские займы, предоставлявшиеся начиная с 1780 г.

Такое преобладание амстердамского финансового центра не было само по себе новшеством; со времен средневековья всегда в той или другой стране имелась господствующая финансовая группа, навязывавшая свои услуги всей Европе. Я довольно долго описывал Испанию Габсбургов, подчиненную власти южногерманских купцов во времена Фуггеров, а затем, после 1552—1557 гг., власти генуэзских «деловых людей» (*hombres de negocios*); Францию, бывшую на протяжении столетий добычей ловких

[258] *Richesse de la Hollande*, II, p. 256.
[259] Van Dillen J.G.*Munich*, V, p. 181 sq.
[260] *Ibid*., p. 182.
[261] *Ibid*., p. 184.



«Уплата срочных долговых обязательств»
(фрагмент картины) Брейгеля Младшего (около 1565— около 1637 г.).
Гент, Музей изящных искусств. Фото Жиродона.

итальянских купцов; Англию XIV в., которую эксплуатировали луккские и флорентийские банкиры-заимодавцы. В XVIII в. Франция окончательно подчинилась «интерналу» протестантских банков. И в это же время в Германии восторжествовали «придворные евреи» (*Hofjuden*), помогавшие развитию и функционированию королевских финансов, порой трудному, даже для Фридриха II.

Англия, как это часто бывало, оказывается особым случаем. Взяв в свои руки финансы, государство устранило вмешательство заимодавцев, которые некогда, как и во Франции, господствовали над кредитом. Таким образом часть капитала нации оказалась вытеснена в деловую сферу, прежде всего — в торговлю и банковское дело. Но в конечном счете государственный кредит не вытеснил из игры финансовые силы прошлых времен. Несомненно, что система государственных ценных бумаг, рано сделавшаяся всеобщей как для краткосрочных кредитов, так и для долгосрочных, была рассчитана на широкую публику. Прекрасное исследование П. Дж. М. Диксона содержит список категорий подписчиков: они представляли все этажи социальной лестницы сверху донизу. Но этому автору не стоило труда доказать, что под сенью такой кажущейся открытости узкая группа купцов и финансистов, понаторевших в спекулятивных играх, господствовала над операциями с государственными займами, взяв в целом реванш [262]. Прежде всего потому, что доля многочисленных *мелких* подписчиков составляла лишь небольшую часть общей суммы размещенных займов. А затем потому, что, как и в Амстердаме, денежные воротилы, которые организовывали заем, не довольствовались размещением подписки; они покупали для себя огромные пакеты ценных бумаг, сразу же использовали их (порой даже до завершения подписки) для спекуляции, пользуясь новым займом, чтобы играть на бумагах займа предыдущего. Разоблачая в парламенте монополию, которую присвоили себе в государственных финансах те, кого он презрительно именовал «гробовщиками» (*undertakers*), сэр Джон Бернард в конечном счете добился того, что займы 1747 и 1748 гг. были открыты непосредственно для публичной подписки без посредничества финансистов. Но спекуляция без труда обошла новую систему подписки, и общество еще раз увидело, что, если правительство хочет успешно разместить заем, ему не обойтись без таких профессионалов [263]. Так что, заключает П. Дж. М. Диксон, следует признать, что вопли тори, направленные против денежного мира, имели под собой солидное основание, а не усматривать в этих воплях простое невежество и предубеждения обойденных [264].

[262] Dickson P. G. M. *Op. cit.*, p. 253—303.
[263] *Ibid.*, p. 289—290.
[264] *Ibid.*, p. 295.

ОТ ОТКУПЩИКОВ К КОРОЛЕВСКИМ ОТКУПАМ

Монархической Франции не удалось «национализировать» свои финансы. Может быть, она и не пробовала это сделать всерьез, невзирая на усилия аббата Террэ *, Тюрго и особенно Неккера. Но в конце концов монархия от этого и умерла. Если Революции с самого начала удалось успешно провести финансовую

* Террэ Жозеф-Мари (1715—1778) — генеральный контролер финансов в 1770—1774 гг.— *Прим. перев.*

реформу, так это потому, что трудности были в первую очередь социального и институционального характера [265]. Дж. Ф. Бошер был прав, сказав в 1970 г., что в долгой истории финансов монархии важнее всего был не столько баланс доходов и расходов, который, конечно, играл свою роль, сколько структура системы, в которой на протяжении столетий торжествовали частные интересы.

В самом деле, Франция не имела государственных финансов, не имела централизованной системы; следовательно, невозможны были ни порядок, ни предвидение. Все шестерни механизма находились вне настоящего правительственного контроля. Действительно, финансы зависели от посредников, которые обеспечивали поступления от налогов, срочных долговых обязательств, заимствованных сумм. Посредниками этими были города, прежде всего — Париж (с рентами на Ратушу) и Лион, провинциальные штаты, Ассамблея духовенства, откупщики, что взимали косвенные налоги, финансовые чиновники, занимавшиеся прямыми налогами. Вы можете себе представить, чем стало бы *ныне* Казначейство французского государства, если бы рядом с ним не стоял Французский банк, а к его услугам и в его подчинении не находились сборщики налогов, контролеры и целая администрация — несомненно, тяжеловесная, истинная цитадель бюрократии,— на улице Риволи *? Если бы вся эта машина находилась в руках частных или получастных предприятий? Как раз в таком положении находилась монархия; она пользовалась целой серией касс, сотней их. Через кассу королевского казначейства, бывшую в принципе центральной, проходила самое большее половина доходов короля. Когда король нуждался в деньгах, он относил тот или иной расход на ту или иную кассу, но, как сказано в пословице, «там, где ничего нет, король теряет свои права», т. е. на нет и суда нет. Даже сборщики и генеральные сборщики, которые фактически контролировали ключевые посты в сборе прямых налогов, были должностными лицами, купившими свои должности и авансировавшими короля в счет тех сумм, какие должны были принести в их кассы талья, двадцатина или подушная подать. Они были независимы, вели собственные дела.

И вот французская монархия до последнего дня своего существования оказывалась отдана на милость эксплуатировавших ее частных интересов. Пожалеем финансистов, от Жака Кёра до Санблансэ и Никола Фуке **, даже до Джона Лоу, подвергавшихся безжалостному преследованию. Но как не признать кратковременную эффективность судебных палат, создававшихся для расследования злоупотреблений и частичного возвращения казне сумм, похищенных тем или иным распорядителем государственных средств? Всего было учреждено четырнадцать таких палат: восемь — в XVI в., пять — в XVII в. и одна, последняя,— в 1716—1717 гг., сразу же после смерти Людовика XIV [266]. Сохранившиеся документы позволяют порой проследить состояние государственных финансов и разглядеть личность этих посредников, откупщиков («которые брали на откуп [какую-то] одну пошлину, один налог»), дольщиков («которые брали на откуп часть налога и взимали его к своей выгоде, выплатив вперед определенную сумму налоговому ведомству») [267].

[265] Bosher J. F. *French Finances 1770—1795. From Business to Bureaucracy.* 1970, p. XI. Особое внимание уделено институциональным реформам Неккера (см. p. 150 sq.).

* На улице Риволи в Париже помещается министерство финансов Французской республики.— *Прим. перев.*

** Санблансэ (Жак де Бон, сеньер де Санблансэ) (ок. 1457—1527) — министр Людовика XII и Франциска I, казнен в 1527 г.
Фуке Никола (1619—1680) — суперинтендант финансов Людовика XIV, умер в тюрьме после девятнадцатилетнего заключения.— *Прим. перев.*

[266] *Ibid.*, p. 17, note 2; p. 304.

[267] Marion M. *Dictionnaire des institutions*, p. 236.

Судебная палата 1661 г.[268], деятельность которой была связана с процессом суперинтенданта Фуке, предоставляет случай увидеть взятыми прямо из жизни и механизмы, и обширные разветвления этой системы. Перед нами 230 откупщиков-дольщиков, это если и не все обвиняемые, то по крайней мере почти все они. Следовательно, финансы Людовика XIV как раз к началу его самостоятельного правления представляли именно эти 200—300 человек, из которых вели игру 74, самые богатые. Как и всегда, можно увидеть меньшинства, различные клики. Эти действующие лица были объединены, связаны друг с другом соглашениями, браками, союзами — то были настоящие *лобби*. Вскоре мы увидим, как восторжествует благодаря устранению соперников лобби Кольбера [269], который — эта деталь заставляет призадуматься — уберет группу Мазарини, из коей он сам вышел. Эти откупщики, несмотря на россказни публики, желавшей видеть в них людей, вышедших из ничтожества, все были почтенного происхождения: из 230 идентифицированных откупщиков-дольщиков 176 были дворяне (т. е. 76,5% от общего числа); из 74 занимавших первые места в налоговых ведомостях (включая и троих неидентифицированных) 65 были «королевскими секретарями».

Вот и первая неожиданность: эти так называемые вышедшие из ничтожества люди давно уже находились в рядах дворянства, давно подвизались на королевской службе. Именно здесь, а не в торговле они воспитались. Для них королевская служба была средством достичь высокого положения. Конечно же, если бы они не располагали информацией изнутри, то как бы они смогли

[268] Dessert D. *Finances et société au XVII^e^ siècle: à propos de la chambre de justice de 1661.—"Annales E. S. C.",* 1974, № 4.

[269] Dessert D., Journet J.-L. *Le lobby Colbert: un royaume ou une affaire de famille? — "Annales E. S. C.",* 1975, p. 1303—1337.



«Финансист в деревне в утреннем одеянии». Французская карикатура XVIII в. *Собрание Виолле.*

вести свою ладью? Вторая неожиданность: деньги, которые откупщики выплачивали авансом королю в звонкой монете, предоставляли им крупные собственники из числа аристократии королевства. Если процесс Фуке столь беспокоил «хорошее общество», так это потому, что оно опасалось разоблачений суперинтенданта, который, впрочем, будет хранить молчание. Но тем не менее мы знаем этих богатейших заимодавцев, невзирая на предписанные скромность и умение хранить тайну: разве не рекомендовал сам Мазарини в своем завещании не доискиваться до происхождения его богатств, не извлекать на свет божий счета и махинации его служащих, ибо, утверждал он, речь здесь шла о благе государства? Мы видим, что *государственные соображения* (*ragione di stato*) могли послужить прекрасным алиби. Но остается правдой, что в скандале с королевскими финансами была замешана вся аристократия. Дать разгореться скандалу означало бы облить грязью, скомпрометировать эту аристократию.

В таком случае, если она соединялась с семействами откупщиков, то происходило это в силу их социальных связей: богатство многих из этих лиц, предоставлявших капитал, «было сравнимо, если даже не превышало состояние многих откупщиков, богатство которых молве нравилось преувеличивать не без некоего оттенка морализирования». И, заключает Даниэль Дессер, «брак предстает уже не как торговая сделка, когда деньги обменивали на древнее имя, а скорее как объединение капиталов». Таким образом, с начала самостоятельного правления Людовика XIV аристократия отнюдь не стояла в стороне от деловых игр; она даже прибрала к рукам самые прибыльные дела, королевские финансы, которые до конца Старого порядка останутся доходным сектором по преимуществу (*par excellence*), в котором располагался сильный капитализм, даже если, на наш взгляд, капитализм этот был невысокой пробы.

Система, которую мы видим, таким образом, в 1661 г., вне сомнения, существовала давно. Ибо идет она очень издалека [270]. Прошлое подталкивало ее вперед. Как было ее изменить, когда она находилась в центре привилегированного общества? Если земельная рента, кормившая господствующий класс, снисходила со своих высот, чтобы быть заново вложенной в [экономическую] жизнь страны, то происходило это большей частью в форме авансов откупщиков королю. С течением лет система только укреплялась, в некотором роде институционализировалась. С 1669 г., с правлением Кольбера, четко выявляется то, что мы назвали бы синдикатами (в биржевом смысле: объединениями капиталистов), уполномоченными взимать разные группы налогов. «Тем не менее Королевские откупа начались по-настоящему только с арендного договора Фоконне в 1680 г., который охватывал габель, эд *, налоги с управления домениальными имуществами, внутренние пошлины и пошлины ввозные» [271] на реальную сумму, превышавшую 63 млн. ливров. В окончательной своей форме Королевские откупа сложились еще позднее, после 1726 г. Они были поздним плодом, вполне созревшим в 1730 г., когда к огромной прежней сфере откупов присоединилась доходная табачная монополия. Каждые шесть лет откуп габели отдавался с торгов подставному лицу, обычно одному из камердинеров генерального контро-

[270] Но ей сопутствовал ряд превратностей: в 1527 г. казнь Санблансэ и отстранение финансовых чиновников, затем обращение к капиталам парижского и лионского рынков; банкротство 1558 г., которое приведет к восстановлению к концу XVI в. власти олигархии финансистов и т. д. См. статью Робера Гаскона (Gascon R.) в: *Histoire économique et sociale de la France*, I, p. 296 sq.

* Эд — налог на розничную продажу вина.— *Прим. перев.*

[271] Marion M. *Op. cit.*, p. 232.

лера. Сорок генеральных откупщиков были гарантами выполнения договора. Они вносили огромные залоговые суммы (до 1500 тыс. ливров с человека), с которых им выплачивался процент. Эти суммы обеспечивали первые предварительные выплаты фиску, но в силу самих своих громадных размеров они делали генеральных откупщиков несменяемыми, или почти несменяемыми, в этом их качестве. Чтобы их прогнать — ибо такое случалось,— требовалось вернуть им внесенные в залог суммы и — еще одна трудность — отыскать столь же богатого заместителя.

По условиям договора Откупа заранее выплачивали королю сумму, предусмотренную арендным договором, а фактически лишь часть годового дохода от многочисленных налогов, взимание которых откупщики брали на себя. По завершении операции фантастическая доля богатства страны, будучи получена с доходов от соли, табака, зерна, с любого импорта и экспорта, оставалась в руках откупщиков. Конечно, от контракта к контракту государство увеличивало свои притязания: в 1726 г.— 80 млн. ливров, в 1738 г.— 91 млн., в 1755 г.— 110 млн., в 1773 г.— 138 млн. ливров. Однако же размеры прибыли оставались огромными.

Естественно, не всякий желающий мог вступить в этот клуб богатейших финансистов. Нужно было самому принадлежать к богатейшим, получить согласие генерального контролера, обладать внешними признаками почтенного происхождения, сделать карьеру в финансовых службах, занимать пост интенданта или быть акционером Ост-Индской компании. А главное — быть принятым самим клубом. Назначая людей, прямо или косвенно, на ряд решающих постов, королевские откупщики располагали возможностями контролировать вступление в свой круг новых членов, подготавливать его заранее или воспрепятствовать ему. Какого бы удачливого кандидата мы ни взяли (если удается проследить его путь от начала до конца), можно обнаружить ходатайства, выжидание, протекции, компромиссы или взятки. Фактически Королевские откупа были своего рода семейным кланом, в котором скрещивались и перекрещивались нити браков, старого и нового родства. Если заняться внимательным изучением генеалогии этих сорока важных особ (в 1789 г., для точности, их было 44), с учетом их многочисленных союзов, то «не исключено, что подобное сопоставление... закончится сведением их всех к двум-трем, а то и к одному-единственному семейству» [272]. Я вижу здесь еще одно доказательство этого навязчивого правила малого числа, этой структурной централизации капиталистической активности. Мы стоим здесь перед денежной аристократией, которая самым естественным образом переступала порог, отделявший ее от высшего дворянства.

Великое процветание Королевских откупов пришлось в общем на полустолетие 1726—1776 гг. У этих дат есть свой смысл. Королевские откупа были завершением финансовой системы, которую часть за частью строила монархия. Создав свои кадры «чиновников», она дала финансам базу для развития. Утверждались и сохранялись могущественные и цепкие системы семейного происхождения. Но новая эра неслыханного процветания началась для финансистов с введением системы Лоу. Главную массу обогатившихся «людей с Миссисипи»* составили не удач-

[272] Chaussinand-Nogaret G. *Op. cit.*, p. 236.

* То есть нуворишей, якобы связанных с эксплуатацией американских колоний, главным образом Луизианы.— *Прим. перев.*

ливые спекулянты, а именно уже действовавшие финансовые деятели. И в то же время экономический центр французской жизни переместился из Лиона в Париж. Провинциалы перебирались в столицу, множили здесь полезные связи и расширяли горизонты своих интересов и своей активности. С этой точки зрения ничего нет более характерного, чем уже приводившийся пример уроженцев Лангедока. Их провинция — это десятая часть населения Франции; однако в Париже они образовали самую многочисленную группу в финансовых кругах, понимая последние в широком смысле (вплоть до военных поставщиков). Их успех будет значительным в национальном масштабе. Но разве история Франции во всех ее сферах (военной, литературной, политической...) не была успехом ее провинций, которые одна за другой, как будто по очереди, выходили на авансцену?

Разумеется, не случайность вывела Лангедок в первые ряды французского финансового мира. Его экспорт соли (соляные поля в Пеккэ), зерна, вин, сукон, шелков естественным образом поворачивал его в сторону заграницы. Другое преимущество: то, что деловой мир был там в такой же степени протестантским, как и католическим. Отмена Нантского эдикта только внешне изменила положение вещей. Финансисты-протестанты обеспечили связь с внешним миром — Генуей, где у протестантов был перевалочный пункт, Женевой, Франкфуртом, Амстердамом, Лондоном. Ничего не было удивительного в том, что деловые люди-католики оставляли в стороне свою религиозную щепетильность: смыкание католиков и протестантов означало необходимое слияние экономики внутренней и внешней. И оно навязывало себя всем главным группам купечества в королевстве. Но в такой игре протестантские банки в конце концов колонизируют Францию. Они подавали себя как капитализм более высокого порядка, как соединение дел настолько более крупное, нежели дела французского финансового мира, что обгоняли последний и мало-помалу его обошли. Приход Неккера в 1776 г. к руководству ведомством Генерального контроля (хотя звание генерального контролера тогда не было ему пожаловано) был поворотным моментом для всей финансовой системы Франции. Неккер был врагом Откупов; иноземец выступил против автохтонного денежного воротилы.

Несчастье французских финансов заключалось в том, что они в то же время все больше и больше отказывались от своего старинного обыкновения активно инвестировать. Финансовый мир замыкался в своей собственной деятельности и явственно утрачивал почву под ногами даже в глазах *среднего* парижанина вроде Себастьена Мерсье. «Что странно,— писал этот последний,— так это то, что финансовый мир хотели оправдать, ибо сегодня он наживает меньше, чем в былые времена, но, верно, доходы его и ныне еще громадны, раз он столь энергично сражается за сохранение своих дел» [273].

[273] Mercier L.-S. *Tableau de Paris*, III, p. 201.

Королевские откупа просуществуют до самой Революции, которая уготовит их членам трагический конец: 34 казни в флореале, прериале и термидоре II г. (май-июль 1794 г.). Их бросавшиеся в глаза состояния, их связи с высшим дворянством, огромные финансовые трудности государства накануне Революции

обрекали откупщиков на преследования со стороны общества. Они не были столь удачливы, как негоцианты и банкиры, провинциальные или парижские, сумевшие скрыть свои капиталы до того момента, когда в назначенный час сделались военными поставщиками и заимодавцами новых режимов.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВ: МЕРКАНТИЛИЗМ [274]

Можно ли говорить об *одной* экономической политике европейских государств, всегда одинаковой, тогда как их деятельность была по необходимости разной и столь подчиненной особым, даже противоречивым обстоятельствам? Воображать эту деятельность как единообразную и слишком четко определенную означало бы, вне сомнения, приписывать ей связность, какой она не могла иметь. А именно это и делал Зомбарт в своих попытках отыскать невозможное уравнение меркантилизма.

Т. У. Хатчинсон [275], несомненно, был прав, предлагая историкам и экономистам изъять самое слово «меркантилизм» — «один из самых досадных и самых расплывчатых *измов* нашего словаря», созданный поздно по образцу *меркантильной системы* (*mercantile system*), которой Адам Смит объявил войну в своем классическом труде 1776 г. Тем не менее, каким бы плохим он ни был, этот ярлык удобно объединяет целую серию действий и форм тактики, проектов, идей, опытов, которыми было отмечено в XV—XVIII вв. первоначальное укрепление позиций современного государства перед лицом конкретных проблем, с которыми ему пришлось столкнуться. В общем, по формуле Г. Келленбенца (1965 г.) [276], «меркантилизм — это главное направление экономической политики (включая сюда и связанные с нею идеи) во времена абсолютных монархов в Европе». Возможно, вместо абсолютных монархов (термин этот чрезмерен) лучше было бы сказать территориальных государств или государств *современных*, с тем чтобы сделать акцент на той эволюции, что подтолкнула все эти государства к их современному характеру. Но шли они разными путями, и разными были этапы эволюции. Так что один историк мог сказать в 1966 г., не рискуя ошибиться: «Было столько же меркантилизмов, сколько было меркантилистов» [277]. Этот слишком долговечный меркантилизм, наметившийся в XIV в., быть может, даже в XIII в. при вызывающем изумление короле Сицилии Фридрихе II [278], и существовавший еще в XVIII в., определенно не был «системой», легко поддающейся раз и навсегда определению и обладавшей той связностью, которой наделял ее Адам Смит, дабы затем легче лишить ее оправдания [279].

Точное исследование должно было бы делать различия в зависимости от места и от эпохи. Уже Рихард Хепке будет говорить о существовании в XIII—XVIII вв. *раннего*, «*высокого*» (в эпоху Кольбера) и, после смерти последнего в 1683 г., *позднего меркантилизма* [280]. Анри Озе, напротив, отмечал наличие «кольбертизма до Кольбера» [281]. В действительности меркантилизм был настойчивым, эгоистическим, а вскоре и бурным напором

[274] По поводу проблемы в целом см. превосходную небольшую работу Пьера Дейона: Deyon P. *Le Mercantilisme.* 1969.
[275] См. статью Т. У. Хатчинсона (Hutchinson T. W.) в: *"Zeitschrift für Nationalökonomie"*, XVII.
[276] Kellenbenz H. *Der Merkantilismus.* 1965, S. 5.
[277] Chambre H. *Posoškov et le mercantilisme.— "Cahiers du monde russe"*, 1963, p. 358.
[278] Такое определение вырвалось у Поля Манселли (Неделя Прато, апрель 1974 г.).
[279] Смит А. *Исследование о природе и причинах богатства народов.* М., 1935, т. 2, с. 9.
[280] Bechtel H. *Op. cit.*, II, S. 58.
[281] Hauser H. *Les Débuts du capitalisme.* 1931, p. 181 sq.

[282] Статья Д. Виллэ (Villey D.) в: *"Revue d'histoire économique et sociale"*, 1959, p. 394.
[283] Pollack-Parnau F., von. *Eine österreichische-ostendische Handels-Compagnie 1775—1785.—"Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte"*, 1927, S. 86.
[284] A. N., G 7, 1698, f° 154, 24 июня 1711 г.
[285] Sombart W. *Op. cit.*, I, S. 364.
* Навигационный акт 1651 г. запрещал ввоз в Англию иностранных товаров на судах, не принадлежащих стране-изготовителю.— *Прим. перев.*
[286] Kulischer J. *Allgemeine Wirtschaftsgeschichte*, II, S. 203.
[287] Hausherr H. *Op. cit.*, S. 89.
[288] Heckscher E. F. *Op. cit.*, p. 480.

современного государства. «Именно меркантилисты изобрели нацию»,— уверяет Даниэль Виллэ [282], если только не именно нация, или псевдонация в пору своего зарождения, изобретая самое себя, не придумала и меркантилизм. Во всяком случае, последний с легкостью приобретает вид некой государственной религии. Князь фон Кауниц, один из великих слуг императрицы Марии-Терезии, чтобы высмеять всех официальных экономистов, не поколебался объявить себя «атеистом от экономики» [283].

Во всяком случае, с тех пор, как начался подъем национализма, когда усилилась защита всей протяженности границ таможенными пошлинами, при случае «свирепыми» [284], с тех пор, как стала ощущаться какая-то форма национального эгоизма, меркантилизм смог претендовать на свою роль. Кастилия запрещала экспорт своих пшеницы и скота в 1307, 1312, 1351, 1371, 1377, 1390 гг. Точно так же Франция при Филиппе Красивом блокировала экспорт зерна в 1305 и 1307 гг.[285] Больше того, в XIII в. существовал арагонский *Навигационный акт*, предшественник английского*; в Англии с 1355 г. был запрещен ввоз иностранного железа [286]; с 1390 г. Статут об использовании (*Statute of Employment*) отказал иностранцам в праве вывозить золото или серебро, они должны были обращать свои прибыли в английские товары [287]. А если внимательно присмотреться к торговой истории итальянских городов, то, вне всякого сомнения, там обнаружится куча аналогичных мер. Следовательно, ничего нового не было в великих решениях классического меркантилизма: английском Навигационном акте (1651 г.), сборах, которыми Кольбер обложил тоннаж иностранных кораблей (1664 и 1667 гг.), или в «Заявлении о продукте» (*Produktplakat*), которое в 1724 г. утвердило права шведского национального флага [288], исключив из торговли голландские суда, до этого момента доставлявшие в Швецию атлантическую соль. Количество ввозимой соли уменьшилось, она выросла в цене, но удар, нанесенный конкуренту, способствовал развитию шведского флота, который вскоре можно было увидеть на всех морях мира. Так что верно, что меркантилизм в конечном счете был только политикой «каждого за себя». Монтень и Вольтер оба говорили об этом; первый, не особенно над этим задумываясь, говоря в общем: «Выгода одного может быть лишь ущербом для другого». Второй же прямо утверждал: «Ясно, что какая-то одна страна не может выиграть без того, чтобы какая-то другая не потеряла» (1764 г.).

Итак, по мнению меркантилистских государств, наилучшим способом остаться в выигрыше было привлечь к себе максимально возможную долю мирового запаса драгоценных металлов и воспрепятствовать ее оттоку из королевства. Эта аксиома, что богатство государства состоит в накоплении драгоценных металлов, определяла целую политику, влекшую за собой многообразные экономические последствия и противоречия. Сохранять для себя свое сырье, обрабатывать его, вывозить произведенные товары, ограничивать с помощью протекционистских тарифов импорт из-за границы — эта политика, которая представляется нам политикой роста путем индустриализации, в действительности была движима совсем иными мотивациями. Уже указ Генриха IV, изданный до 1603 г., рекомендовал развитие мануфак-

тур, «ибо сие есть единственное средство вовсе не вывозить за пределы королевства золото и серебро для обогащения соседей наших» [289]. Ф. С. Маливский, адвокат Брненского округа, в 1663 г. направил императору Леопольду I объемистый доклад, в котором указывал, что «Габсбургская монархия ежегодно выплачивала загранице миллионы за иноземные товары, кои было бы возможно производить внутри страны» [290]. Ле Поттье де ла Этруа проблема представлялась в сентябре 1704 г. предельно простой: если превышение баланса выражается в прибытии товаров, «сии товары могут послужить лишь для роскоши и чувственности [жителей], но никоим образом не к обогащению королевства, ибо в конечном счете товары уничтожаются употреблением. Напротив, ежели обмен проделывается в деньгах, кои от употребления не уничтожаются, деньги останутся в королевстве и, каждодневно все более и более возрастая в количестве, должны сделать государство богатым и могущественным» [291]. Идя ему вослед, Вернер Зомбарт утверждал, что «со времен крестовых походов и вплоть до Французской революции» существовала тесная зависимость между государством и серебряными рудниками или золотыми копями: *«иными словами, сколько было серебра (а позднее — золота), столь велика была и мощь государства» ("so viel Silber (später Gold), so viel Staat")* [292]!

И значит, государства были одержимы идеей: не растрачивать свою монету. Золото и серебро — это «тираны», говаривал Ришелье [293]. В письме от 1 июля 1669 г.[294] Кольбер, двоюродный брат великого Кольбера, бывший интендант Эльзаса, посол Людовика XIV в Лондоне, комментирует решение английского правительства, запретившее Ирландии экспорт ее быков. Оно лишало Францию и ее флот дешевого снабжения солониной в бочках. Что делать? Ввозить швейцарских или немецких быков, «что, как я действительно видел, практиковали [мясники], когда я находился в Эльзасе»? Может быть. Но «лучше покупать говядину весьма дорого у подданных короля, будь то для кораблей или для частных нужд, нежели получить ее за меньшую цену от иностранцев. Деньги, кои расходуются первым способом, остаются в королевстве и служат тому, чтобы дать возможность бедным подданным Его Величества выплачивать свои повинности, так что они возвращаются в сундуки короля, тогда как во втором случае они уходят из королевства». Совершенно очевидно, то были избитые истины, точно так же, как и речи другого, настоящего, Кольбера, считавшего, что «все... согласны, признавая, что величие и могущество государства измеряются единственно количеством денег, коим оно обладает» [295]. Пятьюдесятью годами раньше, 4 августа 1616 г., дон Эрнандо де Каррильо напоминал Филиппу III, что «все поддерживается только силою денег... и сила Вашего Величества заключается главным образом в деньгах; в тот день, когда их не окажется, война будет проиграна» [296]. Эти слова, несомненно, были само собой разумеющимися в устах председателя кастильского Совета финансов. Но мы вновь и вновь встречаем равнозначные им утверждения, выходившие из-под пера современников Ришелье или Мазарини. Канцлер Сегье писал 26 октября 1644 г. рекетмейстеру Бальтазару, которого он отправил с миссией в Монпелье: «Вы знае-

[289] Isambert. *Recueil général des anciennes lois françaises.* 1829, XV, p. 283 (Указ об учреждении в Париже мануфактуры суконной и полотняной одежды, затканной золотом, серебром и шелком, август 1603 г.).
[290] Klima A., Macurek J. *La Question de la transition du féodalisme au capitalisme en Europe centrale (XVI^e—XVII^e siècles).— Congrès international des sciences historiques.* Stockholm, 1960, IV, p. 88.
[291] A. N., G 7, 1687.
[292] Sombart W. *Op. cit.*, I, S. 366.
[293] Cardinal de Richelieu. *Testament politique.* Éd. de 1947, p. 428.
[294] A. N., A. E., B^1, 754, Лондон, 1 июля 1669 г.
[295] Cole Ch. W. *Colbert and a century of French mercantilism.* 1939, I, p. 337.
[296] Simancas. *Consultas y juntas de hacienda*, leg. 391, f° 542.



Жан-Батист Кольбер.
Портрет работы К. Лефевра.
Версальский музей, собрание Виолле.

те, милостивый государь, что когда войну ведут так, как то делается теперь, то для победы важны даже последнее зерно пшеницы, последнее экю и последний человек» [297]. Определенно, война, все более дорогостоящая, играла роль в развитии меркантилизма. С прогрессом артиллерии, арсеналов, военных флотов, постоянных армий, фортификационного искусства расходы современных государств стремительно возрастали. Война — это означало деньги и еще раз деньги. И деньги, накопление драгоценного металла становились навязчивой идеей, главным доводом мудрых сентенций и суждений.

Нужно ли эту навязчивую идею осуждать, называя ее «ребяческой»? Считать, глядя сегодняшними глазами, что было абсурдно, даже вредно, ставить преграды на пути потока драгоценных металлов и надзирать за ним? Или же меркантилизм был выражением базовой истины, а именно того, что драгоценные металлы на протяжении веков служили экономике Старого порядка гарантией и двигателем? Только доминировавшие экономики позволяли монете свободно обращаться: Голландии в XVII в., Англии в XVIII в., торговых городов Италии столетиями раньше (в Венеции серебро и золото ввозились без затруднений и так же вывозились при условии их перечеканки на монетном дворе Синьории). Заключим ли мы из этого, что свободное обращение драгоценных металлов, бывшее всегда исключительным явлением, обусловливалось разумным выбором доминирующей экономики, было одним из секретов ее величия? Или же, напротив, что *одна только доминирующая экономика могла себе позволить роскошь в виде подобной свободы, не представлявшей опасности только для нее*?

По словам одного историка, Голландия будто бы не знала никакой формы меркантилизма [298]. Возможно, и однако же это слишком сильно сказано. Возможно это было потому, что Голландия располагала той свободой действий, какую дает могущество. С открытыми дверями, никого не боявшаяся, не испытывая даже надобности слишком задумываться над смыслом своих действий, она еще более, чем для себя самой, служила предметом размышлений для ближнего. Но это слишком сильно сказано, ибо пример иных форм политики был заразителен, а дух репрессалий — естествен. Сила Голландии не исключала ни тревог, ни известных неудач, ни определенных напряженностей. И тогда меркантилизм соблазнял ее: так, ее внезапно обеспокоили новые, современные дороги, построенные в 1768 г. через австрийские Нидерланды [299]. Больше того, приняв вместе с французскими гугенотами их производство предметов роскоши, она постарается это производство защитить [300]. Был ли это разумный расчет в общем контексте голландской деловой активности? Исаак де Пинто утверждал, что лучше было бы сохранить верность «коммерческой экономике», режиму открытых дверей и без лишних ограничений принимать промышленные изделия и Европы и Индии [301].

В действительности Голландия не могла избежать влияния духа своего времени. Ее торговые свободы были лишь видимостью. Вся ее активность завершалась *фактическими* монополиями, за которыми она бдительно следила. К тому же в

[297] Люблинская А. Д. *Внутренняя политика французского абсолютизма, 1633—1649*. М., 1966. Т. II, с. 88.
[298] Kellenbenz H. *Op. cit.*, S. 65; это мнение принадлежит Ван Диллену.
[299] A. d. S. Napoli, Affari Esteri, 801. Гаага, 2 сентября и 15 ноября 1768 г.
[300] Pinto I., de. *Op. cit.*, p. 247.
[301] *Ibid.*, p. 242.

своей колониальной империи она себя вела так же, как и другие, хуже, чем другие. Ведь все колонии Европы рассматривались как заповедные зоны, подчиненные режиму *исключительности (l'Exlusif)*. Когда бы это правило не нарушалось, в Испанской Америке, например, не было бы выковано ни одного гвоздя, не было бы изготовлено ни куска ткани, разве что метрополия дала бы на это разрешение. К счастью для них, колонии находились на расстоянии месяцев, даже лет плавания от Европы. Одна эта удаленность была созидательницей свободы, по крайней мере для некоторых: законы Индий, говаривали в Испанской Америке,— это паутина, в нее попадает мелкота, а не крупные дельцы.

Но вернемся к вопросу: был ли меркантилизм простой ошибкой суждения, навязчивой идеей невежд, которые не понимали, что не драгоценные металлы суть субстанция стоимости, что субстанция стоимости — это труд? Это не так уж бесспорно, ибо экономическая жизнь развивается в двух планах: обращение монеты, обращение бумаги, если под этим удобным названием можно объединить (как то делали, к великому возмущению Исаака



Выплата жалованья солдатам армии. Гравюра Калло *Фото Бюлло.*

де Пинто, французы XVIII в.) все «искусственные», кредитные, ценности. Из двух этих обращений одно находилось выше другого. И весь верхний этаж принадлежал бумаге. Операции откупщиков, банкиров, негоциантов выражались главным образом

на языке этого верхнего этажа. Но на уровне повседневной жизни вы будете использовать только звонкую монету, хорошую или плохую. На этом, первом, этаже бумага принималась плохо, плохо обращалась. Вы не расшевелите бумагой мелких перевозчиков, которые в 1601 г. доставят французскую артиллерию в Савойю [302]. На бумагу вы не наберете ни единого солдата, ни единого матроса. Уже в 1567 г., когда герцог Альба со своей армией прибыл в Нидерланды, жалованье и все расходы уже давно выплачивались в золоте, непременно в золоте, как показал то Фелипе Руис Мартин [303]. Лишь с 1598 г. солдат за неимением лучшего станет принимать в оплату белый металл. Но он при первой же возможности обменивал его на золото. Для солдата было удобством, было необходимостью носить свое состояние при себе в виде нескольких небольших монеток, которые можно засунуть в кошелек или за пояс. Война — это были золотые или серебряные монеты, столь же необходимые, как и хлеб.

Когда бумага насильно попадала в руки простым людям, кто бы они ни были, нужно было любой ценой превратить ее в золотые, серебряные или даже биллоновые монеты. Переписка лейтенанта полиции д'Аржансона, частично сохранившаяся за 1706—1715 гг., однообразно и настойчиво сообщает нам о мелких жуликах, «безвестных ростовщиках, кои выкупают кредитные билеты, [выпущенные королевским правительством] за полцены» [304]. Эти ничтожные торгаши никогда не оставались без работы, при бедняках или при богатых. Для того чтобы убедиться, что такая практика была обычной (невзирая на разницу в курсе, которую она к тому же старалась увеличить), достаточно почитать купеческую переписку того времени. В счетах кораблей из Сен-Мало, о которых шла речь выше (с. 366 и 430), за 1709 г. читаем черным по белому: «В счет 1200 ливров кредитными билетами... мы, имев на сказанных билетах 40% потери... высылаем вам только 720 ливров». И еще раз в том же году: «От 16 800 ливров в кредитных билетах... при 40% ажио... остается чистыми 10 080 ливров» [305].

Могут подумать, что это верно для Франции, страны отстававшей в освоении техники экономической деятельности, поскольку еще в начале XIX в. парижская публика принимала билеты Французского банка с опаской. Но даже в Англии XVIII в. бумага порой принималась плохо. Например, моряки королевского флота, получавшие до четырех фунтов в месяц, сойдя на сушу, получали жалованье банковскими билетами. Что билеты эти им не больно нравились — это факт, так что хитрый меняла Томас Гай догадался извлечь из этого выгоду. Он ходил по матросским кабакам лондонского предместья Розерхит, выкупал у матросов их банковские билеты за наличные деньги и стал одним из самых богатых людей Лондона [306].

Значит, наверняка существовало много людей, для которых, говоря словами Д. Дессера, «металлическая монета была единственным мерилом всех вещей» [307]. В этих условиях мы можем сказать, что меркантилизм заимствовал у создававшихся и укреплявшихся государств их возможности действия. Экономические потребности в их повседневной, постоянной реальности заставляли эти государства играть, искусственно завышая сто-

[302] См. выше, с. 351.
[303] Ruiz Martin F. *El siglo de los Genoveses.*
[304] A. N., G 7, 1725, 121, 6 февраля 1707 г.
[305] A. N., 94 AQ 1, 28.
[306] Francis J. *La Bourse de Londres.* 1854, p. 80.
[307] Dessert D. *Finances et société...*

имость драгоценного металла. Без него слишком часто наступал бы паралич.

НЕЗАВЕРШЕННОЕ ГОСУДАРСТВО ПЕРЕД ЛИЦОМ ОБЩЕСТВА И КУЛЬТУРЫ

К моменту завершения этих объяснений необходимо, чтобы читатель осознал ставку в игре и выбрал одну из двух изложенных ниже позиций.

Либо все зависело от государства — современный облик Европы и, как бы рикошетом, современный облик мира, включая в такую современность и капитализм, бывший ее продуктом и действенной причиной. Это означает присоединиться к тезису Вернера Зомбарта, изложенному в двух его книгах — «Роскошь и капитализм» (1912 г.) и «Война и капитализм» (1913 г.),— двух книгах, которые упорно возводят генезис капитализма к могуществу государства, ибо роскошь на протяжении столетий была прежде всего роскошью двора государя, следовательно, роскошью самого государства в лице его центра. А война, которая непрестанно увеличивала численность его армий и расширяла его средства, была мерилом мощного и бурного роста современных государств. Это значит также присоединиться к общему мнению историков (исключения здесь только подтверждают правило [308]), сравнивающих современное государство со сказочным обжорой, с Гаргантюа, Молохом, Левиафаном...

Либо высказаться, и, вне сомнения, с бóльшим основанием, в пользу противоположной точки зрения; о незавершенном государстве, которое дополняло себя как могло и не в состоянии было ни само пользоваться всеми своими правами, ни выполнять все свои задачи, вынужденное фактически обращаться к услугам ближнего, влача жалкое существование.

Если государство оказывалось в таком вынужденном положении во всех областях, так это прежде всего потому, что оно не располагало достаточным административным аппаратом. Монархическая Франция — всего лишь один пример среди *многих*. Если верить довольно-таки оптимистичной оценке одного историка [309], около 1500 г. она будто бы имела на своей службе 12 тыс. человек на 15—20 млн. населения. И эта цифра 12 тыс. рискует оказаться потолком: как представляется, она не была превзойдена и при Людовике XIV. Около 1624 г. Родриго Виверо, хороший и немного разочарованный наблюдатель [310], отмечал, что Католический король раздает «70 тыс. мест, должностей и чинов» (*"70 000 plazas, oficios y dignidades"*) — и это в Испании, менее населенной, чем Франция, но владевшей огромной империей. Современной бюрократией, милой сердцу Макса Вебера, была, следовательно, эта узкая прослойка. Да и шла ли речь о бюрократии в том значении, в каком это слово понимается сегодня? [311]

Никто не гарантирует достоверность этих цифр — 12 и 70 тыс. человек на службе Христианнейшего короля или короля Католического. Правда также и то, что, опираясь на эту базу, современное государство непрестанно расширяло круги своей деятельности; впрочем, включить в них всю нацию никогда не удавалось. Но это усилие и многие другие, аналогичные, были зара-

[308] Об исключениях, подтверждающих правило, см.: Lavisse. *Histoire de France*, VII, 1, p. 5 sq.; Braudel F. *Médit*..., II, p. 34—46.

[309] Mousnier R. *Les XVI^e et XVII^e siècles*. 1961, p. 99.

[310] British Museum, Add. 18287, f° 24.

[311] Bosher J.-F. *Op. cit*., p. 276 f. Слово «бюрократия» будто бы появилось впервые у Гурнэ в 1745 г. См. выступление Б. Лесьногорского (Leśnogorski B.) на Международном конгрессе исторических наук. М., 1970.

нее проигранными битвами. Во Франции интендант, бывший в каждом фискальном округе непосредственным представителем центрального правительства, почти не имел сотрудников и субделегатов. Отсюда для «человека короля» вытекала необходимость повышать голос, чтобы его услышали и ему повиновались, и столь часто карать в назидание. Армии, и той было недостаточно, даже в военное время , тем более во времена мира. В 1720 г., для того чтобы развернуть санитарный кордон, который защитил бы страну от марсельской чумы, были использованы вся конная стража, все регулярные войска. Страна, ее границы были брошены на произвол судьбы [312]. Разве не терялись все эти действия государства в пространстве во сто крат относительно более обширном, чем сегодня? В нем растворялось все, все теряло свою силу.

Французская монархия «спасала лицо», лишь ставя себе на службу общество или общества и, что еще важнее, культуру: общество, т. е. классы, господствовавшие за счет своего престижа, своих функций, своих богатств; и культуру, т. е. миллионы голосов, миллионы ушей, все то, что говорили, думали или повторяли из конца в конец королевства.

Социальные структуры изменялись настолько медленно, что схема Жоржа Гурвича, выработанная для XIII в., может еще послужить действенным руководством. Даже в 1789 г. на верхних уровнях иерархии вырисовывались пять обществ: люди короля; аристократия феодального типа; класс сеньеров; города (привилегированные города) и, наконец, церковь. С каждым из них монархия нашла компромисс, некий *modus vivendi* *. Церковь держали в руках; можно ли сказать, что ее купили, по меньшей мере дважды и за хорошую цену: заключением конкордата 1516 г., который предоставил право назначения верхушки клира королевской власти (но тогда монархия сделала выбор между Римом и Реформацией, выбор драматический, быть может, неотвратимый, но чреватый последствиями), и вторично в 1685 г., когда был отменен Нантский эдикт, что стоило королевству значительной части его процветания? Для сеньериального дворянства и дворянства высшего военное ремесло все еще было достаточно широким жизненным поприщем в эпоху постоянных войн. А двор и золотое дно пенсий были постоянной приманкой. Впрочем, нельзя сказать (вне зависимости от этой игры), до какой степени монархия сливалась со своим дворянством, со своими дворянами. Социолог Норберт Элиас полагает, что общество всегда отмечено печатью предшествующих стадий своей эволюции и в не менее сильной степени самого своего происхождения. Но ведь монархия вышла из магмы феодального мира. Король Франции был сеньером, как и другие, но затем выделился среди них, поднявшись над ними, используя их язык и их принципы для того, чтобы их превзойти. Таким образом, королевская власть несла на себе печать своего происхождения, «дворянство было с ней едино в своей сущности». Она боролась против этого дворянства, но не порывала с ним; она его привязала к пышному двору, но и сама себя связала с ним. Монархия лишила дворянство корней, не сделав зато ничего, чтобы распахнуть перед ним двери торговли. Но она сразу же взяла на себя заботу о нем.

[312] Warszawa. Archiw Główny, fundusz Radziwiłłów.
* Способ существования (*лат.*).— *Прим. перев.*

По отношению к городам монархия умножала свои милости, свои привилегии, но за это обременяла их поборами, захватывая часть их доходов. Но города извлекали выгоду из мало-помалу складывавшегося национального рынка. Патрициат и буржуазия городов имели монополию на торговлю — разве этого было мало? Наконец, король делал «товаром» часть своей власти. Королевские чиновники были выходцами из привилегированных городов. Они покупали свои должности с правом их перепродажи или передачи своим наследникам. Продажа должностей повела к феодализации [313] части буржуазии. Должность была частицей государственной власти, отчуждаемой государством, как некогда земля давалась в качестве фьефа. Продажность должностей означала создание монархического общества, которое строилось и возвышалось, как пирамида. Верхние этажи последней составляло дворянство мантии, важное и двусмысленное, созданное не капризом королей, а простым развитием, по правде говоря довольно медленным, административного ядра и потребностей государства.

По мере того как продажность должностей приобретала всеобщий характер, весь буржуазный класс, особенно во Франции, зажил в свое удовольствие. Для него государство было машиной, создающей богачей. Источником значительной части французских состояний было именно оно. Можно было бы, впрочем, сказать то же самое о большинстве стран, существовала в них продажность должностей или не существовала,— об Англии, Соединенных Провинциях, о католических Нидерландах. В Испании продавались лишь низшие должности городской администрации — *рехидоров* (*regidores*). Но как раз эти самые чиновники, дворяне или получившие «дворянство колокола», как сказали бы во Франции, готовились на рубеже XVI—XVII вв. расколоть утвердившееся дворянство, завладеть его землями и двинуться к верхним ступеням общества. И к тому же кто ссужал деньги иностранным «деловым людям» (*hombres de negocios*), как не эти нувориши? И кто в XVII в. рефеодализовал и наполовину опустошил кастильскую деревню, если не они? Точно так же в таком городе, как Венеция, продажность должностей существовала только на нижнем этаже, на потребу *cittadini*, этих «буржуа». Магистратуры, замещавшиеся дворянами, обычно бывали краткосрочными и сменяли одна другую, как некий «путь чести» (*cursus honorum*), на античный манер. Это не мешало дворянам косвенным образом заниматься сбором налогов для Синьории, торговлей, управлять своими обширными имениями.

Эта очень узкая часть общества, умещавшаяся в рамках государственного аппарата, обретала в своих функциях дополнительную силу. Для буржуазии должность была тем, чем был двор для высшего дворянства: способом удовлетворить самолюбие и средством добиться успеха на жизненном поприще. Такой успех принадлежал крайне устойчивым семейным династиям. Таким образом, группы семейств добились того, что подменяли собой государство. Если последнее было сильным, такое испытание протекало, не нанося ему чрезмерного ущерба. Это именно то, что подразумевает важная мысль Я. Ван Клаверена [314], а именно: что продажность должностей, даже во Франции, где она раз-

[313] Или рефеодализации в том смысле, в каком употребляет это слово Дж. Галассо (Galasso G. *Op. cit.*, p. 54), а именно — как определенной степени возврата к прежнему феодальному порядку.

[314] Klaveren J., van. *Die historische Erscheinung der Korruption...— Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*. 1957, S. 304 f.



Юный король Карл IX. ***Фото Н. Д. Роже-Виолле.***

рослась больше, чем в прочих странах, не влекла за собой *в силу самого своего существования* ни коррупции, ни катастрофического ослабления государственной власти. Не то чтобы должность, передаваемая по наследству, отправлялась с мудростью отца семейства, внимательно следящего за тем, чтобы все сохранить. Но такой монарх, как Людовик XIV, продавая должности, изымал часть достояния буржуазии, то был своего рода эффективный налог; с другой же стороны, защищал низшие классы против возможного лихоимства. Должностных лиц достаточно крепко держали в руках. Однако после авторитарного правления Людовика XIV дела довольно быстро станут ухудшаться. Начиная с середины XVIII в. просвещенное общественное мне-

ние восстанет против продажности должностей. Сама же продажа, быв определенное время выгодна монархическому режиму, перестала таковой быть [315]. Тем не менее в 1746 г. в Голландии шли разговоры об установлении ради борьбы против городской олигархии и ее коррумпированности порядка вроде французского [316].

Таким образом, монархия во Франции — и во всей современной Европе — означала все общество. Быть может, следовало бы сказать прежде всего «высшее общество». Но через него охватывалась и вся масса подданных.

Все общество, но также и вся, или почти вся, культура. С точки зрения государства, культура — это язык напоказ, язык, несущий, обязанный нести в себе определенный смысл. Коронация в Реймсе, исцеление золотушных, великолепнейшие дворцы [317]— это были превосходные козыри, гарантии успеха. Показывать короля было другой формой демонстративной политики, неизменно выигрышной. На протяжении двух лет, с 1563 по 1565 г., Екатерина Медичи настойчиво представляла юного Карла IX его подданным по всему королевству [318]. Чего могла бы желать Каталония в 1575 г.? [319] Да увидеть лицо своего короля (*"ver el rostro a su rey"*)! Испанский нравоучительный сборник, восходящий к 1345 г., уже утверждал, что «король для народа — то же, что дождь для земли» [320]. И пропаганда рано предложила свои услуги, пропаганда такая же древняя, как цивилизованный мир. Во Франции мы имели бы в этом плане чересчур богатый выбор. «Мы себя полагаем,— писал в 1619 г. один памфлетист,— мелкой мошкою перед сим королевским орлом. Пусть он бьет, пускай убивает, пусть рвет на куски и кусочки тех, кто противится его велениям! Даже ежели бы то были наши жены, наши дети, наши близкие родственники» [321]. Кто сказал бы, кто мог бы сказать лучше? И все же испытываешь радость, когда время от времени встречаешь диссонирующие нотки. «Разве Вы не слышите, любезный мой читатель, трубы, гобои и походную песню нашего великого монарха — тра-ра-ра, тра-ра-ра, тра-ра-ра? Да, вот он, сей несравненный, сей непобедимый, который отправляется короноваться» в Реймс, где жил и писал наш буржуа-купец Майефер [322] (3 июня 1654 г.). Следует ли видеть в нем типичного буржуа, хоть Эрнест Лабрус и описывал его как социального отщепенца? [323] Буржуа, который последовательно был лигистом, янсенистом [324], фрондером. Но до великого движения века Просвещения он чаще всего ворчал за закрытыми дверями.

Слишком многое следовало бы сказать об этом оперативном поле культуры и пропаганды. Так же точно, как и о форме, какую принимала просвещенная оппозиция: парламентской, враждебной королевскому абсолютизму или дворянским привилегиям, но не привилегиям капитала. Мы еще вернемся к этому. Мы также не станем обсуждать патриотизм и национализм. То были еще новички, почти что в первом цвете молодости. Они никоим образом не отсутствовали в XV—XVIII вв., тем более что войны благоприятствовали их росту, питали их огонь. Но в конце концов не будем забегать вперед. Не станем также записывать нацию в актив государству. Как всегда, действитель-

[315] По данным доклада Мунье и Хартунга (Mousnier R., Hartung), продажность должностей во Франции стала нетерпимой только после войны за Австрийское наследство.— *Congrès international des sciences historiques*. P., 1950, цит. И. Валлерстайном (Wallerstein I. *Op. cit.*, p. 137, note 3).

[316] Klaveren J., van. *Op. cit.*, S. 305.

[317] См. блистательную картину, нарисованную Режин Перну (Pernoud R. *Op. cit.*, II, p. 8 sq.).

[318] Champion P. *Catherine de Médicis présente à Charles IX son royaume, 1564—1566*. 1937.

[319] British Museum, Add. 28368, f° 24. Мадрид, 16 июня 1575 г.

[320] Pfandl L. *Philipp II. Gemälde eines Lebens und einer Zeit*. 1938; французский перевод 1942 г. (с. 117).

[321] *Variétés*, II, p. 291.

[322] *Les Mémoires de Jean Maillefer*, p. 55.

[323] Labrousse E. *Le XVIII^e siècle.— Histoire générale des civilisations*. P. p. M. Crouzet, 1953, p. 348.

[324] По данным Пьера Губера: Goubert P. *Beauvais et le Beauvaisis*, p. 338.

ность была неоднозначной: государство создавало нацию, придавало ей обрамление, существо. Но верно и обратное, и нация через тысячи каналов создавала государство, питая его своей живительной влагой и своими бурными страстями.

ГОСУДАРСТВО, ЭКОНОМИКА, КАПИТАЛИЗМ

По ходу изложения мы также оставили в стороне целый ряд интересных проблем, но стоили ли они того, чтобы на них долго задерживаться? Так, не следовало ли мне всякий раз, как на первый план выступали драгоценные металлы, говорить о бюльонизме *, а не о меркантилизме? В то время как последний непременно заключал в себе первый, который, как бы это внешне ни выглядело, был смыслом его существования. Не следовало ли говорить о «*фискализме*» всякий раз, когда заходила речь о налоге? Но разве этот «*фискализм*» не сопровождал неизменно государство, никогда не исчезая? Государство, которое, как говорил Макс Вебер [325], есть такое же предприятие, как фабрика, и в силу этого обязано непрестанно думать о своих денежных поступлениях, которые, как мы видели, никогда не бывали достаточными?

* По имени Клода Бюльона (ум. 1640), суперинтенданта финансов, сотрудника Ришелье.— *Прим. перев.*

325 Weber M. *Op. cit.*, II, p. 698.

Наконец, и это главное, следовало ли оставлять в стороне, не давая на него определенного ответа, вопрос, задававшийся десятки раз: продвигало ли государство капитализм или нет, подталкивало ли оно его вперед? Даже делая оговорки по поводу зрелости современного государства, даже если, будучи полон современной картиной, от него дистанцируешься, приходится констатировать, что в XV—XVIII вв. государство касалось всех и вся, что оно было одной из новых сил в Европе. Но все ли оно объясняло, все ли оно подчиняло своему порядку? Нет, тысячу раз нет. К тому же разве не играла своей роли обратимость перспектив? Государство благоприятствовало капитализму, приходило ему на помощь — это бесспорно. Но перевернем это утверждение: государство не благоприятствовало подъему капитализма, который в свою очередь был способен его стеснять. И то и другое было справедливо, происходя последовательно или одновременно, так как реальность — это всегда сложности, поддающиеся и не поддающиеся предвидению. Благоприятствующее, не благоприятствующее, но современное государство было одной из тех реальностей, среди которых прокладывал себе дорогу капитализм, то стесняемый, то поощряемый, и довольно часто продвигавшийся по нейтральной почве. Да и как могло быть иначе? Если интересы государства и интересы национальной экономики в ее целостности часто совпадали, ибо процветание подданных государства обусловливало в принципе доходы предприятия-государства, то капитализм всегда находился в том секторе экономики, который обнаруживал тенденцию включиться в самые оживленные и самые доходные потоки международных дел. Таким образом, он играл, как мы это говорили, на куда более обширном поле, чем обычная рыночная экономика, и в более широкой области, чем область государства и его специфических забот. Естественно, что в силу этого капиталистические интере-

сы в прошлом, как и ныне, выходили за пределы интересов ограниченного национального пространства. Это искажало или по меньшей мере усложняло диалог и отношения между капиталом и государством. В Лисабоне, который я выбрал в качестве примера, предпочтя его десятку других городов, никто не видел, чтобы капитализм негоциантов, деловых людей, сильных мира сего суетился, чтобы он обнаруживал свое существование. Дело в том, что для него главное происходило в Макао, у этой открытой потайной двери в Китай, в Гоа в Индии, в Лондоне, который диктовал свои распоряжения и требования, в далекой России, когда дело касалось того, чтобы продать алмаз небывалой величины [326], и в обширной рабовладельческой Бразилии плантаторов, золотоискателей и *гаримпейру* (старателей, искавших алмазы). Капитализм всегда был обут в семимильные сапоги, или, если предпочитаете, у него были нескончаемой длины ноги Микромегаса *. Именно этим измерением прежде всего остального и займется третий, и последний, том этого труда.

[326] АВПР, 72/5—299, л. 22. Лисабон, 22 февраля 1791 г.

* Микромегас — инопланетянин, герой одноименной философской повести Вольтера.— *Прим. перев.*

В данный момент вывод, который надлежит запомнить, состоит в том, что аппарат власти, сила, которая пронизывает и обволакивает все структуры,— это гораздо больше, чем государство. Это сумма иерархий — политических, экономических, социальных, культурных, это сосредоточение средств принуждения, где государство всегда может дать почувствовать свое присутствие, где оно зачастую было замковым камнем всего сооружения и где оно почти никогда не бывало единственным хозяином [327]. Ему даже случалось отступать, терпеть крах, но всегда оно должно было восстановиться и неизбежно восстанавливалось, как если бы его существование было для общества биологической потребностью.

[327] Об этом дроблении аппарата власти см.: Fourquet F. *Op. cit.*, особенно с. 36—37.

НЕ ВСЕГДА ЦИВИЛИЗАЦИИ ГОВОРИЛИ «НЕТ»

Цивилизации или культуры — здесь два этих слова взаимозаменяемы без ущерба для смысла — представляют океан привычек, ограничений, одобрений, советов, утверждений, всех этих реальностей, которые каждому из нас кажутся личными и спонтанными, в то время как пришли они к нам зачастую из очень далекого прошлого. Они — наследие, точно так же как язык, на котором мы говорим. Всякий раз, когда в обществе обнаруживается тенденция к появлению трещин или провалов, вездесущая культура заполняет или по меньшей мере маскирует их, окончательно замыкая нас в рамках наших повседневных задач. То, что Неккер говорил о религии (самом сердце цивилизации) — она-де служит для бедняков «мощными оковами и каждодневным утешением» [328],— можно сказать о цивилизации и для всех людей.

[328] Necker J. *De l'importance des idées religieuses.— Œuvres complètes de M. Necker.* Publiées par le baron de Staël, son petit-fils. 1820, t. XII, p. 34. Цит. в ст.: Lutfalla M. *Necker ou la révolte de l'économie politique circonstancielle contre le despotisme des maximes générales.— "Revue d'histoire économique et sociale"*, 1973, № 4, p. 586.

В Европе, когда с наступлением XI в. жизнь стала возрождаться, рыночная экономика, денежные сложности были как бы

«возмутительными» новшествами. В принципе цивилизация, особа старая, враждебна инновации. Следовательно, она будет говорить «нет» рынку, «нет» капиталу, «нет» прибыли. Самое малое она отнесется к ним подозрительно, сдержанно. Но прошли годы, требования повседневной жизни, ее давление возобновились. Европейская цивилизация оказалась вовлеченной в постоянный конфликт, разрывающий ее на части. И тогда ей пришлось без особой радости дать новому зеленый свет. И этот опыт — не только опыт Запада.

КАЖДОМУ СВОЯ ДОЛЯ В КУЛЬТУРНОЙ ДИФФУЗИИ: МУСУЛЬМАНСКАЯ МОДЕЛЬ

Цивилизация — это одновременно постоянство и движение. Существуя в каком-то пространстве, она удерживалась там, цеплялась за него на протяжении столетий. И в то же время она принимала определенные ценности, которые предлагали ей соседние или далекие цивилизации, и распространяла собственные ценности за своими пределами. Подражание и «заразительность» действовали наравне с определенными соблазнами внутри общества против привычки, против уже сделанного, уже известного.

Капитализм не избежал действия этих правил. В каждое мгновение своей истории он был суммой средств, орудий, практических приемов, мыслительных привычек, бывших, бесспорно, культурными ценностями и в качестве таковых странствовавших и обменивавшихся. Когда Лука Пачоли опубликовал в Венеции



Торговля в старинных левантинских портах. Миниатюра из «Путешествий Марко Поло». *Собрание Виолле.*

[329] Melis F. *Tracce di una storia economica*, p. 62.
[330] Выступление Э. Эштор (Ashtor E.) на Неделе Прато, апрель 1972 г.
[331] Labib S. *Capitalism in médieval Islam.— "Journal of Economic History"*, march 1969, p. 91.
[332] Hausherr H. *Op. cit.*, S. 33; Dollinger Ph. *La Hanse*. 1964, p. 207, 509.

свою книгу «Об арифметике» (*"De Arithmetica"*, 1495), он резюмировал, в том, что касается двойной бухгалтерии, решения, уже давно известные, во Флоренции, скажем, с конца XIII в.[329] Когда Якоб Фуггер *Богач* (*der Reiche*) находился в Венеции, он изучил там двойную бухгалтерию, которую и увез с собой в Аугсбург. Тем или иным путем, но она в конечном счете завоевала часть торговой Европы.

Вексель тоже навязывал себя одному рынку за другим, путем диффузии, выйдя из итальянских городов. Но не уходит ли он своими корнями в гораздо более далекие времена? По мнению Э. Эштор [330], мусульманская *сутфайя* не имела ничего общего с векселем западного мира. Она глубоко отлична от него по своей юридической сущности. Пусть так. Но она, вне всякого сомнения, существовала гораздо раньше европейского векселя. Можно ли предположить, чтобы итальянские купцы, издавна посещавшие мусульманские гавани и рынки, обошли вниманием это средство простым росчерком пера обеспечивать перевод на дальние расстояния определенной суммы денег? Вексель (изобретателями которого якобы были итальянцы) решал в Европе ту же задачу, хотя ему, правда, пришлось приспосабливаться к условиям иным, нежели условия мусульманского мира, в частности к предписаниям церкви, запрещавшим заем под проценты. Мне все же представляется вероятным заимствование у Востока.

Так же могло быть и с торговым товариществом типа *комменды* (*commenda*), которая была в мире ислама весьма древней (пророк Мухаммед и его жена, богатая вдова, образовали такую *комменду* [331]) и представляла там обычную форму торговли на дальние расстояния, распространившись вплоть до Индии, Индонезии и Китая. Что достоверно, так это то, что *комменда*, возникла ли она спонтанно или была заимствована, появилась в Италии только в XI—XII вв. И тогда она отправилась в путь из города в город, так что мы без удивления встречаем ее в XIV в. в ганзейских городах, однако видоизмененной, ибо местные влияния сыграли свою роль. В Италии агент — тот из участников товарищества, кто предоставлял свой труд и разъезжал с товаром,— нередко участвовал в прибылях от операции. В то же время в ганзейском мире «слуга» (*der Diener*) обычно получал фиксированную сумму от того, кто предоставлял капитал; таким образом он приобретал облик наемного работника [332]. Но встречались и случаи участия.

Следовательно, порой бывали изменения модели. А в определенных случаях существовала возможность того, что то там, то тут оказывалось необходимым одно и то же решение, которое не обязательно было заимствованием. В данном случае темные века европейского раннего средневековья лишают нас всякой уверенности. Но, принимая во внимание привычку средневековых купцов к странствованиям и хорошо известные пути их торговли, заимствование по меньшей мере некоторого числа форм торговли должно было иметь место. Именно на эту мысль наводит тот лексикон, который Запад позаимствовал у мусульманского мира: *таможни (douanes), склад (magasin), левантинские каботажные суда (mahones), торговый двор (fondouk), продажа на срок с немедленной перепродажей (mohatra,* которую латинские

тексты XIV в., рассматривавшие ростовщичество, именовали *contractus mohatrae)*. Другой признак — это дары Востока Европе: шелк, рис, сахарный тростник, бумага, хлопок, арабские цифры, система подсчетов на счетной доске, греческая наука, обретенная вновь в передаче мусульман, порох, компас — сколько же драгоценных благ было передано!

Согласиться с реальным характером этих заимствований означает отказаться от традиционных представлений о Западе многих историков, о Западе, якобы гениально и самостоятельно создавшем себя во всех отношениях, в одиночку двинувшемся вперед по путям научной и технической рациональности. Это означает лишить итальянцев средневековых городов заслуги открытия орудий современной торговой жизни. Больше того, это даже означает, следуя путем дедукции, выступить против Римской империи как непреложной модели. Ибо эта столь восхваляемая империя, пуп земли и собственной нашей истории, раскинувшаяся по всем берегам Средиземного моря с несколькими, то тут, то там, континентальными «наростами», была лишь частью античной мировой экономики, куда более обширной, чем она сама, экономики, которой суждено было на века пережить эту империю. Римская империя была связана с обширной зоной обращения и обмена, простиравшейся от Гибралтара до Китая, с *мировым хозяйством (Weltwirtschaft)*, где на протяжении столетий люди будут циркулировать по нескончаемым дорогам, перевозя в своих вьюках драгоценные товары, слитки, монеты, золотые и серебряные изделия, перец, гвоздику, имбирь, камедь, мускус, амбру, парчу, хлопковые ткани, муслины, шелка, атласы, затканные золотом, красильное и благовонное дерево, лаковые изделия, нефриты, драгоценные камни, жемчуг, китайский фарфор, ибо этот фарфор совершал путешествия задолго до появления прославленных Ост-Индских компаний.

Именно от этой торговли с одного конца света до другого жили в пору своего блеска еще Византия и мир ислама. Византия — мир реликтовый, несмотря на неожиданные вспышки энергии, погруженный в свою тяжеловесную пышность, которая должна была очаровывать варварских правителей, обеспечивать господство над народами, бывшими у империи на службе,— ничего не отдавала иначе, как за золото. Ислам, напротив, был оживленным, он привился на Ближнем Востоке и на лежавших в его основе реальностях, а не на старом греко-римском мире. Странам, покоренным мусульманским завоеванием, принадлежала активная роль в восточной и средиземноморской торговле *до* появления новых пришельцев. И они вновь станут играть эту роль, как только на мгновение поколебленные привычки снова возьмут свое. Два главных инструмента мусульманской экономики — золотая монета *динар* и серебряная монета *дирхем* — были один византийского (динар = *denarius*), а другой — сасанидского происхождения. Исламу достались страны, из которых одни были верны золоту (Аравия, Северная Африка), а другие — серебру (Иран, Хорасан, Испания) и которые остались им верны, потому что этот биметаллизм, «территориально распределенный», варьировал тут и там, но встречался и столетиями позднее. Следовательно, то, что мы называем экономикой мусульманского мира,

было приведением в движение унаследованной системы, эстафетой с участием купцов испанских, магрибинских, египетских, сирийских, месопотамских, иранских, эфиопских, гуджаратских, купцов с Малабарского побережья, китайских, индонезийских... Мусульманская жизнь сама находила там свои центры тяжести, свои сменявшие друг друга «полюса»: Мекку, Дамаск, Багдад, Каир; выбор между Багдадом и Каиром зависел от выбора пути на далекий Восток: через Персидский залив, из Басры и Сирафа, или же через Красное море, из Суэца и Джидды, порта Мекки.

Принимая во внимание доставшееся ему наследие, ислам даже еще до того, как он появился, был торговой цивилизацией. Мусульманские купцы издавна пользовались, по крайней мере у политических владык, уважением, на которое Европа в том, что касалось ее купцов, будет весьма скупа. Сам пророк будто бы сказал: «Купец равно блажен в сем мире и в будущем»; «Кто зарабатывает деньги, угоден Аллаху». И этого почти достаточно, чтобы представить ту атмосферу уважения, которая окружала торговую жизнь и ясными примерами которой мы располагаем. В мае 1288 г. мамлюкское правительство попробовало привлечь в Сирию и Египет купцов Синда, Индии, Китая и Йемена. Можно ли вообразить на Западе правительственный декрет, который высказывался бы по этому поводу следующим образом: «Мы обращаемся с приглашением к прославленным особам, крупным негоциантам, ищущим прибыли, или мелким розничным торговцам... Всякий, кто прибудет в нашу страну, сможет там жить, приезжать и уезжать по желанию своему... воистину, это райский сад для пребывающих в ней... Да будет благословение Аллаха над поездкою всякого, кто побудит к благому деянию посредством займа и совершит благое деяние посредством ссуды». Вот традиционные рекомендации государю в Османском государстве двумя веками позднее, во второй половине XV в.: «Благосклонно относись к купцам в стране; неизменно проявляй о них заботу; никому не дозволяй их притеснять, отдавать им приказания; ибо посредством их торговли страна достигает процветания, а благодаря их товарам повсюду царит дешевизна»[333].

Что значили в сравнении с такой значимостью торговых экономик религиозные щепетильность и тревоги? Однако мусульманский мир, как и христианский, терзал своего рода ужас перед ростовщичеством — язвой, обретшей новую жизнь и получившей всеобщее распространение из-за обращения монеты. Купцы, которым выказывали благосклонность государи, возбуждали враждебность простонародья, особенно ненависть ремесленных цехов, братств и религиозных властей. Слова первоначально нейтральные, «такие, как *базарган* и *матрабаз*, которыми в официальных текстах обозначали купцов, в народном языке получили уничижительное значение „рвач“ и „мошенник“»[334]. Но эта ненависть народа была одновременно признаком богатства купцов и их гордости. Не стараясь извлечь из сравнения слишком многое, мы все же поражаемся словам, которые ислам приписывает Мухаммеду: «Если бы Аллах дозволил жителям рая торговать, они бы торговали тканями и пряностями»[335], сопоставляя их с поговоркой, распространенной в христианском мире: «Торговля должна быть свободной, без ограничений до самой преисподней».

[333] Inalčik H. *Capital formation in the Ottoman Empire.— "Journal of Economic History"*, march 1969, p. 102.
[334] *Ibid.*, p. 105—106.
[335] Rodinson M. *Islam et capitalisme*, p. 34.

Этот облик ислама был ранним обликом той эволюции, которую еще предстояло пройти торговой Европе. Торговля на дальние расстояния раннего европейского капитализма, начавшаяся с итальянских городов, вела свое происхождение не от Римской империи. Она приняла эстафету у достигшей блестящего расцвета в XI—XII вв. торговли мусульманской, у того ислама, который был свидетелем рождения стольких промыслов и стольких видов изделий, предназначавшихся на экспорт, стольких экономик с широким радиусом действия. Долгие плавания, регулярные караваны предполагали активный и действенный капитализм. Повсюду в мире ислама существовали ремесленные корпорации, и изменения, какие они претерпевали (возвышение мастеров, надомная работа, ремесло вне городских стен), слишком сильно напоминают ситуации, какие познает Европа, чтобы не быть следствием некой экономической логики. Были и другие черты сходства: городские экономики ускользали из-под контроля традиционных властей — так было на Малабарском побережье, так было в Ормузе, таким был на африканском побережье запоздалый случай Сеуты, таким был даже в Испании случай Гранады. Так же обстояло дело и в городах-государствах. Наконец, ислам выдерживал дефицитные платежные балансы, он оплачивал золотом свои закупки в Московской Руси, в Прибалтике, на Индийском океане, даже в итальянских городах, рано оказавшихся к его услугам, в Амальфи, Венеции. И здесь он тоже предвещал будущее торговой Европы, которая тоже опиралась на денежное превосходство.

Если бы понадобилось в этих условиях выбирать дату, знаменующую окончание обучения торговой Европы в школе мусульманских и византийских городов, то 1252 г.— год обращения Запада к чеканке золотой монеты [336]— представлялся бы достаточно обоснованным, настолько, насколько одна дата может быть предложена для процесса столь медленной эволюции. Во всяком случае, то, что в западном капитализме могло быть заимствованными ценностями, вне всякого сомнения, происходило из мира ислама.

[336] Это дата начала чеканки золотого флорина. См. статью *"Fiorino"* Ф. Мелиса (Melis F.) в кн.: *Enciclopedia Dantesca*. 1971, p. 903.

ХРИСТИАНСКИЙ МИР И ТОВАР: РАЗДОРЫ ИЗ-ЗА РОСТОВЩИЧЕСТВА

Западная цивилизация не знала изначальных и как бы даровых возможностей мусульманского мира. Она начинала с нулевой отметки истории. Диалог между религией (бывшей этой цивилизацией по преимуществу) и экономикой завязался с первых же шагов. Но по мере того, как шло время, один из собеседников, экономика, ускорил шаг, предъявил новые требования. То был трудный диалог между двумя мало между собой согласующимися мирами — земным и потусторонним. Даже в протестантских странах голландские Штаты только в 1658 г. объявят, что практика финансовых операций, иначе говоря — заем под проценты, касается только гражданской власти [337]. В христианском мире, сохранявшем верность Риму, бурная реакция заставит папу Бенедикта XIV подтвердить в булле *Vix pervenit* [338]

[337] См. статью *"Usure"* Дю Пассажа (Du Passage H.) в кн.: *Dictionnaire de théologie catholique*, t. XV, 2e partie, 1950, col. 2376.
[338] *Ibid.*, col. 2377—2378.

от 1 ноября 1745 г. старинные запреты по поводу займов под проценты. А в 1769 г. ангулемским банкирам, затеявшим судебный процесс, было отказано в иске к недобросовестным должникам под тем предлогом, что «они ссужали [тем] деньги под процент»[339]. В 1777 г. постановление Парижского парламента запрещало «любой вид ростовщичества [читай: займа под проценты], осуждаемый священными канонами»[340], и французское законодательство будет неустанно его официально запрещать как преступление вплоть до 12 октября 1789 г. Но споры будут продолжаться. Закон 1807 г. установит процент в делах гражданских в размере 5, а в коммерческих — в размере 6; все сверх этого считалось ростовщичеством. Точно так же декрет-закон от 8 августа 1935 г. рассматривал как ростовщичество, подлежащее уголовному преследованию, чрезмерную ставку процента [341].

Следовательно, то была долгая драма. Если в конечном счете она ничему и не помешала, то она все же была связана с глубоким кризисом сознания по мере того как ментальности адаптировались к требованиям капитализма.

В своей оригинальной книге Бенджамин Нельсон [342] предложил простую схему: раздоры по поводу ростовщичества в самом сердце западной культуры были якобы вызваны сохранением на протяжении двадцати пяти веков древнего предписания Второзакония: «Чтобы всякий заимодавец, который дал взаймы ближнему своему, простил долг и не взыскивал его с ближнего своего или с брата своего... с иноземца взыскивай, а что будет твое у брата твоего, прости»*. Прекрасный пример долголетия культурных реальностей, этот далекий источник, теряющийся в глубине веков, дал начало неиссякаемому потоку. Различие между займом брату и займом иноземцу не могло удовлетворить христианскую церковь с ее универсалистскими претензиями. То, что было действительно для немногочисленного еврейского народа, окруженного опасными врагами, не было таковым для христианского мира: по новому вероучению, все люди были братьями. И следовательно, ростовщический заем запрещался кому бы то ни было. Именно так объяснял это св. Иероним (340—420). Его современник св. Амвросий Медиоланский (340—397) допускал, однако же, ростовщичество по отношению к врагам в случае *праведной* войны (*ubi jus belli, ibi jus usurae*). Таким образом он загодя открывал двери для ростовщического займа в торговле с миром ислама; то был вопрос, который встанет позднее — во время крестовых походов.

Борьба, которую вели папство и церковь, велась со всей суровостью, тем более что ростовщичество, конечно, не было воображаемым злом. Второй Латеранский собор (1139 г.) постановил, что нераскаявшийся ростовщик не будет допускаться к причастию и не может быть погребен в освященной земле. И раздор возобновился, захватывая одного законоучителя за другим: св. Фому Аквинского (1225—1274), св. Бернардина Сиенского (1380—1444), св. Антонина Флорентийского (1389—1459). Церковь боролась яростно, но дело неизменно надо было начинать сызнова [343].

Однако в XIII в. она *как будто* получила удивительнейшую поддержку. Мысль Аристотеля достигла христианского мира к

[339] Turgot. *Mémoire sur les prêts d'argent*. Éd. Daire, 1844, p. 110. — Turgot. *Œuvres*. Éd. Schelle, III, p. 180—183.

[340] Carrière Ch. *Prêt à intérêt et fidélité religieuse.— Provence historique*. 1958, p. 107.

[341] Закон от 3 сентября 1807 г. и декрет-закон от 8 августа 1935 г. См.: *Nouveau Répertoire Dalloz*. 1965, S. v. *"Usure"*, IV, p. 945.

[342] Nelson B. *The Idea of usury from tribal Brotherhood to universal otherhood*. 1949. О проблеме в целом см.: Le Bras G., Du Passage H. *Dictionnaire de théologie catholique*, t. XV, 2ᵉ partie, 1950, col. 2336—2390.

* Второзаконие, 15, 2—3.

[343] Le Bras G., Du Passage H. *Op. cit*., col. 2344—2346.

1240 г. и нашла отражение в труде Фомы Аквинского. А позиция Аристотеля выражена категорично: «Люди... совершенно правы, ненавидя заем под проценты. Таким путем деньги, в самом деле, становятся производительными сами по себе и отвращаются от своей цели, каковая заключается в облегчении обменов. Итак, процент умножает деньги; как раз отсюда и возникло то название, какое получил он в греческом языке, где его именуют отпрыском [*tokos*]. Так же как дети по природе подобны своим родителям, так и процент — это деньги, дитя денег»[344]. Короче говоря, «деньги детей не рожают» или не должны бы это делать — формула, которую столько раз будет повторять Фра Бернардино * и повторит Тридентский собор в 1563 г: *деньги не порождают деньги (pecunia pecuniam non parit)*.

Показательным представляется то, что мы обнаруживаем ту же враждебность в других обществах, помимо таких, как еврейское, эллинское, западное или мусульманское. В самом деле, аналогичные факты обнаруживаются и в Индии, и в Китае. Макс Вебер, бывший обычно таким релятивистом, не поколебался написать: «Каноническое запрещение процента... находит себе эквивалент почти во всех этических системах мира»[345]. Разве не возникали такие реакции вследствие вторжения денег — орудия безличного обмена — в круг старинных аграрных экономик? Отсюда и реакция против этой странной власти. Но деньги, орудие прогресса, исчезнуть не могли. А кредит был необходимостью для старинных земледельческих экономик, подверженных повторяющимся случайностям календаря, катастрофам, которые календарь этот щедро расточал, ожиданиям: пахать, чтобы сеять, сеять, чтобы собрать урожай, и цепочка возобновляется снова. С ускорением денежной экономики, у которой никогда не хватало золотой или серебряной монеты, чтобы функционировать, стало неизбежным признание за «осуждаемым» ростовщичеством права действовать в открытую.

Это потребовало времени и немалых усилий, чтобы привыкнуть. Первый решительный шаг был сделан Фомой Аквинским, которого Шумпетер рассматривает «как, возможно, первого человека, представившего себе общую картину экономического процесса»[346]. Карл Поланьи в шутку, но справедливо говорил, что экономическая мысль схоластов сравнима с такой же мыслью Адама Смита или Рикардо в XIX в.[347] Тем не менее исходные принципы (опиравшиеся на Аристотеля) оставались неизменными: ростовщичество, как продолжали утверждать, определяется не размером процента (как мы полагали бы это сегодня) или тем, что вы ссужаете деньги бедняку, находящемуся полностью в вашей власти; ростовщичество-де присутствует всякий раз, когда заем (*mutuum*) приносит вам доход. Единственный неростовщический заем — это тот, при коем заимодавец не ожидает ничего, кроме возврата в установленный срок авансированной суммы в соответствии с советом «заем дан, затем ни на что не рассчитывай» (*“mutuum date inde nil sperantes”*). Иначе это означало бы продавать время, на которое деньги были уступлены; но ведь время принадлежит одному богу. Дом приносит плату за наем, поле дает плоды и арендную плату, пусть так; но бесплодные деньги должны оставаться бесплодными. К тому же такие даровые ссуды навер-

344 Аристотель. *Политика*, I—III, 23.
* То есть упоминавшийся выше Бернардин Сиенский.— *Прим. перев.*
345 Weber M. *L'Éthique protestante et l'esprit du capitalisme*. 1964, p. 76, note 27.
346 Schumpeter J. *Storia dell'analisi economica*, p. 10, note 3.
347 См.: *Les Systèmes économiques dans l'histoire et dans la théorie*. Éd. Polanyi K., Arensberg C., 1975, p. 94.

няка практиковались: благотворительность, дружба, бескорыстие, желание совершить богоугодное дело — все эти чувства что-то значили. В Вальядолиде в XVI в. нам известны займы «ради чести и добрых дел» (*"para hacer honra y buena obrà"*)[348].

Но мысль схоластов пробила брешь. В чем она пошла на уступки? Процент-де становился законным, когда для заимодавца возникал либо риск (*damnum emergens*), либо невозможность получить прибыль (*lucrum cessans*). Эти тонкости открывали множество дверей. Так, «обмен» (*cambium*) представлял собой перевод денег; вексель, который был его конкретной формой, мог спокойно циркулировать с рынка на рынок, поскольку выгода, которую он обычно приносил, не была обеспечена заранее, имелся риск. Как ростовщический рассматривался лишь «сухой обмен» (*cambio seco*), с фиктивными векселями, не перемещавшимися с одного рынка на другой; и к тому были основания, поскольку «сухой обмен» в действительности служил для того, чтобы маскировать заем под проценты. Точно так же церковь разрешала займы государю и государству; равно как и прибыли торговых товариществ (генуэзской *commenda*, венецианской *colleganza*, флорентийского *societas*). Даже помещение денег у банкира (*depositi a discrezione*), которое церковь осуждала, станет разрешенным, коль скоро доходы от них скрывались под названием участия в предприятии [349].

Дело в том, что в эпоху, когда экономическая жизнь стала вновь стремительно развиваться, пытаться запретить деньгам приносить доход было пустым делом. Земледелие только что заняло под посевы больше земель, чем оно освоило со времен неолита [350]. Города росли как никогда раньше. Набирала силу и энергию торговля. Как же было кредиту не распространиться по всем оживленным областям Европы — Фландрии, Брабанту, Геннегау, Артуа, Иль-де-Франсу, Лотарингии, Шампани, Бургундии, Франш-Конте, Дофине, Провансу, Англии, Каталонии, Италии? То, что ростовщичество рано или поздно оказалось в принципе предоставлено евреям, которые были рассеяны по всей Европе и которым оставили, чтобы зарабатывать на жизнь, только этот вид деятельности, торговлю деньгами, было *одним из решений*, а не *решением вообще*. Или, скорее, то было в некотором роде использование завета Второзакония о праве евреев заниматься ростовщичеством по отношению к неевреям; под иноземцем здесь следовало понимать христианина. Но всякий раз, когда нам известно о ростовщической деятельности евреев, например в *банках (banchi)*, которые они имели в Италии начиная с XV в., их деятельность оказывается переплетена с деятельностью заимодавцев-христиан.

На самом деле ростовщичеством занималось все общество — государи, богачи, купцы, обездоленные, да к тому же церковь,— общество, которое пыталось скрывать запрещенную практику, осуждало ее, но прибегало к ней, отворачивалось от ее носителей, но терпело их. «К заимодавцу идут тайком, как ходят к публичной девке»[351], но к нему идут. «И ежели бы я, Марино Сануто, был в составе Сената (*Pregadi*), как в прошлом году... я выступил бы с речью... дабы доказать, что евреи столь же необходимы, как и булочники»[352]. Так заявил в 1519 г. венецианский дворянин.

[348] Bennassar B. *Valladolid au siècle d'or*, p. 258.

[349] Roover R., de. *The Medici Bank*. 1948, p. 57.

[350] Bloch M. *Les Caractères originaux de l'histoire rurale française*. 1952, I, p. 5. (См.: Блок М. *Характерные черты французской аграрной истории*. М., 1957.)

[351] Poliakof L. *Les Banchieri juifs et le Saint-Siège, du XIII*^e^ *au XVII*^e^ *siècle*. 1965, p. 81.

[352] Sanuto M. *Diarii*, 9 ноября 1519 г. Цит. в кн.: Poliakof L. *Op. cit*., p. 59, note 5.

Впрочем, в данном случае евреи были хорошим прикрытием, потому что ломбардцы, тосканцы и выходцы из Каорсо *, какими бы они ни были христианами, в открытую занимались денежными ссудами под залог и иными займами под процент. Однако же то там, то тут заимодавцам-евреям удавалось завоевать рынок ростовщических операций, в частности начиная с XIV в. в областях севернее Рима. Во Флоренции их долго держали на расстоянии; проникли они туда в 1396 г., обосновались там в большом числе к моменту возвращения из изгнания Козимо Медичи в 1434 г., а три года спустя группа евреев получила монополию на выдачу ссуд в городе. Характерная деталь: они устраивались в тех же самых банках и под теми же вывесками, [что и их предшественники — заимодавцы-христиане]: «Банко делла Вакка», «Банко деи куатро Павони»...[353]

Во всяком случае, евреи или христиане (когда дело не касалось священнослужителей), они пользовались одними и теми же средствами: ложными продажами, ложными векселями на ярмарки, фиктивными цифрами в нотариальных актах. Эти приемы становились частью нравов. Во Флоренции, городе раннего капитализма, это чувствуется уже с XIV в. по самому тону случайного замечания Паоло Сассетти, доверенного человека и компаньона Медичи. В 1384 г. он писал по поводу одного перевода векселя, что доход с него составил «больше 450 ф [лоринов] процента, или роста, ежели вам так угодно его называть» (*"piu di f [iorini] quatrocento cinquanta d'interesse, o uxura si voglia chiamare"*). Не любопытно ли наблюдать появление слова «*процент*» (*interesse*) в контексте, который его избавляет от уничижительного значения слова «*рост*» (*uxura*)[354]? Посмотрите также, с какой естественностью Филипп де Коммин жаловался на то, что, поместив деньги в отделение банка Медичи в Лионе, он получил слишком мало процентов: «Сей прирост для меня весьма скуден» (ноябрь 1489 г.)[355]. Деловому миру, вступившему на такой путь, вскоре нечего будет (или очень мало чего) страшиться мер, принимавшихся церковью. Разве не ссужал один флорентийский меняла в XVI в. деньги под процент, достигавший почти 20, а зачастую и намного превышавший 20[356]? Церковь стала столь же милосердной к дурным поступкам купцов, как и к грехам государей.

Это не мешало появляться угрызениям совести. В последний час, перед тем как кредитору предстать перед богом, эти угрызения влекли за собой возмещение процента: число таких возмещений для одного только пьяченцского ростовщика, обосновавшегося в Ницце, составило 200 случаев[357]. По словам Б. Нельсона, после 1330 г. эти раскаяния и возмещения, занимавшие столь много места в нотариальных актах и в завещаниях, почти не встречаются[358]. Но и позднее Якоб Вельзер Старший еще откажется из-за угрызений совести принять участие в монополиях, бывших грустной чертой жизни ренессансной Германии. Его современник Якоб Фуггер Богач, испытывая беспокойство по этому поводу, обратился за советом к Иоганну Экку, будущему сопернику Лютера, и оплатил его поездку за информацией в Болонью[359]. Дважды (последний раз в 1532 г.) испанские купцы в Антверпене запрашивали мнение богословов Сорбонны насчет таких же сюжетов[360]. В 1577 г. Лаццаро Дориа, генуэзский купец,

* Каорсо — город в окрестностях Пьяченцы; речь идет фактически об уроженцах Пьяченцы.— *Прим. перев.*

353 Poliakof L. *Op. cit.*, p. 96.

354 Bec C. *Les Marchands écrivains à Florence, 1355—1434*, p. 274.

355 Roover R., de. *Op. cit.*, p. 56, note 85.

356 La Roncière Ch., de. *Un Changeur florentin du Trecento*... 1973, p. 25, 97, 114, note 5; 172, 197.

357 Nelson B. *The Usurer and the Merchant Prince: Italian businessmen and the ecclesiastical law of restitution, 1100—1550.— "The Tasks of economic history"* (дополнительный выпуск *"The Journal of economic history"*), VII, 1947, p. 116.

358 *Ibid.*, p. 113.

359 Pölnitz G., von. *Jacob Fugger*. 1949, I, S. 317; Nelson B. *The Idea of usury*, p. 25.

360 Goris J. A. *Les Colonies marchandes méridionales à Anvers*. 1925, p. 507.

обосновавшийся в Испании, терзаемый сомнениями, отошел от дел, и все об этом судачили [361]. Короче говоря, образ мышления не всегда изменялся так быстро, как практика экономики. Доказательством служат слухи, вызванные буллой *In eam*, которую папа Пий V обнародовал в 1571 г., дабы уладить столь спорные дела с вексельным курсом и переводом векселей; эта булла, не желая того специально, вернулась к чрезмерному ригоризму. Она попросту запрещала «депозит» (*deposito*), т. е. заем на одной ярмарке с переводом на следующую ярмарку при обычной ставке в 2,5%, привычное прибежище купцов, покупавших и продававших в кредит. Буонвизи, которые были этим стеснены, как и многие другие негоцианты, писали из Лиона Симону Руису 21 апреля 1571 г.: «Да будет вам известно, что Его Святейшество запретил депозит, каковой есть вещь зело удобная для дел, но придется потерпеть, и на этой ярмарке процент оного депозита не устанавливали, так что друзьям приходилось оказывать услуги с великими трудностями и приходилось немного таиться. Мы делали все, что могли, но впредь, понеже все должны будут повиноваться, мы желаем поступать так же, и расчеты по векселям нужно будет производить на итальянских, фландрских и бургундских рынках»[362]. Депозит запретили, возвратимся же к простому «обмену» (*cambio*), который разрешен,— таким, следовательно, был вывод наших выходцев из Лукки. Закрыли одну дверь — проникнем через другую. Поверим в этом отцу Лайнесу (1512—1565), сменившему Игнатия де Лойолу в должности генерала иезуитов: «Хитрость купцов изобрела столь много плутовских понятий, что мы едва может рассмотреть существо дел»[363]. Семнадцатый век не изобрел договора о *ricorsa* — читай о долгосрочном займе,— введя систему «курсов и переводов

[361] Jeannin P. *Les Marchands au XVI^e^ siècle*. 1957, p. 169.
[362] Archivio provincial Valladolid, фонд Руисов, Цит. в кн.: Lapeyre H. *Une Famille de marchands, les Ruiz*. 1955, p. 135, note 139.
[363] Lainez. *Disputationes tridentinae*..., t. II, 1886, p. 228 (*"... subtilitas mercatorum, ducentes eos cupiditate ... tot technas invenit ut vix facta nuda ipsa perspici possint"*).



Капитель собора в Отёне, XII в. Дьявол изображен с мешком монет в руке. *Фототека издательства А. Колэн.*

[векселей]» (*“changes et rechanges”*); то было обыкновение пускать в обращение с одного рынка на другой, и очень надолго, вексель, дабы от года к году вздувать его сумму, подлежащую выплате. Но он развил его употребление. Когда такая практика была изобличена как чистейшее ростовщичество, выступила в качестве ходатая Генуэзская республика и 27 сентября 1631 г. добилась от Урбана VIII признания такой практики законной [364].

Стоит ли удивляться чрезмерно примирительной позиции церкви? Да как бы она боролась против объединенных сил повседневной жизни? Последние схоласты, испанские, и среди них великий Луис де Молина, преподали пример либерализма [365]. «Как бы порадовали Маркса фразы испанских теологов, яростно оправдывавших профит, о вексельных операциях, если бы он мог знать эти фразы!»— воскликнул Пьер Вилар [366]. Безусловно, но разве же могли эти теологи принести в жертву экономику либо Севильи, либо Лисабона (последняя временно оказалась присоединенной к первой после 1580 г.)?

К тому же капитулировала не одна церковь. Государство следовало за ней или опережало ее, смотря по обстоятельствам. В 1601 г. по условиям Лионского договора Генрих IV присоединил к королевству Французскому области Бюже, Брес и Жекс, силой отобранные у герцога Савойского. Эти небольшие области располагали своими привилегиями, своими обычаями, в частности в том, что касалось рент, процента и ростовщичества. Правительство монархии, присоединившее эти области к зоне компетенции дижонского парламента, стремилось ввести там свои собственные правила. Отсюда и сокращение с самого начала до $^1/_{16}$ доли (*denier 16*) ставок ренты, до того находившихся на уровне $^1/_{12}$ (8,3%). Затем в 1629 г. были возбуждены и завершились обвинительными приговорами судебные преследования против ростовщиков. «Сей розыск нагнал страху, люди не смели более заключать договоры о рентах», но 22 марта 1642 г. постановлением короля в Королевском совете был восстановлен старинный обычай времен герцогов Савойских, а именно право «оговаривать подлежащие истребованию проценты», как то принято в соседних иностранных провинциях, «где имеют хождение рентные обязательства с такими оговорками»[367].

По мере того как шло время, возражения исчезали. В 1771 г. один толковый наблюдатель откровенно задавался вопросом, «не оказались ли бы ломбард и ссудная касса для Франции весьма полезными и самым действенным средством пресечь вопиющее ростовщичество, каковое разоряет стольких частных лиц». Накануне Революции Себастьен Мерсье отмечал в Париже ростовщические операции нотариусов, обогащавшихся особенно быстро, и роль «ссужающих» (*“avanceurs”*), этих ростовщиков, ссужавших деньги под недельные проценты и бывших в конечном счете добрыми гениями бедноты, потому что государство с его многочисленными займами мобилизовывало возможности кредита к своей выгоде [368]. В Англии палата лордов 30 мая 1786 г. отвергла билль, который все же был представлен на ее рассмотрение и «коего цель была разрешить предоставлять кредит под процент, доходящий до 25, лицам, ссужающим деньги под залог к великому ущербу для народа»[369].

[364] Mandich G. *Le Pacte de Ricorsa et le marché italien des changes au XVII^e siècle*. 1953, p. 153.
[365] Höffner J. *Wirtschaftsethik und Monopole*. 1941, S. 111; Nelson B. *Idea of Usury*, p. 61, note 79.
[366] В личной беседе.
[367] Collet Ph. *Traité des usures... 1690* (в «Предуведомлении»).
[368] Pinto I., de. *Traité de la circulation et du crédit*. 1771, p. 36; Mercier L.-S. *Tableau de Paris*. 1782, III, p. 49—50.
[369] АВПР, 35/6, 370, л. 76.

Однако в этот период, во второй половине XVIII в., страница была перевернута окончательно. Закоснелые богословы еще могли пылать негодованием. Но между ростовщичеством и передачей денег «внаем» было проведено различие. Жан-Батист Ру, богатый и почтенный марсельский купец, писал 29 декабря 1798 г. своему сыну: «Я, как и Вы, полагаю, что закон о беспроцентном займе применим лишь к займу, предоставляемому кому-то, кто берет взаймы из нужды, и не может прилагаться к негоцианту, каковой заключает заем, дабы создавать прибыльные предприятия и осуществлять доходные спекуляции»[370]. Но еще четвертью столетия раньше португальский финансист Исаак де Пинто заявил без околичностей (1771 г.): «Процент на деньги полезен и необходим всем; ростовщичество же разорительно и ужасно. Смешивать сии два предмета — все равно что кому-нибудь возжелать запретить использование благодатного огня, ибо он обжигает и пожирает тех, кто слишком к нему приближается»[371].

[370] Carrière C. *Prêt à intérêt et fidelité religieuse*, p. 114.
[371] Pinto I., de. *Op. cit.*, p. 213—214.

РАВНОЗНАЧНО ЛИ ПУРИТАНСТВО КАПИТАЛИЗМУ?

Отношение церкви к ростовщичеству занимает свое место в медленной эволюции религиозного мышления. То, что совершилось, было в конечном счете разрывом, разрывом, каких было множество. Предпринятое II Ватиканским собором приспособление церкви к современности (*aggiornamento*) наверняка было не первым в долгой ее истории. По мнению Огюстена Реноде, сама «Сумма теологии» св. Фомы Аквинского была своего рода первой попыткой обновления, и попыткой удачной[372]. Гуманизм тоже, по-своему, представлял некое *обновление* — не более, не менее, как систематическое и глобальное оживление в сердце западной цивилизации всего греко-латинского наследия. И мы еще живем при этом возрождении.

[372] Renaudet A. *Dante humaniste*. 1952, p. 255—256.

Что, наконец, сказать о разрыве, связанном с Реформацией? Благоприятствовала ли она подъему капитализма, освободившегося от своих тревог, от своего раскаяния, словом — от своей нечистой совести? В общем именно таков был тезис Макса Вебера, изложенный в небольшой книге «Протестантская этика и дух капитализма», опубликованной в 1904 г. Правда, после XVI в. отмечалась явная корреляция между странами, которые затронула Реформация, и зонами, в которых расцвел торговый, а позднее промышленный капитализм, принесший славу Амстердаму, которую затем затмит слава Лондона. Это не могло быть простым совпадением. Значит, Макс Вебер был прав?

Его доказательства выглядят довольно озадачивающими. Они тонут в весьма сложных размышлениях. Вот Вебер ищет протестантское меньшинство, которое будто бы было носителем особого образа мышления, *идеального* типа «капиталистического духа». Все это предполагает ряд допущений. И дополнительное затруднение: доказательство развертывается с обратным отсчетом времени, от настоящего к прошлому.

Поначалу мы оказываемся в Германии около 1900 г. Статистическое обследование в Бадене в 1895 г. установило превосходство протестантов над католиками в том, что касается богатства и экономической активности. Примем этот результат как соответствующий истине. Что он может означать в более широком масштабе? Руководитель обследования Мартин Оффенбахер, ученик Вебера, без обиняков утверждал: «Католик... более спокоен, он меньше охвачен жаждой прибыли; он предпочитает жизнь в безопасности, пусть и с довольно малым доходом, жизни, связанной с риском и беспокойной, даже если бы она и должна была принести ему богатства и почести. Народная мудрость шутливо утверждает: либо вкусно есть, либо спокойно спать. В данном случае протестант предпочитает вкусно есть, тогда как католик желает спокойно спать». И вот с такими-то достаточно комичными средствами (протестанты на доброй стороне стола и капитализма, католики — на дурной) Макс Вебер отправляется в прошлое. Вот он без предупреждения стал рядом с Бенджамином Франклином. Какой прекрасный свидетель! Еще в 1748 г. он скажет: «Помни, что время — деньги... Помни, что кредит — это деньги. Помни, что деньги по природе своей суть производящие и быстро умножающиеся».

Как полагает Макс Вебер, в лице Бенджамина Франклина мы держимся за звено цепи избранных, цепи его пуританских предков и предшественников. Вновь решительным шагом углубляясь в прошлое, Вебер сводит нас с пастором Ричардом Бакстером, современником Кромвеля. Мы можем резюмировать разглагольствования сего достойного человека: не расточай впустую мгновения нашего краткого земного существования; ищи себе воздаяние в исполнении своих профессиональных занятий, там, куда тебя поставил господь; трудись там, где он пожелал, чтобы мы находились. Господь заранее знает, кто будет избран, а кто проклят, но успех в своей профессии есть указание на то, что мы пребываем в числе избранных (в общем, в некотором роде способность читать в мыслях господа!). Купец, сколотивший состояние, увидит в своем успехе доказательство того, что выбор господень пал на его персону. Но осторожно, продолжает Бакстер, не используйте ваши богатства ради наслаждения, это значило бы прямым путем идти к проклятию. Служите своими богатствами благу общества, сделайтесь полезными. И человек сразу же дает себя одурачить вновь (а Макс Вебер этому радуется); Бакстер создает аскетический капитализм, благочестиво осужденный на максимизацию прибыли,— и, однако же, он ревниво будет стараться обуздать дух алчности. Капитализм, рациональный в своих последствиях, иррациональный по своим корням, будто бы возник из этой неожиданной встречи современной жизни с духом пуританства.

Все это слишком быстро и плохо резюмирует богатую изгибами мысль, чересчур упрощая утонченный и запутанный способ рассуждения, способ, к которому, признаюсь, я испытываю такую же аллергию, какую испытывал сам Люсьен Февр. Но это не причина, чтобы приписывать Максу Веберу то, чего он не говорил. В том, где он видел лишь совпадение, случайную встречу, его оппоненты усматривают утверждение, будто проте-

стантизм есть самый генезис капитализма. В. Зомбарт был одним из первых, кто таким путем огрублял веберовскую аргументацию, чтобы легче ее опровергнуть. Протестантизм в своем начале, не без иронии доказывал Зомбарт,— это все же попытка возвратиться к евангельской бедности, которая в общем представляла истинную опасность для структур и форпостов экономической жизни. А что касается правил аскетической жизни, так ведь их мы находим уже у св. Фомы и у схоластов! Пуританство — это самое большее школа неистовой скаредности на шотландский манер, доктрина мелких лавочников [373]. Все это смехотворно, признаем мы, как смехотворны многие аргументы в полемике. Столь же смехотворно, как желать извлечь аргументы против Макса Вебера, исходя из противоположного: из безудержной роскоши голландцев в Батавии в XVIII в. или из празднеств, которые они столетием раньше устраивали на острове Десима, чтобы развеять скуку их тюрьмы, какой для них был этот островок, куда их старательно выставляли на жительство японцы.

Все было бы проще, если бы капиталистический подъем был откровенно связан с письмом Кальвина о ростовщичестве, которое следует датировать 1545 г. У нас был бы здесь *поворотный пункт*. Это толковое изложение проблем ростовщичества, принадлежащее строго логическому уму, хорошо знавшему экономические реальности, относится к самым ясным из всех. По Кальвину, следует воздать свое теологии, своего рода неприкосновенной моральной инфраструктуре, и свое — законам человеческим, судье, юристу, закону. Существует дозволенное законом ростовщичество среди купцов (при условии, что рост будет умеренным, порядка 5%) и ростовщичество недозволенное законом, когда оно противоречит милосердию. «Господь вовсе не запрещал всякого барыша, из которого человек мог бы извлечь свою выгоду. Ибо что бы это было? Нам пришлось бы оставить всякую торговлю...» Разумеется, аристотелев завет остается верным: «Я признаю то, что видно и детям, а именно: ежели вы запрете деньги в сундук, они станут бесплодными». Но за деньги «покупают поле... [на сей раз] не скажешь, что деньги не порождают денег». Бесполезно «держаться за слова», надобно «рассматривать дела». Анри Озе [374], у которого я позаимствовал эти удачно выбранные цитаты, полагал в заключение, что экономический подъем в протестантских странах проистекал из большей легкости получения займа, а следовательно, из большей дешевизны денег. «Именно это объясняет развитие кредита в таких странах, как Голландия, или в Женеве. Именно Кальвин, сам того не ведая, сделал такой подъем возможным». Это такой же способ присоединиться к Максу Веберу, как всякий другой.

Да, но в 1600 г. в Генуе, католическом городе, живом сердце капитализма уже в мировых масштабах, ссудный процент составлял 1,2% [375]. Что могло быть лучше? Низкая плата за ссуды была, возможно, создана расширявшимся капитализмом в такой же мере, в какой он сам был создан ею. И к тому же в этой сфере ростовщичества Кальвину не надо было взламывать двери. Дверь была распахнута уже давно.

[373] Sombart W. *Le Bourgeois*. 1926, p. 313.
[374] Hauser H. *Les Débuts du capitalisme*. 1931, p. 51, 55.
[375] Cipolla C. M. *Note sulla storia del saggio d'interesse, corso, dividendi e sconto dei dividendi del Banco di S. Giorgio nel sec. XVI*. —"*Economia internazionale*", vol. 5, maggio 1952, p. 14.

РЕТРОСПЕКТИВНАЯ ГЕОГРАФИЯ МНОГОЕ ОБЪЯСНЯЕТ

Для того чтобы выбраться из этого спора, который бесполезно было бы продолжать (иначе пришлось бы затронуть ряд симпатичных участников — от Р. Г. Тауни до Г. Люти), мы, возможно, располагаем *общими* объяснениями, более простыми, менее мудреными, и шаткими, чем такая довольно путаная ретроспективная социология. Именно это попытался высказать Курт Самуэльсон [376] в 1957 и 1971 гг., а я предлагал в 1963 г.[377] Но доводы наши не одни и те же.

[376] Samuelsson K. *Economie et religion, une critique de Max Weber* (шведское издание 1957 г., французское — 1971 г.)

[377] Braudel F. *Le Monde actuel*. 1963, p. 394—395.

На мой взгляд, нельзя отрицать, что Европа Реформации, если ее рассматривать как единое целое, одержала верх над блистательной средиземноморской экономикой, которую уже на протяжении веков обживал капитализм,— я, в частности, имею в виду Италию. Но такого рода перемещения были в истории делом обычным: Византия отступила перед исламом, ислам уступил место христианской Европе, христианский мир Средиземноморья одержал верх в первой гонке по морям и океанам мира, но примерно к 90-м годам XVI в. вся Европа склонилась к протестантскому Северу, который с этого времени оказался в привилегированном положении. До того времени, а может быть, вплоть до 1610—1620 гг., мы могли бы резервировать слово *«капитализм»* как раз для Южной Европы, невзирая на Рим и на церковь. Амстердам только начал проявлять себя. Заметим к тому же, что Северная Европа ничего не открыла — ни Америки, ни пути вокруг мыса Доброй Надежды, ни обширных путей мира. Именно португальцы первыми добрались до Индонезии, Китая, Японии; и рекорды эти надлежит записать в актив Южной, так называемой ленивой, Европы. Север ничего не изобрел, не изобрел он и орудий капитализма: все они вели свое происхождение из Южной Европы. Даже Амстердамский банк воспроизводил модель венецианского Банка Риальто. И именно в борьбе с государственной мощью Южной Европы — Португалии и Испании — выкуются великие торговые компании Европы Северной.

Если с учетом этого внимательно взглянуть на карту Европы с нанесенными на нее течениями Рейна и Дуная и если забыть об эпизоде с пребыванием римлян в Англии, то тесный континент разделится надвое: с одной стороны, древняя обжитая область, созданная людьми и историей, обогащенная их трудами; с другой — Европа новая, долгое время остававшаяся дикой. Победой эпохи средних веков были колонизация, просвещение, освоение, строительство городов по всей этой дикой Европе вплоть до Эльбы, Одера и Вислы, до Англии, Ирландии, Шотландии, Скандинавских стран. Слова *«колонии»* и *«колониализм»* нуждаются в учете определенных нюансов, но в общем-то речь шла о колониальной Европе, которую старый латинский мир, церковь, Рим распекали, поучали, эксплуатировали так же, как Общество Иисуса будет распоряжаться своими заповедными землями в Парагвае, моделировать их, так в конце концов и не преуспев в этом. Для этих земель, которые тяготели к Северному и Балтийскому морям, Реформация означала также и конец колонизации.

На долю этих бедных стран — бедных, несмотря на подвиги жителей ганзейских городов и мореходов Северного моря,— доставалась «черная» работа: поставка сырья, английской шерсти, норвежского леса, прибалтийской ржи. В Брюгге, в Антверпене распоряжались купец и банкир из Южной Европы, они задавали тон, вызывая гнев великих и малых. Заметим, что протестантская революция была более «вирулентной» на водных пространствах, нежели на суше: Атлантика, едва только завоеванная для Европы, станет великим пространством этих религиозных и материальных войн, пространством, о котором слишком часто забывают историки. То, что судьба решила в пользу Северной Европы, с ее более низкой заработной платой, с ее вскоре ставшей непревзойденной промышленностью, ее недорогими перевозками, с тучей ее каботажных судов и грузовых парусников, которые плавали при дешевом фрахте, объясняется в первую очередь материальными причинами, связанными с дебетом и кредитом, с конкурентоспособными издержками. На Севере все производилось дешевле: пшеница, полотно, сукна, корабли, лес и т. п. Победа Северной Европы была, несомненно, победой пролетария, низкооплачиваемого работника, который ел хуже, если не меньше, чем другие. К этому добавилось, около 1590 г., решительное изменение конъюнктуры, кризис, который в прош-



Северяне одерживают верх. Огромный португальский корабль атакован 16 октября 1602 г. в открытом море около Малакки небольшими английскими и голландскими парусниками. J. Th. de Bry. *India orientalis, pars septima. Фото Национальной библиотеки.*

лом, как и ныне, сначала поражает более развитые страны, более сложные механизмы. Для Северной Европы речь здесь шла о серии удач, ощущавшихся, осознававшихся как таковые; на этом играли деловые люди, приехавшие в Голландию из Германии, Франции и, ничуть не меньше, из Антверпена. Кончится это великим напором Амстердама, который повлечет за собой общее экономическое процветание протестантских стран. Победа Северной Европы была победой конкурентов менее требовательных до тех пор, пока в соответствии с классической схемой они, устранив своих соперников, в свою очередь не воспримут все притязания богачей, пока их широко раскинувшиеся деловые сети не создадут почти везде — конечно, в Германии, но также, например, в Бордо и в иных местах — протестантские группы более богатые, более смелые и более искушенные, нежели люди местные. Совсем так же, как некогда итальянцы представали как непобедимые мастера крупной торговли и банковского дела в странах Северной Европы — в Шампани, Лионе, Брюгге, Антверпене.

Я полагаю такое объяснение решающим, не поддающимся опровержению. Дух не единственное, что есть на свете. И та же самая история, столь часто разыгрываемая в прошлом, вновь наметилась в XVIII в. Если бы для Англии при Ганноверской династии промышленная революция не была *«новым курсом» (new deal)* *, то мир склонился бы тогда либо в сторону быстро росшей России, либо, что более вероятно, в сторону Соединенных Штатов, не без затруднений конституировавшихся в своего рода республику Соединенных Провинций, с судами-пролетариями, аналогичными, притом при прочих равных условиях, кораблям гезов XVI в. Но произошла машинная революция, выросшая из технических и политических случайностей и экономически благоприятных условий, и Атлантический океан в XIX в. вновь прибрали к рукам англичане благодаря *пароходу*, железному судну, приводимому в движение паром. Тогда и исчезли изящные бостонские *клипперы*: железный корпус победил деревянный. К тому же то был момент, когда Америка забросила моря, чтобы обратиться к завоеванию огромных земель на западе континента.

* Автор заимствует название политической программы президента Ф. Рузвельта, выдвинутой им на выборах 1932 г.— *Прим. перев.*

Означает ли это, что Реформация не повлияла на поведение, на образ действий деловых людей, что она не имела очевидных последствий для всей материальной жизни? Отрицать это было бы абсурдно. Прежде всего, Реформация сплотила страны Северной Европы. Она противопоставила их, объединенными, их конкурентам с Юга. То была немалая услуга. Впоследствии религиозные войны оставили позади вышедшую из общности верований солидарность протестантских деловых связей, которая играла свою роль в делах, по крайней мере какое-то время, пока национальные раздоры не возобладали над любыми другими соображениями.

Кроме того, если я не заблуждаюсь, церковь, устояв и даже окрепнув в католической Европе, послужила там как бы цементом, скрепившим старое общество. Разные этажи церкви, ее синекуры, бывшие социальной формой денег, поддерживали традиционное строение и все остальные иерархические структуры общества. Они консолидировали общественный порядок, который

в странах протестантских будет более гибким, менее «успокоенным». Ведь капитализм некоторым образом требовал эволюции общества, благоприятной для его экспансии. Следовательно, досье Реформации как фактора капиталистического развития нельзя просто захлопнуть.

РАВНОЗНАЧЕН ЛИ РАЗУМУ КАПИТАЛИЗМ?

Другим более общим объяснением служит прогресс научной мысли и рациональности в сердце Европы. Они якобы обеспечили общий экономический подъем Европы, вынеся вперед на волне своего собственного движения капитализм, вернее, капиталистический разум и его конструктивный порыв к раскрытию тайн. Это означает и здесь отдавать львиную долю «духу», инновациям предпринимателей, оправданию капитализма как «острия копья» в экономике. Тезис этот спорен, даже если не придерживаться аргументации М. Добба [378], а именно: ежели капиталистический дух породил капитализм, остается объяснить, откуда взялся сказанный дух. Что отнюдь не совершенно очевидно, ибо можно представить постоянное взаимодействие между массой материальных средств и духом, который за ними наблюдает и ими манипулирует.

Самым шумным защитником этого тезиса был Вернер Зомбарт, увидевший в нем лишнюю возможность преувеличить значение всех вместе взятых духовных факторов в ущерб прочим. Но выдвигаемые аргументы определенно недостаточно весомы. Что, собственно, означает его театральное утверждение, что рациональность (но какая рациональность?) оказывается-де глубинным смыслом, многовековой *тенденцией (trend)*, как сказали бы сегодня, западной эволюции, ее исторической судьбой, как предпочитал говорить Отто Бруннер [379], и что эта рациональность разом вынесла на гребне своего движѐния современное государство, современный город, науку, буржуазию, наконец, капитализм? Короче говоря, капиталистический дух и разум будто бы образуют одно целое.

Для Зомбарта разум, о котором идет речь,— это главным образом рациональный характер орудий и средств обмена. Им была уже в 1202 г. «Книга абака» (*"Liber Abaci"*) пизанца Леонардо Фибоначчи. Первая веха выбрана довольно неудачно, поскольку абак * арабского происхождения, и именно в Беджайе, в Северной Африке, где отец Фибоначчи обосновался как купец, автор обучился пользоваться им, а также и арабскими цифрами, постиг способ оценивать ценность монеты по содержанию чистого металла, вычисление широт и долгот и т. п.[380] Следовательно, скорее уж Фибоначчи свидетельствует о научной рациональности арабов! Другая ранняя веха: бухгалтерские книги, среди которых первая из нам известных — флорентийская 1211 г. Если судить по написанной по-латыни «Книге о торговом деле» (*"Handlungsbuch"*) Хольцшуэров (1304—1307 гг.) [381], как раз необходимость вести запись товаров, проданных в кредит, а не абстрактное стремление к порядку, могла вдохновить на создание этого первого бухгалтерского

[378] Dobb M. *Studies in the development of capitalism.* 1946, p. 9.
[379] Brunner O. *Neue Wege der Verfassungs- und Sozialgeschichte* (итальянское издание 1970 г.), S. 16—17.
* Абак — расчерченная счетная доска, по которой передвигали камушки, аналог наших счетов.— *Прим. перев.*
[380] Mieli A. *Panorama general de historia de la Ciencia,* II, p. 260—265.
[381] Издание Г. Прёслера (Proesler H.) 1934 г.

учета. Во всяком случае, пройдет немало времени, прежде чем бухгалтерские книги сделаются совершенным хранилищем памяти. Зачастую купцы довольствовались тем, что «отмечали свои операции на клочках бумаги, каковые они наклеивали на стену», напоминал Маттеус Шварц, весьма осведомленный бухгалтер фирмы Фуггеров (с 1517 г.) [382]. Однако же к тому времени Фра Лука ди Борго, чье настоящее имя было Лука Пачоли, уже давно изложил в главе XI своей «Суммы арифметики, геометрии, пропорций и пропорциональности» (*"Summa di arithmetica, geometria, proportioni e proportionalità", 1494 г.*) законченную модель двойной бухгалтерии. Из двух важнейших бухгалтерских книг — «Руководства» (*"Manuale"*), или «Журнала» (*"Giornale"*), где операции фиксировались в порядке их последовательности, и «Главной книги» (*"Quaderno"*), куда дважды вносилась каждая операция,— новшеством была именно последняя, ведшаяся по двойному счету. Она позволяла в любой момент получить полный баланс между дебетом и кредитом. Если баланс не сводился к нулю, значит, была совершена ошибка, которую следовало сразу же найти [383].

Полезность *двойной бухгалтерии (partita doppia)* объясняется сама собой. Зомбарт говорил о ней с оттенком лиризма. «Просто невозможно,— писал он,— вообразить капитализм без двойной бухгалтерии; они соотносятся друг с другом как форма и содержание (*wie Form und Inhalt*)... Двойная бухгалтерия родилась из того же *духа* [курсив наш.— Ф. Б.], что и системы Галилея и Ньютона и учения современных физики и химии... Не слишком в нее вглядываясь [*ohne viel Scharfsinn* — странное вступление], можно уже усмотреть в двойной бухгалтерии идеи всемирного тяготения, кровообращения, сохранения энергии» [384]. Можно вспомнить здесь слова Кьеркегора *: «Любая истина, однако, остается таковой лишь до определенного предела. Когда выходят за этот предел, она оборачивается неистиной». Зомбарт вышел за этот предел, другие, следуя его порыву, будут в свою очередь, преувеличивать. Шпенглер ставил Луку Пачоли рядом с Христофором Колумбом и Коперником [385]. Кук в 1950 г. утверждал, будто «значение двойной бухгалтерии заключено не в ее арифметике, но в ее метафизике» [386]. Вальтер Ойкен, отличный экономист, тем не менее не поколебался заявить в 1950 г., что если Германия ганзейских городов упустила в XVI в. свой взлет, так это потому, что она не приняла двойной бухгалтерии (*doppelte Buchhaltung*), которая-де поселилась вместе с процветанием в счетоводных книгах аугсбургских купцов [387].

Сколько же возражений против этих взглядов! Сначала рассмотрим мелкие. Не желая низвергнуть Луку Пачоли, приходится заметить, что у него были предшественники. Сам Зомбарт отмечал руководство по торговым делам рагузинца Котрульи (*"Della Mercatura"*), известное по второму изданию 1573 г., но датируемое 1458 г. [388] Обратите внимание: такое переиздание без изменений спустя более столетия указывает, что стиль ведения дел почти не эволюционировал за это время, несмотря на оживленный экономический подъем. Во всяком случае, в главе XIII книги первой этого руководства несколько страниц посвящено выгодам упоря-

[382] Sombart W. *Op. cit.*, II, S. 129, Anm. 1.
[383] Melis F. *Storia della Ragioneria.* 1950, p. 633—634.
[384] Sombart W. *Op. cit.*, II, S. 118.
* Кьеркегор Сёрен (1813—1855) — датский философ, писатель и теолог, предшественник современного экзистенциализма.— *Прим. перев.*
[385] Spengler O. *Le Déclin de l'Occident.* 1948, II, p. 452. См. русский перевод I тома: Шпенглер О. *Закат Европы.* М., 1923.
[386] Cooke C. A. *Corporation, Trust and Company.* 1950, p. 185.
[387] Цит. в кн.: Yamey B. S. *Accounting and the rise of capitalism.—"Mélanges Fanfani"*, 1962, VI, p. 833—834, note 4. О замедленном проникновении двойной бухгалтерии во Францию см.: Gascon R. *Op. cit.*, I, p. 314 sq.
[388] Sombart W. *Op. cit.*, II, S. 155.

доченного ведения счетов, позволяющего сбалансировать кредит и дебет. А Федериго Мелис, который прочел сотни купеческих реестров, увидел появление двойной бухгалтерии во Флоренции гораздо раньше, с конца XIII в., в книгах «Компании деи Фини» (*Compagnia dei Fini*) и «Компании Фарольфи» (*Compagnia Farolfi*).[389]

[389] Mélis F. *Tracce di una storia economica di Firenze e della Toscana dal 1252 al 1550*. 1966, p. 62.

Но обратимся к возражениям серьезным. Прежде всего, чудодейственная двойная бухгалтерия распространялась не быстро и не везде восторжествовала. И на протяжении трех веков, прошедших после появления книги Луки Пачоли, она не выглядит победоносной революцией. Руководства для купцов ее знали, купцы же применяли ее не всегда. Множество предприятий будет долго обходиться без ее услуг, притом не самые малые: например, голландская Ост-Индская компания, основанная в 1602 г., или лондонская страховая компания «Санфайер иншуренс оффис» (*Sun Fire Insurance Office*), которая примет ее лишь в 1890 г. (я



«Популяризатор двойной бухгалтерии».
Эта картина Якопо де Бара (1495 г.) изображает францисканского монаха Луку Пачоли, демонстрирующего пример планиметрии одному из своих учеников — вне сомнения, сыну герцога Урбинского Федериго да Монтефельтро.
Фото Скала.

[390] Yamey B. S. *Op. cit.*, p. 844, note 21.
[391] Статья Р. де Роувера (Roover R., de) в: *"Annales d'histoire économique et sociale"*, 1937, p. 193.

повторяю — именно в 1890 г.) [390]. Историки, знакомые с древним счетоводством, Р. де Роувер, Бэзил Йеми, Федериго Мелис, не усматривают в двойной бухгалтерии необходимой замены прежним формам счетоводства, которые якобы оказались неэффективными. Во времена простых форм бухгалтерии, пишет Р. де Роувер [391], «купцы средневековья сумели приспособить этот несовершенный инструмент к потребностям своего дела и достичь цели, пусть даже обходными путями... Они нашли решения, удивляющие нас своею гибкостью и своим исключительным разнообразием. Следовательно, ничего нет более ошибочного, чем тезис... Зомбарта, утверждающего, будто счетоводство средневековых купцов было таким хаосом [*Wirwarr*], что в нем невозможно разобраться».

По мнению Бэзила Йеми (1962 г.), Зомбарт преувеличивал значение бухгалтерии как таковой. Этот абстрактный квантифицирующий механизм играл важную роль в любом деле, но не он определял решения главы предприятия. Даже ведомости, балансы (ведение которых двойная бухгалтерия не сделала более легким в сравнении с простой и которые в деловом мире были редки) не находились в центре решений, о принятии которых шла речь, следовательно, не были в центре капиталистической игры. Балансы чаще сопутствовали ликвидации дела, нежели его ведению. И их трудно было сводить: что делать с ненадежными кредитами? Как оценить запасы? Как ввести в баланс, коль скоро пользуешься единой расчетной монетой, разницу между участвующими в игре монетами, разницу, порой имевшую большое значение? Балансы банкротств XVIII в. показывают, что еще и в эту эпоху такие трудности преодолевались непросто. Что же касается ведомостей, всегда очень нерегулярных, то они имели смысл, лишь будучи соотнесены с предыдущей ведомостью. Так, в 1527 г. Фуггеры смогли оценить капитал и прибыли своей фирмы со времени составления ведомости в 1511 г. Но в промежутке между этими двумя датами они наверняка вели свою деятельность вне зависимости от ведомости 1511 г.

Наконец, не следовало ли в перечне рациональных средств капитализма предоставить место и другим орудиям, бывшим действенными по-иному, чем двойная бухгалтерия: векселю, банку, бирже, рынку, индоссаменту и дисконту и т. п.? Ведь эти средства встречались за пределами западного мира и его священнейшей рациональности. Не говоря уже о том, что они были наследием, итогом медленного накопления практических навыков и что именно обычная экономическая жизнь своею практикой упростила и отладила их. Возросшие масштабы обменов, слишком частая недостаточность денежной массы и т. п. значили больше, чем новаторский дух предпринимателей.

Но в любом случае, не порождается ли на самом деле легкость, с какой ставят знак равенства между капитализмом и рациональностью, восхищением перед современной техникой обмена? Не проистекает ли она скорее из общего представления — не будем говорить умозаключения,— смешивающего капитализм и экономический рост, которое делает капитализм не *одним из* стимуляторов, но *главным* стимулятором, двигателем, ускорителем, представителем прогресса? Это опять означает смешивать

рыночную экономику и капитализм — смешение, на мой взгляд, произвольное, и я уже объяснял это, но понятное, поскольку то и другое сосуществовали и развились одновременно и в рамках одного и того же движения, одно из-за другого и наоборот. Исходя из этого, и делали с легким сердцем следующий шаг, занося в актив капитализма общепризнанную «рациональность» равновесия рынка, системы самой по себе. Нет ли в этом чего-то противоречивого? Ибо рыночная рациональность, о которой нам прожужжали уши,— это рациональность обмена *спонтанного*, а главное — неуправляемого, свободного, построенного на конкуренции, пребывающего под знаком невидимой руки, по Смиту, или естественного компьютера, по Ланге, и, следовательно, рождающегося из «природы вещей», из столкновения *коллективных* спроса и предложения, из преодоления индивидуальных расчетов. Здесь *априори* нет речи о рациональности самого предпринимателя, который в индивидуальном порядке ищет в зависимости от обстоятельств наилучший путь для своих действий, максимизации прибыли. Предпринимателю не больше, чем государству, в представлении Смита, приходится заботиться о разумном движении целого, такое движение в принципе происходит самопроизвольно. Ибо «никакая мудрость, никакое человеческое знание» не смогли



Лавка генуэзского менялы. Миниатюра из рукописи конца XIV в. *Фототека издательства А. Колэн*

бы успешно вести подобную работу. Что не было бы капитализма без рациональности, т. е. без постоянного приспособления средств к целям, без искусного подсчета вероятностей — пусть так! Но так мы возвращаемся к относительным определениям рационального, которые варьируют не только от культуры к культуре, но и от конъюнктуры к конъюнктуре, от одной социальной группы к другой и в соответствии с их целями и средствами. Существовало *несколько* рациональностей даже внутри единой экономики. Рациональность свободной конкуренции — одна из них. Рациональность монополии, спекуляции и могущества — другая.

Осознавал ли Зомбарт к концу жизни (он умер в 1934 г.) определенное противоречие между экономической закономерностью и игрой капитализма? Во всяком случае, он странно описывает предпринимателя, захваченного борьбой между экономическим расчетом и спекуляцией, между рациональностью и иррациональностью. Вот уж кому нужна была, в соответствии с моими собственными объяснениями, самая малость, чтобы попросту возвратить капитализм в область «иррационализма» спекуляции [392]! Но, говоря серьезно, я полагаю, что различение рыночной экономики и капитализма здесь самое главное. Речь о том, чтобы не приписывать капитализму добродетелей и «рациональности» рыночной экономики самой по себе — а это, в неявной форме или открыто, делали даже Маркс и Ленин, приписывая развитие монополии неизбежной, но *поздней* эволюции капитализма. Для Маркса капиталистическая система, когда она приходит на смену системе феодальной, была «цивилизаторской» в том смысле, что она «для развития производительных сил, общественных отношений... выгоднее», порождает прогресс и «приводит к ступени, на которой отпадают принуждение и монополизация общественного развития (включая сюда его материальные и духовные выгоды) одной частью общества за счет другой» [393]. Если в другом месте Маркс разоблачает «видимость, создаваемую конкуренцией», то делает он это при анализе самой системы производства в XIX в., а не критикуя поведение действующих лиц капиталистического производства. Ибо последние обретают свою «строго регулирующую власть» единственно в силу своей общественной функции, как производителей, а не, как было в прошлом, в силу наличия иерархии, которая сделала бы их «политическими или теократическими властителями» [394]. Именно «общественная связь производства дает о себе знать индивидуальному произволу только как всесильный закон природы». Что до меня, то и до и после XIX в. я защищаю «внешний характер» капитализма.

Для Ленина в соответствии с хорошо известным высказыванием, относящимся к 1916 г. [395], капитализм, став на рубеже XX в. «империализмом», изменил свой смысл «лишь на определенной, очень высокой ступени своего развития, когда некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность... Экономически основное в этом процессе есть смена капиталистической свободной конкуренции капиталистическими монополиями. Свободная конкуренция есть основное свойство капитализма и товарного производства вообще». Беспо-

[392] Sombart W. *Die Zukunft des Kapitalismus*. 1934, S. 8. Цит. в кн.: Yamey B. S. *Op. cit.*, p. 853, note 37.

[393] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 386.

[394] *Там же.*

[395] Ленин В. И. *Полн. собр. соч.*, т. 27, с. 385.

лезно говорить, что я не согласен с ним в этом пункте. Но, добавляет Ленин, «монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над ней и рядом с ней». И тут я с ним совершенно согласен. Говоря своим языком, я изложил бы это так: «Капитализм (прошлый и сегодняшний, разумеется, со стадиями более или менее сильной монополизации) не устраняет полностью свободную конкуренцию рыночной экономики, из которой он вышел (и которая его питает); он существует над нею и рядом с нею». Ибо я утверждаю, что экономика XV—XVIII вв., бывшая в основе своей завоеванием пространства восторжествовавшей рыночной экономикой, экономикой обменов, начиная с некоторых издревле развитых «очагов», тоже включала два этажа в соответствии с тем различием по вертикали, какое Ленин оставляет на долю «империализма» конца XIX в.: монополии, фактические и законодательно признанные, и конкуренцию, иначе говоря, капитализм, как я его попытался определить, и развивавшуюся рыночную экономику.

Если бы я обладал зомбартовым пристрастием к систематическим и раз навсегда данным объяснениям, я охотно выдвинул бы вперед в качестве главного элемента капиталистического развития игру, спекуляцию. Вы видели, как на протяжении этой книги выявлялась такая подспудная идея игры, риска, мошенничества, а главным правилом было создать контригру, используя обычные механизмы и инструменты рынка, заставить этот последний функционировать по-другому, если не наоборот. Могло бы показаться занятным создать историю капитализма как своего рода особый случай проявления теории игр. Но это означало бы вновь обнаружить под кажущейся простотой слова *«игра»* различные и противоречивые конкретные реальности — игру прогнозируемую, игру правильную, игру законную, игру навыворот, игру плутовскую... Все это не так-то легко включить в какую-то теорию!

НОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ: ФЛОРЕНЦИЯ КВАТРОЧЕНТО

Сегодня при ретроспективном взгляде нельзя было бы отрицать, что западный капитализм в конце концов создал новый образ жизни, новые типы мышления, которые то ли сопутствовали ему, то ли он, этот образ жизни, сопутствовал им. Новая цивилизация? Это слишком сильно сказано. Цивилизация — это накопление на протяжении куда более долгого времени.

Но все же, если наблюдалось изменение, то каким временем оно датируется? Макс Вебер утверждал, что это произошло с появлением протестантизма, следовательно, не раньше XVI в. Вернер Зомбарт отсчитывал его от Флоренции XV в. Отто Хинце [396] говорил, что один из них высказывался в пользу Реформации, другой — в пользу Возрождения.

По-моему, не может быть никакого сомнения: в этом пункте Зомбарт прав. Флоренция с XIII в., а тем более в XV в., была капиталистическим городом, какой бы смысл ни вкладывать в это слово [397]. Ранний, аномальный характер такого зрелища поразил Зомбарта — и это естественно. Что менее естественно, так это

[396] Hintze O. *Staat und Verfassung*. 1962, II, S. 374—431: *Der moderne Kapitalismus als historisches Individuum. Ein kritischer Bericht über Sombarts Werk*.
[397] Sombart W. *Le Bourgeois*, p. 129.



Панорама Флоренции. Деталь фрески «Богоматерь милосердия», XIV в. *Фото Алинари-Жиродона.*

строить весь свой анализ на примере одного-единственного города, Флоренции (Оливер Кокс столь же убедительно высказывался в пользу Венеции XI в., и мы к этому еще вернемся), и на одном-единственном свидетельстве, принадлежащем, бесспорно, прославленному человеку — Леону Баттисте Альберти (1404—1472), архитектору, скульптору, гуманисту, наследнику семейства с бурной судьбой, издавна могущественного. Альберти экономически колонизовали Англию в XIV в., они были к тому же столь многочисленны, что английские документы зачастую говорят об *«альбертинах»* (*Albertynes*), как если бы последние, наподобие ганзейцев, или выходцев из Лукки, или даже флорентийцев, сами

по себе образовывали нацию. Сам Леон Баттиста долго жил в изгнании и, чтобы избежать суетности мирской жизни, вступил в монашеский орден. В Риме около 1433—1434 гг. он написал первые три «Книги о семье» (*"Libri della Famiglia"*); четвертая была завершена во Флоренции в 1441 г. Зомбарт открыл в этих книгах новый психологический климат: похвалу деньгам, понимание ценности времени, необходимости жить бережливо — все буржуазные принципы в их первом цветении. А то, что этот клирик принадлежал к старинному роду потомственных купцов, уважаемых за их добросовестность, подкрепляет значение его речей. Деньги — «корень всему»; «с деньгами [но я предпочел бы переводить *con denari* как «за деньги» (*avec des sous*)] можно иметь городской дом, или виллу, и все ремесла, все искусники утруждаются, как слуги, ради того, у кого есть деньги. Тот, у кого их нет, всего лишен, для всего потребны деньги». Вот оно, новое отношение к богатству; некогда его рассматривали как род препятствия на пути к спасению. То же самое и относительно времени: прежде его считали принадлежащим одному богу; продавать время (в форме процента) означало продавать *не принадлежащее тебе* (*non suum*). Однако время снова становится одним из измерений жизни, богатством людей, которое для них лучше не терять. И то же самое по поводу роскоши. «Хорошенько запомните это, сыны мои,— пишет Альберти,— пусть ваши расходы никогда не превышают ваши доходы». Это новое правило, осуждающее кичливость знати. Как сказал Зомбарт, «речь идет о внедрении духа бережливости не в жалкое домашнее хозяйство простонародья, которое едва ест досыта, но в дома богачей» [398]. Следовательно, здесь уже как будто присутствует капиталистический дух.

Нет, отвечает Макс Вебер в остроумной и точной критической заметке [399]. Нет, Альберти лишь повторяет наставления античных мудрецов; некоторые из фраз, подчеркиваемых Зомбартом, почти в неизменном виде встречаются у Цицерона. И потом, как соблазнительно заявить, что дело касается одного только управления домом, *экономии* в этимологическом значении этого слова, а не «хрематистики», т. е. протекания богатств через рынок. Это означает сразу же отбросить Альберти в длинную цепочку *«литературы для отцов семейств»* (*Hausväterliteratur*), этой литературы о хорошем управлении домом для глав семейств, которой будет пользоваться столько немецких советчиков, дабы расточать рекомендации, зачастую довольно выразительные, но лишь косвенно относящиеся к торговле.

И тем не менее не прав именно Макс Вебер. Чтобы убедиться в этом, ему достаточно было бы прочитать «Книги о семье», о которых цитаты у Зомбарта дают слишком одностороннее представление. Ему достаточно было бы выслушать других очевидцев флорентийской жизни. Предоставим слово Паоло Чертальдо, и пусть будут выслушаны его показания [400]. «Ежели у тебя есть деньги, не останавливайся, не держи их мертвыми при себе, ибо лучше трудиться впустую, нежели впустую отдыхать, ибо даже ежели ты ничего не заработаешь, трудясь, то по крайности не утратишь привычку к делам». Или же: «Утруждай себя непрестанно и старайся заработать». Или еще: «Прекрасная

[398] Sombart W. *Op. cit.*, p. 132—133.
[399] Weber M. *L'Éthique protestante et l'esprit du capitalisme*, p. 56, note 11.
[400] Bec C. *Les Marchands écrivains à Florence 1355—1434*, p. 103—104.

вещь и великая наука уметь зарабатывать деньги, но прекрасное и еще более великое качество — умение их расходовать умеренно и там, где сие нужно». Напомним, что именно один из персонажей диалогов Альберти говорит почти буквально: «Время — это деньги». Если капитализм опознается по «духу» и определяется весом слов, тогда Макс Вебер не прав. Можно, однако, представить себе его ответ: здесь в конечном счете нет ничего, кроме алчности. А ведь капитализм — это еще и другое, даже противоположное; это самообладание, «выдержка, умеренность или по меньшей мере как бы рациональное обуздание такого иррационального импульса алчности». И вот мы снова у исходной точки!

Сегодняшний историк подумает, что эти розыски квинтэссенции имеют свою ценность, свою привлекательность, но ни в коем случае не могут быть достаточными и что если мы хотим ухватить истоки капиталистической ментальности, то следует вырваться из заколдованного мира слов. Нужно увидеть реальности, а для этого отправиться в средневековые итальянские города и задержаться на них подольше. Этот совет исходит от Маркса.

ДРУГОЕ ВРЕМЯ, ИНОЕ ВИДЕНИЕ МИРА

Впрочем, сегодня никому не избежать ощущения некой ирреальности, когда следишь за спором Зомбарта и Вебера, от чувства, что дискуссия не достигает цели, что она почти пуста. Может быть, более всего мешает нам в данном случае и побуждает нас «дистанцироваться» наш собственный опыт прожитого? Ничего нет более естественного в том, что Макс Вебер в 1904 г. и Вернер Зомбарт в 1912 г. ощущали себя в Европе пребывающими в самом что ни на есть центре мира науки, разума, логики. Но мы утратили такую уверенность, такой комплекс превосходства. Почему бы одной цивилизации *на вечные времена* (*in aeternum*) оставаться более умной, более рациональной, чем какая-то другая?

Макс Вебер задавался этим вопросом, но после некоторых колебаний остался при своем мнении. Для него, как и для Зомбарта, любое объяснение капитализма сводилось к некоему структурному и бесспорному превосходству западного «духа». В то время как превосходство это тоже порождено было случайностями, насилием истории, неверной сдачей карт в мировой игре. Бессмысленно переделывать историю мира ради нужд какого-то дела, еще менее — ради какого-то объяснения. Но предположим на мгновение, что китайские джонки обогнули бы мыс Доброй Надежды в 1419 г. — в разгар европейского движения вспять, которое мы называем Столетней войной,— и что господство над миром обратилось к выгоде огромной далекой страны, этого другого полюса густонаселенных пространств.

И другая перспектива, несущая отпечаток своей эпохи: капитализм представлялся Максу Веберу завершением эволюции, открытием земли обетованной для экономики, завершающим этапом прогресса. И никогда [разве что я недостаточно внимательно его читал] он не думал о нем как о порядке хрупком и, быть может, преходящем. Ныне же гибель или, самое малое, цепные изменения, мутации капитализма отнюдь не представляются

невероятными. Они происходят на наших глазах. Во всяком случае, капитализм «более не кажется нам последним словом исторической эволюции» [401].

[401] Brunner O. *Op. cit.*, S. 16—17.

КАПИТАЛИЗМ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЕВРОПЫ

Остальной мир, как и Европа, на протяжении веков пребывал во власти потребностей производства, нужд обмена, ускорения оборота монеты. Не абсурдно ли разыскивать среди этих сочетаний признаки, которые бы предвещали или олицетворяли определенный капитализм? Я охотно бы сказал, как сделали это Делёз и Гуаттари [402], что «в известном смысле капитализм пронизывал все формы общества», по крайней мере такой капитализм, каким я его себе представляю. Но признаем без околичностей, что построение его удалось в Европе, наметилось в Японии и потерпело неудачу (при отдельных исключениях, подтверждающих правило) почти везде в других частях мира — точнее сказать, оно там не завершилось.

[402] Deleuze G., Guattari F. *Capitalisme et schizophrénie. L'anti-Œdipe*. 1972, p. 164.

Тому есть два главных объяснения: одно — экономическое и пространственное, другое — политическое и социальное. Объяснения, которые можно лишь наметить. Но сколь бы несовершенным и в целом отрицательным ни оказалось такого порядка обследование на основании данных, плохо разведанных и плохо собиравшихся европейскими и неевропейскими историками, такие очевидные неудачи и такие полууспехи рисуют нам облик капитализма как проблемы общей и в тоже время специфической для Европы.

ЧУДЕСА ТОРГОВЛИ НА ДАЛЬНИЕ РАССТОЯНИЯ

Предварительные условия для всякого капитализма зависят от обращения, можно даже сказать, с первого взгляда, что от него одного. И чем большее пространство охватывает это обращение, тем более оно плодотворно. Такой элементарный детерминизм действовал повсеместно. Так, недавняя работа Эвелин Сакакиды-Павской показывает, что в Фуцзяни XVI в. и в Хунани XVIII в. прибрежные местности этих двух китайских провинций, пользовавшиеся благодеяниями моря, открытые для обмена, были густозаселенными, передовыми, по-видимому, с зажиточным крестьянством, тогда как внутренние районы с теми же рисовыми посадками и теми же людьми, замкнутые в себе, были скорее нищими. Оживление, с одной стороны, неподвижность — с другой; это правило действовало в любых масштабах и во всех регионах мира.

И если этот фундаментальный контраст особенно поражает нас в Китае и в Азии этих далеких веков, то потому, что там существовало огромное пространство, безгранично увеличивавшее те земли и морские просторы, которые приходилось преодоле-

вать, полумертвые зоны низкого уровня развития. Такая разница носила там не европейские масштабы. В соотнесении с этой громадностью пространства оживленные зоны кажутся еще более узкими, вытянутыми вдоль направлений, по которым двигались корабли, люди и товары. Так что если Япония осталась исключением для Восточной Азии в целом, то произошло это прежде всего потому, что Внутреннее море было японским Средиземноморьем, небольшим и очень оживленным. Вообразите-ка себе простирающееся от Лиона до Парижа внутреннее море во Франции! Конечно же, всю Японию не объяснить единственно достоинствами соленой воды. Но без таких достоинств связи и процессы этой своеобычной истории были бы почти немыслимы. Не так ли обстояло дело и вдоль всего южного побережья Китая, изрезанного устьями рек, где море захватывает куски берега, глубоко в него проникая,— от Фучжоу и Амоя до самого Кантона? Здесь путешествия, морские приключения благоприятствовали определенному роду китайского капитализма, который не мог обрести своих подлинных размеров, иначе как ускользая из контролируемого и полного ограничений Китая. Этот оживленный внешний Китай был тем самым, что даже после 1638 г. и полузакрытия Японии для внешней торговли сохранил доступ к рынку меди и серебра на Японском архипелаге, в такой же мере (и даже с большим успехом), как голландцы. Тем самым, что забирал в Маниле белый металл, доставленный галионами, приходившими из Акапулько, тем, что всегда посылал своих людей, различные свои товары, своих не знавших себе равных ремесленников и негоциантов во все районы Индонезии. Позднее неистовство европейской торговли в Китае сделает из Кантона расширяющийся во все стороны требовательный рынок, приводивший в движение всю китайскую экономику в целом, а в более высоком плане — всю ловкость его банкиров, финансистов и заимодавцев. Кохонг, группа купцов, которым правительство в Пекине доверило противостоять европейцам в Кантоне, основанный в 1720 г. и просуществовавший до 1771 г., был как бы Противоост-Индской компанией, орудием китайских обладателей огромных состояний.

Наши замечания были бы аналогичными, если бы мы занялись другими сверхактивными торговыми городами, вроде Малакки до 1510 г., года завоевания ее португальцами, или Ачеха на острове Суматра около 1600 г. [403], или Бантама — Венеции или Брюгге тропиков — перед разрушительным внедрением туда голландцев в 1683 г., или изначально торговыми городами Индии или мусульманского мира. В данном случае мы поистине оказываемся затруднены в выборе.

Итак, предположите, что мы выбрали в Индии Сурат на Камбейском заливе. Англичане устроили там свою факторию в 1609 г., голландцы — в 1616 г., французы намного позже — в 1665 г., но зато роскошную [404]. Если брать время близкое к этой последней дате, то Сурат достиг тогда полного своего расцвета. Крупные суда разгружались в аванпорте Суали в устье Тапти, небольшой прибрежной речки, поднимающейся до Сурата, но доступной лишь для легких судов. В Суали имелись поселки из покрытых тростником хибарок для европейских и неевропейских судовых команд. Но большие корабли здесь почти не задерживались, по-

[403] Lombard D. *Le Sultanat d'Atjeh au temps d'Iskandar Muda (1607—1636).* 1967.
[404] Savary J. *Op. cit.*, V, col. 1217.

тому что там всегда были опасны плохие погоды; отстаиваться там во время дождливого сезона было неудобно. На месте оставались только купцы, отправлявшиеся в суратские фактории.

По словам одного француза [405], Сурат в 1672 г. равнялся по величине Лиону, и туда щедро набился миллион жителей — оценка, способная вызвать у нас скепсис. На рынке царили банкиры, купцы и комиссионеры-бания, каждый из которых с полным правом похвалялся честностью, ловкостью и богатством. «Их можно насчитать до тридцати таких, кои обладают богатством в две сотни тысяч экю, и более трети от сего числа располагают двумя-тремя миллионами». Рекордные состояния принадлежали откупщику налогов (30 млн.) и одному купцу, «каковой дает ссуды под процент купцам, маврским и европейским» (25 млн.). Сурат был тогда одним из крупных перевалочных пунктов Индийского океана между Красным морем, Ираном и Индонезией. То был порт выезда и въезда в империю Моголов, т. е. место сбора всей Индии, излюбленное место встреч арматоров и заимодавцев на условиях бодмереи. Туда стекались векселя; тот, кто садился тут на корабль, был уверен, что найдет здесь деньги, утверждает Тавернье [406]. Именно там голландцы запасались серебряными рупиями, нужными им для их торговли в Бенгале [407]. Еще один признак крупной торговли: полнейший этнический и религиозный космополитизм. Рядом с бания (занимавшими первое место как посредники) и многочисленными ремесленниками-«язычниками» в городе и его окрестностях следует поместить на равных, или почти на равных, правах мусульманскую торговую общину, деловые связи которой тоже простирались от Красного моря до Суматры и остальной Индонезии, плюс активную колонию армян. За исключением китайцев и японцев, говорит один путешественник, Готье Схаутен [408], купцы со всего мира и «купцы всех наций Индии» присутствовали здесь. «Там ведется богатейшая торговля».

Вполне очевидно, что Сурат знавал взлеты и падения. Но в 1758 г., накануне установления английского владычества над Бенгалией, англичанин Генри Гроуз был в такой же мере поражен, как и восхищен зрелищем Сурата. Правда, мимоходом он оспаривает преувеличенные слухи, приписывавшие «крупному купцу Абдугафуру... торговый оборот, который почти столь же велик, как и оборот английской Ост-Индской компании», но указывает, что этот Абдугафур тем не менее «ежегодно отправляет в море двадцать торговых судов водоизмещением от 300 до 800 тонн, нагруженных товаром самое малое на 20 тыс. фунтов стерлингов [каждое], а иные и на 25 тыс.». Он был несколько озадачен этими комиссионерами-бания, сверх всего еще и честными, которые «за полчаса... в немногих словах заключают сделку на 30 тыс. фунтов стерлингов». Однако же лавки их неказисты на вид, но «нет такого товара, который невозможно было бы там найти»; «купцы имеют обыкновение держать свои товары в других складах; в лавках же своих имеют лишь то, что потребно для продажи по образцам». Индийские ткани, в особенности некоторые с цветочным узором и некоторые с красным фоном, почти не понравились нашему англичанину, но возьмите в руки, говорит он нам, кашемировую шаль — и вы придете в восторг от ее ткани,

[405] Abbé Prévost. *Op. cit.*, VIII, p. 628.
[406] Tavernier *Op. cit.*, II, p. 21.
[407] A. N., Marine, B 7 46, 253. Доклад голландца Брамса (Braems), 1687 г.
[408] Schouten G. *Voiage... aux Indes Orientales, commencé en l'an 1658 et fini en l'an 1665*, II, p. 404—405.

«мягкой... и столь поразительно тонкой, что такую шаль можно пропустить сквозь перстень» [409].

[409] Grose J.-H. *Voyage aux Indes orientales*. 1758, p. 156, 172, 184.

Представим себе на побережьях Индии и Индонезии десятки городов, почти столь же оживленных, как Сурат, тысячи купцов, предпринимателей, перевозчиков, комиссионеров, банкиров, хозяев мануфактур. Итак, капиталистов и капитализма не было? Не решишься ответить «нет». Все характерные элементы Европы того времени налицо: капиталы, товары, комиссионеры, негоцианты, банк, орудия крупной торговли, даже ремесленный пролетариат, даже мастерские с обликом мануфактур в крупных текстильных центрах вроде Ахмадабада, даже надомная работа, организованная купцами и обеспечивавшаяся специальными комиссионерами (ее механизм хорошо описан в той или иной статье об английской торговле в Бенгалии). И даже, наконец, главное: торговля на дальние расстояния. Но, правда, такая высокоактивная торговая деятельность присутствовала лишь в некоторых пунктах и отсутствовала на огромных пространствах. Не была ли то картина Европы XIII—XIV вв.?



Купец-бания из Камбея и его жена. Акварель португальца, жившего в Гао и в Индии в XVI в. *Рим, Библиотека Касанатенсе. Фото Ф. Куиличи.*

НЕКОТОРЫЕ ДОВОДЫ И ДОГАДКИ НОРМАНА ДЖЕКОБСА

Прежде чем перейти ко второму, ранее упомянутому объяснению — политическому и социальному,— мы сделаем пространное

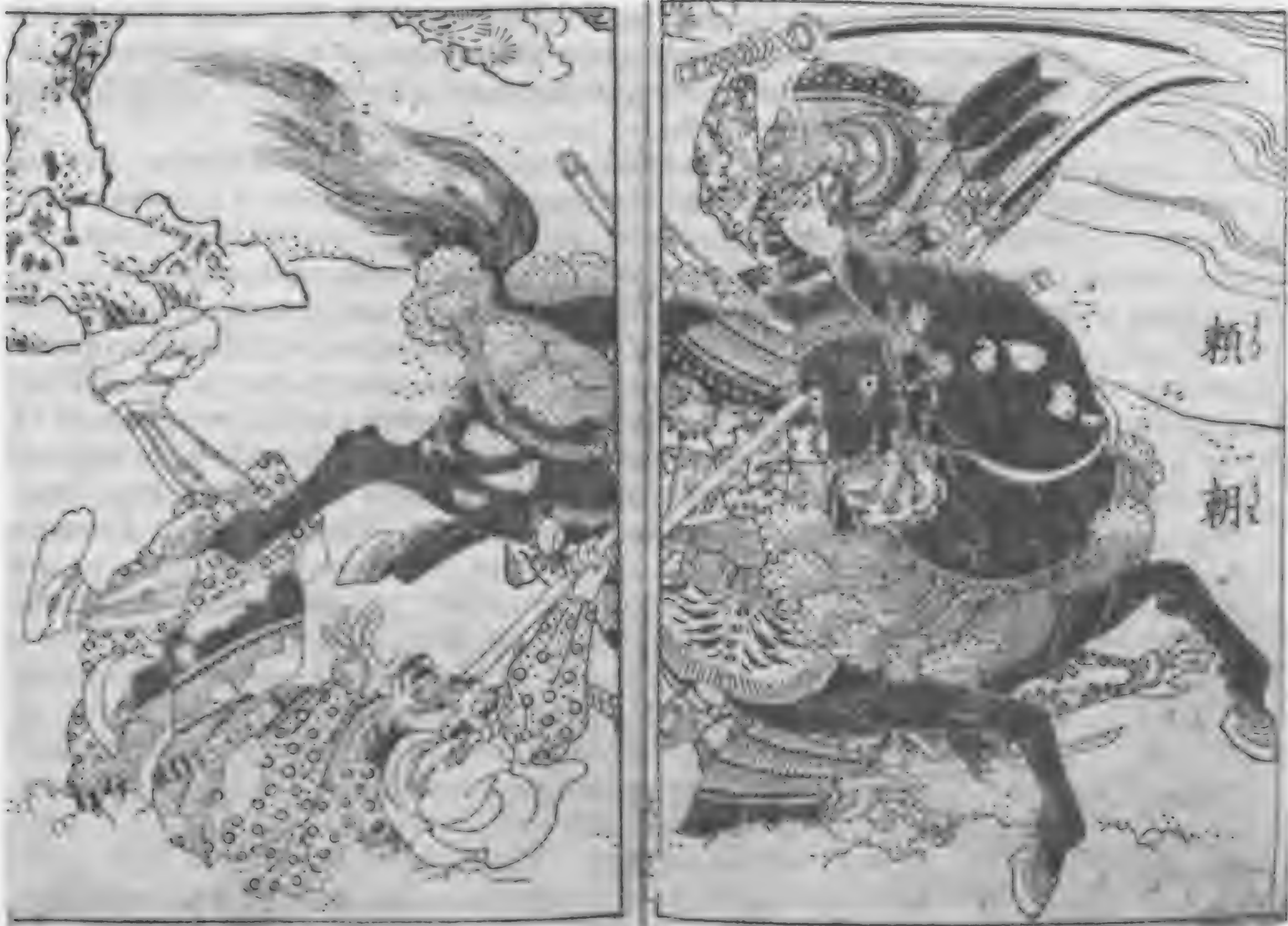
и полезное отступление, вызванное книгой Нормана Джекобса «Происхождение современного капитализма и Восточная Азия» (*“The Origin of modern capitalism and Eastern Asia”*), увидевшей свет в Гонконге в 1958 г.

Внешне цель Н. Джекобса проста. Он констатирует, что на Дальнем Востоке только Япония *сегодня* является капиталистической. Утверждать, что промышленный капитализм был там простым подражанием европейской индустриализации,— недостаточное объяснение. Ибо в таком случае почему прочие страны Дальнего Востока оказались и остаются неспособны воспроизвести модель сами? Вероятно, ответственность за такую способность или такую неспособность воспринять капитализм лежит на *старинных* структурах. Таким образом, ответ должен дать именно предкапитализм, именно прошлое должно объяснить итог процесса. С этой целью сопоставим старую Японию: 1) с Китаем, близким ей в культурном отношении, и тем не менее очень от нее отличавшимся; 2) с Европой, которая в культурном отношении была от Японии очень далека, но, быть может, имела с нею и некоторые черты сходства. И если именно облик общества, социальной организации, политического аппарата, а вовсе не культура говорит о несходстве Японии и Китая, то сходство Японии с Европой обретает знаменательный смысл. Нам представляется возможность сразу же получить достаточно новое освещение и капитализма вообще, и его социальных истоков.

На самом деле книга Н. Джекобса грешит тем, что предполагает заранее известными главные черты европейского предкапитализма. Затем она ограничивается тщательным, шаг за шагом, сравнением Китая и Японии, допуская, что случай Китая, не будучи случаем развития капитализма, с необходимыми поправками приложим и к Индии (что, конечно же, спорно). Точно так же не упоминается и ислам, что определенно представляет серьезную лакуну. Но самое большое неудобство сведения к двум противоположным категориям, которое нам предлагают,— это, вне сомнения, чрезмерное подчеркивание контрастов между Китаем и Японией. Мы приходим к диптиху: то, что черно с одной стороны, оказывается белым с другой, с резкими переходами от света к тьме, как на картине Жоржа де Латура *. Отсюда возникает риск произвольных упрощений. Тем не менее за этим сопоставлением интересно и поучительно проследить от начала до конца.

* Латур, Жорж де (1593—1652) — французский живописец, один из крупнейших мастеров светотени.— *Прим. перев.*

Н. Джекобс без колебания положил на чаши весов *все* прошлое Китая и Японии. Это я одобряю, будучи к тому же весьма пристрастным судьей: разве не то же самое делал я, когда речь шла о Европе, зачастую восходя к самому повороту XI в., а то и ранее этого решающего поворотного момента? В труде Джекобса аналогичные правила прилагаются к обсуждению как какого-нибудь решения правителей Ханьской династии (III в. до н. э.) об индивидуальной земельной собственности в Китае или японских указов VII в., освобождавших от обложения земли, уступленные определенным социальным категориям — первооснову японского феодализма,— так и многозначительных подробностей эпохи Асикага (1368—1573 гг.), тех деталей, которые уже предвещали морскую ориентацию Японии и бурный расцвет ее пиратства на всех морях Дальнего Востока. А одновременно предвещали и



Прекрасная лубочная картинка: блудный сын Ёритомо (1147—1199) в возрасте 13 лет убивает напавших на него грабителей. Цукёга-Ногин-сай-масанобу. *Жизнеописания знаменитых людей..*, 1759. *Национальная библиотека (Est.* DD [161]). *Фото Жиродона.*

успехи экономики, добивавшейся *своей*, или, вернее, *своих* вольностей, понимая под вольностями нечто сопоставимое с вольностями средневековой Европы, т. е. привилегий и препон на пути деятельности других. Следовательно, Норман Джекобс имплицитно и эксплицитно сводит предпосылки капитализма к многовековой эволюции длительной временной протяженности и предоставляет решение поставленной проблемы накоплению исторических доказательств. Со стороны социолога это означает проявить довольно редкое доверие к истории.

Следовательно, он будет касаться разных *функциональных* видов деятельности обществ, экономик, правительственной политики, религиозных организаций на протяжении многих столетий. Рассмотрено будет все: обмены, собственность, политическая власть, разделение труда, социальная стратификация и мобильность, родственные отношения, системы наследования, место религии в жизни общества; и проблема всякий раз будет заключаться в том, чтобы проверить, что же в своей неизменности более всего схоже с европейским прошлым и, значит, оказывалось в принципе носителем капиталистического будущего. Результатом стала оригинальная и пространная книга, которую мы резюмируем немного на свой лад, добавляя попутно наши читательские замечания и наши толкования.

В Китае на пути стояли государство, сплоченность его бюрократии, долговечность этого государства, добавлю я, которое, конечно, через долгие промежутки рушилось, но всегда возрождалось таким же, равным самому себе: централизующим, в не

меньшей мере морализирующим, действующим в духе конфуцианской морали, морали, которая часто пересматривалась, но в целом оставалась верна основополагающим принципам, ставившим культуру, идеологию и традицию на службу государству и само государство, т. е. мандаринов всех рангов,— на службу общему благу. Общественные работы, обвалование рек, строительство дорог, каналов, обеспечение безопасности и управления в городах, борьба на границах против внешней угрозы — все это было в компетенции государства. Так же как и борьба с голодом, что означало одновременно защиту и обеспечение сельскохозяйственного производства, основы всей экономики. Это означало выдачу при случае денежных ссуд крестьянам, производителям шелка, предпринимателям; наполнение государственных зернохранилищ, чтобы создать запасы на случай беды; наконец, признание только за государством права облагать податями подданных, что было оборотной стороной такого вездесущего участия государства. Конечно, если бы император утратил высокоморальный облик, небо покинуло бы его; государь утратил бы всякий авторитет. Но в обычных условиях его власть была полной и неограниченной, теоретически он был наделен любыми правами. Индивидуальная земельная собственность восходит к Ханьской эпохе, это верно, но государство оставалось в принципе хозяином земли. Крестьян и даже крупных земельных собственников могли авторитарным решением переселить с одного края империи на другой, опять-таки во имя общего блага и потребностей сельскохозяйственной колонизации. Точно так же государство, будучи великим предпринимателем, оставляло за собой право на все крестьянские трудовые повинности. Верно, что земельная аристократия уселась крестьянам на шею и отчуждала их труд, но делала она это без какого бы то ни было законного права и только в той мере, в какой брала на себя функции государства, особенно взимание в его пользу налога в деревнях, не подчиненных непосредственному надзору какого-нибудь чиновника. Следовательно, дворянство само зависело от благоволения государства.

Так же обстояло дело с негоциантами или с владельцами мануфактур, которых всевидящая администрация всегда могла призвать к порядку, держать в руках и ограничивать в их деятельности. В портах местные мандарины контролировали корабли по прибытии и при отплытии. Некоторые историки полагают даже, что широкомасштабные морские предприятия начала XV в. были будто бы для государства способом контролировать доходы частной внешней торговли. Это возможно, но не наверняка. Подобным же образом находились под надзором города, опутанные [полицейскими] сетями, разделенные на кварталы, на отдельные улицы, которые каждый вечер перекрывались рогатками. В таких условиях ни купцы, ни ростовщики, ни менялы, ни владельцы мануфактур, которых государство порой субсидировало, чтобы побудить действовать тем или иным образом, не занимали в городах выигрышного положения. Государство было вправе карать и облагать налогом, кого пожелает, во имя общего блага, осуждавшего чрезмерное богатство индивидов как безнравственное неравенство и несправедливость. Преступивший норму, будучи снова

приведен к ней, не мог жаловаться: удар ему наносила именно общественная мораль. Только чиновник, мандарин или лицо, которому покровительствовали эти всемогущие чины, были исключением из правила, но привилегии их никогда не бывали гарантированы. Я не хочу преувеличивать значение отдельного случая, но Хэ Шень, любимый министр императора Цяньлуна, после смерти последнего в 1799 г. был его преемником казнен, а богатство его конфисковано. То был человек жадный, развращенный и ненавидимый, но самое главное — он владел слишком многим: коллекцией картин старых художников, несколькими ссудными кассами, предоставлявшими деньги под залог, огромным запасом золота и драгоценных камней; короче говоря, он был слишком богат, а в довершение своих пороков более не состоял при должности.

У государства были и другие прерогативы: неограниченное право чеканить плохую монету (тяжелые *caixas* из сплава меди и свинца), зачастую фальшивую (она тем не менее находилась в обращении), которая обесценивалась, когда легенда на ней стиралась или бывала стерта; неограниченное право выпуска также и бумажных денег, держатели которых не всегда были уверены в том, что деньги эти когда-нибудь будут им возмещены звонкой монетой. Купцы, многочисленные ростовщики, банкиры-менялы, часто зарабатывавшие себе на скудную жизнь сбором повинностей, подлежавших уплате государству, жили в страхе быть подвергнутыми конфискации при первом же признаке богатства или оказаться жертвой доноса соперника, желавшего обратить против них уравнивающую мощь государства.

В подобной системе накопление было возможно только для государства и для государственного аппарата. В конечном счете Китай будет жить при своего рода «тоталитарном» режиме (если отказаться от того одиозного оттенка, который это слово в недавнем прошлом приобрело). И в определенном смысле пример Китая подкрепляет наше упорное стремление решительно различать *экономику* и *капитализм*. Ибо (в противоположность тому, во что желает верить Джекобс, исходя из априорного довода: нет капитализма — нет и рыночной экономики) Китай обладал солидной рыночной экономикой, которую мы неоднократно описывали, с цепочками локальных рынков, с кишевшими в ней небольшими «народцами» странствующих ремесленников и торговцев, со множеством городских лавок и мест деловых встреч. Следовательно, на базовом уровне были оживленные и хорошо питаемые обмены, поддерживаемые правительством, для которого главным были успехи земледелия. Но *выше* присутствовали вездесущая опека государственного аппарата и его открытая враждебность к любому индивиду, аномально обогатившемуся. Так что ближние к городам земли (в Европе бывшие источником значительных доходов и рент для горожан, покупавших эти земли за высокую цену) в Китае облагались тяжким налогом, дабы компенсировать преимущество, которое в сравнении с более отдаленными полями давала им близость городских рынков. Так что капитализма не было, разве что внутри определенных четко очерченных групп, поддерживаемых государством, бывших под его надзором и всегда более или менее зависевших от его произвола,

вроде торговцев солью в XIII в. или кантонского Кохонга. Во времена Минов можно говорить самое большее о некой буржуазии. И о своего рода колониальном капитализме, сохранившемся вплоть до наших дней, среди китайских эмигрантов, в особенности в Индонезии.

Не преувеличивая объяснения Н. Джекобса, заметим, что в Японии жребий в пользу капиталистического будущего был брошен в эпоху Асикага (1368—1573 гг.) с утверждением экономических и социальных сил, независимых от государства (идет ли речь о ремесленных корпорациях, о торговле на дальние расстояния, о вольных городах, об объединявшихся в группы купцах, которые часто никому не были обязаны отчетом). Первые признаки такого относительного отсутствия государственной власти проявились даже еще раньше, с того времени, как утвердилась прочная феодальная система. Но эта начальная дата сама представляет проблему: сказать, что феодальная система, легко поддающаяся определению, возникла в 1270 г., значит быть слишком точным в такой области, где точность рискует оказаться обманчивой, и оставить в тени предварительные условия такого зарождения, образование за счет императорского домена крупной индивидуальной земельной собственности, которая еще до того, как стать наследственной по закону, поведет к набору войск для своего увековечения и для защиты своей автономии. Все это привело к фактическому образованию в более или менее длительные сроки могущественных, практически независимых княжеств, защищавших свои города, своих купцов, свои ремесла, свои частные интересы.

Тем, что, может быть, спасло Китай от феодального режима в минскую эпоху (1368—1644 гг.) и даже позже, невзирая на катастрофу маньчжурского завоевания (1644—1680 гг.), было постоянное наличие большой людской массы, которая предполагала преемственность, возможность возврата к равновесию. В самом деле, я склонен полагать у истоков феодальной системы некую «нулевую» ситуацию и слабую заселенность, результат то ли стихийных бедствий, то ли катастроф, то ли сильного обезлюдения, но в случае надобности в такой же мере и исходную точку в освоении относительно новой области. Первоначально Япония была архипелагом, на три четверти незаселенным. По словам Мишеля Вие [410], «определяющим фактом [было ее] отставание от континента», от Кореи и особенно — от Китая. Япония в те далекие века гналась за отблеском китайской цивилизации, но ей не хватало плотности населения. Цепь нескончаемых войн, войн диких, в которых небольшим группам людей с трудом удавалось подчинить себе противника или противников, обрекала ее на хроническую слаборазвитость, и архипелаг оставался разделен на автономные единицы, объединение которых силой трудно было сохранить и которые при первой возможности возвращались к своему свободному существованию. Образованные таким образом японские общества были хаотичными, разношерстными, разобщенными. Хотя наряду с их раздробленностью существовала власть *тенно* (императора, чья резиденция находилась в Киото), скорее теоретическая и сакральная, нежели светская, а также насильственная и оспаривавшаяся власть сёгуна, своего

[410] Vié M. *Histoire du Japon des origines à Meiji*. 1969, p. 6.

рода мажордома меровингской эпохи, опиравшаяся на последовательно сменявшие одна другую более или менее долговечные столицы. В конечном счете именно сёгунат создаст правительство-*бакуфу* и распространит его власть на всю Японию в правление Иэясу, основателя династии сёгунов Токугава (1601—1868 гг.), которая будет править до самой революции Мэйдзи.

Несколько упрощая, можно сказать, что вместе с анархией, что напоминала анархию европейского средневековья, на разнообразной японской сцене на протяжении столетий ее медленного формирования все вырастало разом: центральное правительство, феодалы, города, крестьяне, ремесленники, купцы. Японское общество ощетинивалось вольностями, аналогичными тем, какие были в средневековой Европе, вольностями, которые в такой же мере были привилегиями, которыми можно было оградить себя, защититься, благодаря которым можно было выжить. И ничто не бывало улажено раз и навсегда, ничто не принимало односторонних решений. Было ли и в этом нечто от плюрализма «феодальных» обществ Европы, который порождал конфликты и движение? При Токугава, пришедших в конечном счете к власти, следует вообразить себе равновесие, которое без конца надо было восстанавливать, равновесие, элементы которого обязаны были приспосабливаться одни к другим, а не тоталитарно организованный порядок на китайский манер. Победа Токугава, которую историки склонны преувеличивать, могла быть только полупобедой, реальной, но неполной, как и победа европейских монархий.

Конечно, эта победа была победой пехотинцев и огнестрельного оружия, пришедшего из Европы (главным образом аркебуз, так как японская артиллерия больше производила шума, чем наносила ущерба). Немного раньше или немного позже *даймё* пришлось уступить, принять власть ловкого правительства, опиравшегося на солидную армию, располагавшего большими дорогами с организованными подставами, облегчавшими надзор и эффективное вмешательство. Им пришлось смириться с необходимостью проводить каждый второй год в Эдо (Токио), новой, удаленной от центра страны столице сёгуна, находясь там под своего рода домашним арестом. То была обязанность *санкин*. Когда князья возвращались в свои владения, они оставляли в качестве заложников жен и детей. В Эдо жил также, как заложник, и родственник тенно. При сравнении позолоченное рабство французского дворянства в Лувре и Версале покажется небывалой свободой. Следовательно, соотношение сил изменилось в пользу сёгуна. Тем не менее напряженность была очевидной и насилие оставалось в порядке дня. Вот в качестве примера инсценировка, которую сёгун Иэмицу (бывший в 1632 г., когда он наследовал своему отцу, совсем молодым человеком) счел необходимым устроить, дабы убедить всех и каждого в своей суверенной власти. Он созвал *даймё*. Когда князья прибыли во дворец и, как обычно, встретились в последней из передних, они оказались одни. Они ждут; они страдают от сильного холода, никакой еды им не предлагают; тишина, наступает ночь. Вдруг ширмы раздвигаются, и при свете факелов появляется сёгун. И говорит он как хозяин: «Всех *даймё*, и даже самых крупных,

я намерен трактовать как своих подданных. Если среди вас есть кто-то, кому такая покорность не нравится, пусть такие уезжают, возвращаются в свои владения и готовятся к войне. Спор между мною и ими решит оружие» [411]. Это был тот самый сёгун, который в 1635 г. учредил *санкин*, а немного спустя закрыл Японию для иностранной торговли, за исключением нескольких голландских кораблей и нескольких китайских джонок. То был способ держать в руках купцов, как он держал дворянство.

[411] De La Mazelière. *Histoire du Japon*. 1907, III, p. 202—203.

[412] Elisseeff D., Elisseeff V. *La Civilisation japonaise*. 1974, p. 118.

Следовательно, феодальные сеньеры были укрощены, но их фьефы остались нетронутыми. Сёгун проводил конфискации, но осуществлял и перераспределение фьефов. И таким образом феодальные семейства будут размножаться вплоть до нашей эпохи — прекрасный тест на долговечность. Впрочем, все благоприятствовало долговечности феодальных родов, особенно — право старшинства, тогда как в Китае наследство родителей делилось между всеми детьми мужского пола. В тени этих могущественных фамилий (из которых иные победоносно минуют рубеж промышленного капитализма) долгое время сохранялась клиентела мелких дворян, *самураев*, которые тоже сыграют свою роль в промышленной революции, что последует за революцией Мэйдзи.

Но самое важное, с нашей точки зрения,— это позднее, но быстро сделавшееся весьма эффективным становление свободных рынков, вольных городов, первым из которых стал в 1573 г. порт Сакаи. Могущественные ремесленные корпорации от города к городу расширяли сеть своих связей и своих монополий, а купеческие товарищества, организованные как ремесленные корпорации (они существовали с конца XVII в., а официально были признаны в 1721 г.),то тут, то там принимали вид привилегированных торговых компаний, аналогичных таким компаниям на Западе. Наконец, последняя яркая черта: утвердились купеческие династии, которые, несмотря на те или иные катастрофы, просуществовали (превысив все сроки, установленные Анри Пиренном) очень долго, иногда столетия: Коноике, Сумитомо, Мицуи. Основатель этой последней группы, сверхмощной *еще сегодня*, был «фабрикантом саке, обосновавшимся в 1620 г. в провинции Исе», сыну которого предстояло стать в 1690 г. в Эдо (Токио) «финансовым агентом одновременно и сёгуна и императорского дома» [412].

Итак, купцы, которые сохраняли свои предприятия длительное время, которые эксплуатировали *даймё*, *бакуфу*, даже императора; купцы опытные, которые очень рано сумеют извлекать выгоду из манипуляций с деньгами — деньгами приумножающими, необходимым инструментом современного накопления. Когда правительство догадается манипулировать монетой к собственной выгоде, обесценив ее в конце XVII в., оно встретит столь сильное противодействие, что несколько лет спустя даст задний ход. И всякий раз купцы будут выходить сухими из воды за счет остального населения.

Однако же общество не поощряло купцов систематически; оно не наделяло их никаким социальным престижем, напротив. Первый японский экономист Кумадзава Банзан (1619—1691)

[413] Jacobs N. *The Origin of modern capitalism and Eastern Asia*. 1958, p. 65.

[414] Takekoshi Y. *The Economic aspects of the political history of Japan*. 1930, I, p. 226.

[415] Jacobs N. *Op. cit.*, p. 37.

вовсе их не жаловал и, что весьма показательно, выдвигал на первый план идеал китайского общества [413]. Ранний японский капитализм, по всей очевидности эндогенный, автохтонный, тем не менее рос сам по себе. Через закупку риса, который им поставляли либо *даймё*, либо слуги *даймё*, купцы оказывались в самой центральной точке японской экономики, на той решающей линии, где рис (древняя монета) по-настоящему обращался в деньги. Но *цена* риса зависела от урожая, это безусловно, но равным образом и от купцов, которые таким образом захватили в свои руки распоряжение важнейшей частью прибавочного продукта. Они также были хозяевами главной оси, протянувшейся между Осакой, центром производства, и Эдо, центром потребления, огромной столицей-паразитом с более чем миллионом жителей. Наконец, они были посредниками между полюсом серебра (Осака) и полюсом золота (Эдо); оба этих металла играли один против другого, возвышаясь над старинным обращением медной монеты, упорядоченным в 1636 г., медной монеты, бывшей монетой бедняков на первом этаже обменов. К этому тройному потоку монеты добавлялись векселя, чеки, кредитные билеты — ценные бумаги настоящей фондовой биржи. И наконец, из безбрежного традиционного ремесла появились мануфактуры. Таким образом, все сливалось в движении к раннему капитализму, который не вырастал ни из подражания загранице, ни из какого бы то ни было религиозного окружения; роль купцов зачастую заключалась в том, чтобы устранять конкуренцию, поначалу весьма оживленную, буддийских монастырей, которую, впрочем, старался уничтожить и сам сёгунат.

Короче говоря, все родилось в первую очередь из натиска рыночной экономики, древней, оживленной, разраставшейся: рынков, ярмарок, плаваний, обменов (даже если то бывал лишь сбыт рыбы внутри страны). Затем из торговли на дальние расстояния, тоже рано развившейся, в особенности торговли с Китаем, приносившей фантастические прибыли (1100% при первых плаваниях XV в.) [414]. К тому же в 70-х годах XVI в. купцы были очень щедры на деньги для сёгуна, надеясь тогда на завоевание Филиппин. К их несчастью, внешняя торговля — этот необходимый и решающий составной элемент капиталистической надстройки — вскоре будет у Японии отнята. После закрытия [страны] в 1638 г. иностранная торговля была жестко ограничена, если только не упразднена сёгунатом. Историки утверждают, будто контрабанда несколько смягчила последствия этой меры, в особенности поток контрабанды, шедший с самого южного острова — Кюсю, через так называемый остров Молчания в Корею. Это слишком сильно сказано, даже если имеются доказательства активной контрабанды, которую среди прочих вели купцы из Нагасаки или владетель Сацумы, сеньер из могущественного рода Симадзу, имевший в 1691 г. корреспондентов в Китае для лучшей организации своих противозаконных торговых операций [415]. Нельзя также отрицать, что стеснения и ограничения, навязываемые на протяжении более двух столетий, с 1638 по 1868 г., задержали экономический расцвет, который можно было бы предвидеть.

Впоследствии Япония очень быстро ликвидировала свое отставание. И произошло это по нескольким причинам, часть из которых была конъюнктурного порядка. Но прежде всего, вне сомнения, потому, что в своем индустриальном подъеме, воспроизводившем опыт Запада, она отталкивалась от старинного торгового капитализма, который сумела уже давно с немалым терпением построить сама. Долгое время «пшеница росла под снегом». Я заимствую этот образ из старой (1930 г.) книги Такекоси [416], который тоже находил невероятное сходство в экономическом и социальном плане между Европой и Японией, развивавшимися каждая самостоятельно, аналогичным образом, хоть достигнутые результаты и не были абсолютно одинаковыми.

[416] Takekoshi Y. *Op. cit.*, I, p. 229.

ПОЛИТИКА, И ЕЩЕ БОЛЕЕ ОБЩЕСТВО

Закончим это долгое отступление и возвратимся к проблеме в целом. Сейчас мы вступим на почву темы хорошо знакомой, банальной, возбуждающей страсти. Говоря в категориях марксистских, феодализм будто бы подготавливал дорогу для капитализма — тезис, на котором Маркс, как известно, не слишком задерживался в своем анализе. А Джекобс со своей стороны касается его только для того, чтобы, во-первых, отрицать, что феодализм был для капитализма необходимой предварительной стадией, а во-вторых, высказать такую идею:«В историческом плане ... элементы, которые должны были способствовать развитию капитализма», в «определенных ценностях, касавшихся прав и привилегий, установленных во времена феодализма *с иными целями*», нашли благоприятный климат для «институционализации собственных своих позиций». Вот как лично я рассматривал бы дело. *За исключением городов, рано ставших развиваться самостоятельным путем*, городов независимых, таких, как Венеция, или Генуя, или Аугсбург, где вышедший из купечества патрициат занимал верхний «этаж» общества, высокопоставленные купеческие семейства на Западе или в Японии, когда их продвижению вперед способствовали современный характер экономики и государства, были лишь на вторых ролях. Они натыкались на некий предел подобно растению, встретившему на своем пути стену. Если преграда оказывает сопротивление, побеги и корни разрастаются вдоль стены, до самого ее гребня. Такова была судьба буржуазных слоев. В тот день, когда преграда бывала преодолена, для победившего семейства наступало изменение статуса. Я писал в другой книге, что буржуазия в таких случаях предавала. Это было слишком сильно сказано. В действительности она никогда не предавала вся целиком; она перестраивалась, борясь с препятствием.

Такие придерживаемые, обставленные препонами и рвавшиеся к свету, к социальному успеху семейства оказывались осужденными, пока держалась преграда, на бережливость, на расчетливость, благоразумие, на добродетели, связанные с накоплением. Более того, коль скоро находившееся над ними

дворянство было расточительным, кичливым и экономически хилым, все, что это дворянство покидало или позволяло взять, захватывалось соседствующим классом. В качестве примера беглого, но убедительного взгляните на ростовщическую деятельность, вернее, на ростовщическую политику французского семейства Сегье. Уже в XVI в. состояния буржуазии и дворянства мантии, этой второй буржуазии, возрастали не только за счет покупки должностей, земель, недвижимости, пенсий, получаемых от короля, или постоянно накапливаемых приданых, или разумного ведения хозяйства отцами семейств. Это достигалось и за счет ряда услуг (ростовщических и прочих, но главным образом ростовщических) сильным мира сего. Президент [Парижского парламента] Пьер Сегье (1504—1580) принимал депозиты, давал ссуды, принимал и возвращал залоги, получал проценты. Он заключал прибыльные сделки с Марией д'Альбре, герцогиней Неверской: при оплате счетов она однажды продала Сегье «сеньерию Сорель, возле Дрё, за 9 тыс. экю, из которых получила только 3600, остальные же пошли на оплату долга» [417]. И это было лишь одно дело среди многих. Точно так же президент выступал в роли ростовщика в отношении членов дома Монморанси, которые, пожалуй, удачно от него отобьются, и разных представителей семейства Силли. В результате этих сделок упоминаются как принадлежащие Пьеру Сегье «рощи строевого леса» близ Мелёна, ферма в Эскюри около Оно и так далее [418]. Здесь были налицо паразитизм, эксплуатация, пожирание слабых. Высший класс, долго созревавший плод земельных богатств и традиционной власти, оказался излюбленной пищей, поглощаемой с некоторым риском, но и с немалыми выгодами. Прогресс этот был таким же в Японии, где осакский купец извлекал прибыль из несчастий и расточительства *даймё*. Там, говоря словами Маркса, имела место централизация в ущерб одному классу и к выгоде другого. Господствующий класс в тот или иной момент становился добычей следовавшего за ним другого, подобно тому как эвпатриды * в Афинах и в иных местах были пожраны городами, полисами. Конечно же, если этот класс имеет силы, чтобы защищаться и бороться, то восхождение других к богатству и власти будет трудным, а моментами и невозможным. Такая конъюнктура существовала даже в Европе. Но как бы то ни было, социальной мобильности было недостаточно. В общем для того, чтобы один класс мог быть поглощен другим классом, эффективно, т.е. на долгий срок, постоянно, требовалось еще, чтобы и тот и другой имели возможность накоплять и передавать накопленное из поколения в поколение, наращивая его, как снежный ком.

В Китае бюрократическое общество перекрывало китайское общество единым практически неразрывным высшим слоем, который в случае необходимости восстанавливался как бы сам собой. Никакая группа, никакой класс не могли приблизиться к громадному престижу получавших специальное образование мандаринов. Эти представители порядка и общественной морали не все были совершенством. Многие мандарины, в особенности в портах, вкладывали деньги в дела купцов, которые охотно

[417] Richet D. *Une Famille de robe à Paris du XVI^e au XVII^e siècle, les Séguier*, p. 52 (машинописный текст диссертации).

[418] *Ibid.*, p. 54. См. целую серию примеров в книге Жоржа Юппера: Huppert G. *Les Bourgeois gentilshommes*, ch. V.

* Эвпатриды — родовая землевладельческая аристократия в Древней Греции, главным образом в Афинах.— *Прим. перев.*

покупали их благосклонность. Так, записки европейского путешественника в Кантоне показывают нам местных мандаринов погруженными как бы в естественную коррупцию, обогащающимися без зазрения совести. Но какой смысл в накоплении богатства, если оно принадлежит лишь одному человеку? В прижизненном накоплении, в общем вытекавшем из должности, которая была плодом высшего образования и конкурса, открытого для пополнения рядов мандаринов скорее демократическим путем? [419] Престиж мандаринов нередко толкал зажиточные купеческие семьи на то, чтобы продвигать своих сыновей на эти блестящие и возбуждавшие зависть посты — то был их способ предавать. Но сын мандарина не часто становился мандарином же. Семейное восхождение рисковало прерваться в единый миг. Ни богатство, ни могущество мандаринов не закреплялось без помех в потомстве господствующих семейств.

Во всех мусульманских странах ситуация была отличной в том, что касалось ее корней, но результаты любопытным образом оказались теми же. Отличие в положении: высший класс не то чтобы без конца менялся, это его без конца изменяли. Османский султан в Стамбуле представлял типичный пример этого: он менял высшее общество поминутно, как рубашки. Вспомните о рекрутировании янычар из христианских детей. Османский феодализм, о котором часто говорят, был лишь предфеодализмом держателей бенефициев: *тимары, сипахиники* * были пожизненными пожалованиями. Лишь в конце XVI в. начнет вырисовываться настоящий османский феодализм — в плане капиталистической бонификации земель и введения новых культур [420]. Получившая фьефы аристократия обосновалась на своих землях, особенно на Балканском полуострове, и ей удалось удержать эти земли и эти сеньерии за своими семействами на долгое время. По мнению историка Николая Тодорова [421], борьба за овладение земельной рентой якобы завершилась полной победой господствующего слоя, который занимал уже все высокие административные должности в государстве. Полной победой? Стоило бы приглядеться поближе. Что достоверно, так это то, что такой социальный переворот был причиной и следствием крупного исторического поворота, распадения старого, воинственного и ориентированного на завоевания военного государства, уже бывшего «больным человеком». Обычной и нормальной для мусульманской страны была картина общества, удерживаемого в руках и при случае переворачиваемого государством, раз и навсегда оторванного от кормилицы-земли. Зрелище повсюду было одно и то же, что в Иране, где ханы были пожизненными сеньерами, что в Индии Великих Моголов в пору ее наивысшего расцвета.

В самом деле, в Дели не было «великих семейств», которые бы оставались таковыми в течение нескольких поколений. Франсуа Бернье, доктор медицины университета в Монпелье и современник Кольбера, ощущавший себя чужаком в военном обществе, которое окружало Великого Могола, прекрасно дает нам почувствовать, что в этом обществе было сбившего его с толку. *Омера* и *раджи* в общем были только наемниками, пожизненными сеньерами. Великий Могол их назначал, но не

[419] Ping-Ti Ho. *Social Mobility in China.— "Comparative Studies in Society and History"*, I, 1958—1959.

* *Тимар, сипахиник* — мелкие феодальные владения, обусловленные несением военной службы.— *Прим. перев.*

[420] Braudel F. *Médit...*, II, p. 65.

[421] Todorov N. *Sur quelques aspects du passage du féodalisme au capitalisme dans les territoires balkaniques de l'Empire ottoman.— "Revue des études sud-est européennes"*, t. I, 1963, p. 108.

гарантировал наследование их детям. Конечно же, нет: он нуждался в большом войске и платил своим людям тем, что мы назвали бы бенефициями, *сипахиниками*, если пользоваться турецким выражением, имуществом, которое жалует суверен — *а ему юридически принадлежит вся земля* — и которое он заберет обратно по смерти того, кому оно было пожаловано. Следовательно, никакое дворянство не могло пустить корни в почву, которую у него постоянно отнимали. «Все земли королевства,— объяснял Бернье,— суть собственность его [Великого Могола], из сего следует, что не существует ни герцогств, ни маркизатов, ни какой бы то ни было фамилии, богатой земельными владениями, которая бы существовала за счет своих доходов и наследственных имуществ». Это означало жить при вечном *«новом курсе»*, с постоянной и автоматической передачей карт. Так что эти воины не носили фамильных имен, сравнимых с фамильными именами Запада. «Они носят лишь имена, достойные воинов: громовержец, метатель молнии, сокрушитель рядов, преданный сеньер, совершенный, ученейший и такие же прочие» [422]. Значит, не было, как на Западе, этих звучных названий по топонимам, по названиям деревень и областей. На вершине иерархии стояли только фавориты государя, авантюристы, «случайные» люди, иноземцы, люди, «вышедшие из ничтожества», даже бывшие рабы. То, что такая странная, временная, «воздушная» верхушка пирамиды рухнула с английскими завоеваниями, было нормально, потому что она зависела от могущества государя и должна была рухнуть вместе с ним. Что было менее нормальным, так это то, что английское присутствие создало из разнородных элементов знатные семейства с наследственными владениями. Англичанин, сам того не желая, привнес в Индию свои представления, свои привычки европейца. Он проецировал их вовне, и они мешали ему понимать и воспринимать всерьез ту небывалую социальную структуру, которая столь пленила Бернье. Ошибка англичан, проистекавшая из некоего смешения незнания и коррупции, заключалась в том, что они приняли *заминдаров* (которые были сборщиками налогов в деревнях, не имевших определенного владетеля) за истинных собственников, сразу же выстроили из них иерархию на западный манер, преданную новому хозяину, иерархию, семейства которой сохранились вплоть до наших дней.

Единственный класс господствовавших семейств, который знала Индия — класс купцов, хозяев мануфактур и банкиров, традиционно, от отца к сыну руководивший одновременно и экономикой, и администрацией торговых городов, будь то крупные порты или оживленный текстильный центр вроде Ахмадабада,— будет защищаться дольше и с большим успехом, используя оружие, прекрасно ему знакомое: деньги. Он коррумпирует захватчика, позволяя ему в то же время коррумпировать себя.

Послушайте, что говорил лорд Клайв [423] в своем драматическом выступлении в Палате общин 30 марта 1772 г., защищая свою честь и жизнь от выдвигавшихся против него обвинений в злоупотреблениях, которые несколько дней спустя вынудят его к самоубийству. Он приводит пример молодого англичанина,

[422] Bernier F. *Voyages... contenant la description des États du Grand Mogol.* 1699, I, p. 286—287.

[423] Речь в Палате общин лорда Клайва. Приводимые здесь извлечения даны по французскому переводу, хранящемуся в Краковском архиве в фонде Чарторыских.



Могольский император Акбар (1542—1605) идет на войну.
Фото Национальной библиотеки.
Кабинет эстампов.

приезжающего в Бенгалию писарем (мы бы сказали: мелким чиновником бюрократического аппарата): «Один из таких новичков прогуливается пешком по улицам Калькутты, ибо доходы его не позволяют ему ездить в экипаже. Но он видит писарей, из коих иные ненамного старше его в службе,— так вот, говорю я, он видит таких писарей разъезжающими в великолепных экипажах, запряженных превосходными лошадьми в роскошной сбруе, или со всеми удобствами передвигающимися в паланкине. Наш новичок приходит на квартиру и рассказывает *бенджаму* [бания], у коего он живет, какой вид имеет сослуживец. «А что тебе мешает сравняться с ним в великолепии? — говорит бания.— У меня довольно денег, тебе нужно только взять их, и даже нет необходимости, чтобы ты утруждал себя просьбами». Молодой человек заглатывает приманку; и вот у него есть свои лошади, своя карета, свой паланкин, свой гарем; и в стремлении составить себе состояние он растрачивает три. Но как же тем временем возмещает свои затраты *бенджам*? Под прикрытием авторитета господина писаря, который все время растет по службе и быстрыми шагами продвигается к тому, чтобы занять место в Совете, равным же образом растет и *бенджам* и совершает множество беззаконий с полной безнаказанностью; и такая практика столь распространена, что обеспечивает *бенджаму* совершенную безопасность. Могу заверить вас, что вовсе не уроженцы Великобритании суть непосредственные притеснители; но именно индийцы, прикрывающиеся их авторитетом и посредством долговых обязательств добивающиеся для себя изъятия из какой бы то ни было субординации... Удивительно ли, что люди поддаются различным соблазнам, коим они подвержены?.. К вам является индиец, он показывает вам мешок с серебром. И просит его принять как презент. Ежели добродетель ваша устояла против такого соблазна, он является на следующий день с тем же мешком, но наполненным золотом. Ежели вашего стоицизма достанет и на это, он приходит в третий раз, и мешок полон алмазов. Если вы, боясь разоблачения, откажетесь даже от этого предложения, индиец развернет свои тюки с товарами — ловушку, в какую человек, занимающийся торговлей, не может не попасть. Чиновник берет эти товары по дешевке и отправляет их на какой-нибудь отдаленный рынок [отметьте мимоходом эту дань уважения торговле на дальние расстояния], где зарабатывает 300% прибыли. Вот и спущен с цепи новый грабитель общества». Эта речь — я цитирую ее по французскому переводу того времени, который нахожу весьма красочным,— индивидуальная защитительная речь, но нарисованный образ не страдает неточностью. Индийский капитализм, старинный, живучий, отбивался от «подчиненности» новому господину, прорываясь из-под новой кожи английского господства.

Все эти примеры, хотя они и слишком схематизированы и рассмотрены чересчур бегло,— разве не намечают они общее объяснение, рискующее оказаться довольно верным, в той мере, в какой эти разные случаи перекликаются и, перекликаясь, предлагают нам удовлетворяющую нас проблематику? У Европы было по меньшей мере двойное высшее общество, которое, несмотря на превратности истории, смогло выстроить свои

генеалогические цепочки без непреодолимых затруднений, не имея против себя ни тирании тотальной, ни тирании склонного к произволу государя. Таким образом Европа благоприятствовала терпеливому накоплению богатств и развитию в диверсифицированном обществе многочисленных сил и иерархий, соперничество которых могло развертываться в очень разных направлениях. Что же касается европейского капитализма, то социальный порядок, основанный на мощи экономики, несомненно, извлек выгоду из своего положения на втором плане: по контрасту с социальным порядком, основанным на одной только привилегии рождения, он заставил воспринимать себя как порядок, отмеченный умеренностью, благоразумием, трудом, как порядок, в некоторой степени оправданный. Политически господствовавший класс притягивал к себе внимание, как высокие деревья притягивают молнию. Таким образом, привилегия сеньера не раз заставляла забывать о привилегии купца.

И ЧТОБЫ ЗАКОНЧИТЬ...

В конце этой второй книги — «Игры обмена» — нам представляется, что процесс капиталистического развития, рассматриваемый в его совокупности, мог протекать лишь на основе определенных экономических и социальных реальностей, которые открыли или по крайности облегчили ему путь.

1. Первое очевидное условие: жизнеспособная и прогрессирующая рыночная экономика. Этому должен способствовать ряд факторов — географических, демографических, сельскохозяйственных, промышленных, торговых. Ясно, что такое развитие происходило в масштабах всего мира, население которого возрастало повсюду — в Европе и вне Европы, по всему пространству мусульманского мира, в Индии, Китае, Японии, до определенной степени — в Африке и уже везде в Америке, где Европа заново начинала свою судьбу. И повсюду наблюдалось одно и то же последовательное развитие явлений, одна и та же созидающая эволюция: города-крепости, города-монастыри, города административные, города на скрещениях дорог, по которым шла торговля, на берегах рек и морей. Такая вездесущность — доказательство того, что рыночная экономика, повсюду одна и та же, лишь с немногими нюансами, была необходимой основой любого общества, перешагнувшего определенный порог, основой спонтанной и в общем банальной. По достижении порога разрастание обменов, рынков и числа купцов происходило само собой. Но такая базовая рыночная экономика была условием *необходимым*, однако *не достаточным* для создания процесса капиталистического развития. Повторим: Китай — превосходное доказательство того, что капиталистическая надстройка не утверждается в силу самого существования, *ipso facto*, экономики с оживленным ритмом и всего, что она предполагает. Требуются и иные факторы.

2. В самом деле, требовалось еще, чтобы общество содействовало развитию капитализма, чтобы оно задолго дало зеле-

ный свет, ни на минуту, впрочем, не представляя себе, в какой процесс оно втягивается или каким процессам оно открывает дорогу на столетия вперед. Из знакомых нам примеров видно, что общество принимало предшествующие капитализму явления тогда, когда, будучи тем или иным образом иерархизовано, оно благоприятствовало долговечности генеалогических линий и того постоянного накопления, без которого ничто не стало бы возможным. Нужно было, чтобы наследства передавались, чтобы наследуемые имущества увеличивались; чтобы свободно заключались выгодные союзы; чтобы общество разделилось на группы, из которых какие-то будут господствующими или потенциально господствующими; чтобы оно было ступенчатым, где социальное возвышение было бы если и не легким, то по крайней мере возможным. Все это предполагало долгое, очень долгое предварительное вызревание. Фактически должны были вмешиваться тысячи факторов, в гораздо большей степени политических и, если так можно выразиться, «исторических», нежели специфически экономических и социальных. Дело шло именно о многовековом совокупном движении общества. Япония и Европа, каждая на свой лад, доказали это.

3. Но в конечном счете ничто не стало бы возможным без своеобразной деятельности мирового рынка, как бы освобождающей от пут. Торговля на дальние расстояния — это еще не все, но она была необходимым переходом к более высокому уровню прибыли. На всем протяжении третьей, и последней книги этого труда мы будем возвращаться к роли «миров-экономик» (*économies-mondes*), этих *замкнутых* пространств, конституировавшихся как особые миры, как самостоятельные куски планеты. Они имеют собственную историю, ибо с течением времени их границы изменялись, они росли в то самое время, когда Европа пустилась на завоевание мира. С этими «мирами-экономиками» мы приходим к иному уровню конкуренции, к иным масштабам господства. Приходим к столь часто повторяющимся закономерностям, что на сей раз мы сможем их безошибочно проследить через всю хронологическую историю Европы и мира, через всю последовательность мировых систем, которые на самом деле суть хроника всего капитализма как целого. Приходим к формулировке старой, но по-прежнему удачной и хорошо передающей то, что она должна выразить: международное разделение труда и, разумеется, вытекающие из него прибыли.

СПИСОК ГРАФИКОВ

12.— Раннее развитие колебаний цен в Англии
47.— Мадрид и его лавки предметов роскоши
96.— Лондон: деловой центр в 1748 г.
163.— Поставки в Европу американского серебра
196—197.— Балансы Франции и Англии в XVIII в.
293.— Мануфактуры и фабрики
336.— Победы мануфактуры Сен-Гобен
343.— Были ли параболами кривые промышленного производства?
344.— Производство золота в Бразилии в XVIII в.
353.— Речные перевозки по Сене по маршруту Париж — Труа — Париж, в обоих направлениях
361.— Выход из порта
366.— Капитал основной, капитал оборотный — счета семи кораблей из Сен-Мало
474.— Дворяне в Венеции
538—539.— Бюджеты следуют за конъюнктурой

СПИСОК КАРТ И СХЕМ

28.— Плотность рыночных городов в Англии и Уэльсе в 1500—1680 гг.
29.— 800 рыночных городов Англии и Уэльса в 1500—1640 гг.
30.— Рынки и ярмарки Канского фискального округа в 1725 г.
52.— Поставщики лавочника Абрахама Дента в Керби-Стивене
69.— Франция 1841 г., еще усеянная ярмарками
93.— Быстрый рост французских банков
104—105.— Образцовые рынки Китая
144.— Маршруты армянских купцов в Иране, Турции и Московской Руси в XVII в.
174.— Торговые сношения фирмы Саминиати в XVII в.
175.— Семейство Буонвизи покорило всю Европу
178.— Городское пространство: сфера влияния Нюрнберга около 1550 г.
207. Картина французского импорта в середине XVI в.
352.— Дорожное движение в департаменте Сена и Марна: 1798—1799 гг.
354.— Дорожные сборы и таможенные пошлины вдоль Соны и Роны в середине XVI в.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

11.— Венеция, мост Риальто, 1494 г.
15.— Хлебный и птичий рынки в Париже около 1670 г.
17.— Ярмарка на Темзе в 1683 г.
19.— Крытый рынок в Ле-Фауэ, в Бретани, конец XVI в.
21.— Торговка сельдью и прочие торговки рыбой на парижском Крытом рынке.
26.— Рынок Истчип в Лондоне в 1598 г.
32.— Жена фермера несет продавать на рынок живую птицу, XVI в.
34.— Торговка овощами со своим осликом, XVI в.
40.— Венгерские крестьяне несут свинью в Дебреценский коллегиум, XVIII в.
42—43. Рынок в Антверпене, конец XVI в.
50.— Лавки булочника и суконщика в Амстердаме, XVII в.
53.— Шотландская «бакалейщица» за конторкой, около 1790 г.
59.— Лавки предметов роскоши в Мадриде во второй половине XVIII в.
61.— Торговец блинами на улицах Москвы, 1794 г.
62.— Лавка аптекаря, конец XV в.
70—71.— Ежегодная ярмарка около Арнема, XVII в.
74.— Народное гулянье на ярмарке в Голландии в начале XVII в.
82.— Пакгауз в Палермо, куда флорентийский купец поместил свои товары, 1413 г.
89.— Внутренний вид Амстердамской биржи, 1668 г.
95.— Лондонская биржа, перестроенная после пожара 1666 г.
103.— Небольшой рынок в Стамбуле.
108.— Яванские барки.
113.— Индийский меняла, XVIII в.
117.— Азиатский «ярмарочный город», живущий в ритме прибытия судов.
120.— Голландская иллюстрация к рассказу о путешествии в Ост-Индию, XVI в.
122.— Римский торговец дичью в разнос.
128.— Руки купца Георга Гисце.
134.— Простой вексель бордосца Жана Пелле, 1719 г.
136—137.— Бордо: проект Королевской площади (1733 г.) Справа: современная площадь Биржи.
142.— Прием венецианского посла Доменико Тревизиано в Каире, XVI в.
149.— Лоток продовольственной лавки в Мехико, XVIII в.
154.— Брюгге, площадь Биржи.
157.— Прибытие шафрана и прочих пряностей в Нюрнберг между 1640 и 1650 гг.
162.— Советы молодому немецкому негоцианту, торгующему в чужеземной стране, XVII в.
165.— Китайская шелковая ткань эпохи Людовика XV.
180.— Сахарная мельница в Бразилии, XVII в.
184.— Генуэзский сундук для перевозки слитков серебра и серебряной монеты.
190.— Венецианская монета 1471 г.
192.— Золотая гинея Карла II выпуска 1678 г.
199.— Торжество у лорд-мэра Лондона около 1750 г.
204.— Лисабон в XVII в.
206.— Варшавские евреи во второй половине XVIII в.
216.— Традиционный рынок в Дагомее в наши дни.
225.— Торговля, XV в.
231.— Лес Тронсэ.
234.— Немецкое судно с прямым парусом и навесным рулем, XV в.

238.— Бич городской жизни — пожары, XV в.
242.— Альмосхоф: загородный дом, XVI в.
243.— Альмосхоф: перестроенный загородный дом, XVII в.
251.— Замок Рошпо в департаменте Кот-д'Ор.
258.— Виноградники Божоле.
261.— Доставка зерна в Гданьск (Данциг).
266.— Плантация в провинции Пернамбуку, XVII в.
272.— Английские негоцианты на Антильских островах, XVIII в.
279.— Прогулка втроем, XVIII в.
283.— Классический пейзаж тосканской деревни.
287.— Богатый арендатор принимает своего хозяина, XVIII в.
291.— Семейная мастерская ножовщика.
300.— Красильщики в Венеции, XVII в.
304.— Отбеливание холстов в Гарлеме, XVII в.
308.— Знамя ассоциации плотников венецианского Арсенала, XVIII в.
314.— Отдых ткача, XVII в.
319.— Рынок серебряной руды в Кутной Горе (Чехия), XV в.
321.— Гора Потоси, XVIII в.
326.— Стекольное производство, XV в.
330—331.— Мануфактура набивных тканей в Оранже, XVIII в.
333.— Набивная ткань с изображением здания мануфактуры в Жуи-ан-Жоза, XVIII в.
339.— Чесание хлопка в Венеции, XVII в.
347.— Почтово-пассажирские перевозки в Ладлоу (Шропшир), XVIII в.
357.— Пассажирская барка.
363.— Корабельная верфь в Амстердаме, XVII в.
371.— Купец-банкир, ведущий торговлю в чужих странах, XVII в.
375.— Крики Рима.
380.— Фронтиспис «Совершенного негоцианта», XVII в.
384.— Лавочка менялы, XVI в.
389.— Итальянский банк в конце XIV в.
395.— Марсельский порт в XVIII в.
399.— Управляющие голландской Ост-Индской компании, XVIII в.
407.— Аптекарь, ведущий свои счета, конец XV в.
413.— Регламент рынка скота в Хорне, XVIII в.
415.— Нюрнбергские весы, XV в.
422.— Набережная канала и кран для разгрузки судов в Гарлеме, XVII в.
425.— Девушка, взвешивающая золото, начало XVI в.
433.— Приезд сеньера в деревню, XVIII в.
436.— Рекламный листок, XVIII в.
440.— Первый известный случай продажи доли участия в Зеркальной мануфактуре, 1695 г.
446.— Корабельная верфь и пакгауз в Амстердаме, XVIII в.
451.— Зал Трибунала в резиденции «купцов-авантюристов» в Йорке.
454.— Отплытие корабля Ост-Индской компании, около 1620 г.
465.— Суд Королевской скамьи при Генрихе VI, XV в.
470.— Пышно и торжественно обставлен выход жены лорд-мэра Лондона, XVII в.
471.— Нюрнбергские патриции.
473.— Польские дворяне и купцы во время деловых переговоров в Гданьске, XVII в.
478.— Замок Бёрли-хаус в Стамфорд-Барон, XVI в.
484.— Прощание во дворе голландского загородного дома, около 1675 г.
490.— Пьер Сегье.
493.— Венеция: дамы в масках, XVIII в.
497.— Царские роскошь и развлечения при «ренессансном дворе» Англии, XVI в.
501.— Нападение крестьян на одинокого рыцаря, XV в.
505.— Городская промышленность в Лейдене: прядильные станки, XVI в.
512.— Бродяга во фламандской деревне, начало XVI в.
514.— Нидерландские нищие, XVI в.
519.— Служанки на кухне, Испания, XVIII в.
523.— Виселицы в Голландии.
526.— Сборщик налогов, конец XVI в.
530.— Якоб Фуггер и его счетовод, XVI в.

537.— **Муляж одной из скульптур особняка Жака Кёра в Бурже, середина XV в.**
543.— **Оплата срочных долговых обязательств, XVI в.**
546.— **Финансист в деревне в утреннем одеянии, XVIII в.**
553.— **Жан-Батист Кольбер.**
555.— **Выплата жалованья солдатам.**
560.— **Юный король Карл IX.**
564.— **Торговля в старинных левантинских портах.**
573.— **Капитель собора в Отёне, XII в.**
579.— **Английские и голландские парусники атакуют большой португальский корабль, XVII в.**
583.— **Портрет Луки Пачоли, XV в.**
585.— **Лавка генуэзского менялы, конец XIV в.**
588.— **Панорама Флоренции, XIV в.**
594.— **Купец-бания из Камбея и его жена, XVI в.**
596.— **Ёритомо (1147—1199).**
607.— **Император Акбар (1542—1605) идет на войну.**

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аббас Великий 143
Абдугафур (Абд ал-Гафур) 112, 593
Абель Вильгельм 217
Август I Саксонский 317
Август Гай Октавий (Гай Юлий Цезарь Октавиан) 64
Авель 282
Авенель Жорж д' 214
Аво, граф д' 408
Агрикола (Бауэр) Георг 294
Адан Поль 463
Аироли, итальянские финансисты 541
Аккариас де Серионн Ж. 101
Альба Альварес де Толедо, герцог 556
Альберти, семейство 592
Альберти Леон Баттиста 406, 408, 588—590
Альбре Мария д', герцогиня Неверская 604
Амальрик, нотариус 434
Амвросий Медиоланский 569
Андре, фабрикант 376
Аниссон 200, 456, 532
Анна, королева Англии 226, 453
Анноне 351
Антонин Флорентийский 569
Ардан Габриэль 153
Аржансон, маркиз д' 426, 556
Аристотель 569, 570
Аристуа д' 387
Арлэ 36
Арно 523
Арну Амбруаз Мари 288
Аррод, купец 372
Асикага, династия 595, 599
Ассодоробрай Нина 517
Атман Артур 205
Аурангзеб 212
Аччайоли Алессандро 40

Бадави Ахмед ал- 116
Бакстер Ричард 576
Балаж Этьенн 119
Бальбани Паоло 311
Бальди Джованни 75
Бальдовини 40
Бальтазар, рекетмейстер 552
Банзан Кумадзава 601
Барбери Джузеппе 63
Барбетт, купец 372
Барбон Николас 208, 305, 306
Барбьери Джино 306
Барди, семейство 390, 435, 484
Баркан Омер Лютфи 189
Басвиль, интендант 299
Бастиа Фредерик 228
Безар Ивонна 252
Бёйст М. Г. 381, 428
Бекман Иоганн 307
Белиарди, аббат де 404
Бенедикт XIV, папа Римский 568
Бенса, братья 131, 132
Бенса Реми 132, 379
Бёрк Эдмунд 271
Беркли Генри 498
Бернар Самюэль 541
Бернард Джон 544
Бернардин Сиенский 223, 569, 570
Бернье Франсуа 605, 606
Берр Анри 222, 460
Берри Лабарр, семейство 357
Берсе Ив-Мари 46, 499
Беттольдо 256
Бизиньяно, семейство 496
Биккеры, семейство 447
Блан Луи 228
Бланка Кастильская 249
Бланкар Пьер 135
Бленьи Никола де 39
Блок Марк 36, 249, 297, 434, 466
Бог Ингемар 500
Бодье, негоциант 472
Боккаччо Джованни 223, 406
Боксер Чарлз 455
Болонгаро, братья 340
Болотников Иван Исаевич 500
Болтс 212
Бонапарт — см. Наполеон I
Боргезе, князь 281
Борромеи, семейство 175
Борхерс, консул 204
Борэн 442
Боско Бартоломео 88
Бошер Дж. Ф. 545
Брамс Д. 109
Брийон де Жуи, купец 168
Бринкман Карл 215, 219
Бросс Шарль де 48
Брунеллески Филиппо 406
Бруннер Отто 248, 581
Брюле В., историк 364
Брюни Ж.-Б., негоциант 383
Брюни Р., негоциант 383
Брюссель, комиссар 16
Буагильбер Пьер Ле Пезан 166, 185
Буало Этьенн 13
Буатё Луи 360
Буленвилье Анри, граф де 509
Буонвизи, семейство 175, 410, 438, 573
Буонсиньори 372
Бурдон, семейство 372
Бурдон Гийом 372
Бурдьё Пьер 477
Буржен Юбер 290, 292, 294, 297
Бурке 523
Бурламакки Беньямино 158, 159
Бурламакки Никола 349
Бурсе ван дер 84
Бэкон Фрэнсис 520
Бюсбек Ожье Гислэн де 514
Бюсси (Бюсси-Кастельно) Шарль 212
Бюффон Жорж-Луи Леклерк, граф де 232
Бюш Иоганн-Георг 458

Вайс, семейство 318
Вайс Эберхард 288
Валенти, финансист 541
Валуа, династия 528, 535
Ванандеци Лука 145
Ван Дам Питер 446
Ван Диллен Я. Г. 542
Ван Клаверен Якоб 125, 423, 559
Ван Линдсхотен Ян Хёген 431
Ван Люр Якоб Корнелис 108—110, 229, 405
Ванробэ, семейство 325, 328, 332, 334
Ванробэ Йоссе 332
Ванробэ-старший 224
Ван Хаутте Ян А. 303
Варенн де Лонвуа 289
Вартема Лудовико ди 115
Васко да Гама 445
Вебер Макс 147, 273, 400, 475, 521, 557, 562, 570, 575—577, 587, 589, 590
Веллути Донато 223
Вельзер Якоб (Старший) 572
Вельзеры, семейство 176, 182, 417, 437, 483, 530
Вербёци Иштван 262
Вербрюгге 542
Верон, негоциант 472
Верон де Форбоннэ 224, 225, 273, 301
Вечеллио Чезаре 494

Виатис Бартоломео 152
Виверо Родриго 557
Видаль де Лаблаш Поль 107
Вие Мишель 599
Виктория, королева Англии 217, 444
Вилар Пьер 398, 574
Виллани Джованни 223, 292, 390, 405
Виллар, герцог де 275
Виллэ Даниэль 551
Вильгельм III 453, 507, 553
Вильгельм Оранский — см. Вильгельм III
Вильгельми, купец 364
Вильялон Кристобаль де 232
Витт Ян де 419
Вобан Себастьен Ле Претр, маркиз де 252, 298, 513
Вольпе Джоаккино 292
Вольтер Франсуа Мари Аруэ 56, 224, 411, 475, 551
Вора Вирджи 112
Воронцов Семен Романович 345, 498
Вэн Поль 229

Габсбурги, династия 472, 542
Гай Томас 556
Гайяр А. 91
Гайяр Жан Анри 92
Галанти Дж. М. 254, 285
Галиани Фернандо, аббат 160, 324, 346, 405, 458
Галилей Галилео Галилеи 58, 582
Галлуа Люсьен 107
Гальбо дю Фор Никола 267, 268
Гамма Жуан Да 149
Ганноверская династия 580
Гарданн, путешественник 524
Гарнье, негоциант 472
Гарсия Абрахам 92
Гарсия Дж. 92
Гверчино Джованни Франческо Барбьери 40
Гвиччардини Лудовико 82
Гвиччардини Корси 58
Гедан, шевалье де 87
Гейдж Томас 80
Гекстер Дж. 483
Генрих II, король Франции 208, 253
Генрих IV, король Франции 328, 393, 491, 551, 574
Генрих VII, король Англии 476, 520
Генрих VIII, король Англии 14, 476
Георг III, король Англии 473, 498
Герварт, семейство 483
Геркель С. 134
Гершенкрон Александр 154, 229
Гиберти Лоренцо 406
Гиттон Анри 170
Гламман Христоф 399
Гоббс Томас 37
Годеё 212
Гольдони Карло 278, 495
Гонзага Веспасиано 496
Горький А. М. 247, 248
Грамон, шевалье де 16
Грас Н. С. Б. 25
Греппи, семейство 397
Греппи Антонио 376
Греффюль Луи 91, 92, 99, 134, 408, 409, 443
Гречи Джованни 73
Грешэм Томас 85, 170, 193, 423
Гримальди, семейство 255, 531
Гримальди Николао 529
Гроуз Генри 593
Грох Мирослав 205, 206
Грюлль Георг 247
Гуаттари Феликс 591
Губер Пьер 345, 481
Губервиль де 38
Гудар 298
Гурвич Жорж 10, 126, 460, 464, 466, 467, 558
Гурнэ де 80
Гуру Пьер 216
Гуттен Ульрих фон 417
Гэлбрейт Дж. К. 219, 220
Гюттон Ж.-П. 516

Давенант Чарлз 453
Д'Аламбер Жан Ле Рон 307
Дампир Уильям 119
Дара Жоффруа 335
Дара Пьер 335
Датини Франческо 176, 223, 246, 327
Даунинг Джордж 191
Дебьен Габриель 267
Дегранж, негоциант 472
Деказо 455
Деламар Никола 34, 411
Делёз Жиль 591
Делиль Жерар 252
Дельпорт 245
Демаре Никола 35, 394, 532
Дент Абрахам 51—53
Депоммье 288
Дерминьи Луи 138, 185, 399
Де Смет 542
Дессер Даниэль 547, 566
Дефо Даниэль 55, 58, 60, 61, 87, 97, 163, 168, 327, 346, 378, 381, 382, 385, 393, 405, 443
Джанфильяцци, семейство 141, 173
Джекобс Норман 594—596, 598, 599
Джемелли Карери Джованни Франческо 158, 404
Дженовези Антонио 256
Джентили Пьетро 311
Джонс Ричард 222
Джустиниани, семейство 441
Диксон П. Дж. М. 531, 544
Дин Филлис 236
Дион Роже 298
Дитрих, барон 324
Добб Морис 402, 405, 581
Дожа Дьёрдь 246, 262, 500
Доза Альбер 228, 324
Дойц 542
Доль, семейство 269
Доль Марк 270
Дольфин Себастьян 129
Донат Элий 406
Допш Альфонс 480
Дориа, семейство 255, 531
Дориа Джорджо, историк 252, 255, 256
Дориа Джорджо, маркиз 256
Дориа Лаццаро 572
Дориа Паоло Маттиа 285
Дуарте Себастьян 150
Дэвис Джон 119
Дэвис Р. 367
Дюбо Жан-Батист 509
Дюгар, сын 131, 132, 139, 159, 379, 386, 387, 396
Дюпакье Жак 477
Дюплекс Жозеф-Франсуа, маркиз де 212, 541
Дюпон де Немур Пьер Самюэль 301
Дюприе Леон 160
Дюркгейм Эмиль 460
Дютан Жозеф-Мишель 352

Екатерина, королева Англии 211
Екатерина II, российская императрица 98, 196, 204, 345, 498, 542
Екатерина Медичи, королева Франции 561
Елизавета, королева Англии 22, 31, 472, 476, 498

Жан де ла Круа (Хуан Йепес) 72
Жевр, герцог де 355
Жентил да Силва Ж. 396, 424, 426
Жид Шарль 170, 228
Жилли, семейство 541
Жоржелен Жан 277
Жоффрен, мадам 337
Жоффрен, мадмуазель 337
Жуассо, барон 90
Жуффруа 290
Жювеналь дэз Юрсен Жан 524

Занд Карл 295
Зелигман Эдвин Роберт Андерсон 228
Золя Эмиль 458
Зомбарт Вернер 57, 81, 83, 147, 154, 228, 248, 293, 294, 348, 355, 398, 400, 550, 552, 557, 577, 581, 582, 584, 585, 587, 589, 590

Израэль де Жазиар 62, 63
Имхофы, семейство 483
Индиа Бернардино 40

Йеми Бэзил 584

Калонн Шарль Александр де 98, 456, 536
Кальвин Жан 577
Камбон Пьер Жозеф 227
Кампанелла Томмазо 495
Кантийон Р. 106, 157, 346
Кануас 228
Каппони 173
Караманико Франческо д'Аквино, вице-король Сицилии 285
Караффа Фабрицио, князь делла Рочелла 495
Караччиоло Доменико, вице-король Сицилии 285
Карл I, король Англии 31
Карл II, король Англии 211, 477
Карл II, король Испании 90, 200
Карл V, император, король Испании 160, 176, 417, 514, 521, 528—530
Карл V, король Франции 527
Карл VI, король Франции 527
Карл VII, король Франции 527, 528, 541
Карл VIII, король Франции 208, 253
Карл IX, король Франции 560, 561
Карл XII, король Швеции 359
Карл Великий 248, 520
Карл Лысый, король Франции 67
Карл Орлеанский 14
Карл-Эммануил I, герцог Савойский 477
Карлетти Франческо 158
Каролинги, династия 467
Карпю 523
Каррачи 63
Карре, братья 336
Каррер Клод 379
Каррильо Эрнандо де 552
Каррьер Шарль 378, 472, 475
Кассель Карл Густав 228
Кассель Робер де 417
Кастанье, семейство 541
Кастрикум Корнелис ван 134
Каттини Марко 46
Кауниц Венцель Антон, князь фон 551
Квирини Андреа 278
Кёйль Михаэль 310
Кейнс Джон, лорд Мейнард 170, 171, 235
Келленбенц Герман 138, 147, 177, 315, 475, 479, 482, 550
Кенэ Франсуа 160, 166, 224—226
Кёр Жак 377, 441, 455, 528, 541, 545
Кёрблер Клеменс 136
Кикран де Божё 239
Кинг Грегори 224, 453, 455, 473
Клавьер Этьенн 100
Клайв Роберт 212, 606
Клайнхауз, семейство 351
Клейн П. В. 421, 423
Коко Удар 489, 511
Кокс Оливер 76, 588
Колиньи, адмирал де 266
Колумб Христофор 582
Кольбер Жан-Батист 182, 231, 232, 299, 328, 329, 332, 335, 337, 369, 397, 452, 456, 483, 546, 547, 550—553, 605
Кольбер, двоюродный брат предыдущего 552
Кольменарес Диего де, историк 311
Кольсон, предприниматель 311
Коммин Филипп де 572
Кондильяк Этьенн Бонно де, аббат 158, 224
Кондорсе Мари Жан Антуан Никола Карита, маркиз де 517
Кононке 601
Контарини, финансисты 541
Конти Элио 248, 284
Коперник Николай 582
Корнель Пьер 56
Корнеры (Корнаро), семейство 181
Коста Агостино 311
Котрульи Бенедетто 174, 373, 582
Коул У. А. 236
Коффэн, семейство 472
Коцебу Отто 295
Крамер Филибер 92
Краули Эмброуз 323
Крепэн Жан 225
Кроза, семейство 541
Кроза Антуан 541
Кромвель Оливер 147, 576
Крон Фердинанд 176
Крус Хорхе де 145
Куанье, капитан 276
Кузнец Саймон 235—239
Кула Витольд 259, 263, 265, 495
Куртнэ, семейство 476
Курциус Эрнст 520
Куэдик 100
Кьеркегор Сёрен 582
Кьяудано Марио 372
Кюньо Жозеф 290
Кюро, негоциант 472
Кюстин Адам Филипп, граф де 227

Лабиб С. 116
Лабрус Эрнест 217, 340, 401, 561
Лабрюйер Жан 399
Ла Вега Йозеф де 88, 90
Лавуазье Антуан Лоран де 348
Лайнес, генерал иезуитов 573
Лалли-Толлендаль Тома Артюр, граф де 212, 523
Ла Мессельер, граф де 516
Ла Мотт де 517
Лампсины 447
Ланге 585
Ланге Оскар 214
Лангнауэр, семейство 318
Ланди Ортенсио 299
Ла-Рош Кувер де, капитан 129
Лас Касас Бартоломе де 213
Ласлетт Питер 455, 476, 488, 508
Латур Жорж де 595
Ла Фейад, герцог де 355
Ла Ферте-Эмбо, маркиз де 337
Лафонтен Жан де 223
Лев Африканский 115
Леви-Стросс Клод 217
Ледерер 351
Лежандр, семейство 483
Лекутё 387
Ле-Мер Исаак 88, 147
Ленин В. И. 220, 586, 587
Леон Пьер 474
Леопольд I, император 552
Ле Поттье де ла Этруа 552
Лермит, семейство 472
Ле Руа Ладюри Эммануэль 288, 537
Лецце Микьель да 127, 129
Ле Шапелье И. Р. Г. 308
Линк 318
Лион Шарль 373, 520
Литтрэ Максимильен Поль Эмиль 487
Ллойд, страховая компания 362
Ллойд Эдвард 94
Лойола Игнатий де 573
Ломеллини, банкиры 531
Лопе де Вега 55
Лопес Роберто С. 19, 240
Лоран Анри 78
Лоренцо Великолепный — см. Медичи Лоренцо
Лот Фердинанд 249
Лотто Лоренцо 40
Лоу Джон 9, 49, 98, 100, 124, 125, 138, 336, 396, 442, 456, 461, 541, 545, 548
Луазо Шарль 509
Луве-младший 386, 387
Луццатто Джино 445
Лучицкий И. В. 288
Льебо Жан 274
Льюис А. 236
Л'Этуаль Пьер Тэзан де 489
Людовик XI, король Франции 123, 195, 328, 520, 528
Людовик XII, король Франции 253, 520, 524
Людовик XIII, король Франции 49, 393, 527
Людовик XIV, король Франции 24, 35, 59, 90, 127, 248, 274, 286, 394, 396, 401, 408, 486, 516, 521, 525, 527, 532, 545—547, 552, 557, 560
Людовик XV, король Франции 36, 83, 397, 509, 541
Людовик XVI, король Франции 36, 98, 215, 286, 289, 385, 396, 443, 480, 486, 509
Людовик Святой, король Франции

20, 123, 249, 364, 525
Лютге Фридрих 327, 372
Лютер Мартин 457, 572
Люти Герберт 92, 138, 578

Мабли Габриель Бонно де, аббат 401, 411
Магальяйс-Годинью В. 401
Мазаньелло Томмазо Аньелло 285
Мазарини Джулио 541, 546, 547, 552
Майефер Жан, купец 401, 561
Макартни, посол 188
Макиавелли Никколо ди Бернардо 406
Макризи ал- 104
Малетруа де 424
Маливский Ф. С. 552
Малиновский Бронислав 216
Мальборо Джон, герцог де 94
Мальзерб Кретьен Гийом де Ламуаньон 515
Малуэ Пьер Виктор 203, 226, 519
Мандельсло Иоганн Альбрехт 151
Манлихи, семейство 483
Манрике 46, 373
Манту Поль 507
Мануций Альд 504
Марат Жан-Поль 227
Мария-Терезия, императрица 185, 325, 551
Мария Тюдор, королева Англии 476
Маркс Карл 9, 10, 37, 49, 170, 222, 226, 228—230, 236, 274, 293, 294, 324, 382, 400, 460, 461, 463, 510, 520, 525, 574, 586, 590, 603, 604
Марсе 92
Марсэ Жорж 305
Мартен Мари-Жозеф Дезире 98
Мартен Франсуа 119
Маршалл Альфред 228
Матиас Питер 401
Матисс Анри 8
Матон де Лакур Шарль 427
Маттео 405
Маунтджой, лорд 160
Мауэрсберг Ганс, историк 57
Машке Эрик 174
Маэ де ла Бурдонне 135, 189, 190
Мёвре Жан 452
Медер Лоренц 177
Медина 94
Медичи, род 139, 390, 406, 472, 484, 528, 572
Медичи Алессандро 495
Медичи Козимо 572
Медичи Лоренцо (Лоренцо Великолепный) 240, 522
Мейер Жан 252
Мейтленд Фредерик Уильям 8
Мелис Федериго 157, 175, 388, 435, 438, 583, 584
Мелон Жан-Франсуа 442, 461, 469, 520
Менаже Никола 455
Меркадо, отец 195
Мерлани Гаэтано 73
Мерсье Луи-Себастьен 44, 411, 549, 574
Метуэн, лорд 195, 201
Миллс Ч. Р. 469
Мин, династия 120, 246, 521, 599
Мирабо Оноре Габриель Рикети 99, 100, 301
Мискимин Г. А. 240
Мисселден Эдвард 194
Мицуи 601
Мишле Жюль 172
Мозер Юстус, историк 57
Моисей 382, 383
Моисей де Валлабреге 62
Молина Луис де 574
Мольер Жан-Батист 488
Моммзен Теодор 229
Монжино 408
Монкретьен Антуан де 210, 328, 346, 401
Монморанси, семейство 604
Монтанари 426
Монтень Мишель де 551
Монтескьё Шарль-Луи 297, 509
Монторио Баттиста 311
Морелле Андре, аббат 225, 226
Морелли Джованни ди Паголо 283, 527
Моретт Фернан 179, 180
Морино Мишель 46, 391
Морисон Файнс 160
Мортимер Томас 95, 535
Мосс Марсель 219
Мулен Луи дю 134
Мэн Томас 194, 197, 431
Мэсси 473
Мюллер Йоганнес 177

Наполеон I Бонапарт 94, 135, 224, 248, 451
Нёвилль Никола де 489
Неккер Жак 98, 99, 483, 485, 544, 549, 563
Нельсон Бенджамин 569, 572
Нерак Гийом 133, 138
Нерак Жанна 133
Неф Джон Ю. 477
Нидэм Джозеф, историк 122
Нико Жан 223
Никола Жан 439, 477
Никола Пьер 439
Нил У. 218
Нильсон С. А. 205
Норса, семейство 485
Норт Дуглас 217, 367
Нурксе Рагнар 166
Нусбаум Ф. Л. 335
Нуэ, негоциант 472
Ньюкомен Томас 232, 290, 324
Ньюмен Джон 196, 197
Ньютон Исаак 582

Ованес, купец 110, 111, 113, 114
Озе Анри 550, 577
Ойкен Вальтер 582
Оливарес Гаспар де Гусман 531
Оливейра Маркеш А. ди 341
Ортис Луис 494
Остерман, граф 85
Отте Энрике 401
Оттоне Карло 200
Оффенбахер Мартин 576

Пакье Этьенн 509
Паллер 318
Паломба Джузеппе 298
Паниккар К. М. 211
Панург 223
Паншо Исаак, банкир 92, 99
Патрици, маркиз 281
Патэн Ги 64, 297
Паумгартнеры, семейство 483
Пачоли Лука 564, 582, 583
Пеголотти Франческо 407
Педро Церемонный, король Арагонский 86
Пелле, братья 133, 270, 272, 365
Пелле Жан 137, 138, 400
Пелле Пьер 133, 137, 138
Перес Жуан Баутиста 150
Пери Доменико 78
Перрего, банкиры 92
Перро Жан-Клод 179, 338, 339, 341
Перру Франсуа 219
Перуцци, банкиры 390, 435
Петр Великий 232, 474, 476
Петти Уильям 346
Пиганьоль де ла Форс Жан 22
Пиз д'Оэ 372
Пий V, папа Римский 573
Пико де Сен-Бюк 133
Пикте Александр, банкир 92
Пинелли, банкир 531
Пинто Исаак де 90, 160, 171, 212, 386, 393, 427, 534, 535, 554, 555, 575
Пиолан Мельхиор Матьё де 73
Пиренн Анри 229, 417, 482, 484, 485, 601
Питер Хью 33
Питт Уильям 535
Плантроз, семейство 483
Плесс Андре 252
Плиний Старший 156
Пойтингер Конрад 417
Поланьи Карл 10, 216—218, 229, 570
Поло Марко 118
Поль, шевалье 145
Помбал Себастьян Жозе, маркиз 203
Поммероль Франсуа 58
Помпонн Никола-Симон Арно, маркиз де 419
Пони Карло 304
Поншартрен Жером, граф де 200, 453
Попэн, купец 372
Поршнев Борис Федорович 288, 500

Постан Майкл 450
Постумус Николас 506, 507
Прадель Авраам дю — см. Бленьи Никола де
При Клод 328
Прингл Джон 410
Прудон Пьер-Жозеф 9, 228, 493
Пуассон Жан-Поль 66
Пурио 523
Пэр 302

Раби, семейство 269
Радзивиллы, семейство 262, 495
Рамон 523
Ранссон Жак 439
Рапп Уильям 305
Рассел Джон 211
Реймон Андре 485
Релингер 318
Реноде Огюстен 575
Ренозан 323
Ривароль Антуан 227
Ригаль Этьенн 524
Рикар Жан-Пьер, 87, 457
Рикар Самюэль 84
Рикар-сын 351
Рикардо Давид 37, 171, 222, 570
Риккарди, купец 390
Рифф Андреас 33
Ришар Ж.-Б. 228
Ришелье Арман Жан дю Плесси 254, 491, 496, 537, 552
Родбертус 222
Ройтер О. 293, 294, 325
Ролан де ла Платьер Жан-Мари 100
Романов Михаил Павлович, великий князь 233
Романов Николай Павлович, великий князь 233
Ромберг 269
Ростовцев Михаил 229
Ростоу У. У. 236
Ротшильды 94, 147, 372
Роу Т. 64
Роувер Раймонд де 123, 424, 584
Ру Жан-Батист, купец 575
Руис Мартин Фелипе 374, 392, 556
Руис Симон 130, 131, 139, 151, 157, 405, 410, 573
Рупнель Гастон 230
Руссо Жан-Жак 40, 226

Савари дэ Брюлон Жак 20, 224, 268, 299, 325, 350, 351, 407, 416, 418, 419
Сакакида-Павская Эвелин 591
Сальвиати, семейство 173
Саминиати 173, 174
Самуэльсон Курт 578
Санблансэ Жак де Бон 545
Сануто (Санудо) Марино 154, 571
Сапори Армандо 141, 174
Сарди Джамбаттиста 158, 159
Сартин Антуан-Реймон-Жан 227
Сартр Жан-Поль 519
Сассетти Паоло 572
Сегье, семейство 604
Сегье Пьер, канцлер 552
Селла Доменико 303
Сен-Жан Матиас де 190, 416
Сен-Жакоб Пьер де 289
Сен-Мар Анри Куафье де Рюзе де 522
Сен-Симон Клод Анри де Рувра, граф 324
Сент-Бёв Шарль-Огюстен 73
Сентень 332
Сера Лука дель 242
Серантоне, финансист 541
Сервантес М. 529
Серр Оливье де 282
Сигизмунд II Август, король Польши 317
Силли, семейство 604
Симадзу 602
Симиан Франсуа 340
Симолин И. М. 98, 535
Синополи, граф де 249
Сисмонди Жан-Шарль Леонар Симонд де 81, 222, 224, 280, 281
Скиннер Дж. Уильям 106, 107
Скотт У. Р. 455
Скриба Джованни 434
Слимен, генерал 117
Смит Адам 14, 57, 170, 214, 233, 281, 372, 410, 550, 570, 585
Смит Томас 194
Сови Альфред 237
Со-Таванн, семейство 252, 253
Спинелли, семейство 245
Спинола, семейство 435, 531
Спунер Фрэнк 193, 341, 342
Стаут Уильям 14
Стил, г-жа 387
Стоун Лоуренс 475
Стэттфорд, семейство 476
Стюарты, династия 274, 393, 513
Стюарт Джеймс 170
Стюарт Милль Джон 170
Суарес Бальтазар 131
Суареш Франсишку 148
Суисс Жозеф 439
Сулейман Великолепный 514
Сумитомо, купеческая династия 601
Сун, династия 120
Сфорца, герцог 281
Схаутен Готье 593
Сэ Жан-Батист, 56, 170—172, 224, 401
Сэвилл Джордж 213
Сэйу Андре 81, 437
Сэссель Клод 525
Сюар 87
Сюлли Максимильен де Бетюн, барон Рони 351

Тавернье Жан-Батист 113, 114, 117, 141, 187, 593
Такекоси 603
Таллар Камиль, герцог де 200, 453
Таллеман де Рео Гедеон 38
Танара Винченцо 278
Тауни Р. Г. 578
Телюссоны, банкиры 92, 485
Террэ Жозеф Мари, аббат 544
Тешейра, купец 90
Тилли, граф де 98
Тирсо де Молина 24, 54
Тодоров Николай 605
Толомеи Клаудио 469
Токугава, династия сёгунов 600
Токугава Иэмицу 600
Токугава Иэясу 600
Торча Микеле 91
Трасселли Кармело 270
Тревельян Джордж Маколей 461
Трекса 472
Тремуйе 81
Трипп, семейство 377, 421
Трипп Элиас 418
Трон, семейство 277
Трон Андреа 278, 279
Троншэн 224
Трюфем Маргерит 383
Ту Франсуа Огюст де 522
Турреттини, банкиры 92
Турэн Ален 464
Тухеры, семейство 483
Тьеполо Пизани, банкир 242
Тьер Адольф 469
Тюдоры, династия 39, 476
Тюнен Иоганн фон 25, 179
Тюрго Анн Робер Жак 9, 10, 39, 79, 80, 161, 163, 170, 172, 195, 222, 224, 225, 230, 233, 374, 381, 398, 429, 544

Уайт Джордж 96
Уатт Джеймс 290
Уврар Габриэль-Жюльен 379
Уиллэн Т. С. 53
Уилсон Чарлз 153
Уитбред 335
Ульоа Антонио де 188
Уолпол Роберт 534
Уолтон Гэри 367
Урбан VIII, папа Римский 574
Уэстерфилд Р. Б. 377

Фаринати 40
Фарнезе Александр 452
Февр Люсьен 222, 229, 248, 460, 466, 576
Федерико Марк Аурелио 206
Фенеллон 200, 532
Фенелон Франсуа де Салиньяк де ла Мот 496
Фердинанд Католик, король Арагона 520
Фернандес де Пинедо Эмилиано 45
Фибоначчи Леонардо 581
Филипп II, король Испании 153, 176, 311, 373, 384, 429, 463, 494, 521, 527—529, 531
Филипп III, король Испании 552

Филипп IV, король Испании 57, 150, 394
Филипп V, король Испании 201
Филипп II Август, король Франции 19, 525
Филипп IV Красивый, король Франции 153, 248, 525, 551
Фирканд А. 508
Фишер Ф. Дж. 172
Флёри Клод, аббат 520
Флоримон 523
Фоконье 472
Фокс Чарлз 57
Фома Аквинский 569, 570, 575, 577
Фонтенель Бернар Ле Бовье де 509
Франклин Бенджамин 576
Франциск I, король Франции 19, 77, 153, 253, 486, 528
Фреар, негоциант 472
Фрейтаг Густав 444
Фрескобальди, банкиры 390
Фридрих II, император 520, 550
Фридрих II, король Прусский 185, 516, 542, 544
Фуггеры, банкиры 138, 142, 174, 176, 243, 317, 318, 341, 376, 391, 417, 437, 483, 484, 530, 542, 582, 584
Фуггер Ганс 174
Фуггер Якоб (Богач) 400, 406, 565, 572
Фуке Никола, маркиз де Бель-Иль 545, 547
Фуко Мишель 224
Фултон Роберт 290
Фурке Франсуа 463
Фуркэн Ги 36
Фурнера 58
Фьески 351
Фюретьер Антуан 225

Хабиб Ирфан, историк 112
Хеллер Рудольф Эммануэль 92
Хань, династия 595, 597
Хатчинсон Т. У. 550
Хауг, семейство 318, 483
Хаутман К. 109
Хеерс Жак 401
Хенкель фон Доннерсмарк 318
Хенсон Джонс Элис 235
Хепке Рихард 550
Херонимо из Вальядолида 139
Хёхштеттеры, семейство 317, 383, 417, 483
Хидениус Андерс 210
Хинце Отто 587
Хитон Герберт, историк 229
Хоггер Антуан 379
Хоггеры, семейство 542
Хольцшуэры, семейство 581
Хоуп, семейство 420—422, 428, 429
Хоуп Генри 420, 421, 542
Хоффман Уолтер Дж. 341, 342, 345
Хэмилтон Дж. 527
Хэтчер Джон 31
Хэ Шень 598

Цветкова Бистра 44
Цин, династия 119, 120
Цицерон Марк Туллий 589
Цолльнер 351
Цяньлун, император Китая 598

Чайлд Джозайя 170, 450
Чарторыские, князья 262
Чаудхури К. Н. 382
Чезано Габриэле 469
Ченами, финансисты 541
Черки, семейство 435
Чернины, графы 262
Чертальдо Паоло 589
Чибо Шипионе 40
Чиполла Карло 393, 424

Шабо А. 472
Шварц Маттеус 582
Шелль Ж. 9
Шименесы, семейство 403
Шовлен 356
Шонфилд Эндрю 229
Шоню Пьер 161, 167, 188, 289
Шоссинан-Ногаре Ги 477, 485, 541
Шпенглер Освальд 582
Шрамкевич Ромуальд 138
Шреммер Эккарт 27
Шрёттер Ф. В. фон 171
Шторх Генрих 233
Штридер Якоб 318
Шуазель Этьенн Франсуа 404
Шульте Алоис 437
Шумпетер Йозеф Алоис 185, 264, 379, 399, 421, 461, 570
Шюле фон, купец 340

Эверитт Алан 27, 31—33, 411, 418
Эдуард I, король Англии 390, 468
Эдуард II, король Англии 390
Эдуард III, король Англии 390
Эдуард VI, король Англии 476
Экк Иоганн 572
Элиас Норберт 558
Эмбер Франсуа 439
Эон — см. Сен-Жан Матиас де
Эренберг Рихард 81, 142, 406
Эспеншаль, граф де 192
Эстьенн Шарль д' * 274
Эштор Э. 565

Юз Дэвид 201, 232
Юнг Артур 44, 160
Юппер Жорж 482, 486, 488, 491, 492
Юссон Лоран 336

Яков I, король Англии 26

* В томе 1 ошибочно дано Этьенн.— *Прим. ред.*

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Аахен 443
Абвиль 325, 328, 329, 332, 334, 356
Абиссиния 189
Абу (Турку) 63
Абруццо 280, 282, 536
Авиньон 38, 353
Австралия 202
Австрия 183, 186, 249, 254, 263
Агра 110, 373
Адидже, река 277
Адрианополь 146
Адриатика 207, 247
Ажен 142
Азия 81, 109, 187, 193, 448, 591
Азия Восточная 592, 595
Азия Юго-Восточная 188, 229
Азорские острова 161, 180
Акадия 129
Акапулько 149, 166, 188, 404, 592
Аквитания 46, 76, 215, 289, 499
Аксбридж 25
Александретта 174
Александрия 116, 127, 129, 403
Алеппо 112, 144, 145, 151
Алес 323
Алессандрия 75
Алжир 174, 518
Аллахабад 117
Альмаден 320, 530
Альпы 173, 176, 178, 186, 208, 351
Альпы Тирольские 316
Амальфи 434, 568
Амбон (Амбоин) 145
Амбрён 185
Америка 91, 102, 134, 138, 140, 143, 145, 147, 148, 152, 156, 162—164, 180, 188, 189, 195, 265, 272, 295, 320, 322, 374, 377, 391, 401, 430, 431, 439, 445, 448, 541, 555, 578, 580, 609
Америка Северная 183, 348, 535
Америка Центральная 83
Амритсар 117
Амстердам 51, 79, 82, 83, 85—91, 93—95, 98—100, 112, 118, 124, 132—134, 138, 139, 143, 145—147, 150, 153, 155, 158, 159, 174, 179, 182, 185, 203, 206, 212, 266, 294, 351, 358, 359, 362, 364, 365, 376, 381, 386, 388, 392, 408, 418—419, 421, 423, 428, 440, 443, 447, 452, 457, 458, 483, 484, 495, 506, 528, 529, 534, 541, 542, 544, 549, 575, 578, 580
Амьен 18, 307, 356
Англия 14, 17, 18, 25—27, 31—33, 39, 44, 48, 61, 62, 64—66, 80, 87, 100, 101, 111, 124, 125, 127, 134, 135, 143, 147, 151, 159, 160, 169, 183, 185, 190, 191, 193—198, 200, 201, 203, 204, 207, 208, 211, 212, 215, 217, 224, 226, 233, 249, 265, 271, 273, 278, 286, 299, 300, 303, 304, 306, 307, 313, 323, 328, 343, 345, 348, 350, 352, 357, 358, 360, 362, 373, 378, 379, 382, 385, 386, 389, 390, 393, 396, 397, 401, 406, 409, 411, 417—420, 427, 431, 435, 438, 442—446, 448—451, 453, 455, 473, 476, 477, 480, 481, 483, 497, 498, 513, 514, 516, 524, 528, 531—535, 542, 544, 551, 554, 556, 580, 588, 608
Англия Восточная 273
Англия Западная 300
Англия Северная 51, 300
Ангола 145, 377
Ангуиллара 277
Ангулем 44
Андрыхув 60
Анды 148,186, 322
Анжу 39, 416
Анзен 480
Анкара 151
Анкона 112
Ансбах 293, 294, 325
Антверпен 76, 79, 82, 124, 131, 142, 152, 176—178, 182, 298, 348, 351, 391, 403, 410, 437, 450, 452, 472, 521, 572, 579, 580
Антиатлас 115
Антиб 191
Антильские острова 134, 147, 180, 182, 265, 267, 358, 367, 368, 430
Антильское море — см. Карибское море
Антони 329
Антьер 379
Апеннинский полуостров 208, 437
Апеннины 255
Аравия 115, 566
Арагон 285, 286, 390
Аракан, область 46
Арбуа 299
Аргентина 102
Аргонн 413
Армения 144, 390
Арморикансккий массив 289
Арпайя 245
Аррас 44, 323
Артуа 302, 571
Архангельск 121, 143, 144, 159, 174
Астрахань 111, 141, 145
Атлантика 80, 142, 146, 147, 150, 163, 167, 178—180, 182, 202, 322, 448, 510, 579, 580
Аугсбург 174, 179, 315, 340, 351, 391, 417, 565, 603
Аугустусбург 312
Ауденарде 94
Афины 219, 470, 604
Африка 115, 145, 177, 186, 189, 191, 566, 581, 609
Африка Черная 13, 102, 290, 295
Ахмадабад 112, 594, 606
Áчех (Ачем) 119, 592

Бавария 27, 31, 37, 55, 247, 327
Багамский пролив 161
Багдад 102, 115, 145, 567
Баден 576
Бад-Харцбург 232
Базель 77, 351
Баия 148, 202, 216, 272
Байё 340
Байонна 138, 334, 372, 541
Байрёйт 293, 294, 325
Балабуан 404
Балканский полуостров 151, 605
Балканы 25, 259, 304
Балтика 151, 167, 205—207, 247, 259, 359, 365, 403, 418, 448, 457, 578
Бамбук 186
Банска-Бистрица 316
Бантам 90, 109, 118, 120, 404, 405, 592
Барруа 250, 348
Барселона 18, 83, 84, 86, 176, 308, 376, 379, 388, 417, 437, 483
Бар-сюр-Об 78
Басра 115, 145, 567
Батавия 118, 135, 211, 577
Батесар 117
Бедарьё 313
Беджайя 581
Безансон 77, 131
Белое море 448
Бенарес 117
Бенгалия (Бенгал) 114, 130, 167, 211, 212, 296, 363, 593, 594, 608

Бенгальский залив 143
Бендер-Аббас 117, 158
Бергамо 152, 277
Берген-оп-Зом 76, 450
Берлин 86, 185
Берн 437
Берне 132
Берри 328
Бетюн 323
Бжег 80
Бильбоа 334, 439
Бискайя 138
Бич 329
Бленхейм 94
Ближний Восток 83, 177, 566
Блуа 416
Блэнкни 31
Бове 100, 298, 328
Бовези 254
Божоле 357, 502
Бокаж 298
Бокер 68, 72, 77, 80, 81, 414
Болонья 19, 63, 75, 572
Больбек 132
Больцано 78, 80
Бомбей 211
Бомон-ан-Феррьер 329
Бомон-де-Ломань 68
Бон 83
Бонвиль 349
Бордо 44, 83, 86, 93, 129, 133, 134, 136, 137, 142, 147, 160, 182, 257, 266, 267, 269, 270, 272, 369, 372, 374, 379, 387, 400, 412, 417, 439, 499, 532, 580
Борн 31
Борнео 186
Бостон 31
Брабант 571
Бразилия 102, 135, 147, 148, 152, 180, 181, 186, 202, 203, 215, 265—267, 272, 295, 320, 402, 403, 563
Бразилия Центральная 186
Брель, река 332
Бремен 132, 365, 475
Брёмсебро 358
Брента, река 276
Брентфорд 25
Брес, область 574
Бретань 35, 36, 68, 138, 142, 358, 394, 412, 416, 474
Брешиа 292, 312
Бри 78, 274, 275, 277
Бриарский канал 355, 356, 443
Бристоль 25, 33, 266, 504, 507
Брно 552
Брошон 259
Бруса 146, 151
Брюгге 84, 86, 142, 176, 239, 390, 417, 437, 444, 579, 580, 592
Буа-жанси (Божанси) 416
Буасси 249
Булонь-сюр-Мер 245
Бур-ан-Брес 443
Бурбон (Реюньон), остров 363, 430
Бурбоннэ 302, 412
Бургундия 38, 232, 252, 257, 289, 329, 401, 414, 481, 571
Бурнёф, бухта 167
Буэнос-Айрес 148, 376, 403
Бьевр, река 329
Бьем, река 413
Бюже 574

Вавилония 10, 13, 229
Валенсия 84, 86, 129, 308
Валь-Камоника 292
Вальядолид 494, 571
Вандея 379
Вандомуа (область Вандома) 413
Варшава 60, 153, 177
Величка 316
Вена 78, 86, 145, 153, 155, 174, 259, 309, 376, 437
Венгрия 25, 38, 145, 176, 205, 246, 260, 262, 263, 314, 316, 317, 500
Венесуэла 176, 265, 272
Венеция 10, 18, 25, 48, 53, 61, 63, 67, 75, 76, 83, 84, 86, 88, 100, 112, 114, 116, 127, 129, 143, 146, 152, 159, 160, 173—179, 181, 191, 193, 207, 209, 219, 242, 259, 273, 274, 276—278, 303, 311, 315, 341, 350, 385, 388, 390, 391, 393, 403, 406, 419, 423, 424, 426, 432, 434, 437, 441, 444, 445, 470, 476, 479, 494, 495, 497, 499, 504, 511, 515, 518, 527, 528, 538, 540, 554, 559, 564, 565, 568, 588, 592, 603
Веракрус 157, 164, 322, 430
Верона 76
Версаль 202, 600
Вестергётланд 62
Вест-Индия 430
Видалон-лез-Анонне 340
Византия 141, 434, 467, 566, 578
Вильруа 489, 491
Вир 312
Висла, река 261, 263, 578
Висмар 315
Волга, река 144, 345
Вроцлав 177, 205, 206
Вьенн 294

Гаага 75, 80, 90, 226, 358, 409, 506
Гавана 322
Гавр 129, 329, 443
Галисия 202
Галиция 80
Галлия 230
Гамбург 38, 86, 138, 146, 153, 174, 179, 183, 186, 259, 273, 351, 355, 365, 381, 419, 421, 451, 458, 475
Ганг, река 117, 143, 363
Ганновер 349
Гарлем 506
Гарц 232, 316
Гатин (Пуату) 254
Гваделупа 129, 267, 269
Гвиана 226
Гвинея 129, 150, 226, 377, 455
Гданьск 60, 80, 86, 206, 209, 261, 263, 264, 359, 419, 430, 457
Гейнсборо 31
Гельсингфорс (Хельсинки) 359
Генган 142
Геннегау 571
Гент 309, 315, 508
Генуя 35, 37, 64, 78, 85, 86, 88, 100, 130, 155, 174, 176, 184, 191, 192, 198, 209, 223, 255, 256, 280, 324, 358, 360, 365, 383, 385, 386, 388, 390—392, 394, 419, 429, 435, 437, 441, 445, 471, 494, 515, 528, 541, 542, 549, 574, 577, 603
Германия 37, 44, 49, 64, 83, 143, 151, 152, 156, 160, 177, 181, 198, 205, 208, 223, 246, 274, 286, 288, 293, 303, 306, 308, 315, 316, 327, 340, 346, 348, 349, 352, 372, 373, 406, 410, 417, 437, 471, 500, 503, 515, 544, 572, 576, 580, 582
Германия Восточная 179
Германия Северная 482
Германия Южная 64, 80, 142, 147, 351, 483, 530
Гёрлиц 18
Гессен 247, 348
Гибралтар 85, 566
Гибрэ 72
Гиень (Гюйенн) 500, 501
Гималаи 117, 143
Гнезно 80
Гоа 143, 145, 176, 202, 210, 211, 431, 515, 563
Голконда 113, 114, 187
Голландия 37, 64, 75, 80, 88, 95, 100, 101, 116, 132, 151, 160, 169, 182, 183, 191—193, 195, 206, 278, 299, 303, 304, 306, 307, 312, 328, 332, 348, 358, 362, 379, 383, 385, 386, 393, 409, 410, 443, 446, 448, 481, 484, 495, 498, 507, 521, 532, 534, 542, 554, 561, 577, 580
Голштиния 358
Гонес 23
Гонконг 595
Гослар 232
Гояс 186
Грабен 174
Гранада 102, 568
Грац 78
Гренобль 49, 59, 254
Греция 13, 229
Грон, река 316
Гронинген 377
Гуанахуато 322
Гуджарат 296
Гудзонов залив 447
Гурнэ 23

Дагомея 215, 216
Дальний Восток 114, 133, 150, 189, 210, 213, 382, 405, 429, 448, 454, 595
Дамаск 151, 567

Дания 76, 205, 358, 454
Данцвик — см. Гданьск
Дарнеталь 386
Дартфорд 15
Дахбул 115
Делавэр 235
Дели 605
Денен 516
Десиз 357
Десима, остров 577
Джамна, река 117
Джидда 567
Джиффони 14
Джульфа 110, 143, 145, 146
Дигуэн 357
Дижон 59, 83
Динан 142
Дитмаршен 247
Днестр, река 61
Доброй Надежды мыс 109, 202, 210, 363, 578, 590
Долларт, залив 358
Доль 35
Донкастер 31
Дофине 64, 173, 290, 294, 302, 571
Драгиньян 227
Дрезден 262
Дрё 604
Дрюи-ле-Бель-Фонтен 276
Дубровник 176
Дувр 524
Дунай, река 44, 78, 315, 578
Дуэ 441
Дьеп 23, 132, 138, 443
Дюнкерк 67, 83, 85, 182, 358, 472
Дютан 348

Европа 10—12, 22, 32, 34, 36, 45, 48, 77, 79, 80, 83, 88, 91, 93, 99—102, 106, 110, 111, 114, 118, 120—125, 130, 132—134, 141, 143, 149, 151, 154, 155, 158, 162—164, 167—169, 174—178, 181, 183, 185—190, 192, 193, 198, 202, 203, 205, 207, 211—214, 218, 223, 241, 246, 249, 250, 260, 264, 265, 268, 273, 274, 286, 294—298, 302, 303, 306, 307, 310, 315, 320—322, 343, 348, 359, 363, 372, 381, 383, 387, 388, 392, 393, 401—403, 406, 409, 419, 420, 422, 424, 427, 428, 439—441, 444, 448, 453, 454, 459, 463, 466, 467, 474, 477, 481—483, 486, 493, 496, 500, 504, 506, 520, 521, 524, 530, 531, 535, 542, 550, 554, 555, 557, 561—563, 565—568, 571, 578, 579, 581, 590, 591, 594—596, 598, 600, 603, 604, 608—610
Европа Восточная 38, 205—207, 259, 264, 297, 316, 343
Европа Западная 61, 205, 207, 260, 285, 286, 297, 315, 376, 540
Европа Северная 452, 578—580
Европа Северо-Западная 452
Европа Центральная 37, 45, 147, 152, 176, 186, 205, 241, 259, 294, 325, 391, 441
Европа Южная 578—580
Египет 13, 25, 115, 116, 127, 145, 146, 153, 188, 189, 306, 316, 406, 567

Жагонвиль 329
Жеводан 185, 313
Жеврэ 259
Жекс 329, 574
Желтая река — см. Хуанхэ
Жемо 252
Жемчужная река — см. Сицзян
Женева 13, 79, 92, 93, 349, 392, 437, 504, 515, 542, 549, 577
Женевское озеро 65
Живе 329
Живор 323
Жуанвиль 325

Зальцбург 78
Занзибар 145
Зезен 232
Зеландия 359

Ивама 404
Ивто 443
Идрия 320
Изес 311
Изиньи 23
Иль-де-Франс 36, 246, 500, 571
Иль-де-Франс (Маврикий), остров 135, 136, 363, 364, 430, 571
Инд, река 143
Индийский океан 83, 108—110, 114, 119, 134, 141, 152, 202, 210, 387, 402, 430, 568, 593
«Индии» 156, 161, 162, 164, 295, 394, 402, 419, 428, 529—530, 537, 555, 563
Индия 83, 104, 109—117, 121, 130, 135, 141, 143, 145, 151, 158, 167—169, 176, 177, 180, 185, 187—190, 197, 198, 210—213, 229, 290, 295, 296, 306, 373, 388, 402, 403, 430, 431, 445, 446, 448, 453, 454, 456, 474, 485, 510, 524, 535, 554, 565, 567, 570, 592—595, 605, 606, 609
Индонезия 108—115, 118, 141, 152, 188, 402, 404, 431, 454, 565, 578, 592—594, 599
Иоартам 404
Ипр 315
Ирак 146
Иран 110, 111, 117, 143, 144, 146, 188, 198, 566, 593, 605
Иркутск 121, 403
Ирландия 138, 160, 286, 552, 578
Исе, провинция 601
Исландия 299
Испания 36, 53, 64, 101, 133, 146, 150, 152, 153, 160, 162, 167, 176, 184, 193—195, 198, 201, 202, 208, 210, 233, 253, 286, 308, 309, 317, 334, 345, 373, 374, 379, 389, 391, 392, 394, 445, 481, 482, 494, 510, 515, 521, 522, 525, 531, 534, 535, 539, 542, 557, 559, 566, 568, 573, 578
Истрия 46, 247
Исфахан 110, 111, 141, 143
Италия 37, 44, 51, 55, 67, 101, 110, 123, 130, 139, 143,146, 151, 160, 168, 173, 191, 193, 198, 208, 210, 219, 223, 250, 253, 256, 281, 285, 302—304, 306, 315, 345, 372, 373, 376, 383, 388, 393, 403, 410, 432, 435, 437, 444, 481, 503, 514, 527, 531, 542, 554, 565, 571, 578
Италия Северная 44, 174, 303, 351
Италия Южная 80, 285, 303, 510
Ифрикия 146

Йемен 567
Йоахимсталь (Яхимов) 38
Йонна, департамент 276
Йонна, река 24
Йоркшир 31, 61

Кабилия 215
Кабу-ду-Рескати, мыс 464
Кадис 83, 84, 133, 138, 140, 145, 146, 162, 167, 174, 266, 322, 376, 377, 383, 387, 394, 396, 421, 445, 541
Каир 104, 112, 116, 151, 485, 567
Кайенна 202
Кайруан 146
Калабрия 249, 536
Кале 449
Калькутта 608
Камбейский залив 592
Камбрези 302
Камбрэ 298
Кампече 233
Кан 131, 132, 179, 307, 338, 341, 342, 376
Канада 265
Канарские острова 161, 180, 182, 358
Кантабрийские горы 60, 294
Кантон 114, 121, 146, 151, 592, 605
Каор 37, 142, 523, 524
Каракас 138
Карибское море 83, 148, 271, 387, 402
Каркассонн 173, 329, 402, 543
Кармо 443, 480
Карпантра 18, 34, 73
Карпаты 186
Картахена Индий 148, 150, 158, 164, 322
Каспийское море 144, 388
Кастилия 24, 60, 72, 528, 529, 551
Кастр 306
Каталония 286, 398, 561, 571
Катания 40

Катвейк (Катвейк-ан-Зе) 409
Катманду 110
Кафа 152
Кёльн 63, 86, 292, 306, 372, 437, 441, 513
Кемпер 142
Кемперле 142
Кёнигсберг 316
Кент 27
Керби 31
Керби-Стивен 51, 52
Кингстон 25
Киото 112, 211, 599
Кипр 129, 181, 309
Китай 13, 48, 100, 106, 107, 111, 114, 118—122, 125, 129, 130, 135, 141, 143, 167, 168, 186—189, 193, 210, 211, 213, 215, 229, 246, 295, 320, 363, 367, 388, 402, 404, 430, 431, 454—456, 510, 524, 535, 563, 565—567, 570, 578, 591, 592, 595, 596, 598, 599, 601, 602, 604, 609
Кито 320, 402
Клермон-ан-Аргонн 413
Ковентри 61, 201
Кодбек 23
Коморин, мыс 117
Кон 329
Константинополь 141, 152, 174, 239, 309
Констанц 437
Констанцское (Баденское) озеро 300, 437
Контракошта 187
Корбей 491
Кордова 345
Корея 599, 602
Корк 439
Корнуолл 25, 33, 271, 320
Коромандельский берег 130, 430, 453
Корсика 255
Корсика (Капо-Бьянко), мыс 358
Кохинхина 188
Краков 51, 60, 145, 153, 177, 206, 316, 513
Красная река 216
Красное море 114—116, 146, 188, 567, 593
Кремона 139, 473
Кремс 78
Крефельд 340
Кройдон 25
Крым 151, 152
Куломье 276
Кур 351
Куэнка 345, 427
Кьянти 156
Кюсю, остров 602
Кяхта 121, 403

Ла-Валлетта 56, 518
Лаваль 298
Ла-канург 313
Ла-Манш 25, 409, 447, 532
Лангедок 80, 81, 130, 167, 282, 299, 302, 306, 313, 322, 323, 328, 329, 335, 485, 517, 537, 549
Лангонь 313
Лангр 329
Ланди 67, 72
Ландлоу 347
Ланка (Цейлон), остров 48, 145, 402
Ланкастер 14
Ланчано 77
Ланьи 78
Ла-Рошель 85, 86, 182, 372, 377, 385, 416, 418
Ла-Тосканелла 69
Левант 48, 83, 85, 117, 127, 129, 143, 151, 152, 189, 191, 193, 223, 329, 343, 406, 421, 431, 435
Лейден 299, 341, 504, 506, 507
Лейпциг 72—76, 80, 85, 86, 112, 153, 155, 179, 186, 205, 206, 485
Ле-Крёзо 480
Лектур 68
Ле-Ман 156, 247, 292, 307, 312, 342, 472
Ле-Нёбур 252, 253
Леобен 441
Леоган 267, 268
Леополь — см. Львов
Ле-Пюи 67
Ливерпуль 83, 129, 266
Ливония 260
Ливорно 85, 114, 129, 130, 145, 158, 159, 173, 174, 191, 358, 360, 365, 419, 426
Лигор 130
Лилль 48, 54, 83, 85, 174, 329, 443, 513
Лима 102, 148, 149, 322, 403
Лимузен 39, 412
Линдау 437
Линкольн 31
Линкольншир 31, 478
Линц 76, 78, 136, 325
Лион 47, 54, 63, 72, 76, 77, 79, 83, 84, 93, 124, 140, 152, 155, 157, 174, 175, 177, 208, 209, 223, 243, 292, 296, 302, 306, 307, 329, 343, 348, 351, 353, 355, 356, 373, 383, 391, 402, 414, 420, 426, 427, 437, 438, 472, 499, 502—504, 509, 511, 513, 518, 528, 532, 541, 545, 549, 572, 573, 580, 592, 593
Лисабон 24, 25, 83, 84, 88, 110, 142, 146, 150, 174, 176, 177, 187, 201—204, 362, 437, 445, 494, 515, 563, 574
Литва 297
Литтри 340
Ломбардия 38, 78, 256, 281, 284, 376, 397, 473
Лондон 17, 22, 25—27, 32, 34, 37, 44, 51, 55—57, 63, 75, 82, 85, 86, 88, 91—95, 98—100, 129, 138, 142, 153, 174, 179, 183, 192, 199—201, 203, 204, 210, 212, 239, 266, 272, 297, 298, 301, 308, 327, 335, 345, 352, 358, 363, 365, 377, 378 381, 383, 386, 387, 390, 392, 409, 421, 440, 447, 449, 450, 456, 472, 498, 524, 529, 532, 534, 535, 549, 552, 556, 563, 575
Лон-ле-Сонье 77
Лориан 363, 376, 443
Лотарингия 227, 571
Лофотенские острова 358
Луара, река 167, 323, 348, 353, 355—357, 416, 418
Лувье 132, 402
Лудён 496
Луизиана 541
Лукка 51, 86, 140, 158, 175, 296, 299, 311, 419, 435, 468, 470, 528, 573, 588
Лхаса 110, 111, 143
Львов (Леополь) 60, 80, 145, 146, 153
Льеж 85, 298
Лэндс-Энд, мыс 33
Любек 309, 315, 355, 475, 479
Люблин 80
Люцерн 64

Магдебург 179
Маглан 64
Магриб 115
Мадейра 180, 266
Мадрас 189, 211, 363
Мадрид 24, 47, 54, 55, 57, 146, 150, 164, 373, 536
Майн, река 179
Майнц 83
Макао 149, 210, 211, 358, 404, 563
Макассар 145, 404, 405
Малабарский берег 402, 430, 567
Малакка 210, 592
Малакка, полуостров 106
Малая Азия 189
Мальорка, остров 309
Мальта 56, 143, 145
Манд 313
Манила 135, 145, 404, 592
Мантуя 146
Маньчжурия 120
Мараньян 83
Марвежоль 313
Маренго 94
Марке 280
Марна, река 24
Марокко 115, 152, 203
Марсель 48, 61, 67, 83, 84, 88, 130, 136, 138, 145, 147, 156, 174, 182, 191, 301, 306, 323, 325, 329, 343, 360, 378, 383, 395, 396, 421, 434, 439, 441, 442, 472, 476, 502
Мартиника 129, 130, 134, 137, 138, 267—270, 417
Масулипатам 115, 453
Медина-дель-Кампо 72, 124, 130, 131, 139, 177, 391
Мёз, департамент 68, 297
Мекка 115, 567

Мексика 101, 295, 322, 404, 430
Мелён 604
Мемминген 437
Мессина 174, 420, 439
Мехико 102, 148—150, 157, 166, 301, 322
Мец 65
Мзебиб 115
Мидделбург 138
Милан 156, 174, 175, 227, 255, 315, 377, 394, 396, 397, 426, 437, 494, 502, 520
Милаццо 40
Минас-Жераис 186
Миссисипи, река 548
Мичдорф 248
Мо 23
Модена 46
Молдавия 44
Молуккские острова 130, 402
Молчания остров 602
Монлюель 77
Мономотапа 145, 187
Монпелье 173, 176, 552, 605
Монтальдео 252, 255, 256
Монтаньяк 77
Монтеро 329
Монтесаркьо 245, 246, 252
Монтрёй 44
Моравия 262, 516
Море 329
Морле 443
Мортен 68
Москва 16, 111, 141, 144, 145
Москва-река 16
Московия 83, 120, 143, 144, 205, 207, 259, 568
Моха (Мокка) 114, 115, 135
Мэриленд 418
Мюлуз 83, 340
Мюнхен 62

Нагасаки 121, 211, 404, 602
Надьбанье 38
Нанси 72, 83
Нансючен 119
Нант 83, 88, 93, 138, 142, 175, 182, 266, 267, 353, 364, 372, 379, 394, 429, 430, 439, 442, 443
Нарва 144, 205, 207
Неаполь 146, 158, 241, 243, 245, 246, 285, 309, 358, 481, 495, 520, 536
Неаполитанское королевство 64, 79, 241, 245, 247, 249, 252, 254, 257, 259, 285, 500, 536
Нёбур 23
Нёвиль 329
Нейзоль — см. Банска-Бистрица
Непал 110, 111
Нёрдлинген 53
Несвиж 495
Нидербронн 480
Нидерланды 33, 37, 83, 123, 143, 153, 155, 160, 173, 185, 198, 208, 223, 264, 302, 303, 306, 315, 389, 393, 449, 450, 452, 472, 494, 504, 531, 554, 556, 559
Нижний Новгород 239
Ним 306
Нинбо 121
Ницца 572
Новая Англия 337
Новая Гвинея 216
Новая Испания 158, 163, 188, 301, 321, 322, 404, 420
Новая Кастилия 427
Новгород 145
Нови 78
Новый Свет 80, 150, 162—164, 176, 177, 186, 189, 232, 320, 401, 402, 510, 525
Нолизе 500
Номбре-де-Диос 80, 164, 322
Норвегия 232, 320, 358
Нориджж 505
Нормандия 23, 34, 35, 38, 68, 72, 252, 253, 292, 340, 412, 458
Норфолк, графство 14, 273, 299
Ньюарк 31
Нью-Джерси 235
Нью-Йорк 86, 376
Ньюкасл 323
Нью-Милс 335
Нюрнберг 39, 53, 72, 152, 153, 177—179, 206, 309, 315, 437, 471, 475, 479

Об, река 24
Обюссон 328
Овернь 412
Одер, река 348, 359, 578
Олонн 359, 360
Ольденбург 476
Олькуш 316
Ольястра 245
Ондскот 341
Оно 604
Онфлёр 226, 443, 520
Ориноко 272
Орлеан 68, 83, 182, 246, 299, 325, 348, 353, 416
Орли 249
Ормуз 115, 117, 568
Осака 141, 602
Осер 38
Осло 358
Оснабрюк 57, 298
Остенде 334
Остия 13, 86
Ош 68

Пакпаттан 117
Палермо 14, 85, 174, 522
Панама 148, 150, 156, 322
Пара 83
Парагвай 578
Параиба 202
Париж 13—16, 19, 20, 22—25, 27, 34—36, 38, 39, 44, 49, 51, 54, 56—58, 62—66, 68, 72, 73, 77, 81, 83, 85—88, 92, 94, 97—100, 132—135, 155, 157, 168, 174, 200, 202, 224, 226, 227, 241, 248, 249, 274, 275, 302, 308—310, 348, 350, 355, 357, 372, 374, 378, 381, 383, 387, 392, 396, 409, 412, 413, 437, 439, 440, 442, 443, 491, 494, 499, 501, 504, 509, 515, 518, 522, 532, 541, 545, 549, 574, 592
Парма 427
Пати 404
Патна 110
Пезаро 112
Пезенас 77, 443
Пекин 120, 167, 296, 521, 592
Пеккэ 167, 322, 349, 549
Пенджаб 117
Пенсильвания 235
Перигё 67
Пернамбуку 83, 148
Персидский залив 115, 146, 158, 188, 567
Персия — см. Иран
Перу 80, 133, 148, 193, 295, 320—322, 367, 369, 401, 431
Пиза 86, 173, 518
Пикардия 302, 356
Пиренеи 185
Пиренейский полуостров 143, 146, 286, 365, 445
Пистойя 435
Плесли 31
Плесси 212
По, река 496
Познань 80, 177, 205, 206
Польша 61, 62, 75, 145, 146, 153, 160, 205, 215, 232, 249, 259, 260, 264, 316, 325, 410, 419, 431, 474, 495, 517
Помпеи 13
Пон-де-л'Арш 329
Пондишери 135, 189, 363
Понтиньи 68
Портобельо 80, 164, 322
Порт-о-Пренс 267
Португалия 49, 143, 145, 146, 148, 150, 156, 163, 193, 195, 201—204, 207, 208, 211, 295, 322, 341, 358, 389, 401, 405, 427, 431, 434, 448, 494, 510, 515, 578
Порту-да-Эстрела 202
Потоси 101, 148—150, 163, 186, 321, 322, 401, 403
Прато 73, 176, 223, 242, 327
Прибалтика 33, 81, 206, 358, 457, 568
Принсипи, остров 180, 266
Прованс 81, 237, 289, 355, 457, 568, 571
Провен 78, 309
Пруссия 183, 260, 264, 419
Пти-Монтрёй 24
Пуасси 23, 24, 412
Пуату 254, 412
Пуатье 51
Пьемонт 146, 198, 277, 281, 502

Пьяченца 38, 77, 81, 391, 472, 473, 531
Пюи-ан-Веле 311, 329

Равенсбург 437
Рагуза 191, 434
Рамберкур-о-По 348
Рамийи 94
Раолконда 187
Ревель (Таллин) 359
Регенсбург 315, 351, 516
Регонфль 349
Реджо-нель-Эмилия 75
Реймс 414, 561
Рейн, река 83, 286, 288, 309, 348, 351, 355, 501, 578
Ренн 142, 376, 394
Ресифи 202, 266, 267
Реюньон — см. Бурбон
Ривьера генуэзская 159
Риека (Фиуме) 176
Рим 63, 64, 86, 156, 195, 219, 229, 267, 281, 375, 385, 406, 434, 467, 470, 481, 517, 558, 566, 568, 572, 578, 589
Римская Кампания 274, 280, 281
Рио-де-Жанейро 148, 202, 266, 295
Рио-де-ла-Плата 148
Роанн 348, 355—357
Ровиго 277
Рона, река 72, 167, 173, 322, 348, 349, 355, 356, 437
Росбах 516
Россия 62, 110, 130, 141, 143, 154, 183, 185, 190, 196, 198, 207, 226, 260, 262, 299, 320, 500, 510, 542, 563, 580
Росток 315
Роттердам 132, 185, 362, 376
Руан 83, 86, 132, 138, 139, 266, 298, 355, 365, 372, 387, 421, 443, 455
Рудные горы 186, 312
Руссильон 302
Руэрг 137, 523
Рюген, остров 359
Рюей 491

Саардам 294, 362
Саббионетта 496
Сабине, горы 280
Савойя 64, 218, 239, 477, 556
Сакаи 601
Сакатекас 322
Саксония 260
Салерно 14, 76
Салланш 349
Салоники 146
Сан-Висенти, остров 266
Сан-Доминго 138, 181, 182, 267, 269—271, 367, 439, 520
Сандомир 80
Санкт-Галлен 309, 437
Санкт-Петербург 232, 421
Санлукар-де-Баррамеда 140, 365, 515
Сан-Паулу 102, 186, 272
Сан-Салвадор 266, 267
Санта-Маргарита, остров 148
Санто-Доминго 148
Сан-Томе, остров 158, 180, 266
Сантьяго-де-Чили 150
Сан-Флур, плато 64
Сан-Франсиску, река 272
Сарагоса 41, 437
Сардиния 46, 244, 245
Сарем 504, 507
Сарлуи 329
Саутгемптон 142
Сахара 464
Сацума 602
Северное море 25, 167, 173, 247, 299, 390, 578, 579
Севилья 54, 84, 102, 139, 140, 142, 145, 146, 150, 157, 161—164, 203, 266, 322, 345, 365, 388, 401, 437, 445, 472, 515, 531, 574
Сеговия 311, 345
Седан 324, 402
Сена, река 24, 36, 56, 179, 355, 374
Сен-Валери 23, 356, 365
Сен-Верон 329
Сен-Гобен 324, 328
Сен-Дени 67, 72
Сенегал 129, 455
Сен-Клер 68
Сен-Клу 329
Сен-Мало 36, 66, 67, 119, 133, 135, 185, 189, 366, 369, 394—396, 430, 431, 442, 456, 556
Сен-Маме 329
Сен-Никола 329
Сен-Никола-дю-Пор 72
Сен-Рамбер 357
Сен-Серг 329
Сентдьёрдь Бази 38
Сент-Менеульд 325, 413
Сент-Олбанс 25
Сентонж 298
Сен-Флорантен 329
Сен-Шели 313
Сенья 518
Серра д'Эштрела 24
Серро-де-Потоси 321
Сессель 167
Сет 133, 134, 329
Сетубал 167, 322
Сеута 441, 568
Сиам 130, 320, 524
Сибирь 348, 403
Сиена 19, 69, 288, 435, 437, 441
Силезия 130, 260, 262, 263, 316, 322, 542
Симанкас 385, 535
Синд 567
Синин 111
Синт-Эустатиус, остров 134
Сираф 567
Сирия 115, 188, 567
Сицилия 14, 57, 83, 146, 182, 198, 215, 257, 259, 284, 285, 309, 423, 520, 550
Сицзян, река 141
Скандинавия 62, 316, 578
Скервенин 409
Сконе 247
Словакия 317
Смирна 61, 144, 145, 159, 173, 189, 406, 524
Смоланд 62
Сό 23, 24
Сог 313
Соединенные Провинции 44, 64, 90, 167, 200, 226, 345, 358, 360, 364, 408, 410, 418, 444—447, 507, 531, 534, 559, 580
Соединенные Штаты Америки (США) 430, 432, 469, 580
Солсбери 350
Сомма, река 334, 356
Сомюр 68
Сонпур 117
Соулс 409
Спилсби 31
Средиземноморье 86, 88, 116, 141, 143, 151, 158, 173, 174, 176, 178, 180, 181, 205, 217, 277, 356, 360, 364, 368, 387, 388, 401, 403, 434, 435, 444, 448, 463, 467, 566, 578, 592
Стамбул 25, 61, 109, 111, 141, 144—146, 151, 206, 263, 521, 605
Стамфорд 31
Стаффордшир 345
Страна Басков 45
Страсбург 49, 60, 309
Судан 186, 189, 193, 389
Сулавеси 186
Суматра 119, 186, 402, 404, 592, 593
Сурабайя 404
Сурат 110—113, 115, 130, 151, 211, 592—594
Суринам 226
Суффолк 273
Сучжоу 296
Суэц 115, 567
Сычуань 48, 106
Сюлли-на-Луаре 68
Сюси-ан-Бри 249

Тайвань (Формоза), остров 211, 464
Тайн, река 323
Танжер 376
Танта 116
Тапти, река 592
Тарнополь 60
Тегеран 524
Тежу (Тахо), река 24, 202
Тексель 159
Темза, река 17, 24, 25, 27, 129
Теночтитлан (Мехико) 13
Тибет 110, 111, 186
Тимгад 13
Тимор, остров 130
Тироль 155, 317, 318, 341
Тихий океан 108, 149, 150, 188, 210, 366, 430

Тлальтеко 13
Токай 38
Токио 600—602
Толедо 308, 345, 522
Тоннер 329
Торунь 80
Тоскана 17, 73, 158, 274, 280—282, 284, 327, 454, 495
Траванкур 211
Трансильвания 260, 309
Триана 140
Триполи 129, 173, 174, 518
Тробриан, острова 10, 216
Труа 18, 67, 78, 239, 313, 350
Туин, река 449
Тулон 145, 191
Тулуза 18, 138, 175, 306, 441, 499
Тунис 129, 190
Тур 296, 328, 329, 402, 416, 420, 496
Турень 525
Турин 324
Турция 110, 143, 144, 146, 151, 188, 189, 193, 226, 416, 417, 424, 542
Тюрингия 247, 348

Уаза, река 24
Уаймондхэм 32
Уанкавелика 320
Уилтшир 343, 350, 507
Украина 215, 297
Ульм 315, 351
Уоллатон 477
Уорксоп 477
Уорсоп 31
Уотфорд 25
Урал 302
Утрехт 94, 453
Уэльс 25, 27, 32, 390
Уэстморленд 51
Уэст-Райдинг 449

Фалез 72
Фалькенштейн 318
Фекенхэм 14
Феррара 146
Филиппины 143, 149, 166, 188, 602
Финляндия 63, 358
Фландрия 78, 198, 417, 502, 571
Флоренция 19, 35, 54, 67, 73, 84, 86, 88, 100, 116, 131, 156, 173, 174, 176, 240, 284, 292, 298, 309, 310, 315, 372, 385, 388, 390, 391, 405, 406, 410, 419, 435, 438, 468, 472, 476, 494, 495, 505, 508, 565, 572, 587—589
Флорида 161
Фонтенбло 132
Форез 248, 502
Форж 329
Формоза — см. Тайвань
Фосиньи 218, 349, 513
Франкония 243
Франкфурт-на-Майне 51, 72, 85, 132, 142, 153, 174, 179, 206, 309, 340, 379, 437, 549
Франция 49, 51, 55, 61, 64—67, 83, 91, 100, 101, 106, 107, 123—125, 132, 134, 135, 138, 141, 143, 146, 152, 153, 155, 159, 160, 168, 169, 173, 182, 183, 185, 191—194, 196, 198, 200—204, 207—210, 215, 225—227, 232, 241, 245, 248, 249, 253, 267, 270, 286—289, 292, 298—303, 306—308, 312, 313, 323, 324, 328, 329, 337, 345, 346, 348, 350—352, 355, 369, 372, 378, 386, 389, 390, 392, 393, 396, 397, 408, 411, 412, 418, 421, 426—428, 430, 431, 438, 440—443, 446, 454, 456, 458, 459, 469, 474, 480—483, 486—488, 491, 498, 500, 503, 504, 509, 516, 521, 524, 525, 527, 532, 535, 536, 539, 541, 542, 544, 545, 549, 551, 552, 556—559, 561, 574, 580, 592
Франш-Конте 35, 414, 571
Фрассо 245
Фрейберг 312
Фрейштадт 78
Фрисландия 377
Фурми 298
Фуцзянь 141, 591
Фучжоу 592

Хаддингтоншир 335
Хайдарабад 145
Хайнань, остров 186
Халланд, провинция 358
Халл 196
Хамбер, река 357
Ханчжоу 120
Хардвар 117
Харидж] 409
Хартфорд 25
Хёхст 340
Хиос, остров 152, 441
Хобсум 359
Хорасан 566
Хуанхэ (Желтая), река 141
Хунань 591
Хунсрюк 320, 348
Хэмпстед 25

Цейлон — см. Ланка
Целлерфельд 232
Центральный массив 289, 313
Цзянсу 119, 296
Цурцах 64
Цюрих 306, 309

Чандернагор 363
Чезена 35
Черноморье 25, 61, 141, 142, 151, 207, 259, 389, 390, 542
Чехия 38, 176, 241, 243, 260, 262, 316, 317, 319, 325
Чжэцзян 119
Чили 176, 369
Чэнду 120

Шалон 307, 329, 335
Шамбери 77
Шампань 77—79, 156, 250, 292, 307, 571, 580
Шанхай 296
Шарлевиль 46
Шароле 412
Шатильон 329
Шато-Гонтье 38
Шатодён 14, 487
Швац 318, 341
Швейцария 64, 169, 503
Швеция 62, 143, 205, 210, 320, 358, 377, 418, 454, 551
Шельда, река 452
Шенерай 68
Шираз 110, 111, 115
Шлезвиг 358
Шотландия 25, 27, 33, 286, 358, 390, 453, 510, 578
Шпейер 309
Штирия 136, 441
Штольберг 443
Шэньси 141

Эбингдон 498
Эвора 49
Эврё 18, 34, 38
Эгейское море 359
Эгморт 541
Эдинбург 33
Эдо — см. Токио
Эльба, река 286, 288, 348, 501, 578
Эльбёф 132
Эльзас 249, 250, 552
Эмден 358
Эмилия 35
Эно 302
Эпернэ 414
Эскюри 604
Эссекс 273
Эссонн, река 324, 329
Эстремадура 529
Эфиопия 13, 146

Юденбург 136
Юра швабская 300
Ютландия 247, 359

Ява, остров 90, 109, 114, 118, 145, 211, 448
Ямайка 129, 181, 183, 271, 272
Янцзы, река 48
Япония 121, 125, 130, 141, 143, 168, 187, 211, 320, 403, 404, 431, 485, 524, 578, 591, 592, 595, 599—604, 609, 610
Яссы 44
Яхимов — см. Йоахимсталь

ОГЛАВЛЕНИЕ

5 ПРЕДИСЛОВИЕ

Глава I 9 ОРУДИЯ ОБМЕНА

12 Европа: механизмы на нижнем пределе обменов
Обычные рынки, такие же, как сегодня 12. Города и рынки 13. Рынки множатся и специализируются 15. Городу приходится вмешиваться 22. Лондонский случай 25. Лучше всего было бы подсчитать 27. Истина английская, истина европейская 33. Рынки и рынки: рынок труда 35. Рынок — это граница, и граница подвижная 40. Ниже рынка 45. Лавки 46. Специализация и иерархизация идут своим чередом 53. Лавки завоевывают мир 55. Причины подъема 56. Избыточная активность разносчиков 60. Была ли торговля вразнос архаична? 65.

66 Европа: механизмы на верхнем пределе обменов
Ярмарки, старое, без конца переделываемое орудие 67. Города празднуют 73. Эволюция ярмарок 76. Ярмарки и кругооборот 78. Закат ярмарок 79. Хранилища, пакгаузы, склады, амбары 81. Биржи 84. Амстердам — рынок ценных бумаг 88. В Лондоне все начинается заново 94. Есть ли необходимость отправляться в Париж? 97. Биржи и деньги 99.

101 А что же мир за пределами Европы?
Рынки и лавки везде 102. Варьирующая площадь простейших рыночных ареалов 107. Мир мелких торговцев или негоциантов? 108. Банкиры-индусы 112. Мало бирж, но зато ярмарки 114. Была ли Европа на равных с остальным миром? 121.

123 Заключительные гипотезы

Глава 2 126 ЭКОНОМИКА ПЕРЕД ЛИЦОМ РЫНКОВ

126 Купцы и кругооборот торговли
Движение туда и обратно 127. Кругообороты и векселя 130. Невозможно замкнуть кругооборот — невозможно дело 131. О затруднительности возвратного этапа 133. Сотрудничество купцов 136. Сети торговых связей, разделение на зоны и завоевание их для торговли 140. Армяне и евреи 143. Португальцы и Испанская Америка: 1580—1640 гг. 148. Сети конфликтующие, сети исчезающие 150. Меньшинства-завоеватели 153.

156 Торговая прибавочная стоимость, предложение и спрос
Торговая прибавочная стоимость 156. Спрос и предложение: первопричина 161. Спрос сам по себе 166. Предложение само по себе 169.

173 У рынков своя география
Фирмы на своем пространстве 173. Городские пространства 177. Сырьевые рынки 179. Драгоценные металлы 184.

193 Национальные экономики и торговый баланс
«Торговый баланс» 194. Цифры, нуждающиеся в истолковании 195. Франция и Англия до и после 1700 г. 198. Англия и Португалия 201. Европа Восточная, Европа Западная 205. К глобальным балансам 207. Индия и Китай 210.

213 Определить место рынка
Саморегулирующийся рынок 214. Сквозь многие века 215. Может ли быть свидетелем нынешнее время? 219.

Глава 3 221 ПРОИЗВОДСТВО, ИЛИ КАПИТАЛИЗМ В ГОСТЯХ

222 Капитал, капиталист, капитализм
Слово «капитал» 223. Капиталист и капиталисты 226. «Капитализм» — очень недавнее слово 228. Реальность капитала 230. Капиталы основные и капиталы оборотные 233. Рассмотрим капитал в сети расчетов 235. Интерес анализа по секторам 239.

241 Земля и деньги
Предварительные условия капитализма 244. Численность, инертность, производительность крестьянских масс 245. Нищета и выживание 247. Длительная временная протяженность не исключает изменения 248. На Западе — еще не умерший сеньериальный порядок 250. В Монтальдео 255. Преодолевать препоны 257. Окраины в сердце Европы 259. Капитализм и вторичное закрепощение 259. Капитализм и американские плантации 265. Плантации Ямайки 271. Вернемся в сердце Европы 273. Вблизи Парижа: Бри во времена Людовика XIV 274. Венеция и ее материковые владения (Terra Ferma) 276. Римская Кампания в начале XIX в.: случай, отклоняющийся от нормы 280. Тосканские усадьбы исполу (poderi) 282. Зоны, продвинувшиеся вперед, были в меньшинстве 285. Случай Франции 286.

290 Капитализм и предпромышленность
Четырехчастная модель 290. Действительна ли схема Буржена за пределами Европы? 294. Не было разрыва между сельским хозяйством и предпромышленностью 297. Промышленность — добрый гений 299. Неустойчивые размещения 300. Из деревень в города и из городов в деревни 303. Существовали ли образцовые отрасли промышленности? 304. Купцы и ремесленные цехи 307. Надомничество (Verlagssystem) 310. Система надомничества в Германии 314. Рудники и промышленный капитализм 316. Рудники Нового Света 320. Соль, железо, каменный уголь 322. Мануфактуры и фабрики 324. Ванробэ в Абвиле 332. Капитал и счетоводство 335. О промышленных прибылях 338. Закон Уолтера Дж. Хоффмана (1955 г.) 341.

345 Транспорт и капиталистическое предприятие
Сухопутные перевозки 346. Речные перевозки 353. На морях 358. Бухгалтерские истины: капитал и труд 365.

368 Скорее отрицательный итог

Глава 4 370 КАПИТАЛИЗМ У СЕБЯ ДОМА

370 На вершине торгового сообщества
Торговая иерархия 372. Специализация — только внизу 374. Торговый успех 379. Лица, предоставляющие капитал 382. Кредит и банк 387. Деньги либо прячутся, либо находятся в обращении 392.

398 Капиталистические выбор и стратегия
Капиталистический дух 398. Торговля на дальние расстояния, или главный выигрыш 400. Обучаться, овладевать информацией 405. «Конкуренция без конкурентов» 411. Монополии в международном масштабе 415. Неудавшаяся попытка установления монополии: рынок кошенили в 1787 г. 420. Коварство монеты 423. Исключительные прибыли, исключительные отсрочки [платежей] 428.

433 Товарищества и компании
Товарищества: начало эволюций 433. Коммандитные товарищества 438. Общества акционерные 440. Мало продвинувшаяся эволюция 443. У крупных торговых компаний были предшественники 444. Тройное правило 445. Английские компании 449. Компании и конъюнктура 452. Компании и свобода торговли 455.

456 Снова трехчастное деление

Глава 5 460 ОБЩЕСТВО, ИЛИ «МНОЖЕСТВО МНОЖЕСТВ»

464 Социальные иерархии
Множественность обществ 466. Бросим взгляд по вертикали: ограниченное число привилегированных 468. Социальная мобильность 475. Как уловить перемену? 479. Синхронность социальных конъюнктур в Европе 481. Теория Анри Пиренна 482. Во Франции: джентри или дворянство мантии? 486. От городов к государствам: просто роскошь и роскошь показная 492. Революции и классовые бои 499. Несколько примеров 503. Порядок и беспорядок 508. Ниже нулевой отметки 510. Выйти из ада 518.

520 Всепоглощающее государство
Задачи государства 520. Поддержание порядка 522. Затраты превышают поступления: обращение к займам 525. Кастильские хурос и асьентос 528. Английская финансовая революция: 1688—1756 гг. 531. Бюджеты, конъюнктуры и национальный продукт 535. Поговорим о финансистах 540. От откупщиков к Королевским откупам 544. Экономическая политика государств: меркантилизм 550. Неза-

вершенное государство перед лицом общества и культуры 557. Государство, экономика, капитализм 562.

563 Не всегда цивилизации говорили «нет»
Каждому своя доля в культурной диффузии: мусульманская модель 564. Христианский мир и товар: раздоры из-за ростовщичества 568. Равнозначно ли пуританство капитализму? 575. Ретроспективная география многое объясняет 578. Равнозначен ли разуму капитализм? 581. Новый образ жизни: Флоренция Кватроченто 587. Другое время, иное видение мира 590.

591 Капитализм за пределами Европы
Чудеса торговли на дальние расстояния 591. Некоторые доводы и догадки Нормана Джекобса 594. Политика, и еще более общество 603.

609 И чтобы закончить

611 СПИСОК ГРАФИКОВ

612 СПИСОК КАРТ И СХЕМ

613 СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

616 УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

622 УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Фернан БРОДЕЛЬ

МАТЕРИАЛЬНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ, ЭКОНОМИКА И КАПИТАЛИЗМ,

XV—XVIII вв. Т. 2

ИГРЫ ОБМЕНА

Научная монография

Редактор *Н. В. Рудницкая*
Художник *О. Н. Гребенюк*
Художественный редактор *С. В. Красовский*
Технический редактор *Н. И. Касаткина, Л. В. Житникова*
Корректор *Г. А. Локшина*
ИБ № 15128
Сдано в набор 30.01.87. Подписано в печать 08.07.88. Формат $70 \times 100^1/_{16}$.
Бумага офсетная. Гарнитура тип Таймс. Печать офсетная. Условн. печ. л. 50,95.
Усл. кр.-отт. 104,57. Уч-изд. л. 53,87. Тираж 17 000 экз. Заказ № 127.
Цена 4 р. 90 к. Изд. № 41312.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 119841, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17.

Можайский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Можайск, 143200, ул. Мира, 93.